

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ
РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

***Мобилизационная модель экономики:
исторический опыт России XX века***

Челябинск
2009

УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2
М74

М74 Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века:
сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября
2009 г. / Под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : ООО «Энциклопедия»,
2009. – 571 с.

ISBN 978-5-91274-073-2

В сборнике научных статей представлены материалы всероссийской научной конференции «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века», состоявшейся 28 – 29 ноября 2009 года в Челябинском государственном университете. Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических и экономических отделений высших учебных заведений.

**Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
проект № 09-06-06088-г**

**УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2**

ISBN 978-5-91274-073-2

© Авторский коллектив, текст, 2009
© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы пленарного заседания

Седов В. В. Мобилизационная экономика: от практики к теории	7
Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования	9
Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель экономического развития: историко-теоретические проблемы	22
Бородкин Л. И. Об эффективности лагерной экономики: стимулирование труда в раннем ГУЛАГе	31

Мобилизационные ресурсы государства и механизмы управления экономикой

Абрамовский А. А. Организационно-правовые основы борьбы с экономической преступностью на Урале в первый год Советской власти	40
Анохина З. Н. Мобилизационные ресурсы государства в годы Первой мировой войны во взглядах депутатов IV Государственной Думы	43
Арнаутов Н. Б. Мобилизационные элементы советской идеологии 1930-х гг.	52
Братченко Т. М., Сенявский А. С. Имперская либерально-консервативная и советская мобилизационная модели экономического развития: сравнительный анализ	57
Зубков К. И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ	64
Ивлев Н. Н. Финансовые органы Челябинской области в годы Великой Отечественной войны	71
Кочнева К. А. Процесс проведения реформы А. Н. Косыгина. Как и почему был искажен замысел преобразований	79
Кравцова Е. С. Налоговые преобразования российского правительства в период Первой мировой войны	88
Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты)	95
Романов А. П. Предвосхищение мобилизационных процессов в проектах начального образования русских крестьян конца XIX – начала XX века	101
Рышков В. М. Антибольшевистские режимы на востоке России: мобилизационные возможности государства и общества	105
Страхов В. В. И. С. Блиох и А. А. Гулевич о финансово-экономических проблемах участия России в «большой» войне	112
Тимошенко А. И. Исторический опыт мобилизационных решений в российской государственной политике в XVII–XX вв.	120
Фокин А. А. Строительство коммунизма как вариант модернизации СССР	127
Хазиев Р. А. Мобилизация на Урале в 1917–1921 гг. : хозяйственная эффективность государственного администрирования экономики	134
Шапошников Г. Н. Мобилизационные механизмы в средствах связи Урала в годы Гражданской войны	140

Возможности и ограничения мобилизационной модели в процессах индустриального развития

Абрамовский А. П. Второй съезд представителей национализированных предприятий Урала о перспективах развития горнозаводской промышленности	149
Баканов С. А. Проблема обеспечения рабочей силой угольной промышленности Урала в контексте мобилизационных процессов первой половины XX века	155
Беспалов С. В. Последствия ускоренной индустриализации России в дебатах конца XIX – начала XX века	160
Буданов А. В. Военно-мобилизационная работа на предприятиях Челябинского совнархоза в 1957–1962 гг.	168
Жарков О. Ю. Реализация мобилизационных возможностей СССР при организации системы управления плутониевым производством	174
Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс – достижение экономики мобилизационного типа	180
Коньшева Е. В. Формирование промышленного города в условиях мобилизационной экономики	186
Меерович М. Г. Ассимилированное производство и советская модель мобилизационного «народного хозяйства»	199
Новоселов В. Н. Реализация мобилизационных возможностей советской экономики в процессе развития оборонно-промышленного комплекса СССР (1946–1965 гг.)	211

Парамонов В. Н. Инструментарий промышленной политики в советский период	221
Толстиков В. С. Структура и механизмы управления атомной промышленностью СССР (1945–1955 гг.)	228
Фельдман М. А. Мобилизационная экономика: теоретический постулат и реальность исполнения (уральский вариант)	236
Чуриков А. В. Возможности и ограничения эвакуации тяжелой промышленности в реалиях мобилизационной экономики	239

Человеческий фактор и человеческий капитал в условиях мобилизационной модели

Гоманенко О. А. Материально-бытовое положение и культурное обслуживание работников речного транспорта Нижневолжского пароходства в годы Второй мировой войны	246
Горшков А. В. Модели человека в мобилизационной экономике	250
Диденко Д. В. Социально-экономические аспекты модернизации советской образовательной системы в условиях догоняющего развития	253
Долголюк А. А. Жилищные условия сибирских строителей в первое послевоенное десятилетие	266
Запарий В. В., Зайцева Е. В. Образование и профессиональный уровень рабочих кадров как главное содержание человеческого капитала в условиях мобилизационной модели производственных отношений в СССР	272
Исаев В. И. Человеческий фактор в условиях форсированной индустриализации: некоторые аспекты уровня жизни рабочих Сибири в 1920–1930-х гг.	281
Кострикина Л. П. Иностранные специалисты на Магнитострое в годы первых пятилеток: попытка интеграции в советское общество	290
Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в экстремальных условиях (1929–1935 гг.)	297
Матвеева Н. В. Российско-немецкий этнос в условиях мобилизационной экономики	304
Федоров А. Н. Социальные аспекты мобилизационной экономики в годы Первой мировой войны (на материалах Центрально-промышленного района)	308

Организация труда и трудовые отношения в условиях мобилизационной экономики

Буряк Е. М. Принуждение в организации трудовых отношений в рамках мобилизационной экономики в первые годы советской власти	317
Гончаров Г. А. «Огосударственный труд» как элемент советской модели мобилизационной экономики: становление системы 1917–1940 гг.	323
Кириллов В. М. Принудительный труд в контексте мобилизационной экономики	330
Лончинская Л. Я. Трудовая мотивация населения в годы Великой Отечественной войны	335
Мухин М. Ю. Забытый эксперимент. Поиски нестандартных путей борьбы с текучестью кадров в советской авиапромышленности конца 1930-х гг.	343
Потемкина М. Н. Мобилизационная модель в условиях войны: трудовые отношения под прессом эвакуации	348
Рудомётова И. В. Кадры и трудовые отношения на предприятиях легкой и пищевой промышленности Челябинской области в условиях Второй мировой войны (1939–1945 гг.)	352
Сулейманова Р. Н. Труд женщин в народном хозяйстве БАССР в годы Великой Отечественной войны: региональные и национальные особенности	361
Суржикова Н. В. Хозяйство под принуждением: организация труда военнопленных на Урале в 1914–1917 гг.	368
Цепкалова А. А. Принудительный труд в контексте мобилизационной политики: трудовое использование заключенных ГУЛАГа на объектах каппостроительства Главпромстроя	375
Щеткин С. В. Проблемы развертывания стахановского движения в местах заключения в середине 1930-х годов (по материалам Челябинской области)	383

Негосударственный сектор экономики в условиях мобилизационной модели

Алеврас Н. Н. Адаптационная модель горноокружной системы уральской промышленности как выражение мобилизационного характера региональной горнозаводской культуры	387
Булатов В. В. Как частные японские рыбопромышленники эксплуатировали наши дальневосточные воды (1907–1928 гг.)	391
Воробьева А. Ю. Кооперативная промышленность в восстановительный период в Челябинской области (1945–1950 гг.)	399
Дорожкин А. Г. Частный сектор в российской индустрии в годы Первой мировой войны и проблема государственного регулирования в освещении германского россиеведения XX века	407

Кюнц П. А. Документальное наследие военно-промышленных комитетов: формирование источниковой базы историко-экономических исследований	416
Мотревич В. П. Заготовки сельскохозяйственной продукции в колхозах – как форма мобилизационной экономики в годы Великой Отечественной войны	424
Нарский И. В. «Смертельно раненый победитель»: Уральское крестьянство в 1917–1922 гг.	432
Панга Е. В. Частный сектор производства в условиях мобилизационной экономики 1920-х гг. (на примере Саратовского Поволжья)	442
Пасс А. А. Резервно-ресурсные функции кооперативных предприятий в советской мобилизационной экономике 1941 – 1945 гг. (на материалах Урала)	450
Роднов М. И. Горнозаводской хлебный рынок Уфимской губернии на рубеже XIX–XX вв.	454
Тимошенко В. П. «Смешанная экономика» НЭПа: от средства спасения к экспроприации	459
Хазиева М. А. Возрождение «уральских торгашей» в период нэпа: оттепель командно-административной модели социализма	466
Чернова Н. В. Организация и работа кооперативной артели в условиях строящегося города (на примере магнитогорской артели «Уралшвей»)	470

Долговременные последствия реализации и опыт реформирования мобилизационной модели

Бархатов И. В. Формы и модели глобализации как основополагающей тенденции мирового развития	478
Бархатов В. И. Влияние процесса глобализации на современные международные экономические отношения	484
Берсенева В. Л. Между централизмом и самостоятельностью: опыт реформирования отечественной экономики в XX веке	490
Гаврилов Д. В. Стратегические ресурсы развития черной металлургии России и Урала в условиях современного мирового финансово-экономического кризиса	497
Даванков А. Ю. Экономическая эффективность и социальная справедливость	508
Кондратьев Н. И. Интеграция национальной экономики в процесс глобализации	513
Латов Ю. В. Влияние нефтегазового комплекса на национальную экономическую безопасность России	517
Макарова Е. П. Формы поведения экономических субъектов в условиях перехода от мобилизационной к оптимизационной модели экономики	527
Макарова Л. И. Сравнительная характеристика неформальных норм поведения экономических субъектов в условиях мобилизационной и рыночной экономики	531
Никитин Л. В. Демобилизация и децентрализация: эволюция банковского пространства России в постсоветский период	537
Оруджиева А. Г. Качество населения в контексте социально-экономического развития территории (на примере Уральского федерального округа)	545
Плеханова А. В. Социальный капитал в современной экономике России	551
Трофимов А. В. К вопросу об исторической эффективности советской модели развития	556

Материалы «Круглого стола»

Гришина Н. В., Кузнецов В. М. Концепт «мобилизационная экономика» в современных российских учебниках по отечественной истории	561

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Седов В. В.

Бокарев Ю. П.

Сенявский А. С.

Бородкин Л. И.

Седов В. В.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ОТ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ

В современных вузовских учебниках по экономической теории советская экономика рассматривается как продукт теоретических положений марксизма-ленинизма. В этой связи основной критический пафос авторов сводится к утверждениям о том, что реализация на практике «ложной» теории привела к возникновению «дефективной» экономики. На самом деле, как показывает история СССР, завершившееся в 1930-е гг. формирование советской экономики шло не от теории, а от практики, точнее, практической необходимости, лишь задним числом получая теоретическое обоснование. Отрыв теории от практики привел к тому, что в 1982 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов был вынужден признать: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся»¹. Понадобились распад СССР и произошедшие после этого изменения на постсоветском пространстве и в мире в целом для того, чтобы, наконец, понять то, что сущность советской экономики определялась ее мобилизационным характером.

Классическое определение мобилизационности дал А. Г. Фонотов: «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития»². Исходя из этого определения, отметим, что мобилизационной является экономика, ресурсы которой сосредоточены и используются для противодействия тому, что угрожает существованию страны как целостной системе.

Ведущую роль в такой экономике играет государство. Оно является единственным субъектом, способным в масштабах общества обеспечить мобилизацию необходимых ресурсов на решение им же поставленных задач. Причем решение должно быть безотлагательным, так что мобилизационная экономика действительно предстает как экономика чрезвычайных обстоятельств. В СССР мобилизационная экономика стала формироваться в конце 1920-х гг. в ответ на угрозу нападения извне. Такую экономику отличают следующие признаки:

1. Наличие угрозы существованию общества как целостной системы и ее осознание руководителями государства.
2. Постановка руководителями государства цели, заключающейся в устранении этой угрозы или противодействии ей.
3. Разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели.
4. Организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы.

Мобилизационности, как сознательно осуществляемой деятельности людей, присущ ряд характерных принципов:

- Принцип главного звена. Он предполагает концентрацию ресурсов в том звене экономической системы, от которой зависит успех противодействия нависшей над системой угрозе, в том числе за счет их изъятия из других менее важных, с точки зрения достижения поставленной цели, звеньев экономики.
- Принцип достижения цели любой ценой и преимущественное использование в этой связи неэкономических методов воздействия на тех, от кого зависит достижение цели.
- Принцип командности. Он предполагает то, что все субъекты экономики представляют собой единую команду, совместно решающую общую задачу.
- Принцип дискретности. Мобилизационность не может быть постоянно существующим явлением. Если достижение поставленной цели затянулось во времени, то неизбежно ослабление мобилизационности, в силу возникновения у вовлеченных в нее людей определенной усталости.
- Принцип сознательности. Необходимость мобилизационности и связанных с ней жертв ради противодействия нависшей над системой угрозе должна осознаваться вовлеченными в нее субъектами. В этом случае данный принцип способен противодействовать предыдущему и мобилизационность в обществе может поддерживаться относительно долго.

Содержание принципов мобилизационности указывает на действие в мобилизационной экономике такого фактора, как особый духовный подъем населения, его готовность идти на временные лишения и даже жертвы. Вот почему в мобилизационной экономике исключительное значение приобретают моральные, нравственные, психологические, то есть нематериальные, факторы, относимые к тому, что называют надстройкой общества. Во многом от них зависит потенциал мобилизационности, определяющий способность достигать поставленной цели при данных ресурсах.

В СССР эффект мобилизационности был значительно усилен объявлением руководством ВКП(б) в конце 1920-х гг. курса на «развернутое строительство социализма». Это вызвало трудовой подъем, названный тогда энтузиазмом, который оказался сродни «духу мобилизационности», хотя социализм отнюдь не предполагает мобилизационную экономику как свою основу, но в данных исторических условиях произошло взаимное наложение мобилизационности и социализма. Они оказались настолько тесно связанными и дополняющими друг друга, что есть все основания говорить о возникновении в СССР «мобилизационного социализма».

Родовой основой советского «мобилизационного социализма» стал общинный дух, господствовавший в деревне, сохранившийся и среди городского населения, особенно среди рабочих, где он проя-

вился в том, что стали называть «трудовой коллектив». Он в корне противоречил духу индивидуализма, лежавшего в основе западного капиталистического общества. Вот почему советский социализм с самого начала оказался антиподом капитализма, ставшего его внешним окружением.

При проведении индустриализации мобилизационность распространилась практически на всю экономику, найдя отражение в системе экономических отношений. Под ее воздействием в сложившемся в 1930-е гг. хозяйственном механизме стали доминировать командные методы, с помощью которых обеспечивался централизм в управлении народным хозяйством, директивность планирования, фондовое распределение ресурсов, жесткий контроль над ценами. Необходимо при этом обратить внимание на то, что не мобилизационность явилась результатом утвердившихся командных методов, а наоборот, командной экономика стала под воздействием мобилизационности.

Современные критики сталинизма, давая разгромные характеристики построенной в 1930-е гг. в СССР экономике, сами по существу ничего не предлагают в качестве альтернативы. Речь идет о той альтернативе, которая позволила бы стране победить германский фашизм и японский милитаризм, обеспечить целостность и независимость страны.

Мобилизационность советской экономики пришлось поддерживать и после окончания войны. Были разрушены 1710 городов и поселков, свыше 70 тыс. деревень, 31850 предприятий. За время войны страна потеряла свыше 20 млн жизней наиболее трудоспособной и производительной части населения, почти 30 % национального богатства, а в районах, подвергшихся оккупации – около 2/3³. Сохранение мобилизационности позволило быстро восстановить разрушенное войной народное хозяйство, несмотря на огромный масштаб разрушений. Уже в 1950 г. – всего через пять лет после войны – промышленное производство составило 172% от довоенного 1940 г.

Однако и после восстановления разрушенного войной хозяйства мобилизационный характер советской экономики сохранялся, так как возникла новая военная угроза для страны. В августе 1948 г. Советом национальной безопасности США была принята директива «Цели США в войне против России», где подтверждались планы разгрома и расчленения СССР, но не указывались конкретные сроки этого. В меморандуме Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 г. под названием «Цель США в отношении России» говорилось: «Наши цели в отношении Советского Союза, если они не могут быть осуществлены средствами, граничащими с войной, должны быть достигнуты с помощью настоящей войны, ибо наша задача – свергнуть советскую власть и разрушить СССР»⁴.

В этих условиях СССР ничего не оставалось, как сохранять мобилизационность экономики, направленную на обеспечение безопасности страны. Благодаря невероятным усилиям удалось создать и уже в 1949 г. испытать атомное оружие. В 1950-х гг. была создана водородная бомба, затем межконтинентальные баллистические ракеты. У страны появился надежный ракетно-ядерный щит.

Мобилизационный характер советской экономики во многом обусловил появление у правящих кругов Запада понимания невозможности победы над СССР в открытой войне, что позволило на длительное время обеспечить мир в Европе. Это дает основание говорить о всемирно-историческом значении мобилизационной экономики СССР.

Но война против СССР не прекратилась – она поменяла форму, став не «горячей», а «холодной». Холодная война характеризовалась многообразием средств ее ведения, гонка вооружений была лишь частью этих средств. Противостоять в такой войне можно было, имея повышенную гибкость общественного устройства, прежде всего экономики. Однако для мобилизационной экономики характерен крайний консерватизм. В СССР эта особенность была обусловлена жесткостью построения самой экономики и системы народнохозяйственного управления, относившейся к типу иерархичных систем. Именно иерархичный тип управления оказывается наиболее эффективным в условиях чрезвычайных обстоятельств, но в отличие от сетевого управления характеризуется отсутствием гибкости.

Консерватизм советской экономики закреплялся формированием довольно стабильной системы институтов. Это – институт стоящего во главе государства «вождя», практически несменяемого, институт одной партии как мобилизующей силы общества, институт устоявшейся идеологии, наконец, – институт директивного планирования.

В условиях действия принципа дискретности консерватизм мобилизационной экономики скрывал вероятность поражения страны в «холодной войне» с Западом. Долгое время консерватизм мобилизационной экономики компенсировался наличием «теневого» сектора экономики, который включал в себя: неформальную экономику, фиктивную экономику, «вторую» экономику, а также «черную», близкую к криминальной, экономику. Так как основой существования «теневого» сектора была официальная советская экономика, на которой строилось благополучие «теневигов», то этот сектор не отрицал легальную экономику как свою основу, являясь дополнительным и достаточно мощным фактором ее консервации, в том числе и консервации ее недостатков, прежде всего дефицита.

Поскольку в товарном дефиците оказались заинтересованными не только дельцы теневого бизнеса, но и работники сферы торговли и обслуживания, то это явление стало приобретать устойчивый и все более раздражающий остальное население характер – в принципе можно было купить любой товар и получить любую услугу, но за дополнительные деньги. Сильная зависимость мобилизационной экономики от субъективного фактора создавала возможность искусственного создания дефицита тех товаров, на продаже которых в теневом секторе можно было делать крупные состояния. На завершающем этапе «перестройки» эта возможность стала использоваться для сколачивания капиталов «теневигов» и для дискредитации социализма как общественной системы. Впоследствии, с началом «радикальных

реформ», когда стало возможным легализовать этот капитал, именно теневой сектор стал экономической основой капитализации общества.

Однако главным субъектом подобной капитализации стала партийно-хозяйственная элита страны. Долгое время эта элита, именовавшаяся номенклатурой, выполняла роль управляющего общественной собственностью, не представляя собой отдельного класса подобно рабочему классу или крестьянству. Но поскольку все реформы, проводившиеся в СССР, вели к расширению товарно-денежных отношений, то постепенно происходило ослабление общенародного характера государственной собственности. Это являлось объективной основой обособления распоряжавшейся ей номенклатуры и появления у нее признаков господствующего класса с соответствующими экономическими интересами. Для окончательного ее формирования как класса было необходимо превращение государственной собственности в частную. На этом пути социализм становился помехой, которую следовало устранить. Идеалом общественного устройства для номенклатуры стало западное буржуазное общество. В итоге в СССР сложилась ситуация, при которой «верхи не хотели управлять по-старому».

Отмеченный классообразующий процесс находил отражение в системе социально-экономических отношений, в том числе в отношениях номенклатуры и остального населения страны. Нарастало отчуждение трудящихся от собственности на средства производства. При этом, однако, незыблемой оставалась политическая система «мобилизационного социализма» в силу его консерватизма со всеми институтами, ритуалами, с продолжавшейся гонкой вооружений, то и дело возникавшим дефицитом различных товаров. У населения в этих условиях накаливалась усталость, напоминавшая усталость воинов, которые после длительной защиты своей крепости утратили понимание необходимости ее защиты и мечтающие о спокойной мирной жизни. В результате в обществе возникла другая неклассическая ситуация, когда «низы не могли жить по старому». Так что в своем стремлении изменить общественный строй «верхи» получили поддержку «низов».

Тем самым произошло «удачное» сочетание внутренних противоречий мобилизационной экономики с планами геостратегических противников СССР. Последним оставалось найти повод для организации в августе 1991 г. прототипа «оранжевой революции» и начать расчленение СССР как единого государства.

Таким образом, опыт СССР показывает жизненную важность адекватного отражения теорией существующей практики. Только в этом случае можно видеть возникающие в обществе противоречия и принимать необходимые для их разрешения меры. Подобный вывод крайне актуален и для современной России. Над страной нависли серьезные угрозы, обусловленные периферийным характером российского капитализма, утратой многих видов национальной безопасности, вовлечением ее экономики в мировой финансово-экономический кризис. Очевидно, что поиски мер по устранению этих угроз не могут быть успешными без обращения к теории мобилизационной экономики.

Примечания

¹ Андропов Ю. В. Избранные статьи и речи. М., 1983. С. 294.

² Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 88.

³ Градов А. П. Национальная экономика. Курс лекций. СПб., 1997. С. 45.

⁴ Цит. по: Кудинов В. П. Международные позиции России на рубеже XX–XXI веков. Уфа, 1998. С. 14.

Бокарев Ю. П.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мобилизационная экономическая стратегия. Дать определение понятию «мобилизационная экономика» не так-то просто. Бытующее в экономических словарях определение мобилизационной экономики как такого типа «экономических отношений, при которых все ресурсы страны направляются на одну или несколько приоритетных целей в ущерб другим отраслям, что нарушает гармоничность развития страны» вызывает ряд недоуменных вопросов: что такое «гармоничность развития страны»? каковы этому критерии? соблюдается ли гармоничность при иных типах экономических отношений? Например, в современной России экономическое развитие направляется в сторону нефтегазового комплекса в ущерб иным отраслям. Считать ли такую экономику «мобилизационной» или «гармоничной»?

В 1999 г. в редакции «Независимой газеты» состоялся круглый стол на тему: «Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России?» Более или менее логичное определение понятия дали только сторонники перехода России к мобилизационной экономике, тогда как противники ограничились только их критикой.

Так, согласно С. Ю. Глазеву: «...мобилизационная экономика – это такая система регулирования экономической деятельности, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов. Не стоит думать, что мобилизационная экономика может быть только директивной или административной». Академик Л. И. Абалкин дал следующее определение: «Я бы трактовал мобилизационную экономику как антикризисную экономику, связанную с чрезвычайными обстоятельствами»¹. В то же время Евгений Ясин утверждал, что «государственное регулирование

называть мобилизационной экономикой не совсем корректно». А Андрей Илларионов вообще заявил, что «мобилизационная экономика находится вне пределов исследования науки «экономика».

В какой-то степени с Илларионовым можно согласиться: сама по себе экономика не может быть мобилизационной. Мобилизационной может быть лишь экономическая стратегия государства, когда оно принимает на себя выполнение всех тех необходимых экономических функций, с которыми по тем или иным причинам не справляется экономика свободного предпринимательства. Обычно так происходит в периоды национальных бедствий: войны, экономические кризисы, голодовки, эпидемии и т. д. Однако опыт России показывает, что мобилизационная экономическая стратегия оказывается весьма эффективной для преодоления экономической отсталости, ликвидации диспропорций в народнохозяйственном развитии, стимуляции развития стратегически важных производств.

В настоящем докладе предпринимается попытка показать, как складывается и действует мобилизационная экономическая стратегия в условиях войны.

Усиление государственного регулирования. С XIX в. государство оказывало растущее воздействие на экономику с помощью законодательства, налогообложения, административного управления, контролировало макроэкономическую среду и выступало в роли самостоятельного хозяйственного субъекта. В годы первой мировой войны государственное регулирование экономики значительно усилилось. Во всех воевавших государствах и большинстве нейтральных стран правительство брало на себя обеспечение сырьем и продуктами питания, контролировало военное производство, транспорт и трудовые отношения.

Война вынуждала государство влиять на экономическую жизнь даже в тех случаях, когда оно не ставило перед собой такой задачи. Мобилизуя в армию мужчин, размещая военные заказы промышленности, используя гражданские средства сообщения для военных нужд, реквизируя продукты питания, лошадей, паровозы, суда, производя физические разрушения в зоне боевых действий, государство создавало для экономики серьезные трудности.

Проблемы военного времени были сходными во всех воевавших странах. Ни одна из них не была готова к длительному военному противоборству. Быстро обнаружились узкие места, прежде всего в области сырьевых и трудовых ресурсов, а также в деле снабжения населения и армии продуктами питания. Однако методы решения этих проблем совпадали лишь отчасти. Они зависели от остроты проблем, характера экономических взаимоотношений, национального менталитета. Дальше всех в сфере государственного регулирования экономики пошли Германия, Австро-Венгрия и особенно Россия. В США, Великобритании и Франции государственное вмешательство в экономику было менее решительным.

Мобилизационная экономика Германии. В Германии сразу же после начала войны Вальтер Ратенау, возглавлявший Всеобщую Компанию Электричества (АЭГ), обратил внимание прусского военного министерства на напряженную ситуацию в промышленности, и 13 августа 1914 г. в этом министерстве был создан военно-сырьевой отдел под руководством Ратенау. Этот отдел взял под свой контроль всю сырьевую промышленность империи. С помощью организованных компаний сырья (*Rohstoffgesellschaften*) производились учет, закупка, складирование и продажа сырья, составлялись планы закупки сырьевых материалов за границей и производства искусственных заменителей природного сырья.

Эти компании именовались акционерными обществами или обществами с ограниченной ответственностью; в их капитале участвовали крупнейшие потребители сырья, прежде всего крупные фирмы оборонной промышленности. Однако получение прибыли не имело значения для их работы, так как их деятельность была важна для общества независимо от рыночной конъюнктуры.

Военное производство было привязано к совместной работе прусского военного министерства, высшего армейского командования и германского военно-промышленного комитета формально не столь жестко. Однако все промышленники координировали свою деятельность с военными властями.

Одновременно применялись меры по привлечению частного капитала в важные с военной точки зрения отрасли промышленности. Это достигалось за счет увеличения дивидендов, выплачиваемым по акциям (см. табл. 1).

Таблица 1

Дивиденды по всей немецкой промышленности и отраслям, производящим оружие, в %

Год	Вся промышленность	Черная металлургия	Химическая промышленность
1913/14	7,96	8,33	5,94
1914/15	5,00	5,69	5,43
1915/16	5,90	10,00	9,69
1916/17	6,52	14,58	11,81
1917/18	5,41	9,60	10,88

Источник: Deutschland im ersten Weltkrieg. B. 3. November 1917 bis November 1918. Zweite, durchgesehene Auflage. Berlin. Akademie-Verlag. 1970. S. 570.

Дивиденды по всей промышленности за время войны упали, а по важным в военном отношении отраслям возросли. Такая организация позволила изменить распределение капиталовложений по разным отраслям производства. Если общую сумму капиталовложений принять за 100 %, то объем капиталовложений в машиностроительной промышленности увеличился с 13,9 %, в 1914 г. до 24,6 % в 1916 г., в химической промышленности – соответственно с 5,8 до 17,5 %, в текстильной – с 1,5 до 2,2 %, в электротехнической – с 0,9 до 11,6 %. В то же время капиталовложения в строительство электростанций и в газовую промышленность сократились с 12,8 до 3 %, в строительную промышленность – с 2,8 до 1,3 %. Резко также сократились капиталовложения в сельское хозяйство (с 2,1 до 0,6 %) и в транспорт (с 10,9 до 6,7 %)².

Изменилась отраслевая структура немецкой промышленной продукции. Значительно возросла алюминиевая промышленность Германии, главным образом из-за спроса на алюминий со стороны быстро развивавшегося авиационного производства. До войны она находилась в зачаточном состоянии и работала на привозимых из Франции бокситах. В 1916 г. залежи бокситов были найдены на территории Австро-Венгрии, и выплавка алюминия в 1917 г. повысилась до 20 тыс. т против 1 тыс. т в 1913 г.³. Выросла также азотная промышленность. В частности, продукция азота увеличилась с 121 тыс. т в 1913 г. до 400 тыс. т в 1918 г. Всего же в 1918 г. все азотные установки дали 2,4 млн т азотных соединений⁴. Продукция медеплавильной промышленности Германии, хотя и увеличилась, но все же не удовлетворяла спроса. Дело в том, что до войны Германия ежегодно импортировала десятки тысяч тонн меди. Во время войны импорт меди из заокеанских стран прекратился. Поэтому появился недостаток меди.

Производство железорудной и металлургической промышленности несколько сократилось. Добыча железной руды уже в 1914 г. упала с 35,9 млн т до 25,5 млн т, а в 1915 г. – до 23,7 млн т. В 1916 г. благодаря программе Гинденбурга она возросла, но в 1917 г. произошло новое падение добычи руды, что было вызвано недостатком рабочей силы и снижением производительности труда. Выплавка чугуна в Германии сократилась с 19,3 млн т в 1913 г. до 11,9 млн т в 1918 г. Производство стали сократилось с 18,9 млн т в 1913 г. до 14,1 млн т в 1918 г. Это было вызвано, прежде всего, затруднениями в доставке каменного угля и руды на металлургические заводы, а также снижением производительности труда. Выплавка свинца в Германии во время войны сократилась более значительно: с 191 тыс. т в 1913 г. до 75 тыс. в 1918 г. Падение выплавки свинца было связано с прекращением импорта свинцовой руды. Выплавка цинка сократилась с 279 тыс. т в 1913 г. до 185 тыс. т в 1918 г., но здесь убыль производства частично компенсировалась прекращением экспорта цинка за границу.

Сокращение производства черных и цветных металлов правительство компенсировало нормированным распределением их между промышленными предприятиями. Кроме того, в военной индустрии стала широко применяться замена дефицитных металлов другими материалами. Например, вместо латунной гильзы стали применять железо-стальную, вместо никеля для оболочки пуль применялись другие материалы, причем все эти изменения были проведены без заметного влияния на качество стрельбы. Наиболее распространенным заменителем для всех металлов было железо. Оно использовалось в шрапнельных пулях, гильзах, трубках, ведущих поясах и т. п. Процентное содержание никеля в стали с 4–8 % было снижено до 1–3 %. Содержание олова в припое было снижено с 50 до 20 %, сталь для высоких напряжений с 30 % содержанием вольфрама впоследствии имела те же механические качества при 10–15 % содержании вольфрама. За счет этого нормы потребления меди в военной промышленности были снижены до одной восьмой мирного потребления, а в частном потреблении для меди, олова, никеля, ртути, вольфрама и т. д. – до одной десятой и ниже⁵.

Развертывание военного производства в Германии делится на два периода: первый – с сентября 1914 и до октября 1916 г.; второй – с октября 1916 г., то есть со дня принятия так называемой «программы Гинденбурга», предусматривавшей принудительный перевод рабочих из невоенных отраслей промышленности в распоряжение военной индустрии, введение трудовой повинности для женщин и т. п., что привело к значительному увеличению выпуска военной продукции.

По изготовлению винтовок и пулеметов германская промышленность превзошла все воевавшие европейские страны. Месячное производство винтовок по мобилизационному плану должно было быть доведено на пятый месяц войны до 30 тыс. штук. Однако потребность в винтовках значительно превзошла довоенные расчеты. Вследствие этого производство винтовок возрастало быстрыми темпами. Месячное производство винтовок определялось на июль месяц каждого года следующими цифрами: 100 тыс. – в 1915 г., 250 тыс. – в 1916 г., 210 тыс. – в 1917 г., 110 тыс. – в 1918 г.⁶. За все время войны в Германии было изготовлено 280 тыс. пулеметов^{36}. Производство пулеметов увеличивалось следующим образом: 200 штук в месяц – в 1914 г., 800 – к концу 1915 г., 2300 – в августе 1916 г., 7000 – весной 1917 г. и 14000 – осенью 1917 г.⁷. Такой рост производства винтовок и пулеметов в Германии был обусловлен кооперацией машиностроительных предприятий со специальными военными заводами, созданной системой Ратенау.

Производительность заводов, изготовлявших легкие артиллерийские орудия, была доведена к концу 1915 г. до 480 орудий в месяц. Однако для удовлетворения потребностей фронта этого оказалось недостаточно. Поэтому для производства полевых орудий пришлось привлечь десятки металлургических и машиностроительных заводов. Производство тяжелых орудий оставалось в руках старых орудийных заводов Круппа и Шпандау. В 1915 г. было изготовлено 4 тыс. орудийных стволов, в 1916 г. – 14 тыс., в 1917 г. – 24 тыс., а в 1918 г. – 22 тыс. Максимальная месячная продукция достигала 2 900 орудийных стволов всех калибров⁸.

К производству снарядов еще в мирное время были подготовлены некоторые гражданские предприятия, получившие задание на выработку 350 тыс. снарядов в месяц. Первые месяцы войны показали недостаточность намеченного задания. Вследствие этого к изготовлению снарядов были привлечены еще сотни предприятий. В результате месячная производительность снарядов увеличилась с 1 млн штук в октябре 1914 г. до 11 млн штук в сентябре 1918 г. За всю войну в Германии было изготовлено 306 млн артиллерийских снарядов⁹.

Производство пороха в Германии в первые годы войны было недостаточным, что ограничивало производство боеприпасов. Для расширения производства пороха недоставало хлопка, селитры, пиритов, камфары, глицерина. В результате увеличения внутреннего производства и импорта этих материалов производство пороха стало возрастать из месяца в месяц и составило в 1918 г. 14,4 тыс. т вместо 1 тыс. т в 1914 г.¹⁰.

Производство отравляющих веществ в Германии получило широкое развитие. За время войны в стране было произведено 50 тыс. т разных отравляющих газов, не считая хлора, в то время как во Франции было изготовлено всего лишь 25 тыс. т ОВ¹¹.

Впрочем, и по другим видам вооружений противники Германии не могли с ней состязаться. Все это было достигнуто благодаря мобилизационной экономической стратегии немецкого государства.

Поскольку военные расходы государства шли главным образом на заказы промышленникам, война обогатила производителей вооружения. Точные размеры полученной ими в результате войны прибыли остались завуалированными. Предприниматели скрывали от государства и общественности подлинные размеры своей прибыли от производства вооружений, опасаясь увеличения налоговых платежей, государственных заимствований резервов капитала и конфискации части накоплений.

По подсчетам немецких историков прибыль производителей вооружений в Германии за все годы войны составила примерно 50 млрд марок¹². В таблице 2 приведены данные о чистой прибыли, амортизационных отчислениях и дивидендах некоторых военных промышленных предприятий, по которым существует более или менее точная бухгалтерская отчетность, за три первых года войны.

Таблица 2

Чистая прибыль (П), амортизационные отчисления (А) и дивиденды (Д) ряда производителей вооружений в Германии за три года войны

	1914/15			1915/16			1916/17		
	П*	А*	Д**	П*	А*	Д**	П*	А*	Д**
Bismarckhütte	3,9	4,5	15	5,7	4,9	25	5,4	10,5	30
Bochumer Verein	7,4	4,4	14	15,3	5,3	25	15,5	5,3	25
Hoesch AG	1,0	4,4	12	8,8	5,0	20	17,5	10,2	24
Phoenix	15,4	12,6	12	23,2	14,0	20	52,4	16,7	20
Mannesmann	8,1	2,9	10	16,9	3,8	15	24,7	12,8	18
Rheinische Stahlwerke	2,8	4,0	6	5,0	7,2	10	8,1	9,0	12,5
* В миллионах марок.									
** В процентах к акционерному капиталу.									
Источник: Deutschland im ersten Weltkrieg. B. 3. November 1917 bis November 1918. Zweite, durchgesehene Auflage. Berlin. Akademie-Verlag. 1970. S. 569.									

Прибыль в немецкой военной промышленности за время войны удвоилась, а если принять во внимание недостоверность налоговых деклараций предпринимателей, возможно, даже утроилась. Выплачиваемые акционерам военных предприятий дивиденды на второй и третий годы войны не опускались ниже 10 %, а нередко превышали 20 %. Поскольку не все эти нажитые капиталы могли найти применение в стране, началось бегство капиталов из Германии в Нидерланды. Это было одним из минусов мобилизационной экономики.

Однако далеко не все предприниматели могли нажиться на войне. Такие отрасли экономики, как например, жилищное строительство, текстильная промышленность или гражданское судостроение, не получавшие военных заказов, оказались низкоприбыльными или даже убыточными. Не имея возможности выплачивать такие же высокие дивиденды, как производители вооружений, они теряли инвесторов и акционерный капитал. Поэтому, несмотря на огромные доходы производителей вооружений, в целом по всей немецкой промышленности прибыльность за годы войны снизилась по сравнению с мирным временем. Если в отраслях, производящих оружие, процент выплачиваемых дивидендов в отношении к величине акционерного капитала за годы войны увеличивался, то в целом по всей промышленности он снижался.

С первых же месяцев войны в Германии перестало соблюдаться трудовое законодательство. Правительственные циркуляры рекомендовали инспекторам проявлять максимальную терпимость к предпринимателям, нарушавшим законы о труде. Продолжительность рабочего дня была увеличена,

ограничения на труд женщин и подростков были ослаблены. В Германии была введена трудовая повинность и издан закон, закреплявший за военными предприятиями всех призванных в порядке трудовой повинности. Принуждение к труду иммигрантов, беженцев и колониальных рабочих состояло в том, что трудоустройство было условием предоставления им крова и пищи. Принудительный труд применялся в отношении некоторых категорий заключенных и военнопленных.

Война вынудила власти Германии принять особые меры в сфере занятости и привела к существенным переменам в структуре занятости. Значительная часть взрослых квалифицированных рабочих была призвана в армию. Позиционный характер войны позволил вернуть промышленности часть мобилизованных. Всего было возвращено из армии до 1,2 млн промышленных рабочих.

Из-за растущей нехватки продовольствия в Германии было введено нормированное распределение главных продуктов. Однако избежать голода в конце войны все же не удалось. Дневной пищевой паек немецкого рабочего сократился к 1917 г. до 1000 калорий, т. е. в 3,5 раза, а среднее душевое потребление мяса и жиров с 1913 по 1918 г. уменьшилось в 8 раз. В результате Германия оказалась во власти социальных движений, окончившихся ноябрьской революцией 1918 г.

Таким образом, немецкая мобилизационная экономика, хотя и обеспечила успешное развитие военного производства, но с момента принятия «программы Гинденбурга», учитывавшей только потребности вооруженных сил и не сочетавшейся с экономическими возможностями страны, вызвала чрезмерное напряжение производительных сил, вызвало резкие диспропорции в развитии военных и гражданских отраслей хозяйства, нарушение политической стабильности.

Немецкая система мобилизационной экономики оказала большое влияние на другие воевавшие страны. Австро-Венгрия организовала распределение сырья по образцу Германии. Производство вооружений было поставлено под строгий военный контроль. В ходе войны Австрия также создала обширную военно-экономическую организацию, которая одной ногой опиралась на министерскую бюрократию, а другой – на созданные «союзы самоуправления хозяйством» (*Selbstverwaltungsverbände der Wirtschaft*).

Мобилизационная экономика России. В России 10 августа 1915 г. было создано Особое совещание по обороне, принявшее от военного министерства ответственность за производство вооружения. Помимо чиновников и генералитета в него входили депутаты от общественности и промышленники. Председатель Особого совещания по обороне военный министр А. А. Поливанов был наделен широкими, почти диктаторскими полномочиями в вопросах организации военной экономики. Кроме того, было создано еще три особых совещания с чрезвычайными полномочиями: по топливу, транспорту и продовольствию¹³.

Весной 1915 г. предприниматели создали сеть военно-промышленных комитетов как самоуправляющихся органов, с центральной организацией в Петрограде, руководившей региональными и местными отделениями. Комитеты призваны были содействовать перестройке частной промышленности на производство военной продукции, а также служили для связи с Особым совещанием по обороне, которое через военно-промышленные комитеты распределяло около половины военных заказов.

В России в 1915 г. выплачиваемые акционерам дивиденды по сравнению с 1913 г. составили: в льняной промышленности 209,9 %, в шерстяной – 199,1 %, в хлопчатобумажной – 198,1 %¹⁴. То есть они были весьма привлекательны для частных инвесторов.

Однако российское правительство пошло значительно дальше в деле регулирования экономики и огосударствления военных предприятий. Им использовались такие методы, как закрытие предприятий поданных враждебных государств, принудительное объединение и перепрофилирование промышленных предприятий, реквизиции и секвестр.

В сентябре 1914 г. правительство издало серию постановлений, согласно которым германским, австро-венгерским и турецким поданным, находившимся на территории Российской империи, запрещалось владеть и приобретать в собственность недвижимое имущество, занимать ответственные должности в правлениях акционерных обществ. Земельные владения граждан государств Тройственного союза, хотя бы и состоявших в российском подданстве, в приграничных и приморских областях, в прифронтовой полосе подлежали принудительной продаже русским поданным. Акционерные общества, владевшие недвижимостью на условиях найма или аренды, теряли права по истечении года после публикации постановлений. К концу 1914 г. из 34 акционерных компаний, учрежденных на основании германских и австрийских законов и допущенных к действию в России, 15 были закрыты, 5 подчинены правительственному надзору, 4 секвестрованы, имущество ряда компаний полностью или частично подверглось реквизиции.

Постановлениями Совета министров от 1 июля и 27 августа 1916 г. был образован особый комитет «по борьбе с немецким засильем». В его задачу входило «объединение, согласование и руководство направлением деятельности правительственных и общественных учреждений и должностных лиц по осуществлению распоряжений правительства, ограничивающих права неприятельских подданных, а также мероприятий по освобождению страны от германского влияния во всех областях народной жизни».

Подданные стран – военных противников в России были обязаны уведомить власти о наличии у них имущества, если его стоимость превышала 500 рублей. Продажа, передача, залог этого имущества допускались только с разрешения специально учрежденного Особого комитета для учета убытков, понесенных русскими подданными вне России, а суммы, вырученные от реализации имущества, должны

были вноситься на специальный счет в Государственном банке. Правительство запретило подданным стран Центральных держав предпринимательскую деятельность, отменило выдачу свидетельств на открытие ими новых промышленных предприятий, а действующие предприятия подлежали ликвидации. Всего в список указанного комитета попало 611 предприятий. На специальных инспекторов возлагался контроль за движением средств ликвидируемых предприятий, чтобы не допустить их перевода за границу.

Репрессивные меры принимались в отношении всех живших в России лиц германского происхождения, независимо от их подданства. В частности пострадали такие известные предприниматели, как бароны Кнопы. В марте 1915 г. А. Кноп был выведен из состава Московского биржевого комитета. В апреле, во время погрома в Москве, когда пострадали многие фирмы с немецкими названиями, в главной конторе Кнопов были уничтожены документы и имущество. Чтобы устранить из названия фирмы немецкую фамилию, торговый дом «А. Кноп» был переименован в акционерное общество «Волокно». Но это не помогло. Осенью 1916 г. над обществом был установлен правительственный контроль. Кнопы обратились к Николаю II и другим высшим инстанциям с просьбой «сохранить полезную деятельность предприятия». Ответа не последовало и Кнопы были вынуждены перевести паи их компании в собственность фирмы «Джерси»¹⁵.

Из принудительных объединений наиболее известны организация С. Н. Ванкова по изготовлению трехдюймовых снарядов французского образца и Киевская организация по производству колючей проволоки. Оба этих объединения возникли в начале 1915 г.

Уже в начале войны выявилась острая нехватка снарядов к закупленным во Франции трехдюймовым пушкам. Потребность в них возросла с 1,5 млн штук в сентябре 1914 г. до 3 млн к декабрю того же года¹⁶. Далеко недостаточным оказался и предвоенный запас колючей проволоки – 650,8 тыс. пуд. Между тем для укрепления позиций на фронте от Балтийского до Черного моря ее требовалось не менее 1 млн пуд.

Предпринятые правительством меры по ликвидации нехватки снарядов и проволоки (создание Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, заказы за границей, использование казенных заводов и т. п.) не принесли существенных результатов. В начале 1915 г. стала очевидна необходимость привлечь к производству этих боевых средств частной промышленности.

Выяснение возможностей изготовления трехдюймовых снарядов по распоряжению председателя Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части было поручено генерал-майору С. Н. Ванкову. Заготовку колючей проволоки Главное военно-техническое управление поручило инспекторам инженерной части военных округов, причем большую часть этой работы смог осуществить инспектор Киевского военного округа (КВО) генерал-майор Голубятников.

Обследование частных заводов показало, что лишь при кооперировании таких предприятий и в налаживании нового производства можно было увеличить изготовление снарядов и колючей проволоки. Трудность получения во время войны сырья, топлива, рабочих рук потребовала решения этих вопросов с помощью государства.

В таких условиях Ванков (с одобрения Военного совета) и Голубятников (с одобрения главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта) с самого начала своей деятельности были вынуждены выйти за рамки чисто заготовительных операций и заняться вопросами организации и регулирования производства трехдюймовых снарядов и колючей проволоки. Для этого они создали особые организации путем принудительного объединения частных заводов и изменения их специализации. «Организация производства снарядов, – считал Ванков, – должна напоминать как бы организацию крупного промышленного предприятия, во главе коего стоит уполномоченный, главный директор – распорядитель»¹⁷.

Для создания крупных и эффективно действовавших производственных объединений, правительство и военное руководство широко использовало средства административного принуждения. Например, Ванков, приступая к заготовке снарядов французского образца, использовал такие методы, как реквизиция предприятий, наложение секвестра на металл и топливо, принудительное перепрофилирование любого завода на выработку снарядов и т. д.

В мае 1915 г. по требованию Ванкова распоряжением начальника Московского военного округа была реквизирована красильная фабрика, принадлежавшая немецкой фирме «Фридрих Байер и К°», за то, что она не приняла условий Ванкова. Фабрика была передана Н. А. Второву для переоборудования ее в мастерскую по снаряжению гранат. В ноябре 1915 г. 15 мануфактурных фабрик Иваново-Вознесенского района были переоборудованы для производства корпусов трехдюймовых гранат. Для этого Ванков реквизировал у разных предприятий 800 станков¹⁸.

В 1915 г. многие заводчики отказывались выполнять распоряжения Ванкова об увеличении производства снарядов. Поэтому он в августе 1915 г. потребовал от Военного совета расширить его полномочия для «применения мер принуждения» по отношению к отказникам. В ноябре 1915 г. Ванков реквизировал у предприятий Московского района, отказавшихся выполнять его распоряжения, около 60 станков и распределил их между заводами Южного района, вошедшими в его объединение¹⁹.

Действия, нарушающие права частных собственников, не только не вызвали протеста общественности, а напротив, получили одобрение. В июле 1915 г. военно-техническая комиссия Политехнического общества после осмотра заводов Московской губернии заключила, что крупные машиностроительные, механические и металлургические заводы выполняют работу по изготовлению гранат «крайне медленно и до сего времени ими не использованы в достаточной мере имеющиеся в их распоряжении

средства», ввиду чего «их следовало бы принудительно заставить производить выработку как ...снарядов, так и материалов для них и для инструментов»²⁰.

В октябре 1915 г. объединение Ванкова вошло в состав институтов Особого совещания по обороне. Благодаря этому Ванков получил возможность решать нужные ему вопросы с помощью Особого совещания.

Такие же методы использовались и при создании объединения по заготовке проволоки. Поручая заготовку проволоки инспекторам военных округов, Главное военно-техническое управление предупреждало, что на заводах, отказывающихся работать «для военных надобностей», будут реквизированы станки, а для того, чтобы они не были вывезены, просило установить за заводами наблюдение с помощью гражданских властей.

В марте 1915 г. управление киевского инспектора реквизировало станок для кручения колючей проволоки на заводе Миллера и передало его Днепровскому гвоздильному заводу, который взялся за это кручение. В мае 1915 г., когда встал вопрос о необходимости увеличения производства проволоки и привлечения к работе новых заводов, комиссия, созданная при управлении киевского инспектора, постановила: «В случае, если какой-либо завод будет уклоняться от исполнения настоящего заказа, просить надлежащие инстанции о реквизиции орудий его производства для передачи их другим работоспособным заводам»²¹. Известны также случаи реквизиции сырья в пользу заводов Киевского объединения²².

Успеху объединений Ванкова и Голубятникова содействовали не только насильственные меры. В условиях войны по мере нарастания хозяйственной разрухи многие предприниматели сами были заинтересованы войти в состав объединений. Это облегчало им доступ к сырью, топливу, оборудованию, перевозочным средствам, рабочей силе и т. п. Система централизованного материально-технического снабжения, установленная объединениями для своих заводов, была не только выгодна для предпринимателей, но и необходима для производства. Основным же стимулом вовлечения предприятий в объединения являлась выдача им крупных заказов на длительный срок по ценам, обеспечивавшим получение больших авансов и устойчивой прибыли.

К 10 мая 1915 г. Ванков заключил контракты с 37 предприятиями. На протяжении 1915 – 1916 гг. число заводов, вошедших в объединение увеличивалось и в 1917 г. достигло 500. Это не было простым количественным увеличением. Ванков стремился к четкому распределению производственных функций предприятий. Заводы были разделены им по специализации на четыре группы. Во главе каждой из четырех групп стоял завод, распределявший заказы и сырье, решавший технические и производственные проблемы.

Девять предприятий поставляли сталь: заводы Царицынский, Днепровский, Сулинский, Дружковский, Макеевский, Русско-Бельгийский, «Русский Провиданс», Чусовской завод Камского акционерного общества и Московский металлический завод Гужона. В конце 1915 – начале 1916 г. эти заводы были переоборудованы для изготовления штампованных стаканов для корпусов трехдюймовых снарядов. 65 предприятий изготавливали корпуса гранат. Из них выделялись: Московское военно-промышленное товарищество, Краматорское металлургическое общество, акционерное общество «Динамо», товарищества «Гельферих Саде», «Братья Кале» и др. 27 акционерных обществ изготавливали запальные стаканы, взрыватели из стали и их части из латуни. Из них выделялись три: «Густав Лист», «Русский Рено» и «Р. и Т. Эльворти». В последнюю группу входили заводы, производящие детонаторные трубки. Наиболее крупные заказы на них получил завод Российского акционерного общества оптического и механического производства в Петрограде²³.

Правда, не все заводы могли быть четко отнесены к одной из четырех групп. На некоторых заводах производственные операции совмещались, на других – выполнялись частично. Например, в Москве отдельные предприятия изготавливали стаканы гранат из стальной заготовки путем сверления, но не имели печей для закалки. Эта операция производилась заводом Гужона. Завод Кольчугина снабжал предприятия медными снарядными поясками и заготовками из цветных металлов. Сборка и снаряжение гранат происходили на заводах Н. А. Второва в Москве, а также в Богородске. При активном содействии Ванкова была осуществлена постройка ряда заводов²⁴.

В изготовлении трехдюймовых снарядов ведущую роль играли крупные предприятия. Но поскольку они не могли полностью удовлетворить спрос на трехдюймовые снаряды, Ванков привлек к работе большое число средних и мелких заводов, а также текстильных фабрик, сельскохозяйственных предприятий, железнодорожных депо, ремонтных мастерских и т. п. Для этого была разработана специальная технология, приемлемая для мелких предприятий и мастерских.

Техническое руководство заводами осуществлялось специальными инженерами и техниками, приемщиками и браковщиками, проходившими специальную подготовку на заводе Гюпперса и в Брянском арсенале, а затем распределявшимися по семи районам: Южному, Одесскому, Киевскому, Тамбовскому, Петроградскому, Ярославскому и Московскому. Инженеры следили за ходом производства, внедряли новую технологию, устраняли недостатки в работе заводов, осуществляли приемку и отправку изделий. Опыт районов обобщался в техническом отделе управления Ванкова, созданном при Главном артиллерийском управлении. Наиболее ценные достижения делались достоянием других районов организации путем рассылки специальных инструкций, публикации в технических сборниках и созывов съездов практических деятелей по снарядному делу²⁵.

Специальный отдел управления Ванкова занимался проектированием контрольно-измерительных приборов, приемкой и распределением их по заводам, поскольку контроль за точностью обработки

деталей имел особое значение. Приборы изготовлялись группой из двенадцати предприятий во главе с Московским заводом Дукс²⁶. Существовал также статистический отдел управления²⁷. В 1916 г. был создан отдел комплектования мастерами и рабочими фабрик и заводов объединения. Он ведал также предоставлением отсрочки военнообязанным (это право Ванков получил в начале 1916 г.) и распределением солдат по предприятиям. До августа 1917 г. на заводы объединения было послано более 7500 солдат²⁸. Кроме того, управление Ванкова оказывало постоянное содействие заводам в снабжении их топливом²⁹.

В руках Ванкова находилось финансирование предприятий. Необходимые заводам кредиты предоставлялись непосредственно через Ванкова. Он сам устанавливал цены изделий и сроки поставки. Расходы Ванкова на производство снарядов за все время войны составили по разным источникам от 600 до 700 млн руб³⁰.

Киевское принудительное объединение по заготовке колючей проволоки в марте 1915 г. насчитывало семь предприятий. В середине ноября того же года в объединение входило уже 20 различных заводов Юга России: четыре металлургических, поставлявшие проволочное железо, и шестнадцать переделочных. Из переделочных заводов девять занимались изготовлением только гладкой тянутой проволоки, которую переделывали в колючую в трамвайных мастерских в Екатеринославе, и семь заводов осуществляли производство как гладкой, так и колючей проволоки³¹.

Среди этих заводов выделялась группа крупных переделочных предприятий, тесно связанных с Екатеринославским обществом заводчиков и фабрикантов, при котором была создана специальная проволочная секция. Заводы Екатеринославского района одними из первых приняли участие в изготовлении тянутой проволоки; директор Днепровского гвоздильного завода А.А. Оцуп (он же – вице-председатель Екатеринославского общества заводчиков и фабрикантов) организовал кручение ее в колючую. С осени 1915 г. переделочные заводы Екатеринославского района стали поставлять до 72 % колючей проволоки, вырабатываемой Киевской организацией³².

Контракты, заключенные управлением инспектора КВО с заводами, предусматривали не только снабжение заводов сырьем, но и обеспечение вагонами для его подачи и предоставление станков. Последние изготовлялись заводами Г. Э. Камбье, «Сириус» и «Эстампаж» или приобретались управлением на других заводах. В конце 1915 г. заводы Киевской организации были переведены из третьей во вторую очередь предприятий по снабжению топливом, а с февраля 1917 г. стали получать его в первую очередь.

Общее руководство осуществляла специально созданная при управлении киевского инспектора комиссия. Она определяла план производства, разрабатывала условия контрактов, устанавливала цены. Ради увеличения производства комиссия была вынуждена пойти на снижение качества продукции. Например, в июле 1915 г. было решено перейти на изготовление двухрядной колючей проволоки взамен трехрядной, поскольку производительность станка для двухрядной колючей проволоки в 10 раз превышала производительность станка для трехрядной колючей проволоки и было значительно дешевле.

Текущее руководство изготовлением проволоки было возложено на военного инженера штабс-капитана Эйлера. Он осуществлял общее наблюдение за работой заводов, учет сырья и готовой продукции. Ему помогали четыре офицера, приемщики и около ста конвоиров – солдат, ведавших доставкой сырья на заводы и готового продукта на склады. Кредиты на работу Киевского объединения выдавались главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта из фронтового фонда.

Растущий спрос на снаряды и колючую проволоку, удовлетворительное снабжение заводов сырьем и топливом позволило руководству объединений перейти к плановому способу ведения хозяйства. План для объединения по производству снарядов разрабатывался на каждый год, исходя из полученных заказов. План для объединения по производству колючей проволоки был разработан на весь период войны.

Описанная организация работ способствовала резкому увеличению выработки снарядов и колючей проволоки, освоению новой технологии большим числом предприятий, созданию нужного оборудования, квалифицированных кадров и т. д. Например, технология производства снарядов по французскому образцу заводами объединения Ванкова была освоена к осени 1915 г. В октябре 1915 г. было произведено 90 тыс. снарядов, в январе 1916 г. – уже 191,4 тыс., в феврале – 246,3 тыс., а начиная с августа 1916 г. ежемесячный выпуск трехдьюмовых снарядов стал превышать 700 тыс.³³

Февральская революция отрицательно отразилась на деятельности объединений. В феврале – марте 1917 г., из-за остановки предприятий Петроградского района, объединение Ванкова впервые уменьшило изготовление трехдьюмовых снарядов. Летом этого же года вследствие отсутствия металла и топлива, а также из-за «конфликтов с рабочими» неоднократно прекращали работу многие заводы Московского района. Все это побудило Ванкова в августе 1917 г. создать так называемое Бюро объединения заводов, изготовлявших снаряды по заказам уполномоченного ГАУ, Земгора и Центрального военно-промышленного комитета. Председатель комиссии по наличной закупке материала и управляющий агентством по распределению металла и снабжению железнодорожными запасными частями А.И. Марков обещал Бюро поддержку долгосрочными заказами на запасные части для подвижного состава и железнодорожных путей. Но председатель Центрального Военно-промышленного комитета А. И. Гучков выступил против распространения прав Бюро на заказы казны, усмотрев в этом «опасность поглощения ЦВПК новой организацией». Поэтому Бюро не было утверждено Особым совещанием³⁴.

Заводы Киевского объединения по заготовке колючей проволоки в 1917 г. также оказались в тяжелом положении. Весной киевский инспектор имел в своем распоряжении только половину того количества сырой проволоки, которая требовалась передельным заводам. Поскольку недостаток в сырье и топливе испытывали и все другие проволочно-гвоздильные заводы России, Главное военнотехническое управление решило «исключить из работы как все заводы мелкие, так и заводы, замеченные в недобросовестном отношении к делу как в смысле изготовления проволоки, так и в смысле поднятия цен и т. п.»³⁵.

В условиях свертывания государственного регулирования военного производства и демобилизации промышленности оба объединения прекратили существовать.

Однако русское правительство пошло гораздо дальше принудительного объединения частных предприятий и реквизиций оборудования и сырья. В 1915–1916 гг. была осуществлена национализация (секвестр) 94 предприятий военной промышленности, которую можно рассматривать как предшественницу большевистской национализации промышленности.

По этому вопросу в 1960-х годах состоялась дискуссия. Одни исследователи считали секвестр ударом по частной собственности в интересах повышения обороноспособности страны³⁶. Другие же пытались доказать, что «посредством секвестра царское правительство осуществило своеобразное «огосударствление» убытков магнатов финансового капитала»³⁷.

Среди последних наиболее радикальным был К. Ф. Шацилло, который вообще отрицал связь секвестра с попыткой правительства «мобилизовать частную промышленность для работы на оборону». Он утверждал, что секвестр был только средством «повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности»³⁸. Однако это утверждение опровергается фактами. В 1915 – 1916 гг. на грани банкротства оказались частные предприятия разных отраслей. Но секвестру подверглись только те из них, которые работали на оборону. К тому же среди них многие были весьма прибыльными. На самом деле секвестр проводился именно в целях повышения обороноспособности страны. Иное дело, что в условиях военной разрухи предпринимательская деятельность в ряде стратегических производств становилась невозможной из-за недостатка заказов и перебоев в снабжении.

Таким, в частности, было положение дел в области военного судостроения. В предвоенные годы царское правительство выделяло большие суммы на строительство военно-морского флота. В 1907 г. было ассигновано более 120 млн руб. на строительство четырех линейных кораблей, в 1911 г. – более 100 млн руб. на строительство Черноморского флота, в 1912 г. около 500 млрд руб. на Балтийский флот.

Все это повело к бурному развитию судостроительной промышленности. В течение нескольких лет основные капиталы в ней увеличились почти в 10 раз, а число рабочих, занятых в судостроении, – с 21 тыс. (1911 г.) до 87 тыс. (1917 г.)³⁹. За создание судостроительных предприятий взялись крупнейшие русские банки. Финансировавшееся Русско-Азиатским банком Путиловское общество строило огромную Путиловскую верфь и купило у Государственного банка паи Невского товарищества. Тот же банк финансировал совместно с французскими банками Русское общество для производства снарядов и других военных припасов (быв. Парвиаийнен), построившее грандиозный Ревельский судостроительный завод, выделенный позже в самостоятельное Русско-Балтийское общество. В Ревеле большой завод строило Общество Беккер, которое финансировалось Санкт-Петербургским частным коммерческим банком⁴⁰. Однако все названные компании не успели закончить строительства своих заводов к началу войны. На всю войну растянулось строительство Ревельского завода Русско-Балтийского общества. Только 10 мая 1917 г. строившая этот завод французская фирма Шнейдер сообщила о полном окончании строительных работ⁴¹. В таком же положении оказалось и общество Беккер.

Однако дело заключалось не только в том, начало войны застало заводы в период строительства. Большое значение имело и то обстоятельство, что в соответствии с одобренной Николаем II «Большой морской программой», известной также как закон о флоте, все судостроительные общества создавались для строительства крупных военных кораблей – линкоров и линейных крейсеров. Соответственно этому турбинные, котельные и прочие судостроительные мастерские создавались для производства деталей крупных судов, на строительство которых казна предполагала истратить две трети всех сумм по закону о флоте (1,4 млрд из 2,1 млрд руб.). Между тем, вопреки расчетам предпринимателей, заказов на крупные корабли от правительства не последовало. Более того, заказов вообще было мало. Например, по сведениям Комиссии для наблюдения за постройкой кораблей на Балтийском море Морского ведомства на Ревельском заводе «котельная мастерская может выпускать в год котлов на семь миноносцев, а судостроительная дает 14 корпусов»⁴². Обществу же был дан заказ всего на пять миноносцев. Русско-Балтийское общество получило от правительства заказ всего на два малых крейсера и шесть эскадренных миноносцев. Общество Беккер получило заказ только на эсминцы⁴³. Оборудование судостроительных компаний оказалось в резком несоответствии с полученными заказами. Поэтому уже в ходе войны пришлось заново оборудовать мастерские станками для производства малых судов.

Не дождавшись заказов, предприниматели обратились к казне с просьбой приобрести у них судостроительные заводы. Но правительство не нуждалось в крупном судостроении. Для него важнее были крупные предприятия, производившие вооружение.

В октябре 1915 г. было принято решение о секвестре Путиловского завода. Но это не устраивало его владельцев, поскольку деятельность завода была высокоприбыльной. А. И. Путилов прибег к помо-

щи Григория Распутина, внушившего царю, что секвестра налагать не следует. Результатом этого был высочайший приказ пересмотреть уже решенный вопрос и распоряжение представителям ведомств голосовать против секвестра⁴⁴.

После отказа казны купить судостроительные заводы предприниматели решили покрыть убытки от судостроения доходами от других производств. Наиболее прибыльными были артиллерийские заказы. Предприниматели брали как можно больше заказов у Артиллерийского ведомства, получали под них весьма значительные авансы, но мало заботились о производстве непрофильной продукции. В результате страдало не только судостроение, но и производство снарядов. Это заставило правительство вновь вернуться к идее секвестра⁴⁵.

В феврале 1916 г. Особое совещание секвестрировало Путиловский завод и Невское общество. Этот акт совпал по времени со съездом представителей металлообрабатывающей промышленности. На нем с протестом против национализации частных предприятий выступил представитель завода Гартман⁴⁶.

Секвестр общества Беккер имел несколько иные причины. Либавский завод этого общества был захвачен немцами, а Рижский удалось частично эвакуировать на юг, но его монтаж занял много времени и средств. В этих условиях общество Беккер решило построить артиллерийский завод в Горловке. Чтобы получить для этого необходимые средства общество выпустило облигационный заем, но не смогло его разместить. Тогда общество предложило облигации правительству. Вместо этого в ноябре 1916 г. последовало распоряжение о национализации общества Беккер⁴⁷.

Среди секвестрированных Особым совещанием предприятий был Царицынский артиллерийский завод. Здесь причиной национализации было стремление правительства сосредоточить в своих руках управление наиболее крупными военными заводами.

Значительная часть предприятий была секвестрирована не Особым совещанием, а начальниками военных округов, генерал-губернаторами и главнокомандующие армиями. В данном случае причиной национализации была принадлежность их немецким и австро-венгерским подданным⁴⁸.

Практика секвестрирования была продолжена и при Временном правительстве. В июне 1917 г. ввиду непрекращавшихся выступлений рабочих, был секвестрирован Московский металлический завод Гужона. 28 июня 1917 г. Особое совещание национализировало Русско-Балтийское общество.

Секвестрирование промышленных предприятий можно рассматривать как прелюдию к масштабной большевистской национализации промышленности.

В сфере внешней торговли царское правительство решилось принять меры, предвосхищавшие введенную большевиками монополию внешней торговли. В феврале 1916 г. Особым совещанием по обороне было запрещено частным предпринимателям и предпринимательским организациям производить заказы за границей. Предприниматели могли производить заграничные заказы только через уполномоченного Особого совещания. В его руках была сосредоточена вся валюта для зарубежных закупок⁴⁹. Это решение вызвало возмущение предпринимателей, но правительство не пошло на уступки.

Вмешательство государства в экономику имело особое значение для России. По сути дела все первые хозяйственные мероприятия большевиков были продолжением и расширением экономической политики царского и Временного правительств.

9 мая 1915 г. в России был отменен запрет на ночные и подземные работы для лиц женского пола и рабочих, не достигших 15-летнего возраста. 1 октября 1915 г. министру торговли и промышленности было предоставлено право разрешать отступление от требований закона о работе малолетних, подростков и женщин, занятых в производствах, работающих на войну. Однако в России вопрос о немедленном «возвращении квалифицированных рабочих из армии», поднимавшийся вторым съездом Военно-промышленных комитетов, Особым совещанием по обороне, обществами фабрикантов и заводчиков наталкивался на упорное сопротивление Главного управления Генерального штаба. Поэтому возвращение из армии рабочих в России не принял таких же масштабов, как в Германии или во Франции. Русским предпринимателям удалось лишь добиться отсрочки от призыва 400 тыс. квалифицированных рабочих⁵⁰. В России, как и во всех воевавших странах, возросло использование в производстве женщин и подростков. Женский труд стал применяться на различных тяжелых работах, где он прежде не допускался, и его использование было самым массовым источником пополнения рабочих. Динамике привлечения в промышленное производство женского и детского труда показывает таб. 3.

Таблица 3

*Мужской, женский и детский труд в промышленности России
в 1913–1917 гг.*

Год	%мужчин к общему числу рабочих	В том числе			% женщин к общему числу рабочих	В том числе		
		взрослых	подрост- ков	малолет- них		взрослых	подрост- ков	малолет- них
1913	61,3	91,5	7,1	1,4	38,7	88,5	9,7	1,8
1914	60,5	91,1	7,6	1,3	39,5	88,6	9,6	1,8
1915	58,5	90,2	8,3	1,5	41,5	88,2	10,1	1,7
1916	56,4	89,4	8,8	1,8	43,6	88,4	9,6	2,0

1917	56,6	90,1	8,0	1,9	43,4	89,1	8,9	2,0
Источник: Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М. : Изд-во «Дело», 2003. С. 254.								

Важно также отметить рост доли подростков и малолетних детей в составе рабочей силы.

Другим важным источником пополнения рабочей силы было трудоустройство беженцев из оккупированных районов. В России беженцы из Польши и Прибалтики были главным источником квалифицированной рабочей силы. Волна беженцев нарастала с каждым месяцем войны и особенно усилилась в связи с отступлением русской армии. Созданный с помощью правительства Татьянинский комитет помощи жертвам войны установил, что число беженцев всего лишь за два года войны составило около 6 млн человек, из которых на 1915 г. приходилось 2,6 млн и на 1916 г. – 3,3 млн человек.

В России на беженцев была организована своеобразная охота, которой занимались не только агенты промышленных предприятий, но и всякого рода общественные и благотворительные организации, которые финансировались промышленными объединениями и старательно выполняли их заказ по трудоустройству беженцев. Бюро труда для беженцев, учрежденные при земских и городских комитетах, при Татьянинском, Еврейском, Польском и других комитетах помощи беженцам, конкурировали между собой по устройству беженцев на работу.

Тем не менее в промышленность было трудоустроено не больше 250 – 300 тыс. беженцев. Неудачу с вовлечением их в промышленное производство признал Военно-промышленный комитет при Московском биржевом комитете, который в письме на имя председателя Особого совещания по обороне от 6 июля 1915 г. писал: «Попытки привлечения в промышленные предприятия рабочих-беженцев пока не увенчались успехом, так как этот элемент при первой возможности уезжал обратно, причем незнание беженцами языка, неприспособленность их к местным условиям служат серьезным препятствием к массовому найму таких рабочих»⁵¹. Важную роль играло и то обстоятельство, что среди беженцев было мало промышленных рабочих. Подавляющую их часть составляли крестьяне, торговцы, ремесленники и лица свободных профессий.

Вопрос о привлечении в порядке вольного найма иностранных рабочих был предметом специального обсуждения правительства. Однако никаких государственных мер принято не было. Совет министров ограничился принятием резолюции, отменявшей для этой категории рабочих некоторые паспортные формальности и предлагавшей промышленникам самим вербовать иностранных рабочих, посылая за ними своих агентов. Известны случаи использования на предприятиях Урала, на юге России и в Петрограде корейцев и китайцев. Однако массового вовлечения иностранцев в русскую экономику не произошло.

Нехватка рабочей силы также заставила правительственные и промышленные круги прибегнуть к труду военнопленных. Первоначально военнопленные использовались главным образом в сельском хозяйстве. В дальнейшем, в связи с увеличением недостатка рабочих рук в стране, появилась необходимость вовлечения военнопленных в промышленность. Летом 1916 г. было решено снять 30 % военнопленных с сельскохозяйственных работ для работы на предприятиях промышленности. Если на 1 октября 1915 г. количество военнопленных в сфере промышленного производства составляло 100 тыс. человек, то на 1 октября 1916 г. оно достигло 220 тыс. человек⁵².

Пополнение промышленности за счет труда военнопленных привело к тому, что на некоторых предприятиях Урала работало больше военнопленных, чем русских. Так, в Богословском округе из 33 тыс. рабочих 12 тыс. составляли русские, 17 тыс. – военнопленные, остальные 4 тыс. – корейцы и китайцы⁵³.

В годы войны произошли изменения принципов трудоустройства. В Великобритании в основном сохранялся принцип вольного найма. Однако неработающих граждан стали привлекать к общественным и оборонным работам. Во Франции и Австро-Венгрии вольный найм сохранялся в отношении местных граждан, и допускалось свободное трудоустройство беженцев. Однако если беженец не мог сам найти работу, его трудоустройством занимались местные власти, причем отказ от их предложений расценивался как непатриотический акт.

Существенной особенностью трудовых отношений в России, как и в Германии, в годы войны было широкое использование мер внеэкономического принуждения к труду. Россия в принуждении к труду пошла еще дальше Германии. В первые же месяцы войны на государственных военных предприятиях был введен специальный трудовой режим. Забронированные рабочие не могли перейти с одного предприятия на другое без особого разрешения. Они лишались права бастовать и требовать увеличения заработной платы. Распространилась практика прикомандирования на казенные заводы солдат. Эти солдаты-рабочие закреплялись за заводами на условиях казарменного содержания. Неисполнение распоряжений заводской администрации приравнивалось к нарушению воинской дисциплины. Всего на казенные заводы были прикомандированы из воинских частей 33 тыс. солдат⁵⁴.

В октябре 1915 г. Особое совещание по обороне утвердило «правила об обязательном наряде», согласно которым для работы на военных заводах в принудительном порядке могло привлекаться все трудоспособное население из ближайших местностей, за исключением лиц духовного звания, государственных служащих, учащихся и преподавателей. Граждане, привлеченные к исполнению обязательного наряда, не могли прекращать свое в нем участие без письменного разрешения администрации.

Виновные в неисполнении этих правил подвергались аресту сроком до 3 месяцев или денежному штрафу до 3 тысяч руб.⁵⁵ Общественность протестовала против этого возвращения к крепостничеству⁵⁶. Однако правительство проигнорировало эти протесты. В 1916 г. Особое совещание по обороне предложило ввести особый порядок, связанный «с принудительностью труда в виде известной натуральной повинности»⁵⁷.

К 1916 г. по всей стране распространились принудительные формы вербовки рабочей силы, закрепление рабочих за конкретными предприятиями, широкое использование ночных и сверхурочных работ, запрет забастовок и т. д.

Эффект от мер внеэкономического принуждения был слабым. Нехватка рабочих со временем только обострялась. По данным Совета съездов представителей торговли и промышленности, в 1915 г. общая потребность в рабочей силе для одного лишь Донецкого бассейна достигала 100 тыс. человек, для Урала – 20 тыс., для Москвы и Петрограда – 10 тыс. человек.

Министр торговли и промышленности князь Шаховской писал, что если в ноябре 1914 г. на каменноугольных копях Донбасса «обращалось до 208 тыс. человек, т. е. количество, обеспечивающее нормальную продуктивность бассейна», то к июню 1915 г., контингент рабочих резко сократился и нуждается в пополнении.

Генерал-майор Петрово-Соловово, обследовавший заводы юга России, указывал, что многие предприятия работали с большими перебоями из-за недостатка рабочей силы. Так на железных рудниках Криворожского бассейна не хватало 20 % рабочих. Такое же положение было и на других заводах России. В выступлении на первом съезде ВПК московский промышленник Гужон заявил: «Каждый день нам посылает новые заказы, и я уже полтора месяца посылаю их обратно, потому что у меня нет рабочих». То же самое относится и к Московскому военно-промышленному товариществу, занимавшемуся выпуском гранат и бомб.

Нехватку рабочей силы испытывал и Урал. Из-за этого, как заявил на заседании Особого совещания начальник Главного артиллерийского управления генерал А. Маниковский, «уральские заводы работают далеко не в полную силу; многое оборудование уже долгое время стоит без действия». Особенно ощущался на Урале недостаток в рабочей силе на заготовках древесного топлива, выжиге угля и перевозках горючего, где недокомплект рабочих составил в 1915 г. 30 %.

Существовавший и до войны недостаток в квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадрах в годы войны обострился. Это было связано как с мобилизацией рабочих и части технического персонала на фронт, так и с расширением военных производств. По инициативе Военного комитета научных и технических организаций летом 1915 г. на некоторых предприятиях были организованы технические курсы для подготовки квалифицированных рабочих различных специальностей. Однако из-за сложности обучения на курсы пришлось привлекать исключительно студентов технических учебных заведений.

Член Государственной думы Б. Энгельгардт предложил вести учет рабочей силы страны. С этой целью были организованы биржи труда в Петрограде, Минске, Могилеве, Витебске, Смоленске, Орше и в других городах. Но даже такая крупная биржа труда, как Петроградская, не смогла не только организовать рациональное использование трудовых резервов, но и дать сколько-нибудь точную картину действительного положения дел на рынке труда. Член Государственной думы князь Львов вынужден был признать, что «системы целесообразного использования остающейся в стране рабочей силы у нас не существует» и что роль биржи труда в этом вопросе сводится к фикции.

При такой нехватке трудовых ресурсов трудно было рассчитывать на своевременное выполнение срочных заказов военного ведомства и обеспечение при этом высокого качества продукции.

Попытки решить проблему за счет использования труда иностранных граждан, беженцев из Польши и Прибалтики, военнопленных также была малоуспешной. Несмотря на то что производительность труда военнопленных была, по расчетам ЦВПК, намного ниже, чем у русских рабочих, предприниматели охотно использовали их труд, поскольку он оплачивался по очень низким расценкам. Московский металлозаводчик Гужон в выступлении на заседании МВПК 17 февраля 1916 г. настаивал на введении всеобщего принудительного труда для военнопленных и прекращения выдачи им пищи в случае их отказа от выполнения работ. Но этого предложения правительство не приняло.

Привлечение беженцев к работе не было вполне добровольным. За отказ от предложенной работы некоторых категорий беженцев часто лишали материальной помощи, бесплатной еды и жилья. Однако допускался самостоятельный поиск беженцами работы.

Подавляющая часть беженцев, происходившая из крестьян, торговцев, ремесленников и лиц свободных профессий, могла быть использована лишь в учреждениях, в сельском хозяйстве и в торговых предприятиях. Это позволило к концу войны довести численность занятых в народном хозяйстве до довоенных размеров, а в военных производствах даже превзойти довоенный уровень занятости.

В деле распределения продовольствия европейские страны не пошли дальше выдачи пайков военнослужащим и их семьям, а также некоторым категориям рабочих. Предпринимались также попытки борьбы с высокими рыночными ценами на продукты питания. Однако в России борьба за продовольствие приняла более решительный характер.

В 1916 г. в ряде крупных городов была введена карточная система распределения хлеба, мяса и сахара. При Временном правительстве карточная система стала повсеместной и распространилась на все продовольственные продукты. Со временем нормы выдачи продовольствия по карточкам уменьша-

лись. В августе 1917 г. в Петрограде и в Москве хлебный паек был сокращен с 3/4 до 1/2 фунта хлеба в день. Значительную часть времени городское население было вынуждено проводить в продовольственных очередях.

Оказавшись перед лицом уменьшающейся товарности деревни, царское правительство решилось в ноябре 1916 г. ввести на территории 31 губернии принудительную хлебную разверстку. Таким путем предполагалось получить около 700 млн пудов хлеба. Однако удалось заготовить только 305 млн пудов. Из этого количества лишь 62 % было вывезено из деревни.

Временное правительство в марте 1917 г. издало закон о введении хлебной монополии, согласно которому все излишки хлеба должны были сдаваться по твердым ценам государственным продовольственным органам, а частная заготовка и торговля запрещались. Хлебные заготовки приобрели характер военных действий против крестьян. Осенью 1917 г. борьба крестьян за хлеб с продовольственными органами Временного правительства в ряде губерний стала главной, отодвинув на второе место даже борьбу за землю с помещиками. Тем не менее, план заготовок в октябре 1917 г. был выполнен только на 19 %⁵⁸.

В результате потребление рабочего в России упало не так резко, как в Германии и составило к уровню 1913 г. в 1914/15 г. – 74,7 %, в 1915/16 г. – 55,6 %, в 1916/17 г. – 47,4 %⁵⁹. Тем не менее, в стране широко распространилось недовольство, окочившееся революциями.

Национализация предприятий, продовольственная разверстка и государственная монополия на торговлю хлебом были унаследованы большевиками от царского режима и Временного правительства.

* * *

Сравнивая две мобилизационные модели экономики, можно сделать следующие выводы. Российская модель была с самого начала радикальнее и глубже, чем германская. С одной стороны, это было связано с менее развитой военной промышленностью России, необходимостью налаживания ряда производств; а с другой стороны – с более активным участием государства в экономике в России, чем в Германии. Несмотря на большие возможности, российская модель в меньшей степени деформировала экономику страны, чем германская. Несмотря на то, что в обеих странах окончание войны сопровождалось экономической изоляцией и революционным движением, экономические итоги революций оказались различными. Социалисты Веймарской республики восстановили свободное предпринимательство. Российские большевики унаследовали все элементы мобилизационной политики и приступили к их углублению.

Примечания

¹ См.: URL : <http://www.glazev.ru>.

² Триневиц В. Народное хозяйство Германии. М., 1924. С. 257.

³ Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М. : Воениздат, 1956. С. 332.

⁴ Там же.

⁵ Supreme Economic Council, Monthly Bulletin of Statistics. Vol. II. № 1.

⁶ Мировая война в цифрах. М. : ОГИЗ, 1934. С. 39.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 39.

¹² Deutschland im ersten Weltkrieg. B. 3. November 1917 bis November 1918. Zweite, durchgesehene Auflage. Berlin. Akademie-Verlag. 1970. S. 569.

¹³ Шульгин В. В. Годы, дни, 1920 год. М. : Новости, 1990. С. 294–295.

¹⁴ Вестник финансов. 1917. № 21. С. 294.

¹⁵ Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). М. : Аспект Пресс, 2001. С. 352–353.

¹⁶ Барсуков Е. З.. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. II. Ч. III. Артиллерийское снабжение. М., 1949. С. 187; Шигалин Г. И. Экономика мировой империалистической войны 1914–1918. Учебный отдел Академии Ген. штаба РККА. М., 1938. С. 56.

¹⁷ История организации уполномоченного Главным артиллерийским управлением по заготовлению снарядов по французскому образцу генерал-майора Ванкова. На правах рукописи. М., 1918. Приложение № 1. С. IV.

¹⁸ Иванова И. А. Принудительные объединения в России в годы первой мировой войны // Об особенностях империализма в России. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 244.

¹⁹ История организации... Ванкова. С. 157.

²⁰ Иванова И. А. Принудительные объединения... С. 245.

²¹ Там же. С. 246.

²² Барсуков Е. З. Указ. соч. С. 198.

²³ Там же.

²⁴ История организации... Ванкова. С. 10, 11, 35, 85, 87.

²⁵ Там же. С. 24 – 32.

²⁶ Там же. С. 26 – 28, 81 – 84.

- ²⁷ Иванова И. А. Указ. соч. С. 239.
- ²⁸ История организации... Ванкова. С. 21, 39.
- ²⁹ Там же. С. 6, 52, 54.
- ³⁰ Иванова И. А. Указ. соч. С. 240.
- ³¹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 726. Л. 93–100.
- ³² Иванова И. А. Указ. соч. С. 240–241.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 247–248.
- ³⁵ Там же. С. 248–249.
- ³⁶ Миттельман М. История Путиловского завода / М. Миттельман, Б. Глебов, А. Ульяновский. М. ; Л, 1939. С. 554; Погребинский А. П. Мобилизация промышленности царской России в первую мировую войну : дис. ... д-ра ист. наук; Маевский И. В.. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957. С. 72.
- ³⁷ Шацилло К. Ф. Из истории экономической политики царского правительства в годы первой мировой войны (о причинах секвестра военно-промышленных предприятий) // Об особенностях империализма в России. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 232–233.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Фальков А. М. Государственно-монополистический капитализм в военной судостроительной промышленности России : автореф.. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1960. С. 7.
- ⁴⁰ Бовыкин, В. И. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны // Исторические записки. Т. 64.
- ⁴¹ Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 219.
- ⁴² РГВИА. Ф. 369. Оп. 5. Д. 223. Л. 100.
- ⁴³ Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 220–221.
- ⁴⁴ Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 216.
- ⁴⁵ Крылов А. Н. Воспоминания и очерки. М., 1949. С. 208.
- ⁴⁶ Труды I Съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. Пг., 1916. С. 89.
- ⁴⁷ Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 230.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 538. Л. 74–83. Список секвестрированных предприятий.
- ⁴⁹ Маевский И. В. Указ. соч. С. 155–156.
- ⁵⁰ Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М. : Изд-во «Дело», 2003. С. 248–249.
- ⁵¹ Маевский И. В. Указ. соч. С. 252.
- ⁵² Там же. С. 253.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 96. Л. 230.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 181. Л. 207–208.
- ⁵⁶ Речь. 1915. № 184.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 181. Л. 203.
- ⁵⁸ Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М. : Наука, 1989. С. 137.
- ⁵⁹ Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. С. 134.

Сенявский А. С.

СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.
Проект № 08-01-90101a/Б.

В постсоветский период российские гуманитарные и общественные науки, включая историческую, оказались подвержены идеологической конъюнктуре отнюдь в не меньшей степени, чем в советский, хотя – при отказе от «марксистско-ленинского догматизма» – широко декларировался научный объективизм. На практике на смену старым идеологемам и мифологемам пришли новые, тем более что именно они и явились главным инструментом манипуляции общественным сознанием, обеспечившим столь неожиданную, легкую и радикальную смену модели общественного развития всего «социалистического лагеря», включая страны бывшего СССР. Среди главных мифологем – безальтернативность развития по пути «демократии и рыночной экономики», пути «возвращения на столбовую дорожку цивилизации», «общечеловеческих ценностей», которые на самом деле являются завуалированными ценностями конкретной, западной цивилизации и т. п. Мифологема «рыночной экономики» с доминированием частной собственности как единственно возможной в современных условиях эффективной модели экономического развития (а иных форм – как безусловно «маргинальных», реакционных, обрекающих страны на неэффективность и неизбежное отставание) была в этом ряду, пожалуй, ключевой.

Начиная с «перестройки» советская модель экономического развития подверглась уничтожающей критике. В сущности, произошла инверсия оценок: плюсы поменялись на минусы, и наоборот. Теперь западная рыночная экономика объявлялась неоспоримым образцом для подражания, а советская модель – тупиковым вариантом развития, обрекающим общество на растрачивание ресурсов, неэффективность, хроническую товарную дефицитность и застойность. И социальная практика, казалось бы, давала почву для подобных оценок: действительно, с середины 1960-х гг. темпы советского экономического роста постепенно замедлялись, так что в начале 1980-х она оказалась в депрессии, а, несколько выйдя из нее к середине 1980-х, чуть позднее, уже в условиях перестроечных реформ, оказалась в глубоком кризисе, с дезорганизованной финансовой системой, острым товарным голодом и т. д.

Однако, во-первых, низкие темпы роста для ряда высокоразвитых «рыночных» стран почти постоянная норма, а в целом капиталистическая «рыночная» экономика переживает отнюдь не единичные, а периодические кризисы, рецессии и депрессии. И все это не является основанием для сторонников «рынка» объявлять данную экономическую систему неэффективной, тупиковой и т. п. Ведь и дефолт 1998 г., и текущий мировой экономический кризис, закономерно втянувший в свои объятия и Россию, страдающую от него больше многих стран Запада, не стали основанием, чтобы российские апологеты «рынка» признали рынок историческим тупиком и покаяться в своих ошибках.

Во-вторых, те или иные общественные явления и даже тенденции отнюдь не доказывают, что плоха сама по себе общественная система, или, хотя бы, экономическая модель. Прекрасный автомобиль может плохо содержать плохой хозяин, неумело вести плохой водитель, и та или иная – субъективная причина, или их совокупность могут вызвать катастрофу, что вовсе не основание для сомнений в качестве марки самой машины и даже конкретного ее экземпляра. В данном случае, не ошибки в конструкции и не производственный брак, а недостатки эксплуатации и функционального применения стали причинами катастрофы. Почему не допустить, что именно такие же факторы вызвали крах советской экономической, и, шире, общественной модели.

Наконец, в-третьих, в пользу данной версии свидетельствует и тот неоспоримый факт, что и в кризисе, и даже в стагнации, советская экономика было отнюдь не всегда, а, напротив, исторически, даже применительно к ее собственным срокам существования, весьма краткий период – начала 1980-х гг., а затем, после некоторого перерыва, на закате пресловутой «перестройки». В то время, когда мировая «рыночная» экономика оказывалась в разрушительной депрессии или в периоды более или менее длительной стагнации, советская экономическая модель все время двигалась по восходящей.

Советская экономика оказалась не только способной выдержать испытание Второй мировой войной, где в смертельной схватке сошлась с потенциалом почти всей Европы, но и очень быстро выйти из режима восстановления во второй половине 1940-х, и перейти в режим дальнейшего, весьма динамичного развития, причем в условиях «холодной войны», огромных затрат на оборону. Она двигалась такими быстрыми темпами, что ее антиподы явно опасались скорого триумфального опережения СССР.

Конечно, можно не признавать очевидные факты и сказать, например, что автор статьи повторяет старые советские мифы. Но и объективные западные аналитики, отнюдь не симпатизировавшие СССР, с тревогой констатировали существовавшую для их стран и их системы советскую экономическую «угрозу». Приведем лишь некоторые примеры. В июле 1953 г. в уважаемом американском журнале «Foreign affairs» была опубликована статья Питера Уайлса, основное содержание которой видно из её названия – «Советская экономика опережает Запад»¹. Подход автора к оценке экономической эффективности советской экономики прямо противоположен тому, что станет единственным у американских советологов в 1970–1980-е годы. Хотя Питер Уайлс считал, что Запад имеет свои преимущества перед СССР – прежде всего, «демократические свободы», он был убежден, что собственно экономическая эффективность в Советском Союзе выше, чем в любой стране «свободного мира». Очень высоко он оценивает и послевоенные темпы развития СССР². Реальное развитие СССР также доказывало, что он способен «догнать и перегнать» лидера западной цивилизации – США, т. е. осуществить задачу, поставленную еще в период правления И. В. Сталина. Эта задача была тем труднее осуществить, что США имели колоссальную фору в уровне развития к моменту появления советской страны на развалинах бывшей Российской империи, а затем – еще большую фору после окончания Второй мировой войны, от которой заокеанская держава вновь только выиграла, тогда как СССР лежал в руинах. Одним из важнейших показателей этой возможности было достижение в 1970-е годы Советским Союзом военно-стратегического паритета с этой мощнейшей страной. В марте 1978 г. американский журнал «U.S. News and World Report» сообщал, что из 33 основных технологических характеристик восьми видов вооружения Советский Союз имел качественное превосходство по 12 характеристикам, США – по 18, а по 3 характеристикам существовало примерное равенство. Причем речь шла не о количестве, а именно о качественных параметрах систем вооружения. Так, Советский Союз имел лучшие ракеты «земля – воздух», противокорабельные ракеты, антиракеты, эсминцы, танки, вертолеты, боевые машины пехоты, большую мощность стратегических ракет наземного базирования, большую выживаемость систем управления боем³. Авторы журнала особенно не обсуждали, благодаря чему СССР в кратчайшие исторические сроки добился примерного равенства военных потенциалов с США, но, во всяком случае, не объясняли этот феномен исключительно чрезмерными военными расходами. По американским оценкам, эти расходы в СССР и в США были приблизительно одинаковы, однако, так как экономический потенциал СССР был меньше, они ложились более тяжёлым бременем на со-

ветскую экономику. Более того, американцы в 1960–1970-е гг. предприняли колоссальные усилия для того, чтобы перестроить систему образования и научно-технического развития, вследствие именно опасений, что в научно-технической, а значит, и в экономической гонке «русские дышат в затылок», а во многом уже и опережают США, которые в своей антисоветской пропаганде, конечно же, всячески принижали достижения СССР, но в реальной политике прекрасно отдавали себе отчет в надвигающейся опасности отставания.

Думается, что и в самом деле возможности для реализации этого оптимистичного для СССР прогноза были, но советское руководство в должной мере их не использовало. И причина – отнюдь не в «порочности» советской модели, а в некомпетентности конкретных лидеров и ошибочности конкретных политико-управленческих решений, принимавшихся позднее, в том числе и в отказе от испытанного исторического опыта, в примитивном подражательстве и заимствовании западных рецептов, далеко не всегда применимых к российским условиям.

Прежде чем говорить о мобилизационной экономике, следует определиться с тем, что же такое экономика вообще. Производство материальных благ (при всей значимости сегодня «производства информации») – основа жизни любого общества, поэтому оно – ключевой момент для понимания экономики. Термин «экономика» происходит от греческого слова, означавшего рациональное ведение домашнего хозяйства, что в дальнейшем было распространено на хозяйство целых стран и народов. Экономика в интересующем нас контексте имеет два основных значения: 1) совокупность производственных отношений конкретных обществ, включающих также обмен и распределение; 2) народное хозяйство данной страны или его часть, включающая, в частности, соответствующие отрасли и виды производства. Нас в основном интересует экономика в первом значении, тогда как во втором она является средой и предметом экономических отношений.

Экономику следует рассматривать только как часть общественного организма, обеспечивающую его жизнедеятельность и жизнеспособность. А способы этого обеспечения могут быть разными, причем в этом деле возможны два полярных и множество промежуточных вариантов. Один полюс – это предельная свобода многочисленных производителей (они же – собственники), выходящие на рынок для обмена результатов своего труда (как, например, в античных демократических городах), и жесткое регулирование отношений производства, обмена, распределения верховной властью, которая является также верховным собственником (пресловутый «азиатский способ производства»). Но что интересно: все демократии античности раньше или позже подпали под власть тирании, и даже Древний Рим перешел к централизованному распределению хлеба в эпоху императоров. Азиатские общества в действительности имели патерналистскую идеологию, в которой верховная власть – при крайне низком прибавочном продукте и рискованном характере земледельческого производства – обеспечивала «подушку безопасности», накопление стратегических резервов продовольствия и других ресурсов на случаи катаклизмов – неурожая, войн и т. п. экстремальных ситуаций. «Свободный рынок» ориентирован на получение прибыли, а значит и расширенное воспроизводство, которое не срабатывает в экстремальных ситуациях. Но в том-то и дело, что некоторые общества постоянно живут в экстремальной ситуации, на грани выживания – по разным причинам, природным и социальным. В конечном счете, каждым конкретным обществом модель экономического развития в истории выбирается та, которая обеспечивает ему лучшие условия существования, или, если общество ошибается, оно гибнет как самостоятельное государство, этнос, даже цивилизация.

Экономическое развитие никогда не бывает самоценным, самодостаточным, а всегда определяется совокупностью условий и факторов разного порядка, внутренних и внешних, некоторые из которых относительно стабильны для данной страны (природно-географические и климатические условия, базовые цивилизационные параметры), другие условия – относительно устойчивы, но могут меняться с течением времени (размер территории, социокультурные характеристики, внешнее окружение), третьи могут быть ситуационными, хотя нередко – судьбоносными (например, соотношение сил на региональной или мировой арене, международная экономическая конъюнктура и др.) В случае действия, временного или постоянного, совокупности неблагоприятных условий и факторов, общество начинает жить в режиме выживания, когда ресурсы, даже часть необходимых для нормального функционирования отдельных членов общества, концентрируются для решения задач выживания общества как целого. Это бывают экстренные ситуации, например, войны, голод, природные катаклизмы, и ситуации длительного порядка, даже постоянные, если общество живет в экстремальных природных условиях. Существование России как цивилизации отличалось тем, что она рождалась и развивалась в контексте постоянного действия неблагоприятных факторов (природная среда, рассеяние в огромном пространстве населения, невыгодность многих видов производства и потери при обмене, агрессивное геополитическое окружение, и др.), которые дополнялись еще и неблагоприятными ситуационными факторами или экстремальной актуализацией постоянных неблагоприятных факторов (природные катаклизмы, неурожай и голод, войны, и т. д.) Крайне высокие риски должны были быть уравновешены общегосударственной страховкой. Отсюда закономерная централизация власти и собственности, стремление к концентрации ресурсов в руках этой власти, ограничения инициативы частных «игроков рынка», и т. д. Отсюда – мобилизационные элементы в российской экономике на протяжении многих столетий, а в некоторые периоды – приобретение экономическим развитием собственно мобилизационного характера.

Вернемся к мифам о «рыночной экономике». Не говоря уже о том, что как таковой абстрактной, «идеальной» «рыночной модели» нигде и никогда не существовало (экономический механизм всегда

исторически конкретен, «привязан» к месту и времени, своеобразен для каждой страны и постоянно находится в динамике, так что, например, экономический механизм в США в 1930-е, 1960-е и 1990-е весьма, даже «качественно» отличен), историческая практика многих стран опровергает тезис о безусловных преимуществах, эффективности рыночных механизмов, пригодности их везде и в любых условиях и, соответственно, неэффективности «нерыночных». Экономика не существует «сама по себе», она – определенная часть общества как системы, а именно та его часть, которая обеспечивает материальные основы его выживания, функционирования и развития. Но, поскольку общества исторически, социокультурно, территориально (по географическим, климатическим, иным природным условиям), «ресурсно», «масштабно», геополитически и т. д. **очень различаются, то и их экономические механизмы различны**, они могут быть адекватны или нет всему комплексу этих параметров, а также объективных задач конкретного общественного организма (страны) в конкретно-исторических условиях. Такова диалектика, ценившаяся в марксизме, «забытая» догматиками марксизма-ленинизма, особенно на последних этапах советской истории и практически не принимаемая во внимание современными общественными науками.

Однако, оказываясь в экстремальных ситуациях, экономики разных стран начинают действовать поразительно однотипно. Например, это было продемонстрировано в Первую мировую войну: «Мировая война резко, – пишет Мау В. А., – усилила потребность в координации деятельности всех участников хозяйственной жизни. Централизованное планирование экономики стало активно внедряться в практику основных воюющих держав, причем формирование этой системы шло как бы с двух сторон»⁴ – снизу, со стороны существующих представительных органов частного капитала, стремившихся сосредоточить в своих руках распределение военных заказов и сверху, когда правительство создавало специальные органы для решения ключевых проблем функционирования военной экономики. «Именно этот путь и стал основным», – отмечает с огорчением данный либеральный автор, объясняя такое решение опасением власти, что подобные предложения крупных промышленников могут таить ей самой угрозу. Скорее другими опасениями, добавим мы, непомерной алчности промышленников, которые без зазрения совести наживались на казенных поставках, разоряя казну и мешая тем самым достижению мобилизационной цели в ситуации войны – достижению победы и выживанию собственной страны. «Основные задачи регулирования экономики в военный период правительство видело в четком обеспечении производства материальными ресурсами, а населения (и особенно армии) – продовольствием. ...На первое место выдвигались проблемы хлеба, вооружений, топлива и транспорта»⁵. Рынок, как мы видим, в экстремальных условиях не справлялся, и власть вводила госзаказы, и фиксированные цены, и ограничение свободы торговли, реквизицию продуктов и др. Тогда же было усилено налогообложение крестьянства. В Англии и Германии шли аналогичные процессы. Централизация (закономерно, подчеркнем мы), продолжалась и при Временном правительстве, которую пытались противопоставить ускорявшемуся распаду хозяйства, плановое регулирование приветствовали разные слои, включая предпринимателей.

Эстафета централизации была передана Правительству народных комиссаров. Даже либеральный экономист В. А. Мау признает, что военно-коммунистический эксперимент был не только продуктом программных требований радикальной социал-демократии, но стал «естественным этапом в поиске новой экономической системы, которым на самом деле жила вся страна» и «был подготовлен предшествующим развитием российского хозяйства...»⁶

После революции в России была создана собственная, национально-ориентированная модель хозяйства, существенно отличавшаяся от западной либерально-рыночной, и опирающаяся на социокультурные основы страны. Большевизм воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах страны, причем на ряде этапов не догоняющего, а опережающего развития. Если имперско-либерально-рыночная модель ранней индустриализации страны провалилась, то советская индустриализация оказалась успешно реализованной на этатистской нерыночной основе. Она была вполне адекватна задачам раннеиндустриального развития.

Начиная с конца 1920-х гг., это была «мобилизационная экономика» – то есть такая, которая была ориентирована на форсированное развитие за счет мобилизации основных ресурсов, концентрации их в руках государства (органов централизованного управления) и направление на решение ключевых задач, выдвинутых в данный период государственной властью. Особенность мобилизационной экономики заключается в том, что она была подчинена иным, внеэкономическим целям, в том числе стратегическим: «догнать и перегнать», «достигнуть наивысшей в мире производительности труда», «создать материально-техническую базу коммунизма», т. е. некоей идеальной модели общественного устройства на началах «социальной справедливости», в целом принятой большинством населения; тактическим: создать индустриальную базу экономики, провести «культурную революцию», поднять материальное благосостояние и т. п. Были и внешние цели, выходившие на первый план: выжить и победить в «горячих» войнах и в «холодной войне».

Степень «автономности» советской экономики от этих, более общих и «высоких» внеэкономических целей была минимальной. По сути, она была включена, жестко «вписана» в единый общественный организм, который ряд политологов и идеологов называют «тоталитарной моделью». Оценка «тоталитарной» парадигмы выходит за рамки наших задач, и в значительной степени находится в аксиологическом (ценностном) поле. Нас здесь советская модель интересует лишь с одной – прагматической стороны, а именно – ее способность мобилизовывать ресурсы для обеспечения фундамен-

тальных интересов общества. В том числе то, как она обеспечивала выживание страны и общества в экстремальных ситуациях на грани «жизни и смерти» – в ситуациях войн и мирных периодов, которые на деле являлись состоянием балансирования «на грани» и требовали подчас не меньших мобилизационных усилий, чем состояния военных конфликтов. Ведь вся советская история была своего рода «экстремальным периодом», состоявшим из ряда этапов, по-своему подвергавшим испытаниям советскую экономическую модель.

В отличие от рыночной модели, советская мобилизационная модель опиралась преимущественно на государственную или максимально контролируемую государством общественную собственность, использовало преимущественно не категории материального интереса, выгоды и т. п., а совокупность внеэкономических механизмов (внеэкономическое принуждение, социальную мобилизацию). С внеэкономическим принуждением все относительно ясно («не хочешь – заставим», по отношению к «социально-чуждым элементам», да и остальному «несогласному» населению, реализовывавшееся и в законодательстве, и в практике). Но этого было недостаточно. Для успеха в реализации выдвигаемых целей необходима была их добровольная и энергичная поддержка обществом, большинством населения, массовый энтузиазм, формы организации, объединяющие и направляющие широкие слои. Инструментами ценностно-психологической мобилизации являлись «советская» идеология и, на ее основе, агитация и пропаганда. Институтиками социальной мобилизации были партия, общественно-политические и общественные организации (советы, профсоюзы, комсомол, творческие союзы, и др. «приводные ремни»), экономические «ячейки» (предприятия: заводы, колхозы, организации и их трудовые коллективы). Формами социальной мобилизации в экономической сфере являлись трудовые подчины, социалистическое соревнование и др., позволявшие использовать инициативу и творчество масс, выступавшие важным элементом мотивации труда⁷. Следует отметить широту и системность охвата населения институтами, инструментами и формами социальной мобилизации, которые в значительной своей части были включены в решение задач мобилизационной экономики.

К началу 1950-х годов СССР стал преимущественно индустриальным обществом, но с экономическим устройством и социальной структурой, существенно отличавшимися от капиталистических индустриальных стран, с огосударствленной экономикой, «планово-директивным» хозяйственным механизмом. Однако весь послевоенный период заполнен реформаторскими поисками в разных направлениях и областях. Уже в 1947 г. была проведена успешная денежная реформа, позволившая отказаться от карточек военного периода (что в Англии произошло лишь в 1952 г.), обеспечить до конца 1950-х гг. товарно-денежную сбалансированность, стабильность цен. Денежная реформа явилась основой для элементов рыночных поисков в экономической сфере в контексте устойчивого экономического роста.

После смерти Сталина произошел отказ от ставки на принудительные методы хозяйствования с опорой на репрессивный механизм. Был снижен налоговый пресс на деревню, что обеспечило рост производительности в сохранявшемся личном подсобном хозяйстве. Отказ от насилия, репрессий, ограничение идеологического диктата, характеризовавших основу сталинской хозяйственной модели, требовали замещения экономическими рычагами: большей самостоятельностью предприятий, экономическим стимулированием труда.

Были введены элементы децентрализации в управление экономикой, обеспечен учет интересов регионов и предприятий. Реформа 1957 г. явилась попыткой скорректировать предельно централизованный механизм, с переходом от отраслевого к территориальному принципу управления, с переводом оперативного управления экономикой на региональный уровень. 1950-е годы, особенно вторая половина, явились самыми успешными во всей истории советской экономики. Промышленный рост составлял в среднем за год от 10 до 13 %, причем высокий экономический рост обеспечивался как за счет экстенсивных, так и значительной доли интенсивных факторов⁸.

Реформаторские поиски продолжились и в 1960-е годы. Реформа 1965 г. была попыткой расширить использование экономических методов управления при сохранении в целом директивно-распределительного механизма. В замысле реформы был переход к рыночному механизму хозяйствования на основе расширения самостоятельности и ответственности хозяйственных единиц при ориентации их на получение прибыли. Вводилась экономическая заинтересованность в повышении результатов. Важными внутренними факторами-ограничителями в реформаторских поисках были идеология и политика. Так, в период «оттепели», когда готовилась хозяйственная реформа, ей предшествовала широкая научно-общественная дискуссия (чего и в помине не было перед «шоковой терапией» начала 1990-х). Вместе с тем, для научного сообщества в этой дискуссии была характерна жесткая самоцензура, поскольку даже «товарники» (сторонники более радикальных реформ) опасались перейти определенную грань. Экономические дискуссии 1950–1960-х гг. так и не смогли выработать теории рыночного социализма, ограничившись констатацией факта сохранения товарно-денежных отношений при социализме и необходимостью их использования в развитии народного хозяйства. При реализации даже эта ограниченная реформа была достаточно быстро выхолощена и свернута, причем свою роль сыграли и консервативные настроения высшего руководства, и «Пражская весна» в Чехословакии.

Послевоенные реформы, направленные на развитие товарно-денежных отношений, так и не смогли создать эффективное и устойчивое народное хозяйство, адекватное требованиям нового этапа интенсификации в условиях научно-технической революции. Тем не менее, реформы 1950–1960-х гг. не

были бесполезными. Они во многом обеспечили высокий динамизм советской экономики в этот период, способствовали формированию целого комплекса новых отраслей (космос, высокотехнологичная военная техника и др.), причем в ряде областей советская экономика не только сравнялась, но и опередила мировой уровень. Вырос уровень жизни, превысивший уровень 1940 г. почти в 4 раза. Созданы целые отрасли, обеспечивавшие потребительский спрос, развернуто массовое жилищное строительство.

Вместе с тем, в 1960-е годы начинается затухание темпов экономического роста, приведшее к стагнации начала 1980-х гг. Это снижение было весьма постепенным, и совпало по времени с контрреформаторским периодом конца 1960-х – началом 1980-х гг., когда экономика находилась в своеобразном «промежуточном» состоянии: реформы были начаты, но не завершены, их позитивный эффект был кратковременным. Осуществлялись попытки ограничения действия рыночных элементов при одновременных попытках совершенствования централизованной системы управления (реформа 1979 года).

Таким образом, советская модель развития не оставалась неизменной. На протяжении ряда десятилетий она демонстрировала весьма значительную эффективность, которая проявлялась в высоких (на отдельных этапах – высших в мире) темпах роста, в формировании передовых (для конкретного времени) отраслей народного хозяйства, в обеспечении выживания, функционирования и развития общества. Среди внутренних условий и макро-факторов разной природы и порядка, определявших развитие советской экономики второй половины XX века, можно назвать несколько ключевых: 1) Исходное (к середине XX века) состояние советского общества, недавно вышедшего из мировой войны и совершившего «экономическое чудо» – восстановление (в основном) экономического потенциала после катастрофических разрушений и потерь 1941–1945 гг., но надолго сохранившего «дефицитный» характер большинства видов ресурсов; 2) природно-ресурсный потенциал СССР в контексте потребностей собственно советского народного хозяйства и мировой экономической конъюнктуры; 3) идеологический контекст, общественно-политическое устройство советского общества и государства, определившие как специфические отношения собственности (при тотальном огосударствлении), так и всю систему организации народного хозяйства с всеохватывающим (по замыслу) вертикальным планированием, резким ограничением прав и полномочий хозяйствующих субъектов и т. д.; 4) изменение самого общества в процессе индустриальной модернизации (становление городского общества, изменение качества населения – структуры занятости, места жительства, рост уровня образования и культуры), что объективно, с одной стороны, расширяло поле для экономического прогресса, позволяло наращивать интенсивные факторы экономического роста, с другой, – требовало изменений и в методах управления, и в целом – в экономическом механизме. Сохранение в закосневшем виде идеологии, форм организации общественной жизни, экономики, адекватных задачам 1930-х гг., было абсурдным в 1960-х, 1970-х и тем более 1980-х гг. – в совершенно ином обществе: городском, индустриальном, образованном.

Внутренние факторы проявлялись во взаимодействии с внешними макро-факторами, существенно влиявшими на развитие советской экономики. Среди них были следующие: 1) развертывание «холодной войны», и соответственно, гонки вооружений, существеннейшим образом повлиявшей на все параметры советской экономики – отраслевую структуру (с доминированием ВПК), приоритет конкретных производств и технологий, распределение бюджета, организацию управления, и др.; 2) соревнование двух систем и двух «сверхдержав» на всех направлениях развития, включая и экономическую гонку, подразумевавшую «выявление преимуществ» той или иной общественной модели; 3) научно-технический прогресс, переходящий в НТР, являвшийся общемировым фактором и влиявшим как на появление новых технологий и целых отраслей (ядерная энергетика, «химизация» производств, индустриальные методы в строительстве и т. д.), так и на формы организации производства.

Это – далеко не все «факторы», определявшие советское экономическое развитие, однако во многом ключевые, помогающие описать «сущностную» модель экономической динамики второй половины XX века и избежать при этом примитивного «экономического детерминизма». Следует подчеркнуть, что совокупность «внешних» факторов в этом контексте, представлявшая собой исторический «вызов» СССР (вплоть до постановки вопроса о самом его существовании, что со всей очевидностью проявилось в период его распада), являлась определяющей и для его экономического развития. Экономика в этом контексте была подчиненным элементом всей системы жизнедеятельности (и «жизнеобеспечения») советского общества, и, прежде всего, обеспечения военно-стратегической безопасности. Угроза была более чем реальной: сейчас широко известны планы ядерного нападения США на СССР, особенно план 1949 года «Дробшот» с уничтожением 200 основных советских городов, не говоря уже о десятилетиях балансирования на грани войны.

Вследствие преимущественно внешних факторов советская экономика второй половины XX века вновь оказалась в «мобилизационном» режиме: требовалось не только ускоренное восстановление разрушенного войной народного хозяйства и всех систем жизнедеятельности, но и одновременное наращивание военно-промышленного потенциала, способного противостоять внешней угрозе, и все это – в условиях крайнего дефицита материальных, финансовых и людских ресурсов. Вновь вынужденно приоритетными оказались оборонная и тяжелая промышленность, а на втором плане – производство потребительских товаров и сельское хозяйство. Будучи вынужденно втянут в гонку вооружений, СССР на военные нужды использовал до 20 % ВВП, тогда как США – 5–10 %. В 1985 г. ВВП на душу населения в

СССР был в 4 раза меньше, чем в США, а военные расходы на человека в денежном выражении – практически равны. Даже в США гонка вооружений имела негативные последствия, проявившись в ослаблении конкурентных позиций на мировых рынках, а для СССР последствия были гораздо серьезнее⁹.

Мобилизационный режим работы советской экономики стал одним из факторов сдерживания ее перехода к рыночной модели, снизил темпы роста и модернизации многих отраслей экономики, ограничивал рост благосостояния населения. Жертвуя уровнем жизни населения, государству удалось создать надежный оборонительный щит из новейших видов вооружения, а в перспективе, к началу – середине 1970-х гг. – достичь ядерно-стратегического паритета с США. Угроза развязывания мировой войны, даже в условиях жесткой «холодной» конфронтации, была сведена к минимуму.

Гонка вооружений имела для советской экономики комплекс противоречивых разнонаправленных следствий, наиболее важные из которых: 1) растрачивание ресурсов, их ограничение для развития отраслей и производств за пределами ВПК; 2) диспропорции в отраслевой структуре с явным доминированием оборонных и «сопутствующих» отраслей тяжелой промышленности; 3) консервация жестко-централизованной системы управления, формирование больших, неповоротливых ведомственно-бюрократических структур со своими корпоративными интересами, которые нередко становились самодовлеющими и косными, невосприимчивыми к инновациям, отторжение существенных инноваций в области управления экономикой; 4) прорывы на ряде ключевых научно-технологических направлений, ускорение научно-технического прогресса по части разработки новейших технологий, однако ограничение их тиражирования и внедрения в «мирные» производства из-за режима секретности, «ведомственности» и других барьеров. Таким образом, влияние доминирования в экономике ВПК было неоднозначным, и плюсы и минусы его требуют основательного изучения. Вместе с тем, «выматывающий» характер гонки вооружений на протяжении десятилетий для советской экономики очевиден. В ущемленном положении оказались легкая промышленность и особенно сельское хозяйство, которое оставалось источником перераспределения ресурсов в пользу промышленности и города, при этом – весьма неэффективным экономически.

В последние десятилетия допускались грубые политические и управленческие просчеты, что не означало принципиальную, «сущностную» неэффективность и неререформируемость системы, в т. ч. плановой экономики (это не только никем не доказано, но и опровергнуто опытом экономических реформ в КНР). Однако крупные частные просчеты в отдельных областях существенно повлияли на общую тенденцию и судьбу советской экономики, да и СССР в целом. Грубым организационным просчетом был доведенный до абсурда «режим секретности», «пропасть» между отраслями ВПК и остальными, что при наличии передовой науки, множества новых технологий привело к общему технологическому отставанию страны в эпоху НТР. Грубым экономическим просчетом стало неадекватное использование благоприятной мировой конъюнктуры (в отличие от 1930-х гг. – когда был совершен индустриальный рывок), а именно «проедание нефтедолларов». Дважды (1973–1974 и 1980–1981 гг.) цены на нефть повышались более чем вдвое. Этот случайный благоприятный фактор можно было использовать для рывка в развитии высоких технологий или хотя бы для подъема собственного сельского хозяйства.

Вместе с тем, власть пыталась учитывать совокупность противоречивых процессов, происходивших в мире и в самой стране. Мировые интеграционные тенденции нашли отражение в усилении интеграционной политики в рамках СЭВ, развитие НТР – в попытках выстраивать научно-техническую политику, усилить связь науки с производством, весьма удавшуюся в ряде целевых программ (атомном проекте, космических программах и др.), но, несмотря на декларации, «соединить достижения НТР с преимуществами социализма» в масштабах всей экономики не удалось.

Внешние «внеэкономические» факторы оказались, пожалуй, еще более серьезным препятствием для поиска путей реформирования планово-рыночного хозяйства (которое существовало в СССР) в более эффективную модель рыночного хозяйства социального типа с регулируемым рыночными отношениями. С одной стороны, неоднократные антисоветские мятежи в странах Восточной Европы останавливали лидеров КПСС в реформационных поисках, поскольку вариант «демократического социализма» с расширением свободы хозяйствующих субъектов угрожал самой системе власти, построенной на жесткой номенклатурной вертикали. С другой стороны, проводившиеся до второй половины 1980-х гг. реформы и эксперименты в сфере экономики оказались весьма ограниченными не только из-за идеологических ограничений, но и по причине сохранявшегося мобилизационного характера экономики, работавшей прежде всего на оборону, а в такой ситуации наиболее результативны именно командно-централизованные (а вовсе не рыночные) рычаги. Интересно, что в отсутствие внутренней конкуренции, предприятия советского ВПК являлись весьма конкурентоспособными на мировом рынке вооружений, поскольку вынуждены были «держаться форму» в конкуренции с корпорациями США и других стран Запада, и нередко работали по типу «целевых программ» с очень высокой степенью организации, нацеленностью на конечный результат.

Советская модель развития обеспечила переход к индустриальному обществу. Но к «постиндустриальному», точнее – новой стадии индустриального, СССР перейти не успел. В чем причины? В том, что эта модель стала тормозом и не позволила? Или дело в конкретных управленческих решениях, которые оказались некомпетентными? Думаю, что верно именно второе. Потенциал советской системы вовсе не был исчерпан. Да и как он мог быть исчерпан, если раннеиндустриальная стадия для половины страны еще не была завершена, оставались огромные резервы просто для экстенсивного роста экономики.

Вся Средняя Азия, почти все Закавказье оставались резервом ручного неквалифицированного доиндустриального труда. Конечно, гонка вооружений отвлекала огромные дефицитные ресурсы СССР на непроизводительные военные расходы. Но ВПК одновременно нарабатывал колоссальные технологические прорывы по всем направлениям. Эти технологии потом почти даром получили США. Одной из ключевых ошибок советского руководства было то, что не смогли или не захотели создать такой организационный механизм, который задействовал бы достижения ВПК в гражданских отраслях. А эта задача вполне решалась сугубо административно-управленческими методами.

Свое влияние оказали и механизмы принятия решений на уровне политбюро ЦК КПСС, где и идеологические соображения, и личный «вес» каждого члена, представлявшего «сегменты» партии, государственных и общественных структур, народного хозяйства, становились факторами, предопределявшими не только конкретные решения, но и стратегию развития в конкретных областях.

Однако это совершенно не означало, что советская система и СССР как ее государственное воплощение обречены на крах и распад. Хотя в 1960–1970-е гг. и был допущен ряд крупных управленческих, тактических и стратегических просчетов, экономическое развитие вплоть до начала 1980-х гг. оставалось вполне динамичным, и даже кризисные явления начала – середины 1980-х гг. отнюдь не были катастрофичными для советской модели развития: многие западные страны знали и более тяжелые времена. Распад советской системы и крах ее социально-экономической основы не были «фатальными», а носили преимущественно искусственный, субъективный характер, связанный с борьбой внутри советской политической элиты. И задача состояла в выработке правильной стратегии дальнейшего развития в изменившихся внешних и внутренних условиях: при новом качестве самого советского общества и при постиндустриальном вызове мирового прогресса. И эта стратегия должна была вновь опираться на социокультурные особенности страны.

Не искусственное и насильственное насаждение «общечеловеческих ценностей», которые суть ценности западной цивилизации в ее квазилиберальной форме, отвечало интересам развития страны, а прорыв к новым технологическим уровням. Идеологическая и геополитическая капитуляция в виде политики «нового мышления» команды М. С. Горбачева (и одностороннего отказа СССР от «холодной войны») в период «перестройки» явилась внешним условием для начала реформирования, концепция которого либо была не продумана, либо сознательно выбрана как разрушительный вариант развития (чему есть подтверждения в мемуарах и современных выступлениях лидеров того времени и их «советников»). Социализм рухнул, а СССР распался не потому, что они были не жизнеспособны, а потому, что динамичность общества резко упала: закоснели социальные формы, классы и страты стали превращаться в подобие сословий с жесткими перегородками; идеология перестала быть мобилизующей, а превратилась в ритуальную; власть принимала неадекватные стратегические решения, в том числе проспав очередной виток технологической революции; элита оторвалась от народа, переродилась, приняла чужие ценности – не только идеологические, но и ценности чужой цивилизации. Здесь – аналог дореволюционных процессов: низы и верхи в России – это как два абсолютно разных народа в одной стране, с разными интересами, даже с разной системой понятий.

Завершая краткий анализ мобилизационной модели развития советской экономики, подведем некоторые итоги. После революции в России была создана собственная, национально-ориентированная модель хозяйства, существенно отличавшаяся от западной либерально-рыночной, и опиравшейся на социокультурные основы страны. Большевизм был «переварен» Россией, превратившись с 1930-х гг. в политической практике – в разновидность «почвеннического» течения с леворадикальной марксистской риторикой. На деле он воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах, причем на ряде этапов – стратегию не догоняющего, а опережающего развития.

Если либеральная индустриальная модернизация в России провалилась, закончилась революцией и разрухой, то советская индустриальная модернизация в 1930–1940-е годы оказалась успешно реализованной на этатистской нерыночной основе. Иными, по сравнению с Западом, методами был получен аналогичный результат – становление ранне-индустриальной системы. Это свидетельствует о том, что советская смешанная двухсекторная государственно-кооперативная «нерыночная» модель была вполне адекватна задачам раннеиндустриальной стадии.

По восходящей осуществлялось развитие советской экономики и в 1950-е – середине 1970-х гг., хотя и с угасанием темпов экономического роста. В этот период в мире происходила следующая волна модернизации, обеспечивавшая развертывание НТР, становление зрелого индустриального, а затем и постиндустриального общества. Решение задач этого этапа давалось советской экономике с трудом, хотя она вывела страну в лидеры по ряду направлений НТР (космос, новейшие вооружения, атомная промышленность и др.) Советская экономическая модель претерпела существенные изменения в рыночном направлении, хотя они и были несистемны, половинчаты. Они повышали динамизм экономического развития, но на краткосрочный период. Вместе с тем, оно было вполне успешным с точки зрения основных мировых показателей. Более того, можно сказать, что советская модель экономики была уникальна и высокоэффективна в решении задач, которые перед ней ставились. Она показала, что рыночная экономика далеко не универсальна, что иными способами можно достигать аналогичных или более существенных результатов.

Объективным критерием оценки любой хозяйственной системы могут быть только полученные экономические и социальные результаты. Такими критериями могут быть приняты рост ВВП СССР в

сравнении аналогичными показателями других стран за тот же период, изменение места экономики страны в мире. Так, ВВП СССР вырос с 1950-го по 1980 год почти в 4 раза, что было существенно больше, чем в США, крупнейших европейских странах, и уступало лишь Японии. Аналогичные сопоставления характерны для такого показателя, как ВВП на душу населения. В результате экономических успехов укреплялись и мировые позиции СССР, превратившегося именно в этот период в одну из двух сверхдержав, обеспечившей военно-стратегический паритет с США. Можно ли говорить о полной неэффективности такой экономики, такой хозяйственной системы?

Другой вопрос, что на новый модернизационный вызов при решении задач перехода к постиндустриальному обществу власть не смогла дать адекватного ответа, и прежде всего в экономической сфере. Ряд достоинств советской экономики на ранних стадиях превращался в недостатки в иных условиях. Другими стали и общество, и масштабы экономики, и ее структура, а хозяйственный механизм и система управления менялись медленно и неадекватно. Здесь сыграли свою роль и идеологический догматизм (отдававший приоритет материальному производству, промышленности, рабочему классу), и растрачивание ресурсов в вынужденной гонке вооружений, и конкретные некомпетентные решения, например, проедание нефтедолларов, подаренных выгодной мировой конъюнктурой, вместо вложения их в новый модернизационный рынок. Не государственная собственность, а ее абсолютное доминирование наряду с бюрократизацией управления стимулировали застой и последующий крах экономики и всей системы.

Самой сложной проблемой явилась трансформация централизованно-планово-государственной экономики в таком направлении, чтобы приспособить народное хозяйство к требованиям эпохи НТР, радикально повысив уровень интенсификации производства, сохранить высокие темпы роста. Этого сделать не удалось. В результате произошло отставание от авангарда западных стран, сумевших перейти к зрелой стадии своего развития, характеризующейся не только высокой экономической эффективностью, но и, на ее основе, высокого уровня и качества жизни. То есть, если еще в 1950–1960-е годы социальные стандарты социализма обладали большой привлекательностью в мире, особенно в развивающихся странах, то позднее СССР утратил лидерство в социальной сфере, а ряд стран нашел иные модели преодоления социально-экономической отсталости.

Нисходящая фаза экономического развития в СССР совпала с консервативными, контрреформистскими настроениями брежневской команды. «Застой» как политическое явление обернулся экономической стагнацией на рубеже 1970–1980-х гг. Реформы, и весьма радикальные, были неизбежны, но какими они должны быть, кто и как будет их начинать и проводить, в каком направлении, какими методами, в каких темпах – все эти вопросы были принципиальными. Результатом реформ стал не выход из предкризисного состояния (а кризис – это нормально для любой страны и экономики, для рыночной экономики – это вообще циклическая закономерность, и их капитализм научился преодолевать, минимизируя экономические и социальные потери). Результатом «перестроечных» реформ стало сначала разрушение советской экономики, а затем и государства, а в постсоветский период – вообще подрыв современной производственной базы и цивилизационных основ общества. Советская экономика была чрезвычайно жизнеспособна, разрушить ее можно было только изнутри, а точнее – сверху, из-за ее большой централизации.

Реформы не должны осуществляться ради реформ, или ради чьих-то амбиций и капризов, или частных корыстных интересов, или – ради воплощения чьих-то идеологических пристрастий. Если реформы разрушают государство, ведут к падению уровня его безопасности, к обнищанию основной массы населения, то такие реформы народу и стране не нужны. Реформы должны быть органичны, то есть соответствовать социокультурным и иным параметрам страны, постепенны, то есть не переходить порог допустимой нагрузки новым, чтобы его успели «переварить». Реформы должны быть концептуальны, а не являться продуктом спонтанных решений и эмоциональных «озарений», метаний из стороны в сторону. Реформы должны быть последовательны и поэтапны, полными, а не частичными. Несистемные, частичные, незавершенные реформы обостряют проблемы и противоречия, ведя тем самым к контрреформам. Все эти и многие другие объективные требования к проведению реформ были проигнорированы и в период перестройки, и – в еще большей степени – после нее. Но это тема для специального анализа.

Примечания

¹ См.: Wiles P. The Soviet Economy Outpaces the West // Foreign affairs. 1953. Vol. 31. № 4. P. 566–580.

² См. об этом подробнее: Сенявский А. С. «Советская экономика опережает Запад»: анализ и оценки американского эксперта начала 1950-х гг. / А. С. Сенявский, А. А. Иголкин // Экономическая история России : проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 10. Москва ; Волгоград, 2008. С. 320–325.

³ См.: U.S. News and World Report. 1978. March 27. P. 89.

⁴ May B. A. Очерки становления централизованного государственного управления хозяйством России // Экономическая история. Хрестоматия. Т. 1. М., 2007. С. 432.

⁵ Там же. С. 432–433.

⁶ Там же. С. 435–436.

⁷ Одним из наиболее тяжелых этапов экономического развития, вызвавших к жизни предельную мобилизацию сил советского общества, был период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. О некоторых механизмах и формах мобилизационной модели в эти годы см.: Сенявский

А. С. Мобилизационные механизмы восстановления экономики на освобожденных от германской оккупации территориях РСФСР: использование потенциала молодежи (1942-1950 гг.) / А. С. Сенявский, Т. М. Братченко // XX век в истории России : сб. науч. тр. Сергиев Посад : ИРИ РАН-СПГИ. 2006. С. 96–112.

⁸ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 47.

⁹ Там же. С. 51, 125.

Бородкин Л. И.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛАГЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ: СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА В РАННЕМ ГУЛАГЕ

Работа ведется при поддержке гранта РГНФ 09-01-00256а.

Индустриализация, начавшаяся в СССР после «великого перелома», носила форсированный характер, присущий экономике мобилизационного типа. С начала 1930-х гг. сфера труда в советской экономике начинает испытывать кардинальные изменения, характеризующиеся сочетанием методов материального стимулирования, морально-политической мотивации, принуждения и насилия. Эти изменения внедрялись в хозяйственную практику в ходе растущей централизации, укрепления ведомственности, репрессивного аппарата¹. В работах ряда историков, опубликованных в последние полтора десятилетия, обосновывается тезис о том, что масштабное применение «обычного» принуждения и насилия в различных отраслях советской экономики 30-х гг. было недостаточным и не позволяло решать многие задачи форсированной индустриализации, что привело к созданию целого сектора «лагерной экономики»². Экономическая структура ГУЛАГа выполняла ряд функций, осуществление которых было практически невозможно в условиях тех методов принуждения и стимулирования труда, которые установились в отраслях «открытой» экономики. Эти функции включали³:

- обеспечение развития отдаленных районов страны, привлечение в которые вольнонаемных работников требовало значительных средств;
- создание чрезвычайно мобильной рабочей силы, легко перебрасываемой с объекта на объект в зависимости от планов руководства страны;
- обеспечение возможностей эксплуатации этой рабочей силы практически без ограничений, вплоть до полного истощения;
- повышение уровня дисциплинированности «свободных» работников ввиду угрозы попасть в лагерь;
- снижение давления на скудный потребительский рынок, облегчение решения сложнейших социальных проблем (например, жилищной) ввиду изоляции миллионов заключенных и других «спецконтингентов».

Сюда можно добавить и задачу экономии средств на содержание заключенных – ГУЛАГ существовал в условиях самоокупаемости.

Тридцатилетняя история ГУЛАГа включает, на наш взгляд, несколько периодов: 1) 30-е годы – период становления лагерной системы, развития ее организационной структуры, расширения отраслевой и территориальной структуры (вплоть до начала войны); военные годы; послевоенный период (до 1953 г.) и постсталинский период (1953–1960 гг.) – время постепенного «сворачивания» ГУЛАГа.

В данной работе рассматривается первый из указанных периодов («ранний ГУЛАГ»). В течение этого десятилетия в лагерной системе нарабатывался опыт решения задач мобилизационной экономики; так, в августе 1940 г. руководство НКВД СССР получило задание ЦК ВКП (б) и Правительства СССР обеспечить в «кратчайшие сроки» строительство авиационных заводов. В соответствии с приказом НКВД СССР руководство ГУЛАГа обязывалось «снять со строек других Наркоматов и перебросить на строительство авиационных заводов в августе 10000 заключенных, в сентябре 10000 и в октябре 5000, обеспечив полную потребность этого строительства в рабочей силе за счет лагерного контингента ГУЛАГа НКВД»⁴. И эти контингенты были переброшены на нужные объекты в течение одного-двух месяцев. Примеров такого рода в практике деятельности ГУЛАГа было немало.

Уже в 30-х гг. ядром экономики ГУЛАГа стали крупные стройки, горнодобывающие комплексы и лесная промышленность, требовавшие массового применения неквалифицированного физического труда в экстремальных (нередко) климатических условиях.

Общие сведения о лагерной экономике к началу 1940 г. содержатся в докладе заместителя начальника ГУЛАГа Лепилова руководству НКВД СССР (март 1940 г.)⁵. К этому моменту ГУЛАГ включал 53 ИТЛ, 425 ИТК (в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентских», т. е. работающих на стойках и в хозяйствах других ведомств). Общий контингент заключенных, содержащихся в ИТЛ и колониях ГУЛАГа, насчитывал 1668 200 человек, из которых 34,1 % приходилось на осужденных за «контрреволюционную деятельность» и за особо опасные преступления против порядка управления⁶. Как отмечается в докладе, к началу 1940 г. «централизованная картотека ГУЛАГа отражает необходимые данные почти по 8 миллионам человек, как по лицам, прошедшим через изоляцию, так и по содержащимся ныне в местах изоляции»⁷. Военизированная охрана ГУЛАГа насчитывала

при этом 107 тыс. человек. Хозяйственная деятельность этого производственного главка НКВД СССР была «исключительно разнообразна» и охватывала промышленность (17 отраслей), сельское хозяйство и «строительство крупнейших индустриальных комплексов». Наиболее крупной отраслью ГУЛАГа была в эти годы лесная. Объем лесозаготовок ГУЛАГа в 1940 г. определялся в 38,9 млн фестметров, что составляло около 40 % всех заготовок Наркомлеса Союза и почти 13% объема всех лесозаготовок СССР (стоимость товарной продукции оценивалась по плану на 1940 г. суммой 730, 3 млн руб.)⁸. Существенную роль в развитии процессов форсированной индустриализации играла горно-металлургическая промышленность ГУЛАГа, в состав которой входили такие крупные предприятия (действовавшие на тот момент или еще строившиеся), как Норильский медно-никелевый комбинат с Красноярским аффинажным заводом, медно-никелевый комбинат «Североникель», с алюминиевым заводом в г. Кандалакша, Актюбинский комбинат (завод ферросплавов и хромитовые рудники), Джезказганский медный комбинат. Что касается золота и олова, то основная добыча этих металлов в стране производилась лагерями Дальстроя НКВД (66,7 т чистого золота и 5100 т олова в 1939 г.)⁹. Особое место в экономике ГУЛАГа занимало капитальное строительство, которое «выделялось масштабами и сложностью возводимых сооружений». В первую очередь это касалось горнометаллургической промышленности (371 млн руб. капвложений в 1940 г.), топливной промышленности (88 млн руб.) лесной промышленности (80 млн руб.) и др. Однако, как отмечалось в докладе, «не эти стройки определяют роль ГУЛАГа НКВД как крупнейшей строительной системы в СССР. ГУЛАГ ведет строительство объектов исключительного народнохозяйственного значения; ввод в действие которых резко увеличивает индустриальную мощь Советского Союза и укрепляет его обороноспособность»¹⁰. Речь идет прежде всего о гидротехнических сооружениях – гидростанциях, гидроузлах, а также о судостроительных заводах и морских сооружениях, предназначенных, в частности, для ВМФ и морского флота. Важное значение придавалось также строительству целлюлозно-бумажных предприятий (общий объем этих капвложений на 1940 г. – 1492 млн руб.)¹¹.

Отдельно следует сказать о доле контингентов ГУЛАГа по отношению к общей численности занятых в промышленности и строительстве: эту долю принято оценивать примерно в 10 %. Что же касается вклада экономики ГУЛАГа в ВВП страны, то она не достигала ни в один год 10 % и (оценочно) колебалась по годам в пределах 3–5 %. Однако эти обобщенные цифры обладают малой информативностью. Гораздо большую роль ГУЛАГ играл в решении таких важных задач, как освоение природных богатств и огромных территорий на Севере и Востоке страны, строительство стратегических предприятий, гидростанций, аэродромов, дорог. Большое значение имели лесозаготовки и добыча ценных металлов; эти объекты экспорта давали валютные поступления, необходимые для закупки оборудования для строившихся заводов.

Однако перейдем к анализу более конкретных вопросов экономики «раннего ГУЛАГа».

* * *

Человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл. <...>. Приемы, успехи и культурно-политический смысл работы ГПУ должны быть широко известны гражданам Союза советов.

М. Горький¹².

Вступительная статья Горького в книге о строительстве канала (ББК) заключенными ГУЛАГа (1934 г.) характеризует это строительство как «отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата-диктатора и советской общественности в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов государственно-необходимого труда»¹³. Тема государственно-необходимого (т. е. принудительного) труда в ГУЛАГе раскрывалась в 1990-х гг. преимущественно в воспоминаниях бывших узников лагерей. В этих материалах основное внимание уделяется тяжелейшим условиям работы заключенных, жесткому принуждению со стороны лагерной администрации, способам выживания людей в условиях рабского труда.

Открытие секретных ранее архивных фондов карательных ведомств СССР позволяет выявить новые ракурсы не только в изучении роли ГУЛАГа в советской индустриализации, но и в исследованиях организации и форм принудительного труда в лагерях. Архивные материалы позволяют установить эволюцию изменявшейся на протяжении 30–50-х гг. системы регулирования принудительного труда в ГУЛАГе, выявить содержание основных документов, регламентирующих труд заключенных и механизмы его контроля. В данной работе в основном используются архивные материалы Государственного архива РФ (ГАРФ)¹⁴. В центре нашего внимания – вопрос о начальной фазе процесса формирования системы организации производительного труда миллионов заключенных в условиях практически неограниченного принуждения, характерных для ГУЛАГа. В каком направлении эволюционировала в течение первого десятилетия лагерная система «трудового воспитания», могла ли она обойтись без введения стимулов, повышающих производительность труда заключенных? Эти вопросы остаются до сих пор малоисследованными. Они оказались вне поля внимания и авторов известных книг о ГУЛАГе, опубликованных в последние годы в России и за рубежом¹⁵.

* * *

Идея организации принудительного труда заключенных, имеющего в основном экономические цели, была сформулирована уже на первом году советской власти. Так, в 1918 г. Наркоматом юстиции были выработаны два основных принципа тюремной политики: полная самокупаемость мест заклю-

чения (доходы от труда заключенных должны были превышать расходы на их содержание) и полное перевоспитание заключенных¹⁶. 16 октября 1924 г. Постановлением ВЦИК вводился Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в котором эти принципы получили дальнейшее развитие. В частности, ст. 9 кодекса гласила: «Каждое исправительно-трудовое учреждение должно стремиться возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки, не теряя, однако, из виду исправительных целей». Существенно, что уже в эти годы власти осознали необходимость материального стимулирования работы в местах заключения. В соответствии со ст. 70 кодекса заключенные получали за труд «вознаграждение, нормы и порядок регулирования которого устанавливаются Народным Комиссариатом Внутренних Дел РСФСР, по соглашению с Народным Комиссариатом Труда РСФСР»¹⁷. Ст. 73 разрешала «в целях наибольшей производительности труда при работах в местах заключения» применять систему урочного и сдельного вознаграждения¹⁸.

У нас, однако, нет свидетельств широкого применения отмеченных статей кодекса в практике советской пенитенциарной системы 20-х гг. Такие свидетельства появляются после 1929 г. В этом году, 13 мая вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об использовании труда уголовных арестантов». Подписанное секретарем ЦК И.Сталиным, постановление было весьма коротким:

«Перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиги и т. д. Поручить комиссии в составе тт. Янсона, Ягоды, Крыленко, Толмачева, Уланова подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия использования арестантского труда на базе существующих законов и существующей практики»¹⁹.

Через полтора месяца, в соответствии с другим постановлением Политбюро, осужденные на сроки на три года и выше передавались «для отбытия лишения свободы в лагеря, организуемые ОГПУ»²⁰. Для приема растущего потока заключенных ОГПУ поручалось «расширить существующие и организовать новые концентрационные лагеря в целях колонизации [отдаленных] районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы»²¹.

Еще через две недели, 25 апреля 1930 г. ОГПУ издало приказ № 131, в котором обратилось с призывом к чекистским кадрам о записи добровольцев на руководящую работу во вновь организуемые лагеря. В приказе говорилось, что «постановлением СНК СССР от 11.VII-29 г. ... на ОГПУ возложена задача развития хозяйственной жизни наименее доступных, наиболее трудно осваиваемых и вместе с тем обладающих огромными естественными богатствами окраин нашего Союза, путем использования труда изолируемых социально-опасных элементов, колонизации ими малонаселенных мест»²².

7 апреля 1930 г., практически одновременно с созданием Управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (с октября 1930 г. – ГУЛАГ) вышло Постановление СНК СССР «Об утверждении положения об исправительно-трудовых лагерях»²³. Этим постановлением открывалась мрачная 30-летняя история регулирования принудительного труда заключенных ГУЛАГа.

Положение 1930 г. об исправительно-трудовых лагерях указывало в качестве их задачи охрану общества от «особо социально-опасных правонарушителей». Однако и в этом документе просматривалось понимание того, что на одном принуждении далеко не уедешь. Так, в ст. 23 говорилось, что к заключенным, которые «проявят усердным отношением к труду и хорошим поведением признаки исправления», применяются следующие меры поощрения: объявление благодарности в приказе по отдельному лагерю или по управлению лагерей, с занесением в личное дело; выдача премиального вознаграждения; улучшение жилищных и бытовых условий (предоставление личного свидания, свободных прогулок, права получения и отправления корреспонденции вне нормы и очереди и т. д.). При этом, однако, ст. 24 оговаривала, что премироваться могут только те заключенные, которые не были осуждены за «контрреволюционные преступления». Премирование могло заключаться (ст. 25) в денежном вознаграждении, в выдаче усиленного продовольственного пайка, в представлении заключенного аттестационной комиссией к досрочному освобождению с поселением или без поселения.

Необходимость стимулирования труда заключенных ГУЛАГа нашла отражение и в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г. об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР (ориентированного уже не на лагеря, а на другие «исправительно-трудовые учреждения» – колонии, тюрьмы). Глава 6 («Меры поощрения и премирования») содержала ст. 77, которая вводила следующие меры: а) публичное одобрение с занесением в личное дело и с доведением до сведения всех лишенных свободы; б) предоставление свиданий сверх установленной нормы; в) улучшение питания; г) премирование деньгами или вещами. В соответствии со ст. 78, «за особо продуктивную работу» лишенным свободы наблюдательные комиссии могли производить зачет рабочих дней²⁴.

Актуальность стимулирования труда «социально-опасных правонарушителей» определялась во многом проблемами финансирования лагерей. Так, в письме зам. председателя ОГПУ Ягоды председателю Совнаркома Молотову от 28.02.1933 о задолженности наркоматов, использующих лагерную рабочую силу, отмечается, что «все лагеря ОГПУ находятся на полной самокупаемости и все расходы производят из собственных средств». Подчеркивая, что финансовое положение лагерей в 1933 г. будет чрезвычайно напряженным, т. к. «лагеря ОГПУ должны освоить новое пополнение заключенных в 200 000 человек», Ягода просит удерживать задолженность наркоматов лагерям из ассигнований по госбюджету²⁵.

Архивы ГУЛАГа содержат свидетельства использования методов материального стимулирования труда заключенных уже в самом начале 30-х гг. Так, приказ по Главному Управлению Лагерями ОГПУ от 25 сентября 1931 г., подписанный начальником ГУЛАГа Коганом, гласил: «Учитывая ударность работ

по линии Кунгур-Свердловск проводимой Управлением Кунгурских Лагерьей и необходимость закончить таковые к 15 ноября, приказываю:

- 1) увеличить выплату премиальных ударникам из з/к на 100 %
- 2) усилить ассортимент ларьков представляя возможности 100 % реализации премиальных
- 3) выделить премиальный фонд в размере 10000 р.
- 4) предоставить по окончании работ 10-дневный отдых всем заключенным работавшим на ударной работе»²⁶.

С первых лет существования ГУЛАГа в целях повышения производительности труда заключенных практиковались как привычные стимулы, апробированные в промышленности СССР, так и специфические стимулы лагерной системы. Так, еще в 1932 г. для «особо отличившихся ударников из заключенных – строителей Беломорско-Балтийского Водного пути» был введен специальный Жетон Строителя Белморстроя²⁷. Награжденный жетоном, в каком бы лагере он в дальнейшем ни содержался, имел право на целый ряд льгот, облегчавших жизнь «в зоне».

Вполне в духе известных методов стимулирования авральных работ в годы первых пятилеток звучит и приказ начальника ГУЛАГа ОГПУ по Белбалткомбинату ОГПУ от 23 января 1934 г., предоставлявший льготы ударникам сплава Белбалткомбината, чьи усилия позволили избежать аварийной производственной ситуации. В приказе отмечается, что «благодаря напряжению воли и энергии ударников [заключенных], под непосредственным наблюдением и руководством мобилизованного чекистского состава и адмтехперсонала ББК – <...> аварийный сплав был в основном закончен». В ознаменование этого достижения, говорится в приказе, объявляется благодарность «всему чекистскому составу, адмтехперсоналу и наиболее отличившимся на этой грандиозной и трудной работе ударникам [заключенным]». При этом руководству ББК предлагается составить список 500 «наилучших ударников, способствовавших завершению сплава», для их поощрения. Отдельный пункт приказа содержал распоряжение о выделении 30000 рублей для премирования отличившихся ударников-заключенных²⁸.

Под лозунгами «ударного труда» местная администрация лагерей нередко нарушала установленные инструкциями ГУЛАГа нормы санитарно-бытового состояния лагерей, режима труда заключенных, включая количество рабочих дней и пределы длительности рабочего дня. Так, в приказе начальника ГУЛАГа Бермана от 9.2.1933 отмечается, что «наиболее нетерпимым является производство работ в выходные дни под видом субботников, ударников (так в документе. – Л. Б.), штурмов и т. п.» Начальника ГУЛАГа эти факты беспокоили в связи с тем, что «такие добавочные дни, изматывая людей, вместе с тем, в конечном счете, вредны и для производства, понижая производительность труда»²⁹.

Документация ГУЛАГа первой половины 1930-х гг. содержит много сведений о неэффективной организации труда заключенных, слабом воздействии существовавших методов стимулирования. Так, в приказе по ГУЛАГу от 7.06.1933 строгий выговор объявлялся начальнику снабжения Бамлага за невыполнение распоряжений ГУЛАГа о введении дифференцированных проднорм, что привело к «срыву правильного питания» и «смазыванию стимула к поднятию производительности труда»³⁰. В этом же приказе объявлялись выговоры целому ряду начальников снабжения лагерей (Темлага, Бамлага, Свирлага, Вишлага, Дальлага, Сиблага, Сазлага, Дмитлага), не представивших отчетности об обеспеченности лагерей продовольствием и его распределении³¹. В другом приказе начальника ГУЛАГа, от 20.11.1934 отмечалась «безобразная расстановка рабочей силы» в Темлаге, где в одном из лаготделений на подсобно-вспомогательных работах было занято 26,6 % заключенных против утвержденных по плану 10,5 %. При этом часть контингента, занятого на основных работах (группа «А»), привлекалась к непрофильным хозяйственно-обслуживающим работам (как сказано в приказе, «обнаружено засорение производственной группы «А»»). Так, «на лаптеплетении, вместо использования имеющихся в лагере слабосильных», были заняты «здоровые лагерники»³².

* * *

Однако наиболее ощутимым стимулом для заключенных ГУЛАГа в 30-х гг. были зачеты рабочих дней, позволявшие сократить срок заключения при перевыполнении плановых заданий (один рабочий день засчитывался за полтора-два, в зависимости от процента перевыполнения норм)³³. В документации ГУЛАГа 1930-х гг. содержится немало высоких оценок системы зачетов. Вот одно из них, датированное 1933 г. (оно принадлежит начальнику Темлага Тизенбергу): «...зачет рабочих дней надо рассматривать как серьезную политическую задачу, являющуюся важнейшим звеном в системе исправительно-трудовой политики лагерей ОГПУ; как сильнейший импульс для успешной перековки лагерника и наконец, как мощное орудие повышения и улучшения производительности труда»³⁴. Вместе с тем в этом же документе – приказе № 368 по Темниковскому ИТЛ – отмечается, что зачеты рабочих дней заключенным 8-го лагпункта сопровождаются «безобразнейшим оформлением учетных карт всеми без исключения работниками, имеющими прямое отношение к аттестованию заключенных». Приказ содержит конкретные примеры таких «безобразий». Так, отмечается, что отзывы воспитательной части ИТЛ настолько бессодержательны и неграмотны, что по ним «совершенно невозможно определить лицо лагерника» – весь упор в характеристиках направлен на «уживчивость среди лагерников», никакой грани «между ударниками, не ударниками и просто отрицательным элементом» воспитатель в своих отзывах не провела. Проценты выработки на картах имеются, но в виде «случайных, безответственных записей», никем не удостоверенных³⁵. При этом выявляются нарушения принципа «отнесения лагерников к социальным категориям»: на лишенцев были представлены карты по 1-й категории

(как на трудящихся) а «социально-близкая прослойка лагерников» была отнесена ко 2-й категории (лишенцев)». Начальник Темлага дает несколько иллюстраций выявленных «вопиющих несоответствий» представленных сведений и действительности. Так, на з/к Т.³⁶, работающую в течение полутора лет в качестве домработницы, представлена учетная карта как на прачку, выполняющую норму выработки на 136 %; на з/к Е. – «старого члена Трудколлектива, лучшего ударника – неоднократно премированного, дающего выработку норм на 150–170 %», даны сведения о его работе в бригаде Б., с выработкой им нормы на 100 %, хотя Е. такую бригаду «не знает и никогда в ней не работал». Далее: на з/к Б. представлена учетная карта как на работающего на смешанных работах, с выработкой норм на 100%, в то время как Б. является грузчиком, «лучшим ударником, дающим в среднем до 200% выработки, неоднократно премированным»; а вот з/к А. – «отказчика от работы, исключенного из членов Трудколлектива, аттестуют как ударника-коллективиста, проставляют выдуманный % выработки и ходатайствуют о льготном зачете»³⁷. Приказ содержит резолюцию, в соответствии с которой начальство лагпункта получает довольно жесткие наказания. Центральной аттестационной комиссии при этом вменяется «в кратчайший срок пересмотреть зачет рабочих дней заключенным 8-го лагпункта на открытых заседаниях лагерников при непосредственном участии членов комиссии»³⁸.

Документация ГУЛАГа содержит свидетельства того, что в 30-х гг. система зачетов рабочих дней совершенствовалась. Можно предположить, однако, что судьба этого стимула оказалась предрешенной после выступления Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР, посвященном вопросу «О досрочном освобождении заключенных» 25 августа 1938 г., в котором был следующий фрагмент:

СТАЛИН И. В. «Правильно ли вы предложили представить им список на освобождение этих заключенных? <...> Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе – награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться. <...> Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте. Досрочное снятие судимости – может быть, так сказать? – чтобы не было толчка к их отъезду. Семью нужно дать им привезти и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это, как у нас говорилось, – добровольно-принудительный заем, так и здесь – добровольно-принудительное оставление»³⁹.

В этом контексте вряд ли можно считать случайным письмо в секретариат Президиума Верховного Совета СССР, посланное по распоряжению зам. наркома внутренних дел Филаретова Г. В. 22 ноября 1938 г., в котором прилагался проект указа («приказа», как сказано в письме) «О дополнительных льготах для заключенных досрочно освобождаемых за ударную работу на строительстве 2-х путей «Карымская-Хабаровск»»⁴⁰. В соответствии с этим указом 8900 заключенных, отличившихся ударной работой на строительстве 2-х путей «Карымская-Хабаровск», освобождались из лагеря с переводом их на свободное проживание в районе строительства Байкало-Амурской магистрали до конца оставшегося срока наказания. Им выплачивалась зарплата как вольнонаемным рабочим, разрешалось совместное проживание с семьями, изъявившими желание переехать на постоянное жительство в район строительства Байкало-Амурской магистрали (при этом расходы, связанные с переездом, питанием в пути и перевозкой имущества этих семейств относились за счет государства). Сельхозбанк предоставлял переведенным на свободное проживание с семьями кредит на строительство жилых домов сроком на 10 лет, им отводились необходимые земельные участки. Эти семьи освобождались от всех налогов, сборов и государственных поставок сроком на 10 лет, с них снимались все недоимки по сельхозналогу, культсбору, страховым платежам и обязательным поставкам сельхозпродуктов, числящихся за ними по прежнему месту жительства. Наконец, Сельхозбанк СССР обязан был выдать всем переведенным на свободное проживание с семьями долгосрочный кредит сроком на 5 лет на покупку коров.

Очевидно, целью предоставляемых льгот было закрепление кадров на строительстве приоритетной железной дороги в трудных условиях, причем кадров, зарекомендовавших себя ударной работой на объекте такого же профиля. Если не освободить таких заключенных досрочно, то они, скорее всего, по отбытии срока потянулись бы в родные края (если, конечно, им разрешили бы).

Существенно изменил структуру стимулирования труда заключенных указ Президиума Верховного Совета СССР №34 от 15 июня 1939 г., отменявший условно-досрочные освобождения для осужденных, отбывавших наказание в ИТЛ НКВД СССР⁴¹. В качестве основных стимулов для повышения производительности труда в лагерях теперь фиксировались: «улучшенное снабжение и питание хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения»⁴². В п. 4 указа была дана краткая формулировка стратегии власти в вопросе условий содержания заключенных: «Лагерную рабочую силу снабжать продовольствием и производственной одеждой с таким расчетом, чтобы физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на любом производстве»⁴³. Вокруг этого пункта в течение длительного времени продолжался конфликт интересов руководства ГУЛАГа и «низовой» лагерной администрации, зачастую не заинтересованной в поддержании должных физических кондиций заключенных.

Тем же летом, 2 августа 1939 г. приказом по ГУЛАГу №00889 вводилась в действие «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР»⁴⁴. Инструкция, регулировавшая жизнь заключенных ГУЛАГа несколько лет, содержала раздел «Меры взыскания и поощрения» (пункты 104–112 и 113–117 соответственно). Так, в п. 113 говорилось о матери-

альных мерах поощрения, включая выдачу премий. Ряд специальных, дополнительных льгот устанавливался для заключенных, работавших «стахановскими методами труда». Меры взыскания включали и такие жесткие пункты, как перевод на штрафной режим и даже уголовную ответственность за отказ от выхода на работу⁴⁵.

Изменения в структуре стимулирования труда заключенных, введенные в 1939 г., не способствовали росту заинтересованности «лагерной рабочей силы» в результатах своего труда⁴⁶. Как следует из архивных материалов, производительность принудительного труда оставляла желать лучшего, себестоимость продукции на многих объектах ГУЛАГа была выше, чем на объектах того же профиля за пределами лагерной экономики. В заключении Госбанка по отчету ГУЛАГа за 1939 г. содержится обоснованная оценка эффективности использования основных фондов: выполнение строительно-монтажных работ на один рубль стоимости основных фондов на стройках ГУЛАГа было почти в четыре раза хуже, чем на стройках Наркомата по строительству СССР. При этом строительные механизмы использовались в три раза хуже⁴⁷. Это относилось и к сельскохозяйственному сектору ГУЛАГа. Так, в приказании № 54 (от 13.05.1941) начальника ГУЛАГа Наседкина отмечается, что «сопоставление себестоимости продукции сельского хозяйства в лагерях и колониях УИТК ГУЛАГа и в совхозах НКСХ СССР показало, что себестоимость продукции хозяйств УИТК значительно превышает совхозную», что объясняется рядом причин, и прежде всего – плохим использованием рабочей силы ГУЛАГа, низкой производительностью труда заключенных⁴⁸.

Как отмечал в сентябре 1939 г. зам. наркома внутренних дел СССР Чернышев, результаты хозяйственной деятельности большинства исправительно-трудовых лагерей в 1938 г. и за 8 месяцев 1939 г. «продолжают оставаться неудовлетворительными»⁴⁹. Связывая эти результаты с плохой организацией труда заключенных, Чернышев в своем приказании № 345 по ГУЛАГу обращает внимание на то, что администрация лагерей, стремясь выполнить плановые задания, решает эту задачу «механически», заставляя заключенных работать по 14–16 часов, «до выполнения последними заданных норм выработки и кроме того, организуют работу в выходные дни». Такая практика, отмечает зам. наркома, приводит «к истощению лагерников, к росту заболеваемости и в конечном счете – к невыполнению плановых норм»⁵⁰. И далее: «Нужно так умело организовать труд з/к, чтобы при 8 час. рабочем дне работающий з/к давал обязательно, как минимум 100 % общесоюзных норм и выше»⁵¹. Очевидно, достижение такой цели на основе исключительно принудительных мер было вряд ли реальным. Рассматриваемый документ вводит целый ряд льгот, предоставляемых по представлению десятника заключенным, работающим стахановскими методами, и отличникам производства (включая «вещевое довольствие первого носки» и «благоустроенные бараки, оборудованные кроватями»).

Низкая эффективность труда заключенных на многих объектах ГУЛАГа определялась и плохими условиями их работы и быта. Немало свидетельств этому содержится в документации ГУЛАГа. Так, в рапорте начальника ГУЛАГа Наседкина наркому внутренних дел Берия о бытовых условиях заключенных Севпечлага (май 1941 г.) отмечается, что заключенные выводятся на работу (строительство железной дороги) в валяной обуви и старых брезентовых ботинках, и в условиях весенней распутицы «целыми днями простаивают в холодной воде и грязи, что вызывает большое количество простудных заболеваний»⁵². Бараки и палатки при этом находятся в антисанитарном состоянии, постельных принадлежностей и нательного белья крайне мало, вшивость среди заключенных достигает 70 %. Как отмечает начальник ГУЛАГа, полагающийся вновь прибывающим этапам 21-суточный карантин не соблюдается (по распоряжению руководства Печорлага), а прибывшие этапы «отправляются пешком к месту назначения за 150 км в валяной обуви по грязи и воде»⁵³. Видимо, невозможность решить эти проблемы Севпечлага в рамках ГУЛАГа вынудила руководство последнего обратиться напрямую к Берия.

Нагрянувшая вскоре война на несколько лет отложила решение проблем стимулирования принудительного труда. За годы войны более 825 тыс. заключенных умерли, более 1 млн человек были переданы из мест заключения на укомплектование Красной Армии. После войны численность населения ГУЛАГа увеличилась, превысив 2,5 млн человек. Уже в первые послевоенные годы как руководство МВД, так и высшее лагерное начальство стали испытывать тревогу в связи с возрастающими трудностями в выполнении плановых производственных заданий. В начале 50-х гг. были приняты решения, существенно изменившие стимулирование принудительного труда на основе введения системы зарплаты заключенных. Но и эти меры не смогли существенно поднять низкий уровень эффективности лагерного труда и рентабельности лагерной экономики, которая продолжала свое существование (хотя и в затухающем после 1953 г. режиме) вплоть до конца 1950-х гг.

Сравнение производительности труда в «лагерной экономике» и в гражданских секторах является отдельной и непростой задачей. Ее решение потребовало бы сопоставимых данных по одним и тем же отраслям, видам работ и условиям труда. Необходимо учитывать также, что принудительный труд заключенных был существенной компонентой той мобилизационной экономики, которая определяла развитие страны в 30х – начале 50х гг. Такой экономике необходимы были мобильные трудовые ресурсы, концентрация которых в нужных местах не требовала бы больших затрат и сложных организационных мер. Рабочая сила лагерей использовалась большей частью на крупных стройках, в горнодобывающей отрасли, на лесозаготовках, при сооружении промышленных объектов в отдаленных районах страны, где недостаток трудовых ресурсов ощущался особенно остро, а вопросы эффективности труда лишь постепенно (после «пики» индустриализации 30-х гг.) приобретали первостепенное значение.

Оценивая экономику ГУЛАГа в долгосрочном измерении, нельзя не согласиться с тезисом о том,

что «сверхэксплуатация заключенных на тяжелых физических работах ослабляла трудовой потенциал страны», была причиной преждевременной смертности и инвалидности миллионов людей⁵⁴, способствовала закреплению мобилизационных механизмов экономического развития, основанных на жестких командно-административных принципах, естественным образом включавших насилие и беззаконие. Эти методы, обеспечив определенный индустриальный рывок в 1930-х гг., затем оказали тормозящее воздействие в процессе дальнейшего развития страны, требующего активного внедрения инновационных подходов.

Примечания

- ¹ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930 – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005. С. 35.
- ² Об этом см.: Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005. С. 79.
- ³ Там же. С. 79–80.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 94-1. Оп. 1а. Д. 58. Л. 173.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28. Лл. 1–124.
- ⁶ Цит. по: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2002. С. 725–726.
- ⁷ Там же. С. 727.
- ⁸ Там же. С. 733–737.
- ⁹ Там же. С. 747–753.
- ¹⁰ Там же. С. 766.
- ¹¹ Там же. С. 766–776.
- ¹² Горький М. Первый опыт // Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1998. С. 609–610.
- ¹³ Горький М. Правда социализма. Там же. С. 12.
- ¹⁴ Преимущественно - документы из фонда ГУЛАГа МВД СССР (Ф.9414).
- ¹⁵ См., напр.: Applebaum A. GULAG: A History. NY., 2003; Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.
- ¹⁶ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. Н. В. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002 (Россия. XX век. Документы). С. 6.
- ¹⁷ Там же. С. 31, 40.
- ¹⁸ Там же. С. 40.
- ¹⁹ Исторический архив. 1997. № 4. С. 144. Последние слова постановления («на базе существующих законов и существующей практики») характеризуют отношение руководства партии к законодательству (даже «существующему») уже в конце 20-х гг.
- ²⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 165. Л. 67. Цит. по: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 63.
- ²¹ Там же. Отметим, что второй пункт данного постановления Политбюро (от 27 июня 1929 г.) гласил: «Именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями».
- ²² Текст приказа ОГПУ № 131 приводится в издании: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997. С. 182–183. Приказ содержит ряд пунктов, в которых перечисляются льготы, предоставляемые «добровольцам из чекистских кадров», записывающимся «на руководящую работу в имеющихся и вновь организуемых лагерях».
- ²³ ГАРФ Ф. 5446. Оп. 1. Д. 54. Л. 52–66.
- ²⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 82–83.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р–5446. Оп. 14 а. Д. 460. Л. 8.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 Д. 2. Л. 31 об.
- ²⁷ Там же. Д. 3. Л. 12.
- ²⁸ Там же. Д. 5. Л. 53–54.
- ²⁹ Там же. Д. 4. Л. 7.
- ³⁰ Там же. Л. 5.
- ³¹ Там же. Л. 5–6.
- ³² Там же. Д. 8. Л. 101.
- ³³ В данной работе мы не рассматриваем систему зачетов сколько-нибудь подробно. Это предмет специального исследования. О практическом применении этой системы (на примере Норильлага) см.: Бородин Л. И. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 1930-х – начало 1950-х гг. / Л. И. Бородин, С. Эртц. // Экономическая история : Ежегодник. 2003. М., 2004.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.
- ³⁵ Там же. Л. 85.
- ³⁶ Здесь и далее дается только первая буква фамилии заключенного (в документе фамилии указаны полностью).
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 4. Л. 86.
- ³⁸ Там же. Л. 87.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 1. Л. 5.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 19. Л. 169–172.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 2. Л. 10–12. См. также: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 116.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Этот документ опубликован в: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 456–473.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Бородин Л. И. Указ. соч.

⁴⁶ Справедливости ради заметим, что реализация зачетов рабочих дней в лагерях нередко сопровождалась приписками, туфтой. Так, в приказе по Темниковскому лагерю от 17.09.1933 отмечается «преступно-халатное отношение ответственных к делу зачета рабочих дней, как грубое безответственное, ни чем ни оправдываемое, искажение директив Управления». Среди примеров «вопиющих несоответствий» представленных сведений с действительностью есть и такой: «З/к Аршадеева И. В. – отказчика от работы, исключенного из членов Трудколлектива – аттестуют как ударника-коллективиста, проставляют выдуманный % выработки и ходатайствуют о льготном зачете – и еще целая серия подобных безобразно возмутительных фактов выявлена бригадой». В заключительной части приказа начальник Темлага переходит к прямой угрозе: «В последний раз категорически предостерегаю, что за допущение и в будущем, кем бы то ни было, извращений в деле аттестации заключенных и зачете рабочих дней, виновных буду привлекать к судебной ответственности». См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 4. Л. 86–87.

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 220. Л. 30. Цит. по: Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005. С. 85.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 31. Л. 149.

⁴⁹ Там же. Д. 29. Л. 195.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 42. Л. 40.

⁵³ Там же. Л. 41.

⁵⁴ Хлевнюк О. В. Указ соч. С. 89.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ГОСУДАРСТВА И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

Абрамовский А. А.

Анохина З. Н.

Арнаутов Н. Б.

Братченко Т. М., Сенявский А. С.

Зубков К. И.

Ивлев Н. Н.

Кочнева К. А.

Кравцова Е. С.

Побережников И. В.

Романов А. П.

Рынков В. М.

Страхов В. В.

Тимошенко А. И.

Фокин А. А.

Хазиев Р. А.

Шапошников Г. Н.

Абрамовский А. А.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА УРАЛЕ В ПЕРВЫЙ ГОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В первые годы советского государства (до издания в декабре 1919 г. «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР») не было единого республиканского уголовного кодекса, иных сводов норм уголовного права. Первыми и основными источниками данной правовой отрасли являлись отдельные декреты и решения Всероссийских съездов советов, ВЦИК, Совнаркома, ВЧК, приказы наркоматов, акты местных органов власти, приговоры революционных трибуналов и даже приказы и распоряжения командиров воинских частей. Данный порядок образования норм уголовного права предоставлял судебным органам по своему усмотрению трактовать составы преступлений и определять за них меру наказания и, как следствие, сделал возможным действие таких древнейших (рабовладельческих и средневековых) принципов, как казуальность, сословность наказания, объективное вменение, обратная сила закона и др. К апрелю 1918 г. Совнаркомом и ВЦИК было принято 17 специальных уголовно-правовых декретов и 15 актов об отдельных составах преступления, а к концу июля их было соответственно 40 и 69¹.

Пробелы в законодательных актах центральных органов власти дополняло правотворчество местных советских учреждений. Определенный сектор в общем объеме уголовных преступлений составляли экономические, хозяйственные и преступления против собственности, хотя часть их однозначно относилась к контрреволюционным деяниям. В первую очередь это, конечно же, спекуляция, признаки состава которой были раскрыты оренбургской газетой «Казачья правда» в марте 1918 г.: «Ничего не производя сам, он (спекулянт) не оказывает обществу также услуг посредника по сбыту товаров, какими являются продавцы. Он ограничивается тем, что своей хитростью, мародерством вырывает у потребителей, а главным образом у бедноты, значительную часть их заработка. Спекулянт – это настоящий разбойник с большой дороги, это грабитель, который ничего не производя, буквально грабит у производителя труд его и вместе с тем заставляет потребителя покупать их у себя по неслыханно дорогой цене, которую они специально с этой целью вздувают»². Председатель Уфимского губревкома А. И. Свицерский внес свой вклад в развитие этой нормы уголовного права. В докладе губернскому совету 20 января 1918 г. общее понятие «спекуляция» он разделил на квалифицирующие признаки – мелкую и крупную³. Одним из действенных способов борьбы с этим преступлением стало установление твердых цен на товары. В Уфимской губернии 17 января 1918 г. контрольно-распределительная комиссия запретила владельцам кожевенных заводов, торговцам и предпринимателям покупать и, главное, продавать товар свыше установленных нормированных цен. Лица, нарушившие этот запрет, подлежали суду революционного трибунала⁴. Первый Богоявленский районный съезд советов крестьянских депутатов и земельных комитетов 17 февраля строго предупредил население о том, что свободные рыночные цены не допускаются, всякая покупка и продажа хлеба должна была производиться только по твердым ценам, нарушители этого, а также укрыватели хлебных запасов подвергались судебной репрессии⁵.

В Оренбургской губернии в ряду первых мероприятий крестьянских советов также стояла борьба со спекуляцией. Пресечение этого преступного явления «подогревал» призывами ко всем жителям уезда Челябинский совдеп: «Если вы знаете, что мародеры-спекулянты не повинуются Советской власти, берут высокие цены за товары, немедленно арестовывайте их, доставляйте в местные волостные советы, которые предадут таких лиц суду революционного трибунала»⁶. Под влиянием уездной власти аналогичные решения принимались в волостях. Совет крестьянских депутатов д. Галановой Воскресенской волости 30 марта 1918 г. определил четыре пути поддержания общественного порядка: организация дружины; конфискация оружия; опись хлеба, скота, инвентаря и борьба со спекуляцией. «Нашим советом принимаются самые решительные меры вплоть до ареста против спекуляции, – сообщал председатель совета, – и благодаря Воскресенскому волостному совету, как высшему органу, спекуляция в волости искореняется, даже леса не вывозятся в соседние деревни»⁷. В Челябинском уезде выявленные спекулянты привлекались к уголовной ответственности, и их преступная деятельность пресекалась. Так, например, 8 марта 1918 г. у владельца типографии М. А. Бреслина были конфискованы предметы спекуляции: 3000 пудов типографской бумаги, 690000 конвертов, 10000 художественных открыток, 800 пудов желтой оберточной бумаги и 450 дюжин замков⁸. По поручению советских органов власти и правоохранительных учреждений данное процессуальное действие, как правило, проводилась бойцами красногвардейских отрядов. Челябинский военно-революционный комитет 3 января 1918 г. выдал мандат комиссару Красной Гвардии Борчанинову для производства конфискации и реквизиции «табаку, продаваемого по явно спекулятивным ценам»⁹. Процессы над спекулянтами продолжались и весной, 18 апреля начальник Шумихинской почтовой конторы Зарембо за «деятельность спекулятивного характера» (фактически контрреволюционную) Челябинским революционным судом был приговорен к минимальному наказанию – «смещен на низшую должность»¹⁰.

В Вятской губернии для борьбы со спекуляцией предпринимались решительные меры в первую очередь по организации торговли по твердым ценам, в этих целях в уездах принимались соответствующие властные решения. «Комитет знает, что некоторые торговцы, – говорилось в постановлении Малмыжского уисполкома 28 февраля 1918 г., – на первых порах потерпят известную долю убытка от

продажи, но пусть они с этим примирятся за счет нажитых за последние месяцы барышей. Если с утра 1 марта (нового стиля) торговцы не приступят к торговле, то все товары, как находящиеся в лавках, так и по домам, будут конфискованы»¹¹. Помимо этого местные органы власти стимулировали граждан на поиск укрытых предметов спекуляции, преимущественно хлеба и других продуктов. Второй губернский съезд советов применил древнейший рабовладельческий метод, в соответствии с которым раб, донесший на хозяина, получал свободу. Так и советская власть начала плодить доносчиков. «Лица, способствующие обнаружению хлеба и сообщившие местному отделу снабжения местоположение скрываемого хлеба, – определялось в решении съезда 20 апреля 1918 г., – получают в виде вознаграждения по 2 рубля за каждый пуд обнаруженного хлеба». А виновных в сокрытии продовольствия подвергали штрафу до 3 тыс. рублей и, естественно, конфискации всего найденного у них зерна¹².

Со спекуляцией боролись и чрезвычайные карательные органы, Инструкция по организации и деятельности комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ЧК), утвержденная Вятским губернским съездом комиссаров управления уисполкомов 5 июня 1918 г., основной акцент сделала на борьбу со спекуляцией. «Возрастающая нехватка продуктов питания для беднейших слоев населения, – говорилось в документе, – порождает параллельно сильнейшую спекуляцию с продуктами питания, ... как работа контрреволюционных элементов, так и спекуляция являются страшнейшим врагом всех завоеваний революции». Далее инструкция определяла меры уголовного воздействия, в первую очередь, конфискацию как обнаруженных сокрытых продуктов питания, так и открыто продаваемых «с явно спекулятивной целью». Кроме этого, чекистам предоставлялось право на спекулянтов налагать различные денежные штрафы¹³. Необходимо отметить, что местные ЧК не только исполняли требования инструкции, но и значительно расширяли данное правовое поле, создавая свои, порой более жесткие нормы. Яранская уездная ЧК 9 июня 1918 г. постановила спекулянтов подвергать штрафу до 5 тыс. рублей с конфискацией найденных товаров, а при наличии такого квалифицирующего признака как неоднократность, спекулянты расстреливались. Кроме того, наказывалось и лица, причастные к этому преступлению. «Виновные в укрывательстве спекуляции будут караться по законам революционного времени», – заканчивалось данное постановление¹⁴.

Следующим по тяжести экономическим преступлением, сопрягающимся со спекуляцией, являлось мешочничество. Малая советская энциклопедия, изданная в 1930 году, мешочничество определяла как провоз хлеба и других нормированных продуктов с целью спекуляции, оно наносило огромный вред государству, так как во время голода и разрухи нарушало организованное снабжение населения продуктами и содействовало реализации сокрытых от государства хлебных и других излишков¹⁵.

Пермский губисполком 25 февраля 1918 г. принял постановление «О борьбе с мешочничеством», включавшее следующую дефиницию: «Часть мешочников – просто спекулянты, занимающиеся скупкой хлеба небольшими партиями и продающие его по огромным ценам в голодных местах и чаще сознательно, с корыстной целью вредящими делу продовольствия». Далее предусматривались основная мера уголовной репрессии – «неукоснительная» конфискация провозимых продуктов, от нее освобождались личные запасы общим весом не свыше 20 фунтов (9,9 кг), в том числе: муки или хлеба – 10 фунтов (4,095 кг), масла – 2 (0,819 кг), мяса – 3 (1,229 кг). Постановлением определялись и квалифицирующие признаки этого преступления: если мешочник оказывал сопротивление, он немедленно подвергался аресту и предавался суду революционного трибунала, но если это было вооруженное сопротивление – он расстреливался на месте. Это постановление вывешивалось во всех продовольственных учреждениях и на всех железнодорожных станциях губернии, а также было издано в печати¹⁶.

Далее можно выделить различного рода хищения, присвоения, растраты, нарушения правил торговли и т. п. Важным объектом преступного посягательства на Урале был лес, который в условиях разрухи и хаоса расхищался массовым порядком. В Пермской губернии в январе 1918 г. Ирбитский районный крестьянский съезд установил достоверные факты («ввиду точных указаний») массового хищения леса жителями деревень «Гасковской и др. Мироковской волости Верхнетурского уезда, д. Молоновой Шмаковской волости, д. Кочневой, Малой и Большой Аникшах Камышловского уезда, д. Распанихи», – указывалось в одном из советских документов. Съезд обратился с просьбой в местные земельные комитеты определить нанесенный хищениями ущерб («количество штук похищенных деревьев»). Однако, не дождавшись результатов с мест, на форуме было вынесено «жесточайшее» наказание расхитителям народного добра: «Немедля указать им на *нехороший с их стороны поступок* (курсив автора) и воспретить дальнейшую попытку порубки леса»¹⁷.

Вполне естественно, такие декларативные запреты советской власти не имели действенной силы и лес продолжали расхищать. Шадринский съезд крестьянских депутатов 22 марта решил применить более жестокие меры, усиливая репрессию в отношении рецидивистов. «Штрафовать самовольных порубщиков общенародного леса: первый раз – тройным размером таксовой стоимости леса, второй раз – в пять раз против таксы, в третий раз – арестом»¹⁸. Аналогичные санкции предлагал применять к ворам и Екатеринбургский уездный комиссар по управлению лесами: «Налагать штрафы и привлекать их к ответственности»¹⁹.

К этой группе преступных деяний относилось и присвоение живого и мертвого инвентаря разгромленных имений, т. е. фактически хищение уже обобществленного имущества. «Все лица, как производящие разгром имений, так и не желающие вернуть расхищенный инвентарь, скот и др., – объявлялось в приказе Оренбургского военно-революционного комитета 23 февраля 1918 г., – будут рассматриваться как вредящие своему трудовому народу и будут предаваться суду военно-революционного трибунала»²⁰.

Хищениями занимались и должностные лица органов власти и рабочие предприятий. В апреле 1918 г. в Златоусте Уфимской губернии проводилось расследование о хищении продуктов в еще работавшем земстве²¹. Привлекались к уголовной ответственности и «несуны». «Заподозренные лица в выносе каких-либо вещей за пределы предприятия могут быть обысканы, - устанавливало данную норму собрание рабочих и служащих мукомольных мельниц Челябинского района 15 мая, - в случае обнаружения краденного, немедленно увольняются и предаются народному суду»²². Расхищались и казенные деньги, в марте 1918 г. командир батальона 139-го пехотного маршевого полка, бывший поручик, В. А. Петроцкий похитил батальонную кассу и бежал из Челябинска. Но вскоре был пойман и осужден к тюремному заключению²³. В мае за присвоение казенных денег был арестован товарищ комиссара по национальным делам Златоустовского Совнаркома Нафиков, кроме того, установлено, что он производил еще и «самочинные контрибуции»²⁴.

Продолжали иметь место и такие традиционные преступления против собственности, как грабежи, кражи, притом - в силу экономической значимости - отдельно выделялось конокрадство. В Екатеринбургe после Октябрьской революции массовыми грабежами и убийствами «прославилась» банда «Ваньки Каина». В этой связи отметим, что к расстрелу приговаривались не только контрреволюционеры, но также воры и грабители. Так, бандиты «Ваньки Каина» в декабре 1917 г. были пойманы и революционным трибуналом приговорены к высшей мере наказания²⁵. В Уфимской губернии в Саткинском заводе весной 1918 г. «за покушение на ограбление кооперативной лавки вор был пойман и расстрелян»²⁶. За данные преступные деяния также наказывались и лица, причастные к преступлению. Общее собрание Благовещенского волостного совета Уфимского уезда 28 января 1918 г. установило уголовную ответственность субъектов «уже раз оштрафованных в укрывательстве и приеме краденых вещей»²⁷.

Устанавливалась уголовная ответственность и за незаконные сделки и нарушение правил торговли. В Уфе в апреле 1918 г. юридические лица («правительственные учреждений») и должностные лица за совершение акта купли-продажи земли подвергались штрафу до 3 000 рублей, а при несостоятельности заключались в тюрьму на срок до трех месяцев²⁸.

Наказание за нарушение правил торговли 21 марта 1918 г. определял комиссар Оренбургской Военно-народной охраны А. М. Бурчак-Абрамович: виновные в торговле табаком, папиросами и семечками подвергались тюремному заключению на срок до 3-х месяцев, а товар конфисковывался²⁹. Оригинальное нарушение правил торговли пресекал своим постановлением «О борьбе с торговлей невестами при выходе в замужество» от 28 января Ярковский волостной совет Орловского уезда Вятской губернии. «Ввиду развившегося в волости обычая брать за невесту с жениха выкуп (гонорар), доходящий до тысячи рублей, воспретить торговлю женщинами; при выходе в замужество невесты воспрещается брать с жениха выкуп (что было при отжившем крепостном праве). Лица, не исполняющие настоящего постановления, подвергаются штрафу в народные суммы волости в двойном размере взятого выкупа с обеих сторон», - гласил этот документ³⁰.

На Урале, как и на территории всей Советской России, в первый год пролетарского государства в практической деятельности властных и правоохранительных учреждений формировались законодательные основы борьбы с экономической преступностью. Первый наработанный опыт правоприменительной практики в будущем лег в основу первых уголовных кодексов советского государства.

Примечания

¹ История государства и права России. Учебник под ред. Ю. П. Титова. М. 2002. С. 297.

² Казачья правда. 1918. 31 марта.

³ Вперед. 1918. 23 января.

⁴ Там же. 17 января.

⁵ Подготовка и проведение Великой октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. - июнь 1918 г.). Сб. док. и матер. Уфа. 1957. С. 387.

⁶ ГУОГАЧО. П-596. Оп. 1. Д. 120. Л. 78.

⁷ Известия Челябинского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 марта.

⁸ Там же. 10 марта.

⁹ ГУОГАЧО. П-596. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.

¹⁰ Известия Челябинского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 24 апреля.

¹¹ ГУТАКО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.

¹² Известия Вятского губернского и Вятского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 25 апреля.

¹³ ГУТАКО. Ф. 876. Оп. 1. Д. 75. Л. 70-71.

¹⁴ Там же. Ф. 2895. Оп. 1. Д. 1. Л. 234.

¹⁵ Малая Советская энциклопедия. Т. 5. М. 1930. С. 190.

¹⁶ Известия Уральского областного совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского совета рабочих и армейских депутатов. 1918. 3 марта.

¹⁷ Уральский рабочий. 1918. 26 февраля.

¹⁸ Аграрная политика Советской власти (1917-1918 гг.). М. 1954. С. 268-271.

¹⁹ Там же. С. 317.

²⁰ Известия Оренбургского Военно-революционного комитета. 1918. 23 февраля.

²¹ Солдаты Октября. Челябинск. 1988. С. 170.

²² Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск. Сб. док. 1947. С. 123-124.

²³ Известия Челябинского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 марта.

²⁴ ГУОГАЧО. П-596. Оп. 1. Д. 184. Л. 112.

²⁵ Там же. Ф. 526. Оп. 2. Д. 66. Л. 182.

²⁶ Там же. П-596. Оп. 1. Д. 66. Л. 64.

²⁷ ЦГИА РБ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 2. Л. 7-8.

²⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.

²⁹ Известия Оренбургского Военно-революционного комитета. 1918. 23 марта.

³⁰ ГУТАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 139. Л. 172.

Анохина З. Н.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ВО ВЗГЛЯДАХ ДЕПУТАТОВ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Начавшаяся первая мировая война внесла существенные изменения в расстановку политических сил уральского общества, нарушила ход работы IV Государственной Думы, 26 июля (8 августа н. с.) правительство назначило однодневную сессию Думы для, как говорилось в императорском указе, «полного единения» монарха с народом. На этом заседании после речи М. В. Родзянко выступил премьер Горемыкин. Он призвал членов Думы к единству: «Да не будет в России на все время военных действий никаких партий, кроме одной – “партии войны до конца”, никаких программ, кроме одной – победить»¹. В этом же духе выступили министр иностранных дел Сазонов и министр финансов Барк², а также были сделаны заявления представителей национальностей – поляков, латышей, евреев, балтийских немцев и немецких колонистов на Волге. Все выступили в одном смысле защиты Родины, преданности государству и народу. От имени мусульманской группы огласил заявление уфимский депутат К. Б. Тевкелев. «Мусульмане Российской империи считали и считают себя русскими гражданами не только тогда, когда они добиваются прав, но и тогда, когда им приходится исполнять обязанности перед Родиной, поэтому мусульмане неуклонно и честно исполняют свой долг перед отечеством, защищая честь и достоинство его от всяких посягательств извне, поэтому как и в прежние войны, так и теперь мусульмане беспрекословно представляют Российскому государству своих отцов, сынов, братьев и свое достоинство для борьбы с его внешними врагами... К сожалению, мусульмане не могут утверждать, чтобы их гражданские чувства всегда находили справедливую оценку со стороны русской государственной власти... Правительство иногда наносит очень чувствительные удары по религиозным и национальным чувствам... Но несмотря ни на что, мусульмане будут отстаивать с оружием в руках честь и достоинство русского государства»³. Затем следовали заявления «ответственной оппозиции», прогрессистов и кадетов. Заявление от кадетов написал П. Н. Милюков, одобренное фракцией и центральным комитетом. В нем подчеркивалась цель войны. «Мы боремся за освобождение Родины от иноземного нашествия, за освобождение Европы и славянства от германской гегемонии, за освобождение всего мира от невыносимой тяжести всё увеличивающихся вооружений... В этой борьбе мы единое, мы не ставим условий, мы ничего не требуем. Мы просто кладем на весы войны нашу твердую волю победы»⁴.

В его выступлении не было ни слова о поддержке верховной власти и правительства, а член кадетского ЦК на заседании А. Н. Колобакин отметил, что в заседании Думы 26 июля было единство страны перед общим врагом, а не единство Думы с правительством⁵. По общему мнению ЦК партии кадетов, ни о каком «раскаивании» оппозиции или готовности «беспрекословно следовать за ним» не могло быть и речи⁶. Октябристы с началом войны провозгласили полную солидарность с правительством и прекратили всякую оппозиционную деятельность. «Все партийные разногласия, – отмечал «Голос Москвы», – все программные вопросы и «классовые противоречия» должны отойти на второй план. В настоящую минуту в России может быть только одна партия – русская»⁷. Начало войны казалось сблизило непримиримые политические силы – кадетов и монархистов. В стране прошли патриотические манифестации, организованные властями с отделами монархистов. В некоторых городах и селах Урала с помощью Союза русского народа и Союза Михаила Архангела тоже прошли манифестации⁸.

От социал-демократической фракции выступил уральский депутат меньшевик В. И. Хаустов, от трудовиков – А. Ф. Керенский. Они поддержали защиту от агрессии, но потребовали общей политической амнистии во имя социального мира и осудили «братоубийственную бойню народов»⁹. Была зачитана декларация большевистской фракции на этом заседании Думы, в которой говорилось: «Страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторванные от мирного труда, разрозненные брошенные в кровавый водоворот. Миллионы семей обречены на голод. Война началась... Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несет, но мы глубоко убеждены в том, что международной солидарности всех трудящихся масс всего мира пролетариат найдет средства к скорейшему прекращению войны»¹⁰. В соответствии с решениями конгрессов II Интернационала большевистская фракция не участвовала в голосовании за военные кредиты, покинув зал заседаний Думы. Вместе с большевиками вынуждены

были уйти, чтобы не потерять доверие избирателей, меньшевики и трудовики. Но вскоре они повернулись лицом к оборонцам, после того как лидер II Интернационала Вандервальде обратился к русским социалистам с предложением прекратить борьбу против царского правительства, способствовать его военным успехам, в ответ на это меньшевистская фракция ответила, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне¹¹. Только большевистская фракция Думы, по словам Ленина, «пошла с протестом против войны в самую гущу рабочего класса, она пронесла проповедь против империализма в широкую массу русских пролетариев»¹². Расхождения между большевиками и меньшевиками обнаружались с еще большей наглядностью в практической работе. Если большевистская фракция целиком отдавала свои силы внедумской деятельности, то фракция меньшевиков ограничивалась парламентской оборонческой работой в легальных организациях и вскоре скатилась на позиции социал-шовинизма.

После исторического заседания 26 июля стало известно, что Дума не будет созвана до осени 1915 г., то есть больше года. Но надо было принять бюджет на 1915 г. и думцы выступили с просьбой ускорить созыв Думы. Перерыв в работе Думы, депутаты-большевики использовали для поездок к своим избирателям, во время которых они выступали на собраниях рабочих с целью оглашения своих противоправительственных взглядов под видом ознакомления избирателей с деятельностью Государственной Думы. В частности, из записной книжки Матвея Константиновича Муранова, мы узнаем, что он побывал в Перми, Мотовилихе, на ст. Чусовая, в Екатеринбурге, Челябинске, Златоусте, Уфе, Самаре и других городах и заводах Урала, где проводил нелегальные собрания и массовки с рабочими, принимавшими резолюции против войны, помогая восстанавливать партийные комитеты и ячейки. Царизм всячески пытался пресечь антивоенную пропаганду депутатов-большевиков, искал предлог, чтобы избавиться от них. Полиции стало известно, что большевики вместе с рабочими депутатами Государственной Думы в начале ноября 1914 г. намерены созвать совещание для обсуждения вопросов антивоенной борьбы. Это совещание проходило в 12 верстах от столицы – в Озёрках, в одном из уединенных домов, окруженных пустующими (в зимнее время) дачами. Закончить работу участникам совещания не удалось. По доносу провокатора они были арестованы. Несмотря на депутатскую неприкосновенность, Государственная Дума, депутаты которой были лишены свободы, практически ничего не предприняла для их защиты. Не выполнил своего обещания и председатель Думы Родзянко. По-иному действовал пролетариат России. Арест депутатов вызвал гневное возмущение по всей стране. В защиту депутата М. К. Муранова выступили избиратели Харькова, организовав забастовку 12 ноября против злодеяния правительства. Не остались в стороне и рабочие Урала, где Муранов проводил огромную внедумскую работу. В департаменте полиции знали, что возможны массовые выступления на заводах и фабриках. 11 ноября 1914 г. директор Департамента полиции отдал распоряжение в губернии, где избирались депутаты и где вели внедумскую работу: «Благоволите принять надлежащие меры недопущению беспорядков»¹³.

12 ноября 1914 г. выступления против ареста большевистских депутатов прошли в Москве, Владимире, Костроме, в Рязанской губернии, Харькове. Это был в годы войны массовый политический протест. Газета «Социал-демократ» отмечала: «В эти дни когда в нашей стране окончательно задушено всякое свободное слово и героями дня являются лакеи и холопы печати, – и в эти дни есть две России: Россия Меншиковых, Романовых, Милоковых, Бобринских и – Россия рабочая, Россия пролетарская, Россия, которая выдвинула из своих рядов Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова»¹⁴. Расправа над депутатами вызвала протесты и в Европе (Швейцарии, Франции, Голландии, Дании). В знак солидарности с пролетариями России прошли в этих странах выступления против репрессий царизма. Во многих газетах были опубликованы их портреты. Судьба депутатов беспокоила многих деятелей революционного движения. А. М. Коллонтай, находясь в Копенгагене (Дания), записала в своем дневнике: «арест наших пяти думских депутатов (ведь все рабочие!) оборвал возможность сношения с Россией. Сносились главным образом через них и с ними. Жутко, жутко думать об их судьбе... Хочется куда-то ринуться, что-то предпринять, их спасти, отстоять. Ведь им грозит каторга»¹⁵. Суд 13 февраля 1915 г. на основании 1 ч. ст. 102 Уголовного уложения приговорил рабочих депутатов Государственной Думы к ссылке на пожизненное поселение в Сибирь. Депутаты лишались всех гражданских прав, их имущество было конфисковано и пошло «на издержки судебного производства». От имени подсудимых депутатов адвокаты передали кассационную жалобу в Сенат 9 марта 1915 г. 14 апреля 1915 г., без присутствия подсудимых, жалоба рассматривалась в уголовно-кассационном департаменте и после продолжительного совещания была «оставлена без последствий». 16 апреля заседание Сената постановило признать кассационный протест не обоснованным, а приговор Петроградской палаты оставить в силе. Расправа царизма над рабочей большевистской фракцией Думы послужила определенным стимулятором начавшегося оживления рабочего движения в России, активизации политических выступлений. Во время процесса стало окончательно ясным классовое лицо партийных групп в Думе. Все классы и партии в России за полгода определили позицию в начавшейся войне.

После ареста большевистской фракции IV Государственная Дума продолжала свою работу. Но в период первой мировой войны значение Государственной Думы значительно ослабло. Сессии ее созывались нерегулярно, основное законодательство уже шло мимо Думы – в виде указов царя, распоряжений министров, постановлений и т. д. Если к началу созыва III Думы действовало 67 постановлений, принятых по ст. 87 Основных законов, то к началу февраля 1917 г. – уже более 600¹⁶. В частности, в конце августа Николай II издал указ о запрещении продажи спиртного на всё время войны.

27 января 1915 г. была созвана очередная III сессия, всего на три заседания, только лишь обсудить и принять бюджет, обсуждение носило формальный характер. Обсуждали только сметы гражданских

министерств и ведомств. Выступили Гюремыкин, Сухомлинов, Сазонов. Их речи были похожи, они уверяли членов Думы, что на фронте дела идут нормально. О военных расходах речь не шла. Данные вопросы были сосредоточены в руках императора. Выступили и уральские депутаты: от Уфы кадет К. Б. Тевкелев и от Пермской губернии от фракции правых А. Б. Перевозчиков. Выступающие осудили войну, а Перевозчиков высказал благодарность императору за введение указа о запрете спиртных напитков на время войны¹⁷. Депутаты поддержали царя, хотя сухой закон не соблюдался и проголосовали за бюджет на 1915 г. Воздержались социал-демократы.

Заверения министров, что дела на фронте идут нормально, не соответствовали действительности. В мае 1915 г. депутаты узнали, что немцы прорвали фронт. Поражение 1915 г. обострили политические противоречия в обществе. Если начало войны и первые успехи армии породили шовинистические и патриотические настроения, рост чувств славянской солидарности, то поражения 1915 г. вызвали апатию, недовольство правительством, первые сомнения в целях войны. Росла оппозиция правительству и, что было еще опасней, росло революционное движение. В такой обстановке родилась идея немедленно созвать Думу для обсуждения ситуации и выработать меры для оказания помощи фронту «общественности». 26 мая 1915 г. в Петербурге состоялся IX Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли, который решил мобилизовать всю промышленность для удовлетворения нужд войны, создать в Петрограде военно-промышленный комитет (ВПК), а на периферии областные и районные ВПК. 4 июня 1915 г. состоялось первое организационное собрание, на котором было принято положение о ВПК, где указывалось, что военно-промышленные комитеты являются общественными организациями, созданными для снабжения армии предметами снаряжения и продовольствия. Для работы в комитетах привлекались представители промышленности и торговли, технической интеллигенции, представители земств, городских дум и др. В августе 1915 г. положение о ВПК было принято Советом министров и утверждено царем. Либералы также стремились по всей стране создать ВПК и взять в свои руки снабжение армии вооружением, и произвести мобилизацию промышленности, поскольку царское правительство с этим делом не справилось. К тому же, буржуазии было важно привлечь в союзники рабочий класс, без которого ни работа на оборону, ни создание видимости общенародной власти не могли иметь место. ВПК должны были служить реальным воплощением идей гражданского мира буржуазии и рабочего класса. Мысль о создании при них рабочих групп была подхвачена меньшевиками и правыми эсерами. На Урале 30 июня 1915 г. в Екатеринбурге был создан областной ВПК, возглавил кадет Екатеринбургской биржи Н. Д. Иванов¹⁸. Отдел по рабочему вопросу возглавил директор Екатеринбургской электростанции, лидер уральских кадетов Л. А. Кроль,¹⁹ уфимский ВПК – П. Ф. Коропачинский. Через рабочее представительство ВПК предполагали милитаризовать рабочих, остановить произвол заводчиков, поднять производительность труда на предприятиях обороны. Большевики были против участия рабочих в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистическую, реакционную войну. «Мы за использование выборной кампании, например, за участие в первой стадии выборов только в агитационных целях»²⁰, – писал Ленин. На собраниях рабочих большевики разъясняли свою точку зрения на характер войны, а также на саму идею ВПК. Правые черносотенцы также не одобряли «политику заигрывания с рабочим классом», придерживались политики силовой тактики по отношению к рабочему движению. Они отвергали любые попытки либеральных оппозиционных партий добиться участия в руководстве экономикой страны, отстаивая неограниченную власть царя. Следовательно, выборы в военно-промышленные комитеты, их деятельность становилась ареной борьбы политических партий, представляющих интересы различных групп России.

21 сентября 1915 г. в Петрограде начались предвыборные собрания рабочих по избранию выборщиков. К выборам было приковано внимание всех политических партий. От их итогов зависело будущее России. Выступали лидеры ВПК. В напряженной борьбе проходили выборы и на Урале. Для их проведения на уральские заводы был командирован член рабочей группы центрального ВПК меньшевик Абросимов. Уральские организации меньшевиков и эсеров развернули агитацию в трудовых коллективах за необходимость участия в ВПК. Под влиянием большевиков выборы на многих уральских заводах не состоялись²¹. В целом и по стране кампания выборов представителей рабочих в ВПК закончилась неудачно для ее организаторов. Несмотря на отдельные успехи, буржуазия и мелкобуржуазные партии не смогли привлечь весь пролетариат к активной работе на оборону. Из 244 областных и местных ВПК, организованные в России, к февралю 1917 г. было создано всего 58 рабочих групп. Как правило, эти группы были организованы в небольших в промышленном отношении городах, с небольшим количеством передовых рабочих, на Урале в Вятке и Миассе²². Но уже в начале 1916 г. рабочий класс приступил к борьбе за их роспуск, поддерживал лозунги большевиков, отбрасывая призывы мелкобуржуазных партий. При этом работа ВПК оставалась под контролем правительства.

Депутаты Думы, чтобы пополнить ряды армии, несколько заседаний в Думе посвятили вопросу о призыве в действующую армию полиции. Управляющий министерством внутренних дел князь Н. Б. Щербатов признал это положение не осуществимым. Была внесена поправка октябристов «немедленно приступить к постоянному привлечению», но с этим не согласились крестьянские депутаты, указав на то, что эта «постепенность растянется на десятки лет и их будут приглашать, может быть, после войны». Тогда П. Н. Милуков предложил новую поправку: «Немедленно приступить к привлечению...» и эта поправка устроила всех и была принята Думой²³. Установившееся с начала войны «единение» между либеральной буржуазией и царизмом не выдержала испытаний военными неудачами. Одновременно в Государственной думе кадетская фракция 9, 11 и 12 августа провела совещание представителей

большинства думских фракций, где была согласована идея создания межпартийного блока «без крайне левых и без крайне правых», получившего название Прогрессивный блок.

Обе левые фракции меньшевиков и трудовиков – остались за рамками блока. Фракция националистов раскололась, и та часть, которая видела возможность установления единства действий с кадетами и октябристами, получила название «Прогрессивных националистов». Итак, в состав Прогрессивного блока вошли: 54 кадет, 38 прогрессистов, 22 октябриста, 60 земцев-октябристов, группа центра – 34, националисты-прогрессисты – 28, три группы Государственного совета – академическая, центр и беспартийная. Всего 236 депутатов. (В Думе к концу IV сессии было 397 депутатов)²⁴. Едва было решение создать Прогрессивный блок, как 13 августа 1915 г. газета «Утро России» напечатала список лиц, проектируемых думской оппозицией в состав кабинета обороны. Из 13 названных лиц трое являлись царскими министрами. Большинство же важнейших постов буржуазия намеревалась передать своим ставленникам. Кстати, из 10 буржуазных деятелей восемь действительно 2 марта 1917 г. вошли во Временные правительства, опять на те самые посты, которые назывались в этом списке. Так задолго до Февральской революции буржуазия не только опубликовала список своих кандидатов в министры, но и повела в поддержку их политическую кампанию.

Цель создания Прогрессивного блока была двоякая. Во-первых, либералы надеялись «усоветить» царизм и коллективными усилиями убедить его в необходимости создать сначала «министерство доверия», а затем и ответственное перед Думой министерство, способное победить. Главная же цель была в том, чтобы не допустить революции в стране. Продолжавшаяся война ускорила её приближение. Участники Блока, начиная с середины августа 1915 г., провели несколько совещаний, посвящённых выработке программы. Программа мыслилась и как программа будущего правительства. Участники совещания сошлись на решении требовать смены правительства, опубликовать программу в печати, чтобы заручиться поддержкой более широких кругов общественности. Наконец, 22 августа члены Блока вновь собрались на совещание, чтобы обсудить результаты опроса фракций и подписать соглашение о программе. У каждой фракции Блока была своя точка зрения, то ли обратиться к правительству и вступить с ним в переговоры, то ли к Императору, оглашать ли программу в печати и т. д. В результате прений было принято решение подписать программу от имени всех фракций и групп, входящих в Блок, и довести её до сведения правительства. 24 августа программа Блока была передана правительству. Это были чётко фиксированные предложения думского большинства, которые правительству игнорировать было невозможно. Было создано Бюро Блока в составе 25 человек под председательством члена Государственного Совета Меллер-Закомельского. Состав Бюро вошли Ефремов, Милюков, Шингарев, Шульгин и др. 25 августа программа Блока была опубликована в Московских, а 26 августа в Петроградских газетах. Программа Прогрессивного Блока была весьма ограниченной. Она не затрагивала устои самодержавия. Деятели Блока добивались назначения в царское правительство своих представителей и проведение ряда куцых буржуазных мероприятий – частичной амнистии по политическим и религиозным преступлениям, восстановления деятельности профсоюзов, легализации рабочей печати, прекращения преследований рабочих представителей в больничных кассах, а также законопроекты, застрявшие в Государственном Совете (о волостном земстве) и ряд новых законопроектов. При разработке программы много внимания было уделено и религиозному вопросу.

Данная программа была рассчитана на «гражданский мир» в стране, на усиление позиций буржуазии, отвечала её кровным интересам. По предложению правительства состоялась встреча руководства Прогрессивного блока с большинством министров, на которой обсуждалась программа Блока и возможность обновления правительства. Настроения Императора шли в разрез с требованиями общественности и министров. Лидеры буржуазии не могли в данный момент опереться на революционное движение, использовать его как средство запугивания власти. Вплоть до Февральской революции вся тактика Прогрессивного блока сводилась к поиску компромисса с властью, при котором могло бы состояться министерство общественного доверия. Но из этого ничего не вышло. Как отмечает в своем исследовании В. М. Шевырин «начался бег на месте. Надежды связанные с ним – будущее зависело в большей мере от власти, – не реализовались»²⁵.

Уральские депутаты – представители кадетской, октябристской, прогрессистской фракций, а также часть умеренно – правых и националистов поддержали программу Блока. Меньшевики и трудовики не входили в Блок, однако фактически его поддерживали. Позиция мусульманской фракции определилась только к началу 1916 г. Дело в том, что мусульманская фракция не получила приглашения для участия в Блоке, поэтому она следила за утверждением программы Блока и отношением к нему правительства. Недовольство «инородческой» политикой правительства выражали представители латышского, литовского, эстонского, армянского, мусульманского и еврейского населения в российском парламенте. Было выработано совместное заявление, с которым выступил представитель мусульманской фракции К. Б. Тевкелев (Уфа), где говорилось о необходимости принятия срочных мер «к устранению всяких административных стеснений, направленных против отдельных народностей, и к отмене в законодательном порядке всех ограничительных законов, связанных с вероисповеданием или национальностью»²⁶. В феврале 1916 г. на совещании мусульманской фракции, куда были приглашены видные общественные деятели из числа мусульман, было обсужден вопрос об отношении к Прогрессивному блоку. Обсудив программу Блока, где были внесены основные требования, касающиеся мусульман, депутаты данной фракции решили присоединиться к Блоку²⁷. Сторонники Блока, в том числе уральские депутаты, выступили с резкой критикой действий правительства, стремясь возложить на него вину за расстройство

экономики, рост социальной напряженности, за просчеты во внешней политике, за неспособность использовать патриотические настроения населения страны во имя достижения победы²⁸. Участники Блока, чтобы привлечь общественность, стали проводить внедумскую работу. В сентябре-октябре 1915 г. приезжали в Оренбург депутаты-прогрессисты М. И. Гродзицкий и Е. Г. Колбинцев. Гродзицкий подробно остановился на вопросе отношения Правительства и Прогрессивного блока к войне, на работе Всероссийских Земского и Городского союзов. Е. Г. Колбинцев интересовался отношением местного населения к работе местных земств. М. И. Гродзицкий, выступая в г. Верхнеуральске интересовался этими же вопросами и призвал земляков активизировать участие в работе земств²⁹. Из донесений полицмейстеров уральским губернаторам – после выступлений депутатов, слышались пожелания населения за скорейший созыв Думы, которая вместе с правительством решит важнейшие экономические вопросы³⁰. Но правительство не изменило своего курса. Горемыкин был стар и придерживался самых реакционных взглядов, какие господствовали в правящих кругах еще во времена Победоносцева. Он имел одно преимущество перед другими – был послушным. Кроме Горемыкина, царя окружала реакционная группировка, которая внушала ему не идти ни на какие предложения «Прогрессивного блока». В августе 1915 г. царь отстранил с поста главнокомандующего Николая Николаевича, заподозрив его в сочувствии программе «Прогрессивного блока», а 3 сентября 1915 г. он распустил Государственную думу. Еще 22 августа 1915 г. царь открыто заявил: «Мне нужна была Дума для обеспечения обороны. Теперь вся программа исполнена. Остальное – по 87 статье»³¹. Распуск Думы вызвал оживленные отклики. Левая пресса протестовала, а правые торжествовали победу. Распуск Думы совпал с усилением стачек. По числу стачек и стачечников Россия вышла на первое место среди воюющих государств. В России в 1915 г. бастовал каждый шестой фабрично-заводской рабочий, а в 1916 г. – каждый третий. Со 2 сентября 1915 г. Москва и московский уезд были объявлены на военном положении. Это позволило организовать массовые полицейские расправы с участниками забастовок. Местные власти могли привлечь их к военному суду, ибо любую стачку можно было рассмотреть как бунт против верховной власти или государственную измену³². На Урале, после объявления войны, забастовки резко сократились, а затем их число медленно стало расти – 39 в 1915 г., 69 в 1916 г.,³³ наступил значительный подъем рабочего движения, но удельный вес его в общероссийском масштабе был незначительным. В сентябре 1915 г. проходили съезды земского и городского союзов, на которых были приняты резолюции с требованием замены нынешнего правительства правительством, облеченным доверием народа и единением его с Государственной думой. Таким образом, сентябрьские съезды союзов признали Прогрессивный блок и присоединились к его программе. Они избрали депутацию к царю, чтобы вручить ему свои решения, но царь отказался принять их. Не принял он и председателя Думы Родзянко. Эти события подтолкнули лидеров буржуазной оппозиции искать выход в скорейшем созыве Государственной думы и использования ее трибуны. Они стали готовиться к открытию сессии Думы в ноябре 1915 г., но царь отсрочил сессию до начала февраля 1916 г. Это вызвало сильное общественное раздражение. Тогда царь попытался «подсластить пилюлю» и объявил 20 января 1916 г. об отставке Горемыкина, новым премьером был назначен Б. В. Штюрмер, член правой группы Государственного Совета. Менее определенный в своих воззрениях, но в то же время готовый всецело подчиниться указаниям царя, человек культурный и обходительный. Смена премьера разрядила напряженную атмосферу и привела в замешательство руководителей Блока. На заседании бюро 28 января 1916 г. большинство высказалось за возможность сотрудничества. Государь не ограничился сменой премьера. Он сам прибыл с фронта в столицу к открытию думской сессии, которая открылась 9 февраля и продолжалась до 20 июня с перерывами на Пасху. Николай II присутствовал на молебне в Таврическом Дворце и обратился к депутатам – впервые, после открытия I Думы – с приветственным словом. Затем выступил Б. В. Штюрмер с правительственной декларацией, которая была встречена довольно холодно. Выступая, уральский депутат-прогрессист А. А. Бубликов (Пермская губерния), заявил: «Декларация правительства темнее ночи»³⁴. Члены Блока, обеспокоенные ухудшением положения на фронте и в тылу, вновь предприняли попытку критики правительства. От имени мусульманской фракции выступил К. Б. Тевкелев (Уфимская губерния). Указав на то, что «власть оказалась неспособною ни понять, ни оценить патриотизм населения, призвав страну к единению, сама не только не пошла ей на встречу, но даже вступила с ней в борьбу...»³⁵ Депутат высказался в поддержку Прогрессивного блока. Поддержал программу Блока и прогрессист А. П. Мельгунов (Уфимская губерния), обратив внимание на то, что «государство во время войны должно проявлять заботу о семьях и детях»³⁶.

Однако линию правительства на объединение усилий в достижении победы над врагом поддержали депутаты правых фракций. Они выступили Прогрессивного блока, а лидер правых С. В. Левашев заявил, что «возможен в период войны только один блок, это блок всего русского народа для одоления врага...Требование “ответственного министерства” он оценил как противоречащее основным законам, а требование объединенного правительства, пользующегося доверием страны и соглашающегося с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы с учетом военного времени преступным»³⁷. Позицию правой фракций поддержали и правые уральские депутаты.

С 16 февраля по 26 марта 1916 г. в Думе обсуждался бюджет страны. Второй год он был военным и не подлежал по закону рассмотрению Думы. По законам Российской империи внешняя политика была изъята из ведения Государственной Думы. Ст. 12 Основных законов гласила: «Государь император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными держа-

вами. Им же определяется и направление международной политики»³⁸. Дума обсуждала и принимала сметы только по гражданским министерствам. В связи с продолжением войны всё острее вставал продовольственный вопрос, и Дума должна была обсудить его. Но единства мнений по данному вопросу ни у Думы, ни у правительства не было. Депутаты правых фракций поддерживали в данном вопросе правительство и акцентировали внимание на вопросах развития сельского хозяйства, на обеспечении армии и населения необходимыми продуктами питания, прежде всего мясом и молоком. Особое внимание было уделено вопросу о мерах по сохранению скота. Большинство депутатов Думы пришли к единому мнению, что решение данного вопроса лучше всего решат земства. С общим изложением этой программы выступил депутат от правой фракции С. А. Попов (Вятская губерния).

К осени 1916 г. тяготы войны уже ощущались всем населением России. Мобилизация «вычеркнула» из страны 15 миллионов взрослых мужчин, не считая 2,5 млн., которые были заняты работой, необходимой для обороны, на заводах, в шахтах, на железных дорогах и т.д. В сельском хозяйстве начал ощущаться недостаток рабочих рук. Цены начали быстро расти, а у населения начинал возникать страх, как бы зимой не пришлось испытать голод. К июлю-августу 1916 г. рост оптовых цен против довоенного уровня повысился – для хлеба 91 %, для мяса 138 %, для соли 256 % и т. д. Розничные цены повысились еще больше. В стране ощущался товарный голод. Всё это вело к усилению стачечной борьбы. В этих условиях только царская власть, только твердая власть могла сдерживать, затормозить эти явления распада. Деятели думского блока участвовали в особых совещаниях, знали, как много было сделано властью, тем не менее, они продолжали утверждать, что правительство «никуда не годится». Допустить обратное – значило бы сознаться в своей ошибке, а этого политические партии делать не любят и не умеют. С начала октября возобновило свою работу бюро Блока. 3 октября 1916 г. на заседании Блока выступили В. А. Бобринский, П. Н. Милоков, В. В. Шульгин, предлагавшие «сосредоточить напор на Штюрмере, человеку довольно бесцветном, пассивным исполнителем царской воли..., а для перемены власти надо в первую очередь свалить его... Вести кампанию против Штюрмера начали с двух сторон: используя его немецкую фамилию. Премьера старались изобразить, как сторонника сепаратного мира; в то же время утверждали, будто он «ставленник Распутина» и во всем слушается его указаний»³⁹. Но в кругах Блока не чувствовалось большой уверенности в себе. Не было никакой деловой программы, особенно в остро стоявшем продовольственном вопросе. Настроения страны также не вызвали особых надежд, а члены Блока отдавали себе отчет, что страна устала от войны и в деревне будут рады заключению мира. Об этом мы читаем в письмах солдат, приходящих с фронта. Срок созыва Думы, назначенный на 1 ноября, приближался, и бюро Блока начало вырабатывать свою декларацию. Проект декларации несколько раз обсуждался на совещании Блока. Фракция кадетов предупредила, что если проект Милокова не пройдет, то она выступит самостоятельно и в более резкой форме. При окончательном редактировании из декларации были удалены места о предательстве власти. Но новая редакция не удовлетворила большинство прогрессистов, и они вышли из Блока. Это решение вызвало разногласия среди прогрессистов. Против разногласий был и уральский депутат М. И. Гродзицкий, указавший, что «когда более всего нужно объединение в Думе, в этот момент происходит разделение»⁴⁰. Еще к открытию Думы кадеты и прогрессисты организовали выступления земств, городских дум, земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов и других организаций с целью поддержки её требования смены кабинета Штюрмера.

1 ноября 1916 г. открылась пятая сессия IV Государственной думы, начать её решили оглашением декларации Прогрессистского блока. Начиналась декларация с заявления, что Блок не допустит и мысли о сепаратном мире с Германией, говорилось, что министры, которые вызывают открытое недоверие «должны быть удалены, а новые будут опираться на Думу, на доверие страны и Блок будет стремиться к достижению этой цели всеми доступными и законными способами»⁴¹. Заканчивалась декларация требованием ухода Штюрмера и созданием такого правительства, которое опиралось бы на большинство Думы и проводило в жизнь его программу. Прогрессистов поддерживали социал-демократы и трудовики. От социал-демократов выступил Н. С. Чхеидзе, от трудовиков А. Ф. Керенский. Их речи были схожи. «Мы заставили уйти тех, говорил Керенский, – кто губит, презирает, издевается над страной...»⁴² Затем слово взял П. Н. Милоков. Впервые он говорил открыто о возможной измене в высших сферах, приводил цитаты из германской и австро-венгерской прессы, которую собирал во время заграничной поездки, делал вывод о возможном предательстве жены Императора (Александры Федоровны) и премьер-министра Штюрмера. От имени Блока он заявил в адрес правительства: «Мы будем бороться с вами... всеми законными средствами, до тех пор, пока вы не уйдете»⁴³. На следующем заседании нападение продолжалось. В. В. Шульгин произнес ядовитую и яркую речь – и сделал практические выводы. С критикой правительства выступил и В. А. Маклаков и Д. П. Капнист. Речи Милокова, Чхеидзе и Керенского не были разрешены к опубликованию, выступления других депутатов появились с белыми пятнами. Но это только усилило их резонанс. Они стали переписываться везде и всеми, содействовали росту недовольства в стране. Атака на Штюрмера велась с нескольких сторон. Правые упрекали его в излишней осторожности, в неспособности совладать с революционным движением. Против него высказывались и союзные дипломаты. В частности, английский посол на аудиенции у царя, ссылаясь на донесения британских консулов, предупреждал его, если Штюрмер останется во главе правительства, то будут серьезные волнения.

Николай II считал, что Штюрмер явно не в силах справиться с положением. «Я боюсь, что с ним дела не пойдут гладко... Я не понимаю, в чем дело, но никто не имеет доверия к нему»⁴⁴, – писал император

государыне. 10 ноября 1916 г. Штюмер был уволен и заменен А. Ф. Треповым, человеком более твердым и энергичным. Дума была распущена на восемь дней с целью дать возможность новому премьер-министру за это время заменить некоторых членов кабинета и подготовить правительственную декларацию перед Думой. 11 ноября состоялось заседание московского комитета кадетов по вопросу о том, какой тактики надо держаться по отношению к новому премьер-министру. Единства по данному вопросу не оказалось. Левые кадеты сомневались, что Трепов может наладить совместную работу правительства вместе с Думой. Понимая настроение народа и армии, правительство не пойдет на разгон Думы, поэтому к Трепову нужно держаться принципа: «Не Дума пойдет у него на поводу, а он у нее, если же на это премьер не пойдет, то Дума не должна останавливаться даже перед парламентским бойкотом правительства»⁴⁵. Что касается правых элементов Прогрессивного блока, то они высказались за сотрудничество с Треповым. В частности, А. И. Савенко заявил, что новый премьер-министр «яркая и сильная личность, что после смерти П. А. Столыпина власть еще ни разу не была в столь сильных руках»⁴⁶. Савенко полагая, что Блок должен объявить по отношению к Трепову дружеский нейтралитет.

19 ноября 1916 г. премьер выступил со своей декларацией. Однако, его выступление несколько раз было прервано. Социал-демократы и трудовики решили устроить Трепову обструкцию, не давали ему говорить, но каких-либо конкретных альтернатив не выдвигали, за что и были удалены из зала заседания. Как и Штюмер новый министр говорил о желании сотрудничать с Думой и общественными организациями. От реформ он не отказывался, но тут же сделал оговорку, что сейчас едва ли время заниматься внутренними преобразованиями. Обсуждение правительственной декларации открыл депутат от правой фракции В. М. Пуришкевич. В его речи прозвучала критика в адрес правительства, прежде всего ложь и паралич власти, бессмысленная цензура, отсутствие ясной программы и тревога за завтрашний день. В заключение речи Пуришкевич поставил задачу – «избавить Россию от распутищев больших и малых и сделать это должен премьер»⁴⁷. Но фракция правых отказалась признать Пуришкевича выразителем ее мнений: тогда он вышел из фракции, и одна из групп Блока предоставила ему свое место в списке ораторов, но для широкой публики Пуришкевич, все равно, оставался «представитель крайне правой»⁴⁸. Итог обсуждения правительственной декларации подвел лидер кадетов П. Н. Милоков. Было внесено две формулы перехода: первая – прогрессистов, предлагала выразить недоверие кабинету Трепова и открыть путь к созданию правительства, ответственного перед Думой. Вторая – Дума будет бороться всеми законными ей способами за создание кабинета, готового «опираться на Думу и провести в жизнь программу ее большинства». Это означало отставку кабинета Трепова или включить в него лиц, согласовав с Родзянко и Милоковым. Это предложение было одобрено⁴⁹. Либералы уже начали обсуждать возможные кандидатуры министров. Активное участие в этой работе принимал пермский депутат – кадет В. А. Степанов⁵⁰. Из Государственной Думы, из Государственного Совета, с дворянского съезда (27–29 ноября 1916 г.) то же настроение распространялось на светские и придворные круги, вплоть до членов Императорской фамилии. Всюду говорили «о темных силах» и о «министерстве доверия», но Государь оставался непоколебим, знал больше, чем политические деятели и видел общее положение гораздо яснее, чем они. Государь отверг домогательства Блока и его сторонников, он говорил Трепову, что думская сессия вскоре будет прервана, если же по ее возобновлении кампания против власти не прекратится, то IV Государственная дума будет распущена до истечения срока и эту «черную работу» Царь возлагал на премьера. Опасения досрочного роспуска Думы заставили думскую оппозицию быть более осторожной. И вновь депутаты перешли к обсуждению продовольственного вопроса, т.к. продовольственный кризис в стране достиг невиданной остроты. Обе столицы, промышленные районы испытывали нужду в продовольствии, а также угроза голода нависла над фронтом. Особое совещание по продовольствию решило распространить твердые цены, чем были недовольны помещики. Тогда правительство Трепова заявило о необходимости пересмотра вопроса о ценах. Было внесено предложение привлечь крестьян к разверстке хлеба и вновь пустить в ход законопроект о волостном земстве.

Крестьянские депутаты были возмущены постановкой такого вопроса. Так, уральский депутат К. А. Тарасов (Вятская губерния) жаловался, что помещичий скот, как племенной, так и молочный, не подлежит реквизиции, тогда как у крестьян берут последнюю корову⁵¹. Активное участие в обсуждении правительственного вопроса приняли большинство уральских депутатов правых фракций. Почти все депутаты подняли вопрос о том, что у тех, кто не в состоянии засеять землю или захватил сверх трудовой нормы, следует землю отобрать и передать малоземельным и безземельным; тогда земля не останется в пустее, а страна не останется голодной⁵². Депутаты-крестьяне вновь подняли вопрос о необходимости соблюдения принципа справедливости и равномерного несения тягот войны. С фронта на имя председателя Думы М.В. Родзянко шли письма, в которых они просили депутатов решить вопросы об улучшении положения крестьян, рабочих и солдат⁵³. Единство мнений по решению продовольственного вопроса Дума не могла выработать. При голосовании формулы Блока, настаивавшей на соблюдении твердых цен и хлебной разверстки, Дума раскололась почти надвое: за неё голосовало 114, против 17, воздержалось 87. В числе воздержавшихся были и члены прогрессивного Блока.

В декабре 1916 г. тяжелое положение усугубилось. М. В. Родзянко на докладе царю о положении дел в Думе говорил, что «не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас и Вы уже не будете царствовать»⁵⁴. Николай II не очень этому верил, считал, что народ предан ему. 16 декабря 1916 г. заседания Думы были отложены до января 1917 г. В ту же ночь (на 17 декабря) произо-

шло убийство Григория Распутина в особняке кн. Ф.Ф. Юсупова. В убийстве принимали участие В.М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. Участники убийства полагали, что они устраняют источник зла и спасают Россию и династию. Но после убийства ничего не изменилось. «Раньше всё валили на него... А теперь поняли, что дело вовсе не в Распутине. Его убили, но ничего не изменилось»⁵⁵, – считал член Прогрессивного блока В. В. Шульгин. В самом конце 1916 г. реакционные силы перешли в наступление. В Государственном совете назначались новые кадры. Вместо 16 правых представителей группы центра и беспартийных, назначались исключительно правые. Председателем Совета стал ярый реакционер, бывший министр юстиции Щегловитов. Позиции Прогрессивного блока в Государственном совете ухудшились. Новым председателем Совета министров вместо Трепова был назначен кн. Н. Д. Голицын. 3 января 1917 г. на заседании Совета министров было решено отложить возобновление Думы с 12 января, как говорилось в царском указе, до 14 февраля 1917 г.

Сессия Государственной думы открылась 14 февраля. Ожидали демонстраций на улицах, прилегающих к Таврическому дворцу, но было тихо. Революционная волна шла мимо Думы, хотя бастовало 84 тыс. рабочих. На многих заводах проводились митинги.

Первым на заседании Думы выступил спикер Парламента М. В. Родзянко, затем депутаты разных фракций.

Оппозиция вновь перешла в наступление. Меньшевик Чхеидзе выступая, не скрывал тревоги по поводу того, что «улица начинает говорить», что Прогрессивному блоку надо прислушаться к голосу народа⁵⁶. Затем слово взял министр земледелия А. А. Риттих и сделал обстоятельный доклад по продовольственному вопросу. Обсуждение продовольственного вопроса привело к расколу Прогрессивного блока. Только правая фракция Думы выступила в поддержку правительства. С критикой в адрес Прогрессивного блока выступили вятские депутаты К. Е. Городилов и К. А. Тарасов. Городилов напомнил членам Думы, что закон о твердых низких ценах на хлеб, «который погубил страну... убил всю торговлю и всё земледельческое хозяйство», приняла «сама Государственная дума с участием Милюкова, Шидловского и Шульгина в ноябре 1916 г., что грубые просчеты Прогрессивного блока привели к той тяжелой ситуации с продовольствием, которая сложилась в стране в настоящее время, к обострению противоречий между городом и деревней, к «натравливанию одного класса на другой»⁵⁷.

К. А. Тарасов продолжил мысль своего земляка, что «...между крестьянами и землевладельцами не нужно было делать такой розни и... что нас ожидает, если мы будем продолжать валить вину один на другого»⁵⁸. Необходимо объединить все усилия для решения данного вопроса, пытался призвать депутат Думу, но его голос не был услышан. В Думе продолжались обычные прения. Депутат А. А. Бубликов (Пермская губерния) предлагал для преодоления разрухи обратиться за помощью к США и частному американскому капиталу. Был внесен запрос об аресте Рабочей группы. Выступил трудовик А. Ф. Керенский. Он критиковал Милюкова и Прогрессивный блок за то, что они не взяли на себя личный риск в борьбе с той старой системой, которая губит страну. Дальнейшие заседания Думы состоялись 17 и 20 февраля. До последней минуты руководство Думы советовало Николаю II создать новое правительство, пользующееся «доверием страны» и тем самым предотвратить революцию. Однако 18 февраля 1917 г. началась знаменитая забастовка на Путиловском заводе, открывшая новый этап в борьбе пролетариата против царизма. 21 февраля 1917 г. Император вызвал некоторых министров во главе с премьером Голицыным для обсуждения вопроса о возможности провозглашения ответственного министерства и заявил, что собирается явиться в Думу 23 февраля и объявить о даровании ответственного правительства. Но вечером 22 он позвонил премьеру и заявил, что сейчас же уезжает в Ставку. В результате, последний шанс предотвратить революцию был упущен. 23 февраля, когда Дума собралась на свое последнее пленарное заседание, на улице уже разворачивались события первого дня Февральской революции. Государственная Дума видела в этих беспорядках только лишний повод для обличения продовольственной политики власти. Совет министров не придавал демонстрациям особого значения и в заседании 24 февраля, вообще их не касался. Он был занят конфликтом с Государственной думой. 25 февраля состоялось заседание кабинета, на котором говорили о том, что следовало бы просить Императора назначить других министров, думские настроения казались гораздо серьезнее уличных беспорядков. Депутаты знали, что 28 февраля в Думе начнутся новые выступления, осуждающие продовольственную политику Риттиха. В правительстве по этому вопросу было два мнения: одни выступали за то, чтобы распустить Думу после резких выступлений. Другие – хотели договориться с думским большинством. В результате прений сошлись на том, что следует объявить перерыв думской сессии на несколько недель, не позднее апреля 1917 г. Сторонники уступок думскому большинству считали, что за время перерыва будет достигнуто соглашение и сессия возобновит свою работу уже при другом кабинете. Но движение развивалось без видимого плана. Таврический дворец, где заседала Государственная дума, оказался в районе, захваченным восставшими. Совет старейшин Думы, по поручению совещания депутатов из представителей фракций блока и крайних левых, избрал Временный комитет Государственной думы (ВКГД) для водворения порядка в Петрограде и для сношений с учреждениями и лицами во главе с М. В. Родзянко. 28 февраля этот комитет объявил себя правительственной властью и до 2 марта являлся чем-то вроде правительства и получил международное признание⁵⁹.

В ночь с 1 на 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола, было создано Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым и Советы рабочих и солдатских депутатов. От новой власти народ ожидал общих перемен. В адрес председателя Государственной думы, ВКГД, правительства и Петроградского Совета в первой половине марта были получены сотни правительственных телеграмм.

Почти все телеграммы поддерживали новое правительство. Новая власть оценивалась как победитель старой. От нее ожидают общих перемен (светлое будущее, новые начала государственной жизни, путь свободы и славы, победа и развитие России, созыв Учредительного собрания и т. д.) Анализ мартовских телеграмм позволяет сделать вывод, что у большинства рабочих, приславших телеграммы, бросается в глаза отсутствие отчетливых представлений о новой власти и утопизм мышления, выраженный устремленностью в будущее. Хотя в отдельных телеграммах кроме симпатии давалась критическая оценка старой власти⁶⁰.

Временное правительство, придя к власти, не допустило возобновления сессии IV Думы в апреле 1917 г. В феврале-августе депутаты собирались на частные совещания, на которых обсуждали все происходившие события в стране, предъявляли требования Временному правительству. В совещаниях принимали участие и уральские депутаты. Состоялось 20 таких совещаний. В период двоевластия Государственная дума всё более становилась оплотом контрреволюции. Её члены открыто выступали против Советов, были участниками заговоров (в том числе корниловского).

6 октября 1917 г. было опубликовано постановление Временного правительства о роспуске Государственной думы со ссылкой на то, что началось «избирательное производство» в Учредительное собрание. 31 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров упразднил канцелярии Государственной думы и Временного комитета Думы.

Итак, неудачная для России первая мировая война усилила политический разрыв между властью и буржуазией. Отсутствие ясной программы у правительства, его неспособность стабилизировать экономику страны, буржуазия усилила свое влияние на производство посредством особых заводских совещаний и военно-промышленных комитетов.

Во-вторых, созданный Прогрессивный блок стремился влиять на политическую жизнь страны, выступая с трибуны Думы с резкой критикой действий правительства.

С другой стороны думское большинство, претендуя на лидерство в политическом процессе, не смогло оценить остроту социальных проблем и повести трудящиеся массы по пути буржуазно-демократических преобразований. В то же время правительство в данных условиях понимало, что уступки думскому большинству будут запоздалыми и свое внимание сосредоточило на борьбе против революционных сил. Но в силу объективных и субъективных факторов решить эту задачу оно не смогло. Потеря властного потенциала самодержавия, начавшегося в годы войны, закончилась крахом в 1917 г.

Примечания

¹ Государственная дума. Стеногр. отчеты. IV Созыв. Сессия 3. СПб., 1915. Стб. 8–12.

² Там же. Стб. 12–16.

³ Там же. Стб. 34–35.

⁴ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 163.

⁵ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на пути к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 54.

⁶ Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2–3. Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1997–1998. С. 362. Заседание ЦК от 11 августа 1914 г.

⁷ История политических партий в России. М., 1994. С. 109.

⁸ Большевики Екатеринбурга во главе масс. Свердловск, 1962. С. 169; Лоскутов С. А. Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905–1916). Челябинск, 1996. С. 127.

⁹ Государственная дума. Стеногр. отчеты. IV Созыв. Сессия 3. 1914. Стб. 24–25.

¹⁰ Калинычев Ф. И. Государственная дума в России. Сборник документов и материалов. М., 1957. С. 595–596.

¹¹ Бадаев А. Большевики в Государственной думе. М., 1954. С. 362; Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968. С. 31.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 333.

¹³ Дажина И. М. Несломленные. М., 1986. С. 71.

¹⁴ Социал-демократия. 1914. № 34. 5 декабря.

¹⁵ Цит. по: Дажина И. М. Указ соч. С. 74.

¹⁶ Дёмин В. А. Государственная дума России (1906–1917) : механизм функционирования. М., 1996. С. 77–78; Сидоренко Н. С. Указ. соч. С. 129.

¹⁷ Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв IV. Сессия 3. СПб., 1915. Стб. 34, 74, 132–133.

¹⁸ Зауральский край. 1915. 2 июля

¹⁹ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 105. Л. 21.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 48.

²¹ Лоскутов С. А. Указ. соч. С. 143–146.

²² Сейранян Б. С. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов. Ереван, 1961. С. 85.

²³ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 94.

²⁴ См.: Указатель к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв IV. Сессия IV. 1915. Стб. 1213–1218.

²⁵ Шевырин В. М. Государственная дума в России (1906–1917 гг.). Обзор. М., 1995. С. 82.

²⁶ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. С. 257–258; Амаева Л. А. Указ. соч. С. 192.

- ²⁷ Там же. С. 208–209.
- ²⁸ Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв IV. Сессия IV. СПб., 1915. Стб. 1447. Сидоренко Н. С. Уральские депутаты Государственной думы (1906–1917 гг.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 95.
- ²⁹ Оренбургское земское дело. 1915. 9 октября.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 7; 4.86. Л. 29.
- ³¹ Дневник Императора Николая II. М., 1991. С. 736.
- ³² См. Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 273–274.
- ³³ Урал: век двадцатый. Люди, события, жизнь. С. 27.
- ³⁴ Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв IV. Сессия IV. 1915–1916. Стб. 1218.
- ³⁵ Там же. Стб. 1407.
- ³⁶ Там же. Стб. 1619–1620.
- ³⁷ Там же. Стб. 1266–1268, 1538–1539; Сидоренко Н. С. Указ. соч. С. 144.
- ³⁸ Свод основных государственных законов. СПб., 1906. Ст. 12.
- ³⁹ Цит. по: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 594.
- ⁴⁰ Селецкий В. Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 320.
- ⁴¹ Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв IV. Сессия IV. 1916–1917. Стб. 11.
- ⁴² Там же. Стб. 29–33.; Смирнов А. Ф. Указ. соч. С. 551–552.
- ⁴³ Там же. Стб. 38–45; Гайда Ф. А. Указ. соч. С. 232.
- ⁴⁴ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 605.
- ⁴⁵ Цит. по: Черменский Е. Д. Указ. соч. С. 219.
- ⁴⁶ Речь. 1916. 12 ноября.
- ⁴⁷ Государственная дума. Стеногр. отчеты. Сессия V. Созыв IV. Стб. 261–268.
- ⁴⁸ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 606.
- ⁴⁹ Речь. 1916. 20 ноября.
- ⁵⁰ Сидоренко Н. С. Указ. соч. С. 160.
- ⁵¹ Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв IV. Сессия V. Стб. 702.
- ⁵² Там же. Стб. 703.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 605. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–6.
- ⁵⁴ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: мемуары. М., 1993. С. 131.
- ⁵⁵ Гайда Ф. Ф. Указ. соч. С. 252.
- ⁵⁶ Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв IV. Сессия V. Стб. 1294.
- ⁵⁷ Там же. Стб. 1570–1571; Сидоренко Н. С. Указ. соч. С. 164.
- ⁵⁸ Там же. Стб. 1673.
- ⁵⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений революционной России. М., 1983. С. 310.
- ⁶⁰ Зауральский край. 1917. 17 марта.

Арнаутов Н. Б.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ 1930-Х ГГ.

Тоталитарный политический режим в России 1930-х гг. ставил масштабные цели модернизации страны. Как и любой другой тоталитарный режим, он специально создавал и активно использовал самые разнообразные приемы и методы манипулирования общественным сознанием. В этой связи интересно проследить те социально-психологические механизмы, которые несколько десятилетий удерживали советское население в состоянии перманентной мобилизации.

В социально-гуманитарной исследовательской литературе феномен социальной мобилизации традиционно является объектом анализа политологии и социологии. При этом если политологи стремились показать природу и модели мобилизаций в контексте изучения воздействия институтов власти на общество, то социологи ориентировались на анализ способов организации социальных мобилизаций и изучении реакций различных групп социума на мобилизационную практику. Западные исследователи рассматривали феномен советской социальной мобилизации как обеспечение поддержки политики советского государства со стороны населения. По мнению политолога П. Кинеза, методы мобилизации в жизни советского общества были характерной чертой массового общества. Американский исследователь полагал, что описание методов мобилизационной пропаганды должно проводиться в обязательном сочетании с анализом политической ситуации, в которой они возникали и использовались: «В этих двух измерениях история пропаганды становится синонимом истории советского государства»¹. Определяя эффективность советских методов мобилизации, в качестве основного фактора автор выделял то, что «советская пропаганда учила людей политическому языку и образцам поведения»². О схожем понимании термина «мобилизация» свидетельствуют работы П. Холквиста, посвященные организации осведомительной работы в Советской России. В отличие от политического надзора за поведением неблагонадежных, который практиковался в России и других европейских странах до Первой мировой войны, система осведомления в Советской России предполагала фиксацию и анализ «всей совокупности настроений населения для тех или иных политических целей»³. Целью осведомительной

работы стала не только профилактика антигосударственных действий, а возможность воздействовать на людей с целью «переделки общества и трансформации каждого его отдельного члена»⁴. П. Холквист не связывал формирование данной практики с революцией и не считал ее специфически большевистской. С началом Первой мировой войны у всех воюющих стран появилась потребность и одновременно оправдание для внедрения практик, концепции которых возникли еще ранее, – практик активного управления населением и распоряжения им как ресурсом⁵.

В современной отечественной историографии термин «мобилизация» применительно к советской истории одним из первых использовал А. А. Галкин. В экономической науке существует противопоставление мобилизационной и инновационной моделей развития. Первая модель реализуется, когда общество не имеет достаточного количества ресурсов, не обладает достаточной степенью зрелости внутренних факторов или субъектов развития для решения задач. Основным методом развития при мобилизационной модели является принуждение. По мнению А. А. Галкина, мобилизационная модель развития была выбрана большевиками как эффективный способ преодоления отсталости, возможность в кратчайшие сроки модернизировать экономическую, социальную и политическую сферу. В то же время А. А. Галкин указывал на недостатки мобилизационной модели: ограниченная во времени и в сферах действия эффективность, «негативная кадровая селекция» и высокая инерционность⁶.

Определяя факторы, которые способствовали складыванию мобилизационного общества, большинство исследователей подчеркивали значимость фактора военной угрозы. Данная проблема, которая в исторической публицистике конца 1980-х гг. получила название «синдром осажденной крепости», в настоящее время разрабатывается на основе конкретно-исторических исследований. В монографии Н. С. Симонова, посвященной созданию и развитию военно-промышленного комплекса СССР в 1920–1950-е гг., на основе сравнительного анализа идеологических документов, политических решений высших партийных органов, мобилизационных и общеэкономических планов показано, что «военная тревога» 1927 г. и связанные с ней политические решения оказали самое серьезное влияние на переход в конце 1920-х гг. к жестко директивному способу управления экономикой страны, «невзирая на вопиющие хозяйственные диспропорции и полное расстройство товарно-денежного обращения»⁷. Н. С. Симонов определил данный вариант экономического развития как характерный для военного времени. В качестве основных признаков «военно-мобилизационной системы управления» автор определил мобилизационный характер финансовой и ресурсной политики, милитаризацию труда, жесткое регулирование системы потребления и оплаты труда⁸.

В 1920-е гг. в России сформировался военно-мобилизационный режим, характеризовавшийся сверхцентрализмом власти; милитаризацией основных сфер жизни; широким использованием принуждения во всех формах. Природа кризисов эпохи НЭПа не только служила подтверждением неадаптированности системы власти к реалиям смешанной экономики и сложной сословно-классовой структуры, но и провоцировала институты власти к возврату к алгоритмам военно-мобилизационного режима. Для мотивации и обоснования необходимости подобной регрессии подходил процесс моделирования кризисных ситуаций. Их сочетание и прагматическое использование сталинским режимом проявили себя в 1927–1929 гг., когда внешний фактор (так называемая военная тревога 1927 г. – обострение отношений с Англией и Китаем, далее военный конфликт вокруг КВЖД осенью 1929 г.) был использован сталинским окружением для активизации образа «внешнего врага». Советская страна бросила вызов капиталистическому миру, перейдя от военной обороны к политическому и идеологическому наступлению. Перманентная угроза внешнего вторжения, неоднократно актуализировавшаяся и нагнетаемая изнутри, превращала образ «внешнего врага» в устойчивый элемент массового советского сознания, выполнявшего функцию социальной мобилизации и дополнявшего образ «классовых врагов».

Еще в 1925 г. НКВМ (Народный комиссариат по военным и морским делам СССР) разработал проект «Положения о подготовительном к войне периоде», разбив этот период на два этапа: с момента осложнения международных отношений до момента выявления возможности вооруженного столкновения и от момента выявления возможности вооруженного столкновения до объявления мобилизации. Одновременно М. В. Фрунзе на заседании Политбюро ЦК в мае 1925 г. объяснил, что означает такое положение: «Заблаговременное и постепенное проведение подготовительных к войне мероприятий облегчает сохранение секретности при проведении мобилизационных работ»⁹.

27 июня 1927 г. Политбюро ЦК поручило А. И. Рыкову «в закрытых заседаниях Совнаркома СССР и РСФСР поставить вопрос о немедленной разработке в наркоматах мероприятий, способствующих поднятию обороны страны, и мероприятий, обеспечивающий усиленный темп всей работы и быстрое устранение наиболее существенных недочетов, особенно нетерпимых в настоящих условиях»¹⁰. Совет Труда и Оборона (СТО), его Распорядительные заседания (РЗ СТО) стали тем государственным органом, который координировал всю мобилизационную работу. Ему подчинялись Реввоенсовет (РВС) и Госплан СССР. РВС должен был заниматься разработкой планов ведения войны, подготовкой заданий всем наркоматам по обеспечению мобилизации РККА, увязкой и объединением мобилизационных планов административных и хозяйственных наркоматов. Задачей Госплана была увязка перспективных планов развития вооруженных сил с общим перспективным планом развития народного хозяйства СССР на случай войны, объединение мобилизационных планов наркоматов в единый мобилизационный план СССР¹¹.

В этом ключе интересен отрывок из речи председателя Западно-Сибирского крайисполкома Ф. П. Грядинского, с которой он выступал после XVII партийной конференции на курсах сотрудников мо-

биллизационных отделов. В своей речи он рассказал о сути и назначении общего мобилизационного плана страны. «Тогда мы с вами сумеем, имея точный мобилизационный план к моменту войны, все наше хозяйство сделать военным хозяйством, обслуживающим задачи войны, и провести с большим успехом тот маневр, который решает война, т. е. маневр организации подготовки к войне. Вы приложите все силы и для того, чтобы в краткий срок свои знания увеличить и сами на основе этого знания воспитать кадры мобилизационных работников, понимающих значение мобилизационной работы и тем самым строить социалистическое хозяйство, сейчас его приспособить к задачам социализма, к задачам борьбы против капитализма»¹².

Процесс поддержания перманентной «боевой готовности» перед «враждебной угрозой» развивался достаточно уверенно. Об этом свидетельствует появление в 1927 г. секретного циркуляра Агитпропа ЦК ВКП (б) о работе газет в связи с пробными (опытными) мобилизациями. Перед прессой ставились следующие задачи: разъяснение роли опытных мобилизаций; борьба с паническими настроениями и кулацкой агитацией, разъяснение роли пробных мобилизаций как одного из составных звеньев подготовки страны в условиях мирного времени; усиление освещения и разъяснения вопросов международного положения СССР в связи с задачами опытных мобилизаций¹³.

Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. трансформированный пропагандой в «кулацкую хлебную стачку» стал толчком к введению вначале элементов, а затем и системы чрезвычайных мер во внутренней политике. Система государственного управления была ориентирована на методы «революционного скачка». Весь партийно-политический механизм по своей сути и функциональной технологии был ориентирован на «битву», «борьбу», «войну», т. е. на различные варианты чрезвычайного положения. Именно кризисные ситуации и их использование позволяли существовать и воспроизводиться сталинскому режиму, а социальные мобилизации стали сущностной чертой режима и способом функционирования. Социальные мобилизации из механизма преодоления кризисов стали способом конструирования новой реальности.

Строительство социализма И. В. Сталин представлял как военную операцию, необходимость проведения которой обосновывал существованием внешней угрозы, внешнего заговора против советской России. Внешний заговор, согласно И. В. Сталину, находился в союзе с внутренним. Построение социализма предполагало ликвидацию этих заговоров – внутренний должен быть уничтожен во имя победы социализма в одной, отдельно взятой стране, а внешний – в перспективе, во имя победы мировой революции, мысль о которой не была отброшена, а только временно перемещена на задний план. В соответствии с этим, процесс построения социализма коммунистические лидеры представляли как постоянную борьбу с классовыми противниками. Только этим можно объяснить появление высказывания И. В. Сталина о том, что «по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться»¹⁴, высказанная 9 июля 1928 г.

В сфере советской идеолого-пропагандистской деятельности этот процесс перманентно поддерживался. Советский Союз был «пропагандистским государством»¹⁵. Пропаганда большей частью использовалась как средство распространения догм, норм и представлений о будущем. Здесь ядром выступали агитационно-пропагандистские кампании мобилизационного типа, использующие в своем арсенале т. н. новояз, или, согласно определению английского писателя Дж. Оруэлла, официальный язык, призванный обслуживать государственную социалистическую идеологию¹⁶. Цель агитационно-пропагандистских кампаний состояла в извлечении и использовании режимом всех видов ресурсов (людских, материальных, финансовых и др.). Таким образом, социальная мобилизация осуществлялась режимом в форме кампаний такого рода – кампании по мобилизации денежных средств населения (займы на индустриализацию и т. д.); кампании, носившие чисто политический (избирательные кампании, кампании по обсуждению конституционных проектов, кампании по борьбе с «космополитизмом») или культурный (ликвидация неграмотности) характер и т. д.¹⁷.

К элементам социальной мобилизации следует отнести и такие действия, как массовые праздники, шествия, митинги и даже ритуалы (похороны, памятные даты и т. д.). Важность церемониальной коммуникации для легитимации режима подтверждается точно регламентированной инсценировкой праздников. Массовые праздники занимали важное место в культурном арсенале большевиков. С первых дней революции 1917 г. большевики старались детализировать праздничные церемонии¹⁸. В 1927 г. празднование 10-летия установления советской власти дало толчок дальнейшему расширению праздничного движения, которое продолжалось в 1930-е гг. Празднования становились все помпезнее, число официальных праздничных дат возрастало. Саму жизнь в советском Союзе стали называть «праздником»¹⁹. О месте, времени и порядке праздничных мероприятий первые полосы официальных газет извещали подробно. В этой регламентации праздников отражалась массовая милитаризация сознания²⁰.

На протяжении второй половины 1920 – начала 1930-х гг. были созданы институциональные структуры социальной мобилизации. Вся эта система разнообразных институтов могла создать искусственное пространство, в котором действовали условные, невидимые, скрытые «враги». Этой цели соответствовал тезис о нарастании «классовой борьбы» в период построения социализма, ставший официальной партийно-государственной догмой в 1930-е гг.

В 1930 г. И. В. Сталин обозначил социальные группы, которые неизбежно будут репрессированы по мере продвижения к социализму, что видно из следующего отрывка его выступления: «...злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, звер-

ская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага». К этому «списку» добавлялись инакомыслящие – «люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов»²¹. Все категории населения, обреченные на ликвидацию, И. В. Сталин одним махом связал с «капиталистическим окружением». Для него уже в 1930 г. безусловно было «доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне»²².

В письме «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 г. И. В. Сталин дал схему интерпретации партийной истории как цепи постоянных заговоров внешних и внутренних «врагов», ставшей прологом к последующим судебным процессам. Таким образом, логичной фазой формирования тоталитарного режима было достижение полного контроля над кадровыми назначениями и перемещениями в любой сфере социальной, экономической, политической и культурной жизни путем сокращения партийного и государственного аппарата, а значит – и постепенного установления полного контроля над социальной структурой общества.

В процессе теоретического обоснования созданного образа «врага народа» И. В. Сталин попытался дать в заключительном разделе своей речи на январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г., озаглавленном «Итоги пятилетки в четыре года в области борьбы с остатками враждебных классов». Он заявил, что «последние остатки умирающих классов» «оказались вышибленными», в силу чего они «расползлись» по всем предприятиям и учреждениям страны, где «стали организаторами не только вредительства, но также массового воровства и хищений общественной собственности»²³. Таким образом, воровство, получившее широкое распространение в результате обнищания подавляющей массы населения, объяснялось происками «последних остатков умирающих классов». Сильная и мощная диктатура пролетариата, – заключил он, – «вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации»²⁴.

Эти «остатки» или «бывшие люди», как утверждал И. В. Сталин, не могут изменить что-либо в нынешнем положении в СССР. «Они слишком слабы и немощны для того, чтобы противостоять мероприятиям Советской власти». Тем не менее, они будут усиливать свое сопротивление с ростом могущества Советского государства, а «на этой почве могут ожить и зашевелиться ... осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов». Несмотря на заверения о бессилии «остатков» и «осколков» И. В. Сталин заявил, что максимальное усиление государственной власти необходимо для того, чтобы «развеять в прах» эти «остатки» и «разбить их воровские махинации»²⁵. В статье «Проблемы советского режима (теория перерождения и перерождение теории)» Л. Д. Троцкий обращал внимание, прежде всего на противоречие данного тезиса И. В. Сталина: «Если от бывших классов остались лишь «бывшие люди», если они слишком слабы, чтобы «что-либо изменить в положении СССР», – то из этого и должно было бы вытекать потухание классовой борьбы и смягчение режима ... Зачем вводить режим террора против партии и пролетариата, если дело идет лишь о бессильных осколках, неспособных “что-либо изменить в СССР”?»²⁶

В своем отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) 26 января 1934 г. И. В. Сталин указывал на актуальность классовой борьбы: «...бесклассовое общество не может прийти в порядок, так сказать, самотеком. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся – путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними»²⁷. Уже 3 февраля 1934 г. В. М. Молотов озвучил следующий этап программы «строительства социализма». В качестве основной политической задачи второй пятилетки он назвал сформулированную XVII партийной конференцией «окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»²⁸.

«Враги» были одним из ключевых факторов формирования советской идентичности. Все семантическое пространство тоталитарной пропаганды задано развертыванием двух ключевых метафор – «осажденная крепость» и «бдительность». Оба значения составляли единый смысловой комплекс: «строительство будущего общества» происходило в экстремальных условиях открытой и тайной войны с внешними и внутренними «классовыми врагами». Исходные составляющие этих мифологем предполагали активное развитие тоталитарных институтов – плановой государственной экономики, милитаризации общественной жизни, ограничение обычных прав, расширение сферы принуждения и т. п. Массовая промышленная война, предполагающая всеобщую мобилизацию и государственный контроль над национальными ресурсами, неизбежно становилась «тотальной». «Враг» становился неизбежным атрибутом дихотомического представления реальности в тоталитарном обществе.

Агитационно-пропагандистские кампании 1930-х гг. можно разделить на два типа: кампании консолидационного и конфронтационного типа. Примеры первого типа – кампании за передовой труд («стахановское движение») или вокруг принятия сталинской Конституции 1936 г. Кампании, в основе которых лежал фактор позитивной мобилизации, неизбежно сбивались на конфликтный тип, что можно считать характерной чертой советского варианта социальной мобилизации. Данная особен-

ность свидетельствует о непрочности мобилизационных режимов на длительном временном промежутке, т. к. их существование требует постоянного поддержания в обществе атмосферы противостояния. Кампании конфронтационного типа – вокруг «ликвидации кулачества как класса», освещение открытых московских процессов 1936–1938 гг. и т. д. Конфронтационные кампании подтверждали и иллюстрировали четко выстроенную черно-белую картину мира в контексте атмосферы истерии и всеобщей подозрительности о «хитром и коварном враге». Функция «врага» заключалась в том, чтобы быть условием тотальной перманентной мобилизации общества. Война в данном контексте превращалась из политического события в перманентное состояние общества. Оруэлловские слова о том, что ментальность члена партии «должна соответствовать состоянию войны. Неважно, идет война на самом деле, и поскольку решительной победы быть не может, не важно, хорошо ли идут дела на фронте или худо. Нужно одно: находиться в состоянии войны»²⁹, – как в зеркале отражают основную направленность процесса трансформации общественного сознания в 1930-е гг.

Модель социальной мобилизации позволяет объяснить сосуществование противоположных феноменов, составлявших основу тоталитарных обществ, таких как государственный террор и принуждение, с одной стороны, и массовый трудовой и политический энтузиазм населения с другой. Наглядной иллюстрацией сказанного служит использование большевистским режимом идеолого-пропагандистских кампаний двух типов – консолидационного и конфронтационного. В реальности сталинский режим стремился комбинировать оба названных типа мобилизационных кампаний: в частности, борьба против «спецов-вредителей» сочеталась с кампанией за повышение производительности труда и ударничество на производстве и т. д. Именно кризисные ситуации и их использование позволяли сталинскому режиму существовать и воспроизводиться, а сами социальные мобилизации стали сущностной чертой режима и способом его существования. В сталинской модели власти социальная мобилизация являлась универсальным инструментом контроля и управления во всех основных сферах жизнедеятельности социума (экономике, политике, идеологии, культуре).

Сложным остается решение вопроса об оценке эффективности методов социальной мобилизации. В глазах власти идеолого-пропагандистские кампании, несомненно, были важным средством мобилизации; в то же время эффективность их воздействия на общество зависела от ряда факторов, основным из которых являлась степень соответствия пропаганды реальности и уже сложившимся стереотипам сознания разных общественных групп. В целом, можно говорить о том, что к началу Великой Отечественной войны в стране сформировался и постоянно воспроизводился мобилизационный тип взаимоотношений между обществом и властью, что, возможно, стало одним из факторов победы СССР в войне.

Примечания

¹ Kenez P. The birth of the Propaganda State. (Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929). Cambridge, 1985. P. 3.

² Ibid. P. 251–260.

³ Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара. 2001. С. 48.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Там же. С. 66–67.

⁶ Галкин А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. 1990. № 18. С. 28–29.

⁷ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 59–70.

⁸ Там же. С. 70, 71.

⁹ Симонов Н. С. «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 158.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Цит. по: Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 113.

¹³ См.: Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. № 1. 2008. С. 36–58.

¹⁴ Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 11. С. 171.

¹⁵ О пропагандистском государстве см.: Kenez P. The birth of the Propaganda State. (Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929). Cambridge, 1985.

¹⁶ См.: Оруэлл Дж. 1984. М., 1989. С. 233–243.

¹⁷ См. об этом подробнее: Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 23 с.

¹⁸ См.: Geldern J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkley, 1993; Stites R. The Origins of Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Soviet Union and Eastern Europe // Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe / eds. C. Arvidsson, L. E. Blomqvist. Stockholm, 1987. P. 23–42.

- ¹⁹ Торжество социалистического демократизма // Советская Сибирь. 1937. 14 нояб.
²⁰ См.: Petrone K. "Life has become more joyous, comrades": Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.
²¹ Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 12. С. 274, 302.
²² Там же. С. 303.
²³ Там же. Т. 13. С. 207-208.
²⁴ Там же. С. 210.
²⁵ Там же.
²⁶ Троцкий Л.Д. Проблемы советского режима (теория перерождения и перерождение теории) // Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. С. 4.
²⁷ Сталин И. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 350.
²⁸ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стеногр. отчет. С. 351.
²⁹ Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. М., 1989. С. 134.

Братченко Т. М., Сенявский А. С.

ИМПЕРСКАЯ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНАЯ И СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Проект № 08-01-90101а/Б

Экономическая модель никогда не бывает абстрактной, но всегда в существенной степени «привязана» к конкретно-историческим условиям страны – ее человеческому и природному потенциалу, доминирующим в обществе социокультурным параметрам, включая систему ценностей, психологию; к существующей в конкретно-исторический период структуре народного хозяйства и социальной структуре, и всегда, больше или меньше определяема политикой государства.

Экономическая модель представляет собой исторически устойчивый тип хозяйства, включающий ресурсную базу и опирающуюся на нее отраслевую структуру, доминирующие отношения собственности, а также механизм экономического развития, определяющий основной вектор экономических изменений в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Существовавшая на протяжении ряда столетий аграрная (и в основном замкнутая на себя) экономика России начала трансформироваться на протяжении XVII в., с трудным восстановлением после «великой смуты» и со складыванием общероссийского рынка. Одновременно, еще до Петра I, «прорубившего окно в Европу», приоткрывались «форточки», устанавливались внешнеэкономические связи, причем, естественно, основными категориями российского экспорта была продукция сельского хозяйства, а также лес. В XVIII в. в Западную Европу из России шел уже огромный экспортный поток, включавший полотно, парусинный холст, лен, пеньку, лес, кожи, сало, воск, без которых не могли обойтись ни флот Англии, ни хозяйство Франции, которая ввозила из России накануне революции 1789 г. около 1/5 импортируемых ею товаров¹, ни ряд других крупных европейских держав.

Однако магистральный путь мирового экономического развития, от которого все больше зависела и Россия по мере не только ее включения в мировую торговлю, но преимущественно по внеэкономическим причинам (отставание в уровне технологического развития, отсутствие ряда производящих отраслей за пределами сельскохозяйственного производства вело и к военному отставанию, а значит, и к угрозе внешней безопасности государства) лежал в иной области: в передовых странах началась сначала protoиндустриализация, а затем и собственно индустриализация, «промышленный переворот», составившие суть стартовавшего общемирового модернизационного процесса.

Россия, находившаяся частью своей территории на периферии Европы, явилась «вторым эшелон» в модернизационном процессе. При всех формационных различиях, в XVIII в. крепостническая Россия не намного отставала в развитии технологий от передовых стран Европы. Например, одной из ключевых отраслей того времени являлось развитие металлургии, и здесь как по объемам производства, так и по уровню технологий Российская империя находилась на передовых позициях, что свидетельствует о существенной автономности форм организации производства и даже общественной жизни от технологических параметров модернизационного процесса, о сложности и косвенности их взаимосвязей. В середине XVIII в. Россия благодаря Уралу (производившему 4/5 российского чугуна и железа и 100 % меди) по производству чугуна обогнала Англию и вышла на второе место после Швеции, а на рубеже XVIII – XIX вв. по производству черных металлов вышла на первое место в мире, производя более трети выплавки мирового чугуна, и около четверти меди. Экспорт российского «уральского» железа рос стремительно и оттеснил прежнего монополиста – Швецию, причем главным потребителем была Англия – до 80 % русского экспорта. Можно сказать, что английский «промышленный переворот» во второй половине XVIII в. во многом основывался на импорте продукции уральской металлургии. Без импорта российского железа не могли обойтись и другие страны Запада – Франция, Голландия, Испания и др.² Несмотря на то, что на Урале действовали как казенные, так и частные заво-

ды, в развитии Уральской металлургии как передовой отрасли своего времени совершенно очевидна определяющая роль государства, проводившего целенаправленную политику по формированию и стимулированию развития этого производства.

Экономическое развитие во многом является продуктом когда-то принятых конкретными людьми решений, запустивших (или не пустивших в действие) экономические механизмы, конкретные экономические проекты и т. д. «Невидимая рука рынка» (в которую фанатично верят лишь отъявленные либералы, мало знакомые с реальной экономической практикой самих «рыночных» стран) далеко не всегда является безусловным регулятором экономического развития. Тем более в таких странах, как Россия, где не только формирование общероссийского рынка и продвижение российского экспорта на мировой рынок в XVI – первой половине XIX вв., но и масштабное становление собственно «рыночных» буржуазных отношений с основными экономическими институтами (финансово-кредитная и банковская система, акционерные общества и др.) во второй половине XIX – начале XX вв. было не просто под жестким контролем государства, но и во многом в решающей степени им же и определялось, и двигалось, и финансировалось. То есть, и экономическая модель, и общие перспективы экономического развития, и стратегические его направления определялись не «внизу», не между хозяйствующими субъектами абстрактного «рынка», а сверху, по причинам преимущественно отнюдь не экономического порядка: российское государство в первую очередь обеспечивало безопасность (военную, геополитическую) от внешних угроз, а заодно и экономическое освоение пространства («внутренняя колонизация»), и лишь затем думало о потребностях внутреннего обеспечения, в том числе влияющих на социальную стабильность. Возможно, в этом был главный стратегический просчет верховной власти (и аристократической элиты) Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

Если на протяжении XVII–XVIII вв. в аграрной экономике России (и даже в ее начинавших становление промышленных отраслях) доминировали крепостнические отношения (а преобладающая часть крестьянских хозяйств носила преимущественно натуральный характер), то уже в конце XVIII и тем более в начале XIX вв. верховной властью осознается нарастающий анахронизм подобной системы, но не по экономическим, а, скорее, по гуманитарным соображениям, вызванным влиянием идей Просвещения. Однако к середине XIX в. западная буржуазная модель экономического развития доказывает свои преимущества косвенно, но весомо – «на полях сражений» Крымской войны.

После поражения в ней в очередной раз власть избирает имперскую модель модернизации, но теперь уже – со значительными элементами либерализма. Собственно, этот симбиоз – с некоторыми рецидивами наступления консерватизма, чередованием реформ и контрреформ (при Александре II, Александре III и Николае II) – явился организационно-идеологическим и политическим оформлением индустриальной модернизации вплоть до революционной катастрофы 1917 года.

При этом вновь избрана была стратегия догоняющего развития, основанная на, как правило, прямом и подражательном заимствовании технологий, ценностей и институтов стран-лидеров Западной цивилизации. Собственно, именно такая стратегия предопределила целый комплекс негативных социальных явлений – зарождение революционного движения, неспособность государства реализовать даже ключевую цель, которая ею преследовалась – сделать военную силу достаточной для противостояния с потенциальными противниками, что показали и неудачи в Русско-турецкой войне, и поражения в Русско-японской войне, и военно-техническая и материальная неготовность к I мировой войне. Порок догоняющей стратегии обусловил и неслучайность «двухтактного» пути преобразований (реформы – контрреформы), который «...практически запрограммирован самой идеологией перенесения готовых и где-то эффективно работающих форм собственности и хозяйствования»³. К этому можно добавить: и других общественных: социальных, культурных, политических институтов и форм.

Охарактеризуем основные параметры, достижения, просчеты и итоги реализации этой имперско-либеральной модели модернизации. Уже утвердившееся рыночно-крепостное хозяйство, пришедшее на смену натурально-крепостному в начале XIX в., хотя и не исчерпывает к его середине свой потенциал и экономическую эффективность, а главное – выгоду для помещика⁴, но становится тормозом для индустриализации, что, наряду с ростом социальной напряженности, оказывается важнейшим внутренним стимулом для отмены крепостного права. Хотя удельный вес крепостных в общей численности населения России сократился к 1860-м гг. до 1/3 (в начале века он составлял около половины), промышленный переворот, в основном осуществленный в 1830-х – 1860-х гг., требовал принципиально иной социально-экономической среды. С 1825 по 1854 гг. число фабрик увеличилось с 5,2 до 10 тыс., а численность рабочих – с 202 до 460 тыс. чел., объем продукции с 46,5 до 160 млн руб.⁵ И потребность в индустриализации определялась не только оборонными задачами, но и необходимостью сохранять присутствие на мировом рынке, занять достойные конкурентоспособные позиции в международном разделении труда. Фаза контрреформ 1820–1855 гг. (последние годы правления Александра I, разочаровавшегося в либерализме и правление Николая I) сменилась либеральным реформаторством. Модернизационный курс Александра II – вторая после Александра I волна реформ – был осуществлен в либерально-западническом ключе, не только упразднением крепостного права, но и комплексом реформ в системе управления (земская реформа и реформа городского самоуправления), судопроизводства, образования, в военном деле и др. При этом в значительной степени западные либеральные образцы и модели весьма некритично переносились на русскую почву.

Ключевым в комплексе реформ, безусловно, было решение крестьянского вопроса. Но были ли удовлетворены им основные социальные субъекты этой реформы? Помещики, безусловно, нет. Тем

более – крестьяне, которые выплатили государству примерно в 1,5 раза больше, чем получили за землю помещики из казны. При этом крестьяне получили земли намного меньше, чем им принадлежало до реформы (всего – на 18 %), и даже через 30 лет выкупные платежи составляли больше всех прямых налогов на крестьянские хозяйства⁶. Несправедливость крестьянской реформы, названной Великой, ее противоречие основным представлениям крестьян о том, что земля «божья» и не должна быть в частной собственности, а должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, порождали не только высокий уровень социальной напряженности в обществе, но и собственно революционное движение городской интеллигенции, вырабатывавшей «крестьянскую» идеологию.

Тем не менее, реформы придали ускорение индустриализации. Ключевым направлением и важным показателем ранней индустриализации в России было железнодорожное строительство. И успехи были впечатляющими. С 1860 по 1881 г. протяженность железных дорог выросла с 1,5 до 21,2 млн верст⁷.

Новая волна реформ – С. Ю. Витте (середина – конец 1890-х гг.) концентрировалась в финансовой сфере. Была проведена денежная реформа с переходом к золотому стандарту рубля, усилено косвенное налогообложение, в частности, введена государственная монополия на продажу водки, осуществлены протекционистские меры. Был дан новый толчок индустриализации: за 1893–1899 гг. протяженность железных дорог выросла примерно на 50 %⁸.

Реформы С. Ю. Витте продемонстрировали определенную дееспособность имперской модели развития при сохранении прежней хозяйственной системы на основе либерально-консервативных трансформаций при мощном государственном влиянии на экономическую жизнь, но не учли необходимость разрешения коренного для России – аграрного вопроса.

Эту проблему – с огромным запаздыванием – вынужден был решать П. А. Столыпин, но, как не раз было показано в литературе, реформа была скорее провальной, особенно по своим побочным результатам. Столыпинские реформы, грубо и резко ломавшие вековые устои общинной жизни насильственным насаждением сверху частной собственности в деревне, вызвала мощное сопротивление основной крестьянской массы. Безусловно, характер и сила революционного взрыва 1917 г. во многом определялись нерешенностью именно аграрного вопроса и теми способами его квазирешения, которое навязывалось властью в рамках столыпинских реформ.

Имперской либерально-консервативной модели модернизации конца XIX – начала XX вв. соответствовала модель экономического развития, представлявшая собой конгломерат реликтовых и консервативных форм социально-экономической жизни (община, помещичье землевладение и др.), либеральных экономических форм (элементы экономического законодательства, банковская система, акционерные общества и др.), казенные предприятия и экономические проекты, предприятия иностранного капитала, и др. Сочетание множества разноуровневых укладов экономической жизни при неопределенности и противоречивости стратегии экономического развития (хотя государство и оставалось важнейшим субъектом экономического процесса и способствовало тенденциям индустриализации страны, однако оно же стремилось сохранять неэффективное в своей массе помещичье землевладение, запаздывало с поддержкой становления передовых отраслей индустрии, и др.) не только делало экономику неустойчивой, но и обуславливало глубокие основания для социальной конфликтности, потенциал которой в обществе нарастал. Миф о процветании имперской экономики легко рушится при сопоставлении фактов.

Во-первых, при всех относительных успехах развития на пути индустриальной модернизации, Россия и в 1917 г. оставалась преимущественно аграрной страной с более чем 4/5 сельского, в основном крестьянского населения, с неразвитыми (кроме десятка – полутора) городскими центрами, с отсталой отраслевой структурой экономики, низким качеством трудовых ресурсов и т. д. Воспевали успехи «Развития капитализма в России», подобно Ленину, преимущественно леворадикальные идеологи марксистского толка, поскольку это подводило идеологическую базу под их революционное направление и создавало (вопреки ортодоксальному марксизму) некое интеллектуальное оправдание перспектив «пролетарской революции».

Во-вторых, темпы роста российской экономики отнюдь не были столь высоки, как хотелось бы «певцам» дореволюционного процветания Российской империи. Во всяком случае, со времени реформы 1861 г. экономическое отставание России от мировых лидеров отнюдь не уменьшилось, а, напротив, увеличилось.

Наконец, в-третьих, именно в начале XX века Россию настиг глубочайший фундаментальный, системный кризис, который зрел на протяжении многих десятилетий и прорвался, наконец, в революционных потрясениях 1905 и 1917 гг.

Существовавшая экономическая модель и имперская стратегия догоняющего развития в контексте либеральных реформ второй половины XIX – начала XX вв. не решила главной проблемы России – не преодолела отставания от стран-лидеров. Реализация этой модели не только сопровождалась откатами, рецидивами консерватизма, но и во многом провоцировала социальную напряженность и политические потрясения, а также военные поражения (в Русско-японской и I мировой войнах). В конечном счете, именно она привела к революционной катастрофе 1917 г. и смене общественного строя.

* * *

Развитие экономики России, а затем и СССР определялось сложным сочетанием, целым комплексом стабильных условий и ситуационных факторов. Применительно к СССР относительно стабильными внутренними условиями являлись:

– Огромная территория с многообразием климатических зон, но преобладанием «северных» и иных малозаселенных, трудно осваиваемых территорий, что обрекало страну на огромные издержки на транспорт и отопление, и по определению делало многие производства неконкурентоспособными на мировом рынке. Доминирование сырьевой и особенно топливно-энергетической составляющей в экспорте страны на протяжении столетий – не случайность, не прихоть, а закономерность. Альтернативой может быть только экспорт уникальной, высокотехнологичной и трудоемкой продукции, в частности, вооружений, но эту возможность страна активно использовала недолго – в послевоенные десятилетия.

– Социокультурные особенности (этатистские установки в психологии, коллективистские устремления, распространенное негативное отношение к частной собственности и тем более к богатству, идущие частью от крестьянско-общинного мировоззрения и традиций, частью от православия, и др.), хотя и претерпевали изменения, но были, и остаются весьма устойчивыми. В советское время они были подкреплены социальной практикой государственного патернализма. А ранее, в начале XX века, экономическая модель Витте – Столыпина рухнула не столько потому, что она была плоха сама по себе, сколько из-за «неорганичности», неадекватности социокультурным характеристикам страны и исторической ситуации, и была отторгнута крестьянско-общинным большинством.

Экономика конкретной страны, кроме всего прочего, является объектом влияния внешних для страны факторов – экономических, политических, геополитических, военных и т. д. Вопрос состоит в соотношении, конкретной «конфигурации» внутренних и внешних факторов в конкретной стране в конкретный исторический период. Так, именно сочетание социокультурных качеств населения России с ситуационными факторами (I мировая война) – привели к краху вестернизаторской по форме модернизации и к победе крестьянско-общинной (а отнюдь не пролетарской) революции 1917 года. В 1920-е годы многое в экономике пришлось начинать заново, почти с нуля, но уже больше учитывая социальные и социокультурные факторы.

Важным свойством советской экономики на протяжении всего ее существования было доминирование внеэкономических приоритетов в экономическом развитии. Эта особенность не была чем-то уникальным: любое общество в некоторых, особенно экстремальных ситуациях, подчиняло свое хозяйство внеэкономическим целям, например, в периоды судьбоносных войн, социальных катаклизмов, стихийных бедствий и т. п. Задача выжить оказывается важнее получения прибыли даже в рыночной экономике или просто рационального ведения хозяйства (в иных). Ярким примером являются две мировых войны, практически во всех основных вовлеченных странах приведшие, как минимум, к жесткому государственному регулированию экономики и ее переориентации на военные нужды.

* * *

В результате первой, дореволюционной модернизации, старую Россию сокрушил революционный взрыв, ставший следствием целого комплекса стечения объективных условий, закономерных факторов и случайных обстоятельств. Важнейшие из них – неадекватность поведения власти в сложных исторических условиях на протяжении длительного времени, эгоизм ряда социальных сил, в том числе инфантильность российской элиты, особенно утопические настроения либерального течения общественной мысли и политики. Немало способствовали краху страны иллюзии конституционализма в сельской стране с традиционалистским менталитетом, и особенно столыпинщина – попытка форсированного и насильственного насаждения частной собственности в деревне и разрушения общины. История показывает, что насильственно насаждаемые, неорганичные и несвоевременные (как «забегающие вперед», так и запаздывающие) реформы отторгаются российским обществом. В лучшем случае, они буксуют и не дают того результата, на который рассчитывают реформаторы, а в худшем – провоцируют и предельно обостряют социальную напряженность, приводя в результате к социальному взрыву. В конечном счете, процесс насильственных, неорганичных реформ порождает неизбежную реставрацию цивилизационных основ общества при смене «исторических декораций» – политических, идеологических и других «надстроечных» форм. При этом сохраняются социокультурные основания общественной жизни, архетипы массового сознания, причем как социального, так и этнического характера.

При смене доминирующих идеологий и политического устройства, форм организации экономической и социальной жизни на протяжении почти всего XX столетия сохранялся основной вектор гораздо более глубоких, «базовых» для российского общества перемен. Речь идет о таких фундаментальных процессах как индустриальная модернизация, то есть переход от преимущественно аграрного к индустриальному обществу (экономико-технологические изменения) и урбанизационный переход – переход от сельского к городскому, урбанизированному обществу (социально-экономические и экистические изменения в системе расселения, занятости, образе жизни и т. д.) «Модернизационный императив» – объективная необходимость в модернизации, в преодолении отставания для выживания страны и государства, оказался «сквозным» для XX века фактором.

Провал либеральной модернизации в начале XX века (с крахом империи, а затем и «демократической республики») привел к победе леворадикального варианта. Однако пришедшие к власти большевики отнюдь не изменили основного вектора развития страны, они лишь предложили свою парадоксальную модель модернизации, вестернизаторскую по существу, но во многом традиционалистскую по форме (этатистскую, с опорой на коллективистское начало в массовом сознании и формах организации жизни, «зеркальную» относительно дореволюционной либеральной модели Витте – Столыпина). Этой модели были присущи элементы насилия и страха, но не они были главными⁹.

Радикально решить проблемы фундаментального, системного кризиса России можно было только в рамках форсированной мобилизационной модели, которая всегда имеет высокую социальную цену. И это – плата за выход из революционной катастрофы, в которую завели страну некомпетентная власть, эгоистические элиты Российской империи и неадекватная времени либеральная интеллигенция.

Революция 1917 г. прервала имперскую модернизацию на базе либеральных и квазилиберальных охранительных реформ, но альтернативой индустриальной модернизации могла быть только гибель государства и российской цивилизации в целом, а потому модернизация была необходимой. Вопрос заключался в том, какие социальные силы будут ее осуществлять, какую модель выберут, какие инструменты социальной мобилизации задействуют.

Парадоксальным образом, прозападнические политические силы, спровоцировавшие свержение монархии и социально-политический взрыв, оказались выброшены из России, а другие «западники», леворадикальные марксисты, пришедшие к власти, стали воплощать в политике традиционалистские ценности, проводить в жизнь традиционалистскую модель модернизации.

Отличный от Запада вариант модернизации впервые в истории продемонстрировала советская «коммунистическая» мобилизационная модель, решавшая все те же задачи индустриальной модернизации, опираясь на низшие классы общества, а потому оказавшаяся более способной к аккумуляции ресурсов для решения задач модернизации в форсированном режиме и более устойчивой. (Кризис данной модели проявился много позже – при переходе к постиндустриальной стадии мирового развития, к которой власть не сумела ее адаптировать).

* * *

Период Гражданской войны и политики «военного коммунизма», во многом воспроизводившей политику Германии в период мировой войны, сменился задачами восстановления экономики, которые решались в рамках нэпа – политики, основанной на использовании рыночных механизмов. Собственно, советская индустриализация начиналась в рамках нэпа, который являлся режимом «выживания», но оказался не способным обеспечить необходимые условия для развития, тем более форсированного. Свою роль в свертывании нэпа сыграла не только идеология, но и международная ситуация: сильнейший в истории мировой экономической кризис 1929 – 1933 гг. характеризовался повсеместным усилением государственного вмешательства в экономику и ограничением рыночных отношений. Это был пример и для «первой страны Советов». Но важнее было другое: СССР получил шанс приобрести на мировом рынке более дешевые технику и технологии, что было жизненно необходимо ввиду истощения потенциала, а также износа основных, дореволюционных еще фондов промышленности. Государство вынуждено было концентрировать ресурсы в своих руках, изыскивать всеми возможными путями средства, в том числе валютные ресурсы, для нужд индустриализации. Одним из важнейших путей социальной мобилизации общества явилась коллективизация сельского хозяйства, создававшая крупные аграрные предприятия с возможностью использования техники, но в первую очередь, ставившая крестьянство под непосредственный государственный контроль и позволявшая изымать хлеб для нужд индустриализации.

Парадоксальность советской модернизации в том, что она осуществлялась на традиционалистской основе, приобретала формы и идеологическое оформление, созвучное настроениям и ценностям традиционного российского общества, и вела к форсированной трансформации и ломке традиционализма в значительной мере под лозунгами его сохранения.

Форсированная «социалистическая» индустриализация в СССР оказалась в конце 1920-х – 1930-е гг. функцией государства. Успех советской индустриальной модернизации в 1930-е – 1950-е годы был определен во многом тем, что государственная и крупная коллективная (колхозная) собственность вполне соответствовали существовавшему, относительно передовому в тот период технологическому укладу, предполагавшему в организации производства (фабрично-заводском, преимущественно конвейерном) большую концентрацию людей, техники, материальных ресурсов. Кроме того, именно государственная собственность позволяла обеспечить мобилизационный форсированный вариант модернизации, на основе концентрации ресурсов на ключевых «направлениях прорыва».

Советская модель оказалась наиболее адекватной формой перехода России к индустриальному и городскому обществу. Новые управленческие решения в сочетании с социальной мобилизацией и возможностями сверхцентрализации ресурсов дали впечатляющие результаты. Советская модель индустриализации продемонстрировала весьма высокую эффективность, за три десятилетия превратив преимущественно аграрную страну в индустриальную и городскую. В результате второй, советской модернизации, Россия стала сверхдержавой, второй по экономической мощи, и держала эти позиции почти полвека.

Однако планово-директивный механизм по мере разрастания народнохозяйственного комплекса породил внутри себя и механизмы торможения, прежде всего за счет роста автономности ведомственных структур и абсолютизации их интересов. Так была заложена консервация с каждым годом устаревавшей отраслевой структуры экономики, которая расширенно воспроизводила себя в условиях, когда мировая экономика совершала новые технологические перевороты. Были допущены и существенные ошибки в научно-технической политике СССР еще в 1950-е – 1960-е годы, усугубившиеся в дальнейшем¹⁰. В итоге советская экономика «наслаивала» пласты новых, современных технологических укладов на воспроизводившиеся (нередко расширенно) уклады прошлого или даже позапрошлого уровня.

Проявив высокую эффективность и жизнеспособность на раннеиндустриальной стадии, вплоть до 1970-х гг., она «забуксовала» позже. Да и грубейшие ошибки импульсивного и необразованного «рефор-

матора» Н. С. Хрущева практически во всех областях политики, в том числе экономической, сыграли свою негативную роль в разбалансировании мобилизационной модели модернизации, созданной в 1930-е годы. Не смогли и последующие лидеры страны адекватно реагировать на новые исторические вызовы, в том числе в экономическом развитии. Целая цепь неграмотных управленческих решений, включая ставку на экспорт энергоносителей, привели к зависимости от внешних источников финансирования и при обвале цен на нефть СССР оказался банкротом. Положение усугубили гонка вооружений, ряд тяжких катастроф, включая Чернобыль, антиалкогольная кампания с огромными финансовыми потерями, законы о предприятии и кооперативах, разбалансировавшие двухсекторную модель советской экономики, вызвавшие всплеск инфляции и тотальный дефицит, и др.

Однако были и «объективные», «базовые» процессы, обусловившие ослабление советской модели (опять же во многом – результат ошибочных управленческих решений). Организационно-управленческие механизмы, адекватные раннеиндустриальному развитию 1930-х – 1950-х гг., устаревали, но продолжали в основе сохраняться и в условиях 1970-х, когда и масштабы советской экономики были уже принципиально иными, и главной мировой тенденцией был переход к постиндустриальному обществу с иными приоритетными направлениями технологического и экономического развития в целом. Помимо корпоративных интересов разросшихся и влиятельных отраслевых и ведомственных структур, свою негативную роль здесь сыграл и идеологический догматизм, явившийся фактором, искажавшим адекватное видение социальной реальности. Если советская «коммунистическая» идеология (как и всякая идеология, являвшаяся во многом «мифологической» в ряде своих позиций) выступала мощным и вполне адекватным инструментом социальной мобилизации на стадии форсированной индустриализации, то те же, ранее эффективные ее идеологемы, стали жестким ограничителем и тормозом в новых исторических условиях перехода к постиндустриальному развитию. Да они и просто не работали, превратившись во многом в «ритуальные», скептически воспринимаемые новыми, намного более образованными и культурными людьми, нежели поколения их отцов и дедов.

* * *

Несмотря на то, что в СССР вовремя были замечены принципиально новые тенденции развития, вскоре определенные как «научно-техническая революция», из этого не было сделано должных выводов, и дело свелось, по сути, к ритуальным заклинаниям о «необходимости соединить достижения НТР с преимуществами социализма». Свою роль в этом процессе сыграла и закончившая «коммунистическая» идеология и экономическая теория. Советские идеологи продолжали мыслить категориями полувековой давности, когда индустриализация действительно являлась магистральным путем человечества; официальная социальная опора нового строя – рабочий класс, под которым понимали занятых физическим трудом людей в государственном секторе экономики (а элитой этого класса людей, непосредственно занятых в материальном производстве), – был действительно «передовым» классом будущего индустриального общества. Оправданным было и измерение мощи экономики валовыми показателями добычи сырья, производства продукции «первичного» уровня обработки.

Но уже к 1970-м, тем более 1980-м гг. все эти критерии были категориями прошлого. В то время, когда в «первом мире» происходили радикальные сдвиги в направлении к экономике знаний, высоких технологий, и все большую роль приобретал «человеческий капитал», советские идеологи мыслили категориями раннеиндустриальной эпохи, в которую показателями успешного экономического роста были производство угля, металла и т. д. Марксистские доктринальные установки, возникшие на заре индустриализации, и догматически сохраняемые влиятельной идеократической частью элиты СССР, стали препятствием для необходимых организационных, институциональных и социальных трансформаций. По сути, КПСС в начале 1980-х гг. звала уже не вперед, в будущее, а назад, в индустриальное прошлое человечества.

Технологическая многоукладность советской экономики и региональная разнотадильность вызвали затяжной структурный кризис, причем к середине 1980-х – началу 1990-х гг. страна уже на полтора-два десятилетия запоздала со структурной перестройкой экономики, происходившей во всем мире. В результате страна упустила исторический шанс остаться в числе мировых научно-технических лидеров, сохранять экономическую состоятельность, на равных конкурировать с Западом. Ранее самодостаточная советская экономика, развивавшаяся в относительно замкнутом режиме и являвшаяся еще в 1960-е годы мощной альтернативной западной экономической модели, с катастрофической быстротой утрачивала свою (относительную!) конкурентоспособность. В 1970-е – 1980-е годы страна не смогла удержать позиции одного из ведущих лидеров мирового научно-технического прогресса. «Поэтому если в 1960-х годах можно было говорить о параллельном существовании двух мировых экономик, то к 1980-м годам ситуация изменилась»¹¹. Она и стала фоном перестроечных реформ.

Конечно, среди официальной мотивации курса горбачевских реформ присутствовали и идеи модернизации, которые, с одной стороны, выражались в лозунге «ускорения социально-экономического развития», а, с другой, – в идеях «возвращения к общечеловеческим ценностям», учебы у «цивилизованных стран», и т. п. (как будто СССР был страной «нецивилизованной»). Модернизацию понимают по-разному. Некоторые – как вестернизацию любой ценой. Но вестернизация – не самоцель, и отнюдь не универсальное средство. Каждая страна – уникальна, и нет единых для всех рецептов процветания. Действительная модернизация обеспечивает повышение жизнеспособности общества на основе его собственного социокультурного потенциала в существующей международной конкурентной среде, в том числе на основе реализации конкурентных преимуществ. И в этом контексте модернизация далеко не равнозначна вестер-

низации. Она может с ней совпадать в ряде случаев или по ряду параметров, но в иных случаях может вести к прямо противоположному результату – деградации, даже к «варваризации» страны. Что во многих отношениях мы наблюдаем последние два десятилетия. Можно быть современным, успешным, процветающим, и при этом – невестернизированным, незападным обществом, чему есть немало примеров.

Именно прорыв к новым технологическим уровням, организационная и структурная перестройка экономики, а не радикальный передел собственности и изменение социально-политической системы отвечали интересам и экономического развития, и всего общества. Однако развитие пошло по совсем другому сценарию.

Реформирование советской экономики в середине 1980-х гг. пошло по наихудшему сценарию. Было разрушено «двухканальное» денежное обращение (безналичное и наличное) с открытием «каналов» для легализации теневых капиталов (через кооперативы и др.). Передача максимума экономических полномочий директорату предприятий была осуществлена при минимизации их ответственности за результаты хозяйственной деятельности. Появление инструментов улучшения финансового положения вне производственной деятельности вызвало фактическую ликвидацию стимулов производства и т. д. Эти и иные процессы перевели советскую экономику из относительно благополучного состояния, которое в самых худших оценках определялось как стагнация, в режим предкризисный, а далее – в кризисный по ключевым показателям развития. Произошли раскручивание механизма инфляции, усиление теневого перераспределения денежных потоков. В результате фактически произошел крах всей экономической системы. Развал экономики стал одним из решающих факторов развала СССР, а распад единой страны привел к развалу единого народнохозяйственного комплекса.

Главный исторический урок краха экономической политики КПСС, а потому и Советской власти состоит в том, что она перестала отвечать требованиям времени. Большевики в 1917 г. были партией индустриального будущего, КПСС образца середины 1980-х гг. – партией индустриального прошлого. В отличие, например, от компартии Китая КПСС не смогла предложить эффективной стратегии выхода из кризисной ситуации и обеспечении новой стадии – теперь уже постиндустриальной – модернизации (хотя китайский вариант был абсолютно не применим в СССР!)

* * *

Советская экономика на протяжении всего своего существования – в большей или меньшей степени – развивалась в экстремальном режиме, как и все общество. И далеко не только и не столько из-за особенностей идеологии. Скорее идеология оказалась отражением общественных реалий, и, пусть и в определенных, специфических категориях, словах, мифологемах, но воплощала вполне прагматические задачи выживания, стоявшие перед страной на протяжении большей части XX века.

Следствием экстремальности жизни был мобилизационный характер развития, главный вектор которого был направлен на модернизацию страны. Именно фактор внешней угрозы (угрозы разделить участь многих отставших стран – поверженных в экономическом и военном противостоянии) обусловил то, что можно назвать «модернизационным императивом» для России, действовавшим на протяжении трех столетий, в том числе – и в наибольшей степени – и в советскую эпоху. Военный фактор был среди важнейших.

Советская экономика с момента ее становления была ориентирована на укрепление позиций государства, и в связи с этим, решала модернизационные задачи, однако иными методами, в иных формах, нежели западные рыночные модели. Допущение рыночных механизмов в период нэпа, обеспечив восстановление хозяйства примерно на дореволюционном уровне, было сменено курсом на предельную централизацию и огосударствление, что, с одной стороны, было связано с идеологией, а, с другой, с внешней ситуацией сильнейшего мирового экономического кризиса. Концентрация ресурсов государством обеспечила использование международной конъюнктуры конца 1920-х – 1930-х гг.: от прорыва экономической блокады страна перешла к радикальному обновлению и наращиванию производственных фондов, позволившему совершить индустриальный рывок.

Именно в леворадикальной, советской форме, с опорой на собственные силы, практически без внешних инвестиционных источников, России удалось осуществить индустриальный рывок 1930-х гг., победить во Второй мировой войне, сохранив не только государственную независимость, но и само существование многих народов СССР, российскую цивилизацию. Затем удалось в рекордные сроки восстановить народное хозяйство, понесшее катастрофические потери в войне, а затем и выйти в разряд сверхдержав, обеспечив гарантированную безопасность.

Приняв вызов Запада, Советская Россия сама представила для него угрозу, гораздо более опасную, нежели Российская империя. XX век прошел «под знаком России» в том смысле, что она своим социальным экспериментом потрясла, расколола и изменила капиталистический мир, стала важным стимулом изменения этого мира, в том числе путем заимствования многих инноваций, порожденных социализмом (плановые инструменты в экономике, социальная составляющая развития и др.)

Россия в форме СССР являлась главным субъектом, владевшим «исторической инициативой» на протяжении большей части XX века: от влияния на мировую общественную мысль и мировой «политический ландшафт», от решающей роли во 2 мировой войне – к становлению «сверхдержавы», формированию «социалистического лагеря», разрушению колониальной системы, развертыванию наступления вплоть до конца 1970-х гг. (последний, роковой шаг – ввод войск в Афганистан). При этом соотношение сил (изначально и до конца) было отнюдь не в пользу СССР, хотя до начала 1980-х гг. по-

зиции страны укреплялись по большинству направлений, так что еще в 1970-е годы многие западные политики и политологи предсказывали поражение Запада и победу мирового коммунизма.

Вместе с тем, острое экономическое, военное, геополитическое, идеологическое соперничество требовало перенапряжения сил, превышало возможности страны, подрывало ее потенциал. Не смогла власть найти и адекватный ответ на ряд новых исторических вызовов, в том числе на новый модернизационный вызов при решении задач перехода к постиндустриальному обществу, и прежде всего в экономической сфере.

Советская модель индустриальной модернизации оказалась существенно более успешной, нежели дореволюционная имперская либерально-консервативная. Во-первых, она реально обеспечила жизнеспособность и конкурентоспособность страны, пройдя испытания второй мировой войной, послевоенным восстановлением экономики, противостоянием в «холодной войне» 1950-х – 1980-х гг. с изначально и заведомо более мощным противником (имперская модернизация привела к двум революциям и поражению в русско-японской и мировой войне). Во-вторых, она в основном реализовала и завершила индустриальный модернизационный цикл, тогда как либерально-консервативная имперская находилась в начале пути, прервавшись на стадии аграрной по преимуществу страны (4/5 сельского населения). В-третьих, она создала базу для эволюционного перехода к следующей постиндустриальной стадии, которая не была реализована преимущественно в силу ситуационных политических, во многом, субъективных причин.

Примечания

¹ См.: Алексеев В. В. *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней* / В. В. Алексеев, Д. В. Гаврилов. М., 2008. С. 358.

² См.: Там же. С. 294–362.

³ Рязанов В. Т. *Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.* СПб., 1998. С. 5.

⁴ См.: Струве П. *Крепостное хозяйство: Исследование по экономической истории России в XVIII – XIX вв.* М., 1913.

⁵ См.: Струмилин С. Г. *Очерки экономической истории России и СССР*. М., 1966. С. 366–372.

⁶ Лященко П. И. *История русского народного хозяйства*. М., 1927. С. 264; Рожков Н. А. *Город и деревня в русской истории*. М., 1923. С. 127.

⁷ Лященко П. И. *Указ. соч.* С. 282.

⁸ *Россия: ее настоящее и прошлое*. СПб., 1900. С. 356–357.

⁹ Подробнее см.: Сенявский А. С. *Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе*. М., Наука, 2003.

¹⁰ См.: Артемов Е. Т. *Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации*. М., 2006.

¹¹ Бокарев Ю. П. *СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970-е – 1980-е годы*. М., 2007. С. 110–111.

Зубков К. И.

ФЕНОМЕН МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Феномен мобилизационной экономики прочно ассоциируется в представлениях историков с XX веком, который в разных мерах и формах запечатлел его, пожалуй, ярче, чем когда-либо прежде. Опираясь на этот опыт, сущность мобилизационной модели экономики можно в самом общем и упрощенном виде определить как форсированное расширение прямых экономических функций государства, связанное с необходимостью концентрации в его руках основных видов ресурсов и факторов производства. Применение термина «мобилизация» (фр. *mobiliser* как производное от лат. *mobilis* – «подвижной, мобильный, маневренный»¹) к хозяйственной жизни ясно указывает как на ближайший аналог этого типа организации – военную сферу, так и на сходство условий и обстоятельств, при которых такая организация становится необходимой и единственно рациональной. Это сходство военной и хозяйственной сфер распространяется также на характерный метод, которым и та, и другая приводят к движению, – принуждение, – понимаемое во всех возможных видах институционального насилия.

Этот параллелизм основных черт, безусловно, восходит не только к общности алгоритмов человеческой деятельности. Известная работа У. Мак-Нила² в полной мере раскрывает роль милитаризации как едва ли не решающего импульса экономической модернизации в период раннего Нового времени. Начиная с середины XVII в., в Европе именно передовые методы ведения войны и военного обучения, знаменовавшие переход к массовым армиям, давали мощный толчок внедрению в производство (особенно в военное, связанное с изготовлением вооружения и амуниции) первых массовых – заводских – технологий и бюрократических методов управления. В тех случаях, когда крупные армии объективно вставали перед необходимостью организации собственного снабжения, это сращивание войны и экономики принимало законченные симбиотические формы. Это, в частности, показал опыт

Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., в ходе которой передовые голландские методы ведения войны и импортные технологии военного производства активно осваивались обеими воюющими сторонами с помощью приглашенных специалистов (Луи де Геер в Швеции, Ханс де Витте в армии Валленштейна и др.)³. Х. Х. Нольте также отмечает, что экономическая модернизация в странах европейской «периферии» XVII–XVIII вв. (Швеция, Пруссия, Россия и др.), фактически, была инициирована «военными революциями»: стремление этой группы стран не отстать от Западной Европы в наращивании военных возможностей и вопросах военных технологий сообщало сильнейший толчок развитию передовых форм военного производства, которые затем распространяли свое влияние на другие смежные отрасли, вовлеченные в оснащение и снабжение вооруженных сил⁴. Так, большинство крупных предприятий, созданных в России в период петровских реформ (первая четверть XVIII в.), производили продукцию, так или иначе связанную с военными потребностями государства (железо, вооружение, порох, парусина, сукно и т. п.)⁵. По данным В. В. Мавродина, промышленные предприятия «военного назначения» составляли в этот период 51 % всех вновь созданных предприятий, а об особой заинтересованности государства в таком развитии говорит тот факт, что 43% всех предприятий были созданы на средства казны⁶.

Если же касаться других сторон организации военной деятельности – обеспечения финансов и живой силы для армии, то здесь методы мобилизации ресурсов имели вполне эндогенные и, безусловно, еще более древние корни. Та картина повсеместной разверстки чрезвычайной рекрутской повинности, которую запечатлела под 1700 г. летопись («...взять [со] святейшего патриарха, и со властей, и с монастырей, и с царевичев, за которыми есть крестьянские дворы царевичей, и бояр, и окольных, и думных, и ближних людей с крестьянских их, и з бобыльских, и з задворных, и деловых людей дачных против преждево своего, великого государя, указу дворовых людей добрых, а не старых и не увечных... А у бояр, и у окольных, и у думных, и у ближних людей дворовых их людей в указные числа не достанет, и с них иметь денгами по одиннадцати рублев за человека, розложу в указное число крестьянских дворов»)⁷, несомненно, в ряде черт воспроизводит более старые московские практики военных сборов, ставившие все сословия и категории населения в служебную зависимость от государства.

Немаловажно отметить и то, что подчинение экономики решению военных задач, сведение систем хозяйственного управления к военно-принудительным методам изъятия общественного продукта, как правило, вызывало их постоянную и почти неограниченную эскалацию, порождая все больший соблазн приобретать путем военных захватов то, что невозможно было получить обычными средствами – например, торговлей. Мобилизационный тип экономики, связанный с наращиванием военного потенциала, закономерно предполагает, с одной стороны, предрасположенность к военной экспансии, с другой – обращение к политике экономической автаркии (т.е. опоры на собственные силы), поскольку только в этом случае все необходимые для военных приготовлений ресурсы становятся полностью подконтрольными дирекционной власти государства как конечной инстанции распоряжения ими. Ограничителем действия этого механизма эскалации становится лишь достижение относительного равновесия между пределами военной экспансии и автаркической замкнутостью военного хозяйства. О тесной связи между успехами в модернизации армии и прямой подконтрольностью государству обширных ресурсно-экономических баз довольно красноречиво свидетельствуют оценки военно-экономических возможностей России, изложенные в донесении резидента венского двора Оттона-Антоня Плейера от 1710 г.: «Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лучше; дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления; серы и селитры вдоволь у них из Украины; для бомб и гранат ни в каком месте нечего и желать лучше железа тульского и из Олонца при Онежском озере по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металла для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы... Ружья уже больше им не нужно с такими расходами выписывать из-за моря: сибирское железо дает такие хорошие ружейные стволы, которые на примерной стрельбе всегда выдерживают тройной заряд безо всякой опасности. Все воинское платье у царя теперь из своей собственной земли...»⁸.

По-видимому, зарождение ранних форм мобилизационной экономики нельзя сводить только к эффекту «военных революций» XVII–XVIII вв. Общественные предпосылки их становления гораздо шире. Американский экономист и социолог Й. Шумпетер, сводя функцию капитализма в основном к организации массового производства на базе предпринимательского типа деятельности, помещал его не более чем в качестве служебного уклада в более широкую систему реализации общественно-значимых целей, которую, по его мнению, воплощает государство. Полемизируя с марксизмом, Шумпетер доказывал, что даже в эпоху своего наивысшего подъема класс буржуазии никогда не достигал той степени влияния на общество, которая позволяла бы ему полностью контролировать последнее. В этом отношении общественные позиции зрелого капитализма ничем принципиально не отличаются от того зависимого положения, в котором он находился по отношению к феодально-абсолютистскому государству на заре своего становления. По Шумпетеру, ведущее к постепенной эмансипации развитие капитализма было обеспечено в той мере, в какой абсолютистское государство разрешало это, рассчитывая «в последующем эксплуатировать его более эффективно». Капитализм разрушил экономические основы феодального мира, но в очень слабой степени затронул социальные позиции феодальных элементов общественной структуры. «Стальной каркас» структуры государства даже в эпоху видимого триумфа капитализма, как доказывает Шумпетер, состоит из «человеческого материала феодального

склада», который занимает государственные должности, служит офицерами в армии, разрабатывает политику – словом, ведет себя как «правлящий класс». (Лучшей иллюстрацией в этом отношении могла бы служить Англия, где аристократия не только не сошла со сцены, но и доказала свою высочайшую эффективность в качестве «политического класса»). В силу того, что «класс буржуазии плохо подготовлен к решению как внутренних, так и внешних проблем, с которыми обычно приходится иметь дело правительству всякой страны», лишен, по большому счету, того мистического ореола, который дает только воспитанная феодализмом культура властвования, он остро нуждается во всех своих действиях в прикрытии «защитной брони, выполненной из небуржуазного материала», т. е. государства⁹ (в этом свете ленинская характеристика «военно-феодального империализма», который «отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»¹⁰, может быть отнесена не только к аномальному случаю России, но и вообще к определенному ингредиенту той политики, которая присуща так называемой «капиталистической цивилизации»). Современное общество, привычно именуемое капитализмом, по Шумпетеру, есть не марксистская «диктатура буржуазии», но *активный симбиоз* буржуазного и «постфеодального» (бюрократического) классов, основанный на эффективном разделении функций между ними (соответственно, экономической и политической) и на их взаимной поддержке.

Вместе с тем, исходя из дуализма такой системы общества, между частнокапиталистической и общественно-государственной сферами существует постоянная напряженность, которая при той или иной комбинации условий и обстоятельств может вести как к сокращению сферы общественного регулирования (как это, по Шумпетеру, имело место в самой свободной от наследия феодализма стране – США), так и к усилению государственного вмешательства в экономику. Усматривая в этом конфликте глубокую разность принципов, Шумпетер подробно анализирует преимущества и недостатки как «свободного» капитализма, так и этатистской организации производства, подчеркивая, однако, отсутствие между ними какой-либо непреходимой границы. Например, капитализм крупных форм, организуя производство в монополистических масштабах, по мнению Шумпетера, в тенденции ведет к отмиранию предпринимательской функции, без которой от капитализма остается только голый «остов» системы производства, а она, становясь предметом скорее организации, чем инициативы, исподволь подготавливает переход к «социалистической организации» производства как высшему проявлению государственного диктата. Связующее звено между капитализмом и социализмом – это, по Шумпетеру, *рациональная организация* крупного производства, хотя и понимаемая в каждой из двух систем принципов по-разному¹¹.

Шумпетеровский анализ государства как самостоятельной исторической субстанции и известной антитезы социальному агрегату общества интересен, прежде всего, своими проекциями в область истории. По существу, Шумпетер-социолог полагает элементы капитализма – по крайней мере, как индивидуального стремления к получению прибыли – столь же «вечными» в истории человечества, как и стремление охватить сферу производства всеобъемлющим государственным регулированием. Однако в различные исторические эпохи эти два принципа организации производства выступали в существенно разных соотношениях. Для того чтобы государство на определенном этапе своего развития могло взять на себя функции всеобщей организации производства, оно должно было перейти от *quasi*-государственной институциональной системы, где государственные должности, распределяемые согласно рангу в феодальной иерархии, скорее служили удовлетворению частных устремлений, чем общих интересов, к системе абсолютистской, в которой интересы *бюрократии* как агента управления находили выражение в могуществе *государства*¹².

При этом весь строй суждений Шумпетера показывает, что для утверждения такой идеи государства – по крайней мере, в теории – не было даже необходимости в длительном опыте ее эмпирического становления. Осуществленная Т. Гоббсом в его «Левиафане» (1651 г.)¹³ апология всеильного (хотя и законосообразного) государства, могущего во имя общественных интересов распоряжаться жизнью и имуществом подданных, выдает в авторе скорее провозвестника самой жесткой модели этатизма, чем идеолога самоорганизующегося гражданского общества (как это часто ошибочно полагают). Анализируя гоббсовское произведение, К. Шмитт отмечал, что на заре Нового времени государство в представлениях мыслителей той эпохи не столько еще реально возникает, сколько умственно конструируется как грандиозная *machina machinarum* («машина машин»), которая *господствует* над своими подданными потому, что обеспечивает *безопасность* их посюстороннего, физического существования. Представления ряда просветителей XVIII в. о «машиноподобии» человека и возможности управления им с помощью «социальной механики», как и все позднейшие образы человека-«винтика», встроенного в «машину» государства, объясняются Шмиттом из гоббсовской теории: «...Механизация представления о государстве завершила процесс механизации антропологического представления о человеке»¹⁴. Более того, Шмитт полагает, что с возникновением такой идеи государства «была создана существенная духовно-историческая или социологическая предпосылка последующей индустриально-технической эпохи» – задолго до того, как капитализм сумел подвести под нее адекватный материальный базис. Образ государства-«машины» в XVII в. уже возникает как прототип *индустриальной организации* общества, которому для своего воплощения в действительности недостает только соответствующих *технических средств* – тех средств, которые в достаточном количестве обнаружили в XX в. Идея государства-«машины», как далее отмечает Шмитт, содержала в себе целый ряд привлекательных социальных проекций: универсальная техничность такого государства позволяла отождествлять его с нейтральным (а

значит – с поистине всеобщим, справедливым в своей беспристрастности), бесперебойно функционирующим (читай: эффективным) механизмом отдачи приказаний¹⁵. Утопическая модель «государства разума», тщательно выписанная И. Г. Фихте в его знаменитом «Замкнутом торговом государстве» (1800 г.)¹⁶, не только продолжает эту традицию мысли, но и доводит ее до логической завершенности. Фихтевский образ государственной «машины», математически-точно регламентирующей все звенья производства, обмена и потребления в обществе, может вполне считаться эскизом «тоталитарного» государства XX в. Вероятно, далеко не случаен факт переиздания его работы в 1923 г. в советской России¹⁷. Таким образом, парадигма государства-«машины», с очевидностью противостоящая представлениям о государстве как «политическом теле» гражданского общества, имела в западной рационалистической традиции достаточно прочные корни, чтобы в XX в. возникала необходимость выдумывать что-то подобное заново.

Несомненно, одним из первых примеров воплощения «механистических» представлений о государстве на практике следует – в известной степени – считать характерную для абсолютистских государств XVII–XVIII вв. экономическую политику меркантилизма¹⁸. Политическая экономия Адама Смита, систематически изложенная в 1776 г. в его «Исследовании природы и причин богатства наций», знает только «атомарный» интерес частного производителя-собственника и «свободный» мировой рынок как универсальную арену взаимодействия множества частных интересов. Это игнорирование государства как субъекта хозяйственного интереса и единицы экономического анализа, вероятно, было намеренным – как реакция на его колоссально разросшуюся роль за столетие до этого, в период господства меркантилистской доктрины. Эта доктрина едва ли не вся была построена на примате государственного интереса над частным, на идеологии «богатства и могущества» государства – высшего блага, которому должны быть подчинены все частные интересы. Меркантилизм не только воссоздал весьма эффективную для своего времени систему фискальной эксплуатации частного производителя для пополнения хронически дефицитного государственного бюджета, но и намечал контуры *реконструкции* хозяйственных практик, основанной на невиданной ранее всеобъемлющей, тотальной роли государства. Шумпетер, характеризуя эту систему, писал: «В принципе монархия руководила всем – начиная от человеческих душ, кончая выбором рисунков на шелках лионских ткачей, а в финансовом отношении стремилась иметь максимальный бюджет. Хотя королевская власть никогда не была поистине абсолютной, государственная власть была всеобъемлющей»¹⁹. Присущий политике меркантилизма умозрительный конструктивизм, ярко проявившийся в самостоятельном стремлении к пополнению запасов драгоценных металлов, запрете импорта, «закрытии» ресурсных рынков, монополизации средств доставки товаров (т. н. законы о мореплавании) и насаждении мануфактур, с неизбежностью порождал мелочную регламентацию всех сторон экономического процесса. Иначе говоря, политика меркантилизма воспроизводила чрезвычайно усложненную и в определенной степени искусственную «архитектуру» хозяйствования, которая была немыслима без систематического контроля и принуждения как главных средств приведения этой искусственной системы в движение, т. е. ее *мобилизации*.

Из этого предварительного анализа следует, что важнейшей сущностной чертой любой экономической системы мобилизационного типа является ее ориентация на *специфические цели* развития, выходящие за пределы тех отношений производства, обмена и распределения, которые естественным образом вытекают бы из массовых условий хозяйствования. По существу, эти цели не носят непосредственно-экономического характера и могут очень значительно отрываться от той системы стимулов, которая определяет экономическое поведение любого самостоятельного субъекта хозяйствования (т. е. от стремления к получению прибыли). Отсюда следует, что модель мобилизационной экономики не тождественна всякому *вмешательству государства в экономику*. Например, если поддержка государством аграрного сектора в виде мелиорации земель, снабжения крестьян техникой, семенами, удобрениями, скотом, организации закупок продукции не посягает на изменение мотивационной системы крестьянского труда, то такое государственное вмешательство вряд ли можно считать применением мобилизационных методов к аграрной экономике. Кейнсианские методы регулирования последствий циклических кризисов капитализма, предусматривающие использование государственных финансовых резервов для поддержки банковской системы, реализации общественных проектов и стимулирования спроса, точно так же могут быть отнесены к «мягким» мерам корректировки саморазвивающегося экономического организма, но не к его подавлению или отмене. Таким образом, мобилизационной – в точном соответствии со смыслом понятия «мобилизация» – можно считать только такую систему государственного вмешательства в экономику, которая блокирует или вообще упраздняет спонтанно развивающуюся мотивационную основу хозяйственной деятельности, связанную с различными формами проявления частных интересов, – если вообще не посягает в этом стремлении на коренную переделку человеческой природы. В таком случае становится понятным, почему, реализуя цели, находящиеся за пределами непосредственных экономических интересов «гражданского общества», система государственного регулирования экономики неизбежно становится мобилизационной. Заблокированная в самом своем базисе, лишенная потенциала *самодвижения* экономика теперь закономерно требует для своего функционирования принудительных усилий, обеспечиваемых громоздким и всеобъемлющим бюрократическим аппаратом.

Диапазон целей, лежащих в основе возникновения мобилизационной системы экономики, может быть достаточно широк и вариабелен: от военно-стратегических (победа в войне; обеспечение выживания и безопасности государства в экстремальных условиях блокады и военных угроз; и т. п.) до

политико-идеологических (преодоление отсталости, связанной с зависимым развитием; построение «справедливого» общества). Но во всех случаях в своей исходной основе эти цели имеют *внеэкономический* характер и, как правило, несут на себе печать тех особенных, *чрезвычайных* обстоятельств, которые однажды заставляют жертвовать выгодами постепенного, инкрементального экономического прогресса ради немедленной реализации «высших» интересов, правами индивидов и привилегиями отдельных социальных групп – ради выживания всего общества. Несовместимость мобилизационных методов управления хозяйством с существующим в обществе фундаментом непосредственно-экономических интересов, как и невозможность сколько-нибудь длительного их сосуществования, может – помимо альтернативы затяжного экономического хаоса – иметь два финальных исхода: либо реставрация прежнего экономического порядка на основе возвращения к рыночному «здоровому смыслу», либо дальнейшая и довольно быстрая бюрократическая «кристаллизация» мобилизационной системы в ее законченном и целостном виде. Печальная судьба российского НЭПа в конце 1920-х гг., вероятно, может служить наглядной иллюстрацией этого противоречия.

Отдельного обсуждения заслуживают исторические ситуации, в которых может совершаться такой переход. Как отмечалось выше, представление о *производственно-техническом аппарате* зрелого, монополистического капитализма как об объективной предпосылке перехода к «всеобщей» – тотально подчиненной государственному контролю – организации хозяйства являлось весьма типичным для рубежа XIX–XX вв. – и не только для социалистов. Однако, тот государственно-монополистический капитализм (прежде всего, идеально-упорядоченный, германский), в котором В. И. Ленин увидел готовый «механизм общественного хозяйничанья»²⁰ и свидетельство вызванного войной гигантского ускорения в развитии общества (а, следовательно, и объективной близости социализма) оказался, в действительности, лишь ситуационным порождением разрухи, голода и лишений, потребовавших чрезвычайных методов регулирования военного хозяйства. Иллюзия эта, однако, легла в основу основательной ленинской ревизии марксизма и имела роковые последствия, будучи в дальнейшем закреплённой – в виде своеобразного большевистского *modus operandi* – в практике «военного коммунизма», а затем и в чрезвычайно жестких, военизированных методах сталинского строительства «социализма в одной стране»²¹. Симптоматично, что Шумпетер, признавая сам факт конвергенции высокоорганизованного капитализма с «социалистическими» этатистскими проектами, все же не считал, что *quasi-социалистическую производственно-техническую организацию* государственно-монополистического капитализма можно считать исчерпывающим выражением содержания капиталистической эволюции вообще. Во всяком случае, как считал американский социолог, ее невозможно полностью – не принимая во внимание ее массовой рыночной «подпочвы» – отождествлять с тотальным господством государственной бюрократии. Как показал опыт XX в., государственно-монополистический капитализм являлся все-таки методом регулирования капиталистической экономики, но не попыткой ее замены структурами бюрократического управления.

Чрезвычайные, кризисные условия, таким образом, могут рассматриваться как самая мощная питательная среда, подготавливающая и оправдывающая (и политически, и морально) переход к мобилизационным принципам организации хозяйства. Возможность сколько-нибудь длительного функционирования институтов мобилизационной экономики неизбежно ставится в зависимость от объективно складывающегося или искусственного пролонгирования обстановки *чрезвычайщины* – в виде ли перманентной военной угрозы и внешней блокады, или же в форме подогревания истерии никогда не прекращающейся «классовой» борьбы. Характерно, что и сопровождавший эту политику специфический дискурс представлял смысл развития общества исключительно в категориях преодоления враждебных происков и всевозможных трудностей объективного характера – как «борьбу», «строительство», «переход» и т. п. М. Геллер и А. Некрич в своем известном труде «Утопия у власти» довольно убедительно объясняют всю советскую историю в этой логике поддержания режима чрезвычайщины. По их мнению, рожденная Октябрьской революцией 1917 г. и быстро прогрессирующая в годы гражданской войны, советская мобилизационная система базировалась на примитивных, но довольно эффективных в условиях кризиса формах управления: устрашение, прямой террор, приказ. Но подлинный ген этой политики, доказывают авторы, коренился именно в *перманентной обстановке кризиса*, поскольку «только кризис позволял требовать – и брать! – от граждан полного подчинения и жертв»²². Мысль эту нельзя назвать новой. Пожалуй, относительно новым в объяснении феномена является введение в кризисный контекст утопического элемента, который сам по себе может также рассматриваться как сильнейший мобилизующий фактор. Именно неустанно навязываемое обществу представление о близости идеального счастливого будущего, способность власти пропагандистски перебросить мостик из мира грубой реальности в мир фикции давали моральное оправдание системному насилию. Последнее тем меньше воспринималось как прямое насилие, чем глубже общество могло быть погружено в идеологический гипноз.

В границах этой логики находит свое объяснение и факт крушения советско-коммунистической системы в 1991 г. Постановка перед этой системой задач, к решению которых она объективно была не приспособлена (интенсификация хозяйства, повышение уровня благосостояния населения и увеличение выпуска потребительских товаров) и которые знаменовали, в конечном итоге, попытку возвращения к нормальным стимулам *саморазвития* экономики, породила очередную иллюзию – представление о возможности безболезненно скрестить административные и экономические методы хозяйствования. П. Грегори отмечает, что ослабление жесткого контроля «сверху» при боязни переходить к рыноч-

ным регуляторам развития экономики привело не к адаптации административной системы, а к полной ее дезорганизации и нарастанию экономического хаоса. Советская экономика к исходу горбачевских «реформ» стала представлять собой «безголового монстра, потерявшего ориентацию»²³. Отсюда сам собой напрашивается вывод о том, что мобилизационная система хозяйствования, вероятно, может надежно функционировать только в ее ригидном состоянии, при тотальном охвате ею всех звеньев управления экономикой.

Этим вердиктом, однако, не снимается вопрос об *эффективности* мобилизационной системы, в частности, о ее способности решать определенный круг специфических исторических задач. В первую очередь, опираясь на политические рычаги воздействия на социум, мобилизационная экономика способна в короткие сроки достигать *максимального результата* в каком-либо избранном направлении, добиваться предельной концентрации ресурсов и факторов производства в точке стратегического «прорыва». Это, конечно, достигается, прежде всего, за счет возможности насильственным образом разорвать процессуальную связь между производством и распределением произведенного общественного продукта, которая в условиях капитализма основывается на свободном ценообразовании, а, следовательно, на рыночном обмене – отношениях покупки или найма. Мобилизационная система экономики в части распоряжения общественными ресурсами ограничена лишь физическими и технологическими условиями их доступности.

Право государства безвозмездно присваивать экономические ресурсы в любом объеме и комбинировать их в соответствии с политическими приоритетами, на первый взгляд, дает громадную экономию государственных средств, что особенно важно для исходно «бедных» обществ. Связь бедности и лишений с распространенностью в обществе радикальных политических настроений, основанных на представлениях о «рациональности» и «высшей справедливости» мобилизационной системы, если не фатальна, то, в вероятностном смысле, закономерна. Это наглядно проявилось не только в опыте Октябрьской революции 1917 г. в России, но и в некоторых событиях европейской истории, в частности, в политических перипетиях развития послеверсальской Германии, качнувшейся от волны левых настроений (1919–1923 гг.) к нацистской «революции» (1933 г.). Сразу после Второй мировой войны социалистические настроения уже настолько глубоко проникают в Европу, что потребовалась массивная американская помощь в виде «плана Маршалла», чтобы вывести европейский капитализм из кризиса. Сами американцы, приступая к этой масштабной «плановой» операции, полагали, что их цель заключается не столько в противодействии влиянию советского коммунизма в Европе, сколько в борьбе с «экономической дестабилизацией, которая делает европейское общество уязвимым для эксплуатации всевозможными тоталитарными движениями»²⁴.

Война – со всеми ее бедствиями и лишениями, необходимостью отвлечения громадных общественных ресурсов на нужды военной борьбы и дефицитом элементарных средств жизни – представляет собой классическую ситуацию, в которой чрезвычайные, волевые методы управления экономикой доказывают свое *превосходство в эффективности* обеспечения военных усилий над рыночными отношениями и теми «мягкими» практиками государственного регулирования, которые они допускают. Форсированная модернизация отсталого общества на базе чрезвычайной политики накоплений и проведения ускоренной индустриализации – другой, менее распространенный, но имеющий более далекий горизонт последствий случай стратегического превосходства мобилизационной системы экономики. Этот курс политики также связан с запланированным «нарушением» равновесия как между производством и накоплением, так и между отдельными секторами экономики.

Возможность пренебрегать рациональной калькуляцией издержек производства и, соответственно, инструментами свободного ценообразования, конечно, может давать определенные ситуационные преимущества, но долговременность такой политики зависит уже от того, насколько ее волюнтаризм и экономическая «слепота» могут быть компенсированы принудительной силой и умоуверительным «рационализмом» директивного плана. Таким образом, вступление на путь мобилизационных практик хозяйствования создает достаточно стимулов к полной «достройке» всей мобилизационной системы. Реализуемый в рамках такой политики эгалитаризм потребления становится не просто утопической самоцелью, но важнейшим компонентом всей мобилизационной системы – средством блокирования всякого «нормального» экономического поведения. Таким образом, мобилизационная система воссоздает свою собственную «рациональность», отличную от той рациональности, на которой основан рынок.

В этой связи, вообще уместно говорить об особой *политической экономии* мобилизационной системы, которая лишь внешне прикрывалась категориями политэкономии классической. Иллюстрацией этого могла бы стать политически острая тема роли принудительного труда в осуществлении крупнейших программ индустриализации. Сохраняющаяся до сих пор трактовка крупнейших гулаговских строек как символов «бессмысленного труда, волюнтаризма и выброшенных на ветер денег», как абсолютно химерических и авантюрных проектов²⁵ грешит не вполне корректной попыткой измерять и оценивать этот феномен исключительно с позиций современного экономического мышления. Очевидно, что ни гуманистические убеждения, ни классический экономический анализ не могут служить вполне верными критериями оценки практики мобилизации труда, сформировавшейся на представлениях своего времени и тем более в далеко не классических условиях *исторической отсталости*. Логика широкого использования принудительного труда (как и логика советско-коммунистического эксперимента вообще) покоилась на выборе не между *рентабельностью* и *нерентабельностью* осуществляемых с его по-

мощью проектов (как это могло быть в условиях рынка), а между их осуществимостью или неосуществимостью. По меткому выражению английского экономиста Р. Хатчингса, практика принудительного труда находила свой смысл именно в том, что требовала от людей того, чего «в рыночной экономике или в условиях политической демократии они не делали бы и не смогли бы сделать»²⁶. Сверхэксплуатация принудительного труда – это, таким образом, один из использованных советской властью способов преодоления тех препятствий, которые классическая политическая экономия ставила развитию мобилизационной модели экономики. Вполне закономерно, что эта практика фокусировалась в первую очередь на первичной колонизации и хозяйственном освоении обширных северных и восточных регионов России с их экстремальным климатом, редким населением и почти полным отсутствием тех предпосылок развития, которые образуются материально-техническими и культурными накоплениями прежних эпох и которые могли бы отчасти смягчать brutальные формы использования живого труда.

Обладая способностью в кратчайшие сроки решать определенный круг исторических задач, мобилизационная экономика, тем не менее, не могла проложить магистральный путь к замене капиталистического рынка (со всеми свойственными ему недостатками) системой тотального планирования – как никакая самая изощренная принудительная организация вообще не способна заменить той *полноты развития*, которая обеспечивается «самонастройкой» экономического организма. Решая эффективно одну – стратегически приоритетную и достаточно узкую – группу задач, форсированно развивая один сектор и отрасли экономики, мобилизационная система совершенно обескровливала и дезорганизовывала другие – прежде всего, из-за неспособности подвести под них достаточные ресурсы и охватить их такой же «плотной» бюрократической опекой. Громадные издержки принудительной модернизации В. О. Ключевский проницательно замечал уже в деятельности Петра I, когда писал о «безнарядье» и зряшной растрате ресурсов, сопровождавших многие начинания царя-преобразователя: «От большой стройки всегда остается много сора, и в торопливой работе Петра пропадало много добра»²⁷. Сходным образом анатомию советской мобилизационной экономики анализирует А. Безансон, отмечая наличие в ней трех основных производственных секторов, находящихся далеко не в равном положении. Первый сектор, олицетворяющий «внешнюю и внутреннюю мощь партии-государства», – это приоритетная сфера, развитию которой подчинены все материальные ресурсы и все административные усилия системы. При отсутствии должных экономических стимулов, достаточное количество и высокое качество продукции этого сектора обеспечивается лишь бесперебойным снабжением и многократными системами контроля. Второй сектор, связанный с производством товаров и услуг, олицетворяет «социализм в действии», «социализм для масс». Он служит не только питающей ресурсной базой первого сектора, но и той зоной риска, где сосредотачиваются все издержки и «изнаночные» стороны мобилизационной экономики, вроде фиктивного планирования, разбазаривания средств и материалов, низкого качества работ, нерентабельности производства. Секрет стабилизации такого производства – в компромиссе с первым сектором, в обслуживании его потребностей; его же способность работать на собственные цели ограничена и в ресурсном отношении, и организационно. Третий сектор, представленный «теневой» экономикой и немногими «островками» примитивного частного производства (вроде личных подсобных хозяйств), по разным каналам и лишь в скудном объеме компенсирует тот объем недопроизводства, который типичен для второго сектора²⁸. В данной схеме намечен лишь эскиз реального механизма функционирования мобилизационной экономики, но природа ее противоречий воспроизведена достаточно точно.

Неизбежно возникающий разрыв между высотой развития «первого» сектора (читай: «командными высотами») и недоразвитием «второго» – потребительского – сектора позволяет увидеть фундаментальную ограниченность исторического горизонта мобилизационной системы: она, безусловно, оказалась способна в кратчайшие сроки обеспечить начальный «прорыв» к современному обществу, создать его «скелет», но, в силу присущих ей свойств, неспособна завершить этот сложный исторический переход.

Примечания

¹ The World Book Dictionary. Vol. 2 (LZ) / Ed. by R.K. Barnhart. Chicago ; L. ; Sydney ; Toronto, 1996. P. 1334.

² См.: McNeill W. The Pursuit of Power : Technology, Armed Force, and Society Since A.D. 1000. Oxford, 1983.

³ Ibid. P. 123.

⁴ Нольге Х.-Х. Европа в мировом сообществе (до XX в.) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1993. С. 19.

⁵ См.: Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 21.

⁶ Мавродин В. В. Основание Петербурга. 2-е изд. Л., 1983. С. 99.

⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л., 1982. С. 192.

⁸ Плейер О.-А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 399.

⁹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. М., 1995. С. 187–192.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 174.

¹¹ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 266–267.

¹² Там же. С. 269.

- ¹³ См.: Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1991.
- ¹⁴ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса : Смысл и фиаско одного политического символа. СПб., 2006. С. 160.
- ¹⁵ Там же. С. 152, 161–169.
- ¹⁶ См.: Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. Т. 2. СПб., 1993. С. 225–357.
- ¹⁷ См.: Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство. М., 1923.
- ¹⁸ См. об этом подробнее: Зубков К. И. У истоков промышленной политики России: меркантилизм и экспансия // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н. Д. Антufьева-Демидова. Екатеринбург, 2006. С. 22–30.
- ¹⁹ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 189.
- ²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 50.
- ²¹ Зубков К. И. Размышляя об Октябре 1917 г.: социокультурные истоки русской революции // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 101.
- ²² Геллер М. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Кн. 1. Социализм в одной стране / М. Геллер, А. М. Некрич. 1995. С. 213.
- ²³ Грегори П. Политическая экономия социализма. М., 2006. С. 309.
- ²⁴ The State Department Policy Planning Staff Papers, 1947. Vol. I. N.Y. ; L., 1983. P. 5.
- ²⁵ См.: Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 356, 358.
- ²⁶ Hutchings R. Soviet Economic Development. Oxford, 1971. P. 293.
- ²⁷ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 110.
- ²⁸ Безансон А. Русское прошлое и советское настоящее. Лондон, 1984. С. 300–309.

Ивлев Н. Н.

ФИНАНСОВЫЕ ОРГАНЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Актуальность данной темы обуславливается несколькими аспектами. Один из них – научный – заключается в том, что тема не изучена, отсутствуют специальные исторические работы. Причинами слабого внимания советских историков к этой теме можно считать её повышенную сложность и трудоемкость, а также заложенные в марксистско-ленинской концепции установки на отмирание денег и товарно-денежных отношений при коммунизме. Сейчас наступило время, когда данные вопросы получили должное внимание, и возникает возможность создать комплексную картину советской экономики периода Великой Отечественной войны.

Одной из главных остается проблема готовности советского государства к военному конфликту. В данном ракурсе возникает вопрос, а была ли готова финансовая система СССР ко Второй Мировой войне? Или государству пришлось перестраивать всю структуру финансовых органов?

Особую практическую актуальность тема приобрела в связи с мировым финансовым кризисом. Сокращение доходов статей бюджета, вызванное резким уменьшением мирового спроса на основные продукты экспорта и удешевление углеводородов, делают нынешнюю ситуацию схожей с той, что переживало наше государство в годы войны. Тщательное изучение финансовой политики и практики военных лет даст возможность выявить все положительные и отрицательные стороны, что, возможно, позволит избежать ошибок в проведении антикризисных мероприятий.

Первые публикации, освещавшие отдельные стороны финансовой сферы СССР, появились в периодической печати еще в годы войны, в частности, в журналах «Большевик» и «Плановое хозяйство». Статьи, авторами которых являлись ответственные работники Госплана и Наркомата финансов, носили прикладной, агитационно-пропагандистский или директивно-установочный характер. Первостепенное внимание уделялось мобилизации денежных средств населения на нужды обороны страны, вопросам кредитования населением военных расходов государства¹.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны вышла книга Н. А. Вознесенского о военной экономике СССР. Особого внимания, в контексте данной темы, в ней заслуживают три раздела: бюджет, кредит, деньги; организация труда, заработная плата; товарооборот и цены². В 1955 г. была опубликована книга К. Н. Плотнокова по истории бюджета Советского государства. В пятом разделе, посвященном бюджету СССР в годы войны, рассматриваются изменения бюджета страны, подробно показываются в цифрах источники доходов и направления расходования имеющихся средств³.

Единственной работой, специально посвященной финансам периода войны, до сих пор остается труд М. Л. Тамарченко, вышедший в 1967 г.⁴ В 1973 г. опубликованы воспоминания наркома финансов А. Г. Зверева⁵, где названы и подробно описаны управления, входившие в состав Наркомфина. В 1978 г. был издан обобщающий труд по истории экономики СССР в 7 томах, один из которых посвящен экономике периода Великой Отечественной войны⁶. В начале перестройки, вышла книга Ю. И. Константиновой⁷, предметом которой стали основные направления налоговых и бюджетных реформ

в СССР. Новые подходы к изучению финансовой системы СССР присутствуют в работе А. В. Аникина⁸, посвященной мировым финансовым кризисам. В книге не рассматривается период войны, но время индустриализации и коллективизации именуется крупнейшим советским финансовым кризисом и основное внимание уделено способам мобилизации средств.

Уральские исследования по периоду Великой Отечественной войны развивались в русле общесоюзных тенденций. В очерках по истории областей и местных партийных организаций, выходявших в 1960–1970-х гг., присутствуют сюжеты об участии уральского населения в сборе средств на нужды обороны, называются цифры подписки на военные займы и денежно-вещевые лотереи. В обобщающем труде «Урал – фронту» даны итоговые сведения по региону в целом: «Рабочие, колхозники, служащие Урала в суровые годы войны дали займы государству, по неполным данным, более 10 млрд руб.»⁹. В 1990-е гг. эти сюжеты были конкретизированы в монографиях Г. Е. Корнилова и Н. П. Палецких¹⁰. Авторы проследили изменения в системе налоговых и займовых сборов в годы войны, предложили трактовать налоговую политику военных лет расширительно, включая в неё не только сбор налогов, но и размещение госзаймов и лотерей, поскольку и то, и другое имело признак обязательности и проходило с использованием мер принуждения, а займы приобретали характер безвозмездности.

Из имеющихся историографических данных можно сделать вывод, что при высоком уровне изученности военной экономики СССР в целом, деятельность и структура финансовых институтов не подверглись детальному исследованию. В предлагаемой статье ставятся задачи на конкретно-историческом материале Челябинской области проследить изменения финансовой политики советского государства, выяснить осуществлялись ли в годы войны реформы финансовой структуры; определить структуру органов НКФ СССР; продемонстрировать основные направления деятельности финансовых органов области в годы войны.

Финансы – неотъемлемая часть любой экономики, они присутствуют во всех её сферах. Министр финансов Российской империи В. Н. Коковцев (1906–1913 гг.) отмечал, что нет другой области, которая менее поддавалась бы новшествам, как область финансового управления, и нет другой области, в которой всякие неудачные эксперименты не проявляли бы своего губительного влияния так быстро, как эксперименты в области финансов¹¹. Попытка советского руководства создать абсолютно новую экономику, построенную на полном отрицании рыночных законов и денежного обращения, закончилась провалом. Отсутствие бюджета, постоянная эмиссия, инфляция, централизованное распределение продуктов и лишение производителя хозяйственной инициативы продемонстрировали полную нежизнеспособность выбранной политики «военного коммунизма» и заставили власть перейти к «НЭП», т. е. к возврату рыночных отношений и денежного обращения.

Победа идеи о возможности построения социализма в отдельно взятой стране означала необходимость форсированной модернизации и создание советской модели мобилизационной экономики. В ходе индустриализации 1930-х гг. складывалась советская финансовая система, происходили налоговые и структурные реформы финансовых организаций. Главной целью Наркомфина становится поиск средств на инвестирование тяжелой промышленности, а основной задачей – финансовый контроль над деятельностью предприятий. С началом Великой Отечественной войны вся работа Наркомфина и его региональных подразделений была подчинена лозунгу «Все для фронта, все для победы!»

Финансовые органы Челябинской области были представлены областным финансовым отделом (облфо). Им руководил В. В. Сосновский – до 17 апреля 1943 г., когда он был переведен в аппарат облисполкома на должность заместителя председателя. 22 июня 1943 г. на место заведующего облфо был выдвинут А. И. Коршунов, работавший в системе облфо с 1938 г. и занимавший должность заведующего управлением государственного страхования.

Облфо состоял из отделов: бюджетного, финансирования народного хозяйства, штатного, кадров. Некоторые отделы еще разделялись на сектора. Так, налоговый отдел имел в своем составе сектор государственных доходов. Кроме отделов выделялись контрольно-ревизионное управление, управление государственного страхования и управление государственных трудовых сберегательных касс. Управлению сберкасс, во главе с тов. Мартыновым, подчинялась вся областная сеть. Она подразделялась на центральные кассы, кассы 1,2,3 разрядов и агентские кассы. Разделение осуществлялось на основании остатков вкладов на счетах касс.

Областная структура дублировалась на местном уровне в городских и районных финансовых отделах (горфо и райфо). В 1941 г. в области насчитывалось 91 финансовых отделов: облфо, 64 райфо, 17 горфо и 9 внутригородских райфо¹². Кроме вышеперечисленного в систему финансовых органов, подчиненных НКФ, входили банки долгосрочного кредитования: Промбанк, Торгбанк, Сельхозбанк и др. Государственный банк был выделен из состава НКФ в 1938 г. и войну провел на положении отдельного наркомата, а его председатель входил в правительство. Только в 1946 г. Госбанк был вновь подчинен министерству финансов СССР. Таким образом, в исследуемый период Госбанк не подчинялся НКФ.

Структура финансовых органов за военные годы практически не менялась, все преобразования были связаны с административными реорганизациями. В 1942 г. несколько районов области вошли в состав Свердловской области. Наибольшие изменения произошли в 1943 г., когда изменились административные границы Челябинской области. В феврале согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР образовалась Курганская область. В связи с этим из Челябинской области в состав Курганской перешли 32 района и 2 города областного подчинения. А в августе постановлением СНК РСФСР областной центр – город Челябинск – был выделен в административный центр республиканского под-

чинения, что повлекло серьезные изменения в количестве финансовых органов и усложнило бюджетную и налоговую работу. Кроме этого, в годы войны в области появилось несколько новых районов, в которых были созданы райфо.

Процесс изменения системы финансовых органов лучше всего проследить на примере сберегательных касс. В первом полугодии 1941 г. произошли незначительные перемены в сети: в связи с образованием новых районов были открыты 3 районные сберкасс, а за второе полугодие 1941 г. сеть сократилась на 115 единиц (12%) и к концу года она состояла из 188 городских и 665 сельских сберкасс¹³. В штате сберкасс на начало 1941 г. состояло: 713 контролеров и инспекторов, 38 конюхов, 23 уборщицы. 163 человека работали в сберкассах при отделениях связи. В течение 1941 г. произошло сокращение штатов в связи с введением режима экономии. Всего было сокращено 225 человек, при том, что общее количество работников равнялось 1158.

В 1942 г. продолжалось уменьшение сети сберегательных касс, в основном за счет выделения из Челябинской области города Каменска, Каменского и Покровского районов и их перехода в Свердловскую область. На 1 января 1942 г. в области было 840 сберкасс, на 1 января 1943 г. – 816. За год было открыто 12 сберкасс, закрыто – 6, реорганизовано – 2¹⁴. Общее количество сотрудников в аппарате сберкасс области составило 882 человека, недокомплект – 89 штатных единиц.

Таблица 1

Изменение сети сберкасс в 1943 г.¹⁵

	Город	Село	Всего
Количество сберкасс на 1 января 1943 г.	171	645	816
Прибыло сберкасс	22	20	42
Убыло сберкасс	27	396	423
В т. ч. в Курганскую область	17	393	410
Осталось на 1 января 1944 г.	166	269	435

Таким образом, за 1943 г. в Челябинской области было открыто 2 районные центральные кассы, реорганизовано 3, открыто 29 агентств, закрыто 4 агентства. После изменений в сберкассах области работало 538 человек, хотя по штату было положено 590, вакантными оставались 52 должности.

За 1944 и 1945 гг. происходит постепенное увеличение числа сберкасс. Кассы организовывались при крупных предприятиях, стройках, совхозах, колхозах и МТС, при отделениях связи открывались агентские кассы. К концу 1945 г. в области насчитывалось 579 сберегательных касс, в которых держали свои средства 39477 человек¹⁶.

В систему финансовых органов входили также банки долгосрочного кредитования. Мы имеем в своем распоряжении архивные данные о деятельности трех банков на территории Челябинской области в годы Великой Отечественной войны: Промбанк, Торгбанк и Сельхозбанк. Областные конторы этих банков находились в одновременном подчинении у областного финансового отдела и у центрального правления, расположенного в Москве. Банки подразделялись по направлениям деятельности. Промбанк финансировал капитальное строительство крупных промышленных предприятий, Сельхозбанк – колхозы, Торгбанк специализировался на финансировании промкооперации.

Наибольшее развитие в нашей области получила система Промбанка, что связано с промышленной направленностью экономики области. Областная система Промбанка состояла из областной конторы и филиалов, которые делились на отделения и пункты уполномоченных. В 1941 г. в областной конторе работали 66 человек. В её состав входили управления, сектора, отделы, группы. В 1941 г. структура и штаты областной конторы Промбанка выглядели следующим образом: управляющий конторой – 1 (Н. Е. Фиссон), управление делами – 12 человек, бюро дел – 2, ревизионная группа – 2, плановый сектор – 5, первый отдел – 10, сектор финансирования металлургической и химической промышленности – 5, сектор финансирования машиностроения и электрификации – 5, сектор финансирования наркомата путей сообщений и наркомата связи – 4, отдел финансирования республиканской промышленности – 1, группа финансирования угольной промышленности – 2, группа финансирования строек различных наркоматов – 2, главная бухгалтерия – 1 человек, всего 52 сотрудника¹⁷.

В 1941 г. в область пришел приказ правления Промбанка, где уточнялся порядок работы банка в военное время. Было предложено увеличить количество филиалов и обещано перевести в область 120 сотрудников из числа эвакуированных и командированных¹⁸, но по документам не удается проследить их прибытие. На 1 января 1943 г. всего по штату числилось 142 человека, по факту работало 112, вакантными оставались 30 должностей. В 1945 г. в конторе и филиалах при штате 160 человек работали 111 (70 %).

7 октября 1942 г. произошла реорганизация Челябинской конторы Промбанка. Были выделены областная и городская контора, в городскую перевели 48 человек²⁰.

Таким образом, в 1942 г. наблюдается рост количества филиалов, связанный с размещением в области эвакуированных предприятий. После развертывания основной массы заводов и фабрик происходит сокращение отделений Промбанка.

Таблица 2

Ведущие сотрудники областной конторы Промбанка. На 1943 г.¹⁸

Ф.И.О.	Год рождения	Должность	Образование	Работает в должности
Фиссон Николай Емельянович	1903	управляющий	Среднее	С 1939 г.
Полян Павел Иосифович	1882	Старший экономист	Неоконченное высшее	С 1942 г.
Фельдман Анна Ефремовна	1909	Старший экономист	Высшее финансовое	С 1932 г.
Большакова Серафима Ивановна	1910	Главный бухгалтер	Неполное среднее (7 классов)	С 1942 г.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что общая тенденция максимального обновления финансовых кадров в первые военные годы не обошла стороной и руководство областной конторы Промбанка. Только управляющий и старший экономист сохранили свои места, на остальные руководящие должности пришли новые люди.

Таблица 3

Сеть Промбанка в Челябинской области²¹

годы	Отделения	Пункты	Всего филиалов
1941	5	9	14
1942	6	12	18
1943	6	9	12
1944	3	8	11

Конторы Сельхозбанка и Торгбанка были гораздо малочисленнее и оперировали меньшими суммами. Штат Сельхозбанка на 1941 г. насчитывал 124 сотрудника, в т. ч. контора 29 человек, 4 отделения, в которых работали 22 человека и 27 пунктов уполномоченных с персоналом 73 человека. В 1945 г. осталось всего 83 сотрудника: в областной конторе – 21, в отделениях банка 10 работников и 52 уполномоченных²².

Таким образом, за годы войны областная система финансовых органов претерпела значительные количественные изменения, вызванные административно-территориальными реформами, проведенными на Южном Урале в 1942–1943 гг. Качественных изменений в структуре не произошло. Это укладывается в предположение о максимальной консервативности финансовых систем и дает возможность утверждать, что реформированная в конце 20-х – начале 30-х годов советская финансовая система, направленная на поиск средств для ускоренной модернизации экономики, смогла решить поставленные войной задачи экономики и мобилизации финансовых средств, стабилизации денежного обращения. Для доказательства проанализируем деятельность финансовых органов области в период Великой Отечественной войны.

Американский историк Пол Грегори в своей работе «Политическая экономия сталинизма»²³ сделал предположение, что основной функцией советских финансов являлся контроль над деятельностью промышленности. Не имея возможности контролировать и проверять все производство в натуральной форме, вводился его денежный эквивалент, который и показывал руководству страны все плюсы и минусы промышленного производства и давал возможность регулировать его при помощи инвестиций.

Функция контроля сохраняется и в военное время, даже получает большую значимость, но на первое место выходят задачи массовой мобилизации и экономии. Таким образом, основными направлениями работы финансовых органов стали экономия и мобилизация денежных средств, финансовый контроль в сфере материально производства и бюджетное планирование.

Мобилизация денежных средств осуществлялась двумя способами: налоговым и неналоговым. Налоговые платежи разделялись на налоги с предприятий и организаций, принадлежавших государству (государственные доходы). Это, прежде всего налог с оборота и отчисление от прибыли. Главной особенностью этих платежей было то, что финансовые органы практически не принимали участия в их взимании. Бухгалтерия начисляла налог и перечисляла суммы на счета в Госбанке. В подтверждение процитируем слова В. В. Сосновского, сказанные им на заседании облисполкома по вопросу об отчете по бюджету области за 1944 г.: «Существует несколько групп платежей. Самая простая – это налоги с предприятий и рабочих. Бухгалтер начислит налог, удержит, перечислит в банк»²⁴. Эти доходы являлись основными в довоенное время, а в годы войны их удельный вес сократился.

Наиболее сложной и трудоемкой была работа по взиманию налоговых платежей с населения. Значение этих статей доходов бюджета резко выросло в военные годы. Стоит отметить, что налоговая система СССР носила дифференцированный характер, в ней различались формы и способы взимания налогов с городского и сельского населения. В период войны произошли изменения в системе налогообложения, выросли старые и появились новые налоги.

Так, 21 ноября 1941 г. был введен налог на холостяков и малосемейных граждан, а с 1 января 1942 г. в стране вводится военный налог. Были внесены изменения и в систему местных налогов и сборов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. регламентировал все основные местные налоги и сборы: налог со строений, земельную ренту, сбор с владельцев транспортных средств, с владельцев скота и разовый сбор на рынках.

В облфо и во всех райгорфо существовали налоговые отделы, в которых работали налоговые инспекторы и налоговые агенты. На них ложилась основная работа по сбору налогов с населения. Налоговые кампании начинались с учета плательщиков и объектов обложения. Активно использовался подворный обход, привлекались общественные группы содействия. По распоряжению облисполкома для оказания практической помощи финансовым органам при проведении налогового учета в 1942 г. территории городов и рабочих поселков были разбиты на участки. На каждом участке организовывались группы общественного содействия в составе депутатов городских и районных советов, представителей уличных комитетов и жилищных управлений²⁵. Председатели колхозов и руководители промартелей предоставляли данные о доходах своих подчиненных.

В ходе налоговой работы с населением появлялись серьезные проблемы с соблюдением законности при взимании налогов. Многие работники, исполняя приказы о массовой мобилизации, не обращали внимания или шли на прямое нарушение норм законодательства, которые определяли широкий круг льготников. Большое количество подобных нарушений заставило власти издать специальные распоряжения, например, постановление ЦК ВКП (б) «О чутком и внимательном отношении к семьям военнослужащих». Но и они нарушались сотрудниками областных финансовых органов, что привело к неправильному обложению налогами и необоснованному привлечению к сельскохозяйственным поставкам. За 1943 г. более 900 семей были незаконно привлечены к налоговым платежам и 674 семьи к обязательным поставкам государству. Из-за незаконных действий некоторых работников многие семьи были привлечены к судебной ответственности. Суды, не разобравшись и не вникнув в суть проблемы, выносили обвинительные приговоры. В связи с этим резко возросло количество жалоб на деятельность финансовых работников. В 13 районах было удовлетворено 1629 жалоб на незаконное обложение, из них 947 жалоб от семей красноармейцев.

Таблица 4

Разграничение платежей, контролируемых налоговым сектором и управлением государственных доходов²⁶

Платежи, контролируемые сектором госдоходов	Платежи, контролируемые налоговым отделом
Налог с оборота	Сельскохозяйственный налог
Отчисления от прибыли	Сбор на нужды жилищного, культурного и бытового строительства
Бюджетные наценки	Налог на лошадей
Налог с нетоварных операций	Подходный налог с населения
Налог с киноустановок	Промысловый налог
Налог с посетителей увеселительных заведений	Сбор за выдачу паспортов
Подходный налог с предприятий Доходы от МТС	Местные налоги и сборы (налог со строений, земельная рента, налог с транспорта, налог со скота, разовый сбор на рынках, регистрационный сбор с собачников, дачный сбор)
Доходы от реализации национализированного, конфискованного и выморочного имущества	Единая госпошлина
Плата за разработку общераспространенных ископаемых Плата за добычу торфа	Налог с наследуемого и даруемого имущества
Сбор за проверку измерительных приборов	Доход от продажи трудовых и домовых книг
Сбор при заявке на товарный знак	Штрафы
	Пошлины по патентам

Среди неналоговых форм особое место занимает государственный военный заем. Всего в годы войны осуществлялась подписка и реализация по пяти открытым госзаймам. Займы выпускались сроком на 20 лет и состояли из двух выпусков: выигрышного и процентного. Выигрышный выпуск распространялся среди населения, а процентный (4 % годовых) среди артелей, товариществ, кооперации²⁷. Распространение займа проходило в виде подписки на облигации. Оплата подписки осуществлялось по-разному: если среди рабочих и служащих практиковалась безналичная форма расчета, в ходе которой бухгалтерия просто списывала часть зарплаты в счет оплаты облигаций, то в деревне оплата облигации осуществлялась по наличному расчету.

Распоряжения о проведении государственных займов принимал СНК СССР, который устанавливал четкую дату начала их реализации. СНК РСФСР устанавливал суммы, которые было необходимо разместить в отдельных областях, а на областном уровне бюро обкома партии и облисполком занимались разверсткой кредита среди населения.

Размещение подписки проходило в строго ограниченные сроки: 2–3 дня давалось местным финансовым органам для реализаций госзайма. Этому предшествовала большая подготовительная работа. Активно проводилась агитация, формировались комиссии содействия, на предприятиях выбирались ответственные и уполномоченные за госкредит. В бухгалтериях составлялись и проверялись зарплатные ведомости. Сумма подписки устанавливалась на общих партийных собраниях и обычно составляла заработок за 4–5 недель. В сельских районах местные власти подготавливали денежные средства для авансирования колхозников в период подписки на госкредит и организовывали выезд колхозников на городские рынки²⁸.

На отдельных предприятиях подписку на заём осуществляли финансовые работники и уполномоченные по займу. Им активно помогали комиссии содействия, состоящие из членов партии и уважаемых работников. На селе в размещении подписки принимали участие учителя, почтальоны. Центры подписки и столы справок открывались в избах-читальнях.

Всего в Челябинской области за годы войны при помощи военных займов было собрано 1,6 млрд руб., что составляет 2 % от общесоюзных средств, полученных от распространения государственного кредита в период Великой Отечественной войны.

Не менее важным способом мобилизации средств являлись денежно-вещевые лотереи. Проведение денежно-вещевых лотерей осуществлялось в несколько этапов: выпуск лотерейных билетов, подписка на билеты и оплата подписки. Выигрыши по всем лотереям устанавливались в размере 20 % от их номинальной суммы. Стоимость вещевых выигрышей составляла по первой лотерее 5,4 %, по второй – 12,4 %, по третьей – 15,3 %, по четвертой – 14,2 %. Держателям лотерейных билетов предоставлялось право получить стоимость выигранной вещи деньгами²⁹.

В городах продажа билетов велась через сеть сберегательных касс и информационных столов. В сельских районах эту функцию исполняли столы справок и избы-читальни, где населению разъясняли необходимость займа и лотереи, объясняли, какие доходы можно было получить от участия в этих кампаниях, обеспечивали выполнение планов продажи билетов.

Билеты денежно-вещевых лотерей распространялись теми же методами и способами, что и облигации государственных займов. Подписку проводили комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу, которые выбирались на каждом предприятии, в каждом учреждении и ежегодно обновлялись. Они действовали под контролем финансовых и партийных органов. Главной особенностью денежно-вещевых лотерей была их ориентированность на село. При распространении билетов лотереи среди сельских жителей финансовые сотрудники старались, чтобы минимальное количество реализованных билетов было не менее 1/3 суммы от подписки на госзаем³⁰.

За 1941–1944 гг. в области было размещено лотерейных билетов на сумму 213 млн руб. (2,1 % от общесоюзных доходов по лотереям).

Еще одним способом сбора средств на военные нужды было создание различных фондов, куда население могло перечислять денежные средства. Наиболее крупным стал Фонд обороны. Это были средства особого рода: они не являлись ни налоговыми, ни займовыми ресурсами, а поступали как дар населения. Создание таких фондов инициировалось населением, происходило одновременно в различных районах страны. Финансовые органы не принимали активного участия в работе этих фондов, они лишь исполняли аккумулирующую функцию. В Госбанке был открыты специальные счета, куда все желающие могли вносить свои пожертвования. Сбор средств в фонды проходил через систему сберкасс, которые принимали и переводили их на счета Госбанка.

Следующим способом мобилизации денежных средств населения служили вклады в государственных трудовых сберегательных кассах. Главными задачами сберкасс в годы войны стали: привлечение новых вкладов и удержание уже имеющихся, кассовая работа с платежами населения. В соответствии с решением правительства НКФ СССР с 23 июня 1941 г. установил временные ограничения изъятия вкладов из сберегательных касс. Максимальная сумма, которую вкладчик мог получить из сберкасс, составляла 200 руб. в месяц. Резкое сокращение притока новых вкладов после начала войны вынудило НКФ объявить о том, что все вклады, внесенные после 23 июня 1941 г., будут выдаваться в неограниченных суммах, по первому запросу вкладчика.

В успешной работе сберкасс были заинтересованы областные власти. Ежегодно облисполком и обком ВКП (б) издавали постановления об активизации работы по привлечению новых вкладчиков в городах и районах области, о необходимости местных властям помогать сберкассам. Для привлечения вкладчиков проводились следующие мероприятия: информационные объявления по радио, статьи в областной, городских и районных газетах, изготовление и размещение рекламных листовок и плакатов. Применялись индивидуальные беседы с гражданами, они совмещались с проверкой облигаций госзайма и лотерейных билетов на предмет выигрыша.

Активная деятельность работников финансовых отделов, сберегательных касс и помощь со стороны местных властей принесла свои результаты. Начиная с 1942 г. в области наблюдается постоянный рост количества вкладов, увеличивается их средний размер.

В годы войны применялся новый вид вклада – выигрышный. Сумма выигрыша определялась величиной вклада и продолжительностью хранения. Вместе с тем у сберкасс появилась еще одна функция – сбор, хранение и перечисление денежных компенсации за неиспользованные отпуска. По решению правительства все ежегодные отпуска на время войны были отменены, а компенсации аккумулировались в сберкассах.

Кроме осуществления своих непосредственных функций, работники сберкасс принимали участие в займовой работе и распространении лотерейных билетов. Важным аспектом деятельности становится справочная работа. В каждой сберкассе существовали справочные столы, где граждане могли получить информацию по своим билетам и облигациям, так как в кассах находились выигрышные таблицы и работники сберкасс были осведомлены обо всех выигрышах. Обладание подобной информацией стало одной из причин удержания облигаций в сберегательных кассах. Сотрудники не стремились передавать облигации займа или лотерейные билеты сразу после оплаты подписки, а зачастую удерживали их у себя до оглашения результатов тиража. Встречались факты удержания облигаций, переданных населением в Фонд обороны. В случае раскрытия подобных махинаций, сотрудников увольняли, иногда передавали материалы дела в прокуратуру. Следует отметить, что руководители финансовых органов не стремились использовать правоохранительные органы, а старались решить проблемы внутри коллектива, удерживая возникающие недоимки из зарплаты или увольняя работников.

Кроме мобилизации денежных средств существовал еще один путь получения дополнительных доходов в бюджет – сокращение управленческих расходов. Этой работой занимался штатный отдел облфо. В его задачи входили регистрация управленческих штатных расписаний и контроль над административно-управленческими расходами. Регистрация управленческого аппарата проходила ежегодно. О начале регистрации сообщали заранее, используя средства массовой информации (газеты, радио) и совещания руководителей, главных бухгалтеров предприятий и представителей штатных отделов. Предприятиям и организациям, которые не прошли регистрацию, Госбанк прекращал выдачу средств на зарплату и административные расходы. Регистрация штатов проводилась силами местных финансовых органов³¹.

Кроме регистрации штатов предприятий, важной частью деятельности областного штатного отдела являлась ревизионная работа. Проверке подвергалась, прежде всего, работа райфо. Основные нарушения, выявляемые в ходе ревизий – это содержание сверхштатных единиц при недокомплекте штата, незаконное применение совместительства должностей в одном учреждении, превышение расходов средств по административно-хозяйственной части. Результатом ревизий являлось сокращение штатов и расходов по зарплате. Так, за 1943 г. финансовыми органами области учтено 4729 организаций, составлено актов на изъятие излишков и завышенных ассигнований на сумму 8833 тыс. руб. Проведена ревизия штатной работы в 31 райгорфо, в результате было выявлено 608 новых, незаконно принятых к регистрации должностей с фондом зарплат в 27411 руб.³²

Контроль за снижением себестоимости продукции и рационализацией производства осуществлялся через отдел государственных доходов облфо и через банки долгосрочного кредитования. Именно эти финансовые учреждения непосредственно работали с предприятиями и крупными стройками, разрабатывали программы снижения себестоимости и выносили их на рассмотрение облисполкома³³. Кроме этого, банки проверяли объекты кредитования, прежде всего стройки. Целями проверок являлись – выполнение плана работ, снижение стоимости строительства, выполнение плана собственных вложений и мобилизации внутренних ресурсов, экономия в строительстве, сокращение административно-управленческих расходов. Серьезным недостатком системы банков долгосрочного кредитования была их несамостоятельность, банки не имели права прекращать финансирование убыточных и неэффективных строек, производств. Для принятия решений о прекращении финансирования или о мерах воздействия были необходимы санкции наркоматов или главков. Сложная, многоступенчатая система принятия решений препятствовала эффективному контролю. В ходе проверок часть недостатков устранялись на местах, в других случаях – ставились вопросы перед наркоматами и главками. Так, за 1942 г. работниками Промбанка перед наркоматами было поставлено 169 вопросов, рассмотрено 113, перед городскими, районными и областными комитетами ВКП (б) – 92, рассмотрено – 66, перед городскими, районными и областными исполнительными комитетами – 39, рассмотрено – 32³⁴.

Исполняя указания правительства о массовой экономии средств, банковские контролеры помогали работникам штатных отделов в разработке типовых штатных расписаний и сокращении управленческого аппарата.

Все полученные от мобилизации и экономии средства накапливались в бюджетах различных уровней. Создание областного бюджета и его связь с вышестоящими бюджетами входили в сферу деятельности областных финансовых органов. Через бюджет осуществлялось не только накопление средств, но их распределение и расходование. Бюджет области делился на две части: местный бюджет, куда входили доходы и расходы районов, и собственно областной бюджет.

Процесс составления бюджета области состоял из пяти стадий:

1. Составление проектов бюджета. Отделы облисполкома составляли проекты для подчиненных им предприятий и организаций, райгорфо – для своих территорий, полученные данные передавались в бюджетный сектор облфо.

2. Согласование проекта бюджета на заседании облисполкома, где у представителей районов была возможность высказать свои претензии и пожелания по принимаемому документу.

3. После обсуждения на уровне облисполкома проект бюджета отсылался в Москву на согласование с НКФ РСФСР.

4. После наркомата финансов проект утверждал СНК РСФСР.

5. И только после этого бюджет утверждался облисполкомом и рассылался в районы для исполнения.

Каждый из военных бюджетов имел свои особенности. Бюджет 1941 г. составлялся как бюджет мирного времени, а исполнялся в условиях войны. Его главная особенность – введение режима жесто-

чайшей экономии. Так, в июне происходит сокращение расходов местных бюджетов. Расходы были уменьшены на сумму 48,4 млн руб., 50 % суммы были перечислены в областной бюджет для расчетов с государственным бюджетом. Всего за 1941 г., благодаря изменению количества расходов область передала в государственный бюджет 47,5 млн руб.

1942 г. стал годом завершения перестройки экономики на военный лад. Огромные средства тратились на устройство эвакуированных предприятий. Несмотря на это, области удалось сэкономить 123 млн руб., расходная часть областного бюджета была выполнена на 79%, а доходная на 110 %. Как уже упоминалась выше, в 1943 г. административные границы Челябинской области изменились. Поэтому окончательный бюджет области был утвержден после всех изменений. Впервые за годы войны вопрос о годовом бюджете был вынесен на сессию областного совета в 1944 г., кроме него на сессии также были заслушаны отчеты об исполнении годовых бюджетов за 1941 г., 1942 г., 1943 г. В 1945 г. осуществлялись процессы демилитаризации экономики, реэвакуации предприятий и населения, что нашло отражение в областном бюджете и потребовало новых финансовых вложений.

Отдельно стоит указать сроки составления бюджетов области. По закону область должна была начинать год с утвержденным бюджетом, но ни в одном из военных годов добиться этого не удалось. Стандартным сроком полного утверждения бюджета становилось лето текущего года, то есть практически полгода область жила без главного финансового документа. Облисполком окончательно утверждал бюджеты: в 1942 г. – 9 июня, в 1943 г. – 25 июня, в 1944 г. – 28 июня, в 1945 г. – 24 июня. Основной проблемой в задержке составления бюджетов была неукomплектованность финансового аппарата и низкая квалификация районных работников. Сбои на низовом уровне приводили к задержкам в составлении бюджета области.

Если проследить исполнение бюджетов за годы войны, можно отметить, что расходные статьи никогда не выполнялись в полном объеме. Установка на экономию присутствовала и в момент составления бюджета, и в ходе его исполнения.

Отдельным и необходимым направлением деятельности финансовых органов была контрольно-ревизионная работа. Высшей инстанцией, осуществляющей контроль над финансовыми проверками, было контрольно-ревизионное управление при наркомате финансов, которое имело представителя в области (старший контролер-ревизор). Кроме Управления должности финансовых контролеров были предусмотрены в штатных расписаниях отделов облисполкома, в секторах и управлениях облко, в каждом райгорфо и в специальных банках долгосрочного кредитования.

Общий контроль над финансовыми операциями и взаимодействием с органами исполнительной власти осуществлял аппарат старшего контролера-ревизора НКФ при Челябинской области. С поставленными задачами он не справлялся. В 1945 г. из 10 положенных по штату ревизоров в подчинении старшего контролера-ревизора (Л. А. Эйдиновой) был только один. За девять месяцев 1944 г. аппаратом было обследовано только семь районных и городских бюджетов, 20 областных отделов.

Основной проблемой в течение всей войны являлась неукomплектованность аппарата. В областном управлении вакантными оставались 2–3 должности из 6 штатных. Начиная с 1941 г., наблюдается спад ревизионной работы, самым сложным становится 1944 г., когда план ревизии областных сберкасс был полностью сорван. В этом году в областном управлении работали только два ревизора, причем один из специалистов не мог выезжать в командировки по состоянию здоровья. Общее состояние финансового контроля в области было различным. Наиболее действенным и системным был контроль в управлении сберкасс и в банках долгосрочного кредитования, т. е. там, где удалось частично сохранить довоенный аппарат контролеров. Бюджетный и внутриведомственный контроль не отвечал военным условиям и нуждался в реформировании.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны финансовые органы исполняли функции бюджетного планирования, мобилизации и экономии денежных средств, финансового контроля. Методы работы финансовой системы в годы войны практически не изменились. Если в довоенный период средства собирались на ускоренную модернизацию и индустриализацию, то в 1941–1945 гг. – на военные нужды. Отработанная и отлаженная система сбора средств и перераспределения финансовых потоков, претерпев минимальные изменения, выполнила задачи, поставленные военным временем. Если в промышленном секторе экономики происходили кардинальные преобразования, то финансовая система области, созданная в довоенный период, не претерпела серьезных качественных изменений и показала свою жизнестойкость.

Главным новшеством военного времени стало смещение акцентов с платежей предприятий на мобилизацию свободных денежных средств населения. Это позволило не только финансировать военные расходы, но помогало стабилизировать денежное обращение и бороться с инфляцией путем изъятия денежной массы, необеспеченной товарами. Основной сложностью, с которой столкнулся финансовый аппарат области в годы войны, был кадровый дефицит.

Военные расходы государства были покрыты за счет внутренних ресурсов. Несмотря на сложнейшую ситуацию, в годы войны не прекращалось финансирование социально-культурных мероприятий. Большое значение приобрела забота о семьях военнослужащих, которая осуществлялась путем предоставления налоговых льгот. Только путем неналоговой мобилизации средств за годы войны в области было собрано 1862,6 млн. руб., к ним стоит добавить добровольные взносы в различные фонды и налоговые поступления с предприятий и населения.

Примечания

- ¹ См. напр.: Бодров М. Народные сбережения в СССР // Большевик. 1941. № 3–4; Зверев А. Великая Отечественная война и роль государственных займов // Большевик. 1943. № 9.
- ² Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.
- ³ Плотников К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М., 1955.
- ⁴ Тамарченко М. Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М., 1967.
- ⁵ Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973.
- ⁶ История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978.
- ⁷ Константинова Ю. И. История финансов СССР. М., 1987.
- ⁸ Аникин А. В. История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. М., 2002.
- ⁹ Урал – фронту. М., 1985. С. 284.
- ¹⁰ Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.
- ¹¹ Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов. М., 2001. С. 133.
- ¹² ОГАЧО. Ф. Р.-1029. Оп. 15. Д. 2009. Л. 3.
- ¹³ ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 53. Л. 24.
- ¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 75. Л. 35.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 32.
- ¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р.-1147. Оп. 3. Д. 102. Л. 101.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р.-1507. Оп. 1. Д. 4. Л. 218.
- ¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р.-1507. Оп. 1. Д. 7. Л. 206.
- ¹⁹ ОГАЧО. Ф. Р.-1507. Оп. 1. Д. 6. Л. 241.
- ²⁰ ОГАЧО. Ф. Р.-1507. Оп. 1. Д. 10. Л. 598.
- ²¹ Составлено автором по материалам: ОГАЧО. Ф. Р.-1507. Оп. 3. Д. 6. Л. 8; Д. 7. Л. 20; Д. 10. Л. 4; Д. 12. Л. 70.
- ²² ОГАЧО. Ф. Р.-228. Оп. 1. Д. 174. Л. 40; Д. 222. Л. 37.
- ²³ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф. Р.-274. Оп. 3. Д. 68. Л. 44.
- ²⁵ ОГАЧО. Ф. Р.-274. Оп. 3. Д. 1502. Л. 144.
- ²⁶ ОГАЧО. Ф. Р.-1029. Оп. 12. Д. 1. Л. 71.
- ²⁷ Челябинский рабочий. 1942, 14 апреля.
- ²⁸ ОГАЧО. Ф. П.-288. Оп. 8. Д. 26. Л. 58; Д. 34. Л. 5–6.
- ²⁹ Плотников К. Н. Указ. соч. С. 317.
- ³⁰ Палецких Н. П. Указ. соч. С. 57.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. П.-1029. Оп. 15. Д. 1908. Л. 44.
- ³² ОГАЧО. Ф. П.-1029. Оп. 15. Д. 1908. Л. 44.
- ³³ ОГАЧО. Ф. Р.-1507. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.
- ³⁴ ОГАЧО. Ф. Р.-1507. Оп. 3. Д. 7. Л. 20.

Кочнева К. А.

**ПРОЦЕСС ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ А. Н. КОСЫГИНА.
КАК И ПОЧЕМУ БЫЛ ИСКАЖЕН ЗАМЫСЕЛ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

Об экономической реформе А. Н. Косыгина написано немало и современниками, и историками. Современники – экономисты и хозяйственные работники 1960–1970-х гг. – стремились выявить пути совершенствования системы управления народным хозяйством СССР, анализировали проблемы, возникавшие на пути реформы, предлагали способы их решения¹. В 1970-е гг. реформа считалась уже проведенной², хотя не все разделяли убежденность в том, что она достигла своих целей³. На время интерес к реформе пропал, однако в конце 1980-х – начале 1990-х гг. дискуссии вокруг нее снова оживились. Преобразования А. Н. Косыгина подверглись критике. Одной из основных причин их неудачи, по мнению исследователей, стала непоследовательность самих инициаторов реформы и слабая заинтересованность в успехе и среди руководящих лиц, и среди рядовых граждан⁴. В связи с крушением советской системы управления вопрос о ее реформировании, казалось бы, потерял остроту. Тем не менее, изучение реформы А. Н. Косыгина остается актуальным, если рассматривать ее как одну из попыток преобразования мобилизационной экономики. Административно-командная экономика СССР, по сути своей мобилизационная, была создана в условиях противостояния советского государства капиталистическим странам. Она оказалась эффективной в процессе решения задачи индустриализации СССР и в ходе войны 1941 – 1945 гг., однако с 1950-х гг. ее преобразование стало вопросом выживания системы. Сама по себе модель не является уникальной для СССР, в условиях кризиса любое государство стремится к мобилизации ресурсов с целью максимально быстрого решения важнейших на текущий момент задач. Переход от этой модели к саморегулирующейся экономике, более эффективной в стабильной среде, – сложный процесс, который протекает везде по-разному. Изучение накопленного в этой сфере опыта, в том числе советского, остается исключительно важным.

Несмотря на то, что историография реформы А. Н. Косыгина достаточно обширна, процесс проведения преобразований остался мало изученным. Стремясь ответить на вопрос, почему реформа потерпела неудачу, исследователи уделяли мало внимания тому, как именно внедрялась новая система планирования и экономического стимулирования, как постепенно изменялся ее первоначальный замысел. Попробуем отчасти восполнить этот пробел. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, воспоминания современников и документы архива Госплана СССР помогут проследить процесс принятия решений на верхних уровнях управления. Документы архива одного из союзно-республиканских министерств – Министерства легкой промышленности СССР – позволят рассмотреть, как претворялись решения руководства страны в отраслях народного хозяйства СССР. Особое внимание к Минлегпрому СССР в данном случае объясняется высокой социальной значимостью отрасли, в которой производилась большая часть товаров народного потребления.

По свидетельству одного из видных финансистов СССР В. К. Ситнина, недостатки планово-административной системы начали сказываться уже в предвоенные годы, однако война 1941–1945 гг. и годы восстановления народного хозяйства искусственно продлили ее существование⁵. В 1950-е гг. начались поиски нового механизма хозяйствования. Дискуссия о несоответствии действующей формы управления народным хозяйством современным требованиям и о необходимости совершенствования системы стимулирования началась в печати с середины 1950-х гг.⁶ В это же время, по воспоминаниям Министра торговли СССР Д. В. Павлова, возникли трудности в обеспечении населения товарами и продовольствием⁷. Негативные явления в экономике нарастали. Реформа управления промышленностью и строительством 1957 г. не помогла повысить эффективность производства⁸. По свидетельству И. Бирмана, еще накануне октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г. с одобрения Хрущева была создана комиссия экономистов во главе с главным специалистом Госкомитета по науке и технике Л. А. Ваагом. 18 октября 1964 г. членам комиссии было дано поручение А. Н. Косыгина – разработать проект экономической реформы. Однако этот проект не получил огласки, и для самих авторов осталось загадкой, ознакомились ли с этим документом члены Политбюро⁹. В марте 1965 г. была создана правительственная комиссия по реформе во главе с А. В. Коробовым¹⁰. О деятельности этой комиссии упоминается в мемуарах Н. К. Байбакова: «А. Н. Косыгин еще в начале 1965 года сформировал и разместил в Кремле группу специалистов различных ведомств и ученых-экономистов, освободив их от текущей работы, для подготовки предложений к проекту постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР»¹¹. Это постановление – «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» – было утверждено 4 октября 1965 г.¹² и содержало основные положения экономической реформы.

В постановлении была сформулирована задача достижения наиболее правильного сочетания централизованного государственного планирования с широкой хозяйственной инициативой предприятий и усилением экономического стимулирования промышленного производства. Подчеркивалось, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий должно осуществляться на основе дальнейшего совершенствования централизованного планирования. Курс на укрепление централизации выражался, прежде всего, в возврате к отраслевой системе управления народным хозяйством. Верховный Совет СССР 2 октября 1965 года утвердил закон «Об изменении системы органов управления промышленностью»¹³, согласно которому были созданы 22 общесоюзных и 25 союзно-республиканских министерств. Так в основу реформы было заложено ее ключевое противоречие – установка на укрепление централизованной системы планирования при попытках расширения экономической самостоятельности на местах.

Результаты деятельности предприятий, переведенных на хозрасчет, предполагалось оценивать по реализованной продукции, полученной прибыли (рентабельности производства) и по выполнению заданий по поставкам важнейших видов продукции. Оплата труда работников промышленности должна была быть поставлена в непосредственную зависимость от результатов их индивидуального труда и общих итогов работы предприятий. В постановлении был изложен ряд мер по улучшению планирования: повышение роли перспективных планов; повышение внимания к внедрению в производство достижений науки и техники, к улучшению качества продукции; сокращение показателей плана, утверждаемых предприятиям вышестоящими организациями; установление прямых связей между предприятиями и сбытовыми организациями и другие. Предполагалось создать на предприятиях фонды материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, развития производства. Также предполагалось повысить роль кредита в развитии промышленности. Отдельный раздел постановления был посвящен совершенствованию оптовых цен на продукцию промышленности¹⁴. Указанные мероприятия предполагалось проводить в 1966 г. по отдельным отраслям промышленности, а в 1967–1968 гг. – повсеместно. Таким образом, на подготовку к реформе было отведено очень мало времени.

Тем временем во властных структурах не утихали дискуссии о приоритетах в экономике. Взятый курс на увеличение вложений в отрасли группы «Б» не был поддержан единогласно. Согласно утвержденному на 1965 г. государственному бюджету, вложения в народное хозяйство по сравнению с прошлым годом увеличились с 38,7 млрд руб. до 42,3 млрд руб., а на оборону было выделено меньше средств (в 1964 г. – 13,3 млрд руб., в 1965 г. – 12,8 млрд руб.). Выросло финансирование легкой и пищевой отраслей промышленности¹⁵. И все же задача усиления военно-промышленного комплекса не теряла своей актуальности¹⁶. Председателю Госплана СССР приходилось доказывать генеральному секретарю

ЦК КПСС: «... если мы удовлетворим непомерные требования оборонного ведомства, то надо будет отвлечь на это часть средств, предусматриваемых планом на развитие сельского хозяйства и другие нужды экономики»¹⁷. Отсутствие в верхах единого видения путей дальнейшего развития экономики должно было отразиться на судьбе реформы. Однако преобразования были начаты.

В соответствии с решением совещания в Госплане СССР от 8 ноября 1965 г. при министерствах были созданы рабочие группы для перевода отраслей на новую систему планирования и экономического стимулирования. 24 ноября 1965 г. Президиум Совета Министров СССР принял решение о создании Межведомственной комиссии при Госплане СССР по вопросам перевода предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования (далее МВК). Она обладала достаточно широкой компетенцией, чтобы давать поручения важнейшим центральным ведомствам, в ней разрабатывались проекты постановлений правительства по вопросам реализации экономической реформы¹⁸.

27 ноября комиссия приступила к работе. Прежде всего, МВК поручила Госплану СССР, Министерству финансов СССР, Государственному комитету по труду и заработной плате, Госбанку СССР, Стройбанку СССР, Государственному комитету цен при Госплане СССР и ЦСУ СССР уточнить в течение двух дней отдельные разделы Методических указаний по переводу отдельных промышленных предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования. Методические указания, вероятно, были разработаны комиссией, подготовившей положение о реформе. Они уже были рассмотрены министерствами и госпланами союзных республик, замечания которых следовало учесть при доработке документа.

На том же заседании было решено провести совещание с рабочими группами министерств, чтобы согласовать темпы перевода предприятий. В дальнейшем министерства должны были представить предложения о переводе предприятий на новую систему вместе с обоснованиями и экономическими расчетами.

10 декабря на заседании МВК было решено создать рабочие группы из работников Госплана СССР и других центральных ведомств для рассмотрения расчетов и обоснований, представляемых министерствами. На заседании 17 декабря было начато рассмотрение предложений министерств¹⁹. Некоторые из них были отклонены в связи с неясностью планов на 1966 г. или из-за ухудшения показателей рентабельности. Вопрос о переводе на новую систему Московского ликероводочного завода было решено отложить, напротив, из-за очень высокой рентабельности (в 1965 г. – 136%, на 1966 г. намечалось свыше 140 %). Комиссия постановила, что предварительно необходимо решить вопрос об оптовых ценах на продукцию этого завода²⁰. По-видимому, необходимость отсрочки решения была связана с тем, что требовались дополнительные согласования по вопросу, о том, какой фонд материального поощрения следует утвердить предприятию, чтобы не задеть интересы государственного бюджета.

Уже в конце 1965 г. замысел реформы начал претерпевать изменения. На заседании МВК 23 декабря 1965 г. было решено включить в проект постановления Совета Министров СССР пункт, позволяющий министерствам СССР выделять предприятиям, переводимым на новую систему, средства для выплаты премий за счет остатка сверхплановой прибыли других предприятий²¹. Возможно, таким способом предполагалось повысить привлекательность реформы, усилить мотивацию производителей при переходе на новые формы хозяйствования. Это предложение было принято правительством, соответствующий пункт был включен в постановление Совета Министров СССР № 55 «О переводе в I квартале первой группы промышленных предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования»²² от 22 января 1966 г. Таким образом, с согласия Госплана и Совета Министров СССР допускалось дополнительное финансирование предприятий, вовлеченных в реформу, за счет средств, полученных от работы предприятий, продолжающих работать по-старому. Уже на начальном этапе реформы было нормативно закреплено нарушение важнейшего принципа хозрасчета – обособленность кругооборота фондов. Результатом нарушения этого принципа стало то, что ответственность предприятий за рентабельное ведение производства не увеличилась, поскольку показатели прибыли и рентабельности «не состыковывались» с действовавшей системой планирования²³.

Одновременно было принято совместное постановление партии и правительства о проведении Всесоюзного социалистического соревнования коллективов предприятий²⁴. Соревнование было направлено на выполнение производственных планов, внедрение новой техники, повышение производительности труда, увеличение накоплений, распространение передового производственного опыта. Для поощрения коллективов были учреждены переходящие Красные Знамена Совета Министров СССР и ВЦСПС с денежными премиями, которые присуждались по результатам работы за каждый квартал.

С тем чтобы заинтересовать предприятия в принятии повышенных плановых заданий, МВК предложила предприятиям, увеличившим установленный на 1966 г. план по прибыли, оставить до 75 % прибыли (в среднем по министерству) на увеличение норм отчислений в фонд материального поощрения, в фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и в фонд развития производства²⁵. Таким образом, на начальном этапе правительство было склонно увеличивать фонды предприятий, предполагая, что это послужит мощным стимулом для повышения производительности и будет способствовать успеху реформы.

В марте правительством был утвержден план организационных мероприятий по переводу промышленности на новую систему планирования и экономического стимулирования²⁶. Административная активность снизилась, количество заседаний МВК сократилось. Однако темпы проведения преобразований оставались высокими. С января 1966 г. по июль 1967 г. и январь 1968 г. (в зависимости от подготов-

ленности отраслей) планировалось начать перевод на новые рельсы всех отраслей промышленности. Подготовительные мероприятия, такие как пересмотр различных нормативов, применяемых при планировании, разработка новых норм, определение новых показателей, и тому подобные (этот раздел плана включал 23 пункта), предполагалось провести в течение 1966 г. В мае было издано постановление о переводе на новую систему второй группы предприятий²⁷. Уже к 25 июля и к 25 октября 1966 г. министерства должны были доложить Совету Министров СССР о результатах работы переведенных предприятий и о мероприятиях по обеспечению дальнейшего повышения производительности труда. В декабре в реформу были вовлечены непроизводственные организации²⁸. Можно констатировать, что экономическая реформа 1966 г. претворялась в жизнь исключительно энергично. Первые 43 предприятия стали работать по новой системе с 1 января, 200 предприятий было переведено с 1 апреля, а в июле на новую систему перешло еще 461 предприятие²⁹.

Рассмотрим, как велась работа по реализации реформы в министерствах. Министерство легкой промышленности СССР работало над внедрением новых методов планирования и экономического стимулирования в заданном сверху высоком темпе. Созданная в ноябре 1965 г. коллегия Минлегпрома СССР на заседании 3 декабря обсуждала план мероприятий по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров от 4 октября 1965 г. и вопрос организации работы по пересмотру оптовых цен³⁰. Через два месяца, 11 февраля 1966 г., коллегия Минлегпрома СССР рассматривала результаты работы в январе 1966 г. шести предприятий³¹, переведенных на новую систему планирования и экономического стимулирования³². Предприятия приняли дополнительные обязательства против утвержденного плана на 1966 год: повысить объем реализации продукции, увеличить план прибыли и план по налогу с оборота, перекрыть резерв снижения прибыли по предприятиям, перешедшим на прямые связи с покупателями. В результате предприятия взяли на себя обязательства по увеличению платежей в бюджет на 2,9 млн рублей, и им было разрешено сверх сумм, предусмотренных в финансовом плане, направить на образование поощрительных фондов 1,9 млн рублей. Это должно было обеспечить выплату премии по общим итогам работы предприятия в конце года в среднем десятидневного заработка всему производственному аппарату предприятия и, кроме того, увеличение на 35% фонда социально-культурных мероприятий. Все шесть предприятий выполнили и перевыполнили план по реализации продукции и прибыли. Добровольное повышение планов реализации и прибыли было осуществлено в 1966 г. не только в легкой индустрии. В целом по советской промышленности первоначально установленные планы реализации были повышены более чем на 300 млн руб., а планы по прибыли – на 130 млн руб. В результате плановые платежи в бюджет возросли на 34 млн руб.³³ Правительственный курс на увеличение фондов материального поощрения дал ожидаемый эффект.

Результаты работы следующих 49 предприятий легкой промышленности³⁴, переведенных на новую систему планирования и экономического стимулирования в 1966 г., также оказались хорошими. Плановые показатели по всем параметрам были перевыполнены. Несмотря на то, что переведенные предприятия составляли всего 1,5 % от общей численности предприятий легкой промышленности, они дали 7,5 % годовой прибыли³⁵. В бюджет было отчислено 215653 тыс. руб., что составило 7 % от общих отчислений легкой промышленности в бюджет за этот год³⁶. Однако подобрать вторую группу предприятий легкой промышленности для перевода на новую систему планирования и экономического стимулирования оказалось непросто. Коллегия Минлегпрома СССР постановила усилить подготовительную работу в республиканских министерствах³⁷.

В дальнейшем мероприятия по реализации экономической реформы не оставались в центре внимания руководящих работников министерства. Случаи обсуждения проблем, непосредственно связанных с внедрением новых методов планирования и экономического стимулирования, были довольно редки. Обсуждая на заседаниях перспективы развития легкой промышленности, работники Минлегпрома СССР вовсе не затрагивали вопроса о дальнейшем развитии экономической реформы. Например, 11 февраля 1966 г. решение коллегии «О некоторых вопросах, связанных с развитием легкой промышленности в 1966–1970 гг.» включало меры по повышению качества выпускаемых изделий и по увеличению их средней цены, по расширению ассортимента и наращиванию производственных мощностей³⁸. Подводя итоги работы легкой промышленности в январе-феврале 1966 г. на заседании 11 марта³⁹, коллегия анализировала степень выполнения производственных планов по разным видам номенклатуры на предприятиях по союзным республикам. Вопросы, связанные с реализацией экономической реформы, не фигурировали в качестве основных при обсуждении перспектив развития отрасли и оценке ее работы. Аналогичным образом подводились итоги 1965 г. и I квартала 1966 г. на заседании 3 июня⁴⁰. Результаты работы предприятий, переведенных на новую систему планирования и экономического стимулирования, рассматривались 23 апреля отдельно⁴¹. Реформа оставалась одним из вопросов, которым занималось министерство, но не основной его задачей, от решения которой зависела вся дальнейшая работа отрасли.

В начале 1967 г. на пути реформы возникли затруднения. Согласно материалам заседания коллегии Минлегпрома СССР, из-за позднего доведения до предприятий производственных планов на 1967 г. (лишь в декабре 1966 г.), задержалась работа по изысканию дополнительных ресурсов, требующихся для образования фондов экономического стимулирования. Разработка предложений о дополнительных источниках для образования фондов экономического стимулирования продолжалась, поскольку перевод хлопчатобумажной, шерстяной, пенько-джутовой, шелковой и трикотажной отраслей нужно было осуществить в первом квартале 1967 года⁴².

Позднее доведение производственных планов до предприятий можно объяснить дискуссиями в верхних эшелонах власти. Н. К. Байбаков в своих мемуарах писал: средства, составлявшие доходную часть государственного бюджета, «ушли на предприятия», а расходы остались за государством, «...при подготовке народнохозяйственного плана на 1967–1968 годы финансовый план балансировался нормально, а госбюджет свести без дефицита за счет текущих средств не удалось»⁴³. По-видимому, в связи с переводом на новую систему значительной части предприятий, не обладавших такой же высокой рентабельностью, какой обладали предприятия первой группы, курс на увеличение фондов материального стимулирования не оправдал себя. Поступления в бюджет сократились.

Аналогичным образом объясняется проблема изыскания дополнительных ресурсов, требующихся для образования фондов экономического стимулирования. Предприятия с низкой рентабельностью не могли обеспечить себя фондом материального стимулирования. В условиях рынка нерентабельные предприятия должны были бы закрыться, но в условиях регулируемой экономики это было крайне сложно осуществить. Нарушились бы устойчивые связи внутри отраслей и в народном хозяйстве в целом, потребовалось бы внесение существенных изменений в процессах планирования, материально-технического снабжения, распределения. Необходимо было бы решить вопрос о трудоустройстве работников закрывшихся фабрик. Наконец, предприятий с низкой рентабельностью было, судя по всему, значительно больше, чем успешных предприятий. Гораздо проще и безопаснее было вернуться к привычным методам административного регулирования. Совет Министров СССР в начале января 1967 г. принял решение об образовании резерва для оказания финансовой помощи предприятиям и хозяйственным организациям⁴⁴. Источник образования фонда составляли отчисления от прибыли предприятий в пределах установленной общей нормы. Министерства получили право определять размеры отчислений в этот фонд по своему усмотрению.

К концу 1967 г. на «новую систему» перешло более 7 тыс. предприятий СССР, выпустивших 37 % всей промышленной продукции и принесших почти половину прибыли в государственный бюджет⁴⁵. В легкой промышленности в 1967 г. по-новому работало 40 % предприятий⁴⁶. Установленный им на 1967 г. план по объему реализованной продукции был выполнен на 103,3 % или на 859 млн руб.⁴⁷ Они принесли 66 % годовой прибыли и перечислили в государственный бюджет 63 % от общей суммы, поступившей от отрасли⁴⁸.

Как в 1966, так и в 1967 гг. наиболее часто на повестку заседаний коллегии Минлегпрома СССР выносились вопросы, связанные с выполнением государственных плановых заданий, повышением эффективности предприятий и качества продукции легкой промышленности, совершенствованием руководящего состава в системе министерства, улучшения организации труда и работы с кадрами. Фактически основным показателем эффективности работы предприятий оставалось выполнение государственного плана. Е. Г. Либерман отмечал: «С планированием показателей на 1968 г. в некоторых министерствах делалось нечто, с реформой вовсе несогласованное. Директор трикотажной фабрики им. Розы Люксембург (Киев) З. Белозерова рассказала участникам «Делового клуба» «Экономической газеты», что Министерство легкой промышленности, как республиканское, так и союзное, планирует производство по 15 (!) показателям, включая сюда и себестоимость продукции, и количество работающих»⁴⁹. Сторонники усиления централизации в управлении народным хозяйством утверждали, что предприятия заинтересованы в существовании спускаемых сверху твердых плановых показателей. По их мнению, число таких показателей могло быть сокращено лишь после создания экономического механизма, который смог бы их заменить, а такой механизм, должен был сформироваться на базе длительных и стабильных связей между предприятиями⁵⁰. Права предприятий толковались разными ведомствами по-разному. Например, на вопрос, должна ли вышестоящая организация утверждать предприятию, работающему по-новому, административно-управленческие расходы, представители Госплана СССР и Минфина СССР дали противоположные ответы⁵¹. На верхнем уровне управления не спешили внести ясность в такие вопросы, поэтому трактовать ситуацию и принимать решения министерства должны были самостоятельно. Поскольку министры несли личную ответственность за выполнение отраслью государственного плана, выбор в пользу тотальной регламентации был предопределен. К этому подталкивали и постановления правительства.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 970 от 22 декабря 1966 г. «О мерах по обеспечению дальнейшего роста производительности труда в промышленности и строительстве»⁵² предписывало министерствам в краткий срок разработать конкретные организационно-технические мероприятия по ускорению роста производительности труда по каждому предприятию и стройке. Министерства должны были обеспечить дальнейшее внедрение во все отрасли новых, совершенных и прогрессивных технологических процессов – таких, как безровничное прядение, поточный метод сортировки шерсти, производство обуви методом горячей вулканизации – в легкой промышленности, консервирование, сушка пищевых продуктов в пищевой промышленности и т.д. Фактически руководство страны требовало от министерств мелочной опеки предприятий, вплоть до контроля технологических процессов.

Рассматривая проблему повышения производительности на заседании 13 февраля 1968 г., коллегия Минлегпрома СССР вынуждена была признать, что в большей степени рост производительности труда происходил за счет сокращения численности рабочих в отрасли, в меньшей степени – за счет роста производительности оборудования. По данным планово-экономического управления, в 1967 г. резко сократился приток рабочих на предприятия. Если с января по декабрь 1966 г. численность ра-

ботающих выросла на 64 тыс. человек, то в 1967 г. – только на 17 тыс. человек. При этом, согласно заданию государственного плана на 1968 г., выпуск продукции легкой промышленности должен был вырасти по отношению к 1967 г. на 10,3 %. «Для того, чтобы обеспечить выполнение установленных на 1968 г. заданий по росту производства при таком увеличении численности работающих, необходимо поднять производительность труда в промышленности против 1967 года на 8 %», – делали вывод в Минлегпроме⁵³.

Причины дефицита государственного бюджета, возникшего в 1967 – 1968 гг., были найдены в том, что над предприятиями не был обеспечен должный контроль. В итоге рост заработной платы стал опережать рост производительности труда – к такому выводу, по свидетельству Н. К. Байбакова, пришел А. Н. Косыгин⁵⁴. Вопрос о соотношении роста средней заработной платы на предприятиях и роста производительности труда стал ключевым начиная с 1968 г. Основной задачей МВК стал расчет нормативов отчислений в фонды материального стимулирования предприятий, переводимых на новую систему.

Отдел по внедрению новых методов планирования и экономического стимулирования Госплана СССР, НИЭИ, НИФИ, НИИ труда и Институт экономики АН СССР принялись за разработку новых методик образования фондов экономического стимулирования от массы прибыли. Им было предписано руководствоваться тем, что балансовая прибыль должна расти более высокими темпами, чем поощрительные фонды⁵⁵.

Финансовые проблемы усиливали позиции противников реформы. Окончательный перелом произошел в 1968 г., что отражено в документах отраслевых отделов ЦК КПСС. Согласно поручению Президиума Совета Министров СССР от 7 февраля 1968 г., министры машиностроения, оборонной, электронной и химической промышленности, а также радиопромышленности, отправили письма в Отделы оборонной и химической промышленности ЦК КПСС⁵⁶. Письма содержали анализ итогов работы предприятий, переведенных на новую систему планирования и экономического стимулирования, и предложения по улучшению экономической работы. В июле заведующие отделов представили в ЦК КПСС записку, где сообщалось, что соответствующие вопросы рассмотрены, а также проведен обмен мнениями с работниками министерств по итогам Всесоюзного экономического совещания⁵⁷. Совещание не оправдало ожиданий министерств – мало внимания было уделено конкретным вопросам, многие важные проблемы не получили освещения. Министры дали в целом положительную характеристику изменениям, произошедшим в работе предприятий, и внесли предложения по совершенствованию планирования и экономической работы в отраслях. Они предлагали четко разграничить функции центральных ведомств и министерств в области планирования и материально-технического снабжения – вероятно, они рассчитывали на предоставление им большей самостоятельности. Содержание документов, представленных министрами важнейших в стратегическом отношении отраслей позволяет заключить, что они поддерживали правительство в намерении продолжать преобразования. Сначала ЦК КПСС выразил готовность пойти навстречу этим пожеланиям. Постановление ЦК КПСС по представленной записке, с пометкой «Совершенно секретно», гласило: «Поручить Госплану СССР рассмотреть записку Отделов оборонной и химической промышленности ЦК КПСС при подготовке предложений по совершенствованию планирования и улучшению экономической работы в народном хозяйстве». Под текстом постановления было поставлено шесть подписей, однако три из них были зачеркнуты. Проект так и не был утвержден. 5 июня 1969 г. секретари ЦК КПСС Д. А. Устинов, М. А. Суслов, Ф. Д. Кулаков, И. В. Капитанов сняли свои подписи на проекте⁵⁸.

Отход от идей реформы сказался на отношениях правительства и министерств. В связи с диспропорциями в планировании государственного бюджета правительство по признанию Председателя Госплана СССР, пошло «на временное, как тогда казалось, заимствование средств для покрытия расходов госбюджета из фондов предприятий. Но, позаимствовав один раз, остановиться уже не смогли...»⁵⁹. Одним из первых пострадал Минлегпром СССР. 8 июля 1968 г. было издано постановление Совета Министров СССР № 522, в котором было отмечено, что наряду с успехами, в работе Министерства легкой промышленности СССР в 1967 г. имелись серьезные недостатки: не все предприятия добились достижения установленных плановых показателей, недостаточное внимание уделялось повышению качества продукции, около 7 % предприятий оставались планово-убыточными. Совет Министров СССР постановил: принять предложения Министерства финансов СССР, Госплана СССР, Госбанка СССР и Стройбанка СССР об увеличении на 1968 г. плана прибыли и платежей в бюджет на 1965 тыс. руб., и об изъятии в бюджет не использованных на 1 января 1968 г. средств министерства в сумме 1257 тыс. руб., в том числе остатка фонда освоения выпуска новых и улучшенных товаров народного потребления и остатка собственных средств, внесенных на финансирование капитальных вложений предприятиями, переведенными на новую систему планирования и экономического стимулирования⁶⁰.

Обвинения, предъявленные министерству, не были безосновательными: в системе Минлегпрома, как и во всех отраслях народного хозяйства СССР, имелись неэффективные предприятия, а качество продукции легкой промышленности по многим причинам оставляло желать лучшего. Тем не менее, плановые задания, согласно финансовым отчетам, по отрасли в целом из года в год выполнялись с превышением⁶¹. Критика финансово-хозяйственной деятельности министерства была вызвана потребностью государства в увеличении финансовых поступлений, в результате чего на Минлегпром СССР было оказано административное давление. Изъятие средств из фондов развития производства нарушало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. В соответствии с пунктом

13, неиспользованные остатки фонда развития производства должны были переходить на следующий год и не подлежали изъятию⁶².

30 сентября 1968 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению практики применения новой системы планирования и экономического симулирования производства»⁶³. Пунктом 8 постановления было предусмотрено, что если рост средней заработной платы на предприятии опережает рост производительности труда, соответствующая часть средств фонда материального поощрения должна зачисляться в резерв предприятия для использования ее в следующем году. Исключение делалось для тех предприятий, у которых не могло быть обеспечено опережение темпов роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы в связи с ухудшением горно-геологических условий, освоением новой техники, реконструкцией производства или капитальным ремонтом основных агрегатов и установок, а также на предприятиях пищевой, мясной, молочной и легкой промышленности – в связи со снижением потребления энергии или неблагоприятными гидрометеорологическими условиями. Эта оговорка создала новые сложности для МВК, которая должна была вносить уточнения относительно пункта 8 в 1969 и 1970 гг.⁶⁴ – предприятия и министерства стремились воспользоваться шансом не уменьшать фонд заработной платы независимо от показателя производительности.

То же постановление обязывало МВК утвердить в трехмесячный срок порядок и сроки разработки и доведения до подведомственных предприятий стабильных нормативов отчислений от прибыли на 1971–1975 гг. К марту 1969 г. соответствующий проект указаний МВК был подготовлен⁶⁵. Предполагалось ввести общие нормативы по министерствам, их главным управлениям, по трестам, комбинатам, объединениям. Новая методика расчетов была весьма запутанной. Решения об объеме фондов принималось вышестоящими организациями. Идея хозрасчета была погребена.

Формально перевод предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования продолжался: к 1 мая 1969 г. «по-новому» стали работать 32 тыс. или 77 % всех советских предприятий⁶⁶. К концу 1970 г. на новые принципы хозяйствования перешло 41 тыс. промышленных предприятий из имевшихся 49 тыс.⁶⁷ В легкой промышленности в 1969 г. по новой системе работало 70% предприятий⁶⁸. В 1970 г. отдельной отчетности в Минлегпроме СССР по предприятиям, переведенным на новую систему планирования и экономического стимулирования, не было составлено – все предприятия перешли на новые условия работы.

Материалы заседаний коллегии Минлегпрома СССР и годовые отчеты министерства позволяют заключить, основные положения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. выполнены не были. Основным показателем эффективности производства оставалось выполнение государственного плана. Число плановых показателей, утверждаемых вышестоящими учреждениями, не сократилось. Роль перспективных планов не увеличилась – на заседаниях коллегии Минлегпрома СССР постоянно обсуждались годовые планы, а упоминания о пятилетнем плане развития промышленности в повседневной работе министерства вообще были редки. Прямые связи между предприятиями и сбытовыми организациями не были установлены – предоставление промышленным предприятиям заказов торговых организаций курировалось Министерством торговли СССР⁶⁹. Несмотря на некоторые изменения в системе ценообразования, цены по-прежнему оставались негибкими, не учитывали дефицитность продукции и не были увязаны с планом. В этих условиях создание фондов материального поощрения не вело к изменению традиционных взаимоотношений в системе управления народным хозяйством. Базовыми принципами по-прежнему были приоритет государственных интересов и полная подчиненность предприятий вышестоящим учреждениям.

Анализ процесса проведения экономической реформы А. Н. Косыгина позволяет сделать следующие выводы. Первоначальная административная активность на всех уровнях уже к концу 1966 г. заметно снизилась. Основной причиной уменьшения энтузиазма в правительстве послужило сокращение поступлений в государственный бюджет. Если первая группа переведенных предприятий, приняв дополнительные производственные задания, смогла нарастить и собственные фонды, и выплаты в бюджет, то остальные предприятия, несмотря на образование поощрительных фондов, не смогли показать такой же результат. Напротив, фонды материального стимулирования нерентабельных предприятий создавали дефицит государственного бюджета. Главной задачей Межведомственной комиссии по вопросам перевода предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования стал расчет нормативов отчислений в фонды материального стимулирования. За этими расчетами были забыты основные идеи реформы. Внедрение рыночных механизмов должно было бы привести к закрытию нерентабельных предприятий, но руководство СССР не могло допустить неизбежного в этом случае падения уровня жизни населения. Материалы архивов ЦК КПСС свидетельствуют о том, что общественным настроениям, особенно случаям забастовок на предприятиях уделялось самое пристальное внимание⁷⁰. Еще свежи были воспоминания о событиях в Новочеркасске 1962 г. Партия и правительство различными способами стремились повысить лояльность населения – проявляли заботу об увеличении производства товаров массового спроса,⁷¹ в 1965 – 1966 гг. было введено 14 новых праздников, среди них – день работника легкой промышленности⁷². «Пражская весна» 1968 г. лишь убедила верхи в том, что политическая ситуация нестабильна. Руководство СССР не смогло отказаться от мобилизационной модели экономики в условиях внешнеполитической напряженности⁷³ и недостаточной внутренней стабильности. По «мобилизационной» схеме продолжали, соответственно, работать и министерства, постоянно испытывающие давление сверху и вынужденные требовать от предприятий

скорейшего выполнения планов, несмотря на трудности с материально-техническим обеспечением, кадрами. Реформа 1965 г. имела весьма кратковременный успех, она не была последовательно поддержана на высшем уровне управления и не могла быть проведена на нижних уровнях. Преобразование мобилизационной модели экономики было чревато социальными потрясениями. Брежневское руководство предпочло отказаться от реформ.

Примечания

- ¹ Экономисты о новой хозяйственной реформе. // Наука и жизнь. № 9. 1966; Реформа в действии. М., 1968; Реформа и жизнь. М., 1969; Хозяйственная реформа и вопросы повышения эффективности общественного производства. М., 1968; Хозяйственная реформа. Опыт, перспективы. М., 1968; Рубан Г. С. Хозяйственная реформа и производственные объединения в легкой промышленности. Киев, 1969.
- ² Лисицына Л. Н. Из истории подготовки экономической реформы 1965 г. // История СССР. 1971. №2; Бейлина Е. Э. Промышленность СССР в годы восьмой пятилетки (1966 – 1970 гг.) // История СССР. 1972. № 2.
- ³ Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности производства. М., 1970.
- ⁴ Воробьев Ю. Ф. К исследованию опыта реформы 1965 г. // Вопросы истории развития хозяйственного механизма в СССР. М., 1988; Сенинский А. С. Хозяйственная реформа 1965 г.: причины, содержание, реализация, исторические уроки. // Реформы второй половины XVIII–XX вв.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989; Ясин Е. Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М., 1989; Веденеев Ю. А. Организационные реформы государственного управления промышленностью. М., 1990.
- ⁵ Ситнин В. К. События и люди. Записки финансиста. М., 1993. С. 55. С 1963 г. В. К. Ситнин занимал должность первого заместителя Министра финансов СССР, с августа 1965 г. был председателем Государственного комитета цен при Госплане СССР.
- ⁶ Лисицына Л. Н. Из истории подготовки экономической реформы 1965 г. // История СССР. № 2. 1971. С. 4.
- ⁷ Павлов Д. В. Стойкость. М., 1983. С. 271.
- ⁸ Например, А. Н. Косыгин в докладе на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1965 г. сообщал, что недавние преобразования системы управления народным хозяйством привели к ее дезорганизации, в результате чего нарушились пропорции между отраслями, производственные планы не выполняются, производительность труда невысока и т. д. См.: А. Н. Косыгин. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 сентября 1965 г. М., 1965.
- ⁹ Бирман И. Я. – экономист (о себе любимом). Новосибирск, 1996. С. 287–288, 291.
- ¹⁰ По свидетельству В. К. Ситнина, А. В. Коробов в 1965 г. ведал сводными отделами текущего и перспективного планирования Госплана СССР, он был «душой проекта реформы». См.: Ситнин В. К. События и люди. Записки финансиста. М., 1993. С. 24.
- ¹¹ Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 111.
- ¹² Сборник постановлений правительства СССР. 1965 г. № 19–20. Ст. 153.
- ¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 39. Ст. 558.
- ¹⁴ Действовавшие оптовые цены устарели и во многих случаях не соответствовали затратам на производство.
- ¹⁵ Заседания Верховного Совета СССР. Созыв 6. Сессия 5. Стенографический отчет. М., 1965. С. 50–52.
- ¹⁶ Согласно различным оценкам, СССР только с 1960 по 1987 год потратил на военные нужды около 4,6 трлн долл., или от 157 до 308 % валового национального продукта, что в 3,5–4 раза превышало аналогичную долю для США и почти в 40 раз – для Японии. См.: Иноземцев В. Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000. С. 236.
- ¹⁷ Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 103–104.
- ¹⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Госплан СССР. Фонд 4372. Опись 66. Единица хранения 714. Л. 1, 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 11, 14.
- ²⁰ Там же. Л. 18.
- ²¹ РГАЭ. Госплан СССР. Ф. 4372. Оп. 66. Ед. хр. 714. Л. 24.
- ²² СП СССР. 1966. № 3. Ст. 28.
- ²³ Воробьев Ю. Ф. К исследованию опыта реформы 1965 г. // Вопросы истории развития хозяйственного механизма в СССР. М., 1988. С. 241.
- ²⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1966 г. № 52 «О дальнейшем развитии социалистического соревнования в связи с перестройкой управления промышленностью». // СП СССР. 1966 г. № 3. Ст. 27.
- ²⁵ РГАЭ. Госплан СССР. Ф. 4372. Оп. 66. Ед. хр. 714. Л. 5.
- ²⁶ Постановление Совета Министров СССР от 14 марта 1966 г. № 197 «О плане организационных мероприятий по переводу промышленности на новую систему планирования и экономического стимулирования» // СП СССР. 1966. № 6. Ст. 62.
- ²⁷ Постановление Совета Министров СССР от 13 мая 1966 г. № 359 «О переводе во II квартале 1966 г. второй группы промышленных предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования промышленного производства» // СП СССР. 1966. № 9. Ст. 94.

- ²⁸ Постановление Совета Министров СССР от 12 декабря 1966 г. № 937 «О переводе в виде опыта отдельных управлений, контор и баз материально-технического снабжения системы Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению на новую систему планирования и экономического стимулирования» // СП СССР. 1966. № 25. Ст. 222; Постановление Совета Министров СССР от 17 декабря 1966 г. № 948 «О переводе в виде опыта отдельных предприятий и организаций жилищно-коммунального хозяйства на новую систему планирования и экономического стимулирования» // СП СССР. 1966. № 25. Ст. 225.
- ²⁹ Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности... С. 19–21.
- ³⁰ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2.
- ³¹ Орехово-Зуевский хлопчатобумажный комбинат, Павлово-Посадский камвольный комбинат, Купавнинская тонкосуконная фабрика, Коссинская трикотажная фабрика, Трикотажная фабрика им. Шляпочников и производственное объединение «Большевичка».
- ³² МЛП СССР. Ф. 467, оп. 1, ед. хр. 95. Л. 70–93.
- ³³ Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства. С. 19–21.
- ³⁴ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 18.
- ³⁵ Общее число предприятий легкой промышленности в 1966 г. – 3271. Согласно данным сводного отчета по отрасли, прибыль 1966 г. составила 3758459 тыс. руб. Прибыль, принесенная предприятиями, переведенными на новую систему планирования и экономического стимулирования, составила 283782 тыс. руб. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 74, 76; Ед. хр. 195. Л. 21.
- ³⁶ Отчисления в бюджет по отрасли составили в 1966 г. 3096574 тыс. руб. – МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 76; Ед. хр. 195. Л. 5.
- ³⁷ МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 70–93.
- ³⁸ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 76–78.
- ³⁹ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 30–34.
- ⁴⁰ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 24–38.
- ⁴¹ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 2.
- ⁴² РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 332. Л. 16–17.
- ⁴³ Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 113.
- ⁴⁴ СП СССР. 1967 г. № 2–3. Ст. 9.
- ⁴⁵ Народное хозяйство СССР в 1967 г. М., 1968. С. 186.
- ⁴⁶ В 1967 г. по новой системе работали 1246 предприятий, при общем количестве предприятий легкой промышленности 3130 – МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 16; Ед. хр. 414. Л. 59.
- ⁴⁷ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 567. Л. 153.
- ⁴⁸ Прибыль предприятий, переведенных на новую систему, в 1967 г. составила 3166420 тыс. руб., отчисления в бюджет – 2325093 тыс. руб. Общая прибыль по отрасли – 4810181 тыс. руб., отчисления в бюджет – 3648364 тыс. руб. – МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 5, 21; Ед. хр. 414. Л. 86, 87.
- ⁴⁹ Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства. С. 31.
- ⁵⁰ Об этом писал, например, Н. Е. Дрогичинский – начальник отдела по внедрению новых методов планирования и экономического стимулирования Госплана СССР. – Хозяйственная реформа. Опыт, перспективы. М., 1968. С. 27–28.
- ⁵¹ Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства. С. 40.
- ⁵² СП СССР. 1967 г. № 1. Ст. 1.
- ⁵³ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 567. Л. 92–102.
- ⁵⁴ Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 114.
- ⁵⁵ РГАЭ. Госплан СССР. Ф. 4372. Оп. 66. Ед. хр. 2288. Л. 69.
- ⁵⁶ РГАНИ. Отделы ЦК КПСС. Ф. 5. Оп. 59. Ед. хр. 139. Л. 5–59.
- ⁵⁷ Всесоюзное экономическое совещание было проведено в мае 1968 г. Накануне прошли республиканские и зональные совещания с участием специалистов плановых органов, министерств, предприятий, научных учреждений, представителей партийных и профсоюзных организаций – всего более 5 тыс. человек. На страницах центральных и местных газет были опубликованы сотни статей. По итогам были приняты рекомендации по совершенствованию планирования и улучшению экономической работы в народном хозяйстве. См.: Совершенствование планирования и улучшение экономической работы в народном хозяйстве (Материалы Всесоюзного экономического совещания). М., 1969; Бейлина Е. Э. Экономическая политика партии... С. 75–76.
- ⁵⁸ РГАНИ. Отделы ЦК КПСС. Ф. 5. Оп. 59. Ед. хр. 139. Л. 60–67.
- ⁵⁹ Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 114.
- ⁶⁰ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 414. Л. 1–3.
- ⁶¹ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 31; Ед. хр. 191. Л. 39; Ед. хр. 414. Л. 59; Ед. хр. 641. Л. 58.
- ⁶² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». СП СССР. 1965. № 19–20. Ст. 153.
- ⁶³ СП СССР. 1968. № 19. Ст. 135.
- ⁶⁴ РГАЭ. Госплан СССР. Ф. 4372. Оп. 66. Ед. хр. 3017. Л. 1–2; ед. хр. 3777. Л. 1–2.
- ⁶⁵ РГАЭ. Госплан СССР. Ф. 4372. Оп. 66. Ед. хр. 3017. Л. 53–56.

⁶⁶ Либерман Е. Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства. С. 19–21.

⁶⁷ Бейлина Е. Э. Экономическая политика партии и ее осуществление в промышленности СССР в условиях развитого социализма. М., 1980. С. 81.

⁶⁸ РГАЭ. МЛП СССР. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 993. Л. 164.

⁶⁹ Положение о Министерстве торговли СССР // СП СССР. 1968. № 14. Ст. 92.

⁷⁰ Например, на 7-часовую забастовку 48 работниц Джезказганской трикотажной фабрики Карагандинской области 3 июля 1967 г. обратил внимание не только местный обком партии, сразу же отправивший записку в Отдел легкой и пищевой промышленности ЦК КПСС, но и КГБ. См.: РГАНИ. Отделы ЦК КПСС. Ф. 5. Оп. 59. Ед. хр. 142. Л. 23, 24.

⁷¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 декабря 1966 г. № 979 «О максимальном использовании имеющихся резервов и местных возможностей для увеличения производства товаров народного потребления» // СП СССР. 1966 г. № 2–3. Ст. 7.

⁷² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975 гг. Т. 3. С. 55–62.

⁷³ С 1965 г. СССР оказывал поддержку Северному Вьетнаму в борьбе против Южного Вьетнама, в августе 1968 г. советские войска были введены в ЧСР, в марте 1969 г. произошли вооруженные столкновения с КНР в районе о. Даманский и на других участках советско-китайской границы. См.: Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007. С. 510–569; Погоза С. Л., Ачкасов Н. Б. Засекреченные войны. 1950–2000. М.; СПб., 2007. С. 212, 280, 308; Gordon H. Chang. Friends and enemies. The United States, China and the Soviet Union, 1948–1972. Stanford; California, 1990.

Кравцова Е. С.

НАЛОГОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление России в Первую мировую войну подтолкнуло правительство к проведению целого ряда мер в фискальной сфере. Большая их часть сводилась к банальному увеличению налоговой шкалы и привлечению новых объектов обложения под существовавшие сборы. Однако можно выделить и два новых налога, введенных в военное время, которые имели подоходный характер. Первый – военный – носил временный характер. Второй – подоходный, являлся камнем преткновения в обществе с начала XIX столетия.

«Из всех проектов, какие были сделаны за последние месяцы, намечены три решенных вопроса о перестройке русского бюджета: 1. замена винной монополии рядом других фискальных монополий, которые смогли бы до известной степени возместить материальный ущерб от прекратившей действовать питейной монополии; 2. механическая надбавка ко всем существующим налогам и пошлинам с таким расчетом, что от них может получиться сумма в 500 – 600 млн. руб.; 3. коренные преобразования всей финансовой системы с введением новых, отсутствующих доселе звеньев обложения: именно, подоходного, поимущественного налогов, налога на прирост ценностей, с усилением обложения наследств»¹. Касательно новых монополий (табачная, сахарная, нефтяная, спичечная): в случае их введения можно было бы рассчитывать на 30,0–50,0 млн руб. от каждой в лучшем случае. Надбавки к налогам, распространенным в России, т. е. реального характера, применять было бы очень не желательно, поскольку они нарушат равномерность обложения. И опыт с механизмами надбавок в бюджете 1915 г. можно «признать весьма неудачным».

Но и эти проблемы не подвигли правительство решиться на переход к подоходному обложению, а привели к принятию усеченного и малоодоходного военного налога и еще одной механической прибавке к окладам, к которым были прибавлены новые объекты: кинематограф, театры, цирки и т. д.

О новых налогах подоходного характера, как отмечает М. Соболев, мечтали уже не только малоимущие слои населения, но и «сами имущие классы вследствие своей грубости и несовершенства приема обложения, благодаря которому они ложатся весьма не равномерно на плательщиков». «До сих пор Россия ограничивала обложение имущих классов при посредничестве реальных налогов. Однозначно, эти налоги отвечали только первую стадию капиталистического хозяйства. Эти налоги социально отсутствуют и не способствуют многочисленным категориям доходов и имуществ. Они очень не подвижны, и потому не в состоянии следовать за быстроменяющимися хозяйственными отношениями, в них отсутствует эластичность, которая столь важна в строении финансов. Новые налоги – подоходный и поимущественный – как раз имеют ту эластичность, благодаря которой они могут приспособиться ко всем изменениям экономической жизни»². А руководящую роль в деле сбора новых налогов будут играть казенные палаты и податные инспекторы, прекрасно зарекомендовавшие себя в фискальном деле.

В общем, это понимали и в министерстве, и в правительстве. «Отсюда следует задача: внести в нашу налоговую систему такие изменения, которые, содействуя проведенным началам уравнительности и равномерности в распределении налогового бремени, между отдельными частями населения, позволял бы найти без допущения налогового бремени прочное и устойчивое питание обыкновенных доходов бюджета, вызванного отказом от питейного дохода»³, «главным орудием для доставления наивысших

финансовых результатов от предпринимаемых начинаний по преобразованию налоговой системы на основах справедливости и уравнительности обложения, необходимо будет искать в установленных некоторых новых, доселе несуществующих у нас налогов, которые, обеспечив усиление доходных поступлений казны, частью, в то же время, будучи возлагаемы преимущественно на более состоятельных плательщиков, могли бы содействовать достаточно большей равномерности в распределении налоговых тягостей⁴. В качестве такой меры предлагалось ввести подоходный налог, к которому зачислялись бы и государственный квартирный налог, и налог на личные промысловые занятия, а примерный финансовый результат должен составлять 70,0–75,0 млн руб.

При обсуждении проекта налога большие споры вызвал вопрос системы обложения, поскольку в финансовой практике использовалось два подхода: прусская система обложения дохода целиком; и английская (шедюлярная) – форма обложения доходов по одним источникам.

Говоря о втором подходе, можно отметить следующие плюсы: 1. налоги настигают доход у источника; 2. дифференцируются ставки на фундированные и не фундированные доходы; 3. установленные общинные надбавки к частям государственного подоходного налога падают на недвижимость или предприятия, собственники которых не живут в данной общине; 4. облегчает функции фискальных органов, от которых не требуются «инквизиционные» приемы при проведении деклараций, которыми пугают французские и английские финансисты и законники. Но при этом был и ряд недостатков: «обложение по необходимости для оставления пропорциональности; большее отягощение менее состоятельных плательщиков; препятствие в увеличении ставок обложения; облегчение переложения и амортизации налога»⁵.

«Для России более выгодна прусская система, т. к. возможное проведение последовательной прогрессии, взимаемой у источника, не предоставляет значительных выгод в стране как Россия, со слабо развитым кредитом, а дифференцированные ставки могут быть только при этой системе: в декларации доходы показаны по источникам, и возможно обложить весь доход целиком, подвергает его фундированным элементом дополнительной ставки»⁶.

Ставки налога должны устанавливаться в зависимости от общественно-политических и экономических условий внутри страны. Обладатель состояния в России стоит в социально-экономическом отношении неизменно выше, чем обладатель такого же состояния в Англии.

Идея введения налога была встречена в обществе положительно. «Подоходный налог должен быть введен как постоянный член податной системы. На него следует смотреть как на первый шаг на пути реформирования наших государственных финансов»⁷. Более радикально настроенная его часть говорила о необходимости и дальнейших преобразований «Мы считаем, что за введением подоходного налога должно последовать введение поимущественного налога. Удержание налога на денежный капитал было бы желательно – вследствие чего все эти принципы – подоходного, поимущественного и реального обложения – в настоящей податной системе будут совмещаться и координироваться»⁸.

И, наконец, 6 апреля 1916 г. был Высочайше утвержден и одобрен Закон о подоходном налоге. «Введением подоходного налога царское правительство признало то, что отрицало многократно: война не препятствует финансовым ... реформам. Наоборот, в период национального подъема преодолевается рутинная и преодолевается сопротивление консервативной части общества...»⁹, но сразу подчеркнем, в России эта реформа была принята слишком поздно, хотя в Минфине по ее поводу писали так: «Исходя из стремления осуществить предложения (о повышении государственных доходов), и признавая справедливым и необходимым возложить новое, вызванное военными обстоятельствами, податное бремя, по возможности на все платежеспособное население, Министерство финансов вскоре после возникновения военных событий, стало на путь увеличения целого ряда существовавших налогов и введения некоторых новых видов обложения»¹⁰.

Современник налога Б. Имшеницкий иронизировал по этому поводу: «Сколько шуму, сколько надежды кружилось вокруг этой реформы и, наконец, в заседаниях Государственной Думы она вытащилась из под спуда архива Таврического дворца, предстала во всем своем жалком опичанном одеянии. Но беднее всего то, что обрадованные новшеством, никто из депутатов и не подметил ее ничтожества: с левой стороны законопроект приветствовали с глубоким поклоном как спасительницу нашего бюджета, а с другой стороны – отстраняясь, как от чумы, и всячески поносили. Разгорелись партийные страсти, как около чего-то важного, большого. Представляя законопроект этой реформы своим товарищам – депутатам, один из докладчиков Постников, смакуя его, как хорошее вино, поведал присутствующим членам Государственной Думы, что законопроект уже 8 лет кис в подвалах думских комиссий и извлекали его оттуда лишь исключительно по бюджетным соображениям. Другой докладчик – Кринский – похваливая его, торжественно заявил, что в эту налоговую реформу «внесено все лучшее, что дала финансовая наука, и опыт государств, где он уже действует многие годы». Вслед за этим неслыханная шумиха поднялась около этого лелеянного законопроекта, одобрили его большинством голосов, отправили на смотрины в Государственный Совет и успокоились, уверенные, что совершили великое дело и спасли Россию. Но для спасения России нужно было 12 млрд руб. в год, а весь законопроект по заявлениям министерства финансов мог дать всего 50–60 млн руб., и в лучшем случае 70 млн руб.»¹¹

Верхушкой общества, которая на протяжении века отстранялась от налога, тоже говорили дифирамбы по поводу него. Министр финансов П. Барк в докладе Николаю II писал: «Установление общеподоходного налога, положенного ныне в основу налоговой системы большинства государств, в некоторых из которых оно является приобретением лишь недавнего времени, составляет одно из знамена-

тельных событий царствования Вашего Императорского Величества в области устройства российского государственного хозяйства с прочной и надежной основой дальнейшего преобразования нашего податного дела»¹².

Итак, несколько слов о самом законе. Предметом обложения этим налогом служил доход в течение года, предшествующего окладному, в какой бы форме он не получался, от всякого рода источников. Минимальная ставка подоходного налога вначале взималась с дохода в 850 руб. в год. Налогообложение было дифференцированным и прогрессивным. В 1916 г. его потолок был установлен в 12,5 %. Взимание налога должно было начинаться с 1917 г., считая доходы налогоплательщиков, соответственно за 1916 г., однако «текущие доходы имущих классов фактически не были затронуты налоговыми изъятиями». Основанием для определения получаемого дохода является заявление, подаваемое плательщиком до 1 марта ежегодно, начиная с 1917 г.

В заявлениях о доходах, заполняемых налогоплательщиками, содержался перечень источников, подлежащих обложению. Среди них были: от денежных капиталов; от недвижимой собственности; от всякого рода торговых, промышленных и иных приносящих выгоду предприятий; от вознаграждений за службу (государственную, частную, общественную); содержание, квартирное и иное довольствие, пенсии, пособия; от профессиональных, личных, промысловых и иных занятий, не связанных с ведением за свой счет сельского хозяйства или содержанием торговых или промышленных предприятий; от всякого рода других источников.

Из указанных доходов подлежали вычеты по: платежам по долгам; обязательным повременным уплатам; обязательным для плательщика взносам (например, в больничные, похоронные кассы); пожертвованиям; добровольно производимым взносам по страхованию капиталов и доходов; окладам налогов, сборов, податей¹³.

В оклад подоходного налога подлежали зачету оклады основного промыслового налога на личные промысловые занятия и государственного квартирного налога.

От введенного сбора ожидалось поступления в государственный бюджет в размере 130 млн руб., но это оказалась сильно преувеличенная сумма.

Налог охватывал большую часть общества. Как писали в «Земледельческой газете», «...облагаются все виды дохода, следовательно, и доходы от земли. Ввиду того, что обложение начинается с чистого дохода в 850 руб., оно затронет не только крупных землевладельцев, но и многочисленных крестьян и других мелких и средних землевладельцев»¹⁴.

В поэтапном руководстве к действиям налогоплательщиков в преамбуле, подготовленной А. А. Лисянским, говорилось: «Если государство может существовать и развиваться только путем требования материальных жертв от граждан, то интересы государства и соображения справедливости требуют, чтобы эти жертвы приносились всеми, для которых они не несут разорения, и чтобы по возможности были обложено все сообразно их достатку и платежеспособности»¹⁵.

Для облегчения подготовки декларации издавались специальные пошаговые инструкции. Безусловно, составление деклараций было делом довольно сложным, и сразу грамотно заполнить этот документ для налогоплательщика делом не простым. Ведь необходимо было разобраться, что подвергается обложению, что исключается и др., при этом не будем забывать, что большая часть плательщиков были полуграмотные крестьяне.

Эти «декларации» должны были подаваться в участковые присутствия. Они проверялись, путем получения сведений от учреждений, должностных лиц и лично председателя Присутствия, т. е. податного инспектора.

Например, в Рыльское (Курской губернии) по подоходному налогу присутствие о сумме получаемого работниками предприятий и учреждений сообщали и городская торговая школа, и Теткинская торгово-телеграфная контора, и Теткинская мельница М. И. Терентьева и т. д.¹⁶

Кроме того, Департамент общих дел в ноябре 1916 г. «на правительственные учреждения возложил обязанности ежегодно к 7 января образовывать списки лиц, получающих от них жалование, пенсии и всякого рода вознаграждения», кроме того, «доставлять председателю местного участкового присутствия сведения, сообщенные им квартирохозяевами по каждому домовладению отдельно».

При этом Минфин признал, что в первый год введения налога можно не требовать от работодателя сведений о рабочих, чья заработная плата ниже 500 руб., но это распоряжение должно касаться только рабочих, занятых физическим, но не служит другим категориям (чиновники, управляющие имениями, контор – для них подача сведений обязательна)¹⁷.

В случае если поданные данные поставлены под сомнение комиссией, то об этом должно быть сообщено плательщику в течение 4 месяцев, который, в свою очередь, на продолжении 2 недель должен доказать заявленную сумму. Конечно, чтобы не было таких неурядиц, необходимо, чтобы податной инспектор сам располагал достаточным материалом о доходах плательщика.

Групп плательщиков налога было достаточно много, и включены в них были и мужчины и женщины: землевладельцы, владельцы недвижимых имуществ в городах и уездах, арендаторы земли и недвижимости, владельцы торгово-промышленных предприятий, лица, имеющие личные промысловые занятия, занимающиеся личным трудом и состоящие на различных видах службы, состоятельные крестьяне, имеющие доход от денежного капитала, пенсионеры, железнодорожные служащие, различные общества, товарищества и др., церкви и монастыри, разработчики дерева в чужих лесах. Однако император и его наследник от уплаты налога освобождались.

К взиманию налога финансовые органы относились очень строго. В случае если плательщик не подал вовремя заявление о доходах, ему высылались напоминание, в котором говорилось: «Не получив от Вас в срок ... заявление о доходе, ... прошу предоставить такое в участковое присутствие в течение 2 недель со дня получения настоящего напоминания или в течение этого срока сделать заявление устно. Вместе с тем предупреждаю Вас, что за неподачу заявления в установленный срок, Вы подлежите взысканию в размере до 200 руб., если же Вами не будет подано заявление в указанный двухнедельный срок по получению настоящего напоминания, то ... на Вас будет наложено еще особое взыскание до 300 руб.»¹⁸

Взимание нового налога привело к возникновению массы вопросов в представительствах финансового ведомства на местах. Так, управляющий Пензенской казенной палатой в письме к Директору Департамента окладными сборами писал: «на съезде податных инспекторов Пензенской губернии об исчислении облагаемого государственным подоходным налогом дохода от сельского хозяйства было высказано несколько точек зрения: обложение доходов от сельского хозяйства следует причислять весь урожай хлебов и трав в предшествующем окладному году; к обложению доходов должна быть отнесена стоимость продуктов, потребленных владельцем имения его семьей и домохозяевами и продукты, проданные в течении окладного года, а стоимость хлеба урожая того года не проданного, при определении дохода от сельского хозяйства не должно приниматься во внимание».

Также Департамент окладных сборов циркулярно разъяснял вопрос, пришедший из Черниговской казенной палаты: «Что делать, когда владельцы торгово-промышленных предприятий, с целью уклонения от обложения подоходным налогом будут выбирать промысловые свидетельства каждый год на имя различных членов семьи?»: «при исчислении сего налога податные органы не могут быть снесены таким общим правилом, применяющимся в промысловом обложении, согласно которому владельцем предприятия является то лицо, на имя которого выбрано промысловое свидетельство. Правило это соответствует сущности промыслового налога, как налога реального, приуроченного к обложению самого предприятия, независимого от личности действительного его владельца. Между тем подоходный налог, как налог личный, имеет предметом обложения совокупность дохода от различного рода источников, получаемых владельцем. Таким образом, при подоходном обложении весьма важно установить действительного, а не фиктивного владельца предприятия. И только в тех случаях, когда выборка промыслового свидетельства тем или иным лицом и учреждений вызывают сомнения в действительной принадлежности ему данного предприятия, присутствия по подоходному налогу не только в праве, но и обязано принять все меры к выяснению действительного владельца предприятия»¹⁹.

С введением подоходного налога для податных инспекторов началась кропотливая работа по сбору материалов, которые бы служили основанием для обложения налогом. В январе месяце 1917 г. все инспекторы сообщали в Казенную палату свои соображения об источниках дохода, дающих в год не менее 850 руб. Этим источником называлась земельная собственность.

Интересны факты, обнаруженные фискальными агентами Курской губернии, т.к. они касались не только прибыли, но по ним можно судить и о плодородности почвы, и об условиях ее эксплуатации, и преобладании в выращивании той или иной сельскохозяйственной культуры. Нужно отметить, что податные инспектора Новооскольского, Рыльского, Белгородского уездов очень подробно остановились на этой проблеме, указав и плодородность почвы по частям уезда и величину арендной платы, в случае сдачи земли внаем. Новооскольский инспектор отмечал, что количество десятин различно «в зависимости от принадлежности ее к категории владельческой или надельной, от условий эксплуатации, а также от характера угодий»²⁰.

На основании этих данных в Курской казенной палате была произведена разбивка уездов на 3 района по получаемому доходу с земли, величина которого менее 850 руб. Для первой группы, для получения дохода более 850 руб. в год, необходимо было иметь в собственности земли более 35 дес., для второй – более 30 дес., для третьей – более 20. К первому району относились уезды: Фатежский, Курский, Обоянский, Львовский, северные части Путивльского и Рыльского; ко второму: Щигровский, Тимский, Старооскольский, Новооскольский, Корочанский, Белгородский; к третьему – Грайворонский, Суджанский, южные части Путивльского и Рыльского уездов.

На 1917 г. в государственный бюджет было запланировано поступление 566,1 млн. руб. прямых налогов, более чем в 1916 г. на 206,4 млн. руб. Это увеличение, по мнению министра финансов П. Барка, произошло за счет введения подоходного налога²¹, что на наш взгляд было сильно преувеличенным заявлением, поскольку результаты сбора 1916 г. показали несостоятельность этого нового налога в условиях устаревшей налоговой системы.

«При современном положении вещей, мероприятия финансового ведомства по существу дела должны представлять собой творческую работу экономического характера, касающегося самой системы существующих государственных налогов. Одним интенсивным нажатием податного прессы финансовое ведомство может ограничиться в том случае, если оно имеет в своем распоряжении такой совершенный податный аппарат, как умеренно-прогрессивный подоходный налог, представляющий из себя наилучшую форму прямого обложения. Затем эта мера может дать такие благоприятные результаты, когда в системе государственных налогов видное по сумме место занимают прямые налоги, падающие на сильную платежную группу населения. Наконец, в худшем случае, возможно, это по отношению к налогам косвенным, но лишь при одном непереносимом условии, чтобы увеличение ставок косвенных налогов не касалось предметов первой необходимости, т. к. названные налоги, взимаемые далеко не

в соответствии с налогоспособностями плательщиков и ложившемся тяжелым бременем не на доходность сильных плательщиков, а на расходы малоимущего населения, на которых бедствия войны и без того отражаются наиболее интенсивно».

Необходимость дальнейшего реформирования фискальной составляющей видели справа: «В этой войне конкурируют богатые государства с огромными капиталами, с могучими средствами обложения: Англия, Франция, Германия, – наша же страна бедная и убогая, со слабой промышленностью, с чрезвычайно слаборазвитой налоговой системой, с огромными материальными ресурсами, поэтому покрытие военных расходов для нее много труднее, чем какой-либо другой стране»; (в связи с введением винной монополии государство лишилось 800 млн руб. в год) «пытались эту дуру заткнуть разными способами: повысили налог на капитал, промыслы, косвенные налоги, увеличена была провозная плата, пассажирский тариф, введен был налог на хлопок и проч. И только в начале третьего года войны новые налоги эту пустоту заполнили, мы подошли к тому моменту, когда для возникающих военных расходов никаких налоговых источников не оказалось. Правда, были проведены новые налоги, как-то подоходный, но все эти налоги будущего, для покрытия роста обыкновенного бюджета» (к 1917 г. подоходный налог становится главенствующим в Европе, его не было только в Бельгии и странах Балканского полуострова), при этом А. И. Шингарев отмечал: «Колоссальные расходы растут, а государственная казна пустеет. Налоги плохо платят».

Слева раздавались также лозунги, призывающие к реформированию. «В самом деле война ведется в интересах буржуазии, которая не перестает кричать о всевозможных жертвах на пользу Отечества, постоянно вспоминая Кузьму Минина, а между тем, не смотря на свои громадные доходы, полученные в следствие войны, налогов платить не желает. Правда, у нас во время войны увеличены в 1,5 раза прямые налоги, но они у нас приносят вообще так мало и организованы так несовершенно, что серьезного значения такой налоговой «реформе» придавать нельзя»²².

В 1917 г. из-за осложнений внутри страны, вызванных событиями Февраля 1917 г. процесс налогообложения еще более осложнился. Управляющий Таврической казенной палатой доносил в Департамент, что «в последнее время от некоторых податных инспекторов поступают сообщения, что среди крестьян Таврической губернии, появляются взгляды, что в связи с изменением политического строя России отпадают все прежние налоги, а в частности государственный подоходный налог. ... в некоторых волостях Таврической губернии крестьяне отказываются от подачи заявления по подоходному налогу Все мероприятия в этом направлении, предпринятые податными инспекторами на местах в виде проезда по участку в целях личного воздействия на население, а также в виде распространения плакатов о необходимости уплачивать налоги и подавать заявления по подоходному налогу не привели к окончательным положительным результатам»²³.

Схожие ситуации были во всей стране. В мае 1917 г. в курские присутствия по подоходному налогу было подано от плательщиков 87 % заявлений. К примеру, по трем участкам Курска было получено 4950, а ожидалось 6750, т. е. подали заявлений 73 %. По другим участкам показатели были выше, а по таким уездам, как Львовский, Суджанский, Щигровский, процентный показатель был выше 100 %, т. к. количество поданных данных было выше, чем ожидалось на 110, 32, 73, заявления соответственно. Более всего, кроме Курска с уездом (7,9 тыс. налогоплательщиков), плательщиков подоходного налога планировалось в Белгороде с уездом – 2,4 тыс., Рыльском уезде – 1,06, Суджанском – 1,04, Путивльском – 782. Менее всего плательщиков предполагалось в Щигровском – 551, Новооскольском – 530, Тимском – 423. Общее их число по Курской губернии на 1917 г., имевшей трехмиллионное население, равнялось всего 17424 человека²⁴. Количество же поданных заявлений – 15251, т. е. у 2 тыс. человек доходы были ниже установленных и в списки оказались внесены ошибочно, и от уплаты налога они были освобождены.

Величина оклада по подоходному налогу на Курскую губернию равнялась чуть более 5 млн руб., из них 26 % приходилось на г. Курск, в Белгородском уезде должны были собрать 1,5 млн руб., Рыльский и Старооскольский уезды должны были дать 378,5 тыс. руб. и 310,6 тыс. руб. соответственно. Менее всего были обложены три уезда губернии, так что общая сумма налога Тимского (82 тыс. руб.), Щигровского (62 тыс. руб.), Грайворонского (55 тыс. руб.) равнялась окладу Дмитриевского. Что бы хоть как-то увеличить поступление налога Временное правительство разрешило сберегательным кассам списывать соответствующие суммы подоходного и единовременного налога с лицевых счетов вкладчиков, правда, это касалось только тех, чьи доходы превышали 10 тыс. руб.

Из предполагаемой суммы налога для Курской губернии на 1 ноября 1917 г. поступило только 36 %, или 1,8 млн руб. В таких уездах, как Новооскольский, из 139 тыс. руб. заплатили налог 69%; в Старооскольском – 67,5 %; в Львовском из 261,5 тыс. руб. – 34%; 11,5 % суммы из предполагаемых 162,5 тыс. руб. внесли в Корочанском уезде, а в Суджанском заплатили налога менее 10 % из 237,5 тыс. руб.²⁵

Остальные деньги остались в недоимке, т. е. можно говорить о фактическом провале налогообложения по данному сбору в 1917 г., что объяснялось политической нестабильностью, трудностями военного времени, новизной налога, и это несмотря на то, что большая часть населения – крестьянство – поддерживала данный налог. К примеру, на собрании граждан Иванинской волости Львовского уезда было принято решение оказания поддержки правительства и всех его действий. Наряду с положениями о безвозмездной передаче земли народу, полной свободой и равноправием всех граждан было и «переложение главной тяжести налогов на имущество»²⁶.

В столичных губерниях также возникали сложности с выплатой налога, при этом и сокращается число плательщиков²⁷, да и те, которые остались зачастую подавали прошения о снятии налога ввиду их финансовой несостоятельности. К примеру, в Московское по подоходному налогу присутствие поступило такое заявление от И. В. Архарова, в котором он сообщал: «прибыль валовая от моего торгового дела была примерно 6000 руб. в 1917 г., и она далеко не покрывали моих расходов»²⁸.

С такими результатами Россию ожидал финансовый кризис. Еще в июле 1917 г. немецкая газета «Freie Presse» писала: «Финансы России находились в полном развале».

В обществе также активно призывали к переменам. Большевики вышли со своими предложениями, которые сводились к требованиям введения четырех налогов: «прогрессивно-подоходного, а добавочные к нему поимущественный, наследственный и налог на чрезвычайный прирост имущества», а, также отмены всех косвенных налогов, кроме предметов роскоши²⁹.

Все эти причины подтолкнули Временное правительство к преобразованиям фискальной системы. Была повышена ставка обложения с 12,5 % до 30,5 %. Для владельцев предприятий этот сбор вместе с военным налогом на прибыль составлял 90 %³⁰.

В дальнейшем произойдут некоторые изменения. Постановление Временного правительства от 12 июня 1917 г. вносило изменения в закон о подоходном налоге и о налоге на прирост прибылей и устанавливало на 1917 г. единовременный налог с дохода.

Из обложения исключались доходы, не превышающие 1 тыс. руб. Минимальная ставка 1 % устанавливалась для облагаемых доходов, не превышающих 1 тыс. руб., а доход, превышавший 400 тыс. руб., облагался в размере 120 тыс. руб., с прибавлением к этой сумме по 3050 руб. на каждые полные 10 тыс. руб. сверх 400 тыс. руб.

Впервые в нашей истории правительство приоритетным сделало обложение наиболее обеспеченной части общества. Если посмотреть на ставки по налогам, то можно отметить, что повышение было сделано для всех разрядов: для первых 14 – в 1,5 раза по сравнению с первоначальными ставками, а для последующих разрядов доходило до 2,5 раз³¹. По первоначальному закону отношение наименьшего процентного отношения к наибольшему составляло 1:17, стало – 1:27. Таким образом, прогрессия заменена главным образом за счет больших доходов и приобрела за счет этого более стройный вид³².

Ввиду сложностей в финансовой сфере налогоплательщикам вменялось обязательство внести в казначейство половину суммы не позднее 1 августа, не дожидаясь рассылки окладных листов. Для этого каждый должен сам вычислить сумму причитающегося с него налога, на основании показаний, сделанных им в декларации.

Кроме этого, только на 1917 г. устанавливался единовременный налог, исчисляющийся в том же размере что и подоходный, т. е. к платежу привлекались частные лица, общества, компании, товарищества, артели, если обложенный подоходным налогом годовой доход превышал 10 тыс. руб.

Если сумма единовременного налога вместе с суммами, государственных (поземельный, с городского недвижимого имущества, промыслового, подоходного налога, на прирост прибылей) и местных (земские, городские, волостные) налогов составляла выше 90 % от дохода, исчисленного для обложения подоходным налогом за 1917 г., то сумма единовременного налога уменьшается с таким расчетом, чтобы совокупное обложение налогами доходов плательщика всеми этими налогами не превышало 90 % его дохода. Контроль за этим возлагался на по подоходному налогу уездные присутствия.

«Если принимать во внимание наличие единовременного налога, то выводы о тяжелом обложении подоходным налогом первых разрядов доходов отпадает. Обложение налогом средних и высоких доходов было настолько высоким, что по сравнению с ним обложение низких доходов представляется терпимым»³³.

Кроме этого, были внесены изменения в закон от 13 мая 1916 г. по поводу налога на прирост прибылей. Для подотчетных предприятий, прибавка, на основании которой исчисляется прирост, установлена законом 13 мая 1916 г. более 8 % по отношению к основному капиталу. Новая норма снижена до 6 %. Ставки налога выросли значительно. Вместо прежних 20 % с прироста при доходе свыше 8 %, и 40 % при приросте выше 20 %, назначены: прирост свыше 6 % – налог в 40 %, а выше 20 % налог в 80 %.

В сентябре 1917 г. устанавливался налог с учреждений и частных лиц, получающих доход от 600 до 1000 руб. в год³⁴.

Современник писал: «Ставки подоходного налога, объявленные в июне месяце 1917 г. Временным Революционным Правительством, безусловно, лягут более справедливо на население, дадут и большие суммы поступления. Конечно, это нужно было сделать раньше, но без увеличения давления на производительные силы страны... Из дореволюционной налоговой системы не осталось ничего, что заслуживало бы внимания и подражания, наоборот, от нее нужно бежать от чумы, ибо, как доказано, она не укрепляет, а разрушает внутреннюю организацию страны»³⁵.

Буржуазия, безусловно, не хотела увеличения налогового бремени даже в условиях военного времени приближающейся революции тем самым сужала возможности финансового маневрирования правительства. В проекте докладной записки Комитета представителей акционерных коммерческих банков министру финансов А. Шингареву от 27 июня 1917 г. отмечалось: «Новые налоги падают как на всех граждан, так и на торгово-промышленные предприятия, причем уплата их грозит серьезным расстройством и даже гибелью многих предприятий, а равно тяжелым ударом экономическому достатку средних и имущих классов... Налоговые источники при нынешнем расстройстве административного аппарата на местах вряд ли дадут казне в скором времени неотложно ей нужные большие средства...»

Принятые ставки налогов сохранились до 1918 г. для всех территорий, включая и «местности, освобожденные от неприятеля, и местности, из которых были временно эвакуированы податные органы»³⁶.

Советская власть, также остро нуждающаяся в средствах, ужесточала средства борьбы с недобросовестными плательщиками. Например, в декрете Московского народного комиссара отмечалось: «Лица, не внесшие подоходный налог полностью к 20 декабря 1917 г. подлежат, кроме мер, указанных в законе, денежных взысканий, вплоть до конфискации всего имущества. Лица, умышленно задерживающие уплату налога, подлежат тюремному заключению до 5 лет»³⁷.

Советские финансовые ведомства полагали правильным сосредоточить особое внимание на косвенных налогах, поскольку «прямое обложение не может удовлетворять потребности государства в средствах вследствие сокращения, с увеличением процесса национализации предприятий, объектов прямого обложения»³⁸.

В июне 1918 г. на заседании комиссии финансовых съездов представителями Департамента окладных сборов было доложено, что «в сфере подоходного обложения ввиду острой необходимости в кратчайший срок, так или иначе, пополнить кассы государственного казначейства в текущем году спешно пересматриваются законы о подоходном и единовременном налогах и о налоге с прибылей в целях большего сообразования их с принципами советской власти, оставляя пока в стороне заботу коренного их переустройства, равно как и разработки поимущественного налога до более благоприятного времени. В частном законе о подоходном налоге предполагалось изменить в направлении сокращения допускаемых ими льгот обложения, расширения прав органов фиска в области контролирования деклараций о доходе и широкой публичной декларацией данных. Единовременный налог предполагалось взимать на прежней основе»³⁹, а в в положении о налоге на прирост прибылей предприятий и увеличения вознаграждения частных промысловых занятий, а также и о налоге на военную прибыль проектируется увеличить максимальный размер обложения дохода до 95 % всего дохода в отношении предприятий и 50 % в отношении вознаграждения частных лиц⁴⁰.

Несмотря на принятые меры, сбор налога проходил с такими же трудностями и еще большими недоимками. Например, по Курской губернии на 1 ноября 1918 г. со всех налогоплательщиков было собрано всего лишь 581 тыс. руб. или 11 %, при том, что сумма налога по губернии была увеличена на 140 тыс. руб. и стала составлять 5,2 млн руб. Это еще раз показывает неудачность налогообложения. Интересно отметить, что сумма налога с Белгородского уезда была выше, чем с Курского: 1458568 руб. против 1431882 руб.⁴¹

Налогоплательщики по-прежнему могли подавать жалобы о размере обложения в губернское по подоходному налогу присутствие, но при рассмотрении они очень редко удовлетворялись, и для этого было необходимо предъявить неопровержимые доказательства. Например, в 1918 г. такая жалоба на завышенный оклад поступила от купца I гильдии – Ю. З. Виленчика, который просил снизить определенный присутствием облагаемый доход в 53726 руб. до реального, получаемого в 1916 г. – 28790 руб. и подтверждает это торговыми книгами. Кроме того, на протяжении года он платил различные взносы, например, во Временный комитет по оказанию помощи семьям евреев запасных по Курской губернии, в Общество пособия бедным евреям, в Курскую еврейскую молельню, что было доказано квитанциями. Члены присутствия при участии эксперта рассмотрели жалобу и признали действительным тот доход, который указал Виленчик⁴². Подоходный налог продолжал взиматься и далее.

Таким образом, закон о введении подоходного налога при всех его сильных и слабых сторонах имел один огромный недостаток – слишком поздно он был принят и потому не успел сыграть существенной роли в оздоровлении государственных финансов. Средства, поступление которых было запланировано, так и не были собраны, поскольку их внесение намечались на середину 1917 г. Но к тому времени в России уже было новое правительство, призванное к власти Февральской революцией, которое и в свою очередь было смято Октябрем 1917 г.

Примечания

¹ Соболев М. Перестройка финансовой системы России в связи с введением подоходного налога и поимущественных налогов. С. 1–12 // Вопросы финансовой реформы в России. Т. 1. Вып. 1. М., 1915. С. 2.

² Там же. С. 6.

³ К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы. СПб., 1915. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Гензель П., Соколов А. Финансовая реформа в России. Вып. I. М., 1916. С. 5.

⁶ Твердохлебов В. О реформе прямых налогов в России // Вопросы финансовой реформы в России. Т. 1. Вып. 2. М., 1916. С. 53.

⁷ Соколов А. Подоходный налог // Вопросы финансовой реформы в России. Т. 1. Вып. 2. М., 1916. С. 18.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Буланже М. Из истории подоходного налога и налога на прибыль // Налоговый вестник. 1998. № 6. С. 147.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 73 об.

¹¹ Имшеницкий Б. Несостоятельность дореволюционной налоговой системы. Одна из причин угнетенного состояния трудящихся классов. Киев, 1917. С. 23–24.

¹² РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 119 об.

- ¹³ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 118. Л. 2–3 об.
- ¹⁴ Гелда Д. Подоходный налог с сельскохозяйственных предприятий // Земледельческая газета. 1917. 14 февр.
- ¹⁵ Лисянский А. А. Что должен знать каждый платательщик подоходного налога. Одесса, 1917. С. 4.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 181. Л. 1–20.
- ¹⁷ Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 51. Оп. 20. Д. 35. Л. 2.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 118. Л. 20.
- ¹⁹ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 148. Л. 35.
- ²⁰ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13325. Л. 2–22.
- ²¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 114.
- ²² Боголепов Д. Война и финансы. М., 1917. С. 15.
- ²³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 925. Л. 5.
- ²⁴ ГАКО. Д. 13326. Д. 7–11, 37–61.
- ²⁵ Там же. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 67. Л. 290.
- ²⁶ Там же. Д. 60. Л. 96.
- ²⁷ Центральный архив г. Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1.
- ²⁸ Там же. Д. 3а. Л. 3.
- ²⁹ Кузовков Д. В. Какие налоги должно установить Учредительное Собрание. М., 1917. С. 30.
- ³⁰ Коцонис Я. Поданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России его подтекст // Россия и Первая мировая война : Материалы международного науч. colloквиума. СПб., 1999. С. 475–476.
- ³¹ Новые законы. О повышении окладов подоходного налога, об установлении единовременных налога и других постановлений Временного правительства о подоходном налоге. Пг., 1917. С. 3–4.
- ³² Мероприятия Временного правительства в области налогов // Вопросы податного обложения. 1917. № 15–16. С. 11.
- ³³ Там же. С. 13.
- ³⁴ ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 12. Л. 88 об.
- ³⁵ Имшеницкий Б. Несостоятельность дореволюционной налоговой системы. С. 28.
- ³⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 592. Л. 11–15.
- ³⁷ ЦАГМ. Ф. 715. Оп. 5. Д. 2. Л. 5.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.
- ³⁹ Там же. Л. 4 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 5.
- ⁴¹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13460. Л. 28.
- ⁴² Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–10.

Побережников И. В.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Под мобилизацией понимается активизация и концентрирование внутренних сил индивида или социальной группы на выполнение определенного рода задач; направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических, военных и пр. задач¹.

Понятие мобилизации широко используется в модернизационном дискурсе, причем специалисты разных профилей (социологи, политологи, экономисты, психологи, историк) наделяют его различным содержанием. В широком смысле мобилизация (социальная) фактически отождествляется с социальной модернизацией, сопровождающей модернизацию экономическую. Так, по мнению К. Дёйча, социальная мобилизация означает «всеобщий процесс изменения, которое касается значительных групп населения в странах, движущихся от традиционного к современному образу жизни»². Это понятие, согласно К. Дёйчу, объединяет множество более частных изменений, таких как смена места жительства, занятий, социальных установок, коллективов, институтов, ролей, способов действия, опыта, ожиданий, наконец, личных воспоминаний, привычек и потребностей, включая потребность в новых моделях социализации и новых образцах персональной идентичности. Раздельно, еще больше в их кумулятивном воздействии, указанные сдвиги имеют тенденцию оказывать влияние на политическое поведение, а иногда даже способствовать его трансформации.

Дёйч подчеркивает, что концепт социальной мобилизации не просто заключает в одни скобки механический набор данных социальных изменений, но и предполагает их взаимосвязанность, совместное протекание в определенных исторических ситуациях и на конкретных стадиях модернизации. Так, например, такая форма социальной мобилизации как включение в рыночные отношения и товарно-денежную экономику (и, следовательно, отход от натурального сельского хозяйства и бартерной экономики) должна, по мнению ученого, сопровождаться существенным ростом частоты имперсональных контактов, интенсификацией воздействия средств массовой информации связи, изменением места жительства и т. д.

К. Дёйч делает экскурс в историю возникновения концепта социальная мобилизация. Первоначально понятие интуитивно воспринималось как историческое воспоминание или поэтический образ, который базировался на историческом опыте массового подъема во время французской революции в 1793 г. или германской «тотальной мобилизации» 1914–1918 гг., драматично описанной многими немецкими авторами, в частности, Э. Юнгером (эссе «Тотальная мобилизация» 1930 г., в частности)³. Относительно близкую концепцию в ряде своих трудов предложил К. Маннгейм для обозначения долгосрочного и широко-го процесса «фундаментальной демократизации». Все эти образы, как отмечает К. Дёйч, предполагают решительный разрыв со старыми обязательствами и традиционными способами жизни и перемещение в новые ситуации, где доминируют новые образцы поведения и новые обязательства.

Опираясь на выработанные образы, К. Дёйч пытается уточнить понятие социальной мобилизации, которую можно определить как процесс, в рамках которого «основные узлы прежних социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии или разрушаются и люди становятся подготовленными для новых образцов социализации и поведения»⁴.

Далее, ссылаясь на наблюдение Э. Шилза, К. Дёйч использует образы «мобилизации» и «фундаментальной демократизации» (в духе К. Маннгейма) для обозначения двух отличных стадий социальной модернизации: 1) отказа от традиционных установок, привычек, обязательств, или ломки («как солдаты отрываются от своих домов и семейств и мобилизуются в армию, в которой им предстоит служить»); 2) включения мобилизованных в относительно устойчивые новые модели группового членства, организаций, обязательств.

Понятие мобилизации используется также для объяснения возникновения и функционирования социальных движений. В данном случае акцент делается на мобилизацию ресурсов в пользу социального движения (преданные сторонники, лидерство, централизация власти, инкорпорированные организации, материальные ресурсы, идеология и т. д.). Сторонники данного подхода подчеркивают перспективность для движения включения в его ряды не разобщенных, атомизированных членов, а уже интегрированных в определенные организационные структуры (так, А. Обершалл отмечает, что «быстрая мобилизация невозможна, если организация создается из разобщенных и одиноких людей. Она возможна лишь в результате вовлечения объединений людей, которые уже хорошо организованы и готовы действовать сообща»)⁵.

Наконец, понятие мобилизации употребляется для обозначения процесса, в ходе которого широкие социальные слои объединяются государством, партиями, социальными движениями для достижения общественных целей (модернизации). При этом «система мобилизации» представляется как совокупность согласованных ценностей, институтов, групп, организованных для достижения социетальных целей (создание нации-государства, индустриализации, осуществления экономического рывка и т. д.)⁶.

Как можно заметить второе и третье определения связаны по смыслу, подразумевают определенное волевое вмешательство с целью ускорить процесс, придать ему размах, устойчивость, необратимость. Однако, между ними есть и отличие: второе определение применяется к менее масштабным процессам, третье обретает социетальный масштаб, масштаб общества в целом.

Вопрос о месте мобилизации в контексте модернизации до сих пор является дискуссионным. Впервые, в отечественной обществоведческой литературе определенной популярностью пользуется эволюционистская трактовка модернизации, которая предполагает всеобщее стадийное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия согласно универсальным закономерностям преимущественно эндогенного характера. При этом в качестве образца, эталона модернизации рассматривается его «атлантический» вариант, базирующийся на либерально-рыночных ценностях. Следствием подобного подхода становится неисторическое противопоставление «правильной» либерально-рыночной модернизации, которая осуществляется спонтанно, естественно, подчиняясь непреложным рыночным законам, без интервенции государства в экономическую сферу, «неправильной» мобилизационной модели развития, который имеет произвольную, неестественную природу и неизбежно ведет избравшие ее общества в тупик (мобилизационная и инновационная модели, например). Между тем, подобное понимание самого процесса модернизации, а также противопоставление мобилизационных механизмов истинно модернизационным вряд ли можно признать корректным. Чтобы это стало ясным, следует обратиться к характеристике самого понятия модернизации.

В свое время уральскими историками было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу⁷. Подобное определение, правильное в целом, спрямляло зигзаги реальных модернизационных процессов, не отражало всей сложности и противоречивости переходной эпохи, переходных процессов.

Дело в том, что эпоха модернизации, как и прочие переходные периоды, гетерохронна, представляет собой сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разнотипных, разнотипных, разнотипных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая, друг на друга, воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям.

Следует также учитывать, что динамика переходных периодов детерминирована, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Внешние факторы (системные зависимости,

межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект, диффузия экзоинноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать.

Поскольку именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации, постольку модернизационный процесс должен рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание истории «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и, в то же время, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

В итоге модернизация оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращениям и убываниям. Этот беспокойный период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множественных процессов различной направленности, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Учитывая указанные особенности, можно предложить следующее усовершенствованное определение модернизации – это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельности, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществляющийся посредством механизмов и subprocessов (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т. д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

Использование двух определений позволяет идентифицировать модернизацию общую и специфическую (по аналогии с неозволюционистским разведением общей и специфической эволюции). Первое определение носит абстрактный характер и знаменует идеально-теоретическую модель модернизационного процесса. Второе, также, конечно, модельное, может применяться для объяснения конкретных способов адаптации к средовым условиям (социокультурным, историческим, географическим). Следствием подобного разведения становится возможность обсуждения проблемы модернизаций (не единой, тотальной, абсолютной модернизации) – временных, цивилизационных, страновых, региональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

При этом факторы дифференциации модернизации обнаруживаются уже на самом высоком уровне обобщения – мировом. Начало модернизации в ряде регионов Западной Европы со второй половины XV–XVI столетий ознаменовало наступление *модерной эпохи* и постепенное втягивание в мировую модернизационный процесс все большего числа территорий, как вследствие эндогенных трансформаций, так и в результате колонизации или вынужденных (экзогенных) модернизаций. Процесс протекал с ускорением – и уже к середине XVII в. капиталистическая мировая экономика, по терминологии основоположника мирсистемного анализа И. Валлерстайна⁸, утвердилось в Европе, консолидировалась до 1760-х гг., а затем – с конца XVIII по начало XX столетия пережила «вторую эру великой экспансии», «втянув» в себя остальной мир. Наиболее развитые страны продвинутой модернизации стали оказывать трансформирующее/деформирующее воздействие на менее развитые, вследствие чего модернизации последних уже не могли протекать по тем же сценариям, которые были реализованы в первых. В итоге единство развития в контексте системного уровня оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям функционируют асимметричные механизмы, следствием чего становится обратная зависимость между историческими динамиками взаимодействующих пространств. Тенденция восходящего развития в одних пространствах вызывает тенденции нисходящего (параллельного, «другого») развития в других. Рост капитализма в странах западного «ядра» вызывает, например, распространение принудительного труда («вторичное закрепощение») в странах Центральной-Восточной Европы (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), кризис перенасыщения в Западной Европе сопровождается индустриализационным рывком в России на рубеже XIX–XX вв.⁹, деиндустриализация в США в начале 1980-х гг. оборачивается индустриализационным ростом в странах полупериферии¹⁰ и т. д.

Естественно, процессы модернизации имели различные последствия для разных стран – положительные для одних, негативные (деформации, ловушки, тупики развития) для других. Итак, можно говорить об эпохе модерна, *modernity* в целом, имея в виду, что ее характер начинает определять авангард модернизации – вырвавшиеся вперед страны Западной Европы в самом начале, затем – США, сегодня США – Япония – ЕС. Используя данное понятие, мы должны хорошо понимать, что модернизация изначально носила очаговый характер, лишь со временем втягивая разные общества, до сих пор не

завершив процесс тотальной современной гомогенизации. Это означает, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации. Далее, это означает, что существовали и существуют общества, испытавшие воздействие модернизации по-разному: включенные в эпоху модерна на разных основаниях. Наконец, это означает, что существовали и до сих пор существуют общества/сегменты обществ, сохранившие домодерновые традиционные устои.

Проблема дифференциации страновых ответов на вызовы modernity продолжает активно разрабатываться и применительно к страновому уровню. Одна из последних концептуальных схем по данному вопросу принадлежит немецкому исследователю Д. Зенгхаасу, который, пытаясь объяснить все нынешнее разнообразие национальных вариантов развития европейского капитализма, выделяет четыре дифференцирующих фактора: 1) общий уровень социально-экономического развития, достигнутый страной к тому моменту, когда внешняя конкуренция начинает оказывать непосредственное влияние на внутренний рынок (т. е., насколько значительному разложению уже подверглись традиционные экономико-правовые структуры и продвинулась техническая модернизация в сельском хозяйстве, промышленности и в сфере торговли данной страны); 2) размеры внутреннего рынка (малые страны изначально подвергаются большей внешней конкуренции по сравнению с крупными, поскольку более значительная часть их ВВП участвует во внешнеторговом обороте); 3) время вступления страны в промышленную конкуренцию (чем позднее, тем более велик накопленный страной разрыв со странами-лидерами); 4) выбор экономической стратегии (широкий спектр вариантов адаптации к условиям внешней конкуренции включает как активное участие в международном разделении труда, открывающее возможность успешной модернизации, так и самоизоляцию, сопряженную в перспективе с хозяйственным дирижизмом)¹¹.

Системно-мировая рамка рассмотрения модернизационных процессов частично объясняет, почему модернизация не могла быть однородной на протяжении исторического времени, почему менялись ее механизмы по мере включения в мировой модернизационный процесс новых сообществ. Последнее обстоятельство было замечено еще в ранних работах английского экономического историка А. Гершенкрона¹², который подчеркивал зависимость механизмов модернизации от времени, когда страна вступает в процесс модернизации. Согласно концепции Гершенкрона, со временем (и в зависимости от места) меняются сами механизмы модернизации, сама модернизация подвергается трансформации. Так, утверждал А. Гершенкрон, индустриальный рост нередко осуществляется как раз при отсутствии так называемых необходимых предпосылок, т. е. в условиях незавершенности преобразований аграрного сектора экономики (сохранение архаичной системы землевладения, принудительного труда, низкий уровень развития производительных сил и т. д.), при недостатке предындустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков).

Гершенкрон полагал, что ключом для объяснения проблем экономической модернизации (индустриализации, в данном случае) могла стать концепция «заменителей» (субститутов), суть которой заключалась в том, что в ситуациях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходила к «заменителям», мобилизующим необходимые ресурсы в интересах модернизации.

А. Гершенкрон попытался применить свою концепцию для объяснения индустриального развития Германии и России в XIX в. Дело в том, что обе страны страдали от недостатка так называемых предпосылок индустриализации. Согласно классической теории, в данных странах не могла осуществиться индустриализация. Тем не менее, во второй половине XIX в. Германия совершила впечатляющий индустриальный рывок, который поставил ее вровень с Англией, бывшей тогда «мастерской мира». Россия перед первой мировой войной отставала от Германии по абсолютным показателям, но ее индустриальное развитие в 1880–1890-х стало своеобразным историческим рекордом; нормы индустриального роста, достигнутые в те годы, далеко превосходили нормы роста, когда-либо до того демонстрировавшиеся Германией. А. Гершенкрон объяснял данные исторические ситуации тем, что обе страны сумели успешно развить мобилизационные «заменители» отсутствовавших в исторической реальности «предпосылок» (такую роль сыграли в значительной степени банки в Германии и государство – в России).

В свете сказанного становится понятной актуальность мобилизационных механизмов, призванных корректировать процессы развития в тех обществах, которым менее повезло с исторической точки зрения, которые начали втягиваться в современную эпоху с менее благоприятными для ускоренного развития социально-экономическими и культурно-политическими фундаментами.

Во-вторых, широко распространено мнение, что мобилизационные механизмы присущи преимущественно т. н. неорганической модели модернизации, которая противопоставляется органической модели¹³. Под органической при этом понимается внутренне обусловленная, подготовленная всем предшествующим ходом развития страны, комплексно протекающая модернизация, характерная, в частности, для Западной Европы и Северной Америки. Неорганическая модернизация трактуется как ответ на внешний вызов, не имеющий достаточных внутренних предпосылок, характеризующийся отсутствием комплексности, сегментарностью, как способ «догоняющего» развития, предпринимаемый правительством с целью преодоления исторической отсталости.

Концепция органической и неорганической модернизации признает возможность разных вариантов перехода от традиционного к современному обществу для различных обществ, однако в этом случае «правильной» считается органическая модель, которая воплощает западный либерально-рыночный путь развития, а «неправильной» – неорганическая: «она сжата во времени, проходит заметно для все-

го населения как заранее планируемая акция, вызывает к себе разное отношение со стороны различных групп населения, чаще всего болезненно переживается низшими слоями. Виновниками всех бед выступают структуры власти и высший класс. Это наихудший сценарий событий»; «Важное отличие неорганической модернизации от органической заключается в ее целенаправленном характере (и неизбежном при этом волюнтаризме)»¹⁴.

Однако подобная дихотомическая трактовка модернизации тоже не может быть принята без оговорок. Дело в том, что противопоставление двух моделей модернизации по линии «органичность-неорганичность» страдает недостаточной определенностью, на что уже обращалось внимание в литературе. Действительно, никакая модернизация не может осуществиться без некоторой степени готовности общества, без определенной культурной среды, сформированной предшествующим развитием и необходимой для восприятия чужого опыта. Это ставит под сомнение лишение неорганической модели модернизации качества «органичности»; в определенном смысле любая модернизация обусловлена предшествующим развитием общества. В то же время необходимость определенной трансформации в ходе модернизации прежних социальных, политических, экономических устоев обеспечивает известную «неорганичность» всякой модернизации, протекающей как в формате неорганической, так и в контексте т.н. органической модели.

И в том, и в другом случае за анонимными законами развития стояли конкретно-исторические действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные; в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых поддерживали новации, структурирование новых отношений, другие отстаивали традиционные институты и ценности. Реальный исторический ход модернизации результировал противоборство различных социальных и политических группировок, столкновение мнений и стратегий, проектов, призванных ускорить (мобилизовать) или замедлить, заблокировать развитие, придать ему какой-то новый модифицированный облик. Это означает, что механизмы мобилизации-демобилизации вообще характерны для модернизации, вне зависимости от того, в «органическом» или «неорганическом» контексте они протекают, хотя это, конечно, не отменяет значимости вопроса о степени присутствия подобных механизмов и их формах в реальности.

Исторически и пространственно варьировалась роль государства как организатора общественного развития, «дирижера» экономической деятельности. В частности, используя критерий уровня «вмешательства» государства в хозяйственную сферу и опираясь на анализ Ф. Блоком¹⁵ «старой» экономической парадигмы, базирующейся на двух основных предположениях (что государство и хозяйство — две аналитически самостоятельные общности, функционирующие в соответствии с автономными основополагающим принципам, и что все реальные или воображаемые общества можно расположить вдоль единого континуума, одним полюсом которого является «ночной сторож», т. е. минималистское государство классического либерализма, а другим — общество, в котором государство присваивает себе ключевые экономические функции производства и распределения, практически перекрывая возможность рыночных трансакций), можно в рамках эпохи современного государства, т. е. государства, возникшего в Европе в эпоху раннего модерна (XVI–XVIII вв.), концептуализировать несколько моделей индустриального развития, различающихся степенью государственной интервенции в хозяйственную деятельность: 1) государство общественных благ (в основе лежит идея о том, что государство должно обеспечивать только те общественные блага, которые рынок не может произвести сам); 2) государство макроэкономической стабилизации (микширование влияния бизнес-цикла, обеспечение посредством государства большей экономической стабильности и предсказуемости); 3) государство социальных прав (акцент на роль государства в регулировании частных трансакций и в обеспечении определенных товаров и услуг для всех граждан; развитие современного государства благосостояния); 4) государство развития (государственное стимулирование хозяйственного развития, присваивание государством роли частных предпринимателей, поддержание нарождающихся отраслей, направление поток финансирования на поддержание высокого уровня инвестиций в производство, огосударствление инвестиционной функции); 5) социалистическое государство (расширение экономической роли государства с целью преодоления несправедливости, вызванной рыночным распределением ресурсов). Понятно, что для разных типов развития, обусловленных факторами исторического времени и пространства, характерна различная мобилизационная нагрузка.

Конечно, вопрос о своеобразии мобилизационных механизмов в контексте страновых и региональных вариантов модернизации заслуживает внимания. Можно, вероятно, говорить о двух различных уровнях мобилизации, которые в разной степени присутствуют в разных обществах.

Очень надежным мобилизационным механизмом представляются фундаментальные (матричные) цивилизационно-культурные структуры, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций. Подобные ментально-ценностные структуры обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную. Именно под воздействием подобных структур модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах.

Принято считать, что в качестве таких глубинных структур выступают ментальные установки массового сознания; народный характер; модели взаимоотношений власти и общества; мотивационные механизмы; представления о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия и т. д.¹⁶ По существу речь идет о месторазвитии цивилизации и о ее институ-

циональной системе (причем, скорее, о неформальной части последней). К числу наиболее важных измерений неформальной институциональной системы, значимых для выбора цивилизационной траектории модернизации, похоже, следует отнести: 1) степень отождествления с другими членами общества, т. е. радиус доверия или чувство общности; 2) степень ригидности системы морали; 3) стиль и методы отправления власти; 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям, прибыли¹⁷.

Другой уровень мобилизации обеспечивается политико-идеологическими механизмами (разработка стратегии национальной модернизации, индустриализации, национального строительства и т. д.). Подобные механизмы в разной степени присутствовали в истории всех модернизовавшихся обществ, компенсируя в некоторых случаях недостаточную эффективность цивилизационно-культурных мобилизационных механизмов. Значимость политико-идеологических механизмов в особенности возрастала в периоды обострения межстрановой конкуренции, эпохи войн, национальных катастроф. Отдача подобных механизмов существенно возрастает, если удастся обеспечить не только мобилизацию ресурсов для ускоренного развития, но и заинтересованность как можно большей части общества в осуществлении модернизационного проекта.

Примечания

¹ См.: Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор акад. Г. В. Осипов. М., 1998. С. 185.

² Deutsch K. W. Social Mobilization and Political Development // eds. J. L. Finkle, R. W. Gable. Political Development and Social Change. N.-Y. ; L. ; Sydney, 1966. P. 205–206.

³ Также см.: Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи (1923–1933). М., 2008.

⁴ Deutsch K. W. Op. cit. P. 206–207.

⁵ См.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 595–602.

⁶ См.: Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкомби, С. Хилл, Б. С. Тернер. Казань, 1997. С. 174.

⁷ Региональное развитие в контексте модернизации / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, М. Н. Денисевич, И. В. Побережников. Екатеринбург ; Лувен, 1997. С. 88.

⁸ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Он же. Миросистемный анализ : введение. М., 2006.

⁹ Например, см.: Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2003. С. 360–375.

¹⁰ So A.Y. Social Change and Development : Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 238–242.

¹¹ См.: Западноевропейские страны : особенности социально-экономических моделей. М., 2002. С. 15–21; Социально-экономические модели в современном мире и путь России. М., 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). С. 311–318.

¹² Данная концепция нашла отражение в работе: Gerschenkron A. Economic backwardness in historical perspective. Cambridge, Mass., 1962. Также см.: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004. С. 420–447. Ее критический обзор содержится в работах: Поткина И. В. Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Олега И. Н. Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л. : ЛГУ, 1989.

¹³ См.: Добренков В. И. Фундаментальная социология : в 15 т. / В. И. Добренков, А. И. Кравченко. М., 2004. Т. 4. Общество : статика и динамика. С. 870–873. Модели органической и неорганической модернизации выделялись в коллективном труде, выполненном под редакцией В. А. Красильщикова (Модернизация: Зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков, В. П. Гутник, В. И. Кузнецов, А. Р. Белоусов и др. М., 1994), схожие концепты были введены в научный оборот в работах А. Гершенкрона и Р. Бендикса.

¹⁴ См.: Добренков В. И. Указ. соч. С. 872, 873.

¹⁵ Блок Ф. Роли государства в хозяйстве // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М., 2004. С. 569–599; также см.: Княгинин В. Промышленная политика России : кто оплатит издержки глобализации / В. Княгинин, П. Щедровицкий. М., 2005.

¹⁶ Например, см.: Шаповалов В. Ф. Россия как цивилизация // История России : теоретические проблемы. Вып. 1. Российская цивилизация : опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 136.

¹⁷ Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008. С. 19.

Романов А. П.

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОЕКТАХ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В контексте активно ведущихся в настоящее время дискуссий о судьбах мобилизационной экономики, с моей точки зрения, интересно было бы обратиться к судьбам такого важного для проведения мобилизационных мероприятий ресурса как образование. Особенно начальной школы – сектора, который охватывал массы крестьянского большинства России. Крымская война стала серьезным внешним вызовом, подтолкнувшим модернизационные процессы внутри Российской империи. Одним из важнейших способов решения задач модернизации было признано создание сети начальных народных училищ (ННУ), которые бы распространяли среди широких масс сельского населения элементарное образование, без которого невозможно было решить задачу модернизации хозяйственного быта русской деревни.

Первоначально выбранной государством стратегией в области начального образования становится либерализация. Но с момента назначения на должность министра народного просвещения Д. А. Толстого в 1866 г. возобладала стратегия консервативного контроля. При нем школьный вопрос стал вопросом первостепенной государственной важности. Высочайшим рескриптом от 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета министров провозглашалась задача «охранять русский народ от тех зародышей вредных лжеучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство»¹. Начальную школу Д. А. Толстой хотел подчинить прямому надзору министерских чиновников. Для этого в 1869 г. была введена должность инспектора народных училищ, которые и были назначены, по одному на губернию.

Пытаясь убедить правительство, он искал примеры в поддержку своих планов за границами России. На Западе, как он доказывал, и либеральные и консервативные режимы весьма плотно контролировали элементарное образование. В Пруссии местные комиссии заведовали многими школьными делами, но задача осмотра «принадлежала одному правительству». В Бельгии и Нидерландах закон требовал от государственных инспекторов, посетить каждую школу, по крайней мере, два раза в год. В Баварии инспектора обладали юрисдикцией по учебным вопросам и правами надзора за состоянием морали, они совместно с полицейскими контролировали местную активность в сфере образования. Толстой не мог игнорировать эти прецеденты, однако администрация, которую не убедили увещаниями Толстого, бездельничала, пока начавшееся «хождение в народ» в 1873 г. не продемонстрировало потребность большего контроля².

Т. о. впервые в практике развития народного образования в России опробуется тактика масштабной бюрократической мобилизации в целях контроля за преподаванием в начальных школах. Реформируются составы училищных советов (УС) (они на местном уровне занимались администрированием народного образования). В уездный УС ввели инспектора народных училищ, в губернский УС директора, также по одному представителю МНП, МВД, епархиального ведомства и двух представителей от земства.

МНП в дальнейшем увеличивает количество инспекторов ННУ, которые фактически представляли на местах правительство. Принятие постановления 27.IV.1876 г. об увеличении количества инспекторов ННУ свидетельствует об этом³. Практика расширения штатов МНП получила дальнейшее развитие, в том же 1874 г., в связи с принятием нового Положения в 10 раз был увеличен штат центрального управления министерства «ввиду разросшегося объема делопроизводства»⁴. Вместе с тем, число чиновников в управлений учебных округов нельзя было признать слишком большим, так, в 1880 г. в штатах служащих по этим управлениям, включая самого попечителя, состояло 12 человек⁵.

Атмосфера тревоги способствовала реформированию МНП на новых началах, подразумевавших строгий контроль над образовательной системой и ее централизацию. Безусловно, что таким путем борясь с крамолой, водворяя в университетах и средних школах порядок и спокойствие и создавая всеимперскую министерскую структуру управления начальной школой, поддерживая мобилизационную готовность чиновников, Д. А. Толстой повышал статус своего министерства, которое объявлялось и фактически становилось передовым бастионом государственного порядка. Проект Д. А. Толстого, введший в системе начального образования военно-полицейскую иерархию, опирался на мобилизацию образов тревоги, опасности и борьбы с крамолой. Вертикаль управления образованием принимает вид, неизменный вплоть до 1917 г.: сверху министерство; затем попечители учебных округов; на губернском уровне, подотчетные двум вышестоящим структурам директора народных училищ; и подчиненный директорам, инспектор народных училищ⁶.

Последователь Д. А. Толстого на посту обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцев, опирался в своих предложениях на опыт С. А. Рачинского, который выстроил и применил в своей практической деятельности концепцию религиозной школы для крестьян.

С. А. Рачинский пользовался большим авторитетом среди своих крестьян, создав в родной деревне Татево Смоленской губ. и некоторых окрестных селениях школы⁷. Надо заметить что его школы составляли исключение из всей системы начального образования. Обучение в них происходило в течение всего года, а не в осенне-зимний период когда не было полевых работ, как в обычном ННУ. При школе в Татево существовало общежитие, в котором дети находились значительную часть учебного

года, будучи оторванными от семьи. В интернате ученики жили по образцу христианской монастырской общины, на полном самообслуживании, совместно трудясь, выращивая овощи и ухаживая за пришкольным садом. Большое внимание Рачинский уделял церковному пению, говоря, что это единственный предмет о результатах обучения которому могут судить неграмотные родители⁸. Эта образцовая для К. П. Победоносцева система полностью противоречила крестьянской традиции семейного воспитания и могла быть применима только в конкретных условиях – родового имени Рачинских и особого доверия крестьян к их бывшему «барину». Эта система, однако, доказала свою эффективность, крестьяне получали достаточно прочные навыки грамотности и любили школу. Успех этого эксперимента и побудил Победоносцева к реорганизации начального обучения.

Семья и община, а также действовавшее священство почему-то не справлялись с этой задачей. Одной традиции, не связанной с письменностью, оказывалось недостаточно, формальное соблюдение обрядов не приносило должного плода. Отсюда и вывод: «Церковные школы одни способны и призваны к тому, чтобы внести в массу народную, особенно в подрастающее поколение, свет истинного учения о предметах веры и церкви, понятие нравственного долга и добрые навыки семейного быта», – писал К. П. Победоносцев⁹. Эта способность школ была связана, прежде всего, с постижением тайны письма и чтения. Чтение религиозной литературы дополняло бы воздействие слова священника, но этого было бы недостаточно для глубокого эмоционального воздействия на сознание крестьянина. «Для блага народного необходимо, чтобы повсюду, поблизости от него и именно около приходской церкви, была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением Закона Божия и церковного пения», – заключал К. П. Победоносцев¹⁰. Церковное пение становилось одним из главных эмоциональных катализаторов крестьянской религиозности. Место проекта бюрократической мобилизации занимает проект мобилизации духовной, связанный с реанимацией действенного православия посредством массовой церковно-приходской школы.

Провозглашая задачи религиозного воспитания главнейшими и Делянов и Победоносцев, прежде всего, конструировали для крестьянина идеальную судьбу, отличную, однако, от его традиционной судьбы. Это отличие состояло в том, что в деревне появляется школа, либо ЦППШ, либо министерская, которая претендует на монополию смысла крестьянской жизни, а также на роль хозяйственного руководителя деревни, не забыв при этом об интересах правящей элиты.

Так Министерство Народного Просвещения в 80–90-е гг. рекомендовало учителям начальных училищ вводить в школе преподавание травосеяния, садоводства, огородничества, ремесла, прежде всего столярного¹¹. Министр государственных имуществ М. Н. Островский в 1888 г. испросил высочайшее разрешение на бесплатный отпуск в пользу ННУ растений и семян из подведомственных ему заведений. Следующий министр государственных имуществ А. С. Ермолов поставил перед Государственным советом вопрос о наделении сельских училищ и школ земель, в размере не более 15 десятин. Его предложение было поддержано. Однако размер участка был ограничен 3 дес. земли¹². В результате к нач. XX в. в сибирских губерниях было выделено ок. 500 участков площадью ок. 6 тыс. дес. В 1895 г. земля имела при 9760 ННУ в кол. 59634 дес. К 1904 г. число таких школ возросло до 20000. В марте 1914 г. под председательством товарища главноуправляющего земледелием и землеустройством П. Н. Игнатьева было проведено заседание по вопросу использования ННУ для распространения сельскохозяйственных знаний в стране. В нем участвовали члены Государственной думы и Госсовета, представители МНП, Синода, Гл. управления земледелия и землеустройства. В резолюции принятой заседанием подчеркивались такие моменты: 1) в ННУ необходимо ввести в программу сообщение знаний, относящихся к природоведению в применении к сельскому хозяйству и с учетом местных условий, а также возраста учащихся; 2) необходимо, чтобы программа начальной школы давала возможность приспособить общее обучение к местным потребностям и чтобы в учебном плане были отведены особые часы для природоведения; 3) в ВНУ необходимо установить теоретическое и практическое преподавание по отдельным отраслям естествознания¹³. Инициаторы этих мероприятий видели в школе не столько проводника общих знаний накопленных культурой, сколько различных практических умений и навыков, соединенных с моралью покорности.

Авторам подобных моделей школа представлялась институтом с весьма широкими функциями: религиозными, полицейскими, хозяйственными, а проекты наделения школ земельными участками можно рассматривать по аналогии с опытом военных поселений в более мягком варианте.

Помимо государственных чиновников проекты создания начальной школы как средства социальной и экономической мобилизации крестьян готовили и оппозиционеры. В 1895 г. известный народник С. Н. Южаков опубликовал программу всеобщего начального обучения называвшуюся «Просветительная утопия»¹⁴, представленную как «План всенародного среднего обязательного образования». Им предусматривалось введение всеобщего образования для лиц от 8 до 20 лет. План предлагал решать проблему всеобщего обучения радикально, не останавливаясь только на доступности начального образования, переходить сразу к всеобщему среднему. Для этого в каждой волости должна была быть учреждена гимназия, представлявшая собой производственную ассоциацию, ведущую сельскохозяйственное хозяйство. Хозяйства, по мысли автора, должны были содержать своим трудом население гимназий, учительский персонал и давать средства для содержания всего остального детского населения. По расчетам автора проект должен был стать весьма доходным¹⁵.

Надо заметить, что идеи о снабжении школ земель не были новостью, инициатором этого мероприятия выступило правительство. Высочайший указ от 29 мая 1869 предоставлял участки земли в

пользование образцовым училищам, а инструкция МНП от 4 июня 1875 г. устанавливала и размер этого участка в 3 десятины¹⁶. Народник С. Н. Южаков был солидарен с государем, когда признавал необходимость введения курса сельскохозяйственного обучения в практику начальной школы, но он шел значительно дальше, предлагая перераспределить земли в пользу гимназий, не веря в то, что такое разумное мероприятие может породить острые конфликты.

Были вычислены нормы питания, количество необходимой для гимназии, при условии научного ведения хозяйства, пашни, скота, затрат и прибыли. В штате предусматривались агрономы, техники и садовник, которые также занимались бы и преподаванием. Ученики летом работали бы на полях, за исключением самых маленьких, зимой учились, как впрочем, это и происходило в семейном крестьянском хозяйстве. В этом проекте, присущая аграрному обществу традиция детского труда, применялась для решения задач всеобщего обучения. По окончании 10 класса, выпускники в течении 3 лет должны были отработать затраты на свое обучение в малолетнем возрасте, оставаясь при гимназии, не только в хозяйственных но и в воспитательных целях.

Такая схема примиряла бы и государство, со своим интересом к дешевой школе, и земство, которому не пришлось бы больше тратить значительные суммы на образование. Крестьяне, как рассуждал автор, также будут довольны освобождением от части налогов и от необходимости содержать детей. К тому же гимназические хозяйства могли оказывать положительное влияние на агротехнику и культуру сельскохозяйственного производства. Проект рисовал стройную и практичную систему получения среднего образования: «Мы озаботились обеспечить молодых людей серьезным для деревни приданым при выходе, мы нашли возможным определить в каждую волость по врачу, ветеринару, ученому агроному, ученому садовнику, технологу и по 6 мастеров, не менее, которые поднимут культуру и удовлетворят соответствующие потребности всей местности. И все эти задачи находят себе финансовое и экономическое решение при осуществлении нашего плана», заключал С. Н. Южаков¹⁷. Автор, подчеркивая реалистичность своего проекта, говорил о том, что единственными препятствиями к осуществлению этого проекта служат лишь «условия культуры».

Мы сталкиваемся с ярко выраженным конструктивистским отношением к разнообразным «неразумным» условностям человеческого существования. «Условия культуры» стоят того, чтобы быть немедленно переделанными и считаются несерьезной причиной отвержения логически стройных и кажущихся доказанными схем. Причиной о которой говорят, извиняясь перед читателями. Эти суждения подчеркивают одну из особенностей менталитета русской интеллигенции – отношение к логическим схемам разума, подобное идолопоклонству¹⁸. Эту черту полагал особенно опасной и К. П. Победоносцев, предостерегая от излишнего увлечения прожектерством¹⁹. План предполагал использовать в «земледельческих гимназиях» крестьянские коллективистские традиции, опираясь, однако на совершенно чуждый этим традициям контроль за производством со стороны технократического разума и экономического расчета.

К тому же проект фактически продолжал традиции сословного образования, поскольку предназначался для сельской местности, в городах продолжала существовать прежняя школьная система. Для осовременивания хозяйственной жизни крестьян предлагалось фактически изолировать их в молодом возрасте в гимназических хозяйствах, прерывая традиции крестьянского воспитания и разрушая основы культурного быта деревни.

После революционных событий 1905–1907 годов правые и монархисты подключаются к проектированию новой школьной системы. Для начала они предлагали ввести во всех школах, включая даже сельские ННУ, физические упражнения – гимнастику и так называемые «потешные полки» для обучения школьников навыкам военного дела. Генерал Е. В. Богданович в 1908 г. выступил с проектом милитаризации начальной школы²⁰. Ее учителями должны были стать выходцы из крестьян, отслужившие в армии и получившие унтер-офицерское звание. Немудрящий, но бравый педагог, казался наилучшим лекарством от неподобающих мыслей и поступков.

Одержимость муштрой проявилась также в заседаниях Комиссии по народному образованию, при Постоянном совете объединенных дворянских обществ (ПСОДО), которая в 1911 г. даже предложила обратиться в военное министерство с просьбой командировать каждую весну строевых офицеров в сельские школы для производства экзаменов по строевой подготовке²¹. Надо заметить что в переписка ПСОДО с предводителями дворянства, которая велась по поводу введения в ННУ военных упражнений, выявила неоднозначное отношение на местах к этим нововведениям²². Предводителям импонировала идея дисциплинарного воздействия на крестьян с целью создания у них представления о «порядке», однако они боялись того, что военные навыки могут быть использованы против них, помня о событиях 1905 года.

Гимнастика становится настоящей *id e fixe* на заседаниях Комиссии. В 1912 году Комиссия подготовила «Доклад по вопросу об общем культурном развитии юношества и о связанных с ними реформами по ведомству Министерства народного просвещения» (МНП). В нем предлагалось значительно увеличить количество часов на учебные предметы, связанные с «телесным контролем», – на гигиену, гимнастику, военную подготовку²³, – несмотря на то, что деревенские дети, в отличие от городских, не испытывали недостатка в физической активности. Потребности семейного крестьянского хозяйства не оставляли времени и для военных потех, которые отвлекали бы детей от домашних работ.

Примечательно, что с точки зрения членов комиссии «потешные полки» были хороши как раз в деревне, поставившей основную массу призывников. В городах же, особенно в рабочих районах, их

вводить никоим образом не рекомендовалось – дабы не готовить потенциальных бунтовщиков²⁴. Но тогда городские дети, лишенные воспитательной муштры, остались бы под воздействием порочной информационной среды! На этот случай предусматривались специальные механизмы контроля и цензуры, разрабатывавшиеся представителями дворянских обществ.

X Съезд Объединенных дворян обсуждал в марте 1914 г. доклад Комиссии по народному образованию ПСОДО, посвященный состоявшемуся 24 декабря 1913 – 4 января 1914 гг. Съезду по народному образованию. Комиссия признала съезд, на котором присутствовало 7000 делегатов, в основном народных учителей, неработоспособным и бесполезным²⁵. Также был сделан вывод: «Дело организации образования не под силу народным учителям, по образованию и уровню развития непригодных к решению общегосударственных задач». Пользу могли бы принести с точки зрения ПСОДО губернские и уездные съезды. В результате обсуждения были сформулированы предложения по насущным проблемам начального образования. Было от лица дворянства заявлено, что допускаемые МНП в ННУ учебные пособия совершенно неподходящи для народной школы и имеют тенденцию подрыва веры, любви к Родине и преданности государю. Также было обращено внимание на то, что всевозможные съезды деятелей по народному образованию полезны, но в число участников следует привлекать квалифицированных представителей от дворянства и городов, а также МНП²⁶. В. М. Пуришкевич предложил МНП ввести вместо винной монополии государственную монополию сельских учебников и кинематографа, полагая, что эти меры куда как лучше будут препятствовать моральному разложению народа. Он также говорил о настоятельной потребности в специальном массовом журнале для народных учителей, обязательным для каждой школы. Было заявлено о том, что нужно использовать оставшихся военных для пополнения кадров инспекторов ННУ, а в число учителей принимать лишь лиц с образованием не выше среднего²⁷. С помощью этих мер могла бы быть выстроена идеальная школьная система регулируемая государством.

Масштабным планам правых просветителей так и не суждено было сбыться, им помешала война, революция и крах монархии. Это не означает, однако, того, что предлагаемые ими технологии конструирования школьной системы, агитационно-просветительной работы с использованием массовых изданий и кинематографа оказались невостребованными. В другой идеологической оболочке, раскрашенные в другие цвета они нашли свое применение. Голубые знамена Союза Михаила Архангела были сменены алыми стягами большевиков. Любимый человек, прошедший через школу советской социализации (особенно 1930–1950-х гг.), обнаружит в предложениях правых многое из того, с чем он сталкивался в своем детстве. Это – кинематограф, «бьющий» в определенную партией цель и строго ею «направляемый». Это – система школьной и внешкольной военизации детства, а также жесткий государственный контроль над содержанием обучения и обеспечивающий его механизм детального администрирования в школе. Это – организация массового культпросвета и политпросвета, а также всеохватывающие детские и юношеские общественные объединения.

Правые заявили о себе как о реальной конкурентоспособной силе в области начального образования, по отношению к либералам и народникам. Их проекты реформирования ННУ представляются серьезной альтернативой, способной реализоваться на практике в случае иного расклада политических событий.

Почвенники левого и правого толка, исходя из декларируемой приверженности традиционным ценностям, предлагали совершенно разные, в смысле политического и культурного содержания обучения, модели начальной школы для крестьян. Общим в них было стремление к захвату ума крестьян и соответственно идеологическая обработка населения, а также разработка технологий манипулирования сознанием учеников и взрослых в целях политической мобилизации населения. Для этого предлагалось активно использовать внешкольную работу, массовые периодические издания и кинематограф.

Культурные символы «праведного» крестьянства и его образцовых ценностей имели политическую окраску, крестьянин для левых почвенников – не то же самое существо, что для правых. Поэтому ценности, включенные в образы, предлагаемые в качестве средств воспитания, серьезно различались, хотя и признавались традиционными. Народники видели в крестьянине силу стихийно религиозную, а фактически языческую и не христианскую, склонную к практицизму и потому готовую воспринять рационалистическую схему действий и мышления. Правые декларировали публично глубокую религиозность и монархизм русского крестьянства, но их практические действия скорее свидетельствуют о том, что они бессознательно не верили ни крестьянам, ни собственным декларациям о крестьянстве. Отсюда и идея тотального контроля и выработка техник манипуляций сознанием крестьянина.

В данном случае мы сталкиваемся с эффектом, обратным эффекту «исторических псевдоморфоз» (О. Шпенглер)²⁸, – с тем, что старые формы наполняются новым, подрывным для этих форм содержанием. Это и проекты использования традиционного опыта переходящих учителей, но оснащенных знаниями и навыками современной культуры, идея «свободного воспитания», формально основанная на интересах и потребностях крестьянских детей, но предлагающая только более изощренную технику разрушения вынесенных из крестьянской семьи навыков быта и ментального освоения мира.

И левые, и правые варианты просвещения крестьянства были одинаково революционны, несмотря на использование консервативных символов, поскольку вовлекали в процесс образования нетрадиционные методы воздействия на сознание крестьян, приучая их таким образом к городской культуре и современному политическому процессу. Идеологическое значение подобных проектов можно усмотреть в том, что они готовили почву в общественном сознании для торжества идей мобилизационной эконо-

мики и тоталитарных политических проектов, презируя «стихийный», «природный» быт огромного большинства населения и провозглашая необходимость его слома путем централизованных усилий государства и правящей элиты.

Примечания

- ¹ История СССР. М., 1968. Т. 5. С. 106.
- ² Sinel A. The Classroom and the Chancellery: state educational reform in Russia under count Dmitry Tolstoi. Cambridge (Mass.), 1973. P. 233.
- ³ Правительственные распоряжения: высочайшие повеления // ЖМНП. 1876. Ч. 186. Т. 7. С. 32.
- ⁴ Цирульников А.М. Министр, который никому не нужен // Свободная мысль. 1992. № 3. С. 61.
- ⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 109. Л. 99–101.
- ⁶ Рождественский С. В. Указ. соч. С. 721.
- ⁷ Танаевский С. Татевская школа С. А. Рачинского // НО. 1902. № 9. С. 113–155, Руднев В. Н. Консервативные традиции в образовании и воспитании молодежи во второй половине XIX в. как целостная педагогическая система // Образование: исследовано в мире (электронный ресурс) / под патронажем РАО, ГНПБ им. К. Д. Ушинского // www.oim.ru. 18.06.2002.
- ⁸ Танаевский С. Указ. соч. С. 138.
- ⁹ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 372.
- ¹⁰ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 370.
- ¹¹ Подробнее об этом см.: 2 параграф.
- ¹² Мещерский И. И. Народная школа и сельское хозяйство // РШ. 1904. № 10–11. Отдел I. С. 109–124.
- ¹³ Разные известия и сообщения // РШ. 1914. № 4. Педагогическая хроника. С. 85.
- ¹⁴ Южаков С. Н. Просветительная утопия // Русское богатство. 1895. № 5. С. 52–77.
- ¹⁵ Южаков С. Н. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁶ Стратонов Е. О наделении начальных школ землею // Русская школа. 1908. № 3. Отдел I. С. 66–71.
- ¹⁷ Южаков С. Н. Вопросы просвещения. СПб., 1897. С. 237.
- ¹⁸ Валицкий А. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁹ Победоносцев К. П. Народное просвещение // К. П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1995. С. 122–128.
- ²⁰ Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982. С. 119.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 171. Л. 4 об.
- ²² ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 172. Л. 4–16.
- ²³ ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 169. Л. 23–32 об.
- ²⁴ Там же. Л. 12.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 186. Л. 159–160.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 186. Л. 172–177.
- ²⁷ Там же. Л. 166.
- ²⁸ Подробнее об «исторических псевдоморфозах» в российской истории см.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 564.

Рышков В. М.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ РЕЖИМЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 25
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Общество в состоянии войны вынуждено создавать мобилизационную систему. Но в любой ситуации присутствуют факторы, способствующие концентрации ресурсов на достижение победы и противодействующие этому. Гражданские войны в мировой истории занимают особое положение. Военно-политическое противостояние граждан одного государства всегда болезненно, и действия воюющих сторон по определению будут неоднозначно восприниматься массами населения.

По отношению к Гражданской войне в России сложилась богатейшая традиция изучения мобилизационных мероприятий, предпринятых советским лагерем. Представляется, что на сегодняшний день относительно детально изучены основные составляющие политики «военного коммунизма». Многое, что сделано в советской, да и постсоветской историографии, уже нельзя признать удовлетворяющим современному историческому восприятию, тем не менее, состояние исследований истории Гражданской войны иначе, как дисбалансом, не назовешь. С одной стороны, в последние два десятилетия историография пережила всплеск интереса к антибольшевистскому лагерю. Именно ему посвящен основной поток современных публикаций. С другой стороны, мало кто из исследователей пытался осмыслить мобилизационный потенциал экономики, политической и идеологической сфер той части России, которая противостояла большевикам.

Еще в середине 1987 г. Н. Перейра выдвинул термин «военный антикоммунизм», который должен был натолкнуть его на очень перспективное направление научного поиска. Ход его рассуждений, одна-

ко, проясняет, что он не имел в виду альтернативную большевистской модель мобилизации ресурсов. В своей статье автор описал общий ход Гражданской войны на востоке России, акцентировав свое внимание на политических конфликтах в лагере контрреволюции. Под термином «военный антикоммунизм» он подразумевал иной путь развития событий, реализовавшийся в стане борцов с большевизмом и, как ему показалось, не оставивший ни тени надежды на успех противника коммунизма¹.

Естественно, что и в российской исторической литературе многие авторы касались проблемы мобилизации ресурсов в антибольшевистском лагере. Однако четкого и системного видения до сих пор не сложилось. Причина в стремлении концентрироваться на том, что кажется главным – столкновении различных политических группировок, выяснении реальных объемов и роли иностранной помощи в вооружении армии.

Настоящее исследование ставит задачу восполнить историографический пробел, проанализировать мобилизационный потенциал государственной власти и общества, противостоявшего большевикам в Гражданской войне. В рамках статьи будет рассмотрено положение восточного лагеря контрреволюции. Здесь в середине 1918 г. возникло множество государственных образований, из которых наибольшим весом обладали самарский Комитет членов учредительного собрания (Комуч) и Временное сибирское правительство, располагавшееся в Омске. В ноябре 1919 г. весь восток был объединен под властью Российского правительства адмирала А. В. Колчака, которое потерпело военное поражение в начале 1920 г. В Забайкалье и Приморье власть сменявших друг друга антибольшевистских правительств просуществовала до осени 1922 г.

Очевидно, что в небольшой по объему публикации невозможно претендовать на полную завершенность, поэтому многие высказанные соображения будут носить постановочный характер. Некоторые положения раскрыты в тезисной форме².

Демографический потенциал мобилизации

Летом – осенью 1918 г. из под власти большевиков на востоке России вышла территория 19 губерний и областей, населенная 28,3 млн чел. К концу 1918 г. было оставлено Поволжье, зато под контроль белых перешла почти вся Пермская губерния. Население, находившееся под властью Российского правительства составляло около 23 млн чел., а к середине года в связи с отступлением с Урала сократилось до 13 млн чел.³ Основная часть населения проживала примерно в ареале прямоугольника – Пермь – Самара – Томск – Бийск. За его пределами жило менее 20 % остальных обитателей востока России. По Уралу проходит зона климатического перелома. Территория, лежащая восточнее, имеет более холодный, резко-континентальный климат, отличается сильными температурными колебаниями.

Охватывая пространство, превышавшее любую другую страну мира, восток России был крайне плохо обжит и освоен. Основная часть описываемой территории представляла антропологическую пустыню со всеми вытекающими из этого последствиями. Прежде всего, это вело к транспортной неосвоенности. Даже изобилие ресурсов, сосредоточенных на этой обширной территории, трудно было эффективно использовать. Гигантские расстояния и редкая заселенность приводили к тому, что любые управленческие решения шли сверху до конкретных исполнителей очень медленно – много дольше, чем в Европейской части страны. Переброска ресурсов обходилась чрезвычайно дорого. С точки зрения материальных издержек «красным» было дешевле перебрасывать силы с одного фронта на другой, чем подвести войска и обеспечение из глубокого тыла Сибири в Поволжье или на Урал.

Но главный ресурс, который «белые» не могли противопоставить своим противникам – это демографический. Народная армия Комуча, функционируя до середины августа 1918 г. на добровольческой основе, составляла около 30 тыс. чел. Призыв должен был дать приток в 120 тыс. чел, но в действительности армия была доведена до 50–60 тыс. солдат и офицеров. Их количество в ходе осеннего отступления с Волги сильно сократилось за счет дезертирства. Впрочем, это было время, когда и красные обладали малочисленными разрозненными формированиями. Сибирская армия к концу лета 1918 г., т. е. до начала призыва на основании всеобщей воинской обязанности, насчитывала около 60 тыс. военнотружеников. Мобилизация двух возрастов позволила расширить состав армии до 184 тыс. солдат и офицеров. К середине 1919 г. Военное министерство подавало заявку на снабжение армии в 800 тыс. чел., хотя реально максимальная численность армии достигала 19,6 тыс. офицеров и чиновников и 416,6 тыс. солдат. Непосредственно на фронтах в это время находилось не более 94,5 тыс. штыков и 22,5 тыс. сабель⁴.

При всей забюрократизированности военной машины и большом количестве армейских «нахлебников», соотношение общей численности армии и её воюющей части было вполне нормальным для Гражданской войны – аналогичные проблемы испытывали все воюющие стороны. То же самое можно сказать и о соотношении воюющего и мирного населения. В армию было отвлечено не большая доля населения, чем в годы Первой мировой войны. Однако, хорошо известна постепенная динамика этих показателей, смещавшаяся в пользу советской власти. Численность Красной армии на протяжении 1919 г. непрерывно увеличивалась, причем не столько за счет роста подконтрольного населения, сколько посредством усиления доли призванных в армию. Более того, те же процессы мобилизации прослеживались и в гражданской сфере. Все большее количество предприятий и отраслей экономики начинали функционировать по мобилизационному принципу. Очевидно, что конкурировать с красными могло только общество, эволюционировавшее в том же направлении. Все решала способность собрать боеспособную армию, сконцентрировать необходимые ресурсы для её обеспечения, заставить людей работать на победу и желать её.

Целый ряд обстоятельств ограничивал мобилизационные возможности режима. В частности, вновь возникшие на территории бывшей Российской империи самостоятельные государства – Польша, Украина, Латвия, Литва и Эстония добивались освобождения своих потенциальных граждан от призыва или создания воинских подразделений с самостоятельным командованием. Численность поляков и украинцев на территории востока России была довольно значительна. Более того, даже в 1919 г. часть коренных народов, например татары, киргизы, хакасы, буряты, сохранили или вновь сформировали части по этническому признаку. Конечно, и этническая мобилизация могла носить антибольшевистский характер. Например, латышские части воевали в составе колчаковской армии, и очень хорошо себя зарекомендовали. Но в целом это был альтернативный способ идеологической мобилизации, который являлся сильным децентрализующим фактором. Большинство национальных воинских контингентов вливалось в Белую армию временно. Национальные лидеры в этом случае руководствовались тактическими соображениями, решая свои задачи.

Аналогичная ситуация сложилась в казачьих войсках. Не будем подробно останавливаться на атаманщине, это явление всегда детально анализируется в историографии. Для нас важно отметить, что широкое её распространение не просто дестабилизировало политическую ситуацию и подрывало доверие к режиму. Она ограничивала мобилизационные возможности центральной власти.

Методы концентрации материальных ресурсов

Примерно к началу 1918 г. основная масса российских производственных предприятий, независимо от формы собственности, оказалась совершенно нерентабельной. В значительной мере это обуславливалось субъективным фактором – в предшествующие месяцы под давлением рабочих администрация оказалась вынуждена повысить заработную плату, а работники, занятые участием в политической борьбе, до предела идеологически ангажированные и воодушевленные идеей снижения уровня капиталистической эксплуатации, целенаправленно снижали производительность труда. При советской власти это стало одной из причин национализации предприятий.

Естественно, что появившиеся на востоке России государственные образования должны были решить судьбу объектов индустрии. В Поволжье был провозглашен приоритет социальных ценностей. Комуч согласился готовить промышленные предприятия к денационализации, но возвращавшиеся владельцы или управляющие обязывались гарантировать одновременно восстановление производительности и сохранение приемлемого уровня оплаты труда, нормальное взаимодействие с коллективом рабочих и служащих. Однако за четыре месяца ни один из крупных объектов производства не был ни денационализирован, ни расширен. Почти никаких мер по организации промышленности на нужды фронта не предпринималось, все свелось к перераспределению имеющихся интендантских запасов. Более того, социально-трудовая сфера региона оказалась поражена жесточайшими конфликтами.

Поразительный пример мобилизации промышленности показали руководители Ижевско-Воткинского восстания в Прикамье. Тонко сочетая популистские фразы с жесткими методами налаживания производственной дисциплины, рабоче-эсеровская власть сохранила советские ставки, но ввела сверхурочные работы. Признав правомерность дифференциации оплаты труда в соответствии с производительностью, администрация предприятий смогла временно отказаться от соблюдения норм социальной защиты рабочих и служащих и даже удерживала часть зарплаты в виде внутреннего займа⁵. Все это дало неплохой эффект на протяжении нескольких месяцев в экстремальных условиях окружения восставших заводов, выпускавших военную продукцию. Больше на востоке России повторить его не удалось. Разве что отчасти аналогичный стиль организации работы можно отметить на казенных оружейных заводах Пермского района, также прифронтового⁶.

Иначе решался вопрос в Сибири, и эта модель управления индустрией была с ноября 1918 г. распространена на весь восток России. При советской власти большинство национализированных предприятий пользовалось обширным государственным кредитом для покрытия своей убыточной работы. Временное сибирское правительство восстановление прав собственности на средства производства обусловило возвращением этих долгов. Среди крупных собственников лишь единицы могли осуществить денационализацию, остальные остались в государственном управлении. Правительство финансировало только те производства, функционирование которых являлось необходимым для обеспечения армии и транспортной системы. Кредиты должны были гаситься поставками продукции. При этом сохранялись твердые, утверждаемые государством цены на ключевые виды продукции: уголь, металлы, транспортные перевозки. Таким образом, государство создало удобные для себя условия использования промышленного потенциала ряда крупных заводов и фабрик, не нарушая при этом принципа частной собственности.

Низкие закупочные цены стали одной из причин недовольства промышленной буржуазии. Но в целом она приняла условия, предлагавшиеся государством. Естественно, бюджет предприятий сводился ниже уровня рентабельности. Это не позволяло поддерживать на должном уровне заработную плату и порождало массу трудовых конфликтов. Для рабочих и служащих виновником ситуации представлялся частный предприниматель или администрация казенного предприятия.

Нужно отметить, что руководство «флагманов» уральской и сибирской промышленности быстро осознало, что в рамках установившихся взаимоотношений необходимо, чтобы государство взяло на себя обязанность снабжать крупнейшие производственные объекты продовольствием и предметами первой необходимости⁷. Но в правительстве вяло реагировали на подобные импульсы. Возможно, та-

кая инертность связана с либерально-рыночными представлениями тех, от кого зависело принятие решений. Но главной причиной являлось отсутствие у правительства ресурсов для организации такого обеспечения. Поздней осенью 1919 г., на закате своей деятельности, Российское правительство решило устроить для них столовые. Помощь важнейшим промышленным предприятиям так и не была организована. Государственного патернализма хватило только на контроль сбыта необходимой для армии продукции, но не на заботу о трудовых коллективах, от которых зависело производство.

Зато сибирские, а потом Российские власти вполне использовали другой существенный резерв усиления отдачи промышленных и транспортных предприятий. С первых дней своего существования Временное сибирское правительство взяло курс на ликвидацию органов коллегиального управления, пресекло вмешательство рабочих организаций в производственные процессы. Это дало определенный эффект – производительность труда на многих объектах поднялась и почти год сохранялась на достаточно высоком уровне. Некоторая часть предпринимателей или управляющих заводами, фабриками, пароходствами и железными дорогами привлекли оставшиеся капиталы к восстановлению и поддержанию работы своих предприятий. Но этот ресурс оказался не велик. Большинство промышленников ссылалось на полное отсутствие средств и готовность работать лишь при условии кредитования. Государство не рассчитывало на такой масштабный запрос кредитов со стороны индустриального сектора. Основными инструментами мобилизации промышленной и транспортной отрасли стали финансовые и ценовые. Такая «мягкая» система концентрации ресурсов не давала ощутимой отдачи.

Обращает на себя внимание установка частных владельцев предприятий, управляющих и тех, кто курировал кредитную политику в правительстве, на капитальное строительство. При остром недостатке денежных средств, их значительная часть шла на долговременные инвестиции – строились новые производственные объекты, прокладывались шоссейные и железные дороги. Часть из них не имела прямого отношения к нуждам армии и призвана была обеспечивать послевоенный экономический рост или закладывать фундамент в восстановление экономики после Гражданской войны. Недостаточная «мобилизационная ориентированность» инвестиционных планов ослабляла те позитивные заделы в организации государством промышленности и транспорта, которые, безусловно, имелись.

Серьезную проблему составляла неспособность государства сосредотачивать усилия на «узких» местах. Многие промышленные предприятия получали помощь и содействие государства, но не было таких отраслей, в которых государство попробовало бы выстроить жесткую вертикаль управления. Казенные дотации оформлялись в качестве коммерческого государственного кредита, хотя в условиях стремительной инфляции он не мог играть данную роль. Причем, предприятия мелкой и кустарной промышленности, работавшие на оборону и объединенные в военно-промышленные комитеты, добились достаточно выгодных условий выполнения государственных заказов. Они получали авансы и сырье для изготовления заказанных предметов. Их взаимодействие с Министерством снабжения и продовольствия не было безоблачным, а исполнение заказов далеко не безупречно. Но в целом они поставляли значительную часть необходимого армии снаряжения. Громадные средства затрачивались на заготовку продовольствия, концентрировавшегося в интендантствах. Но не военно-промышленные предприятия, работу которых оживили благодаря интенсивным финансовым вливаниям и использованию частной инициативы, а такие отрасли, как угледобыча, железнодорожный и водный транспорт, оказались наиболее слабым звеном в экономической цепочке. Их работу неоднократно лихорадило из-за протестов трудящихся. Рабочие коллективы комплектовались на основе свободного найма, продолжали действовать профсоюзы и даже стачечные комитеты. В случае конфликтов администрация при посредничестве Министерства труда пускалась в длительные переговоры, как было, например, в период октябрьской 1918 г. железнодорожной стачки, остановившей железную дорогу от Челябинска до Владивостока, или февральско-мартовский 1919 г. конфликт обь-иртышских речников, прервавший подготовку к навигации. Государство не применило ни одного из возможных жестких методов разрешения этих конфликтов – ни массовых арестов, ни радикального улучшения материального снабжения трудящихся. Все это свидетельствовало об отсутствии четких представлений о реальных приоритетах индустриальной политики, о необходимых для выживания и победы методах мобилизации важнейших отраслей экономики. Правительство решало тактические задачи погашения текущих конфликтов, снижения социальной напряженности.

Все это резко контрастировало с ситуацией в тылу у красных. Там присутствовали идейно-мобилизационные структуры в виде подчинявшихся партии профсоюзов, обширной руководимой государством сети агитационно-пропагандистских организаций, политико-надзорные и карательные органы в лице ВЧК, партийных ячеек. И те и другие нередко организовывались по производственному принципу. Конечно, монолитность рядов рабочего класса, готовность единым фронтом выступить против противников «социалистической революции» не стоит преувеличивать. Тем не менее, на смену органам рабочего контроля и самоуправления на протяжении 1918 г. в советском тылу пришла жесткая административная вертикаль управления промышленностью и транспортом. Это свело к минимуму возможность автономной от власти самоорганизации рабочего класса. Его публичная жизнь оказалась в значительной степени интегрирована в государство, ограничена выполнением задач, определяемых государственными органами. Самое главное, советский строй мог репрезентовать себя как власть рабочего класса. Любую оппозицию правящий режим мог представить как антирабочую. Это был мощнейший козырь, которому противники большевиков ничего не смогли ему противопоставить.

Мобилизация труда

Конечно, в условиях отказа от жестких форм мобилизации собственности требовалась хотя бы твердая организация людских ресурсов. Без этого сохранить людей на стратегически важных объектах промышленности и транспорта было невозможно. Если ставить за работникам возможность покидать те предприятия, где зарплата заморожена самим государством через твердые цены на их продукцию и услуги, то рынок труда регулировал все в интересах, противоположных государственному.

К осознанию допустимости трудовых мобилизаций правительство шло очень медленно и с опаской. Первоначально преобладала критика даже тех мероприятий, которые разрабатывались в годы Первой мировой войны. Этатизация трудовых отношений представлялась делом не перспективным. Максимумом допустимого считалось использование военнопленных, которых на востоке страны насчитывалось около 240 тыс. Их стали достаточно массово привлекать к труду с 1915 г., но уже в годы Первой мировой войны местные власти и население жаловались на забюрократизированность процедуры оформления пленных на работу, и неэффективность действий властей по распределению этого вида трудовых ресурсов. При советской власти пленные вообще получили возможность наниматься добровольно и запрашивать плату за труд по среднерыночным расценкам. Временное сибирское правительство решило навести порядок. 29 июля 1918 г. оно утвердило новые правила о порядке содержания и использования военнопленных⁸, введение которых означало восстановление дореволюционной системы. Как и раньше, приоритет получили предприятия, работавшие на оборону.

Тем не менее, располагая столь значительными трудовыми ресурсами, власти не смогли обеспечить достаточного количества рабочей силы даже для наиболее важных стратегических объектов сибирской экономики. Сказалось и тщательно раздувавшееся пропагандой подозрение военнопленных в связях с большевиками. Порой их предпочитали запереть в концентрационном лагере под охраной, потому что трудоиспользование предполагало мобильность и широкие контакты с населением. В итоге этот ресурс оказался слабо задействован. Учет военнопленных и их оформление на работу за революционные месяцы полностью расстроился, и его не удалось вновь организовать должным образом. Даже 15 месяцев спустя после принятого решения правительство вновь ставило задачу выяснить, наконец, где, какое количество пленных находится и чем они заняты⁹.

Замысел провести трудовую мобилизацию соотечественников в лагере восточной контрреволюции должен был коснуться не рабочих, занятых производством, а лиц интеллигентных профессий. Но их призывали не на рытье окопов или выполнение иных неквалифицированных работ, как это делали большевики из чувства социальной мести, а для исполнения своих профессиональных обязанностей в интересах государства и общества. Дело было в массовом уходе служащих с государственной или земской службы в силу крайне низкой, почти символической заработной платы. Они старались устроиться в коммерческих организациях или заняться частной практикой. Против этой практики и нацеливалась трудовая мобилизация.

Государственная власть крайне медленно продвигалась от первоначального формулирования идеи (сентябрь 1918 г.) до ее воплощения в законе от 6 мая 1919 г. о трудовой повинности. Власти провели регистрацию, а во многих местах и медицинское освидетельствование служащих¹⁰. Воспользовались принятым законом, однако, с большой осторожностью. 11 июля 1919 г. объявили призыв юристов¹¹. 11 августа 1919 г. – кооперативных и торгово-промышленных организаций, имеющих практический опыт хозяйственной деятельности и проживавших в Новониколаевске и городах западнее него¹². Много позже, 30 сентября 1919 г., провели призыв медицинских работников для отбывания службы по ведомству Министерства внутренних дел¹³. Предпринятые меры действительно позволили частично закрыть слабые места в управлении. Мобилизации коснулись очень небольшой части служащих, но их проведение предполагало полный переучет работников-мужчин во всех учреждениях и организациях всех форм собственности, чтобы выявить призываемый контингент. Следовательно, опыт трудовой мобилизации служащих можно признать положительным только в случае его расширения. Этого не произошло, хотя такие намерения были. 15 августа 1919 г. правительство приняло решение в связи с сокращением работ в государственных учреждениях направлять служащих, в том числе и женщин, в распоряжение военного ведомства для исполнения работ на нужды армии¹⁴. Проводился учет работников, которых можно было безболезненно для работы учреждения направить в распоряжение военных. Дальше подготовительных работ, однако, на этот раз дело не пошло.

Уже на исходе белого движения, в 1920 г., проявилась характерная черта отношения представителей либерального мышления к трудовым мобилизациям. Летом этого года Приморье столкнулось с необходимостью провести демобилизацию огромной армии, ставшей ненужной и обременительной для содержания одной областью. Региональный рынок труда страдал от переизбытка предложения, вместе с тем, целый ряд отраслей производства сворачивался в связи с уходом из них работников из-за низких заработков. Военное и морское ведомство предложило свой вариант решения – создание трудовых артелей из бывших военнослужащих, берущих на льготных условиях концессию на разработку ресурсов. Так были организованы артели по рубке леса, ловли рыбы, помолу хлеба, каботажной транспортировке грузов. Вариант создания трудовых армий, остававшихся в распоряжении государства, был отвергнут и осужден либерально настроенными деятелями дальневосточной контрреволюции, так же как и идея организации общественных работ с централизованным переводом бывших военнослужащих в положение наемных работников в тех отраслях, которые государство считало целесообразным разрабатывать. Трудовые армии отрицались, т.к. их появление постепенно могло привести к распростра-

нению мобилизационного принципа на все трудовые отношения, общественные работы, потому что государство было не в состоянии предложить сносный уровень оплаты труда¹⁵.

На всем протяжении Гражданской войны в лагере «белых» доминировали общие представления о пределах государственного вмешательства в трудовые отношения. Мобилизационные мероприятия в этой области трактовались как зло, к которому можно прибегать лишь в крайних случаях. Естественно, что это не позволяло создавать механизмы эффективной переброски трудовых ресурсов, их концентрации на узких экономических направлениях.

Государство и общество на идеологическом фронте

Внутренняя мобилизация духа подчас бывает важнее внешней мобилизации через механизмы права. Отсюда вытекает очевидная ценность правильной организации духовной сферы воюющего государства.

Нет ничего парадоксального в том, что необходимость идеологической работы в антибольшевистском лагере лучше всего понимали представители социалистов, еще недавно вместе с большевиками находившихся в рядах революционеров. Поэтому в Поволжье достаточно быстро был создан в рамках Ведомства внутренних дел Комуча Агитационный культурно-просветительный отдел. При нем быстро удалось сформировать штат агитаторов, которые, разъезжая по сельской местности, одновременно информировали население о происходящих событиях и сообщали в центр о настроениях в деревне. Естественно, большая часть работников состояла из социалистически настроенной интеллигенции провинциальных городов. Они внушали населению, что представляют правительство борцов против большевистской контрреволюции, которое намерено продолжать мероприятия по социализации земли. Эсеровский генезис агитационного органа предопределил и главное противоречие в его деятельности. Многие агитаторы воспринимали военных как реакционеров, критиковали их действия. Параллельно в Поволжье функционировала сеть агентов агитационного отдела Народной армии. Свою главную задачу они видели в создании благоприятного образа армии в крестьянской среде. Но работа отдела плохо прослеживается по источникам, его влияние на политические настроения деревни было минимальным, взаимодействие гражданских и военных агитационных структур было слабым.

Успехи Красной армии в Поволжье предопределили недолговременность работы отдела. Свою положительную роль в идейно-политической мобилизации населения он все же, по-видимому, сыграл.

Очень похожая структура возникла и в Сибири. 20 июня 1918 г. при Западно-Сибирском комиссариате был сформирован информационный отдел, через месяц ставший информационно-агитационным отделом Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства. После перехода в августе 1918 г. на призывной принцип комплектования армии необходимость такого подразделения стала для Временного сибирского правительства сомнительной. Но руководитель отдела А. Г. Козлов связал его работу с подготовкой перевыборов земских органов и организацией волостных земств – тоже, как будто, государственной задачей – и развернул масштабную агитационную деятельность в земско-эсеровском ключе¹⁶. Ликвидация отдела затянулась до конца ноября 1918 г. Как справедливо отмечено исследователями, пропагандистская работа государства в Сибири приостановилась на стадии развертывания.

Воюющая государственная машина долго без идеологической работы функционировать не могла. Вскоре Российское правительство вернулось к задаче идейной мобилизации. Но ставка была сделана на развитие военных идейно-мобилизационных структур – осведомительных отделов и отделов печати. К лету 1919 г. они сформировались в законченную сеть, действовавшую при каждом крупном подразделении от Штаба Верховного главнокомандующего до штаба полка. Они выполняли двоякую функцию – сбор разведывательной информации и пропагандистскую работу, прежде всего, через распространение печатной продукции. Кроме того, в структуре военного управления появились армейские отделы внешкольного образования, занятые организацией солдатского и офицерского досуга.

Российское правительство стыдливо опасалось создавать государственные органы для идеологической работы с населением. Поэтому 25 апреля 1919 г. было создано АО «Русское общество печатного дела». Формально оно являлось частным, но большую часть акций оплатило правительство. Во второй половине 1919 г. оно развернуло масштабную пропагандистскую работу в прессе. Общество имело отделения в 18 городах Урала, Сибири и Дальнего Востока и выпустило 32 брошюры, листовки и плакаты общим тиражом 19 млн 35 тыс. экз. Выявленные отечественными историками материалы позволили А. Л. Посадкову сделать весьма обоснованное сравнение «Русского общества печатного дела» с большевистским Госиздатом¹⁷. Поняв всю значимость политической агитации, правительство пыталось жестко регулировать ситуацию на остродефицитном рынке полиграфического сырья, распределяя львиную долю бумаги и типографских материалов на издание агитационных листовок и брошюр. Но, во-первых, это понимание пришло слишком поздно. Восстановить расшатанный авторитет государственной власти и отступающей армии было уже невозможно никакими мерами. Во-вторых, качество пропагандистских материалов, выпускаемых на востоке России, оставалось крайне низким. Меры по мобилизации типографских ресурсов приводили к ущемлению серьезных изданий и воспринимались общественностью как борьба со свободой слова. Поэтому отдача от пропагандистско-агитационной деятельности правительства оставалась невелика и едва ли оправдывала материальные и организационные затраты.

XX век стал веком тотальных войн, который требовал тотальной мобилизации сознания¹⁸. Это подспудно осознавали российские радикалы по обе стороны фронта. Большевики в самые слож-

ные для политического режима периоды готовы были нести огромные затраты на идеологическо-пропагандистскую работу. Они быстрее её наладили и сформировали куда более развитую сеть воздействия на массовое сознание. Эту задачу столь же отчетливо осознавали и их эсеровские противники, готовые к созданию единых государственно-партийных идейно-пропагандистских органов. Но для этого история не отвела им ни времени, ни средств. Решающее значение сыграл иной, сибирский вариант идейной мобилизации, распространенный вскоре на все восточные регионы страны. В условиях Гражданской войны он оказался малорезультативным и вообще, по-видимому, плохо подходил для организации эффективного государственного воздействия на общество.

Основную массу медиапространства занимали неправительственные агитационные издания. Восток России был поистине местом свободной печати. Это обстоятельство не опровергают даже многочисленные факты цензурных гонений на прессу. В каждом крупном городе выходило одновременно десять – пятнадцать изданий, а общее количество газет и журналов на востоке России доходило до полутысячи. Это были ведомственные, городские и земские, кооперативные, профсоюзные, частные издания и издания, принадлежавшие различным общественным организациям. Настроения читающего общества в значительной степени определяла негосударственная печать.

Между тем, очевидно, что идеологическая направленность основной массы выходивших на востоке страны изданий шла в разрез с основными задачами режима военной диктатуры. Вместе с тем, она оказалась вполне созвучна взглядам на пути развития страны широкого слоя интеллигенции. Эта группа российского общества была пропитана культуртрегерскими идеями. Свершившуюся революцию они считали своей, а существующий режим готовы были поддержать настолько, насколько он удовлетворял широкие «культурнические» начинания. Конечно, на востоке России работники учреждений культуры и науки испытывали, как и по всей стране, тяжелые материальные лишения. Тем не менее, вторую половину 1918 – первую половину 1919 г. вполне можно было показать как короткий «золотой миг».

Все это имеет непосредственное отношение к исследуемой теме. Российская интеллигенция видела главную ценность начатой в феврале 1917 г. революции в том, что она создавала условия для культурного рывка. Не менее, а возможно и более важной задачей считалось преодоление большевизма не во внешних его проявлениях, а как явления внутреннего, что считалось возможным только через просвещение широких масс, а также развитие элитарной культуры, неизбежно повышающей общий уровень развития народа. Дело было даже не только и не столько в борьбе с большевизмом. Культурная работа имела ценность сама по себе. Именно на решение этой масштабной задачи готова была мобилизовать себя и «свое» государство российская интеллигенция.

Такая позиция порождала мощное лоббирование приоритетов культурной и образовательной деятельности перед военно-мобилизационной. Дилемма выбора между пушками и книжками неизменно решалась в пользу последних. Приведем лишь несколько конкретных примеров. Минусинская уездная земская управа утвердила смету культурно-просветительского комитета на 1919 г. в 138 тыс. руб. Земство выделило 44 тыс. руб. Остальное просили перечислить Министерство народного просвещения. В ответ из школьного отдела сообщили, что исключат из сметы расходы на содержание личного состава комитета, разъездные деньги, издание газеты и капитальное строительство (всего 46 тыс. руб.). Остальную часть сметы министерство обещало удовлетворить. Канское уездное земство организовало педагогические курсы, открыло 10 музеев в сельских школах. У Министерства народного образования запрашивали средства для финансирования воскресных школ¹⁹.

Это не случайные события, а стиль общения интеллигенции и власти. В ответ на статью министра народного образования «Обмен деятелями школы между Россией и Америкой»²⁰, десятки сибирских и дальневосточных учителей просили ассигновать им государственные средства для долгосрочной стажировки в Америке. В министерстве отнеслись к этому весьма серьезно и даже по рекомендации министра провели специальное совещание по этому вопросу, придя к выводу о целесообразности отправки летом 1919 г. в Америку 10–15 сибирских профессоров и ассигновании им на эти цели по 40–45 тыс. руб. каждому²¹. Российское правительство не стало реализовывать этот амбициозный проект, рождение которого в недрах одного из колчаковских министерств представляется весьма показательным.

Органы местного самоуправления фактически осуществляли масштабную иммобилизацию средств населения. Работа земских и городских управ на удовлетворение военных нужд страны, как правило, производилась дотационным способом или носила возмездный характер (хотя, естественно, государство являлось крайне неаккуратным плательщиком). Государство же не только не препятствовало масштабным затратам муниципальных органов на культурное строительство, но, напротив, в лице своего Министерства народного просвещения активно этому содействовало, пытаясь максимизировать расходы правительства на эти цели. Еще в июле 1918 г. министерство уведомило образовательные учреждения страны о том, что наступило время коренной школьной реформы. Для её удачного проведения оно считало необходимым организовать широкое обсуждение школьных проблем в обществе, для чего министерство предлагало повсеместно созвать уездные и губернские учительские съезды²².

Если бы в школьные программы попытались привнести элементы политической пропаганды, тогда можно было бы говорить о идейно-мобилизационной функции образования. Напротив, учительство и власть солидарно отстаивали аполитичность школьной системы.

Этот и множество других случаев свидетельствуют о полном непонимании ситуации. Конечно, и в советской России интеллигенция проявляла аналогичные качества. Но там налицо была большая степень самомобилизации, особенно среди искренних сторонников коммунистической идеи, а также

активнейшее вмешательство государства, не постеснявшегося подчинить весь процесс образования и культурной работы решению идейно-мобилизационных задач параллельно с образовательными. Кстати, как показала в своем исследовании Т. Ю. Красовицкая, для советского руководства и в центре и на местах в годы Гражданской войны образовательные задачи в системе образования вообще ушли на второй план²³. Ничего подобного в лагере контрреволюции не происходило.

* * *

Политическое и социально-экономическое взаимодействие государства и общества на востоке России хотя и формировалось в условиях Гражданской войны, но так и не сложилось в законченную и стройную систему мобилизационного характера. Государственная власть плохо понимала необходимость экстраординарных мер и с большим опозданием предпринимала шаги по концентрации ресурсов в своих руках.

Политические лидеры, оказавшиеся у власти, твердо верили в силу экономических рычагов, полагая, что даже если их одних не будет достаточно для обеспечения армии, они должны оставаться важным инструментом регулирования социально-экономических процессов. Они также стремились устраниваться от руководства в идеологической сфере общественной жизни. Такой подход сделал их более слабой стороной в военно-политической борьбе.

Примечания

¹ Pereira N. G. O. White power during the Civil War in Siberia (1918–1920): dilemmas of Kolchak's "War anti-communism" // Canadian Slavonic Papers. March, 1987. Vol. XXIX. № 1. P. 45–62.

² Часть из них автор имел возможность детально обосновать в недавно опубликованной монографии (См.: Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.).

³ Расчеты делались на основании: Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. За годы Первой мировой войны население Сибири и Дальнего Востока возрастало за счет миграций, которые перекрывали убыль в следствии военных мобилизаций. На Урале же и в Поволжье была отрицательная динамика населения. Точные подсчеты, однако, выходят за рамки исследуемой темы.

⁴ Симонов Д. Г. История II Степного корпуса Белой армии (1918 год). Новосибирск, 2001. С. 16; Волков С. В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. М., 2003. С. 93, 204–205, 377, 516.

⁵ Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004. С. 304, 315–317.

⁶ Дмитриев Н. И. Пермский пушечный завод при белогвардейцах // Первые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 1997. С. 66–68.

⁷ ГАОО. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 3. Л. 460–462 об; ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 2. Д. 3. Л. 176–184; Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁸ Правительственный вестник (Омск). 1918. 3 авг.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 177 об.

¹⁰ ГАТО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–336.

¹¹ Правительственный вестник. 1919. 17 авг.; Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 85.

¹² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 19 об. – 20 об.

¹³ Там же. Д. 99. Л. 164 об. – 165 об.

¹⁴ Правительственный вестник. 1919. 2 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 131 – 132 об.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 – 5 об.

¹⁶ Там же. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–39, 42, 48.

¹⁷ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. 1917–1930 гг. Новосибирск, 2002. С. 95.

¹⁸ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения : российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloквиума. СПб., 1999. С. 83–102.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 61. Л. 103–104, 122.

²⁰ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 17 янв.

²¹ ГАРФ. Р-320. Оп. 2. Д. 4. Л. 27–28, 32–33.

²² Там же. Оп. 1. Д. 31. Л. 17.

²³ Красовицкая Т. В. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 г. Москва, 2002.

Страхов В. В.

И. С. БЛИОХ И А. А. ГУЛЕВИЧ О ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ РОССИИ В «БОЛЬШОЙ» ВОЙНЕ

Вопрос о развернувшейся в России с конца 90-х гг. XIX столетия теоретической дискуссии о готовности народного хозяйства страны к общеевропейскому военному конфликту и его финансово-

экономических последствиях, инициаторами которой выступили И. С. Блюх и А. А. Гулевич, принадлежит к числу сравнительно слабо освещенных в отечественной историографии. В работах немногочисленных исследователей встречаются преимущественно характеристики концептуальных позиций ведущих участников дискуссии и указания на важнейшие аспекты этой полемики¹.

Что касается оценки взглядов Блюха и Гулевича, то традиционно здесь доминируют крайне отрицательные отзывы, впервые представленные еще в работах ряда либеральных экономистов начала XX века. Так, П. Б. Струве сравнивал ниже указанный труд Блюха с «интересным и устрашающим памятником дилетантизма». Не менее категоричен был и С. Н. Прокопович, который характеризовал взгляды Блюха и Гулевича на перспективы участия России в общеевропейской войне как имеющие «реакционно-националистическое происхождение»².

В советское время критика воззрений Блюха и Гулевича стала еще более жесткой. Например, известный специалист в области истории экономики И. В. Маевский писал: «Рассуждения И. Блюха об устойчивости и выносливости натурально-патриархального хозяйства, обладающего достаточными продовольственными ресурсами, есть не только продукт отсталых и наивных взглядов на современную войну, но и пример вредного, реакционного отношения к техническому прогрессу вообще и к промышленному в особенности». Аналогичную оценку, подобно другим советским историкам, профессор Маевский давал и взглядам генерала Гулевича. Оба этих автора, резюмировал Маевский, «выступали с ошибочными и объективно вредными военно-экономическими концепциями»³.

В последнее время наметилась тенденция более осторожной и взвешенной оценки воззрений Блюха и Гулевича. Показательно в этом отношении содержательное исследование профессора А. А. Клеймана. В одном из выводов своей работы автор справедливо указывает, что работы Блюха и Гулевича, ставших первыми представителями «народнохозяйственной точки зрения», ознаменовали собой «качественные изменения в подходе взаимовлияния войны и экономики, в том числе и к оценке решающей роли народного хозяйства страны и его ресурсов в обеспечении возрастающего военного спроса»⁴.

Тем не менее, вопрос о характере и особенностях теоретической дискуссии по поводу финансово-экономической готовности России к «большой» войне общеевропейскому военному конфликту и, в частности, взглядах Блюха и Гулевича остается по существу открытым. Учитывая это обстоятельство, в настоящей работе предпринимается попытка непредвзятого анализа воззрений указанных авторов на финансовые и экономические перспективы участия царской России в общеевропейском военном конфликте.

Важнейшие аспекты надвигавшейся «большой» войны впервые нашли свое отражение в опубликованном в 1898–1899 гг. семитомном сочинении с весьма характерным названием – «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». Автором этого фундаментального труда был член Ученого комитета Министерства финансов, действительный статский советник Иван Станиславович Блюх (1836–1901). К тому времени он был широко известен в России и за рубежом не только как имевший значительное влияние в правительственных кругах банковский деятель и железнодорожный магнат, один из лидеров борьбы за права еврейского населения империи, но и в качестве крупного исследователя, перу которого принадлежало более десятка оригинальных книг по экономике и статистике железнодорожного транспорта, сельскому хозяйству, теории государственных финансов и кредиту⁵.

Сочинение Блюха стало по существу первой в мировой практике работой, где на основе анализа обширного фактического материала и огромного массива разнообразных статистических данных была убедительно показана гибельность для европейской цивилизации курса на безудержное наращивание милитаризма, неизбежность колоссальных людских и материальных потерь в случае начала «большой» войны. Вызвав широкий резонанс в России, труд Блюха в короткие сроки был издан целиком или в извлечениях на всех ведущих европейских языках. Примечательно, что именно знакомство с этой книгой, а также продолжительная личная встреча с ее автором, который «пропагандировал очень сильно» идею всеобщего мира и разоружения⁶, окончательно убедили Николая II в необходимости обратиться к правительствам ведущих держав с призывом отказаться от дальнейшей гонки вооружений⁷. Более того, материалы труда Блюха использовались российским правительством при подготовке к первой Гаагской мирной конференции⁸.

Вопросам, связанным с экономической стороной общеевропейского конфликта, посвящены несколько отделов второго и, главное, четвертый том сочинения Блюха, где автором предпринимается попытка спрогнозировать развитие ситуации в сфере экономики и финансов под воздействием «большой» войны, рассмотреть особенности ее влияния на народное хозяйство России и других крупнейших держав. Осознавая беспрецедентные масштабы и характер надвигавшейся трагедии, Блюх был убежден, что она нанесет сильнейший удар по экономическим системам захваченных в ее орбиту стран, вызовет радикальные изменения в международных хозяйственных связях. «Нелегко даже себе представить, – писал автор, – какие экономические потрясения вызовет сама война при современном сложном действии народнохозяйственного механизма и разделении труда, доведенном до крайнего предела»⁹.

Говоря о силе удара, который нанесет война по экономическим системам, Блюх утверждал, что «чем выше культура данной страны, чем сложнее ее экономический аппарат, тем большее потрясение произведет перерыв во многих ее функциях и тем огромное будут потери, какие понесет народное хо-

зайство. Эти потери, несомненно, будут более велики в тех государствах, где большинство населения занято трудом фабричным и ремесленным, а также торговлей, и менее значительны в странах с населением преимущественно сельскохозяйственным»¹⁰.

Таким образом, вопрос об особенностях влияния будущей войны на экономику вовлеченных в нее государств Блюх во многом соотносил с уровнем развития в них капитализма, масштабами и характером участия конкретных стран в международном разделении труда. При этом он исходил из предположения о том, что сложность и многоплановость структуры внутри- и внешнеэкономических отношений, глубокая взаимосвязь и взаимозависимость различных элементов хозяйственной системы капитализма является в конечном итоге фактором, усиливающим степень отрицательного воздействия войны, особенно – на ее начальном этапе.

Опираясь на указанные положения, Блюх указывал, что в случае участия России в общеевропейском конфликте она будет иметь ряд существенных преимуществ перед ведущими державами Запада в экономическом и финансовом отношениях.

Главным из них он считал, выражаясь современным языком, продовольственную безопасность, которой, по его мнению, не будет у Германии и, тем более, Англии. Наличие в России необходимого количества продуктов питания Блюх оценивал как условие, позволяющее «выдержать войну в течение более продолжительного времени без опасения внутренних осложнений»¹¹. В этой связи экстенсивный характер российского сельского хозяйства он рассматривал, как своего рода гарантию того, что массовые мобилизации среди крестьянского населения не смогут решающим образом повлиять на объемы производства продовольствия в империи, в то время как, например, в Германии с ее интенсивной системой земледелия «урожай последующего года значительно уменьшится». «...Низкий уровень, на котором стоит развитие в России земледелия, – писал Блюх, – увеличивает ее оборонительную силу. Заброшенные поля не истощаются, потому что и так их не обрабатывали, как следует, искусственная мелиорация не испортится, потому что ее нет. Работник, возвратясь с войны, найдет все по-прежнему»¹². Тем не менее, война, которая, как указывал Блюх, могла бы в силу объективной ограниченности экономических, финансовых и людских возможностей продлиться не более двух лет¹³, «тяжело отразится» на экономическом положении крестьянского хозяйства. Во-первых, в результате сокращения несельскохозяйственных доходов крестьян, а во-вторых, из-за уменьшения спроса на хлеб и падения цен вследствие прекращения его экспорта. Причем, как отмечал Блюх, «усиленные покупки хлеба для войск» не смогут компенсировать падение спроса, вызванное свертыванием внешней торговли. Наконец, «замешательство» вызвало бы и прекращение экспорта других традиционных сельскохозяйственных товаров.

Положительным моментом Блюх считал и то, что «в России все экономические недостатки, малая степень общественного образования, низкое развитие культуры, промышленности, торговли – все это способствует меньшим убыткам в случае войны»¹⁴. Однако это не означает, уточнял автор, что «чем страна беднее, тем легче ей перенести войну». Более того, по мнению Блюха, «есть известный минимум благосостояния (при том не только материального, но и нравственного), который помогает народу или отдельной области легче перенести испытания войны и скорее оправиться от ее последствий».

Примечательно, что уже в ходе Первой мировой войны ряд известных отечественных экономистов при оценке характера и масштабов негативного влияния боевых действий на народное хозяйство ведущих держав фактически повторяли мысль Блюха об определенном позитивном значении в чрезвычайных условиях многоукладности российской экономики и доминировании аграрного сектора производства. Так, видный меньшевистский экономист и публицист А. Ю. Финн-Енотаевский осенью 1914 г. прямо писал, что «недостаточное развитие капитализма, сохранение у нас во многих местах остатков натурального хозяйства... является плюсом в военном отношении»¹⁵. Сходные мысли выражал в 1915 г. и один из ведущих экономистов левой ориентации профессор М. И. Туган-Барановский. Сравнивая экономическое состояние в военных условиях России, Великобритании и Германии он подчеркивал, что «по отношению к разрушительному влиянию войны на народнохозяйственный организм страны в лучшем положении находятся сельскохозяйственные страны, которые гораздо менее страдают от войны, чем страны торгово-промышленного типа»¹⁶. Далеко не случайными видятся в этой связи и постоянно встречавшиеся вплоть до Февраля 1917 г. в печати парадоксальные на первый взгляд утверждения о том, что «война обогатила Россию».

К явным «преимуществам» России, помимо обусловленных «громадностью ее пространства» и «еще более социальным бытом ее населения», Блюх относил и длительный период обращения в стране неразменных бумажных денег, их привычность для населения. Следует подчеркнуть, что Блюх не питал иллюзий относительно устойчивости финансовой системы государства и длительности эры золотого монометаллизма в империи. Учитывая структуру российского бюджета, преимущественно аграрный характер экономики страны, относительную неразвитость рынка финансовых капиталов, низкий уровень доходов подавляющей части населения, трудность заключения в период войны крупных внешних займов, наконец, огромные объемы предстоящих военных расходов, он справедливо полагал, что важнейшим источником финансирования боевых действий для России, как, впрочем, и для других ведущих держав, станет бумажно-денежная эмиссия. Указанное же «преимущество», отмечал Блюх, позволит, по крайней мере, избежать в начале войны сильной паники и ажиотажа в связи с прекращением золотого размена. В то же время он предупреждал, что «огромный выпуск бумажных денег»

может привести в России к сильнейшему экономическому кризису и «упадку самих производительных сил», на преодоление которого империи потребуются длительный период.

Вообще, финансовой стороне будущего общеевропейского конфликта Блюх отводил одно из приоритетных мест в своей работе. Так, рассуждая по поводу влияния начала войны на кредитно-денежную сферу, он писал, что объявление мобилизации спровоцирует «безденежье, сильный упадок курсов процентных бумаг, истребование вкладов из кредитных и иных учреждений, невозможность производить уплаты по выданным обязательствам, прекращение сделок в кредит»¹⁷. События июля – августа 1914 г. полностью подтвердили справедливость этих слов.

Одним из наиболее пагубных последствий начала боевых действий Блюх считал биржевой кризис, который, по его мнению, должен был охватить все европейские страны. В России, указывал автор, «война сразу понизит курс ценностей, находящихся в обращении внутри государства, приблизительно на 1100 миллионов рублей», «реализовывать их придется с убытком»¹⁸. Однако Блюх не исключал радикального изменения состояния и настроения фондового рынка в случае затягивания войны. Он полагал, что в результате значительного обесценения кредитных билетов из-за прогрессирующей бумажно-денежной эмиссии публика захочет от них избавиться и «предпочтет вновь покупать фонды, курс которых, быть может, даже значительно повысится, особенно тех, ценность которых опирается на недвижимость или на доходы, не могущие значительно пострадать от войны»¹⁹. Попутно заметим, что развитие ситуации на фондовом рынке России с весны 1915 г. и вплоть до конца октября 1917 г. шло именно по этому сценарию.

Биржевой кризис в начале войны, а также падение покупательной способности бумажных денег Блюх рассматривал и как наиболее серьезные препятствия для проведения военных займов на внутренних финансовых рынках. Тем не менее, утверждал автор, «ни одно из государств не будет в состоянии обойтись без заключения внутренних займов»²⁰. Более того, «в странах, втянутых в омут войны, свободные капиталы будут направлены преимущественно в займы, заключаемые для целей войны»²¹. Практика Первой мировой войны и, в частности, пример России убедительно показали, насколько правильным оказался и этот прогноз Блюха, хотя вплоть до июля 1914 г. большинство отечественных ученых-финансистов, особенно либерального направления, довольно скептически относились к возможности активного использования потенциала внутреннего государственного кредита в целях финансирования «большой» войны²². К сказанному добавим, что именно внутренние займы стали в императорской России вторым по своей значимости источником покрытия военных расходов²³.

Касаясь внешнего правительственного кредита, Блюх писал, что «предвидение опасностей, то есть возможности несостоятельности государств и переворотов, сделают заключение займов и всяких других операций крайне убыточным»²⁴. Однако, подчеркивал автор, правительства все равно будут предпринимать различные меры с целью превращения внешнего кредита в один из главных источников покрытия военных расходов.

Обращаясь к вопросу о перспективах финансирования войны крупнейшими европейскими государствами, Блюх делал в целом правильный вывод, когда писал, что «наиболее обеспеченной будет Франция; за ней идет Германия. России же гораздо труднее будет покрывать расходы, Австрии почти невозможно, а в Италии, наверное, уже с первых месяцев окажется недостаток»²⁵. Касаясь других финансовых аспектов будущего конфликта, Блюх указывал, что все вступившие в войну державы неизбежно столкнутся с необходимостью пересмотра бюджетной политики, активного поиска новых источников доходов, усиления косвенного и прямого налогообложения. Кроме того, ряд его высказываний свидетельствует о том, что он вполне допускал возможность вынужденного вмешательства государства в процесс ценообразования. Таким образом, именно сферу финансов он рассматривал в качестве главного объекта регулирования со стороны государства. Причем, если следовать логики рассуждений Блюха, чем дольше будет продолжаться война, тем активнее и разностороннее будет политика государства в данной области.

По расчетам Блюха участие в войне будет ежедневно обходиться России в десять с половиной миллионов рублей²⁶. Насколько верными оказались эти исчисления можно судить по следующим данным: в 1914 г. среднесуточные расходы на войну составили 9,5 миллионов, а в 1915 г. – уже 24,1 миллиона рублей²⁷.

Определенное внимание в своем сочинении автор уделил анализу возможных изменений в состоянии российской промышленности. По его мнению, ориентированная на «внутренний сбыт», она «не утратит своего рынка вследствие прекращения сообщений, как английская, германская и французская». Однако в результате трудностей в транспортировке заокеанского хлопка, обеспечении предприятий углем, а также из-за снижения доходности сельского хозяйства и, соответственно, падения покупательной способности крестьянства многие отрасли промышленности будут вынуждены «значительно сократить производство». Это в свою очередь приведет к тому, что «рабочие, живущие в бедности и необеспеченности, окажутся в не менее тяжелых условиях, чем на Западе»²⁸.

Несмотря на неоднократные указания на затяжной и «окопный» характер грядущей войны, многомиллионную численность воинских контингентов²⁹, Блюх так и не смог приблизиться к реальной оценке будущих потребностей армии в вооружениях и боеприпасах. Ориентируясь преимущественно на опыт русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и явно преувеличивая значение темпов роста в 90-х гг. выплавки чугуна и стали в России, он полагал, что крупная промышленность без какого-либо серьезного напряжения сил сможет обеспечить фронт всем необходимым.

Далекими от действительности оказались и прогнозы Блюха относительно функционирования во время войны транспортной системы Российской империи. Говоря о неизбежности резкого возрастания воинских перевозок по железным дорогам, он отмечал, что здесь «могли бы произойти серьезные затруднения». Однако развитая система водного транспорта, а также приостановка экспорта позволяют «почти удовлетворить» внутренние потребности страны в перевозках³⁰.

Рассуждая по поводу вероятных итогов общеевропейской войны, Блюх не сомневался, что Россия войдет в лагерь победителей. Однако ему не были свойственны шапкозакидательские настроения. И хотя, указывая он, Российская империя будет иметь некоторые преимущества перед западными державами, война все равно потребует значительных человеческих жертв и материальных потерь. В конечном счете, подчеркивал Блюх, война «отодвинула бы Россию назад в экономическом отношении, быть может, на продолжительное время»³¹.

Почти одновременно с выходом в свет труда Блюха проблема финансово-экономических перспектив участия России в общеевропейском военном конфликте нашла свое отражение в опубликованном в пяти номерах журнала «Военный сборник» за 1898 г. исследовании «Война и народное хозяйство», автором которого был капитан Генерального штаба Арсений Анатольевич Гулевич (1866–1947)³².

Учитывая, что представленные о нем сведения в литературе малочисленны и имеют разрозненный характер, остановимся подробнее на его характеристике.

По замечанию Прокоповича в начале XX века Гулевич признавался в России «высшим авторитетом по вопросам экономики войны», человеком, к мнению которого «прислушивались в правящих кругах»³³. Немалым расположением, судя по косвенным данным, он пользовался и у императора Николая II.

Указанное сочинение являлось диссертацией Гулевича и было написано под руководством профессора Николаевской Академии Генерального штаба, генерала А. Ф. Редигера³⁴, занимавшего впоследствии (1905–1909 гг.) пост военного министра Российской империи. Как писал в своих воспоминаниях Редигер, первоначально для получения профессорского звания Гулевич должен был писать исследование об эволюции военных бюджетов ведущих европейских государств во второй половине XIX столетия. Однако не без влияния со стороны своего тестя – видного российского финансиста В. Т. Судейкина, автора работ по теории и практике банковского кредита и денежного обращения, Гулевич, подобно Блюху, сосредоточился на изучении финансово-экономической стороны будущей общеевропейской войны. К сказанному добавим, что обе работы создавались независимо друг от друга, хотя Гулевич был хорошо знаком со статьями Блюха, которые публиковались в «толстых журналах» и затем составили значительную часть его труда.

Успешная защита диссертации, которая получила высокую оценку видных специалистов того времени и, в частности, известного русского военного теоретика, профессора Г. А. Леера, позволила Гулевичу уже в конце 1898 г. стать экстраординарным профессором кафедры Военной администрации Николаевской Академии. В 1913 г. он был удостоен звания заслуженного профессора Академии.

Примечательно, что среди слушателей Гулевича в Академии был и будущий маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. «Курс устройства вооруженных сил и армии важнейших государств, – писал в своих воспоминаниях Шапошников, – блестяще вел профессор полковник Гулевич. До него не менее блестяще курс читал бывший военный министр Редигер, написавший по этому вопросу прекрасную книгу»³⁵. Гулевич придерживался курса Редигера, обновив его новыми данными. Он привлекал офицеров простотой и ясностью изложения этого до некоторой степени сухого предмета... Один недостаток был у Гулевича – он был в полном смысле барин, и по виду, и в работе»³⁶.

Позже Гулевич был одно время исполняющим обязанности российского военного агента во Франции. В 1905–1908 гг. он занимал должность начальника канцелярии Совета государственной обороны³⁷. В конце 1908 г. в судьбе Гулевича произошел крупный карьерный взлет – он становится командиром Лейб-гвардии Преображенского полка и одновременно генерал-майором «Свиты Его Императорского Величества»³⁸. Перед мировой войной Гулевич занимал уже должность начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа³⁹. После начала войны он поочередно являлся начальником штаба 6-й и 9-й армий, а затем всего Северо-Западного фронта. Положительную оценку его деятельности на посту начальника штаба фронта давал в своих воспоминаниях бывший начальник Генерального штаба (1905–1908 гг.), генерал Ф. Ф. Палицын⁴⁰. О том, что, будучи во главе штаба фронта, Гулевич «высказывал здравые оперативные мысли», писал Б. М. Шапошников⁴¹. Как о «благородном человеке» отзывалась о нем В. М. Алексеева-Борель, дочь генерала М. В. Алексеева, хотя у ее отца, несмотря на довоенные «самые лучшие» отношения с Гулевичем, в боевой обстановке возникало с ним немало трений⁴².

С весны 1916 г. Гулевич командовал 42-м армейским корпусом. Через год, в ходе «чистки» командного состава армии Военным министерством Временного правительства он был фактически удален с фронта путем перевода на должность командира второстепенного 21-го (37-го) армейского корпуса, который дислоцировался в Финляндии⁴³. После Корниловского мятежа «неблагонадежный» Гулевич был освобожден от командования корпусом и зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа.

В период Гражданской войны Гулевич принимал деятельное участие в Белом движении. Осенью 1919 г. он являлся полномочным представителем Северо-западной армии в Финляндии, где, выполняя поручения генерала Н. Н. Юденича, активно добивался совместно с сенатором С. В. Ивановым оказания финским правительством финансовой и материально-технической помощи наступающим на

Петроград белым войскам⁴⁴. Покинув Россию и оставаясь в последующем непримиримым противником большевизма, Гулевич играл в 20-е гг. заметную роль в военно-монархическом лагере эмиграции, был одним из основателей и председателем «Союза офицеров – участников мировой войны», членом ряда других объединений военной эмиграции⁴⁵.

С 1927 г. Гулевич активно участвовал в работе Высших военных курсов генерала Н. Н. Головина в Париже, где читал курс «Устройство вооруженных сил главнейших европейских государств». Здесь же он был членом «Особой испытательной комиссии» – прообраза диссертационного совета⁴⁶. Кроме того, он преподавал на различных курсах, в том числе при Сорбонне.

В 1931 г. на французском языке была опубликована фундаментальная, но малоизвестная в нашей стране работа Гулевича «Царизм и революция»⁴⁷. Ее появление стало заметным событием в интеллектуальной жизни русской эмиграции во Франции. Особый акцент в книге был сделан на анализе высоких темпов социально-экономического развития предреволюционной России и роли в этом государства. Немало внимания уделялось и финансово-экономическим вопросам военного периода, а также особенно актуальной для французов проблеме русского долга. Красной нитью через всю книгу проходила мысль об отсутствии в России к 1917 г. серьезных социально-экономических предпосылок для революционных потрясений и неизбежности падения коммунистического режима.

Однако вернемся непосредственно к работе Гулевича «Война и народное хозяйство». В отличие от многоотомного сочинения Блюха, книга Гулевича, объемом около двухсот страниц, имеет более узкий предмет исследования. Основное внимание автора сосредоточено, с одной стороны, на теоретическом анализе общих закономерностей возможного влияния «большой» войны на экономику и кредитно-финансовую сферу, с другой – на рассмотрении особенностей и «механизмов» воздействия будущего европейского конфликта на важнейшие отрасли народного хозяйства и государственные финансы России.

Видение Гулевичем важнейших особенностей надвигавшейся войны во многом соответствовало взглядам Блюха. Главными вероятными противниками России он также считал Германию и Австро-Венгрию. Близкими позиции этих авторов были и в концептуальном плане и, в частности, при оценке военно-экономического потенциала Российской империи. Правда, Гулевич гораздо отчетливее представлял себе глубину и масштабы экономического отставания России от ведущих европейских держав, возможные отрицательные последствия этого в будущем. Именно поэтому он более осторожно подходил к вопросу о конечных результатах войны. «Победа, – пояснял Гулевич, – будет принадлежать народам, у которых нравственная сила окажется выше. Но она связана с материальной силой народа, его экономическим благосостоянием»⁴⁸.

Подобно Блюху, Гулевич полагал, что экономика промышленно развитых стран в гораздо большей степени подвержена разрушительному влиянию войны, чем хозяйство стран аграрных. Логика его рассуждений была такова: чем выше роль промышленного производства в хозяйстве страны, тем большее количество работников будет призвано из этой сферы в армию и, следовательно, тем сильнее это ударит по промышленности и экономике в целом. Кроме того, согласно взглядам Гулевича, начало войны неизбежно вызовет сильнейший кризис в обрабатывающей промышленности указанных стран, так как из-за резкого сокращения внешней торговли она останется без продуктов переработки.

Как фактор военно-стратегического значения Гулевич рассматривал продовольственный вопрос. По его мнению, обеспечение многочисленной армии⁴⁹ и гражданского населения «жизненными припасами» для многих вовлеченных в войну европейских государств станет одной из главных и наиболее острых проблем. После начала боевых действий, считал автор, цены на продовольствие поднимутся «на небывалую высоту», что «сразу лишит беднейшую часть населения возможности достаточного прокормления». «Вообще, – писал Гулевич, – можно с уверенностью предположить, что действительный голод, по крайней мере, для большинства населения, должен наступить значительно ранее, чем иссякнут все наличные продовольственные ресурсы страны»⁵⁰.

Иное должно было, по прогнозам Гулевича, наблюдаться в России. Он считал, что как бы ни были велики продовольственные потребности вооруженных сил и как бы ни были неблагоприятны условия ведения сельского хозяйства, из-за прекращения экспорта зерновых в России обязательно будет в период войны «известный излишек хлеба на внутреннем рынке». Исходя из этого положения, автор приходил к выводу о том, что «естественные преимущества России перед западноевропейскими государствами» делают ее более приспособленной к «ведению упорной и продолжительной войны»⁵¹.

В то же время, как офицер Генерального штаба Гулевич не мог ни видеть тех черт экономической отсталости России, которые в условиях «большой» войны должны были проявиться особенно явно. В этой связи он в первую очередь выделял «незначительное сравнительно с западноевропейскими государствами развитие железных дорог в России, меньшую их пропускную способность и более слабое оборудование подвижным составом»⁵².

«Железные дороги, – подчеркивал Гулевич, – в числе других материальных орудий общего государственного хозяйства оказывают наиболее благотворное влияние на приспособленность народно-хозяйственного строя страны к ведению продолжительной, большой войны. А потому можно с уверенностью сказать, что каждая новая верста железнодорожной сети, каждый новый паровоз или вагон увеличивает военное могущество государства»⁵³.

Гулевич правильно предвидел, что «напряжение деятельности русских железных дорог не только в первые дни по объявлению войны, но и в течение всей кампании» будет больше, чем в прочих странах. Негативным образом это повлияет на торговлю и промышленность, которые «должны оказаться

в более тяжелых условиях, чем где-либо⁵³. Кроме того, неспособность железных дорог справиться с объемами перевозок станет, указывал он далее, причиной «некоторых затруднений в деле прокормления населения в областях», живущих за счет привозного хлеба⁵⁴. Учитывая эти обстоятельства и как бы предвидя ту кризисную ситуацию, которая сложилась в ходе войны на транспорте, Гулевич писал о необходимости ввести не только единое управления всеми казенными и частными железными дорогами, но и передать это дело в руки военного ведомства.

Другим слабым звеном экономики России Гулевич справедливо считал явно недостаточную для длительной «большой» войны техническую оснащенность промышленности и невысокий уровень ее общего развития. В отличие от Блюха, он выражал сомнения в ее способности удовлетворить требования будущей войны и предлагал государству активнее стимулировать развитие частной инициативы в крупной промышленности, сосредоточить усилия на производстве средств производства, принять меры для создания «широких размерах» различных материальных запасов для армии.

Особо пристальное внимание Гулевич уделял финансовой стороне «большой» войны. При этом он подчеркивал, что «в государстве с преобладанием натуральной формы хозяйства, с незначительным денежным рынком и со слабым развитием кредитных операций, имущественные и трудовые интересы населения легче могут перенести тяжелую болезнь, называемую потрясением финансового строя государства». Иными словами, Россия, «при особом складе своего народного хозяйства», находилась бы в случае начала войны «в гораздо более благоприятном положении, чем прочие западноевропейские государства, в особенности чем те, финансовая жизнь которых достигла наибольшего развития и сложности»⁵⁵.

Прогнозируя возможный сценарий будущей «большой» войны, Гулевич был уверен, что именно состояние финансовой системы государства и способы покрытия военных расходов станут во многом определять состояние народного хозяйства и, в конечном итоге, оказывать во многом решающее влияние на успех военных усилий страны. Огромные масштабы военных расходов⁵⁷, отмечал Гулевич, будут подталкивать к «наиболее простейшему и легкому способу приобретения денежных знаков – к выпуску в потребном количестве бумажных денег»⁵⁸. Однако этот метод финансирования военных действий он считал нецелесообразным, устаревшим, ведущим к разрушительным последствиям.

На основе анализа финансовой стороны крупнейших войн XIX столетия и детального разбора трудов видных европейских экономистов, в частности Лоренца фон-Штейна, Гулевич приходил к выводу о том, что ввиду необходимости придерживаться «крайней осторожности» в повышении налогов, неизбежной «слабости внешнего кредита» во время войны, наиболее перспективный путь – это использование в качестве главного источника покрытия военных расходов внутренних государственных займов, несмотря на «трудности их заключения и медленность реализации»⁵⁹.

Касаясь вопросов техники проведения кредитных операций государства на внутреннем рынке, Гулевич подчеркивал, что в начале войны «нельзя рассчитывать на излишек свободных сумм среди населения и, очевидно, трудно ожидать успешной реализации займа»⁶⁰. Решающую роль в первое время после объявления войны должен сыграть «особый запасной неприкосновенный фонд в металлической валюте» по типу того, который был создан в Германии после франко-прусской войны за счет французской контрибуции и размещен в крепости Шпандау. Создание подобного золотого запаса в объеме не менее 110 миллионов рублей, то есть «по меньшей мере вдвое превосходящего размеры германского», Гулевич считал одной из главных задач подготовки России к будущей «большой войне»⁶¹.

Учитывая, что из-за хронического «недостатка в денежных средствах в военное время, неустойчивости финансового устройства и трудности в пользовании государственным кредитом вследствие бедности страны капиталами» финансирование военных действий будет являться для России одной из самых сложных проблем Гулевич говорил о необходимости всемерного развития в стране «капиталистической формы производства» как важнейшего условия возрастания потенциала частного и государственного кредита⁶².

Как показали дальнейшие события, многое из того, о чем писал Гулевич подтвердилось в ходе Первой мировой войны. В частности, действительно стратегическое значение приобрел продовольственный вопрос. Несмотря на огромное по своим масштабам предвоенное строительство, российские железные дороги так и остались «ахиллесовой пятой» экономики империи, а транспортная проблема в целом стала одним из главных «катализаторов» ускоренной разбалансировки всего народнохозяйственного механизма. Явно недостаточными оказались и промышленные мощности, что вынуждало Россию активно обращаться к военно-технической помощи союзников по Антанте.

Таким образом, традиционная для историографии критика воззрений Блюха и Гулевича представляется во многом далекой от объективности. Акцент на их якобы восхищении отсталостью России является надуманным, искусственным. Оба автора никогда не выступали против развития капиталистических отношений в России. Ни в одной строчке их работ мы не найдем и слов о нецелесообразности развития крупного промышленного производства или необходимости консервации натурально-патриархальных отношений в аграрном секторе экономики России. По меньшей мере нелогичными, выглядят и утверждения о защите ими интересов «реакционных помещиков-дворян». Вряд ли можно согласиться и с мнением о «неонародническом» характере их концепций экономики будущей войны⁶³.

Несмотря на противоречивость некоторых суждений и выводов Блюха и Гулевича, вполне допустимые, учитывая общий характер их работ, ошибки в понимании ряда явлений и процессов будущего, наличие не подтвердившихся прогнозов и предположений, им удалось создать довольно реалистич-

ную картину надвигавшейся мировой войны. Особенно выделяется в этом смысле работа Гулевича. Более точного анализа финансово-экономических аспектов участия России в будущей мировой войны не сделал никто. Остается сожалеть, что в силу своей инертности и приверженности стереотипам государственная власть и не прислушалась ко многим их предостережениям и прогнозам.

Что касается суждений названных авторов о специфической роли аграрного сектора на безбрежных просторах России и мыслей Блюха об исторически обусловленных ограниченных внутренних потребностях ее населения, не укладывавшихся в рамки либеральной и марксистской концепций экономического развития, то их правота, думается, ярко подтвердилась во многие периоды отечественной истории XX века. Именно особый характер и масштабность «связи с землей», а также «непритязательность» подавляющей части населения России стали одним из важнейших факторов экономической устойчивости и ускоренного воспроизводства в экстремальных условиях ушедшего столетия.

Примечания

¹ См.: Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М., 1954; Он же. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968; Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960; Он же. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003 и т. д.

² Струве П. Б. Экономическая проблема «Великой России»: Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве // Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. 2. М., 1911. С. 147; Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. Изд. 2-е. М., 1918. С. 14.

³ Маевский И. В. Указ. соч. С. 22–23, 24.

⁴ Клейман А. А. Возникновение и развитие военно-экономической мысли в России (середина XIX – первая треть XX вв.). / дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 1999. С. 387.

⁵ Блюх И. С. Русские железные дороги. СПб., 1875; Он же. Исследование по вопросам, относящимся к производству, торговле и передвижению скота в России и за границей. СПб., 1876; Он же. Влияние железных дорог на экономическое состояние России. Т. 1–5. СПб., 1878; Он же. Устройство финансового управления и контроля в России в их историческом развитии. СПб., 1881; Он же. О сельскохозяйственном мелиоративном кредите в России и за границей. СПб., 1882; Он же. Финансы России XIX столетия. Т. 1–4. СПб., 1882 и др. Учитывая «солидные» объемы и периодичность появления все новых сочинений Блюха, некоторые современники выражали сомнение в его действительном авторстве. В частности, граф Витте в своих воспоминаниях указывал, что многотомный труд о будущей войне Блюху «писали, а он издавал под своей фамилией». См.: Витте С. Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. – М., 1991. С. 223.

⁶ Там же.

⁷ Масси Р. Николай и Александр. М., 1996. С. 80–81; Милуков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 38. Более подробно о пацифизме и миротворческих усилиях Блюха см.: Dungen P. The Making Peace Jean de Bloch and First Hague Peace Conference. Los-Angeles, 1983.

⁸ См.: «Для облегчения вооруженного мира» / публ. И. Рыбаченок // Источник. 1996. № 2. С. 33.

⁹ Блюх И. С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. – СПб., 1898. Т. 4. С. 6.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 313.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 264.

¹⁴ Там же. С. 395.

¹⁵ Финн-Енотаевский А. Финансовая мобилизация // Современный мир. 1914. № 9. С. 175.

¹⁶ Туган-Барановский М. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Сб. статей. – Пг., 1915. С. 270.

¹⁷ Блюх И. С. Будущая война ... Т. 2. С. 642.

¹⁸ Там же. Т. 4. С. 169, 165.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 377.

²⁰ Там же. Т. 4. С. 369.

²¹ Там же. С. 374.

²² См., напр.: Струве П. Б. Указ. соч. С. 152.

²³ Подробнее см.: Страхов В. В. Внутренние займы в России в первую мировую войну // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 28–43.

²⁴ Блюх И. С. Будущая война ... Т. 2. С. 638.

²⁵ Там же. С. 586.

²⁶ Там же. Т. 4. С. 359, 361.

²⁷ Каценеленбаум З. С. Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917. С. 19.

²⁸ Блюх И. С. Указ. соч. Т. 4. С. 260–261.

²⁹ Вероятную численность русской армии во время «большой» войны Блюх оценивал в 2,8 млн человек. См.: там же. С. 349.

³⁰ Там же. С. 184.

- ³¹ Там же. С. 261–262.
- ³² Гулевич А. А. Война и народное хозяйство // Военный сборник. 1898. № 1–3, 5–6. В том же году работа Гулевича была выпущена отдельной книгой.
- ³³ Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 178.
- ³⁴ См.: Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х тт. – М., 1999. Т. 1. С. 245–246, 282–283.
- ³⁵ Имеется в виду работа: Редигер А. Заметки по военной администрации. Лекции, чит[анные] в младш[ем] классе Николаевск[ой] акад[емии] Ген[ерального] штаба в 1884–85 году. СПб., 1885.
- ³⁶ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974. С. 131–132.
- ³⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 205.
- ³⁸ См.: Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова / публ. и прим. В. М. Хрусталева и В. М. Осина // Октябрь. 1998. № 4. С. 173.
- ³⁹ Незабываемые могилы : Российское зарубежье : некрологи 1917–1997 : в 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 2. М., 1999. С. 266.
- ⁴⁰ См.: Алексеева-Борель В. М. Аргентинский дневник генерала М. В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1997. № 7. С. 57.
- ⁴¹ Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 132.
- ⁴² Алексеева-Борель В. М. Указ. соч. С. 57.
- ⁴³ Залесский К. А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 549; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб., 2003. С. 146.
- ⁴⁴ См.: Маргулиес М. С. Из дневника // Юденич под Петроградом : из белых мемуаров. Репр. изд. 1927 г. – Л., 1991. С. 187, 189, 191 и др.
- ⁴⁵ См.: Незабываемые могилы : Российское зарубежье... С. 266; Залесский К. А. Указ. соч. С. 549; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. М., 1998. С. 274, 464.
- ⁴⁶ Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина. Париж, 1931. С. 6, 12–13; Бегидов А. М. Военное образование в Зарубежной России. 1920–1945. М., 2001. С. 117, 120.
- ⁴⁷ Goulevitch A. Tsarisme et revolution. P., 1931.
- ⁴⁸ См.: Гулевич А. А. Указ. соч. № 1. С. 63.
- ⁴⁹ Вероятную численность российской армии Гулевич определял в 5,3–5,4 миллиона человек. Там же. № 2. С. 266, 273, 276; № 3. С. 68.
- ⁵⁰ Там же. № 5. С. 56–57.
- ⁵¹ Там же. № 6. С. 306.
- ⁵² Там же. № 2. С. 303.
- ⁵³ Там же. С. 304.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. № 1. С. 91–92.
- ⁵⁷ Согласно расчетам Гулевича, участие России в «большой» войне обходилось бы ей ежедневно почти в 8,4 млн рублей. См.: там же. № 3. С. 68.
- ⁵⁸ Там же. С. 78.
- ⁵⁹ Там же. С. 74, 76, 79.
- ⁶⁰ Там же. С. 77.
- ⁶¹ Там же. С. 81–82, 90. Примечательно, что подобный фонд впервые был образован в России еще при Екатерине II, но из-за хронического дефицита государственного бюджета он вскоре был ликвидирован. Позже, в конце 20-х гг. XIX в., такой фонд в размере 66 миллионов рублей ассигнациями вновь создал граф Е. Ф. Канкрин за счет контрибуции с Персии и Турции. Средства фонда были израсходованы в 1831 г. на подавление восстания в Царстве Польском и на борьбу с эпидемией холеры. См.: Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., б. г. С. 250–251.
- ⁶² Гулевич А. А. Указ. соч. № 3. С. 91.
- ⁶³ См.: Маевский И. В. Указ. соч. С. 25.

Тимошенко А. И.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В XVII–XX ВВ.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 08-01-00508 а

В условиях глобального экономического кризиса, охватившего в том числе и Россию, всё больше ученых и политиков высказываются о необходимости применения в государственной политике мобилизационных решений в управлении общественными процессами. Это выглядит вполне оправданным в ситуации, когда и в других странах с традиционно капиталистической ориентацией и развитой рыночной

экономикой правительства обращаются к государственному регулированию многих проблем бизнеса, дабы избежать ещё более разрушительных для общества социальных конфликтов и катаклизмов.

Предложения мобилизационных решений звучат в высказываниях многих лидеров российского государственного управления. Например, в основе антикризисной программы Коммунистической партии России вообще предлагается возврат к общенародной собственности и централизованному мобилизационному управлению в базовых отраслях экономики, что позволит эффективнее выйти из кризиса всему хозяйственному комплексу. Идея прогресса через насилие многим кажется заманчивой и привлекательной. Высказывается мнение, что с помощью тотальной мобилизации в России можно легко и быстро достичь желанной и благородной цели, даже пожертвовав чем-то и кем-то ради светлого будущего остальных. С этой целью предлагается вернуться к мобилизационной стратегии в государственной политике. Считается, что в государственном управлении необходимо создавать специальные мобилизационные структуры и механизмы в борьбе с кризисными явлениями, укреплять вертикаль власти, развивать государственное рейдерство в бизнес и т. п.

Исторический опыт в данной ситуации, на наш взгляд, был бы очень востребованным. В экономической науке традиционно считается, что частный бизнес эффективней государственного. Однако опыт России говорит часто об обратном. Здесь наиболее эффективно реализовывались масштабные предпринимательские проекты с участием государства (транспортное строительство, разработка недр, военно-оборонная промышленность и стратегические вооружения). Частное предпринимательство при слабости демократических институтов в обществе всегда занимало второй план и то при наличии иностранных инвестиций.

В историографии последних десятилетий применение мобилизационной стратегии в государственной политике России выдается как советское изобретение. Однако историческая практика свидетельствует, что российские политики и несколько столетий назад не пренебрегали ею и надо сказать, что добивались в короткие сроки значительного эффекта, чего трудно было ожидать в результате постепенного реформирования.

Да, и в мировой истории можно найти немало подтверждений тому, что мобилизационная стратегия, разработанная и реализованная в нужный момент, может служить мощным фактором развития. Особенно характерно и важно это было для России, которая в своей цивилизационной динамике всегда развивалась скачкообразно. Мобилизации в её истории являлись закономерностью и в тоже время исторической необходимостью для того, чтобы встать в один ряд с государствами – мировыми лидерами.

Критерий цивилизационной развитости и пример для подражания для России долгое время находились в Европе. Поэтому свой уровень развития и место в мире страна соизмеряла с наиболее крупными и продвинутыми в военно-стратегическом и социально-экономическом отношении европейскими государствами. Со времени киевских князей в Европе и Центральной Азии, тесно примыкающей к Европейскому континенту, находился предпочтительный и очень желательный вектор политики России. До XVIII в. включительно в государственной политике преобладали преимущественно западно-европейское и южно-европейское направления, где были тесно завязаны интересы ведущих мировых держав того времени.

Успех внешней и внутренней политики был часто непосредственно связан с мобилизационными стратегиями. Мобилизационными методами не пренебрегали правители Киевского, а затем Московского государства, решая жизненно важные для себя и страны задачи. Некоторые из них, такие, например, как Александр Невский, Дмитрий Иванович – московский князь, известный как Донской, Великий князь Иван III, царь Иван Грозный однозначно обладали сильными личностными харизмами и оказывали большое мобилизующее влияние на своих подданных. Ближе по времени к нам, и по пониманию, пожалуй, царь Петр I, который впервые в истории России получил титул императора и проводил мобилизационную политику по всем направлениям. По мнению В. О. Ключевского Петр I перевернул всё русское общество «сверху донизу, до самых его основ и корней»¹.

Первый русский император сам был очень сильной личностью с огромным мобилизационным потенциалом. Поэтому можно заключить, что именно ему принадлежит первенство в организации государственной мобилизационной стратегии как общественной системы, которая базировалась на создании единого административно-территориального устройства страны, укреплении вертикали власти, способной в очень короткие сроки приводить в движение мобилизационные механизмы.

В результате удалось для России сложный комплекс проблем цивилизационного значения. С одной стороны, реализовывались цели расширения территориального и хозяйственного развития, а с другой – обеспечивалась военно-стратегическая оборона и укрепление международного положения. За счет создания на Урале новых отраслей горно-металлургической промышленности удалось решить модернизационные задачи в экономике и обеспечить победу в Северной войне, коренным образом изменившей европейские позиции России.

Петр I, как правитель мобилизационного типа, оказался очень эффективным. Ему удалось поставить под мобилизационные знамена как внешние, так и внутренние цели государственной политики. Общественный строй и форма правления в России не изменились, но принципиально иным стал образ жизни россиян. За время правления Петра I изменился язык большей части населения, тип его культуры и мышления. В России появились новый алфавит, календарь, праздники, обычаи, одежда, утварь, жилище, армия и флот, государственные учреждения, новые сельскохозяйственные культуры и промышленные предприятия, школы и методы обучения, новые идеалы и общественные ценности.

В целом, как оценивали многие современники и потомки легендарного российского правителя, благодаря Петру I произошла настоящая революция в российской жизни.

Само государство значительно укрепило и расширило свои рубежи. Россия стала военно-морской державой, империей. Это было достигнуто путем реализации мобилизационной стратегии государственного правления. И современники Петра I и последующие государственные деятели и политики, а также историки находили его политику крайне противоречивой, но и признавали, что в целом результат оказался вполне прогрессивным и поступательным, если рассуждать с точки зрения интересов российского государства.

Другое дело, какую цену заплатили россияне, мобилизуясь для решения общегосударственных проблем. Петр I неоднократно заявлял о своем намерении увеличить благосостояние российского народа всех сословий. Однако в реальности его финансовая и экономическая политика находились в противоречии с данными заявлениями. Налоги и государственные повинности россиян в период правления Петра I значительно увеличились. Военные и другие государственные нужды требовали постоянного увеличения финансовых и прочих материальных ресурсов. Тем не менее, финансовое положение России при Петре I, несмотря на постоянные военные и прочие расходы казны, значительно укрепилось. По данным Платонова С.Ф. государственный доход при Петре I увеличился более чем в пять раз. В конце XVII в. в начале правления доходы государства около 2 млн руб. В 1725 г. они составили свыше 10 млн².

Петру I удалось мобилизовать для выполнения главных государственных задач все слои населения. Даже пошел на конфликт с руководством православной церкви. Первые мероприятия были нацелены на создание российского флота. Были организованы так называемые «кумпанейства», каждому из которых поручалось в двухлетний срок – к апрелю 1698 г. – соорудить и оснастить всем необходимым, в том числе и вооружением, один военный корабль. С 10 тыс. помещичьих крестьян их владельцам поручалось построить 1 корабль. Более мелкие землевладельцы объединялись и строили сообща. Церкви тоже привлекались к строительству военных кораблей, но по разнарядке с 8 тыс. крестьян. Всего было организовано 42 светских и 19 церковных «кумпанейств»³.

Посадские люди в городах и черносошные крестьяне Поморья, а также гости и торговые люди составляли свои «кумпанейства» и должны были построить 14 кораблей. Казна через Адмиралтейство на деньги, собранные в виде штрафов и дополнительных налогов построила к 1700 г. 16 кораблей и 60 бригаantin. По приблизительной оценке историка Н. И. Павленко общая стоимость Азовского флота в 1701 г. составляла не менее полумиллиона рублей или примерно 1/3 часть государственных доходов в этот период.

После поражения русской армии в войне с Турцией в Прутском походе Россия потеряла значительную часть своего Азовского флота, который по мирному договору в июле 1711 г. был либо уничтожен или передан Турции. Но к этому времени судостроительные верфи уже были созданы на Балтике. Всего в петровский период было построено не менее 1164 кораблей и различных судов⁴. Ко времени Гангутской битвы в 1714 г. был создан морской щит Петербурга – Балтийский флот. Россия вытеснила шведов из Финского залива, добилась превосходства на Балтийском море. Создание в России регулярных армии и флота были первыми результатами реализации мобилизационной стратегии в государственной политике Петра I. Главной же целью являлось строительство мощного с точки зрения экономики и политики имперского государства.

Петру I досталась малонаселенная обширная страна с зачатками промышленности и торговли, с хозяйством, основанном на крестьянском крепостническом труде и натуральном обмене. В то же время передовые европейские соседи сколачивали капиталы. Ликвидация технико-экономической отсталости России была возможна только путем государственного вмешательства сверху. Отец Петра царь Алексей Михайлович пытался создать небольшие промышленные предприятия для удовлетворения нужд государева двора. В подмосковном селе Измайлово были построены стекольный и льняной заводы, винное производство и т. д. Петр I равнодушный к личному комфорту и роскоши, находившийся в постоянных разъездах, поставил задачу организовать торговлю и промышленность для удовлетворения уже не личных, а государственных интересов.

Современный исследователь петровских преобразований Е. В. Анисимов не без иронии назвал его экономические реформы «индустриализацией по-петровски», проводя параллели между двумя модернизационными скачками в истории России, как по глобальным последствиям, так и по методам. Возможно, он не далек был от истины, если иметь в виду, что все экономические новации первого русского императора не обошлись без насилия и жестокости, грубого принуждения, принесения в жертву государственному благу личных интересов отдельных людей и даже сословий.

Петр I в своей экономической политике пытался руководствоваться модной в то время в Европе теорией меркантилизма, которая предполагала свободу предпринимательства и торговли абсолютно для всех слоев населения. В России жестко авторитарной стране с централизованно-монархическим управлением и крепостным правом, это в принципе было невозможным. В государственной мобилизационной стратегии изначально закладывались принципы усиления крепостной зависимости и авторитарного управления. Данное противоречие не позволяло реализовать социальные программы, они оказывались не осуществимыми в российских условиях.

Царь в своей мобилизационной стратегии нашел место для участия в необходимых для государственного роста и развития делах всем сословиям российского общества. Никто не остался в стороне. Предприниматели и торговцы получали государственные задания. Активно строились казенные про-

мышленные предприятия. В 1698 г. был заложен на Урале первый Невьянский казенный завод, который в 1701 г. выплавил первый чугун. Через пятилетие на Урале существовало не менее 11 казенных заводов, которые, выплавляли чугун и железо из него. В 1712 г. основан знаменитый Тульский оружейный завод, в 1712 г. – Сестрорецкий.

Одновременно строились мануфактуры в легкой промышленности с производством, необходимым для государственных нужд. В 1696 г. в с. Преображенском был основан Хамовный двор для производства парусины. В 1719 г. это было уже огромное предприятие с числом работающих более 1200 человек. В начале XVIII в. в Москве для изготовления снастей построен канатный завод, для обеспечения армии обмундированием и амуницией – Кожевенный, Портупейный, Шляпный и др. дворы.

Позднее промышленные предприятия стали возникать и в Петербурге. Все казенные мануфактуры создавались за счет бюджета, ибо очень редкие купцы имели средства, необходимые для строительства крупных предприятий. Государственные заводы строились по особым планам, максимально близко к источникам сырья, по государственным разнарядкам обеспечивались преимущественно крепостной рабочей силой с привлечением к организации и производственным процессам опытных русских и иностранных специалистов. Почти вся продукция казенных предприятий поступала в государственное распоряжение.

Одновременно с промышленностью государство организовывало и собственную торговлю, вводило государственную монополию, значительно повышая цены. Так, с введением монополии на соль и табак цены увеличились в 2–8 раз. Была введена монополия на продажу ряда самых эффективных товаров российского экспорта (пеньки, льна, хлеба, икры, воска и т.д.). Купцы и предприниматели привлекались к несению государственной службы и повинностей, участвовали в поставках в армию подвод, лошадей, продовольствия, подвергались многочисленным штрафам и поборам, как отмечает Е. В. Анисимов, не всегда обоснованными⁵.

Петр I, следуя своей мобилизационной стратегии и желая добиться результатов любой ценой и в короткие сроки, действовал насильственными методами. Несколько тысяч купцов с семьями, по его приказу, должны были переселиться в Петербург. Насильственные переселения в петровское время были очень распространены. Купцам переселения грозили не физическим, а коммерческим уничтожением. Они теряли торговые связи, деловые отношения, привычные места сбыта товаров.

«Обеднение и упадок некогда богатейших купеческих фирм, разорение городов, бегство от государственных повинностей – это и была та высокая цена, которую заплатили русские купцы, горожане за успех в Северной войне, финансируя её расходы, лишаясь своих барышей вследствие жестокой монопольной политики и различных ограничений, вошедших в практику экономической политики Петра с начала XVIII в. – делает вывод В. Е. Анисимов⁶.

Не меньшие тяготы несло и элитное сословие – дворянство, которое имело как привилегии, так и обязательства перед царем и государством. Из дворянской среды в основном формировалось царское чиновничество и бюрократия, военное руководство. Служебная карьера дворян зависела не столько от родовитости, как раньше, а от личной выслуги, то есть от заслуг перед царем и отчеством. В России внедрилась практика обязательного обучения дворянских детей. Часть из них отправлялась для обучения за границу, но многие учились и в России: в Морской, Инженерной и Артиллерийской академиях. Без образования нельзя было служить. По указу императора от 20 января 1714 г. дворянину, «не постигшему основ наук», запрещалось жениться⁷.

Большие издержки понесли крестьяне. Они в массовом порядке поставляли армии рекрутов, давали подводы и лошадей, несли натуральные и денежные повинности. Только рекрутами, по данным Е. В. Анисимова, с 1705 по 1725 г. было взято не менее 400 тыс. человек при наличии в это время в стране примерно 5–6 млн душ мужского пола. Таким образом, солдатский мундир надел каждый 10–12 крестьянин. Кроме военной повинности для крестьян существовала отработка, когда целые армии крепостных отрывались от семей и привычных занятий, строили дороги, мосты, крепости и т.п. Более 40 тыс. крестьян было мобилизовано для строительства северной столицы. Многие из них умерли в невыходимых болотах от невыносимо тяжелого и непривычного труда и болезней. Бегство крестьян и посадских целыми семьями от государственных повинностей было характерной чертой петровского времени. Из крупных выступлений известно восстание на Дону в 1707–1708 гг. под руководством Кондратия Булавина.

К концу царствования Петр I начал вносить коррективы в свою мобилизационную политику. Вместо принудительного выполнения государственных повинностей, стали использоваться подряды и договора на производство и поставку нужных государству товаров, стали поощряться частная торговля и предпринимательство. Особенно поддерживались промышленные предприятия и разработка месторождений полезных ископаемых. С 1719 г. «Берг-коллегия» разрешала всем жителям России, независимо от социального статуса, отыскивать руды и основывать заводы.

В 1702 г. Невьянский металлургический завод в качестве исключения был передан Никите Демидову, бывшему тульскому кузнецу-оружейнику. Он оправдал надежды царя и значительно увеличил поставки в казну уральского железа, положив начало знаменитой фамилии российских купцов и заводчиков. Но случай Демидова был исключением из правил и объяснялся особым расположением к нему царя. В 1720-е гг. практика передачи казенных заводов частным владельцам стало обычным делом.

Существенную помощь предпринимателям оказывал и таможенный тариф 1724 г. Он устанавливал размер пошлины на заграничные товары в зависимости от наличия или отсутствия их отечественных аналогов, чтобы стимулировать отечественных производителей.

В целом мобилизационная стратегия Петра I привела к промышленному подъему и частичному преодолению технической отсталости от европейских стран. Были созданы целые отрасли. В конце XVII в. высшие сорта железа ввозились из Швеции. К концу царствования Петра I внутренний рынок получил необходимое количество металла и страна стала экспортировать железо. Большой прогресс был достигнут в текстильной промышленности. Правда, Петру не удалось, как он того хотел, одеть армию в русское сукно, но зато бумажные и парусиновые ткани по качеству были сравнимы с голландскими. Россия вывозила за границу парусинное полотно. Если в конце XVII в. в России существовало три десятка мануфактур, то к концу петровского царствования их было по разным подсчетам от 100 до 200.

На протяжении всей нашей истории можно найти и другие, возможно и менее яркие примеры мобилизационного решения национальных проблем. Мобилизационная стратегия в государственной политике России в одни периоды проступала более явно, в другие менее, но полностью не исчезала никогда. Даже в периоды экономического подъема и процветания частного бизнеса государство не уходило со сцены как регулирующий и организующий фактор. Крупные государственные вложения в транспортное строительство, в развитие сельского хозяйства, в оборонную промышленность выполняли важнейшую динамизирующую роль в экономической жизни страны. Наиболее общее объяснение такой преемственности с точки зрения развития экономики дал Е. З. Майминас в своей теории социально-экономического генотипа⁸.

Историки также не раз отмечали высокую эффективность мобилизующей роли государства в определенные исторические периоды. Жесткое централизованное управление было неизбежным в чрезвычайных обстоятельствах, например, в связи с угрозой извне. Это отмечалось ещё дореволюционными историками. Рассуждения на тему исторической необходимости мобилизующей роли государства для военно-оборонных целей можно найти у В. О. Ключевского. Один из наиболее проницательных и глубоких исследователей русской исторической жизни с культурологических позиций П. Н. Милоков отмечал, что способность к мобилизации и принятие соответственно мобилизационного типа развития было свойственно русскому обществу с самых древнейших времен. Факторы постоянной внешней угрозы, расширения границ путем завоевания всё новых территорий определили особый тип «военно-национального» государства, которое соответствующим образом и строило свою политику. Мобилизация в чрезвычайных обстоятельствах была обычным делом в русской национальной традиции⁹.

В России время от времени возникали ситуации, когда все механизмы и структуры государственной власти и общественной организации находились в стадии мобилизации. Страна превращалась в некое подобие военизированного лагеря с централизованным управлением, жесткой иерархией, регламентацией поведения, усилением контроля за различными сферами общественной деятельности с сопутствующими всему этому бюрократизацией, единомыслием и прочими атрибутами мобилизации общества на борьбу ради чрезвычайных целей.

Очевидно, что если общество постоянно находится в состоянии боевой готовности, то все остальные критерии, не имеющие прямого отношения к деятельности в направлении чрезвычайных целей, отходят на второй план. В результате, вся институциональная структура общества создается для потребностей мобилизационного типа развития и этот тип постоянно воспроизводится, даже если нет чрезвычайных ситуаций и общество находится в обычных условиях и решает сугубо мирные задачи.

Другое дело военные условия. Здесь происходит в кратчайшие сроки мобилизация всех общественных структур, а социально-психологическая готовность всегда присутствующая в обществе мобилизационного типа, объединяет нацию и ведет её к целям победы. Для России характерен именно такой тип общественного развития. Он эволюционировал веками и помогал нации проходить все испытания, сохраняя свою идентичность. Отличительными особенностями мобилизационного типа развития в этом случае были доминирование политических факторов в развитии государства, его значимая роль во всех сферах общественной жизни, в том числе и в частной жизни. Все коренные изменения в обществе, как правило, программировались и насаждались сверху государственной властью на основе механизмов её жесткой централизации.

По-видимому, строгая определенность целей обязательна для мобилизационного типа развития. Без неё трудно осуществлять концентрацию усилий и ресурсов на приоритетных направлениях. А без этого невозможны никакие сверхусилия, обеспечивающие быстрое, любой ценой достижение чрезвычайных целей. Высокая интенсивность усилий в условиях мобилизационного типа развития вытекает из самой природы чрезвычайных целей. Их выполнении в определенные сроки – условие выживания мобилизационной системы. Впрочем, если для достижения определенной цели используется организация мобилизационного типа, то она любую цель воспринимает как чрезвычайную.

Советское государственное управление по ряду обстоятельств как субъективного, так и объективного плана с самого начала было мобилизационным. Сложное послевоенное время, борьба за власть, революционные преобразования в политике и экономике определяли постоянную необходимость мобилизационных мероприятий. Одним из них явилось планирование, которое не сразу стало директивным, но с самого начала являлось механизмом, способным мобилизовать общество в условиях национализированной экономики.

Мобилизационным мероприятием советской власти в области экономического развития стала разработка и реализация плана ГОЭЛРО, который был утвержден в декабре 1920 г. на УШ съезде Советов. По замыслу его авторов с помощью плана ГОЭЛРО можно было восстановить страну после войн и революций и двинуть её по пути модернизации и прогресса.

Это был первый не только в России, но и в мире перспективный план развития народного хозяйства, который был реализован. Разработанный в чрезвычайных обстоятельствах в годы Первой мировой войны более чем 200 учеными и инженерами России, он предусматривал строительство 30 крупных электростанций в европейской части страны. Урал и Западная Сибирь рассматривались как перспективные районы энергетического строительства¹⁰.

Реализация плана ГОЭЛРО была также организована мобилизационными методами. На приоритетном направлении были сконцентрированы соответствующие кадры, материальные и административные ресурсы государства. Абсолютно инновационной идеей стал комплексный, интегративный подход к развитию промышленности на модернизационной основе. Строились не только электростанции, но предприятия, снабжавшие стройки всем необходимым, а также заводы, которые, войдя в строй, могли затем потреблять электроэнергию построенных электростанций.

Выполнение плана ГОЭЛРО сопровождалось широко организованной пропагандистско-агитационной кампанией, которая была первым опытом в этом направлении, растиражированным и усовершенствованным в последствии. Пропаганда и агитация, идеологическая подоплека стали неотъемлемыми составляющими элементами советской мобилизационной стратегии, которая без них не работала. Исключение составляли лишь насильственные мобилизации, связанные с лишением прав и свобод, которые в советское время, особенно в 1930–1940-е гг. были нередкими.

В процессе достаточно длительного использования мобилизационных методов в государственном управлении в советское время была разработана специфическая система организации общества мобилизационного типа. Согласно ей выстраивалась вся система государственного управления, в центре которой находились партийные органы, постепенно заменившие государственные. Сращивание партийной и государственной системы управления привело к невиданному в мировой истории феномену мобилизационной стратегии, которая различными методами, в том числе и насильственными, десятилетиями господствовала в государственной политике.

Своеобразными формами мобилизационных мероприятий могли являться партийные съезды и пленумы, на региональном уровне конференции, сессии Верховного Совета СССР и РСФСР, выступления в центральной партийной и советской печати. Мобилизации способствовали проведение региональных партийно-хозяйственных активов, научно-практических конференций с приглашением столичных партийных, отраслевых и ведомственных чиновников, а также визиты их на территории краев и областей. Все эти мероприятия способствовали выработке направлений мобилизационной стратегии и помогали одновременно её реализации.

Мозговым и информационным центром советской экономической мобилизационной стратегии стала Государственная плановая комиссия (Госплан) СССР, которая организовывала планирование в масштабе всей страны. Вначале Госплан выполнял роль консультационного государственного органа, но затем уже в конце 1920-х гг. превратился в директивный, получивший широкие властные полномочия по управлению всеми регионами страны. К этому времени в основном сформировалась централизованная вертикаль власти в СССР, где главную контролирующую и определяющую стратегическую роль стали играть партийные органы. Верховными арбитрами всего происходящего стали Политбюро и аппарат ЦК ВКП (б) (КПСС)¹¹.

Наиболее ярко мобилизационная стратегия в советской государственной политике в мирное время проявилась в конце 1920-х – 1930-е гг., когда реализовывались идеи форсированной коллективизации сельского хозяйства, модернизации промышленности на базе индустриализации и соответствующих социальных преобразований, которые происходили также форсированными мобилизационными методами.

Впрочем, кроме откровенно насильственных методов проявления мобилизационной стратегии советское государство изобрело и свои оригинальные, которые способствовали сплочению нации вокруг единых целей. Это идейная подпитка трудовой деятельности, внедрение соревнования, стахановских методов, ударничества, различного вида целевых оргнаборов, которые в последствие получили название общественных призывов. Государство очень активно использовало социально-психологические методы воздействия на общество для реализации своих стратегических целей, создавало на всех уровнях разветвленную систему общественного контроля, агитационно-пропагандистских мероприятий и т. п.

Мобилизационная стратегия в советской государственной политике была зафиксирована в законах, заложена в устройстве государственного аппарата административно-бюрократического типа, в репрессивно-карательной системе. Мобилизация общества на решение национальных задач в советский период держалась на различных формах принуждения и насилия, ставших также своеобразными способами контроля и регуляции общественных процессов.

Судьба распорядилась так, что в центре мобилизационной стратегии в советский период стал И. В. Сталин. Он был той личностью, которая в силу обстоятельств и в результате реальных общественных потребностей оказалась на исторической сцене. Большую роль сыграли и его личные качества и способности. По мнению многих исследователей, Сталин сумел с наибольшим эффектом по сравнению со всеми своими соперниками на властном «Олимпе» использовать объективные и субъективные факторы для захвата власти. В 1920-е – начале 1930-х гг. в СССР был выбор идти к цели социалистического строительства разными путями. В этот период было несколько вождей, которые могли бы вести за собой общество. Среди них победил Сталин. Другой вопрос, как ему это удалось, что содействовало утверждению его авторитарного правления. Но результат оказался таким, какой он есть. Народ хотел вождя и он явился.

Эта особенность российского социально-психологического склада, менталитета россиян была отмечена В. О. Ключевским, который писал, что роль личности правителя в российской истории оценивалась исключительно с точки зрения его способностей укреплять государственное могущество. Претензии по поводу жизненных условий народа и пренебрежения их интересами практически в расчет никогда не шли¹².

Чтобы не писали и не говорили об особенностях Сталина как человека и как исторической личности он, по-видимому, интуитивно был способен почувствовать историческую необходимость в данный момент в сильном и волевом вожде. Это полностью совпало с его личными властными амбициями и устремлениями. Сталин сумел сконцентрировать силы нации вокруг общей идеи укрепления имперской мощи государства, использовать в личных интересах подготовку к войне и даже в какой-то мере и саму войну. В годы войны Сталин настолько укрепил свою власть, что даже в своей жестокости рассматривался современниками как непогрешимый авторитет.

В результате СССР стал второй державой в мире, значительно увеличив свой производственно-технологический и научно-образовательный потенциал, что позволило получать большую часть национального дохода в промышленности, наращивать производство электроэнергии, металлов, машиностроения и других базовых продуктов для роста индустрии.

Реализация мобилизационной стратегии в 1930–1940-е гг. дала такой мощный заряд энергии социально-экономической системе СССР, что она ещё долго могла развиваться по заданному пути. Здесь уместно привести воспоминания одного из советских функционеров В. Н. Новикова, который занимал в 1950–1960-е гг. важные государственные посты, был председателем Госплана СССР, заместителем председателя Совета Министров СССР и изнутри знал многие проблемы советской государственной системы. Он писал, что «государственная машина, раскрученная до 1953 г., продолжала работать и двигалась в основном вперед, независимо от того, кто, где сидел. Мне даже представляется, что если бы тогда «там» вообще никого не было, страна продолжала бы существовать и развиваться по линии, намеченной ранее. Налаженное хозяйство при сложившихся кадрах и достигнутом уровне технологического прогресса, при наличии талантливых конструкторов, технологов, ученых и квалифицированных рабочих могло сохранять набранные темпы более 10 лет»¹³.

С точки зрения исторических параллелей Сталин, так же, как и Петр I, явился личностью с очень высоким мобилизационным потенциалом. Он так же, как и самодержец российский, был трудоголиком на государственном поприще, на алтарь государственной деятельности положил всю свою личную и семейную жизнь. По свидетельству людей, которые лично знали Сталина, и исследователей образа вождя, у него просто её не было. Мобилизовав себя, Сталин мобилизовал и всё общество, применив все дозволенные и недозволенные методы.

Сталинское время явилось ярким проявлением этатизма российского общества, которое до сих пор сильно в общественном сознании россиян. Они в большинстве своем не приемлют иных, кроме организованных государством форм существования.

До сих пор в массовом сознании значительное место занимает культ сильной личности – вождя, «отца нации», «учителя народа». Склонность к мобилизации, по мнению различных специалистов, является национальной чертой россиян. Она закладывалась веками, исторически эволюционировала и закреплялась, отражалась в менталитете очень больших групп населения страны. Последние события показывают, что эта национальная черта не утрачена. Социологический телеопрос в конце 2008 г. «Имя Россия» показал, что большим авторитетом у россиян обладают именно авторитарные политики, способные организовать и повести за собой нацию пусть даже и по пути мобилизации и насилия.

На наш взгляд вопрос о возможностях применения мобилизационной стратегии государственного управления в современных условиях остается открытым. Никто не может определенно сказать, будет ли она эффективно работать и не приведет ли к общественному расколу. Готово ли общество и власть к мобилизации, к каким-то жертвам ради будущего. К сожалению, окончательное решение принадлежит политикам, а учтут ли они преподанные историей уроки, неизвестно.

В результате очень общего исторического экскурса можно сделать вывод, что изучение эволюции мобилизационной стратегии в российской государственной политике крайне актуально. Способность к мобилизации российского общества порождена всем ходом тысячелетней истории страны и имеет глубокие исторические корни. Кроме того, она может быть востребована в определенные исторические периоды, связанные с кризисными явлениями, и, как показывает опыт, может приводить к определенным результатам.

Сейчас, в начале XXI в., мобилизационные решения в государственной политике снова могут оказаться в ранге исторической необходимости, так как в условиях мирового глобального кризиса России не обойтись без обширного и глубокого вмешательства государства в экономическое и социальное развитие общества. На карту становится не только перспективное развитие России, но и вообще существование её как независимого государства в складывающихся мировых социально-экономических и геополитических условиях. Никто не призывает к повторению негативного опыта мобилизационной стратегии в государственной политике, связанного с насилием и принуждением. Но создание мобилизационной системы государственного управления просто необходимо. В систему реализации государственной власти должны входить активно действующие мобилизационные структуры государственного управления и контроля за всеми субъектами экономической и политической сферы общественного развития, создание законодательной базы, планового и стратегического управления.

Не лишним, возможно, будет на государственном уровне концентрация внимания населения страны вокруг мобилизационных решений, как важных национальных идей, имеющих мощное стабилизирующее значение для общества. В этом направлении может быть использован и исторический опыт агитации и пропаганды мобилизационных идей и мероприятий, привлечение внимания не только к решению определенных задач, но и знаковым личностям. Полезным и эффективным может быть в данной ситуации широкое задействование в этом самых различных средств массовой информации, проведение социокультурных и политических мероприятий, на государственном уровне обеспечение прозрачности деятельности, как государственных лидеров, так и региональной бюрократии.

Примечания

¹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. М., 1993. С. 55.

² Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1997. С. 585.

³ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 94.

⁴ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 118.

⁵ Там же. С. 123–127.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Бушуев С. В. История государства Российского. Историко-биографические очерки. XVII–XVIII вв. М., 1994. С. 323.

⁸ Майминас Е. З. Управление хозяйственным механизмом и экономическая кибернетика (вопросы теории) // Экономика и математические методы. Т. 12. Вып. 4. М., 1976. С. 67–69.

⁹ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 1. СПб., 1909.

¹⁰ Владимирский А. План ГОЭЛРО // Родина. 2004. №3. С. 67.

¹¹ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 263–264.

¹² Ключевский В. О. Русская история... С. 42–43, 60–65.

¹³ Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). М., 1996. С. 74.

Фокин А. А.

СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА КАК ВАРИАНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР

На рубеже 1950–1960-х гг. XX в. руководство СССР взяло курс на масштабную модернизацию страны, что было обусловлено переходом к «развернутому строительству коммунизма». Если индустриализация 1930-х гг. вывела страну в группу промышленно развитых стран, то период с 1961 по 1980 должен был сделать СССР ведущей мировой державой, в том числе и в экономической сфере. В данной статье анализируется попытка власти кардинально трансформировать страну в рамках коммунистического дискурса.

В связи с этим представляется необходимым сместить историографические акценты по отношению к указанному периоду. «Хрущевское десятилетие», или «оттепель», изучается преимущественно с двух точек зрения. Основу первой, внешнеполитической, составляет обращение к событиям Карибского кризиса. Вторая касается внутренней политики, и основное внимание исследователей здесь привлекает преодоление «сталинизма». Таким образом, этот период рассматривается не как самодостаточный, а во взаимосвязи с предыдущим. Сам термин «оттепель» указывает на эту проблему: данная номинация приобретает смысл лишь как отсылка к «заморозкам» сталинского периода. Согласно представленной точке зрения, главным событием 50–60-х гг. XX в. считается XX съезд КПСС. Именно на этом съезде был зачитан секретный доклад о «культе личности» И. В. Сталина, значение которого трудно переоценить. Однако смещение всех акцентов на данный доклад представляет исследование периода 50–60-х гг. частью истории «сталинизма». Солидаризируемся с М. Левином, который прямо пишет: «"Пересталинизация" (чрезмерное увлечение Сталиным) советской истории, расширение ее в прошлое и будущее является общей практикой»¹.

На наш взгляд, центральным событием этого периода следует считать XXII съезд КПСС, поскольку именно этот съезд принимает III Программу КПСС, Устав КПСС и решение о выносе тела И. В. Сталина из Мавзолея. Особое значение приобретает новая Программа партии, поскольку она не только провозглашает начало «развернутого строительства», но и представляет все основные преобразования той поры.

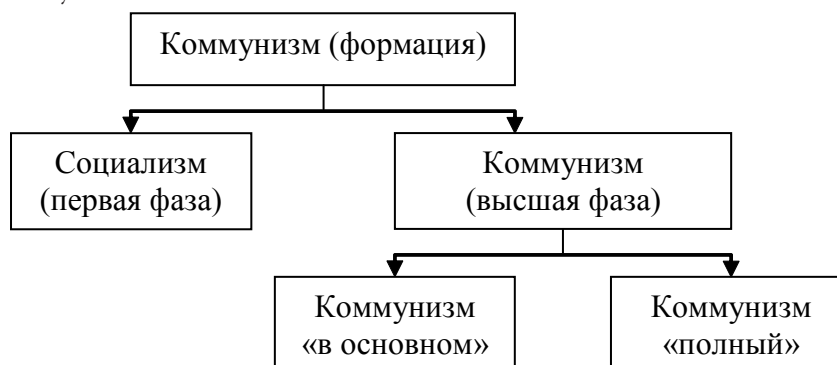
В историографии утвердилась точка зрения об утопичности основных положений III Программы КПСС. Объяснить данный факт можно двумя причинами: во-первых, задачи, обозначенные в III Программе, не были реализованы; во-вторых, постсоветская историография, как и западная, была проникнута общим духом антикоммунизма. О второй причине очень точно говорит М. Левин: «Исследование Советского Союза чаще всего подменяется антикоммунизмом»². Одна из задач нашей работы заключается в том, чтобы как можно более рационально оценить попытку советского руководства вывести страну на новый этап развития.

В Программе было зафиксировано определение коммунизма, призванное раскрыть его сущность, и определены меры по достижению новой стадии в развитии. Поскольку данное определение является концентрированным выражением всего второго раздела Программы КПСС, следует процитировать его полностью: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственно-

стью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществятся великий принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”. Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»³.

III Программа партии ставила своей задачей построение в течение 20 лет коммунизма, но с добавлением «в основном»⁴. Что это означает? Все это значит, что коммунизм в официальном дискурсе еще боле дифференцируется. Под термином «коммунизм» на основе трудов классиков марксизма-ленинизма понималась и совокупность социализма с коммунизмом, и собственно второй этап в коммунизме. Программа КПСС развила это положение, разделив, в свою очередь, коммунизм как следующий этап после социализма, на два подэтапа: коммунизм «в основном» и «полная победа» коммунизма. Визуально это можно представить в виде схемы.

О. В. Куусинен отмечал, что «следовало бы всюду во II части возможно точнее разграничивать ближайшие задачи, реально рассчитанные на выполнение в течение предстоящего двадцатилетнего периода и более далекие перспективы. В проекте это не делается последовательно»⁵. Коммунизм «в основном» – это уровень производства 80-х годов, это построение условий в материально-технической и общественной сфере, когда удовлетворятся непосредственные запросы, материальные и духовные потребности первой необходимости⁶. Обратимся к поправкам Н. С. Хрущева к Программе партии: «80-е годы, это все-таки 20 лет, и поэтому нельзя сказать что так же будет и через 40 лет. ...А через 40 лет что будет? То же, что через 20 лет? Неправильно это. Поэтому степень развития науки, техники, внедрения автоматизации будет все возрастать, а физических и умственных усилий потребуются затрачивать меньше. Поэтому возрастут и потребности каждого человека. И сами люди будут другими, все будут иметь не только среднее образование, но и высшее. Одним словом, создадутся возможности не только удовлетворять, но и развивать духовные потребности человека. Это будет идти все по возрастающей линии. Видимо, раздел о материально-техническом обеспечении должен быть разбит на периоды или фазы коммунизма»⁷.

Программа в этом случае приобретает прагматичный характер, по сравнению с ее утопическим определением в историографии. Одной из главных кризисных ошибок называют то, что в Программу партии закладывали «классическую» марксистско-ленинскую схему перехода от социализма к коммунизму без учета того, что в СССР не было создан тот социализм, от которого можно было бы переходить к коммунизму⁸. Однако одной из ошибок в интерпретации Программы надо признать то, что исследователи видели в коммунизме 80-х гг. «классический» коммунизм марксистско-ленинской традиции, который, по мысли авторов Программы, должен был наступить значительно позднее.

Предполагалось, что есть три группы задач, которые необходимо решить на пути к коммунизму: создание материально-технической базы коммунизма; развитие коммунистических общественных отношений; воспитание нового человека. Более развернуто эти идеи озвучил Н. С. Хрущев, выступая на XXII съезде КПСС. Построение коммунизма означает следующее:

«– в области экономической будет создана материально-техническая база коммунизма. Советский Союз превысит экономический уровень наиболее развитых капиталистических стран и займет первое место в мире по производству продукции на душу населения, будет обеспечен самый высокий жизненный уровень народа и будут созданы условия для достижения изобилия материальных и культурных благ;

– в области социальных отношений будет происходить ликвидация существующих еще остатков различий между классами, слияние их в бесклассовое общество тружеников коммунизма, в основном будут ликвидированы существующие различия между городом и деревней, а затем между физическим и умственным трудом, возрастет экономическая и идейная общность наций, разовьются черты человека коммунистического общества, гармонично сочетающего в себе высокую идейность, широкую образованность, моральную чистоту и физическое совершенство;

– в области политической это означает, что все граждане будут принимать участие в управлении общественными делами, в результате широчайшего развития социалистической демократии общество подготовится к полному осуществлению принципов коммунистического самоуправления»⁹.

Вопрос создания материально-технической базы коммунизма на первоначальном этапе представлялся основным. В значительной степени это связано с экономическим детерминизмом, лежавшим в основе марксизма. Необходимо было сформировать базис будущей формации, а уже на ней возводить надстройку. В наследство от XIX в. досталась представление о количественном увеличении показателей. Неслучайно одним из самых популярных лозунгов того периода был «Догнать и перегнать Америку». Под этим подразумевалось, что в ближайшее время СССР должен нарастить производство, с тем, чтобы абсолютные показатели, а так же, с перерасчетом на душу населения, стали выше, чем в США. При этом брались в основном показатели из сферы тяжелой промышленности, сельское хозяйство и легкая промышленность находились на втором плане. Хотя роль аграрной сферы, по сравнению с предыдущими периодами повысилась. Заводы и фабрики должны были стать той почвой, на которой вырастут плоды всеобщего благосостояния. Предприятия коммунистической эпохи, созданные с учетом научных достижений и оснащенные по последнему слову техники, должны были стать «дворцами производства». Создание наряду с могучей промышленностью процветающего, всесторонне развитого и высокопродуктивного сельского хозяйства, согласно Программе партии, составляло обязательное условие построения коммунизма¹⁰. При сохранении ведущей роли тяжелой промышленности быстрый рост сельского хозяйства являлся важнейшей предпосылкой создания коммунистического изобилия продуктов¹¹.

Промышленный способ производства должен был быть распространен и на сельское хозяйство и перевести колхозников в разряд сельскохозяйственных рабочих¹², «колхозы и совхозы по своим производственным отношениям, по характеру труда, по уровню благосостояния и культуры работников все больше будут становиться предприятиями коммунистического типа»¹³. Декларация стирания разницы между городом и деревней была одной из самых распространенных идеологием в политической риторике III Программы КПСС, концентрируясь в разделе о новых общественных отношениях¹⁴. Приближение деревни к городу должно было проходить через создание агрогородов, которые по уровню жизни не будут отличаться от города, а основной сферой деятельности жителей будет сельское хозяйство.

Все это должно было способствовать формированию экономических отношений новой формации. Параллельно с этим должны были развиваться элементы народного самоуправления. Постепенное отмирание государства должно было сопровождаться новыми формами организации жизни.

Вообще, вопрос о государстве в идеологических дискуссиях того времени стоял весьма остро. Это было связано с противостоянием двух концепций: диктатуры пролетариата и общенародного государства. Отход от первой концепции, которая лежала в основе как ленинской, так и сталинской идеи государственного устройства. Общенародное государство, означало, что классовые противоречия внутри страны преодолены. Необходимость в аппарате управления уменьшается, а при коммунизме и вообще исчезает. Правда, стоит оговориться, что, прислушавшись к соображениям О. В. Куусинена, при подготовке окончательного текста Программы авторы убрали формулу об «отмирании государства»¹⁵. Указывалось, что только с построением развитого коммунистического общества и упрочением социализма на международной арене необходимость в государстве отпадет¹⁶. В этом случае советское государство выступало как необходимый инструмент, своеобразный «щит», защиты мира и достижения социалистической системы. Сменить старые государственные структуры должны были общественные организации, по задумке авторов Программы, население должно приучаться управлять государством.

Этот принцип закреплялся в Проекте Конституции СССР, разработанной в 1960-х гг. Данный документ не очень известен в исторической науке, но в нем говорилось о всенародном обсуждении важнейших законопроектов; отчетности избранных руководителей органов государственного управления непосредственно перед населением; всесоюзных, республиканских и местных отраслевых совещаниях трудящихся, вырабатывающих рекомендации для органов государства; органах народного контроля. Предусматривалось проведение референдумов, возможность которых была закреплена еще в Конституции 1936 г., но ни разу не реализовывалась. Первый референдум должен был принять новую конституцию СССР¹⁷. При этом роль партии не снижалась, а напротив с каждым этапом возрастала. Так в основном законе должна была быть статья, закрепляющую эту роль. «Статья 4. Политическую организацию советского общества составляют: Советское социалистическое общенародное государство, Коммунистическая партия Советского Союза, общественные организации трудящихся. Коммунистическая партия Советского Союза – партия всего народа – является руководящей и направляющей силой советского общества и государства»¹⁸.

И венчать экономический и политический процесс должен был человек «светлого будущего», избавленный от всех недостатков прошлых эпох.

Главной экономической задачей партии и советского народа на ближайшее время являлось создание материально-технической базы коммунизма¹⁹. Н. С. Хрущев в своих замечаниях к тексту проекта Программы партии писал, что «сфера, где создаются ценности для удовлетворения человеческих потребностей, – это главная сфера и от нее зависит успешное продвижение и создание условий к коммунизму, к коммунистическому распределению благ»²⁰. Несмотря на декларирование примата экономической задачи, Программа в значительной степени была направлена на мобилизацию населения. В мобилизации субъективного фактора виделся успеха построения нового общества, поэтому именно туда были направлены основные усилия²¹. Действительно, материально-техническую базу должен был создавать советский человек, а значит, именно он был главным читателем Программы и именно для него она и создавалась.

Построение материально-технической базы коммунизма в СССР должно было пройти два основных этапа. Предполагалось, что на первом этапе строительство материально-технической базы позволит догнать и перегнать главные капиталистические страны по уровню производительности общественного труда и производства, материальных благ на душу населения. На этапе непосредственного вступления в высшую фазу коммунизма подъем производительных сил и производительности труда позволит завершить преодоление основных социальных различий между членами общества, превращение основной массы работников материального производства в работников инженерно-технического типа и достичь уровня производства, достаточного для обеспечения всех членов общества потребительскими благами, в изобилии распределяемыми по потребностям²².

Показательно, что, несмотря на возражение рабочей группы, идея соревнования с США оставалась в тексте Программы. Так, по воспоминаниям одного из участников группы в «Соснах» – Ф. Бурлацкого, самые большие споры вызвало включение в Программу материалов об экономическом развитии страны, с которыми выступил «крупный хозяйственник» А. Ф. Засядько. Доклад А. Ф. Засядько показался легкомысленным, а темпы развития СССР и США взятыми с потолка, что вызвало решительный протест членов рабочей группы. В итоге дискуссии А. Ф. Засядько продемонстрировал папку, где представленные им материалы были одобрены Н. С. Хрущевым, что автоматически включало их материал в проект Программы²³.

Демонстрация преимуществ социализма над капиталистической экономикой диктовалась внутренней логикой. Социализм должен был быть эффективнее, поскольку он «прогрессивный» строй, а капитализм «реакционный». Также необходимо было учитывать международный аспект, где демонстрация преимуществ системы СССР могла повлиять на «страны третьего мира» и увеличить престиж Советского Союза на мировой арене. Победа СССР над США в экономическом соревновании, по высказыванию Н. С. Хрущева, ознаменует победу всей социалистической системы над капиталистической и окажет еще более мощное революционизирующее воздействие на рабочее движение всего мира. Тогда даже самые сомневающиеся поймут, что только социализм дает все необходимое для счастливой жизни человека, и они сделают свой выбор в пользу социализма²⁴.

Определенную роль в демонстративном соревновании мог сыграть визит Н. С. Хрущева в США, где он мог своими глазами взглянуть на «загнивающий Запад». Несмотря на всю идеологическую критику западного образа жизни, очевидных преимуществ в его уровне не заметить было нельзя. Недаром одним из самых популярных призывов того времени был «Держись, корова из штата Айова!», поскольку, как отмечали современники, все хотели перегнать Америку по мясу, молоку и прогрессу на душу населения²⁵. Можно предположить, что коммунизм представлялся как американский уровень благосостояния в сочетании с советской политической системой. Один из замыслов Программы состоял в том, чтобы «найти формы, средства, методы, механизмы для того, чтобы достичь нового индустриального уровня и догнать ушедшие вперед более индустриально развитые страны, чтобы коренным образом улучшить сельское хозяйство, обеспечить население продуктами питания и высокачественными товарами, создать уровень жизни, достойный нашего многострадального народа»²⁶. Командная экономика СССР носила подражательный характер. Она преимущественно копировала и научно-технические нововведения, и структурные изменения передовых капиталистических стран. Отсутствовал (во всяком случае, в гражданской экономике) механизм новаторских изменений. Академику А. Милейковскому еще в 1970-е годы приписывали высказывание о том, что, когда социализм победит во всем мире, надо будет оставить хотя бы одну капиталистическую страну для того, чтобы было у кого перенимать современную технику и уровни цен для установления их в торговле между социалистическими странами²⁷.

В основе создания материально-технической базы коммунизма видели требование преимущественного развития тяжелой индустрии как стержня экономического производства страны, превращения промышленности СССР в технически самую развитую и мощную индустрию мира²⁸. В очередной раз идеи, заложенные в Программе, уходят своими корнями в теоретическое наследие предшествующих эпох. Ничего принципиально нового по сравнению со сталинской модернизационной гонкой предложено не было. Поэтому нет ничего удивительного, что Н. С. Хрущев в своей речи проводил аналогии между созданием материально-технической базы коммунизма и индустриализацией²⁹. Единственно, в связи с развитием научно-технических достижений в Программу были включены веяния нового. На страницах Программы была обозначена необходимость полностью электрифицировать страну³⁰, что представлялось как продолжение знаменитого плана В. И. Ленина. Лозунг «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация» вновь вводился в оборот. Помимо чисто материальных задач это был еще один шаг к возвращению к ленинскому наследию.

Но основе электрификации предполагалась «модернизация техники и организации производства, внедрение в народное хозяйство комплексной механизации производственных процессов; все более полная их автоматизация; широкое применение химии; развитие новых, экономически эффективных отраслей производства, новых видов энергии и материалов; рациональное использование природных, материальных и трудовых ресурсов; органическое соединение науки с производством»³¹.

Некоторые исследователи видят в этом дежурные, большей частью ритуальные заверения. Рабочая комиссия не откликнулась на предложения указать основные научные проблемы и закрепить их в тексте, ссылаясь на нецелесообразность такого шага. В 60-е годы понимание важности новых научных отраслей не превратилось в практику³². Самым серьезным недостатком изложенной в Программе экономической концепции стало непонимание важности структурной перестройки экономики с опорой

на высокотехнологические, наукоемкие отрасли. Многие уже тогда понимали, что выполнение заявленных в Программе экономических задач путем простого наращивания количественных показателей – больше газа, нефти, стали, угля и т.д. невозможно. Такой ход событий не обуславливал никакого качественного скачка, обрекая страну на прогрессирующее отставание³³.

Приведем две таблицы, показывающие планируемое развитие в промышленности (таб. 1) и сельском хозяйстве (таб. 2).

Таблица 1

Показатели планируемого роста промышленности³⁴

	1960 г. к 1950 г.	1970 г. к 1960 г.	1980 г. к 1960 г.
Продукция промышленности	3,0	2,6	6,2–6,4
Продукция промышленности на душу населения	2,5	2,3	4,8–4,9
Производство труда в промышленности	2,04	2,0	4,0–4,2
годовая			
часовая	2,4	2,6	6,7–7,0

(Промышленности группы «А» вырастет за 20 лет в 6,8–7 раз, а группы «Б» в 5,0–5,2)

Таблица 2.

Показатели планируемого роста сельского хозяйства³⁵

	1960 г. к 1950 г.	1970 г. к 1960 г.	1980 г. к 1960 г.
Продукция сельского хозяйства	1,6	2,5	3,3–3,5
Продукция сельского хозяйства на душу населения	1,35	2,2	2,5–2,7
Производство труда сельского хозяйства	1,7	2,8	5,4–5,7
годовая			
часовая	1,8	3,7	8,5–9,0

Сравнение таблиц показывает, что развитие промышленности и сельского хозяйства должно было идти разными темпами, по разным схемам. Планируемые показатели роста произведенной продукции в 1980 г. в промышленности выше аналогичного сельскохозяйственного показателя почти вдвое, тогда как рост производительности труда существенно ниже. В сельское хозяйство необходимо вкладывать больше труда, но результат будет менее эффективным. Повышение производительности труда служило важным звеном в цепи мер по созданию материально-технической базы коммунизма. Отмечалось, что в производстве планировалось сменить экстенсивный путь развития на интенсивный. На это накладывалось намерение сократить рабочий день и увеличить отпуска, а также перераспределить естественный прирост численности работников в непроемкую сферу³⁶.

Несмотря на снижение количества плановых показателей, развитие народного хозяйства до 80-х гг. требовало контрольных цифр, которые должны были отразить необходимое количество производства продукции для удовлетворения основных потребностей, что было необходимо для построения коммунизма «в основном». Разграничение промышленности и сельского хозяйства в хрущевский период прослеживается и в планировании. Промышленные цифры, в основном, касались государства, а сельскохозяйственные, в первую очередь, затрагивали население. Для удобства представим данные в таблице 3.

В целом, таблица 3 представляет собой развернутый вариант таблиц 1 и 2, а значит, не противоречит сделанным на их основе выводам. Заложенная в этих плановых показателях динамика указывает на то, что коммунизм, несмотря на признание трудностей сельского хозяйства, в сельском хозяйстве был ближе, чем в промышленности. В среднем производство промышленных товаров для достижения коммунистического изобилия должно было возрасти за 20 лет в 4–6 раз, а по некоторым показателям, таким как электроэнергия и искусственные волокна, в 10–15 раз.

Таблица 3

Планируемые показатели производства продукции³⁷

	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Сталь (млн тонн)	65	145	250
Электроэнергия (млрд кВтч)	292,3	900–1000	2700–3000
Нефть (млн тонн)	148	390	690–710
Газ (млрд м ³)	47	310–325	680–720
Цемент (млн тонн)	45,5	122	233–235
Уголь (млн тонн)	513	686–700	1180–1200
Синтетические смолы и пластические массы (тыс. тонн)	332	5300	19000–21000
Искусственные и синтетические волокна (тыс. тонн)	211	1350	3100–3300
Ткани всех видов (млрд м ²)	6,6	13,6	20–22
Обувь кожаная (млн пар)	419	825	900–1000
Сахарная свекла, фабричная (млн тонн)	57,7	86	98–108
Сахар (млн тонн)	5,3	11,5	13–15
Шерсть (тыс. тонн)	357	800	1045–1155
Хлопок-сырец (млн тонн)	4,3	8	10–11
Картофель (млн тонн)	84,4	140	156
Овощи и бахчевые (млн тонн)	19,2	47	55
Фрукты, ягоды и виноград (млн тонн)	4,9	28	51
Зерновые культуры (млн тонн)	134,4	230	290–310
Мясо (млн тонн)	8,7	25	30,4–32
Молоко (млн тонн)	61,5	135	170–180
Масло животное (тыс. тонн)	737	1450	2000–2200
Яйца – млрд шт.	26,4	68,5	110–116
На душу/килограмм			
Зерновых культур	627	933	1040–1110
Мяса	41	100	109–115
Молока	287	548	611–648
Масла животного	3,4	5,9	7,2–7,9
Яиц (шт.)	124	278	396–417

Необычайно высокий рост обусловлен взаимосвязью с другими отраслями народного хозяйства. Искусственные материалы имели особое значение в увеличении производства товаров широкого потребления³⁸, а без широкомасштабного внедрения удобрений не мыслилось изменение аграрного сектора. Синтетические волокна и пластичные массы вообще должны были показать небывалый рост в 57–63 раза, что было жизненно необходимо при обеспечении потребностей в материалах, экономически более выгодных по сравнению с продукцией добывающих отраслей народного хозяйства.

Срок в 20 лет, необходимый для построения коммунизма «в основном», согласно Н. С. Хрущеву, был обозначен в соответствии со строгими научными расчетами³⁹. Можно утверждать, что и истоки образа будущего лежат в экономических данных, только не предполагаемого будущего, а прошлого. Постановка конкретных сроков построения основ коммунизма не может быть объяснена только желанием политической верхушки мобилизовать население. III Программа была основана на реальном положении дел в стране и мире и не являлась, таким образом, продуктом политической фантазии или новым витком утопизма, основанным на том, что руководству виделось. Скорее, следует согласиться с мыслью Н. Барсукова о том, что в основу «коммунистических иллюзий» Н. С. Хрущева легло пролонгирование достигнутых к концу 50-х гг. темпов роста производства на 10 и 20 лет вперед⁴⁰.

Представляется, что советское общество в целом и официальный дискурс в частности функционировали в системе взаимосвязи времен.

Экономические успехи 1950-х гг. были настолько впечатляющими, что не только у советских, но и у множества западных специалистов и политических деятелей сложилось впечатление, что в будущем СССР неизбежно опередит экономику США⁴¹. В 1951–1960 гг. СССР удерживал ежегодные темпы развития промышленности в 11,8 %. При их сохранении это давало рост промышленности за 20 лет в 6 раз. Сельское хозяйство несколько отставало: в период 1954–1960 гг. оно давало ежегодный прирост в 6,2 %. Тем не менее, за 20 лет производство сельскохозяйственной продукции должно было бы увеличиться в 3,5 раза⁴². Такие темпы обеспечивали бы выполнение намеченных Программой экономических задач. Еще выигрышней это смотрелось на общемировом фоне, где соревнование систем в условиях «холодной войны» зачастую происходило именно в экономике. Рост ВВП в СССР в целом за весь период 1950-х годов составил 224 % и многократно превосходил рост в таких странах, как США (133 %) и Великобритания (127 %), значительно опережал экономический рост во Франции (158 %), был выше, чем в ФРГ (217 %), и лишь незначительно уступал экономическому росту в Японии (253 %). При этом число занятых в производстве людей увеличилось незначительно, а прирост ВВП обеспечивался ростом производительности труда⁴³. В совокупности с другими обнадеживающими показателями трудно было не воспринять это как сигнал, возвещавший о скором приходе «светлого будущего». Командно-административная система с плановой экономикой демонстрировала устойчивость в экстремальных ситуациях и высокий мобилизационный потенциал, что выступало гарантией движения по намеченному курсу.

К сожалению, задуманного в Программе партии выполнить не удалось. Уже в 1962 г. правительство столкнулось с проблемами в продовольственном секторе. После отставки Н. С. Хрущева неким продолжением его преобразований можно назвать экономическую реформу 1965 г., после завершения которой руководство страны взяло курс на сохранение существующего положения вещей как в политической, так и в экономической сферах. Если реформы М. С. Горбачева были актом реанимации советской системы, то на рубеже 50–60-х гг. имелся реальный шанс провести очередную модернизацию экономического потенциала страны. Для этого имелось два важных фактора. Во-первых, идеологическая установка о необходимости перехода от социализма к коммунизму, то есть фактор мобилизации как населения, так и партийных структур. Во-вторых, в условиях «холодной войны» усиливается противостояние СССР и США. Соревнование, прежде всего, идет в сравнении экономической мощи двух государств. Окончательное торжество коммунизма невозможно без победы над капитализмом. Это может быть достигнуто как мирным путем, так и военным.

В любом случае Советский Союз должен был выиграть экономическую гонку, а для этого было необходимо мобилизовать все ресурсы, в том числе и людские, и совершить прорыв. Советская система обладала возможностями такой мобилизации, и были успешные примеры подобных масштабных преобразований. К несчастью, в силу целого комплекса причин это десятилетие осталось в памяти как эпоха утопических идей, а не как эпоха великих свершений.

Примечания

¹ Левин М. Советский век. М., 2008. С. 510.

² Левин М. Указ. соч. С. 597.

³ XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет : в 3 т. М., 1962. Т. 3. С. 274.

⁴ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 368.

⁵ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 13. Л. 13.

⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ См.: Н. С. Хрущев (1894–1971) : Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. 18 апреля 1994 года. М., 1994. С. 43.

⁹ XXII съезд КПСС. Т. 1. С. 167.

¹⁰ См.: Там же. С. 284.

¹¹ См.: Козлов Г. О закономерностях развития производительных сил коммунистической формации // Коммунист. 1961. № 3. С. 35.

¹² См.: Н. С. Хрущев (1894–1971): Материалы научной конференции... С. 46.

¹³ Н. С. Хрущев О проекте третьей Программы КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989. № 8. С. 6.

¹⁴ См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 291.

¹⁵ См.: Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. № 5. С. 80.

¹⁶ См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 310.

¹⁷ См.: «Утаенная Конституция» Никиты Хрущева // Исторический архив. 1997. № 1. С. 42.

¹⁸ Проект Конституции СССР 1964 г. // Пыжиков А. В. Хрущевская оттепель. М., 2002. С. 352.

¹⁹ См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 276.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 34.

²¹ См.: Пыжиков А. В. Оттепель : идеологические новации и проекты (1953–1964). М., 1998. С. 115.

²² См.: РГАСПИ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 216. Л. 1–3.

²³ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев и его советники – красные, черные, белые. М., 2008. С. 86–87.

²⁴ См.: Хрущев Н. С. За новые победы мирового коммунистического движения // Коммунист. 1961. № 1. С. 12.

- ²⁵ См.: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998. С. 12.
- ²⁶ Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 87.
- ²⁷ См.: Ханин Г. И. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль–XXI. 2002. № 5. С. 88.
- ²⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.
- ²⁹ См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 142.
- ³⁰ См.: XXII съезд КПСС. Т. 3. С. 279.
- ³¹ Всемирная история экономической мысли. М., 1997. Т. 6. кн. 1. С. 466.
- ³² См.: Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 140–141.
- ³³ См.: Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 87.
- ³⁴ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 162.
- ³⁵ Там же. Л. 168.
- ³⁶ См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 150.
- ³⁷ Материалы XXII съезда КПСС. С. 144–145, 153; РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 166, 170.
- ³⁸ См.: Материалы XXII съезда КПСС. С. 149.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ См.: Барсуков Н. Указ. соч. С. 82.
- ⁴¹ См.: Ханин Г. И. Указ. соч. С. 78.
- ⁴² См.: Барсуков Н. Указ. соч. С. 82.
- ⁴³ См.: Ханин Г. И. Указ. соч. С. 73–75.

Хазиев Р. А.

МОБИЛИЗАЦИЯ НА УРАЛЕ В 1917–1921 ГГ.: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Разработка и внедрение в различных странах мира стандартов, регулирующих деятельность участников хозяйственных отношений особенно в период кризисов, является одной из ключевых научно-практических проблем отечественной и зарубежной историографии. Особое место в двадцатом веке принадлежит революционизированной Первой мировой войной и внутренними кризисами России, которая накануне драматического августа 1914 г. достигла определенных успехов в хозяйственном развитии. Однако не суждено было сбыться надеждам, порожденным Февралем 1917 г., – эволюционно-реформаторским путем перейти от авторитаризма к свободному обществу.

В октябре 1917 г. произошли события, кардинально изменившие государственное устройство и социально-экономическую жизнедеятельность страны. Революционная трансформация, взрывая Россию, повергла ее в жесточайшую гражданскую конфронтацию. Это потребовало тотальной мобилизации промышленности, сельского хозяйства, финансов, рабочей силы и т. д., порождая ситуацию, когда фактически все население страны превратилось по воле правительства в орудие войны, что молниеносно сузило функции государства по отношению к своим гражданам до уровня обеспечения их физического выживания во имя политического утверждения «всевластия советов».

Советское государство, став на путь мобилизации экономики, стремилось использовать вводимую командно-административную систему не только в силу складывающихся чрезвычайных обстоятельств, порожденных Гражданской войной и хозяйственным упадком, но и с целью укрепления под маской войны политической власти. Это был удобный случай списывать на войну все грехи нещадной эксплуатации ресурсов и населения, требуя от пролетариев и тем более не пролетариев трудиться, осознавая всю тяжесть момента, при этом, не помышляя в период войны об индивидуальном или коллективном противодействии тотальному «ущемлению жизни».

Происходившее с 1914 г. постепенное сползание, а после октября 1917 г. начавшееся резкое разрастание экономического коллапса и падение страны в продуктово-обменную архаичность невозможно объяснить какой-либо одной причиной. Сумма накладывающихся друг на друга процессов в сложной взаимосвязи экономики, политики, идеологии, стремительно меняющейся социальной среды, духовно-нравственной дезориентации общества вела к слову и замене нормативно-ценностного по типу товарно-денежного оборота на тотально контролируемое распределение по разнарядке и карточкам. Востребованный советской властью мобилизационно-административный диктат, являясь порождением многих составляющих, вылился в итоге в «универсальную» машину наступательного действия.

Правительство вознамерилось железной рукой утихомирить вышедшее из берегов революционное буйство, организовать, в разрешенных государством параметрах, общественную и личную жизнь, отбросить, преодолеть и ликвидировать все, что препятствовало утверждению новых культурных ритуалов, социально-экономических приоритетов и идейно-классовых идеалов. Жесткая вертикаль, строгая отчетность позволяли одновременно решать несколько задач: исполнять теоретические заветы; заменять некомпетентность, отсутствие опыта, низкую исполнительскую дисциплину, ведомственную неразбериху системой приказов; противодействовать спланированным оппозиционерам, «самодержавию народа», «революции самоуправления» рабочих; развивающейся после октября 1917 г. децентрализованной деятельности местных советов.

В этой связи обращение к изучению механизма складывания и функционирования в конце 1917 – начале 1921 гг. мобилизационной системы на уральской периферии вызвано в первую очередь тем, что среди остальных регионов страны Урал выделяется своей самобытностью и разнородностью экономических явлений периода огосударствления экономики, которые не всегда поддаются историографической универсализации. Проецируя управленческий централизм на всю Россию, приходится констатировать, что задуманное Совнаркомом мобилизационное администрирование экономики изначально было обречено на ограничения географического и временного порядка. Начавшись в тыловых губерниях, где с Октября 1917 г. неизменно существовала советская власть, мобилизационный диктат утверждался на местах по мере военных побед Красной Армии и вторичного завоевания политической власти в провинции. Чем дальше был регион от Москвы, тем была больше (при явно лояльной и идеологически-выдержанной по отношению к центру пропагандистской риторике), местная партийно-хозяйственная самостоятельность.

На Урале период конца 1917 – начала 1921 гг. отличался не столь выраженным для других регионов России сосуществованием линии рыночно-ориентированного выживания и государственного хозяйственного администрирования. То, что легче удавалось сделать в политике, оказалось намного труднее реализовать в экономике. Прежде всего, волевым одномоментным взращиванием социалистических хозяйственных отношений растворить капитализм. При всем желании и красногвардейском крушении буржуазных экономических устоев – рынка, свободы торговли – многообразный хозяйственный комплекс страны не мог быть мгновенно поглощен ударно создаваемым социалистическим укладом.

Вполне прогнозируемый при революционной смене хозяина массовый спад производства компенсировался развязыванием агрессивной пропагандистской кампании по формированию негативного образа хозяйственного врага Советской власти – грязного, злого, бешеного корыстного денежного мешка¹, виновного во всех бедах, обрушившихся на страну. Классовому развенчанию и забвению подлежало все, что прямо или косвенно соотносилось с «буржуазным» многообразием: свободное передвижение товаров и капиталов, себестоимость, конкуренция, предпринимательство и т. д.

Ниспровержение «капитализма» и неизбежное при замене старого на новое еще большее, чем до революции, обнищание общества подавалось в виде революционных издержек или своеобразной исторической платы на пути движения к социалистическому процветанию. На фоне непрекращающейся критики частнособственнических пережитков активно формировалось представление об особой хозяйственной миссии пролетариата в революции. Внедрение в массовое сознание нового облика человека-труженика преимущественно было рассчитано на тех, кто был темен, забит, неграмотен, являлся носителем «авторитарного рассудка»² и, следовательно, был наиболее податлив формированию социалистического политико-экономического сознания и «естественного» принятия мобилизационной экономики.

Ударное формирование надлежащего массового сознания, адаптируемого под мобилизационный тип экономических отношений, при которых все ресурсы страны направляются на одну или несколько приоритетных целей в ущерб другим отраслям, очевидно нарушая гармоничное развитие страны, шло через насаждение военно-коммунистических символов: безусловной подчиненности, хозяйственной регламентации, централизации, внеэкономического принуждения, сплоченности, организованности и повсеместной жертвенности, как единственных условий выживания революции во враждебном внутреннем и внешнем окружении и гарантии сохранения социализма.

Проведенный анализ разнообразных источников позволил выяснить, что административное упразднение «капиталистических» структур было тесно взаимосвязано с реализацией глобальной программы воспитания нового поколения людей. Государством целенаправленно решалась не менее важная, чем на хозяйственном фронте, задача качественной трансформации старых привычек, представлений, норм морали, поведения и формирования устойчивого социалистического верования. Отдельно взятый человек, социальные группы, коллективы и все население становились объектами специального идеологического воздействия, нацеленного на переориентирование, перепрограммирование, по возможности, нейтрализацию духовного начала, которое не соотносилось с экономическими планами строительства нового общества.

Повсеместное культивирование главенства рабочих и крестьян не воспринималось страдающими от хозяйственного упадка уральцами. Мобилизация экономики оборачивалась нараставшим осуждением революционных экономических порядков, о чем свидетельствовали обзоры местных партийных и государственных органов власти Екатеринбургской, Уфимской, Челябинской, Пермской, Оренбургской губерний, Башреспублики и Удмуртии³.

«Контрреволюционизм» уральских рабочих и крестьян, «когда местные газеты ничего не пишут, как там за границей на самом деле, только хвалятся своим голодным раем и проклинают культурные государства»⁴, выражался в массовом непризнании трудовой частью общества навязываемых социалистических ценностей, построенных на отрицании товарно-денежных «буржуазных» отношений. При всем многообразии негативных художественно-эмоциональных высказываний, выводов и горестных тирад рабочих, солдат, крестьян, зафиксированных в эпистолярных источниках⁵, получался некий слепок группового сознания труженика, отмеченного достаточно развитым пессимистическим фатализмом. Централизованное администрирование экономики, не гарантируя сохранение хотя бы дореволюционного уклада хозяйственной жизни, не являлось вожаемой целью уральских пролетариев и полупролетариев. Пайковая уравниловка проецировала в общественном сознании угрозу, насилие, страх потерь и стремление бороться с источником зла, порождаемым мобилизационной экономикой.

Ударное утверждение мобилизационной экономики в уральской промышленности, пришлось на сложный и противоречивый период 1917–1918 гг., о котором можно говорить как об этапе юридического овладения ВСНХ крупной промышленностью Урала. Существовавший в заводских округах рабочий контроль не предотвратил рыночную инициативу и самосохраняющуюся производственную деятельность уральских предприятий за счет «теневого» регионального хозрасчета. В послереволюционный период на ряде уральских предприятий имело место не характерное для 1917–1918 гг. явление в виде региональной заводской корпоративности, базирующейся на общности интересов коллективной ответственности за судьбу завода-кормильца⁶.

Наряду с борьбой рабочего класса за свои социальные права против «поработителей всех видов», на Урале наблюдался и пролетарский экономический рационализм, выражавшийся в поддержке «бывших» высокопрофессиональных управленцев. Во многом от их опыта и производственного навыка зависела выживаемость заводов. Приветствуя революцию, различные категории рабочих не желали мириться с падением своего благосостояния, идти по пути самоограничения и стоицизма. Исторически сложившийся на значительной части Урала региональный способ формирования семейного бюджета заводчан от «фабрики и земли» был одной из причин демонстрации нетерпимости рабочих к осязаемым материальным потерям.

Удаленность от центра, небывалая для остальной России война уральских рабочих против Советской власти⁷ привели к складыванию региональной экономической модели, которая препятствовала в 1917–1918 гг. практическому овладению огосударственной промышленностью. На Урале в 1917–1918 гг. не сложилась в том объеме, как в тыловых российских губерниях (не охваченных восстанием заводских рабочих и крестьян, войной дутовских казаков, борьбой национальных движений за обретение автономности) мобилизационная экономика. Ее безусловное усиление приходится на период 1919 – начала 1921 гг., когда правительство с помощью усиления на Урале командно-административного управления стремилось, используя промышленный потенциал региона, обеспечить экономическую безопасность государства. Но при всем политическом желании «всеохватывающе» внедрить мобилизационную модель на Урале, центральные и региональные власти не имели ни физических, ни материальных сил для фронтального утверждения жесткого командного администрирования экономики. Не хватало должного организационного опыта и кадров для проведения столь масштабной акции. Заведомая неисполнимость задания вынудила отказаться от административного наступления на всех хозяйственных фронтах и сосредоточиться, прежде всего, на оборонных производствах Урала.

Но предпринятый маневр не дал искомого результата. Рабочие и служащие уральских предприятий, не получая взамен вложенного труда жизненно необходимый минимум, поголовно совершали прогулы, массово не выполняли нормы выработки, скрывались от объявленных наборов, дезертировали с «трудового фронта».⁸ Пренебрежение правительством экономическими законами развития общества порождало разорительную экономику. За редким исключением, рабочие категорически отказывались работать на голом энтузиазме. Без материального стимулирования к труду освобождение рабочих от эксплуатации «эксплуататоров» не гарантировало массового социального, бытового, психоментального восприятия и принятия ими на веру необходимости сознательной, дисциплинированной, творческой, планомерной работы в рамках мобилизационной экономики на общенародных предприятиях, перешедших в руки нового собственника – государства.

Таким образом, постоянно вызывая социальные конфликты в рабочей среде, усиленно внедряемое на уральских предприятиях командное администрирование, повсеместно не пройдя тест на хозяйственно-правленческую пригодность, показало к началу 1921 г. свою полную экономическую несостоятельность. Разнесение государственных убытков по промышленным заведениям хозяйствующих субъектов России в госбюджете не расписано. Тем не менее, сводные итоги подтверждают, что государственный бюджет, авансировав в 1919–1920 гг. 423 млрд 373 млн руб. национализированным предприятиям РСФСР, обратно получил в виде покрытия понесенных затрат лишь 67 млрд 307 млн руб. или 16 % от вложенных средств. Превышение расходов над приходной частью было 356 млрд 066 млн руб. или 84 % не восполненных недоимок⁹. Плачевное экономическое состояние, в котором оказалась уральская промышленность, также очевидно доказывало, что сохранение в любой форме сверх растратной и непродуктивной мобилизационной экономики становилось для большевистской партии не только тактически проигрышным, но и политически опасным. Экономическая катастрофа, приобретающая к началу 1921 г. размеры национального бедствия, оставляла советской власти мало шансов для выживания в случае сохранения диктатуры плана.

Наряду с промышленностью, директивно-административная система получила распространение и в аграрном секторе экономики страны. Хотя Октябрьская революция 1917 г. удостоилась разных эпитетов, но в понимании основной массой российских крестьян она не являлась ужасным событием, бедствием или роком. Долго ожидаемый и наконец-то полученный антипомещичий «Декрет о земле» предопределил желаемые миллионами российских пахарей перемены. Поэтому «Декрет о земле» и вызывал у селян ощущение торжества восстановленной исторической справедливости, став для них сакральным символом открывавшегося независимого хозяйственного существования. Казалось бы, складывающийся с осени 1917 г. взаимоприемлемый тандем между революционной властью и крестьянством, в основной массе довольствующимся позицией, занятой правительством в аграрном вопросе, дал, однако, к лету 1918 г. серьезную социально-политическую трещину.

На первый взгляд, Совнарком с кажущейся легкостью отказался от первых аграрных декретов в пользу разорительного комбедовско-коммунального обустройства деревни, приведшего к 1921 г. хлебный уральский регион и значительную часть страны к масштабному голоду, сельскохозяйственному прозябанию и взрывоопасной обстановке в обществе. Изучение широкого круга источников по «мелкобуржуазной уральской деревне» позволило прийти к ряду выводов. Во-первых, большинство партийных работников в Центре и на уральской периферии не были романтиками-утопистами или рабами идеологии, озабоченными воплощением идеи скоротечного мобилизационного обустройства аграрного сектора экономики страны в расползающейся по всем швам от ударов Первой мировой войны, потрясений Октября 1917 г. и Гражданской войны России. Во-вторых, правительство приступило к аккордной мобилизации продовольственных ресурсов из деревни после явно обозначившегося к весне 1918 г. краха плано-централизованного администрирования в промышленности, оказавшегося неспособным остановить стагнацию производства. Спасение социальной армии Октябрьской революции, фабрично-заводской базы социализма, поддержание боеспособности воюющей Красной Армии стало осуществляться за счет безвозмездного кредитования города продовольственными ресурсами, в административно-приказном порядке изымаемыми правительством из деревни.

Именно на сельских производителей пришлось в «годы революции» 4 млрд из всех приблизительно 4,5–5 млрд неинфляционных рублей (по валютной котировке 1913 г.) национального дохода Советской России. Поэтому хозяйственная выживаемость рабоче-крестьянского государства практически полностью (более 80% национального дохода) стала зависеть от материальных поступлений из села. До военных и социальных потрясений 1914–1917 гг. аграрный сектор России традиционно вносил более чем 50 % лепту в формирование ежегодного 11–13 млрд (золотые руб.) доходной части бюджета страны¹⁰.

Специфика Урала заключалась в том, что когда Совнарком стремился обеспечить максимально полное выкачивание имеющихся в деревне продовольственных ресурсов, правительство Башреспублики в самый разгар военного коммунизма стало законодательно закреплять на территории края экономические права единоличников. Реализуемые в пределах республики «кулацко-буржуазные» земельные мероприятия¹¹ были далеко не совершенны. Но, невзирая на противоречивость, в них были заложены хозяйственные отношения, гарантировавшие свободу экономического выбора. Это обладание угодьями и товарная эксплуатация земельных участков пользователями «фермерско-трудовых» и «потребительских» пашен. Крестьянская семья самостоятельно решала вопрос отчуждения излишков земли; свободно распоряжалась (продажа, дарение, обмен и т. д.) произведенными товарными ценностями¹².

Аграрная политика Башревкома 1919–1920 гг., являясь, в некоторой степени, политическим вызовом Центру в экономическом отношении тормозила утверждение на значительной части территории Южного Урала централизованной системы управления деревенскими подворьями. Поддержка «крепких» товаропроизводителей частично сдерживала запущенный процесс социалистического преобразования села на началах коллективной организации деревни.

Следует отметить, на Урале со всей очевидностью проявилось, что государственная политика поощрения коллективного землепользования, не находя поддержки не только у крестьян, но и у ряда местных партийно-хозяйственных активистов хронически «спотыкалась» о так называемую «недисциплинированность и неорганизованность» советского аппарата, рьяно уплотнявшего на уездно-волостном уровне надрыбно создаваемые Наркомземом сельскохозяйственные коллективы.

Закончившемуся к лету 1920 г. на Урале широкомасштабному натиску на собрание крестьян в коммуны, артели и т. д. было придано новое дыхание. На первый план выдвинулось создание совхозов на «исконных землях бывших частновладельческих имений»¹³. Организация совхозов стала одним из главных компонентов утверждения новых культурных правил, живой демонстрацией, наглядным символом несокрушимости Октября. Отказаться от составной части революционного обустройства деревни было равносильно идеологическому самосожжению, от которого один шаг до сокрушения политического. Правительство, последовательно выдерживая линию на коллективное обустройство села, целенаправленно выделяло безвозвратные суммы для спасения совхозов от разрушения¹⁴. В данном случае это не было непродуманным шагом бюрократов, сорвавших бюджетными деньгами на организацию не дающих реальной экономической отдачи совхозийств, покупку техники, семян, скота, проведение землемерных работ и т. д. Партию меньше всего страшила перспектива закрытия отдельно взятого или целой группы советских имений. Для большевиков важнее было создать надежные механизмы, способные упреждать инвентаризацию социокультурных начинаний Советской власти, поэтому и делались массивные денежные вливания в убыточные совхозы.

Большевики, стремясь отшлифовать механизмы мобилизационной экономики до предела, тем не менее, в водовороте революционной ломки проявляли осторожность, не допуская «народного творчества масс», когда дело касалось практического пополнения государственной казны. Цена ошибки в этом вопросе была столь велика, что неуправляемый красногвардейский штурм налогово-финансовой системы страны мог парализовать власть и моментально погрузить новорожденную советскую Россию во мглу. Однако такая осмотрительность была вынужденной. В вопросах, касавшихся функционирования кровеносной системы экономики – финансов, по тактическим соображениям реализовывалась линия не быстротечно-сокрушительного, а сегментного утверждения «антикапиталистического» налогового правопорядка.

К осени 1918 г. непродолжительный этап компромисса закончился и восторжествовала линия жесткого хозяйственного революционизирования. Центральная власть, развязав в конце 1918 г. руки мест-

ному обложению, породила на уральской периферии в 1918 – начале 1921 гг. практику фактически неконтролируемого налогового своеволия и отчуждений. В уральских городах, уездах и волостях порой все зависело от фантазии провинциальных начальников, производивших на население денежные, натуральные и вещевые начисления. Наиболее психологически травмирующими и одновременно срезно подрывающими и без того с каждым днем ухудшающееся материальное благосостояние граждан явились налоги на обувь, одежду, посуду, мебель, постельные принадлежности и дворовых собак, которых, имея даже самое богатое воображение, трудно было подвести под облагаемую статью «домашний скот»¹⁵. Безднаказанность и право силы рождали по существу криминальное, заворачиваемое в революционную риторику, налоговое рвачество, больше похожее на насильственный сбор денежной и натурально-вещевой дани уездно-волостными хозяевами новой жизни. Как результат – обострение в уральской провинции и без того тяжелой социальной обстановки, подвигнувшей в конце 1920 г. – начале 1921 г отдельных местных управленцев пускаться на всяческие ухищрения для отсрочки исполнения непосильных для населения натуральных налогов.

Экстремальные экономические условия, в которых оказалась страна, вначале породили феномен общественного понимания проводимых государством мобилизационных наборов, которые, однако, очень быстро превратились в будничные мероприятия неограниченного срока действия. Кроме натуральных, основная тяжесть трудовых повинностей пала на самую многочисленную в стране рабочую силу – крестьян. На Урале они составляли костяк неквалифицированных работников, отправляемых на различные виды отработок. Только по сравнению с дореволюционным временем значительно расширился перечень внеурочных работ, а также существенно увеличились нормы обязательной выработки по наложенным трудозаданиям, надолго отвлекаям селян с их лошадьми, повозками, тарантасами, пилами, топорами и другими инструментами от сельскохозяйственного производства.

Запущенный маховик принуждения приобретал особенно жесткие формы исполнения повинностей в уральской глубинке. Пренебрежение простейшими хозяйственными расчетами (капитальные затраты, производительность труда, себестоимость); физическими и моральными страданиями мобилизованных; уравнивание беременных женщин на лесоповале и лесосплаве в правах с мужчинами¹⁶ привело к тому, что самые обычные люди стали ощущать себя объектами недоброжелательства и злобой мести государства. Полнейшая незаинтересованность уральцев в отработках при использовании единственного метода «стимулирования» – революционном преследовании трибуналами «тунеядцев» – неизбежно вела к резкому спаду производительности труда. По мере роста принуждения, кредит хозяйственного и политического доверия к власти быстро таял, а «злостное смутьянство и критиканство» росли.

В наибольшей степени отторжение мобилизационного натиска проявилось при проведении государством хлебной монополии и разверстки. Уральская периферия в разной степени ощутила действие государственного администрирования, нацеленного на быстрое и дешевое по затратам получение продовольственных ресурсов из деревни. Созданная, в основном, в близких к Москве губерниях, административная система управления экономикой не получила такого же распространения на части Урала, что уже вбивало клин в единое пространство продовольственной диктатуры. При этом не должно создаваться мнение, что уральские регионы занимали позицию спланированного удаления от Центра. В ряде территориальных субъектов Урала из-за сложившейся хозяйственной специфики не было необходимости до конца выбирать делегируемые полномочия для создания идентичного и неразрывного Центр-регионы государственно-административного монополизма.

Поэтому на местах не везде использовали имевшийся в распоряжении губернских органов власти арсенал принудительных мер для того, чтобы установить продмонополию вглубь губернии, уезда и волости. Об этом свидетельствует поведение Челябинского ревкома, значительное время решавшего продовольственную проблему экономически выгодным, оправданным и социально невзрывоопасным для власти путем – самотеком¹⁷. В Башреспублике реализовался собственный вариант «разверстки», сводившейся к необременительному для имущественного состояния селян продналогу¹⁸. Осуждаемое Наркомпродом «хозяйственное местничество» в деле заготовок продовольствия для Центра проявлялось в Оренбургской губернии¹⁹.

В целом, ситуация на хлебопроизводящем Урале была такова, что разверстка не могла конкурировать с подпольным рынком и бессознательно рождала у значительной части местных крестьян спасительный для себя, губительный для экономики государства и обеспечения продовольственной безопасности страны синдром: лучше вырезать поголовье скота, спрятать хлеб в ямах или его продать на базаре, чем сдать продукцию по разверстке. Стремление укрыть от учетчиков и отнести на рынок ликвидные товары разрушало централизованно-распределительную экономику и лишало государство самого основного – материальных источников существования отвоеванного в боях социализма.

Наиболее массовым отрядом на уральских рынках были производители и продавцы-заготовители сельскохозяйственной продукции. Наличие товарных запасов зерновых во многом было обусловлено особым географическим расположением Урала. На его территории находилось пять (Башреспублика, Екатеринбургская, Оренбургская, Уфимская и Челябинская губернии) из всех 14 производящих в РСФСР сельскохозяйственную продукцию областей. Только Удмуртия и Пермская губерния относились к определенным ЦСУ 18 потребляющим районам. Землепашцы уральской полосы находились в лучшем продовольственном положении, чем население неплодородных районов страны. Торгуя на свой страх и риск на упрямых уральских губерниях рынках, крестьяне пытались избежать мате-

риальных потерь перед угрозой неизбежных разверсточных выемок.

Наряду с крестьянами «втянулись в спекулянтство» работники крупных, средних и мелких промышленных заведений Урала целенаправленно сбывавшие на рынке подпольно производимую или неучтенную контролерами продукцию. Крайне неэффективная распределительная система, обрекая производителей материальных ценностей на продовольственную нужду, массово толкала не желавших погибать от голода уральских работников в ряды «несунов»²⁰.

Небольшую часть уральских дельцов составляли подпольные «миллионеры» из числа предпринимчивых совслужащих, обогащавшихся в условиях тотального дефицита. Ряд следственных материалов местных Чрезвычайных комиссии, РКК позволяет получить представление о размахе махинаций отдельных ответственных лиц, сбывавших порой «вагонами» разнообразные промышленные изделия, одежду, лазаретное имущество, питание и другие строго нормированные товары²¹.

Одним из самых нетипичных хозяйствующих субъектов Урала была Башреспублика. Именно на ее территории в разгар «военного коммунизма» установился нехарактерный для остальных районов России своего рода режим наибольшего экономического благоприятствования. Правительство Башреспублики официально поощряло развитие «свободы торговли», что способствовало локальному, достаточно специфическому проявлению товарно-денежного хозяйствования в противовес планово-административной централизации²².

В целом, руководство уральских губерний порицало частных производителей и торговцев, беспощадно карало спекулирующих совслужащих и вообще крайне отрицательно относилось к рынку. Однако перспектива соединения антиразверсточного крестьянского повстанческого движения с нелояльными правительству забастовочными силами из рабочей среды заставляла уральские власти, официально не признавая рынок, терпеть его отдельные проявления. Угроза политической стабильности советской власти была основным регулирующим рычагом расширения или сужения рыночно-базарной торговли в хозяйствующих субъектах уральского региона.

Проведенный анализ функционирования командно-административной системы на Урале в 1917–1921 гг. позволяет сделать вывод, что введение большевиками мобилизационной экономики было вызвано догматическим верованием части большевиков в коммунальное благополучие бестоварного общества; сверхмобилизацией революционеров, отчаянно защищавших любыми мыслимыми и немислыми способами однопартийную власть и территориальную целостность единственной в мире опорной базы коммунизма; гипертрофированной классовой нетерпимостью к «бывшим» и всему, что связано с ними и ориентировано на них; комчванством удельных сатрапов с маузером на боку и самочинной вседозволенностью низовых партийно-хозяйственных чиновников, не выдерживавших обрушившегося испытания властью; территориальным автономизмом и проявлением децентрализации в регионах; глубоком увязании в терроре и многочисленных мобилизациях без реальной возможности исправить ситуацию и вернуться на исходные позиции в условиях, когда шла Гражданская война, а рабочие и крестьяне, находясь в состоянии общественного возмущения, мстили «советам» забастовками, восстаниями, укрытием продуктов, срывами монополий и прочими акциями гражданского неповиновения.

Следовательно, большевики, выиграв в 1917 г. политическую схватку с капитализмом и проиграв ему к 1921 г. экономическую битву, не совладав с помощью мобилизационной экономики не только с хозяйственным дореволюционным хаосом, но и увеличив его многократно, срочно стали спасать власть вынужденно переходя к Новой экономической политике.

Примечания

¹ Ленин В. И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 193.

² Кондаков В. А. Эволюция экономической жизни российского общества : социальные утопии и действительность (философско-экономический анализ) / В. А. Кондаков, В. А. Ханькин. Тюмень, 1994. С. 9.

³ ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 104–110; ЦДОО СО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 5–13, 60–121; ЦДННОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 11; ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Л. 47–53; ЦГИА РБ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 5–183, Д. 42. Л. 4–22; ОГАЧО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–5; ЦГА УР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–39.

⁴ ЦГИА БР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.

⁵ Сведения о перлюстрации личной корреспонденции уральцев, которая, составляя наименее подверженную фальсификации источниковую базу, позволяет с большей степенью объективности определить ментальные представления населения о хозяйственных порядках, «царящих в стране». См.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 30–35.

⁶ См.: Хазиев Р. А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах : хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007. С. 41–57.

⁷ С декабря 1917 г. по август 1918 г. на Урале происходили повстанческих выступлений заводчан, сопровождаемые кровопролитными сражениями рабочих с частями Красной Армии, которые отчаянного сопротивлялись внедрению обескровливающего их семьи мобилизационно-раздаточного социализма. См.: Новая жизнь (Петроград). 1918. 1 июня; Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919: Сб. док. и материалов. Челябинск, 1962. С. 104–105; Урал и Прикамье. ноябрь 1917 – январь 1919: Док. и материалы. Париж, 1982. С. 53, 61, 70–72, 75, 130–131, 156, 159, 161; 163; Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск, 1999. С. 147; Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004 и др.

- ⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 312. Л. 1 об., 12.; РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 404. Л. 26–27 об., 31; ЦГИА РБ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 5–7, 10–821.
- ⁹ Подсчитано по: Роспись общегосударственных доходов и расходов... на 1920 г. с объяснительной запиской Народного комиссариата финансов. Пг., 1922. С. 2–3, 13–14.
- ¹⁰ Преображенский Е. Вопросы финансовой политики. М., 1921. С. 3.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1529. Л. 7–7 об.
- ¹² ЦГАОО РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 90. Л. 13.
- ¹³ Постановления и резолюции II Уральского Областного сельскохозяйственного совещания. 13–19 ноября 1920 г. Екатеринбург, 1920. С. 11, 16, 20.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 263. Л. 4, 32, Д. 374. Л. 46, 135–138, Д. 395. Л. 1.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 9. Л. 63; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4. Л. 37; ЦГИА РБ. Ф. 91. Оп. 1. Д. 7. Л. 26; ОГАЧО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 19. Л. 1; ЦДНИ УР. Ф. 54. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
- ¹⁶ Звезда (Пермь). 1920. 24 июня.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
- ¹⁸ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 525. Л. 15, 20, 32.
- ¹⁹ ЦГИА РБ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 6. Л. 73.
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 484. Оп. 4. Д. 55. Л. 1, Д. 99. Л. 22; ЦДНИ УР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 14. Л. 16; ЦГАОО РБ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 3. Л. 30; ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 509. Л. 43–52; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 630. Л. 17; ЦДООСО Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 21–29, 62–62 об.; ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 10 об.; Уральский рабочий. 1920. 28 мая; Известия (Уфа). 1921. 11 мая.
- ²² См.: Хазиев Р. А. «Автономный нэп» эпохи «военного коммунизма» на Южном Урале: рыночная альтернатива командно-распределительной экономике // Отечественная история. 2001. № 6. С. 40–60.

Шапошников Г. Н.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СРЕДСТВАХ СВЯЗИ УРАЛА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Термин «мобилизационная экономика» получил распространение в отечественном общественном сознании в конце последнего десятилетия прошлого века. С этого момента в историографии ведутся дискуссии о сущности и природе, механизмах и результативности этого вида хозяйствования. Не вдаваясь в анализ различных точек зрения, отметим, что в данном вопросе мы придерживаемся мнения экономиста С. Ю. Глазьева. Он понимает под мобилизационной экономикой такую систему регулирования, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов¹. Многие историки считают пиком проявления мобилизационной экономики в России только периоды мировых и гражданской войн.

Информационные коммуникации – важнейшая составляющая любой экономики (в т. ч. и мобилизационной). К сожалению, в современной литературе вопросы инфраструктуры в периоды расцвета мобилизационной экономики не стали предметом отдельного анализа. Между тем, без изучения особенностей функционирования транспорта, связи и других вспомогательных секторов народного хозяйства, представить полную картину существования общества в переломные моменты истории – невозможно. Цель нашей статьи – проанализировать развитие некоторых мобилизационных механизмов в отрасли электросвязи, которые обеспечили информационное пространство как «белых» так и «красных» правительств на Урале в ходе гражданской войны. Нам представляется, что эта тема имеет не только историко-научный, но и практический интерес, поскольку многие специалисты в условиях современного экономического кризиса, выступают за возрождение элементов мобилизационной экономики².

Тема гражданской войны всегда была в центре внимания отечественных и зарубежных историков. Анализируя ее «сущностные» проблемы, исследователи сегодня явно утратили интерес к истории отдельных отраслей. Электросвязи не везет вдвойне. Даже в общих работах по экономической истории этого времени, сюжеты о ней отсутствуют. В результате, историки и сегодня пользуются оценками полувековой давности, а краеведы и журналисты продолжают описывать трудовые подвиги «красных» связистов на суббортниках 1919–1921 гг. Особенности функционирования отрасли в военное лихолетье, ее роль в воюющем обществе – все еще «белое пятно» уральской историографии.

С октября 1917 г. большевики с упорством, достойным лучшего применения, создавали социальную базу широкого антикоммунистического блока. Идеино-политический раскол в среде связистов, который нарастал с осени 1917 г., вылился в их активное участие в гражданской войне на стороне обеих воюющих лагерей. Отметим, что служение телеграфистов, телефонистов, радистов, работников почт отличалось высоким самопожертвованием и героизмом. Многие защищали свои идеалы с оружием в руках. В 1918 г. в России насчитывалось около 60–70 тыс. связистов³. Более половины из них, весной 1918 г. работали в Наркомате почт и телеграфов РСФСР (НКПиТ), и казалось, связали свою судьбу с советской властью. Остальные – выжидали. В ходе гражданской войны ситуация изменилась. Убежденные сторонники той или иной власти ушли в армии противоборствующих сторон. 1918–1921 гг. более 16

тыс. связистов служили в Красной армии. Особо востребованными на фронтах оказались радисты и механики. Так, в военных действиях погибло более половины радиотелеграфистов, числившихся в Наркомате почт и телеграфов РСФСР⁴. По косвенным данным, можно предположить, что не меньше связистов служили в «белых» армиях. Значительная масса почтово-телеграфных работников смогла избежать прямого участия в военных действиях, т.к. работали в гражданских службах связи, освободившись от мобилизаций и стремились приспособиться к калейдоскопу режимов.

Гражданская война предъявила повышенные требования к связи. Ни красные, ни белые не проводили каких-либо специальных мер по мобилизации отрасли. С 1914 г. уральская электросвязь и почтовые службы работали в мобилизационном режиме. В годы гражданской войны воюющие стороны на Урале только довели до логического конца мобилизационные механизмы в информационных коммуникациях. Это объясняется особенностями хода гражданской войны. В 1918–1921 гг. военные действия охватили протяженные территории края, что повышало внимание к передаче оперативной информации. Региональные средства связи пережили две масштабные эвакуации (летом 1918 г. и летом 1919 г.), которые привели к их полному развалу и потребовали со стороны всех воюющих особых усилий по восстановлению и дальнейшему развитию.

Все режимы, последовательно сменявшие друг друга на Урале в 1918–1920 гг., стремились стабилизировать ситуацию на транспорте и связи. В уральской исторической литературе в последние годы неоднократно подчеркивалось родство методов социально-экономической политики «белых» и «красных» правительств. Так, В. С. Кобзов и Е. П. Сичинский, проанализировав методы работы эсеров-меньшевистского Комуча и большевиков, отметили их поразительное сходство. Об этом пишет и М. А. Фельдман⁵. Анализ политики воюющих сторон по развитию отрасли связи подтверждает этот тезис: гражданская война породила такие условия, которые уничтожали любые инновации, кроме мобилизационных. Отсюда и удивительное, только на первый взгляд, совпадение методов и приемов, которыми белые, красные, эсеров-кадетские правительства налаживали работу отрасли.

Выделим некоторые специфические мобилизационные механизмы функционирования телефонно-телеграфных сетей, почтовых сообщений и радио в это время, которые раньше в истории отечественной связи не применялись: всемерная централизация средств связи, которая приняла формы прямой милитаризации и захвата учреждений связи военными в прифронтовой полосе, массовая практика нецелевого использования «прямых проводов». Широкое распространение т. н. «временок», восстановление магистральных телеграфных линий, в ущерб региональным сообщениям, трудовые мобилизации связистов, введение института специальных военных (у белых) и политических (у красных) контролеров и лимитов на пользование оперативными средствами связи и др.

Прежде всего, выделим прямую милитаризацию «гражданских» учреждений связи, которая проявилась в прямом захвате военными всех телеграфных и телефонных линий связи. В период гражданской войны информационные службы армий обеих сторон только формировались. Поэтому военные осуществляли массовые конфискации оборудования, или просто брали под прямой контроль учреждения связи. В конечном итоге, в их распоряжении оказались все коммуникации Урала. Как отмечал в 1919 г. начальник Екатеринбургского губотдела связи И. В. Худяков – военные захватили все телеграфные магистралы и не подпускали к ним гражданские власти⁶. Такая практика породила и еще одну «военную» особенность использования телеграфов: широкую практику переговоров по «прямым проводам». Ни в одной стране мира, – писал в 1919 г. нарком НКПиТ, – не знали такого использования прямых проводов, как в РСФСР. В царское время никто, даже царь, не имел права приблизиться к прямому проводу. Говорить по нему разрешалось только Ставке. Теперь прямые провода сутками заняты под переговоры военных⁷. К сожалению, эту практику широко применяли и регионы. «Не проходит и дня, – писали в НКПиТ работники Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы, – что бы какой-либо комиссар или несколько, кучей, не вваливались в контору и не требовали бы предоставить им непременно «прямой провод». Всякое сопротивление влекло обвинение в контрреволюции»⁸. Аналогичная практика получила распространение и у белых, где к ней прибегали казахи и иные командиры.

Естественно, что в ходе отступлений все коммуникации полностью разрушались. Враждующие стороны стремились лишить противника информационной инфраструктуры. Телеграфы всегда привлекали внимание нападающей стороны, – писал В. Н. Подбельский, – их разрушали в первую очередь⁹. Чтобы обеспечить управление войсками и тылом, обе стороны стремились быстро восстановить связь. Военные власти оказывали гражданской администрации посильную помощь в восстановлении телеграфных и телефонных сетей, при этом, и гражданские власти и войска применяли репрессивные методы. Как откровенно писал в Москву тот же И. В. Худяков, – в 1919 г., как только освободили Средний Урал, связь восстановили быстро, применяя при этом законные и, прежде всего, самые незаконные методы. Это было необходимо в интересах центральной и местной власти¹⁰.

Летом 1918 г. огромная территория Урала оказалась под властью «белых». Новые власти столкнулись с рядом острых социально-экономических проблем, которые достались в наследство от большевиков. Политика национализации в первой половине 1918 г. носила хаотический характер, все это время в крае наблюдалось падение производства¹¹. Тяжелое экономическое положение усугублялось полным развалом путей сообщения и средств связи. Более того, вся система региональной информационной инфраструктуры оказалась разобщенной. К разделу территории края на «красную» и «белую» зоны добавились противоречия между многочисленными правительствами на местности, освобожденной от красных. Дутовцы конфликтовали с учредившими, а сибирское правительство в Омске, уральские

и уфимские «автономисты» не могли договориться ни с теми, ни с другими, ни между собой. Единая региональная система связи, которая создавалась на протяжении полувека, была утеряна. Выход был только один – усиление милитаризации средств связи на отдельных территориях, подчиненных разным правительствам и властям.

Первоначально население встретило «белых», как избавителей от репрессий диктатуры пролетариата. Многие, особенно интеллигенция, искренне верили, что все кошмары революции уже позади. Не были исключением и связисты. Они считали, что на Урале установилась твердая власть и порядок. Летом 1918 все почтово-телеграфные работники, оставшиеся после эвакуации «красных», вышли на рабочие места, с энтузиазмом начали восстанавливать связь. Осенью 1918 г., в ходе боев за западный Урал, в городских конторах среднего и южного Урала царил радужное настроение, связисты работали в мобилизационном режиме. Неслучайно начальник прифронтового Пермского почтово-телеграфного округа П. К. Кольфгауз, в телеграммах на имя начальника управления почт и телеграфов Сибирского правительства А. Е. Цислинского в г. Омск, постоянно отмечал, что в учреждениях Урала наблюдается высокий патриотический подъем, сотрудники прифронтовой полосы многострадального Пермского округа прилагают все силы для выполнения своего долга¹².

Вскоре начались первые разочарования. Прежде всего, это проявилось в организации трудовых отношений, в которых стали превалировать военно-директивные методы. В отличие от самарцев, которые пытались сохранить основы советского законодательства о труде, Сибирское правительство его отменило. При этом были сохранены профсоюзы, рабочее страхование, 8-часовой рабочий день¹³. На связистов эти положения не распространялись, т. к. они считались мобилизованными по месту службы, а конторы связи – причислены к военной сфере. Рабочий день устанавливался по производственной необходимости. По правилам внутреннего распорядка в учреждениях связи вводилась военная дисциплина, все распоряжения начальства должны были выполняться с военной четкостью. В противном случае, служащие могли быть отданы под военно-полевой суд¹⁴. Эти меры ставили связистов в невыгодное положение по отношению к властям, в сравнении с рабочими горнозаводских, и даже с работниками оборонных предприятий.

Милитаризация позволила обеспечить минимальный уровень оперативной связи в белом лагере. По транссибирской телеграфной магистрали уральские города имели телеграфную связь с Омском, Томском, Новосибирском, Иркутском, Хабаровском, Владивостоком. Через перепреимы на телеграфах дальневосточных городов уральцы могли связаться с Харбином и другими китайскими городами, а также с Токио¹⁵. При этом, парк телеграфной аппаратуры в учреждениях связи среднего и западного Урала насчитывал всего 12 аппаратов юза, два уинстона, два бодо, несколько десятков морзе и 12 телеграфных трансляций¹⁶. Такое оборудование уральских телеграфов в начале 1919 г. говорит о том, что телеграфные связи оставались рассчитанными для передач на дальние расстояния, а местные телеграфные связи – сокращались. Пропускная способность телеграфов могла обеспечить информационные потребности только военных и высших региональных структур гражданских властей.

Серьезной проблемой, с которой столкнулись «белые» власти, оказалась и кадровая. Квалифицированных телеграфистов, монтеров, техников не хватало катастрофически. Как отмечал П. К. Кольфгауз, после разрухи, оставленной большевиками, необходимы были опытные кадры, но их и не было¹⁷. Чтобы хоть как-то исправить положение, на работу было разрешено принимать юношей с 16, а девушек с 18 лет. Критерием приема выступали их безупречная нравственность и 4-х классное образование. С начала 1919 г., несмотря на запреты, в ведомство начали принимать и тех, кто вернулся от «красных». Эти меры дали незначительный эффект. Большинство новых работников плохо знали почтово-телеграфное дело, а многие не понимали азбуки Морзе. Начальник Пермского ПТО обязал всех сотрудников изучить телеграфную азбуку в течение 3 месяцев под страхом увольнения¹⁸. Проблему кадров «белые» правительства не смогли решить на протяжении всего своего правления.

В ноябре 1918 г. на Урале утвердилась военная диктатура Колчака. Внимание к вопросам связи усилилось, и мобилизационные методы управления сетями и линиями электросвязи – заметно возросли. С первых дней прихода к власти Колчак созвал экономическое совещание для выработки общей программы восстановления хозяйства Урала и Сибири. Первостепенное внимание обращалось на привлечение капиталов в топливную, лесную, металлургическую промышленность. В развитие инфраструктуры предполагалось провести ряд срочных мер по расширению транспорта, особенно водных путей, строительству железных дорог¹⁹. Эти меры требовали серьезной реконструкции всего хозяйства связи, в первую очередь, расширения пропускной способности телеграфов. У колчаковского руководства не хватало ни времени, ни сил, чтобы осуществить эти планы. Единственным методом решения всех вопросов развития связи остался один – дальнейшая милитаризация отрасли. С конца 1918 г. связь на Урале была полностью переведена на военный режим работы. За работой линий связи следили военные коменданты населенных пунктов, а в почтово-телеграфные конторы были назначены специальные офицеры связи, которые следили за порядком и политическим климатом в коллективах работников. За порчу оборудования налагались суровые наказания по законам военного времени. Военные коменданты и офицеры связи помогали в ремонтах магистральных линий, обеспечивали работу учреждений связи гужевым транспортом и рабочей силой, выбивали дополнительные продовольственные пайки, стремились ограничить произвол многочисленных полевых и казачьих начальников. При этом, их действия по отношению к связистом отличались суровостью, любые жалобы рассматривались, как «либерализм и красная пропаганда».

Важным методом мобилизационного регулирования стало установление норм передачи корреспонденции по каналам оперативной связи и введение лимитов на пользования «прямыми проводками». Контроль за использованием «прямыми проводками» полностью перешел к военным. В марте 1919 г. почтово-телеграфные служащие были официально освобождены от призыва в армию, а связисты 18 – 35 лет состояли на учете военных комендатур и проходили военное обучение по месту службы. Наконец, в 1919 г. на предприятия связи была проведена первая трудовая мобилизация. На должности младших служащих, почтальонов пришли мещане и крестьяне, которые освобождались от призыва в армию.

Эти меры позволили хоть как-то наладить порядок в передаче информации, восполнить острый недостаток рабочих рук в крупных почтово-телеграфных узлах края. Кадровую проблему они не решили, поскольку мобилизации не дали специалистов. В уральских конторах в первой половине 1919 г. наблюдался острый недостаток телеграфистов и радистов. Так, в Екатеринбурге в учреждениях связи работало более 500 человек, но среди них только 44 чиновника 2–3 разрядов и всего 8 техников. Остальные не имели никакой квалификации, многие вообще не знали грамоты²⁰. В других городах положение с кадрами было еще хуже. В целом, эффективность этих мер оставалась не высокой. Линии электросвязи нуждались в капитальных ремонтах, а для этого у правительства Колчака не было средств. Достаточно отметить, что из-за острой нехватки материалов, в устройстве линий широко применялись суррогатные средства: печная и колючая проволока, с которой предварительно счищались колючки, деревянные изоляторы и др. Вопросы развития связи, традиционно, отступили на задний план по сравнению с восстановлением железных дорог. Для нормализации работы связи «белым» не хватало и времени. Летом 1919 г. мощное наступление «красных» на Урале повлекло очередную эвакуацию средств связи. Эвакуация средств связи белых проходила более организованно, чем эвакуация «красных» в 1918 г., но, также привела к полной дезорганизации почтовой, телефонно-телеграфной, радиосвязи края.

Мобилизационные методы восстановления связи широко применяли и «красные». После ухода «белых» экономика Урала находилась в полной разрухе, хозяйственная жизнь еле теплилась²¹. Аналогичная картина наблюдалась и в связи. «Белые унесли все, оставив голые стены, – писали начальники уральских губернских отделов в Москву летом 1919 г. – все телефонно-телеграфные сети разрушены. В конторах нет даже канцелярских принадлежностей, не говоря уже о шкафах для сортировки писем, почтовых вагонах, фуража для лошадей. Открыть действие по каким-либо операциям и направлениям – невозможно»²². Сложной оставалась и кадровая проблема: из 103 служащих Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы с «белыми» уехали 100 работников. На всю Екатеринбургскую губернию члены губернского отдела связи смогли разыскать всего 300 сторожей, почтальонов и бывших чиновников, которые могли работать в конторах и отделениях. В Пермской губернии – нашли не более 500 связистов, в основном, низших служащих, в Тюменской и Уфимской – менее сотни. Учреждения связи Оренбургской губернии – вообще обезлюдили. У «красных» не осталось ни одного инженера и техника. О развале средств связи на Урале летом 1919 г. говорит примечательный факт: сообщения уездных и губернских центров оставались случайными, посредством командировочных или прибывших товарищей. Срочная связь Москвы и Сибири через Урал осуществлялась по радио, поскольку проводная связь действовала с большими перебойми²³. Из-за отсутствия оперативной информации с мест и неспособности донести ее до волостных советов, губернские центры не могли наладить нормальное управление в уездах. К этому добавим, что центр требовал быстрого восстановления связи. Наркомат почт и телеграфов не мог оказать действенной материальной помощи, но постоянно «давил» на губернские отделы связи уральского региона. Это объяснялось тем, что во второй половине 1919 г. Восточный фронт отодвинулся в Сибирь, и Урал опять стал транзитным узлом информационного обмена страны.

Восстановление отрасли началось с решения кадровых вопросов. В 1919–1920 гг. губотделы связи Урала провели серию трудовых мобилизаций. Первая из них прошла уже летом 1919 г. Разрешение на нее дал Наркомат почт и телеграфов после настойчивых просьб всех уральских губисполкомов. Тогда местные власти просили разрешение вернуть в принудительном порядке всех специалистов связи, работающих в других ведомствах, пенсионеров и женщин, знакомых с работой в отрасли, а так же о срочной посылке на Урал нескольких сот связистов из центральных губерний. Уфимские руководители вообще поставили ультиматум: срочный перевод в Уфимскую губернию 155 телеграфистов, – в противном случае связь на Южном Урале может быть остановлена²⁴. Данная мобилизация дала немного: в органы связи пришлось не более сотни бывших работников и ни одного специалиста.

Впоследствии разрешения на подобные мобилизации давали губернские комитеты по труду. Они же занимались переводом связистов по реэвакуации и «выбывали» специалистов из центра. В целом в 1919–1921 гг. по путевкам НКПиТ и Главтруда РСФСР из центральных районов на Урал прибыло около 3 тыс. связистов разных специальностей. В результате длительной переписки, около 3,5 тыс. почтово – телеграфных работников с семьями удалось вернуть из Сибири по реэвакуации²⁵. Трудовые мобилизации и приезд связистов из других областей позволили сгладить количественный недостаток рабочей силы в учреждениях связи. К концу 1920 г. количество работающих в конторах и отделениях Урала превышало штаты 1916 г. на 110–116%, и только в Оренбургской губернии, наиболее пострадавшей в годы гражданской войны, штаты связистов составляли 63 % от дореволюционных²⁶.

Помимо этого, к ремонтным работам линейного хозяйства региона была привлечена армия. За первое полугодие 1920 г., при помощи трудармейцев было отремонтировано более 1,5 тыс. верст телефонно-телеграфных линий, проложено 500 верст подводных и подземных кабелей, заготовлено значительное количество фуража и топлива для почтово-телеграфных учреждений.

Сложной проблемой этого времени оставалась острая нехватка аппаратуры, технологический износ действующих аппаратов, трансляций и проводов, постоянные аварии. Власть пыталась решить проблемы недостатка аппаратуры и низкой пропускной способности телеграфов путем усиления распределительных методов: введением пословных и иных лимитов для госорганов на услуги связи и запретом на ее пользование для населения. Были усилены и административные меры по контролю за дисциплиной трудовых коллективов учреждений связи. На наш взгляд, эти меры знаменовали пик политики военного коммунизма в отрасли.

В 1920 г. специальным декретом СНК вводились жесткие лимиты на пользование телеграфом для всех госструктур советской республики. Одновременно отменялись и оплата услуг электросвязи. Каждое предприятие получало суточный лимит слов, которые оно могло передать по экстренной связи. Лимиты устанавливали региональные власти и утверждались Наркоматом почт и телеграфов. Поскольку телеграфные линии республики работали по радиальной схеме, эта мера дала положительные меры. Вместе с тем, она породила и новые проблемы, в частности, ожесточенную войну между региональными структурами за право первоочередного пользования средствами связи. Фактически услугами телеграфа стал пользоваться тот, кто в данный момент был сильнее.

Так, в январе 1922 г. Губком ВКП (б) Пермской губернии самовольно увеличил месячную норму передачи своей корреспонденции с 2 до 6 тыс. слов. В апреле, из-за многочисленных протестов, вынужден был ее снизить вдвое. Это, по мнению партийного руководства, заметно ухудшило руководство губернией. В мае Губком вновь самовольно вернулся к мартовской норме. Особенно яростно боролись за пересмотр норм пословных передач армейские органы и милиция. Они самовольно увеличивали утвержденные лимиты под угрозой ареста работников учреждений связи. В результате, телеграммы многих госорганов сутками лежали без движения или посылались почтой. На Пермском телеграфе срочные депеши губземотдела, губнаобраза, губстатбюро и др. лежали без движения по 3 и более суток²⁷. Пермский телеграф уведомил всех, что вынужден даже срочные военные телеграммы отправлять почтой. Такая же ситуация наблюдалась и на других телеграфах края.

Еще одним мобилизационным методом стало усиление политического контроля за трудовыми коллективами связистов. Осенью 1920 г. НКПиТ ввел должности политических комиссаров в учреждениях связи²⁸. Вместе с чекистами, политкомиссары осуществляли контроль за передачей секретной корреспонденции, решали все конфликты между местными органами и администрацией учреждений связи, два раза в месяц писали отчеты об политической обстановке в коллективах почтово-телеграфных работников в ЧК и губернские отделы связи, раз в месяц – в НКПиТ²⁹. В 1921–1922 гг. В губернских телеграфах, почтамтах, радиостанциях их штат политкомиссаров колебался от 25 до 30 человек, они были приставлены к каждой рабочей смене. В уездных городах в конторах и отделения связи работали по одному- двум комиссарам. Расширение функций комиссаров, по мнению уральских руководителей, было вызвано беспокойной ситуацией и ростом крестьянских волнений³⁰. Это привело к тому, что во многих учреждениях связи политкомиссары стали брать на себя административные функции, «подмывали» под себя профсоюзные активы, и даже администрацию. При этом они не несли никакой ответственности за производственные срывы.

Своеобразную характеристику уральским комиссарам того времени дал начальник Екатеринбургского губернского отдела связи П.В. Худяков. «В среде беспартийных имеются разные взгляды, но явных контрреволюционеров нет, – доносил он в коммунистическую фракцию ЦК профсоюза народной связи в конце 1921 г. – К сожалению, в среде комиссаров не все успешно. Некоторые из них не могут нести свои прямые обязанности. Они стремятся показать себя начальником, втягиваются в мелкие дразги. При этом они выполняют свою роль – вычищают всю грязь из контор и два раза в месяц высылают отчеты»³¹.

В ходе реорганизации и сокращения штатов, которые проходили в отрасли в начале 1922 г., институт политкомиссаров был ликвидирован. Наркомат рекомендовал использовать их на производственной работе, т.к. они имели хотя бы небольшую практику организации почтово-телеграфного дела. Почти все они были уволены из ведомства, т.к. по общеобразовательному и культурному уровню не соответствовали квалификационным требованиям. Введение института политических комиссаров означало прямое сращивание партийных, военных и отраслевых органов и, также, стало показателем пика политики военного коммунизма в информационных коммуникациях.

В заключение попытаемся рассмотреть вопрос об эффективности мобилизационных мер в отрасли в период гражданской войны. На первый взгляд, ситуация в информационных коммуникациях выглядела стабильной, мобилизационные механизмы действовали и давали результат. В 1918–1922 гг., несмотря на военные действия, на Урале сеть учреждений связи выросла в 1,6 раз по сравнению с 1919 г. и в 4,7 раз по сравнению с периодом первой русской революции. Еще более увеличились штаты служащих: в 3,4 раза по сравнению с 1919 г. и 8 раз по сравнению с началом XX века. К концу 1921 г. удалось наладить сеть телеграфных линий, которые протянулись на 19 тыс. верст (в границах 6 губерний Урала, существовавших в это время), что не намного уступало дореволюционной протяженности уральских телеграфов³². Не случайно, в своем первом отчете о работе в 1920 г., Пермский губернский отдел связи доложил в НКПиТ, что все провода в губернии в очень плохом состоянии, в сторону Москвы и в сторону Сибири требуются работы, но телеграфная связь Москвы и Сибири через Пермь – Екатеринбург – действует³³. Наконец, именно в годы гражданской войны на Урале получил распространение новый вид электросвязи – радио. Если в 1918 г. на Урале насчитывалось не более 3 радиостанций, то в 1921 – уже 27³⁴. Устройство приемных радиостанций в крае – заслуга красных. В целом, можно отметить, что мобилизационные механизмы

достаточно эффективно решали проблемы, возникшие в ходе военных действий, армейская и правительственная электросвязь, особенно на магистральных линиях выполняла свои задачи.

Вместе с тем, итоги мобилизационных мер в региональной электросвязи носили противоречивый характер. Сегодня многие обществоведы поднимают вопрос о затратных механизмах мобилизационной экономики³⁵. Даже поверхностный анализ функционирования коммуникаций на Урале в это время подтверждает этот тезис. В условиях мобилизационной экономики средства связи края работали неэффективно.

При огромном росте штатов и расширении сети учреждений связи, передача даже важной информации осуществлялась с большими перебоями. В конце гражданской войны Пермская и Екатеринбургская губернии смогли обеспечить общее развитие почтовых сообщений до 80 % от уровня 1916 г., а по телеграфии всего до 27–30 %. Вятская губерния по показателям почтово-телеграфного обмена имела 50 % от дореволюционного уровня, а телеграфный обмен Зауралья и Тобольского севера – только 12 %³⁶. Телеграфные линии имели менее половины пропускной способности дореволюционных магистралей, поскольку являлись «временками».

«Временки», т. е. телеграфно-телефонные линии, которые устраивались с нарушением технологий, из подручных средств и некондиционных материалов, – стали символом гражданской войны. Как правило, они работали недолго, их постоянно приходилось восстанавливать. Часто затраты на устройство и восстановление таких «временок» оказывались выше, чем стоимость стационарных линий связи.

Как отмечалось выше, мобилизационные меры позволили решить вопрос количественного обеспечения отрасли трудовыми ресурсами. Они же выявили и слабую сторону принудительного механизма: острейшую нехватку квалифицированных кадров. Следствием репрессивной политики военного коммунизма в почтово-телеграфном ведомстве стало то, что почти весь инженерно-технический и управленческий состав, ушел с «белыми». К концу гражданской войны до 70 % служащих НКПиТ составляли неквалифицированные работники, в т.ч. треть их была вообще неграмотна, и могли использоваться только как сторожа, грузчики, разносчики. У нас полное безлюдье, – сетовал В. Н. Подвойский, – общий уровень грамотности в ведомстве настолько низкий, что мы не можем выделить из них самого ничтожного числа для замещения руководящих постов³⁷.

Такая же картина наблюдалась и на Урале. В Екатеринбургской губернии в 1920 г. работало 2,7 тыс. связистов, т. е. в полтора раза больше, чем до гражданской войны. При этом 48 % из них не знали грамоты. На всю губернию насчитывалось всего 5 механиков, 32 техника и 86 линейных надсмотрщиков³⁸. В других уральских губерниях четыре пятых служащих составляли неграмотные или неквалифицированные кадры.

Привлечение армейских подразделений к восстановлению линий связи также выявило затратный экономический эффект. В первой половине 1920 г. на ремонт телефонно-телеграфных линий, заготовку топлива и фуража для учреждений связи Среднего Урала, ремонт аппаратуры привлекалось до 600 трудармейцев ежедневно. При этом производительность их труда постоянно падала. Так, в феврале 1920 г., 80–90 трудармейцев ежедневно устанавливали по 8–10 верст телеграфных линий. Весной темпы работ были заметно снижены: за 10 последних дней апреля 1920 года 400 трудармейцев смогли отремонтировать только 68 верст линий³⁹. Главная причина заключалась в недостатке проволоки, изоляторов, столбов, а также в отказах работать из-за плохого питания. Приход в учреждения связи маргинальных слоев, плохое материально-бытовое обеспечение трудовых контингентов породили еще одну сложную проблему: низкую дисциплину, массовые хищения и грабежи почтовых вагонов, в которых принимали участие сами связисты.

Следствием этих моментов стало падение производительности труда и лавинообразное нарастание аварий. На заключительном этапе гражданской войны производительность труда в учреждениях связи и белых и красных оставалась низкой. Если в 1913 г. на 1 служащего почтово-телеграфного ведомства приходилось обработка 326 почтовых отправок и 359 слов, переданных по телеграфу, то в 1921 г. эти показатели равнялись соответственно: 186 писем, 211 слов. В 1922 г. они еще уменьшились⁴⁰. К этому надо добавить и рост аварийности на линиях. Неквалифицированные кадры не могли обеспечить работу средств связи, которые с 1914 г. работали на полный технологический износ. В 1920 г. простои уральских телеграфов выросли в два раза по сравнению с 1919 г. Главной причиной являлись низкая квалификация кадров и постоянные обрывы ветхих проводов: даже небольшой ветер или дождь выводили из строя целые версты телефонно-телеграфных магистралей.

Наконец, не смотря на законы военного времени, жесткий контроль офицеров связи и политкомиссаров, связисты находили много путей для использования служебного положения для собственной выгоды и личных интересов. Мы характеризуем это явление, как проявление специфических тактик выживания связистов в экстремальных условиях, и их ответом на мобилизационные механизмы государственной системы.

Наиболее ярко это проявилось в возникновении нелегального информационного обмена между населением на территориях, разделенных фронтами. Любая связь с территориями противника – пресекалась самыми жесткими мерами. Эту политику неукоснительно проводили и «белые», и «красные». Так, командующий Западно-Сибирским почтово-телеграфным округом Сибирского правительства Г. Иванов постоянно требовал немедленного прекращения любых телеграфных сношений с «красными», даже если техническое состояние линий позволяло это делать, аналогичные приказы дублировались и Омским правительством⁴¹. Аналогичную политику проводили и большевики. Несмотря на угрозу рас-

стрелов, связистам за определенную оплату, регулярно передавали почтово-телеграфную корреспонденцию за линии фронтов. Это породило специфическое явление гражданской войны – нелегальный почтово-телеграфный обмен. О масштабах нелегальных почтово-телеграфных операций говорит интересный факт. После освобождения г. Перми от «красных» в декабре 1918 г., шадринские и екатеринбургские купцы мгновенно наладили поставки крупных партий продовольствия в губернский центр Западного Урала, т. к. хорошо знали цены на пермских рынках.

Расширению практики «теневого обмена» способствовало и введение лимитов на передачу оперативной корреспонденции. Не смотря на пословные нормы и очередность передачи депеш, жесткий контроль за содержанием информации, все связисты Урала передавали частную корреспонденцию за плату. По нашим неполным подсчетам, в конце гражданской войны до четверти телеграфного обмена Урала составлял «теневой» обмен, т. е. депеш частных лиц и государственных органов не по лимитам и очередности, а за натуральную оплату. Такие масштабы использования средств связи нецелевым способом означали серьезные издержки распределительной политики военного коммунизма. Если пословные лимиты не выполняли ни местные органы, ни сами связисты, ситуация с использованием информационных ресурсов выходила из-под контроля центра и отражала затратные элементы мобилизационной экономики.

В заключение отметим, не смотря на неэффективность мобилизационных механизмов, их противоречия и высокие издержки, милитаризация оставалась единственным вектором развития связи в ходе гражданской войны. Только на ее основе и «белые», и «красные» смогли наладить сносную работу сквозных магистралей для военно-правительственных нужд. Вместе с тем, в период непродолжительного господства «белых» на Урале, военно-административное принуждение применялось в меньших размерах, а экономические стимулы оставались заметно выше: зарплата и продуктовое снабжение в «белых» городах было лучше, а социальный статус инженера и почтово-телеграфного чиновника – выше, чем у «красных». В результате, меньшее число работающих, смогли обеспечить решение минимальных задач, стоящих перед связью. Производительность труда в учреждениях связи при «белых» была явно выше, чем у «красных». Гипотетически можно предположить, что и «белые» двигались по пути наращивания военно-принудительных мер в отрасли, но история не отпустила времени антибольшевистским режимам для реализации своих программ. Отметим, что «красные» получили первые положительные итоги работы в отрасли только во второй половине 1920 – начале 1921 гг., т. е. через полтора года после ухода белых. Практика мобилизационной инфраструктуры периода «гражданки» в регионе была частично воспроизведена в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ Глазьев С. Ю. Пора объявлять мобилизацию // Власть. 1999. 20 марта. То же см. на персональном сайте С. Ю. Глазьева. URL : <http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=15386>.

² Митяев Д. А Сегодня реальность – кризис. Что нас ожидает завтра? URL : <http://www.owl.ru/win/books/budget/b17.htm>; Вальрух К. К. Необходима мобилизационная экономика. URL : www.econom.nsc.ru/economy/arhiv/readStatiy/00.11/Valruh.htm, и др.

³ Развитие связи в СССР. 1917–1967 гг. М., 1967. С. 59.

⁴ Крапивнер Э. Л. Экономика связи. М., 1940. С. 58; РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 9. Д. 261. Л. 7.

⁵ Кобзов В. С. Государственное строительство на Урале 1917–1921 гг. / В. С. Кобзов, Е. П. Сичинский. Челябинск, 1999. С. 71; Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 46.

⁶ ГАРФ. Ф. 5464. Оп. 3. Д. 32. П. 34.

⁷ Подбельский В. П. Дело связи в Советской России : сб. статей к съезду Советов. М., 1919. С. 4. «Прямые провода» – особый вид телеграфной связи, когда абоненты общаются только друг с другом в режиме реального времени по принципу «срочный вопрос – срочный ответ». Телеграфные сообщения «прямые провода» – наиболее затратный и неэффективный вид телеграфии, поскольку из передачи по данному проводу исключают сотни корреспонденций. Такой вид телеграфной связи использовался до внедрения междугородней телефонии и применялся, в основном, для переговоров правительственных и военных инстанций.

⁸ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 218. Л. 8.

⁹ Подбельский В. П. Дело связи... С. 9.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5464. Оп. 3. Д. 32. Л. 36.

¹¹ Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку : поиск путей развития // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 142, 149.

¹² ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

¹³ Московкин В. В. Особенности управления на Урале в период «демократической революции» 1918 г. // Первые татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 28–29; Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 65.

¹⁴ ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.

¹⁵ Адресаты телеграфной корреспонденции, поступавшей в гг. Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Уфу, Тюмень из Сибири и стран Дальнего Востока, рассчитаны по материалам: ГАСО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 35. Л. 9, 11, 12, 14, 21.

¹⁶ ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 8. Д. 114. Л. 12.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 218. Л. 9.

¹⁸ ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 30. Л. 31.

¹⁹ Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку: поиск путей развития // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. 1999. С. 150.

²⁰ Рассчитано по материалам: ГАСО. Ф. 1197. Оп. 12. Д. 6. Л. 3; ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 225. Л. 84.

²¹ О масштабах разрушений Уральской экономики в годы гражданской войны см.: История Урала. Т. П. Пермь, 1977. С. 148–149. Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. Свердловск, 1971. С. 361.

²² См.: Худяков В. А. Екатеринбург. Жизнь на местах // Пролетарий связи. 1920. № 17–18. С. 20; Поносов Г. Пермь. Вятка. Жизнь на местах // Пролетарий связи. 1920. № 15–16. С. 22, 23; ГАРФ. Ф. 5464. Оп. 3. Д. 32. Л. 29; Д. 58. Л. 63.

²³ Уральский рабочий. 1919. 12 августа; 1920. 19 февраля.

²⁴ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 9. Д. 91. Л. 9; ГАСО. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

²⁵ ГАРФ. Ф. 5464. Оп. 3. Д. 58. Л. 64; ГОУГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 244. Л. 583.

²⁶ НКПиТ РСФСР. Отчет наркома почт и телеграфов VIII съезду советов. М., 1920. С. 23.

²⁷ ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 253. Л. 139.

²⁸ См. секретный приказ замнаркома НКПиТ А. Любовича от 8 сентября 1920 г. «О введении чрезвычайных политкомиссаров». ГАСО. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

²⁹ Там же. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

³⁰ ГАСО. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 24. Л. 19

³¹ РГА СПИ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 11. Л. 45

³² Рассчитано по материалам: Почтово-телеграфная статистика по отдельным учреждениям Российской империи за 1906 г. СПб., 1909. С. 279, 1814, 1277, 871; ГАРФ. Ф. 5464. Оп. 3. Д. 58. Л. 63; РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 640. Л. 3; ГАТО. Ф. 901. Оп. 1. Д. 92. Л. 138; Архив Центрального музея связи. Ф. Революционной борьбы. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

³³ ГАРФ. Ф. 5464. Оп. 3. Д. 58. Л. 64 об.

³⁴ Количество радиостанций по 6 губерниям Урала на 1921–1922 гг. Рассчитано по материалам: ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13. Л. 4; ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 159. Л. 209; ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 110. Л. 25. Д. 26. Л. 31.

³⁵ См., например, выступление А. Починка на круглом столе по проблемам мобилизационной экономики, устроенном «Независимой газетой». URL : <http://rusotechstvo.narod.ru/finansy/f49.html>.

³⁶ НКПиТ РСФСР. Отчет наркома почт и телеграфов VIII съезду. С. 22.

³⁷ Труды II Всероссийского съезда почтово-телеграфных работников. 1–10 февраля 1919 г. М., 1919. С. 11.

³⁸ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 640. Л. 2.

³⁹ Рассчитано по сводкам: Уральский рабочий. 1920. 10 марта, 20 апреля, 21 мая.

⁴⁰ Рассчитано по материалам: Любович А. Состояние и работа аппарата связи // Народное хозяйство России за 1921/1922 гг. Стат.-экон. ежегодник. М., 1923. С. 169, 172; ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 205.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 614. Л. 6; ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 111. Механизм такого «теневое обмена» оставался опасным, но достаточно простым. Связисты Урала до революции хорошо знали друг друга «на расстоянии», т. к. постоянно общались по телеграфным связям. В годы гражданской войны многие из них сохранили личные контакты. «Нелегальную» депешу отправляли на ближний телеграф к линии фронта, а затем передавали письмом до ближайшего телеграфа на другой стороне какой-либо оказией. Проследить адресаты и содержание радиопередач никаким контролерам было вообще невозможно. Если такие случаи вскрывались, связистам грозил расстрел.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ В ПРОЦЕССАХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Абрамовский А. П.

Баканов С. А.

Беспалов С. В.

Буданов А. В.

Жарков О. Ю.

Карпов В. П.

Коньшева Е. В.

Меерович М. Г.

Новоселов В. Н.

Парамонов В. Н.

Толстиков В. С.

Фельдман М. А.

Чуриков А. В.

Абрамовский А. П.

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛИЗИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С первых дней октябрьского переворота 1917 года большевики создавали и укрепляли советский государственный аппарат и проводили социально-экономические мероприятия, главными из которых являлись рабочий контроль и национализация крупной промышленности.

Урал был, как указывает Е. Н. Городецкий, лабораторией рабочего контроля, где апробировались различные его формы¹. Яростное сопротивление горнозаводчиков, тайный и явный саботаж декретов советской власти вынуждали Совет Народных Комиссаров и местные советы рабочих и солдатских депутатов осуществлять «красногвардейскую атаку на капитал».

Уже в 1917 году общенародной собственностью стали горные округа: Богословский, Симский, Кыштымский, Сергинско-Уфалейский и Невьянский с 47 заводами, 10 фабриками, 86 рудниками, 2 пристанями и автомобильными мастерскими. К июлю 1918 года, к концу второго периода национализации, собственностью государства стали 25 из 34 горных округов, что составило 73,5 %, 344 промышленных предприятия, их них 75 металлургических или 85 % всех действовавших этой основной отрасли производства².

Уральские горные округа представляли собой крупные промышленные объединения, в которые входили кроме металлургических и металлообрабатывающих заводов и другие вспомогательные и обслуживающие их предприятия – рудники, лесные заготовки, пункты обжига древесного угля и другие. Такие большие и сложные хозяйства после национализации требовали коренной перестройки организационных форм управления ими. Этот вопрос был решен первым съездом представителей национализированных предприятий, работавший 4–10 января 1918 года. Более целесообразной формой управления были признаны Деловые советы – коллегиальные органы, избираемые трудовыми коллективами. Третьим областным съездом советов Урала (24–29 января 1918 г.) они признавались основными административно-распределительными органами, ответственными перед советской властью за организацию производственного процесса. Социальный состав деловых советов включал 2/3 рабочих коллективов и 1/3 служащих и инженерно-технического персонала³. На Урале успешно действовали более 120 деловых советов, которые привлекли к работе на производстве большинство из 19,7 тыс. инженеров, техников и конторских служащих⁴.

Второй съезд был созван по решению Уральского Областного комитета РКП (б), областного Совета рабочих и солдатских депутатов и работал с 14 по 22 мая 1918 года, в работе которого принял участие 241 делегат, в том числе 30 представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, 68 – от Деловых советов, 46 – от контрольных органов, 60 – от профсоюза металлистов, 23 – от профсоюза инженеров и техников, 22 – от профсоюза конторских служащих. Партийный состав делегатов: большевиков – 117, сочувствующих им – 12, представителей мелкобуржуазных партий – 63, беспартийных – 49⁵.

Открывая съезд, председатель Областного правления национализированных предприятий Урала инженер-большевик А. А. Кузьмин сказал: «Со времени первого съезда, который наметил только подготовительные шаги, прошло более 3,5 месяцев. Тогда мы встретили полную неразбериху в положении заводов. Все заводы представляли нечто совершенно разрозненное: одни являлись по-прежнему типичными выразителями капиталистического строя; другие, хотя и получали ярлык «национализированных», но в действительности своего назначения не оправдывали; третьи – занимали выжидательное положение. Первый съезд был первой организационной попыткой объединить заводы Урала в одно целое... Вести организационную работу пришлось в очень тяжелых условиях. Заводы были дезорганизованы. Среди служащих, техников наблюдался саботаж. Но эти препятствия нам удалось преодолеть... Сейчас семья производителей уже возросла, наблюдается государственное течение объединиться в целом, создать организацию производителей не одного завода, а в пределах области, мало того, всей страны, устранить конкуренцию между мастерскими и заводами. Нам необходимо обсудить вопросы, касающиеся не одного завода, а заводов всей страны»⁶.

На съезде были заслушаны доклады делегатов от горных округов, промышленных районов и отдельных заводов о ходе восстановления и ввода в действие ранее закрытых предприятий; доклады Областного правления национализированных предприятий (по техническим, организационным и финансовым вопросам); об организации производственного треста и торгового синдиката; о выборном управлении заводами, рабочем контроле и избран новый состав Областного правления национализированных предприятий Урала⁷.

Из докладов о ходе работы предприятий в новых условиях, с которыми выступили представители Златоустовского, Богословского, Сергинско-Уфалейского, Лысьвенского, Гороблагодатского, Камско-Воткинского, Симского, Кыштымского, Сысертского, Николае-Павдинского, Невьянского, Нижне-Тагильского, Алапаевского, Верх-Исетского, Луныевского, Кизеловского, Чусовского, Ревдинского, Билимбаевского, Катав-Ивановского горных округов, Пермских пушечных заводов, Челябинских и Егоршинских каменноугольных копей и ряда заводов выяснилось, что везде шла напряженная работа трудовых коллективов по налаживанию производства, осуществлению его демобилизации и выработ-

ке планов дальнейшего расширения действовавших производственных мощностей и строительства новых заводов, фабрик, шахт и рудников.

Проявив большую заинтересованность в скорейшем возрождении металлургических и металлообрабатывающих предприятий, каменноугольных шахт и транспорта, съезд выработал план развития уральской горнозаводской промышленности, согласно которому намечались кардинальные меры, направленные на дальнейшее развитие существующих и введение таких новых производств, от скорейшего развития которых зависело восстановление народного хозяйства Урала.

Первоочередной задачей определялось восстановление железнодорожного транспорта, из-за плохой работы которого срывалось обеспечение промышленных предприятий сырьем, материалами и топливом, а населения – продуктами продовольствия и предметами первой необходимости. Комиссариаты производства и труда Областного Совета рабочих и солдатских депутатов, а также областной совет профсоюзов и бюро профсоюза рабочих-металлистов призвали трудовые коллективы промышленных предприятий и железнодорожные организации к борьбе с транспортной разрухой.

«Во имя интересов социалистического отечества, во имя ваших собственных интересов вы должны напрячь все усилия к тому, – подчеркивалось в этом обращении, – чтобы помочь всем, чем можно, делу наладки транспорта. Железным дорогам необходимы двигатели (локомотивы, паровые машины, двигатели внутреннего сгорания), станки (токарные, строгательные, сверлильные, долбежные и болторезные), инструменты (сверла, метчики, развертки, фрезы, развальцовки, кузнечный, котельный и пневматический инструмент и т. д.), материалы (сортовое котельное железо, медь, баббит и т. д.), запасные части для вагонов и паровозов, помощь в ремонте подвижного состава (вагонов и паровозов), а также помощь в рабочих и технических силах. Все указанное выше необходимо железным дорогам сейчас же немедленно, т. к. если мы не примем решительных мер сейчас, то дальше уже будет поздно»⁸.

Органы рабочего управления национализированными предприятиями – Деловые советы – горячо откликнулись на это обращение и стремились оказать посильную помощь в налаживании железнодорожного хозяйства. Учитывая то, что не на всех крупных железнодорожных станциях имелись хорошо оборудованные паровозные, вагонные, кузнечные и котельные мастерские, а также полное отсутствие каких-либо запасных частей к паровозам и вагонам, Деловые советы Баранчинского, Боткинского, Златоустовского, Серебрянского, Верхне-Туринского машиностроительных и Пермских пушечных заводов, имевших необходимое количество станков и оборудования, занялись организацией «паровозоремонтного производства»⁹.

На Воткинском заводе, ранее осуществлявшем ремонт железнодорожного подвижного состава, были приняты меры к расширению его масштабов и даже изготовлению паровозов, предполагалось сделать это производство основным, доминирующим. Производственные мощности цехов, мостового и по изготовлению скреплений железнодорожных рельсов благодаря энергичной деятельности трудовых коллективов постепенно расширялись. Деловой совет разработал проект переоборудования завода, предусматривавший строительство крупнейшего по тем временам паровозостроительного цеха со средней годовой производительностью не менее 100 мощных паровозов. До этого Воткинский завод изготовлял только 34 паровоза в год¹⁰. «Заказами Воткинский завод обеспечен не только на ближайшие месяцы, – говорил делегат Камско-Воткинского горного округа, – но даже на целый год. Готовые изделия не залеживаются, паровозы берутся нарасхват. По ремонту старых паровозов завод перегружен заказами»¹¹.

Деловой совет Пермских пушечных заводов основное внимание уделил организации среднего и капитального ремонта подвижного состава (паровозов, товарных вагонов) и изготовлению для него запасных частей, для чего два снарядных цеха уже в январе 1918 года были переоборудованы в ремонтные мастерские. Остальные снарядные цехи, подчеркивал делегат Пермских пушечных заводов, «будут переводиться для организации ремонта постепенно»¹². Распоряжением областного правления национализированных предприятий сюда было направлено с других заводов Урала 30 новых металлообрабатывающих станков. Предусматривалось довести ремонт паровозов до 100-110 единиц и не менее такого же количества товарных вагонов¹³. Орудийные цехи приспособлялись для организации массового производства локомотивов и паровых машин, а на базе кузнечного цеха налаживалось бандажное (оси, колеса, скаты) производство¹⁴.

На Баранчинском, Верхне-Туринском, Мотовилихинском, Златоустовском и Серебрянском заводах для ремонта паровозов и изготовления запасных частей были подготовлены специальные мастерские. Рабочие коллективы этих заводов выполняли различные заказы Народного Комиссариата путей сообщения и железных дорог Уральского региона. Только распоряжением Народного Комиссариата путей сообщения эти заводы получили большой заказ на изготовление запасных частей к товарным вагонам: осей – 10000 шт., валиков и серег – 120000 шт., буферных стаканов и стержней – 70000 шт., муфт и чеков для них – 65000 шт., различных болтов – 215000 шт., костылей – 200000 шт. и т. д.¹⁵ Для расширения паровозоремонтных работ Областным правлением национализированных предприятий Урала был выделен кредит в сумме 16 млн рублей¹⁶.

Деловым советом Высокогорского завода, расположенного в большом лесном массиве Нижне-Тагильского горного округа, уже в январе 1918 года был разработан план его коренной перестройки основного производства и перевода его со снарядного производства на изготовление железнодорожных вагонов. В феврале смета финансовых расходов на переоборудование завода в сумме 3,5 млн руб. была утверждена Областным правлением национализированных предприятий Урала. Предусматривалось производство пассажирских и крытых двухосных вагонов, а также двухосных железнодорожных плат-

форм не менее 250 штук в месяц или 3000 штук в год. Одновременно предполагалось изготовление запасных частей для железнодорожного транспорта¹⁷.

Съезд одобрил многогранную и целеустремленную работу Деловых советов и трудовых коллективов по восстановлению железнодорожного транспорта и поручил Областному правлению национализированных предприятий разработать мероприятия по расширению заводских и окружных железных дорог и организации нового железнодорожного строительства.

Уральские горнопромышленники за годы империалистической войны не обновляли оборудование металлургических предприятий, не ремонтировали доменные, мартеновские, пудлинговые печи и бесемеровские конверторы. По этой причине за период с 1914 по 1917 годы из 106 металлургических предприятий 16 были закрыты, в том числе: Барановский, Верх-Нейвинский, Висимо-Шайтанский, Висимо-Уткинский, Николаевский, Нязепетровский, Софийский, Суховязский, Сылвинский, Теченский, Юрюзанский и другие¹⁸. Из 90 доменных печей, например, 39 оказались потушенными, в том числе на Надеждинском заводе 5 из 7, Нижне-Салдинском – 4 из 6, Пашийском – 3 из 4, Ревдинском – 2 из 3 и т. д. Производство чугуна с каждым годом резко сокращалось, и общий объем его составлял в 1914 году – 4,0 млн пудов (100 %), в 1915 году – 4,2 млн пудов (95 %), в 1916 году – 3,9 млн пудов (87 %) и в 1917 году – 3,7 млн пудов (84 %)¹⁹.

После национализации уральской горнозаводской промышленности рабочим коллективам удалось произвести ремонт основного оборудования доменных печей, организовать своевременный подвоз железной руды, а также каменного и древесного угля. Эффективно используя доменное производство (в действии находилось 62 % мощности), трудовые коллективы, как указывалось выше, ежемесячно выплавляли в среднем по 2,3 млн пудов, что составляло более 50 % того количества чугуна, которые выплавлялись на Урале в 1914 году при работе с полной нагрузкой всех доменных печей²⁰. В целях дальнейшего увеличения выплавки чугуна осуществлялось строительство новых доменных печей на Аша-Балашевском и Нижне-Сергинском заводах, производилось расширение производственной мощности чугунолитейного цеха на Мотовилихинском заводе²¹. Съезд высказался за дальнейшее совершенствование доменного производства путем ввода в действие всех остановленных печей, строительства новых мощностей и совершенствования технологических процессов.

В очень сложных условиях осуществлялась выплавка стали и железа. На уральских заводах из 68 мартеновских печей успешно действовало только 59, из 14 пудлинговых печей – 8, и 2 из 3 бесемеровских конвертора, что составляло 66 % всех наличных устройств. Среднемесячная выплавка стали резко сокращалась с началом первой империалистической войны: с 4,3 млн пудов (100 %) в 1914 году до 3,8 млн пудов (88 %) в 1917 году²². Падение производительности мартеновских печей продолжалось и в первые пять месяцев 1918 года, когда наивысшая выплавка стали была достигнута в апреле и равнялась 2,9 млн пудов, а среднемесячная составляла только 2,2 млн пудов²³. Однако Деловые советы принимали все меры к обеспечению заводов всеми видами топлива и смазочных материалов, сырья и продовольствия. Успешно осуществлялось строительство новых крупных мартеновских печей на Аша-Балашовском, Нижне-Салдинском, Верхне-Кыштымском и Нижне-Тагильском заводах²⁴.

На 45 металлургических заводах продолжало функционировать прокатное производство. В 1914 году около 42 млн пудов, т. е. 80 % выплавляемого чугуна использовалось на изготовление железнодорожных рельсов, балок, швеллеров и железа. В годы империалистической войны предприятия были переведены на прокатку сырьевой заготовки общим объемом до 18 млн пудов в год, а изготовление железа, например, только кровельного, сократилось с 18 млн пудов до 4 млн пудов, железнодорожных рельсов с 7 млн пудов до 2 млн пудов в год и т. д.²⁵ Перевод прокатных станков на производство кровельного железа объективно вызвал временное понижение производительности труда на таких крупных металлургических заводах, как Алапаевском, Воткинском, Верхне-Уфалейском, Златоустовском, Лысьвенском, Надеждинском, Нижне-Тагильском, Сысертском и других. Съездом определялось, что главной задачей рабочих коллективов является ремонт и реконструкция всех прокатных станков и наращивание их производственных мощностей.

Планом развития цветной металлургии предусматривалось дальнейшее развитие медеплавильного производства. Добыча медной руды на Урале осуществлялась только в четырех горных округах: Верх-Исетском, Кыштымском, Сысертском и Таналыково-Баймакском. Её переплавкой занимались рабочие коллективы Боголовского, Выйского, Гумишевского, Калатинского, Карабашского, Пышминско-Ключевского и Таналыковского заводов. «Весьма важно использовать медные запасы, – предлагал на съезде представитель Кыштымского горного округа, – путем оборудования кабельного завода. Такой завод может быть эвакуирован из Петрограда или Москвы и сыграть здесь большую роль в промышленности. Кабельный завод или какой-либо другой медеобрабатывающий завод построить в Кыштымском округе – положительно вопрос дня, так как медь, как сырой материал, никем не спрашивается, а в изделиях из меди наблюдается крайняя нужда, поэтому все запасы меди и наличная выработка могут найти себе прекрасное местное использование»²⁶. Съезд высказался за организацию геологических экспедиций по изысканию дополнительных залежей медной руды, сосредоточение медеплавильного производства на Калатинском и Карабашском заводах (Верх-Исетский и Кыштымский горные округа), максимальном расширении их производственных мощностей, а также создание мощных кабельного и меднопрокатного заводов²⁷.

Вопрос о развитии машиностроения на Урале делегаты съезда связывали в первую очередь с дальнейшим расширением масштабов производства сельскохозяйственных машин и орудий труда. И, не-

смотря на то, что производство плугов, борон, серпов, сеялок, жаток, молотилок осуществлялось более чем на 30 машиностроительных заводах, их изготовление предусматривалось также и на других предприятиях. Большое внимание было уделено развитию инструментального производства на крупнейших и хорошо оборудованных машиностроительных заводах – Златоустовском и Лысьвенском. Кроме того, на Лысьвенском заводе широко развертывалось изготовление перфораторов, сепараторов и пневматических машин. На Пермских пушечных заводах, где в связи с демобилизацией производства освободилось несколько крупных корпусов, и имелась хорошо оборудованная электрическая станция, предусматривалось строительство отдельного, самостоятельного электромеханического завода по изготовлению электрических машин и различных механизмов. Хорошая организация работы по ремонту и восстановлению автомобильного транспорта и стремление рабочего коллектива Невьянского завода к дальнейшему повышению производительности труда были одобрены и поддержаны Областным правлением национализированных предприятий Урала. Деловому совету предоставлялись дополнительные средства и необходимое количество инструмента. Съезд также счел необходимым начать строительство крупного завода по производству грузовых автомобилей в Невьянском горном округе²⁸.

Для функционирования металлургических и металлообрабатывающих заводов, предприятий железнодорожного и речного транспорта требовалось большое количество каменного угля. Ежегодная потребность в нем только одних железных дорог Уральского региона составляла астрономическую цифру – около 40 млн пудов. Годовая добыча каменного угля на Урале обычно колебалась от 80 до 90 млн пудов²⁹. Что касается 1918 года, то с января по май его добыча для нужд промышленных предприятий и железнодорожного транспорта составила всего лишь 25 млн пудов. Катастрофическое положение было с обеспечением металлургических заводов коксом. «Размеры же добычи кокса на Урале, – отмечал на съезде член Областного правления национализированных предприятий А.М. Маслов, – не играют никакой роли по своей мизерности и малой доброкачественности. Чтобы выйти из затруднения, нам придется базироваться на Сибирском коксе, приняв все меры к увеличению добычи на Кузнецких и других коях и к вывозу его на Урал. Кокса в настоящее время требуется не менее 3 млн пудов. На коксе у нас базируется медеплавильное и чугуноплавильное дело, а для покрытия нашей потребности мы не можем рассчитывать на получение с юга ни одного вагона»³⁰. Поэтому планом предусматривалось максимальное увеличение каменного угля, дальнейшее развитие и совершенствование торфодобывающей отрасли народного хозяйства.

Однако основное внимание делегаты съезда уделили вопросу объединения уральской металлургии с сибирским каменным углем. «В соответствии с указаниями ВСНХ мы не только должны хорошо разработать план объединения уральской металлургической промышленности и кузнецкого каменноугольного бассейна, – подчеркивалось на съезде, – но и возможно скорее провести его в жизнь, чтобы в ближайшем будущем мы могли удовлетворить максимум потребности на Урале в коксе... По проведению плана объединения уральских заводов и сибирских копей в жизнь, мы надеемся организовать два главных угольных центра – один на Урале – каменноугольный, а другой – в пределах Кузнецкого бассейна – коксовый»³¹.

Урало-кузнецкая проблема, основные идеи которой были высказаны В. И. Лениным в работах «Очередные задачи Советской власти» и «Набросок плана научно-технических работ» весной 1918 года стала одной из главных в плане создания основ новой социалистической экономики. Решение ее позволяло в максимально короткий срок и с наибольшей эффективностью использовать богатейшие природные ресурсы и действовавшие производственные мощности двух крупнейших регионов Советской республики.

В середине апреля 1918 года Высший Совет Народного Хозяйства объявил конкурс на разработку проекта снабжения уральских металлургических заводов Кузнецким коксом. «Проект должен содержать общий технический план перехода уральских заводов на коксовую плавку, – подчеркивалось в объявлении о данном конкурсе, – соответственной реорганизации старых заводов и постройки новых, а также использования рудных и лесных богатств края. Для связи доменных заводов с каменноугольными коями, а также в интересах правильной организации транспорта должна быть разработана сеть железных дорог и шоссейных путей, а также система водных путей»³². Для организации работ по созданию единой и крупнейшей в стране хозяйственной организации Урала и Кузбасса выделялось 8 млн рублей³³.

Уральская комиссия, созданная в начале мая 1918 года при горнометаллургическом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства и в состав которой были вовлечены крупные специалисты по металлургии и геологии, железнодорожному и торфяному делу, электротехнике и заводскому хозяйству, главной задачей считала разработку мероприятий по мощному подъему уральской металлургической промышленности, «чтобы возместить России потерю того количества железа, которое производилось на юге России и для которого изготовлялось около 200000000 пуд. чугуна, как исходного материала»³⁴. Если учесть, что на Урале выплавлялось в среднем ежегодно около 48 млн пудов³⁵, то решение этой задачи представлялось делом крайне трудным, требовавшим колоссального напряжения человеческих сил.

В разработке Урало-Кузнецкой проблемы приняли активное участие крупнейшие специалисты страны и по геологии, и по металлургии, в том числе: А. А. Байков, Б. И. Бойкий, А. Д. Гапеев, В. Е. Грум-Гржимайло, А. Н. Заварицкий, В. Н. Липин, М. А. Павлов, Д. К. Чернов и другие. Геологическим отделом Высшего Совета Народного Хозяйства были сформированы и направлены на Урал и Сибирь

группы специалистов для организации изыскательских работ. Областное правление национализированных предприятий Урала, полагая, что наиболее плодотворные результаты могут быть достигнуты только коллективным трудом лучших знатоков и практиков уральской горнозаводской промышленности, сумело привлечь к разработке проекта более 50 инженеров и техников³⁶.

Советскими государственными органами, как в центре, так и на местах разрабатывались и постепенно претворялись в жизнь практические мероприятия по созданию Урало-Кузбасса. На Урале, например, главное внимание уделялось изучению основных, богатейших железорудных месторождений (Алапаевское, Бакальское, Высокогорское, Магнитное), на базе которых и должно было осуществляться развитие крупной металлургической промышленности. Основной продукцией металлургических заводов по-прежнему оставались чугун, сталь, прокат, производство которых сосредоточивалось на наиболее крупных предприятиях. Такая организация производства позволяла значительно удешевить себестоимость выплавляемого металла, компенсировать расходы, связанные с выработкой и транспортировкой железной и медной руды с рудников на заводы. «Организация производства, – подчеркивается в решениях Второго съезда представителей национализированных предприятий, – настоятельно требует планомерной перегруппировки старых округов в целях организации местных производственных объединений. В отношении проведения мер, ведущих к лучшей организации производства, Областному правлению, как организующему центру, предоставляются широкие возможности, без которых проведение этих мер невозможно»³⁷.

При этом следует подчеркнуть, что уральцы рассматривали Кузнецкий бассейн не только как угольную базу для горнозаводской промышленности своего края, но и как крупнейший промышленный район, где наравне с продолжением работ по дальнейшему изысканию залежей каменного угля, железной руды и их разработкой должно было начаться строительство «собственных» металлургических заводов. «Нужды Сибири будут обслуживаться заводами Кузнецкого бассейна; – говорится в докладной записке ученых-металлургов, – проектируемым в настоящее время у города Кузнецка для переплавки магнитных железняков, и заводом, предусматриваемым настоящим планом в северной части бассейна, для переработки привозных уральских руд, а также теми заводами, которые могут возникнуть в других местах Сибири (Минусинский край и пр.)»³⁸.

Ленинская идея Урало-Кузбасса всесторонне рассматривалась на Первом Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства. Комиссар финансов Областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большевик Ф. Ф. Сыромолотов поддержал основное, главное направление в развитии народного хозяйства страны и заверил Совет Народных Комиссаров в том, что уральцы приступят к практическому воплощению в жизнь этой сложной задачи с чувством большой ответственности. «Вопрос разлагается на две части, – подчеркнул Ф. Ф. Сыромолотов, – во-первых, общий, вопрос о том, в каком направлении пойдет (будет развиваться. – *авт.*) промышленность, и, во-вторых, конкретный вопрос, какие меры могут быть в данный момент выдвинуты, чтобы дать промышленности максимум производительности. Мы, уральцы, иллюзий совсем не питаем. Когда возлагаются большие надежды на Урал, мы знаем, что здесь огромная ответственность... Если мы скажем, что Урал обеспечен очень слабо, что это факт, с которым России (Советской республике. – *авт.*) придется считаться. Но Урал считается все-таки базой, которая будет питать. Нам приходится во время войны строить такую промышленную базу. Строительство на Урале имеет колоссальное значение, ибо завоевания революции положили там прочный фундамент»³⁹.

Первый Всероссийский съезд Советов Народного Хозяйства в принятой резолюции указал: «Обратить серьезнейшее внимание на развитие производительных сил России (естественные богатства, торф, электрификация и пр.) в целях достижения максимальных результатов и, в частности, создать прочную металлургическую базу на Урале путем организационно-технического объединения промышленной жизни Урала и Западной Сибири»⁴⁰.

В первой половине июня 1918 года Областное правление национализированных предприятий, выполняя решения съезда, провело техническое обследование горнозаводской промышленности для выяснения будущих производственных центров Урала. В соответствии с разведанными месторождениями природных ресурсов было определено два основных железорудных района, в которых считалось возможным развитие крупной, «в российском масштабе», металлургической промышленности. Первый район – Высокогорский с прилегавшими к нему Алапаевским и Гуроблагodatскими месторождениями с общим запасом железной руды – 4250 млн пудов, в том числе: Алапаевский округ (2400 млн пудов), гора Благодать (1200 млн пудов) и гора Высокая (650 млн пудов). Второй район – Магнитное и Комаровское месторождения с общим запасом железной руды – 8025 млн пудов, в том числе: гора Магнитная (6025 млн пудов) и Комаровский район (200 млн пудов)⁴¹.

В районе этих железорудных месторождений предусматривалось строительство двух крупнейших металлургических заводов не только на Урале, но и в Советской республике с 7 доменными печами каждый, 19 мартеновскими печами на одном и 22 – на другом⁴².

Областное правление национализированных предприятий предполагало развить производительность этих заводов-гигантов до таких размеров, когда каждый из них смог бы выплавлять на 8 млн пудов больше общеуральского производства чугуна в период наивысшего подъема уральской металлургической промышленности (55 млн 740 тыс. пудов), в довоенном 1913 году⁴³.

Дальнейшие расчеты специалистов свидетельствовали о том, что эти железорудные районы могли бы давать стране более 100 млн пудов чугуна в год. «Считая с осторожностью, – говорится в одном из до-

кументов Областного правления национализированных предприятий Урала, – что металлургические заводы при основании своем должны быть обеспечены рудами на период полной работы в течение 50 лет, и считая далее, что среднее содержание железа в рудах будет равно 50 %, а выход чугуна из 100 пуд. руды будет равен поэтому 52 1/2 пуд, находим следующую годовую производительность новых производственных центров: в Высокогорском районе – 441000000 пуд. металла, в районе горы Магнитной – 843000000 пуд. металла. Всего в 2 районах – 1284000000 пуд. металла в год. Чтобы дать представление о мощности намечаемых производственных единиц, следует указать, что названная цифра в 2,5 раза превосходит общую нормальную производительность всех уральских заводов, существующих в настоящее время»⁴⁴. Кроме того, действовавшие металлургические заводы при благоприятных условиях могли производить более 60 млн пудов чугуна ежегодно.

Областным правлением национализированных предприятий было подсчитано, что на каждый пуд выплавлявшегося на Урале чугуна необходимо было привезти из Кузнецкого бассейна по одному пуду кокса. На каждые 100 пудов выделанного из чугуна железа при технически совершенной постановке дела требовалось израсходовать не менее 20 пудов каменного угля, а на каждые 100 пудов прокатанных из железа изделий еще 15 пудов. Для обеспечения намеченной производительности только новых металлургических центров Урала потребовалось ежегодно 128,4 млн пудов кокса и 44,9 млн пудов каменного угля⁴⁵.

На основании обследования медных районов Урала были выявлены запасы руд: Соймоновский – 264000000 пуд., Верх-Исетский – 327000000 пуд., Нижне-Тагильский – 65000000 пуд., Дегтярский – 798000000 пуд., Богомолковский – 700000000 пуд., Таналыкский – 15000000 пуд., Гумешевский – 5000000 пуд., Зюзельский – 20000000 пуд., Пышминский – 20000000 пуд., Меднорудянский – 4000000 пуд., Турьинский – 4000000 пуд. Всего – 2222000000 пудов. Предполагалось добиться следующей наивысшей производительности медных заводов: Карабашский – 600000 пуд., Калатинский – 600000 пуд., Богомолковский – 800000 пуд., Дегтярский – 800000 пуд. Планировалось строительство четырех новых заводов с мощными силовыми станциями и т. д.⁴⁶

В мае 1918 года экономическая секция областного Совета рабочих и солдатских депутатов разработала план дальнейшего и ускоренного развертывания железнодорожного строительства на Урале. В первую очередь планировалось закончить укладку железнодорожных путей, которые связывали горнозаводские районы Урала с крупными промышленными и административными центрами страны: Екатеринбург-Казань, Оренбург-Орск, Уфа-Оренбург, Тавда-Тобольск, Екатеринбург-Синарская, Шадринск-Курган и другие. Определялось строительство семи внутренних уральских железных дорог (Бурсунской, Карпушинской, Пышминско-Ключевской, Самской, Сосьвинской, Угольной и Черемшанской), которые стали бы постепенно заменять малоэффективный и дорогостоящий гужевой транспорт и тем самым значительно ускорять доставку на металлургические заводы железных и медных руд, каменного и древесного угля, строительных материалов и т. д. В летний период 1918 года, планировалось проведение изыскательских работ для прокладки железнодорожных путей в направлениях Полетаево-Нижняя, Верхотурье-Алапаевск, Нижняя-Касли-Кыштым-Миасс и т. д.⁴⁷

Усилиями рабочего класса Урала, возглавляемого большевиками, в кратчайшие сроки были созданы необходимые предпосылки для осуществления грандиозных планов Урало-Кузбасса. «Рабочий класс, мы верим, сумеет в государственных интересах объединить Урал, – говорилось в одной из телеграмм Областного правления национализированных предприятий Урала Совету Народных Комиссаров, – направить все производственные силы в целях оборудовать Кузнецкий бассейн, используя имеющиеся орудия, построив новые»⁴⁸.

Примечания

¹ Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. 1917–1918 гг. М., 1987. С. 140

² Абрамовский А. П. Красногвардейская атака на капитал: национализация крупных горных округов и промышленных районов Урала // Исторические науки. Вестник Челябинского государственного педагогического института. 1995. № 1. С. 83–84.

³ Рабочий класс Урала в годы войны и революций : в 3 т. В документах и материалах. Т. 3. С. 214.

⁴ ГАСО. Ф. 1р. Оп. 1. Д. 200. Л. 1.

⁵ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 90.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ В состав Областного управления национализированных предприятий Урала вошли большевики А. А. Кузьмин, Б. В. Дидковский, И. И. Карякин, Д. Е. Сулимов, В. М. Сивилев, В. Н. Андроников, А. П. Ларионов, Л. А. Лазарев, В. С. Горшков, А. П. Череменин и левые эсеры Семенов и В. П. Куликов. В. С. Голубцов ошибочно указывает, что в правление вместо Семенова был избран левый эсер К. Г. Балдин (см.: Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти. М., 1975. С. 43)

⁸ Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 – июль 1918 гг.) : сб. документов. Свердловск, 1958. С. 234.

⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 35.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 21.

¹³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 118–119.

- ¹⁴ Там же. Л. 21.
- ¹⁵ Национализация промышленности на Урале. С. 246.
- ¹⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 119.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 612. Л. 128.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 1079. Л. 1–3.
- ¹⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 129.
- ²⁰ Национализация промышленности на Урале. С. 288.
- ²¹ ГАСО. Ф. 266 р. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.
- ²² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 129.
- ²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1170. Л. 1–6.
- ²⁴ ЦДООСО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 173. Л. 3; ГАСО. Ф. 266р. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.
- ²⁵ Национализация промышленности на Урале. С. 289.
- ²⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 41.
- ²⁷ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 132.
- ²⁸ ЦДООСО. Ф. 41 Оп. 1. Д. 612. Л. 124.
- ²⁹ Народное хозяйство. 1919. № 8. С. 26; Национализация промышленности на Урале. С. 290.
- ³⁰ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 130–131.
- ³¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 131.
- ³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 14. Л. 5.
- ³³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 131; Национализация промышленности на Урале. С. 161.
- ³⁴ Там же. С. 260.
- ³⁵ Там же. С. 288.
- ³⁶ Национализация промышленности на Урале. С. 259.
- ³⁷ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 612. Л. 201.
- ³⁸ Национализация промышленности на Урале. С. 261.
- ³⁹ Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенографический отчет. Москва. 1918. С. 325.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Национализация промышленности на Урале. С. 267.
- ⁴² Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти. С. 70.
- ⁴³ Национализация промышленности на Урале. С. 274.
- ⁴⁴ Национализация промышленности на Урале. С. 268–270.
- ⁴⁵ Там же. С. 276–277.
- ⁴⁶ Национализация промышленности на Урале. С. 271–272.
- ⁴⁷ Уральская жизнь. № 88 и 89. 9 и 10 мая 1918 г.; Вперед. № 90. 11 мая 1918 г.
- ⁴⁸ Национализация промышленности на Урале. С. 247.

Баканов С. А.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 08-01-85115 а/У

Экономические процессы мобилизационного типа сопровождали российскую историю на всем ее протяжении. Их влияние имело циклический характер, возрастая в чрезвычайных кризисных или военных условиях и несколько ослабевая в периоды стабильности. Суть мобилизации сводилась к способности общественных институтов и, прежде всего, государства концентрировать под своим контролем максимальное количество разнообразных ресурсов для решения задач, стоящих перед этими институтами. Наиболее часто использовалась мобилизация человеческих ресурсов, и российское государство за свою историю выработало ряд хорошо проверенных механизмов мобилизации, позволяющих сосредотачивать трудовые ресурсы на приоритетных для него в данный момент направлениях. В конце XIX в. одной из приоритетнейших для государства становится задача индустриализации страны и таковой она оставалась и в течении нескольких последующих десятилетий. Привлечение рабочих рук в промышленность естественным (рыночным) путем давало относительно неплохие результаты, но не позволяло быстро концентрировать трудовые ресурсы на всех проблемных участках, поэтому по мере нарастания потребности в рабочих руках российское государство с начала XX в. возвращается к использованию практики мобилизации. Одной из самых непривлекательных и трудоемких отраслей в период развертывания индустриализационных процессов была угольная промышленность – из-за крайне тяжелых условий труда и невысокой, по сравнению с передовыми отраслями заработной платы. Привлечение рабочих на предприятия этой отрасли часто было затруднено еще и суровым климатом и неразвитостью инфраструктуры в местах развития угледобычи, особенно это касается восточных регионов России. В предлагаемой статье автор на материалах угольных бассейнов Урала рассматривает мобилизационные механизмы, с помощью которых государство решало эту проблему.

Итак, исходным тезисом является тяжесть и непривлекательность шахтерского труда. В начале XX в. вся подземная угледобыча на Урале была основана исключительно на тяжелом ручном труде. Работали шахтеры в забое по двое: забойщик и саночник. Забойщик рубил уголь кайлом или самодельным обушком, а саночник лопатой грузил отбитый уголь на деревянные санки и с лямкой через плечо волоком на четвереньках тащил груженный ящик до откаточного штрека (обычно – 60–80 метров). Здесь он перегружал уголь в вагонетку и откатывал ее на 500–1000 метров по штреку до ствола, так же вручную. Иногда вагонетки возили лошадьми, которые жили тут же в шахте и слепли оттого, что никогда не выходили на свет. Работа оплачивалась сдельно: за вагончик угля на челябинских копиях платили по 10 копеек, с 1912 г., после двухдневной забастовки шахтеров, расценки были подняты до 13 копеек, а затем, уже в годы мировой войны до 14–17 копеек¹. По сохранившимся книгам лицевых счетов рабочих конторы «Емельяновой и К^о» и артели Прякина за 1914 г. зарплата поденщика (не по угля) составляла 85 копеек, пешего забойщика поденщика – от 1 рубля до 1,3 рубля, а конная добыча из разреза оплачивалась в размере 6–8 рублей за 1 тыс. пудов, в то время как вскрыша породы – от 1,8 руб. до 3 руб. за кубическую сажень². Шахтерский труд на Урале оплачивался ниже, чем в Донбассе и ниже, чем по металлургической отрасли Урала³. Кроме подрубки и отвозки угля забойщик и саночник должны были на себе таскать крепежный лес с лесного склада до ствола, грузить его на клеть, спускать в шахту, доставлять к рабочему месту и собственно устанавливать крепления. Все это входило в обязанность шахтеров без всякой дополнительной оплаты. Из-за всех этих дополнительных обязанностей, рабочий день шахтера длился по 12–14 часов без выходных, кроме крупных праздников. Все необходимое для добычи – крепежный лес, мазут для ламп-коптилок, инструменты, которыми пользовался шахтер, покупалось им у администрации из своего скудного заработка. Так обыкновенное кайло стоило в шахтовой кладовой 1,5 рубля. Значительная часть заработка у многих шахтеров уходила на погашение штрафов, которые налагались администрацией⁴.

Относительно низкие заработки при крайне тяжелых условиях труда предопределяли высокую текучесть рабочих кадров. Основная масса рабочих приходила на шахты и рудники зимой, а летом уходила домой на полевые работы, причем смена состава рабочих нередко происходила несколько раз в год. С началом Первой мировой войны потребность в угле неуклонно возрастала, но при этом многие опытные шахтеры были мобилизованы в армию и владельцы шахт столкнулись с проблемой острой нехватки рабочих рук. За решением данной проблемы они обращались к государству, которое в этих условиях смогло предложить три основных пути ее решения: 1) использование в качестве рабочих – солдат и военнообязанных, 2) привлечение дешевой рабочей силы из-за рубежа (китайские и корейские рабочие) и 3) широкое применение принудительного труда (заключенные и военнопленные). О масштабах внедрения этих новаций говорит состав рабочих кадров на копиях кн. Абамелек-Лазарева. По данным Уполномоченного по Уральскому району представителя Особого совещания по топливу: на 1 января 1916 г. здесь находилось на работах русских – 2913 человек, китайцев – 2200 человек, арестантов – 357 человек. К лету 1917 г. на копиях Кизеловского горного округа доля вольнонаемных рабочих (от общего числа рабочих в 5,5 тыс. человек) составляла всего 14 %, все остальные – это: солдаты – 23 %, военнообязанные с бронью – 27 %, военнопленные – 23 %, китайцы и корейцы – 13 %. На Богословских копиях к июлю 1917 г. картина похожая: из 1489 рабочих 657 – военнопленные, а 301 – корейцы⁵. Из приведенных выше цифр видно, что мобилизационные практики стали доминирующими.

Революция и последовавшая за ней гражданская война еще более обострили «топливный голод». Добыча во всех бассейнах, через которые прокатывались военные действия, катастрофически падала. Восстановление работы копей проходило в условиях тотального дефицита, разрухи и распространяющегося голода. Копи испытывали недостаток рабочей силы, т. к. сезонные рабочие из крестьян разошлись по домам, а постоянные рабочие кадры частично были призваны в армию, а частично сменили место работы. Привлечь новых рабочих не получалось из-за жилищного кризиса и низкой заработной платы, а без них было невозможно поднять добычу и обеспечить топливом агонизирующие железные дороги. Поэтому государство, теперь уже советское, для решения этой проблемы вновь обращается к мобилизационной модели развития. Рабочие копей приравнивались по статусу к военнослужащим, их не призывали в армию, давали повышенный продовольственный паек. По сути, это было повторением практики брони для военнообязанных, занятых в отрасли. Кроме того, в 1920 г. для пополнения рабочей силы на копи стали прибывать части Первой армии труда. В этом изобретении также не было ничего принципиально нового, так как военнослужащие трудились на копиях и до революции. При этом, производительность труда трудармейцев была настолько низка, что правления копей предпочитали использовать их только на вспомогательных производствах и в строительстве⁶.

Реальным же разрешением проблемы трудовых ресурсов стал голод 1921 г. Именно угроза голода удерживала рабочих от увольнения с предприятий, которые были способны выплачивать натуральную (продуктовую) часть заработной платы. Натурализации оплаты труда и установление норм снабжения рабочих продовольствием в зависимости от выработки способствовали тому, что осенью 1921 г. и зимой 1922 г. производительность труда забойщиков и каталей, например в Кизеле, уже была близка к довоенной – 86 пудов, вместо 95 пудов в 1914 г.⁷ Некоторые руководители шахт прямо заявляли, что только голод позволяет им справляться с производственными заданиями, привлекая на предприятия крестьян из окрестных деревень⁸. Зависимость рабочих от централизованного государственного снабжения продовольствием четко видна на примере Донбасса, где в 1921 г. 400 шахт были переданы в аренду и, соответственно, потеряли госснабжение. На этих арендованных предприятиях отмечались

неоднократные случаи голодной смерти⁹. На Урале же, где все шахты и разрезы оставались под контролем государства и централизованно снабжались продуктами, этого удалось избежать.

Новая экономическая политика означала временный отказ со стороны государства от чисто мобилизационных методов хозяйствования и переводила экономическую систему в относительно стабильное состояние. При переходе на хозяйственный расчет все угледобывающие предприятия Урала столкнулись с одинаковыми проблемами: финансовый голод, вымывание оборотных средств, задержки заработной платы, сокращение производственной программы, закрытие шахт, массовые увольнения рабочих. Правительство искусственно сдерживало развитие топливного комплекса, так как темпы его восстановления, особенно восстановления Донбасса, существенно опережали имеющийся спрос¹⁰. Естественно, что в этих обстоятельствах государство не было заинтересовано в дальнейшем насыщении проблемной отрасли трудовыми ресурсами и мобилизационные механизмы на некоторое время были законсервированы. Итогом политики сдерживания стало то, что имевшая необходимые технологические возможности к быстрому восстановлению угледобывающая отрасль уральской индустрии смогла превзойти свой максимальный уровень 1917 г. только в 1926 г., а темпы восстановления были существенно ниже общероссийских.

Существенный толчок к развитию угольных копей Урала был дан решениями XVI партийной конференции, утвердившей первый пятилетний план развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг., а также директивами XVI съезда ВКП (б), проведенного в июне 1930 г., принявшего программу по созданию второй угольно-металлургической базы в глубине страны, в которой ключевая роль отводилась строительству Урало-Кузнецкого комбината. Основной идеей данного проекта было соединение запасов кузнецкого угля и уральской руды для нужд индустриализации страны. Уральским угольным месторождениям в соответствии с планом отводилась роль поставщиков энергетического топлива на строящиеся электростанции, обслуживающие предприятия тяжелой промышленности Урала. Для реализации этой амбициозной программы требовалось существенно увеличить имеющиеся запасы месторождений. Данная проблема была решена в начале 1930-х гг. с помощью расширения геологических разведок, выявивших в бассейнах Урала несколько новых относительно крупных месторождений, таких как Коркинское, Еманжелинское, Веселовское, Коспашское и Половинкинское. Ресурсная база под новое шахтное строительство была найдена, и в годы первых пятилеток на Урале были заложены и пущены в строй 41 шахта и 4 разреза¹¹.

Столь масштабное строительство требовало привлечения десятков тысяч новых рабочих. Однако привлекать их было, в общем-то, нечем, т.к. уровень заработной платы в отрасли и обеспеченность жильем были ниже, чем на строящихся гигантах социалистической индустрии, а условия труда – хуже. И вновь государство возвращается к методам и механизмам мобилизационной модели экономики. Острая нехватка рабочих рук, как и в 1914–1921 гг., разрешалась с помощью использования принудительного труда, на этот раз – спецпереселенцев. Спецссыльные, из числа бывших кулаков и просто лиц, попавших под маховик репрессий периода сплошной коллективизации, стали ввозиться для поселения на Урал с 1930 г. Их труд применялся на многих стройках первой пятилетки и этот опыт оказался востребованным предприятиями угольной отрасли.

В 1931–1932 гг. на угледобывающие предприятия Урала поступило около 15 тысяч ссыльных, а по договору Уралугля с ОГПУ от 29 января 1933 г. угольная отрасль Урала получила в качестве рабочей силы 9944 семьи спецпереселенцев (39323 человека)¹². В состав каждой передаваемой предприятию семьи входил хотя бы один трудоспособный мужчина. Спецпоселенцам воспрещалось занимать административные должности на предприятиях и работать с важными механизмами. Длительность рабочего дня для них устанавливалась такая же, что и у вольнонаемных, равно как и исчисление заработной платы (за вычетом 5 % перечисляемых на особый счет ОГПУ). Всем трудпоселенцам обязательно предоставлялись очередные отпуска на общих основаниях, но без права выезда с мест поселения¹³. ОГПУ предоставляло рабочую силу для использования ее исключительно на тяжелых работах. Угледобывающие предприятия, в свою очередь, обязались предоставить для спецпереселенцев изолированные помещения, обнесенные вокруг забором, отдельные для мужчин и женщин, с освещением, отоплением, всеми коммунальными услугами и постельными принадлежностями. Для ссыльных еженедельно должна была предоставляться баня с полной санитарной обработкой. Их снабжали спецодеждой по нормам Наркомтруда. В соответствии с коллективным договором, заключенным с профсоюзом горняков, административно-наказанные обеспечивались инструментом, снабжались продуктами и карточками. Для них оборудовались кухни-столовые с предоставлением потребного количества посуды, баков для кипячения воды, умывальников, ведер и т.п., которые шахтоуправления обязались снабжать бесперебойно топливом и водой. Кроме того, каждое шахтоуправление за свой счет должно было содержать надзор за спецссыльными – 4 человека надзирателей с окладом 100 рублей каждому и предоставлением для них квартиры. Для отправки ссыльных на работы на дальние участки шахтоуправление должно было предоставить одну лошадь надзирателям. Использовать ссыльных можно было только на специальных обособленных участках работ, не связанных с вольнонаемными рабочими. Расценки для ссыльных были среднереспубликанскими, в случае простоя рабочих-спецпереселенцев по вине шахтоуправления им должна была выплачиваться компенсация в размере среднего заработка¹⁴. ОГПУ следило за своевременностью выплаты заработной платы ссыльным, но, несмотря на это, на многих предприятиях зарплату для спецконтингента все же задерживали, и задолженность по ней росла¹⁵.

Директора шахт часто отказывались нанимать спецпереселенцев, мотивируя это укомплектованностью штата. Но на самом деле, реальным мотивом отказа была нехватка продуктовых карточек для иждивенцев. В интересах директора оказывалось не принимать спецпоселенцев или увольнять уже принятых, чтобы не кормить их иждивенцев¹⁶. Разбираясь с данными фактами, сотрудники ОГПУ старались заставить ответственных работников треста исполнять условия договора об использовании труда ссыльных.

Из письма начальника райотдела ОГПУ Лунева начальнику ОРСа Челябингута Платонову: «По имеющимся у нас сведениям, вами выданы продкарточки на снабжение иждивенцев спецпереселенцев на февраль 1934 г. с коэффициентом семейности на 1 рабочего – 1,42. Это, безусловно, не обеспечивает спецссылку, так как рабочий спецпереселенец имеет на своем иждивении не менее трех человек в среднем. Работник углестроя по снабжению Головинский заявил в райкомендатуре, что получил от вас распоряжение в первую очередь снабжать иждивенцев вольнонаемных рабочих, а что останется выдавать иждивенцам спецпереселенцев. Напоминаем вам, что между трестом Челябингуть и ОСП ПП ОГПУ по Уралу существует договор на использование труда спецссыльных, по которому трест обязан всю рабочую силу спецпереселенцев использовать на своих предприятиях и снабжать иждивенцев бесперебойно, так как спецссылка заброшена сюда, как постоянные кадры рабочих, подлежащие закреплению навсегда. Между тем, неполное снабжение спецпереселенцев продпайком создает прямую угрозу массовых побегов из ссылки и снижения выполнения производственной программы. Так как паек рабочего будет поедать его семья это может привести к росту числа заболеваний и смертности среди рабочих. Обращая ваше внимание на вышеизложенное, настаиваем на полном обеспечении иждивенцев спецссыльных полагающимся пайком, в противном случае, ответственность за нежелательные последствия, могущие возникнуть из-за недоснабжения, будет возложена на вас»¹⁷.

Условия по использованию спецконтингента были созданы далеко не на всех шахтах: не хватало механизмов, оборудования, материалов, были часты аварии, отсутствовали спецодежда и тяговая сила¹⁸. По данным ОГПУ, вследствие плохо поставленного учета выполнения норм выработки и организации труда, спецпоселенцы и трудколоницы давали крайне низкую производительность труда. На отдельных предприятиях выполнение норм выработки ссыльными опускалось до 27 %. Наблюдалось отсутствие трудовой дисциплины и низкий процент явки на работу. При этом, на отдельных шахтах ссыльные составляли от четверти до двух третей всех рабочих. Трудоеспользование спецконтингента, в свою очередь позволяло экономить на жилищном строительстве. Вольнонаемных рабочих пытались разместить в имеющемся жилфонде, а для спецпереселенцев отдавали приспособленные помещения. Поэтому фактическая жилплощадь, приходящаяся на одного рабочего, на разных предприятиях составляла от 0,9 до 3,5 м²¹⁹.

В 1930-е гг. советское государство по политическим причинам не имело возможности привлекать дешевую иностранную рабочую силу, да и собственная рабочая сила стала к этому времени достаточно дешевой. Однако элементы данного мобилизационного механизма все же были реализованы. Распространенной практикой решения проблемы трудовых ресурсов стал обман завербованных рабочих из только что присоединившихся к СССР республик. Так, осенью 1940 г. на шахты Кизелугля и Челябингута прибыло около 5 тыс. рабочих из Молдавии. Бессарабцы жаловались в партийные и профсоюзные органы, что вербовали их для работы в Донбассе сроком на один год, а в результате увезли на Урал и подделали документы с изменением срока трудового договора до трех лет. Теплой обувью и одеждой эти рабочие своевременно обеспечены не были, из-за чего имели место случаи обморожения, а невыходы на работу стали массовым явлением²⁰. Начались побег. Так за 5 месяцев 1940 г. с предприятий Челябингута сбежало 815 бессарабских рабочих, т.е. каждый третий²¹. Дела о побеге и невыходах передавались в суд. В Кизелугле на шахте им. Ленина из 166 работавших там бессарабцев было осуждено 128 человек, в том числе 39 к тюремному заключению. На шахте им. Володарского из 113 бессарабцев осуждены – 61 человек. Вместо попытки сгладить конфликт путем разъяснительной работы администрации шахт встали на путь репрессий²².

О масштабах использования спецконтингента и считавшихся неблагонадежными молдавских рабочих говорит тот факт, что летом 1941 г. в Коркингуте выявилась проблема с комплектованием дружин народного ополчения. По мнению обкома, охват рабочих этими дружинами был явно не достаточен, но это объяснялось тем, что около 50 % работающих на шахтах являлось спецпереселенцами или молдаванами, которых в дружины народного ополчения было рекомендовано не брать²³.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война еще более повысила спрос на уральский уголь. Как и в 1918–1921 гг. потеря Донбасса подняла долю уральского угля в общей добыче до небывалого уровня, превышающего 20 % (1943 г.). В годы войны промышленность и энергетика региона испытывали постоянный топливный голод, который угольная промышленность пыталась покрыть за счет строительства большого количества мелких шахт. Такие шахты были недороги и строились быстро. С 1939 по 1945 гг. объем добычи увеличился в 2,5 раза и достиг 25 млн т. Новое шахтное строительство и призыв в армию кадровых шахтеров потребовали привлечения в отрасль новой рабочей силы. С первых дней войны ею стали, помимо получивших «бронь» кадровых рабочих, – мобилизованные наркоматом обороны мужчины, эвакуированное население, мобилизованные исполкомами женщины и подростки, заключенные ИТЛ.

С 1943 г. на угольные шахты стали ввозить мобилизованных из Средне-Азиатского военного округа. Так, например, предприятия треста Челябингуть в 1943 г. получили организованно 1374 рабочих, из которых 903 прибыли из Средней Азии, 143 из Костанайской области, 154 из мест заключения и толь-

ко 153 из школ ФЗО и РУ²⁴. Освоение производства у этих новых рабочих проходило очень медленно из-за незнания русского языка, а выполнение норм составляло по забою только 77–81 %. В 1943 г. ЦК компартии Узбекистана попросил Челябинский обком ВКП (б) проверить жалобу от 46 рабочих узбеков на бытовые условия. Проверка показала, что норму большинство выполняло, в общежитиях было тепло, но грязно, не хватало постельного белья. Рабочие жаловались на отсутствие писем из дома и на неправильное взимание с них налога на бездетность. Налог взимался с них как с одиночек, а они заявляли, что на родине у них есть семьи. Имели место и нетактичные высказывания в их адрес со стороны отдельных рабочих и начальников участков. После проверки, в целях ускорения адаптации рабочих из Средней Азии к местной пище и климату, им было роздано 3 тонны урюку, 2,5 тонны пшеницы, 1,5 тонны муки, а также теплые вещи, обеспечены кипятком и чай²⁵.

Тогда же в 1943 г. на шахтах появилась и еще одна категория рабочих – трудмобилизованные советские немцы. Правила режима содержания и трудоустройства этих рабочих предусматривали: 1) немцы размещаются в зонах изолированно от остального населения; 2) проживание за пределами зоны с семьей разрешено только для перевыполняющих план; 3) все трудмобилизованные немцы должны использоваться только на основных угольных и строительных работах, запрещено их использовать в конторах, мастерских, коммунальных службах и т. п.; 4) командировки трудмобилизованных на объекты не обеспеченные режимом содержания не разрешаются²⁶. Бытовые и трудовые условия для этой категории рабочих, по данным НКВД, оказались существенно хуже, чем даже были у спецпереселенцев. Полужемлянки, где размещены мобилизованные немцы, содержались в антисанитарном состоянии. Множество клопов, необеспеченность кипяченой водой, нательным бельем, вещдовольствием. Не хватало постельных принадлежностей и одеял. Большинство ходило в ватных брюках и фуфайках в которых и работали и спали. Больные лежали прямо на полу, диетического питания для них не было организовано. Иногда по два дня не выдавали даже хлеба. Бывали случаи, когда трудмобилизованные в стационаре лечились от дистрофии, но, получая в течение месяца из еды только по 500 граммов хлеба в сутки, умирали²⁷.

В 1944–1945 гг. в угольную промышленность Урала стали направлять бывших советских военнопленных, окруженцев, власовцев, репатриированных советских граждан, а также немецких военнопленных и интернированное гражданское население Германии. По сведениям комбината Молотовуголь основным источником пополнения рабочей силы в течение 1945 г. был спецконтингент, направляемый в лагерь НКВД № 0302. Так, за 9 месяцев 1945 г. по мобилизации поступило только 2050 человек, а спецконтингента – 14028 человек, в том числе – 1070 женщин и детей. Из всех прибывших пригодными к работе под землей руководство комбината сочло только 6805 человек, что совершенно не обеспечивало потребности в рабочей силе. Поэтому комбинат обращался в Наркомат угольной промышленности с просьбой прислать еще не менее 12 тыс. человек спецконтингента²⁸. В итоге, на 1 мая 1946 г. на комбинате Молотовуголь имелось рабочей силы 55844 человек. Из них: кадровый состав – 8099 человек (14,5 %), мобилизованные НКО – 7316 (13 %), мобилизованные исполкомами (в том числе женщины и подростки) – 4749, окончившие систему ФЗО и РУ – 999, колхозники, прибывшие по договорам – 230, принято самими предприятиями – 8386. Всего категории рабочих, не относящиеся к спецконтингенту, составляли 56 % всего персонала. Остальные 44 % – это спецконтингент, в том числе: расконвоированные окруженцы – 18659 человек (33 % всех рабочих), репатриированные – 2418 (4,5 %), мобилизованные немцы Поволжья – 2493 (4,5 %), мобилизованные татары – 193, заключенные – 10, военнопленные – 463²⁹.

Похотная ситуация сложилась и на комбинате Челябинскуголь. Из почти 57 тыс. рабочих к категории местных относились только 21 %, предприятиями было принято еще 8,5 %, выпускники ФЗО – 2,5 %, т.е. вольнонаемная рабочая сила составляла в сумме – 32 %. Все же остальные являлись различными категориями трудящихся принудительно: мобилизованные НКО (в том числе из Средне-Азиатского военного округа) – 14 %, трудмобилизованные советские немцы – 13 %, присланные на Урал по мобилизации донбассовцы и черемховцы – 3 %, трудпоселенцы – 3 %, эвакуированные – 5,5 %, рабочие батальоны – 2 %, репатриированные – 21,5 %, интернированные – 1,5 %, направленные на работу решением ГОКО – 1 %, заключенные ИТК – 0,25 %, немецкие военнопленные – 7 %³⁰. Только к концу 1940-х гг. доля принудительного труда на комбинате стала сокращаться и вольнонаемные рабочие, прибывшие по набору или после демобилизации стали доминировать, составив 65 % от числа всей рабочей силы. Остальные вакансии заполнялись: спецконтингентом – 25 %, досрочноосвобожденными – 5 %, репатриированными – 4,5 %, эвакуированными, но не имеющими возможности вернуться домой – 1,5 %³¹.

Отказ от использования системы принудительного труда, произошедший в середине 1950-х гг. вновь поставил проблему привлечения рабочих рук в угольную промышленность, так как, не смотря на несомненные успехи в деле механизации (появление угольных комбайнов, использование электровозов в качестве подземного транспорта, распространение взрывных работ и добычи с помощью отбойных молотков), отрасль продолжала оставаться одной из наиболее проблемных по размерам использования ручного и тяжелого труда. В этих обстоятельствах, чтобы сохранить трудовые коллективы, государство было вынуждено резко повысить заработную плату шахтеров. Проблема трудовых ресурсов теперь стала решаться с помощью материальных стимулов. Однако сильный рост заработной платы сделал ранее рентабельное производство планово убыточным. С конца 1950-х гг. более 90 % угледобывающих предприятий СССР стали получать государственную дотацию, без которой они не могли уже покрывать издержки производства³².

Таким образом, на протяжении большей части первой половины XX в. мобилизационные механизмы являлись одним из непереносимых условий развития столь трудоемкой отрасли, которой была в то время угольная промышленность. Без мобилизации и принудительного труда государство просто не могло обеспечить в достаточном объеме эту отрасль рабочей силой. Основные успехи уральской угольной промышленности данного периода оказываются так или иначе связаны с усилением мобилизационных тенденций, ослабление которых вело, как в годы НЭП, к стагнации и кризису. Однако, несмотря на эти успехи, необходимо задуматься и о том, не была ли цена, заплаченная обществом за развитие такими способами тяжелой индустрии и за добытый уголь (на Урале к тому же низкого качества) слишком высокой.

Примечания

- ¹ Семенов М. Г. Копейск / М. Г. Семенов, М. Ф. Заикин. Челябинск, 1959. С. 21.
- ² ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 4. Д. 33. Л. 27.
- ³ Дмитриев А. В. Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма (1900–1917 гг.) // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма : сб. научных трудов. Свердловск, 1989. С. 75.
- ⁴ Семенов М. Г. Указ. соч. С. 25, 28.
- ⁵ ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 476. Л. 3; Оп. 2. Д. 135. Л. 2–3.
- ⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3139. Оп. 1. Д. 198. Л. 181–182.
- ⁷ РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 87. Л. 19 об.
- ⁸ Там же. Д. 198. Л. 181–182.
- ⁹ Кательников В. Д. Уголь и шахтеры в государстве Российском: экономические и социально-исторические аспекты // В. Д. Кательников, А. А. Кобяков. М., 2004. С. 92, 96, 100.
- ¹⁰ Бажанов В. М. Каменноугольная промышленность СССР. М. ; Л., 1925. С. 29, 60, 61.
- ¹¹ Подсчитано по: Угольная промышленность СССР за 50 лет. Статистический справочник. М., 1968. С. 93, 95.
- ¹² ОГАЧО. Ф. 962. Оп. 6. Д. 6. Л. 246.
- ¹³ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 6. Д. 6. Л. 246.
- ¹⁴ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 6. Д. 6. Л. 14.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 6. Д. 10. Л. 43.
- ¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 6. Д. 10. Л. 94.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 6. Д. 10. Л. 42.
- ¹⁸ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 6. Д. 10. Л. 86.
- ¹⁹ ОГАЧО. Ф. 962. Оп. 6. Д. 6. Л. 28.
- ²⁰ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 330. Л. 123.
- ²¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 666. Л. 7, 38.
- ²² ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 95. Л. 2, 3.
- ²³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 291. Л. 27.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 8. Д. 122. Л. 68 об.–71.
- ²⁵ Там же. Л. 14–15.
- ²⁶ Там же. Л. 6–6 об., 10.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 303. Л. 1–4.
- ²⁸ ГАПК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 1418. Л. 284.
- ²⁹ ГАПК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 1418. Л. 266.
- ³⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 263. Л. 37.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 8. Д. 209. Л. 42.
- ³² Крутой пласт: шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / под ред. Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, И. С. Кожуховского. М., 1999. С. 44–47.

Беспалов С. В.

ПОСЛЕДСТВИЯ УСКОРЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ В ДЕБАТАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Важнейшей целью экономической политики правительства России в 1890-х – начале 1900-х годов, проведение которой связано, прежде всего, с именем министра финансов С. Ю. Витте, было обеспечение форсированного развития отечественной промышленности. Ключевую роль в реализации этого курса, наряду с финансовой реформой, развитием железнодорожной сети и привлечением иностранных капиталов в экономику страны, играл промышленный протекционизм. Можно констатировать, что реализация данного курса положила начало индустриализации России. И, с одной стороны, уже к началу 1900-х гг. представители различных слоев населения начали ощущать первые позитивные результаты проводимой правительством политики и осознавать, что она отвечает стратегическим интересам страны. В то же время реализация данного курса требовала серьезных жертв со стороны большинства населения; естественно поэтому, что вопрос о соотношении цели и средств, о той цене, которую может и должна заплатить Россия за форсированную индустриализацию, в течение долгого

времени находился в эпицентре общественной борьбы. Оппоненты Витте акцентировали внимание на таких издержках реформ, как ошутимое удорожание, вследствие протекционизма, большинства промышленных товаров (и отечественного производства, и импортных), высокие налоги, прежде всего косвенные, сокращение доходов от продажи российского зерна на мировом рынке; отмечалось отсутствие полноценной конкурентной среды, принимавшая порой нездоровые формы учредительская активность, а также чрезмерная ориентация многих промышленников на государственные заказы. Все это в сочетании с недовольством многих противников правительственного курса недопустимым, по их мнению, разрастанием экономических функций государства и чрезмерной мобилизацией правительством всех имевшихся в его распоряжении ресурсов ради ускорения развития индустрии делало неизбежной резкую критику правительственного курса и существование мощной оппозиции ему. Особенно усилилась эта критика в период экономического кризиса первой половины 1900-х гг., ставшего одной из причин отставки С. Ю. Витте с поста министра финансов. В этой полемике, как нам представляется, ключевыми являлся вопрос о жизнеспособности создававшейся российской промышленности.

Аргументы Витте (как и Д. И. Менделеева, выступавшего в роли ведущего идеолога ускоренного промышленного развития) в пользу проведения политики индустриализации хорошо известны. Что же касается воззрений противников его курса, то следует отметить, что с наиболее резкой критикой правительственной политики 1890-х – начала 1900-х гг., направленной на форсированное развитие промышленности, выступали неонародники. И, несмотря на то, что основными своими оппонентами идеологи проводимой политики считали не столько их, сколько представителей поместного дворянства, с одной стороны, и (в меньшей степени) либеральной оппозиции (хотя ещё и не структурированной), с другой, необходимо отметить, что основные аргументы против протекционизма были сформулированы ещё в трудах экономистов-народников 1880-х – начала 1890-х гг. Так, например, В. Воронцов утверждал, что теория протекционизма есть учение, «противное нравственному чувству и несовместимое с простотой и гармоничностью, наблюдаемыми во всех естественных законах... Религия и опыт одинаково поучают, что высшее благо каждого должно искать в благополучии всех; что в своих истинных интересах люди солидарны, а не враждебны... Теория же протекционизма, напротив того, предполагает противоположность национальных интересов; она учит, что выгода одного народа есть потеря для другого... Она смотрит на народы, как на врагов, а не как на товарищей»¹. Кроме того, всякий протекционизм неизбежно «стесняет то, в чём нуждаются сами покровительствуемые», т. е. потребление. Поэтому «не от иностранцев защищает нас тариф, а от нас самих»². По мнению Воронцова, каким бы благотворным ни было влияние протекционизма на некоторые отрасли промышленности, «оно неизбежно уменьшит общий доход производства страны, во-первых, по причине непроизводительных расходов, связанных с таможенной системой; во-вторых, отвлечением капитала и труда от более производительного занятия к менее производительному»³. Наконец, неизбежным следствием протекционизма является ненормально высокая цена всех товаров внутреннего производства. Поэтому, убеждён Воронцов, «хотя покровительственными мерами и можно способствовать водворению какого-либо производства, благоразумнее будет предоставить дело частной инициативе, ибо таможенная политика, будучи однажды применена, стремится охватить большую часть производств, а в таком случае она окажет задерживающее влияние даже на те промышленные отрасли, покровительство которым имеет хоть какой-нибудь смысл»⁴. Таким образом, на практике выгоду от протекционистской политики получает не страна в целом, а лишь горстка крупнейших производителей, прибыль которых существенно возрастает⁵. Против насаждения промышленности выступал и другой известный экономист-народник – Н. Даниельсон. По его словам, если вначале «особенным предметом поощрения» со стороны государства являлись железные дороги, то постепенно покровительственная политика стала распространяться на всё новые отрасли добывающей и обрабатывающей капиталистической промышленности, причём по мере развития этой промышленности увеличивалась и степень покровительства ей⁶. Даниельсон же полагал, что, если русский народ и должен был «выносить на своих плечах все те тяготы, которые требовались для насаждения у нас крупной промышленности», – хотя такая политика представлялась автору изначально порочной, – то по прошествии определённого времени, «когда не только некоторые отрасли стали на ноги, но получают прибыли далеко не пропорциональные затратам», необходимо отказаться от протекционизма⁷.

Но всё же именно в период деятельности С. Ю. Витте на посту Министра финансов полемика о протекционизме стала наиболее оживлённой. С наиболее резкой критикой правительственной политики 1890-х – начала 1900-х гг., направленной на форсированное развитие промышленности, выступали неонародники. Типичной для них является позиция А. В. Пешехонова. По словам лидера партии народных социалистов, основным устоем, на котором держалась финансовая и экономическая политика «отживающего строя», было «покровительство городу в ущерб деревне». Переплаты, которые русской деревне приходится делать практически за все промышленные товары, составляют сотни миллионов рублей в год и являются основой быстрого роста производства; «вместе с усилением протекционизма росли, конечно, и размеры этой дани»⁸.

Пешехонов считал, что стремление С. Ю. Витте поднять страну на уровень самодовлеющей хозяйственной единицы и освободить народное хозяйство от «зависимости от чужого труда и чужого рынка... навеяно... национализмом, при котором благо государства-нации мыслится, как нечто самостоятельное и независимое от блага населения». Но такое благо, утверждает лидер энесов, – чистейшая фикция, поскольку «нет субъекта, который воспринимал и ощущал бы это общенациональное благо». Кроме того, по словам Пешехонова, «теперь... в экономической жизни борьба между нациями уступи-

ла место борьбе между классами»: поэтому социальная зависимость для народных масс гораздо важнее национальной. Зависеть от российского рынка и капитала ничем не лучше, чем от иностранного; поэтому, ослабляя национальную зависимость, протекционизм в значительной мере усиливает социальную и тем самым «не улучшает, а ухудшает самочувствие земледельческой массы». Стремление же к национальной независимости «в период превращения национальных хозяйств в единое мировое» означает, по мнению Пешехонова, не что иное, как попытку идти наперекор истории⁹.

Крупнейший теоретик неонародничества В.М. Чернов полагал, что правительство своей политикой содействует развитию в России «особого, специального вида капитализма, именно капиталистического паразитизма». Вообще, по мнению Чернова, чем позднее та или иная страна вступает на путь индустриального развития, тем болезненнее оказываются «те метаморфозы, которые связаны с завоеванием капитализмом внутреннего рынка, разрушением натурального хозяйства, отлучением производителей от средств производства... и т. д.; тем резче для неё хозяйственный поворот... Много отнимая у населения и мало давая ему, капитализм, естественно, не испытывает недостатка во враждебном к себе отношении, но чувствует большой недостаток в союзниках всякого рода»¹⁰. В то же время в условиях низкой конкурентоспособности национальной промышленности не только на внешнем, но и на внутреннем рынке «для буржуазии пропорционально возрастает потребность во внешней поддержке, покровительстве, даже опеке». Таким образом, «прогрессивное, творческое значение или, если угодно, «европеизм» буржуазии... стоит в обратном отношении к времени выступления страны на путь капиталистического развития»¹¹.

Переходя к характеристике воззрений представителей правого лагеря, следует отметить, что одним из первых и наиболее яростных критиков политики Витте был отставной сотрудник Министерства финансов И. Ф. Цион – единомышленник М. Н. Каткова, в своё время один из активнейших сотрудников «Московских Ведомостей», известный учёный и публицист. Как отмечали Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, Цион некогда являлся единомышленником Витте, не простившим Министру финансов «отступничества от катковской экономической программы»¹²; возможно, именно это обстоятельство обусловило беспрецедентно резкий характер предъявленных Ционом Витте обвинений. Ещё в 1893 г. в своём письме Императору Александру III он заявил, что С.Ю. Витте всей своей деятельностью на посту Министра Финансов подтверждает давно существовавшие у Циона опасения: «Не преследует ли он... прямо антигосударственные цели»¹³.

Будучи лишён российского подданства за беспрецедентно резкую критику Министра финансов и вынужденный покинуть страну, Цион активизировал свою антивиттевскую деятельность и во Франции опубликовал несколько книг и статей, в которых продолжал обвинять Витте во всех смертных грехах, и прежде всего – целенаправленном разрушении сельского хозяйства. И если бы он ограничился только подобными обвинениями в адрес Витте, то эти измышления, многократно повторявшиеся в дальнейшем ультраконсерваторами, главным образом из числа представителей поместного дворянства, едва ли заслуживали бы упоминания. Однако Цион умудрился совместить критику реформ Витте и с ультраконсервативных, и с либеральных позиций, причём многие аргументы против проводившегося курса, взятые в дальнейшем на вооружение либеральной оппозицией, были сформулированы впервые именно Ционом. Так, например, И. Ф. Цион утверждал, что система Витте на самом деле не ускоряет, а тормозит и деформирует развитие российской промышленности, поскольку политика Министерства Финансов «идёт вразрез с самыми насущными условиями её процветания... Широкий простор личной инициативе, законная гарантия против административного вмешательства и произвола, чуткое прислушивание к нуждам, высказываемым компетентными и заинтересованными лицами, а, пуще всего, воздержание от всякого фаворитизма между свободными конкурентами, – кто не знает, что без этих основных элементов невозможно не только процветание, но и существование какой бы то ни было торговли и промышленности? А вся система г. Витте направлена на то, чтобы уничтожить эти условия». Министр Финансов стремится подчинить «чиновной регламентировке и чиновному контролю». Всякое проявление «общественной самостоятельности, раз она хоть самым отдалённым образом может коснуться финансового ведомства, опутывается законами и циркулярами», причём «произволу г. Витте предоставляется толковать эти законы и делать из них исключения». В результате «взяточничеству, казнокрадству и повальному грабежу несчастной публики открылись горизонты, о которых не мечтались нашим бюджетоедам даже в самые отдалённые эпохи нашей истории»¹⁴.

По утверждению Циона, Витте не просто толкает Россию на путь социализма; «из всех систем социализма г. Витте подобрал для России самую смертоносную, именно тот государственный социализм, который стремится превратить страну в обширную казарму, где армия чиновников заправляет деспотически всеми проявлениями общественной жизни, – где нет места ни личной свободе, ни оригинальной мысли, где всё и все будут беспрекословно повиноваться палке капрала с зелёным околышком»¹⁵.

Тезис об искусственности и неспособности к существованию без масштабной государственной поддержке «насаждавшейся» промышленности встречается в работах многих экономистов и государственных деятелей, причём как консервативной, так и либеральной ориентации. Например, руководитель Земского отдела МВД В. И. Гурко считал, что большая часть российских заводов поддерживается на плаву искусственными мерами, прежде всего огромными казенными заказами; эти предприятия «живут не столько за счет доходов населения, сколько за счет их основного богатства», в результате в России «не фабрика обогащает население, а население фабрику»¹⁶. В отличие от западноевропейских государств, где, по мнению Гурко, «начало процветанию промышленности положило зажиточное сель-

ское население», что предопределило устойчивость индустриального развития этих стран, в России фабриканты настолько же богатеют, насколько беднеет народ; со временем платежеспособный спрос населения будет окончательно подорван, и тогда «никакие уже меры не будут в состоянии отстоять промышленной деятельности от полного упадка»¹⁷. Таким образом, если основным направлением экономической политики не станет поддержка сельского хозяйства, то и отечественная промышленность неминуемо погибнет из-за отсутствия рынка сбыта ее продукции¹⁸.

Позиция аграриев относительно последствий политики ускоренной индустриализации, пожалуй, наиболее полно отражена в материалах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, свод трудов которых был опубликован в 1904 г.¹⁹ По мнению многих комитетов, правительственная политика, «направленная на поднятие капиталистической промышленности, ...действует в ущерб сельскому хозяйству». Свою позицию они мотивируют тем, что сельское население, и прежде всего крестьянство, являясь главным потребителем промышленной продукции, вынуждено покупать товары по явно завышенным ценам. Это же увеличивает затраты на производство сельскохозяйственной продукции, что неизбежно ведет к ее удорожанию и снижению конкурентной способности на мировом рынке. Кстати, по этой же причине многие сельхозпроизводители были недовольны и финансовой реформой Витте, приведшей к укреплению рубля и тем самым затруднившей экспорт²⁰. Кроме того, российский протекционизм по отношению к промышленности вызывает в европейских странах, прежде всего в Германии, ответные меры – протекционизм по отношению к местному сельскому хозяйству, что заставляет российских экспортеров еще более снижать цены, неся при этом ощутимые убытки²¹.

Промышленность, по мнению представителей местных комитетов, насаждается в стране «за счет ослабевших классов земледельческого населения», а фабриканты получили возможность «брать громадную косвенную подать со всего населения России»²², причем благодаря протекционистской системе «земледельцы обречены содержать из своих скудных средств» лишь «небольшую горсть крупных промышленников»²³; в то же время переплачиваемые за промышленные товары огромные суммы «могли бы быть употреблены сельскими хозяевами с большей пользой для самого сельского хозяйства»²⁴. Кроме того, хотя протекционизм имеет смысл лишь как временная мера, в России он продолжается слишком долго и конца ему не видно; в отсутствие же конкуренции отечественных товаров с иностранными русские предприниматели, по мнению некоторых комитетов, не заботятся об улучшении качества выпускаемой продукции, в результате чего русские изделия, в особенности сельскохозяйственные машины, остаются малопродуктивными и весьма недолговечными²⁵. Еще один аргумент, выдвигаемый комитетами и свидетельствующий, по их мнению, о необходимости отказа от покровительственной политики, заключается в том, что промышленность навязана России искусственно в противоположность естественному, органическому ее развитию на Западе, где спрос на промышленную продукцию создавался благодаря потребностям земледелия. «В Европе фабрики и заводы развились на основах обогащения народа, через развитие и богатство земледелия», в России же, напротив, «предполагают обогатить народ путем привлечения его в искусственно созданную фабричную и заводскую промышленность». Указывая на то, что необходимым условием для существования каждого предприятия является обеспеченный рынок сбыта его продукции, аграрии полагают, что российская индустрия не имеет перспектив, не будучи вызвана рыночными потребностями; рынок же будет создаваться постепенно, по мере увеличения покупательной способности населения – при условии «улучшения экономического положения большинства населения, то есть земледельческих классов». Таким образом, именно поддержка сельскохозяйственного производства должна быть «первою мерою к развитию в России промышленности»²⁶.

Однако приведенные выше мнения относительно покровительственной политики правительства, хотя и преобладали в местных комитетах по делам сельскохозяйственной промышленности, были все же не единственными даже в этой среде. Многие из членов этих комитетов осознавали, что развивать отечественную индустрию необходимо, так как только в этом случае «потенциальные естественные богатства страны могут быть превращены в действительные, и возможно правильное развитие государства как финансового целого», хотя и при условии признания России страной преимущественно земледельческой²⁷. Не окрепшая еще российская промышленность не способна выдержать конкуренции с иностранной, поэтому преследуемая министерством финансов цель, по мнению представителей Смоленской губернии, «может вызвать только сочувствие, даже и в сельскохозяйственной среде», несмотря на то, что она не может быть достигнута без некоторых временных жертв со стороны деревни. Члены орловского комитета полагают, что только промышленное развитие обеспечит формирование в стране капиталов, которые затем поднимут и уровень сельскохозяйственного производства²⁸. Лишь продолжение устойчивой покровительственной политики правительства, по мнению киевского комитета, обеспечит развитие в стране сельскохозяйственного машиностроения и производства удобрений. Представители Казанской губернии считают, что особенно необходимо поощрение тех отраслей промышленности, которые тесно связаны с сельским хозяйством, поскольку в перспективе это приведет и к повышению доходности земли в результате улучшения ее обработки. В материалах других комитетов отмечается, что «теперь уже результаты охранительной пошлины сказались, орудия...стали значительно дешевле и качеством приближаются к заграничным», поэтому в перспективе Россия сможет полностью отказаться от импорта сельскохозяйственной техники²⁹. Отказ же от протекционизма привел бы не к удешевлению товаров, а к кризису и банкротству многих заводов и фабрик, разорению

банков, падению кредита, обесцениванию земель, безработице и голодовке нескольких миллионов рабочих и т. д.³⁰ Кроме того, резкое сокращение таможенных доходов вынудит государство восполнять его увеличением налогообложения того же сельского хозяйства³¹. Как видим, определенная часть аграриев, прежде всего представители регионов с наиболее эффективно ведущимся сельским хозяйством и, следовательно, максимальным спросом на технику, удобрения и другие промышленные товары, поддерживали протекционистскую политику, поскольку уже к началу 1900-х гг. ощутили ее реальные позитивные результаты.

Значительная (если не большая) часть представителей поместного дворянства – основных противников промышленного протекционизма – выступала против политики капиталистической модернизации в принципе, видя в этом курсе угрозу своим жизненным интересам и подвергая Министра Финансов постоянным нападкам (как писал А. Ф. Кони, «пускали шип по-змеиному»³²). Точку же зрения тех представителей поместного дворянства, кто, не выступая против политики индустриализации в принципе, подвергал резкой критике методы проведения этого курса правительством России, достаточно полно выразил К. Головин (по словам известного советского историка П. А. Зайончковского – «один из реакционных публицистов и к тому же чиновник»³³; в будущем – видный деятель «Объединённого дворянства»). По его мнению, «одностороннее направление финансовой политики, озабоченной быстрою надстройкою второго промышленного этажа над разваливающимся зданием сельскохозяйственного производства, приводит к поразительному контрасту между расширением экономической деятельности государства и застоём развития внутри этого самого государства»³⁴. Результатом этой политики стала парадоксальная ситуация: «у бедного и не предприимчивого народа богатое и очень деятельное правительство,... страна, главный промысел которой падает, может снабжать свои центральные органы всё растущими денежными средствами». И цель, казалось бы, достигнута: в стране, где отечественные капиталы накапливаются медленно, ещё медленнее разрабатываются собственные природные богатства и практически отсутствует прогресс в «главном промысле» – сельскохозяйственном производстве – искусственно вызваны признаки экономического оживления. Привлечены и задействованы крупные суммы, быстро идёт постройка новых фабрик и железных дорог, растёт размер государственного бюджета, банки и промышленные предприятия размножаются невиданными темпами. И, «благодаря своим многочисленным агентам, центральная власть служит главной пружиной этого форсированного оживления». Очевидная нехватка как капиталов, так и, в особенности, предпринимательской инициативы для открытия новых предприятий и расширения старых может быть компенсирована привлечением иностранных капиталов. Однако правительство забывает при этом о главном – «для успешного выполнения такой смелой и грандиозной задачи необходимо, чтобы одновременно с промышленностью росло и производство сырья (под сырьём здесь понимается используемая в промышленном производстве сельскохозяйственная продукция. – С.Б.), и росло не только в ширь, но и в глубину», так как, во-первых, перерабатывать отечественное сырьё выгоднее, чем импортное, во-вторых, для обеспечения устойчивости международного экономического положения страны и прочности национальной валюты необходимо стремиться к достижению максимально активного расчётного баланса, и, в-третьих, молодой российской индустрии, не имеющей возможности экспортировать сколь-нибудь значительную часть своей продукции, необходим ёмкий внутренний рынок, который может предоставить ей только отечественное земледелие. Таким образом, делает вывод К. Головин, в основу здорового экономического роста должно быть поставлено развитие сельского хозяйства; а именно этого в России и не было сделано³⁵.

Головин отмечает, что в отраслях промышленности, основанных на переработке поставляемого сельским хозяйством сырья, например в кожевенном, суконном, шерстяном, льняном производстве в конце XIX века рост либо был крайне незначительным, либо вовсе отсутствовал, что обуславливалось в значительной степени слабой покупательной способностью населения страны и тяжёлым положением аграрного сектора российской экономики. А блестящим расцвет российской промышленности, по его мнению, можно было, строго говоря, признать, во-первых, лишь в нескольких регионах страны³⁶, и, во-вторых, только в двух сферах – в добыче и переработке ископаемых ресурсов и в химическом производстве, и «результат здесь достигнут двумя сильно действующими стимулами, – казёнными заказами и привлечением иностранных капиталов». Следовательно, по мнению Головина, показатели, характеризующие быстрый экономический рост в России конца XIX века – являются не результатом внутреннего естественного процесса, не итогом «самодетельности страны», а показателем «энергии, с какой эта деятельность возбуждается впрыскиванием правительственных и иностранных капиталов», результатом искусственного подогревания национальной экономики извне³⁷. Однако все эти меры создают лишь подобие обогащения страны, «вызывая призрак народного довольства, как бы освещённый бенгальским огнём на тусклом фоне всеобщей бедности»³⁸. Со временем, убеждён К. Головин, это противоречие станет очевидным для всех; используемые государством средства стимулирования промышленного роста не могут быть неистощимыми, и правительство окажется перед необходимостью внесения принципиальных изменений в свой экономический курс в целях обеспечения сбалансированного развития как различных отраслей промышленности, так и сельского хозяйства.

Не столь критично оценивал политику Витте другой видный консервативный политик – П. Х. Шванебах, занимавший на протяжении нескольких лет пост Государственного Контролёра, а впоследствии ставший членом Государственного Совета. Отмечая, что в результате правительственной политики, стимулирующей промышленный рост, в стране в последнее десятилетие XIX века создано

немало новых рабочих мест, в результате чего «в города и на фабрики народ, что называется, валом валит», а деревня «переживает процесс усиленного выделения из своей среды элементов новой общественной группы, отвечающей тому, что на западе окрещено именем четвёртого сословия», то есть формируется пролетариат, стремящийся окончательно порвать с землёй, Шванебах полагает, что, хотя данный процесс является весьма болезненным (в том числе и для помещиков, многие из которых потеряли возможность обеспечивать себя работниками за приемлемую для них плату и вследствие этого оказались на грани разорения), тем не менее «в конце концов, не что иное, как этот самый процесс, выручит земледелие из современных его бед и вознаградит наш коренной промысел за жертвы, какие он несёт ныне вследствие непосильного соперничества с заводом»: с одной стороны, деревне при сохранении экстенсивного хозяйства никогда не удастся прокормить растущего из года в год количества малоземельных или уже обезземеленных крестьян, с другой, переход к более цивилизованным формам ведения хозяйства станет возможен лишь тогда, когда в результате индустриализации возникнет достаточно массовый слой городских потребителей сельскохозяйственной продукции³⁹. Но в то же время «вовсе не безразлично, как совершится эта социальная эволюция». А последствием вспыхнувшей в стране в конце XIX века «учредительской горячки и упорной веры в неиссякаемость капитала», по мнению Шванебаха, со временем вполне могло бы стать закрытие огромного количества наспех созданных и не имеющих обеспеченного сбыта своей продукции предприятий, в результате чего началось бы обратное движение в деревню бездомных людей с остановившихся заводов, что стало бы настоящей катастрофой и для деревни, и для страны в целом. Поэтому, полагает П. Х. Шванебах, промышленную политику следовало бы проводить гораздо более осторожно и сбалансированно и, наряду с этим, обеспечить хотя бы наиболее депрессивным аграрным регионам России определённую бюджетную поддержку⁴⁰.

Как видим, оппозиция правительственному курсу со стороны дворянства была достаточно мощной. Однако, как справедливо отмечает А. П. Корелин, «дворянские силы... оказались разрознены в результате различного понимания, как особенностей нового времени, так и задач высшего сословия в изменившихся условиях, а потому сама дворянская программа оказалась лишённой внутреннего единства и цельности»⁴¹. В значительной степени именно поэтому С. Ю. Витте удавалось в целом последовательно проводить свою линию.

Критически оценивал протекционистскую политику и её воздействие на сельское хозяйство крупный экономист, придерживавшийся либеральных взглядов, профессор П. П. Мигулин. Отмечая, что С. Ю. Витте в бытность свою министром финансов видел главной целью содействие подъёму производительных сил страны, Мигулин полагает в то же время, что задачу эту он понимал довольно узко. Он пытался сделать из России страну не земледельческую, а промышленную; поэтому для развития аграрного сектора никаких мер не предпринималось⁴². Ничего не давая сельскому хозяйству, правительство возложило на него тяжкое бремя ради обеспечения ускоренного развития промышленности, чем довело «земледельческие классы до полной нищеты». В то же время, создав искусственную промышленность, «г. Витте временно оживил страну и дал заработки массе населения. Но он не дал нашей скороспелой промышленности одного: рынков для сбыта ее продуктов». Единственно возможными потребителями ее продукции могли бы быть «только наши же земледельческие классы, которые были разорены». Поэтому большинство предприятий в России «дудные», и держались они за счет кредитов и государственных заказов по завышенным, сравнительно с рыночными, ценам; с сокращением же этой поддержки нежизнеспособность многих предприятий стала очевидна⁴³. Первопричиной же глубочайшего экономического кризиса Мигулин считал снижение покупательной способности населения страны – неизбежное следствие неразумного протекционизма, усугубленное пятью неурожайными годами подряд⁴⁴.

Неоднозначно оценивал правительственную политику виднейший идеолог и лидер либеральной оппозиции П. Н. Милюков. По его мнению, «декретировать отмену русского капитализма или предсказывать ему естественную смерть вместе с «естественной кончиной» протекционизма – было бы теперь уже несколько поздно», хотя капитализм в России все еще переживает период своего становления и ему по-прежнему очень далеко до западноевропейского уровня. После отмены крепостного права с каждым годом Россия все более укреплялась «на новой ступени экономической жизни, на который индустриализм являлся необходимым продуктом внутреннего развития», и государство в определенной степени этому содействовало своей политикой. В то же время отечественная промышленность к началу XX столетия все еще не избавилась от опеки правительства. «Естественная кончина» протекционизма, считает Милюков, замедляется из-за политики финансового ведомства, определяемой прежде всего фискальными интересами, а также влиянием крупной буржуазии «и, наконец, международной таможенной борьбой»⁴⁵. Именно удовлетворение фискальных потребностей государства еще с петровских времен являлось главной целью государства, в то время как развитие производительных сил страны оставалось лишь формальной задачей. Поэтому, с точки зрения Милюкова, несмотря на смягчение «суровых условий исторической жизни», финансовая политика Витте была «более чем когда-либо верна русским фискальным традициям»⁴⁶.

Таким образом, «отстав от своего прошлого, Россия далеко еще не пристала к европейскому настоящему». Несмотря на грандиозный рывок конца XIX века, российская индустрия до сих пор «покоится на фундаменте отчасти слишком элементарном, отчасти слишком искусственном. Русская промышленность сделала колоссальные успехи, но государство все еще не решается предоставить ее... собствен-

ным силам», хотя необходимость в плотной правительственной опеке уже отпала. Поэтому, несмотря на сходство процесса экономического роста в России и западноевропейских державах, результаты этого роста разительно отличаются от тех, которых достигла Западная Европа; русская промышленность остается слишком ориентированной на государство⁴⁷.

Широкая и жёсткая критика политики индустриализации вообще и способов правительственной поддержки крупной каменноугольной и металлургической промышленности юга России в особенности, естественно, не могла быть проигнорирована главой финансового ведомства. Ответ своим многочисленным оппонентам С. Ю. Витте дал в бюджетных «Всепоподданнейших докладах» на 1900, 1902 и 1903 годы. Он совершенно справедливо утверждал, что «каждый новый шаг в экономическом развитии обыкновенно ведёт за собою нарушение установившегося равновесия в распределении, перемещает материальные блага от одних экономических групп к другим»; поэтому, наряду с происходящим, по мнению Витте, повышением общего уровня народного благосостояния, положение некоторых слоёв населения неизбежно либо ухудшается, либо остаётся на прежнем невысоком уровне. Однако, по убеждению главы финансового ведомства, не следует на основании отдельных неблагоприятных симптомов делать вывод о том, что промышленное развитие происходит неестественно; нельзя «распространять невзгоды отдельных местностей на всю Россию, усматривать в экономических затруднениях некоторой части населения или отдельных общественных групп тревожные признаки для всего русского народа»⁴⁸.

Отмечая, что на протяжении последнего десятилетия XIX века наблюдался непрерывный и очень быстрый промышленный рост, Витте указывает, что рост этот был вызван не только последовательным проведением покровительственной политики, но и «увеличением спроса на продукты со стороны населения и Правительства» (как видим, спрос со стороны населения Витте ставит на первое место, что едва ли вполне корректно; рост же государственных закупок промышленных товаров можно считать составной частью покровительственной политики, понимаемой в широком смысле), а также притоком иностранных капиталов в экономику страны. Именно сочетанием этих весьма благоприятных условий «промышленность воспользовалась весьма широко для своего оборудования и развития». Однако наряду с «правильным ростом производительности», который неизбежно должен был привести к развитию конкуренции и, следовательно, постепенному снижению цен на промышленную продукцию, наблюдалась и «сильная спекуляция»; при учреждении целого ряда предприятий были допущены нарушения или даже злоупотребления, «нехозяйственное ведение дел»; наконец, в некоторых отраслях промышленности «расчёты на дальнейшее возрастание требований рынка опередили действительный рост спроса». Всё это в перспективе с неизбежностью должно было привести слабейшие предприятия к кризису и последующей ликвидации; в то же время этот процесс должен был оказаться постепенным и не оказать серьёзного негативного воздействия на экономическую ситуацию в России. Однако возникшие под влиянием мирового финансово-экономического кризиса «денежные стеснения ускорили развязку и обострили её, а затруднения слабых предприятий не остались без влияния и на положение крепких и жизнеспособных дел». В силу этого, вместо постепенного снижения цен на промышленную продукцию, понижение цен на ряд изделий оказалось быстрым и резким; в свою очередь, «крутой перелом цен и стеснения некоторых предприятий крайне тяжело отзывались на имущественном положении многих частных лиц»⁴⁹.

Тем не менее Витте утверждал, что отмеченные негативные явления временны; кроме того, удешевление промышленной продукции выгодно для основной массы населения и служит залогом дальнейшего развития производительных сил страны. Предприятия в большинстве своём постепенно приспособятся к новым условиям, а низкие цены приведут к увеличению спроса, что, в свою очередь, вызовет новый промышленный подъём. Наконец, по утверждению Министра финансов, покровительственная политика российского правительства как раз и была направлена на то, чтобы промышленные товары стали доступны широким слоям населения, а потому нет никаких причин говорить о провале этой политики или же ставить вопрос об отказе от протекционизма. Кризисные явления будут преодолены; «общих, достигнутых нами за последние годы, промышленных успехов заминка не коснётся, и по истечении некоторого промежутка времени, вероятно, наступит новый период промышленного оживления»⁵⁰.

К тем же самым проблемам Витте вынужден был вернуться и в докладе 1903 года. Отмечая сохранение неблагоприятных явлений в положении народного хозяйства страны, и прежде всего «продолжающееся стеснение некоторых отраслей промышленности», Витте, тем не менее, утверждал, что «достигнутые в течение предшествовавших лет успехи нашего внутреннего производства прочны»⁵¹, а потому «надлежит отнестись к настоящим затруднениям с полным спокойствием. Эти затруднения не могут быть особенно продолжительны, так как они сами в себе носят условия своего прекращения» – приспособление – производства к потребностям рынка и увеличение спроса вследствие резкого падения цен⁵².

Итак, очевидно, что аргументы Витте в большинстве своём были вполне состоятельны. Это подтвердил и успешный выход России из тяжёлого промышленного кризиса, не ставшего, вопреки многочисленным прогнозам, катастрофой для большинства предприятий; напротив, он положил начало процессу исправления диспропорций в структуре отечественной индустрии. В то же время нельзя не обратить внимания и на то, что на многие обращённые к правительству упрёки, например, о вреде угольного протекционизма, нецелесообразности установления пошлин на товары, отечественные

производители которых изначально находятся в явно выигрышных условиях по отношению к иностранцам и т. д., ответа, по существу, дано не было. Действительно, отнюдь не только заботой о молодой отечественной индустрии диктовалось проведение столь жёсткой протекционистской политики. По всей видимости, не менее важную роль играли и государственные (в узком смысле) интересы, прежде всего фискальные. Именно этим, а не давлением со стороны предпринимательских союзов, силу которых в рассматриваемый период не стоит переоценивать, и можно объяснить «перегибы» при осуществлении таможенного покровительства; обращения же промышленников к правительству являлись скорее не причиной, а предлогом, оправданием этих мер.

Ценой немалых усилий Витте и его единомышленникам всё-таки удалось отстоять необходимость продолжения протекционистской политики. Изданное в 1900 году Высочайшее повеление (составленное Куломзинным) провозглашало, что «твёрдость и последовательность в делах экономики и народного хозяйства, если не более, чем в других отраслях государственного управления, то в равной мере составляют главнейшее условие успеха», а потому преждевременный отказ от покровительственной политики недопустим⁵³. Высочайшим Повелением признавались «начала, положенные в основание тарифа 1891 г., подлежащими сохранению в незыблемой целости, с допущением и впредь неизбежного для удешевления продуктов обрабатывающей нашей промышленности участия в развитии или создании тех или других её отраслей иностранных капиталов и предпринимателей»⁵⁴.

В то же время следует сказать, что Витте и его сторонникам, настаивавшим на снятии целого ряда ограничений, препятствовавших промышленному развитию страны, таких, как разрешительный (во многих случаях, например, при учреждении акционерных обществ с участием иностранцев и определённых категорий русских подданных) порядок регистрации новых предприятий и др., удалось устранить далеко не все подобные препятствия; таким образом, несмотря на все усилия реформаторов, условия, в которых развивалась российская промышленность на рубеже XIX–XX вв., нельзя признать оптимальными.

Можно констатировать, что оппонентами правительства, хотя и были верно подмечены некоторые недостатки и «перегибы» в осуществлении покровительственной политики, всё же не было предложено серьёзной программы, альтернативной проводимому курсу. Противопоставляя его промышленной политике передовых индустриальных держав Запада, они игнорировали тот факт, что практически все эти страны прошли в своем развитии этап государственной поддержки молодой промышленности; для России же, начавшей индустриализацию позже других и в силу этого вынужденной форсировать данный процесс, отказ от покровительства национальной промышленности означал бы включение её в систему международных экономических отношений далеко не равноправным партнером индустриально развитых держав.

Отметим в заключение, что возвращение к протекционизму в первой половине 1900-х гг. целого ряда европейских стран, более экономически развитых, чем Россия, явилось доказательством несостоятельности представлений о том, что эта политика является уделом лишь слаборазвитых государств. Во многом именно по этой причине, начиная с середины 1900-х годов, дискуссия о промышленном протекционизме и, в целом, о политике индустриализации постепенно становится всё менее оживлённой; новый же этап промышленного роста, по сути, снял все вопросы относительно жизнеспособности российской индустрии.

Примечания

¹ В. В. Генри Джордж о протекционизме // Северный вестник. 1886. № 12. С. 5.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Николай – он. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское Богатство. 1894. № 4. С. 5.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Пешехонов А. В. Экономическая политика самодержавия. (Централизация экономической власти.) СПб., 1906. С. 43–44.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Чернов В. М. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское Богатство. 1900. № 4. С. 156.

¹¹ Там же. С. 157.

¹² Ананьич Б. В. Сергей Юльевич Витте / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 38.

¹³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 734. Л. 2–3.

¹⁴ Цион И. Ф. Куда временщик Витте ведёт Россию? Paris, 1896. С. 69.

¹⁵ Там же. С. 69.

¹⁶ Гурко В. И. Устои народного хозяйства России. СПб., 1902. С. 67.

¹⁷ Там же. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 194.

¹⁹ Финансовая политика и таможенное покровительство. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904.

- ²⁰ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 363.
- ²¹ Финансовая политика и таможенное покровительство. С. 62–63.
- ²² Там же. С. 57.
- ²³ Там же. С. 77.
- ²⁴ Там же. С. 82.
- ²⁵ Там же. С. 89.
- ²⁶ Там же. С. 59–60.
- ²⁷ Там же. С. 93.
- ²⁸ Там же. С. 94.
- ²⁹ Там же. С. 98.
- ³⁰ Там же. С. 104.
- ³¹ Там же. С. 103.
- ³² Кони А. Ф. С. Ю. Витте // Собрание сочинений. Т. V. М., 1968. С. 249.
- ³³ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 150.
- ³⁴ Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899. С. XII.
- ³⁵ Там же. С. XII–XIII.
- ³⁶ Там же. С. 132.
- ³⁷ Там же. С. 112.
- ³⁸ Там же. С. 112–114.
- ³⁹ Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 225–226.
- ⁴⁰ Там же. С. 226, 235–236.
- ⁴¹ Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 84–85.
- ⁴² Мигулин П. П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. Харьков, 1910. С. 387.
- ⁴³ Там же. С. 387–388;
- ⁴⁴ Мигулин П. П. Промышленный кризис в России 1899–1901 гг. // Народное хозяйство. 1902. № 3. С. 41–42.
- ⁴⁵ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Часть 1. СПб., 1909. С. 97–98.
- ⁴⁶ Там же. С. 190–191.
- ⁴⁷ Там же. С. 134–135.
- ⁴⁸ Витте С. Ю. Всеподданнейший доклад о государственной росписи доходов и расходов на 1902 г. // Народное хозяйство. 1902. № 1. С. 174.
- ⁴⁹ Там же. С. 171–172.
- ⁵⁰ Там же. С. 172.
- ⁵¹ Витте С. Ю. Всеподданнейший доклад о государственной росписи доходов и расходов на 1903 г. // Народное хозяйство 1903. № 1. С. 227.
- ⁵² Там же. С. 228–229.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1–1 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 4–4 об.

Буданов А. В.

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ РАБОТА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЧЕЛЯБИНСКОГО СОВНАРХОЗА В 1957–1962 ГГ.

Эпоха хрущевских реформ до сих пор оценивается историками неоднозначно. Во многом это связано с недостаточной изученностью проблематики этого периода. В настоящее время в связи с рассекретиванием архивных документов появилась возможность более объективно оценить происходившие тогда исторические процессы и события.

К середине XX века Советский Союз превратился в индустриальную державу. Однако эффективно управлять тысячами промышленных предприятий и строительных организаций из одного центра становилось все труднее. Возникла необходимость реформировать систему управления. Для чего руководство страны решило территориально приблизить органы управления к производству, устранив параллелизм в работе различных отраслей промышленности, сократив встречные и нерациональные перевозки, используя инициативу регионов и потенциал местного партийно-промышленного руководства.

Подготовка к реформированию системы управления промышленностью и строительством началась после одобрения Президиумом ЦК КПСС проекта реформы, изложенного в записке первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «Об улучшении организации руководства промышленностью и строительством»¹. Созванный 13–14 февраля пленум ЦК КПСС утвердил постановление «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». В результате 10 мая 1957 г. на седьмой сессии четвертого созыва Верховного Совета СССР был утвержден закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Согласно этому документу большинство промышленных и строительных министерств ликвидировалось, а их функции передавались региональным Советам народного хозяйства экономических админи-

стративных районов, границы которых зачастую совпадали с границами областей. В общей сложности в СССР было ликвидировано 141 общесоюзное и союзно-республиканское министерство. Численность хозяйственного аппарата сократилась на 56 тыс. человек, экономия заработной платы составила 600 млн руб. в год. Всего в 1957 г. в Советском Союзе было создано 105 экономических административных районов, из них 70 – в РСФСР (в каждом из районов работал свой совет народного хозяйства)². Структура совнархозов была относительно простой. Различными отраслями промышленности экономики административных районов руководили управления (например, металлургической промышленности, строительства, машиностроения и т. п.). Общеуправленческие задачи выполняли функциональные подразделения (отделы), например, технический отдел; производства и кооперирования; планово-экономический и др. Возглавлял совнархоз председатель, имевший несколько заместителей. Председатель, заместители и ключевые руководящие работники (всего до 10 – 15 человек) осуществляли централизованное руководство совнархозом. Советы народного хозяйства были коллегиальными органами управления промышленностью и строительством регионов.

Огромное значение уделялось в те годы укреплению оборонного потенциала страны, так как война с капиталистическим Западом, не смотря на некоторое смягчение отношений, казалась вполне вероятной. Не случайно еще при обсуждении реформы учитывался такой фактор как возможность войны, при которой в случае создания совнархозов «руководство промышленностью не будет осуществляться из одного центра, а будет рассредоточено по экономическим районам с собственным управлением. Если будет парализован один из них, то другие не потеряют руководства и смогут функционировать»³. Здесь очевиден учет реалий возможной атомной войны. Не случайно Совнархозам центральные правительственные и партийные органы указывали самое пристальное внимание уделять развитию ракетной промышленности (производство носителей боеголовок) и выполнению заказов для атомной промышленности. Не меньшее значение имело развитие радиоэлектронной промышленности, без которой не могло быть и речи о развитии современной военной авиации, ракетостроения, судостроения. Ключевые военно-промышленные предприятия Челябинского совнархоза были подчинены управлению оборонной промышленности (с 1959 г. – управление станкостроения). При этом многие заводы, выпускавшие преимущественно мирную продукцию и подчинявшиеся другим управлениям, имели некоторое количество оборонных заказов.

Советское руководство большое внимание уделяло созданию сырьевых (стратегическое сырье и материалы для оборонной промышленности) и производственных (станки и оборудование, производственные площади и т. п.) резервов на случай войны. Эти резервы получили название военно-мобилизационных. Постановление Совета Министров СССР от 10 августа 1957 г. «Об оборонных отраслях промышленности» поставило перед совнархозами задачу «наращивания мобилизационных мощностей предприятий оборонных отраслей промышленности», «разработку проектов мобилизационных планов с учетом максимального использования в особый [военный] период мощностей других предприятий данного экономического района для производства военной техники»⁴. Для руководства мобилизационной работой в аппарате совнархоза был создан военно-мобилизационный (второй) отдел. Согласно положению основными задачами этого отдела были: организация и руководство в мирное время мобилизационной подготовкой предприятий Челябинского совнархоза к скорейшему переходу к выпуску оборонной продукции в случае начала войны; разработка на основе заданий, сообщаемых Госпланом РСФСР, мероприятий гражданской обороны; разработка мероприятий по обеспечению предприятий квалифицированной рабочей силой для замены кадров, призываемых в вооруженные силы, и руководство работой по бронированию трудящихся; организация оперативного учета и подготовка отчетности по сохранению и созданию мобилизационных мощностей, накоплению мобилизационных ресурсов (стратегического промышленного сырья и материалов, необходимых для производства оборонной продукции). Этот отдел также занимался разработкой ежегодных мобилизационных планов на расчетный год, перспективных планов создания и развития мобилизационных мощностей, накопления мобилизационных резервов. При этом руководство совнархоза было обязано учитывать в перспективных и годовых планах развития народного хозяйства капитальные вложения и материальные ресурсы, необходимые для мобилизационной подготовки экономики региона⁵. На мобилизационные органы совнархозов была советским правительством возложена также задача организации, планирования и контроля над развитием системы местной противовоздушной обороны (МПВО).

По распоряжению руководства совнархоза с 13 июня 1957 начальником второго отдела был назначен В. К. Ивановский. Позднее его заместителем был назначен Г. В. Щипицын, на должности старших инженеров – В. П. Абросимов, А. И. Дюжин, А. Е. Морозов, А. Г. Собко, П. Ф. Сухарев, В. П. Юшков, инженера – А. И. Лысова и др. Начальником штаба местной противовоздушной обороны (МПВО) и старшим инженером отдела 19 сентября 1957 г. был назначен В. А. Гостев. Инженером по МПВО был назначен А. М. Прокопьев⁶.

В 1958 г. реформирование военно-мобилизационной системы продолжилось. Совет Министров СССР постановлением от 8 января 1958 г. обязал министерства и ведомства республик, краев и областей, совнархозы создать военно-мобилизационные органы (отделы, сектора или ответственные исполнители в зависимости от объема работ) на важнейших оборонных предприятиях. На эти органы возлагалась работа по созданию спецмобрезервов, необходимых на первом периоде войны, составлению ежегодных и долгосрочных мобилизационных планов и т. д.⁷ Мобилизационным органам предприятий в марте 1958 г. руководством совнархоза было предложено самим разработать расчет потреб-

ности в оборудовании, капитальных вложениях и резервах сырья, необходимых для создания мобилизационных мощностей. При этом указывалось, что в первую очередь должны были учитываться потребности производства реактивных вооружений. Понимая, что мобрезервы являются с экономической точки зрения балластом, Совет Министров СССР предлагал в качестве таких резервов учитывать также имеющееся оборудование и производственные площади, которые можно будет за короткое время приспособить для производства военной продукции⁸. Однако это было возможным сделать далеко не всегда, так как производство военной продукции нередко требует специфических материалов и оборудования.

Большая работа по составлению долгосрочного плана развития мобилизационных мощностей была проведена работниками второго отдела в 1958 г. в связи с разработкой нового семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. Сама история появления знаменитой «хрущевской» семилетки связана с необходимостью повышения темпов роста отраслей военно-промышленного комплекса. Тогда наметилось отставание советской оборонной промышленности от американской. Например, даже в области освоения космоса СССР в 1957–1962 гг. провели 166 пусков ракет-носителей (из них 92 военного значения), а США – 348. Таким образом, получалось, что лидерство в освоении космоса было достигнуто не столько превосходством советской промышленности, сколько самоотверженными трудом и талантом отечественных ученых, конструкторов-ракетостроителей, инженеров, рабочих. Естественно, что долго удерживать лидерство преимущественно за счет людских ресурсов было проблематично. Руководство страны приняло решение дополнительно повысить темпы роста отраслей военно-промышленного комплекса. Однако план шестой пятилетки (1956–1960) не предусматривал ресурсов для этой цели. Остро ощущался дефицит стратегических материалов (по прокату черных металлов – 3 млн т, алюминию – 240 тыс. т, меди – 80 тыс. т и т. д.). Не хватало финансовых средств. Уже существовало серьезное расхождение в 35 млрд руб. между реальным товарооборотом и денежными доходами населения, что должно было привести к дефициту товаров народного потребления и инфляции. Выходов было два. Первый – снизить темпы роста валовой продукции мирной промышленности на 6 % и национального дохода на 4 % (то есть не выполнить план), и перебросить ресурсы в военно-промышленный комплекс. Это предложение было внесено Государственной комиссией по перспективному планированию Совета Министров СССР. Второй вариант решения проблемы – досрочно завершить пятилетку, разработав новый семилетний план развития народного хозяйства страны. По политическим и идеологическим соображениям второй план был предпочтительнее первого. В годы семилетки объем поставок военной продукции вооруженным силам планировалось увеличить в 2,5 раза, в том числе ракетной техники почти в 9 раз⁹.

Выполнение таких задач требовало большой организационной работы и решения ряда сложных проблем. Одной из них была упомянутая выше проблема дефицита некоторых стратегических материалов. Эта проблема осложнялась просчетами и недостатками плановой системы материально-технического снабжения, которое практически всегда протекало в сложных условиях. Тем более что, несмотря на децентрализацию управления промышленностью и строительством, система централизованного государственного снабжения сохранялась. Предусмотреть и спланировать детально потребности тысяч предприятий в сырье и материалах было крайне сложно, поэтому просчеты возникали ежегодно. Более того, востребованных материалов нередко объективно не хватало, требовалось административное давление для увеличения их производства. Так проявлялись недостатки плановой экономики. Решали проблему по-разному. Руководство совнархозов прибегало к организации децентрализованных заготовок, однако этот метод не позволял получить многие необходимые промышленные материалы. Практиковалось также перемещение ресурсов от одного предприятия к другому по внутрисовнархозовской кооперации, промышленная переработка имевшихся материалов для производства дефицитных, что нередко приводило к значительному увеличению их себестоимости.

В связи с поставленными задачами и с учетом экономических сложностей управлением оборонной промышленности Челябинского совнархоза в 1958 г. была проведена работа по снижению норм использования дефицитных материалов в оборонной промышленности по горячекатаному прокату на 3,2 %, прокату меди – 0,42 %, латуни – 0,8 %, алюминия – 2,1 %, трубам тонкостенным бесшовным – 27 %¹⁰. Однако снижать нормы использования таких материалов до бесконечности было невозможно.

В этих условиях востребованными оказались мобилизационные резервы. Предприятия разрешили брать сырье и материалы из мобилизационных фондов с условием их скорейшего возврата. Это решение экономически было правильным, но с военно-политической точки зрения вызывало опасения руководства. Тем более что в условиях дефицита восполнить истраченные резервы было крайне сложно. К 20 июня 1958 г. общая задолженность предприятий Челябинского совнархоза перед мобилизационными резервами составляла 8248,24 тыс. руб. Из них Управление металлургической промышленности совнархоза задолжало 7662,5 тыс. руб. Наиболее крупными должниками были Магнитогорский металлургический комбинат (5825,59 тыс. руб.), Златоустовский металлургический завод (901,3 тыс. руб.), Челябинский металлургический завод (935,61 тыс. руб.) Предприятия заимствовали из резервов ферросилиций 45 % (1524,2 т на 185,25 тыс. руб.) и 75 % (616 т на 600,95 тыс. руб.), феррохром (500 т на 1069,05 тыс. руб.), ферромарганец (3122 т на 3158,7 тыс. руб.), ферромolibден (20 т на 1617,6 тыс. руб.), силикомарганец (145 т на 164,3 тыс. руб.) – материалы необходимые для производства прочных качественных сталей, необходимых для изготовления военной техники. По управлению приборостроения и металлургической промышленности завод «Миассэлектроаппарат» задолжал 0,9 т силумина на

4,26 тыс. руб. По управлению легкой промышленности Челябинский кожзавод не вернул во время 2 т хромпика натриевого на 4,18 тыс. руб. По управлению оборонной промышленности завод № 78 (Станкомаш) задолжал 300 т стальных 245 мм. труб на 290,87 тыс. руб., а Челябинский тракторный завод – 320 т 48 мм. стали на 272,96 тыс. руб. Этих материалов не хватало предприятиям из-за имевшегося в стране дефицита и несовершенства системы снабжения. Деление выпускаемой продукции на фондируемую, централизовано-планируемую и планируемую совнархозом привело к тому, что сохраненные общероссийские главснабы бывших министерств обеспечивали материалами производство преимущественно фондируемой продукции. Производство централизованно-планируемой продукции обеспечивалось сырьем и материалами при наличии свободных ресурсов. При этом из-за имевшегося дефицита даже важные виды сырья и материалов нередко поступали на предприятия не равномерно по кварталам года, что вызывало неритмичную работу заводов, то есть допускать авралы по мере поступления материалов и простои оборудования при их отсутствии. Таким образом, например, обстоит дело со снабжением металлургических предприятий феррованадием, силикомарганцем и феррохромом в 1958 г. Большие перебои в том же году наблюдались в снабжении заводов ферросилицием, чугуном переловным и другими важными материалами¹¹. Отсутствие материалов ставило под угрозу выполнение производственного плана, в том числе и на оборонных предприятиях. В этих условиях заимствование материальных ресурсов из мобилизационных фондов являлось одним из удобных способов решения вышеперечисленных проблем. Председатель Челябинского совнархоза М. С. Соломенцев вынужден был издать постановление, запрещавшее заимствование ресурсов из мобрезерва в случае, когда выделенные предприятию снабженческими организациями фонды не позволяли во время их вернуть, а также изымать из резерва слишком большое количество сырья и материалов¹². Однако в тех условиях подобные запретительные меры, как и наличие больших мобилизационных ресурсов, оторванных от реального производства, были объективно экономически невыгодны, и практика использование этих ресурсов в целях выполнения производственного плана продолжалась.

В те годы на предприятиях и снабженческих базах совнархоза существовала проблема острого недостатка складских помещений. Например, в управлении снабжения в 1958 г. из 12133 м² складских площадей складов полностью соответствовало правилам хранения лишь 2700 м². В последующие годы ситуация кардинально не изменилась. Нередко ценные материалы хранились на открытом воздухе, подвергаясь коррозии и порче от атмосферных воздействий¹³. Видимо мобилизационные резервы также не всегда хранились с соблюдением всех требований. А если требования и соблюдались, то занимаемые ими площади могли бы быть использованы для правильного хранения задействованных в реальном производстве промышленного сырья и материалов. В таких условиях отрывать от производства некоторое количество ценных ресурсов было экономически не правильно, однако угроза войны заставляла советское руководство перестраховываться. Руководство предприятий все-таки получило право использовать часть мобилизационных резервов в напряженных производственных ситуациях, особенно при угрозе срыва плановых заданий. Возвращать же в мобилизационный фонд использованные ресурсы за счет потребностей реального производства директора заводов не спешили, что вполне объяснимо с производственной точки зрения.

Руководство совнархоза, видимо, понимало, что мобилизационные запасы сырья и материал лежат мертвым грузом на экономике, и не торопилось их пополнять. Более того, логика борьбы за выполнение производственного плана толкала руководителей на подобные нарушения. В 1961 г. на эту ситуацию обратило внимание Главное управление государственных материальных резервов при Совете Министров СССР, направившее первому секретарю Челябинского обкома партии М. Т. Ефремову 26 августа соответствующее письмо. В нем указывалось, что из 211 изделий, которые Челябинский совнархоз должен было поставить в мобрезерв, к августу месяцу не поступило ни одного. Укомплектование мобилизационных резервов по авиационной и ракетной техники составляло всего 2 %. Это, по всей видимости, было также следствие развернутой советским партией и правительством гонки по производству ракетных вооружений, не позволявшей создавать какие-либо заметные резервы. В фондах мобилизационного резерва не хватало 25495 т черных металлов, проката в мобрезерв было сдано лишь 84,8 т, хотя мобилизационным планом было предусмотрено 794,2 т. Не в лучшем состоянии были фонды цветных металлов, хотя план предусматривал закладку в резерв лишь 17,6 т¹⁴. В это время в состав руководства Челябинского совета народного хозяйства входили: Ф. Д. Воронов (председатель), Т. С. Бакланов, Г. В. Зайченко, А. И. Крицын, А. Т. Ларин, С. И. Петров, В. Ф. Рудаков, А. К. Рухадзе, В. М. Сарычев и др. По документам именно тогда был смещен с должности председателя совнархоза опытный производственник Ф. Д. Воронов. 28 августа 1961 г. он был возвращен на должность начальника Магнитогорского металлургического комбината, которую занимал ранее, сохранив за собой членство в коллегии совнархоза.

В организации мобилизационной работы были и относительно положительные для развития экономики результаты. В частности ежегодно в рамках наращивания мобилизационных мощностей осуществлялось промышленное строительство. Новые производственные мощности при этом могли быть использованы как для производства военной, так и для мирной продукции, хотя в меньшей степени. В 1959 г. в рамках этой работы были введены в действие: стан прокатки тонкого листа на Ашинском металлургическом заводе, электропечь № 6 комплекса первой очереди жаропрочных сплавов на Златоустовском металлургическом заводе (ЗМЗ), цехи № 1 и № 2 на Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК), цех плющенной ленты на Миньярском метизно-металлургическом

заводе, сталепроковочный цех № 2 на Магнитогорском калибровочном заводе, производственные корпуса на заводах № 254 (Челябинский завод сельскохозяйственных машин) и Кыштымском радиозаводе (№ 1). Заканчивалось строительство производственного корпуса на заводе № 255 (Челябинский завод электромашин) и корпуса № 8 на заводе № 114 (Копейский завод Пластмасс). Тем не менее, план строительных работ по этой тематике был выполнен в целом по совнархозу лишь на 68,4 %, в том числе по строительно-монтажным работам на 77,8 %. Не были во время сданы в эксплуатацию ряд важных объектов: цех «Т» с дооборудованием стана «4500», цехи № 1 и № 3 ремонтной базы на Магнитогорском металлургическом комбинате; автомонтажный корпус на Кыштымском радиозаводе; корпус № 15 на заводе № 132 (Симский машиностроительный), электроподстанция и линия электропередачи на заводе № 62 (Челябинский автоматнo-механический). Неудовлетворительно продвигалось более долгосрочное строительство на Челябинском тракторном заводе (цветнолитейный цех), строительство стана «2300/1700» на Челябинском металлургическом заводе, цеха холодно-катанной ленты на Магнитогорском металлургическом комбинате, механосборочного цеха на заводе № 13 (Усть-Катавский вагоностроительный), спеццеха на Копейском заводе пластмасс. При этом ответственные за строительство тресты зачастую более успешно выполняли задания по строительству мирных народнохозяйственных объектов. Так трест «Магнитострой» (управляющий Л. Г. Анкудинов) в целом план выполнили на 100,1 %, а по строительству мобилизационных мощностей – на 54 %. Трест № 42 (управляющий Г. П. Клименко) план выполнил на 91,2 %, а пол строительства цеха цветного литья на Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ) – на 42,4 %. Строительный трест почтовых ящик № 101 (управляющий Н. А. Коробовский) подрядные строительные работы по строительству электромеханического института и мобилизационных мощностей на заводе «Миассэлектроаппарат» выполнил на 39,6 %¹⁵. Во многом это объясняется тем, что успешное выполнение мирных заказов обсуждалось на всех совещания, поощрялось, а за их провал следовали санкции от руководства совнархоза и партийного аппарата. Поэтому выполнение мирных заказов руководители строительных трестов считали для себя первоочередной задачей. Тогда как выполнение закрытых заказов не сулило таких очевидных преимуществ, как общеизвестная репутация успешного руководителя, выполняющего план, а провалы в этой сфере не подлежали огласке. В свою очередь руководство совнархоза указало руководителям строительных трестов на необходимость первоочередного выполнения заказов по строительству мобилизационных мощностей оборонных предприятий. В результате в 1960 г. был составлен еще больший список объектов строительства мобилизационных мощностей, состоящий из 50 пунктов. Работы должны были проводиться на 28 предприятиях различных отраслей промышленности. На металлургических заводах (Челябинский металлургический завод, Златоустовский металлургический завод, Челябинский трубопрокатный завод, Чебаркульский металлургический завод, Магнитогорский металлургический комбинат и т. д.) предполагалось строить плавильные, прокатные, ремонтные цеха и т. д. На номерных предприятиях, производивших преимущественно оборонную продукцию, планировалось построить объекты энергохозяйства, механические цеха, складские помещения, сборочные цеха, различные производственные и административные корпуса и т. д. На Златоустовской швейной фабрике предполагалось построить 2 специальных секции по 110 швейных машин¹⁶.

В первой половине 1961 г. ситуация кардинально не улучшилась, срывы в строительстве оборонных объектов продолжались. Постановлением совнархоза от 27 апреля 1961 г. констатировалось, что трестом п/я 101 неудовлетворительно велось строительство производственных корпусов на заводах «Миассэлектроаппарат», Миасском автозаводе, Кыштымском радиозаводе, трестом № 42 – на Челябинском заводе им. С. Орджоникидзе (Станкомаш), Челябинском кузнечно-прессовом заводе, Челябинском тракторном заводе и т. д. Трест Южуралцветметстрой затягивал строительство 1-ой очереди главного корпуса на уфалейском заводе «Уралэлемент»; Стройтрест Промстрой плохо выполнял строительные работы на Челябинском радиозаводе, Челябинском заводе «Строммашина»; не лучше обстояли дела у стройтреста Златоустметаллургстрой, срывавшего работы по строительству котельной и корпуса № 1 на Катав-Ивановском заводе и т. д. Председателем Челябинского совнархоза Ф. Д. Вороновым было поручено своим заместителям лично контролировать решение этой проблемы. С. И. Петров следил за общим ходом строительства, П. Д. Храмцов – за обеспечением строительства материально-техническими средствами, оборудованием, кабельной продукцией и т. д.¹⁷

Несмотря на трудности, наращивание мобилизационных мощностей продолжалось. На Челябинском металлургическом заводе продолжились работы по созданию мобилизационных мощностей для производства стальных кружков для артиллерийских гильз. Для этой цели осуществлялось строительство комплексов отделочного цеха и реконструкция стана «780» («кварто»). Однако сроки окончания строительства были сорваны из-за необеспеченности нестандартным оборудованием. Завершение работ, планировавшееся в 1960 г. было перенесено на 1961 г.¹⁸ 18 декабря 1961 г. Челябинский совнархоз утвердил проект реконструкции Челябинского тракторного завода на мобилизационный и мирный периоды общей стоимостью 125 млн 836 тыс. руб. Из этой суммы 50 млн 445 тыс. руб. предполагалось истратить на строительно-монтажные работы, 1 млн 679 тыс. руб. на затраты по развитию производственной базы строительства. Проект был направлен на увеличение выпуска танков, танковых дизелей, турбокомпрессоров, УРСов и другой продукции. В результате объем производства в мирное время (программа «Б») в ценностном выражении должен был составить 443,7 млн руб., в военное (программа «А») – 457,8 млн руб. При этом на реализацию программы «А» предполагалось потратить 7 млн 536 тыс. руб., а на программу «Б» – 118300 тыс. руб. Проект был составлен с учетом снижения стоимости строи-

тельства на 11,5 %, снижения себестоимости изделия «272» на 15,7 %, а изделия «А-155» (дизельный двигатель) на 9,6 %. Удалось также снизить трудоемкость изготовления продукции по трактору Т-130 с дизелем в 2 раза, по дизелю «А-155» в 1,9 раза, по изделию «272» в 2,1 раза¹⁹. Пример реконструкции Челябинского тракторного завода показывает, что планируемые различия в объемах производства в мирный и военные периоды отличались приблизительно на 4 %, что говорит о высокой мобилизационной готовности предприятия к войне даже в мирный период. С экономической точки зрения это означает, что завод выпускал значительную часть продукции, которая не могла быть использована в народном хозяйстве. Эта продукция, как и практически любое военное производство не приносило вклада в рост национального богатства, но ложилась тяжелым бременем на государственный бюджет, отнимая ценные экономические ресурсы у других производств, реально укрепляющих экономику страны. Таковы были экономические последствия гонки вооружений в годы «холодной войны».

3 февраля 1962 г. Совет Министров РСФСР утвердил план производства и поставок важнейших видов военной техники и имущества на 1962 г. К таким изделиям в Челябинском экономическом административном районе относились графитированные рули, жидкостные и пороховые двигатели для ракетной техники; тяжелые танки Т-10М, бронекорпуса, башни, траки, катки, отливки броневых деталей, планетарные коробки передач, торсионные валы к ним; танковые двигатели; башни средних танков Т-55; траки штампованные для АТС; наземная радиотехническая система ближнего навигации РСНБ-2 («Свод»); корпуса 100 мм осколочно-фугасных гранат, броневойно-трассирующих снарядов, осколочно-фугасных снарядов к танковым пушкам Д-10Т2С; снаряжение корпусов 100 мм осколочно-кумулятивных снарядов к гладкоствольным орудиям Т-12 («Рапира»), снаряжение боевых частей ракет типа В-750ВН и 1-750В. Мобилизационные резервы материальных ценностей создавались в первую очередь для производства этих изделий. В список предприятий, где планировалось осуществление строительно-монтажных работ по наращиванию мобилизационных мощностей, состоял из 30 наименований: Симский машиностроительный завод (№ 132), Златоустовский машиностроительный завод (№ 259), Челябинский завод сельскохозяйственных машин (№ 254), Станкостроительный завод им. Серго Орджоникидзе (№ 78), Усть-Катавский вагоностроительный завод (№ 13), Челябинский радиозавод (№ 321), Каслинский радиозавод (№ 193), Завод спецтехники г. Кыштым, Южноуральский завод радиокерамики, завод пьезокварца г. Южно-Уральск, завод дорожных машин им. Колющенко, Кусинский машиностроительный завод, Челябинский тракторный завод, Уральский автомобильный завод (г. Миасс), Челябинский кузнечно-прессовый завод, Челябинский завод «Строммашина», Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский металлургический завод, Златоустовский металлургический завод, Челябинский трубопрокатный завод, Чебаркульский металлургический завод, Миныйрский метизно-металлургический завод, Челябинский электрометаллургический комбинат, шахта № 4–6, Обогательная фабрика Коркиных разрезов, Кыштымский медеэлектролитный завод, Челябинский электролитный цинковый завод, Троицкая ГРЭС, Швейная фабрика г. Златоуст, Еманжелинский цементный завод. Особое внимание было уделено наращиванию мощностей по производству прецизионных сплавов в слитках в количестве до 1500 т и производству готовой ленты до 150 т в год на Миныйрском метизно-металлургическом заводе. Для чего за границей было решено закупить один электролизер для получения водорода, необходимого для производства этой продукции. На Челябинском трубопрокатном заводе предполагалось наладить производство легированных баллонов емкостью 400–410 литров в количестве 40 тыс. шт. в год. На Челябинском металлургическом заводе предполагалось разработать мероприятия по освоению технологии прокатки на блюмингах слитков молибденового пермаллоя²⁰.

В конце 1962 г. было проведено укрупнение совнархозов. Вместо 105 в СССР их стало 43. Челябинский, Оренбургский и Курганский совнархозы были объединены в Совет народного хозяйства Южно-Уральского экономического района. Укрупнение совнархозов должно было ослабить местные тенденции, улучшить выполнение кооперированных поставок между предприятиями разных совнархозов, сбалансировать на региональном уровне систему управления промышленностью и т. д. Однако это преобразование не решило проблем военно-мобилизационной работы. В 1963 г. проявились те же тенденции, что и в предыдущие годы. Предприятия по-прежнему не своевременно разрабатывали мобилизационные планы, не выполняли план создания мобилизационных мощностей и резервов. В первом квартале 1963 г. план капитальных вложений для создания мобилизационных мощностей по Южно-Уральскому совнархозу был выполнен лишь на 7,7 % к годовому.

Так проявлялись проблемы существовавшей системы хозяйствования, когда руководство предприятий было ориентировано на выполнение производственного плана по валовой и товарной продукции любой ценой. В этой ситуации остальные многочисленные плановые показатели отходили на второй и даже на третий план. Мобилизационная же работа, направленная на создание ресурсов для гипотетически возможной войны, превращалась для директоров заводов в очередное навязанное сверху и вредное для основного производства (в том числе и оборонного) задание. Тем более уже тогда возникло понимание, что ядерная война может привести к глобальной катастрофе, когда воспользоваться созданными мобилизационными запасами не удастся. Таким образом, срывая выполнение отдельных пунктов мобилизационных планов, руководство предприятий осознано или нет, но объективно способствовало усилению советской экономики, так как от реального производства, как военного – укреплявшего обороноспособность страны, так и мирного – увеличивавшего национальное богатство, в меньшей степени отнимались ценные ресурсы (сырье, материалы и оборудование). Руководство со-

внархозов, скорее всего, понимало вредность отрыва от производства важных сырьевых и материальных ресурсов и не принимало серьезных мер в отношении предприятий нарушителей, не смотря на строгие угрозы в официальных документах.

Более плодотворной выглядит мобилизационная работа по строительству производственных мощностей в рамках мобилизационных планов, так как эти мощности могли быть использованы для производства мирной народно-хозяйственной продукции. Однако как показала практика, строительство засекреченных объектов, не включаемых в официальные отчеты о работе строительных организаций, а значит не приносящих репутации хорошего руководителя, выполнялось трестами гораздо хуже, чем строительство гражданских объектов, результаты которого были на виду. Нередко руководство строительных организаций предпочитало перевыполнить план по строительству мирных объектов, сгладив этим срыв монтажа оборонных.

Таким образом, ориентация высшего советского государственного и партийного руководства на лидерство в гонке вооружений в рамках «холодной войны» оказывала вредное влияние на экономику, из которой в бесплодную, с экономической точки зрения, мобилизационную сферу не всегда оправданно перекачивались дополнительные ресурсы. Местные хозяйственные и производственные руководители вольно или невольно сопротивлялись этому. При этом те же руководители успешно выполняли план производства военной техники, которая поступала непосредственно в войска, понимая, что в тех условиях наличие сильной армии было необходимо для удержания паритета (а значит, мира) в противоборстве держав.

Естественно, что цивилизованное государство обязано содержать сильную, оснащенную передовым оборудованием армию. Тем не менее, расходы на оборону должны быть сбалансированными, учитывающими реальные возможности государства. Перегибы в этой сфере в итоге приводят к ослаблению экономики, а затем и обороноспособности страны.

Примечания

- ¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления 1954–1958 / гл. ред. А. А. Фурсенко. М. : РОССПЭН, 2006. С. 521.
- ² Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР. М. : Высшая школа, 1986. С. 286–287.
- ³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления 1954–1958... С. 535.
- ⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 15. Л. 21–22.
- ⁵ Там же. Д. 484. Л. 63–65.
- ⁶ Там же. Оп. 7. Д. 7. Л. 15, 17, 84, 85, 93, 120, 129.
- ⁷ Там же. Д. 45. Л. 80–84.
- ⁸ Там же. Д. 45. Л. 29–31.
- ⁹ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. : РОССПЭН, 1996. С. 302–303.
- ¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 23. Д. 17. Л. 128.
- ¹¹ Там же. Оп. 9. Д. 50. Л. 9, 70.
- ¹² Там же. Оп. 1. Д. 47. Л. 63–65.
- ¹³ Там. Оп. 9. Д. 50. Л. 77.
- ¹⁴ Там же. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 77. Л. 74–75.
- ¹⁵ Там же. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 273. Л. 19–21.
- ¹⁶ Там же. Л. 22–25.
- ¹⁷ Там же. Д. 402. Л. 85–88.
- ¹⁸ Там же. Л. 24–25.
- ¹⁹ Там же. Д. 403. Л. 27–28.
- ²⁰ Там же. Д. 483. Л. 71–77.

Жарков О. Ю.

РЕАЛИЗАЦИЯ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СССР ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЛУТОНИЕВЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ

Опыт советской экономики в годы Великой Отечественной войны продемонстрировал всему миру эффективность мобилизационной модели экономики, в срочном порядке подчинившей все административные и промышленные ресурсы государства единой цели – противодействию внешней агрессии. Благодаря консолидации усилий Государственного Комитета Оборона, науки и промышленности, в кратчайший срок удалось создать в тылу оплот армии – слаженно работающий оборонно-промышленный комплекс (ОПК), что коренным образом отразилось на дальнейшем развитии военных действий не только на территории СССР, но и в Восточной Европе.

Создание атомной промышленности в стране с колоссальными экономическими и физическими потерями, являлось проблемой, решить которую по мировым масштабам и меркам считалось нереаль-

но. Некоторые исследователи считают, что «...тяжелое положение на фронтах не дало возможности СССР сразу активно включиться в столь сложную и дорогостоящую работу»¹. Действительно, осенью 1942 года сложилась одна из самых переломных ситуаций в войне – сражения за Сталинград и Кавказ. Тем не менее, перевод всей экономики страны на военные рельсы к тому времени был уже завершен и правительство И. В. Сталина приняло решение о создании атомной бомбы. Новый, т. н. Атомный проект СССР, являлся целью, требующей не меньших административных и экономических усилий и затрат от государства, чем предыдущие мобилизационные задачи.

Осознавая политическую значимость предстоящей научной и технической работы по созданию атомного оружия, Государственный Комитет Обороны (ГКО) распоряжением от 28 сентября 1942 года принял на себя общее руководство Атомным проектом². По нашему мнению, общая эффективность руководства ГКО Атомным проектом на начальном этапе является очевидной. Полученный в первые месяцы войны опыт управления в различных экстремальных ситуациях через созданный институт уполномоченных ГКО, позволял членам комитета оперативно реагировать на самые насущные проблемы проекта. При этом исключалась излишняя бюрократизация и заорганизованность, что существенно экономило время для принятия решений. Если исполнение постановлений ГКО на практике зачастую и затягивалось исполнителями, то по множеству объективных и субъективных причин неорганизационного плана: из-за новизны проблемы, отсутствия специальных материалов, экспериментального оборудования и изобретений, научных знаний.

Несмотря на определенные успехи в руководстве проблемой, в период 1942–1943 гг., самый разгар Великой Отечественной войны, ГКО не удалось в необходимых объемах сосредоточить материально-технические и финансовые ресурсы на проекте. Своевременные управленческие решения и подробные постановления, содержащие задания наркоматам и сроки их исполнения, часто составлялись без учета реальных возможностей производства, поэтому не выполнялись. Это было связано с тем, что все наркоматы работали в первую очередь на военные заказы для фронта. Оборонным предприятиям спустились очень высокие планы выпуска вооружений и боеприпасов, за невыполнение которых грозили наказания «по законам военного времени». Пока к осени 1944 г. оккупанты не были изгнаны с территории СССР, наркоматы не могли в полной мере выделить необходимые мощности для атомной отрасли, а войска – демобилизовать квалифицированные кадры.

В 1945 г. были предприняты значительные организационные меры ГКО по объединению разрозненных усилий науки и наркоматов СНК СССР создании атомной промышленности СССР. Причиной тому явились испытания атомной бомбы США и бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки, кардинально повлиявшие на понимание атомной проблемы членами ГКО и СНК СССР.

И. В. Сталин, если до этого и имел сомнения, теперь реально убедился в создании атомного оружия за рубежом, поэтому продолжать Атомный проект на уровне теоретико-экспериментальных научных работ, вероятно, считал недопустимым. Для изменения ситуации требовалось пересмотреть и реорганизовать систему управления Атомным проектом, придать ему статус национального, «программы №1». Измененная система управления должна была обеспечить скорейший переход от лабораторных исследований ученых-атомщиков к промышленному производству ядерного оружия.

Руководство государства понимало, что для успешной реализации замысла необходим орган управления, наделенный широчайшими полномочиями, подконтрольный ГКО. Предложение Л. П. Берии о возложении руководства Атомным проектом на НКВД СССР, путем создания в этом наркомате отдельного Главного управления, было отвергнуто³. И. В. Сталин предложил иной вариант – создать Спецкомитет, который «... должен находиться под контролем ЦК и работа его должна быть строго засекречена»⁴. Причин такому решению, по нашему мнению, несколько. Во-первых, усиление руководящей роли НКВД в деле создания атомной бомбы не входило в планы И. В. Сталина, т. к. государственная «программа № 1» не могла быть решена силами одного ведомства.

Во-вторых, И. В. Сталин руководствовался положительным опытом уже имевшегося Совета по радиолокации при ГКО, созданного постановлением от 4 июля 1943 г.⁵ С образованием Совета, состоящего не только из членов и уполномоченных ГКО, но и ученых, промышленников, руководителей НКВД, осуществление большого комплекса управленческих мероприятий по радиолокации сосредоточилось в едином подконтрольном правительству органе, что в итоге положительно сказалось на решении проблемы. Поэтому, руководящий орган зарождающейся атомной индустрии должен был состоять не столько из опытных политиков, лично преданных Сталину, сколько из руководителей промышленности и науки. И. В. Сталину нужен был орган, такой же мобильный, как ГКО, которому можно было доверить важнейшую задачу, дать для ее реализации почти все рычаги власти над промышленностью и наукой страны, возложить всю ответственность за результат, но решающее слово оставить за собой.

С этой целью, постановлением ГКО от 20 августа 1945 г., был создан Специальный комитет при ГКО во главе с председателем – членом ГКО, заместителем Председателя СНК СССР, наркомом НКВД СССР Л. П. Берия⁶.

Спецкомитет в августе 1945 г. появился по тем же причинам, что и Государственный Комитет Обороны СССР в июне 1941 г. – для жесткого, оперативного, централизованного управления Атомным проектом, которому был придан высший государственный приоритет. Поэтому, Спецкомитет и создавался по подобию ГКО как чрезвычайный государственный орган, ограниченный по составу членов, но с широкими полномочиями.

Спецкомитет, как и ГКО, получил « всю полноту власти »: отныне его распоряжения обязательны для исполнения всеми наркоматами и ведомствами СССР. В случаях, требующих решения Правительства, председателю комитета разрешалось напрямую вносить свои предложения на утверждение И. В. Сталину. Для полного обеспечения Спецкомитета всеми финансовыми и материальнотехническими ресурсами, в Госплане СССР было организовано отдельное 1-е Главное управление⁷.

Механизм управления и принятия решений Л. П. Берия заимствовал в ГКО. Фактически «уполномоченными» Спецкомитета стали руководители АН СССР, СНК СССР, все его наркомы, а также руководители их предприятий и организаций.

Организационные вопросы по Атомному проекту выносились и решались на заседаниях Спецкомитета, на которых присутствовали руководители СНК (СМ) СССР, АН СССР, привлеченных наркоматов, десятки руководителей самого высокого ранга. Результаты оформлялись протоколами, в которых фиксировались решения в виде заданий и устанавливались сроки их исполнения. Во многом, протоколы Спецкомитета копировали стиль распоряжений и постановлений ГКО.

По опубликованным сведениям, за 8 лет работы, в 1945–1953 гг. было проведено около 150 заседаний Спецкомитета⁸. На 64 из них рассмотрено 137 вопросов, касающихся строительства и пуска первого атомной промышленности СССР – комбината № 817 по изготовлению плутония для атомной бомбы (ныне ФГУП «ПО «Маяк»» в г. Озерске Челябинской области).

Самым активным периодом работы Спецкомитета по вопросам комбината № 817 являлись в 1947 г. – 15 заседаний, 21 вопрос; 1948 г. – 16 заседаний, 36 вопросов; 1949 г. – 9 заседаний, 19 вопросов и 1950 г. – 7 заседаний, 31 вопрос⁹. То есть годы активного строительства и пуска первого реакторного, радиохимического и химико-металлургического заводов комбината и отработки их технологий. В дальнейшем число заседаний и рассматриваемых на них вопросов, касающихся комбината, уменьшилось. По нашему мнению, это было связано с передачей большинства управленческих функций по комбинату в ведение Первого главного управления (ПГУ) при СМ СССР. Спецкомитет принимал решения по наиболее принципиальным организационным вопросам, возникавшим в ходе возведения комбината: выбор площадок строительства объектов, режимные мероприятия, обеспечение оборудованием и материалами, финансирование работ, определение ответственных организаций за выполнение в установленные сроки проектирования, строительства, монтажа и пуска основных заводов. Большое внимание уделялось комплектованию кадрами, назначению и укреплению руководящего состава комбината. Все важные решения Спецкомитета оформлялись в виде проектов постановлений и распоряжений Совнаркома (с марта 1946 г. – Совета Министров) СССР.

В Спецкомитете наиболее активную роль играли ученые П. Л. Капица, И. В. Курчатов и руководители Первого главного управления при СНК СССР Б. Л. Ванников и А. П. Завенягин. Членам ГКО Л. П. Берия, Г. М. Маленкову, Н. А. Вознесенскому, зам. председателя СНК СССР М. Г. Первухину и уполномоченному ГКО, секретарю комитета В. А. Махневу отводились, в основном, функции административного управления и обеспечения проекта необходимыми ресурсами. По мнению историка В. В. Алексеева, в работе Спецкомитета имело место «...редкое для советской эпохи единство правящей элиты и науки»¹⁰.

Осознавая, что для принятия ответственных решений придется вникать в огромное количество технических и научных вопросов, правительственным постановлением от 20 августа 1945 г. при Спецкомитете был создан Технический совет¹¹. Деятельность Технического совета заключалась в организации и управлении всеми направлениями научных исследований привлеченных к проекту физикотехнических институтов АН СССР и специальных лабораторий. Совет вел работу по секциям.

10 декабря 1945 г., параллельно Техническому совету, был организован и действовал Инженернотехнический совет (ИТС) при Спецкомитете, председатель М. Г. Первухин¹². В составе ИТС было организовано 5 секций. Деятельность 1-ой секции под руководством М. Г. Первухина и научным руководством И. В. Курчатова была направлена на проектирование и сооружение реакторного завода «А» и радиохимического завода «Б» будущего комбината № 817. Кроме работы секций, ИТС осуществлял научное руководство деятельностью трех КБ и НИИ № 9¹³.

В составе Спецкомитета было образовано и функционировало особое Бюро № 2 под руководством П. А. Судоплатова основной функцией которого являлись перевод и обработка разведанных для рассмотрения Техническим советом с целью использования в Атомном проекте.

Специальный комитет был распущен сразу после ареста Л. П. Берии, решением Президиума ЦК КПСС от 26 июня 1953г.¹⁴ Таким образом, прекратил существование руководящий орган важнейшего начального периода становления атомной промышленности СССР, и в том числе создания комбината № 817.

Следует отметить, что еще до ликвидации Спецкомитета, весьма конструктивно складывались управленческие отношения руководства ПГУ с Совнаркомом, а затем с СМ СССР. Достаточно сказать, что все наиболее важные решения, касающиеся деятельности ПГУ, всегда оформлялись постановлениями и распоряжениями Правительства. Если сравнивать с постановлениями и распоряжениями ГКО СССР 1941–1945 гг., то наглядно видно, что в издании распорядительных документов Правительства СССР, после окончания деятельности ГКО, лидеры все те же – И. В. Сталин и Л. П. Берия.

Таким образом, можно сделать вывод, что И. В. Сталин до марта 1953 г. лично жестко контролировал развитие атомной промышленности, выступал в роли некой последней инстанции, иногда передавая принятия важнейших управленческих решений посредством подписания основных государственных распорядительных документов Л. П. Берии.

Однако начать создание атомной отрасли в августе 1945 г. ГКО и его Спецкомитету было невозможно без образования особого наркомата, способного в кратчайший срок начать эффективно руководить сотнями НИИ, КБ, промышленными наркоматами и их предприятиями. Этот наркомат должен был направить весь имеющийся научно-технический потенциал на строительство, конструирование и монтаж оборудования, внедрение технологий и комплектование производственных коллективов сразу нескольких первых атомных промышленных предприятий, в том числе комбината №817. С этой целью постановлением ГКО от 20 августа 1945 года был образован межведомственный правительственный орган – Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР. Начальником Главка утвердили генерал-полковника инж.-арт.с. Бориса Львовича Ванникова с освобождением его от обязанностей Наркома боеприпасов СССР¹⁵.

Некоторые историки и исследователи сходятся во мнении, что с появлением ПГУ развитие Атомного проекта стало носить ярко выраженный характер мобилизационной экономики¹⁶. Как и вышестоящие государственные органы управления проектом, ПГУ был наделен исключительными полномочиями и привилегиями. Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГКО не имели права вмешиваться в деятельность этого негласного Наркомата атомной промышленности СССР. Главк был подотчетен только Специальному комитету. Даже в финансовых органах, ПГУ и подведомственные ему предприятия и организации освобождались от обязательной регистрации штатов. Финансирование расходов и содержание ПГУ, а также расходов на проведение работ всеми привлекаемыми научно-исследовательскими, конструкторскими, проектными организациями и промышленными предприятиями по заказам ПГУ, решением ГКО относились на союзный бюджет по статье «Специальные расходы ГОКО»¹⁷. Таким образом, одна из основных черт мобилизационной экономики – приоритетное развитие стратегически важных областей промышленности, в атомной отрасли, с первых дней ее создания, проявилась в полной мере.

По нашему мнению, наряду с моделью мобилизационной экономики, важно отметить, что ПГУ и подведомственные ему организации и предприятия явились одними из пионеров нарождающегося этапа становления и развития жесткого системного подхода в управлении промышленными предприятиями в СССР (середина 1950-х – середина 1970-х годов). Это выразилось, в первую очередь, в четкой конкретизации конечных целей – создание и эксплуатация атомных предприятий и методов реализации этих целей – поиск и обеспечение отрасли сырьевыми и материально-техническими ресурсами, научно-экспериментальной базой, кадрами.

В ходе реализации конечных целей, перед ПГУ встали следующие глобальные мобилизационные задачи:

- создать уникальную управленческую отраслевую структуру, не имеющую аналогов в СССР;
- параллельно организовать руководство привлеченными предприятиями, НИИ и организациями, как вошедшими в состав ПГУ, так и других наркоматов. Их необходимо в кратчайший срок перепрофилировать и обеспечить всеми ресурсами, тем самым подготовить полноценную научно-техническую базу для проведения НИР и ОКР, изготовления конструкций аппаратов и оборудования для атомных промышленных предприятий;
- сосредоточить усилия на руководстве проектированием и строительством первых атомных заводов.

Первая задача решалась путем привлечения в ПГУ опытных руководителей и специалистов, преимущественно из индустриальных отраслей, закаленных и практически проявивших себя в годы Великой Отечественной войны при создании ОПК в тылу. Из них укомплектовали первый центральный аппарат ПГУ, состоящий из 6 основных управлений, 8 вспомогательных управлений и отделов и насчитывающий 415 штатных единиц¹⁸.

В дальнейшем, в процессе решения второй и третьей задачи приходилось постоянно проводить реорганизацию в системе ПГУ. Привлечение к проекту всех основных промышленных наркоматов СССР, увеличивающиеся объемы и разнообразие направлений деятельности существенно влияли на структуру и кадровый состав Главка, заставляя Спецкомитет и СМ СССР постоянно их совершенствовать. За период своей деятельности с августа 1945 г. по июнь 1953 г. ПГУ претерпел более 7 крупных структурных реорганизаций, сопровождавшихся зачастую сокращениями административно-управленческого персонала. В апреле 1953 года, за 2,5 месяца до создания Минсредмаша, структура центрального аппарата ПГУ насчитывала 5 управлений и 23 отдела, численностью персонала в 1850 штатных единиц¹⁹. Таким образом, несмотря на частные сокращения штатной численности центрального аппарата ПГУ, к середине 1953 г. она возросла в 4,5 раза по отношению к изначальной. Такое положение было связано с все более нарастающим объемом решаемых проблем Главком и его научно-техническим советом (НТС), которые, вопреки усилению борьбы с бюрократизмом, заставляли увеличивать штаты управленцев. Темпы развития атомной отрасли были настолько велики, что приходилось решать многие не только научно-технические, но и управленческие задачи быстро и по ситуации. Например, необходимо было привлечь новых опытных управленцев и специалистов: привлекли известного металлурга, председателя Комитета стандартов СССР В. С. Емельянова и назначили его начальником Научно-технического управления ПГУ. Заместителя наркома цветной металлургии Е. П. Славского назначили зам. начальника ПГУ и начальником нового Управления спецпредприятий – т. е. первых уже строящихся атомных комбинатов. Обозначилась проблема радиационной медицины – с августа 1946 г. в ПГУ создается медико-санитарная служба во главе с генерал-лейтенантом м.с. А. И. Бурназяном. В связи с болезнью

Б. Л. Ванникова, в 1947 г. в ПГУ вводится вторая должность первого зам. начальника ПГУ, на которую, по совместительству, назначается министр химической промышленности СССР М. Г. Первухин²⁰. В связи с увеличением объема работ по добыче и переработке урана на отечественных и зарубежных месторождениях, 27 декабря 1949 г. постановлением СМ СССР из ПГУ выделяется 1-е Управление (горно-металлургическое) и преобразовывается во Второе главное управление (ВГУ) при СМ СССР²¹. Однако постановлением СМ СССР от 16 марта 1953 г. ПГУ и ВГУ вновь объединяют в составе ПГУ под руководством уже нового начальника Главка А. П. Завенягина²².

В ходе решения второй глобальной задачи, уже в первые месяцы деятельности ПГУ были подчинены несколько предприятий НКВД, Наркомата боеприпасов, привлеченные ранее к работам по Атомному проекту²³. По мере расширения круга проблем и производств в рамках проекта, с годами, состав предприятий ПГУ увеличивался. В марте 1951 г. в составе ПГУ числилось 11 крупных промышленных предприятий с десятками подразделений, в том числе комбинат № 817. Общая численность персонала этих предприятий достигала 63280 человек²⁴.

Кроме того, создание ПГУ инициировало одновременную организацию главков и предприятий в других ведомствах и наркоматах СССР для участия в Атомном проекте. Среди них: Первое управление Госплана СССР, 9 Управление НКВД СССР, Первое главное геолого-разведочное управление Комитета по делам геологии, Главпромстрой НКВД и др.

В ходе решения третьей задачи постепенно складывалась уникальная четырехзвенная система управления атомными промышленными предприятиями. Специалисты ПГУ во взаимодействии с руководителями подведомственных комбинатов и предприятий определяли круг рассматриваемых научных, технических, снабженческих, финансовых, кадровых и административно-управленческих вопросов и проблем. Часть из них, в меру компетенции, решалась на заседаниях Коллегии, НТС и специальных комиссиях ПГУ. Наиболее принципиальные вопросы, требующие решения правительственными инстанциями, выносились на заседания Спецкомитета при СМ СССР. Спецкомитет рассматривал предложения ПГУ, принимал решения и направлял их в виде проектов постановлений или распоряжений на рассмотрение Советом Министров СССР. После издания постановления или распоряжения СМ СССР, начальник ПГУ издавал приказ во исполнение данного постановления или распоряжения, и направлял его руководителям комбинатов и предприятий ПГУ. В соответствии с приказом начальника ПГУ директор комбината № 817 издавал приказ подчиненному персоналу²⁵. Кроме приказов, на комбинат № 817 направлялись протоколы заседаний при начальнике и заместителях ПГУ, протоколы заседаний НТС, велась переписка между главными управлениями и отделами ПГУ и руководством комбината по всем направлениям деятельности²⁶. Таким образом, ПГУ и его предприятия не были лишь «техническими исполнителями» решений Правительства и Спецкомитета. Ежедневно решая колоссальный круг неизвестных ранее советской науке и промышленности производственных и управленческих проблем, определяя «узкие места», руководители ПГУ, начальники его управлений, отделов и директора атомных предприятий являлись непосредственными авторами идей, предложений и оригинальных решений. Зачастую руководство ПГУ представляло в Спецкомитет уже готовые проекты постановлений и распоряжений СМ СССР.

Приказы начальника ПГУ во многом копировали стиль протоколов Спецкомитета и постановлений СМ СССР. Соответственно приказы директора комбината № 817 копировали стиль приказов начальника ПГУ. Таким образом, выработывался деловой, требовательный стиль изложения и оформления распорядительных документов ПГУ, доставшийся «в наследство» его последователю – Министерству среднего машиностроения СССР.

Однако жесткость и требовательность были присущи не только распорядительным документам, но и характеру большинства начальников ПГУ, исходя из своего опыта военной поры, хорошо умевшим сочетать извечную формулу управления – «кнути и пряника». Показателен в этом стиль руководства первого начальника ПГУ Б. Л. Ванникова. По воспоминаниям ветеранов комбината «Маяк», Борис Львович, за невыполнение производственных заданий в указанные сроки, мог незадачливого работника или плохо справляющегося руководителя и в «зону» к заключенным на некоторый срок отправить. Напротив, за ударную и качественную работу он не скупился на поощрения, вплоть до представления работников к Сталинским премиям и предоставления отличившимся в труде краткосрочного отпуска с выездом из закрытого населенного пункта на «большую землю»²⁷. И такая форма руководства не была исключением, скорее нормой, особенно в первые трудные годы становления отрасли. Подобным образом вели себя и другие начальники ПГУ и директора атомных комбинатов. В Атомном проекте мера ответственности была прямо пропорциональна занимаемой должности. Однако, в этом аспекте, следует отметить, что особый статус «программы № 1», трудное, но все же успешное, продвижение проекта обусловили практическое отсутствие массовых репрессий как в отношении ученых и руководителей атомных предприятий и заводов, так и в отношении рядовых работников.

В результате окончательного определения основных направлений по атомной проблеме, функции Спецкомитета по руководству научными исследованиями и конструкторскими разработками атомного оружия постепенно полностью переходят к ПГУ. С этой целью, Постановлением СМ СССР от 9 апреля 1946 г., Технический совет и Инженерно-технический совет при Спецкомитете объединили в Научно-технический совет (НТС) при Первом главном управлении под председательством начальника Главка Б. Л. Ванникова²⁸. Для детального рассмотрения научных и инженерно-технических вопросов в составе НТС организовали пять секций: 1-я секция атомных котлов и тяжелой воды, председатель –

М. Г. Первухин, занималась вопросами возведения реакторов для наработки плутония на комбинате № 817²⁹. НТС и его секции долгие годы возглавляли работу по решению многочисленных технологических проблем развития производства комбината № 817.

С момента принятия решения Правительства СССР о начале работ по строительству атомных комбинатов, Первое главное управление при СНК(СМ) СССР являлось настоящим штабом создания первого атомного предприятия.

По мере возведения атомного комбината, руководители ПГУ Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, Е. П. Славский курировали строительные и монтажные работы с выездом и проживанием месяцами на промплощадке. Приказами начальника ПГУ 1946–1953 гг. назначались и освобождались от работы руководители заводов, устанавливались персональные оклады, распределялись кадры, производились режимные мероприятия, обследования всех видов деятельности, устанавливались льготы и вознаграждения за выслугу лет³⁰.

Испытания первых советских атомной (1949 г.) и водородной (1953 г.) бомб явились успешным завершением Атомного проекта СССР.

Таким образом, в тяжелых условиях Великой Отечественной войны Государственный Комитет Оборона СССР мобилизовав все имевшиеся в стране экономические, технические и кадровые ресурсы сумел создать не только атомное оружие. Была создана и начала быстрыми темпами развиваться новая, тающая в себе множество неведомых ранее трудностей, атомная отрасль промышленности, по своим масштабам не имевшая аналогов в СССР.

Созданные в послевоенный период новые структуры при Правительстве – Спецкомитет и Первое главное управление заложили основы управления первыми атомными предприятиями, отработали механизм планового производства ядерного оружия, подготовки квалифицированных кадров для промышленности, создания и развития инфраструктуры закрытых атомных городов, что в последующем было успешно использовано Министерством среднего машиностроения СССР.

Примечания

¹Алексеев В. В. Влияние атомного комплекса на послевоенное развитие СССР. URL : www.bestreferat.ru.

²См.: Распоряжение ГКО № 2352 «Об организации работ по урану» от 28 сентября 1942 г. // Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. / под общей ред. Л. Д. Рябева. Т. 1. Ч. 1. М. ; Саров, 1998. С. 269–270.

³См.: Ванников Б. Л. Мемуары. Воспоминания. Статьи. М. : ЦНИИАтом-информ, 1997. С. 89–100.

⁴Кочарянц С. Г., Горин Н. Н. Страницы истории ядерного центра Арзамас-16. Арзамас : ВНИИЭФ, 1993. С. 14.

⁵См.: Горьков Ю. А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 37.

⁶См.: Постановление ГОКО № 9887 «О специальном комитете при ГОКО» от 20 августа 1945 г. // Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 1. С. 11.

⁷Там же. С. 12.

⁸См.: Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 1, 5; Алексеев В. В. Указ. соч.

⁹См.: Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 1, 5.

¹⁰Алексеев В. В. Указ. соч. С. 11.

¹¹См.: Постановление ГОКО № 9887 «О специальном комитете при ГОКО»... С. 11–12.

¹²См.: Постановление СНК СССР № 3061-915 «Об организации при Специальном комитете Инженерно-технического совета» от 10 декабря 1945г. // Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 1. – С. 415.

¹³См.: Атомный проект СССР... Т. I. Ч. 2. С. 414.

¹⁴См.: Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 1. С. 4.

¹⁵См.: Там же. С. 13.

¹⁶См.: Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) / Рос. Акад. наук, Ин-т рос. Истории. М. : [ИРИ РАН], 2006. С. 265; Литвинов Б. В. Атомная энергия не только для военных целей. Екатеринбург : УрО РАН, 2002. С. 73–86.

¹⁷См.: Атомн.проект СССР... Т. II. Кн. 1. С. 12.

¹⁸См.: Круглов А.К. Штаб Атомпрома. М. : ЦНИИАтоминформ, 1998. С. 45–46.

¹⁹См.: Атомный проект СССР... Т. II. Кн.5. С. 537–538.

²⁰Круглов А. К. Указ. соч. С. 51–55.

²¹См.: Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 4. С. 388–390.

²²См.: Там же. Кн. 5. С. 533.

²³Этими предприятиями являлись: комбинат № 6 по добыче и обработке урановых руд Ферганской долины; завод № 12 (г. Ногинск, ныне – Электросталь; производство металлического урана); завод № 48 (г. Москва, изготовление деталей опытных установок), НИИ-9 (изучение радиоактивных металлов и технологий их переработки) и ГСПИ-11 (проектирование сооружений для атомной отрасли). Для решения третьей задачи в состав ПГУ были зачислены еще только начавшиеся строительства заводов: № 100 (г. Алексин, опытное производство тяжелой воды), № 813 (Свердловская область, сооружение диффузионного завода по производству урана-235) и № 817. См.: Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 2. С. 398.

²⁴См.: Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 5. С. 642–643.

²⁵См.: ГФ ПО «Маяк». Ф. 1. Оп. 1.

²⁶Там же.

²⁷О жестком характере и поступках Б. Л. Ванникова во время монтажа и пуска первого уран-графитового реактора «А» вспоминает ветеран реакторного производства «Маяка» В. И. Шевченко в своей книге «Первый реакторный завод. Страницы истории» (Озерск, 1998. С. 45); ветеран атомной промышленности с момента ее зарождения, бывший директор комбината «Маяк» Б. В. Брохович в своей книге «Химический комбинат «Маяк». История. Серпантин событий. (Воспоминания) (Озерск, 1996. С. 150) характеризует Б. Л. Ванникова как руководителя, имевшего «...много такта, ...умения, знаний обстановки, смелости, чтобы решать возникающие вопросы атомной проблемы. Ванников ... не лебезил перед Берией и оставался с виду спокойным и выдержанным. Я это видел при трех посещениях Берией нашей площадки. Он возражал Берии, но только обоснованно. Однако и сам требовал наработки плутония неукоснительно, жестко, без всяких скидок». Также см.: Новоселов В. Н. История Южно-Уральского управления строительства / В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков, А. И. Клепиков. Челябинск : НИК, 1998. С. 199.

²⁸См.: Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 2. С. 199.

²⁹Остальные секции НТС: 2-я секция методов диффузионного разделения, председатель – В. А. Малышев; 3-я секция электромагнитного и ионного разделения, председатель – И. Г. Кабанов; 4-я секция химико-металлургическая, председатель – В. С. Емельянов; 5-я секция охраны труда, председатель – В. В. Парин. См.: Атомн. проект СССР... Т. II. Кн. 2. С. 199–200.

³⁰См.: ГФ ПО «Маяк». Ф. 1. Оп. 1.

Карпов В. П.

ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС – ДОСТИЖЕНИЕ ЭКОНОМИКИ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ТИПА

В постсоветский период одни ученые рассматривают Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (ЗСНГК), как «крупнейшее достижение социализма»¹, другие задаются вопросом о целесообразности его создания². Расходятся исследователи и в оценке способности советского государства эффективно руководить экономикой. Почему для 1960–1980-х гг. было характерно прогрессирующее падение темпов роста? Кто-то объясняет это неспособностью директивно-плановой экономики обеспечить эффективность использования современной науки³, другие, – напротив, отмечают в качестве причины постепенный демонтаж мобилизационной, «командной» модели экономики, ее трансформацию в экономику «согласований» и «бюрократического торга», что привело к резкому ослаблению властной вертикали⁴.

С высоты сегодняшнего дня многие события и процессы второй половины прошедшего века оцениваются иначе, чем это делали историки в 1970–1980-е гг. Но как бы мы не относились к существовавшей в советский период административной системе, политике создания гигантских территориально-производственных комплексов, мобилизационной модели экономики, нельзя отрицать исключительность масштабов выполненной на тюменском Севере работы. Очевидно и то, что не может быть однозначного ответа на вопрос об эффективности советской экономики. Мобилизационная модель в процессах индустриального развития страны в целом и отдельных ее регионов, включая тюменский Север, имела свои возможности и ограничения. Не следует подходить к вопросу, не учитывая трансформации советской системы и общества, конкретной исторической обстановки и задач, которые из нее вытекали.

В начале XX века у России не было иного пути кроме модернизации – перехода от традиционного к индустриальному обществу. Огромную роль в осуществлении политики индустриализма, ставшей символом советского строя, играл фактор времени. В своем известном выступлении в феврале 1931 г. И. В. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁵. Форсированная индустриализация потребовала мобилизации всех ресурсов страны на решение главной задачи – развитие тяжелой промышленности, среди всех отраслей которой на первое место Сталин поставил топливо⁶.

Быстрый подъем топливно-энергетического комплекса и всей экономики СССР в конце 1920-х – 1930-е годы стал возможен в условиях жесткого централизованного управления и перераспределения ресурсов. Если в годы НЭПа поиски новых нефтяных районов не велись, то с началом индустриализации нефтепоисковые работы значительно активизировались. Благодаря плановой экономике и финансированию из госбюджета, государственной координации усилий ученых и производителей менялась география нефтяной промышленности, была открыта новая крупная топливная база на востоке страны. «Стратегические энергетические интересы подчас требовали принятия решений, противоречивших чисто рыночной рациональности» – пишет А. А. Иголкин о нефтяной политике СССР в 20–30-е гг.⁷ Советское государство продемонстрировало это и позже, при формировании «Третьего Баку» в Западной Сибири.

Громадные пространственные и ресурсные резервы, оказавшиеся в распоряжении советского государства, открывали большие возможности в выборе стратегии экономического роста. Академик В. В.

Алексеев объясняет этот выбор так: «Парадигма абсолютно управляемой плановой экономики не могла не выразиться в относительно простых, примитивных методах оценки и измерения экономического прогресса. Чисто количественному измерению экстенсивно расширяющейся ресурсно-физической базы нового режима способствовала идеология «осажденной крепости», находящейся в антагонистических взаимоотношениях с внешним миром. В результате экономика стала оцениваться в значительной мере в категориях грядущего мирового конфликта, в военно-мобилизационном духе. Это требовало строгой инвентаризации всего ресурсного потенциала страны, реализации программ по развитию экспортозамещающих производств, «завоеванию технико-экономической независимости страны»⁸. Таким образом, выбор в пользу «эксплуатационной» модели развития богатых природными ресурсами регионов страны был логичен для советской политики индустриализации.

Однако распространение на политику освоения Севера общих приоритетов советской модели индустриализации следует принимать с известными оговорками и уточнениями. Первые подступы советской власти к индустриализации Севера, отмечает историк К. И. Зубков, в силу колоссальных затрат на освоение, не могли не носить очагового характера и ориентировались, прежде всего, на ценность и дефицитность осваиваемых ресурсов (нефть Ухты, уголь Воркуты, апатиты Кольского полуострова, медно-никелевые руды Мончегорска и Норильска, золото, олово и полиметаллы Колымско-Индигирского района) или на удобство путей сообщения для вывоза продукции (лесная и целлюлозно-бумажная промышленность Карелии и Архангельского Севера). По этим причинам в 1920–1950-е гг. громадные территории Крайнего Севера, в том числе и тюменский Север, оставались «тихой заводью» советской экономики, которую фатально обходили волны индустриализации⁹. Ситуация на тюменском Севере коренным образом стала меняться только после Березовского газового фонтана (Ханты-Мансийский округ, 1953 г.), возвестившего, как оказалось позднее, об открытии крупнейшей в мире нефтегазовой провинции.

К началу индустриальной экспансии, связанной с освоением открытых месторождений (начало 1960-х гг.) Тюменская область была огромным аграрным краем, где практически отсутствовали городские поселения. Относительно развитой в промышленном отношении являлась только южная зона Тюменской области, где в середине 60-х гг. проживало 80 % населения. Преобладали лесная, деревообрабатывающая и пищевая отрасли, сосредоточившие более половины основных производственных фондов и 60 % всех промышленных рабочих¹⁰. Явно недостаточен был удельный вес производства электроэнергии и строительных материалов, машиностроения, топливной промышленности, индустриального строительства. В области имелось лишь 200 км дорог с твердым покрытием и 500 км железной дороги, в основном в южных районах.

Благодаря мобилизации огромных финансовых, материальных, людских ресурсов, научных сил и опытных специалистов из старых нефтяных районов СССР в Тюменской области были обеспечены такие темпы и масштабы разработки нефтяных и газовых месторождений, каких не знала ни отечественная, ни мировая практика. Через 14 лет с начала эксплуатации тюменские промыслы получили миллиардную тонну нефти. Азербайджану понадобилось для этого 100 лет, Башкирии – 50, Татарии – 25. Второй миллиард тюменцы добыли уже через 3 года¹¹. Продажа сибирского «черного золота» за период 1974–1990 гг. дала стране по мнению советских экспертов 176 млрд долларов США¹². По оценкам тюменских геологов, стоимость добытых из недр региона нефти и газа – около 1,5 трлн. долларов¹³. По расчетам современных отечественных экономистов только Самотлор принес в бюджет государства 245 млрд долларов при затратах на его освоение и эксплуатацию не более 27 млрд¹⁴.

В регионе осуществлялась общенациональная по своим задачам и значению производственная программа. Если в 8-й пятилетке капиталовложения в нефтяную индустрию региона составляли 19 % к общесоюзному объему ассигнований в отрасль, то в 11-й – 35 %, в газовой отрасли эти показатели увеличились соответственно с 4 до 50 %. В целом, с 1964 по 1990 гг. в развитие ЗСНГК было вложено свыше 160 млрд рублей – больше, чем в строительство БАМа, КамАЗа, ВАЗа, Атоммаша, вместе взятых. Это позволило в короткий срок создать огромный производственный потенциал, который вывел промышленность Тюменской области на передовые позиции в стране, обеспечил в 1990 г. добычу 66,6 % всей отечественной нефти и свыше 70 % – газа¹⁵.

Реализация программы проходила в рамках отраслевого управления, которое на первых порах дало положительные результаты, позволив решить задачу ускоренного развития нефтяной и газовой промышленности, электроэнергетики, транспорта, строительной индустрии. Однако уже в 1970-е гг. обозначились минусы этого принципа, главным из которых была ведомственная разобщенность. На тюменском Севере было задействовано 26 министерств. Стержень отраслевой структуры управления – сквозная система планирования от Госплана до предприятий, нацеленная на отраслевое обеспечение материальными и финансовыми ресурсами. Но в руках одного министерства невозможно было сосредоточить все, что необходимо развитию экономики региона. Многоотраслевые промышленные узлы – Урайский, Сургутский, Нефтеюганский, Нижневартовский, Надымский, Новоуренгойский и другие – со своими социально-экономическими проблемами стали такими же важными звеньями, как и отраслевые объединения.

Проводя параллели между ЗСНГК и его далеким предшественником – прообразом будущих территориально-производственных комплексов – Урало-Кузнецким комбинатом, известные сибирские ученые В. В. Кулешов и В. А. Крюков отдают предпочтение в решении проблемы управления мегапроектом последнему. «Проект Урало-Кузнецкого комбината, - отмечают они, - отличал комплексный

подход – стремление к поиску наилучших сочетаний производственных и территориальных факторов и условий. Комплексному подходу во многом способствовало отсутствие развитого отраслевого принципа в организации управления промышленностью в тот период. К сожалению, как нам представляется, данный подход при реализации другого мегапроекта на территории Западной Сибири – создания и развития ЗСНГК в 60–80-е годы – не получил дальнейшего развития»¹⁶.

Речи партийных и хозяйственных руководителей региона на заседаниях бюро партийных комитетов, пленумов, на партконференциях о необходимости комплексного развития производительных сил области звучали регулярно, но были бесполезны. В советской плановой экономике единственным фактором, реально сдерживающим рост добычи нефти и газа были ресурсные ограничения. Все прочие факторы не могли «противостоять» стремлению экономической системы к экстенсивному саморасширению. Проблема дефицита ресурсов «решалась» путем упрощения производственно-технологической структуры создаваемых объектов, отказа от развития комплексирующих производств в районах нового промышленного освоения (РНПО), игнорирования социальных проблем, возникающих в процессе освоения.

Усилиями всей страны была решена задача, беспрецедентная по сложности и масштабу. ЗСНГК не только помог осуществить реконструкцию топливно-энергетического комплекса СССР, дал импульс развитию многих отраслей промышленности, но и коренным образом изменил облик региона, превратив его из аграрного края в крупный промышленный центр. Однако функционирование нефтегазового комплекса вносило специфические черты в характер экономического роста. Основные промышленные фонды Тюменской области в 1966–1985 гг. увеличились в 65 раз, а удельный вес нефтегазовых отраслей в их структуре – с 5,8 до 78 %. Рост других отраслей промышленности был намного скромнее. Этот перекося увеличился в 1990-е гг. Удельный вес добывающих отраслей в структуре промышленности Тюменской области составил в 1990 г. 84 %, в 2001 г. – 87 %¹⁷.

Издержки сырьевой специализации СССР в международном разделении труда и консервацию этой тенденции в 1990–2000-е гг. исследователи сегодня справедливо связывают с принадлежностью России к эпохе плановой индустриализации и именно той ее модели, которая сформировалась в 1930–1950-е гг. и сохранялась в последующем. После Великой Отечественной войны все больше внимания уделялось тяжелой промышленности, а в ее структуре – добывающим отраслям. Фактор времени в условиях гигантской гонки вооружений по-прежнему играл огромную роль как в разработке советской промышленной политики в целом, так и в реализации концепции промышленного освоения Севера. «Страна не могла ждать десятилетия, пока весь район будет детально изучен...» – пишет о Западной Сибири бывший председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков¹⁸. Поэтому обычная на зарубежном Севере цепь освоения: сначала полная разведка месторождений, затем создание социальной и производственной инфраструктуры в районах нового промышленного освоения (РНПО), и после этого собственно добыча природных ресурсов – была отвергнута. «Нигде в мире, – отмечает бывший министр нефтяной промышленности СССР Л. Д. Чурилов, – не начиналось освоение нового нефтяного месторождения в необжитом районе через 2,5 года после его открытия»¹⁹.

Высокие мировые цены на энергоносители после мирового энергетического кризиса 1973 г. стали дополнительным стимулом к форсированному развитию ЗСНГК. Возможности увеличения экспорта нефти и более тесного участия СССР в международном разделении труда значительно возросли. Изменившаяся конъюнктура цен даже стимулировала сокращение советского экспорта готовой продукции в пользу растущего вывоза сырой нефти. Поэтому многие западные исследователи главными в мотивации быстрых темпов освоения Севера Западной Сибири видели военно-политические и стратегические цели советского руководства²⁰.

Сибирские нефть и газ стали компенсатором неэффективной советской экономики, оказались главным ресурсом СССР в противостоянии с Западом в условиях ожесточенной холодной войны. В результате принятия ускоренного варианта разработки месторождений, освоение северных территорий становилось в перспективе не просто более затратным, но и породило более драматичный, чем на Западе, цивилизационный конфликт между коренным и пришлым населением, северной традиционной и «южной» индустриальной культурами.

Опережающее развитие добывающих мощностей без оглядки на «тылы» – отрасли, обслуживающие добычу, и, тем более, социально-бытовые условия работающих в РНПО, вело к росту диспропорций в развитии региональной экономики. Многие делались в «догоняющем» порядке. «Интересы развития производства «любой ценой» заступали впереди не только человека, но и любого рационального расчета, – отмечает К. И. Зубков. – В частности, при решении проблемы – что необходимо развивать раньше: дороги доступа или производство? – СССР, как правило, склонялся ко второму варианту»²¹. Этот хозяйственный абсурд, когда не дороги прокладывали пути для промышленности и торговли, а наоборот, промышленность и торговля, надрываясь в преодолении бездорожья, тянули за собой дороги, напоминал, по выражению В. А. Ламина, «времена царя-гороха» и обошелся России не только астрономическими материальными потерями, но еще большим ущербом для цивилизационного прогресса ее окраинных пространств²².

Строительство железных и автомобильных дорог, как и объектов перерабатывающей промышленности, энергетики, стройиндустрии, связи на тюменском Севере отставало от освоения месторождений на 5–10 лет. Академик А. Г. Гранберг объяснял это следующим образом: «Министерствам невыгодно «идти» в Сибирь, так как они не хотят нести затраты на создание производственной и социальной ин-

фраструктуры, на привлечение и закрепление рабочей силы»²³. Это верно лишь отчасти. Безусловно, ведомственность была характерной чертой освоения, но принципиальные подходы к осуществлению крупных народнохозяйственных программ сформировались еще в 30–40-е гг. и не претерпели коренных изменений на тюменском Севере, несмотря на декларации о комплексном развитии районов нового промышленного освоения. Концепция развития тюменского Севера, исходила, прежде всего, из задачи превращения северных районов в высокопродуктивные добывающие территории и объяснялась характером предшествующей политики Советского государства.

Необходимость быстрого наращивания объемов нефте- и газодобычи в 70–80-е годы дала мощный импульс развитию транспортной сети в регионе, появлению новых отраслей промышленности, и в этом смысле можно говорить о том, что индустриальная экспансия Центра несла в себе сильнейший момент развития тюменского Севера. Он активно вовлекался в сферу действия социальных, экономических, технологических и культурных процессов, протекавших в центре страны. Но ущербность такой интеграции в том, что она «принципиально не изменяла периферийного положения Севера по отношению к «метрополии» практически во всех видах вышеотмеченных процессов, а кое в чем и усиливала его. Иными словами, позитивный эффект такой интеграции крайне неравномерно распределялся между Севером и развитым центром страны»²⁴. Скажем, в чем особенность развития транспортной сети Дальнего Севера области? Протяженность, конфигурация и техническое состояние автомобильных дорог с твердым покрытием, строившихся с начала 60-х гг., отражали только ведомственные интересы. Несмотря на значительную протяженность дорог, отсутствовала связь с общей транспортной сетью, отдельных населенных пунктов друг с другом, с Салехардом. Плотность автомобильных дорог общего пользования значительно уступала аналогичным показателям соседних территорий. В 1985–1990 гг. протяженность автомобильных дорог в Ямало-Ненецком округе увеличилась более, чем вдвое, но из 758,5 км в 1990 г. 693,9 км дорог были ведомственными и лишь 64,6 км – общего пользования²⁵.

Стратегия освоения нефтегазовых ресурсов Тюменской области с самого начала определилась так, что она специализировалась на поставках газа и нефти, а развитие производств, обеспечивающих функционирование этих отраслей, социальной и производственной инфраструктуры осуществлялось главным образом за пределами Тюменской области, в тех регионах, где это было дешевле и проще. В результате область не имела к 1991 г. достаточной строительной индустрии, производств по выпуску оборудования, товаров народного потребления. Яркий пример ущербности процесса интеграции территории в общероссийскую экономику – газификация Ямала. «Салехард без газа – это же смешно», – говорил Б. Н. Ельцин на совещании в Тюмени в августе 1991 г.²⁶ Но прошло еще почти 10 лет, прежде чем газ пришел в столицу Ямала²⁷. В ноябре 2000 г. руководителю тюменских газовиков (в 1966–1978 гг.) Е. Н. Алтунину был задан вопрос: «В ваше время у государства не было денег на газификацию?» Ответил Евгений Никифорович так: «Никто тогда денег на эти мелкие дела не отпускал. Задачи ставились глобальные, вот на их решение средств никто не жалел...»²⁸ На вопрос корреспондента газеты «Тюменские известия» о том, часто ли территориальные интересы входили в противоречие с государственными, Е. Н. Алтунин тоже ответил примечательно: «Особых территориальных интересов у нас тогда не было. Западно-Сибирский топливно-энергетический комплекс не признавал никаких границ. Он создавался ради экономики государства. И на него работал весь Союз. Округа же были национально-культурными автономиями...»²⁹

Нерыночный характер решений, вытекавших из советской политики освоения тюменского Севера, очевиден. «Однако вряд ли было бы правильно рассматривать сформировавшуюся таким образом региональную структуру экономики как абсолютно противоположную той, что могла бы сложиться под воздействием индустриализации в условиях рынка, – считают уральские историки. – Безусловно, советская структура индустриального производства не опиралась на такую чуткую «сигнальную» систему, какую обеспечивает рынок... Но, тем не менее, нельзя и считать, что советская методология размещения производства полностью игнорировала общепринятые подходы к экономии затрат и достижению высшей производительности. Целый ряд сформировавшихся в 1960–1980-е гг. территориально-производственных комплексов (ТПК) опирался на выгодные территориальные сочетания различных факторов и отраслевых компонентов производства с ориентацией на построение непрерывных технологических «цепочек» переработки продукции (в основном до стадии выпуска полуфабриката). Эти ТПК, сориентированные исключительно на выпуск сырья и полуфабрикатов (нефть, газ, черные и цветные металлы и др.), в наилучшей степени и быстрее всего (хотя и не без применения такого дополнительного фактора экономии затрат, как социальный демпинг) сумели адаптироваться в конъюнктуре открытого рынка, развиваясь в направлении высокопроизводительных экспортно-ориентированных производств»³⁰.

И все-таки решение любой крупной экономической задачи следует оценивать с точки зрения его эффективности не только для страны, но и для региона, взвешивая вклад в развитие не только собственно индустрии, но – и это главное – общества. Ведь добыча газа и нефти, развитие индустрии в целом не могут быть самоцелью. Важно, как воспользоваться индустриальным ростом в общественных интересах. Газ и нефть превратили Тюменскую область в крупнейший топливно-энергетический центр Советского Союза и мира, создав условия и предпосылки для всестороннего прогресса региона. Однако стратегии освоения, адекватной вызову времени, требованиям научно-технической революции, у государства не оказалось. Если в 60-е – первой половине 70-х гг. СССР продемонстрировал возможности экономики мобилизационного типа в решении масштабной общегосударственной задачи, то в услови-

ях начавшегося во второй половине 70-х гг. следующего этапа научно-технической революции советское руководство не сумело правильно отреагировать на новые экономические сигналы. Советский Союз продолжал движение в русле индустриализма, все больше отставая в научно-техническом плане.

В целом, как справедливо отмечают сибирские ученые В. В. Кулешов и В. А. Крюков, в советской плановой, чрезмерно централизованной экономике не были заложены механизмы саморазвития и самосовершенствования отдельных экономических объектов. «Изменение технологии производства, необходимость выпуска новых видов продукции – все это вновь требовало участия и присутствия всевидящего ока центральных органов власти и управления»³¹. Однако резкое нарастание сложности экономической системы как из-за роста масштабов, так и ускорения научно-технического прогресса значительно затрудняло процесс подготовки и реализации решений из единого центра. Особенно заметно это стало с середины 1970-х гг.

В отсутствии конкурентной экономической среды с каждой пятилеткой падали темпы научно-технического прогресса, а некоторые проблемы – например, обеспечение комплекса техникой в северном исполнении – так и не были решены в советский период. Внедрение достижений научно-технического прогресса зачастую не носило комплексного характера, поэтому крайне медленно сокращался ручной труд, доля которого составляла к концу 1980 г. до 40 % в нефтегазовой промышленности и до 60 % в строительстве³². Внедрение научно-технического прогресса в ряде случаев неоправданно затягивалось, капиталовложения на эти цели были незначительными. Если на фундаментальные исследования и разработки они составляли в общей сумме 10 %, на прикладные – 85 %, то на внедрение – лишь 5 %, при оптимальном соотношении 10, 30 и 60 %³³. В результате, недостатка в новинках не было, но производственники их своевременно не получали. Такая ситуация была характерна не только для ЗСНГК, но и для промышленности СССР в целом.

Скорость внедрения научно-технических достижений значительно отставала от зарубежной. Обновление парка машин и оборудования, а также производимой продукции шло чрезвычайно медленными темпами. По оценкам экономистов, в 70–80-х гг. отставание СССР от Запада в области нововведений составляло 15–20 лет, увеличившись по сравнению с серединой 60-х гг. почти вдвое. Средняя продолжительность научно-производственного цикла в СССР составляла в 1970-е гг. 17,5 лет, в то время как в США – 6–8 лет при снижении этого срока к концу 70-х гг. до 4–5 лет³⁴.

У главков ЗСНГК были налажены хорошие контакты со многими институтами и научными центрами. Однако между учеными и производственниками часто становился проектный институт с противоположным мнением. «И это не вина тех или иных работников проектных институтов, – отмечалось на VIII съезде НТО нефтяной и газовой промышленности (1982 г.). – Сама система оценки деятельности проектных институтов по показателям снижения сметной стоимости и сокращению сроков проектирования, ограничения в применении новых, не опробованных еще решений – все это становится тормозом в применении нового»³⁵. На отставании отечественной науки сказался планово-распорядительный характер экономики, слабость ее материально-технической базы, неразвитость научного приборостроения.

Результаты научно-технического развития ЗСНГК трудно оценить однозначно. Бесспорно, сделано было много. На первоначальной стадии освоения Западная Сибирь была своего рода передовым плацдармом, где проходило практическую проверку и получило признание немало технических и технологических новинок в добыче, бурении, строительстве. За счет этого и удалось за короткий срок создать здесь буквально «с нуля» крупнейший в мире нефтегазовый комплекс. Однако в последующем новаторские традиции первопроходцев во многом были утеряны. Темпы добычи заслонили остальные проблемы, хотя новые, основанные на достижениях научно-технического прогресса, решения нужны были в 1980–1990-е гг., может быть, больше, чем когда-либо прежде.

Затруднения в сфере научно-технического прогресса, замедление его темпов на втором этапе развития комплекса (с середины 1970-х гг.), были вызваны ухудшением уровня партийного и хозяйственного руководства не столько на региональном уровне, сколько на общегосударственном. Ситуация в ЗСНГК как в зеркале отражала общую ситуацию в стране. Центральные органы власти не успевали своевременно реагировать на новые экономические сигналы, идущие из РНПО, утрачивали возможность контролировать выполнение собственных решений. Не забывали они спрашивать об одном – о планах добычи нефти. Между тем, в начале 80-х гг. в Западной Сибири накопился такой узел проблем, для разрешения которых требовались чрезвычайные меры. Они были предприняты не в сфере научно-технического прогресса. Преодолеть трудности руководство СССР пыталось безудержной эксплуатацией природных и людских ресурсов. Это не могло решить проблем комплекса в принципе, а только отодвинуло их на время, до начала 90-х гг., когда задача разубить узел накопленных противоречий встала уже перед руководителями другой страны – постсоветской.

К просчетам, последствия которых носят долговременный характер, следует отнести недостатки в планировании и управлении материальным производством, ошибки в инвестиционной политике, как в производственной, так и социальной сфере, несогласованность действий подразделений различных отраслей, привлеченных к освоению нефтяных и газовых ресурсов региона. Но все эти недостатки, как было показано выше, – следствие советской модели индустриализации, принципиальные основы которой оставались неизменными с 1930–1950-х гг. Советское руководство не сделало правильных выводов из кризиса западного индустриализма и своевременно не перестроило свой курс, «что в совокупности с внутренней эрозией советской власти привело к краху СССР, несмотря на то, что у него были

определенные предпосылки как в материальной, так и в интеллектуальной сферах для постепенного перехода к новой модели развития»³⁶.

В 2000-е гг. многим ученым стало ясно, что подлинная противоположность социализма и капитализма (который невозможно воспринимать в виде некой унифицированной модели развития) заключается не в идеологическом проспективизме, а в полярности представлений о возможных пределах вмешательства государства в экономику и регулирование социальных отношений. С одной стороны, свою несостоятельность показал полностью свободный рынок, несущий в себе элемент стихийности и угрозу обществу (ярким примером чего служит мировой кризис, разразившийся с 2008 г.), с другой стороны, ущербной оказалась практика прямого директивного вмешательства советского государства в экономику, продемонстрировавшая, тем не менее, преимущества централизованной плановой экономики в чрезвычайных условиях войны и при реализации масштабных хозяйственных проектов. Самый крупный инвестиционный проект послевоенного СССР – создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса – был осуществлен также в результате мобилизации государством всех ресурсов страны.

«Великий триумф, – пишет М. В. Славкина, – прорыв нефтяников и газовиков в Западную Сибирь, а тяжкая трагедия – то, как триумфом распорядились»³⁷. С этим трудно спорить. Но не следует забывать, что «триумф» состоялся благодаря советской системе, которая в 50–60-е гг., начале 70-х действовала достаточно эффективно. Несмотря на издержки мобилизационных методов политики создания новых топливных баз, путь, пройденный отечественной нефтяной и газовой промышленностью от Баку до Тюмени – это свидетельство прогресса в области науки, техники, организации труда, управления, подготовки кадров. Без плановой, централизованной экономики, концентрации усилий на сибирском направлении «прорыв» на тюменский Север вряд ли был возможен. Такое не по силам частным компаниям. Последующий кризис советской системы, в свою очередь, объясняет, почему произошла «тяжкая трагедия».

Примечания

¹ Янин А. Н. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс – крупнейшее достижение социализма // Сибирский посад. 1994. № 3. С. 3.

² Трейвиш А. Теоретическая география, геополитика и будущее / А. Трейвиш, В. Шупер. – Свободная мысль. 1992. № 12. С. 23–33.

³ Артемов Е. Т. Научно-техническая политика государства в советской модели трансформации общества / Е. Т. Артемов, Е. Г. Водичев // Социальные трансформации в Российской истории : доклады Межд. науч. конф. Екатеринбург ; М., 2004. С. 216.

⁴ Сенявский А. С. Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.) // Там же. С. 98.

⁵ Сталин И. В. О задачах хозяйственников. Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1953. С. 362.

⁶ Сталин И. В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии // Сочинения. Т. 8. М. : ОГИЗ, 1948. С. 120.

⁷ Иголкин А. А. Нефтяная политика СССР в 1928–1940 годах. М. : ИРИ РАН, 2005. С. 6.

⁸ Алексеев В. В. Регионализм в России. Екатеринбург : УрО РАН, 1999. С. 101.

⁹ Цит. по: Зубков К. И. Индустриальное и социокультурное развитие Ямала в XX веке: типология северного освоения в российском преломлении // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 138.

¹⁰ Очерки истории Тюменской области / отв. ред. В. М. Кружинов. Тюмень, 1994. С. 212.

¹¹ Карпов В. П. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова. Тюмень, 2002. С. 72.

¹² Катасонов В. Ю. Великая держава или экологическая колония? М., 1991. С. 31.

¹³ Карпов В. П. Нефть во внешней политике и торговле Советского Союза в 1960–80-е годы / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2002. № 4. С. 119.

¹⁴ Стефаненко С. Бессменный лидер. Западная Сибирь остается крупнейшим нефтедобывающим регионом России // Нефть России. 2009. № 1. С. 49.

¹⁵ Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Тюмень, 2005. С. 70, 297.

¹⁶ Экономическое развитие Западной Сибири в XX веке (дискуссионные материалы) / В. В. Кулешов, В. А. Крюков. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2000. С. 23.

¹⁷ Статистический ежегодник : Тюменская область – 2001. Тюмень, 2002. С. 14; Очерки истории Тюменской области. С. 220.

¹⁸ Нефтяная эпопея Западной Сибири. М., 1995. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 31.

²⁰ Тимошенко В. П. Советский опыт освоения азиатской России: взгляд с Запада // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 268–269.

²¹ Зубков К. И. Указ. соч. С. 132–133.

²² Ламин В. А. Аналитический обзор методологии исследований истории регионального социально-экономического развития // История Ямала: дискуссии и научные решения. Салехард ; Екатеринбург, 2006. С. 35, 36.

²³ Советская культура. 1986. № 36. С. 3.

- ²⁴ Зубков К. И. Указ. соч. С. 132.
- ²⁵ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3329. Л. 26.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7848. Л. 35.8
- ²⁷ Тюменские известия. 2000. 10 ноября.
- ²⁸ Соротники: Поколение Виктора Муравленко / сост. С. Великопольский и Ю. Переплеткин. Тюмень, 2002. С. 37.
- ²⁹ Там же. С. 38.
- ³⁰ Алексеев В. В. Региональная политика в России : проблемы и решения / В. В. Алексеев, К. И. Зубков, Ф. Г. Сайфитдинов // Наука. Общество. Человек. Информационный вестник Уральского отделения РАН. № 3 (13). Екатеринбург : УрО РАН, 2005. С. 132.
- ³¹ Кулешов В. В. Проблемы развития Западной Сибири в XX веке – повторение пройденных уроков? / В. В. Кулешов, В. А. Крюков // ЭКО. 2000. № 12. С. 33–34.
- ³² Тюменская правда. 1981. 13 августа.
- ³³ Пашков Н.М., Карпов В.П. Научно-техническое обеспечение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: опыт и проблемы // Нефть и газ Западной Сибири. Т.3: Тезисы докладов IV областной научно-практической конференции. – Тюмень 1987. – С. 190.
- ³⁴ Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – С. 209.
- ³⁵ ГА РФ. Ф 5587. Оп. 18. Д. 2190. Л. 108.
- ³⁶ Алексеев В.В. Россия между индустриализмом и постиндустриализмом // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 5.
- ³⁷ Славкина М.В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960-1980-е годы. – М.: Наука, 2002. С. 188.

Коньшева Е. В.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 08-04-85403 а/У.

Политика советской индустриализации второй половины 1920–1930-х гг. предполагала целенаправленное создание новой промышленной зоны в восточных регионах СССР в рамках формирования военно-промышленного комплекса¹. Стратегические соображения предопределили образование так называемого Урало-Кузнецкого комбината – многоотраслевой агломерации на базе объединения производственных мощностей заводов Сибири и Урала, большую часть которых еще только планировалось создать, а уже имевшиеся – модернизировать. Исходя из ресурсных возможностей и местной «промышленной традиции» акцент был сделан на угледобывающей, металлургической и машиностроительной отраслях. В конце 1920-х – 1930-е гг. были заложены Магнитогорский, Кузнецкий (Новокузнецк), Бакальский (Челябинск), Орско-Халиловский (Новотроицк) металлургические комбинаты, Челябинские тракторный и станкостроительный, Уральский машиностроительный (Екатеринбург), Уральский вагоностроительный (Нижний Тагил), Орский локомотивостроительный и никелевый заводы и др.

Мобилизационная составляющая во многом определила и принципы нового, социалистического, расселения, включавшего межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов в плановую систему, исключая действие естественных экономических законов². Формирование на Урале крупномасштабного индустриального центра обусловило превращение его за короткий промежуток времени в высокоурбанизированную территорию. К 1926 г. общая численность населения Урала была в пределах 9,5 млн человек, в 1939 г. – уже 12,4 млн. Если в 1913 г. доля проживавших в городах и крупных поселениях составляла 13,72 % от всего числа уральских жителей, то в 1939 г. – 45 %³. Промышленный город стал с этого времени определять облик региона.

В схеме расселения градообразующим фактором предполагалось промышленное предприятие, и развитие моногорода, рассматриваемого как поселение при производстве, определялось именно производственными задачами, а не потребностями городского гражданского общества. В этих условиях на рубеже 1920–1930-х гг. оказалась востребованной концепция «социалистического города», понимавшегося как промышленно-селитебный комплекс с организованным коллективизированным и регламентируемым бытом трудящихся. Такое решение соответствовало не только принципу максимальной приближенности жилья к месту приложения труда и компактному размещению трудовых ресурсов (оптимальному с точки зрения функционирования производства), но и идеологическим представлениям об организации жизни рабочего человека, вся деятельность которого подчинена задаче служения социалистическому государству. На Урале в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. был создан целый ряд подобного рода крупных промышленно-селитебных образований, как например Уралмаш в Свердловске, Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский тракторный завод и др.

Анализ проектных материалов, разнообразных сопутствующих документов, планировочной и архитектурной организации соцгородов, дает возможность рассмотреть процесс становления нового промышленного города, формирующегося в соответствии с экономическими, социальными, политическими, идеологическими установками государства. С исторической точки зрения интерес представляют не только выстроенные (в разной степени соответствия изначальному замыслу) поселения, но и оставшиеся лишь в проектных материалах. Фантастические цифры индустриализации, заложенные в план первых пятилеток, не соответствовавшие инвестиционным возможностям государства, обусловили невозможность реализации всех грандиозных проектов – так, например, до конца 1930-х гг. – начала 1940-х гг. на Урале было заморожено начатое строительство сразу трех металлургических предприятий – Бакальского, Орско-Халиловского, Нижнетагильского. Однако промздания для этих предприятий, содержащие обязательный градостроительный аспект, имеют самостоятельную значимость как документы, зафиксировавшие градообразующие приоритеты.

В данном небольшом исследовании в качестве источников будут привлечены материалы по проектированию и строительству в конце 1920-х – 1930-е гг. соцгородов Южного Урала – Магнитогорска, Нового Орска, Челябинских тракторного и металлургического (Бакальского) заводов.

Сущность соцгорода как промышленно-селитебного образования изначально предполагала его непосредственную связь и всеобъемлющую зависимость от градообразующего предприятия. Проектирование и застройка поселения не относилось к сфере гражданского строительства, а находилось в ведении того промышленного управления, которому принадлежал завод. Это было закреплено в «Положении о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, производимому ВСНХ СССР, высшими советами народного хозяйства союзных республик, их местными органами и подведомственными им предприятиями и учреждениями», изданном СНК СССР в ноябре 1927 г.⁴ В этой ситуации выбор площадки для строительства предопределялся возможностью максимально полно обеспечить производственные циклы, размещение рабочего поселка и, тем более, перспективы его территориального развития, оставались на втором плане.

Особенно острой ситуация оказывалась для новых населенных пунктов, являвшихся элементами планируемых крупных промышленных районов, как, например, поселения Орско-Халиловского промышленного узла. Уже в процессе проектирования отмечалось, что районная планировка учитывает «интересы в первую очередь только промпредприятий, привязывая населенные пункты к уже избранному и зафиксированному промышленным предприятием...»⁵ Проектируя самое крупное поселение района – город Новый Орск, райплан настаивал на немедленном начале строительства города, «не дожидаясь окончательного разрешения всех остальных вопросов, связанных с районной планировкой и могущих в дальнейшем повлиять на то или иное направление последующего развития города... Все такого рода изменения могут быть учтены впоследствии при рассмотрении очередных этапов развития города»⁶. Выбор территории для Нового Орска был произведен при наличии уже свершившегося факта закладки промплощадок, вследствие чего город оказался на «зажатой» территории между р. Елшанкой на востоке, горной возвышенностью на западе и поймой р. Урал на юге. При этом расстояние до Халиловского промузла (в будущем Новотроицке предполагались металлургический комбинат, коксохимический и азотнотуковый заводы) составляло только 5–6 км, что в перспективе подвергало воздушную среду города систематическому сильному загрязнению. Такое положение совсем неудивительно с учетом того, что планировка Орско-Халиловского района велась изолированно несколькими организациями: Орск проектировался Горстройпроектом, Халилов – Академией коммунального хозяйства, в целом разработку районной планировки вел Промстройпроект.

Положение обострялось и тем, что уже изначально Новый Орск закладывался как аморфное поселение-конгломерат, что было связано все с той же проблемой несвязанного между собой ведомственного проектирования. К началу проектировки города были определены промышленные территории только для Локомотивостроительного и нефтеперегонного заводов, остальные площадки (никелевый и металлургический заводы, мясокомбинат) принимались в расчет лишь условно, поскольку были окончательно не установлены. Связи между поселениями при этих предприятиях (именовавшихся соцгородами), а также со старым Орском, не были разработаны⁷.

С аналогичной проблемой невозможности целостного градостроительного развития столкнулся в 1930-е гг. Челябинск. За годы первой и второй пятилеток на его северной и восточной периферии было заложено 30 промышленных предприятий с сопутствующими рабочими поселками. Территория Челябинска увеличилась к 1932 г. с 4,7 тыс. до 15 тыс. га, а к 1940 г. – до 20 тыс. га, общие размеры промышленных территорий к середине 1930-х гг. в административных границах города составили 6 %, а вместе с жилыми поселками – 24 % селитебной части⁸. Новый Челябинск также являл собой мозаичную картину из старого города и промышленно-селитебных образований.

Даже при проектировании моногорода проблемы взаимоотношения промышленного предприятия и поселения не становились менее острыми, примером чему является Магнитогорск. Размещение промышленной площадки Магнитогорского металлургического комбината на восточном (левом) берегу р. Урал и направление ее перспективного роста оставляло лишь небольшой участок для города. Он оказывался зажатым в седловине между невысоким горным массивом и цепью холмов, а западной стороны был ограничен территорией предприятия, отрезающей, кроме того, будущий город от воды. Уже в 1930 г. пришлось «признать, что, к сожалению, при расположении завода не учли место, необходимое для города»⁹. Тем более что чрезвычайная вредность производства и специфический неустойчивый ветровой режим

степной территории делал левобережную зону подверженной сильному загрязнению. В том же 1930 г. развернулась многолетняя дискуссия по проблеме переноса поселения с левого берега на правый, как в капле воды отразившая градостроительные проблемы эпохи великих промышленных строек.

При рассмотрении данного вопроса существенно то, что изначально «...вся планировка завода... запроектирована к осуществлению из расчета постройки города на левом берегу...», и это фиксировали эксперты Правительственной комиссии по рассмотрению и утверждению проектов строительства Магнитогорска¹⁰. С точки зрения сиюминутных производственных интересов это был наименее затратный вариант, дающий возможность разместить рабочую силу и обеспечить ее минимальными жилищно-бытовыми условиями в непосредственной близости от предприятия. Кроме того, к моменту, когда в мае 1930 г. был впервые серьезно поднят вопрос о переносе города на другой берег, на левобережье уже существовал обширный массив временной барачно-земляночной застройки. Экспертные архитектурные и инженерно-технические группы при Правительственной комиссии, заседавшей в декабре 1930 – январе 1931 гг., высказывались однозначно за правобережный вариант, за него также активно выступали Наркомпуть, Государственный институт сооружений, Наркомздрав, Гидрометбюро, Свердловская областная планировочная комиссия, Свердловский облисполком, Уралкоммунотдел, Уральский экспериментальный институт сооружений, Магнитогорский Горсовет¹¹. Несмотря на это, Постановление Правительственной комиссии утвердило в качестве основного объекта застройки левый берег. Выбор левобережного варианта был обеспечен мощным промышленно-финансовым лобби – ВСНХ СССР, Цекомбанком и Магнитостроем¹².

Проектная группа Цекомбанка под руководством Э. Мая¹³, получившая заказ на проектирование левобережного города, прекрасно понимала приоритетные задачи, недвусмысленно выраженные государственным заказчиком. Факторы, которые называл Э. Май, объясняя выбор менее удачного левобережного варианта, сводились к главному, экономико-производственному: более удобная взаимосвязь жилой зоны и предприятия, а значит и значительная финансовая экономия с точки зрения оптимизации транспортной инфраструктуры, сокращение временных затрат на доставку рабочей силы, сохранение результатов уже вложенных значительных средств в постройку временного города. Задача тесной связи города и предприятия оставалась главной и во всех дальнейших проектных решениях. Так, в третьем, последнем, варианте генплана левобережного города (1933) сокращалась восточная, наиболее удаленная от промзоны, часть южного города и расширялась застройка северо-западной и западной частей, располагавшихся вдоль южной грани ММК¹⁴. Немаловажной в выборе решения явилась и непосредственно военно-оборонная составляющая. Интересно замечание Э. Мая в ходе обоснования левобережного варианта о том, что «...нужно учесть и некоторые стратегические соображения. СССР является таким государством, которое, безусловно, с этим моментом должно считаться. Если бы нападение уничтожило этот соединительный путь (дамбу между заводом на левом берегу и планируемым городом на правом. – Е. К.), то сообщение между городом и производством было бы совершенно уничтожено...»¹⁵ Стратегическая важность объекта была подчеркнута в проекте и размещением между предприятием и левобережным городом военного городка (с центральной казармой, клубом Красной Армии и многочисленными вспомогательными зданиями), запланированного в соответствии с «Программой для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка...», утвержденной СТО и Госпланом в сентябре 1930 г.¹⁶ Задачи военной части, размещенной в далеких от внешних «враждебных» границ зауральских степях, не были военно-оборонительными, а являлись, скорее, мобилизационными – по организации быстрого перевода производства и гражданского населения на военное положение и, в случае необходимости – карательными. Проектируемый военный городок – зримое свидетельство изначально запланированного ассимилированного военно-гражданского производства на ММК и значительной роли этого фактора в организации жизни города при подобном предприятии¹⁷.

Только в ноябре 1933 г. было принято Постановление СТО СССР о строительстве города на правом берегу р. Урал, развернутое в Постановлении Магнитогорского Горсовета, намечавшее перспективную численность населения правобережного города к 1950 г. в 200 тыс. человек, а левобережное поселение ограничивавшее в росте до 28 тыс. человек¹⁸. Однако реальное воплощение этого документа оказалось отложенным на многие годы. По генплану Магнитогорска на 1 января 1938 г. в правобережной части города должно было быть выстроено 150 000 кв.м. благоустроенной жилплощади, в действительности же не было сдано ни одного квадратного метра. К 1946 г. жилой фонд в правобережье составлял лишь 8 % от общего количества жилья¹⁹. Проблема затрудненной взаимосвязи предприятия и рабочего поселения, еще и в условиях отсутствия финансовых вложений в развитие инфраструктуры правого берега во второй половине 1930-х – 1940-е гг., предопределила на многие годы «замораживание» строительства правобережного Магнитогорска.

Градообразующая роль промышленного предприятия определяла размеры, перспективы и направление территориального развития рабочего поселения, ставя их в непосредственную зависимость от производственных циклов и мощностей завода. Корректировка этих данных было обычным делом вследствие изменений установок правительства, объема инвестиций, смены проектирующей организации, и многих других причин, обусловленных коренными недостатками системы промышленного строительства (яркие примеры чего дает история проектирования и постройки ММК и ЧТЗ, что является отдельной темой для исследования). Проектировщики, например, левобережного Магнитогорска вынуждены были на протяжении 1929–1933 гг. перманентно изменять схемы развития города, учитывая территориальное перемещение очистительных прудов, строительство обогатительной фабрики,

изменения в установленной протяженности зон санитарного разрыва и т. п. Проектируема численность населения, как на ближайшую перспективу, так и на расчетный период, менялась на протяжении короткого времени достаточно существенно. Так, например, Новый Орск планировался первоначально как соцгород Локомотивстроя с количеством населения на конец расчетного периода (1947 г.) в 85,5 тыс. человек. При последующей корректировке проектная численность населения была увеличена до 139 тыс., а затем еще повышена до 150 тыс., и все это на протяжении только 1934 г.²⁰ Проектная численность населения Магнитогорска на протяжении 1929–1931 гг. претерпела эволюцию от 20–25 тыс. до 200 тыс. человек. Промздание тракторного завода в Челябинске (1930) предусматривало рабочее поселение на 68660 человек, «Программа для эскизного проекта...» (1930) – на 37500, и при этом в том же 1930 г. разрабатывался генплан рабочего города на 50 тыс.²¹ Заложником таких «скачков» оказалась, например, группа Э. Мая, рассчитывавшая возможности левобережного Магнитогорска предельно на 80 тыс. чел (что вполне допускала имевшаяся территория), и оказавшаяся перед фактом строительства 200-тысячного города на крайне малом участке.

Жесткая территориальная привязка поселения к промышленному предприятию предопределялась не только экономическим фактором, но и социальным – новый социалистический город понимался не как многогранное гражданское сообщество, а исключительно как пролетарский центр. Такое положение зафиксировано, например, и в «Программе для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода» в Челябинске (декабрь 1929 – январь 1930 г.)²², и в Постановлении СНК РСФСР «О строительстве Магнитогорского комбината и поселка при нем» (ноябрь 1929 г.), которое трактовало новый социалистический Магнитогорск как «чисто пролетарский город, полностью связанный с работой Metallургического комбината»²³.

В таком пролетарском городе все трудоспособное население должно было быть задействовано в производительном труде и общественной работе. В соответствии с этим, численность населения рассчитывалась исключительно по методу трудового баланса, в основе которого лежало подразделение всего населения на градообразующую («привязанную» непосредственно к потребности в рабочей силе промпредприятия) и обслуживающую группы, с учетом коэффициента семейности и процента холостяков. При таком подходе исключалось незапланированное, естественное (с точки зрения государства – стихийное) изменение численности населения и его структуры²⁴. Примеры такого расчета дают Плановые и проектные задания к проекту застройки первой очереди соцгорода Локомотивстроя («Горстройпроект», 1934), Заключение райплана по технико-экономическим обоснованиям к проекту соцгорода Орска (1934), Промздание на постройку завода 40000 тракторов «Катерпиллер» в Челябинске (1930), Проектные задания промгорода Бакальского стального завода («Стандартгорпроект», Ленинградское отделение, 1932)²⁵. Расчет по методу трудового баланса понимался, в том числе, и как путь значительной экономии средств в гражданском строительстве за счет сокращения доли несамодеятельного населения и включения его в градообразующую или обслуживающую группы. Касалось это, прежде всего, женщин, работа которых непосредственно на предприятии позволяла существенно сократить число населения, не связанного с заводом и, что немаловажно, превратить их из идеологически пассивных домохозяек в активных участников социалистического строительства. Так, авторы Промздания на постройку тракторного завода рассчитывали только за счет привлечения женского труда на производство уменьшить расчетную численность населения рабочего поселка с 68660 до 40000 человек²⁶.

Организация жизни в пролетарском городе основывалась на объединении в трудо-бытовые коллективы. Таким образом, становилось возможным регламентировать частную жизнь и создать условия для эффективной военно-трудоу мобилизации населения. Уже в Программах на проектирование соцгородов оговаривались социально-бытовые стороны существования населения соцгорода «в условиях, освобождающих от забот по ведению индивидуальных хозяйств, но с активным участием трудящихся во всех видах коллективного хозяйства и быта своей коммуны»²⁷. Интересна акцентировка социально-идеологической сущности промышленного города, отраженная в проектном задании промышленного города Бакальского стального завода в Челябинске. С точки зрения авторов, предприятие «по своей мощности и характеру производства является ценнейшей жемчужиной в комплексе промышленных гигантов района» и, соответственно, «завод и район будут центром, притягивающим многочисленные экскурсии со всех концов Союза и из-за границы...». В связи с этим предлагалось «дать показательный город социалистического типа, т. к. по своему положению этот город может служить могучим орудием пропаганды устройства быта трудящихся на социалистических началах»²⁸.

Однако в конце 1920-х гг. социальный монолит нового рабочего города еще только предстояло создать из весьма пестрого состава первостроителей. Из разных регионов России на «ударные стройки» прибывали рабочие – и «идейные» добровольцы, и завербованные по нарядам Наркомата труда, и направленные по комсомольским и партийным путевкам. Основную массу строителей и будущих заводских рабочих составляли, конечно, крестьяне. Способ их привлечения весьма показателен с точки зрения мобилизационной экономики, где фактор материальной заинтересованности и отраслевой конкурентности выносился за скобки. Поток крестьян на стройки резко увеличился в 1931 г. – спасались от коллективизации, надеясь на лучшую долю в городе, или укрываясь от более жестких последствий раскулачивания. С этого же времени активно стала применяться политика договоров с колхозами, которые «поставляли» рабочую силу в порядке отходничества. О масштабах распространения такой вербовки рабочей силы для местной промышленности свидетельствует циркуляр Уральского областного

отдела труда, распространенный в апреле 1930 г., где указывается, что почти полностью потребность в рабочих (27 тыс. чел.) должна быть удовлетворена колхозниками-отходниками²⁹. К концу 1931 г. половину рабочих на строительстве ЧТЗ составляли крестьяне-отходники, в 1932 г. их насчитывалось более 7 тыс.³⁰ На Челябинском ферросплавном заводе (первом предприятии еще одного промышленного гиганта – электрометаллургического комбината) из 871 человека, пришедшего на завод в 1932 г., крестьяне составили 555 человек, на конец 1932 г. на предприятии рабочих по положению было только 420, в то время как крестьян 717³¹.

Однако отходничество нельзя было считать решением острой проблемы обеспечения трудовыми ресурсами огромного количества новых и реконструируемых предприятий в ходе интенсивной индустриализации. Текучесть кадров была главной проблемой ударного строительства. Например, в 1930 г. на ЧТС прибыло 42 тыс. рабочих, а покинуло – 38 тыс.³² Процент убывших по отношению к прибывшим рабочим на Магнитострое в 1929 г. был 72,6 %, в 1930 г. – 88,9 %, в 1931 г. – 113,4 %, в 1932 г. – 100,6 %³³. В 1931 г. коэффициент сменности рабочей силы на Магнитострое составил у инженеров – 0,40, техников – 0,60, десятников – 0,80; средняя длительность пребывания рабочих на стройке была лишь 83 дня, служащих в управлении строительства – 188 дней, ИТР – 221 день; 90,8 % оформивших увольнение проработали лишь от 3 до 6 месяцев³⁴. Самым эффективным в этой ситуации оказывалось добровольно-принудительное закрепление трудящихся: от политики «контрактации» на ЧТЗ, когда рабочие давали письменное обязательство не покидать стройплощадку до окончания строительства³⁵, до широкомасштабного использования принудительного труда спецпоселенцев и заключенных. Если о широком использовании такого метода привлечения рабочей силы в Челябинске архивные документы не дают свидетельств, то в Магнитогорске работало значительное количество спецпоселенцев – в 1935 г. здесь проживало 6866 семей (24063 чел.)³⁶. На объектах Магнитостроя работали и заключенные, численность которых, по свидетельству Дж. Скотта, достигала в пяти ИТК Магнитогорска 15–20 тыс.³⁷ Широко использовался принудительный труд в 1930-е гг. и на строительстве Нового Орска³⁸.

Подобного рода данные с точки зрения строительства рабочего города социалистического типа имеют несколько аспектов.

Прежде всего, массовый уход со строительства рабочих был связан не только с перманентностью крестьянского контингента, но, в первую очередь, с тяжелыми условиями труда, низкими заработными платами, плохими бытовыми условиями. В условиях мобилизационной экономики однозначный приоритет промышленного строительства предопределял минимальный характер инвестиций в жилищное и культурно-бытовое строительство. Показательны цифры Магнитостроя, где гражданские затраты составляли от 1,8 % в 1930 г. до максимума 15 % в 1935 г. от общих размеров капиталовложений ММК. При этом скачок к 14–15 % в 1934–1936 гг. достаточно резок. В 1931 г. инвестиции составляли 4,5 %, в 1932 г. – 5,3, в 1933 г. – 8,9 %, а после 1936 гг. наблюдается обвальное падение процентов вплоть до 1,1 в 1940 г. в условиях предвоенной мобилизации³⁹.

При этом из имевшихся минимальных средств основная доля, особенно на начальных этапах застройки рабочего поселения, направлялась на дешевое (с точки зрения тактических интересов) временное строительство. На Магнитострое, например, на временное строительство было направлено в 1929 г. 58,4 в 1930 г. – 42,3, в 1931 г. – 30,1 % инвестиций, при этом эти затраты в абсолютных показателях по отношению к 1930 г. в 1931 г. увеличились на 57,7 %⁴⁰. Временное строительство к середине 1930-х гг. в Магнитогорске – это огромный, хаотично застроенный барачно-земляничный город, протянувшийся на 12 км в непосредственной близости от предприятия, в наиболее задымленной зоне (а некоторые из фрагментов оказались на разросшейся территории завода)⁴¹. Хотя такого рода жилища стыдливо именовались «временными», в реальности (учитывая объемы капиталовложений и ориентир на сокращение «непроизводственных» затрат) они предполагались на достаточно долгий срок. Магнитострой в 1933 г. выделил два млн. руб. на благоустройство барачных поселков; проектный отдел, в том числе, занимался разработкой планов отдельных фрагментов (улиц, барачных), велись переговоры между заводоуправлением ММК и Стандартгорпроектком о создании общего проекта⁴². Архитектор группы Э. Мая В. Швагеншайдт «за закрытыми дверями» работал над проектом города-рая из барачных «с растущим благоустройством», имея ввиду еще долгий ориентир в условиях дефицита средств на примитивное временное строительство⁴³. И он оказывался прав: каркасно-барачного типа здания и землянки составляли даже к 1938 г. 67,2 % домов и имели износ от 70 до 100 %⁴⁴.

«Расположение» участков временного строительства было характерно и для Нового Орска. К осени 1936 г. в единственном строящемся элементе соцгорода – квартале № 8 – было построено всего 3 дома, строилось еще 7, а подавляющая часть населения по-прежнему жила в бараках. В 1937 г., в связи с консервацией Локомотивстроя, строительство в квартале № 8 было передано Никелькомбинату и вообще прекратилось более чем на год, т.к. активно застраивалась бараками и каркасно-засыпными домами территория, прилегающая непосредственно к предприятию⁴⁵. В соцгороде ЧТЗ через несколько лет после начала строительства, в 1935 г., только 40 % работников завода имело жилье в постоянном фонде и это было значительной цифрой в сравнении со многими другими рабочими поселками города⁴⁶.

Объемы жилого фонда также прекрасно отражали приоритетную направленность строительства. В Магнитогорске на декабрь 1931 г. размер жилплощади на одного человека составлял в среднем 2,3 кв. м., в 1932 г. – 2,5 кв. м., к 1938 г. – 3 кв. м.⁴⁷ Характерно, что «свободные» рабочие жили фактически также, как «вредители»-спецпоселенцы, которые имели в 1934 г. на каждого в среднем 1,88 кв. м жилплощади – в землянках, общих бараках и бараках комнатного типа⁴⁸. Для государства, собственно,

не было разницы между «свободным» и принудительным трудом, «рабсила» должна была обеспечить индустриальный рывок, и в этом было ее единственное предназначение.

Даже допустив проектирование и застройку капитального каменного соцгорода, скорее в угоду идеологии с демонстрацией «образцово-показательного» социалистического строительства, государство пыталось скорректировать ситуацию, всячески сокращая «непроизводительные» затраты. В этой связи показательно письмо главы НКВД Р. Менжинского И. Сталину от 14 февраля 1931 г., которое приводит Д. Хмельницкий: «Строительство Челябинского тракторостроя находится сейчас в следующем состоянии: ведется широкое жилищное строительство совершенно неувязанное со сроками вступления завода в эксплуатацию в то время как для строительства промышленных цехов произведены только подготовительные работы и ни один цех в течение года готов не будет...»⁴⁹ Видимо прямым следствием этой озбоченности (примечательно высказанной именно главой НКВД, видевшем в этом намеренные враждебные происки) становится в 1931 г. ряд указаний ВСНХ СССР и ВАТО⁵⁰ по сокращению «гражданских» затрат. Долговременное жилье в соцгороде ЧТЗ рекомендовалось возводить исключительно из местных материалов и строить двухэтажные дома облегченной конструкции с печным отоплением и наружным водопроводом (колонками), а также отменить постройку в 1931 г. некоторых объектов соцкультбыта (диспансера, общежития, универмага, гостиницы)⁵¹. В том же году Совнарком РСФСР рекомендует для Магнитогорска жилищное строительство производить по облегченному типу, уделяя основное внимание щитовым двухэтажным домам квартирного типа с водопроводом и канализацией⁵². Стоит заметить, что переход к облегченному строительству в постоянной застройке был продолжением уже ранее намечившейся линии к экономии средств. Так, изначально, в соцгороде ЧТЗ предполагалось строительство жилых домов и объектов соцкультбыта с использованием железобетонной каркасной системы, и в 1930 г. действительно еще применялись сборные железобетонные конструкции, но Постановлением Президиума ВСНХ СССР в ноябре 1930 г. было «в целях достижения в строительстве всемерной экономии дефицитных стройматериалов категорически воспрещено применять в жилых, культурно – бытовых и обслуживающих зданиях профильное железо, проектировать и строить их с железными и железобетонными каркасами и перекрытиями». В декабре этого же года последовало соответствующее указание ВАТО заменять железные и железобетонные конструкции более дешевыми и доступными материалами, в том числе кирпичом⁵³. Результат «политики экономии» не замедлил сказаться – так, по свидетельству Дж. Скотта даже в капитальном квартале № 1 соцгорода Магнитогорска «...качество работ было очень плохим. Крыши, равно как и водопроводные трубы, текли. Фундаменты проседали, стены давали трещины. Отсутствие различных строительных материалов имело самые абсурдные последствия»⁵⁴.

Используя политику кнута и пряника, государство в лице соответствующего наркомата и управления промышленным строительством использовало в качестве последнего жилье. Будучи единственным собственником и распределителем жилища, государство, в лице соответствующих наркоматов, использовало его как способ прикрепления рабочей силы и как знак социального статуса⁵⁵. Показательно, что статистика объемов и структуры жилищно-бытового строительства велась по наркоматам и относящимся к ним промпредприятиям, что демонстрируют статданные 1930-х гг. по Челябинской области, с характерным подавляющим преимуществом здесь НКТП⁵⁶. В строящемся моногороде основная часть жилищного фонда находилась в руках градообразующего предприятия – в Магнитогорске в 1930-е гг. ММК владел 63,5 % жилплощади, а еще 18 % обладали другие заводы города⁵⁷. Неравенство жилищных условий в промышленном «социалистическом» городе было изначально и очевидным. Наиболее показательны в крупном масштабе застройки, пример Магнитогорска. Здесь спектр возможностей был наиболее широк: от палаток, землянок, бараков (общих и покомнатных) для основной массы строителей Магнитогорска и рабочих ММК до щитовых домов квартирного типа с водопроводом и канализацией, первых капитальных кварталов Кировского района и элитного поселка «Березки» для руководства предприятия, партийных функционеров, части инженерно-технического состава, избранных рабочих⁵⁸. В меньших масштабах, но любой соцгород имел подобного рода ранговое структурирование жилья, закрепляя, таким образом, за предприятием наиболее важных для него (или для государства) работников, используя для этого также систему распределения необходимых предметов потребления и питания, компенсируя тем самым слабые возможности прямого экономического поощрения. Дома для инженерно-технических работников и иностранных специалистов (т. н. дома ИНОРСа) с отдельными квартирами для индивидуального и семейного заселения и высоким, с точки зрения остальной застройки, уровнем комфорта – обязательный элемент капитальных кварталов соцгородов рубежа 1920–1930-х гг., как правило, выделенный в отдельную пространственную зону. О степени комфорта в коттеджах Магнитогорского поселка «Березки», где «мало что оставалось пожелать в деле домашнего благоустройства» с восхищением отзывались американские специалисты фирмы Мак-Ки, не ожидавшие таких условий⁵⁹. О весьма «буржуазном» образе жизни в «Березках» свидетельствует и другой очевидец – Дж. Скотт⁶⁰. Да и сам облик коттеджей, сохранившихся до настоящего времени, показательны. Квартал первых домов ИНОРСа в соцгороде ЧТЗ (начало 1930-х гг.), выстроенный по типовым столичным проектам, имел восемь четырехэтажных кирпичных домов с трех- (около 63–77 кв. м) и четырехкомнатных (около 87 кв. м) квартирами, где были предусмотрены просторные прихожие, большие кухни (7–8,5 кв. м.), отдельные санузлы и ванна.

Подобного рода жилые зоны были противоположным полюсом по отношению к остальной части соцгорода, и не только в уровне организации повседневной жизни, но, главное, в ее принципах. Здесь сохранялся приоритет индивидуально-семейного частного бытия, которого были лишены не только

обитатели бараков, но и капитального соцгорода, где изначально был определен приоритет коллективного начала. Возможность сохранить именно частную жизнь парадоксально имели лишь «верхи» и «низы». Последние сохраняли свою относительную независимость в наиболее страшных, с точки зрения бытовых и социальных условий, земляночных поселках. Американский исследователь С. Коткин справедливо отмечает, что снос районов землянок в Магнитогорске, прежде всего пресловутого «Шанхая», был обусловлен не только ростом преступности и антисанитарным состоянием, но и тем, что «подобные поселки были невосприимчивы к набирающей силу «революционной культуре»⁶¹. Однако проблему государственного контроля «над умами и душами» это не разрешало. Дефицит более приличного жилья сохранялся и, пытаясь разрешить жилищную проблему, вопреки провозглашенной программе строительства социалистического Магнитогорска, государство официально допустило с 1934 г. существование и частной индивидуальной застройки с приусадебным участком (причем со значительной долей комбината в финансировании строительства) – идеология отступала в борьбе с реальностью. Неудивительно, что один из главных вопросов развернувшейся на рубеже 1920–1930-х гг. дискуссии о соцрасселении был о характере приоритетного жилища⁶².

В собственно «социалистическом городе» предполагалось наличие двух основных секторов застройки – обобщественного во-первых, и для индивидуально-семейного проживания с элементами обобществления по территории квартала – во-вторых. Обобщественный в той или иной степени характер быта понимался и как экономическая выгода – как способ «дающий значительную экономию средств». Примечательна здесь традиционная ссылка на мнение «передовых слоев рабочего класса», которые выступали «за приостановку траты народных средств на постройку жилищ, совершенно несоответствующих социалистической перedelке мелкособственнического быта»⁶³. Казалось, в соответствии с радикальными представлениями об образе жизни в новом социуме, приоритетными в застройке должны были оказаться типы коллективизированного жилища, однако в реальности дома-коммуны в промышленном городе оказались мало востребованными. В отличие от «лозунговых» Постановлений, Программ конкурсного и эскизного проектирования, часто ориентированных на «полное обобществление культурно-просветительной и бытовой жизни всех трудящихся» и содержащих специальные разделы по проектированию жилкоммун⁶⁴, прикладные разработки предусматривали объем обобщественного жилого сектора только 25–30 %⁶⁵. В реальной же застройке не воплощались и эти цифры – из запланированных в соцгороде ЧТЗ на строительный сезон 1931 г. двадцати четырехэтажных блоков-коммун не было построено ни одного. Э. Май, проектируя первый квартал соцгорода Магнитогорска, ориентировался при создании коллективизированного жилища на индивидуально-коллективные дома (т. н. тип ИНКО) и общежития, как на переходный тип с возможностью будущей трансформации в жилкомбинаты и превращение квартала в такой крупномасштабный «дом-коммуну, которого Россия еще не видела»⁶⁶. Такие трехэтажные секционные дома ИНКО, с комнатами-спальнями по обе стороны лестничной клетки и лишённые кухонь, были выстроены в боковых зонах квартала (вдоль ул. Маяковского и Чайковского).

Но даже «урезанные» коллективистские подходы в повседневной жизни вряд ли могли оценить новые работники, в течение поколений предков жившие, даже в рамках крестьянской общины, индивидуальным хозяйством. Тоже касалось и квалифицированных рабочих, и инженерно-технического состава, предпочитавших иметь собственное жилье. Расчет оправдывался лишь в отношении разночинной молодежи, в силу возраста горевшей радикальными идеями, но не составлявшей большинства на стройках. В целом же потенциальные граждане грядущего «коммунального» общества оказались не готовы к новому быту. Причем если одни выражали недовольство «освобождением» от домашнего труда с необходимостью готовить еду на общей кухне или питаться в столовой⁶⁷, то другие в силу своего прежнего образа жизни в принципе не могли освоиться в новых жилищно-бытовых условиях. Потрясенный нидерландский архитектор Й. Нигеман, работавший в Магнитогорске в 1931–1936 гг., писал о том, как «новые жители» – киргизы – разбивали между многоэтажными каменными домами войлочные шатры, которые были им гораздо привычнее для жизни, и поражался собственной наивности и неправильному представлению о тех, для кого он строил⁶⁸.

Идея коллективизации жизни реализовывалась в более примитивном и выгодном для государства варианте: коммунальном, покомнатном заселении больших полноценных квартир. В первом квартале соцгорода Магнитогорска центральная зона (вдоль ул. Пионерской) занята четырехэтажными, секционными кирпичными домами с 3–5-комнатными квартирами (1930, тип Госпроекта). При этом большая площадь квартир (от 75,8 до 93,7 кв. м) и принцип планировки с группировкой помещений вокруг прихожей, давали возможность покомнатного заселения, и именно так квартиры и эксплуатировались. По тому же принципу заселялись двух-четырёхкомнатные квартиры (от 46,5 до 85 кв. м) в 4-этажных кирпичных секционных домах (1931–1932, тип Мосстроя) в квартале соцгорода ЧТЗ. Э. Май, «чтобы избежать нежелательного проживания двух семей в одной квартире»⁶⁹, проектирует, например, площадь спальни на 2 человека в 8 кв. м и ширину комнат в 1,57 м при глубине 4,53 (7,1 кв. м)⁷⁰, что немедленно ставится ему в вину экспертной комиссией – недопустимо мало. То, что в реальности при коммунальном заселении в больших комнатах площадь на одного человека оказывалась значительно меньшей – не обсуждалось.

От концептуальной идеи остался и еще один маленький осколок – «развертывание общественного обслуживания быта трудящихся»⁷¹, как в масштабах квартала, так и всего соцгорода, что было также определено несомненной выгодой для государства. Ступенчатая система социально-бытового и культурного обслуживания с территориальной привязкой к месту постоянного проживания «закрепляла»

работников за соответствующим местом приложения труда, вне регулятивно-распределительной системы существование человека в городе становилось невозможным.

В целом, в программных документах, были обозначены следующие концептуальные основы «социалистического города»: населенный пункт как пролетарский центр, связь всего трудоспособного населения с одним или несколькими градообразующими предприятиями или сферой обслуживания, организация общественной системы культурно-бытового обеспечения и, как максимум, коллективизация не только производственной и обслуживающей сфер, но и всей повседневной жизни трудящихся, организованных в трудо-бытовые коллективы. Но при всем этом архитектурно-градостроительная организация такого города не была затронута и оставляла широкое поле для дискуссий и обвинений в отсутствии «ясной и четкой идеи социалистического населенного места»⁷².

Единственное, что не подвергалось сомнению – доминирующая роль в архитектурно-пространственной организации города промышленного предприятия. Оно трактовалось как ядро, смысловой и композиционный центр. Так, в первом проекте рабочего поселения при ММК, выполненном Гипромезом в 1928 г., поселок был размещен в непосредственной близости к заводу и композиционно ориентирован на предприятие, расходясь радиально от центральной площади, где размещалось заводоуправление⁷³. Планировочное решение архитекторов группы Госпроекта под руководством С.Е. Чернышева, представленное осенью 1929 г.⁷⁴, также ориентировало город на промышленное предприятие: композиционная ось поселения – широкая магистраль с бульварами и скверами вела из центра к заводу. Указанные предложения находились еще в русле проектов рабочих поселков первой половины – середины 1920-х гг.⁷⁵, однако и в дальнейшем проектировании завод как композиционный ориентир города сохранял свое значение. Например, в качестве одной из претензий, высказываемой группе Э. Мая по проекту Магнитогорска было то, что «неудачное расположение большей части застройки не дает возможности открытия перспектив на промплощадку, которая по своему грандиозному масштабу является одним из факторов архитектоники города в построении его плана»⁷⁶. Выстроенная 1930-е гг. в Магнитогорске Комсомольская площадь (до 1948 г. – площадь заводоуправления) трактована как главный планировочный узел левобережья, куда стекаются главные магистрали соцгорода – пр. Пушкина и ул. Кирова. Площадь изначально предполагалась общегородским центром, совмещающим деловые и общественные функции (место проведения парадов, митингов, демонстраций). О важном ее значении свидетельствуют большие размеры – 475 на 175 м⁷⁷.

Две из трех главных магистралей планируемого поселения при Бакальском заводе соединяли заводоуправление и проходные конторы завода с административным центром рабочего города и вокзальной площадью⁷⁸. Общегородской центр Нового Орска примыкает к главной меридиональной магистрали, связывающей город с промышленной зоной⁷⁹. Подобным образом решена и в проекте, и в реализованном варианте и планировка соцгорода ЧТЗ: магистральная ось протянулась с востока на запад, от промышленной зоны через центральную площадь соцгорода к историческому Челябинску⁸⁰. Т. о., несмотря на достаточное разнообразие композиционных решений, обусловленных местными возможностями, планировочный ориентир идентичен.

С точки зрения организации структуры города стоит отметить достаточно ясное представление власти о способе организации городского пространства. Государственный заказ был ясно выражен в принимаемых для реализации проектах соцгородов, даже несмотря на мнение экспертных комиссий, назначаемых также от лица государства. Эта ситуация прекрасно отражает специфику организации градостроительного проектирования СССР рубежа 1920–1930-х гг. Несомненный приоритет в принятии решений имели ведомства или облаченные значительной властью государственные чиновники, связанные с промышленным строительством, прежде всего ВСНХ (с 1932 г. – НКТП). Конкурентная борьба не между архитекторами и проектными бюро как таковыми, и определяющая роль не столько качества архитектурно-градостроительного решения, сколько ведомственная принадлежность проектировщиков, – характерная черта системы. Яркое отражение это обстоятельство ситуация с получением государственного заказа на проектирование Магнитогорска в 1930 г. между бригадами Гипрогора (С. Чернышев) и Цekomбанка (группа Э. Мая) и, шире, между ГУКХ РСФСР и ВСНХ СССР.

Государственный заказ был ориентирован на жестко структурированное и стандартизированное. Планировочная организация города должна была состоять из типовых повторяемых элементов – кварталов, подобно поточно-конвейерному производству, что соответствовало наилучшей организации социума в легко управляемые единицы (трудо-бытовые коллективы) даже за пределами производства. Этим обстоятельством объясняется, прежде всего, привлечение немецких архитекторов, практиковавших поточный метод стандартизированного проектирования. Так, поставленная в сжатые временные рамки, бригада Э. Мая создала первый проект соцгорода Магнитогорска буквально за два месяца, и этот проект был одним из многих⁸¹. При этом проекты Магнитогорска группы Э. Мая (Цekomбанк, 1930 г., 1931 г., Э. Май, М. Стам, В. Швагеншайдт; Стандартгорпроект, 1932–1933 гг., Э. Май, Ф. Форбат, Ирлин, Шевердаев, Байер, Скорлотов, Шалыгин, экономист проф. Зеленко)⁸² в процессе их создания и обсуждения критиковались по разным параметрам, но отнюдь не за структурную организацию городского пространства.

Нельзя сказать, что подобного рода подход к формированию города был исключительно навязан государством архитекторам. Упомянутая четко функционирующая организация городского пространства и отдельной его структурной единицы в эпоху промышленной апологетики была своего рода выражением нового мира и частью профессионального сознания архитекторов-новаторов,

и европейских, и советских. Неудивительно, что особую популярность на рубеже 1920–1930-х гг. получил «поточно-функциональный метод» Н. Милютина, под воздействием которого находились и немецкие архитекторы⁸³. Первоначальный проектный замысел группы Э. Май для Магнитогорска был сориентирован на концепцию Н. Милютина, однако это решение, которое Э. Май считал «идеальным» и «наилучшим», оказалось невозможным ввиду особенностей территориального размещения предприятия, и проектная группа была вынуждена искать компромисс⁸⁴. Первый вариант генплана соцгорода Локомотивстроя (Новый Орск), созданный в мастерской № 3 Горстройпроекта в 1933 г., также предполагал функционально-поточное решение⁸⁵. В городе, вытянутом по меридиональной оси предусматривалось линейное размещение центра между селитебной зоной и заводом, имеющий трехчастное членение центр (административный, общественный, культурный) был трактован как парковая полоса с системой площадей. Селитебная часть была решена в виде трех продольных полос: зоны общежитий и столовых; зоны домов с квартирами для индивидуально-семейного заселения и детских учреждений; школьной зоны. Эти полосы поперечно расчленены, формируя тем самым крупные трехчастные кварталы площадью 17 га на 5000 жителей и образуя регулярную планировку города.

Несмотря на невозможность в силу различных обстоятельств воплотить функционально-поточную идею целостно, бригады немецких проектировщиков не отказывались и в дальнейшем проектировании от «конвейерного» принципа организации поселения, учитывая пути перемещения людей от жилища к месту работы и обратно, и размещая сообразно этому отдельные планировочные модули.

Для Э. Май и архитекторов его группы одна из главных задач в планировании Магнитогорска – согласование направлений развития промышленных территорий (в основном, к северу) и жилой зоны (ввиду природных и производственных ограничителей фактически единственно возможное направление – восточное), с удалением селитебной части от предприятия минимально – на 1,5 км, максимально – 7,5–8 км. Путь решения этой проблемы был окончательно разработан в третьем проекте, средством трехчастного членения селитебной территории на южный город с населением 154 тыс. чел, северный город-сателлит с 46 тыс. населения и полосу временных поселков между ними. В главном, южном, городе было предусмотрено формирование района легкой промышленности к северо-востоку от него и, таким образом, параллельное развитие к востоку жилого района и новой промышленной зоны; а также расширение зоны селитебной застройки в северо-западном направлении, т.е. в направлении приближения к производству. Структурной основой города предполагался типовый квартал со строчной застройкой и системой соцкультбыта, рассчитанный ориентировочно на 6–10 тыс. человек. Размещение полиструктурного центра города и системы обслуживающих учреждений учитывало оптимальные схемы движения людей, грузопотоков, и возможно лучшие связи между отдельными элементами производственной, социально-бытовой и культурной схемы. Так, например, функциональный центр квартала планировался с привязкой не к геометрическому центру, а к трамвайной остановке, где каждый день дважды пролегал путь рабочего, в соответствии с дифференциацией типов жилья в квартале «привязывалось» размещение детских учреждений, столовых-распределителей, прачечных и т. п.

Проект Нового Орска (1933–1935 гг., мастерская № 3 Горстройпроекта, рук. проекта М. Стам (1933–1934) и Х. Шмидт, конец 1934–1935), претерпевший планировочные изменения под влиянием меняющихся идеологических и, соответственно, градостроительных установок, тем не менее сохранил функциональную направленность. В окончательном варианте генплана⁸⁶ сетка прямолинейных магистралей и улиц формировала решетчатую структуру города, члена его на крупномасштабные прямоугольные кварталы площадью до 17 га со строчной жилой застройкой в 3–5 этажей и квартальной системой соцкультбыта. Единый общегородской центр (совмещающий административные, общественные и культурные функции) планировался на экваториальной оси основной линии города, непосредственно примыкая к главной поперечной магистрали, связывающей город с промышленной зоной и направляющей основные рабочие потоки. Таким образом, оказалось возможным совместить функциональную и идеологическую составляющие – главные общественные учреждения находились на основном пути перемещения рабочих и служащих и, с другой стороны, делали каждодневным и зримым присутствие репрезентативного образа власти для массы городского населения, что уже в обязательном порядке требовалось от градостроительных проектов середины 1930-х гг.

Несмотря на различия, планировочные подходы немецких проектировщиков Магнитогорска и Нового Орска и советских архитекторов соцгорода ЧТЗ (проектное бюро и технический совет в составе А. Букова, В. Дубовского, А. Самойлова, Н. Крысова, Г. Кириллова, В. Кратюка и других⁸⁷) принципиально близки⁸⁸. В проектной перспективе рабочего поселения ЧТЗ на 50 тыс. жителей (представлена без указания авторов) с юга от главной магистрали вытянулись комплексы общественных учреждений, с севера – жилая зона, расчлененная на две крупные планировочные зоны: блоки жилкомбинатов и типовые кварталы домов для индивидуально-семейного проживания со строчной застройкой⁸⁹.

Из представленных крупномасштабных проектов реализована была малая их часть. В Магнитогорске и в Орске бригадам проектировщиков удалось осуществить лишь отдельные жилые кварталы с фрагментами системы соцкультбыта – в Магнитогорске квартал № 1 соцгорода (ограничен улицами Маяковского, пр. Пушкина, Чайковского, Кирова), в Орске квартал № 8 (ограничен улицами: пр. Мира, пр. Ленина, пер. Музыкальный, ул. Станиславского, в соцгороде ЧТЗ т. н. «буровский» микрорайон (ограничен улицами Ловина – Горького – 1-й Пятилетки – 40 лет Октября) и общегородская система коммунально-бытового обслуживания, включавшая «комплекс КБС» с фабрикой – кухней (1932) и банно-прачечным комбинатом (1932), школу второй ступени (1935), ФЗУ (1931), ФЗС (1933), клуб (1933) и киноклуб (1932).

Фрагментарность воплощения была связана со многими причинами, прежде всего, с приоритетным инвестированием промышленного строительства и вытекающими из этого последствиями, о чем было сказано выше. Однако существовали и факторы, связанные собственно с организацией архитектурно-градостроительной деятельности и проблемами реального строительства.

Организация непосредственного проектирования на месте и строительных работ отражали всю неповоротливость и запутанность «плановой» системы. Проектировщики были загнаны в жесткие сроки, определяемым вне какой либо связи с реальностью, а по государственным «пятилетним», «праздничным», «ударным» и т. п. планам. Обеспеченность сроков финансовыми инвестициями, данными предпроектных исследований, техническим персоналом и рабочей силой, строительными материалами в расчет не принимались. И это при том, что властными органами регулярно фиксировались «крупные дефекты» в организации процесса строительства, как например «...опоздание и неудовлетворительность проектирования...; кустарные методы стройпроизводства, недостаточность типовых проектов, слабое внедрение стандартов, ничтожность применения механизации в стройпроцессах...; острый недостаток инженерно-технических кадров...; отсутствие постоянных кадров рабочих, низкая их квалификация, слабость их труддисциплины, низкая производительность труда...; задержки финансирования...»⁹⁰

На местах эта сухая и обобщенная констатация фактов приобретала реальные очертания. К. Пюшель свидетельствовал о работе в Орске: «Строительство велось в сложных климатических условиях, в условиях непривычного природного ландшафта, при почти полном отсутствии моторизованного транспорта, экскаваторов, строительных кранов, машин, при нехватке специалистов. На строительной площадке соцгорода было занято около тысячи рабочих, но среди них было всего 12 обученных каменщиков и немногим более специалистов строителей. Не хватало опытных техников – десятниками были практиканты или совсем юные выпускники строительных училищ. В таких условиях постоянно требовалась детальная разработка каждого проекта»⁹¹.

«Детальная разработка» проектов приобретала порой гипертрофированные масштабы – в Магнитогорске, например, архитекторы были вынуждены чертить детали строительных конструкций в натуральную величину, т. к. рабочие (особенно башкиры, киргизы, казахи с трудом разумевшие даже русский язык) не понимали масштабных сокращений⁹². Дело доходило до курьезов – тот же Й. Нигеман с возмущением писал о том, как при осмотре стройки клуба горняков в поселке «Березки» в Магнитогорске он обнаружил несоответствие оформления фасадов и их деталей проектным чертежам: «На мой вопрос десятник по имени Миронов сказал мне, что сам предпринял эти изменения, ибо так «красивее»⁹³. На Магнитострое в августе 1931 г. была создана «ударная бригада» иностранных специалистов, целью которой было внедрение европейской техники. Одним из инициаторов ее создания был М. Стам, увидевший, как используется немецкое оборудование русскими рабочими на деревообделочном комбинате»⁹⁴.

Но самым проблемным местом оказывалась организация проектной работы. Бесконечные согласования в различных ведомствах и инстанциях, в том числе узкопрофильных, не только градостроительных фрагментов, но отдельных зданий, причем даже тогда, когда начато строительство, вынуждало к затратным переделкам. Проекты отдельных сооружений не только утверждались, но и заказывались различным специализированным ведомствам – Нарпиту, Наркомпросу и т. п. Сделки, договоры, оплата проектов – неотъемлемый элемент в работе проектировщика, даже если официально все эти заботы принимало на себя предприятие-заказчик. Ситуация была тем более сложной для проектной деятельности в провинции, когда при сложившейся системе все многочисленные согласования шли через Москву. Так, проектирование соцгорода ЧТЗ находилось в ведении ВАТО, которое одновременно вело множество близких по специализации проектов (Сталинградский и Харьковский тракторный, Нижегородский автомобильный и др.). Управление «Челябтракторострой» имело структурным подразделением Московское представительство ЧТС, в свою очередь его часть – проектное бюро, в задачи которого входило собственно проектирование ЧТЗ и рабочего поселка. Архитекторы проектного бюро работали как в Москве, так и в Челябинске, или, точнее, активно перемещались между этими городами. Согласования проектной документации обязательно шли через Уралплан и УралСовет (Свердловск), ВАТО, ГИПРОМЕЗ и многочисленные ведомства⁹⁵.

Американский инженер М. Э. Хейвен, работавший в Магнитогорске в 1930-е гг., писал о поразившей его системе организации проектирования и строительства: «Сложность организации советского предприятия не имеет себе подобия... Хотя номинально ответственность сосредоточена на директоре Магнитостроя или на хозяйственном тресте, она фактически распределяется между главными лицами в профсоюзах и местным секретарем ВКП (б). Дальнейшую путаницу вносят фактически независимые... национальные организации, которым доверили отдельные объекты строительства. В Магнитогорске имеется, по крайней мере, 12 таких организаций, из которых все крупные тресты одновременно ведут подобные стройки в других местах СССР. Над всеми этими организациями стоят агенты ГПУ... В Магнитогорске русские тратят на преодоление помех в системе большое мужество, бесконечное терпение, собачью настойчивость и труд огромной армии рабочих... Темпы в строительстве... достигают поразительного уровня... путем массового устремления, воодушевления и действия скопом»⁹⁶.

Эти слова с успехом могут быть отнесены ко всей советской системе проектирования и строительства конца 1920–1930-х гг. в условиях мобилизационной экономики и складывавшегося тоталитарного государства. Стремление к тотальному контролю с одной стороны, мало скоординированные действия,

многоуровневые согласования, параллелизм деятельности, быстрая и непредсказуемая смена решений, огромные некупаемые финансовые затраты, с другой – системные элементы жесткой и чрезвычайно негибкой плановой системы. В эпоху «великих строек» рубежа 1920–1930-х гг. градостроительное проектирование понималось государственной властью как непосредственное и «вторичное» продолжение промышленного строительства, как элемент мобилизационной системы, что предопределяло и планировочные принципы, и способы организации жизнедеятельности. Идеологическое понимание «социалистического города» имело «лозунговый», при этом противоречивый и, часто, расплывчатый характер. Дискуссии о сущности нового города, нового быта, нового человека оказались фактически отделенными от практики строительства: пока градостроители, социологи, идеологи дискутировали, государство строило город при производстве, для производства и на те малые средства, которые оставались от производства. Идеологическая доминанта в градостроительном проектировании и строительстве, понимание города как зримого воплощения новой государственной системы и абсолюта власти – это новый этап, который наступит с формированием устойчивой тоталитарной системы, после решения (с точки зрения власти) самых насущных «практических» проблем – экономических (индустриализации и коллективизации), политических (подавления сопротивления оппозиционных сил и формирования эффективной карательной системы), социальных («закрепления» и иерархизации социальных групп), идеологических – не подвергающаяся сомнению определяющая роль вождя, «обернутая» в оболочку единственно верного учения.

Примечания

- ¹ Об особенностях организации и функционирования советского военно-промышленного комплекса, в том числе о создании индустриальной базы, см.: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
- ² О принципах социалистического расселения см.: Меерович М. Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932. Иркутск, 2008.
- ³ Лахтин В. Н. Система расселения и архитектурно-планировочная структура городов Урала. М., 1977. С. 29.
- ⁴ Подробно этот вопрос проанализирован М. Г. Мееровичем в книге «Рождение соцгорода...».
- ⁵ ОФ ГАОО. Ф. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 37. Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска, выполненном бригадой Горстройпроекта» от 13.06.1934.
- ⁶ Там же. Л. 201. Заключение райплана по технико-экономическим обоснованиям к проекту соцгорода Орска.
- ⁷ Там же. Л. 202. Заключение райплана по технико-экономическим обоснованиям к проекту соцгорода Орска; Л. 1. Выписка из Протокола № 26 Заседания Президиума Орского Горсовета от 03.08.1936 г.
- ⁸ Челябинск : энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 829; Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска. Л., 1935. Т. 2. Л. 127–128.
- ⁹ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 26–30. Выписка из стенограммы заседания Экспертной комиссии при правительственной комиссии по утверждению строительства г. Магнитогорска от 04.12.1930. Л. 28.
- ¹⁰ Там же. Л. 108. Протокол № 5 заседания Правительственной комиссии по рассмотрению и утверждению проектов строительства Магнитогорска.
- ¹¹ Там же. Л. 158. Протокол заседания Президиума Уральского облисполкома.
- ¹² Цеккомбанк осуществлял операции по долгосрочному кредитованию строительства рабочих поселений при промышленных предприятиях и финансировал, в частности, и строительство поселения при ММК.
- ¹³ Интернациональная группа архитекторов (в основном немецких) под руководством Э. Мая (М. Стам, Х. Шмидт, В. Шютте и др.) прибыла в СССР осенью 1930 г. по пятилетнему договору с Цеккомбанком для работы в его проектно-планировочном бюро. О деятельности в СССР интернациональных бригад зарубежных архитекторов см.: Bauhaus на Урале. От Соликамска до Орска. Материалы международной научной конференции (12–16 ноября 2007, Екатеринбург) / под. ред. Л. И. Токмениновой, А. Фольперт. Екатеринбург, 2008; Коккинаки И. В. Советско-германские архитектурные связи во второй половине 1920-х гг. // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 115–132; Меерович М. Г. Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию / М. Г. Меерович, Д. С. Хмельницкий. URL : <http://www.historia.ru/2006/01/perelom.htm>; Меерович М. Г. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию / М. Г. Меерович, Д. С. Хмельницкий // Вестник Евразии. 2006. № 1; Юнгханс К. Немецкие архитекторы и советский союз (1917–1933) // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 96–114.
- ¹⁴ Май Э. К проекту генерального плана Магнитогорска // Советская архитектура. 1933. № 3. С. 18.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Ед. хр. 1320. Стенограмма совещания по вопросу о строительстве города Магнитогорска. Л. 124.
- ¹⁶ Меерович М. Г. Рождение соцгорода... С. 283.
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001; Симонов Н. С. Указ. соч.

- ¹⁸ Письмо народного комиссариата черной металлургии в Совнарком СССР об утверждении генерального проекта планировки г. Магнитогорска на правом берегу р. Урал и его строительства от 19.12.1939; Постановление Президиума Магнитогорского Горсовета «О строительстве г. Магнитогорска на правом берегу р. Урал» от 09.02.1934 // Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941) : сб. документов и материалов. Челябинск, 1965. С. 261; 236–237.
- ¹⁹ Из докладной записки Магнитогорского Горкома ВКП (б) Центральному комитету ВКП (б) и Челябинскому Обкому ВКП (б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске на 1 января 1938 г.» // Из истории Магнитогорского... С. 249–250; Проект размещения жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства в г. Магнитогорске на 1959–1965 гг. Л., 1959.
- ²⁰ ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 84. Плановые и проектные задания к проекту застройки первой очереди соцгорода Локомотивстроя («Горстройпроект», январь 1934 г.); Л. 204. Заключение райплана по технико-экономическим обоснованиям к проекту соцгорода Орска; Л. 44. Сводное заключение по схеме распределения территории соцгорода Орска.
- ²¹ ОГАЧО. Ф. 1162. Оп. 2. Ед. хр. 165. Промзадание на постройку завода 40000 тракторов «Катерпиллер». 1930. Л. 10–11; Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9–30. «Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода».
- ²² ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9–30. «Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода».
- ²³ Из истории Магнитогорского... С. 219.
- ²⁴ Подробно этот вопрос проанализирован М. Г. Мееровичем в книге «Рождение соцгорода...».
- ²⁵ ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 80–101; Л. 204; ОГАЧО. Ф. 1162. Оп. 2. Ед. хр. 165. Л. 12–13; ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141.
- ²⁶ ОГАЧО. Ф. 1162. Оп. 2. Ед. хр. 165. Л. 10.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9–30. «Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода».
- ²⁸ ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского сталельного завода... Л. 96.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 3234. Л. 91–92.
- ³⁰ Шмакова Н. П. Наш тракторный. Челябинск, 1966. С. 13.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 24–27. Из докладной записки бригады Центральной контрольной комиссии и РКИ Президиуму ЦКК, коллегии ЦК РКИ СССР об обследовании Челябинского ферросплавного завода.
- ³² Шмакова Н. П. Указ. соч. С. 13.
- ³³ Рассчитано по данным, представленным в публикации: Елисеева В. Н. Из истории проектирования и строительства ММК // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Урале : сб. ст. Челябинск, 1959. С. 147.
- ³⁴ Ларин С. Магнитогорское строительство в 1931 г. // Магнитострой. 1932. № 1–4. С. 89–90.
- ³⁵ Шмакова Н. П. Указ. соч. С. 13; ОГАЧО. Ф. 982. Оп. 3. Ед. хр. 11. Трудовые соглашения с контрактантами; Ед. хр. 16. Переписка о контрактации рабочей силы ЧТЗ.
- ³⁶ Из отчета Управления НКВД по Челябинской области Главному Управлению лагерями и трудпоселениями НКВД СССР о состоянии спецссылки за 1934 г. // Челябинская область : сб. документов и материалов. Челябинск, 1999.
- ³⁷ Дж. Скотт – молодой американский рабочий и будущий журналист, трудившийся на строительстве ММК в 1933–1937 гг. и оставивший воспоминания. Используя имевшийся доступ к некоторым документам, он достаточно подробно рассматривает структуру принудительной рабочей силы на Магнитострое, условия жизни, жизнеобеспечение и т. п. Его цифры, возможно, и не совсем точны, но близки к официальным данным (к тому же, скорее всего, заниженным ввиду достаточно противоречивой системы статистического учета), например, численность спецпоселенцев Скотт называет приблизительно в 25–35 тыс. См.: Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М. : Свердловск, 1991. С. 277–285).
- ³⁸ Хмельницкий Д. Немецкий архитектор в сталинском СССР // Волтерс Р. Специалист в Сибири. Новосибирск, 2007. С. 12.
- ³⁹ Сведения о количестве рабочих, капиталовложениях и выпуске продукции Магнитогорского комбината за 1930–1940 гг. // Из истории Магнитогорского... С. 215.
- ⁴⁰ Ларин С. Указ. соч. С. 97.
- ⁴¹ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 8. Ед. хр. 460. Личное дело Й. Нигемана.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Хмельницкий Д. Немецкий архитектор... С. 12–13.
- ⁴⁴ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 7. О наличии жилплощади в г. Магнитогорске на декабрь 1931 г.; Л. 78. Доклад ВСНХ при ЦИК СССР; Из докладной записки Магнитогорского горкома ВКП (б) Центральному комитету ВКП (б) и Челябинскому Обкому ВКП (б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске на 1 января 1938 г.» // Из истории Магнитогорского... С. 249–250.
- ⁴⁵ Нижник Е. В. Генплан Орска 1935 г.: разработка и воплощение // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков. Челябинск, 2008. С. 179.

- ⁴⁶ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 8. Показатели жилищной обеспеченности по восьми предприятиям Челябинска на начало 1935 г.
- ⁴⁷ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 7. О наличии жилплощади в г. Магнитогорске на декабрь 1931 г.; Л. 78. Доклад ВСНХ при ЦИК СССР; Из докладной записки Магнитогорского горкома ВКП (б) Центральному комитету ВКП (б) и Челябинскому Обкому ВКП (б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске на 1 января 1938 г.» // Из истории Магнитогорского... – С. 249–250.
- ⁴⁸ Из отчета Управления НКВД по Челябинской области...
- ⁴⁹ Хмельницкий Д. Сталинизация советского градостроительства в начале 1930-х годов. Текст доклада на конференции «Города новых людей», 2006, Польша. URL :www.livejournal.ru.
- ⁵⁰ Всесоюзное автотракторное объединение ВСНХ СССР.
- ⁵¹ ОГАЧО. Ф. 792. Оп. 5. Ед. хр. 480. Л. 20. Распоряжение начальнику строительства ЧТЗ т. Ловину от 08.06.1931.
- ⁵² Постановление Совнаркома РСФСР «О строительстве г. Магнитогорска на правом берегу р. Урал»; Сообщение газеты «Магнитогорский комсомолец» о строительстве 225 щитовых жилых домов в г. Магнитогорске от 10.08.1931 // Из истории Магнитогорского... С. 225; 226.
- ⁵³ ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Переписка Управления Челябинтрасмостроя с Московским представительством ЧТС о проектировании рабочего поселка и культурно-бытовых предприятий ЧТЗ 06.01. – 19.09.1930, Л. 115; Ед. хр. 354. Материалы о проектировании рабочего поселка при ЧТЗ 19.03. – 17.11.1930, Л. 33. Постановление № 1601 Президиума ВСНХ СССР от 17.11.30; Ед. хр. 357. Материалы о проектировании рабочего поселка при ЧТЗ 07.01. – 20.12.1930, Л. 51. Постановление ВАТО при ВСНХ СССР, декабрь 1930.
- ⁵⁴ Скотт Дж. Указ. соч. С. 109.
- ⁵⁵ Подробно этот вопрос рассмотрен М. Г. Мееровичем в книге «Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937» (М., 2008).
- ⁵⁶ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 4–7.
- ⁵⁷ Рассчитано по данным, приведенным в исследовании С. Коткина «Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху (на примере исследования, проведенного в городе Магнитогорске)» // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001. С. 119.
- ⁵⁸ Подробно тема жилищ в Магнитогорске рассмотрена С. Коткиным. См. указ соч. С. 103–126.
- ⁵⁹ ГАРФ, Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 234. «Переписка об участии в строительстве иностранных специалистов и отзывы иностранной прессы». Л. 19.
- ⁶⁰ Скотт Дж. Указ. соч. С. 105–107.
- ⁶¹ Коткин С. Указ. соч. С. 111.
- ⁶² Подробно об этом см. Меерович М. Г. Рождение соцгорода...
- ⁶³ ОГАЧО. Ф. 1162. Оп. 2. Ед. хр. 165. Промздание на постройку завода 40000 тракторов «Катерпиллер».
- ⁶⁴ Примеры такого рода дают, в частности: Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода (ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9–30) или Программа всесоюзного конкурса на проект планировки и застройки Магнитогорска (Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 2. Социальные проблемы. М., 2001. С. 153–154).
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского стального завода... С. 143; Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 52–70. Пояснительная записка к генеральному плану застройки Магнитогорска; ОФ ГАОО. Р. 23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 91. Плановые и проектные задания к проекту застройки первой очереди соцгорода Локомотивстроя.
- ⁶⁶ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9, оп. 1, ед. хр. 1, л. 57. Протокол заседания Правительственной комиссии экспертов по проектированию г. Магнитогорска от 04.12.1930.
- ⁶⁷ Из докладной записки Магнитогорского Горкома ВКП (б) Центральному комитету ВКП (б) и Челябинскому Обкому ВКП (б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске на 1 января 1938 г.» // Из истории Магнитогорского... С. 249–250.
- ⁶⁸ Wit, Cor de. Johan Niegeman, 1902–1977: Bauchaus, Sowjet Unie, Amsterdam. Amsterdam, 1979. S. 81.
- ⁶⁹ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пояснительная записка к генеральному плану застройки Магнитогорска. Л. 54.
- ⁷⁰ Там же. Ед. хр. 1. Протокол совещания консультантов при Правительственной комиссии для рассмотрения и утверждения проектов строительства Магнитогорска. Л. 40.
- ⁷¹ О работе по перестройке быта: Постановление ЦК ВКП (б) от 16.05.1930 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 118–119.
- ⁷² Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1. Совещание консультантов при Правительственной комиссии для рассмотрения и утверждения проектов строительства Магнитогорска 3.12.1930. Л. 39.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 178 (1). Л. 8. Заседание Правительственной комиссии экспертов по проектированию Магнитогорска от 04.12.1930.
- ⁷⁴ Там же, ед. хр. 179 (1). Протокол Совещания при Московском Представительстве «Магнитоостроя» по вопросам о проектировании рабочего поселка при Металлургическом комбинате 02.10.1929 г., где представлены доклад С. Е. Чернышева с характеристикой проекта и его обсуждение.

- ⁷⁵ См.: Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР 1917–1926 гг. Иркутск, 2008.
- ⁷⁶ Шибаев Д. Е. За социалистический город Магнитогорск // Советская архитектура. 1933. № 3. С. 25–31.
- ⁷⁷ Л. Воробьева, И. Андреева. Площадь Комсомольская // Магнитогорск: энцикл. Магнитогорск, 2001. С. 21–22.
- ⁷⁸ ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского стального завода... С. 179.
- ⁷⁹ ОФ ГАОО. Р-33. Оп. 1. Ед. хр. 1а (Альбом). Орск. Генеральный проект плана. Горстройпроект, 1935.
- ⁸⁰ ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 63. «ЧТЗ». Фотоальбом.
- ⁸¹ По прибытии в СССР группа Э. Мая за короткое время изготовила проекты застройки не только Магнитогорска, но и Нижнего Тагила, Щегловска, Кузнецка, Ленинска, Прокопьевска, Сталинграда и др. См. Хан-Магомедов С. О. Указ. соч. С. 260.
- ⁸² ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 181. Л. 90–95. Май Э. Социалистический город Магнитогорск; Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 52–70. Пояснительная записка к генеральному плану застройки Магнитогорска; Май Э. К проекту генерального плана Магнитогорска... С. 17–25.
- ⁸³ О широком отклике на метод Н. Милютин в среде немецких архитекторов в начале 1930-х гг. пишет, например, немецкий исследователь К. Юнгханс. См.: Юнгханс К. Указ. соч. С. 112.
- ⁸⁴ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Ед. хр. 1320. Стенограмма совещания по вопросу о строительстве города Магнитогорска. Л. 122; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 181. Май Э. Социалистический город Магнитогорск. Л. 92.
- ⁸⁵ ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4. Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска, выполненном бригадой Горстройпроекта» от 13.06.1934.
- ⁸⁶ Там же. Ед. хр. 1а (Альбом). Орск. Генеральный проект плана. Горстройпроект, Мастерская № 3 под рук. Х. Шмидта; арх. Х. Шмидт, Э. Э. Зеeman, инж.-экономист Г. Д. Бабад, инж. П. И. Дубровский. 1.11. 1935.
- ⁸⁷ ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 4. Протоколы Заседаний Технического Совета ЧТС о планировке рабочего поселка ЧТЗ 29.12.29 – 17.09.30.
- ⁸⁸ Подробно об архитектурно-планировочном решении соцгорода ЧТЗ см.: Коньшева Е. В. Социалистический город Челябинского тракторного завода – воплощение теории социалистического расселения // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков. Челябинск, 2008.
- ⁸⁹ ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 63. «ЧТЗ». Фотоальбом.
- ⁹⁰ ГАСО. Ф. Р-225. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 52. Из протокола № 17. Заседания Президиума Уральского областного Совета народного хозяйства от 25.12.1929 «О мероприятиях по подготовке к строительству 1929/30 гг. на предприятиях Уральской промышленности».
- ⁹¹ Пюшель К. Указ. соч. С. 160–161.
- ⁹² Wit, Cor de. Johan Niegeman... S. 80; Невзгодин И. В. Уральский период творчества голландских доцентов Баухауза Марта Стама, Йоганна Нигемана и выпускницы Лоты Бэесе // Баухауз на Урале... С. 87.
- ⁹³ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 8. Ед. хр. 460. Личное дело Й. Нигемана.
- ⁹⁴ Сообщение газеты «Магнитогорский комсомолец» о создании на Магнитострое ударной бригады иностранных специалистов» // Из истории Магнитогорского... С. 102.
- ⁹⁵ ОГАЧО. Ф. 1162. Оп. 2. Ед. хр. 3.
- ⁹⁶ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 234. «Переписка об участии в строительстве иностранных специалистов и отзывы иностранной прессы». Л. 21–23.

Меерович М. Г.

АССИМИЛИРОВАННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ МОБИЛИЗАЦИОННОГО «НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА»

Выполнено при финансовой поддержке гранта Российской Академии Архитектуры и Строительных наук по теме № 1.7.5. «История государственной организации профессии архитектора в СССР (1917–1941 гг.)», а также краткосрочного гранта в области гуманитарных наук Американского Совета научных Обществ (2008–2009 гг.) по теме: «Альберт Кан в советской индустриализации».

Вместо введения

Опыт Первой Мировой войны показал, что за время участия капиталистических стран в военных действиях, их гражданская промышленность в массовом порядке переориентировалась на производство военной продукции. Этот переход происходил вынужденно и постепенно, под натиском обстоятельств, отвечая требованиям момента. Но, в конечном счете, оказался структурообразующим для формирования всей системы производства.

Подобное «переключение» гражданской промышленности на военные рельсы, было осознано как неизбежный феномен современной войны, так как без него потребности армии ни коим образом не смогли бы быть удовлетворены. Осознанным стал также и тот факт, что массовое производство вооружений в период Первой Мировой войны сыграло ведущую роль в последующем развитии крупного промышленного производства вообще.

В СССР в начале-середине 1920-х гг. оба эти вывода были положены в основу разработки уникальной стратегии формирования военно-промышленного комплекса. В советских условиях, в отличие от капитализма, мероприятия по приспособлению всей массы гражданских промышленных производств к обслуживанию потребностей армии, безусловно, должны были быть основаны на планомерности и систематичности. Они и были таковыми – в СССР формирование организационных основ военной индустрии осуществлялось осмысленно, планомерно и целенаправленно! Именно оно и было названо «индустриализацией».

Ради нее проводились экономические и социальные реформы. Ради нее массы крестьян, благодаря программе коллективизации, принудительно отрывались от земли и перебрасывались в города, где «опролетаривались», включались в производственно-бытовые коллективы, а затем, в организованном порядке направлялись на возведение объектов военно-промышленного комплекса, неотделимо сплоченного с гражданским производством. Ради нее прокладывались транспортные артерии и разрабатывались природные ископаемые. Ради успехов индустриализации пропаганда призывала советских людей напрягать все силы и жертвовать личным благополучием и комфортом, а карательная система заставляла их это делать.

Советская власть отдавала себе ясный отчет в выборе приоритетов. И катастрофическое снижение уровня жизни населения до минимально возможного, сокращение производства товаров народного потребления, экспорт зерна в условиях массового голода и закупка на вырученные валютные средства именно военных технологий – все это было осмысленными и планомерными действиями.

Того, что мы уже знаем о сталинской внешней и внутренней политике 1930-х гг. вполне достаточно, чтобы полностью исключить ее «мирные», «оборонительные цели». Сталин готовил страну к наступательной, агрессивной войне против окружающего мира и руководимая им партия целенаправленно создавала полностью милитаризованную экономику. Формирование мощного современного военно-промышленного комплекса, рассматриваемого как маховик развития всех остальных («гражданских») сфер деятельности, становится главной целью руководства страной уже в середине 1920-х гг., а в 1926 г. Госплан получает задание разработать организационно-управленческие принципы административно-территориального деления страны в соответствии с задачами размещения объектов единой системы ВПК.

Вопросы о том, как была сформирована и как функционировала советская мобилизационная экономика, какими были механизмы управления ею, каким путем формировалось подчиненное милитаристским целям, так называемое «народное хозяйство», за счет чего удавалось сконцентрировать материальные и финансовые ресурсы и организовать трудовые и бытовые условия тех, кто своими руками обеспечивал воплощение мобилизационной модели, каким образом политической системе удавалось так эффективно принуждать население к воплощению своей воли и исполнению своих команд, как были взаимосвязаны множественные аспекты этого гигантского механизма, как и многие другие вопросы, до сих пор остаются открытыми.

Начало

Военная промышленность СССР, или, как ее принято было называть, «оборонная промышленность» или «оборонка», всегда была предметом особого внимания в нашей стране. Именно ей передавались, наиболее ценные природные и трудовые ресурсы, именно на ее создание направлялись основные материальные средства, именно для нее закупались на валюту, вырученную от продажи хлеба и леса, технологии и стратегические материалы.

Новые населенные пункты, запланированные, а, с начала первой пятилетки и реально возводимые, в местах расположения строящихся военно-промышленных объектов и связывающих их транспортных артерий, становятся опорными пунктами новой системы расселения. А коммунальное жилище, во всех своих проявлениях – бараки, общежития, рабочие казармы, гостиницы для совслужащих, землянки, палатки, коммунальные квартиры и т.п. – основным типом размещения контингентов строителей, заводских рабочих и трудящихся обслуживающих предприятий.

Военно-мобилизационная экономика и трудо-мобилизационное хозяйство неразрывно связаны с важнейшим организационно-управленческим вопросом: кто будет этими процессами руководить? Осуществленная властью расселенческая, градостроительная и жилищная политика советской власти, направленные на обеспечения выполнения военно- и трудо-мобилизационной организации населения страны, были уникальны, потому, что не имели цивилизационных precedентов. Они основывались на никогда ранее не существовавшем решении – в общегосударственном масштабе передать во «владение и распоряжение» государственным хозяйствующим «субъектам» отдельные сферы деятельности и связанные с их функционированием крупные фрагменты территории страны, а также заботу о расселении на этих территориях трудящихся, занятых в этих сферах деятельности. Таковыми «субъектами» становятся: а) ВСНХ, ведающей всем новым промышленным (прежде всего, военным) строительством и связанным с ним гражданским строительством; б) Главное Управление Коммунального Хозяйства НКВД (ГУКХ НКВД) – управляющее существующими городами и городской инфраструктурой городов-новостроек, а с начала 1930-х гг.; в) ГУЛАГ (Главное Управление Лагереи), обеспечивающее добычу природных ресурсов и широкий спектр работ по освоению необжитых территорий.

Именно этим государственным «субъектам» поручается обеспечивать расселение и жилищное обустройство подвластных им контингентов людей. Власть принимает подобное решение, исходя из не-

обходимости оптимизации организационно-управленческой структуры – так легче осуществлять общегосударственное планирование и распределение средств, проще контролировать их использование и обеспечивать взаимоувязанное возведение производства и жилья, необходимого для размещения, сначала, строительных рабочих, а потом, постоянных кадров промышленности. Так надежнее, потому, что в одних руках сосредотачивается и ответственность за выполнение планов, и комплекс средств их выполнения (в который люди, территория, т. е. ресурсы а также инфраструктуры, входят как основные составляющие). В условиях концентрации всех сил и ресурсов на развертывание мощнейшего военно-промышленного комплекса, в условиях формирования единоначалия, жесткой исполнительской дисциплины, персональной ответственности руководителей и т. п., подобная структура руководства, действительно, оказывается наиболее простой и эффективной.

Перемещение центра тяжести в производстве вооружений со специализированной группы военных заводов на основную промышленную базу страны, являются ключом в понимании специфики советской стратегии формирования военно-промышленного комплекса. Подобная ассимиляция военных и гражданских производств в СССР имела свои весомые индустриально-технологические причины. Разъяснение их лучше начать с документа, принятого 18 июля 1928 г. Реввоенсоветом СССР под ёмким названием «Система танко-, тракторо-, авто- и броневооружения РККА». Он был разработан под руководством В. К. Триандофилова и стал основой советской бронетанковой доктрины на протяжении 1930-х и последующих годов.

С самого начала реализации «Системы...» использование заграничной техники рассматривалось, как весьма многообещающий путь ускорения перевооружения советских войск. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 июля 1929 г. «О состоянии обороны СССР» приказывает РВС СССР «... усилить взятый темп работ по усовершенствованию техники Красной Армии. Наряду с модернизацией существующего вооружения, добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов, а затем и внедрения их в армию, современных типов артиллерии, и в первую очередь батальонных орудий, дальнобойных пушек, сверхмощных гаубиц, зенитных орудий, различных мощностей мортир, крупнокалиберных пулеметов, химических средств борьбы, всех современных типов танков, бронемашин и прочее, для чего считать целесообразным всемерное использование заграничного технического опыта и помощи, а также приобретение наиболее нужных опытных образцов». Этим постановлением принимается новый пятилетний план строительства вооруженных сил, нацеленный на достижение военного превосходства над вероятным противником. Утверждает оно и лимиты вооруженных сил на конец первой пятилетки: численность армии мирного времени – 648 700 человек, а в случае мобилизации – 3 млн; военно-воздушный флот – 2 000 боевых самолетов в строю, 500 в резерве, 1000 в запасе; ... орудий средних и крупных калибров – 9 348, мелких калибров – 3 394¹.

Требования постановления Политбюро ЦК ВКП (б) постановлением «О состоянии обороны в СССР» от 15 июля 1929 г. представляются непосильными для военного производства, потому, что тяжелая промышленность ни индустриально, ни технологически, ни в конструкторском отношении, совершенно не готова к подобным объемам высокотехнологичного производства. Не устраивают они и некоторых теоретиков и практиков военного искусства, например, М. Н. Тухачевского. Но с совершенно иной стороны.

Указанные в постановлении масштабы прироста вооруженных сил СССР представляются М. Н. Тухачевскому недостаточными в отношении к той стратегии, так называемых «глубоких операций» (танковых и воздушно-десантных), которую он теоретически разрабатывает, начиная с 1927 г., в контакте с В. К. Триандофиловым. Разрабатываемая им модель модернизации Красной Армии, основана на его убеждении, что грядущая война будет «войной моторов». Об этом, в частности, он пишет в своей докладной записке от 20 декабря 1927 г. наркому К. Е. Ворошилову. Однако доводы М. Н. Тухачевского оказываются услышанными высшим руководством страны далеко не сразу. Почти два года М. Н. Тухачевский пытается преодолеть вполне обоснованный скепсис военного и политического руководства страны, донести до К. Е. Ворошилова и И. В. Сталина свои предложения.

16 декабря 1929 г. он выступает на заседании Военной секции при Коммунистической академии с докладом «О характере современных войн в свете решений VI Конгресса Коммунистического Интернационала», в котором излагает оперативно-тактические методы «глубокой операции», в основе которых лежит утверждение, что грядущая война будет основана на «повышенном техническо-экономическом базисе», что предполагает не только численное увеличение Красной Армии, но и ее серьезное обеспечение новой техникой. Через месяц – 11 января 1930 года М. Н. Тухачевский направляет К. Е. Ворошилову новую докладную, в которой излагает развернутую программу модернизации Красной Армии с учетом геостратегических целей и геополитического положения СССР. По его мнению, к концу пятилетки страна обязана иметь 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков².

Цифры невероятные, по сравнению с намеченными Политбюро лимитами вооруженных сил, которые и так плохо реализуемы и, практически, при всем напряжении сил, все равно не выполняются. Подобные предложения встречает вполне обоснованное недоверие и противодействие руководства партии и высших военных чинов, потому, что для них очевидным является тот факт, что страна не располагает производственными мощностями, способными обеспечить выпуск военной техники в подобных количествах.

Выход, который предлагает М. Н. Тухачевский, прекрасно понимая реальное положение дел в промышленности и конструкторской сфере, состоит в том, чтобы производить военную продукцию на гражданских заводах!

В этой идее, казалось бы, нет ничего нового и прогрессивного. Она давно известна и даже банальна, поскольку опыт Первой Мировой войны обобщенный и изученный советскими аналитиками в послевоенный период, а также исследование характера и движущих сил развития индустриального потенциала крупных капиталистических стран, показали, что при непрерывно возрастающей потребности в оружии, базировать его производство одних лишь только военных предприятий, т. е. изначально специализированных на производстве вооружений, нельзя – этого недостаточно³.

Аналитики научного совета Главного Управления Военной Промышленности давно изучили опыт того, как наиболее передовые капиталистические страны, такие, например, как Германия, в ходе Первой Мировой войны стихийно перешли к новой системе производства вооружений, заключавшейся в переносе центра тяжести в производстве вооружений с относительно узкого круга специализированных военных заводов на максимально широкий круг государственных и частных промышленных предприятий. Тем самым, капиталистическим странам удалось максимально приспособить гражданский промышленный потенциал к военным нуждам и, в результате, добиться гигантского роста производства оружия. Так, в Германии, раньше других стран вынужденно вступившей в годы мировой войны на путь перестройки организационный основ своей военно-промышленной базы, вместо 100 легких орудий, которые германские военные заводы в начале войны могли поставлять в течение месяца, к концу войны месячная производительность поднялась до 2500, т. е. увеличилась в двадцать пять раз. По тяжелым орудиям месячная производительность возросла с 20 орудий в 1914 г. до 460 в 1918 г., т. е. увеличилась в двадцать четыре раза. Этот гигантский рост производства был достигнут за счет использования 586 заводов самых разнообразных отраслей металлопромышленности, вместо 4 кадровых заводов, производивших орудия до войны. Производство пулеметов возросло с 4 тыс. в месяц в 1914 г. до 15 тыс. в 1918 г. Здесь, вместо 3 кадровых заводов участвовало более 60 машиностроительных предприятий. Сто гражданских предприятий, привлеченных к 8 кадровым заводам, подняли производство винтовок с 35 тыс. в месяц в 1914 г. до 250 тыс. в месяц в 1916 г.

Точно также и в других странах. Например, крупнейшие гражданские автомобильные фирмы США, в том числе Форд, Паккард, Кадиллак, Додж, Нэшнел и др., производили в 1917–1918 гг. широкий спектр важнейших предметов вооружения, начиная с автомоторов, корпусов самолетов, танков, болванок снарядов, лафетов и кончая винтовочными штыками. Аналогично обстояло дело с производством всех видов химического оружия, с той, однако, существенной поправкой, что новое могущественное средство разрушения, которым мировая война обогатила арсенал смерти, – отравляющие вещества – с самого начала явилось продуктом не специальных военных заводов, а общего развития химии и производились, фактически, на гражданских предприятиях⁴.

Исходя из этого опыта, советское военное руководство еще в начале 1920-х гг. предлагает усиливать оборонную мощь страны за счет заводов гражданской промышленности, приспособленных для изготовления военных изделий. Она высказывается в марте 1924 г. в докладе «Об организации военной промышленности», представленном в Реввоенсовет, Совнарком и СТО начальником Главного Управления Военной Промышленности ВСНХ СССР, подготовленным П. И. Богдановым и его помощником по военно-техническим вопросам проф. В. С. Михайловым⁵. Поэтому предложение М. Н. Тухачевского выпускать военную продукцию на гражданских заводах оказывается еще и тривиальным.

В чем же оригинальность и новизна его идеи, если во всех индустриально развитых странах способность производственной базы гражданской промышленности к скорейшей мобилизации своих экономических и технологических ресурсов и максимально быстрому переводу на военные рельсы рассматривается как один из основных показателей военной мощи? СССР, в этом отношении не является исключением⁶. Именно в соответствии с этим принципом, практически, ко всем советским гражданским производствам, начиная с конца 1920-х гг., применяется требование «мобилизационной готовности», т. е. способности в случае войны быстро переключаться на выпуск военной продукции. С учетом этого требования они проектируются, территориально размещаются и технологически оснащаются. Так называемые «мобилизационные планы», обязательные для каждой фабрики и завода, предполагают список мероприятий по переходу на выпуск военных изделий. Однако, тот же опыт Первой Мировой войны свидетельствует, что быстрого освоения военной продукции системой гражданского производства не происходит – приспособление гражданских заводов под военные цели занимает от одного до трех лет. Кроме того, изделия военной промышленности требуют высокой точности и технологичности, к чему гражданские специалисты оказываются, как правило, не готовы.

Но М. Н. Тухачевский придает предложению использовать гражданское производство в военных целях абсолютное иное звучание и совершенно иное содержание. Он предлагает для массового выпуска определенных типов танков вообще не строить обособленных специализированных военных заводов, а изготавливать танки по частям на гражданских тракторных заводах. Тем более, что, как он утверждает: «танки, идущие обычно во 2-м и 3-м эшелонах могут быть несколько меньшей быстроходности и большего габарита... А это значит, что такой танк может являться бронированным трактором»⁷. Эти предложения подтверждаются в это время данными разведки. Так, в конце 1930 г. на английской фирме «Виккерс» разрабатывается проект малого плавающего танка, подвеска которого заимствуется у легкого трехтонного трактора той же фирмы, разработанного в 1929 г.⁸ Подтверждались они и сведе-

ниями, полученными в ходе военного сотрудничества с рейхсвером, договор с которым о совместных работах в области танков осуществляется с 1926 г.⁹

В свете постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 июля 1929 г. «О состоянии обороны СССР», особенно нацеливавшего руководство тяжелой промышленности на массовое производство танков, предложение максимально задействовать гражданскую промышленность привлекает внимание. Оно, как «спасительная соломинка», потому, что выполнение планов выпуска танков является наиболее сложной частью правительственного задания. В отличие от военного авиастроения, в России до революции танки, если не брать в расчет несколько экспериментальных образцов, не производились. В 1927 году броневые силы Красной Армии состояли всего лишь из одного танкового полка, вооруженного трофейными танками MkIV и MkV, захваченными еще в период гражданской войны, и шести автотанковых дивизионов – «Рикардо» (MkV) – 45 единиц, «Тейлор» (бывший английский MkA) – 12 единиц, «Рено» – 33 единицы. Кроме них на вооружении состояло 54 бронемшины АМО Ф-15 и нескольких десятков бронепоездов¹⁰. В стране нет ни опыта конструирования, ни навыков производства, ни соответствующих «обеспечивающих» отраслей – двигателестроения, высокопрочных металлов, сварки, изготовления танковых орудий и многого другого, что необходимо для выпуска этих сложных машин. Но партия и правительство безапелляционно приказывают иметь в армии мирного времени к концу пятилетия, не много ни мало: а) 1500 танков в строю, б) 1500–2000 в запасе и еще в) 1500–2000 – в резерве (итого, около 4500–5500 танков)¹¹. А кроме того, промышленность обязана быть готова к обеспечению постоянного поддержания указанного количества танков во время войны. Однако у промышленности дела не клеятся: «1. ... К настоящему времени на вооружении РККА имеется только тип танка Т-18 (скорость 12 км/час, вооружение 37-мм пушка и 2 пулемета, защищен 18 мм броней), производство которого установлено на заводе «Большевик». 2. Т-18 не отвечает современным требованиям к данному типу танков. 3. Кроме Т-18 других конструкций не имеется. 4. Пятилетняя программа тракторостроения и моторостроения не увязана с танкостроением и удовлетворением потребностей армии в танках и мощных тракторах. Не проработано обеспечение танкостроения броней и моторами, нет достаточных конструкторских сил...» – безрадостно констатирует постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 декабря 1929 г. «О выполнении танкостроительной программы». Для спасения ситуации с отечественным танкостроением этим постановлением предлагаются следующие меры: «...5. Обеспечение выполнения установленной Политбюро программы (15.07.1929 г.) танкостроения требует: а) форсированного решения всех вопросов, связанных с производством танков и тракторов (броня, мотор, сталь и т. д.), б) скорейшее получение отвечающих современным требованиям типов и образцов танков. 6. ... Командировать за границу авторитетную комиссию из представителей ВСНХ и Наркомвоенмора и возложить задачу: а) выбор и закупку типов и образцов танков, б) выяснения возможностей получения техпомощи и конструкторов. Закончить работу не позже 1.04.1930 г. 7. Программа танкостроения должна быть выполнена к концу 1932/33 гг. 8. Программа танкостроения 1929/30 гг. в размере 300 танков Т-18, 30 танков Т-12 и 10 танкеток должна быть выполнена к октябрю 1930 г.»¹²

Получившее столь категорические указания, руководство оборонной промышленностью незамедлительно отправляет за границу для ознакомления и закупок заграничных моделей бронетанковой техники Комиссию во главе с начальником свеже созданного Управления Механизации и Моторизации (УММ) РККА И.А. Халепским, так называемую «Комиссию Халепского»¹³. Причём комиссия изначально нацеливается на покупку не только образцов, но и технической документации, позволявшей наладить массовое производство аналогичной техники в СССР.

Комиссия И. А. Халепского (члены Комиссии Н. М. Тоскин и В. Д. Свиридов) закупает образцы английского легкого танка «Виккерс 6-тонный» (он же «Виккерс-Е»), который 13 февраля 1931 принимается на вооружение РККА под маркой «Т-26». А 28 апреля 1930 г. заключает договор между «Юнайтед Стейтс Уил Трек Лэйер Корпорейшн» и «Амторг Трейдинг Корпорейшн» (через которую действует комиссия)¹⁴, на приобретение двух штук американского танка «Кристи М1931». Согласно договора для экспорта в СССР продаются не только танки, но и все патентные права в отношении производства подобных машин. Продавец соглашался оказывать техническое содействие для производства таких танков в СССР и сообщать информацию о дальнейших модификациях танка М1931. За 2 танка было заплачено \$ 60000, за патент – \$ 100000, за запасные части к первой паре – \$ 4000¹⁵.

Пара купленных М1931 прибыли в СССР 24 декабря 1930 г., однако, Кристи отправил танки без башен, вооружения и части документации, ввиду чего советская сторона, возмущившись, удержала \$ 55000. Кристи рассвирепел, и не только отказался ехать в «Страну Советов» налаживать производство на месте (об этом существовала устная договорённость), но и прекратил информирование советской стороны о дальнейших модернизациях танка (о чем первоначально также была достигнута договоренность)¹⁶. Впрочем, чертежи этих модернизаций вскоре все равно были приобретены сотрудниками «Амторга» у инженеров, работавших с Кристи, а М1931 подвергся в СССР всестороннему изучению и после установки на него специально разработанной башни был принят на вооружение под названием БТ-2. Его производство было налажено на Харьковском паровозостроительном заводе им. Коминтерна и он стал прообразом всех танков семейства БТ. Подвеска Кристи применялась на советских танках вплоть до Т-34 включительно¹⁷.

Параллельно с работой Комиссии Халепского по приобретению образцов изделий и технологий, руководство оборонки начинает лихорадочно искать технические пути решения проблемы массового поточно-конвейерного изготовления танков. Естественным шагом было не изобретать велосипед,

а посмотреть, как это организовано за рубежом, тем более, что именно такой подход рекомендовался 6-м пунктом танкостроительной программы. Вскоре в ВПУ поступает Справка из Штаба РККА (IV управление)¹⁸, в которой сообщается, что на Западе специальных танковых заводов вообще нет – их заменяет кооперация заводов. В большинстве случаев – говорилось в Справке – сборка поручается крупному автомобильному или вагоностроительному заводу. В САСШ (так тогда именовали США) военное ведомство само распределяет между различными заводами изготовление частей танков, а затем, организует их окончательную сборку в готовое изделие уже в своих «арсеналах»¹⁹.

Видимо, не без учета этой оперативной информации, а также давних предложений П. И. Богданова (1924 г.), научно-технический совет Главного Управления Военной Промышленности (ГУВП) формулирует положения стратегии развития советской танкостроительной промышленности: «...можно констатировать, что при производстве более или менее крупных количеств танков, тракторов и автомобилей, работу по подготовке всего необходимого придется разбить на 3 основных этапа:

- 1) конструирование образцов;
- 2) изготовление опытных образцов;
- 3) передача образцов на валовое производство.

Если в первой и, отчасти, во второй стадии мы имеем органы военной промышленности, которые могут в большей или меньшей степени выполнить поставленную задачу, то в третьей стадии – передача на валовое производство – сейчас трудно представить себе те производственные объединения, которые были бы в состоянии справиться с задачей и поставить совершенно новое в стране производство.

Единственным выходом, который, по мнению Главного Управления Военной Промышленности, может быть принят для решения этой сложной задачи, явилось бы производство машин по так называемой горизонтальной системе, то есть разбивка объектов на типичные с производственной и технической точек зрения части-узлы (примерно: броня-корпус-башня-ходовая часть-двигатель и т. д.) и второе – изготовление этих узлов на отдельных заводах, применяя систему допусков, с организацией одной или нескольких сборочных мастерских, используя для этой цели или заводы военной промышленности, или сборочные заводы Автотреста, на которых должен производиться окончательный монтаж машин»²⁰.

По мнению руководства ГУВП, это «...единственный выход, так как постройка специальных заводов будет стоить большие суммы и, кроме того, эти заводы могут вступить в работу через весьма продолжительный промежуток времени, что совершенно не обеспечивает срочность перевооружения Рабоче-Крестьянской Красной Армии, так как установившаяся у нас практика постановки новых производств показывает необходимость весьма длительного периода постановки, продолжающегося до 3–4 лет, что в данном случае неприемлемо»²¹.

Эта рекомендация Главного Управления Военной Промышленности дает М. Н. Тухачевскому дополнительные обоснования его предложений, неожиданно добавляет в его фантастические мечты изрядную долю реализма. Предложения М. Н. Тухачевским перестают быть столь надуманными и фантастическими, как они воспринимались до сих пор. В идее изначально создавать гражданскую промышленность таким образом, чтобы еще до войны она на постоянной основе содержала военный компонент, есть выход из многих организационно-технических проблем. Предложение о том, что основные виды военного производства в мирное время должны быть в постоянной производственной отработке на гражданских объектах, о том, что именно гражданские заводы должны производить основной объем военных полуфабрикатов, способно существенно изменить положение дел с военными приготовлениями, обеспечить милитаризационную программу.

Но эта схема додумывается М. Н. Тухачевским до совершенно необычного вывода. Она превращается в глобальную инновационную доктрину формирования военно-промышленного комплекса. Вслед за американской военной индустрией, предлагается тотально использовать гражданскую промышленность и наладить на заводах гражданского профиля выпуск широчайшего спектра, собственно, военной продукции. Но не в законченном виде, а лишь как отдельных элементов. Например, для изготовления военного изделия, именуемого «выстрел», на гражданских заводах предлагается изготавливать составляющие – гильзы, корпуса снарядов, капсюли, взрыватели, дистанционные трубки, тротильные заряды. Или например, выпускать на гражданском производстве компоненты такого военного изделия, как «система орудийного огня» – орудийные тела, лафеты, передки, оптические приборы. По отдельности все эти комплекты не образуют еще конечного «военного продукта» и превращаются в него лишь на специализированных сборочных мастерских или заводах ВПК, где подлежат сборке в законченное «военное изделие» вместе с другими «специализированными военными» полуфабрикатами, изготавливаемыми на специальных военных заводах.

Но в отличие от американской системы, советскую военную компоненту предлагается не просто крепко-накрепко «вшить» в структуру гражданских производств, а, наоборот, возведение гражданских фабрик и заводов планировать и осуществлять исходя исключительно из потребностей военной промышленности, т. е. планировать постройку тех производств, которые необходимы для выпуска военной продукции, и уже на основе этого базового процесса, развертывать соответствующее по технологическому профилю производство гражданской продукции.

Продолжение

В идее ассимилировать военное производство с обычным мирным производством, следует различать: а) изначальное размещение на гражданских производствах выпуска некоторых категорий изде-

лий, используемых в военное время для военных нужд и б) общее использование всего гражданского промышленного аппарата для обслуживания военных нужд. Это разные вещи. Многие предметы потребления армии, такие, например, как обувь, одежда, предметы питания и проч. имели двойное употребление – военное и гражданское, и прежде производились, в основном, не специально предназначенными для этой цели военными предприятиями, а соответствующими мирными фабриками – текстильными, обувными, электротехническими и пр. Подобные предметы и оборудование (военные изделия, так называемой, третьей группы) – понтоны, интендантское имущество, средства связи и маскировки, инженерный инструмент, электротехническое и железнодорожное оборудование, обувь (валенки, сапоги) и т. п. изготавливались целиком на гражданских заводах, сразу в законченном виде.

Советский вариант постоянного включения в мирное время гражданской промышленности в выпуск военной продукции, а, точнее, в постоянный выпуск военной продукции, сопровождающейся изготовлением гражданской, кардинально меняет взгляд на характер гражданского производства, так как превращает его в «военно-гражданское». Предполагается, что структура единого «военно-гражданского промышленного комплекса» будет включать: а) гражданские предприятия, на которых в мирное время постоянно изготавливались бы военные полуфабрикаты, и б) автономную, также постоянно развернутую сеть специальных военных производств, осуществляющих технологически состыкованное и календарно согласованное производство специализированных военных комплектующих и сборку готовой военной продукции. Последнее требует наличия постоянного кадрового состава и специфического материально-технологического комплекса. Равным образом, требуется научный потенциал для разработки и освоения новых видов вооружений.

При соблюдении этих условий задача масштабного перевооружения и резкого численного увеличения военной техники вооруженных сил страны, представляется М. Н. Тухачевскому вполне разрешимой даже в относительно короткие сроки. Он указывает, что в результате принятия его предложений, количество танков-тракторов с каждым годом будет увеличиваться и к концу 1932 года достигнет 40000. Примерно, в том же духе он рассуждает и по поводу авиации. Его убежденность находит поддержку и летом 1930 г. М. Н. Тухачевский включается в состав комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам развития гражданской авиации (председатель комиссии – Рудзутак Я. Э., члены: Баранов П. И, Туполев А. Н., Королев С. П., Уборевич И. П.)²².

Предложения М. Н. Тухачевского нацелены не столько на увеличение производства военной техники, сколько, и это самое главное – на выдвижение принципиально нового способа формирования самих основ советского ВПК. М. Н. Тухачевский предлагает кардинально иной характер его структурирования, нежели это планировалось до сих пор. Военное производство призвано стать маховиком развития гражданской промышленности, а гражданское производство – ресурсной составляющей военного. Подобная «ассимиляция производства» – т. е. изначальное объединение в одну двух систем, существовавших ранее как обособленные и автономные: а) военных и б) гражданских заводов, со стратегическим подчинением гражданского производства военным целям, обеспечивает решение широкого круга задач. В частности, позволяет в мирное время гражданские производства использовать для производства готовых изделий и комплектующих военного назначения, а военные производственные мощности частично использовать для выпуска гражданской продукции. Что, заметим, впоследствии, и реализуется практически. Так, например, 16 июля 1931 г. СНК СССР принимает совершенно секретное постановление № 146/сс «Об экскаваторах», в котором предписывает: «поручить ВСНХ СССР совместно с НКВоенмором проработать вопрос о возможности постановки производства экскаваторов на одном из военных заводов»²³. Другой пример – 13 ноября 1932 г. руководство Наркомтяжпрома принимает решение о переключении завода им. К. Маркса с производства деталей для подводных лодок, заказов по торпедному вооружению, компрессорам и ремонту вооружения судов на производство текстильных машин²⁴.

Идея «ассимиляции производства» не является персональным изобретением М. Н. Тухачевского. В докладе от 8 июля 1929 г., представленного Правительственной комиссией под руководством К. Е. Ворошилова (создана директивой РЗ СТО 23 апреля 1929 г.) содержится критика пятилетнего плана, сформированного Госпланом, основанная как раз на указании на «неиспользованные ресурсы гражданской промышленности», на необходимость вовлечения ее в процесс «ассимиляции» и т.п. Благодаря ассимиляции военных и гражданских производств должна достигаться, во-первых, их взаимодополняемость.

Во-вторых, возможность, в случае необходимости, быстрой адаптации гражданских рабочих кадров к военному производству, потому, что в составе производственного коллектива постоянно присутствуют квалифицированные мастера по производству военной продукции, которые в случае необходимости, способны в короткие сроки осуществлять ускоренную переподготовку гражданских специалистов. Например, на совершенно гражданской швейной фабрике, изготавливающей вполне мирную продукцию есть производственная линия, постоянно шьющая плащ-палатки. И запас брезента имеется, и ниток, и мастера, практически освоившие технологию. С началом войны за мастерами в качестве учеников, закрепляются по 10–15 других мастеров, работавших рядом, таких же опытных, как и они, но не имевших ранее дела с подобной продукцией. Последние почти мгновенно «переучиваются» на данный вид продукции и фабрика тут же переходит на изготовление плащ-палаток. А «старые» мастера берут в обучение новеньких, неопытных, призванных по трудмобилизации и начинают (уже в более длительный срок) обучать их в целях расширения объемов производства и замены призываемых на фронт.

В-третьих, способность во время войны многократно наращивать выпуск военной продукции, за счет относительно небольших дополнительных затрат (в частности, за счет перехода на двух- или трех сменный график работы).

В-четвертых, возможность ввести единые сортаменты и стандарты для военной и гражданской техники (например, единые стандарты для трактора и легкого танка, автомобиля и броневика, гражданского и военного самолетов и проч.), позволяющие делать детали и комплектующие взаимозаменяемыми.

В-пятых, лавинообразно расширить для вероятного противника список военных целей, «растворив» военные объекты в массе «гражданских» – враг лишается возможности намечать конкретные военно-промышленные цели и оказывается перед необходимостью осуществлять трудоемкие и съедающие массу военных ресурсов, ковровые бомбежки всех подряд промышленных территорий и производственных объектов, в том числе и огромное количество гражданских объектов, так как все они оказываются «немного военными».

М. Н. Тухачевский, как военный стратег и крупный организатор, приученный самой армейской службой выслушивать чужие мнения, оценивать их, извлекать основную мысль и наиболее ценное содержание, принимать самостоятельные обобщающие решения, сумел понять и суть существовавших на тот период проблем, и существо предложений по их преодолению. Сумел сгруппировать, свести воедино многие важные элементы, разрабатывавшихся в это время различных концептуальных предложений и многие реальные инициативы, идущие из разных источников. Он, являясь членом различных плановых, экономических, военных комиссий, общаясь с различными специалистами, занимая должности, связанные с необходимостью стратегического планирования путей реформирования Красной Армии, имея возможность использовать научный и технический потенциал индустриально и интеллектуально развитого Ленинградского военного округа (командующим он является с июня 1928 по май 1931 г.); получал возможность знакомиться различными соображениями и идеями и формулировать, конкретизировать, выражать свои собственные. Ему удалось свести очень разные – экономические, военно-стратегические, производственно-технические, организационно-управленческие, оборонно-технические и другие предложения в единый непротиворечивый комплекс стратегических соображений по развитию советской оборонной промышленности, выдвинув комплексное решение. В соответствии с этим, комплексным решением должно стать установление жесткой кооперации между автомобильной и тракторной промышленностью, с одной стороны, и танковой, с другой. Заводы по производству гражданских тракторов призваны стать, по сути дела, заводами по производству танков, из сугубо гражданских превращаясь в «военно-гражданские» промышленные предприятия. А заводы по производству автомобилей (в том числе автомобильных двигателей – заводами по производству танкеток).

Через пару дней после принятия 15 июля 1929 г. постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «О состоянии обороны СССР», РВС СССР собирается на заседание, подводящее итоги годичной работы над «Системой танко-тракторно-автоброневоружения РККА» (17–18 июля 1929 г.). Уточняется типология бронетанковых средств, включавшая 4 вида танков: а) танкетка колесно-гусеничная, б) малый танк, в) средний (маневренный) танк, г) большой танк²⁵.

В конце 1929 г. на заседании коллегии ГУВП под председательством Г. Орджоникидзе был заслушан доклад И. Халепского, в котором докладчик произвел сравнение характеристик танков отечественной разработки с таковыми у передовых иностранных государств. Там же С. Гинзбург доложил о состоянии дел по проектированию танка сопровождения, танкетки и маневренного танка. Итогом коллегии стал вывод о том, что срок разработки всех отечественных танков не выдержан, их ТТХ не соответствуют заданным, а по исполнению рассмотренные танки не могут выпускаться серийно, так как наши танковые конструкторы не имеют нужного опыта, а отечественная тяжелая промышленность испытывает острый дефицит кадров, станочного парка и инструмента.

5 декабря 1929 г. комиссия под председательством Наркомтяжпром Г. Орджоникидзе приняла решение об обращении к зарубежному опыту, который виделся в приглашении в СССР зарубежных конструкторов и командировании за границу лучших представителей военного ведомства и промышленности для приобретения образцов танков, артиллерийских тягачей с документацией и получения технической помощи по вышеуказанным объектам.

Постановлением Президиума Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР 19 мая 1930 г. при Мобилизационно-плановом управлении (МПУ) было создано постоянное инженерно-конструкторское бюро по танкам под руководством помощника начальника Орудобъединения А. Адамса. Основой танкового бюро стали группа конструкторов ГКБ ОАТ и конструкторская группа завода «Большевик», имевшие опыт разработки и организации серийного производства танка Т-18. Ожидалось, что уже в 1930 г. новое танковое бюро попробует свои силы по доводке закупленных за рубежом проектов передовых танков, но случилось все несколько иначе²⁶.

30 ноября 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) одобряет новую программу танкового строительства и утверждает планы доведения общего количества танков и танкеток до 20000. Решение во многом предопределено положительными данными предварительных испытаний бронированных тракторов «Коммунар» и «Катерпиллар», которые показали, что при соответствующих преобразованиях на Нижегородском автомобильном заводе можно, используя автомобильные базы и двигатели, выпускать танкетки.

Танкетки планируется выпускать также на базе 2-го автозавода ВАТО. Для освоения выпуска танкеток сюда передаются все материалы по проекту Т-25 В. Симского (при консультации С. Гинзбурга), а также

документация по танкетке «Виккерс Карден-Ллойд» и два образца, закупленных в Великобритании и доставленных в СССР в конце мая 1930 г. Здесь же, для подготовки серийного выпуска танкеток создается конструкторское бюро Н. Козырева²⁷. 3 ноября 1930 г. первый образец гусеничной танкетки с автомобильным двигателем «Форд-АА» изготовлен на заводе «Большевик». Но испытания показывают перегреваемость двигателя, поэтому в январе 1931 г. новый опытный образец (под индексом Т-27) оснащается новым моторно-силовым агрегатом ГАЗ-АА – четырехтактным, четырехцилиндровым, жидкостного охлаждения, мощностью 40 л.с., с карбюратором типа «Форд-Зенит». Танкетки производятся с широким использованием узлов и агрегатов грузового автомобиля «Форд-АА», выпускаемого на Нижегородском автомобильном заводе. С 1931 г. выпуском танкеток ведают бывший 2-й завод ВАТО и ГАЗ, в то время еще носивший название НАЗ. На базе автомобильных трансмиссий и двигателей «Форд-АА» также производятся и плавающие танки Т-41 и Т-37, выпускаемыми 2-м заводом ВАТО²⁸.

Мобилизационный план, принятый в этот период, предполагает возможность, при условии должных мобилизационных поставках броневых листов, осуществление дооборудования и дополнительной постановки в строй более 40000 бронированных тракторов, изъятых у колхозов в случае начала войны²⁹. Удивительно, но предложения М. Н. Тухачевского, так и не услышанные и не принятые высшим руководством страны, воплощаются в реальности. Воодушевленный этим, М. Н. Тухачевский пишет все новые и новые письма и докладные записки. И даже осуществляет собственные производственные эксперименты – к своему письму И. В. Сталину от 30 декабря 1930 г., в котором он в очередной раз излагает свои идеи, он прикладывает фотография бронированного трактора, вооруженного пулеметами, который был собран на ленинградском заводе³⁰.

3 марта 1931 г. В. Триандафилов, с которым М. Тухачевский поддерживал тесные контакты на протяжении 1930–1931 гг. обосновывает свой тезис о новых оперативных формах глубокого боя и, развивая идеи М. Тухачевского, формулирует тактико-технические спецификации для различных типов танков (танки прорыва, независимо действующие, приданные пехоте, прочие), тем самым, придавая новое военно-теоретическое обоснование необходимости наличия различных типов военной техники: тяжелых, средних и легких танков, бронированных тракторов, танкеток, бронеавтомобилей и др.

Идеи М. Н. Тухачевского о военном использовании мощностей гражданской автомобильной и тракторной промышленности; гражданской авиации, как основной базы военного воздушного флота, получают позитивную оценку в комиссиях, занимающихся в 1930 и 1931 гг. пересмотром планов строительства танков и самолетов и, в конечном счете, обретают поддержку И. В. Сталина.

В сентябре 1931 г. на заседании РВС было принято решение, что отечественная промышленность должна ударно потрудиться в новом 1932 г., чтобы спешно создать «бронированный кулак мотомехчастей» для войны, начало которой могло быть инициировано в 1933–1934 гг. Намечалась весьма обширная годовая программа строительства танков, которая предусматривала изготовление до 10 000 боевых машин всех классов: 3000 шт. – легких танков, 5000 шт. – танкеток и 2000 шт. – маневренных, которая была, впрочем, сокращена к началу 1932 г. до 8100 шт. (за счет ограничения заказа на танкетки с 5000 до 3100 шт.). Выполнение этой программы напрямую зависело от обеспеченности заводов отечественным и импортным оборудованием, необходимой номенклатурой сырья, полуфабрикатов и агрегатов³¹.

Для обеспечения выполнения программы танкостроительства, с полным соответствием с идеями М. Н. Тухачевского, Совет Народных Комиссаров принимает решение о «широком кооперировании танкостроения с другими смежными предприятиями ... производство целого ряда сложных деталей и агрегатов устанавливать на кооперированных заводах».

Подобные программы осуществлялись, по данным разведки, и в других странах. Так например, весной 1931 г. была получена информация о состоявшихся в Конгрессе США слушаниях по поводу производства танка Кристи, на которых была высказана «необходимость использования единых стандартов для танка и автомобиля»³². Отрабатывались они опытным путем и в СССР. Так, первый опытный образец гусеничной танкетки «В-25», созданной на основе закупленного в Англии танка «Виккерс Карден-Ллойд» и вышедшей 3 ноября 1930 г. из ворот завода «Большевик», имел двигатель «Форд-АА». В январе 1931 г. разрабатывается опытный образец танкетки Т-27, который оснащается новым моторно-силовым агрегатом, выполненным на основе двигателя ГАЗ-АА³³.

Начавшаяся в СССР осенью 1931 г. проектная разработка плавающего танка «Селезень» (получившего индекс Т-33), также практически осуществляла подобную кооперацию – использовались: ходовая часть (и общая компоновка) гусеничного трактора «Карден-Ллойд» (закупленного в Великобритании в 1930 г.) и автомобильный двигатель АМО-2 мощностью 62 л.с.³⁴.

Изготовление целого ряда сложных деталей и агрегатов, перенесенное в соответствии с постановлением СНК на кооперированных заводах, требовало определенного периода освоения. В частности, укомплектования специальным оборудованием, а также инструментами и приспособлениями. Но, самое главное, кооперирование требовало привлечения большого числа новых рабочих, преимущественно высококвалифицированных, а также специально подготовленного инженерно-технического персонала. Все это усугубляло и без того неудовлетворительно поставленное планирование производства на заводах и отсутствие точно установленного техпроцесса производства танков³⁵.

Так, при условии занятых в 1931 г. в производстве танков 17 тыс. рабочих, к концу 1932 г. намечалось увеличить их численность до 28 500 чел. Однако осуществить это было чрезвычайно трудно, особенно в условиях катастрофической нехватки специальных учебных заведений. Слабая квалифи-

кация рабочей силы при неосвоенности производства, новизна программы и частые изменения, вносимые в конструкции основных изделий, приводили к срыву планов. Все это определило к концу года невозможность выполнения задачами намеченной производственной программы, в результате чего план был пересмотрен правительством в сторону его снижения, а также поднят вопрос об образовании нового машиностроительного треста для изготовления современной бронетанковой техники. 26 октября 1932 г. приказом наркома Тяжелого машиностроения Г. Орджоникидзе был создан Трест Специального Машиностроения (СПЕЦМАШТРЕСТ) в составе Ленинградского завода им. Ворошилова (бывший завод «Большевик»), завода «Красный Октябрь», 2-го завода ВАО в Москве и Харьковского паровозостроительного завода (ХПЗ) им. Коминтерна.

Перед руководством только что образованного треста были поставлены задачи не только обеспечить массовый выпуск находящихся в производстве танков, но и провести опытно-конструкторские работы по созданию новых, более совершенных боевых машин. На большинстве заводов, вошедших в трест, производство танков велось с 1927–1929 гг. При этом если на заводе им. Ворошилова и 2-м заводе ВАО это производство к осени 1932 г. уже носило серийный характер, то ХПЗ еще только готовился к крупносерийному производству танков БТ. А завод «Красный Октябрь», прежде специализировавшийся главным образом на производстве запасных частей для тракторов, с 1932 г. переводился на выпуск деталей танков для завода им. Ворошилова и ремонт двигателей М-5 для ХПЗ. В 1932 г. был также образован опытный завод Спецмаштреста, в 1936 г. получивший собственный номер – 185. В 1933–1934 гг. в состав треста были дополнительно включены ремонтные заводы № 104 и 105, Киевский завод им. В. Я. Чубаря, а также Харьковский автосборочный завод (с 1936 г. завод № 48).

Воплощение

Предложения М. Н. Тухачевского оказались поддержаны руководством страны потому, что соответствовали политике широкого производства военной продукции на базе гражданской промышленности, а также побочного развития гражданских отраслей производства за счет функционирования военной индустрии, рассматривавшейся как маховик индустриального развития страны в целом. Соответствовали они и доктрине формирования территориальной военно-мобилизационной системы, воплощаемой через концепцию соцрасселения. Устраивали они и военное руководство, так как позволяли претендовать на увеличение своей доли ресурсов в рамках растущих машиностроения, автомобильной и авиационной, химической промышленности, в то же время оставляя гражданскому сектору промышленности возможности для быстрого самостоятельного роста.

Общее использование всего гражданского промышленного аппарата для обслуживания военных нужд, вылилось в создание единой системы производства, устроенной так, чтобы быть изначально приспособленной для использования оборудования и кадров самых разнообразных отраслей гражданской промышленности для производства вооружений. В этом и состоит суть «военно-гражданской ассимиляции производства», как нового метода организации государственной ресурсно-производственной базы военного комплекса.

Идея «ассимилированного производства» исходит из того, что «война должна перерасти рамки арсеналов» – военная компонента призвана стать структурообразующей для всей крупной промышленности. Военная компонента встраивается в гражданскую за счет кооперирования целых групп предприятий массового производства вооружений с гражданскими предприятиями, предназначенными, якобы, для «удовлетворения потребностей населения». Производство вооружений еще на стадии разработки проекта структуры индустриального производства в целом, выводится за рамки кадровых военных заводов (и поставщиков сырья для них) и превращается в систему производства оружия «на общепромышленной базе».

«Ассимилированное производство» и есть та новая организация военно-индустриальной базы стран, которая получает название «индустриализация» и определяет всю последовательность и «механику» дальнейших событий: а) обеспечение новых производств трудовыми ресурсами (коллективизация, система трудового использования заключенных, принудительные миграции), б) формирование системы расселения (концепция военно-мобилизационной структуры административно-территориального деления), в) собственно индустриализация (размещение новых производств в ресурсо-добывающих регионах в зонах, недоступных для авиации противника, пробивка рокад и устройство транспортных артерий), г) осуществление принудительного мирного труда (паспортная система и дефицит жилища, привлекающие к производству и законодательное право власти перемещать трудовые ресурсы, куда понадобится) и т. п.

В советской индустриализации все оказывается «перевернутой до наоборот» – не военные производства временно «используют» гражданские для наращивания выпуска военной продукции в военное время (как это предусматривалось мобилизационными стратегиями западноевропейских государств), а весь «промышленный аппарат» советского государства исходно строится на основе структуры военных производств, в изначально предусмотренной неразрывной кооперации с ним. Эта система не меняет специализированного производства военной продукции, так как изготовление «современной военной техники» невозможно без высокоточного производства, учитывающего особенности сырьевой и энергетической базы, зависящего от характера технологических процессов и специфики оборудования. Поэтому, специализация, например, машиностроения, проводится, прежде всего, исходя из соображений развертывания ассортимента военной продукции. Осуществляется она не только по

видам и типам изделия, но и по важнейшим деталям машин, степени и качеству переработки сырья, исходным полуфабрикатам. Она захватывает всю систему производства, не деля ее на «военные» и «мирные» заводы, что, кстати, еще больше облегчает кооперирование военного производства сложных видов оружия с гражданским производством. Одновременно, и на военных, и на гражданских заводах формируется конвейерная сборка и поточное изготовление, наиболее отвечающие массовому кооперированному производству военных машин.

В рамках «ассимилированного производства» оборудование и запасы мощностей военных заводов используются для производства обычной (а не только специализированной военной) продукции. Таким образом, интеграция осуществляется, как бы, в обратном направлении. Но и эта обратная интеграция не является «затратной», так как, по существу, она ведет к усилению производительной способности военных заводов, потому что оказывает влияние на улучшение оборудования и рационализацию технологических процессов на гражданских предприятиях, кооперированных с военными.

Учитывая опыт развития военно-индустриальной базы капиталистических стран и используя все преимущества социалистического строя, позволяющего, минуя столкновение частных и государственных интересов, особенности буржуазного законодательства и демократического устройства, советская власть концентрирует все силы для осуществления общегосударственных планов «рациональной организации массового производства на началах специализации, кооперирования и комбинирования», «которая полностью может быть развернута и обнаруживает свои гигантские преимущества только в СССР, в стране побеждающего социализма...»³⁶

Власть сознательно использует производственную мощь и значение специальной военной индустрии в качестве основной базы для развития «гражданского» производства, которое, в определенной степени, изначально превращается в «военное». В рамках ассимилированного производства, специалисты кадровых военных заводов выступают по отношению к гражданским в роли инструктирующего и организующего персонала. Совершенствуя изготовление наиболее сложных и ответственных изделий, производя опытные образцы вооружения, специальные военные заводы в то же время служат лабораториями, в которых прорабатываются технические вопросы постановки массового производства оружия на гражданских заводах и школами кадров для этих заводов. Они обеспечивают снабжение кооперированных предприятий специальными приборами и инструментами (лекала, шаблоны, штампы и т. п.), возглавляют в техническом отношении производство отдельных видов (или деталей) оружия на кооперированных группах заводов, инструктируют постановку производства новых видов оружия и т. д.

Включенные в эту систему, десятки и сотни гражданских предприятий, разбиваются на группы по степени важности и ответственности исполняемого ими военного задания, по сложности специальных мероприятий по приспособлению оборудования, по дефицитности сырья, по квалификационному составу рабочих кадров и т. д. Массовое размещение на них военных заказов, казалось бы, ничего общего не имеющих с производством бытовых предметов, должны по замыслу приводить (и как покажет практика, действительно приведет) к их развитию. В частности, к прогрессу и технологии изготовления и обработки нержавеющей стали и использованию их в производстве бытовой техники, появлении качественных металлов, сложных сплавов, легких металлов, внедрении новых методов организации технологических процессов и управления персоналом и подготовки высококвалифицированных кадров, как например, внедрение и освоение в гражданском машиностроении передовых методов штамповки, электросварки, центробежного литья и т. п.

А в тех областях деятельности, где «военный интерес» отсутствует – на целых группах гражданских заводов – доиндустриальный характер машинного производства еще долгое время останется не измененным.

Вместо заключения

Использование ассимиляции и кооперирования для превращения всего совокупного промышленного аппарата в потенциальный военный конвейер гигантской производительной способности, подержанное массовым развертыванием системы военно- и трудо-мобилизационных мероприятий, превращает, начиная с 1930-х гг., всю страну в единый военный лагерь.

Этим в значительной мере объясняется то обстоятельство, что сами по себе цифры о количестве рабочих, занятых непосредственно в военной индустрии, мало что способны разъяснить современному исследователю в понимании истинного состояния дел в советском военно-промышленном комплексе, создаваемом в ходе индустриализации. Ничего они не способны сказать и о реальной мощности системы кооперированных (ассимилированных) военных производств. Не говоря уже обо всей условности такого рода подсчетов, так как они и в отдаленной степени не отражаются в данных о собственном военном потенциале промышленности в СССР.

Имеющиеся в военных источниках, данные о военной индустрии затрагивают лишь одну сторону той общей хозяйственной подготовки СССР к войнам, которая, фактически, и была осуществлена советской индустриализацией в широчайших масштабах. Какую бы конкретную область жизни СССР мы ни взяли (транспорт, жилищная и градостроительная политики, сельское хозяйство, ресурсодобыча, внутренний и внешний товарооборот), мы везде сталкиваемся с элементами подготовки к войне, со систематической упорной военно-мобилизационной работой. Можно не замечать ее. Можно переносить упор аргументации в трактовке событий и фактов на титульные списки, собственно, военных предприятий, изначально ограничивая себя специфической документальной базой. Можно держаться

за имеющиеся разъяснения и сведения, не желая выходить за «предметные коридоры научного знания» (да и личных интеллектуальных мощностей на это, попросту, недостает). Можно рассматривать только те налоговые льготы, субсидии и безвозвратные ссуды, которые направлялись на военное производство, не раскрывая всего арсенала средств монополистического регулирования, который был пущен в ход государством для создания системы «военно-гражданского» производства сверхбыстрыми темпами. Можно игнорировать осуществляемое властью в 1930–1940-е гг., законодательное обеспечение милитаризации, практически, всего гражданского труда, с выработкой форм привлечения населения к работе на тех же основаниях, что и мобилизуемых на фронт солдат – то есть принудительно или «добровольно-принудительного», когда молодой или высококвалифицированный специалист добровольно ехал туда, где требовались его рабочие руки, потому, что прекрасно понимал, что в случае отказа, мог быть подвергнут отправке туда вне его желания и воли. Можно отбрасывать из анализа структуры ВПК рассмотрение системы мероприятий по осуществлению искусственного комплектования рабочей силой трудового населения соцгородов и соцпоселков, возводимых подле военных производств, а также потребными трудовыми ресурсами – отдаленных и осваиваемых территорий. Можно оставлять за рамками исследовательского интереса свидетельства современников о наличии на обычных гражданских фабриках специальных цехов, на основе которые во время войны, и было осуществлено почти мгновенное «перепрофилирование» всего производства «на военные нужды».

Но тогда ничего и дальше нельзя будет понять в специфике и движущих силах советского военно-промышленного комплекса, а также в системе расселения, искусственно сформированной государством в неразрывной связи с ним. Без охвата всего комплекса мероприятий прямого и косвенного порядка, трудно понять специфику и своеобразие военно-промышленной политики (называемой советской идеологией «индустриализацией») в ее неразрывной связи с градостроительной, жилищной, административно-управленческой, миграционной, ресурсо-добывающей и даже карательной политикой советской власти в 1930-е и последующие годы.

Примечания

¹ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы : темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. : РОССПЭН, 1996. С. 68.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 17–20.

³ Хмельницкая Е. Военная индустрия капиталистических стран // Большевик. 1932. № 7. С. 46–60, 47–48.

⁴ Хмельницкая Е. Указ. соч. С. 49.

⁵ Симонов Н. С. Указ. соч. С. 38.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 41. Д. 1107. Л. 62.

⁷ Письмо М. Тухачевского Сталину от 19 июня 1930 года. Приводится: Минаков С. Т. Советская военная элита в политической борьбе 20–30-х годов // Кадровая политика. 2003. № 1. URL : http://www.whoiswho.ru/kadr_politika/12003/stm10.htm.

⁸ Свирин М. Н. Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М. : Яуза ; Эксмо, 2005. С. 150.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Бескуриков А. Первый серийный танк «малый сопровождения» МС-1. URL : <http://armor.kiev.ua/Tanks/BeforeWWII/MS1/T18/t18.htm>.

¹¹ Дроговоз И. Г. Крепости на колесах : История бронепоездов URL : <http://militera.lib.ru/tw/drogovoz1/03.html>.

¹² Там же.

¹³ «Амторг». Американский след в советской «оборонке» URL : <http://mohanes.livejournal.com/26618.html>.

¹⁴ РГАЭ. Ф.3429. Оп.16. Д.138. Л. 73–74.

¹⁵ Дроговоз И. Г. Указ соч.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Амторг». Указ. соч.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 16. Д. 138. Л. 89.

¹⁹ С высокой степенью вероятности можно предположить, что эти сведения в соответствующее управление РККА поступили именно от сотрудников «Амторга». Прямых свидетельств этому нет, но, кроме инженеров «Амторга», никаких других специалистов соответствующего профиля, способных собрать и обобщить подобные сведения, в США в те годы не было.

²⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 16. Д. 137. Л. 134–135

²¹ Дроговоз И. Г. Крепости на колесах: История бронепоездов. URL : <http://militera.lib.ru/tw/drogovoz1/03.html>.

²² Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М. : АИРО-XX, 2001. С. 130.

²³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 460. Л. 117.

²⁴ Симонов Н. С. Указ. соч. С. 5, 95.

²⁵ Свирин М. Н. Указ. соч. С. 92–93.

²⁶ Свирин М. Н. Броня крепка...

²⁷ Там же. С. 142–143.

²⁸ Там же. С. 143–144, 147–148, 154.²⁹ Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 134.³⁰ Там же. С. 133.³¹ Свирин М. Н. Броня крепка...³² Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 137.³³ Свирин М. Н. Броня крепка...³⁴ Там же. С. 139, 152.³⁵ Свирин М. Н. Указ. соч.³⁶ Хмельницкая Е. Указ. соч. С. 52.

Новоселов В. Н.

РЕАЛИЗАЦИЯ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СССР (1946–1965 ГГ.)

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №09-01-85108а/У.

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (ОПК) происходило в чрезвычайно острой международной обстановке холодной войны. Потратив колоссальные ресурсы на отражение военной агрессии нацистской Германии, советский народ впервые с начала 20 века обеспечил безопасность внешних границ. Однако ещё до окончания второй мировой войны администрация США приказала подвергнуть демонстративной атомной бомбардировке японские города Хиросима и Нагасаки. Вместо повергнутой нацистской военной машины, безопасности СССР реально угрожала агрессивная политика США и блока НАТО.

Атомный шантаж бывшего союзника во Второй мировой войне заставил советское правительство кардинально изменить планы восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Не отказываясь от них совсем, основные ресурсы руководители государства направили на реализацию атомного проекта, развитие ракетной и радиоэлектронной промышленности, массовое производство танков, авиации и атомного подводного флота. Всего за десять лет к середине 1950-х годов было создано ракетно-ядерное и электронное оружие, сформирована многоотраслевая система оборонно-промышленного комплекса. В последующие десять лет эта система была насыщена тысячами организаций и предприятий. К середине 60-х годов XX века строительство оборонно-промышленного комплекса как системы завершилось. Намного раньше, в 1948 году, в основном восстановлено народное хозяйство. Очевидно, что достичь этих двух качественно различных целей могла только экономика, обладающая крупными мобилизационными возможностями.

Создание ОПК начиналось не на пустом месте. В исторической литературе больше принято говорить о тяжелых последствиях войны для экономики западных регионов СССР, на территории которых шли сначала разрушительные сражения, а затем пришла не менее губительная для экономики оккупация. Совершенно другие последствия имела война для восточных районов. Валовая продукция в 1942 году по сравнению с 1940 годом возросла на Урале в 2,8 раза, в Западной Сибири – в 2,4 раза, в районах Поволжья – в 2,5 раза¹.

Несмотря на то, что восстановленные и вновь построенные в годы войны предприятия имели крупные недостатки, в целом они стали мощным фундаментом создания оборонно-промышленного комплекса. Ещё большее значение имел приток опытных руководящих кадров, инженерно-технических работников и квалифицированных работников. Резьвакуация значительно ослабила трудовые коллективы восточных районов, но их потенциал оставался на высоком уровне.

Эвакуация академических и отраслевых научно-исследовательских институтов не только сохранила цвет советской науки и послужила стимулом развития прикладных исследований, формированию ряда научных школ. Значительно увеличилось количество разведанных полезных ископаемых, в том числе нефти и газа, возросла добыча угля, построены электростанции на дешевом топливе. Образованы региональные энергетические системы: Уральская, Сибирская и др.

За годы войны были усилены крупные строительные организации, созданные в начале 1930-х годов на базе исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД СССР на сооружении Нижнего Тагильского и Магнитогорского металлургического заводов. Вновь сформированы, насчитывавшие по 20–40 тысяч человек, строительные организации на возведении Челябинского металлургического и Уральского автомобильного завода и др. Всего к окончанию войны в восточных районах страны насчитывалось около 700 тысяч строителей, объединенных в десятки крупных управлений и накопивших большой позитивный опыт работы в экстремальных условиях дефицита времени, материальных ресурсов, кадров².

Восточные районы имели выгодное геополитическое положение. Они были удалены на многие тысячи километров от западных границ СССР и в то время в случае нападения вероятного противника не могли находиться во фронтовой полосе и подвергнуться разрушению, как это произошло с предприятиями оборонной промышленности в 1941–1942 гг. На гигантских просторах Урало-Сибирского региона можно было скрытно разместить целые отрасли с десятками крупных предприятий, обеспечить их изоляцию от внешнего мира и, тем самым, обеспечить необходимый уровень секретности.

Огромный экономический потенциал, накопленный за годы Великой Отечественной войны в восточных районах, создал реальные возможности, чтобы на их базе, до тех пор, пока не будет восстановлена промышленность западных регионов, развернуть производство новейших видов оружия. Это означало, что для Уральского экономического района, а спустя несколько лет для Сибири и Поволжья сохранялась экстремальная обстановка, знакомая по периоду 1941–1945 гг. Для руководителей всех уровней и коллективов сотен предприятий мирная жизнь длилась всего несколько месяцев. Началась десятилетняя эпопея напряженного труда по обеспечению фронтов холодной войны наступательным ракетно-ядерным и оборонительным оружием.

В сложной ситуации, когда одновременно следовало проводить конверсию многих отраслей экономики страны и одновременно стремительными темпами создавать сверхдорогой ракетно-ядерный комплекс, советское государство оказалось способным мобилизовать накопленный до этого экономический потенциал и ответить на вызов времени.

Адекватно оценив сложившуюся после окончания Великой Отечественной войны ситуацию, правительство СССР перенесло чрезвычайные методы управления экономикой военного времени на процесс создания оборонно-промышленного комплекса. Деятельность формально ликвидированного 4 сентября 1945 года Государственного Комитета Обороны (ГКО) была перенесена в практику работы Бюро Совнаркома СССР по промышленности во главе с Л. П. Берией³. Под прямым контролем Оперативного бюро находились те наркоматы и ведомства, которые изначально, с октября 1942 года, были связаны с реализацией атомного проекта, на базе которых через несколько лет и возник оборонно-промышленный комплекс.

Заметную роль в становлении оборонно-промышленного комплекса сыграли чрезвычайные органы государственной власти, созданные для организации выпуска отдельных видов вооружения и боеприпасов.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 4 июля 1943 года «О радиолокации» в Наркомате электропромышленности создано Главное управление радиолокационной промышленности в составе: Всесоюзного научно-исследовательского института радиолокации; Электровакuumного института; Проектно-Конструкторского Бюро; заводов Наркомэлектропрома №№ 465, 747, 498, 208 и 830.

Этим же постановлением образован Совет по радиолокации. Председателем Совета назначен член ГКО Г. М. Маленков. С этого момента вся работа по разработке и выпуску средств радиолокации была сосредоточена в едином центре, решения которого публиковались как постановления ГКО и являлись обязательными для всех организации СССР. Организационно Совет состоял из рабочего аппарата и постоянных членов Совета. В состав постоянных членов Совета входили народные комиссары оборонных отраслей промышленности, руководящие работники Госплана СССР, Наркомата обороны и Военно-Морского флота, а также видные инженеры промышленности и ученые. Совет решал задачи развертывания радиолокационной промышленности, планирования научных исследований и разработок новых образцов техники, подготовки научных, инженерных и технических кадров радиолокационного профиля, организации научно-технической информации⁴.

Сотрудники Совета совместно с работниками Госплана СССР после обследования группы заводов предложили некоторые из них перевести на выпуск радиолокационной аппаратуры. В итоге в сентябре 1943 г. ГКО было принято развернутое постановление об организации выпуска средств радиолокации на некоторых заводах авиационной и судостроительной промышленности, о создании новых научно-исследовательских институтов, КБ, главного управления в Наркомате электропромышленности (радиолокационного). Это постановление положило начало развертыванию производства радиолокационной техники и очень скоро сказалось на увеличении выпуска станций дальнего обнаружения РУС-2 и РУС-2с с 50 в 1940 году до 294 в 1945 году⁵. Деятельность Совета расширилась после того, как в начале 1945 г. в нем был создан научно-технический совет (НТС), главной задачей которого было определять научно-техническую политику в развитии радиолокации, отвечающую, с одной стороны, нуждам армии и флота, а с другой – возможностям науки, техники и промышленности.

В июне 1947 г. Совет по радиолокации был преобразован в Комитет по радиолокации. Его председателем был утвержден первый заместитель председателя Госплана СССР М. З. Сабуров. Повседневной работой Комитета стали руководить заместители председателя А. И. Шокин и А. Н. Щукин. Член Комитета А. И. Берг был одновременно назначен директором головного научно-исследовательского института при Комитете по радиолокации. Комитет выполнял те же функции, что и Совет по радиолокации, оставаясь по-прежнему «научно-техническим штабом» развития радиолокации, ее промышленности, подготовки кадров и органом для несения строжайшего контроля за выполнением правительственных постановлений, касающихся радиолокации и смежных с ней отраслей техники.

Деятельность Совета по радиолокации и его преемника Комитета сыграла большую роль не только в развитии советской радиолокации, но и электронной техники и радиоэлектроники в целом. Созданные в период их деятельности научно-исследовательские институты, КБ и заводы радиолокационного профиля в послевоенные годы послужили научно-инженерной и производственной базой для развития новых отраслей радиоэлектроники, возникших в связи с использованием атомной энергии и ракетной техники. Отечественная радиотехническая и электронная промышленность из слабо развитой в довоенные годы отрасли стала выходить на одно из передовых мест в системе народного хозяйства СССР и дала такой стимул развитию всех отраслей современной радиоэлектроники, который впоследствии позволил осуществить прорыв к высшим достижениям научно-технической революции.

В июле 1946 года Бюро Совет Министров СССР по промышленности определило круг головных министерств по разработке и производству радиолокационных станций. В него вошли министерства промышленности средств связи, вооружения, авиационной промышленности, судостроительной промышленности. При этом подавляющая часть новых заводов была построена в городах Муроме, Челябинске, Омске, Петропавловске, Молотове, Красноярске, Свердловске, Томске, Барнауле. Фактически все новое строительство, связанное с радиолокацией, осуществлялось в восточных районах⁶.

На радиолокационную тематику переводились три научно-исследовательских института и шесть особых конструкторских бюро Министерства промышленности средств связи, три особых конструкторских бюро Министерства вооружения, семь особых конструкторских бюро Министерства авиационной промышленности, два научно-исследовательских института и три особых конструкторских бюро Министерства сельскохозяйственного машиностроения, а также несколько научных организаций Министерства вооруженных сил, в том числе: НИИ артиллерийского приборостроения и Государственный Краснознаменный НИИ Военно-воздушных сил.

В Приложении № 2 постановления Совета Министров СССР «Вопросы радиолокации» были определены основные темы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, с указанием тактико-технических данных и условий боевого применения радиолокационных узлов и станций, за выполнение которых главным конструкторам присуждались премии в размере до 120 тысяч рублей. Специальные премии присуждались коллективам НИИ и КБ за успешную решение проблем обеспечения ПВО СССР станциями дальнего обнаружения и опознавания самолетов, наведения на цель истребителей, зенитных орудий, прожекторов и т.д.; обеспечения войсковой артиллерии станциями для засечки огневых позиций и стрельбы по танкам; обеспечения Военно-воздушных сил навигационными приборами и приборами для слепой посадки самолетов, станциями перехвата и опознавания, прицелами для слепого бомбометания и стрельбы; обеспечения Военно-Морского флота навигационными и гидроакустическими приборами, станциями обнаружения и опознавания кораблей, наводки и управления огнем береговой и корабельной артиллерии, управления торпедной стрельбой⁷.

Совет Министров СССР обязал министерства вооружения, судостроительной промышленности, промышленности средств связи и авиационной промышленности создать главные управления радиолокации. Во Втором Главном управлении Министерства сельскохозяйственного машиностроения создавался специальный радиолокационный отдел. Радиолокационные управления создавались в Министерстве вооруженных сил – при Генеральном штабе, Главном Артиллерийском Управлении, Военно-воздушных сил и Военно-Морского флота.

Совет Министров СССР определил схему первичной кооперации министерств и ведомств, обязанных поставлять головным министерствам по производству радиолокационной техники электрические источники питания и специальные электрические машины (Министерство электропромышленности), электровакуумные приборы, сопротивления, конденсаторы и другие радиодетали (Министерство промышленности средств связи), электроизмерительные приборы (Министерство авиационной промышленности), дизельные электростанции (Министерство тяжелого и транспортного машиностроения), специальные электротехнические стали (Министерство черной металлургии), специальные сплавы, без кислородную медь, редкоземельные металлы, фольгу (Министерство цветной металлургии), специальные химикаты, изоляционные материалы (Министерство химической промышленности), безхлорную и конденсаторную бумагу (Министерство целлюлозной и бумажной промышленности).

Особое внимание правительство уделяло созданию опытно-конструкторской и производственной базы электровакуумной промышленности, изготавливающей основные компоненты радиолокационных систем: приемные и генераторные лампы различных диапазонов волн, в том числе сверхвысокочастотного диапазона (магнетроны, клистроны, лампы бегущей волны, лампы обратной волны и т. д.). Однако недостаточная мощность и низкий технический уровень электровакуумной промышленности являлась основным тормозом для освоения новейшей техники – радиолокации, реактивной техники, ядерного оружия, техники инфракрасных лучей, военной и гражданской радиосвязи, телевидения и автоматизации производственных процессов. Электровакуумная промышленность выпускала изделия в крайне ограниченной номенклатуре и недостаточном количестве. Качество многих типов электровакуумных приборов было неудовлетворительное. Правительство обязало МВД построить к 1950 году 25 новых предприятий по производству радиодеталей и электровакуумных приборов.

Выполнение программы развития радиолокации встретило значительные трудности. В записке Министерства промышленности средств связи в ЦК ВКП (б) от 12 апреля 1949 года подчеркивалось, что несмотря на удвоившийся в 1948 году по сравнению с 1946 годом выпуск электровакуумных приборов, разрыв между потребностями страны в электровакуумных приборах и удовлетворение этой потребности как в количественном, так и в качественном отношении не уменьшился, а возрос⁸.

Кроме недостаточных капитальных вложений и медленного их освоения, наращиванию мощностей электровакуумной промышленности препятствовало отсутствие опыта организации технологического и производственного процесса, требующего сложной энергетики, многотипного оборудования, прецизионного инструмента, дорогостоящей измерительной и испытательной аппаратуры. Сказались также просчеты в планировании развития смежных производств: электровакуумного стекла, тугоплавких металлов, керамики, химических полуфабрикатов и особо чистых химических материалов.

Ниже запланированного уровня велись реконструкция и строительство радиотехнических научно-исследовательских институтов и заводов. При таких темпах для окончания реконструкции действующ-

щих и строительства новых заводов потребовалось бы 20-25 лет.

Для преодоления застоя в этом вопросе Совет Министров СССР 15 августа 1949 года принял постановление, согласно которому реконструкции и строительству подлежали 54 завода и 19 научно-исследовательских института. На эти цели в 1951–1955 гг. выделялось 5 млрд 415 млн рублей. В конце 1949 года в ЦК ВКП (б) состоялось совещание руководителей правительства с представителями оборонно-промышленного комплекса и Военного ведомства. В ходе совещания И. В. Сталин неоднократно возвращался к вопросу о значении работ по радиолокации, подчеркивая, что «это – задача большая и важная. Надо всемерно развивать это дело, устранять отставания, создавать специальные заводы и цеха, развивать научно-исследовательские организации, быстрее поправить дело с электровакуумной техникой, производством радиодеталей, не распылять внимание и конструкторов на множество тем»⁹. Госплан СССР, оценивая итоги первой послевоенной пятилетки, в частности, указывал на то, что радиолокационная промышленность достигла некоторых успехов в разработке и производстве новых видов радиолокационной техники. Промышленные министерства освоили серийный выпуск отдельных видов сложной радиолокационной и радионавигационной аппаратуры и в 1950 году изготовили 17400 штук различных станций и аппаратуры 49 типов на общую сумму 943 млн рублей.

Однако в целом эта отрасль техники значительно отставала от потребностей вооруженных сил. Станции имели большой вес и габарит, отсутствовала защита от возможных помех противника, недостаточной дальностью действия и точностью определения координат.

В 1951–1955 гг. объем производства радиолокационной техники был запланирован в размере 33 млрд 470 млн рублей в ценах на 1.01.1951 года. Причем, если в 1950 году он составлял млрд 100 млн рублей, то в 1955 году – 11 млрд 300 млн рублей, то есть рост в 10 раз!¹⁰

По заказам военных радиоэлектронная промышленность только в рамках Министерства промышленности средств связи за пятилетку должно было быть произведено 28 радиолокационных станций (РЛС) дальнего обнаружения, 1995 подвижных РЛС обнаружения самолетов противника и наведения на цель истребительной авиации, 23440 наземных запросчиков радиолокационного опознавания самолетов, 312 РЛС радионавигации и слепой посадки самолетов¹¹.

Радиолокационные заводы Министерства судостроительной промышленности получили заказ на производство в 1951–1955 гг. 2141 шт. корабельных и береговых РЛС, 2550 шт. приборов радиолокационного опознавания и навигационной аппаратуры. Радиолокационные заводы Министерства авиационной промышленности получили заказ на производство 13415 шт. радиолокационных самолетных станций и 26040 приборов навигации и опознавания¹².

Развитие военной научно-технической революции требовало огромных материальных и финансовых ресурсов. Предварительное планирование материальных затрат производилось в Первом Главном управлении Госплана СССР, который в 1945 году возглавил Н. А. Борисов, а 1954 году его сменил В. Н. Ключков. Планирование производилось по пятилеткам и на каждый год. В бюджете правительства предусматривалась статья на «непредвиденные расходы», позволявшая осуществлять капиталовложения, в срочно понадобившиеся объекты и производство оборонно-промышленного комплекса страны.

В отличие от атомного проекта, радиоэлектронная промышленность в течение нескольких десятилетий была рассредоточена по министерствам авиапромышленности, судостроения, вооружения, транспортного машиностроения и другим. Это определялось как объективными, так и субъективными причинами. Главной из них была необходимость оснащения радиоэлектронными устройствами всех видов вооружения и боеприпасов. Создание глобального по своему предназначению министерства в той конкретной исторической ситуации было не реально. Второй объективной причиной было то, что основные направления радиоэлектроники возникали постепенно и их формирование заняло более двадцати лет. Реальному состоянию отрасли соответствовали и эффективные на то время органы управления.

После атомной бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки появилась угроза применения авиацией США атомного оружия против СССР. Требовались принципиально новые системы ПВО. Основу их составили зенитно-ракетные комплексы, первый из них разрабатывался специально для системы ПВО Москвы. Решение о создании этой системы под названием «Беркут» было принято правительством в августе 1950 г. Организация работ по системе «Беркут» была возложена на специально для этого образованное в аппарате Совета Министров СССР Третье главное управление (ТГУ). Начальником ТГУ стал В. М. Рябиков, научно-техническую часть ТГУ возглавил член-корреспондент АН СССР А. Н. Шукин.

Выделение средств на разработку «Беркута» заранее не предусматривалось: решение о создании московской системы ПВО с немедленным развертыванием работ по ней было принято в середине года. Л. П. Берия издает распоряжение – финансировать стремительно развертывавшиеся работы по «Беркуту» по линии Первого (атомного) управления. Начальнику ПГУ Б. Л. Ванникову Л. П. Берия поручил оказывать личную помощь в организации новой разработки.

В составе министерства вооружений, в обстановке глубочайшей секретности, создается головная организация по разработке системы – мощное Конструкторское бюро № 1 (КБ-1). Его начальником становится заместитель министра вооружений К. М. Герасимов. Главными конструкторами «Беркута» назначаются известный с довоенных лет специалист в области радиотехники П. Н. Куксенко и окончивший только в 1947 г. факультет радиолокации Военной академии связи С. Л. Берия.

Заместителем главного конструктора «Беркута» был назначен А. А. Расплетин. Предложив собственный оригинальный подход к построению радиолокаторов наведения зенитных ракет на цели, определивший облик всей системы ПВО Москвы, Расплетин стал лидером разработки «Беркута».

Вопреки веками установившемуся порядку создания оружия, военные в разработке «Беркута» не выступали заказчиками. Разработка проводилась в режиме строжайшей секретности, в том числе – это трудно себе сегодня представить – и от высших руководителей министерства обороны. Конечно, сам факт работы над новой огромной системой ПВО от них не скрывался, да и не мог быть скрыт. Но существо работ по «Беркуту» держалось в тайне. Правительство поставило задачу создать систему ПВО Москвы, а дальше и заказчиком и определяющим исполнение системы выступал головной разработчик – КБ-1. Возложенные же на военных задачи – контроль соответствия изготавливавшихся серийными заводами изделий для «Беркута» документации главных конструкторов, создание полигона для испытаний системы, организация специальной учебно-тренировочной части (УТЧ-2), руководившей подготовкой воинских частей, которые должны были впоследствии принять систему в эксплуатацию, формирование Первой армии особого назначения Войск ПВО – выполнялись под жестким контролем аппарата ТГУ и разработчиков¹³. В 1955 году система ПВО Москвы была принята на вооружение.

Одновременно с развитием радиоэлектронных систем ПВО велась разработка первых электронно-вычислительных машин. 17 декабря 1948 г. Постановление Совета Министров СССР № 4663-1829 в рамках Министерства машиностроения и приборостроения (ММиП), было образовано Специальное конструкторское бюро № 245 (СКБ-245) при московском заводе САМ.

Задачей СКБ-245 стала разработка и обеспечение изготовления средств вычислительной техники для систем управления оборонными объектами посредством освоения выпуска универсальных и специализированных электронных математических машин дискретного действия, а также универсальных и специализированных электронных математических машин непрерывного действия и дифференциальных анализаторов. Здесь были созданы первые серийные ламповые машины «Стрела», «Полёт», «Оператор», серии специальных тренажеров, первые машины М-20, «Урал-1», «Погода», «Кристалл», М-205, М-206. Сотрудниками СКБ-245 создана первая в СССР ЭВМ второго поколения «Волга», а затем М-180 – первая отечественная ЭВМ с микропрограммным управлением.

Разработка ЭВМ М-20 и изготовление ее первого образца Московским заводом счетно-аналитических машин были завершены в начале 1958 г. В этом же году она была принята Государственной комиссией с оценкой «самая быстродействующая в мире» и рекомендована для запуска в серийное производство. ЭВМ М-20 широко использовалась для разработки ядерного оружия. Для систем ПВО в 1960-е годы построены специализированные вычислительные комплексы (шифр – М-111). В отделе № 12 была спроектирована и изготовлена Московским заводом САМ ЭВМ под шифром М-206 «Радон» – первая в СССР ЭВМ, включенная в штатные управляющие системы ПВО Министерства обороны¹⁴.

Опыт работы ГКО СССР по организации выпуска радиолокационной аппаратуры с использованием мобилизационных возможностей советской экономики нашел широкое применение при реализации атомного проекта. Однако, и в том, и в другом случае была упущена начальная стадия работ. Совет по радиолокации организован через десять лет после начала реализации проекта, а Специальный комитет при ГКО по созданию ядерного оружия – почти через три – 20 августа 1945 года. Процесс создания этих двух базовых отраслей будущего оборонно-промышленного комплекса отличался масштабами, которые, в первую очередь, определялись тем, что радиолокационный проект, как и вся радиоэлектронная промышленность, до конца 1950-х годов рассматривалась не как самостоятельная, а обслуживающая отрасли, выпускавшие ядерные боеприпасы и вооружение. В конечном счете, универсальный характер радиоэлектроники придал её развитию самостоятельный и глобальный характер, но это произошло уже в 1960-е годы. Следует учитывать и то, что технология производства изделий радиоэлектронной промышленности не являлась такой смертельно опасной для экологии и жизни людей, как ядерная технология.

При очевидных различиях этих отраслей оборонно-промышленного комплекса, методы их создания полностью соответствовали модели мобилизационной экономики. Специальный комитет по ядерному оружию возглавлялся председателем оперативного бюро ГКО, а с 1945 года оперативного бюро Совнаркома СССР (Совмина СССР) по промышленности Л. П. Берией. Это придавало атомному проекту наивысший государственный статус, освобождало его от любой формы бюрократического контроля.

На атомную промышленность работали все без исключения министерства и ведомства СССР. В каждом из них создавались главки, управления, комиссии, комитеты, всякого рода организации, работавшие под контролем первого руководителя. С этой целью в Госплане СССР образовано Первое управление (Председатель Госплана Н. А. Вознесенский при этом сам был членом Спецкомитета), В НКВД СССР – Девятое управление, в Комитете по делам геологии – Первое главное управление и т. д. Поручения Спецкомитета и Первого главного управления при Совете Министров СССР (ПГУ) выполнялись в первоочередном порядке, за срыв сроков и низкое качество их выполнения следовало немедленное строгое наказание на всех уровнях – от министра до мастера участка¹⁵.

Для формирования атомной промышленности в первую очередь выделялись любые виды запрашиваемых ресурсов, независимо от степени их дефицита. Особенно ярко мобилизационные возможности советской экономики проявились при решении проблемы обеспечения атомного проекта кадрами руководителей, ученых, инженерно-технических работников, высококвалифицированных рабочих.

Для создания атомной промышленности в систему ПГУ были направлены лучшие специалисты наркоматов боеприпасов, танковой промышленности, цветной металлургии и ГУЛАГа НКВД.

Начальником ПГУ назначен нарком боеприпасов Б. Л. Ванников. Первым директором плутониевого завода стал бывший начальник снаряжательного завода № 129 П. Т. Быстров. Бывший начальник Подольского патронного завода № 710 К. А. Володин возглавил первый сборочный завод в Сарове, а с 1952 года – серийный завод по выпуску ядерных боеприпасов в Трехгорном. Секцией Научно-технического совета Спецкомитета по обогащению урана руководил бывший нарком танковой промышленности В. А. Малышев, а его заместитель члена ГКО по танкопрому А. М. Петросьянц вошел в состав руководства ПГУ. Директор Уралмаша в годы войны Б. Г. Музруков на посту директора плутониевого комбината обеспечил производство ядерного боевого заряда для первых плутониевого и уранового боеприпасов. Главный конструктор тяжелых танков Н. Л. Духов возглавил коллектив разработчиков конструкции боевого заряда и собственно атомной бомбы в КБ-11. Начальником предприятия № 1418, а затем руководителем ядерного научного центра в Снежинске стал Д. Е. Васильев – до этого директор танкового завода № 174 в Омске. Директором первого реакторного завода комбината № 817 стал бывший работник Танкограда Н. Н. Архипов. С предприятий цветной металлургии Челябинской области в атомную промышленность были мобилизованы, как состоявшиеся руководители, так и перспективные кадры. В годы войны директором алюминиевого комбината в Каменск-Уральске работал Е. П. Славский – впоследствии заместитель начальника ПГУ и легендарный руководитель Министерства среднего машиностроения. С Челябинского цинкового завода направлен главным инженером радиохимического производства плутониевого комбината Б. В. Громов, начальник отдела оборудования Челябинского ферросплавного завода Б. В. Брохович приехал под Кыштым в числе самых первых, а спустя 25 лет возглавил комбинат № 817. Директор Карабашского медеплавильного завода П. В. Власов возглавил завод № 38 в Глазове, а затем Новосибирский завод химических концентратов. С должности главного инженера Карабашского медеплавильного завода направлен директором химико-металлургического завода комбината № 817 Л. А. Алексеев.

Колоссальный объем строительно-монтажных работ выполнен Главпромстроем НКВД-МВД СССР и военными строителями. Ими построены десять комбинатов и научных ядерных центров в рамках закрытых административно-территориальных образований. Из них: пять на Урале, три в Сибири и два в Европейской части СССР. Кроме того, более двадцати крупных предприятий урановой горнодобывающей промышленности в Сибири, Средней Азии, на Кавказе, на Украине, в Прибалтике и на Урале. Общее руководство капитальным и жилищным строительством осуществлял заместитель наркома (министра) НКВД-МВД СССР А. П. Завенягин, впоследствии – руководитель Минсредмаша. Эффективно адаптировался к условиям мобилизационной экономики начальник Главпормстроя А. Н. Комаровский, в годы войны – начальник строительства Челябинского металлургического завода. В экстремальных условиях руководили возведением предприятий и городов атомной промышленности генералы Я. Д. Рапопорт, М. М. Царевский, П. Г. Георгиевский, П. Т. Штефан, А. К. Грешнов и др.¹⁶

Крупнейшими строительными организациями СССР стали Южно-Уральское управление строительства, Сибкадемстрой, Сибхимстрой и др., которые заняли лидирующие позиции не только в атомной промышленности, но и внесли крупный вклад в сооружение уникальных промышленных объектов других отраслей, построили десятки городов. Главпромстрой возвел комплекс зданий МГУ им. Ломоносова, семь знаменитых высотных зданий в Москве, Академгородок под Новосибирском, современную столицу Киргизии – Бишкек, построил промышленные предприятия, общественные здания и жилье в Talline и т. д.

Если мобилизация более полумиллиона строителей опиралась на систему ГУЛАГа и военно-строительных частей, то формирование коллективов обслуживающего персонала предприятий проводилось через партийные организации. В годы реализации атомного проекта регулярно выходили постановления Совета Министров СССР, в которых была определена система массового набора кадров на промышленные объекты ПГУ.

Так, 15 марта 1948 г., вышло постановление Совмина СССР № 792-257сс «Об обеспечении кадрами Государственного химического и Государственного машиностроительного заводов первого главного управления при Совете Министров СССР». Это постановление обязало первых секретарей обкомов ВКП (б): Горьковского, Кемеровского, Куйбышевского, Молотовского, Московского, Новосибирского, Саратовского, Свердловского, Челябинского, Ярославского отобрать совместно с представителями ПГУ на предприятиях и ведомствах, расположенных в указанных областях, ИТР и квалифицированных рабочих и направить их в 1–3 кварталах для работы на объектах ПГУ независимо от места их работы в то время¹⁷.

С пуском первых комбинатов руководство ПГУ стало больше внимания уделять развитию социальной инфраструктуры. Этот процесс нашёл отражение в решениях бюро Свердловского и Челябинского обкомов ВКП (б). Согласно решения Челябинского обкома ВКП (б) 18 ноября 1948 г. первые секретари горкомов и райкомов партии совместно с руководителями предприятий и учреждений в срок до 20 декабря 1948 г. должны были направить в распоряжение обкома партии 1405 квалифицированных рабочих, работников торговли, школьных работников, поваров, парикмахеров, пастухов, доярок, свинок, портных, пчеловодов, разнорабочих и младшего обслуживающего персонала. Челябинск направлял 350 чел., Магнитогорск – 200, Златоуст – 120, Миасс – 70, Копейск – 100, Коркино – 80, Уфалей – 60 и т. д.¹⁸

Одновременно обком, по инициативе директора плутониевого комбината Б. Г. Музрукова, методично напоминал и требовал от руководителей предприятий не задерживать отобранных для работы

в новой отрасли специалистов. Постановление бюро обкома партии от 20 июля 1949 г. обязало директора Челябэнергo Звягинцева немедленно откомандировать в распоряжение обкома главного инженера ЧГРЭС Н. А. Петрова, директора Челябинского электродного завода Бая – главного механика Н. М. Тиранова, директора Ашинского металлургического завода Аввакумова – главного энергетика Е. Е. Юдина, директора Магнитогорского металлургического завода Носова – главного инженера паровозоудовушной станции В. А. Казанцева, начальника Челябинского торготорга Борисова – начальника торгового отдела М. Ф. Беякова, директора Челябинского трактороторга Наткина – начальника торгового отдела В. И. Корка. В постановлении бюро обкома от 1 ноября 1949 г. указывается одиннадцать фамилий специалистов, которых директора заводов решили ни за что не отдавать в систему ПГУ. В результате расследования, организованного обкомом выяснилось, что директор ММК Носов заручился поддержкой влиятельного в правительстве министра черной металлургии И. Ф. Тевосяна. Партком ЧТЗ принял специальное постановление не отпускать начальника спектральной лаборатории А. М. Брюховских и начальника механической лаборатории Н. П. Петрова. Через три месяца 6 из 11 не подчинившихся решению обкома специалистов уже работали на комбинате¹⁹.

С начала 1950-х годов обкомы партии уже не принимал столь активного участия в мобилизации кадров специалистов на предприятия атомпрома. Источниками кадров для трех новых комбинатов Сибири и научного ядерного центра в Снежинске стали предприятия Сарова, Озерска, Новоуральска и Лесного из числа выпускников МИФИ, МФТИ, МЭИ, МГУ и других крупнейших вузов СССР. Маштабы производства Приборостроительного завода в Трехгорном во много раз уступали комбинату в Озерске и его руководство прибегло к помощи обкома всего несколько раз в отношении нескольких десятков специалистов.

Свидетельством высокого уровня развития мобилизационной экономики советского государства явились выдающиеся результаты научно-технической разведки. Ещё в 1940 году была развернута крупномасштабная работа по сбору информации о создании ядерного, ракетного и радиоэлектронного оружия в США, Англии, Японии и других странах. В последние годы на эту тему издано много публикаций. Не вдаваясь в подробности этой отдельной темы, отметим только, что существует ярко выраженное преобладание литературы по атомному проекту и крайне незначительное количество сведений по ракетному и радиоэлектронному шпионажу. В то время, как информация Ю. Розенберга о радио взрывателе, представленная советской разведке, по значимости не уступала сведениям об устройстве атомной бомбы²⁰. Кроме того, в полученной из США научно-технической информации содержались специально организованные неверные сведения. Попавшись в одну из таких ловушек, создатели ядерного оружия в СССР потратили миллиарды рублей и три драгоценных года на разработку и освоение производства обогащенного урана очень дорогим и крайне сложным методом газовой диффузии.

К окончанию Великой Отечественной войны развитие ракетной техники в СССР значительно отставало от Германии – лидера мирового ракетостроения. В Советском Союзе о созданных в Германии крылатой и баллистической ракетах ничего не знали.

Полученная о них информация вызывала потрясение. С апреля 1945 года организуется несколько групп по изучению ракетных предприятий, научно-исследовательских институтов и конструкторских фирм Германии. Первые результаты обследования немецкой ракетной промышленности легли в основу постановления ГКО № 9475 от 8 июля 1945 года. В этом документе определены основные направления планомерного освоения опыта создания немецких ракет, организована комиссия по изучению германской техники под руководством генерала Л. Гайдукова – члена Военного совета гвардейских минометных частей. Для непосредственной работы в Германии была сформирована группа специалистов, насчитывавшая вначале 284, а к октябрю 1945 года – уже 773 человека²¹.

В августе 1945 года заместитель Наркома вооружения В. М. Рябиков сформировал Межведомственную техническую комиссию для изучения трофейной техники, куда вошли наиболее авторитетные специалисты в области реактивного движения.

В результате работы комиссии был составлен обширный «Доклад о мероприятиях по изучению и освоению немецкой реактивной техники». Авторы доклада предлагали сосредоточить усилия по изучению и освоению немецкой реактивной техники в наркоматах авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения, судостроительной, химической промышленности, минометного вооружения.

На основе доклада Межведомственной комиссии был подготовлен проект постановления ГКО, в котором подробно расписывалась система мероприятий по изучению и последующему воспроизводству немецкой реактивной техники. Однако этот проект так и не был подписан Сталиным. Он потерял активный интерес к ракетной проблеме.

В результате старт ракетной программы оказался не столь впечатляющим, как атомного проекта, но надо понимать и то, что в середине 1940-х годов ракеты, в отличие от ядерного оружия, не могли еще, по объективным причинам, служить эффективным инструментом противостояния в холодной войне. В этой ситуации ракетчики вынуждены были сосредоточить свое внимание на изучение немецкой ракетной техники непосредственно на территории Германии.

Двухгодичная деятельность большого отряда советских специалистов по изучению и восстановлению немецкой реактивной техники имела большое значение для развития отечественного ракетостроения. Во-первых, баллистические управляемые ракеты дальнего действия перешли из области почти фантастики в сферу повседневной реальности. Во-вторых, результаты работы в Германии убедили руководителей СССР обратить внимание на необходимость создания ракетной техники. В-третьих, в об-

щей сложности около трех тысяч специалистов получили теоретическую подготовку и практические навыки, с помощью которых очень скоро выросли в руководителей сложнейших участков развития ракетной промышленности. В-четвертых, в Германии была создана основа сплоченного творческого коллектива единомышленников.

В это время, не имея серьезных предложений от Армии, нарком вооружения Д. Ф. Устинов заинтересовался перспективами развития ракетной техники и принял решение взять на себя ответственность за создание ракетной промышленности. С этого времени процесс подготовки решения правительства о создании ракетной промышленности осуществлялся с двух сторон: Устинов готовил почву в Москве, а ракетчики осваивали ракеты в Германии. Такой подход к решению проблемы себя полностью оправдал – 13 мая 1946 года Совет Министров СССР принял постановление №1017-419сс «Вопросы реактивного вооружения», имевшее судьбоносное значение²².

Это постановление придало проблеме создания ракетного оружия статус общегосударственной программы. Образование Специального комитета по ракетной технике, привлечение к участию в ракетной программе всех ведущих министерств, решение сформировать целую систему научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, определение головных и смежных организаций по разработке и производству различных видов ракет – все это свидетельствовало о больших перспективах нового вида оружия.

Уже через два дня после выхода решения правительства, 16 мая 1946 года Д. Ф. Устинов издал приказ о создании на базе артиллерийского завода № 88 неподалеку от подмосковной железнодорожной станции Подлипки Научно-исследовательского ракетного института № 88. 21 августа 1946 года директором НИИ-88 назначен Л. Р. Гонор. Главным инженером стал Ю. А. Победоносцев. 9 августа 1946 года С. П. Королев утвержден главным конструктором «изделия № 1» – отечественного аналога ФАУ-2.

22 апреля 1950 года принято решение о формировании в институте ОКБ-1 по баллистическим ракетам (главный конструктор С. П. Королев) и ОКБ-2 по зенитным ракетам (главный конструктор К. И. Тритко). В 1951 году тематика зенитных ракет передается в Министерство авиационной промышленности, институт и конструкторский коллектив Королева продолжают разработку одного направления – баллистических ракет дальнего действия.

28 ноября 1950 года первая баллистическая ракета Р-1 принята на вооружение. Эффективность нового оружия была низкой, а эксплуатация стоила очень дорого. Постановка этих ракет на боевое дежурство была оправдана в тех условиях необходимостью отработки методов управления новым видом оружия, подготовкой боевых расчетов по обслуживанию ракет, изучения особенностей конструкции ракет в ходе их длительной эксплуатации.

Заметным этапом в развитии ракетной техники стало создание в 1948–1951 гг. оперативно-тактической одноступенчатой баллистической ракеты Р-2. В этой ракете С. П. Королев впервые применил отделяющуюся головную часть. К концу 1952 года удалось резко снизить число отказов системы управления и двигательной установки, что позволило принять ракету на вооружение²³.

Ускорение работам придал Специальный комитет по реактивной технике при Совете Министров СССР во главе с Г. М. Маленковым (с 13 мая 1946 г. по май 1947 г.), а затем Н. А. Булганининым (с мая 1947 по декабрь 1949 гг.). На Спецкомитет возлагалось «наблюдение за развитием научно-исследовательских, конструкторских и практических работ по реактивному вооружению, рассмотрение и представление непосредственно на утверждение Председателя Совета Министров СССР планов и программ развития научно-исследовательских и практических работ, а также определение и утверждение ежеквартальной потребности в денежных ассигнованиях и материально-технических ресурсах для работ по реактивному вооружению, контроль за выполнением министерствами и ведомствами заданий правительства по проведению научно-исследовательских, проектных, конструкторских и практических работ, принятие совместно с соответствующими Министерствами и руководителями ведомств мер по обеспечению своевременного выполнения указанных заданий»²⁴.

Головными министерствами по разработке и производству реактивного вооружения правительство определило Министерство вооружения – по реактивным с жидкостными двигателями, Министерство сельскохозяйственного машиностроения – по реактивным снарядам с пороховыми двигателями, Министерство авиационной промышленности – по реактивным самолетам-снарядам (крылатым ракетам).

Исключительно важную роль в создании и развитии ракетной промышленности сыграл Д. Ф. Устинов. Создание ракетной техники, потребовавшее огромных усилий, стало трамплином, который позволил Д. Ф. Устинову со временем стать безоговорочным лидером оборонно-промышленного комплекса СССР.

В декабре 1949 года после успешного испытания первой советской атомной бомбы спецкомитеты по ракетной и радиоэлектронной проблемам упразднили, посчитав поставленные перед ними задачи выполненными. Дальнейший ход событий показал, что эта мера была неоправданной, и в 1950-е годы к практике управления на общегосударственном уровне вернулись вновь.

В результате детального изучения опыта развития немецкой ракетной техники было решено двигаться по трем направлениям: управляемые ракеты с жидкостными двигателями, ракеты с пороховыми двигателями и крылатые ракеты. Каждое из направлений согласно постановлению Совмина СССР от 13 мая 1946 года возглавлялось головным министерством.

В целях выполнения возложенных задач, в головных министерствах были созданы Главные Управления по реактивной технике, а в смежных – Управления по реактивной технике. Всего к реше-

нию ракетной проблемы правительство вовлекло 63 завода шестнадцати министерств, а для серийного производства определены 17 заводов и 22 специальных цеха десяти министерств.

Функции заказчика всех видов боевых ракет выполняло Министерство обороны (в то время оно называлось Министерством Вооруженных сил) в лице Главного Артиллерийского Управления (ГАУ), которому подчинялись Четвертое Управления ракетного вооружения. Специалисты ракетного Управления принимали активное участие в разработке ракетной техники, организации летных испытаний, подготовке таблиц стрельбы, нормативной документации для войсковой эксплуатации, формировании специальных войсковых частей.

Вследствие быстрого роста числа отраслей оборонно-промышленного комплекса страны остро встала проблема координации работ всех направлений по разработке и производству военной техники. В связи с этим в декабре 1957 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановили создать Комиссию Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам. Впоследствии она именовалась Государственной военно-промышленной Комиссией Президиума Совета Министров СССР²⁵.

26 января 1954 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О проведении проектно-экспериментальных работ по вооружению подводных лодок баллистическими ракетами дальнего действия и разработке на базе этих работ технического проекта большой подводной лодки с ракетным вооружением»²⁶. Головным предприятием отрасли по созданию ракет подводного базирования в течение многих лет было суждено стать южноуральским ракетостроителям.

Работа по созданию первой советской атомной подводной лодки началась в 1952 году. Научным руководителем этого проекта стал ближайший сотрудник И. В. Курчатова – академик А. П. Александров. Главным конструктором подводного корабля стал В. Н. Перегудов, атомного реактора – Н. А. Долежал, ответственным за разработку ракеты – С. П. Королев.

В ОКБ-1, занятом работами по межконтинентальным ракетам, решили пойти по пути адаптации уже созданной, хотя к тому времени не совсем доработанной ракеты к необычным условиям. Для этого выбрали ракету Р-11М, имевшую подходящие размеры для размещения на выбранных в качестве носителей подводных лодок. Такой подход позволял уложиться в заданные сроки, но не мог обеспечить создание нового эффективного оружия.

С борта первой советской подводной лодки Б-67 16 сентября 1955 года в присутствии Н. Н. Исанина и С. П. Королева в 17 часов 32 минуты из акватории Белого моря, впервые в мире, с надводного положения был осуществлен запуск баллистической ракеты дальностью 250 км²⁷.

Еще до этого первого пуска, в августе 1955 года, по решению правительства ракету подводного базирования передали в СКБ-385, находившийся в городе Златоусте Челябинской области. Тогда же главным конструктором предприятия назначен Виктор Петрович Макеев. Постепенно Королеву стало ясно, что ОКБ-1 может полностью передать все работы по дальнейшему развитию оперативно-тактических ракет СКБ-385, направив туда Макеева и нескольких других специалистов. Под руководством энергичного молодого руководителя техническую документацию на ракету Р-11МФ СКБ-385 разработало к концу 1956 года. В 1957 году началось изготовление двигательных установок и стендовых ракет. В марте 1958 года успешно прошли летные испытания с лодки. В феврале 1959 года одноступенчатая ракета Р-11МФ принята на вооружение. Она имела небольшую дальность полета – всего 150 км, при коэффициенте вероятного боевого отклонения 0,75 км. Запуск ракеты мог производиться только в надводном положении с предварительным подъемом ракеты из шахты хранения. Однако это позволило производить пуск из нейтральных вод, примыкающих к территориальным водам вероятного противника. Аналогичную подводную ракетно-ядерную систему «Поларис» американские конструкторы сдали на год позже. С этой разработки начался процесс формирования профиля СКБ, его специализация на создании морских ракетных комплексов.

В 1962 году Красноярский машиностроительный завод приступил к серийному выпуску ракет СКБ-385. Специалисты знают, сколь сложно было организовать на базе артиллерийского завода комплекс производств, включающий в себя не только производство ракет и их двигательных установок, но и командных приборов к ним. Сибирский аналог Днепропетровского «Южмаша» создавался в тесном сотрудничестве с филиалом ОКБ-1 под руководством ученика С. П. Королева будущего академика М. Ф. Решетнева, филиалом ОКБ-456 под руководством А. Я. Китаева и ОКБ-586, возглавляемого М. К. Янгелем.

В условиях отсутствия единого организационного центра, способного ежедневно осуществлять оперативное управление ракетной промышленностью особенно сложно было осуществить единый научно-технический подход. Для создания ракеты Р-1 потребовалась кооперация 13 конструкторских бюро, Р-2 – 24-х научно-исследовательских учреждений, а первая межконтинентальная баллистическая ракета Р-7 явилась результатом творческого поиска более двухсот научно-технических, исследовательских институтов, конструкторских бюро, лабораторий различных министерств и ведомств²⁸.

В каждом ведомстве существовали управления или отделы, которые должны были реализовать единую техническую политику, но на деле подвести к одному знаменателю коллективы ракетчиков таким способом оказалось невозможным. Эту функцию выполнял Совет главных конструкторов, созданный по предложению С. П. Королева в начале 1950-х гг. В разные годы в его состав входили В. П. Глушко, М. К. Янгель, В. Н. Челомей, Н. А. Пилюгин, Г. Н. Бабакин, А. М. Исаев, С. А. Косберг, М. С. Рязанский, М. В. Келдыш. На заседаниях Совета в острых дискуссиях обсуждались и принимались порой судьбо-

носные для развития ракетной техники решения. Вследствие очевидной эффективности его работы подобные Советы создавались и успешно работали и по более узким направлениям. Аналогично королевскому Совету позднее создавались Советы главных во главе с М. К. Янгелем, В. Н. Челомеем, А. Д. Надирадзе, В. П. Макеевым, Д. И. Козловым, Г. Н. Бабакиным, М. Ф. Решетневым.

Качественным скачком в организации работы ракетной промышленности стало создание 2 марта 1965 года Министерства общего машиностроения, которое возглавил С. А. Афanasьев. При поддержке Д. Ф. Устинова новому министру удалось объединить не только все головные ракетные конструкторские бюро, научно-исследовательские институты и промышленные предприятия из других госкомитетов, но и все остальные смежные предприятия.

Таким образом, мобилизационная модель советской экономики позволила при крайне неблагоприятных стартовых условиях, успешно и в исторически кратчайшие сроки осуществить научно-техническую революцию и создать оборонно-промышленный комплекс на основе современной ядерной, ракетной и радиоэлектронной технологии. Для решения этой задачи были создана система специальных комитетов и управлений, эффективно использовавших опыт работы чрезвычайных органов государственной власти в годы Великой Отечественной войны. В результате их деятельности удалось мобилизовать все виды ресурсов, имевшиеся на то время: материальные, финансовые, кадровые и др. В конечном счете, создание оборонно-промышленного комплекса послужило серьёзным импульсом развитию экономики СССР, но, вместе с тем, придало её ярко выраженный милитаристский характер. Не сумев найти политических методов решения сложных и неоднозначных проблем в отношениях с западными странами, советское руководство не смогло обеспечить безопасность государства с помощью одного только оборонно-промышленного комплекса.

Примечания

- ¹ См.: Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Наука, 1970. С. 25.
- ² Подсчитано автором по: История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2004. С. 225–228.
- ³ См.: Жуков Ю. Н. Сталин : тайны власти. М. : ВАГРИУС, 2005. С. 316.
- ⁴ См.: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 6. Д. 667. Л. 96.
- ⁵ См.: Там же. Д. 674. Л. 194.
- ⁶ См.: Там же. Д. 684. Л. 161.
- ⁷ См.: Там же. Д. 686. Л. 100.
- ⁸ См.: РГАЭ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 180. Л. 6–13.
- ⁹ См.: Симонов Н. И. Оборонно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996. С. 272.
- ¹⁰ См.: РГАЭ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 202. Л. 11.
- ¹¹ См.: РГАЭ. Ф. 197. Оп. 2. Д. 186. Л. 63.
- ¹² См.: Там же. Д. 314. Л. 91.
- ¹³ См.: Альперович К. С. Ракеты вокруг Москвы. М. : Воениздат, 1995. С. 5–7.
- ¹⁴ См.: Шкабардия М. С. Вычислительная техника / М. С. Шкабардия, А. М. Ищенко // Датчики и системы. 2007. № 9. С. 28.
- ¹⁵ См.: Постановление ГОКО № 9887 «О специальном Комитете при ГОКО» от 20 августа 1945 г. // Атомный проект СССР : документы и материалы : в 3 т. / под общей ред. Л. Д. Рябева. Т. 11. Кн. 1. С. 11.
- ¹⁶ Подробнее об этом см.: Новоселов В. Н. История Южно-Уральского управления строительства / В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков, А. И. Клепиков. Челябинск : Риф, 1997.
- ¹⁷ См.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 29. Л. 100.
- ¹⁸ См.: Там же. Л. 101.
- ¹⁹ См.: Там же. Л. 37–39.
- ²⁰ См.: Дегтярев К. Внешняя разведка СССР / Клим Дегтярев, Александр Колпакиди. М. : Яуза ; Эксмо, 2009. С. 196–201.
- ²¹ См.: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 6688. Л. 138.
- ²² См.: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1318. Л. 28–44.
- ²³ См.: Широкопад А. Б. Энциклопедия отечественного ракетного оружия. 1817–2002. Минск, 2003. С. 460.
- ²⁴ См.: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 6895. Л. 122.
- ²⁵ Подробнее об этом см.: Новоселов В. Н. Эра ракет. Создание ракетной промышленности на Урале / В. Н. Новоселов, А. П. Финадеев. Челябинск : Книга, 2006. С. 64–71.
- ²⁶ См.: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 6898. Л. 118–124.
- ²⁷ Подробнее об этом см.: СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. Академика В. П. Макеева» / сост. Р. Н. Канин, Н. Н. Тихонов; под общ. ред. акад. РАРАН В. Г. Дегтяря. М. : Государственный ракетный центр «КБ им. Академика В. П. Макеева» ; Военный парад, 2007.
- ²⁸ См.: Черток Б. Е. Ракеты и люди. М. : Машиностроение, 1999. С. 267.

Парамонов В. Н.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Проблемам мобилизационной модели экономики и ее проявлений в промышленности СССР посвящено значительное количество работ¹. Обширная и разнообразная научная литература, посвященная этой теме, свидетельствует, что никто из авторов не обладает истиной в последней инстанции, поскольку советская действительность была слишком сложна, подвижна и многомерна. При всем обилии опубликованных трудов до сих остаются мало или вообще неисследованными сюжеты, без анализа и объяснения которых невозможно получить полную картину сегодняшнего дня российской экономики, понять макроэкономическое содержание современного модернизационного процесса. Настоящее сообщение посвящено анализу ряда факторов, определивших особенности инструментария промышленной политики² в СССР в довоенный период.

Научная актуальность данной темы объясняется, прежде всего, необходимостью изучения особой роли государства в индустриальном развитии: оно может, как способствовать, так и мешать этому процессу. В научном плане это также связано с необходимостью разработки на основе извлечения уроков из прошлого и анализа настоящей ситуации адекватной теоретической базы для государственного вмешательства в процессы современных структурных преобразований в экономике. В практическом отношении данная тема актуальна в связи с потребностью повышения эффективности и конкурентоспособности российской экономики, поиском механизмов и инструментов промышленной политики, поддерживающих соблюдение баланса интересов субъектов и государственного регулирования, поиском путей более эффективного использования промышленного потенциала. Исследование данной темы поможет ответить на вопрос: почему богатейшая страна с огромным человеческим и природным потенциалом десятилетиями не могла выйти на траекторию устойчивого хозяйственного развития и обеспечить большинству граждан достойный уровень жизни?

Изучая советский период индустриального развития, важно, на наш взгляд, исходить из понимания генетической связи промышленной политики Российской империи и Советской России. Мобилизационный тип экономики советского времени наследовал принципы государственного протекционизма в царской России. Условия зарождения индустриального сектора экономики России были изначально отличны от западноевропейских. Особой его чертой (в первую очередь в отраслях тяжелой промышленности) стала неразрывная связь с государственным аппаратом и государственной казной. Новые направления промышленного производства всегда возникали «по высочайшему повелению», посредством своеобразной «революции сверху». Значительная роль государства в формировании новых отраслей промышленности была связана с недостаточными масштабами внутреннего накопления капитала, необходимостью для государства выполнять такие хозяйственные функции и задачи, которые в западных капиталистических странах на себя брал частный капитал. Развитие промышленности, торговли, банковского дела находилось в стране под опекой государства. И отечественные, и зарубежные авторы отмечают, что своим подъем в конце XIX века российская индустрия «была обязана больше государству и банкам, чем отдельным предприимчивым предпринимателям»³. Следует также учитывать, что страны, в той или иной степени, запаздывающие в своем развитии, находятся в довольно сложной ситуации. Они стоят перед дилеммой: либо пройти эволюционный путь изменений, либо сразу попытаться перейти в индустриальную эпоху.

Подразделяя страны в зависимости от уровня развития их индустрии на политически мощные (Англия, Северная Америка, Германия) и «политически немощные» (Китай, Индия, Турция, Персия)⁴, С. Ю. Витте всемерно подчеркивал заинтересованность России «ускорить процесс образования вполне независимой национальной промышленности»; он указывал на острую потребность «дать стране такое же промышленное совершенноелетие, в какое уже вступают Соединенные Штаты Северной Америки, прочно обосновавшие свое благосостояние на двух устоях – земледелии и индустрии»⁵. С. Ю. Витте выработал курс форсированной индустриализации, предполагая неограниченное использование государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, и, как пишут современные историки Б. В. Ананич и Р. Ш. Ганелин, доказал своей политикой жизнеспособность феодальной по своей природе власти в условиях индустриализации; возможность успешно развивать экономику, ничего не меняя в системе экономических отношений и государственного управления⁶.

И. В. Сталин во многом продолжил программу С. Ю. Витте. Речь идет о стратегических целях виттевско-сталинского курса – создании мощной военно-индустриальной империи с экономикой, обеспечивающей приемлемые условия для социально-экономической и военно-политической стабильности общества и сохранения целостности государства, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз, для активного влияния на процессы в мире.

Оценивая позитивно экономический, в том числе и промышленный, рост в России конца XIX – начала XX века, нельзя сбрасывать со счетов следующее. С 1861 года – начала реформ в России – по 1913 год, несмотря на валовой рост производства, разрыв в душевом национальном доходе в сравнении с США, Германией и другими странами Европы не сокращался, а увеличивался⁷. По доходам на душу населения Россия отставала от стран Западной Европы, согласно разным оценкам, в 2,5–6 раз, нахо-

дятся на уровне балканских стран и Румынии и немного превосходя такие окраины Австро-Венгрии, как Галиция и Буковина⁸. В 1900 году Россия производила в расчете на душу населения 0,54 тонны условного топлива, в то время как США – 3,82, Великобритания – 4,56, Германия – 2,72, Франция – 1,18; относительное же потребление, то есть потребление энергии с учетом природных факторов, было таково: Россия – 0,03, США – 0,32, Великобритания – 0,77, Германия – 0,44, Франция – 0,23⁹. Накануне первой пятилетки мощность двигателей в фабрично-заводской и горной промышленности на душу населения была в Англии – в 10 раз, в Германии – в 13,5 раза, в США – в 16,2 раза больше, чем в СССР¹⁰. Первая мировая война, революции и гражданская война послужили причиной промышленного спада, когда общий объем валовой продукции крупной промышленности снизился к 1921 г. почти в 7,3 раза¹¹, а среднегодовая выработка одного рабочего – почти в 2,6 раза¹².

Первая мировая война дала импульс развитию государственного вмешательства в военную экономику различных стран. Государства были вынуждены реализовать модель централизованного управления экономикой с монополией внешней торговли. В сфере промышленности государство прямо вмешивалось в создание государственной военной промышленности или субсидировало частных капиталистов – военных поставщиков, создавая для этого соответствующие финансовые институты. Этот комплекс мер укреплял союз государства с крупным капиталом, стимулировал процесс концентрации капитала. Поставки стали достоянием крупных предприятий, которым и поступали производственные «субсидии».

На разработке и применении инструментария промышленной политики в СССР сказался ряд факторов. Во-первых, марксисты XIX в., а позднее и основатели советской власти не сомневались в индустриальной направленности общего процесса развития российской экономики, в необходимости продолжить то направление, которое было задано модернизационной политикой дореволюционного периода¹³. В. И. Ленин признавал объективную необходимость высоких темпов и минимальных сроков осуществления социалистической индустриализации, сокращенный ее путь («выиграть время – значит выиграть все»)¹⁴. Социализм, который для Западной Европы мог быть лишь результатом капиталистического (фактически индустриального) развития, в России должен был стать способом, инструментом индустриального развития. Г. Уэллс писал о В. И. Ленине в 1920 г.: «Он видит, как... подымается обновленная и счастливая индустриализированная коммунистическая держава»¹⁵. Г. М. Кржижановский и другие разработчики плана ГОЭЛРО отмечали, что «уже в довоенное время наша индустриализация шла более ускоренным темпом, чем где бы то ни было»¹⁶, а те из них, кто употреблял термин «индустриализация», имели в виду в первую очередь возрастание ведущей роли машинной техники, крупной промышленности во всех сферах народного хозяйства¹⁷.

В качестве критериев индустриализации рассматривалось решение следующего комплекса основных задач: обеспечение экономической независимости страны; утверждение и господство социалистических производственных отношений и социалистической собственности; реализация социалистических распределительных отношений; обеспечение необходимого оборонного потенциала. В функциональном плане это – создание энергетической базы, включая систему машин для добычи топлива; системы орудий труда и соответствующего производственного аппарата промышленности, сельского хозяйства и транспорта; набор индустриальных предметов труда и комплекс основных технологических процессов, которые соответствовали бы техническому уровню эпохи и обеспечивали широкую механизацию наиболее трудоемких производственных процессов в основных отраслях народного хозяйства. В отраслевом плане это создание многоотраслевой тяжелой индустрии, производства средств производства, и в первую очередь топливодобычи и электроэнергетики, металлургии и машиностроения; развитие комплекса химических отраслей и производства стройматериалов, оборонной индустрии и промышленности по производству предметов потребления¹⁸.

В условиях ограниченности финансовых, технологических и иных ресурсов в стране возобладала идея селективной поддержки отдельных видов производства по определяемым государством приоритетам. И. В. Сталин склонялся к мысли, что путь к передовой, изобильной экономике лежит через машиностроение и тяжелую промышленность в целом. Советское партийно-государственное руководство выбирало вариант, известный на Западе как «капитализм угля и стали». Приоритет отдавался сталелитейной промышленности, угледобыче, транспортному машиностроению. Развитие отраслей промышленности группы «А», как именовался сектор тяжелой промышленности, считалось необходимой предпосылкой для развития группы «Б» – потребительских товаров. Решение отдать предпочтение тяжелой промышленности связывалось с основной экономической задачей СССР, поставленной на несколько пятилеток вперед: «догнать и перегнать главные капиталистические страны по производству на душу населения». И. В. Сталин при этом ясно сказал, что для этого требуется «готовность пойти на жертвы»¹⁹.

Взгляды большевиков оказывались вариантами хорошо известной дирижистской модели, в соответствии с которой государство должно определить народнохозяйственные приоритеты, изъять деньги из одних отраслей и перераспределить их в те секторы, которые представляются наиболее перспективными, создавать преференции или лучшие условия для развития одних отраслей по сравнению с развитием других отраслей. Так, в 1928–1931 гг. национальный доход в неизменных ценах увеличился в полтора раза, а непроизводственное потребление – на 7 %, реальное же накопление (прирост запасов и фондов) – в 3,7 раза. Доля реального накопления в национальном доходе выросла с 14,4 до 36 %, доля непроизводственного потребления упала с 83 до 60 %²⁰.

Во-вторых, приверженность партийно-государственного руководства идеологическим канонам господства общественных форм собственности и директивных методов управления народным хозяйством. Собственность на средства производства была монопольно сосредоточена в руках государства, которое через это было монополистом власти и силой этой власти побуждало производителей (предприятия, организации и т. д.) к реализации так называемых общенародного интересов, не очень заботясь об интересах коллективов производителей и отдельных людей. Административная централизация была возможна лишь на основе максимального огосударствления собственности и других сторон экономических отношений, этатизации общественной и личной жизни. В свою очередь, огосударствление не могло быть реализованным вне административно-централистских начал и методов. Активная роль государства позволяла привлечь необходимые средства для ускорения промышленного роста за счет сельского хозяйства и других традиционных видов производства. Только государству в силу его монопольного положения как легитимного органа принуждения было под силу создать широкий набор отраслей высокой капиталоемкости в сравнительно короткий срок, обеспечить идеологическую и политическую поддержку проводимого курса.

С самого начала курс на индустриализацию проводился как политика, направленная на упрочение государственного сектора, как жесткая государственная промышленная политика с безусловным преобладанием методов прямого бюджетного субсидирования отраслей промышленности или отдельных амбициозных проектов на основе волевых, административных рычагов. Государство определяло: а) как организовать промышленность, будет ли национальная экономика связана с другими странами или останется автаркичной; б) структуру производства – что производить и в каких количествах; в) структуру распределения; г) структуру потребления. Все крупные решения, касавшиеся объема используемых ресурсов, структуры и распределения продукции, организации производства, принимались центральными органами. Предприятия являлись собственностью государства и осуществляли производство на основе государственных директив, причем планы конкретизировали количество ресурсов, которое должно было выделяться каждому предприятию, чтобы оно могло выполнять производственные задания, а средства производства распределялись между отраслями на основе долговременных приоритетов, устанавливавшихся партийно-государственным руководством. Предприятия, находясь в государственном подчинении, сдавали всю прибыль и амортизационные отчисления в бюджет, а затем получали через него необходимые для функционирования средства. Бюджетные капиталовложения распределялись в централизованном порядке. Основные виды промышленной продукции также подлежали централизованному распределению. В этих условиях прибыль как важнейший показатель работы предприятий перемещалась на задний план. Экономист М. И. Вайнзоф отмечал: «В советских условиях основным показателем успешности работы хозяйственных единиц является не прибыль, а разница между фактической и заданной себестоимостью при условии выполнения качественных требований»²¹.

Среди ключевых инструментов индустриальной политики преобладали административно-командные (инструменты «давления», репрессии²², централизованное регулирование денежных потоков для максимизации использования сбережений в качестве инвестиций в развитие промышленности, валютное регулирование и контроль, направленные на недопущение вывоза капитала из страны, регулирование цен, регулирование потребления, регулирование доходов, довольно жесткое, особенно в военный период, управление спросом), дополнявшиеся налоговыми, бюджетными инструментами, монополий государства на внешнюю торговлю. Альб. Вайнштейн писал в этой связи, что с завершением обобществления народного хозяйства прогнозирование соотношения спроса и предложения вообще не будет нужно, поскольку «прогноз заменится определенной директивой»²³.

Создавалось достаточно большое количество документов нормативного характера, инструкций, приказов, распоряжений, разрабатывавшихся партийными и государственными органами, календарные сроки утверждения которых должны были согласовываться с пятилетними планами хозяйственного развития страны.

Пятилетние и годовые планы развития промышленности являлись важным директивным документом, определявшим долгосрочные и среднесрочные перспективы. Управляющим параметром планов являлись инвестиции. Курс на ускоренное развитие тяжелой промышленности обеспечивался преимущественным направлением капитальных вложений именно в этот сектор. В основу формирования первых пятилетних планов был положен так называемый метод выбора главного звена. Документы свидетельствуют о том, что в первой пятилетке приоритетными рассматривались отрасли топливно-энергетического комплекса, металлургия и машиностроение. Второй пятилетний план ориентировал на завершение технической реконструкции народного хозяйства, на всестороннюю электрификацию, комплексную механизацию производственных процессов, широкое развитие химии²⁴.

В третьей пятилетке в промышленности должен был повыситься удельный вес отраслей, определявших технический прогресс и существенные сдвиги в структуре производства. Поэтому намечались более высокие темпы роста машиностроения, металлургии (особенно производства качественной стали), энергетики, химической промышленности по сравнению с общими темпами промышленного производства. Объем и структура производства машиностроения планировались исходя из необходимости дальнейшего обновления действующего парка машин и оборудования. Учитывая международную обстановку, третий пятилетний план предусматривал увеличение мощностей оборонной промышленности и ускорение темпов ее развития. Особенно важное значение придавалось преодолению отста-

вания топливно-энергетической базы, которая должна была обеспечить не только покрытие текущих потребностей страны в топливе, но и создание хозяйственных запасов и государственных резервов²⁵. Переход к автоматическим системам машин связывался с переходом от социализма к коммунизму: «Автоматические системы машин способствуют переходу от социализма к высшей фазе»²⁶. XVIII съезд ВКП (б) рекомендовал обратить особое внимание на освоение машин, автоматизирующих производственные процессы, расширить производство аппаратуры автоматического и телемеханического управления²⁷. Позднее, в 1941 г., XVIII конференция ВКП (б) постановила уделить особое внимание вопросам новой техники, «непрестанно работать над усовершенствованием техники, над освоением производства новых машин, материалов и изделий»²⁸. Фактически взятый курс на автоматизацию производства позволяет утверждать, что в 1941 г. СССР стоял на пороге научно-технической революции.

Представление о понимании партийно-государственным руководством СССР перспектив развития страны и союзных республик дает проект Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1943–1957 гг., подготовленный к марту 1941 г.²⁹ В нем намечалось «перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и предметов потребления... Решение основной экономической задачи... потребует более быстрого по сравнению с другими отраслями развития тяжелой промышленности (особенно машиностроения); энергичного внедрения в народное хозяйство новейшей передовой техники; значительного развития сырьевых и продовольственных отраслей; форсированного развития транспорта; более равномерного размещения производительных сил и создания новых крупных промышленных очагов в северных и восточных районах страны, а также в национальных окраинных республиках; серьезного повышения подготовки кадров народного хозяйства и производительности труда; увеличения топливных, сырьевых, продовольственных, бюджетных резервов и запасных производственных мощностей в ведущих промышленных отраслях и на транспорте... Развитие народного хозяйства СССР в предстоящие 15 лет будет происходить по экономическим законам первой (низшей) фазы коммунизма»³⁰. В итоге в «течение 15 лет СССР должен быть превращен в высокоцивилизованную страну»³¹.

В-третьих, индустриализация в СССР в отличие от развитых капиталистических стран проходила при нарушении классической стадийности развития (от мануфактурного к крупному механизированному производству, от легкой к тяжелой промышленности) и с четко выраженной импортозамещающей направленностью, сопряженной с диверсификацией отраслевого состава тяжелой промышленности, что требовало создания необходимых стратегических инвестиций, интенсификации труда. Обеспечивалось это жесткой централизацией, использованием методов государственного принуждения, при крайне ограниченном использовании товарно-денежных отношений.

Во второй половине 20-х годов, когда национальный доход начал увеличиваться и появилась реальная возможность, ограничив рост непроизводственного потребления, направить прирост национального дохода на создание современной промышленности, партийно-государственное руководство решило реализовать стратегию ускоренного превращения страны из аграрно-индустриальной в индустриальную. Обосновывая этот выбор, И. В. Сталин позднее (в 1931 г.) подчеркивал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»³².

Переход к политике индустриализации сопровождался свертыванием рыночных отношений и утверждением директивной плановой модели развития страны, предусматривавшей своеобразный экономический рывок с использованием чрезвычайных средств. На усилении антирыночных настроений в партийно-государственном руководстве и среди населения сказался мировой экономический кризис 1929–1933 гг. Капиталистические лидеры искали выход из кризиса при помощи усиления регулирующего воздействия государства на экономику. Можно согласиться с В. Т. Рязановым в том, что наступала «общемировая длинная волна усиления государственного вмешательства и ограничения рыночных отношений»³³.

В 1929 году началась «Великий перелом». Страна должна была перейти на рельсы ускоренной индустриализации, развивать новые отрасли, строить много новых предприятий, зачастую в удаленных районах, что требовало больших капитальных вложений. Но если до революции ранняя фаза индустриализации в России была почти наполовину основана на иностранном капитале, то к концу 20-х годов рассчитывать на иностранные инвестиции не приходилось. Аннулирование иностранных долгов советским правительством 21 января 1918 г. и несогласие их выплачивать не позволяло вести переговоры о получении иностранных кредитов. Доминировал образ страны – «изолированной крепости», окруженной врагами.

Одновременно следует учитывать использование имевшегося опыта индустриализации в других странах, прежде всего организационно-технического. В. И. Ленину и ряду его соратников казались, чуть ли не идеальными, германская милитаризованная экономика и хозяйственное регулирование в годы войны. По мнению В. И. Ленина, задача большевиков заключалась в том, чтобы «учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»³⁴. Ю. Ларин вспоминал, что при В. И. Ленине «учет немецкого опыта... имел место не раз»³⁵. Нарком внешней торговли Л. Б. Красин заявлял на XIII съезде РКП (б) в 1924 г., что Россия и Германия по объективным условиям как бы созданы друг для друга³⁶.

Советское руководство обращалось также к американскому опыту: к научной организации труда Ф. Тейлора³⁷, к фордизму, под которым понималось не только создание современной автомобильной и тракторной промышленности, но и борьба за технический прогресс во всем народном хозяйстве, полный разрыв с работой по старинке.

Избранный в СССР вариант полузакрытой экономики с опорой на собственные ресурсы без использования иностранных вложений³⁸ не означал полной изоляции и отказа от прагматизма. Новые отрасли промышленности не могли обойтись без иностранного оборудования, что заставляло, хоть и ограниченно, обращаться к внешнему рынку, используя договорные инструменты. Единогласия ни среди руководства страны, ни среди специалистов не было. Одни считали взаимодействие с зарубежными фирмами долгосрочным фактором, обеспечивающим участие страны в международном разделении труда. Например, В. Бутковский писал: «Советский строй основан не только на борьбе социализма с капитализмом, но в известных пределах и на их сотрудничестве. Допуская существование капиталистических тенденций, советское государство держит их до известной степени в узде, всемерно питая и поддерживая социалистические тенденции»³⁹. Напротив, другие подчеркивали кратковременный характер сотрудничества. Характерно высказывание М. И. Лациса: «В виде кратковременной меры мы допускаем концессии в надежде, что они же помогут нам скорее покончить с концессиями навсегда»⁴⁰.

В 1923–1933 гг. в тяжелой промышленности СССР было заключено 170 договоров о технической помощи: 73 с германскими компаниями, 59 с американскими, 11 с французскими, 9 со шведскими, 18 с фирмами других стран⁴¹. По данным Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, не менее 80 % всех капиталовложений в основную часть машин и оборудования за годы индустриализации приходилось на импортированную технику⁴².

Оформленные в 1920-х годах советско-германские договоры были нацелены на развитие наиболее перспективных направлений в военной промышленности – производство самолетов, боеприпасов для артиллерии, отравляющих веществ. При немецком техническом содействии функционировали авиационный завод в Филях (с участием фирмы Юнкерса), заводы по производству боеприпасов для артиллерии в Златоусте, Петрограде, Туле, (с участием «Круппа»), химический завод «Берсоль» в Ивашенково под Самарой по производству отравляющих веществ (с участием «Штольценберга») и другие⁴³.

Уже в 1919 г. власти Советской России пытались сотрудничать с Фордом. Переговоры с компанией Форда представлялись большевикам крайне важными не только потому, что эта фирма не делала инвестиций в дореволюционной России и не потеряла там своего имущества. Помимо автомобилей советское правительство интересовалось недорогими и легкими тракторами фордзон, массовый выпуск которых для американского рынка Форда развернул в 1918 г. Общий объем закупок у Форда различными советскими организациями неуклонно увеличивался, причем доля грузовиков и тракторов росла опережающими темпами: в 1922 г. были поставлены 261 легковая автомашина, 56 грузовиков и 268 тракторов; в 1923 г. – соответственно 30, 192 и 402; в 1924 г. – 61, 154 и 3108. В 1925 г. Форд продал Советскому Союзу 162 легковых автомобиля, 463 грузовых, и 10515 тракторов. 31 мая 1929 г. компания Форда подписала с СССР договор о технической помощи. Им предусматривалось строительство в Советском Союзе одного или нескольких заводов по выпуску моделей А и АА при условии предоставления американцами всей необходимой проектной и технической документации, лицензий и патентов, в том числе и на те усовершенствования и новинки, которые могли появиться на протяжении действия договора. В 1935 г. действие договора 1929 г. было досрочно прекращено по обоюдному согласию сторон и без финансовых претензий, но компания Форда не порывала своих отношений с Советским Союзом⁴⁴. В предвоенный период СССР приобретал небольшие партии и образцы новейшей военной техники, которая изучалась и проходила испытания в научно-исследовательских центрах РККА⁴⁵.

Социально-экономический эффект от реализации договоров о техническом содействии между СССР и западными фирмами заключался в использовании импортозамещающих технологий; получении технической документации и чертежей для освоения новых технологий и выпуска новых видов продукции; применении прогрессивных форм организации производства; сокращении расхода сырья и материалов; снижении себестоимости продукции и повышении ее качества; повышении квалификации и производительности труда работников. Используя современные западные технологии, СССР в значительной степени компенсировал нехватку собственного высокотехнологичного оборудования, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, сэкономил средства на разработку аналогов высоких технологий своими силами.

В-четвертых, СССР располагался между двумя полюсами активно развивавшихся систем – европейской и азиатской, в которых приоритетную экономическую роль играли процессы модернизации оборонно-промышленных комплексов (ОПК)⁴⁶, что в свою очередь, требовало соответствующих шагов и от советского руководства. Темпы, направления и критерии индустриального развития тесно увязывались с перспективами будущей войны. Имеющийся комплекс документов свидетельствует о том, что советское руководство страны было осведомлено относительно роли и значения тенденций в науке и технике, в индустриальной сфере, однако технологические приоритеты в его понимании ассоциировались в основном с успехами в развитии оборонных отраслей промышленности. «Будущая война по преимуществу будет войной заводов», – подчеркивал в 30-е годы нарком обороны К. Е. Ворошилов⁴⁷.

Закупая за рубежом в огромных количествах промышленное оборудование для создания современной индустрии, советское руководство одновременно целеустремленно и решительно принимало меры по достижению максимальной самодостаточности военного производства в случае войны.

Приоритет был отдан развитию базовых, формально гражданских отраслей промышленности как основы мобилизационного развертывания массового военного производства в будущем. Развитие базовых отраслей осуществлялось под углом зрения, прежде всего, военной, и лишь затем экономической целесообразности. Так, было принято решение о развертывании второй промышленной и сырьевой базы на Урале и в Сибири, а также хозяйственном освоении Севера, хотя в силу инфраструктурной неразвитости этих регионов капиталовложения в европейской части страны были бы экономически много эффективнее. Теми же военными соображениями было продиктовано и решение о сокращении в течение второй пятилетки военно-промышленных мощностей в Ленинграде ввиду его уязвимости в случае войны. Сравнительно безопасной считалась, начиная с 1927 г., зона от 500 до 1500 км от внешних границ⁴⁸.

Для обеспечения перехода от гражданского производства к военному была создана разветвленная и строго централизованная система мобилизационной подготовки экономики. Были построены современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ. По подсчетам М. Н. Тухачевского, проведенным им в 1930 г., технологическая совместимость военной и гражданской техники позволяла в случае войны выпускать один самолет взамен трех автомобилей, один авиационный двигатель вместо двух автомобильных, один танк взамен двух тракторов и т. д. Учитывая, что по первому пятилетнему плану в 1933 г. предусматривался выпуск 350 тыс. автомобилей и 197 тыс. тракторов, СССР был способен, по мнению Тухачевского, производить на этой производственной базе 122,5 тыс. самолетов и 175 тыс. авиационных двигателей. Равным образом он считал, что запланированное на 1932–1933 гг. производство 197 тыс. тракторов позволит в случае войны довести производство танков до 100 тыс. машин в год⁴⁹. Перед войной было начато, помимо существовавших ранее танкостроительных заводов, производство танков на Сталинградском и Челябинском тракторных заводах. На СТЗ накануне войны велись работы по созданию специального двигателя 2МБ-16 для танка Т-34⁵⁰.

В предвоенный период положительно сказался и предварительный (в 1939–1941 гг.) перевод части гражданских предприятий на военную продукцию и создание на предприятиях специальных цехов и производств, работавших на оборону, что позволило без промежуточного периода освоения новых видов продукции сразу приступить к выполнению военных заказов. Размещение предприятий-дублеров на востоке РСФСР в третьей пятилетке, ввод части из них в действие и создание строительных заделов по другим позволило в начале Великой Отечественной войны не только использовать их мощности для военного производства, но и разместить на их площадях и ввести в строй родственные предприятия, перебазируемые из западных районов, расширив и укрепив тем самым военно-промышленный потенциал СССР. Нарком (позднее министр) финансов СССР А. Г. Зверев отмечал: «Если бы, например, в 1938–1941 гг. мы не строили сразу много крупных объектов в разных местах страны, то не имели бы после начала Великой Отечественной войны необходимого производственного задела, и тогда оборонная промышленность могла бы оказаться в прорыве»⁵¹.

Индустриализация обеспечила формирование комплекса современных отраслей производства за счет мобилизации внутренних накоплений и выкачивания из сельского хозяйства прибавочного и части необходимого продукта; высокие темпы экономического развития, в том числе за счет смены изношенной и устаревшей материально-технической базы производства; промышленное освоение гигантских месторождений полезных ископаемых, которыми располагала страна, а это стало еще одним источником накоплений; создание ряда передовых отраслей, выпускавших технически сложную продукцию в основном оборонного значения; переход к преимущественно урбанизированному укладу жизни. К началу войны СССР превратился в страну, способную производить любой вид промышленной продукции, доступной в то время человечеству; такую же или лучшую, чем у противника, боевую технику, вооружение в таком же или большем количестве, подготовиться к испытаниям, через которые пришлось пройти, одержать победу в войне. По ряду направлений промышленность заняла лидирующее положение в мире. Это производство синтетического каучука, турбинное производство, реактивная технология. Но не все было гладко. Отчетливо проявлялись диспропорции в развитии отечественной индустрии, в том числе отставание от потребностей народного хозяйства добычи нефти, производства металлов, химической продукции, нехватка электроэнергии для ускоренного развития промышленности в восточных районах. На низком уровне оставалось производство качественного металла. Недостаточно были развиты сырьевые отрасли, особенно марганца. Довольно напряженным было положение с топливом и энергией. Отставали от спроса легкая, пищевая отрасли промышленности.

Затронутые нами аспекты, конечно же, не исчерпывают всех проблем, связанных с изучением инструментария промышленной политики в СССР на этапе индустриализации. Исторический опыт проведения промышленной политики в советский период показывает, что такая политика тем эффективнее, чем в большей степени отражает принципы согласования интересов субъектов экономических отношений и централизма. Эффективность такой политики непосредственно связана с формированием стабильной и предсказуемой институциональной среды, с гибким поведением власти. Такая политика должна строиться на едином для всех нормативном принципе регулирования хозяйственных отношений. Такой политике должны быть присущи прагматизм и научность, всемерное использование достижений мировой и отечественной экономической науки и практики.

Примечания

¹ См., напр.: Анисков В. Т. История ВПК России в региональном аспекте : от начала первой до окончания Второй мировой войны : на примере Верхневолжья / В. Т. Анисков, А. Р. Хаиров. Ярославль, 1996; Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс : проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; Вишневский А. Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX – 30-е годы XX века). М., 1994; Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008; Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004; Мухин М. Ю. Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3; Он же. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М., 2006; Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Парамонов В. Н. Россия в 1941–1945 гг. : проблемы индустриального развития. Самара, 1999; Он же. Динамика промышленности РСФСР в 1941–1945 гг. Самара, 2005; Самуэльсон Л. Красный колосс : Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001; Седов В. Мобилизационная экономика : советская модель. Челябинск, 2004; Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; Система управления экономикой 30-х годов. М., 1990; Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005; Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-х годах. М., 1994 и др.

² Под промышленной политикой подразумевается комплекс принципов и мер государственного регулирования промышленности, направленных на создание более благоприятных условий функционирования приоритетных ее сфер с целью стимулирования экономического роста и, как направление экономической политики государства, характеризуется собственным специфическим объектом – индустриально-производственной сферой экономики.

³ Карр Э. История Советской России. Кн. 3. Большевицкая революция 1917–1923. М., 1990. С. 414.

⁴ Витте С. Ю. О положении нашей промышленности // Историк-марксист. 1935. № 2–3. С. 133.

⁵ Витте С. Ю. О необходимости установить и затем неуклонно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи // Материалы по истории СССР. Ч. VI. М., 1959. С. 183.

⁶ Вопросы истории. 1990. № 8. С. 39.

⁷ См.: Российская провинция. 1994. № 1. С. 42.

⁸ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) : Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 21; Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком : Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 40.

⁹ См.: Клименко В. Россия: тупик в конце туннеля // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 77.

¹⁰ Плановое хозяйство. 1928. № 6. С. 20.

¹¹ Социалистическое строительство СССР. М., 1936. С. 2.

¹² Подсч. по: Русская промышленность в 1921 году и ее перспективы. М., 1921. С. 6; СССР за 15 лет: Статистические материалы по народному хозяйству. М., 1932. С. 96.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. Ч. I. М., 1954. С. 478, 687; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 2. М., 1971. С. 154, 155, 156; План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 43–44; Труды ГОЭЛРО. М., 1960; К истории плана электрификации Советской страны : сб. документов и материалов. М., 1952. С. 143; Промышленность : Серия сборников решений, постановлений ВКП (б) и Соввласти по экономполитике. Вып. I. М., 1927. С. 3, 5, 6, 11, 12, 32 и др.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 142.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 50.

¹⁵ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 73.

¹⁶ План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 49.

¹⁷ См., напр.: Там же. М., 1955. С. 17, 168–177, 182.

¹⁸ См.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенограф. отчет. М., 1926. С. 14, 345, 958, 959; План электрификации РСФСР. М., 1955. С. 36, 166, 167; К истории плана электрификации Советской страны... С. 143; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. [1898–1954 гг.]. Изд. 7-е. Ч. II. М., 1954. С. 12–13, 295, 305, 458, 526; Промышленность : Серия сборников решений и постановлений ВКП (б)... С. 63, 64 и др.

¹⁹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 579.

²⁰ Вайнштейн А. Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969. С. 98, 102.

²¹ Вайнзоф М. И. Теория и практика хозрасчета. М. ; Л., 1932. С. 14.

²² И. В. Сталин подчеркивал, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления». Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 309.

²³ Вайнштейн Альб. Л. Проблема прогноза в ее исторической постановке. М., 1929. С. 53.

- ²⁴ См.: Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. В 4 т. Т. 1. М., 1929; Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М., 1934.
- ²⁵ XVIII съезд. ВКП (б) : Стенограф. отчет. М., 1939. С. 654–655.
- ²⁶ См.: Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). М., 1939; XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: Стенограф. отчет. М., 1939. С. 654–655 и др.
- ²⁷ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: Стенограф. отчет. С. 653.
- ²⁸ КПСС в рез. и реш. 8-е изд. Т. 5. М., 1971. С. 466.
- ²⁹ Проект был подготовлен в связи с принятым в феврале 1941 г. решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР о составлении Генерального хозяйственного плана СССР с перспективой на 15 лет (См.: Индустриализация СССР. 1938–1941 гг. М., 1973. С. 404; Колотов В. В. Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1974. С. 255; Шаги пятилеток. Развитие экономики СССР. М., 1968. С. 113.
- ³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 41. Д. 184. Л. 82–84. См. также: Д. 199. Л. 28.
- ³¹ Там же. Д. 184. Л. 138, 139; Д. 199. Л. 206.
- ³² Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 39.
- ³³ Рязанов В. А. Экономическое развитие России. СПб., 1998. С. 44.
- ³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 301.
- ³⁵ Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914–1918 гг.). М. ; Л., 1928. С. 234.
- ³⁶ XIII съезд РКП (б): Стенографический отчет. М., 1963. С. 145.
- ³⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 189–190.
- ³⁸ В официальных публикациях тех лет получил распространение тезис «о необходимости строительства социализма с ограниченным импортом». См., напр.: Розенгольц А. П. СССР и капиталистический мир (экономические взаимоотношения СССР с капиталистическими странами). М. ; Л., 1934. С. 4.
- ³⁹ Бутковский В. Иностраные концессии в народном хозяйстве СССР. М. ; Л., 1928. С. 17–18.
- ⁴⁰ Лацис М. И. Сельскохозяйственные концессии. М. ; Л., 1926. С. 83.
- ⁴¹ Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы / под ред. С. С. Хромова. Ч. II. М., 1999. С. 252–253.
- ⁴² Гордон Л. А. Что это было? : Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. М., 1989. С. 50.
- ⁴³ См.: Кантор Ю. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009. С. 57; Beitel W. Technologietransfer und wirtschaftliche Entwicklung. Zur Konzeption der Sowjetunion in der Zeit der Neuen Okonomischen Politik und des Ersten Fünfjahresplanes / W. Beitel, J. Notzold. Berlin, 1979.
- ⁴⁴ См.: Шпотов Б. Политика использования западных технологий как фактор создания крупной индустрии в СССР // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 4; Он же. «Не дано нам историей тише идти» (техническая помощь запада советской индустриализации) // Мир истории. 2002. № 3; Он же. Компания Форда и Россия. 1909–1929. URL : www.pseudology.org.
- ⁴⁵ См., напр.: Капистка В. В. Деятельность Советского государства по организации военно-технических связей с зарубежными странами в области авиации (1921 – июнь 1941 гг.) : автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1995. С. 16.
- ⁴⁶ См., напр.: Ниязов Н. С. Основные стратегические концепции и вооруженные силы ведущих стран мира межвоенного периода. СПб., 2005.
- ⁴⁷ Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М., 1937. С. 190.
- ⁴⁸ Российский государственный архив научно-технической документации. Филиал в г. Самаре. Ф. Р-38. Оп. 4–6. Д. 22. Л. 13.
- ⁴⁹ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1941 гг. М., 2001. С. 111–112.
- ⁵⁰ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 122. Д. 8. Л. 81, 86, 87; Отечественная история. 2000. № 3. С. 13.
- ⁵¹ Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973. С. 158.

Толстиков В. С.

СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ СССР (1942–1955 ГГ.)

Исторический опыт реализации советского атомного проекта свидетельствует о том, что эта сверхзадача успешно была решена за довольно короткий период времени в экономике мобилизационного типа. В связи с этим огромный научный интерес представляют структура, способы и методы управления работами по атомной проблеме, которые до сих пор недостаточно изучены.

Во многих публикациях утверждается, что история отечественной ядерной индустрии берет свое начало с августа 1945 года, когда в соответствии с постановлениями Государственного Комитета Обороны (ГКО) были образованы ее руководящие органы, наделенные огромными полномочиями, – Специальный комитет и Первое главное управление (ПГУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. Вместе с тем, многие документы, в том числе и архивные материалы, красноречиво говорят о том, что процесс формирования основ атомной промышленности, ее структуры и кадрового состава происходил уже в годы Великой Отечественной войны.

Фактически реализация атомного проекта в СССР началась с принятия 28 сентября 1942 года постановления ГКО «Об организации работ по урану». Этим постановлением ГКО обязал Академию наук СССР «возобновить работы по исследованию атомной энергии путем расщепления ядра урана и представить к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». Президиуму Академии наук СССР поручалось организовать при Академии наук специальную лабораторию атомного ядра¹.

Решение ГКО от 28 сентября 1942 года положило начало первому, своего рода подготовительному, этапу создания новой отрасли промышленности – атомной

В течение 1942–1945 гг. ГКО принял за подписью Сталина целую серию постановлений и распоряжений, посвященных различным аспектам атомной проблемы. Важнейшее значение имело постановление за № 2822, принятое ГКО 11 февраля 1943 года об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии в военных целях. В соответствии с этим документом и распоряжением № 121 Академии наук СССР от 12 апреля 1943 года было создано в стране первое специализированное («ядерное») научно-исследовательское учреждение, получившее из соображений секретности скромное название – «Лаборатория № 2 АН СССР», которую возглавил сорокалетний профессор И. В. Курчатов². Ныне это Российский ядерный научный центр «Курчатовский институт». С самого начала отечественный атомный проект был типичным детищем мобилизационной экономики, конкретных мероприятий, прежде всего, экономического социально-политического и военно-стратегического характера. Именно в них наиболее ярко проявились усилия командно-административной системы по концентрации ресурсов государства, направленных на решение важнейшей задачи – создание ядерного щита.

В период Великой Отечественной войны ГКО, обладая всей полнотой власти в стране, возглавлял и контролировал весь ход работ по атомному проекту. Персональная ответственность за развитие новой отрасли в это время была возложена на заместителя председателя ГКО В. М. Молотова, который опирался в своей работе на правительственный аппарат и, прежде всего, на заместителя председателя правительства и одновременно наркома химической промышленности М. Г. Первухина. Он координировал и курировал деятельность учреждений Академии наук, наркоматов и всесоюзных комитетов, привлекаемых к выполнению программы по созданию ядерного оружия.

Значительную роль в реализации атомного проекта играл Наркомат внутренних дел (НКВД), возглавляемый до конца войны Л. П. Берией. Являясь членом ГКО, Берия основное внимание уделял развитию производства военной техники и боеприпасов. Наряду с Молотовым он нес ответственность и за широкий круг вопросов урановой проблемы.

В непосредственном подчинении Берии находилось Первое управление НКВД (внешняя разведка), которое осуществляло сбор научно-технической информации за рубежом о ходе работ по созданию атомной бомбы. Начиная с 1944г., в системе НКВД были образованы несколько научно-исследовательских институтов, где велась разработка получения плутония, урана и изделий из них. Кроме того, НКВД занимался организацией и соблюдением режима секретности на предприятиях и в учреждениях атомной отрасли, строительством предприятий по добыче и переработке урановой руды.

Правительство осуществляло планирование и финансирование всего комплекса работ независимо от ведомственной принадлежности, развертывание научных исследований, организовывало проектирование промышленного оборудования и ядерных установок.

В 1942–1945 гг. был сформирован основной костяк руководителей будущей атомной промышленности: Л. П. Берия, М. Г. Первухин, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, Н. А. Доллежал, П. Я. Антропов, В. С. Емельянов и многие другие. В условиях войны они приобрели огромный опыт решения сложнейших проблем атомного проекта, когда для получения результата требовались нетрадиционные методы управления, а также умение организовать работу по-новому, при острой нехватке необходимых средств.

К концу войны в СССР была создана научная база данных, необходимая для получения оружейного плутония и высокообогащенного урана, закончена подготовка для промышленного производства необходимого количества металлического урана, сверхчистого графита и тяжелой воды. Однако атомной промышленности, способной производить ядерное оружие, еще не существовало. В стране, обессиленной войной, не хватало финансовых и материальных ресурсов для осуществления широко-масштабных, дорогостоящих работ по созданию ядерной индустрии. Отсутствовал и единый центр по руководству атомным проектом. Необходимо отметить, что правительство в условиях войны не ожидало и не требовало от ученых быстрой отдачи. Как известно, перелом наступил после испытания США атомной бомбы в июле 1945 г. и особенно после атомных бомбардировок японских городов Хиросимы и Нагасаки. После этих событий последовали энергичные меры по дальнейшему созданию

ядерной индустрии в СССР. Наступил следующий, наиболее ответственный этап реализации советского атомного проекта. Фактически этот этап охватывает период с августа 1945 года по август 1949 года, т. е. всего четыре года, до испытания первой атомной бомбы в СССР.

Предстояло выполнить колоссальные объемы работ. Атомный проект стал программой номер один, т. е. первостепенного государственного значения.

Характерной особенностью начала второго этапа создания ядерной отрасли в СССР является то, что в это время были сформированы организационные основы советского атомного проекта, определялись главные силы и средства для его реализации.

20 августа 1945 года постановлением ГКО № 9887 за подписью И. В. Сталина создаётся Специальный комитет во главе с Л. П. Берией³. Задачей этого директивного, межведомственного органа стала быстрая ликвидация монополии США на ядерное оружие.

Решение Сталина о том, чтобы возложить общее руководство атомной программой на Берия, было продиктовано целым рядом причин. Будучи заместителем председателя правительства, членом Политбюро, Л. П. Берия сосредоточил в своих руках огромную власть – как политическую, так и социально-экономическую, включая и разведывательно-репрессивную. Это давало ему возможность системно решать широкий круг задач, что в значительной степени обеспечивало успех дела.

Сталин, хорошо осознавая силу науки и инженерно-технических знаний, ту роль, которую они играли в решении атомной программы, стремился по возможности создать благоприятные условия для труда учёных и специалистов. Вместе с тем сталинское руководство держало их под строгим контролем. Поэтому далеко не случайным является то, что Спецкомитет возглавил именно Берия.

Если стиль руководства Молотова атомным проектом и, соответственно, результаты не отличались особой эффективностью, то Берия быстро придал всем работам по созданию атомного оружия необходимый динамизм и размах. Один из создателей ядерного оружия академик Ю. Б. Харитон отмечает, что Берия обладал огромной энергией и работоспособностью, умом, волей и целеустремлённостью, был первоклассным организатором. Не стеснявшийся проявлять порой откровенное хамство, он умел по обстоятельствам быть вежливым, тактичным и просто нормальным человеком⁴.

Спецкомитет получил огромные права, имел большие возможности. В его составе было три члена Политбюро: сам Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский – председатель Госплана СССР, Г. М. Маленков – секретарь ЦК ВКП (б). Помимо них в состав этого чрезвычайного органа входили: Г. М. Первухин – заместитель председателя Совнаркома, нарком химической промышленности, Б. Л. Ванников нарком боеприпасов, А. П. Завенягин – заместитель наркома НКВД, за которым стояла вся мощь строительных организаций этого ведомства. Науку во вновь созданном органе представляли академики И. В. Курчатов и П. Л. Капица. Секретарём Спецкомитета был назначен генерал В. А. Махнёв. Всего в его состав входило 9 человек⁵.

Как отмечалось в постановлении ГКО, на Спецкомитет возлагалось руководство всеми работами по использованию энергии деления ядер урана, а также развитием научно-исследовательских работ, созданием сырьевой базы по добыче урановой руды, организацией промышленности по переработке урана, строительством атомно-энергетических установок, разработками и производством атомных бомб. Последняя задача была ключевой в реализации атомного проекта СССР – ее решению в рассматриваемый период были подчинены все другие задачи. Спецкомитет, строго засекреченный, наделённый чрезвычайными полномочиями, стоял как бы над наркоматами (позднее министерствами) и ведомствами. Он имел право издавать распоряжения, обязательные к выполнению для наркоматов и ведомств, что имело принципиальное значение в командно-административной системе.

Спецкомитет, ставший подлинным штабом советского атомного проекта, рассматривал все наиболее принципиальные организационные вопросы, возникавшие в ходе создания ядерной индустрии СССР.

На заседаниях Специального комитета обсуждались, корректировались и одобрялись относящиеся к атомным проблемам проекты постановлений и распоряжений ГКО, правительства СССР, которые представлялись затем на утверждение Сталину.

За время существования Спецкомитета, с 20 августа 1945 года по 26 июня 1953 года, было проведено 140 его заседаний. В целом делопроизводство этого комитета насчитывает около 1700 дел, содержащих более 300 тысяч страниц машинописного текста⁶. Следует отметить, что работа Спецкомитета велась не только интенсивно, но и исключительно оперативно.

Архивные документы свидетельствуют о том, что большое внимание уделялось персональной ответственности руководителей за выполнение конкретных мероприятий, важнейших поручений. Резолюции Сталина и Берии предписывали отдельным руководителям под личную ответственность выполнение того или иного поручения к определенному числу или дню. Например, «Поручить тт. Ванникову Б. Л., Завенягину А. П., Курчатову И. В., Кикоину И. К. в двухнедельный срок, до 10 октября 1945 года, выбрать места для постройки котла уран-графита [плутониевого завода – прим. автора] и диффузионного завода и свои предложения предоставить Спецкомитету», или «тов. Антропову П. Я. лично выехать на площадку». За ними следуют рапорты о выполнении или сообщения о невозможности исполнения к указанному времени, конкретные предложения о путях решения в кратчайшие сроки. Подобный опыт управления поучителен, он и сегодня не утратил своей актуальности.

Кроме Спецкомитета постановлением ГКО от 20 августа 1945 года было образовано еще и Первое главное управление (ПГУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. Это был исполнительный орган,

подчинённый Спецкомитету. ПГУ фактически выполняло функцию Наркомата атомной промышленности. Ему непосредственно поручалось руководство всеми организациями и предприятиями по производству ядерного оружия. ПГУ, которое должно было заниматься оперативным руководством по созданию и развитию атомной отрасли, возглавил опытный организатор производства генерал-полковник Борис Львович Ванников.

В годы войны он с наилучшей стороны проявил себя на посту наркома боеприпасов. Это был жёсткий, порой жестокий руководитель, хорошо понимающий правила игры в сталинский период. Ванников всегда помнил о том, что в случае неудачи с созданием атомной бомбы спросят со всех, но, прежде всего с него.

Постановлением ГКО было установлено, что все работы по атомной программе, проводимые в ПГУ и на предприятиях всех других ведомств для него, контролируются Спецкомитетом: «Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГКО не имеют права вмешиваться в деятельность Первого главного управления, его предприятий и учреждений или требовать справок о его работе или работах, выполняемых по заказам ПГУ. Вся отчётность по указанным работам направляется только Специальному комитету при ГКО⁷. Таким образом, деятельность ПГУ и его руководителя Б. Л. Ваникова находилась под контролем Берии.

В соответствии с постановлением правительства СССР от 9 апреля 1946 года полномочия ПГУ были еще больше расширены. Оно получило неограниченные права, по получению необходимых материалов и координации межведомственной деятельности. Значительно был обновлен руководящий состав этого атомного ведомства, назначены семь заместителей начальника ПГУ Б. Л. Ваникова, в том числе А. П. Завенягин, П. Я. Антропов, Н. А. Борисов, В. С. Емельянов, А. Н. Комаровский, Е. П. Славский, П. Я. Мешик.

Главным помощником Берии в надзоре за атомной программой был генерал-полковник НКВД А. П. Завенягин, который состоял членом Спецкомитета и одновременно первым заместителем начальника ПГУ. Официально он являлся еще и главным представителем правительства СССР. По образованию Завенягин был металлургом и его роль в советской атомной программе была в чем-то аналогична роли генерала Лесли Гровса в американском атомном проекте «Манхэттен». А. Д. Сахаров называет А. П. Завенягина «жестким, решительным, чрезвычайно инициативным начальником... человеком большого ума и вполне сталинистских убеждений».

Заместители начальника и члены ПГУ были далеко не свадебными генералами, им поручались конкретные, ответственные участки работы, за которые они несли персональную ответственность. Так, например, Н. А. Борисов (заместитель председателя Госплана СССР) координировал деятельность целого ряда отраслей, предприятий и организации по реализации атомной программы, А. Г. Касаткин (заместитель наркома химической промышленности) и В. С. Емельянов (заместитель наркома черной металлургии) отвечали соответственно за выполнение заданий ПГУ на предприятиях своих отраслей.

Позднее в состав руководства ПГУ вошли Е. П. Славский, заместитель наркома цветной металлургии, А. Н. Комаровский, начальник Главпромстроя НКВД СССР. П. Я. Антропов отвечал за геологическую разведку и организацию разработок урановых месторождений, а Славский – за обеспечение работ по организации получения графита для экспериментального реактора Ф-1 и промышленного реактора-наработчика плутония для первой атомной бомбы. Этот промышленный реактор вскоре построили на Урале в Челябинске-40⁸.

Завенягин и Комаровский обеспечивали ускоренное создание необходимых для атомной промышленности предприятий, научно-исследовательских институтов, закрытых городов и специальных посёлков. Емельянов, назначенный начальником управления исследовательских организаций ПГУ, вместе с научным руководителем комплексной проблемы Курчатовым обеспечивал контроль и координацию деятельности всех привлечённых институтов и конструкторских бюро.

Известно, что при реализации советского и американского атомных проектов, особое внимание уделялось режиму секретности, обеспечению их безопасности. Причем в СССР на предприятиях и в учреждениях атомной отрасли была создана непроницаемая стена секретности, доведенная нередко до абсурда. Все это накладывало в условиях мобилизационной модели экономики своеобразный отпечаток на всю систему управления атомной промышленностью.

С самого начала проведения работ в области использования атомной энергии ставилась задача не допустить агентурного проникновения противника на ядерные объекты, утечки информации о состоянии ядерных исследований, о проектировании и строительстве советских атомных предприятий и их дислокации. Причем тон в этом отношении задавало высшее политическое руководство страны. Многочисленные факты, рассекреченные за последнее время документы, свидетельствуют о том, что Сталин лично требовал от своих ближайших соратников соблюдать строжайший режим секретности при решении атомных проблем.

По инициативе Спецкомитета, в марте 1946 года правительство СССР приняло постановление об уполномоченных Совета Народных Комиссаров (позднее – Совета Министров СССР) при важнейших научно-исследовательских институтах и лабораториях, строящихся предприятиях, занятых реализацией атомного проекта.

В обязанности уполномоченных входило оказание институтам и лабораториям помощи в укреплении и развитии их научно-технической базы, контроль за своевременным выполнением заданий правительства по проведению научно-исследовательских работ, обеспечение охраны институтов и

лабораторий, проведение необходимых мер, обеспечивающих секретность научно-исследовательских работ и ограждение институтов и лабораторий от шпионажа, диверсий.

На должности уполномоченных правительства назначались, как правило, генералы и высшие офицеры МВД и госбезопасности с переводом в действующий резерв этих ведомств. Первыми уполномоченными были утверждены: А. Н. Бабкин – Институт физических проблем АН СССР (директор, академик П. Л. Капица), Н. И. Павлов – Лаборатория № 2 (директор, академик И. В. Курчатов), Ф. П. Малышев – Физический институт АН СССР (директор, академик С. И. Вавилов), В. П. Поляков – Физико-технический институт (директор, академик А. Ф. Иоффе), Л. С. Боценюк – Радиевый институт АН СССР (директор, академик В. Г. Хлопин), М. А. Андреев – Лаборатория № 3 АН СССР (начальник, академик А. И. Алиханов)⁹.

Некоторые уполномоченные правительства в своей деятельности не ограничивались только тем, чтобы играть роль надсмотрщиков или «уха Берии» при ведущих ученых-атомщиках. Обладая солидной теоретической подготовкой, определенным жизненным опытом, ряд из них стали впоследствии крупными руководителями, организаторами атомного комплекса. Показательна в этом отношении в какой-то мере жизненная судьба Николая Ивановича Павлова.

Ещё до войны он получил диплом инженеров, затем окончил аспирантуру при кафедре прикладной механики. В 1938 году Павлов был мобилизован в органы НКВД, где карьера его развивалась быстро и успешно. Начиная он оперуполномоченным, а с 1943 по 1945 год уже занимал высокий пост начальника управления НКВД по Саратовской области. В 1945 году в возрасте 31 года Павлов стал генерал-майором, одним из самых молодых генералов в стране.

И вот в 1946 году его привлекают в аппарат уполномоченных при Совете Народных Комиссаров СССР. В лаборатории № 2 ему пришлось работать вместе с выдающимися учеными: И. В. Курчатовым; Ю. Б. Харитонов; А. Д. Сахаровым; Г. Н. Флеровым, И. К. Кикоиным и многими другими.

Входить в курс нового дела на первых порах было трудно, но он постоянно постигал азы атомной науки. Учился сам, учился у других, вникал в тонкости ядерной физики.

Николай Иванович находился в числе тех шести человек, которые присутствовали при пуске И. В. Курчатовым первого в Европе атомного реактора.

В 1949 году Павлов был назначен заместителем начальника ПГУ, а в следующем году он стал уже первым заместителем начальника ПГУ и одним из ключевых руководителей атомного проекта, отвечая за разработку ядерных боеприпасов. С 1955 по 1964 гг. Павлов возглавлял Главное управление опытных конструкций Минсредмаша.

В 1964 году он был назначен директором Всесоюзного НИИ автоматики, являющегося одним из трех разработчиков ядерных боеприпасов страны. На этом посту он проработал 23 года, вплоть до ухода на пенсию. Это был период напряженной плодотворной деятельности, когда Павлов в полной мере реализовал огромный, накопленный в предыдущие годы, опыт и многогранный талант исследователя и организатора. Коллективу удалось решить задачу кардинального повышения безопасности ядерного оружия, обеспечить научно-технический прорыв в создании уникальной унифицированной контрольно-измерительной аппаратуры.

Н. И. Павлов, как считают специалисты, был талантливым человеком, прирожденным руководителем, его научная и техническая деятельность имела огромное значение для укрепления оборонной мощи нашей Родины. Он всегда с благодарностью отмечал, что ещё, будучи уполномоченным Совнаркома в Лаборатории № 2, прошел школу И. В. Курчатова, приобщился к атомному проекту, которому посвятил 45 лет своей жизни.

За довольно короткий срок была создана организационная структура органов по обеспечению секретности и безопасности в учреждениях и на предприятиях, входящих в подчинение ПГУ.

По инициативе Спецкомитета 9 июня 1947 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, который устанавливал уголовную ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну.

Сохранение режима секретности касалось всех – и рядовых работников, и высокопоставленных руководителей, невзирая на их прежние заслуги и должности.

Так, 5 апреля 1948 года генерал-майор Б. Г. Музруков, директор комбината № 817 (Челябинск-40) был вызван в Москву на заседание Спецкомитета для дачи объяснения о нарушении им режима секретности и установленного порядка подбора кадров для ядерных объектов. Как отмечалось в протоколе заседания Спецкомитета «Музруков, будучи назначенным начальником комбината № 817 Первого главного управления, перед своим отъездом в отпуск допустил легкомысленное, безответственное отношение к соблюдению секретности, выразившееся в том, что:

а) Музруков, в нарушение установленного порядка, требующего предварительной проверки кадров при подборе их на спецобъекты ПГУ, вступил в переговоры с заместителем начальника ЦЗЛ Уралмаша о переводе его на комбинат № 817 без предварительной проверки возможности допуска к работе на комбинате;

б) кроме того, Музруков обратился к этому работнику, а через него к непроверенному лицу, некоему профессору С., с просьбой подобрать литературу по химии редких элементов, в том числе по урану».

Как считал Спецкомитет, тем самым Музруков перед случайными, непроверенными лицами рассекретил характер своей будущей работы и характер работы комбината, куда он был назначен. Учитывая то, что Б. Г. Музруков вел переговоры с работником, допущенным к государственной тайне, в целях

подбора на совместную работу, а также чистосердечное признание своей вины, ему был объявлен строгий выговор с предупреждением об уголовной ответственности в случае нарушения им правил обеспечения секретности в дальнейшем¹⁰.

Прибыв после заседания Спецкомитета на место своей работы, Музруков издал приказ о соблюдении государственной тайны и секретности на Базе-10. В мае 1948 года этот приказ обсуждался во всех партийных организациях комбината № 817 и строительства¹¹.

Предприятия ядерного комплекса относились к особо охраняемым, строго режимным объектам. В июле 1947 года по указанию Специального комитета не только строящиеся ядерные объекты, но и территории будущих атомных городов, были изолированы от внешнего мира, вокруг них была создана система защитных сооружений и противовоздушной обороны.

На такие города распространялось «Положение об охране и режиме пропусков», по которому всю территорию вокруг этих населенных пунктов вскоре обнесли двумя рядами колючей проволоки, а также установили строго ограниченный круг лиц, имеющих право посещать поселения атомщиков.

В атомной эпохее, когда пришлось заново создавать огромную, наукоемкую отрасль промышленности, многое зависело от правильного выбора научных и технических решений. Это определяло не только создание ядерного комплекса, но и судьбу великой страны, её безопасность.

Поэтому, помимо Спецкомитета и ПГУ, для координации научной деятельности по атомной проблеме 20 августа 1945 года был образован Технический совет. В его задачу входило предварительное рассмотрение и обсуждение научно-технических вопросов. В состав этого совета по решению ГКО вошли: Б. Л. Ванников (председатель), А. И. Алиханов (ученый секретарь), И. Н. Вознесенский, А. П. Завенягин, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. К. Кикоин, И. В. Курчатов, В. А. Махнев, Ю. Б. Харитон, В. Г. Хлопин.

В рамках Технического совета работали три постоянно действующие комиссии:

- по электроядерному разделению урана-235 под председательством академика А. Ф. Иоффе (члены комиссии: академик А. А. Лебедев, профессора С. А. Векшинский и Л. А. Арцимович);
- по получению тяжелой воды под председательством академика П. Л. Капицы (члены комиссии: профессора М. О. Корнфельд, В. Н. Каргин, А. Г. Касаткин, инженеры А. С. Генин и Г. И. Гаврилов);
- по изучению плутония под председательством академика В. Г. Хлопина (члены комиссии: член-корреспондент Б. А. Никитин, кандидат химических наук Б. В. Курчатов, академики А. Н. Фрумкин и И. В. Чернаев).

Позднее была организована секция по охране труда под председательством академика В. В. Парина и комиссия по методикам аналитических исследований под председательством члена-корреспондента АН СССР А. П. Виноградова. В состав секции входили академики АН СССР Л. А. Орбели, Н. И. Аничков, член-корреспондент АН СССР Б. А. Никитин, академик АМН Н. Н. Петров, члены-корреспонденты АМН СССР Г. М. Франк, А. А. Летавет, профессор Я. Б. Зельдович, доцент М. П. Домшлак. В комиссии работали члены-корреспонденты АН И. В. Тананаев и И. Е. Старик, профессора И. П. Алимарин, А. М. Дымов, Ю. А. Черников, П. Н. Палей, Д. И. Рябчиков, П. А. Волков, В. К. Марков, кандидат технических наук Н. М. Горин, научный сотрудник М. И. Певзнер, инженер А. М. Кутыков.

На заседаниях ТС и его секций систематически рассматривались различные этапы работ по атомной программе. Первое такое заседание прошло уже в сентябре 1945 года. На нем рассмотрели ход работ и предложения ученых лаборатории И. В. Курчатова, научно-исследовательских институтов по следующим проблемам:

- получение плутония в уранографитовых реакторах, охлаждаемых обычной водой и в реакторах с тяжелой водой. Докладчики: И. В. Курчатов, А. И. Алиханов, Г. Н. Флеров (5 сентября);
- состояние исследований по получению урана газодиффузионным методом. Докладчики: И. К. Кикоин, П. Л. Капица (6 сентября);
- обогащение урана электромагнитным методом. Докладчики: Л. А. Арцимович, А. Ф. Иоффе (10 сентября)¹².

С октября 1945 года на каждом заседании Технического совета заслушивались доклады так называемого «Второго бюро», на самом деле сотрудников разведывательного отдела НКВД, который возглавлял генерал-лейтенант П. А. Судоплатов. Работники этого отдела занимались также переводом на русский язык научных отчетов, различных документов, добытых советской разведкой из американских ядерных центров. Общий объем этих материалов составлял около десяти тысяч страниц¹³.

В сентябре-декабре 1945 года было проведено 13 заседаний Технического совета, на которых рассматривался 71 вопрос. Однако несмотря на интенсивную работу этого совета и его комиссий, руководство Спецкомитета пришло к выводу, что они не в состоянии квалифицированно и своевременно принимать многие инженерные решения. Привлечение десятков заводов, конструкторских бюро и проектных институтов, наркоматов требовало создания еще одного органа управления инженерно-технической стороной атомного проекта. В связи с этим в декабре 1945 года был образован Инженерно-технический совет при Спецкомитете. Руководителем совета был утвержден М. Г. Первухин. В состав совета вошли крупные организаторы промышленности, руководители научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро такие, как: В. С. Емельянов – заместитель председателя, Б. С. Поздняков – ученый секретарь, В. А. Малышев, А. П. Завенягин, А. Г. Касаткин, Г. В. Алексеенко.

Работа шла по пяти секциям: ядерные реакторы (председатель – М. Г. Первухин), молекулярные методы разделения изотопов (В. А. Малышев), ускоритель (Г. В. Алексеенко), методы выделения изотопов (А. Г. Касаткин), радиохимия и тепловыделяющие элементы (А. П. Завенягин).

В заседаниях Инженерно-технического совета активное участие принимали постоянные эксперты из числа высококвалифицированных специалистов. Среди них были крупные ученые, конструкторы, руководители научных учреждений – А. А. Бочвар, Н. А. Доллежал, Б. М. Шолкович и другие¹⁴.

В начале 1946 года возник вопрос об объединении Технического и Инженерно-технического советов в один Научно-технический совет. Вызвано было тем, что к этому времени в систему ПГУ вошло большое число промышленных предприятий, институтов и конструкторских бюро. На данном этапе требовалось уже более четкая научно-техническая политика и ее координация.

В апреле 1946 года Технический и Инженерно-технический советы были объединены в Научно-технический совет Первого главного управления (ПГУ) при СМ СССР, председателем которого стал Б. Л. Ванников, а его заместителями – начальник Лаборатории № 2 АН СССР И. В. Курчатов и министр химической промышленности СССР М. Г. Первухин.

В начале 1950 года в НТС работали семь секций: реакторы с комиссией по тепловыделяющим элементам (председатель – И. В. Курчатов), молекулярные методы разделения изотопов урана (В. А. Малышев), ускорительная техника (И. Г. Кабанов), металлургия, радиохимия и химия (В. С. Емельянов), медицина и биология (Ф. Г. Кротков), производство и использование радиоактивных изотопов (В. С. Емельянов), цифровые вычислительные машины (М. В. Келдыш).

По мере реализации атомного проекта, возрастания объемов производственных, научно-технических задач происходили изменения в структуре НТС. Так, 23 ноября 1947 года правительство СССР утвердило расширенный состав Научно-технического совета, в который вошли видные организаторы производства В. А. Малышев, И. Т. Тевосян, А. П. Завенягин, В. С. Емельянов, а также такие авторитетные учёные, как А. И. Алиханов, А. П. Александров, И. К. Кикоин, Н. Н. Семёнов, С. Л. Соболев, И. Е. Старик, В. Б. Шевченко, Б. С. Поздняков и другие. В течение 1947–1949 гг. М. Г. Первухин выполнял обязанности председателя НТС. И. В. Курчатов стал заместителем председателя НТС, а с 1949 года – его бессменным председателем. Учёным секретарём НТС был назначен В. С. Поздняков, ранее работавший начальником технического управления Наркомтяжпрома¹⁵.

НТС привлек к работам по овладению и использованию атомной энергии более 20 крупнейших научных коллективов страны, поставив перед ними конкретные задачи. Важнейшими из этих научных организации были: Ленинградский физико-технический институт (ионные методы разделения изотопов, исследование на циклотроне); Физический институт Академии наук СССР (расчет атомных реакторов, нейтронная физика); Институт неорганической химии АН СССР (химия плутония и промышленные методы его выделения, создание микропористых материалов для диффузионного разделения изотопов); Институт физической химии АН СССР (химия плутония, борьба с коррозией при работе атомных котлов, то есть реакторов); Физико-химический институт и Институт азотной промышленности (промышленные методы производства тяжёлой воды); НИИ №2 наркомата химической промышленности (производство шестифтористого урана и тяжёлой воды); Физический и Физико-технический институты Академии наук Украинской ССР¹⁶.

Что касается механизма управления атомным проектом, то он функционировал в это время следующим образом. На основе отечественных научно-технических разработок и зарубежной разведывательной информации ПГУ готовило материалы для Спецкомитета, которые Берия докладывал Сталину. Причем эти материалы анализировались системно и по ним принимались важнейшие решения. Транслирование задач шло в основном с уровня, вниз по вертикали: высшее политическое руководство (Сталин), председатель Спецкомитета (Берия), научный руководитель атомного проекта (Курчатов), отрасли экономики обеспечивающие реализацию атомного проекта (Ванников). Но часто бывало и так, когда стремительный ход событий и огромный вал технических и экономических проблем оказывали давление на высшее руководство страны снизу.

Атомная промышленность, как никакая другая до этого отрасль экономики, создавалась при активном участии директивных, специальных органов, которые применяли преимущественно командно-административные методы управления вплоть до принуждения и насилия, повышения ответственности за выполнение принятых решений, возведенной нередко в абсолют.

В деятельности ПГУ, которое относительно быстро превратилось в эффективно действующий орган управления атомной промышленностью, важную роль играла его Коллегия. С 1 декабря 1949 года в этот коллективный орган управления входили 13 человек, Б. Л. Ванников (председатель), его заместители и начальники основных отделов.

Развернувшаяся в это время гонка ядерных вооружений в мире требовала увеличения производственных мощностей в десятки раз. Все новые и новые предприятия привлекались для создания атомного оружия, продолжала совершенствоваться и структура управления отраслью. В 1948 году на предприятиях ПГУ трудилось 68 тысяч человек, а на строительстве объектов атомной промышленности – около 250 тысяч человек¹⁷.

При все возрастающих масштабах работ аппарат ПГУ оказался не в состоянии уделять достаточного внимания наращиванию темпов добычи урановой руды. Ввиду особой важности этого вопроса, решением правительства СССР от 27 декабря 1949 года из состава ПГУ были выделены уранодобывающие и ураноперерабатывающие предприятия, находящиеся на территории Советского Союза и стран Восточной Европы. В соответствии с этим решением Совета Министров организовали Второе главное управление (ВГУ), в которое из ПГУ перевели не только многих сотрудников Горно-металлургического управления, но и из других структур. Начальником ВГУ назначили П. Я. Антропова. Создание ВГУ, вы-

деление уранодобывающей промышленности в самостоятельную отрасль способствовало увеличению объемов добычи урана в два раза. Что касается ПГУ, то оно сконцентрировало свои усилия главным образом на увеличение объемов производства оружейного плутония и высокообогащенного урана – 235.

После того, как проблемы, связанные с добычей и переработкой природного урана в основном были успешно решены, в марте 1953 года Совет Министров СССР для более оперативного руководства атомной промышленности объединил Первое и Второе главные управления. Во главе объединенного ПГУ был назначен А. П. Завенягин, его первым заместителем Е. П. Славский, заместителями – П. Я. Антропов, Н. И. Павлов.

В объединенном штабе отрасли работало в это время 1850 человек, на 350 человек меньше, чем было в центральных аппаратах ПГУ и ВГУ до объединения¹⁸.

После ареста Л. П. Берия решением Президиума ЦК КПСС был ликвидирован Специальный комитет. Одновременно с ликвидацией Спецкомитета, ПГУ было преобразовано в Министерство среднего машиностроения. Его первым министром стал В. А. Малышев, крупнейший инженер-машиностроитель, талантливый руководитель.

Примерно к середине 1950-х годов в основном сформировалась и стабилизировалась структура органов управления атомной промышленностью, как в центре, так и на местах.

В последующий период времени, проводившиеся реорганизации в центральном аппарате Минсредмаша, на ядерных объектах не меняли по существу сложившуюся, положительно зарекомендовавшуюся систему управления.

В заключении необходимо отметить, что становление и развитие структуры и механизмов управления атомной отраслью происходило в сложной, экстремальной обстановке послевоенного времени, когда приходилось учитывать многие неблагоприятные факторы и постоянную эскалацию сложнейших задач. Созданные по инициативе высшего политического руководства государства директивные органы впервые создаваемой ядерной отрасли, такие как Спецкомитет, Первое главное управление при правительстве СССР проявили себя в экономике мобилизационного типа с наилучшей стороны, действовали четко и результативно.

В этих руководящих органах, наделенных широчайшими полномочиями, трудились высококвалифицированные специалисты, которые демонстрировали тесное единство правящей советской элиты и фундаментальной науки. Благодаря их знаниям, воле, огромной работоспособности в СССР была создана новая отрасль промышленности, атомная индустрия, оказавшая влияние на баланс сил в мире, обеспечившая надежную обороноспособность страны в послевоенный период.

Примечания

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 58. Л. 40–41.

² РГАСПИ. Там же. Д. 83. Л. 71.

³ Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга I / Мин. РФ по атомной энергии ; отв. сост. Г. А. Гончаров. М. ; Саров, 1999. С. 11–13.

⁴ Харитон Ю. Б. О некоторых мифах и легендах советского атомного и водородного проектов. Доклад, посвященный 90-летию со дня рождения И. В. Курчатова. М., 1998. С. 9.

⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 458. Л. 27–30.

⁶ Атомный проект СССР. Там же. С. 3–4.

⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 458. Л. 28–29.

⁸ Круглов А. К. Как создавалась атомная бомба в СССР. М., 1994. С. 38–39.

⁹ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 3. С. 682–683; Колпакиди А. И. Энциклопедия секретных служб России. М., 2003. С. 439.

¹⁰ Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 1. С. 512.

¹¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-1147. Оп. 1. Д. 2 Л. 4, Ф. П-1140. Оп. 1. Д. 3 Л. 8–9.

¹² Киселев Г. В. К истории создания ядерной энергетики в СССР / Г. В. Киселев, В. В. Пичугин, А. В. Щегельский // ЦНИИИАтоминформ. 1994. N 11–12. С. 60–62.

¹³ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1997. С. 219, 236–237.

¹⁴ Круглов А. К. О работниках штаба отрасли в начальный период ее создания // Бюллетень ЦНИИИАтоминформ. 1997. N 1. С. 55.

¹⁵ Круглов А. К. Указ. соч. С. 38–40.

¹⁶ Наука и общество : История советского атомного проекта (40–50 годы). Труды международного симпозиума ИСАП – 96. М., 1997. С. 37–38.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9407. Оп. 23. Д. 3428. Л. 63.

¹⁸ Новоселов В. Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск : УралГАФК, 1999. С. 39.

Фельдман М. А.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОСТУЛАТ И РЕАЛЬНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ (УРАЛЬСКИЙ ВАРИАНТ)

В исторической литературе проблеме зарождения и функционирования мобилизационной экономики уделено немало публикаций. Основные из них появились в начале 90-х гг., отражая возможность без идеологических шаблонов осмыслить столь сложное явление экономической жизни¹.

Мобилизационная экономика рассматривалась как тип экономических отношений, при которых все ресурсы страны направляются на одну или несколько приоритетных целей в ущерб другим отраслям, что нарушает гармоничность развития страны. Проследив исторические корни управления хозяйственной жизнью в России, В. А. Мау обращал внимание на сильные государственно-бюрократические централистские традиции, создававшие весьма благоприятную почву для становления мобилизационной экономики в нашей стране. Еще до Первой мировой войны органами власти рассматривались вопросы о введении государственных нефтяной и хлебной монополий. Но было бы неверно связывать постановку вопроса о государственных монополиях только с условиями мировой войны. Подобные подходы к решению экономических проблем, по мнению автора, в значительной мере отвечали особенностям развития производства: ускоренной концентрации производств по отраслевому принципу и ослабления конкурентного механизма².

Противодействием абсолютизации таких тенденций могло бы выступать взаимодействие государства и общества. Даже в годы войны, отмечал председатель Государственной Думы Родзянко в письме Николаю II «в западно-европейских государствах <...> вся система тыловой хозяйственной организации покоится на доверии к общественным силам, на широком участии последних в учреждениях призванных организовывать национальное хозяйство в интересах обороны. К сожалению, в России отношение правительства к обществу прямо противоположное: общественной инициативе не доверяют, в ней видят опасного врага, общественные организации, несмотря на все оказанные ими услуги стране и армии, преследуются»³.

А. Г. Фонотов в опубликованной им в 1993 г. работе «Россия: от мобилизационного общества к инновационному» выдвинул положение о том, что для России интенсивность проявления мобилизационного типа развития в различные периоды была неодинаковой. Однако с началом первой мировой войны произошло усиление черт мобилизационного типа развития, найдя свое наиболее яркое воплощение в социально-экономической системе, сформировавшейся в СССР во второй половине 30-х гг.⁴

В. В. Седов в работе 2003 г., поддержав общие оценки мобилизационного типа развития общества в России, подчеркивал, что при всей своей ценности исследование Фонотова содержит два концептуальных подхода, с которыми нельзя согласиться. Во-первых, с исключительно широким макроэкономическим подходом к содержанию понятия «мобилизационность» и с игнорированием других узких мезо- и микро-экономических подходов. Во-вторых, противопоставлением мобилизационного типа развития инновационному типу развития⁵. Следует поддержать суть замечаний В. В. Седова: элементы мобилизационного управления экономикой широко использовались руководством развитых капиталистических стран в кризисные времена; в программах по преодолению депрессивного состояния старопромышленных регионов.

Сама необходимость постоянного использования таких методов и приемов управления связана отнюдь не только в связи с периодами военных действий, периодов кризисов, но и в самые мирные времена. Это объясняется такой особенностью рыночной экономики, как концентрацией капиталов и наиболее выгодного производства в немногих центрах, как правило, в столицах и портовых городах. Такие эпицентры политической и финансовой власти выступают как своеобразные «черные дыры», всасывающие лучшие квалифицированные силы, основную массу инвестиций, новейшие отрасли производства.

Утверждение о том, что территориальная структура экономики России сформировалась под влиянием принципов и реальной практики хозяйствования в условиях централизованного планирования и в силу воздействия патерналистской политики центра⁶ не вызывает возражений; проблема в другом. Насколько централизованное планирование могло преодолеть силу законов рыночной экономики, открывающих дорогу конкурентным преимуществам узкого круга регионов? Той силы, которая не подвластна изменчивым политическим режимам. Ведь по верному замечанию В. В. Седова, подобно тому, как социализм не чужд рынку, так и капитализм вовсе не отвергает командные методы⁷. Рассмотрим указанную проблему на примере Урала времени первых пятилеток.

В советской историографии аксиомой признавалось положение о комплексном, лишенном противоречий, порайонном развитии. Безоговорочность такого утверждения вытекала из признания социалистической экономики механизмом, в принципе лишенным противоречий. Так ли обстояло дело?

Как известно, третий том Первого пятилетнего плана был целиком посвящен региональным (районным) аспектам развития советской экономики. Суммируем ряд таблиц, раскрывающих динамику движения капиталовложений, стоимости основных производственных фондов по основным индустриальным регионам.

Таблица 1

Динамика движения капиталовложений, стоимости основных производственных фондов по основным индустриальным регионам СССР в 1928–1933 гг. (пятилетний план)

Регион, страна	Октября 1928 г.				1 октября 1933 г.	
	Стоимость фондов в млн. рублей	в %	Капиталовложения в промышленность за пятилетку в млн. рублей	в %	Стоимость фондов в млн. рублей (план)	в %
ЦПР	2182	30,8	2820	17,5	4337	21,2
УССР	1735	24,5	4200	26,1	5350	26,17
Ленинградская обл.	705	9,96	1017	6,3	1487	7,28
Уральская обл.	302	4,27	1962	12,2	2118	10,36
Башкирия	22,6	0,31	74,5	0,4	76	0,37
СССР	7792	100	18638	100	22517	100

Источник: Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1930. С. 38–40; 554–555; 562–563.

Как видно из материалов таблицы, удельный вес Украины в распределении промышленных капиталовложений (26,2 %) существенно превышал ее удельный вес в промышленном производстве (19,1 %)⁸ а также в распределении производственных фондов (24,5 %). Обратим внимание на следующее обстоятельство: капиталовложения в промышленность Украины почти в 1,5 раза превышали вложения в промышленность ЦПР, обладающую большим производственным потенциалом. Стоимость производственных промышленных фондов Украины за пятилетку должна была вырасти в 3,1 раза, при аналогичном показателе по промышленности СССР в 2,9 раза⁹.

С точки зрения генерального курса государства – сдвига промышленности на Восток – это было трудно объяснимо, и на подобное противоречие обратили внимание специалисты Госплана¹⁰. При этом подчеркивалось, что эти вложения распределены по территории Украины крайне неравномерно: «из 1345 млн руб. вложений в новое строительство на промышленность Донбасса, Запорожья и Криворожья, территорий, где проживали 6,5 млн чел. населения, приходится 1200 млн руб. в новое промышленное строительство, а на остальную часть Украины с 22,5 млн населения приходится лишь 145 млн вложений»¹¹.

Капиталовложения в промышленность Украины имели следующую особенность: 1/3 вложений направлялась на новое строительство, а две трети – на реконструкцию¹². Для сравнения отметим: на Урале более 9/10 вложений шли в новое строительство¹³. Разительны были контрасты в распределении средств на легкую промышленность: Украина получала 13,7 % общесоюзных капиталовложений в группу отраслей «Б»; Уральская область – только 2,9 % – втрое меньше, чем Ленинградская область¹⁴.

Драматизм ситуации определялся тем, что на Украину – район, расположенный у границы с капиталистическими странами – в 1928 г. приходилось 4/5 добываемого в СССР угля, 70 % – железной руды, 3/5 выплавки черных металлов¹⁵. В то же время вся Сибирь давала 0,9 %, Дальний Восток – 0,5 % промышленной продукции СССР¹⁶. Чем же можно объяснить такой перекося в распределении капиталовложений? Судя по реакции специалистов Госплана¹⁷ – инерцией планирования. Более совершенные в техническом отношении заводы Донбасса, Запорожья и Криворожья могли дать более быструю и эффективную отдачу, чем предприятия Востока страны.

Реальная картина распределения капиталовложений во многом складывалась в силу инерционных процессов размещения производительных сил; удобства для государственных ведомств наращивания индустриального потенциала в центре страны; возможности лоббирования интересов центральных регионов со стороны массива москвичей, ленинградцев, киевлян в составе союзного руководства. В пользу этого положения говорит анализ исторической литературы¹⁸, переписки ведомств оборонного комплекса¹⁹. Таким образом, исходя из различных источников инициации решений, государство использовало разные форматы активности и приоритетов.

Реализацию государственной политики по сдвигу промышленности на Восток можно было проследить по такому критерию, как реальное расходование капиталовложений по регионам.

Бесспорно, в реальной жизни распределение капиталовложений отличалось от плановых наметок. В годы первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4 % всех союзных капиталовложений. В реальности промышленность региона получила 7,8 %, т. е. в полтора раза меньше (63 % от планового показателя)²⁰.

Если в годы третьей пятилетки в народное хозяйство Урала планировалось вложить 9,1 % капиталовложений²¹, то выше уровня в 8,7 % в 1940 г. поток инвестиций не поднимался²². В целом же за три

с половиной года третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 гг.) удельный вес капиталовложений в экономику Урала составил 7,5 %²³. Конечно, перед нами ряд близких, но все-таки различных показателей. Проблему реального расходования капиталовложений в экономику регионов следует отнести к разряду малоизученных. Но никакие решения партии и правительства не могли заставить перестать работать закономерности рынка, о которых говорилось выше. Направленная воля руководства СССР в сфере распределения капиталовложений исполнялась от 63 процентов в годы «мирной» первой пятилетки до 82 процентов в условиях предвоенной третьей пятилетки!

Что же изменилось к 1941 г.? Использование до недавнего времени секретных архивных материалов, раскрывающих региональный разрез расположения промышленности и рабочих СССР, приводит к следующим выводам. Во-первых, о неравномерном распространении индустрии по территории страны. Об этом говорит, например, сопоставление удельного веса промышленного производства Сибири (4,1 %), Средней Азии и Казахстана (3,4 %), Дальнего Востока (1,5 %), и одного города – Ленинграда (10,2 %)²⁴. Во-вторых, представляется возможным высказать суждение о масштабах сдвига промышленности на Восток в 1937–1940 гг. Такой сдвиг прослеживается за указанный период на Урале, где в 1937–1940 гг. отмечен рост с 6, 2 до 6,8 % общесоюзного промышленного производства; на Дальнем Востоке (рост с 1,1 до 1,5 %). Вместе с тем, произошло, пусть и незначительное, сокращение удельного веса Сибири (с 4,2 до 4,1 %), Закавказья (с 3,8 до 3,4 %), Средней Азии и Казахстана (с 3,5 до 3,4 %), Поволжья (с 2,9 до 2,8 %). Удельный вес Украины в общесоюзном промышленном производстве за 1928–1940 гг. сократился с 19,1 % до 18 %²⁵.

В целом, на восточные районы СССР (включая Закавказье) приходилось 21,7 % общесоюзного промышленного производства в 1937 г. и 22 % в 1940 г.²⁶. Для сравнения отметим, что незадолго до Первой мировой войны (в 1912 г.) на долю восточных районов приходилось 20,9 % промышленного производства²⁷.

К началу Первой мировой войны на Урале производилось 15 % всей военной продукции России²⁸, тогда как на долю Петрограда и его пригородов приходилось 60 %²⁹. Приведенный факт имеет важное историческое значение: во-первых, это свидетельство группового эгоизма питерских финансово-промышленных олигархов в ущерб интересам страны; во-вторых, еще одним свидетельством концентрации капиталов и наиболее выгодного производства в столицах и портовых городах.

К 1940 г. удельный вес Урала в общесоюзном военном производстве составил 12,4 %³⁰. Сдвиг промышленности на Восток к 1941 г. просматривается, но, если под ним понимать изменение удельного веса восточных районов, в силу вышеназванных причин, он не носил фундаментальный характер. Следует учитывать, однако, тот факт, что в восточных районах к 1941 г. было построено значительное число крупных оборонных комплексов (например, авиазаводы Поволжья), налаживших широкомаштабный выпуск продукции уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. Следовательно, о сдвиге промышленности на Восток можно говорить, в большей степени, применительно к потенциалу предприятий оборонного значения.

Во-вторых, следует учитывать значительно возросшую роль восточных районов в горнодобывающем и металлургическом комплексе, энергетике. Например, в 1940 г. в восточных районах добывалось 35,7 % угля, производилось 25,7 % электроэнергии, 36,9 % стали.

В-третьих, интересен и важен территориальный разрез размещения советского рабочего класса. В 1940 г. 38,7 % промышленных рабочих СССР проживали в четырех основных индустриальных центрах: Москве, Ленинграде, Украине и Урале, где производилась половина промышленной продукции страны³¹. Наши подсчеты показывают, что выработка промышленной продукции рабочим Урала составляла в среднем 83 % от аналогичного общесоюзного показателя, на Украине – 97 %, тогда как в Ленинграде – 188 %, а в Москве – 223 %. Столь разительные региональные отличия (даже среди ведущих индустриальных центров) во многом объяснялись концентрацией в Московской и Ленинградской областях до половины предприятий союзной военной промышленности (!), обладавшей передовыми технологиями³².

Подведем итог: что могла и что не могла обеспечить мобилизационная экономика? Могла сконцентрировать массивы оборонных предприятий в нужном районе. Не могла преодолеть законов рыночной экономики, о которых я уже говорил. Сохранение дифференциации в уровне жизни столичных и провинциальных районов оборачивалось тем, что наиболее мобильная часть населения (прежде всего, в лице квалифицированных кадров) «голосовала ногами», перебираясь в большие и очень большие города, нарушая и разрушая сложившуюся систему расселения. Сила законов рыночной экономики, открывающих дорогу конкурентным преимуществам узкого круга регионов, усиленная лоббизмом московских и ленинградских («питерских») чиновников, приводила, вопреки всем постановлениям и решениям руководства СССР, к новому витку концентрации в столицах и столичных областях значительной части предприятий промышленности, обладавших передовыми технологиями.

Примечания

¹ См. например: Май В. А. Реформы и догмы. 1914–1929 : очерки становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

² Май В. А. Реформы и догмы... С. 24.

³ Там же. С. 17.

⁴ Фонотов А. Г. Россия... С. 117–118.

- ⁵ Седов В. В. Мобилизационная экономика : советская модель. Челябинск, 2003. С. 18.
- ⁶ См.: Суспицин С. А. Пространственные трансформации экономики России в контрастных сценариях ее развития: постановка проблемы и эмпирические оценки // Регион. 2006. № 1. С. 52–53.
- ⁷ Седов В. В. Мобилизационная экономика : советская модель. Челябинск, 2003. С. 10.
- ⁸ Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1930. С. 563.
- ⁹ Подсч. по: Там же. С. 554.
- ¹⁰ Ковалевский Н. А. Районный разрез в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. 1929. № 3. С. 62.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. С. 563.
- ¹⁴ Подсч. по: Там же. С. 554.
- ¹⁵ Там же. С. 119.
- ¹⁶ Там же. С. 563.
- ¹⁷ Ковалевский Н. А. Районный разрез в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. 1929. № 3. С. 62–65.
- ¹⁸ См. например: Щерба А. Н. Военная промышленность Ленинграда в 20–30-е гг. СПб., 1999. С. 118–119. Автор отмечает, что политический вес и авторитет руководства города в стране (речь идет, прежде всего, о А. А. Жданове) позволял ему активно влиять на характер и темпы развития военной промышленности. В Ленинграде был создан специальный административный аппарат управления военно-промышленным комплексом, не имеющий подобных аналогов в стране. // Там же.
- ¹⁹ См. например: РГАЭ. Ф. 7515 (фонд наркомата оборонной промышленности). Оп. 1. Д. 352; Д. 428.
- ²⁰ Подсч. по: Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1930. С. 562–563; Капитальное строительство в СССР. Стат. сборник. М., 1961. С. 60; Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926–1932. М., 1971. С. 258.
- ²¹ Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1938–1942 гг. М., 1939. С. 207.
- ²² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4575. Л. 30.
- ²³ История народного хозяйства Урала. Часть 1. 1917–1945. Свердловск, 1988. С. 240.
- ²⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 132.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Подсч. по: Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 280.
- ²⁸ Жук А. В. Военное производство на Урале в годы Первой мировой войны / Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 171.
- ²⁹ Лейберов И. П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и февральской революции. М., 1979. С. 13.
- ³⁰ Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 2, 133.
- ³¹ Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 9–12; Д. 813. Л. 132.
- ³² Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е гг. XX в. М., 1996. С. 98.

Чуриков А. В.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ЭВАКУАЦИИ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕАЛИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Проведенная Советским Союзом эвакуация производительных резервов в первые месяцы Великой Отечественной войны и их последующее размещение вызывают множество споров в научной среде. Несмотря на обилие литературы, окончания дискуссии пока не видно. Учеными до сих пор не дано ответа на вопрос о том, что являло собой перемещение тяжелой промышленности, чрезвычайное событие, экономическую встряску; закономерный ход развития советской экономики; логическое продолжение сталинской довоенной индустриализации. Не претендуя на истину в последней инстанции, автор на основе комплекса источников и документов, попытался максимально приблизиться к ответу на этот вопрос.

Перемещение и восстановление в тылу советских заводов и фабрик нашло отражение в отечественной исторической литературе. В историографии эвакуации промышленности условно можно выделить два этапа: советский и постсоветский. Первый серьезный анализ, проведенной Советским Союзом эвакуации промышленности, произвел Н. А. Вознесенский. Автором впервые были приведены конкретные сведения о числе эвакуированных промышленных предприятий (1360 главным образом военных предприятий), об изменении экономики восточных районов в рамках военного хозяйства и т. п.¹ В 50–60-е годы выходит целый комплекс научных исследований, посвященных деятельности советского правительства в области военной экономики. В контексте данных работ исследователи подробно анализируют ход эвакуации и процесс размещения предприятий в тылу. Очень ценным научным трудом, несомненно, является статья Л. М. Кантора «Перебазирование промышленности СССР»². Ценность этой статьи состоит в том, что в ней сделана по существу первая попытка дать общее представление

о масштабах эвакуации промышленных предприятий с подразделением их по отраслям и изменениях в связи с этим экономики восточных районов. По сведениям, собранным автором, за первые два года войны, общее число эвакуированных предприятий составило более 1500. Л. М. Кантор впервые ввел в научный оборот данные об эвакуации более 190 заводов группы «А»: машиностроения, металлообработки, электротехнической промышленности, большого числа предприятий группы «Б»: 50 заводов и фабрик лесной и целлюлозно-бумажной, 250 – пищевкусовой и 200 – легкой промышленности. Наряду с этим в статье Кантора имеется ряд устаревших положений и не совсем точных цифровых данных.

В 50–60-е годы историки Б. С. Тельпуховский³, А. В. Митрофанова⁴, Г. Г. Морехина⁵, Г. А. Куманев⁶, Р. С. Лившиц⁷, А. Ф. Васильев⁸ и др. проанализировали в своих работах положение советской промышленности накануне войны и процессы ее перемещения в 1941–1942 годах. Ученые рассмотрели такие важные вопросы как руководство правительственных и партийных органов демонтажем и отправкой предприятий из прифронтовой зоны в тыл; транспортировка оборудования и связанные с ней проблемы; ход размещения и восстановления перемещенных заводов в глубоком советском тылу. Одновременно они указали и на недостатки в эвакуации, затягивание и перенос сроков пуска, необеспеченность предприятий рабочей силой и сырьем.

Наряду с работами общесоюзного характера местные историки и краеведы рассмотрели некоторые аспекты размещения и восстановления предприятий, качественный и количественный состав перемещенного оборудования. Весомый вклад в отечественную историографию внесла Р. Ф. Зорина⁹, изучившая в своей диссертации деятельность партийных организаций Южного Урала по размещению промышленности и населения. Важной вехой в изучении эвакуации стал сборник «Урал – фронту», составленный на материалах Уральского региона¹⁰.

С распадом Советского Союза и наступлением эпохи плюрализма мнений началась переоценка деятельности советского правительства в вопросах военной экономики. Историки и экономисты, на основе рассекреченных документов сумели выстроить новую картину экономической политики сталинского военного правительства. Р. Белоусов¹¹, А. Прохоров¹², Г. Куманев¹³, В. Тимофеев задали процессу научного анализа эвакуации новый импульс. В частности Р. Белоусов, указав на недостатки советской военной экономики, в сравнении и динамике показал превосходство советской экономической модели над германской и американской. А. Прохоров рассмотрел эвакуацию как естественный процесс в рамках командно-административной системы и т. д. На уровне регионов также наблюдается рост интереса к проблеме. А. Антуфьев¹⁴, В. Запарий¹⁵, М. Потемкина¹⁶ на материалах Уральского региона проследили процесс размещения промышленности и населения, раскрыли механизм адаптации и трудоустройства эвакуированного населения, изучили вклад эвакуированного оборудования в перестройку промышленности тыла.

Индустриальные процессы в СССР происходили в рамках мобилизационной модели экономики. Эта модель предполагала мобилизацию всех материальных и человеческих ресурсов во имя поставленной цели: преимущественного развития средств производства. Мобилизация в одной области шла за счет другой, что придавало экономическому развитию односторонний характер и вело к нарушению естественных пропорций экономики.

Большинство исследователей к числу наиболее характерных черт мобилизационной экономики относят: одностороннюю ориентацию на тяжелую промышленность (машиностроение и топливный комплекс); оборонный характер; сверхцентрализацию и безрыночную модель; командно-административные методы управления экономикой; негативную кадровую селекцию, этатизм и автаркию¹⁷.

В рамках строительства мобилизационной модели проходило развитие советской тяжелой промышленности накануне Второй мировой войны. Создавались заводы-дублиеры, заводы двойного назначения, резервы сырья, промышленной продукции и рабочей силы. В третьей пятилетке резко увеличились ассигнования на военные нужды. Была проведена коренная реконструкция действовавших и построено значительное число новых авиационных и танковых заводов, предприятий стрелково-артиллерийского вооружения, боеприпасов. Ряд предприятий гражданских отраслей был переведен на выпуск оборонной продукции. Прирост производства в гражданской и оборонной промышленности составил за три года первой пятилетки 13,2 % и 39 % в год соответственно¹⁸.

При этом, руководством СССР были допущены стратегические ошибки, повлекшие за собой серьезные потери. Весь «цвет» советской промышленности был сосредоточен в западных и юго-западных районах страны, т. е. в случае войны, был подвержен потенциальной опасности. Такое стратегическое расположение промышленности досталось Союзу в наследство от императорской России, в которой индустрия располагалась ближе к инвестору и потенциальному рынку сбыта, т. е. поближе к державам Западной Европы. Накануне Великой Отечественной войны почти вся военная промышленность СССР была сосредоточена в Европейской части страны, в полосе между 30 и 40 градусами восточной долготы, в прямоугольнике между линиями Ленинград – Киев на западе и Ярославль – Воронеж – Донбасс на востоке. На этой территории, которую можно назвать военно-промышленным поясом СССР того времени, производилось более 80% всей военной продукции страны.

На территории военно-промышленного пояса располагалось 85 % мощностей авиационной промышленности, все танковые заводы, 97 % наркомата вооружения, 85 % мощностей наркомата боеприпасов; выплавлялось 68 % чугуна и 58 % стали; производилось 57 % проката, 74 % кокса, 64 % алюминия, добывалось 63 % каменного угля, 71 % железной и 35 % марганцевой руды; вырабатывалось 42 % электроэнергии от общесоюзного уровня¹⁹.

Наступление немцев и быстрое их продвижение практически свели на «нет» все довоенные усовершенствования в тяжелой промышленности западных районов. Потребовалась срочная эвакуация.

Именно характер, проведенной Советским Союзом эвакуации вызывает множество споров. Проанализируем основные точки зрения, сложившиеся в историографии. Первая – традиционная: «перебазирование основных производительных сил из прифронтовых и угрожаемых районов на Восток – одна из ярчайших страниц истории Великой Отечественной войны. Вызванное крайне неблагоприятной фронтовой обстановкой начального периода войны, оно вместе с тем явилось важнейшим звеном перестройки народного хозяйства на военный лад, развертывания в глубоком тылу главной военно-промышленной базы страны»²⁰. Официальная: «эвакуация была крайне важной мерой, вызванной трагической обстановкой, сложившейся в зоне боевых действий уже в самом начале войны»²¹. Нетрадиционная: «необходимость эвакуации стала неожиданностью, ход эвакуации на восток дал много примеров неразберихи и организованности, неуправляемости и инициативы, головотяпства и планомерности, неэффективности и результативности»²².

Мы полагаем, что эти точки зрения, несомненно, имеют право на существование, но они не учитывают принципиального характера советской экономической модели. Эвакуация была лишь финальным звеном сталинской модернизации, начавшейся в 30-е годы. Окончательным итогом индустриализации, должно было стать перемещение основного промышленного потенциала Советского Союза, далеко на восток, в зону недоступную действиям дальней авиации противника. Именно эвакуация, проходившая, во многом в экстренном режиме завершила сталинскую модернизацию в России.

В пользу данной точки зрения можно привести решения XVIII съезда партии, проходившего в 1939 г. Делегаты съезда отметили, что в условиях нарастания военной опасности во внешнем окружении СССР необходимо «создание крупных государственных резервов, прежде всего по топливу, электроэнергии и некоторым оборонным производствам, а также по развитию транспорта, с правильным размещением по соответствующим районам страны, устранением непроизводительных и дальних перевозок и обеспечением основных экономических очагов страны максимальным количеством ресурсов на месте».

Рассмотрим достоинства и недостатки эвакуации в рамках сталинской модернизации и создания мобилизационной модели экономического развития. Командно-административной системе удалось обеспечить проведение эвакуации и возможности системы здесь были фактически безграничны, это позволило советскому руководству эффективно использовать преимущества мобилизационной экономики. Во-первых, весь ход процесса перебазирования находился под контролем государственных и партийных органов власти. Для централизованного руководства эвакуационными потоками 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации. Правительством были даны четкие и конкретные указания, регламентирующие порядок вывоза оборудования и населения прифронтовых районов. 27 июня 1941 г. совместным решением СНК СССР и ЦК ВКП (б) было принято постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». В этом документе была задана следующая очередность эвакуации. В первую очередь эвакуации подлежали важнейшие промышленные ценности, ценные сырьевые ресурсы и продовольствие, квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями²³. Постановление от 27 июня было дополнено затем утвержденной Совнаркомом СССР инструкцией о порядке демонтажа и отгрузки оборудования с предприятий, подлежащих эвакуации. При эвакуации хозяйственники обязаны были руководствоваться следующим: «в первую очередь должно быть вывезено оборудование, имеющее особо важное значение для нужд обороны страны, а также готовые изделия боеприпасов, вооружения и другие важнейшие изделия оборонной продукции». Далее в инструкции подчеркивалось, что оборудование предприятий следует вывозить «комплектными частями, предусматривая возможность использования эвакуированного оборудования после его монтажа на новом месте размещения». В инструкции определялась также очередность вывоза оборудования и материалов²⁴.

Во-вторых, правительство определило потоки и направления эвакуации тяжелой промышленности. Первой линией эвакуации стали поволжские города, вторая и самая решающая линия перебазирования пролегла по Уралу, третьим районом перебазирования была избрана Сибирь, четвертым потоком оборудование пошло в Казахстан и среднеазиатские республики²⁵.

Контроль за ходом транспортировки и монтажа оборудования был постоянным и сопровождал все этапы перемещения производительных сил. Процесс восстановления оборудования находился под жестким контролем Совнаркома СССР. Каждый из наркоматов бдительно следил за состоянием монтажа перебазированного оборудования. В случае нарушения установленного порядка монтажа принимал суровые меры в отношении того или иного предприятия. Показателен в этом отношении, случай, произошедший на ММК. Нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян телеграфировал:

«Установлены случаи, когда некоторые директора заводов и управляющие рудниками без разрешения Наркомата используют и передают другим организациям прибывшее к ним оборудование, кабельные изделия и материалы с эвакуированных предприятий Наркомчермета.

<...> Магнитогорский металлургический комбинат (директор т. Носов) передал без разрешения Наркомата другому предприятию 2 мостовых крана, предназначенных для укомплектовывания пускового объекта на одном из заводов НКЧМ...

<...> Указанные факты свидетельствуют о том, что некоторые директора заводов не выполняют постановления Государственного Комитета Обороны от 9.4.1941 года № 878 запрещающее кому бы то ни было без разрешения правительства разукрупнять и передачу другим наркоматам оборудования, электроматериалов и кабеля, эвакуированных с металлургических заводов и не обеспечили со-

хранность переданных им на хранение оборудования и материалов, необходимых для восстановления металлургических агрегатов и укомплектовывания строящихся пусковых объектов»²⁶.

В ноябре 1941 года по областям были отправлены контролеры Наркомгосконтроля РСФСР, чтобы проверить восстановление эвакуированных предприятий. Они руководствовались в ходе инспекции следующим планом действий: проверялось, откуда эвакуированы заводы, куда, сколько прибыло оборудования, сроки восстановления, потребность в работе, выполнение производственных заданий, обеспечение сырьем, топливом, транспортом, электричеством, кислородом. Также на особом контроле находилось состояние учета и хранения промышленных ценностей, смета расходов по эвакуации, смета кассы предприятия²⁷.

Размещение и восстановление эвакуированных на Восток предприятий находилось под контролем ЦК ВКП (б), ГКО и СНК СССР. 25 октября 1941 г. заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому было поручено добиться в кратчайшие сроки пуска эвакуированных заводов. Аналогичное поручение было дано находившемуся на Волге с частью аппарата ЦК секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Андрееву²⁸.

29 октября 1941 года Совнарком СССР принял постановление «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан». Руководители названных в постановлении наркоматов: Нарком авиапрома – А. И. Шахурин, Наркомтанкпрома – В. А. Малышев, Нарком вооружения – Д. Ф. Устинов, Наркомбоеприпасов – П. Н. Горемыкин, Наркомчермета – И.Ф. Тевосян, Наркомцветмета – П. Ф. Ломако, Наркомсудрома – Г. Д. Каплун, Наркомхимпрома – В. М. Денисов, Нарконефти – И. К. Седин и др. обязаны были представить «не позднее 1 ноября 1941 года в Совнарком СССР график восстановления заводов, эвакуированных из Москвы, Тулы, Харькова, Донбасса, Ленинграда и других районов на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан»²⁹.

В графике требовалось указать сроки пуска оборудования и выпуска продукции с программой на ноябрь и декабрь 1941 г., а также обеспечения предприятий рабочей силой и инженерно-техническими кадрами.

В постановлении «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» ГКО особо указал на то, что в размещении предприятий, подлежащих эвакуации из угрожаемых зон, преимущество должно быть отдано авиационной промышленности, промышленности боеприпасов, вооружения, танков, броневых автомобилей, черной, цветной и специальной металлургии, химии. Наркомам предписывалось согласовывать с Госпланом СССР и Советом по эвакуации конечные пункты для вывозимых в тыл предприятий и организацию дублирующих производств. ГКО предложил местным организациям принять необходимые меры для быстрого развертывания восстанавливаемых предприятий. В ряде восточных республик, краев и областей состоялись специальные пленумы райкомов, обкомов и ЦК, собрания партийного советского и хозяйственного актива, посвященные ходу выполнения этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи. Однако большинство текущих вопросов, связанных с восстановлением эвакуированных фабрик и заводов, решалось в оперативном порядке на заседаниях бюро и секретарями обкомов по соответствующим отраслям промышленности.

В графике восстановления заводов должны быть указаны сроки: установки и пуска оборудования; обеспечения рабочей силой и инженерно-техническими кадрами; выпуска продукции с программой на ноябрь и декабрь 1941 г.»

Переводились на военное положение руководители и ИТР предприятий, эвакуированные рабочие на весь период военного времени считались военнообязанными.

В осуществлении столь масштабного проекта как эвакуация, разумеется, были и недостатки, которые во многом были обусловлены жестким режимом, существовавшим в СССР. Очень сильны были субъективные представления руководителей СССР о предстоящей войне. Они не предполагали столь широкого размаха боевых операций в первые месяцы войны и поэтому решения об эвакуации принимались медленно, в расчете на то, что война скоро закончится и промышленность будет перемещена на восток по плану. Крайне интересный разговор приводит в своих воспоминаниях управделами Совнаркома СССР Я. Е. Чаадаев: «в течение 22 июня после визита к Вознесенскому я побывал также с документами у других заместителей Председателя Совнаркома. Нетрудно было убедиться, что почти все они еще не испытывали тогда больших тревог и волнений. Помню, например, когда поздно ночью закончилось заседание у Сталина, я шел позади К. Е. Ворошилова и Г. М. Маленкова. Те громко разговаривали между собой, считая развернувшиеся боевые действия как кратковременную авантюру немцев, которая продлится несколько дней и закончится полным провалом агрессора»³⁰.

Авторитет Центра сковывал инициативу местных органов власти. По словам А. П. Прохорова эвакуация сопровождалась всеми ошибками, присущими системе управления того времени. В руководстве эвакуацией присутствовала излишняя степень централизации. Без указаний ГКО и Совета по эвакуации местные органы не имели права принимать решения о вывозе оборудования заводов. Обстановка же в прифронтовой полосе так быстро менялась, что решения Совета по эвакуации запаздывали и эвакуация начиналась с опозданием, например, решение о перебазировании предприятий Донецкого бассейна состоялось лишь 9 октября 1941 г., когда начались бои в районе Донбасса. Постановление о перемещении на восток Мариупольского металлургического завода было вынесено 5 октября, эвакуация началась 6-го, а 8-го город был захвачен. По этой же причине большая часть оборудования доменных и мартеновских цехов Сталинского, Макеевского и мариупольского заводов осталась на месте. «По важнейшим металлургическим, коксо-химическим, огнеупорным заводам Сталинской области фактически эвакуация сорвана», – сообщал нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян³¹.

В результате колоссальных перемещений возникли трудности с коммуникациями, которые решались системой крайне медленно. С внезапным началом германской агрессии приобрела исключительно напряженный характер, пропускная способность отдельных линий полностью не использовалась, на железнодорожных узлах возникали заторы, серьезные недостатки имелись в организации погрузки и выгрузки войск, вооружения и народнохозяйственных грузов³². Железные дороги не справлялись с нагрузкой. Продвижение поездов осенью 1941 г. снизилось до 100–150 км в сутки. Из-за недостаточной четкости продвижения эвакуированного оборудования из 700 предприятий, демонтированных в начале войны, на новые места полностью и вовремя прибыло не более 270 и частично 110, остальные находились в пути следования. Большое число эшелонов с эвакуированным оборудованием застряло по тупикам, разъездам, находилось на перевалочных базах. Многие дороги Поволжья и Урала были забиты вагонами, причем у значительной части грузов не было хозяина.

18 ноября ГКО обязал НКПС принять срочные меры по быстрой отправке эвакуированных. За нарушение установленных норм и неприятие поездов виновные привлекались к ответственности. Совет по эвакуации ежедневно отчитывался перед ГКО о проделанной работе.

25 декабря был организован Комитет по разгрузке транзитных грузов, куда вошли А. И. Микоян, А. Н. Косыгин, Н. А. Вознесенский.

НКПС отдал приказ о задержке поездов с несрочными грузами. На железных дорогах ежедневно проводилась перепись всех вагонов с эвакуируемыми, сведения поступали в НКПС. На основе этих данных готовились предложения о досрочной разгрузке части вагонов с неоперативными грузами в пути следования, с тем, чтобы порожние вагоны вернуть под погрузку. Часть досрочно разгруженных грузов передавалась местным исполкомам для использования, а остальные в дальнейшем отправлялись к месту назначения. В результате принятых мер «в течение февраля заторы грузов на дорогах были ликвидированы»³³.

Строгая регламентация не позволяла местным руководителям и техническому руководству тыловых заводов самостоятельно распоряжаться судьбой эвакуированного оборудования. К тому же некоторые прибывшие заводы могли недосчитаться двух или трех вагонов из эшелона, в которых находились узлы и детали, без которых невозможно монтировать важнейшие агрегаты. Заводы отправляли своих поисковиков по путям. Они исследовали тупики, станционные разъезды и находили свои грузы. В кратком отчете уполномоченного Наркомата черной металлургии сообщалось: «прочесал Рузаевский железнодорожный узел, разыскал 545 вагонов, груженных оборудованием, металлом, отправил в Чебаркуль – 252, на Бакалстрой – 82, в Златоуст – 58, в Магнитогорск – 62 вагонов»³⁴. Это стало причиной простоев и неоправданных задержек с монтажом перевезенного оборудования.

Восстановление эвакуированных предприятий представляло собой очень трудоемкий и сложный процесс. Оборудование поступало некомплектно, хранилось ненадлежащим образом, портилось и приходило в негодность. Процесс восстановления затруднялся также целым рядом объективных сложностей. В докладной записке руководства завода № 34 НКАП, эвакуированного в город Троицк сообщалось, что «предоставленные заводу помещения территориально расположены в трех точках города, разбросанных жилыми кварталами, а сама площадка расположена в 4 км от железнодорожной ветки на противоположном берегу р. Увелки. Площадь помещений, отведенных для цехов составляет около 40 % к площади, на которой базировался завод в Москве. Централизованной системы электроснабжения в городе нет. Каждое промышленное предприятие снабжается электроэнергией от собственных силовых установок. Из огромного оборудования прибыло в город Троицк и установлено на промышленную площадку завода 207 станков, 3 компрессора и ряд приспособлений. Пуск цехов может затянуться из-за отсутствия электроэнергии, кислорода и ацетилена»³⁵.

Медлительность с разгрузкой и доставкой компенсировалась ускоренным монтажом оборудования, скоростными методами строительства, работой в две и три смены, стахановскими и комсомольскими вахтами. Трудовой героизм рабочих и инженеров, местных и эвакуированных предприятий позволил сгладить ошибки осени-зимы 1941 года. Героизм в тылу был столь же массовым, как и на фронте. В цехах не было разделения людей на рабочих, инженеров или служащих. У всех была одна профессия: все разнорабочие и все монтажники³⁶.

Таким образом, советская модель мобилизационной экономики оказалась наиболее эффективной в условиях Второй мировой войны. Она продемонстрировала свою жизнестойкость в противоборстве с экономическим титаном – Германией. Именно в рамках этой модели возможны такие проекты как перемещение огромного количества людей и промышленного оборудования на дальние расстояния. Одновременно, эвакуация явилась продолжением и закономерным итогом индустриального развития СССР в предвоенный период. Этим объясняется ее успех. Недостатки и ограничения в эвакуации были обусловлены особенностями функционирования советской экономической модели, ее сверхцентрализмом и замкнутостью на решениях узкой группы лиц.

Примечание

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 41.

² Кантор Л. М. Перебазирование промышленности СССР // Записки Ленинградского планового института. 1947. Выпуск. VI. С. 57–132.

³ Тельпуховский Б. С. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткий очерк. М., 1959.

- ⁴ Митрофанова А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942). М., 1960, Она же. Эвакуация промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1942 гг.) // История СССР. 1961. №3. С. 33 – 48.
- ⁵ Морехина Г. Г. Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1962.
- ⁶ Куманев Г. А. Подвиг железнодорожников // Эшелоны идут на Восток. М., 1966. С. 116–140.
- ⁷ Лившиц Р. С. Размещение черной металлургии СССР М, 1958.
- ⁸ Васильев А. Ф. Деятельность партийных организаций Южного Урала по размещению эвакуированных предприятий в 1941–1942 годах // Вопросы истории. 1961. № 6. С. 62–74.
- ⁹ Зорина Р. Ф. Решение партий проблем размещения на Урале эвакуированных предприятий и населения в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1942 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук ; Челябинский педагогический институт. Челябинск, 1985.
- ¹⁰ Урал – фронту. М., 1985.
- ¹¹ Белоусов Р. Советская экономика в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1995. № 5. С. 4–13.
- ¹² Прохоров А. П. Эвакуация промышленности на Восток (из опыта Советской модели управления) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 115–122.
- ¹³ Куманев Г. А. Подвиг и подлог : Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2000; Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР 1941–1942 гг. // Новая и Новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.
- ¹⁴ Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.
- ¹⁵ Запарий В. В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
- ¹⁶ Потемкина М. Н. Эвакуация в годы великой Отечественной войны : люди и судьбы : монография. Магнитогорск, 2002.
- ¹⁷ Максимова Л. А. Советская модель мобилизационной экономики / Л. А. Максимова, Л. В. Лямцева // Успехи современного естествознания. 2005. № 1. С. 77.
- ¹⁸ Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. М., 1980. С. 10–11.
- ¹⁹ Гаврилов Д. В. Уральский тыл в Великой Отечественной войне : геополитический аспект // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Тезисы докладов научно-практической конференции. Екатеринбург, 1995. С. 56.
- ²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М. : Советская энциклопедия, 1985. С. 801.
- ²¹ Куманев Г. А. Подвиг и подлог : страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : ООО «Русское слово», 2000. С. 243.
- ²² Прохоров А. П. Эвакуация промышленности на восток (из опыта советской модели управления) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 115.
- ²³ О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 206.
- ²⁴ Беликов А. М. Тяжелую промышленность – в глубокий тыл // Эшелоны идут на Восток : сборник статей и воспоминаний (из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.). М. : Наука, 1966. С. 34.
- ²⁵ Хавин А. Ф. Великое перемещение индустрии // Новый мир. 1948. № 6. С. 260.
- ²⁶ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 10. Д. 1123. Л 84.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 259. С. Ч. Оп. 40. Д. 3546. Л. 30, 65.
- ²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия. С. 802.
- ²⁹ Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. : сб. статей и воспоминаний. М. : Наука, 1966. С. 49.
- ³⁰ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. М. : Русич, 2001. С. 413.
- ³¹ Прохоров А. П. Эвакуация промышленности на восток (из опыта советской модели управления) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 116.
- ³² НКВД о мобподготовке железнодорожного транспорта // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 103.
- ³³ Прохоров А. П. Эвакуация промышленности на восток (из опыта советской модели управления) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 118–119.
- ³⁴ Хавин А. Ф. Великое перемещение индустрии // Новый мир. 1948. № 6. С. 256.
- ³⁵ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 145 Л. 7–9.
- ³⁶ Комаров Л. История Челябинского тракторного завода. Челябинск, 1972. С. 243.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Гоманенко О. А.

Горшков А. В.

Диденко Д. В.

Долголюк А. А.

Запарий В. В., Зайцева Е. В.

Исаев В. И.

Кострикина Л. П.

Макарова Н. Н.

Матвеева Н. В.

Федоров А. Н.

Гоманенко О. А.

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ РАБОТНИКОВ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА НИЖНЕВОЛЖСКОГО ПАРОХОДСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Во время Великой Отечественной войны, как и в предвоенные годы, речной флот Нижней Волги испытывал острый недостаток рабочей силы. Основными причинами нехватки кадров были сезонный характер работы и неудовлетворительные жилищные, материально-бытовые условия и культурное обслуживание работников, особенно после разрушения инфраструктуры Нижневолжского речного пароходства (НВРП) в ходе Сталинградского сражения. Как следствие сохранялась очень высокая текучесть кадров (главным образом на крупных пристанях НВРП), усугублявшаяся самовольным уходом с работы.

Еще до начала войны Сталинградская, Красноармейская и Астраханская пристани, нуждавшиеся в наибольшем количестве рабочей силы, не располагали достаточной жилищной площадью. Имевшиеся на 1940 г. общежития зачастую не были обеспечены необходимым инвентарем. Не хватало кроватей и постельных принадлежностей. Не везде соблюдались санитарные нормы, недоставало умывальников и кубов для кипячения воды и др. Кроме того, не уделялось должного внимания культурно-массовой работе. В общежитиях часто не было ни радио, ни периодической печати, а также шашек, домино, музыкальных инструментов¹. Управление НВРП (УНВРП) пыталось со следующей навигации 1941 г. обязать капитанов судов в зимний период принимать меры по улучшению жилищных условий своей команды.

Многие речники переходили на работу в другие отрасли народного хозяйства, где зарплата и жилищно-бытовые условия были лучше. Весной пароходствам с огромными трудностями приходилось снова набирать людей². Так, в течение навигации 1939 г. на отдельных судах команды сменялись по 2 – 3 раза. Введенная в 1936 г. для судовых команд премиальная система заработной платы на практике не оправдала себя, т. к. ставила размер оплаты труда в зависимость от объема отправки грузов, который определялся диспетчером пароходства. В апреле 1939 г. эта система была заменена на прогрессивно-премиальную, когда зарплата зависела от выполнения месячного плана перевозок. В результате заработок команд судов и берегового состава работников водного транспорта повысился в среднем на 42 %³. Однако через год произошло снижение заработной платы, что было связано с введением единых норм выработки и изменений в оплате труда⁴. К тому же проводившиеся поощрительные мероприятия охватывали в НВРП лишь незначительное число речников. Так в 1940 г. награды и поощрения правительства и НКРФ за стахановскую работу получили менее 0,5 % рабочих и служащих НВРП (39 человек). Однако по сравнению с 1937 г. количество награжденных в 1940 г. увеличилось более чем в пять раз⁵.

Установленная со второго полугодия 1940 г. новая система заработной платы оставалась на одном уровне вплоть до 1942 г.⁶ Заработок руководящих кадров варьировался от 1400 рублей (начальник пароходства) до 600–500 рублей (начальники пристаней и вокзалов). Оклады инженерно-технических и оперативных работников управлений пароходств составляли 800–700 рублей у старших инженеров и диспетчеров, 650–500 рублей у остальных сотрудников. Оперативные рабочие портов и пристаней получали в среднем 900–750 рублей (начальники механизации, погрузочно-разгрузочных участков), 600–400 рублей (диспетчеры, начальники причалов и старшие приемосдатчики, таксировщики), рядовые сотрудники 325–275 рублей (приемосдатчики, таксировщики, грузчики, билетные кассиры). Заработная плата грузчиков и без того низкая с 1939 по 1941 гг. уменьшилась в полтора раза с 450 до 300 рублей⁷. Должностные оклады командного состава судовых команд были в размере 700–400 рублей (капитаны, механики, их помощники), рядовой состав флота получал 400–325 рублей (кочегары, старшие штурвалные и масленщики), самую низкую заработную плату имели матросы 275–250 рублей⁸.

Среднемесячная зарплата работников речного флота по Сталинградской области во второй половине 1940 г. составляла 308 рублей, чуть ниже, чем по железнодорожному транспорту (313 рублей) и почти на 10 % меньше, чем у рабочих автомобильного транспорта (338 рублей). В целом по промышленным предприятиям области среднемесячная оплата труда была несколько ниже по сравнению с речным флотом – 294 рубля⁹.

Заработная плата работников промышленности и транспорта, в т.ч. речного, особенно рядовых массовых профессий, была настолько маленькой, что ее не хватало на приобретение необходимых продовольственных и промышленных товаров. Управлением НВРП предпринимались попытки к навигации 1941 г. совместно с Торгречтрансом организовать коллективное питание судовых команд всего транзитного флота НВРП, а также улучшить питание грузчиков¹⁰.

В годы Второй мировой войны проблема материально-бытового обеспечения рабочих еще больше усугубилась, а культурное обслуживание работников НВРП практически прекратилось вплоть до 1943 г., однако продолжала проводиться патриотическая работа.

Для дальнейшего укрепления единоначалия и повышения ответственности хозяйственных руководителей за работу транспорта ЦК ВКП (б) 31 мая 1943 г. принял решение о ликвидации уже изживших себя политотделов на железнодорожном, морском и речном транспорте¹¹. В начале войны деятельность политотделов в форме организаторской и агитационно-массовой работы была направлена на

борьбу за перестройку водного транспорта на военный лад. В период Сталинградской битвы – оказывала мобилизирующее влияние, поднимавшее боевой дух речников и была ориентирована на преодоление трудностей военного времени. Однако к 1943 г. при сохранении и укреплении территориальных партийных органов, в т.ч. и на речном флоте политотделы как форма политического руководства истерпала себя¹². На момент упразднения политотдела НВРП в бассейне насчитывалось 416 членов ВКП (б), 146 кандидатов в члены ВКП (б) и 333 членов ВЛКСМ¹³. Остальное подавляющее количество речников (92 %) было беспартийным.

Непосредственно перед ликвидацией деятельность политотдела НВРП направлена была на разъяснение речникам Нижней Волги Указа «О введении военного положения на морском и речном транспорте» от 9 мая 1943 г., дисциплинарного устава и на проведение второго государственного займа. Так на 7 июня 1943 г. по бассейну на заем подписалось 7395 человек (72 % от всего штата НВРП на тот момент) на сумму 2203035 рублей¹⁴. Сумма подписки на третий военный заем составила 3210000 рублей, что в 1,5 раза больше суммы второго займа¹⁵.

Помимо займов работники пароходства участвовали в других формах патриотического движения в годы войны. Так, за 1943 г. коллектив НВРП отчислил в фонд обороны 15317 рублей наличными и 500635 рублей облигациями. Речники Астраханского узла на постройку авиаэскадрильи «На защиту Сталинграда» и бригады торпедных катеров отчислили 129030 рублей, провели 11 воскресников и заработанные 3965 рублей внесли в фонд обороны. Кроме того, речники предоставили ценности и облигации на 12515 рублей, собрали и послали подарки фронтовикам на сумму 6142 рубля. На изготовление вооружения и боеприпасов было сдано 3 т цветного и 122 т черного металлолома и др.¹⁶ Вплоть до конца войны работники НВРП оказывали финансовую помощь государству.

В то же время речники Нижней Волги находились в трудных материальных условиях. С момента введения военного положения на речном флоте до 1 декабря 1943 г. по НВРП зарегистрировано было 1178 случаев нарушений Устава. Из 550 человек, отданных под суд, 75 % составляли осужденные за дезертирство, т.е. за самовольный уход с работы¹⁷. В основном это были прибывшие по мобилизации молодые люди, которых пароходство не обеспечило нормальными жилищными и материально-бытовыми условиями.

Местные власти пытались повлиять на создавшееся положение. Решением Исполкома Сталинградского облсовета депутатов трудящихся начальник НВРП М. Н. Чеботарев обязан был высылать своих представителей на места приема мобилизованных рабочих и обеспечивать их жильем и питанием на период работы¹⁸. Однако обустроить массу новой рабочей силы в разрушенном после Сталинградской битвы городе было проблематично, поэтому многие покидали свои места работы.

Помимо этого были факты и необоснованного обвинения в дезертирстве, вследствие недоразумений и невнимательного отношения к рабочим со стороны руководства. В свою очередь в 1943 г. это было связано в большей степени с невозможностью, чем с нежеланием Управления пароходства улучшить положение работников. Отдать приказ о привлечении к уголовной ответственности было быстрее и проще, чем позаботиться о материально-бытовых нуждах рабочих или разбираться в каждом конкретном случае.

Главной причиной самовольного ухода с работы были плохие материально-бытовые условия и как следствие существовала очень высокая текучесть кадров. По Сталинградскому речному порту за второе полугодие 1943 г. было принято 517 рабочих, а уволено и дезертировало 206¹⁹. Почти весь жилой фонд пристаней, главным образом, самых крупных и основных – Сталинградской, Красноармейской был уничтожен в 1942 г. На небольших пристанях пароходства работало гораздо меньше человек, поэтому им было проще обеспечить свой коллектив жильем.

Для размещения работников НВРП в соответствии с постановлением Сталинградского городского комитета обороны от 23 января 1943 г. пароходству передавались помещения и постройки Сарептской лесоперевалочной базы²⁰. Жилья не хватало не только для речников Сталинграда, но и Астрахани. Рабочие, в т.ч. поступавшие по мобилизации, размещались в необорудованных общежитиях, палатках, дебаркадерах и даже коровниках, где не было не только постельных принадлежностей, но и топчанов²¹. Многие общежития находились в антисанитарных условиях, отсутствовали баки для кипячения воды и т.д.²² В 12 общежитиях Сталинградского порта, где проживало 420 человек, зачастую не было печей, дверей и т.п.²³

Проблема обеспечения жильем сохранялась вплоть до 1945 г. Даже после завершения военных действий жилищный фонд Сталинградского узла не был полностью восстановлен. Многие работники так и жили в подвалах и помещениях, непригодных для проживания²⁴. Кроме этого, недостаточно эффективно работала медико-санитарная служба: не хватало бань, прачечных и т.п. Санитарная обработка работников проводилась не регулярно, так же как и дезинфекция общежитий. Были случаи заболеваний сыпным тифом²⁵.

Общественное питание в столовых НВРП также находилось на неудовлетворительном уровне. Постановлением СНК СССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР с 7 апреля 1942 г. началась организация отделов рабочего снабжения (ОРС) на речном транспорте²⁶. Через ОРСы осуществлялось централизованное продовольственное обеспечение рабочих. Все продукты отпускались по карточкам, по строго фиксированным ценам и нормам. Отделы рабочего снабжения обеспечивали работников продовольствием через сеть магазинов, ларьков и столовых.

Однако на местах не всегда велся строгий контроль и учет распределения товаров. Случались хищения и перераспределение продовольственных ресурсов. Рабочие выражали недовольство питанием в столовых, в которых к тому же не хватало посуды и кухонного инвентаря. Не всегда отоваривались продовольственные карточки, случались перебои в снабжении хлебом в течение нескольких дней. Все это влияло на дезертирство. К тому же предприятия ОРС также испытывали недостаток в кадрах²⁷.

За годы войны нормы снабжения населения, в т.ч. рабочих и служащих НВРП, менялись, но незначительно. Устанавливались две категории работников. В начале войны рабочие по первой категории получали 0,8 кг хлеба в сутки и 0,8 кг сахара в месяц, по второй – соответственно на 200 г меньше. Так, плавающий состав флота относился ко второй категории рабочих и ИТР и получал пониженные нормы продуктов по карточкам (кроме хлеба). В навигацию 1943 г. основные государственные нормы продовольственного снабжения плавсостава в месяц были скромными (и соответствовали среднему размеру норм за время войны): 1,8 кг мяса и рыбы, по 0,4 кг жиров и сахара, 1,2 кг крупы и 0,8 кг в день хлеба (по первой категории). Этого было недостаточно, поэтому дополнительно отпускались продукты от собственных подсобных хозяйств по ежемесячным нормам: 4,2 кг рыбы, 0,3 кг жиров, 9 кг картофеля и 6 кг других овощей²⁸. Береговым рабочим, перевыполнявшим сменные задания, предоставлялись дополнительные обеды с хлебом²⁹.

Кроме того, продукты питания можно было приобрести на колхозных рынках и в магазинах. Однако если розничные нормированные цены накануне и во время войны оставались практически на одном уровне, то цены коммерческой торговли, введенной в 1944 г., были в несколько десятков раз выше (и в два раза больше рыночных). Но в течение 1944–1945 гг. стоимость продовольственных товаров постепенно снижалась. Однако низкая заработная плата рабочих НВРП не позволяла приобретать продовольственные товары даже на рынках.

До 1943 г. должностные оклады работников пароходств оставались на уровне 1940 г. Несмотря на постановление СНК о повышении заработной платы судовым командам, работникам путевого хозяйства и берегового состава в начале навигации 1943 г.³⁰, материальное положение речников улучшилось незначительно и текучесть кадров не сократилась. Оплата труда возросла в среднем на 30 % и оставалась такой же вплоть до 1945 г. Однако речники Сталинградской и Астраханской пристаней имели очень низкий заработок³¹. Так, матросы и рулевые получали около 200 рублей³², кочегары твердого топлива – 300 рублей, грузчики – около 400 рублей в месяц³³. Стипендия учеников, к примеру, ремесленного училища Сталинградского судоремонтного завода составляла 150–200 рублей³⁴. Строительные рабочие, в т.ч. мобилизованные на восстановительные работы, также получали маленькую зарплату – около 300 рублей в месяц³⁵.

С 1943 г. устанавливалась премиальная система оплаты труда, когда заработная плата зависела от выполнения плана перевозок. Однако недостаточно продуманы оказались условия месячного и рейсового планирования работы флота. Так за июнь – октябрь 1943 г. судам транзитного буксирного флота было выдано 804 рейсовых плана-приказа, из которых только десятая часть выполнена в срок. Премия составила 36 % от размера зарплаты, а по транзитному грузопассажирскому – 32 %³⁶. Лишь семь судов из всего действовавшего буксирного флота вовремя справились с рейсовыми приказами. Основными причинами невыполнения плана являлись изношенность флота, превышение времени на операции и остановки в пути. Премияльные выплаты по несамостоятельному флоту практически не производились, т.к. рейсовые планы-приказы не всегда раздавались, а выдававшиеся не отмечались. В целом установленная система поощрительной оплаты использовалась недостаточно. Всего за 1943 г. премирована была половина (около 2000 человек) плавсостава НВРП³⁷. Береговых работников за перевыполнение норм также поощряли деньгами, одеждой и обувью, табаком, мылом, спичками, кондитерскими изделиями³⁸.

Кроме материальных выплат, за активное участие в выполнении государственного плана перевозок, особенно оборонных грузов, а также за активное участие в Сталинградской битве Указом Президиума Верховного Совета СССР за 1942–1943 гг. 121 речник НВРП был награжден орденами и медалями СССР, 577 человек получили медаль «За оборону Сталинграда» и 919 человек отмечены значком «Отличнику социалистического соревнования НКРФ»³⁹.

С 1943 г. наряду с восстановительными работами начала возобновляться культурно-массовая работа в пароходстве. В 1944 г. в нижеволжском бассейне работали Астраханская культурная база (культбаза) и культбаза ЦК союза речников, обеспечивавшие проходившие суда газетами, литературой. Управление НВРП пыталось улучшить положение работников. До 1944 г. на судах Нижней Волги не было библиотек, музыкальных инструментов. В Куйбышеве и Астрахани были приобретены более 1000 экземпляров различной литературы на сумму свыше 2000 рублей⁴⁰. В помещении культбазы ЦК для плавсостава ежедневно показывали кинофильмы, а также выступали артисты областной филармонии. Помимо культбаз пристани Нижней Волги обслуживал агитпароход «Пропагандист», где также проходили киносеансы, концерты и лекции, а также действовали парикмахерская и фотосалон⁴¹.

Кроме того, с 1944 г. возобновилась постоянная деятельность Астраханского клуба речников. С началом войны и до октября 1942 г. клуб работал в летнем саду, т.к. помещение было отдано под госпиталь. С перерывами клуб функционировал в течение 1941–1943 гг. и проводил культурно-массовые мероприятия⁴². На 1 марта 1944 г. в НВРП действовало четыре клуба (в Астрахани, Владимировке, Красноармейске и Сталинграде), где проходили лекции, сеансы кино и концерты. Также работали три хоровых, два танцевальных и пять драматических кружков, в которых было задействовано около 180 речников.

Управление НВРП проявляло заботу и о детях речников: в зимний период устраивались новогодние елки, в летний – отдых в плавучем пионерском лагере. В НВРП на всех крупных пристанях, заводах организовано было 12 детских садов на 900 человек⁴³.

Помимо этого, с 1943 г. Управление пароходства старалось всячески поддерживать своих работников. По нижеволжскому бассейну на средства соцстраха выделялась материальная помощь много-семейным и семьям фронтовиков в 1943 г. на сумму 73200 рублей, в 1944 г. – на 85000 рублей. Лучших рабочих обеспечивали путевками в санатории. Так, на курортное лечение в 1944 г. израсходовано было 34000 рублей, а в 1945 г. – уже в 2,5 раза больше (81600 рублей)⁴⁴. Однако такие мероприятия оказались недостаточными для удовлетворения всех нужд речников, поэтому сохранялась сложная ситуация с обеспечением пароходства работниками и к навигации 1945 г.

На протяжении уже преимущественно мирной навигации 1945 г. Управление НВРП организовало работу по привлечению большого числа новых рабочих, главным образом, за счет демобилизованных из армии и молодежи с обучением их речным специальностям. В свою очередь это требовало резкого улучшения жилищных условий и культурно-бытового обслуживания работников, чего не удалось быстро достичь даже после войны.

Помимо привлечения новых рабочих УНВРП проводило мероприятия по сохранению навигационных кадров. В зимний период плавающий состав не увольнялся, а использовался на различных работах в пароходстве или же направлялся на обучение. За непрерывную работу на флоте в течение трех лет полагалось повышение заработной платы. За выслугу лет таким пристанским работникам как механизаторам, приемосдатчикам, грузчикам, проработавшим не меньше пяти лет, полагалась надбавка к зарплате в 10–20 %⁴⁵. Успешно справившимся с обязательствами Всесоюзного соцсоревнования выплачивались премии. Так за выполнение плана перевозок пароходу «Горец» было присужден вымпел ГКО и денежная премия в размере 10000 рублей. Коллективу Владимирского дока был вручен вымпел НКРФ и 15000 рублей⁴⁶. Кроме этого, в 1945 г. около 100 речников получили путевки в санатории.

Несмотря на дополнительные выплаты, сокращение рабочего дня с 10 до 8 часов вследствие неудовлетворительных бытовых условий текучесть оставалась высокой. За 1945 г. Сталинградским портом было принято 262 человека, а уволено по болезни, направлено в другие предприятия НКРФ и дезертировало 80 % от принятых⁴⁷. Если к 1 июля 1945 г. удалось увеличить штат НВРП до 12200, то в октябре численность сократилась на 500 человек⁴⁸. Работников постоянно не хватало. Так в августе 1945 г. пароходство вновь объявило набор рабочих для флота, пристаней, портов и судоремонтных предприятий⁴⁹. В межнавигационный период 1945/46 гг. перед руководством снова вставала проблема обеспечения пароходства кадрами.

Таким образом, как накануне, так и на протяжении Великой Отечественной войны НВРП испытывало значительные трудности в укомплектации штата в силу разных причин, в т. ч. **сезонного характера** работы. С началом войны еще больше обострилась проблемы жилищно-бытового и материального обеспечения работников пароходства. Кроме того, культурное обслуживание речников практически прекратилось вплоть до 1943 г. Как следствие сохранялась очень высокая текучесть кадров, усугублявшаяся самовольным уходом с работы. Поэтому проблема обеспеченности водного транспорта Нижней Волги специалистами не была полностью решена даже к концу Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 11. Д. 95. Л. 86.

² Речной транспорт за 50 лет Советской власти. М., 1967. С. 96, 116.

³ Орлов Б.П. Развитие транспорта СССР в 1917–1962. М., 1963. С. 226.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 302. Л. 22.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9469. Оп. 7. Д. 3. Л. 25.

⁶ Там же. Ф. 7733. Оп. 27. Д. 1062. Л. 12.

⁷ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 2353. Оп. 4. Д. 1. Л. 18; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 27. Д. 1062. Л. 12.

⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 303. Л. 16–19, 91; РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 7. Д. 318. Л. 16–18 об.

⁹ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-686. Оп. 19. Д. 30. Л. 82–83 об., 86–87 об., 174–174 об., 204 об.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 7. Д. 3. Л. 32.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., испр. и доп.: в 15 т. Т. 7. М., 1985. С. 415–417.

¹² Дубровский В. А. Партийное руководство речным транспортом Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985. С. 13–14.

¹³ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 125. Л. 101–101 об.

¹⁴ Там же. Л. 103 об., 105.

¹⁵ В дни суровых испытаний. Сборник документов и материалов. Волгоград, 1966. С. 378.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 47. Л. 66 об. – 67; ГАВО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 33. Л. 14 об. – 16.

¹⁸ ГАВО. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 10. Л. 9.

- ¹⁹ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 53. Л. 4.
- ²⁰ Сталинградский городской Комитет Оборона в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Волгоград, 2003. С. 478.
- ²¹ Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 1340. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.
- ²² ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 125. Л. 79 об.
- ²³ ГАВО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 25. Л. 104.
- ²⁴ РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 7. Д. 9. Л. 109.
- ²⁵ ГАВО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 25. Л. 70 – 70 об.; Д. 85. Л. 6 об.
- ²⁶ Об организации отделов рабочего снабжения на речном транспорте. Постановление СНК СССР № 443, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1942 г., приказы НКРФ № 29, 32, 33. М., 1942.
- ²⁷ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 125. Л. 32 об. – 33, 79 об., 140–142 об.; РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 5. Д. 11. Л. 11.
- ²⁸ ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 26. Л. 47–50 об.
- ²⁹ Там же. Ф. 71. Оп. 2. Д. 130. Л. 14 об.
- ³⁰ РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 5. Д. 11. Л. 10.
- ³¹ Там же. Оп. 7. Д. 9. Л. 15–16; Д. 326. Л. 95–97.
- ³² ГАВО. Ф. 557. Оп. 18. Д. 9. Л. 45–49.
- ³³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 27. Д. 2374; Ф. 9469. Оп. 7. Д. 9. Л. 109 об.
- ³⁴ Объявление Сталинградского судоремонтного завода // Сталинградская правда. 1945. 4 августа. С. 4.
- ³⁵ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 174. Л. 45.
- ³⁶ РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 47. Л. 34 об. – 35 об.; ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 – 5 об.
- ³⁷ РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 5. Д. 11. Л. 21; ГАВО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 33. Л. 20.
- ³⁸ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 130. Л. 14 об., 25.
- ³⁹ Там же. Ф. 113. Оп. 20. Д. 174. Л. 45.
- ⁴⁰ ГАВО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–4.
- ⁴¹ Там же. Л. 24.
- ⁴² Там же. Л. 10 – 10 об.
- ⁴³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7913. Оп. 1. Д. 62. Л. 110–114.
- ⁴⁴ ГАВО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 81. Л. 6; Д. 85. Л. 10.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 557. Оп. 19. Д. 15. Л. 9, 10.
- ⁴⁶ Победа речников Нижней Волги // Сталинградская правда. 1945. 14 октября. С. 1.
- ⁴⁷ ГАВО. Ф. 557. Оп. 19. Д. 15. Л. 8.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.
- ⁴⁹ Объявление НВРП // Сталинградская правда. 1945. 26 августа. С. 4.

Горшков А. В.

МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Вначале определимся, о какой мобилизационной экономике и о каком человеке будет идти речь. Мобилизационную экономику мы ограничим историческим периодом со смерти В. И. Ленина в 1924 г. до смерти И. В. Сталина в 1953 г. Именно этому историческому периоду присущи все признаки мобилизационной экономики, к которым большинство аналитиков относят:

- 1) наличие угрозы существования общества как целостной системы и ее осознание руководителями государства;
- 2) постановка руководителями государства цели, заключающейся в устранении этой угрозы или противодействии ей;
- 3) разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели;
- 4) организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы¹.

Если говорить о человеке, модели которого мы будем рассматривать применительно к данному историческому периоду, то это – работающий человек или просто работник.

1. Модель «артельного человека» Н. И. Бухарина

После смерти Ленина роль ведущего теоретика-экономиста ВКП (б) перешла к Н. И. Бухарину. Начиная с 1917 г., Бухариным было опубликовано свыше полусотни работ на экономические темы. В трудах Бухарина как экономиста представлены самые разнообразные проблемы: от анализа общих закономерностей «социалистической реконструкции» народного хозяйства до методов снижения цен и основ политики капиталовложений. В 1929 г. Бухарин был избран действительным членом Академии наук СССР по отделению экономики. За два десятилетия экономические взгляды Бухарина претерпели значительную эволюцию. В его теоретической деятельности логично выделить три основных этапа.

На первом этапе (1917–1920) Бухарина больше занимали вопросы глобального характера: какой будет та коммунистическая (социалистическая) организация производства и распределения, к созданию

которой в России пытались приступить большевики, каковы общие закономерности протекания переходных процессов в экономике и т. п. Изучая эти вопросы, Бухарин опирался на выводы, сделанные в своих дореволюционных работах по проблемам капиталистической экономики развитых стран: об усилении процессов концентрации, возрастании экономической роли государства, тенденций к формированию супермонополий².

На втором этапе (1921–1929) под воздействием перехода к НЭПу Бухарин вынужден был пересмотреть многие свои взгляды. Бухарин признавал ошибочность своих прежних представлений относительно быстрого уничтожения рынка и введения планового хозяйства. Особенно важное значение придавал Бухарин процессам расширения емкости крестьянского рынка, состоянием крестьянского хозяйства, уровнем и темпам накопления в нем. По мере развития нэповской практики Бухарин все больше концентрировался на проблемах теории и практики функционирования рынка, денежного обращения, ценообразования, финансово-кредитного механизма.

На третьем этапе своего творчества как экономиста (1930–1938) Бухарин пытается сохранить стиль теоретического анализа, остаться в рамках научного понимания диалектики производительных сил и производственных отношений.

Рассматривая ретроспективно работы Бухарина, выделим ту модель работающего человека, которую он предложил. Эту модель логично назвать моделью «артельного человека».

Содержание модели «артельного человека»:

1. Основными характеристиками коммунистического общества являются: общественная собственность, единый трудовой план, прямое натуральное распределение продуктов по потребностям, полное экономическое равенство, отсутствие государственного управления («Программа коммунистов (большевиков)» – 1918).

2. Построение коммунистического общества возможно лишь при полном объединении всего населения в одну громадную трудовую общину – артель.

3. Объединение всего населения в одну трудовую общину – артель предполагает: национализацию, централизацию банковского дела, введение органов рабочего контроля и управления, организацию крупных сельскохозяйственных коммун, переход к товарищеской обработке земли и, наконец, принудительное объединение населения в сеть потребительских коммун вокруг существовавших потребительских обществ.

4. Переход к социализму займет «целую громадную эпоху», а наличные материальные и трудовые ресурсы составляют лишь общую основу для движения в этом направлении («Экономика переходного периода» – 1920).

5. В реальном процессе строительства социализма исходным должен быть период «первоначального социалистического накопления», когда государство принудительно восстанавливает разорванные связи между основными элементами производительных сил на основе трудовой повинности.

6. В деле строительства социализма необходимо использовать как революционный энтузиазм и сознательность передовых слоев рабочего класса, так и силу государственного внеэкономического принуждения.

7. При создании «нового равновесия экономической системы» отпадет необходимость в использовании «военно-коммунистических» методов управления и общество перейдет к типу рабочего управления на основе выборности и коллегиальности.

8. Развитие рабочего управления, производственной демократии, давления на производителей широких масс трудящихся являются условиями преодоления монополизма государства, промышленных трестов и синдикатов.

9. Движение крестьянских хозяйств к социализму и «врастания» крестьянина в единую трудовую общину-артель предполагает развитие различных форм кооперативов – заготовительных, сбытовых, кредитных и производственных («Путь к социализму и рабочее-крестьянский союз» – 1925; «Заметки экономиста» – 1928).

10. Возникшие социалистические формы в городе и деревне станут развиваться на собственной технической основе. В этой связи огромную важность имеет техническая грамотность и квалификация работников («Социалистическая реконструкция и борьба за технику» – 1930; «Экономика Советской страны» – 1934).

11. Уничтожение паразитического потребления, массовое применение науки, рост культуры, укрепление рабочей силы и развязывание ее творческой энергии есть условия повышения производительности труда и путь к реализации стратегических целей партии в новых условиях.

II. Модель «человека революционного» Л. Д. Троцкого

Идейное наследие Троцкого – это наследие политика, но не теоретика-экономиста: у него нет специального анализа экономических категорий, по способу изложения он памфлетист, его сила – в богатстве ассоциаций, общей культуре слога, несомненной и широкой эрудиции. Тем не менее его политические концепции имеют под собой определенное экономическое обоснование. Ярким примером служит учение о «перманентной революции», составляющей сердцевину всех его воззрений. В основе концепции «перманентной революции» Троцкого лежало также своеобразное понимание природы человеческой личности, которое мы рискули бы назвать концепцией «человека революционного».

Содержание модели «революционного человека»:

1. Человеку присущ этический императив – перманентного революционного горения, самоотверженности, подчинения всех помыслов грядущим революционным боям.

2. Стойкое неприятие любых форм социального эгоизма, недооценка индивидуальных интересов, односторонняя ориентация на общественные стимулы при подавлении личных.

3. Труд на благо общества – является настолько мощным, что перед ним пасуют все индивидуальные стимулы буржуазной эпохи.

4. Задача революционного руководства состоит в том, чтобы путем разнообразных мер (агитации и т. п.) побудить в людях общественный стимул, не останавливаясь, если надо, перед самым суровым принуждением.

5. Доктрина «милитаризации труда» предполагает трудовую повинность, военизированную организацию труда (трудовые армии), а также жесткие репрессии по отношению к нарушителям трудовой дисциплины. (В подготовленных Троцким к IX Съезду РКП(б) тезисах (1920) предлагается бороться с трудовым дезертирством (уход в деревню, самовольный переход на другое предприятие, прогулы), в частности, «путем публикации штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд, и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь»³).

6. Внеэкономическое принуждение служит основой не только военной экономики, но и победившего социализма. «Вольнонаемный труд взорвал себя в империализме, и тем самым создались условия ... для организации труда на принудительной общественной основе солидарности, т. е. на основе социализма»⁴.

7. Единый хозяйственный план есть программа по мобилизации и нормированию принудительного труда.

8. Необходимость «огосударствления профсоюзов» обусловлена использованием их в качестве рычага административного давления на производство.

9. Ударничество в производстве возможно при уравнительности в потреблении⁵.

10. Важнейшим принципом хозяйствования является принцип «первоначального социалистического накопления», который предполагает жесткое самоограничение рабочего класса, урезывание личного потребления в интересах скорейшего расширения производства.

В 1924–1927 гг. Троцкий активно противопоставлял концепцию перманентной революции линии на построение социализма в одной стране, т. е. курсу, который отстаивался большинством руководства ВКП(б) во главе со Сталиным и Бухариным. Вместе с тем заслугой Троцкого является проведенная им впервые в марксистской литературе комплексная, систематическая критика политических и хозяйственных методов сталинизма. Троцкий едва ли не первым ввел в научный оборот сами термины «сталинизм», «сталинщина» в их современно, резко негативном значении.

Троцкий одним из первых в марксизме представил также систематический анализ деформаций, сложившихся в общественном строе Советского Союза в результате политики сталинизма. Концепция «советского термидора» Троцкого представляет собой попытку научно проанализировать принципиально новое явление – комплекс извращений необуржуазного типа, возникший в СССР в конце 20-х – 30-е годы.⁶

Предложенная Троцким концепция «термидорианского перерождения рабочего государства» исходит из исторической аналогии: термидор – последний месяц 1794 г., когда во Франции была свергнута якобинская диктатура, знаменует переломный пункт в развитии революционного процесса, после которого начинается его спад.

III. Модель «человека организационного» А. А. Богданова

Огромное методологическое влияние на развитие экономической теории в 20-х гг. оказали работы А. А. Богданова. Самой крупной и известной работой Богданова, прославившей его имя, была «Всеобщая организационная наука (тектология)». В ней всякая человеческая деятельность рассматривалась с организационной точки зрения, которая представлялась универсальной и единственно правильной. Принципы тектологии лежат в основе модели «человека организационного».

Содержание данной модели:

1. Превалирование идеи общности людей над идеей классовой борьбы; психологизация производственных отношений. (Кто употребляет слово «трудовой», тот говорит о «психичности»: понятие труда уже включает ее)⁷.

2. В рабочем классе воплощается основная линия социального «прогресса».

3. В современных условиях «рабочий класс, в котором воплощается основная линия социального прогресса ... вынужден искать для своей жизни, для собирания своих сил новых организационных методов, потому что только они могут дать ему историческую победу»⁸. «Всеобщая организационная наука» как раз и должна помочь ему в решении этой задачи.

4. «Область общественно-трудовых отношений между людьми», «общественно-трудовые связи ... образуют целую систему производственных отношений в широком смысле слова»⁹.

5. Производственные отношения образуют «два ряда». «Первый, основной ряд, это те отношения прямого или косвенного сотрудничества, которые связывают людей в производстве: простая кооперация, техническое разделение труда, общественное разделение труда и т. п. Это производственные отношения в тесном смысле слова, в прямом и точном его значении. Они являются экономическими – первичными. Но ими область социально-трудовых отношений не исчерпывается всецело. Существуют еще производные и косвенные социально-трудовые отношения, которые, естественно, входят также

в сферу экономической науки... Словом, присвоение, распределение, обмен, собственность – все это такие производственные отношения людей в широком и общем смысле термина»¹⁰.

6. Отношения сотрудничества как фундамент производственных отношений, делятся на две группы – на отношения организованного и неорганизованного сотрудничества. «Организованное – это такое сотрудничество, в котором имеется особая организаторская деятельность, выполняется ли она одним участником труда или несколькими, или всеми; неорганизованное – такое, в котором ее нет». К организованному сотрудничеству относятся «авторитарное сотрудничество» (господство-подчинение) и «товарищеское», к неорганизованному – простое сотрудничество и специализация.

7. Исторический процесс развития форм сотрудничества включает 4 этапа: «1) простое сотрудничество; 2) господство – подчинение; 3) специализация; 4) товарищеское сотрудничество»¹¹.

8. Исходя из «организационной» трактовки «отношений сотрудничества» выделяются следующие этапы в экономическом развитии человеческого общества: 1) Дробное натуральное хозяйство – а) первобытный родовой коммунизм; б) авторитарная родовая община; в) феодализм. 2) Меновое хозяйство – а) переходные формы (рабство, крепостничество); б) мелкобуржуазный строй; в) домашне-капиталистическая система; г) промышленный капитализм типа мануфактуры; д) машинный капитализм. 3) Объединенное натуральное хозяйство (коллективизм).

9. К основным принципам «всеобщей организационной теории – тектологии» относятся:

- типы комплексов, в том числе и социальных, различаются по степени организованности: организованные, неорганизованные и нейтральные;

- организованные комплексы определяются на основе принципа – «целое больше суммы своих частей», неорганизованные на основе принципа – «целое меньше суммы своих частей», нейтральные на основе принципа – «целое равно сумме своих частей»;

- среди множества организационных форм выделяются два универсальных типа систем: «централистический» (эгрессия) и «скелетный» (дегрессия); для эгрессии характерно наличие центрального, более высокоорганизованного комплекса, а для дегрессии – наличие организационно низших группировок;

- основные организационные механизмы подразделяются на механизмы формирования и регулирования систем; к формирующим относятся: конъюгация (соединение комплексов), ингрессия (вхождение элемента одного комплекса в другой) и дезингрессия (распад комплекса); к универсальному регулирующему механизму относится подбор, который может быть положительным или отрицательным: положительный подбор усложняет организационные формы, отрицательный – упрощает;

- социально-экономическая система находится в динамическом состоянии, в условиях постоянно меняющегося равновесия;

- устойчивость равновесия всех организационных форм определяется, минимизируется крепостью самого слабо звена (закон наименьших);

- укрепление «слабейших точек» соответствует правилу пропорциональности элементов единой системы.

Примечания

¹ См.: Седов В. В. Мобилизационная экономика : советская модель. Челябинск, 2003. С. 21.

² См.: Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм // Проблемы теории и практики социализма. М., 1989; Бухарин Н. И. К теории империалистического государства // Революция права. Вып. 1. М., 1925.

³ См.: Троцкий Л. Д. Соч. Т. XV. М.; Л., 1927. С. 126.

⁴ См.: Троцкий Л. Д. Соч. Т. XVII. М.; Л., 1926. С. 640–641.

⁵ См.: Доклад тов. Троцкого «О задачах производственных союзов». М., 1920. С. 8.

⁶ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17–18; Бюллетень оппозиции. 1933. № 36–37.

⁷ См.: Богданов А. Учение о рефлексх и загадках первобытного мышления // Вестник Коммунистической Академии. 1925. Кн. 10. С. 95–96.

⁸ См.: Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 36.

⁹ См.: Богданов А. Курс политической экономии. Т. 1 / А. Богданов, И. Степанов. М., 1925. С. 2 – текст А. Богданова.

¹⁰ Там же. С. 1–2.

¹¹ См.: Богданов А. Начальный курс политической экономии. М., 1919. С. 20.

Диденко Д. В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

*Мобилизационный способ реализации задач
догоняющей модернизации и система образования*

Периоды ускоренной индустриализации, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (конец 1920 – середина 1950-х гг.) в российской истории хронологически соответствуют

функционированию тоталитарного политического режима, персонифицируемого И. В. Сталиным. В это время основой экономической жизни страны являлось централизованное распределение ресурсов, сопряженное с применением широкомасштабного государственного насилия, осуществлявшегося в целях реализации идеологически обосновывавшихся политических приоритетов. Таким образом, именно тогда в наибольшей степени получили выражение черты и признаки мобилизационного типа развития экономики¹. Отмечая широкое применение «армейских» подходов, «казарменных» и насильственных методов управления, исследователи рассматривали мобилизационную экономику как структурно однородное явление с экономикой военного времени².

Во многих странах проведение модернизации по догоняющей модели было основано на адаптации исторически передовых технологических и институциональных заимствований, проявивших свою эффективность во внешних условиях. Стимулом для осуществления соответствующей экономической политики, как правило, являлась необходимость ответа на внешние угрозы, нараставшие вследствие «запаздывающего» развития по отношению к другим странам.

Советское партийно-государственное руководство на рубеже 1920–1930-х гг., по всей видимости, адекватно улавливало необходимость догоняющего индустриального развития в ответ на внешние угрозы, усиленные идеологическим фактором. Об этом говорят неоднократные рассуждения на эту тему И. В. Сталина в первые годы после того, как он стал основным субъектом верховной политической власти в СССР³. В этой связи А. Ноув, указывая на деспотический характер советский модернизации, заметил, что Сталин в 1930 г. ошибся в том, с какой страной СССР предстоит военный конфликт, но он почти угадал его время⁴.

Государственная идеология СССР в качестве важных средств для осуществления программы ускоренной модернизации страны рассматривала как технический прогресс, так и производство, и распространение специфических культурных ценностей. В связи с этим со стороны советских руководителей 1920-х и 1930-х гг. ставились задачи быстрого преодоления массовой неграмотности населения, создания достаточного количества квалифицированных и политически лояльных советскому режиму работников интеллектуального труда для удовлетворения его технологического и идеологического спроса.

Эти вопросы в определенный момент заострил И. В. Сталин, используя «шахтинское дело» в качестве информационного повода⁵. Однако, в отличие от Н. И. Бухарина,⁶ он сильнее акцентировал не культурно-идеологическую, а технологическую и политическую значимость системы образования. Выражая на языке марксистско-ленинской идеологии соответствующие установки и стремления, советская политическая элита смогла мобилизовать интеллектуальные силы страны на выполнение поставленных задач и мотивировать критическую массу человеческих ресурсов с помощью своеобразного сочетания материальных стимулов, идеологического воздействия и физического террора.

Освещение проблемы в научной литературе

В советской литературе образовательная система конца 1920-х – начала 1940-х гг. изучалась как часть социалистического преобразования экономики и выполнения социальной программы руководства СССР, получившей название «культурная революция»⁷. В наиболее обобщенном и концентрированном для советской историографии виде экономическая составляющая «культурной революции» (включая послевоенный период закрепления и освоения ее результатов) нашла отражение в соответствующих главах коллективного труда «История социалистической экономики СССР», написанных В. А. Жаминим⁸. В то же время, советская специализированная литература по экономике образования,⁹ с конца 1950-х гг. сосредоточившая свои интересы на оценках текущих затрат, связанных с общекультурной и профессиональной подготовкой специалистов, мало обращалась к историческому материалу 1930–1950-х гг. Определенным исключением в этом плане является изучение К. И. Субботиной истории финансирования советской образовательной отрасли¹⁰.

Другой тематической канвой научных исследований являлось формирование новых интеллектуальных слоев¹¹. В отечественной (С. А. Федюкин, В. И. Бессонова, С. В. Волков) и зарубежной (Ш. Фицпатрик) литературе эти процессы изучались в контексте резко возросшей в рассматриваемый период социальной мобильности населения, в том числе восходящей мобильности его нижних слоев¹².

Также в зарубежной литературе широкое освещение получила институциональная практика функционирования советской образовательной системы¹³. В частности, Ш. Фицпатрик обращала внимание, что с начала 1930-х гг. произошла унификация форм и содержания образовательного процесса, регенерация многих его практик, рассматривавшихся в первые годы советской власти как неблагоприятное наследие «старого режима»¹⁴.

А. Г. Вишневский изучал изменения в советской образовательной системе в более широком контексте модернизационной социально-экономической трансформации общества. Он охарактеризовал социокультурную сущность этих изменений парадоксальным термином «консервативная модернизация»: современные формы организации отрасли сочетались с идеологической унификацией содержания образовательного процесса, что более характерно для обществ с традиционалистской ценностной ориентацией и идеологией¹⁵.

В гораздо меньшей степени в научной литературе изучался вопрос об эффективности советской образовательной отрасли как подсистемы мобилизационной экономики. Интерес к экономическим аспектам функционирования советской образовательной системы рассматриваемого перио-

да в большей степени был характерен для зарубежных исследователей¹⁶. В отечественной литературе Б. Н. Миронов новаторски поставил вопрос о степени воздействия накопленного (в том числе в ходе «культурной революции») образовательного потенциала общества на последующий экономический рост. В результате применения методов математической статистики (в первую очередь, кросс-корреляционного анализа) он установил, что в советский период такое воздействие в полную меру проявлялось через 20–25 лет¹⁷. Представляется, что данный поворот проблематики изучения образовательной отрасли национальной экономики представляется перспективным направлением дальнейших научных исследований.

*Возможности использования теории человеческого капитала
при изучении советской экономики 1920–1950-х гг.*

Понимание советской политической элитой важного экономического значения развития образования на заре «культурной революции» нашло отражение в научной литературе данного периода. В 1924 г. С. Г. Струмилин (в 1931 г. ставший одним из первых советских академиков-экономистов) установил эмпирическую зависимость индивидуального дохода (квалификации) от возраста (полиномиальную второго порядка), количества лет обучения и стажа работы (линейную)¹⁸. Она была близка к той, что спустя полвека с помощью теории человеческого капитала обосновал американец Дж. Минцер¹⁹. В своих расчетах Струмилин не учитывал возможность снижения образовательных премий (под воздействием роста предложения квалифицированного труда) и не дисконтировал будущие доходы, что приводило к сильному завышению оценок макроэкономической эффективности расходов на образование. При этом он обращал внимание на необходимость учета упущенных заработков учащихся, что является важным положением теории человеческого капитала. Однако принципиально значимой в тех исторических условиях была сама постановка вопроса о «рентабельности образования»²⁰, то есть о том, что инвестиции в образование способны приносить доход и отдельному работнику, и национальной экономике в целом. Таким образом, категории, понятия и логика теории человеческого капитала не были полностью чужды советской экономической науке. Однако не получила поддержки в практике советской макроэкономической статистики отстаивавшаяся Струмилиным идея, что преподавательский труд создает дополнительную стоимость и поэтому является «производительным». Показательно и то, что яркие идеи Струмилина, высказанные в период нэпа, впоследствии не получили продолжения ни в его трудах, ни в работах других советских экономистов. До конца 1950-х гг. советская экономика образования интересовалась преимущественно вопросами финансового администрирования образовательных учреждений разного уровня (в соответствии с централизованными нормативами)²¹.

В современной научной литературе теория человеческого капитала широко используется для оценки внешней эффективности образовательных систем²². Однако использование этой теории для анализа советской экономики рассматриваемого периода сопряжено как с источниковедческими, так и с методологическими трудностями.

Опубликованные официальные данные (переписи населения и справочники планово-статистических органов) не позволяют рассчитать классические показатели, используемые в теории человеческого капитала (доход на год формального образования, профессионального стажа) ни в целом по национальной экономике и ее отдельным отраслям, ни по профессиональным группам экономически активного населения. Проводившиеся в рассматриваемый период (до конца 1930-х гг.) бюджетные обследования, результаты которых публиковались в открытых источниках, не были лонгитюдными, а их выборки вряд ли могут быть определены как репрезентативные.

В социалистической экономике (не только мобилизационной модели) любой интеллектуальный труд рассматривался как разновидность государственной службы, хотя и не был до конца институционально интегрирован в структуры политической власти. В этих условиях рынок интеллектуального труда существенно ограничивался. В период преобладания мобилизационных методов управления экономикой рыночные отношения в сфере труда приобрели подчиненную роль по отношению к системе командных (директивных) методов управления человеческими ресурсами.

Речь идет не только о расширении применения принудительного труда заключенных²³. Не менее важна такая сущностная черта мобилизационной экономики, как жесткий контроль со стороны государства над всеми работающими²⁴. После принятия в 1938–1940 гг. (смягчены в 1951, отменены в 1956 г.)²⁵ законов, вводивших запрет на свободное движение рабочей силы, практически весь труд в СССР стал принудительным, а перемещение работников стало производиться с согласия и по инициативе государственных органов. При этом помимо возрастающей дифференциации доходов (как положительного стимулирования) все более значительную роль приобретало отрицательное стимулирование труда посредством угрозы лишения свободы и физического уничтожения вследствие тех или иных недостатков человека как работника. Это было особенно актуально для высококвалифицированных и высокооплачиваемых слоев населения. То есть доход на человеческий капитал складывался не только из прироста доходов, но и из факта сохранения определенной свободы и самой жизни работника.

Особенно большие методологические проблемы применения теории человеческого капитала возникают с оценкой дохода от профессионального опыта. В отношении определенных когорт (в 1937–1938 гг. наличие стажа работы в советских и партийных органах более 10–15 лет) он становился отрицательным фактором и повышал вероятность их физического уничтожения. То есть доход на человеческий капитал определенной части населения страны стремился к бесконечно отрицательной величине.

Обходя указанные методологические трудности и ограничиваясь рамками условно гражданской экономики, мы можем отметить, что в конце 1920-х и в 1930-е годы уровень дохода на человеческий капитал имел тенденцию к росту под воздействием повышенного спроса на интеллектуальный труд со стороны государства. Об этом говорит наличие тенденции к повышению относительной оплаты интеллектуальных отраслей, а ее динамика в значительной степени не соответствовала декларируемым идеологическим ценностям государства²⁶. Перелом данной тенденции обозначился в 1946 г. и с проведением ряда структурных реформ в этой сфере был закреплён во второй половине 1950-х гг.²⁷

В то же время, ряд понятий и концепций, созданных теоретиками человеческого капитала, могут оказаться полезными для анализа качественных особенностей советской экономики. Одним из них является проведенное Г. Беккером разделение человеческого капитала на две основные составляющие: специфическую (полезную для работы только на данном предприятии) и общую (полезную для работы на других аналогичных предприятиях)²⁸. Его концепция, созданная на основе изучения профессиональной подготовки работников в процессе их трудовой деятельности, на наш взгляд, может быть распространена и на другие сферы экономических отношений.

Специфический человеческий капитал был необходим в первую очередь в сфере производства культурного (ценностного) контента, которая была ограждена государством от идеологической конкуренции. В выступлении на диспуте «Судьбы современной интеллигенции» 10 марта 1925 г. Н. И. Бухарин, считавшийся тогда ведущим идеологом большевизма, максимально четко сформулировал характер данного спроса со стороны государственной власти: «...говорят, что надо дать свободу творчества... При такой свободе из наших вузов выходили бы культурные работники, которые могли бы работать и в Праге, и в Москве. А мы желаем иметь таких работников, которые могут работать только в Москве»²⁹. Вряд ли будет ошибочным полагать, что это мнение разделяли и другие советские руководители.

Со стороны советского государства также сильной была потребность в общей части человеческого капитала. Прежде всего, это касалось адаптации зарубежных технологических интеллектуальных продуктов. В том числе, поэтому какое-то время допускались стажировки советских ученых за рубежом, в страну приглашались иностранные специалисты, а перед разведывательными службами ставились задачи добыть технологически инновационные разработки в других странах (и в рассматриваемый, и в более поздний период). Поскольку сама идея догоняющей модернизации состоит в заимствовании инноваций, показавших свою эффективность во внешней экономической системе, предполагалось, что совокупные издержки заимствования и адаптации окажутся меньше издержек разработки собственных инноваций. При этом следует отметить, что и в мобилизационный, и в последующий период развития советской экономики неприоритетные отрасли (преимущественно потребительского сектора) оставались закрытыми для иностранной конкуренции, и значительная часть функционировавшего в них человеческого капитала характеризовалась системной специфичностью.

Характеристика анализируемых показателей и источники данных

В качестве показателя экономической активности в образовательной отрасли нами принималось количество человек, проходящих обучение в определенный момент времени. В относительном выражении (к общему количеству населения) он характеризует совокупный уровень охвата всеми формами образования.

Сведения о количестве учащихся и преподавателей разных уровней системы образования СССР нашли отражение в официальной статистике и публиковались, в том числе, в отраслевых сборниках³⁰, в которых также приводились отдельные сведения об объемах финансирования образовательной системы. По количеству населения более предпочтительными представляются данные, при расчете которых использовалась информация, ставшая открытой и доступной исследователям с конца 1980-х гг.³¹

Совокупный показатель образовательного уровня населения страны измеряется средним количеством лет обучения одного человека в системе формального образования. Этот индикатор имеет давнюю традицию использования в моделях, построенных на основе теории человеческого капитала³², и рассматривается в научной литературе (преимущественно в зарубежной) как наиболее репрезентативный косвенный показатель накопленного страной объема человеческого капитала³³.

Среднее число лет обучения одного человека в возрасте от 9 лет и старше было рассчитано Б. Н. Мироновым³⁴ на основе переписей населения, проводившихся в России (СССР) в 1897, 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 гг., а также данных официальной статистики об уровне охвата населения образованием на его различных ступенях. За периоды между переписями данные интерполировались.

Оценочные расчеты ВВП СССР (в том числе в текущих ценах) за 1928, 1937, 1940, 1944, 1948–1955 гг. были осуществлены А. Бергсоном³⁵. В числе направлений использования ВВП А. Бергсоном были рассчитаны расширенные затраты на образование за соответствующие годы, которые в 1920–1930-е гг. (в источниках, опубликованных в СССР) включали в себя не только финансирование учреждений формального образования, но и музеев, библиотек, других культурно-просветительских и научных организаций. С точки зрения теории человеческого капитала, объединение этих учреждений в одну группу имеет свои основания. В состав расходов на образование, помимо бюджетных, Бергсон включал затраты из внебюджетных источников, однако исключал из итоговой суммы стипендии, платежи физических лиц и затраты на капитальное строительство³⁶. В результате приводимая им сумма общих расходов на образование, как правило, получалась лишь немного выше объема бюджетных. Более подробная информация о структуре получателей государственного финансирования на образовательные цели (в

том числе в зависимости от уровня образования) содержится в статистических сборниках ведомства, в обязанности которого входило осуществление бюджетного процесса (Наркомфин, Минфин)³⁷, а также в специализированной литературе³⁸.

Данные об оплате труда в СССР публиковались в сборниках главного ведомства государственной статистики (Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана, Центральное статистическое управление)³⁹ и использовались нами для расчета показателей, характеризующих положение образовательной отрасли в совокупной занятости (в рамках государственного сектора национальной экономики) и ее место в структуре оплаты труда⁴⁰.

*Место рассматриваемого периода
в развитии образовательной системы страны*

Следует отметить, что на ранних стадиях индустриальной модернизации более значимым политическим вопросом является рост количественных показателей образовательной отрасли и образовательного уровня населения, чем их качественное состояние. Другой отличительной чертой данного этапа развития является ликвидация неграмотности и накопление критического уровня человеческого капитала, необходимого для ускорения экономического роста.

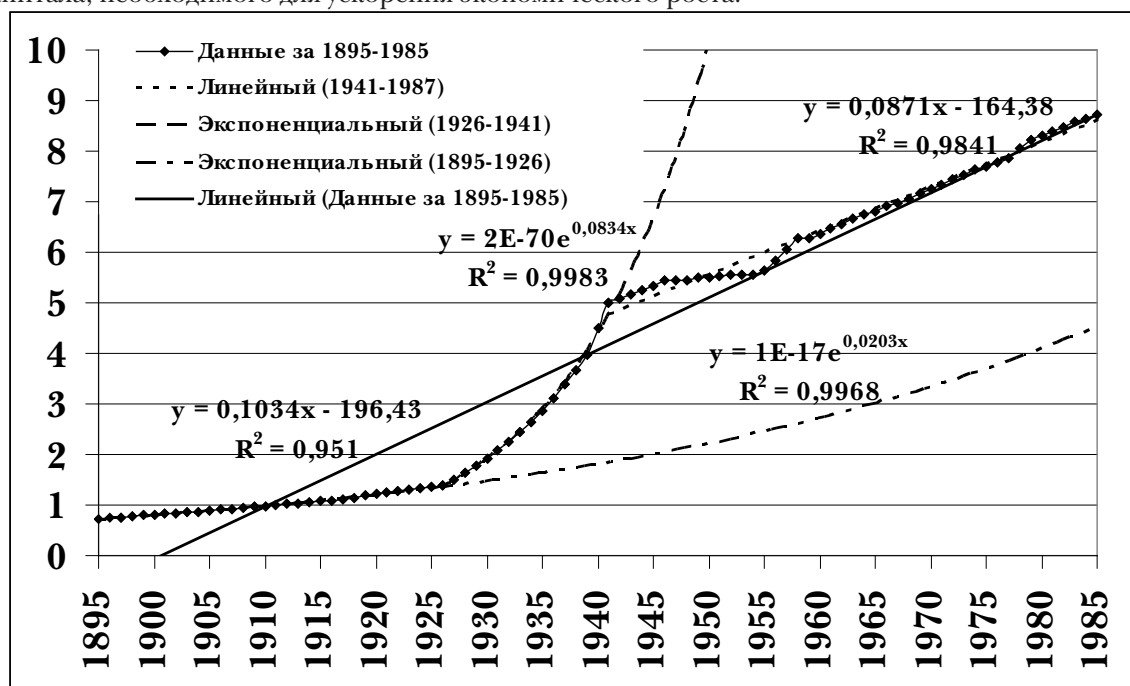

Рис. 1. Динамика показателя средних лет обучения одного человека в возрасте от 9 лет в СССР (фазы развития образовательной системы)

Динамика показателя среднего количества лет обучения (в период 1926–1941 гг. аппроксимируется показательной функцией) подтверждает революционный характер изменений в образовательном уровне населения СССР, произошедших примерно за 15 лет.

Если бы распространение образования шло по той же тенденции, что в 1897–1926 гг., результат 1941 г. по среднему количеству лет обучения на человека был бы достигнут лишь на рубеже 1980-х – 1990-х гг. (когда СССР заканчивал свое существование). Таким образом, не подтверждается предположение Н. Ханса и С. Гессена о возможности решения проблемы неграмотности в России к середине 1920-х гг. при сохранении темпов ее ликвидации, сложившихся в 1897 – 1914 гг.⁴¹ Для этого должен был измениться тренд образовательного уровня населения, что произошло только в середине 1920-х гг. Несмотря на то, что темпы роста показателя грамотности, скорее всего, были завышены за счет снижения критериев⁴², смену тренда образовательной динамики вряд ли следует подвергать сомнению.

Значительную роль в этом сыграло массовое обучение взрослого населения, формы которого не вписывались в стандартную классификацию уровней образования. Такими формами могли быть кружки ликбеза, народные дома и университеты, кружки самообразования, вечерние рабочие университеты⁴³. В 1932/33 г. в СССР обучалось в общей сложности 50 млн детей и взрослых⁴⁴, хотя только 23 млн из них охватывалось стандартными формами⁴⁵ и около 14 млн взрослых попали в официальные статистические данные как обучавшиеся в целях ликвидации неграмотности и малограмотности (см. рис. 2).

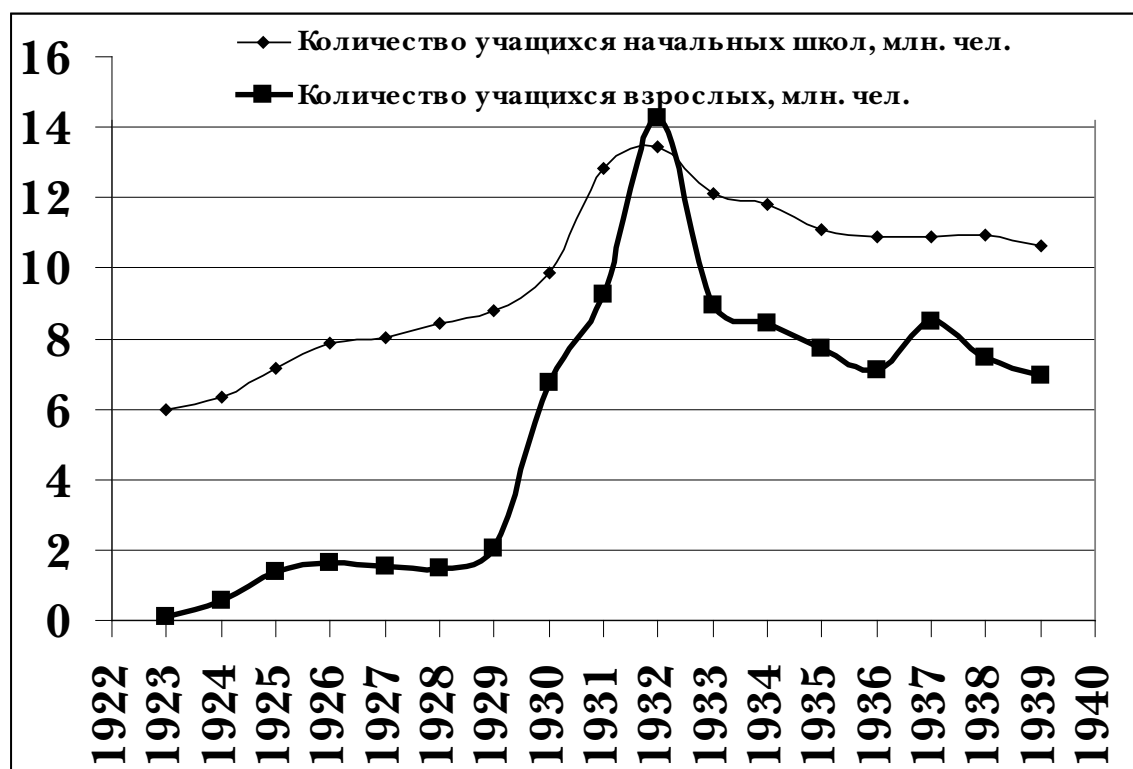

Рис. 2. Масштабы образования взрослых в СССР в 1920–1930-х гг.

Установка на увеличение государственных расходов в целях развития образовательного сектора широко использовалась в странах догоняющего развития. В свою очередь, это требовало увеличения бюджетной нагрузки на экономику. В СССР за период с конца 1920-х по середину 1950-х гг. она возросла с уровня около 25 % до порядка 50 % ВВП, в отдельные годы превышая этот уровень, достаточно высокий по международным нормам. В свою очередь, доля расходов на образование не опускалась ниже 10 %, а в отдельные годы «культурной революции» превышала уровень в 15 % всех бюджетных расходов. Динамика данного показателя достаточно четко отражала приоритеты государственной финансовой политики в период модернизации образовательной системы. Инициативная деятельность государства как субъекта спроса и финансирования образовательных услуг привела к абсолютному и относительному расширению образовательного сектора в макроэкономических масштабах (особенно заметному в предвоенный период). Это способствовало существенному росту предложения образовательных услуг, а также вело к формированию соответствующей инфраструктуры.

При этом следует отметить, что в период Великой Отечественной войны абсолютные и относительные экономические показатели образовательной отрасли резко упали. Экономика военного периода в этом отношении сильно отличалась от мобилизационной предвоенной.

Таблица 1.

Изменение уровня финансирования образования, охвата населения формальным образованием и средних лет обучения в СССР

Год	Доля расходов на просвещение в едином государственном бюджете, %	Бюджетные расходы на просвещение к ВВП, %	Доля расширенных затрат на образование в ВВП, %	Совокупный уровень охвата населения формальным образованием, %	Среднее количество лет обучения населения в возрасте от 9 лет
1915				5,64	1,073
1923				5,57	1,298
1924	11,94			5,94	1,326
1925	11,70			6,67	1,356
1926	12,36			7,25	1,387
1927	11,94			7,45	1,502
1928	12,38	2,76	2,69	7,80	1,627
1929	12,71			8,05	1,764
1930	13,37			8,87	1,912

Год	Доля расходов на просвещение в едином государственном бюджете, %	Бюджетные расходы на просвещение к ВВП, %	Доля расширенных затрат на образование в ВВП, %	Совокупный уровень охвата населения формальным образованием, %	Среднее количество лет обучения населения в возрасте от 9 лет
1931	12,00			11,58	2,072
1932	10,05			13,63	2,247
1933	11,73			13,90	2,437
1934	13,01			14,77	2,642
1935	12,48			15,65	2,867
1936	15,18			16,76	3,110
1937	15,49	5,86	6,06	17,80	3,376
1938	15,11			18,72	3,664
1939	13,25			19,63	3,977
1940	12,90	5,17	5,47	17,53	4,490
1941	8,10			18,71	5,000
1942	5,69				
1943	6,28				
1944	7,83	4,60	4,65		
1945	8,83				
1946	12,26			16,32	5,437
1947	14,25			17,81	5,442
1948	14,83	7,08	7,52	18,24	5,455
1949	13,99	6,38	6,66	19,24	5,494
1950	13,77	6,24	6,47	19,91	5,508
1951	12,93	5,90	6,10	19,68	5,53
1952	12,71	5,76	5,89	18,97	5,546
1953	11,87	5,87	5,92	17,96	5,551
1954	11,85	6,00	6,04	17,45	5,56
1955	12,78	5,82	5,85	17,00	5,634
1956	13,06			16,16	5,837

Источник: Среднее количество лет обучения: Миронов (1994).

Расчеты автора по: Андреев и др. (1993), с. 118–119 (данные о численности населения за 1923–1956 гг.); Культурное строительство СССР (1956), с. 7, 77, 80–81, 201–202, 255 (данные о количестве учащихся); Население СССР за 70 лет (1988), с. 16 (данные о численности населения за 1915 г. без Хивы и Бухары); Плотников (1954), с. 92, 132, 149, 209, 215, 255, 264, 324, 340, 423, 425, 426, 519, 520 (данные по общему объему бюджетных расходов за 1927–1949 гг. и расходов на просвещение за 1927–1928, 1930–1931, 1934–1936, 1938–1949 гг.); Расходы на социально-культурные мероприятия (1939), с. 20 (данные по объему бюджетных расходов на просвещение за 1929, 1932, 1933, 1937 гг.); Расходы на социально-культурные мероприятия (1958), с. 5 (данные по общему объему бюджетных расходов и расходов на просвещение за 1950–1956 гг.); Bergson (1961), p. 46, 300 (данные по объему ВВП и расширенных затрат на образование).

Внебюджетными источниками финансирования советского образования являлись целевое «самообложение» населения, «добровольное шефство» хозяйствующих субъектов над школами, а также средства фондов социального страхования (по источникам близкие к государственному бюджету)⁴⁶. Кроме того, практика частичного покрытия домохозяйствами стоимости обучения в старших классах средней школы и высших учебных заведениях, отмененная большевиками после прихода к власти, была частично восстановлена в 1923 г., усилена в 1940 г. и с определенными льготами и исключениями социального характера действовала до середины 1950-х гг.⁴⁷. По имеющимся оценкам, с учетом затрат из всех источников, расходы на образование в конце 1950-х гг. значительно превышали 5 % и могли достигать до 8 % ВВП СССР⁴⁸. В предвоенный период и без того преобладавшая роль бюджетных источников финансирования образования возрастала, отражая общую тенденцию к мобилизации ресурсов и их прямому централизованному перераспределению. В послевоенный период данная тенденция

несколько скорректировалась, однако к началу 1960-х гг. доля внебюджетных институциональных источников так и не вернулась к уровню рубежа 1920–1930-х гг.

Таблица 2

Соотношение бюджетных и внебюджетных расходов организаций на просвещение в СССР за отдельные годы (%)

годы	государственный бюджет	фонды хозорганов	соцстрах	профсоюзы	колхозы	промкооперация и прочие
1929	73,30	6,70	0,00	11,20	8,80	
1933	70,98	10,60	3,51	6,86	4,66	3,39
1937	79,86	7,48	1,18	5,61	3,29	2,57
1940	89,33	10,67				
1950	91,02	8,98				
1953	88,39	11,61				
1955	90,19	9,81				
1956	86,14	13,86				
1959	85,54	14,46				
1960	83,86	16,14				

Рассчитано по: Культурное строительство СССР (1940), с. 33 (данные за 1933, 1937 гг.); Народное хозяйство СССР за 70 лет (1987), с. 632–633 (данные за 1940 и 1960 гг.); Субботина (1965), с. 43 (данные за 1929 г.); Noah (1966), р. 78–79 (данные за 1950–1959 гг., расходы на образование объединены с расходами на культуру).

Важным социальным результатом развития советской образовательной системы в рассматриваемый период стало значительное сокращение гендерного диспаритета в охвате различными уровнями обучения и в образовательном уровне населения. Будучи целенаправленным результатом соответствующей государственной политики, данный вопрос получил значительное освещение в литературе, в том числе научной. Следует отметить, что существенное сближение различий между мужским и женским населением в образовательной сфере было характерно и для других стран (в том числе с преобладающим мусульманским населением), осуществлявших типологически схожие образовательные модернизации. Другим социальным результатом государственной образовательной политики СССР было значительное снижение регионального неравенства в охвате базовым (начальным и средним) образованием. Региональное неравенство в удельном объеме его финансирования к концу 1950-х гг. в СССР находилось на более низком уровне, чем в США⁴⁹.

Факторы, влиявшие на экономическую эффективность советской образовательной системы

Образование как отрасль экономики, как правило, характеризуется относительно низким уровнем промежуточного потребления, низкой физической капиталоемкостью и высокой долей затрат на оплату труда. Эти отраслевые характеристики проявлялись и в изучаемый период⁵⁰. В этих условиях важным способом повышения внутренней отдачи отрасли рассматривалось увеличение количества учащихся на одного преподавателя. В СССР этот показатель существенно повысился в сфере высшего образования (особенно заметно в послевоенный период), что является косвенным свидетельством снижения его качества. В то же время в сфере общего образования натуральный показатель производительности труда учителя постепенно снижался с завершением в середине 1930-х гг. активной фазы борьбы с неграмотностью и стадии количественного расширения начального и неполного среднего (семилетнего) образования. В послевоенный период данная тенденция отразилась снижением численности населения в сельской местности при одновременном усилении степени проникновения общего образования. Последнее рассматривалось как важная социальная задача, выполнение которой осуществлялось за счет снижения экономической эффективности отрасли.

Таблица 3

Количество учащихся на одного преподавателя за отдельные годы (чел.)

	1929	1931	1940	1946	1947	1950	1953	1954	1955	1956
школы	33	37	29	25	26	25	20	19	18	17
вузы	8	5	10	10	11	13	14	14	15	15

Рассчитано по: Культурное строительство СССР (1956), с. 80–81, 201–202, De Witt (1961), р. 749.

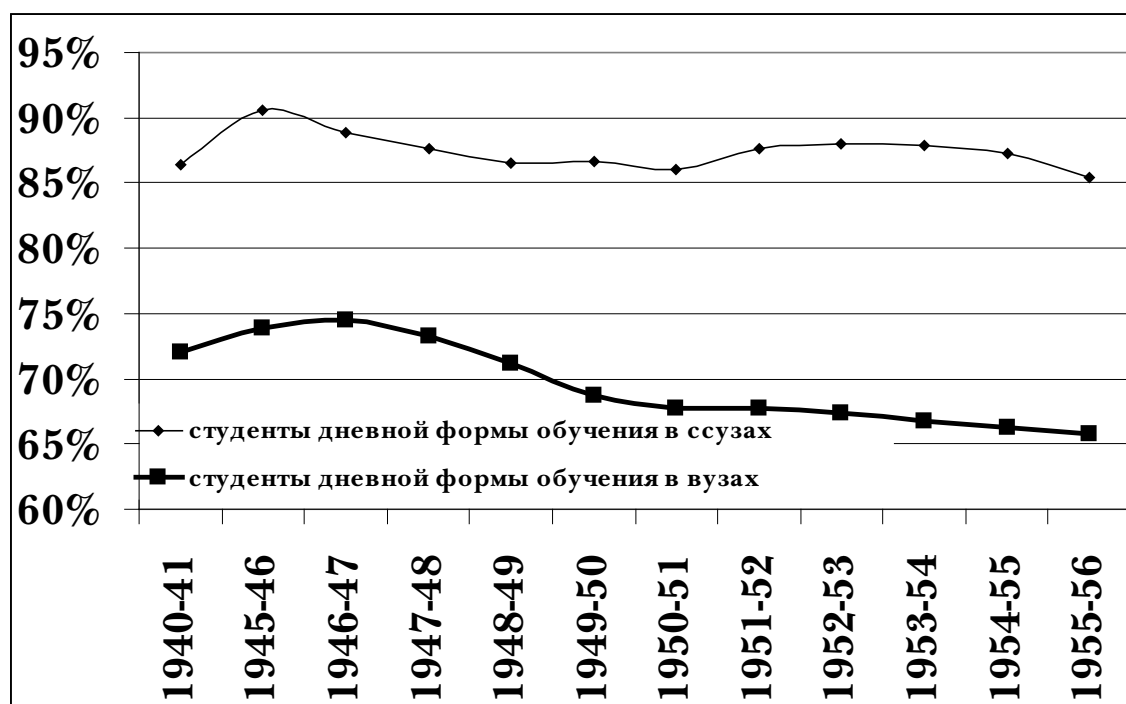

Рис. 3. Динамика форм обучения

В сфере профессионального образования значительную часть затрат составляло стипендиальное обеспечение учащихся дневной формы обучения⁵¹. В целях их сокращения с начала 1940-х гг. стало стимулироваться развитие вечерней и заочной форм обучения. В наибольшей степени данная тенденция затронула сегмент высшего образования, не способствуя повышению качества профессиональной подготовки.

Резкий рост показателя совокупного охвата населения разными формами образования и повышение нагрузки на школьных учителей (наиболее массовый сегмент преподавателей) привели к необходимости увеличения относительной численности занятых в образовательной отрасли. Это способствовало тому, что в начальной фазе образовательного прорыва (до 1933 г.) относительная оплата труда работников просвещения имела тенденцию к повышению. Впоследствии она стала снижаться, но до 1960-х гг. не опускалась ниже среднего уровня по национальной экономике.

Таблица 4.

Относительная численность и оплата труда работников просвещения (%)							
Годы	Отн. оплата	Отн. численность	Доля в ФОТ	Годы	Отн. оплата	Отн. численность	Доля в ФОТ
1924/25	86,44	6,46	5,59	1922		7,43	
1925/26	89,14	5,93	5,28	1928		5,87	
1926/27	87,18	6,53	5,69	1932		4,94	
1928	96,44	6,80	6,56	1937		6,78	
1929	98,50	6,73	6,63	1940	100,00	7,32	7,32
1930	104,49	6,34	6,62	1945	110,25	7,74	8,53
1931	111,18	6,07	6,75	1950	107,32	7,59	8,14
1932	114,44	5,87	6,72	1955	101,67	7,16	7,28
1933	112,71	6,55	7,38	1960	89,70	6,93	6,22
1934	104,47	6,62	6,92				
1935	102,60	6,97	7,15				

Рассчитано по: Труд в СССР (1983), с. 46-49, 336-337. Данные источника по численности работников отраслей «просвещение» и «культура» в 1922-1937 гг. разделены автором по соотношению 1940 г. (92,68 %).

Рассчитано по: Труд в СССР (1936), с. 11, 17.

Численность и ФОТ относятся только к государственному сектору экономики.

Несмотря на то, что ликвидация неграмотности и обеспечение всеобщего начального образования в 1920-х гг. были заявлены как приоритеты государственной образовательной политики, при наблюдавшемся абсолютном увеличении числа его получателей их доля в общей массе учащихся в предвоенный период непрерывно сокращалась за счет, главным образом, сегментов неполного (семилетнего) и полного (в 1930-х гг.) среднего образования. В целом доля учащихся школ имела четко выраженную тенденцию к снижению на протяжении всего рассматриваемого периода. Тенденция к возрастанию доли получателей профессионального образования (студентов ссузов и вузов) обозначилась на рубеже 1920–1930-х гг. и явилась результатом целенаправленной государственной политики, имевшей сильную пропагандистскую сторону.

Таблица 5.

Структурная динамика получателей образования в СССР по его уровням и типам учреждений (%)

Годы	Начальные школы	Семи-летние школы	Средние школы	Прочие школы (дети)	Школы рабочей, сельской молодежи и взрослых*	Техникумы и прочие ссузы	Вузы	Аспирантура
1915	87,40	2,86	7,90	0,00		0,45	1,39	
1923	77,79	9,56	7,68	0,00	0,57	1,58	2,81	
1924	75,58	11,43	8,00	0,09	0,63	1,79	2,49	
1925	74,84	13,46	7,46	0,12	0,63	1,72	1,77	
1926	73,83	15,21	6,65	0,39	0,65	1,70	1,57	
1927	71,61	16,48	7,07	0,65	1,08	1,61	1,50	
1928	70,25	17,37	7,15	0,81	1,43	1,58	1,40	
1929	69,48	17,46	7,75	0,92	1,35	1,63	1,40	
1930	69,48	17,11	7,89	0,90	1,48	1,68	1,44	0,02
1931	68,43	22,33	2,04	1,00	1,48	3,12	1,53	0,07
1932	60,29	31,75	0,02	1,73	1,16	3,17	1,82	0,06
1933	52,85	34,62	5,43	0,61	1,06	3,16	2,20	0,06
1934	50,51	34,86	8,60	0,53	0,96	2,52	1,96	0,06
1935	44,39	36,74	12,70	0,50	0,83	2,69	2,11	0,04
1936	39,98	36,91	16,45	0,49	1,44	2,62	2,07	0,04
1937	36,92	36,22	20,27	0,32	1,78	2,61	1,84	0,03
1938	34,61	35,38	23,30	0,37	1,86	2,73	1,73	0,03
1939	31,46	34,61	26,68	0,39	2,22	2,81	1,78	0,04
1940	27,59	33,93	31,40	0,37	2,13	2,74	1,80	0,04
1941	26,23	33,58	32,70	0,73	1,99	2,54	2,18	0,05
1946	33,03	33,48	24,59	0,30	2,50	3,51	2,56	0,03
1947	33,02	32,88	23,75	0,24	3,64	3,69	2,74	0,05
1948	33,22	33,23	23,47	0,24	3,08	3,77	2,95	0,05
1949	30,35	35,54	23,94	0,26	3,30	3,61	2,95	0,05
1950	25,16	39,51	24,84	0,28	3,56	3,54	3,06	0,05
1951	20,15	41,56	27,25	0,31	3,85	3,48	3,34	0,06
1952	16,00	40,24	31,64	0,33	4,31	3,72	3,69	0,07
1953	12,65	38,21	35,76	0,35	4,75	4,15	4,05	0,08
1954	10,53	34,55	39,90	0,36	5,51	4,65	4,41	0,08
1955	10,11	30,58	43,18	0,37	5,51	5,24	4,93	0,09
1956	10,61	27,62	44,59	0,34	5,46	5,78	5,50	0,09

Рассчитано по: Культурное строительство СССР (1956), с. 7, 77, 80–81, 201–202, 255; данные о численности учащихся школ рабочей и сельской молодежи и взрослых за 1924, 1925, 1927, 1932–1934, а также численности аспирантов за 1932 и 1940 г. интерполированы автором; без учета взрослых, обучавшихся в нестандартных формах образования.

На этом фоне несколько парадоксальным выглядит то обстоятельство, что структурная динамика бюджетного финансирования образовательной отрасли экономики СССР за рассматриваемый период не показала заметных изменений. В значительной степени соотношения в финансировании уровней образования могли определяться и регулироваться в процессе бюджетного планирования. На общеобразовательные учреждения при этом отводилось 30-40 % общего объема расходов на образование, на высшие учебные заведения – 10-15 % (исключение составил 1932 г. с 19 %). 25-35 % средств на просвещение приходилось на прочие формы образования (в первую очередь на культурно-просветительскую работу). Более выраженной выглядит тенденция к уменьшению доли средних специальных учебных заведений в предвоенный период, однако в значительной степени она могла объясняться изменениями организационного статуса соответствующих учреждений.

В то же время, претерпела определенные изменения структура удельного (подушевого) финансирования различных уровней образования из государственного бюджета. Определенной тенденцией, характерной и для довоенного, и для послевоенного периодов, является увеличение доли финансирования, выделяемого на обучение одного учащегося общеобразовательной школы. Доля финансирования, выделяемого на обучение одного студента ссуза, имела тенденцию к снижению в довоенный период, стабилизировавшись в послевоенный. Тенденция к увеличению доли финансирования, выделяемого на обучение одного студента вуза, наблюдалась лишь в довоенный период. Ее разворот в послевоенный период, в сочетании с тенденциями к увеличению нагрузки на преподавателей вузов, к повышению доли нестационарных форм образования и к снижению относительной оплаты труда его работников, не способствовали повышению качественного уровня.

Таблица 6

Структурная динамика удельного бюджетного финансирования основных уровней образования (%)

Годы	Общее образование (школы)	Средние специальные учебные заведения (ссузы)	Высшие учебные заведения (вузы)
1926	2,87	51,55	45,59
1927	2,93	45,97	51,10
1928	3,02	40,63	56,35
1932	2,36	35,92	61,72
1933	3,16	36,76	60,07
1937	4,09	32,45	63,47
1938	3,07	32,61	64,32
1939	3,84	28,94	67,23
1940	3,99	29,01	67,00
1946	4,45	30,19	65,36
1947	4,42	30,45	65,13
1948	4,99	32,78	62,23
1949	5,36	32,60	62,04
1950	6,04	32,57	61,39
1951	6,66	33,48	59,86
1952	7,07	33,54	59,39
1953	7,62	32,89	59,49
1954	7,99	32,06	59,95
1955	8,59	32,29	59,12
1956	9,32	32,18	58,50

Рассчитано по: Культурное строительство СССР (1956), с. 80-81, 201-202 (численность учащихся). Плотников (1954), с. 149, 151, 209, 211, 265, 340, 425, 426, 520, 521; Расходы на социально-культурные мероприятия (1939), с. 20, 21, 22, 24, 31; Расходы на социально-культурные мероприятия (1958), с. 5, 13, 38, 39, 40; Субботина (1965), с. 32, 37, 42, 55, 59, 65, 75, 79, 82, 83, 84, 85, 92, 93, 98, 99, 101, 111, 122 (данные об объемах бюджетного финансирования). За 100 % принята сумма средних бюджетных затрат на обучение 1 школьника, 1 студента ссуза и 1 студента вуза в соответствующем году.

Характер воздействия образовательной отрасли на экономический рост страны

Строгая определенность цели (внеэкономической по своему содержанию) является важнейшим признаком мобилизационной экономики⁵². В советской экономической теории различалась микро- и

макроэкономическая эффективность. И. В. Сталин незадолго до окончания своего правления писал, что политический приоритет имеет долгосрочная (с горизонтом 10–15 лет) рентабельность «всего народного хозяйства», а не «временная» рентабельность отдельного предприятия или отрасли⁵³.

С этой точки зрения можно прийти к выводу о высокой эффективности советской системы образования, позволившей в исторически короткие сроки создать достаточное количество специалистов для достижения сопоставимого технологического уровня (в военной отрасли) с экономически развитыми странами и его поддержания на протяжении нескольких десятилетий.

Гораздо менее определенные результаты обнаруживаются в плане воздействия накопленного образовательного потенциала общества на его последующий экономический рост. С одной стороны, имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что модернизация образовательной системы, количественно выражавшаяся в резком увеличении среднего числа лет обучения, предшествовала ускорению экономического роста страны. С другой стороны, полученный национальной экономикой импульс стал заметно ослабевать в 1970–1980-е гг.

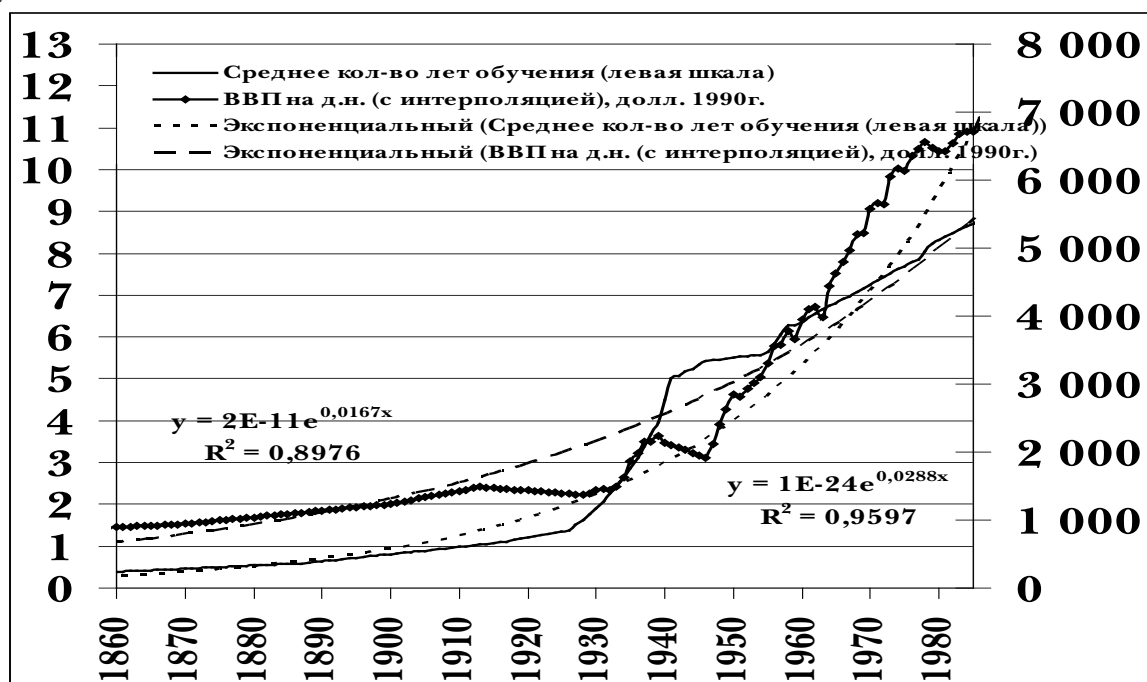

Рис. 4, 5. Динамика образовательного уровня и экономического роста в России (СССР)

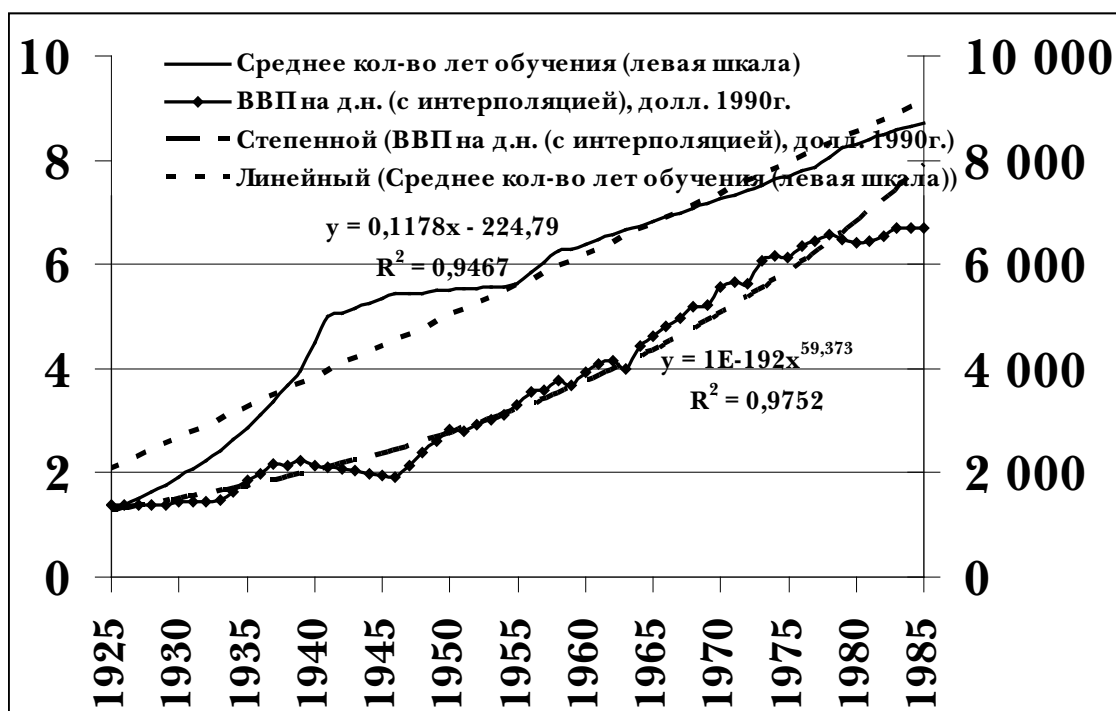

Рис. 5.

Таким образом, несмотря на то, что в образовательной системе СССР мобилизационные методы показали возможность в кратчайшие сроки решать задачи догоняющего количественного роста на приоритетных направлениях развития, в более широкой исторической ретроспективе они не продемонстрировали способностей к экономически эффективному использованию накопленного человеческого потенциала.

Настоящее исследование нашло дополнительные аргументы в пользу того, что тенденции в распределении человеческих и финансовых ресурсов внутри образовательной отрасли экономики СССР во второй половине 1940-х – 1950-х гг. складывались неоптимальным образом. С отходом от мобилизационных методов организации экономики в 1950-х гг., советская образовательная система показала неспособность переориентироваться на достижение качественных показателей после окончания периода ее догоняющего количественного роста. Отсюда также следует, что сравнительно высокий образовательный уровень населения является необходимым, но недостаточным условием для обеспечения устойчивого экономического роста страны.

Примечания

¹ См.: Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М. : Наука, 1993. С. 99–103, 109–117, 125–206.

² См., напр.: Кудров В. М. Экономика России в мировом контексте. СПб. : Алетей; М. : ГУ ВШЭ, 2007. С. 225, 257, 291, 296–297, 323.

³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М. : Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 246–252, Т. 12. М., 1949. С. 122–123, 310–312, Т. 13. М., 1951. С. 38–41.

⁴ Nove A. Studies in Economics and Russia. L. : Macmillan, 1990. P. 118–121.

⁵ Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. С. 76–77, 215–217, Т. 12. С. 319, 326–327, Т. 13. С. 67–69.

⁶ См., напр.: Бухарин Н. И. Революция и культура : Статьи и выступления 1923–1936 годов. М. : Фонд имени Н. И. Бухарина, 1993. С. 51, 129–131.

⁷ Впервые термин «культурная революция» В. И. Ленин, также уделявший значительное внимание вопросам образовательной политики, употребил в статье «О кооперации», написанной уже после его отхода от активной политической деятельности (Полн. собр. соч. Т. 45. С. 377).

⁸ История социалистической экономики СССР / под ред. В. А. Виноградова, И. А. Гладкова и др. Т. III. М. : Наука, 1977. С. 511–522; Т. IV. М., 1978. С. 485–496; Т. V. М., 1978. С. 508–518.

⁹ Жамин В. А. Экономика образования (Вопросы теории и практики). М. : Просвещение, 1969; Комаров В. Е. Экономические основы подготовки специалистов для народного хозяйства. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959; Тульчинский Л. И. Финансовые проблемы профессионального образования в СССР (в училищах, техникумах, вузах). М. : Финансы, 1968.

¹⁰ См.: Субботина К. И. Народное образование и бюджет. М. : Финансы, 1965.

¹¹ См., напр.: Советская интеллигенция : История формирования и роста. 1917–1965. М. : Мысль, 1968.

¹² Волков С. В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М. : НОФ «Развитие» – ИНИОН РАН, 1999. С. 24–80; Изменения социальной структуры советского общества. 1921 – середина 1930-х гг. М. : Мысль, 1979. С. 146–174, 265–276; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge – N.Y. – Melbourne : Cambridge University Press, 2002. P. 159–211, 235–254.

¹³ См., напр.: Korol A. Soviet Education for Science and Technology. N.Y. : John Wiley & Sons; London : Chapman & Hall, Ltd., 1957.

¹⁴ Fitzpatrick S. Op. cit. P. 212–234.

¹⁵ См., напр.: Вишневский А. Г. Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998. С. 158–184, 287–288.

¹⁶ См.: De Witt N. Education and Professional Employment in the U.S.S.R. Washington : National Science Foundation, 1961; Noah H.J. Financing Soviet Schools. N.Y. : Russian Institute of Columbia University, Teachers College Press, 1966.

¹⁷ См.: Миронов Б. Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 118, 121–122.

¹⁸ См.: Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М. : Наука, 1982. С. 106–107.

¹⁹ См.: Mincer J. Schooling, Experience and Earnings. N.Y. : National Bureau of Economic Research, 1974. P. 83–89, 129–132.

²⁰ Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 121–124.

²¹ См., напр.: Селина Е. И. Финансирование культурно-просветительных учреждений. М. : Госфиниздат, 1954.

²² Подробнее см.: Диденко Д. В. Образование как товар // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / отв. ред. Г. А. Ключарев. М. : ИС РАН, 2008. С. 45–64.

²³ См.: ГУЛАГ : экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородкин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

²⁴ Кудров В. М. Указ. соч. С. 287–288.

²⁵ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ.. С. 43, 62.

²⁶ Подробнее см.: Диденко Д. В. Динамика оплаты работников интеллектуального труда как характеристика роли «индустрии знания» в СССР // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 282–284.

- ²⁷ Nove A. An Economic History of the USSR. Harmondsworth – N. Y.: Penguin Group, 1982. P. 347–348; Bergson A. Planning and Performance in Socialist Economies : The USSR and Eastern Europe. Boston : Unwin Hyman, 1989. P. 85, 87.
- ²⁸ См.: Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 56–79.
- ²⁹ Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 84.
- ³⁰ Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М.; Л.: Госпланиздат, 1940; М.: Госстатиздат, 1956; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1987.
- ³¹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза 1922–1991. М.: Наука, 1993. С. 118–119; Население СССР за 70 лет / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: Наука, 1988. С. 16.
- ³² На микроуровне доход на человеческий капитал (точнее, его логарифм) Дж. Минцер определял как переменную, линейно зависящую от количества лет формального образования и полинома второй степени стажа работы (см.: Mincer J. Op. cit. P. 83–89, 129–132).
- ³³ Barro R. J., Lee J.-W. International Data on Educational Attainment : Updates and Implications // Oxford Economic Papers. 2001. Vol. 53. № 3. P. 541–563.
- ³⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 124–125.
- ³⁵ Bergson A. Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1961. P. 46, 300.
- ³⁶ Методологию расчета подробнее см.: Ibid. P. 64–66, 353–358.
- ³⁷ Расходы на социально-культурные мероприятия по единому государственному бюджету СССР (союзному, республиканским и местным) за 1-ю и 2-ю пятилетки (1928/29–1937 гг.). М.: Госфиниздат, 1939; Расходы на социально-культурные мероприятия по государственному бюджету СССР. Статистический сборник. М.: Госфиниздат, 1958.
- ³⁸ Плотноков К. Н. Очерки истории бюджета советского государства. М.: Госфиниздат, 1954; Субботина К. И. Указ. соч.; De Witt N. Op. cit.; Noah H. J. Op. cit.
- ³⁹ Об информативности данных источников по вопросу оплаты труда подробнее см.: Диденко Д. В. Динамика оплаты работников интеллектуального труда как характеристика роли «индустрии знания» в СССР. С. 278–280.
- ⁴⁰ Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР – В/О «Союзоргучет», 1936; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1983.
- ⁴¹ Hans N., Hessen S. Educational Policy in Soviet Russia. London : P.S. King & Son, Ltd., 1930. P. 7.
- ⁴² De Witt N. Op. cit. P. 71–72.
- ⁴³ См.: Образование взрослых на рубеже веков: вопросы методологии, теории и практики. Т. I. Социально-экономические и правовые предпосылки развития образования взрослых. Кн. 1. История развития образования взрослых в России / под ред. Е. П. Тонконогой. СПб.: ИОВ РАО, 2000. С. 34–36.
- ⁴⁴ Плотноков К. Н. Указ. соч. С. 150.
- ⁴⁵ См.: Культурное строительство СССР. М., 1956. С. 80–81, 201–202, 255.
- ⁴⁶ См.: Субботина. К. И. Указ. соч. С. 49–51; Noah H. J. Op. cit. P. 63–81.
- ⁴⁷ См.: Bergson A. Real National Income of Soviet Russia since 1928. P. 21; Idem. The Structure of Soviet Wages: A Study in Socialist Economics. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1946. P. 27–29; Noah H. J. Op. cit. P. 79. В начале 1950-х гг. эти расходы ежегодно составляли до 1 млрд руб. (см.: De Witt N. Op. cit. P. 65), покрывая порядка 10 % общих затрат на функционирование учреждений высшего образования.
- ⁴⁸ De Witt N. Op. cit. P. 63.
- ⁴⁹ Noah H. J. Op. cit. P. 142–152, 201–202.
- ⁵⁰ См.: Данные за отдельные годы см.: Расходы на социально-культурные мероприятия по единому государственному бюджету СССР. М., 1939. С. 16, 50–51; Расходы на социально-культурные мероприятия по государственному бюджету СССР. М., 1958. С. 46, 50, 55, 57.
- ⁵¹ См.: Расходы на социально-культурные мероприятия по единому государственному бюджету СССР. М., 1939. С. 31, 52; Расходы на социально-культурные мероприятия по государственному бюджету СССР. М., 1958. С. 55, 57.
- ⁵² Фонотов А. Г. Указ. соч. С. 101.
- ⁵³ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 24.

Долголюк А. А.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ СИБИРСКИХ СТРОИТЕЛЕЙ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-00426а

Великая Отечественная война резко обострила социальные проблемы в СССР, в том числе в точных районах, в которых не велось военных действий. В эти годы в связи с резким ростом насе-

ления крупнейших сибирских городов: Омска, Новосибирска, Кемерово, Новокузнецка, Барнаула, Красноярска, заметно усугубился жилищный кризис.

В крайне тяжелых жилищно-бытовых условиях на долгие годы оказалась подавляющая часть строителей. Они оказались даже в худшем положении, чем представители других отраслей народного хозяйства.оборот кадров в этой сфере был особенно высок, а потому прослойка работников с довоенным стажем к 1946 г. стала очень маленькой. Прирост работников обеспечивался как за счет местных трудовых ресурсов, так и мигрантов из других районов страны. Подавляющая часть новичков размещалась во временном жилье. Так в тресте «Иркутскстрой» из имеющегося в наличии жилого фонда в размере 6,1 тыс. кв. м лишь 37 % располагалось в домах постоянного типа, а 63 % – во временных строениях¹. Это было типичное для строителей положение. К тому же общежития, бараки, квартиры оказывались переполненными. Часто люди размещались на двухъярусных кроватях или нарах. Такая система расселения рабочих в тресте «Сталинскпромстрой» возникла в годы войны и просуществовала до конца 1946 г. В общежитиях на одного человека приходилось от 1,7 до 2,7 кв. м. Улучшить обеспеченность трудящихся жильем здесь попытались не только за счет его строительства, но также и за счет аренды площадей у заказчиков. Доля арендованного жилья составила третью часть от общего жилого фонда треста. Усилия администрации по облегчению крайне стесненного положения рабочих в общежитиях позволили в 1946–1950 гг. несколько улучшить сложившуюся ситуацию. Удалось ликвидировать двухъярусность в расстановке кроватей. Обеспеченность жилыми площадями в расчете на одного человека повысилась до 4,3 кв. м.²

Еще на заключительном этапе войны советское правительство наметило ряд мер по решению жилищной проблемы. Запрещалось сооружение бараков и землянок, выделялись средства на строительство домов. Однако они были скудными, не обеспечивались достаточными материальными ресурсами. Поэтому жилищный вопрос повсеместно оказывался острым, плановые задания по вводу жилья, как правило, не выполнялись, причем значительно.

К тому же во время войны ремонт домов практически не велся. Многие здания обветшали. Износ жилого фонда в городах Сибири в первые послевоенные годы оценивался в 30–40 %³. Восстановление жилищ проходило медленно. Из-за недостатка средств и материалов в первую очередь ремонтировалось жилье семей погибших воинов, фронтовиков-инвалидов, передовиков производства.

Решению жилищной проблемы уделялось немалое внимание в государственном плане на четвертую пятилетку. Финансирование осуществлялось преимущественно через промышленные и строительные министерства. Их подход к сооружению жилья сильно разнился. Одни, прежде всего ведомства строительного профиля, более энергично взялись за решение проблемы, другие, сосредоточив основные ресурсы на индустриальном строительстве, гражданскому уделяли недостаточное внимание. В первый послевоенный год крупномасштабное гражданское строительство развернул Норильский горно-обогатительный комбинат. Объекты сданного в эксплуатацию жилья по сравнению с 1945 г. удвоились. Работники предприятия получили в свое распоряжение 44 тыс. кв. м жилья, из которого постоянное составляло 31,5 тыс. кв. м. Это позволило поднять уровень обеспеченности жильем вольнонаемных в домах постоянного типа до 5 кв. м, а в бараках – до 3 кв. м. Основная же масса строителей располагалась в лагере для заключенных и проживала в условиях большой скученности в бараках на двухъярусных нарах⁴.

Отметим, что такое положение с жильем было характерно для строителей-заключенных и военнопленных почти на всех других сибирских стройках. Большие массы заключенных были основной рабочей силой при сооружении ангарского комбината № 16 (позднее – ПО «Ангарскнефтеоргсинтез»), железной дороги Воркута – Салехард – Игарка – Норильск. При их размещении нарушались всякие санитарные нормы⁵.

Но, пожалуй, в самых тяжелых жилищных условиях оказались военнопленные японской армии в первую зиму их пребывания на сибирской земле. Они в массовом количестве были завезены сюда в конце 1945 – начале 1946 г. Администрации вновь организованных лагерей очень плохо подготовились к приему таких контингентов. Большую часть работ по обустройству лагерных зон приходилось выполнять зимой силами прибывающих военнопленных. Самая трагичная ситуация сложилась в лагере № 7, размещенном вдоль строящейся трассы железной дороги Тайшет – Братск. Жилой фонд здесь состоял из деревянных типовых бараков бывшей колонии заключенных, принятых от «Тайшетлага», а также из 360 утепленных палаток, в которых разместили 15 тыс. военнопленных. Как бараки, так и палатки освещались керосиновыми лампами и коптилками, только в пяти лаготделениях был электрический свет. Окна заделывались фанерой, досками, слюдой, что, однако, не спасало от холода. Отсутствовали бани, прачечные, сушилки, умывальники, закрытые уборные. Средняя обеспеченность в расчете на одного военнопленного составляла всего 1,3 кв. м. Нехватка жилья привела к большой смертности⁶. Не намного лучше были жилищные условия в других лагерях. Даже в таком крупном городе, как Новосибирск, большая часть военнопленных германской армии, содержащихся в лагере № 199, длительное время размещалась в десятках однотипных землянок.

Исключительно тяжелые жилищные условия шахтеров, металлургов и строителей Кузбасса вынуждали Министерство черной металлургии СССР и Министерство угольной промышленности восточных районов СССР выделять больше, чем в войну, ассигнований на жилищно-бытовое строительство, в том числе на выдачу ссуд на строительство индивидуальных домов. Это позволило Главкузбасшахтострою в 1947 г. ввести 13,2 тыс. кв. м, что составило 12 % от общего объема жилой площади, которой располагал главк. По сравнению с предыдущим годом это был очень хороший показатель. Причем почти

все введенное в строй жилье располагалось в домах постоянного типа. Однако кардинально улучшить ситуацию даже такие объемы жилищного строительства не позволили. Средняя обеспеченность работников главка и членов их семей не достигла и 4 кв. м. К тому же почти половина людей проживала по-прежнему во временном жилье – бараках, лишенных всех основных видов благоустройства, кроме электрического освещения⁷.

Заметим, что жилищное положение кузбасских строителей было далеко не самым худшим. К примеру, в другой строительной организации этого же министерства – тресте «Черемховшахтострой» средняя обеспеченность жильем была, хотя и не намного, но меньше. А вот качество жилищ было еще худшим. Причем бараки продолжали здесь активно строить и в послевоенные годы. Так в 1948 г. из общего количества построенного жилья почти половина новых площадей приходилась на бараки⁸.

Важная роль в решении жилищной проблемы в годы четвертой пятилетки (как, впрочем, и в пятой пятилетке) отводилась строительству индивидуальных домов. Осознавая сложность жилищного положения рабочих, но, не имея возможности в короткие сроки изменить ситуацию, правительство стимулировало создание на промышленных предприятиях и в строительных организациях специальных фондов на строительные материалы. Финансирование индивидуального строительства осуществлялось в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 1227 от 12 июня 1946 г. В первую очередь оно было направлено на решение жилищных проблем недавних фронтовиков. Кроме этого, преследовалась цель создать условия для закрепления на стройках Урала, Сибири и Дальнего Востока рабочих, инженерно-технических работников и служащих, проработавших в организациях не менее 3-х лет. Кредиты в размерах до 20 тыс. руб. со сроком погашения в 10–12 лет выдавались всего лишь под 1 % в год. Ссуды коммунальными банками направлялись через те строительные организации, в которых застройщики работали⁹. Такие условия кредитования, естественно, были привлекательными. Однако размеры выделяемых ссуд были ограничены, также как и материальные ресурсы организаций. Поэтому в первую очередь возможность построить индивидуальные дома предоставлялась передовикам и демобилизованным воинам. Так в 1946 г. в тресте № 30 (со следующего года он стал называться «Кемеровотяжстрой») ссуда была оформлена 73 работникам. Ее средний размер в расчете на одного заемщика составлял около 10 тыс. руб. – сумма для того времени достаточно солидная. Одновременно выделялись и строительные материалы. Например, трест «Кузнецкшахтострой» в 1949 г. выделил для индивидуальных застройщиков 100 тыс. штук кирпича, 700 м³ пиломатериала, почти 1500 м³ круглого леса, а также гвозди, стекло, горбыль и другие строительные отходы. Это позволило 175 работникам треста построить собственные дома¹⁰.

Некоторые строительные организации вели строительство небольших домов, рассчитанных на одну семью и предназначенных для реализации своим работникам. Трест «Алтайстрой» Минтяжстроя СССР в 1948 г. построил и продал инженерно-техническим работникам и «лучшим стахановцам» 38 индивидуальных кирпичных домов средней площадью 42 кв. м. По нынешним меркам домики небольшие¹¹. Однако стать обладателем такого жилища в послевоенные годы было огромной удачей.

Таким образом, строительство жилья велось как за государственный счет, так и на средства населения. Однако жилищная проблема решалась крайне медленно. И это объяснялось не только недостаточными объемами ввода жилья, быстрым ростом численности строителей, но также ветхостью временных построек, которые в массовом количестве приходили в негодность, выбывали из эксплуатации, и их приходилось сносить. Поэтому прирост жилого фонда оказывался заметно меньше объемов нового строительства. В зданиях обобщественного фонда рабочим поначалу предоставлялась, как правило, комната в коммунальной квартире. Бывало и так, что в комнату селили по две семьи. Лишь к концу четвертой пятилетки такая практика стала прекращаться. Руководители организаций уделяли большое внимание сокращению скученности, улучшению качества жилищ. В тресте «Черемховшахтострой» в 1950 г. в отдельные квартиры или комнаты были расселены последние 53 семьи, жившие до этого в одной комнате с еще одной или даже двумя семьями. В это же время трест ликвидировал палаточный городок из 63 палаток, в которых проживало более 80 семей¹².

Ценой усилий строительных организаций, советских и партийных органов положение в жилищной сфере за 1946–1950 гг. постепенно улучшалось. Его в целом по Сибири удалось вывести на предвоенный уровень. Поэтому можно считать, что ситуация в данной сфере из кризисной перешла в разряд первоочередных. Она продолжала оставаться одной из важнейших на пути подъема благосостояния сибиряков, в том числе и строителей.

Для более успешного решения жилищной проблемы необходимо было сделать ее одним из приоритетов государственной политики, обеспечив жилищное строительство соответствующими финансовыми и натуральными ресурсами. Однако ни в четвертой, ни в пятой пятилетках этого не произошло, хотя объемы финансовых средств на строительство жилья возрастали. Действовавший хозяйственный механизм оценивал эффективность капиталовложений в зависимости от темпов прироста профилирующей продукции. В таких условиях гражданское строительство стало для ведомств второстепенным делом.

Руководители строительных организаций, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 1472 от 10 мая 1947 г. «О фонде начальника строительного-монтажных организаций» получили возможность создания таких фондов. Они формировались из отчислений от сверхплановой прибыли. Половина, аккумулированных средств могла направляться на постройку жилья и других объектов социальной сферы¹³. Однако большинство сибирских трестов в эти годы просто не могли создать такие фонды, так как по различным причинам не выполняли государственных планов.

Хозяйственная политика промышленных и строительных министерств по отношению к восточным регионам страны в первые послевоенные годы поставила Сибирь в неравные условия с европейскими районами СССР. Регион заметно уступал среднереспубликанским показателям по доле капиталовложений в жилищное строительство в общем объеме инвестиций. Так в 1946–1950 гг. в РСФСР она составляла 13 %, а в Красноярском крае – 8 %, в 1951–1955 гг. соответственно 16 и 11 %. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем, хотя разрыв в показателях постепенно сокращался¹⁴.

В 1951–1956 гг. строительные организации хотя и медленно, но наращивали собственный жилой фонд. В то же время росла численность их работников, поэтому обеспеченность жильем увеличивалась незначительно. Даже в таком крупном промышленном узле как Кузбасс жилищное положение строителей оставалось по-прежнему тяжелым. Например, трест «Кузнецктяжстрой», постоянно ведущий собственное строительство жилья, смог увеличить жилой фонд за 1953–1955 гг. с учетом арендованного лишь на 13 %. При этом обеспеченность одного жителя выросла с 5,4 кв. м до 6,4 кв. м. Однако следует отметить, что качество большей части жилья все еще было низким. Из 58,4 тыс. кв. м 21,4 тыс. кв. м, т. е. более трети располагалось в бараках¹⁵.

Показатель обеспеченности жильем в 4–6 кв. м на человека в 1955 г. являлся средним для семей работников ведущих строительных организаций Сибири. В трестах Кемеровской области эти показатели были такими: в «Сталинскпромстрое» 5,4 кв. м, «Прокопьевскшахтострое» – 5,2, «Томусашахтострое» – 5,2, «Сталинскстройпути» – 3,9, Тресте-96 – 4,5 кв. м; в Новосибирской области – в трестах № 30 – 5,1 кв. м, в №43 – 4,4; «Томсктрансстрое» – 4,2, Мостострое № 2 – 4,0, Новосибирскгэсстрое – 4,9, «Сибэнергострое» – 5,0 кв. м; в Омской области – в тресте № 49 – 5,3 кв. м, «Омкстрое» – 5,6 кв. м; в Красноярском крае – в трестах №47 – 4,5 кв. м, № 72 – 4,0, «Абаканстройпути» – 4,4, «Краснояркшахтострое» – 6,0 кв. м; в Бурят-Монгольской АССР – в трестах «Джидастрой» – 4,1 кв. м, «Тимлюйцемстрое» – 3,7, «Бурмонголстрое» – 5,1 кв. м; в Якутской АССР в тресте «Якуткстрой» – 4,5 кв. м¹⁶. Из этих данных видно, что обеспеченность строителей жильем не зависела от места их дислокации. Чуть больше на этих показателях сказывалась ведомственная подчиненность. Например, в более стесненных условиях жили работники подрядных трестов Министерства транспортного строительства. В большей мере решение жилищной проблемы зависело от инициативности хозяйственных руководителей и общественных организаций.

Лишь в годы шестой пятилетки, особенно после принятия в июле 1957 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР специального постановления «О развитии жилищного строительства в СССР», размеры ассигнований в социальную сферу резко возросли. Наряду с ростом целевого государственного финансирования увеличились средства, направляемые из местных источников. Эта позитивная тенденция была сохранена и в 1960-е годы.

В течение первого послевоенного десятилетия не произошло заметных перемен и в типе жилища сибиряков – ни в городах, ни в сельской местности. Для этого периода превалирующей была одноэтажная застройка. В местах крупных новостроек часто возникали целые поселки, застроенные небольшими домами, выполненными из разнообразных по материалу стен и перекрытий. Поначалу большинство их жителей составляли семьи строителей. Позднее увеличивалась доля индивидуальных домов, возведенных работниками промышленных предприятий. К примеру, в 1950 г. в Новосибирске почти 90 % всей застроенной территории было занято одноэтажными домами. Не изменилась здесь ситуация и в следующей – пятой пятилетке¹⁷.

В городах преобладали деревянные и каркасно-засыпные дома. Часть деревянных зданий, построенных из бруса, была двухэтажной. В некоторых из них, особенно возведенных или реконструированных в военное время, под жилье были приспособлены и чердачные помещения, используемые как третьи этажи зданий.

В первые послевоенные годы во многих сибирских городах и поселках тысячи семей строителей ютились в землянках, подвалах и других временных жилищах – в производственных помещениях, бытовках, сараях, банях, вагончиках. С таким жильем в основном было покончено уже в четвертой пятилетке.

Сложнее оказалось с ликвидацией каркасно-засыпных бараков. Установленный нормативами срок их службы недолог. А, к примеру, строители, работавшие в угольной промышленности, активно использовали данный тип жилья еще с 1930-х годов. Поэтому уже к окончанию войны многие бараки пришли в негодность и подлежали списанию. Однако их старались как-то подлатать, чтобы эксплуатировать и далее. Еще в 1955 г. третья часть рабочих треста «Черемховшахтострой» проживала в бараках с общими коридорами, в которых имелось по 20–25 неблагоустроенных жилых комнат¹⁸.

Заметим, что шахтостроители не являлись каким-то исключением. Их положение было близким к типичному. В некоторых организациях других ведомств ситуация с качеством жилья была даже хуже. Как известно, в середине 1950-х годов произошло резкое сокращение численности заключенных ГУЛАГа. На многих сибирских стройках их пришлось спешно заменять на вольнонаемных. Они же и оказались первоочередными наследниками лагерных зон. В 1955 г. такая зона была ликвидирована на строительстве Омского нефтеперерабатывающего завода. Дирекции предприятия в течение года было передано 62 здания барачного типа, построенных в 1951–1953 гг., когда лишь начиналось сооружение нефтяного гиганта. Бараки были частично переоборудованы и предоставлены под жилье вольнонаемным работникам управления «Омкстрой». К концу следующего года строительная организация располагала жилым фондом в размере 160, 6 тыс. кв. м, в которых проживало около 30 тыс.

чел., преимущественно строителей и членов их семей. Лишь 14 % жилой площади располагалось в домах постоянного типа. Следует отметить, что столь низкая доля более качественного жилья сохранялась здесь в течение следующего пятилетия, и стала меняться лишь с началом крупнопанельного строительства домов¹⁹. С середины 50-х годов стали более активно сносить жилье временного типа. А в следующем десятилетии местные советы и министерства начали устанавливать плановые показатели по ликвидации ветхого жилья. Это несколько ускорило данный процесс.

По мере устранения в послевоенное десятилетие чрезмерной тесноты все больше внимания стало уделяться комфортности жилья, его обеспеченности коммунальными удобствами. И эта задача была чрезвычайно сложной. Коммунальное хозяйство сибирских городов и поселков было очень слабо развито. Повсеместно стояла задача расширения водопроводной и создания канализационных сетей. Поначалу самой острой проблемой было обеспечение населения водой. В 1946 г. ее потребление в расчете на одного человека составляло в Новосибирске 30 л в сутки, в городах Кузбасса – 18 л, в Улан-Удэ – 19 л при минимальной норме 90 л²⁰. Канализация в большинстве сибирских городов и рабочих поселков вообще отсутствовала. Таким образом, исходный уровень коммунального хозяйства городов и поселков был крайне низким. К примеру, у шахтостроителей он был в зачаточном состоянии. В конце 1947 г. в Главкузбассшахтострое лишь 6 % домов постоянного типа было оборудовано водопроводом и центральным отоплением, а канализацией вообще лишь 3 %. Временное жилье, составлявшее в это время треть часть всего жилого фонда, не имело никаких коммунальных удобств. На таком же примитивном уровне благоустройства находился весь жилой фонд треста «Черемховшахтострой». Заметим, что положение в данной сфере в этих строительных организациях не изменилось до конца четвертой пятилетки²¹. Позитивным моментом следует считать лишь то обстоятельство, что все дома как обобщественного, так и индивидуального жилищного фонда были обеспечены электрическим освещением. В это время лишь некоторые сельские строители были лишены такой услуги. Так, только половина домов работников Главкузбассшахтостроя, проживающих на начало 1951 г. в сельской местности, была электрифицирована²².

В 1950-е годы строительство коммунальных сетей в городах заметно увеличилось в масштабах, стала шире его география. Водопровод был построен в каждом из трех из четырех городов. Хотя пользовались им далеко не все жители. С центральным теплоснабжением и канализацией дело обстояло хуже. Лишь в редких случаях при условии компактного проживания строителей в отдельных микрорайонах и пристального внимания к этим проблемам со стороны администрации и профсоюзных организаций, эти проблемы удавалось решить более успешно. В 1956 г. в тресте «Кузбассалюминстрой» центральным отоплением было обеспечено 83 % квартир, что было очень высоким показателем²³. В целом же в это время большая часть квартир и индивидуальных домов строителей отапливалась дровами и углем. Так, 61 из 66 общежитий управления «Омскстрой» отапливались печами. В них не было канализации, а вода завозилась автоцистернами²⁴.

По мере восстановления и развития народного хозяйства в четвертой пятилетке все более развешивались работы по благоустройству городов и поселков. Инициатива, как правило, исходила от исполнительных органов власти. Ее поддерживали хозяйственные руководители предприятий и учреждений, общественные организации. Они мобилизовывали трудящихся и все население на санитарную очистку поселений, постройку и ремонт дорог, тротуаров, разбивку парков и скверов, устройство ограждений, посадку деревьев и кустарников.

Активное участие в реализации этих мероприятий принимали и строители. Причем строительные организации, располагавшие необходимым кадровым потенциалом, специализированной техникой и материалами часто выполняли наиболее важные и сложные работы. Особенно заметным был их вклад в благоустройство поселков и микрорайонов, с преимущественным проживанием семей строителей. Так в 1949 г. работниками треста «Кузнецкшахтострой» было построено и отремонтировано в рабочих поселках около 9 тыс. кв. м дорог, 7 тыс. кв. м тротуаров, 9 тыс. кв. м штакетного забора, 10 мостов, 200 объектов санитарного назначения, посажено 2,6 тыс. деревьев и кустарников²⁵.

Стремление сделать города и поселки более красивыми и удобными для жизни наблюдалось повсеместно. При этом постоянно росли и масштабы работ. Тот же трест «Кузнецкшахтострой» на 1950 г. принял планы, в которых по всем видам благоустройства намечались показатели, превышающие достигнутые в 1,5–2 раза. Кроме того, предусматривалось построить в поселках 4 стадиона, 2 танцевальные и 6 детских площадок²⁶.

Много внимания благоустройству поселений приходилось уделять сибирским энергостроителям. Их коллективы формировались преимущественно за счет мигрантов. Было важно, чтобы растущие рядом с промышленными объектами города и поселки выглядели не хуже тех, откуда люди приехали. На строительстве Иркутской, Новосибирской, Братской и Красноярской ГЭС создавали специальные комиссии по благоустройству. В их состав входили представители местных органов власти, хозяйственных, партийных, профсоюзных и других общественных организаций, из которых своей активностью особо выделялись уличные комитеты. Трест «Новосибирскгэсстрой» в первые же годы в двух своих поселках – в правобережном и левобережном – стал активно вести озеленение, ограждение домов заборами из штакетника. Однако жилые массивы еще долго имели неприглядный вид. Он стал меняться лишь тогда, когда улицы получили твердое покрытие, а рядом с ними построили тротуары²⁷.

Наведение санитарного порядка в поселках, их благоустройство базировалось на энтузиазме жителей. Они самостоятельно и по призыву местных властей и общественных организаций во время месяч-

ников по наведению санитарного порядка, коммунистических субботников и в другие дни, вооружившись лопатами, ломami и другим строительным инструментом, сотнями и тысячами выходили на благоустройство территорий. Более половины всех этих работ выполнялись на безвозмездной основе.

Благоустройство городов и поселков, в которых активно участвовала большая часть трудоспособного населения, не только улучшало условия их жизни, но и способствовало воспитанию у людей заботливого, хозяйского отношения к своей улице, поселку, городу.

В исследуемый период внутреннее убранство жилья строителей не претерпело существенных деформаций. В военные годы оно снизилось до крайне примитивного уровня и таковым оставалось и в 1946–1955 гг. В землянках, других приспособленных для жилья помещениях, в бараках устраивались нары для сна, иногда для экономии площади – в два яруса. Во временных жилищах мебелью служили сколоченные «на скорую руку» столы, табуреты, тумбочки, скамьи, настенные полки. Никаких бытовых удобств в таких помещениях не было. Крайне осложнены были приготовление пищи, стирка одежды, соблюдение элементарных гигиенических норм. Часто приходилось есть, читать, писать, выполнять какие-либо хозяйственные дела, сидя на постели. В условиях скученности в помещениях временного типа было очень сложно поддерживать чистоту и порядок. В антисанитарном состоянии находились прилегающие к жилищу территории.

Несколько лучшими были условия у проживающих в индивидуальных домах. И это не смотря на то, что многие из них за годы войны не подвергались ремонту и оказались перенаселенными. Дефицит мебели ощущался и в частных домах. Кровати были преимущественно деревянными. Кроме столов, стульев, табуретов имелись шкафы, сундуки, топчаны.

Лучшие жилые дома руководство строительных организаций старалось отвести под общежития. Но и они оказывались переполненными, что не позволяло создать в них нормальных жилищно-бытовых условий для строителей. О недостаточной обеспеченности элементарной мебелью, часто называемой в то время «твердым инвентарем», постоянно говорилось на собраниях в общественных организациях, в выступлениях хозяйственных руководителей, отмечалось в различных отчетах строительных управлений и трестов. Не меньше проблем было с обеспечением жильцов матрацами, подушками, одеялами, простынями и наволочками и их своевременной стиркой. Из-за недостаточной мощности прачечных или их отсутствия стирку белья чаще проводили непосредственно в жилых комнатах. В общежитиях строителей Новосибирской области были частыми случаи, когда постельное белье не менялось до 40 дней. В сложные ситуации попадали строительные организации, когда одновременно, чаще всего по оргнабору, в них прибывали большие партии новичков. Их не могли сразу же обеспечить кроватями и потому многие длительное время спали на полу. Такие факты сказывались на дисциплине, побуждали многих работников самовольно уходить из строительных организаций или, как говорили в то время – дезертировать с производства²⁸.

В условиях почти полного отсутствия в свободной продаже необходимой мебели, руководство строительных трестов планировало их изготовление на собственной производственной базе. Например, в 1946 г. такую проблему пришлось решать тресту «Кемеровотяжстрой». Помимо тумбочек и табуреток здесь в течение года для общежитий изготовлено 927 железных коек. И уже в следующем году проблема с «жестким инвентарем» была решена окончательно. В это же время трест в соответствии с приказом Минтяжстроя СССР, организовал два «образцовых общежития» на 250 мест²⁹. Относительно высокие по тому времени стандарты обустройства общежитий сводились к смене постельного белья через 10 дней, наличию поблизости прачечной, организации в общежитиях «красных уголков», их радиофикации, теплофикации помещений и их надежным снабжением водой. Но таких общежитий для сибирских строителей в те годы было мало.

Реконверсия промышленности, осуществленная в годы первой послевоенной пятилетки, значительно расширила выпуск гражданской продукции. Постепенно изменялся и интерьер жилищ советских людей. Строители со временем стали приобретать больше мебели фабричного производства: столы и стулья, комоды, шифоньеры и плательные шкафы, металлические кровати с панцирной сеткой, диваны-оттоманки и другое. Многие жилища были радиофицированы.

Таким образом, в 1946–1955 гг. жилищные условия строителей изменились незначительно. Временные одноэтажные строения продолжали оставаться основным видом жилища. За десятилетие сократилась скученность, но санитарной нормы по обеспечению жильем достигнуть не удалось. Лишь редкие дома были обеспечены комплексом коммунальных удобств, примитивным оставалось и внутреннее убранство квартир.

Примечания

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 2723. Оп. 1. Д. 58. Л. 25.

² Новокузнецкий филиал ГАКО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

³ Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск, 1991. С. 95.

⁴ Норильский городской государственный архив (НГГА). Ф. 11. Оп. 1. Д. 37. Л. 55.

⁵ Центр документации по новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 127. Оп. 14. Д. 526. Л. 6; Д. 697. Л. 179.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1/П. Оп. 15а. Д. 76. Л. 45–47, 57.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 328. Д. 2189. Л. 44.

- ⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 2679. Оп. 1. Д. 1660. Л. 13, 15.
- ⁹ Капитальное строительство. Сборник важнейших руководящих материалов. М., 1948. С. 189–191.
- ¹⁰ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 497. Оп. 1. Д. 16. Л. 217; Ф. 830. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 8763. Оп. 2. Д. 88. Л. 57.
- ¹² Там же. Ф. 8708. Оп. 1. Д. 398. Л. 7.
- ¹³ Капитальное строительство. Сборник важнейших руководящих материалов. С. 215–217.
- ¹⁴ Макиевский Г. М. Рабочие Восточной Сибири на пути к развитому социализму. Красноярск, 1980. С. 172.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. 8763. Оп. 2. Д. 219. Л. 226; Д. 261. Л. 38.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1562. Оп. 328. Д. 4572. Л. 2–9, 35–49, 61–67; Д. 4590. Л. 3, 15–17.
- ¹⁷ Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. (1945–1985 гг.). Новосибирск. С. 13.
- ¹⁸ РГАЭ. Ф. 8708. Оп. 1. Д. 509. Л. 26.
- ¹⁹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1691. Оп. 2. Д. 1. Л. 186, 187; Ф. 2176. Оп. 1. Д. 61. Л. 35.
- ²⁰ Букин С. С. Указ. соч. С. 115.
- ²¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 328. Д. 2189. Л. 44; Д. 3678. Л. 104; ГАНО. Ф. 2679. Оп. 1. Д. 1660. Л. 15.
- ²² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 328. Д. 3676. Л. 104.
- ²³ Там же. Ф. 8763. Оп. 2. Д. 285. Л. 69.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 1691. Оп. 2. Д. 1. Л. 187.
- ²⁵ Там же. Ф. 497. Оп. 1. Д. 16. Л. 217.
- ²⁶ Там же. Л. 218.
- ²⁷ ГАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 258. Л. 270.
- ²⁸ ГАНО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 1512. Л. 17.
- ²⁹ ГАКО. Ф. 830. Оп. 1. Д. 25. Л. 31; Д. 30. Л. 24.

Запарий В. В., Зайцева Е. В.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РАБОЧИХ КАДРОВ КАК ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

В условиях административно-командной модели социализма, которая после войны трансформировалась из тоталитарной в авторитарную, сложилась достаточно эффективная система подготовки и переподготовки кадров для производства. Именно в 1970–1980-е гг. произошло завершение процесса формирования этой системы.

Именно в этих условиях стремительного экстенсивного развития социалистической промышленности главными формами подготовки высококвалифицированных промышленных кадров становится система профтехобразования (ПТО), курсовая система на производстве, а также различные формы повышения квалификации и подготовки кадров для совмещения вторых профессий. Достигла своего апогея и система среднего образования. Именно в 1972 г. Был принят закон СССР о всеобщем среднем образовании. Широкое распространение получили школы рабочей молодежи и средние специальные учебные заведения, где получали не только специальное, но и общее среднее образование.

1970–1980-е гг. характеризовались крупнейшими переменами в экономическом развитии страны. В эти же годы впервые в послевоенный период появился дефицит трудовых ресурсов, обусловленный сокращением количества молодежи, вступавшей в трудоспособный возраст. На повестку дня встал вопрос о росте производительности труда не за счет увеличения числа работающих, расширения географии строительства промышленных предприятий, а на основе рационального использования резервов и количественного совершенствования рабочей силы. От того, насколько высок профессиональный уровень трудящихся, в какой степени мобильны рабочие в овладении техникой и технологическими процессами и в усвоении и применении теоретических и практических знаний и навыков, зависело решение вопросов интенсификации, эффективности общественного производства, роста производительности труда.

К факторам, сдерживавшим развитие металлургии края и замедлявшим темпы роста производительности труда, относился дефицит рабочих кадров, проявившийся уже в 60-е гг. В условиях НТП, увеличения производственных мощностей уральской промышленности потребность в рабочей силе росла быстрее, чем увеличивались трудовые ресурсы. За 1960–1970 гг. трудовые ресурсы возросли всего на 10 %, а численность рабочих и служащих – на 30 %¹. Наиболее отчетливо негативная динамика видна по таблице, где эта негативная тенденция наблюдалась во всех областях Урала, особенно она выразилась в снижении численности рабочих, особенно на примере Свердловской, Пермской и Челябинской областей.

Научно-технический прогресс оказывал непосредственное влияние на уровень и удельный вес численности рабочего класса, т.к. менял роль и место человека в процессе производства, содержание и

функции его труда. В основе этих изменений лежала постоянно действующая закономерность перемещения производственных функций от человека к машине. Совершенствование производства вело к снижению потребности производства в рабочей силе. Эта прогрессивная тенденция проявилась уже на начальных этапах НТП.

До середины 60-х гг. численность рабочих кадров происходила возрастающими темпами. Со второй половины 60-х гг. появилась тенденция сокращения темпов прироста численности индустриальных рабочих, которая стала сокращаться не только относительно, но и абсолютно. В 70–80-е гг. наблюдалось сокращение удельного веса и абсолютного числа рабочих в черной металлургии региона. Эта тенденция продолжалась и в последующий период (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение численности промышленного персонала в черной металлургии СССР по регионам, в %²

Регион	1975	1980	1985	1990
СССР	100	100	100	100
РСФСР	60,0	59,1	58,1	56,6
Урал	32,2	30,7	27,9	27,7

Сокращение темпов роста численности рабочих промышленных предприятий объяснялось рядом причин. Во-первых, низким уровнем рождаемости в военные и послевоенные годы, что привело в 70-е и, особенно 80-е гг. к резкому сокращению резерва молодежи, вступавшей в трудоспособный возраст. Во-вторых, высоким уровнем миграционного оттока населения с территории Урала. В-третьих, влиянием НТП с его механизацией и автоматизацией производственных процессов, высвобождавших часть рабочих, перестройкой хозяйственного комплекса Урала на интенсивный путь развития, при котором прирост объемов промышленного производства происходил не за счет дополнительного увеличения численности рабочих, а на основе роста производительности труда и выявления внутренних резервов. Кроме того, темпы прироста численности населения региона постоянно снижались и были в два раза ниже средне республиканских показателей (0,35 % и 0,65 %)³. Постоянный отток населения с Урала происходил по целому ряду причин, связанных, во-первых, с крупными изменениями в структуре народного хозяйства края, его ролью в общем развитии производительных сил страны, во-вторых, с отставанием социальной инфраструктуры и всего жизненного комплекса по сравнению с другими регионами страны.

Таблица 2

Распределение рабочих МЧМ СССР по степени занятости ручным и механизированным трудом в 1972–1985 гг.⁴

Характер выполняемой работы	1972	1979	1982	1985
Общая численность рабочих и учеников	1122,3	1325,5	1390	1008,5
В т.ч. выполнявших работу по:				
Наблюдению за работой автоматов	5,6	10,6	11,5	1,5
При помощи машин и механизмов	482,6	595,6	633,1	481
Вручную при помощи машин и механизмов	121,2	125	120,2	84,6
Вручную без машин и механизмов	227,2	316,9	317,6	201,6
Вручную по наладке и ремонту машин и механизмов	235,7	227,4	308,3	229,7
Всего занятых ручным трудом	584,1	669,3	746,1	515,9

Структурные изменения экономики Урала выразились в исследуемый период в увеличении роли обрабатывающей промышленности и снижении удельного веса капитальных вложений на душу населения. Строительство новых предприятий заменялось реконструкцией существовавших, что вызвало

снижение темпов роста рабочих мест. Завершалась отработка некоторых месторождений полезных ископаемых, оставалось значительным число физически и морально устаревшего оборудования на ряде старых металлургических предприятий (Лысьвенском, Чусовском, Верхисетском и др. заводах). Модернизация производства, механизация трудоемких и ручных работ проводилась слабо, что ухудшало условия труда и приводило к уходу рабочих с предприятий.

В металлургической промышленности значительная часть рабочих, особенно на вспомогательных операциях, была занята ручным трудом (см. табл. 2).

В связи с этим, при сокращении источников пополнения рабочего класса, большое значение приобретали совершенствование его структуры, внедрение НОТ, что позволяло без увеличения численности работающих наращивать темпы производительности труда. В результате за счет НТП, мероприятий НОТ за 1971–1980 гг. было обеспечено 67 % прироста производительности труда в промышленности страны, удалось сэкономить труд почти 3,5 млн человек⁵.

Несмотря на позитивные тенденции, количество работающих вручную оставалось весьма большим, особенно на подсобных и вспомогательных производствах. Так, в промышленности Урала численность рабочих, занятых на погрузочно-разгрузочных работах оставалась значительной, хотя постепенно сокращалась (14,4 % – в 1960 г., 10,2 % – в 1980 г.). Своего решения требовал и вопрос механизации труда вспомогательного персонала, в состав которого входили слесари, электрики и др. рабочие. Доля их увеличивалась быстрыми темпами – с 23,7 % в 1960 г. до 35,5 % в 1980 г.⁶

В дальнейшем расширении сферы механизированного труда были заложены потенциальные возможности качественного улучшения профессиональной структуры рабочей силы. Повышение требований к уровню квалификации рабочих, вызванное сокращением срока службы оборудования, усложнением техники и др. способствовало росту среднего разряда рабочих. С 1962 г. по 1973 г. он повысился в черной металлургии с 4,3 до 5,5. Высококвалифицированных рабочих (5–6 разряды) было в промышленности Урала 18 %, однако половина всех работающих имела только 3–4 разряд⁷.

В 60–70-е гг. произошли глубокие изменения в соотношении численности рабочих основного и вспомогательного производств. Удельный вес последних увеличился, а основного – сократился. В условиях НТП такая тенденция выражала закономерный процесс, т. к. автоматизация производства требовала все большего объема вспомогательных работ по обслуживанию техники. Это способствовало росту группы высококвалифицированных рабочих вспомогательного производства: наладчиков технологического оборудования, слесарей КИП, электромонтеров и ремонтников. Здесь доля рабочих, занятых ручным трудом, оставалась высокой. В 1975 г. она составляла 19,5 %. Механизация труда здесь была в 2 раза ниже, чем в основном производстве. Это объяснялось тем, что на Урале более интенсивно механизировалось основное производство, куда направлялось 80 % средств, находящихся в распоряжении предприятий. Т.о. высокий удельный вес вспомогательных рабочих в 60–70-е гг. в металлургии Урала объяснялся существовавшим в то время низким уровнем механизации вспомогательных процессов.

Удельный вес рабочих, занятых ручным трудом в различных отраслях металлургического производства в 1972–1982 гг. показывает табл. 3.

Таблица 3

Удельный вес рабочих выполнявших в 1972–1982 гг. работу вручную по МЧМ СССР, в %⁸

Показатели	1972	1979	1982
удельный вес рабочих выполнявших работу вручную, всего.	36,8	32,2	30,4
в т.ч. по основному производству	30,0	28,1	26,3
по вспомогательному производству	43,8	36,9	35,0
по производствам: доменному	42,8	41,2	40,6
сталеплавильному	40,1	37,4	34,9
прокатному	29,9	25,2	23,2
трубопрокатному	24,5	24,0	22,0

Соотношение численности рабочих основного и вспомогательного производства зависело еще и от степени концентрации производства. Предприятия с большой численностью рабочих имели больше работников, занятых на вспомогательных операциях. Концентрация производства объективно должна была вести к рациональному использованию трудовых и материальных ресурсов и, как следствие, к сокращению доли вспомогательных работ. На деле же она увеличивала производственный персонал по ремонту и наладке автоматического и механического оборудования, транспортировке сырья и готовой продукции, что вело к увеличению доли затрат вспомогательного труда. Распространенное мнение о том, что численность рабочего класса с развитием промышленности будет постоянно возрастать, вряд ли справедливо. Эта тенденция характерна для периода индустриального развития, когда экономика развивалась экстенсивно, т. е. за счет строительства новых предприятий и широкого использования материальных и людских ресурсов. Однако на определенном этапе индустриализации

достигается естественный предел прироста численности рабочих. Интенсификация же производства ведет к сокращению числа рабочих.

Напряженность в трудовых ресурсах на Урале была значительной. Три четверти дефицита трудовых ресурсов приходилось на наиболее индустриальные области: Пермскую – 33 %, Свердловскую – 25 % и Челябинскую – 17 %⁹. В производственном объединении «Уралчермет» потребность в дополнительной рабочей силе только в 1970 г. составляла 11 тыс. чел., или 21 % от общего числа рабочих объединения¹⁰. Проблема трудовых ресурсов, возникшая на Урале в 70–80-е гг., в условиях существования административно-командной системы, выдвинула ряд сложных вопросов, от решения которых в определенной степени зависело дальнейшее развитие промышленности региона. Одним из них стал вопрос поиска новых источников пополнения рядов рабочего класса. В эти годы на Урале отмечалась высокая степень занятости населения, что исключало дополнительные или свободные источники роста рабочих кадров. В общественном производстве и учебе было занято более 90 % трудоспособного населения, в том числе более 80 % – в сфере материального производства¹¹.

Если еще в 50-е гг. главным источником пополнения рабочего класса на Урале, как и в целом по стране, являлось крестьянство, то в 70–80-е гг. этот ресурс был исчерпан. К концу 70-х гг. удельный вес крестьянства в населении региона составлял 8 % к общему числу населения, в том числе по Пермской области – 8,7 %, Свердловской – 2,5 %, Челябинской – 2,4 %. Таким образом, если в 1961–1970 гг. за счет колхозников или прибывших из села численность рабочих на заводах возросла на 13 %, то в 1971–1980 гг. – только на 7 %¹². Отличавшееся ранее высоким уровнем рождаемости и естественного прироста сельское население в те годы заметно сократилось, резко снизилась рождаемость. Следует иметь в виду, что относительно низкий образовательный уровень сельских жителей позволял им устраиваться только на вспомогательные службы предприятий, а отсутствие жилья вызывало большие социальные проблемы у предприятий, использующие такой источник пополнения кадров.

Таким образом, на определенном этапе промышленные кадры Урала пополнялись за счет миграции из села и других районов страны. В 70-е гг. этот процесс сошел на нет. Ограничился приток как из сельской местности, так и из других регионов страны. Почти был полностью исчерпан такой источник пополнения рабочих кадров, как трудоспособное население городов, не вовлеченное в общественное производство (женщины-домохозяйки и т. п.). Если в 60-е гг. за счет лиц, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, трудовые ресурсы Урала пополнялись на 68,5 %, то в 70-е гг. – только на 5,6 %¹³. Сократилась доля и других источников пополнения рядов промышленных рабочих. В 1975 г. из других отраслей перешло в черную металлургию 5 % рабочих¹⁴.

Могли бы явиться резервом рабочей силы пенсионеры, прежде всего, находившиеся на пенсии несколько первых лет. Значительная часть их сохранила работоспособность и при определенных условиях могла бы быть использована на прежней профессии. Людей этой категории, например, в Челябинской области насчитывалось более 100 тыс. Однако в 70–80-е гг. роль пенсионеров в формировании кадров в промышленности была незначительной и составила не более 1–2 % от ежегодного приема на работу¹⁵. Это происходило в силу ряда факторов. Недооценивалась роль и место пенсионеров в общественном производстве и в качестве резерва трудовых ресурсов. Кроме того, отсутствовала экономическая заинтересованность предприятий в создании необходимых условий для ветеранов труда. Они недостаточно были информированы о льготах и возможностях своего трудоустройства. В результате того, что традиционные источники пополнения людьми практически исчерпали себя, главным источником формирования основных производственных кадров стал сам рабочий класс. В 70-е гг. за счет него промышленность Урала пополнялась на 85,8 %. Этот показатель был выше как общесоюзного (84,7 %), так и республиканского (70,7 %)¹⁶. Пополнение шло в основном за счет молодежи, закончившей учебу (свыше 55 % в целом по УЭР и 84,7 % по Свердловской области). Рабочий класс Урала пополнялся преимущественно из рабочей среды. В связи с этим социальный состав его стал более однородным, что существенно сказалось на профессионально-техническом мастерстве рабочих кадров.

В 70–80-е гг. имел место сильный отток населения с Урала, что ухудшало трудовой баланс региона не только в количественном отношении, ибо за это время безвозвратно выехали сотни тысяч людей, но и в качественном отношении, ибо выезжали как правило молодые люди с высшим и средне специальным образованием (до 40–43 % мигрирующих). К началу 80-х гг. Урал по числу занятых в народном хозяйстве специалистов с высшим образованием занимал предпоследнее место среди регионов страны. Происходил отток квалифицированных рабочих кадров из черной металлургии края. На 100 прибывших приходилось 166 выбывших¹⁷.

На недостаток рабочих рук на Урале влияло то, что, занимая передовые позиции в республике по объему промышленного производства, регион находился лишь на 6 месте среди 10 экономических районов по уровню развития социальной инфраструктуры. Подобная ситуация сложилась вследствие несовершенства инвестиционной политики в регионе. Доля капиталовложений на развитие социальной инфраструктуры Урала (жилищно-коммунальное хозяйство, торговлю, общественное питание и бытовое обслуживание населения) в объеме капиталовложений была ниже, чем в большинстве других регионов. Большую роль в движении производственных кадров играли условия труда, а в отрасли около 75 % промышленного персонала были заняты на работах с вредными условиями труда и низким уровнем заработной платы. Следует отметить, что темпы роста производительности труда в черной металлургии опережали темпы роста зарплаты, за исключением десятой пятилетки, когда отрасль не выполнила план.

Одним из возможных путей сокращения дефицита рабочих кадров было совмещение профессий. Всего в 1982 г. численность рабочих, совмещавших одну или несколько профессий, по МЧМ СССР составило 235847, т.е. 17 % от общего числа всех рабочих отрасли. Из них 134,6 тыс. человек работало в основном производстве и 101,2 тыс. – во вспомогательном (57,1 % и 42,9 % соответственно)¹⁸.

Уровень квалификации рабочих кадров черной металлургии СССР за 1972–1985 гг. представлена в табл. 4.

Таблица 4

*Численность и тарификация рабочих черной металлургии СССР за 1972–1985 гг.*¹⁹

Показатели	1972	1975	1979	1982	1985
Среднесписочная численность всего персонала предприятий, в т. ч.:	1188958	1224943	1279529	1323116	1353603
ППП	1057609	1076641	1120236	1162731	1178255
Рабочих	888386	896871	933011	967357	981643
В т. ч. тарифицировано по 8-разрядной сетке, в т. ч. по:	552593	249523	294256	464410	473079
1 разряду	363	7370	6835	6846	5880
2 разряду	3783	36170	36806	37229	33935
3 разряду	27619	74186	28314	103374	103687
4 разряду	81010	63546	77324	116094	119141
5 разряду	118452	42023	52381	131002	136169
6 разряду	152274	20555	25417	62726	67158
7 разряду	125736	5278	6007	6597	6574
8 разряду	39354	395	472	542	535
Всего рабочих	Н. д.	918676	955219	992331	1003556
На основных работах	Н. д.	518950	506310	564480	571150
На вспомогательных работах	Н. д.	399726	Н. д.	427851	432406

В период 1972–1982 гг. количество сдельно оплачиваемых рабочих уменьшилось на 5,1 % (с 56,8 до 50,9 %). Увеличение удельного веса рабочих-повременщиков связано с исключением из числа сдельщиков рабочих, оплачиваемых по косвенной сдельной системе, переводом сдельно оплачиваемых рабочих-ремонтников на повременную оплату труда с выдачей нормированных заданий и т. п. На снижении численности сдельщиков сказалось также недостаточное внимание к этой прогрессивной системе руководителей ряда предприятий²⁰.

В 90-е гг., в связи с резким снижением производства в ведущих отраслях региона, снизилась потребность в кадрах и в черной металлургии. В связи с развитием коммерческих структур, все большее количество трудящихся перешли в рыночный сектор экономики. В результате сложилась негативная ситуация в использовании промышленного потенциала на ряде предприятий отрасли. Невыплаты зарплаты, неопределенность экономического положения, предприятий, желание улучшить свое материальное положение, привели к большому оттоку с предприятий отрасли квалифицированных и молодых работников. Новые тенденции придали процессам движения рабочей силы неуправляемый характер.

Новым явлением, присущим 90-м гг. стало не только появление безработицы и рынка труда, но и определенный дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы в профессиональном смысле. Так, две трети вакансий предназначены для рабочих, тогда как среди ищущих работу половина – лица с высшим и среднетехническим образованием, претендующие не на рабочие, а инженерно-технические должности.

В этих условиях, самоустранение государства от этих проблем, осложняет экономическую, социальную и, в конечном итоге, политическую ситуацию в регионе.

В условиях НТП происходило возрастание экономического значения образования рабочих, поскольку без высокого уровня общего образования, как без фундамента, уже нельзя было овладеть более современными профессиями. Только на этой основе была возможна оперативная подготовка и переподготовка рабочих в условиях быстрых сдвигов в промышленности, вызванных НТР. Экономия времени на переподготовку рабочих, имевших хорошее общее образование, прямо влияла на повышение производительности труда. Именно в 70–80-е гг. подъем общего образования выступал все больше не столько как следствие, сколько как условие ускорения НТП. Уже в середине 70-х гг. полное среднее образование имел каждый четвертый промышленный рабочий, а среди молодежи более половины (50,5 %) имели среднее и более высокое образование²¹. Если в 1971 г. среднее образование у рабочих

ММК в возрасте до 30 лет составляло 8,7 классов, то в 1975 г. – уже 9,2 класса. В 1975 г. на ММК в вечерних учебных заведениях обучалось 5216 чел., в т. ч. в вузах – 1665 чел. (31,9 %), техникумах – 1246 (23,9 %), школах рабочей молодежи – 1652 (31,7 %), школах мастеров – 650 (12,5 %)²².

Проблема образовательного уровня рабочих уже в 50-е гг. стояла весьма остро. В 1959 г. только 38,6 % рабочих, занятых в народном хозяйстве страны, и 45,1 % рабочих промышленности имели образование 7 классов и выше, а каждый пятый не окончил начальной школы²³. Уровень образования молодых рабочих часто был ниже, чем средний образовательный уровень всех рабочих, что объяснялось замедлением образовательного роста населения во время и в первые годы после войны.

Повышение образовательного уровня рабочих осуществлялось на предприятиях черной металлургии по двум направлениям. Первым и основным было обеспечение притока высокообразованных рабочих на производство из школ и других учебных заведений. В 1956 г. была отменена плата за обучение в школах и вузах. Президиумом Верховного Совета СССР 25 декабря 1956 г. был принят Закон о перестройке системы народного образования. Введенное всеобщее обязательное восьмилетнее образование способствовало повышению образовательного уровня населения. Выросло количество выпускников средних школ и все большее их число шло на производство. Приток молодежи со средним образованием способствовал росту образовательного уровня рабочих. В 1970-е гг. этот процесс продолжался, был завершен переход к всеобщему среднему образованию. В 1980-е гг. подавляющее большинство нового пополнения металлургических предприятий Урала уже имело среднее образование, полученное в общеобразовательных школах и системе ПТО.

Рост образовательного уровня населения СССР и Урала в 1959 – 1979-е гг. представляет в табл. 5.

Таблица 5

*Образовательный уровень занятого населения РСФСР и Урала, в 1959–1979 гг., %*²⁴

Уровень образования	1959		1970		1979	
	РСФСР	Урал	РСФСР	Урал	РСФСР	Урал
Высшее	3,5	2,7	6,6	4,8	10,1	7,8
Неполное высшее	0,9	0,8	1,2	1	Св.нет	0,9
Среднее специальное	7,3	7,2	11,1	10,6	16,4	1,8
Среднее общее	6	5,4	14,1	13,6	24,3	24,4
Неполное среднее	26,3	26,6	32,6	34,5	28,3	31,1
Начальное	35,3	28,2	25,7	27,1	16,7	17
Ниже начального	20,7	29,1	8,7	8,4	Св.нет	3

Работа по повышению образовательного уровня молодежи, работавшей на производстве, приобрела новые черты. Качественно новый уровень решаемых задач требовал создания единой системы мероприятий по повышению образовательного уровня рабочей молодежи. Вошло в практику перспективное планирование повышения общеобразовательного и квалификационного уровня трудящихся. Инициаторами составления перспективных планов повышения общеобразовательных и технических знаний выступили на Урале коллективы НТМК и ММК²⁵. Планы развития и технического совершенствования производства включали вопросы подготовки и повышения квалификации кадров и связывали ее с повышением квалификационного разряда. Такое планирование способствовало созданию в коллективах атмосферы заинтересованности в учебе.

В планы вводился общеобразовательный минимум для каждой профессии. Так, в рудоуправлении им. Третьего Интернационала для работников ведущих профессий был установлен следующий образовательный минимум: забойщик, крепыльщик, проходчик, помощник машиниста экскаватора – 7–8 класса, электрик – 9–10 классов, взрывник, машинист экскаватора и электровоза – среднее образование²⁶. На основе этих планов с рабочими проводились беседы, на которых с учетом возраста, семейного и бытового положения выбирались формы учебы. Работникам в возрасте до 35 лет рекомендовалось посещать школы рабочей молодежи, вечерние и заочные техникумы²⁷. Трудящимся более зрелого возраста предлагались другие формы обучения, в частности – в школах мастеров. Такие школы были созданы на большинстве предприятий отрасли на Урале и сыграли значительную роль в повышении образовательного уровня рабочих. На основе этой работы составлялись планы, утверждаемые трудовыми коллективами. Планы повышения образовательного уровня рабочих входили составной частью в планы социального развития предприятий, в разделы по повышению культурно-технического уровня рабочих. Однако с переходом к всеобщему среднему образованию эта проблема утратила свою актуальность.

Сравнение данных всесоюзных переписей населения показывает, что за 60–80-е гг. произошел значительный рост общеобразовательного уровня населения Урала. За это время в регионе практически полностью была ликвидирована неграмотность²⁸. Значительно возросло число лиц со средним и неполным средним образованием и соответственно сократилось число имевших начальное образование и ниже. Однако образовательный уровень занятого населения региона был ниже, чем республиканский (см. табл. 6).

Таблица 6

Уровень образования рабочих Урала в 1970 и 1979 гг., в %²⁹

Регион	1970					1979				
	Высшее	Среднее	Незаконченное среднее	Начальное	Не имеющих начального	Высшее	Среднее	Незаконченное среднее	Начальное	Не имеющих начального
РСФСР	3,4	13,9	39,8	32,6	10,3	8,5	28,8	37,3	21,7	3,7
Урал	2,9	13,2	40,3	33,6	10	7,7	27,8	36,9	21,9	3,7
Оренб.	3,4	12,9	40,3	32,7	10,7	8,5	28,2	37,1	22,6	3,6
Перм.	2,6	11,7	40,4	35,1	10,2	7	24,6	41,6	23	3,8
Сверд.	3	14,1	40,9	32,7	9,3	7,6	28,9	39,4	20,6	3,5
Челяб.	3,3	13,5	40,1	33,2	9,9	9	27,5	37,7	22,1	3,7

Анализируя таблицу можно сказать, что среди рабочих Урала наибольший удельный вес имели рабочие, имевшие неполное среднее образование. Среди областей Урала более высокий образовательный уровень рабочих наблюдался в Челябинской и Свердловской областях, наиболее развитых в промышленном отношении.

Уровень образования рабочих по металлургической промышленности СССР показывает табл. 7.

Таблица 7

Уровень образования рабочих по МЧМ СССР, в %³⁰

Уровень образования	1961	1966	1972
С высшим	0,3	0,4	1,0
С неполным высшим	0,9	1,0	1,5
Со средним специальным	2,6	3,6	7,1
С неполным средним специальным	1,6	1,5	1,8
Со средним общим	13,4	17,9	29,4
Неполным средним и начальным	87,7	75,6	59,2

Уже в начале 60-х гг. наметились определенные отклонения от утилитарного подхода к повышению общеобразовательного уровня в связи с провозглашенной задачей формирования всесторонне развитой личности. Поэтому стало уделяться большее внимание развитию культуры и общего образования. В 60–70-е гг. произошел качественный сдвиг в образовательном уровне рабочих. Был осуществлен переход к всеобщему восьмилетнему, а затем к среднему образованию, ликвидированы остатки неграмотности. Система образования в целом развивалась высокими темпами, даже несколько опережая требования производства. Таким образом, был сделан определенный задел на будущее, сложилось ядро хорошо образованных работников, отвечающих требованиям индустриального общества.

Однако, если иметь в виду не только уровень образования, а культуру как систему ценностей, норм, образцов поведения, то ситуация здесь была сложнее. В образовании преобладал технократический подход, не уделялось должного внимания повышению общей культуры, гуманитарному воспитанию, что резко расходилось с провозглашением курса на формирование всесторонней личности. Под флагом актуализации содержания образования, укрепления связи с жизнью, утверждался инструментальный подход, рассматривающий человека как одно из орудий производства и предусматривавший дать ему минимальный образовательный уровень, профессиональную подготовку и ограниченный запас упрощенных политических знаний³¹.

Достаточно высокие темпы развития отрасли в 70–80-е гг., внедрение новой техники, рост мощности агрегатов, оснащенных более совершенным оборудованием, контрольной аппаратурой и средствами автоматизации, привели к серьезным изменениям в образовательном, профессиональном и квалификационном составе работников, характере и содержании их труда. Именно поэтому в отрасли уделяли большое внимание повышению образовательного уровня, росту профессионального мастерства, технической и экономической подготовке.

По мере развития технического прогресса повышалась эффективность образования. Рабочие с более высоким уровнем образовательной подготовки быстрее овладевали техническими знаниями, осваивали оборудование и эффективнее его использовали. Исследования, проведенные среди металлургов Челябинской области в 70-е гг. показали, что рост образования рабочих на один класс вызывал прирост производительности труда в среднем от 0,4 до 0,7 %. Каждый год общеобразовательной подготовки сокращал время освоения новых видов работ и оборудования. Рабочий со средним образованием вносил в пять раз больше рацпредложений, чем не имевший его³².

Под влиянием внедрения достижений НТП в производство происходило существенное усложнение профессий в черной металлургии Урала. По расчетам экономистов в 70-е гг. уже 90 % профессий отрасли требовали у рабочих среднего образования, тогда как в машиностроении – только 80 %³³.

Большая работа в этом направлении была проделана на ЧМЗ, в результате чего за первую половину 70-х гг. общий образовательный уровень рабочих на заводе с 8,2 вырос до 8,9 класса, а среди молодежи до 30 лет – с 9,1 до 9,7 класса. При этом образовательный уровень основного производства был еще выше: у конвертерщика он составлял 10 классов, у сталевара – 9,7, оператора прокатного стана – 9,8 класса. Такое положение было повсеместно³⁴.

Рост образовательного уровня рабочих в металлургической промышленности в 1971–1979 гг. в Свердловской области показан в табл. 8.

Складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны имел место высокий престиж образования и потребность в нем производства, с другой стороны – отсутствовали материальные стимулы для повышения образовательного уровня у людей, достигших определенного квалификационного разряда. Научные исследования, проведенные в 70-е гг. на 60 крупных промышленных предприятиях Свердловской и Челябинской областей, свидетельствовали о том, что более четверти работавших по высшему разряду рабочих не имели даже неполного среднего образования, тогда как седьмая их часть с полным средним и средним специальным образованием работала по самым низким разрядам. Повсеместной была практика, когда рабочему давалась работа по более высокому разряду, при выполнении которой оплата производилась по разрядности работы, а не работника, и у рабочих пропадала материальная заинтересованность в повышении своего образования³⁵.

Таблица 8

Средний уровень образования рабочих промышленности Свердловской области в 1971–1979 гг., по количеству лет обучения³⁶

Отрасли промышленности	Годы		
	1971	1973	1979
Вся промышленность	7,7	8,3	8,9
Черная металлургия	7,7	8,4	9,1
Цветная металлургия	7,6	8,6	9,6

Большое число рабочих совмещало свою трудовую деятельность с учебой в вечерних школах. Несмотря на то, что удельный вес выпускников школ рабочей молодежи (ШРМ) среди получивших среднее образование в середине 70-х гг. снизился по стране до 25 %, в абсолютных цифрах было заметное увеличение обучающихся в ШРМ (с 600 тыс. до 800 тыс. чел.). Причем шел процесс смещения центра тяжести на старшие классы, в которых завершали среднее образование 85 % обучающихся. Имело место омоложение контингента учащихся – 60 % его состояла молодежь до 20 лет. На Урале число учащихся в вечерних и заочных ШРМ только за первую половину 70-х гг. с 85,7 увеличилось до более чем 100 тыс. чел. За этот период 52 тыс. рабочих получили среднее образование и 52 тыс. – среднее специальное³⁷.

Еще одним путем повышения общеобразовательного уровня работников являлась индивидуальное обучение. В Свердловской области только за первую половину 70-х гг. средний образовательный уровень металлургов вырос с 7,7 до 8,4 класса, а у молодежи – с 9,3 до 9,8, и был выше, чем в среднем по промышленности. В результате в черной металлургии Урала 70,7 % работавших имели высшее, среднее и неполное среднее образование, что было выше, чем в среднем по МЧМ СССР и по всей промышленности страны, где эти показатели составляли соответственно 68,9 и 69 %³⁸.

Существовавшая система образования не могла стать базой для формирования «высокой сознательности». Даже в конце 70-х гг. около 30 % рабочих региона имели образование начальное и ниже. Мы можем говорить о высокой квалификации и достаточном образовательном уровне только третьего поколения советского рабочего класса, сформировавшегося в эти годы. Однако, по мнению ряда ученых, именно это поколение и начинало осознавать противоречие между своими интересами и сложившимися производственными отношениями³⁹. В этот период разрыв между провозглашаемыми лозунгами и действительностью принял характер противоречия. Коммунистические идеалы и реальная жизнь существовали каждый сами по себе. Как показали события 90-х гг., коммунистическая идеология уже тогда вызывала разочарование и неверие в широких массах и была отброшена верхушкой партийной номенклатуры, вскоре перешедшей на позиции антикоммунизма.

В исследуемый период в развитии культурной инфраструктуры четко прослеживаются два этапа. С середины 50-х гг. до середины 70-х гг. наблюдался быстрый количественный и качественный рост учреждений образования и культуры. С середины 70-х гг. началось не только замедление темпов роста количества образовательных и культурных учреждений, но и абсолютное их сокращение, ухудшение качества их деятельности и культурного обслуживания. К началу 90-х гг. потенциал социальной сферы Урала явно не соответствовал уровню экономического развития региона. Материальная база культуры и досуга в регионе в своем развитии заметно отставала от среднереспубликанского уровня. В небольших рабочих поселках было мало клубов и библиотек. В конце 80-х гг. около 40 % рабочих поселков не имели клубов, а 35 % не имели библиотек. К концу 80-х гг. 62 % городов региона не имели парков, 66 % – музеев, 40 % – музыкальных и художественных школ, 52 % – спортивных сооружений⁴⁰.

В кризисном состоянии оказалась и материальная база сферы образования. Средства на ее содержание сокращались из года в год и уже к середине 80-х гг. их величина была меньше 3 % от валового дохода (в США и Японии – более 6 %). По количеству средств, расходуемых на одного ученика, СССР занимал тогда 49 место в мире, и тратил на него в 10–15 раз меньше, чем страны Западной Европы, причем лишь 20 % этих расходов шли на содержание и совершенствование материальной базы⁴¹. В результате обеспеченность многих учебных заведений учебными площадями была значительно ниже нормативной. Начав снижаться с 1970 г., коэффициент сменности в общеобразовательных школах с 1980 г. вновь повысился. По стране доля обучавшихся во вторую смену в течение всех 80-х гг. составляла около 20 %. Наполняемость классов в начальной школе за 1980 – 1985 гг. выросла на 1,8 % и составила в городах 33 чел. На Урале в 1988 г. 20 % учащихся занимались во вторую смену, наполняемость 1–8 классов составляла 33 чел., а для 9–10 – 29 чел., против 30 и 25 человек по нормативам. Велика была степень износа основных фондов. В Свердловской области во многих школах, особенно в рабочих поселках, отсутствовали канализация, центральное отопление, водопровод. За 1976–1985 гг. в общеобразовательных школах области было ликвидировано 100 тыс. мест в ветхих зданиях, и введено в действие 143,4 тыс. новых мест, причем за 1981–1985 гг. – только 13,5 тыс.⁴²

В 80-е гг. шло сокращение капитальных вложений в развитие системы ПТО, техникумов и вузов Урала. В первой половине 80-х гг. на развитие системы профтехобразования в Свердловской области было выделено на 38 % меньше средств, чем в предыдущее пятилетие. Затраты на развитие средних специальных учебных заведений за этот период уменьшились на 8,5 %. Все это усугубило отсталость материальной базы. В 1988 г. в Свердловской области на одного студента вуза приходилось в среднем 4,2 кв. м. учебно-лабораторной площади (при норме 20 кв. м.), в средних специальных учебных заведениях – 4,4 кв. м. Обеспеченность общежитиями составила 82,3 % и 80,9 % от числа нуждающихся в них. Не имели общежитий 32 училищ системы ПТО⁴³.

Таким образом, в области образования и культуры политика государства себя оправдала не полностью. Промышленность продолжала развиваться преимущественно экстенсивно, доля бюджетных средств, направленных на развитие культуры и образования, росла недостаточно быстро, а с начала 80-х гг., даже стала сокращаться. В области финансирования социальной сферы продолжал господствовать остаточный принцип, утвердившийся еще в начальный период индустриализации.

В послевоенные годы практически на всех предприятиях страны была создана система партийного просвещения, включавшая всех коммунистов и значительную часть беспартийных рабочих. После XXIII съезда КПСС (1966 г.) была разработана новая система партийного просвещения. Она включала три ступени образования: начального, позволявшего овладеть минимумом политических знаний, среднего, включавшего основы философии, политэкономии и научного коммунизма, и высшего, включавшегося в самостоятельную работу над первоисточниками. Наряду с ней существовала система массового экономического образования, охватывавшая практически всех работников предприятий⁴⁴. Эта система просуществовала все 70 и 80-е гг. и сыграла определенную позитивную роль в деле повышения культурно-технического и политического уровня трудящихся. Однако занятия в системе партийной и экономической системы образования во многих случаях проводились формально, в приказном порядке, а в отчетности число участников таких мероприятий сильно завышалось.

В 90-е гг., в связи с переходом к рыночным методам ведения хозяйства, в условиях экономического кризиса, на предприятиях отрасли происходили те же процессы, что и в промышленности в целом. С сокращением производства в начале 90-х гг., началось резкое сокращение кадров в металлургическом комплексе. Во-первых, на пенсию были отправлены все лица, достигшие пенсионного возраста, во-вторых, с предприятий ушла в другие сферы большая часть инженерно-технических и квалифицированных кадров, в-третьих, уволилось большое количество малоквалифицированных работников, имевших низкую зарплату, которая выплачивалась с большими задержками. Наконец, большинство предприятий отрасли избавилось от социальной сферы, где было задействовано большое количество непрофильных работников. В этих условиях прием работников на работу на предприятия металлургической промышленности был ограничен или вообще временно прекращен.

Конечно, на разных предприятиях ситуация была разной. Мелкие предприятия часто вообще на время прекращали свою работу. Крупные продолжали работу, осуществляя реконструкцию и принимая новые квалифицированные кадры и сохраняя свою социальную сферу. Однако в целом, 90-е гг. были временем регресса, что привело к существенному старению и ухудшению кадрового потенциала.

Примечания

¹ Некоторые проблемы развития экономики Урала. Свердловск. 1975. С. 99.

² Текущий архив института им. Бардина. Схема развития и размещения черной металлургии на период до 2005 года. М., 1987. С. 90.

³ Формирование и закрепление квалифицированных рабочих кадров в промышленности Урала. Научный отчет Института экономики УНЦ АН СССР. Свердловск, 1981. С. 7.

⁴ Рассчитано по РГАЭ. Ф. 383. Оп. 3. Д. 10674. Л. 44. Д. 13374. Л. 44, 67, 159.

⁵ Сбытова Л. С. Структура занятости и эффективности производства. М.: Наука, 1982. С. 101.

⁶ Анализ и прогноз профессионально-квалификационной структуры рабочих кадров в промышленности Урала. Научный отчет Института экономики УНЦ АН СССР. Свердловск, 1980. С. 43.

⁷ Там же. С. 35.

- ⁸ Рассчитано по РГАЭ. Ф. 383. Оп. 3. Д. 10674. Л. 67. Д. 13374. Л. 44, 67, 159.
- ⁹ Архив Челябинского обл.стат.управления Ф. 4НТ. Оп. 43П. Д. 1671. Л. 19.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 2409. Оп. 1. Д. 539. Л.3.
- ¹¹ Формирование и закрепление квалифицированных рабочих кадров в промышленности Урала. С. 32.
- ¹² Там же. С. 21–22. Основные сдвиги в демографических процессах на Урале (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Научный отчет Института экономики УНЦ АН СССР. Свердловск, 1982. С. 15.
- ¹³ Формирование и закрепление квалифицированных рабочих кадров в промышленности Урала. С. 21.
- ¹⁴ Челябинское облстатуправление, Пермское облстатуправление, Свердловское облстатуправление: Динамические ряды в промышленности. С. 1, 2, 2, 3, 9, 10, 13–16.
- ¹⁵ Формирование и закрепление квалифицированных рабочих кадров в промышленности Урала. С. 31.
- ¹⁶ Там же. С. 21, 22, 28.
- ¹⁷ Сергеев М. А. Чтобы рос стальной поток / М. А. Сергеев, И. С. Плахотин. Свердловск, 1983. С. 48.
- ¹⁸ РГАЭ. Ф. 383. Оп. 3. Д. 10674. Л. 92 об. Д. 13374. Л. 32 об.
- ¹⁹ Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 383. Оп. 3. Д. 187. Л. 106 об. Л. 101 об., 174. Д. 13374. Л. 1 об. Д. 188. Л. 89 об. Д. 189. Л. 45 об., 77.
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 383. Оп. 3. Д. 10674. Л. 149.
- ²¹ Вестник статистики. М., 1974. № 7. С. 92.
- ²² ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 182. Д. 285. Л. 12.
- ²³ Труд в СССР. М., 1980. С. 300.
- ²⁴ Мартюшов Л. Н. Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 гг. (Историко-экономический аспект). Екатеринбург, 1999. С. 181.
- ²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 87. Д. 110. Л. 28 и сл.
- ²⁶ ЦДООСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 65. Л. 101–102.
- ²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 87. Д. 68. Л. 132–134.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 1231. Л. 23.
- ²⁹ Мартюшов Л. Н. Указ. соч. С. 188.
- ³⁰ Основные показатели МЧМ СССР по труду, заработной плате за десятую пятилетку. М., 1983. С. 101.
- ³¹ Мартюшов Л. Н. Указ. соч. С. 191.
- ³² Афанасьев В. Образование и повышение квалификации трудящихся в условиях научно-технической революции // НТР и социальный прогресс. М., 1977. Т. 2. С. 375.
- ³³ Васильев В. Г. Проблемы повышения производительности труда на предприятиях промышленности и транспорта. М., 1974. С. 132.
- ³⁴ ОГАЧО. Ф. 92. Оп. 33. Д. 6. Л. 3; Ф. 602. Оп. 31. Д. 1. Л. 41; Челябинский областной архив профсоюзов Ф. 2. Оп. 3. Д. 981. Л. 11, 14.
- ³⁵ Народное хозяйство СССР в 1975 году. М., 1976. С. 38; ЦДООСО Ф. 61. Оп. 23. Д. 17. Л. 54.
- ³⁶ Личман Б. В. Региональная индустрия в СССР. С. 244–245.
- ³⁷ Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1977. С. 102; СССР в цифрах и фактах в 1975 году. М., 1976. С. 222; Бляхман Л. Молодой рабочий 70-х годов : социальный портрет. М., 1977. С. 19; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 87. Д. 95. Л. 178; Оп. 83. Д. 76. Л. 65.
- ³⁸ Профсоюз металлургов от съезда к съезду. М., 1977. С. 183; Советские профсоюзы. 1976. № 4. С. 8; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 87. Д. 98. Л. 101.
- ³⁹ Мартюшов Л. Н. Указ. соч. С. 191.
- ⁴⁰ Татаркин А. И. Проблемы социальных приоритетов в экономическом развитии региона // Сфера услуг : новые направления и перспективы развития. Свердловск, 1991. С. 9.
- ⁴¹ Мартюшов Л. Н. Указ. соч. С. 197.
- ⁴² Тупицина Н. П. Социально-экономический механизм развития народного образования на уровне региона // Сфера услуг : новые направления и перспективы развития. С. 16–17.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 87. Д. 110. Л. 30–37, 53–62. Д. 111. Л. 25, 102, 11.

Исаев В. И.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В УСЛОВИЯХ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УРОВНЯ ЖИЗНИ РАБОЧИХ СИБИРИ В 1920–1930-Х ГГ.

Работа подготовлена в рамках интеграционного проекта РАН (проект 8).

Ведущей задачей мобилизационной модели советской экономики, сформировавшейся после «сталинского великого перелома» в конце 1920-х – начале 1930-х гг., являлось осуществление форсированной индустриализации. Развертывание индустриализации в Сибири вывело регион в ряд важнейших промышленных центров страны. Наряду с признанием очевидных успехов советского государства в

модернизации страны в современной историографии отмечается, что использование мобилизационных методов в развитии экономики имело серьезные негативные последствия. В частности, это выразилось в снижении уровня жизни населения, существенном ограничении потребления, повышении степени эксплуатации живого труда.

В настоящей статье на основе материалов из центральных и сибирских архивов и опубликованной литературы мы попытаемся показать некоторые важные аспекты уровня жизни рабочих Сибири в годы первых пятилеток, включая вопросы оплаты труда, структуры потребительских бюджетов, снабжения товарами массового потребления и обеспечения жильем. Отправной точкой для анализа изменений в уровне жизни рабочих Сибири должны послужить показатели, достигнутые во второй половине 1920-х гг. Правда, следует отметить, что во многих случаях в источниках отсутствуют необходимые данные для детальной характеристики изучаемых процессов. Например, в статистике по заработной плате рабочих даются в основном сведения о номинальных показателях без сопоставления со стоимостью жизни.

В советское время объективная оценка состояния реальной зарплаты рабочих была невозможна. Значительная часть архивных источников находилась в спецхранах и была недоступна для исследователей. Даже само упоминание о материальных трудностях для советских историков было смелым шагом. Так, один из исследователей уровня жизни населения СССР В. Ф. Майер высказал осторожное предположение, что реальная зарплата трудящихся снизилась за годы первой пятилетки на 10 %. А в годы второй и третьей пятилеток отставание темпов роста реальной зарплаты сохранялось¹.

Напротив, пытаясь говорить о постоянном росте благосостояния трудящихся и доказать эффективность социальной политики большевистской партии, А. Н. Малафеев пишет, что в целом за 1932–1940 гг. прирост реальной зарплаты составил 30–35 %². Очевидно, что здесь границы периода намеренно выбраны так, чтобы оставить вне анализа положение в этой области до начала и в годы первой пятилетки.

Нынешним исследователям придется пересматривать данные и оценки советской историографии; очевидно, что они не в полной мере отражают действительный уровень жизни рабочих. Правда, задача такого пересмотра осложняется тем, что статистика советских времен во многом искажена и полна умолчаний. Историкам предстоит большая и трудная работа по выяснению реальных показателей оплаты труда. Для этого следует попытаться оценить уровень жизни не только по прямым, но и по косвенным показателям. Например, по данным о структуре потребительских бюджетов, ассортименте товарооборота предприятий торговли. В настоящей статье мы попробуем использовать такие подходы.

По современным оценкам российских исследователей к уровню 1913 г. реальная зарплата рабочих приблизилась лишь в 1928 г. Некоторые историки считают, что это случилось даже значительно позднее, уже в 1950-х гг.³

Зарубежные исследователи, например, Н. Верт и Х. Шредер, считают, что в конце 1920-х гг. реальная зарплата рабочих России составила только 2/3 от довоенного уровня. В 1930-х гг. в связи с кризисом снабжения произошло резкое падение уровня жизни рабочих; лишь к середине 1950-х гг. рабочим удалось выйти на уровень оплаты труда, существовавший к началу первой пятилетки⁴.

Действительно, известные нам данные об оплате труда рабочих Сибири подтверждают, что такие оценки более близки к истине. Динамику роста среднемесячной зарплаты рабочих Сибири в 1920-х гг. отражают следующие данные: в 1924 г. она составила 36,4 руб., в 1925 – 41,07, в 1926 – 48,85, в 1927/28 – 52,43, в 1928/29 – 56,63 руб.⁵ Профсоюзные органы промышленных отраслей народного хозяйства Сибири на основе этих данных заявили о том, что к середине 1920-х гг. удалось в основном восстановить довоенный уровень зарплаты рабочих (т.е. уровень 1913 г.)⁶.

За годы первой пятилетки номинальная заработная плата сибирских рабочих увеличилась почти вдвое. В 1932 г. зарплата рабочих в крупной промышленности Западной Сибири составила 194,9 % по отношению к 1928 г., в строительстве – 183,7 %, на транспорте – 203,9 %⁷. Наиболее высокой стала оплата труда рабочих, занятых в горной, машиностроительной и металлургической промышленности. Это обеспечивало необходимый прилив рабочей силы в эти отрасли, подчеркивало их значение для успешного развития индустриализации. Так, среднемесячная зарплата шахтеров Западной Сибири в первом полугодии 1932 г. составила более 104 руб. по сравнению с 54,7 руб. в 1928 г.⁸

Ускоренный рост номинальной заработной платы рабочих продолжался и в годы второй пятилетки. Если в 1932 г. среднемесячная зарплата рабочих Восточно-Сибирского края составляла 117,3 руб., то в 1934 г. – уже 156,5 руб.⁹ В 1937 г. зарплата шахтеров Кузбасса достигла в среднем 286 руб., что составляло 198,6 % по отношению к 1933 г.¹⁰ В различных отраслях народного хозяйства Западной и Восточной Сибири средняя зарплата рабочих могла существенно различаться, составляя в среднем от 200 до 325 руб. в месяц¹¹.

Однако реальная зарплата рабочих из-за быстрого роста цен на основные товары народного потребления увеличивалась гораздо медленнее. Более того, данные различных источников свидетельствуют о наметившейся тенденции к снижению реальной зарплаты. Так, в городах Сибири по сравнению с мартом 1929 г. цены на продовольствие к марту 1930 г. возросли в государственной и кооперативной торговле в 2,5 раза, на частном рынке в - 3 раза. Только за полгода, с октября 1929 г. по апрель 1930 г., стоимость минимального бюджетного набора выросла с 24,18 руб. до 31,51 руб., т.е. на треть¹². Следовательно, темпы роста зарплаты рабочих Сибири далеко отставали от стремительного удорожания товаров народного потребления.

О тенденциях снижения реальной зарплаты красноречивым образом свидетельствуют сведения о потребительских бюджетах рабочей семьи. Дело в том, что структура расходов и доходов позволяет судить о типе и уровне потребления. В частности, наличие в доходах рабочей семьи дополнительных приработков, займов, поступлений от продажи домашних вещей говорит о трудном периоде. Высокая доля расходов на питание в бюджете рабочей семьи показывает, что задача простого физического выживания поглощала львиную долю средств¹³.

В отличие от практики 1920-х гг. данные бюджетных обследований рабочих семей, проводившихся в 1930-х годах, как правило, не публиковались для всеобщего обозрения. И это также подтверждает неблагоприятное материальное положение рабочих.

Обнаруженные нами архивные материалы бюджетных обследований, относящиеся к середине 1930-х гг., показывают, что основная доля в расходах рабочей семьи приходилась на пропитание. На втором месте в расходах стоят затраты на покупку одежды и обуви. Незначительна доля расходов на покупку мебели и других вещей. Расходы на лечение и образование в бюджете рабочей семьи были небольшими, в основном эти нужды удовлетворялись за счет общественных фондов потребления. Расходы на жилье, освещение и отопление составляли около 10–15 %, значительную часть затрат по содержанию и ремонту жилья брало на себя государство¹⁴.

В 1930-е гг. в оплате труда рабочих нарастает дифференциация, в составе рабочего класса выделяются более обеспеченные группы. В связи с развертыванием стахановского движения резко возросли заработки ударников производства. Они могли получать в месяц от шестисот до двух тысяч руб., что от трех до десяти раз превышало средний уровень зарплаты¹⁵.

Однако ситуация в семьях большинства рабочих была не столь благополучной. Данные выборочного бюджетного обследования в июне 1934 г. 30 семей рабочих Кузнецкого металлургического комбината показывают, что 5,6 % средств из общей суммы дохода семьи было взято в долг у частных лиц, 0,9 % – в кассе взаимопомощи. Поступления от продажи личных вещей и продуктов подсобного хозяйства составили 6,2 %, приработки на случайных работах принесли 2,8 %¹⁶.

Средний совокупный доход рабочей семьи на КМК в августе 1934 г. составлял 254,4 руб., через три года, в августе 1937 г., он вырос на 37 % и составил 348,9 руб. Но по-прежнему в структуре доходов присутствуют такие источники, которые свидетельствуют о материальных затруднениях: приработки, займы в кассах взаимопомощи и у знакомых и родственников.

В расходах рабочей семьи как в 1934 г., так и в 1937 г. затраты на питание составляли от 50 до 60 %, на покупку одежды и обуви, приобретение предметов хозяйственного обихода – 10–15 %, около 10 % – расходы на оплату жилья и коммунальных услуг, относительно высокими (около 4 %) оставались расходы на спиртные напитки¹⁷. Такая картина бюджета рабочей семьи в Сибири, видимо, является типичной для 1930-х гг.

В условиях тотального огосударствления экономики правящая партийно-советская элита получала неограниченные возможности произвольного определения пропорций между накоплением и потреблением, а также изъятия части доходов рабочих для нужд государства¹⁸. Одной из форм привлечения средств населения на нужды индустриализации стала практика «добровольно-принудительной» продажи облигаций государственного займа. Власти проводили в этой кампании довольно лицемерную политику: с одной стороны, пресса и общественные организации изображали патриотический подъем, энтузиазм и полную добровольность подписки на облигации. С другой стороны, по закрытым партийным каналам функционерам на местах рассылались задания и контрольные цифры, сопровождавшиеся требованиями обязательного их выполнения. Но народу об этом знать не полагалось. Так, в инструкции по проведению займа, разосланной в ходе кампании 1934 г., специально подчеркивалось, что задания по распространению облигаций доводятся до заведующих сберкассами в строго секретном порядке¹⁹.

Задание могло составлять около 70–80 % месячного фонда зарплаты трудящихся конкретного района, выполнение его было своеобразной проверкой служебного рвения местных руководящих работников. Разумеется, они делали все возможное, чтобы заставить рабочих и служащих купить облигации. Так, незаконным способом принуждения к подписке на облигации стало нарушение тайны вкладов в сберкассы. При отказе рабочего покупать облигации из-за недостатка средств, этот довод опровергался публичным объявлением суммы его вклада в сберкассе. Использовались также угрозы увольнения, понижения в должности и другие незаконные санкции²⁰.

Рабочие часто жаловались в различные инстанции на самоуправство чиновников. Например, Западно-Сибирский крайком ВКП (б) вынужден был неоднократно заниматься разбором подобных конфликтов²¹. Такие явления были распространены и в целом по стране. Нарком финансов Г. Гринько вынужден был 22 февраля 1934 г. издать специальный приказ о борьбе с перегибами и извращениями при распространении займа²². Однако по закрытым каналам продолжали идти депешки с требованиями обеспечить выполнение плана подписки на облигации.

По данным профсоюзной статистики с 1929 г. по 1931 г. расходы на приобретение облигаций госзайма возросли с 2,9 % до 3,5 % бюджета рабочей семьи²³. По данным о бюджетах рабочей семьи в середине 1930-х гг. в течение года за облигации рабочему приходилось отдавать сумму, примерно равную месячной зарплате. Вся ситуация с «добровольной» покупкой облигаций госзайма ярко продемонстрировала политику большевистской партии «по затягиванию поясов» рабочего класса в условиях форсированной индустриализации.

Уровень жизни рабочих Сибири в рассматриваемый период определялся не только зарплатой, но и ценами и наличием товаров и услуг, которые рабочая семья приобретала в системе государственной, кооперативной, частной торговли, а также на «черном» неорганизованном рынке.

В начале первой пятилетки возник острый дефицит товаров, что обусловило переход к их нормированному распределению. В 1929 г. для городского населения вводится карточная система приобретения дефицитных товаров, прежде всего продуктов питания. В течение 1929–1930 гг. практически все виды товаров массового спроса стали распределяться по карточкам.

Принятые нормы снабжения на бумаге выглядели не так уж плохо: так, рабочему в 1931 г. по нормам Наркомата снабжения полагалось 800 грамм хлеба в день, 4,4 кг мяса в месяц, 2,5 кг рыбы, 400 г масла, 1 кг муки и 3 кг крупы, 10 штук яиц, 1,5 кг сахара²⁴. Нормы снабжения устанавливались в централизованном порядке, однако их реальное обеспечение зависело от наличия товаров. Поэтому местные отделы торговли могли их существенно корректировать в сторону снижения.

Правда, в Сибири нормы были, как правило, ниже. Считалось, что население сибирских городов получает часть продуктов за счет большего развития личных подсобных хозяйств. Вот пример «заборной» книжки сибирского рабочего, прикрепленного к одному из закрытых рабочих кооперативов г. Тяжина: на ноябрь 1933 г. на одного едока в семье полагалось 17 кг муки, 3 кг мяса, 1,5 кг масла, 2 кг рыбы, 1,5 кг сахара²⁵.

Однако в действительности эти нормы не соблюдались. Поступавших товаров, как правило, не хватало на всех, получивших карточки. Поэтому ожидание в очередях, сокращение норм выдачи, просроченные и неотоваренные карточки были постоянными спутниками нормированного снабжения. По данным опросов потребителей и по сведениям Наркомата снабжения РСФСР выдачи по карточкам обеспечивали лишь от трети до половины действительных потребностей семьи²⁶. Все это, как и униженное положение покупателей, очереди, грубость продавцов, делало приобретение необходимых товаров повседневного спроса одной из самых сложных и неприятных проблем повседневной жизни рабочих в 1930-х гг.

Система нормированного снабжения строилась на основе приоритета рабочего класса и дискредитации «социально чуждых элементов». Так, лишенным избирательных прав не полагалось и того гарантированного минимума благ, который получали остальные граждане. В целом по стране в 1929 г. «лишенцы» составляли 8,5 % взрослого городского населения, к 1934 г. их доля снизилась до 2,4 %²⁷.

Среди тех, кто был прикреплен к системе снабжения, была проведена дифференциация по категориям в зависимости от сферы труда, его важности, а также членства в потребительской кооперации. При введении карточной системы в первую категорию были включены рабочие – члены потребительской кооперации, во вторую – остальные рабочие, в третью – служащие – пайщики кооперации, в четвертую – иждивенцы, дети и все остальные. С 1931 г. вводится система списков, в которые различные категории населения включались в зависимости от социальной принадлежности и важности предприятий, на которых они работали.

Распределение по категориям населения Западной Сибири, состоявшего на снабжении в IV квартале 1931 г., показывают данные табл. 1.

Таблица 1

Контингент системы снабжения в Западно-Сибирском крае (чел.)*

Соц. Группа	Особый список	Список №1	Список №2	Список №3	Итого
Рабочие	53900	233500	74000	70800	432300
Служащие	2000	276900	61800	174400	515277
Всего					947657

*Составлено по: ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 608. Л. 5.

Примечательно, что число служащих, состоящих на снабжении, превышает количество рабочих. Это объясняется как включением в списки для снабжения военных, учителей и других служащих, так и ростом бюрократического слоя.

Ускоренный рост численности рабочего класса, как и в целом городского населения Сибири, обострял трудности его снабжения. Так, только за 1932 год контингент снабжаемого населения Западной Сибири вырос почти на 400 тыс. человек и в IV квартале составлял уже 1341,6 тыс. человек²⁸.

Печально известный голодный 1933 г. в Сибири казался в меньшей степени, но ситуация со снабжением продуктами здесь так же ухудшилась. Выдача по карточкам стала крайне нерегулярной, купить же продукты на рынке рабочим часто было не по карману: цены резко возросли. Данные о ценах на рынках крупнейших городов Сибири: Новосибирска, Томска, Омска, Новокузнецка и Кемерово показывают, что и без того высокий уровень цен в тяжелых условиях 1933 г. повысился почти вдвое. Партийные функционеры городов Сибири в своих докладных записках руководству страны сообщали, что рабочие не в состоянии покупать продукты по тем ценам, которые сложились на базаре²⁹.

Таблица 2

*Уровень цен на основные продукты (в руб. за кг) на рынках городов Сибири в 1932–1934 гг.**

	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Говядина	7,7	17,6	9,8
Свинина	14	21	13,5
Картофель	0,74	1,14	0,35
Мука пшеничная	5,37	7,12	5,8
Масло сливочное	19,9	29,8	20
Молоко (литр)	1,65	2,30	1,5
Яйцо (десяток)	6,5	8,4	5,7

*Составлено по: ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 599. Л. 30.

Несмотря на материальные лишения, коснувшиеся широких масс населения, постепенное ужесточение тоталитарного режима вкупе с работой пропагандистского аппарата обеспечивали относительное спокойствие в обществе. Источники показывают, что в рассматриваемый период массовых выступлений протеста в Сибири практически не наблюдалось.

Лишь в очень редких случаях рабочие пробовали улучшить свое положение попытками забастовок, которые быстро затухали. Так, по сведениям сибирских органов ОГПУ в 1928 г. попытки забастовок из-за перебоев в снабжении были в Барнауле, Томске, Анжерке. Наиболее беспокойными оказались золотодобывающие районы Сибири, где рабочие, недовольные положением со снабжением продовольственными товарами, проводили массовые забастовки. Только за май-июль 1928 г. в горняцких районах Сибири было зафиксировано 8 подобных случаев, в них приняли участие 1070 рабочих³⁰.

Феномен долготерпения российского населения требует серьезного изучения и объяснения. Разумеется, нельзя сбрасывать со счета и действительно существовавший энтузиазм, революционную эйфорию, стремление пусть не для себя, но для своих детей обеспечить счастливую жизнь. Но, с другой стороны, следует подчеркнуть, что советское государство довольно быстро научилось проводить искусную политику купирования недовольства, используя «карманные» профсоюзы, разделение населения по категориям снабжения.

Так, снабжение Москвы, Ленинграда, других крупных промышленных центров, где рабочий класс еще помнил опыт дореволюционной борьбы за улучшение условий жизни, было приоритетным. Важные для государства категории людей, отдельные стройки, регионы получали особый статус снабжения. Например, в Кузбасс направлялось от 50 до 60 % продуктов питания, распределяемых в системе снабжения Западно-Сибирского края³¹.

Об уровне жизни населения городов Сибири, а, следовательно, и рабочих, косвенно можно судить по данным о структуре потребительского ассортимента, отражавшейся в отчетности предприятий торговли. Основную долю розничного товарооборота в городах Западной Сибири в 1933–1937 гг. составляли покупки продовольствия – 56–60 %, в том числе покупки хлеба – 5–6 % (к середине 1930-х гг. они возросли до 20 %), муки – 2–3 %, мяса – 3–4 %, молочных продуктов – 1,5–2 %, сахара – 2–3 %, остальные виды продуктов питания в среднем по 1 %.

К числу продуктов питания в отчетности относились и алкогольные напитки, занимавшие довольно внушительную долю в товарообороте: хлебное вино – 13–14 %, другие алкогольные напитки – 4–5 %³². Таким образом, около 1/5 всего товарооборота, или 1/3 продовольственных покупок обеспечивало потребление алкоголя. По имеющимся данным, в отдельные периоды доля алкогольных напитков была еще выше, иначе говоря, покупать кроме водки, вина и хлеба было нечего. Такое положение не лучшим образом влияло на здоровье и качество жизни жителей сибирских городов.

Среди покупок промышленных товаров, составлявших 40–44 % розничного товарооборота, преобладали покупки готового платья – 8–10 %, по 4 % – обувь и галантерейные товары, по 2 % – трикотаж и хлопчатобумажные ткани, 2,5 % – другие виды тканей, мебель – 0,5 %, покупка культтоваров, куда помимо книг, предметов искусства, включались и школьные принадлежности, составляла 4 %. В то же время табачные изделия, помимо здоровья, отнимали еще около 3,5 % всех средств, потраченных на покупку товаров населением³³.

Таким образом, основное место в покупках горожан занимали такие товары как хлеб, одежда, обувь. Покупки предметов культурно-бытового пользования, мебели, а тем более предметов искусства и роскоши, составляли ничтожно малую долю. В то же время довольно велика была доля товаров, вредных для здоровья: табачные товары, алкогольные напитки.

Говоря об уровне жизни рабочих, стоит обратить внимание и на проблему потребления алкоголя. Непоследовательные попытки введения советским государством «полусухого» закона в середине 1920-х гг. сменились неумеренным ростом производства и продажи водки и вина. По некоторым оценкам с 1924 по 1928 гг. потребление спиртных напитков в стране возросло в 8 раз, назывались и более высокие показатели. В среднем по СССР в 1928 г. на душу населения потреблялось около 8,8 л водки³⁴. Позднее эти данные перестают публиковаться.

У рабочих Сибири расходы на потребление спиртных напитков в 4–4,5 раза превышали затраты на культурно-просветительные нужды, доля расходов на спиртное составляла около 3 % бюджета рабочей семьи, а по отдельным группам рабочих достигала 4–5 % и более³⁵.

Правда, следует отметить, что антиалкогольная работа стала постоянным направлением в деятельности партийных, профсоюзных, комсомольских организаций Сибири. Так, по итогам чистки партии в 1934 г. было исключено 20,7 % от общей численности Западно-Сибирской краевой парторганизации и примерно 1/5 часть из них была наказана за морально-бытовое разложение, что в основном выражалось в пьянстве³⁶.

Профсоюзные организации Сибири создавали комиссии по борьбе с пьянством, координировавшие антиалкогольную работу. В конце 1920-х годов было проведено сокращение торговой сети по продаже спиртного, особенно на рабочих окраинах и вблизи предприятий³⁷.

Однако в борьбе с пьянством рабочих советское государство занимало двойственную позицию. Дело в том, что значительную часть средств государственного бюджета приносила продажа спиртных напитков. В тридцатых годах антиалкогольная работа была постепенно свернута. В условиях дефицита товаров народного потребления продажа спиртного становилась для государства наиболее простой возможностью аккумулировать денежные средства населения.

В условиях тотального дефицита в снабжении населения возникла такая уродливая форма торговли как система «коммерческих» магазинов. Продажа через них товаров по высоким (в 2–3 раза выше обычных) ценам приносила государству дополнительный доход.

Коммерческие магазины в определенной степени позволяли обеспечить тех, кто имел более высокие доходы. Однако и рабочие были вынуждены покупать здесь недостающие им товары повседневного спроса. Данные по системе коммерческих магазинов показывают, что в основном в них продавались те же товары, что и в обычных предприятиях торговли. Так, в 1934 г. из 479,8 млн руб., полученных в коммерческих магазинах городов Западной Сибири, 248,5 млн руб. (т. е. более половины) было выручено от продажи хлеба.

Доля коммерческой торговли в общем розничном товарообороте городов Западной Сибири повысилась с 7,9 % в 1932 г. до 22,9 % в 1933 г. и 36,6 % в 1934 г., при этом в продаже промышленных товаров в 1934 г. она составила 53 %³⁸.

Разные цены на одни и те же товары, сложная система различных категорий карточек, общая атмосфера ажиотажного спроса и дефицита, - все это порождало массу злоупотреблений, воровство и мошенничество. Постоянной проблемой являлись также махинации с числом лиц, прикрепленных к нормированному снабжению, переводом из низкой категории снабжения в более высокую.

Правительство СССР и ЦК ВКП(б) вынуждены были неоднократно принимать специальные постановления по этому поводу. Масштабная чистка в системе снабжения развернулась в декабре 1932 г. В результате значительная часть «мертвых душ» или незаконно попавших не в ту категорию была исключена из контингента снабжаемых или передвинута в иерархии. Специальное постановление Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) от 4 декабря 1933 г. «О работе ОРСов» стало сигналом к очередной перетряске рядов снабжаемых. И вновь были выявлены серьезные нарушения³⁹. Большие возможности для незаконной приписки к лучшей категории имелись, разумеется, не у рабочих, а у служащих. Так, из «вычищенных» в 1933 г. по тресту «Кузбассуголь» 47296 чел., рабочие составляли 13,6 тыс., а служащие – 33,7 тыс. человек⁴⁰.

Очередная пристрастная проверка прокатилась по городам Сибири летом 1934 г. после соответствующего постановления ЦК ВКП (б) о работе торговли. Она выявила большое количество нарушений: обмеры, обвесы, махинации и т. п.⁴¹ В целом карточная система снабжения товарами массового спроса подрывала нормальное развитие экономики.

К концу 1934 г. в результате определенной стабилизации колхозного производства положение с продовольствием улучшилось, что позволило решить задачу перехода к свободной продаже хлеба, а позднее и других продуктов. С 1 января 1935 г. была разрешена свободная продажа хлеба, что стало большим событием для населения.

Один из ведущих партработников Красноярска в те годы П. Ф. Грошев в своих мемуарах пишет о том напряжении, с которым ждали этого события руководители города, озабоченные тем, что гражданам сметут все запасы с прилавков и вновь возникнут перебои со снабжением. «Разве можно забыть радостные и немного удивленные лица людей», – вспоминает П. Ф. Грошев, – «день начала свободной продажи хлеба»⁴².

С 1 октября 1935 г. была введена свободная продажа мяса, рыбы, сахара, жиров и картофеля. В течение 1936 г. постепенно были отменены карточки на промышленные товары. Таким образом, в течение 1935–1936 гг. был совершен переход от карточной системы снабжения к свободной торговле⁴³.

С отменой карточной системы коммерческая торговля и обычная торговая сеть были соединены, при этом новые единые цены устанавливались примерно на среднем уровне между ранее существовавшими в них ценами. Появление товаров в свободной продаже снизило уровень цен на рынках: к концу 1936 г. он понизился почти наполовину по сравнению с 1934 г.⁴⁴

Все это имело большое экономическое и политическое значение: повышалась роль зарплаты в стимулировании труда, снималась одна из острых проблем, вызывавших недовольство населения и подрывавших престиж страны в глазах всего мира. Однако отмена карточной системы не означала, что отныне проблемы со снабжением населения окончательно решены. Те или иные формы норми-

рованного снабжения продолжали сохраняться, довольно часто возникала и проблема дефицита: то вдруг исчезали из продажи швейные иголки, то обувь, а то еще какая-то нужная мелочь. Нормального обеспечения всех потребностей по-прежнему не было, хотя после мытарств карточной системы положение в конце 1930-х годов могло населению казаться терпимым.

В ряду показателей уровня жизни рабочих важное место занимает обеспечение жилищем, а также степень благоустройства жилищного фонда городов. Представление о наличии и качестве жилья у рабочих Сибири можно составить, например, по данным обследования в 1927 г. социально-бытовой среды рабочих подростков Омска.

В ходе обследования изучались условия жизни 266 рабочих семей, из них в отдельной квартире жили только 16 %, 58 % имели комнату в общем помещении, 19 % занимали более одной комнаты, 6,5 % семей проживали в общем помещении с другими посторонними людьми.

Около 80 % обследованных семей имели на одного человека всего от 1 до 6 кв. м. жилплощади. 44,3 % обследованных семей отметили сырость в занимаемом жилом помещении, 47,6 % жаловались на холод. Скучной и часто убогой была обстановка в жилище: стол, скамьи и табуреты, полаты и нары, деревянные или иногда железные кровати. Из числа обследованных подростков 27,6 % спали на полу, 21,6 % – на общих нарах⁴⁵.

В других промышленных районах Сибири ситуация была аналогичной или еще хуже: так, в Черемховском угольном бассейне 90 % шахтерских семей имели для проживания лишь одну комнату⁴⁶.

Положение с жильем в городах Сибири на протяжении всего периода 1920–1930-х гг. характеризуется в источниках как кризисное. Но к началу первой пятилетки положение было все же не столь плачевным, хотя и хуже, чем по стране в целом. На одного жителя городов Сибири приходилось в 1926 г. 4,8 кв. м. жилья, в то время как в среднем по стране этот показатель составил 5,86 кв. м.⁴⁷

Разворачивающийся процесс ускоренной индустриализации, рост численности рабочих и городского населения при медленных темпах жилищного строительства и слабом финансировании не позволяли государственным органам и промышленным предприятиям радикально улучшить обеспеченность рабочих жильем.

В 1920–1930-х гг. в городах Сибири основной прирост жилфонда обеспечивался за счет индивидуального строительства. Так, в 1928 г. оно дало 73,3 % всей построенной жилплощади⁴⁸. Более 70 % рабочих Сибири на рубеже рассматриваемых десятилетий проживало в домах индивидуального сектора. Только к концу 1930-х годов в связи с возрастанием объемов государственного и ведомственного строительства доля индивидуального сектора сократилась до 40–50 %⁴⁹.

В процессе развертывания индустриализации рост численности рабочих значительно опережал темпы ввода нового жилья. Так, если жилая площадь основных городов Кузбасса за 1927–1930 гг. выросла в 2 раза, то численность населения – почти в 3 раза. В итоге на начало 1931 г. здесь в среднем приходилось лишь 2,4 кв. м. жилой площади на человека⁵⁰. Не лучше обстояло дело и в Восточной Сибири, где в индустриальных районах на человека приходилось 2–2,5 кв. м. жилья⁵¹.

В целом объем жилплощади в городах Западной Сибири за 1928–1932 гг. вырос на 1 млн. кв. м., т.е. в 1,7 раза, а в городах Кузбасса – в 3,2 раза⁵². Но темпы жилищного строительства были явно недостаточны. За годы первой пятилетки происходило постоянное снижение обеспеченности горожан жильем. В городах Западной Сибири на одного жителя в 1929 г. приходилось 4,2 кв. м. жилья, в 1930 г. – 4 кв. м., в 1931 г. – 3,8 кв. м., в 1932 г. – 3,6 кв. м.⁵³ Этот уровень был, конечно, весьма далек от удовлетворения даже минимальных потребностей рабочих в жилье.

Строительство многих гигантов сибирской индустрии начиналось на необжитых местах. Поэтому большинство рабочих размещалось в бараках, землянках, немногим удавалось снимать жилье в близлежащих населенных пунктах. В бараках «Сибкомбайна», например, в 1930 г. на одного человека приходилось менее 2 кв. м. жилья⁵⁴.

В первые годы строительства Кузнецкого металлургического комбината 95 % рабочих жило в бараках и землянках. В 1932 г. в Новокузнецке на одного человека приходилось 1,27 кв. м. жилплощади, при этом только 47,9 % рабочих были обеспечены хоть какой-то жилплощадью от предприятия⁵⁵.

Долготерпение рабочих вызывало удивление даже некоторых партийных работников. Секретарь Новосибирского горкома ВКП (б) С. Шварц, побывавший зимой 1932 г. на строительстве завода горного оборудования, был буквально потрясен увиденным. Большинство рабочих жило в палатках, землянках, на склонах оврага р. Каменки возник целый «копай-город». Жить в таких условиях в лютую сибирскую зиму казалось невозможным, но люди продолжали как-то существовать. Переполненные многочисленными бараками представляли собой скопище людей, все спали вповалку: семейные, холостые, дети. В бараках свирепствовали эпидемии тифа и холеры, грязь и антисанитария были ужасающими. Возмущенный и озадаченный секретарь горкома воскликнул: «Странно, что рабочие не бунтуют»⁵⁶.

Состоявшееся в феврале 1932 г. обсуждение на заседании новосибирского горкома ВКП (б) положения с жильем на строительстве ЗГО выявило типичную для тех лет ситуацию. Директор строительства Прудников заявил, что центральные органы требуют в первую очередь пустить завод, а жилье построить когда-нибудь потом. На жилищное строительство не отпускается достаточно ни финансов, ни стройматериалов, каждый вагон кирпича приходится выбивать в Москве. При этом партийно-государственные функционеры дружно ссылались на опыт Кузнецкстроя: как бы ни было там трудно, но комбинат, тем не менее, построили⁵⁷.

Во второй половине 1930-х гг. жилищный кризис в городах Сибири продолжал обостряться. Причины такого положения не в последнюю очередь заключаются в том, что в практике партийно-государственного управления сложился «остаточный принцип» финансирования социальных нужд населения. Например, в Кузбассе, где острота жилищной проблемы была престо вопиющая, из общего объема капиталовложений в 1932–1937 годах только 15–25 % шло на строительство жилья. В результате такой политики, по данным на 1937 г., 89 % всего жилого фонда шахтеров Кузбасса составляли дощатые, бревенчатые и саманные жилища, а также землянки.

В Прокопьевске количество землянок достигало 2500, в Новокузнецке более половины работников КМК размещалось в бараках⁵⁸. В Барнауле на окраине пос. Ильича раскинулась пролетарская слободка из землянок под названием «Копай-город», продолжали существовать землянки и в других частях города⁵⁹.

Добротные каменные здания в городах Сибири в это время были довольно редки. Так, в городах Новосибирской области только 2,8 % жилого фонда составляли каменные строения⁶⁰.

За годы второй пятилетки в городах Новосибирской области было введено в строй (с учетом индивидуального строительства) 1,5 млн. кв. м., в городах Восточной Сибири – 3,3 млн кв. м. жилья⁶¹. Только государственный жилой фонд в городах Западной Сибири вырос с 2,5 млн кв. м. в 1932 г. до 3,8 млн кв. м. в 1937 г.⁶²

Но среднестатистическая обеспеченность жильем в городах Сибири к концу второй пятилетки оставалась на низком уровне. В 1937 г. в Новосибирске на 1 жителя приходилось 3,2 кв. м. жилой площади, в Новокузнецке, Кемерово, Анжеро-Судженске – 3,1 кв. м., в Красноярске – 2,8 кв. м., в Ленинске-Кузнецком, Игарке – 2,5 кв. м.⁶³

Правда, следует отметить улучшение жилищных условий определенной части рабочих. Это коснулось ударников, стахановцев, которым вне очереди предоставлялись благоустроенные квартиры во вновь строящихся домах. Получение жилья на предприятиях находилось под жестким контролем партийных, профсоюзных, комсомольских органов.

В целом можно сделать вывод, что подавляющая часть рабочего класса Сибири жила тесно, в плохих, неблагоустроенных помещениях, постоянно испытывая недостаток жилищного пространства, а в случае проживания в бараках была лишена элементарной возможности иметь нормальную семейную и частную жизнь, вести домашнее хозяйство.

Надо отметить, что в целом по городам России положение с жильем было крайне напряженным. Средняя обеспеченность жильем жителей городов дореволюционной России (6,3 кв. м. в 1913 г.) по данным советской статистики была восстановлена только лишь в 1940 г.⁶⁴ Впрочем, о качестве этих жилых метров нужно говорить особо.

На основе рассмотрения некоторых важных аспектов уровня жизни попытаемся выявить ведущие тенденции изменений в материальном положении рабочих Сибири. В развитии заработной платы рабочих наметившееся со второй половины 1920-х гг. улучшение было недолгим. Реальная зарплата в первой половине 1930-х начала серьезно снижаться. По косвенным данным можно дать приблизительную оценку, что в различных отраслях промышленности по сравнению с 1928 г. ее снижение составило не менее четверти. Низкий уровень доходов наглядно отражался в структуре рабочих бюджетов, более половины средств семьи тратилось на питание, остальное – на минимальное удовлетворение других простейших потребностей. Недостатки снабжения в сочетании с острой жилищной нуждой усугубляли трудности повседневного существования рабочих Сибири.

Во второй половине 1930-х гг. наметилось некоторое улучшение материального положения рабочих. С отменой карточной системы и снижением цен возрастала покупательная способность зарплаты, преодолевался дефицит товаров повседневного спроса, происходило постепенное увеличение жилищного фонда городов Сибири, создавалась инфраструктура городского коммунально-бытового хозяйства.

Рассмотрение показателей уровня жизни рабочих Сибири в исследуемый период позволяет представить ориентиры социальной политики советского государства, оценить ее с точки зрения развития человеческого капитала. Следует также учитывать, что после «сталинского великого перелома» процесс модернизации в России стал осуществляться в рамках мобилизационной модели экономики.

Очевидно, что в освоении и развитии человеческого капитала с развертыванием форсированной индустриализации в нашей стране начался новый этап, хронологические рамки которого охватывают период первых пятилеток. Модернизация проходила в условиях одновременного развития форсированной индустриализации и коренного переустройства всех сфер общества под флагом создания социализма. В связи с этим обозначенный новый этап характеризуется вначале некоторым оживлением революционно-утопических надежд на скорое построение социализма, а, следовательно, и на быстрое достижение высокого уровня жизни рабочих.

В действительности же форсированная индустриализация Сибири сопровождалась серьезным снижением уровня жизни рабочих, ухудшением материальных условий быта. В подтверждение такой оценки достаточно обратить внимание на такие процессы как снижение реальной зарплаты рабочих, недостатки системы жизнеобеспечения, острый дефицит продуктов, одежды и обуви, введение карточной системы снабжения, обострение жилищного кризиса. При этом стоит добавить, что по оценкам сибирских исследователей рабочий класс Сибири в рассматриваемый период имел по многим показателям более низкий уровень жизни, чем рабочие в центральной части России.

На основе изучения уровня жизни рабочих Сибири в 1920–1930-е гг. можно сделать вывод, что советское государство в ходе форсированной индустриализации проводило политику сознательного ограничения потребления населения, по существу действуя согласно известному девизу - «пушки вместо масла».

То, что Советскому Союзу предстояло выстоять и победить в тяжелейшей войне против фашистской Германии, отчасти объясняет принятые сталинским руководством приоритеты и ориентиры в проведении социальной политики. Но в конечном итоге отставание в развитии социальной сферы, обеспечивавшей уровень и качество человеческого капитала советской экономики, нанесло колоссальный ущерб стране, а в исторической перспективе осложнило модернизацию российского общества. Негативные последствия недооценки важности человеческого фактора экономического и исторического развития оказывают свое влияние и на современное состояние России.

Примечания

- ¹ Маеир В. Ф. Доходы населения и рост благосостояния народа. М., 1968. С. 97.
- ² Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). М., 1964. С. 208.
- ³ См.: Лельчук В. С. 1926–1940 гг.: завершенная индустриализация или промышленный рывок // История СССР. 1990. № 4. С. 17–18; Фонотов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 166–167; и др.
- ⁴ См.: Верт Н. История советского государства. М., 1992. С. 201, 227–229; Schroder H. H. Industialisierung und Parteiburokratie in der Sowjetunion. Ein Sozialgeschichtliche Versuch uber die Anfangsphase des Stalinismus. 1928–1934. Berlin, 1988. С. 100, 103–107.
- ⁵ Проф. движение (Новосибирск). 1926. № 34–35. С. 14–15; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 144. Л. 177.
- ⁶ Стат. бюллетень Сибкрайстатуправления. 1925. № 2. С. 5.
- ⁷ Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932). Новосибирск, 1934. С. 110.
- ⁸ Профработник. 1934. № 1. С. 4.
- ⁹ Народное хозяйство и культурное строительство Восточно-Сибирского края за 1931–1934 гг. Иркутск, 1934. С. 47.
- ¹⁰ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937). Новосибирск. 1939. С. 15, 25.
- ¹¹ История рабочего класса Сибири. Т. 2. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917–1937. Новосибирск, 1982. С. 299.
- ¹² Там же. С. 301.
- ¹³ История социалистической экономики СССР. М., 1977. Т. 3. С. 508.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 19. Д. 401. Л. 23–26.
- ¹⁵ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. С. 299.
- ¹⁶ НФ ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 32. Л. 13–16; Д. 75. Л. 265.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См. подробнее: Фонотов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. С. 166–167.
- ¹⁹ ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 581. Л. 24–41.
- ²⁰ Там же, л. 134.
- ²¹ ГАНО, Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 581. Л. 134, 170–177, 217–218.
- ²² Там же. Л. 21.
- ²³ Труд в СССР. М., 1932. С. 41.
- ²⁴ Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М., 1993. С. 23.
- ²⁵ ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 13. Д. 12. Л. 15.
- ²⁶ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 40–41.
- ²⁷ Изменения социальной структуры советского общества : 1921 – середина 1930-х гг. М., 1979. С. 185.
- ²⁸ ГАНО. Ф. П.-22. Оп. 3. Д. 67. Л. 6, 19.
- ²⁹ ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 599. Л. 394.
- ³⁰ ГАНО. Ф. П.-22. Оп. 3. Д. 69. Л. 88–89.
- ³¹ ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 608. Л. 3.
- ³² Там же. Л. 67.
- ³³ ГАНО, Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 608. Л. 31–32; Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. С. 93–94.
- ³⁴ Революция и культура. 1928. № 2. С. 45; 1929. № 13. С. 11.
- ³⁵ Сиб. мед. журнал. 1928. № 8. С. 21; Бюджеты городского населения Сибири за 1928–1929 и 1929–1930 гг. Новосибирск. 1931. С. 172–173.
- ³⁶ ГАНО, Ф. П.-22, Оп. 1. Д. 80. Л. 104; Ф. П.-3. Оп. 18. Д. 51. Л. 103.
- ³⁷ ГАНО, Ф. Р.-505. Оп. 1. Д. 254. Л. 66.
- ³⁸ ГАНО, Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 599. Л. 26.
- ³⁹ ГАНО, Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 595. Л. 55–75.
- ⁴⁰ Там же. Д. 608. Л. 1.

- ⁴¹ ГАНО. Ф. П.-22. Оп. 1. Д. 80. Л. 14.
- ⁴² Грошев П. Ф. Годы свершений. Красноярск, 1985. С. 125.
- ⁴³ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 448–450, 476.
- ⁴⁴ Советская торговля. 1937. № 1. С. 30.
- ⁴⁵ ГАОО. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 10. Л. 24–29.
- ⁴⁶ Сибирский медицинский журнал. 1929. № 2–3. С. 20.
- ⁴⁷ Жизнь Сибири. 1926. № 12. С. 15; История социалистической экономики. Т. 3. С. 508.
- ⁴⁸ Два года работы Сибкрайисполкома Советов 1927–1928 гг. Новосибирск. 1929. С. 26.
- ⁴⁹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. С. 14–15; Хозяйственное и культурное строительство в Омской области за пять лет (1935–1939). Омск, 1939. С. 107.
- ⁵⁰ ГАРФ, ф. а-314, оп. 1, д. 304, л. 17.
- ⁵¹ Сибирский медицинский журнал. 1929. № 2–3. С. 20; ГАИО, ф. р. - 600, оп. 1, д. 177, л. 194.
- ⁵² ГАНО, Ф. Р.-47. Оп. 1. Д. 1609. Л. 11; Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. Новосибирск, 1932. № 27-а. С. 6027.
- ⁵³ ГАНО. Ф. Р.-917. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 542. Л. 25.
- ⁵⁵ АИМКМ. Оп. 2. Д. 45. Л. 205, 216.
- ⁵⁶ ГАНО. Ф. П.-22. Оп. 1. Д. 48. Л. 92.
- ⁵⁷ ТАМ ЖЕ. Л. 91–93.
- ⁵⁸ ГАНО. Ф. Р.-1353. Оп. 1. Д. 174. Л. 6–11.
- ⁵⁹ ГААК. Ф. Р.-312. Оп. 1-А. Д. 18. Л. 37; Ф. Р.-333. Оп. 1. Д. 170. Л. 157.
- ⁶⁰ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. С. 15–16.
- ⁶¹ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. С. 302.
- ⁶² Коммунист (Новосибирск). 1936. № 13–14. С. 49.
- ⁶³ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. С. 303.
- ⁶⁴ Майер В. Ф. Уровень жизни населения СССР. С. 59–60.

Кострикина Л. П.

ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА МАГНИТОСТРОЕ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: ПОПЫТКА ИНТЕГРАЦИИ В СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

В ходе сталинской индустриализации советское руководство столкнулось с необходимостью привлечения заграничного технического опыта. Однако необходимо было не только внедрить передовые технологии, методы работы, последние достижения западной науки и техники в максимально короткие сроки и с максимальной эффективностью, но и адаптировать их к условиям советского производства.

По мнению одного из ведущих исследователей проблемы иностранцев в СССР в 1920–1930-е гг., С. В. Журавлева, уникальность социальной категории иностранцев состоит в том, что они являлись носителями разных культур, ментальностей, политических традиций, производственных навыков, бытовых привычек. И, в отличие от большинства советских граждан, они имели возможность сопоставлять советскую действительность с Западом. Кроме того, имея иностранное гражданство в качестве своеобразного щита, многие иностранцы получали не только возможность относительно свободного выражения мыслей и взглядов, но и реальную альтернативу действий: уехать назад или остаться¹.

Уникальность же категории иностранных специалистов, в отличие от иностранных рабочих, заключалась в их социальном положении: они являлись прослойкой между зарубежным пролетариатом и буржуазией. Это означало, что они привыкли к более комфортным условиям, чем инорабочие и, соответственно, предъявляли более высокие требования к уровню жизни и организации производства в Советском Союзе. Поэтому была выдвинута задача «сделать из них советских специалистов в лучшем смысле этого слова»².

Привлекая к участию в индустриализации иностранных рабочих и специалистов, советское руководство преследовало не только экономические, но и политические цели. Все иностранцы, посещавшие Советский Союз являлись важным каналом обмена информацией об уровне жизни в СССР и на Западе. Их оценки советского уровня жизни не должны были противоречить официальной пропаганде. Это означало адаптацию к советским условиям не только иностранного производственного опыта, но и самих приглашенных из заграницы рабочих и специалистов.

Для иностранных рабочих и специалистов были созданы условия не только для ведения активной производственной деятельности, но и для непосредственного участия в советской общественной жизни. Среди них велась партийная и профсоюзная работа, создавались различные кружки и секции, проводились совместные с советскими рабочими и инженерами вечера встреч, издавались литература и газеты на иностранных языках (самые известные Moscow News на английском и Deutsche Zentral-Zeitung

на немецком языке) и т. д. Кроме того, провозглашалось, что «Советское государство – государство диктатуры пролетариата – не знает какого-либо существенного различия между режимом иностранца – рабочего, проживающего в СССР для трудовых занятий, и режимом рабочего – гражданина СССР. Иностранец-рабочий обладает не только полнотой гражданских прав, – он обладает и политическими правами. Он может избирать и быть избранным в советы в силу конституций СССР и республик, входящих в его состав»³. С помощью всех этих мер предполагалось не просто приспособить иностранных рабочих и специалистов к жизни в советских условиях, но и полностью интегрировать их в советское общество, подтолкнуть их к принятию советского гражданства, дать им понять, что только в СССР они могут быть свободны от классового гнета буржуазии и жить полноценной жизнью.

Иностранцы, приехавшие работать на социалистических стройках, руководствовались разными мотивами. Как сообщалось в одной из докладных записок о состоянии работы среди инорабочих на Урале иностранные рабочие и специалисты делятся на три группы: «Приезжающие к нам только с целью заработка; приезжающие с целью помочь нам и участвовать в соцстроительстве; самая маленькая группа – это фашистско-настроенные и состоят из представителей инофирм главным образом специалистов, предъявляющих чрезмерные требования»⁴. Но предполагалось, что, побывав в СССР, все они сделают выбор в пользу социалистического строя. Поэтому советское руководство вело мощнейшую пропаганду среди иностранных рабочих и специалистов. Ставилась задача «перевоспитать иностранных рабочих и специалистов в борцов за наше строительство, использовать их связи с заграницей для пропаганды строительства социализма в СССР, для мобилизации рабочих всех капиталистических стран на защиту СССР»⁵.

Показательным примером советской пропаганды является беседа председателя Уралпрофсовета Финковского в июле 1932 г. с представителями немецких рабочих и специалистов, работающих на уральских заводах⁶. В ходе этой беседы были затронуты вопросы, важные для адаптации иностранцев к советским условиям. Прежде всего, иностранным рабочим и специалистам разъясняли отличия их положения в СССР от жизни на Западе. Во-первых, утверждалось, что в СССР – диктатура пролетариата, которая, в отличие от западной диктатуры буржуазии, дает советским трудящимся возможность непосредственно руководить страной, осуществлять контроль за исполнением законов. Диктатура пролетариата предоставила советским людям неслыханные по западным меркам права и возможности: 7-часовой рабочий день (для вредных производств 6-часовой), социальное страхование, строительство нового жилья, возможность бесплатно обучать своих детей в школах, отдыхать на курортах и в санаториях и т. д. При этом подчеркивалось, что в СССР нет безработицы, советские люди уверены в завтрашнем дне. Все трудности с обеспечением жильем, снабжением прод- и промтоварами преподносились как временные. Особенно справедливо это казалось в отношении Магнитогорска, где еще не было создано развитой инфраструктуры. Следует отметить, что Магнитострой, как один из крупнейших объектов индустриализации, привлекавший к себе широкое внимание общественности не только в СССР, но и на Западе, является одним из ярчайших примеров попытки советского руководства интегрировать иностранцев в советское общество, дать им понять превосходство советского образа жизни над западным.

Положение на Западе характеризовалось в следующих выражениях: «Кризис. Безработица. Крахи, крахи и крахи. Бесправие. Голодовка. Вымирание. Какое же “завтра” ждет пролетариат при капитализме? ... “Завтрашний” день несет капитализму неизбежное ухудшение и углубление кризиса. Для капиталистов “завтрашний” день – это неизбежная гибель».

Важное место в пропаганде занимало и разъяснение роли иностранных рабочих и специалистов в индустриализации страны. Прежде всего, советскому государству было необходимо «сочетание социалистического труда, высокой производительности труда, высокого качества продукции, овладение всеми достижениями современной науки, техники и культуры»⁷. Основная роль инорабочих и специалистов заключалась в передаче своего технического опыта, высокоэффективных методов работы и трудовой дисциплины.

Для способствования интеграции иностранцев в советское общество и осуществления надзора за ними создавались специальные иностранные отделы и выделялись ответственные за эту работу лица в ВСНХ, НК Труда, НК РКИ, отраслевых наркоматах, трестах, партийных и профсоюзных органах, органах снабжения и торговли, а также непосредственно на самих предприятиях. Функции этих отделов различались в зависимости от того, на базе какого органа было создано то или иное подразделение по работе с иностранцами. Так, например, Иностранный отдел Всесоюзного треста «Востокосталь», согласно положению 1930 г., был разделен на три группы, которые были наделены следующими функциями:

1. Группа техпомощи и информации, которая осуществляла выявление потребности в иностранной технической помощи и подготовку к заключению договоров, наблюдение за максимальным использованием действующих договоров, организацию консультаций по отдельным техническим вопросам и т. д.

2. Группа по иноспециалистам и командировкам, которая занималась подбором и привлечением иностранных специалистов, наблюдением за надлежащим их использованием, обслуживанием иностранных специалистов, вопросами их оплаты, а также командировками советских специалистов за границу.

3. Бюро переводов⁸.

Вопросами, непосредственно связанными с адаптацией иностранцев к советским реалиям должны были заниматься партийные и профсоюзные органы. Так, функции Иностранного бюро при ВЦСПС разделялись на несколько групп:

1. Функции в области производства включали в себя укрепление производственной дисциплины, повышение производительности труда, выполнение и перевыполнение заданий на основе социалистических методов труда, организацию передачи технического опыта инорабочих и специалистов советским рабочим и специалистам, содействие рациональному использованию на производстве иностранцев, организацию соцсоревнования и ударничества среди иностранных рабочих и специалистов.

2. В области массовой политической работы: вовлечение инорабочих и специалистов в профсоюз, секции ИТС и добровольческие общества, сюда же относились организация среди инорабочих и специалистов «политико-интернациональной воспитательной работы, направленной к выработке у них социалистически-сознательного отношения к труду, проведение решительной борьбы против проявления шовинизма, национальной ограниченности, фашистской и мелкобуржуазной идеологии и их пережитков».

3. В культурно-просветительной области: организация разного рода курсов, кружков, библиотек, содействие изданию в СССР литературы и газет на иностранных языках, организация школ для детей иностранных рабочих и специалистов, организация обучения инорабочих и специалистов русскому языку.

4. В области бытового обслуживания: содействие обеспечению иностранных рабочих и специалистов жилищными помещениями, продуктами питания и снабжения предметами широкого потребления, организация столовых, ЗРК, ясель, клубов и т. д., вовлечение инорабочих и специалистов в жилкооператив. Сюда относились также организация активности инорабочих и специалистов в деле устранения бытовых неполадок, вовлечение их в работу лавочных и санаторных комиссий.

5. В области найма инорабочих и специалистов: наблюдение за подготовкой предприятий к приему новых групп инорабочих и специалистов, за выполнением предприятиями условий, предусмотренных для иностранных рабочих и специалистов⁹.

Таким образом, многочисленные иностранные отделы осуществляли контроль над всеми сферами жизни иностранцев, работающих в Советском Союзе. Разрабатывались программы мероприятий среди инорабочих и специалистов, направленные на формирование у них, верного с точки зрения коммунистической идеологии и постулатов ВКП (б), восприятия советской действительности и международной обстановки.

В Магнитогорске, как в одном из крупнейших центров привлечения западной технической помощи, также предполагалось вести активную работу среди иностранцев. К марту 1932 г. в Магнитогорске насчитывалось 7 кружков по изучению русского языка, в которых занимались 102 человека: 63 инорабочих, 16 иноспециалистов, а остальные – члены их семей¹⁰; 4 кружка по изучению Программы и Устава Партии, в которых обучалось более 60 человек¹¹. Жизнь иностранца-активиста в общественной работе и на производстве была вполне сопоставима с жизнью советских активистов: ударный труд на производстве, активная общественная деятельность, участие в кружках по изучению истории Партии, политинформации, присутствие на собраниях, вечерах встреч и культурных мероприятиях, изучение технической, политической и художественной литературы, образцовый непритязательный быт. Поэтому иностранцев старались вовлечь практически во все мероприятия, проводившиеся среди советских граждан.

Одним из свидетельств стремления советского руководства привить иностранцам образ жизни образцовых граждан СССР являлась попытка популяризовать среди западных рабочих и специалистов советские праздники, такие, как 8 Марта, 1 Мая или 7 Ноября. Особенно широко планировалось отметить XV годовщину победы Великой Октябрьской революции в 1932 г. Это празднование должно было проходить под знаком широчайшей мобилизации инорабочих и специалистов, перевыполнения планов последнего года пятилетки. Естественно, что особенно важным было перевыполнение производственных планов. Необходимо было провести большую агитационную работу, организацию соцсоревнования, реализацию рационализаторских предложений иностранных рабочих и специалистов и даже выставку рацпредложений¹².

Среди иностранных рабочих и специалистов проводились кампании по займам, например, по займу «4-го завершающего года пятилетки» летом 1932 г. Эта кампания должна была проводиться методами соцсоревнования и ударными силами. При этом предполагалось «развертывание массово-агитационных мероприятий (доклады, беседы, громкие чистки, индивидуальная обработка и т. д.) для обеспечения заключения договоров на соцсоревнование... под лозунгами: за 100 % участие в займовой кампании, за подписку в инвалюте, за образцовое размещение займа, за досрочное окончание подписки»¹³.

Проводилась среди иностранцев Магнитогорска и колдоговорная кампания в марте 1932 г. В рамках колдоговорной кампании было проведено 2 собрания иностранцев, на которых присутствовало по 250 человек. На собраниях обсуждались вопросы международной обстановки, задачи, стоящие перед рабочим классом в завершающем году пятилетки, значение колдоговора 1932 г., роль профсоюзов в СССР и капиталистических странах и различие между договорами в этих странах. Также были проведены 3 собрания с американскими и немецкими специалистами и высококвалифицированными рабочими по вопросу улучшения перенимания их технического опыта. В ходе обсуждения условий

колдоговора иностранцами были выдвинуты предложения, вполне соответствующие образу мыслей советских граждан: принятие шефства на советскими рабочими и специалистами, созыв ежедекадных производственных совещаний для обмена опытом. В механическом цехе «обязались поголовно вступить в члены Осоавиахима в ответ на империалистические вылазки Японии»¹⁴.

Кроме того, некоторые иностранцы привлекались к работе в колхозах во время посевных или уборочных кампаний, как, например, пятеро немцев из механического цеха. Они более двух недель в мае 1933 г. работали в зерносовхозе «Красная Башкирия» во время посевной кампании (за эту работу им заплатили по 187 руб. 50 коп.)¹⁵.

Иностранные рабочие и специалисты должны были проявить свою классовую сознательность и в отказе от валюты. В связи с этим с иностранцами решено было проводить разъяснительные беседы, так как применявшиеся ранее административные меры не обеспечивали понимания огромного экономического и политического значения добровольного отказа от оплаты в иностранной валюте. Интересно, что к убеждению инорабочих и специалистов получать заработную плату только советскими рублями подключались жены самих инорабочих и специалистов¹⁶.

Следует отметить, что жены и взрослые дети иностранцев наряду со своими мужьями и отцами привлекались к участию в большинстве мероприятий общественной жизни. Приветствовалось, когда члены семей иностранцев тоже работали. Так, в семье американского инженера А. Харматта, приехавшего в Магнитогорск вместе с женой и тремя взрослыми детьми, все трое детей работали (дочь работала библиотекарем в Технической библиотеке, старший сын – в коксовом цехе, младший сын – чертежником-учеником в заводууправлении)¹⁷. В целях интернационального воспитания устраивались совместные семейные вечера иностранных и советских рабочих и специалистов¹⁸. Для детей иностранцев предполагалось организовать школы, с преподаванием на их родных языках, а также вовлечение их, как и советских детей в работу пионерских и комсомольских организаций, художественных кружков и кружков по изучению русского языка¹⁹.

Во многом советскому руководству удалось добиться желаемых результатов. Большинство иностранных рабочих и специалистов относились к советской власти, по крайней мере, лояльно. Многие из них вполне искренне восхищались масштабами и темпами строительства, отсутствием безработицы и публично выражали поддержку СССР. Американский инженер-доменщик Шибан в газетной статье высказал свое восхищение перед Советским Союзом: «Нам, иностранным специалистам в Советском Союзе предоставлена большая и ответственная работа, и работаем мы с таким же энтузиазмом, как рабочие и инженерно-технический персонал Советского Союза. На днях я получил от хозяина фирмы, где я работал раньше, письмо. Хозяин пишет мне: «Приезжай в Америку. Работу на наших домах я тебе обеспечу – два дня в неделю». Я ему ответил: «Я остаюсь в Советском Союзе, а работы здесь хватает не на два дня в неделю, а сколько хочешь»²⁰. Немецкий инженер Лерман, также в газетной статье, опубликованной по случаю Первомайского праздника в 1931 г., обратился к собравшимся советским и иностранным рабочим и специалистам: «Мы сами почувствовали огромную разницу между капиталистической Германией и Советским Союзом, как только приехали сюда... Там сотни тысяч безработных, здесь недостаток в рабочей силе. Гнет капитализма чувствуем мы все одинаково – как рабочие, так и специалисты. Только здесь есть возможность полностью развернуть свои способности и знания. Мы должны помочь этому огромному строительству, это наше родное дело»²¹.

Еще одним фактом, свидетельствующим об интеграции иностранцев, работающих на Магнитострое, является их участие в соцсоревновании. Так, в ходе соревнования с инорабочими и специалистами Керченского завода иноработники Магнитостроя приняли на себя следующие обязательства: 1) как можно лучше передать производственный опыт, обучить «не менее одного русского товарища своей квалификации»; 2) разработать и применить рационализаторские предложения, направленные на повышение производительности труда, снижение себестоимости и повышение качества работ; 3) полностью охватить иноработников профсоюзным членством и ударничеством; 5) овладеть русским языком²².

Кроме того, у иностранных специалистов на Магнитострое можно было наблюдать и подлинно социалистическое отношение к труду. Самым ярким примером явился монтер американской фирмы «Отис» Эверет Вокер, который участвовал в монтаже оборудования для доменного цеха. «За время работы Вокер зарекомендовал себя как хороший работник, вполне знающий свое дело, и проявил в высшей степени добросовестное и внимательное отношение к работе. В предпусковой период и во время пуска домны № 1 он часто отказывался от выходных дней и работал ночами на домне над устранением неполадок... Мр. Вокер никогда не отказывался оказывать помощь в устранении дефектов оборудования, поставляемого другими фирмами и старается всеми силами передать свой опыт и знания нашим электромонтерам. ...Не в пример многим другим иноспециалистам Вокер чувствует себя не чужим наемным работником, отвечающим только за свой участок, а наравне с нами заботиться о благосостоянии цеха в целом и бесперебойной работе всех механизмов. От всех, кто с ним соприкасается в работе можно слышать только лучшие отзывы. ...В моменты аварий Вокер по первому зову является на домну во всякое время дня и ночи и быстро ориентируется, устраняя неполадки с минимальной потерей времени. Характерно отметить, что, будучи больным (на работе он сильно обжег электрическим током обе руки), имея полное основание не выходить несколько дней на работу – Вокер не пропустил ни одного дня, ссылаясь на то, что он прекрасно понимает насколько нам важно пустить как можно скорее в работу машины домны ибо из-за опоздания строительных работ – монтаж электрооборудова-

ния считался сильно отсталым участком, могущим задержать пуск домны № 2. Со стороны иноспециалистов редко можно встретить такое внимательное и заботливое отношение к нашему делу и желание всеми силами помочь, как это мы видим со стороны мр. Вокер»²³ (орфография и стиль оригинала сохранены). При этом мистер Э. Вокер пожелал остаться на постоянную работу в Магнитогорске и после истечения срока контракта с фирмой «Отис»²⁴.

Все вышеперечисленные факты, безусловно, говорят об успешной интеграции части иностранцев в советское общество. Кроме того, эти факты, безусловно, сыграли положительную роль в интернациональном воспитании советских граждан, дали возможность советской пропаганде утверждать превосходство социалистического строя над капиталистическим, а также способствовали повышению квалификации советских инженеров.

Однако существовало и множество факторов, препятствовавших интеграции иностранных рабочих и специалистов в советское общество. Важнейшим из них являлось негативное отношение к Советскому Союзу части иностранных, специалистов, которые воспринимали СССР как «дойную корову» и «мечтали о том, чтобы скорее вернуться на родину с капиталом в кармане»²⁵. Некоторые иноспециалисты, по словам заведующего Инобюро НКТП Владимирова, полагали, что их пригласили «играть роль первоклассных спецов в «допотопной» советской промышленности»²⁶. Однако они были разочарованы, убедившись на практике, что для работы на советских предприятиях от иностранцев требовали высокого уровня квалификации, значительного практического опыта, знания передовых технологий и методов работы.

Многие иностранные специалисты не хотели или оказались не способны соответствовать условиям советского производства. Так, некоторые сотрудники американской кампании «Мак-Ки» были охарактеризованы заведующим Бюро переводчиков Полуэктовым следующим образом: «Мак-Моррей – старший инженер Корпорации... Как инженер, может быть, очень опытный, способный, чего нельзя сказать, чтобы он проявлял на Магнитострое... Работет, если можно так назвать, абсолютно без всякого интереса, что по моему мнению объясняется его враждебным отношением к нам (слишком много служебного времени тратит на устройство своих домашних дел и гораздо больше заинтересован самим собой, чем прогрессом строительства)... Инженер Мак-Ласки работает у нас по водопроводам, отоплению и временно по ж. д. Не имеет абсолютно никакого опыта. Очень скептически относится ко всему советскому. Об его абсолютной бесполезности говорят даже среди американцев. ...Инженер мр. Петровский числится геодезистом и помощником инженера мр. Дум. Самой важной и полезной работой Петровского является держание штыря, когда инженер Дум производит нивелировку или какие-либо разбивки. Большую часть своего рабочего времени тратит на свои личные нужды, в экстренных случаях используется Мак-Морреем как переводчик, так как говорит довольно прилично по-русски. Изучив его хорошенько, я убедился, что он никогда не был инженером, и привезен он сюда исключительно благодаря знанию русского языка, для шпионажа в пользу Корпорации, а, может быть, и хуже. Один раз я застал его роющимся в моем столе, несколько раз видел его заговаривающим с рабочими, по моему, на политические темы, очень интересуется нашей политической и экономической жизнью»²⁷.

Таких иностранных специалистов трудно было сделать частью советского производства и, тем более, советской жизни. Они держались обособленно и не шли ни на какой контакт за пределами производства. С другой стороны в Советский Союз, и на Магнитострой в том числе, приехало множество дружелюбно настроенных иноспециалистов, искренне желавших оказать помощь социалистическому строительству. Но многие из них разочаровались как в Советском Союзе, так и в коммунистической идеологии, по причинам, порожденным самим советским обществом. Первой из таких причин можно назвать отношение к ним со стороны Иностранных отделов. На местах для работы с иностранцами подбирали крайне некомпетентных людей, не владевших иностранными языками и часто вообще малограмотных. Об этом может свидетельствовать фраза в письме руководителя Бюро по работе среди иностранных рабочих и специалистов при Уралпрофсовете, Дерова: «Еще трудность для меня представляется та, что владею плохо русским языком и зачастую поэтому мои директивы трудно продвигаются, так как мне приходится разыскивать товарища, который бы исправлял текст, а это далеко не все охотно делают»²⁸ (орфография и стиль оригинала сохранены). Работа среди иностранцев велась разрозненно, между местными партийными, профсоюзными органами и предприятием не было единства, указания из центра часто игнорировались со ссылкой на недостаток времени или кадров, привлекаемых к этой работе. К инициативам иностранцев, проявляемым вне рамок запланированных мероприятий, относились с подозрением.

Результатом стало недовольство со стороны множества иностранцев. Некоторые безуспешно пытались бороться с таким положением, жалуясь в вышестоящие организации. Немецкий инженер Герман Мюллер, член КПП, писал об Иностранном отделе Управления строительством Магнитостроя: «Работа ИНО при теперешней ее организации представляет собой учреждение, которое серьезнейшим образом вредит интересам Управления и производства и умаляет достоинство СССР за границей. Теория от такой работы имеет большой ущерб, так как специалисты, которые здесь получают такие впечатления, легко делаются агитаторами противного. ...В качестве германского партийца я не имею права молчать об этом»²⁹.

Еще одним фактором, оставлявшим негативные впечатления, был низкий уровень организации как самого производства и строительства, так и использования технического опыта иностранных рабочих

и специалистов. Советское руководство вполне справедливо видело причины недостаточно эффективного внедрения иностранного опыта в неудовлетворительной вербовке заграницей иностранных рабочих и специалистов по квалификациям, неправильное направление их на предприятия, без учета квалификации³⁰. Кроме того, к 1932 г. на советских предприятиях наметилась тенденция к отказу от привлечения инорботников, поскольку работа с ними представляла значительные трудности: каждому иностранцу нужно было выделить жилище, разъяснить суть социалистических методов работы. При этом работа с ними велась в основном через переводчиков³¹.

По результатам одной из проверок Агитмассового отдела Уралобкома ВКП (б) было выявлено множество недостатков организации работы иностранцев: «...специалисты, которым мы платим огромные деньги золотой валютой, предоставлены сами себе, не несут действительной ответственности за порученную работу, не являются на работу, пьянствуют и за это не подвергаются никаким мерам воздействия. В основном это является следствием того, что заводоуправление до сих пор не выделило ответственных лиц, на которых была бы возложена персональная ответственность за работу и использование иностранных работников. Директора заводов и руководители трестов в ряде случаев не интересуются работой приглашенных из-за границы работников, не в курсе их важнейших предложений и т. д.»³².

Инициативу, проявляемую иностранцами на производстве часто игнорировали, несмотря на множество распоряжений центра уделять как можно больше внимания предложениям иноспециалистов. Упомянутый выше немецкий инженер Герман Мюллер жаловался, что «Иностранный Отдел Управления под руководством т. Иогансон проводит планомерный саботаж использования иностранных работников. Почти все предложения улучшения работы, которые иноспециалисты и рабочие вносят в ИНО поныне находятся в папках непереуведенными»³³. Видимо, игнорирование предложений иностранных специалистов объяснялось тем, что руководители цехов и предприятий опасались шпионажа и вредительства, предпочитая получить выволочку от начальства «за непроведение инорацпредложений», чем суд и арест за соучастие во вредительстве.

Не всегда удачно складывались отношения между иностранцами и советскими гражданами. Необходимо отметить, что отношение к приглашению иностранных специалистов в СССР было неоднозначным. Среди советских инженеров и техников было немало противников использования иностранной технической помощи. Многие считали, что вместо приглашения иностранных специалистов надо приложить все силы для поддержания своих кадров, создания благоприятных условий для повышения их квалификации (зарубежные командировки, доступность научно-технической информации, постоянные контакты с заграничным инженерным миром), улучшения условий труда и быта ИТР³⁴. Сторонники этой точки зрения называли иностранных специалистов «дорогостоящим принудительным товаром»³⁵.

Неоднозначную роль сыграли особые материально-бытовые условия, созданные для иностранцев. С одной стороны, самим иностранным специалистам эти условия казались недостаточно комфортными. В первую очередь, это касалось снабжения иностранцев прод- и промтоварами. В магазинах Инснаба, Торгсина и на рынке невозможно было достать продукты, к употреблению которых привыкли иностранцы. Американский инженер, присланный в Магнитогорск кампанией «Мак-Ки», жаловался на то, что не может нигде купить цветную капусту³⁶. Американский инженер фирмы «Копперс» так описывал магазин в американском поселке: «Там почти ничего нельзя купить, кроме хлеба, папирос и спирта. Муки не было несколько недель и очень редко имеются овощи. ...Также снабжение мясом было очень плохое и плохое по качеству. Норма установленная для чая и мыла настолько мала, что никто из семей не имеет достаточно для своих нужд»³⁷. Чрезвычайно трудно было приобрести одежду. Американскому инженеру Габриэлю пришлось обращаться с заявлением к заместителю начальника строительства Гугелю, прежде, чем ему были выделены шуба, меховая шапка, валенки и теплые рукавицы³⁸. Многие иностранцы, не сумев приспособиться к таким условиям, вынуждены были уехать из СССР разочарованными. В Магнитогорске был случай, когда немецкий монтер Иоганн Гютер был вынужден покинуть строительство по причине того, что не мог соблюдать, предписанную ему врачами диету³⁹.

С другой стороны, созданные для иностранцев условия раздражали советских граждан, которым они казались чрезвычайно комфортными. Рабочие на стройке, глядя на иностранных специалистов, говорили: «Райское житье. Оправдали бы заморские гости расходы»⁴⁰. Большинство советских рабочих и ИТР не понимали, почему для иностранцев, а не для них создаются такие условия жизни.

В целом политику советского государства по отношению к иностранным рабочим и специалистам нельзя назвать исключительно дружественной. С одной стороны, руководство нуждалось в их производственном опыте и стремилось интегрировать иностранцев в советское общество. С другой стороны, все иностранцы внутри Советского Союза, даже принявшие советский образ жизни, неизбежно вызывали подозрение. Советская власть наряду с политикой интернационального воспитания, проводила политику изоляционизма, сформировавшую, по мнению В. Н. Хаустова, определенный менталитет у советских людей. Основными чертами этого менталитета стали боязнь общения с иностранцами и подозрительность в отношении зарубежных граждан. Каждый иностранец воспринимался как потенциальный агент западных спецслужб⁴¹. Такой стереотип в отношении иностранцев являлся, пожалуй, важнейшим фактором, препятствующим их интеграции в советское общество.

Стремление советской власти свести отношения с заграницей до минимума со всей отчетливостью проявилось в середине 1930-х гг., когда первая пятилетка была окончена и нужда в квалифицирован-

ной рабочей силе стала не такой острой. В июне 1935 г. была ликвидирована система снабжения иностранцев – Инснаб, в 1936 г. – магазины Торгсина⁴², более строго стали контролироваться перемещения иностранцев по стране.

Политика изоляционизма проявилась в репрессиях по отношению к иностранным гражданам. В первую очередь, репрессии коснулись немецких граждан, в том числе эмигрировавших в СССР антифашистских деятелей и членов КПГ. Судьба их сложилась по-разному. Многие немцы, приехавшие работать в СССР, приняли советское гражданство и впоследствии были арестованы, расстреляны или отправлены в лагеря. Те, кто сохранил германское гражданство и не покинул Советский Союз добровольно, подверглись арестам и репатриации⁴³.

Отношение советского руководства к иностранным специалистам было поистине прагматическим. В годы первой пятилетки, когда страна более всего нуждалась в их услугах, инособициалисты провозглашались друзьями и втягивались в жизнь советского общества. Это не исключало недоверия и подозрительности к ним со стороны властей. Тем не менее, многих инособициалистов удалось, с большими или меньшими оговорками, интегрировать в советский социум и отчасти достичь желаемых результатов.

Примечания

¹ Журавлев С. В. Иностранцы в советском обществе 1920–1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. М., 2002. Вып. 3. С. 189–190.

² Рубинер Ф. Партийно-массовая работа среди иностранных рабочих. М., 1932. С. 67.

³ Плоткин М. Права иностранцев на современном этапе (Из проблем международного частного права) // Советское государство. 1934. № 3. С. 175.

⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 272. Оп. 3. Д. 629. Л. 143.

⁵ ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 62. Л. 18.

⁶ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 596. Л. 21–22.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ ГАСО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 39. Д. 17. Л. 14–17.

¹⁰ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Д. 696. Л. 55.

¹¹ Колотилин А. Г. Иностранные трудящиеся на Магнитострое // Творческая деятельность рабочего класса Магнитки. Труды Магнитогорского горно-металлургического института им. Г. И. Носова. Вып. 49. Магнитогорск, 1967. С. 22.

¹² ГАСО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 480. Л. 41.

¹³ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 480. Л. 4.

¹⁴ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 705. Л. 10.

¹⁵ Магнитогорский городской архив (МГА). Ф. 99. Оп. 8. Д. 158.

¹⁶ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 480. Л. 26.

¹⁷ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 139. Л. 14..

¹⁸ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 705. Л. 151.

¹⁹ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 479. Л. 34.

²⁰ Магнитогорский рабочий. 21 октября 1934. С. 3.

²¹ Магнитогорский рабочий. 10 ноября 1931. С. 2.

²² Магнитогорский рабочий. 28 июля. 1932. С. 1.

²³ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 121. Л. 26.

²⁴ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 121. Л. 32.

²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 10.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 31. Д. 214. Л. 133.

²⁷ ГАСО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1636. Л. 195–195 об.

²⁸ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 480. Л. 69.

²⁹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 100. Л. 8.

³⁰ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 705. Л. 96.

³¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 697. Л. 84.

³² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 29.

³³ ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 100. Л. 7.

³⁴ Пыстина Л. И. Иностранные специалисты в Сибири в начале 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отеч. история. Новосибирск, 2002. № 2. С. 49.

³⁵ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Л. 103.

³⁶ Полонский Л. Магнитка зовет. Страницы истории великой стройки и жизни Чингиза Ильдрыма. Баку, 1972. С. 56.

³⁷ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 168. Л. 17.

³⁸ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 134. Л. 9.

³⁹ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 203. Л. 5.

⁴⁰ Полонский Л. Магнитка зовет. Страницы истории великой стройки и жизни Чингиза Ильдрыма. Баку, 1972. С. 56.

⁴¹ Хаустов В. Н. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения – потенциальные «агенты буржуазных разведок» // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. М., 2008. С. 219.

⁴² Это связано было, впрочем, и с отменой карточной системы и значительным улучшением снабжения населения.

⁴³ См.: Тышлер К. Высылка немцев из Советского Союза в 1930-е годы // Россия и Германия. М., 2001. С. 98–213.

Макарова Н. Н.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МАГНИТОГОРСКА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ (1929–1935 ГГ.)

«Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», – заявил И. В. Сталин в феврале 1931 г., определив тип экономической системы страны на несколько десятилетий вперед как командную экономику мобилизационного типа¹. Не стоит думать, однако, что мобилизационная экономика может быть только директивной или административной. В современной экономической науке сформулированы теории мобилизационной модели экономики в условиях рынка. Но наиболее яркие и драматические события мобилизации ресурсов в XX столетии связаны именно с советским периодом, когда за счет централизованных механизмов административного регулирования удавалось очень быстро мобилизовать максимум ресурсов для решения конкретных задач. Под термином «мобилизационная экономика» мы понимаем всю экономику как хозяйственную систему, в которой «мобилизационность осуществляется через осознанную целенаправленную организацию хозяйственной жизни, заставляющую субъектов экономики мобилизовать ресурсы: материальные, капитальные, человеческие, включая духовные, в ответ на возникающие угрозы существованию общественной системы»².

Тридцатые годы XX века характеризовались колоссальным индустриальным развитием, что нашло свое отражение не только в экономике, культуре, политике, социальной сфере, но и в повседневной жизни населения Советского Союза. К началу 1930-х гг. центром политической активности в стране стала промышленность, где реализовывался план сталинской модернизации. Своеобразным символом последней в первой половине 1930-х гг. был Магнитогорск. Развитие промышленного потенциала Советского Союза и Магнитогорска в частности невозможно представить без участия «маленьких» людей – тех, чьими руками возводился металлургический гигант и город.

На Магнитострое имели место все признаки мобилизационной экономики: закрепление рабочей силы за предприятиями, наказания за нарушения трудовой дисциплины, жесткое распределение ресурсов³. Следует отметить, что названные элементы характерны не только для данного типа экономики, но для любой экономической системы вообще. Однако особую роль они приобретают в условиях мобилизационности. Вслед за исследователем В. В. Седовым, мы считаем, что для эффективной работы мобилизационной экономики необходим особый духовный подъем населения, его готовность идти на временные неудобства и лишения. «В мобилизационной экономике исключительное значение приобретают моральные, нравственные, психологические... факторы»⁴. Магнитогорск был создан благодаря героическому подвигу его первостроителей, их жертвенности и энтузиазму, но эти вопросы являются темой отдельного исследования.

Стремление власти максимально быстрыми темпами с минимальными затратами создать важнейшее производство в Магнитогорске приводило к тому, что строительство велось практически без какой-либо предварительной работы по созданию необходимой инфраструктуры. На будущую строительную площадку прибывал своеобразный трудовой десант, живший буквально под открытым небом. Организации, принимавшие на работу специалистов и рабочих из других регионов, не могли обеспечить их необходимым жильем.

Первых прибывающих на Магнитострой рабочих селили в брезентовых палатках, каждая из которых вмещала по норме 17 человек. На самом же деле в одной палатке размещалось по 25–30 человек⁵. В литературе бытует мнение о том, что в подобных палатках первостроители жили годами. Действительно палаточный лагерь у горы Магнитной существовал, но только в летние месяцы 1929 г. В последующие годы брезентовые палатки устанавливали на Магнитострое только летом и осенью для обеспечения жильем вновь прибывающих рабочих. Ясность в вопрос о сроках существования палаток в Магнитогорске как временного типа жилища в течении всего календарного года внести довольно сложно. Свидетельства очевидцев сбивчивы, а архивные данные и сведения периодической печати значительно разнятся. В сентябре 1930 г. газеты сообщали, что около 2000 рабочих будут по-прежнему жить в палатках⁶. Исследователи И. В. Антипова и М. И. Школьник также указывали на то, что в летом 1931 г. более 10000 человек проживали в палатках, но и их часто не хватало. Так, собкор «Комсомольской правды» С. Д. Нариньяни жил три месяца на стоге сена. Архивные данные свидетельствуют о том, что выписать брезент для установки палаток было не просто. Начальник Магнитостроя Яков Шмидт неоднократно направлял запросы в совет труда и обороны СССР с требованием обеспечить строительство необходимым для палаток брезентом, но получал отказ. Поэтому вскоре магнитогорцы начали строить облегченные бараки, а палатки заменили «чингизками»⁷. Довольно похожи по конструкции на «чингизки» были магнитогорские землянки. Магнитогорец Н. Яловой вспоминал, что в 1935 г. его отец построил землянку № 57 в поселке 8 Марта⁸. Коренным отличием землянки от «чин-

гизки» было то, что последние находились над землей, а землянки уходили под землю приблизительно на один метр.

Наибольшее распространение в Магнитогорске получили бараки⁹. Преимущественно строились бараки двух типов: для семейных и одиночек. По воспоминаниям А. И. Сулимова в Магнитогорске не предполагали первоначально строить бараки для семейных, т. к. «строители будут временные без семей...»¹⁰. Но уже в 1930 г. к рабочим стали приезжать жены и дети. Для строителей – одиночек бараки строились типа казарма на 250–300 человек, для семейных – с комнатной планировкой на 150–200 человек с изолированными комнатами площадью по 12–15 кв. м. При наличии в семье детей родители устанавливали над входной дверью антресоль (палати) для игр и сна площадью около 5 кв. м. В комнате также размещалась печь. Довольно часто жители устраивали в своих комнатах под полом погреб для хранения продуктов. Когда комнатных барачков не хватало, то семейных селили в бараки с одиночками. Подобное расселение вызывало недовольство обеих сторон: «...попробуйте ночевать в бараке хоть одну ночь и послушайте храповую музыку ста с лишним человек...»¹¹ Типичным примером жилищных условий в Магнитогорске являлось жилье семи семей инженеров: «...жили на 13-м участке в бараке, окруженном спецкадрами, в таких ужасных условиях, что когда к инженеру Терезову приехала жена и заболела, то им пришлось в бараке укрываться от дождя чертежами и чертежными досками»¹². Условия проживания в бараках были, несомненно, тяжелыми. Водопровод имелся у незначительной части жилищ, центральное отопление также являлось крайней редкостью. Кроме того, большая скученность населения, отсутствие помещений для сушки одежды, «стирка белья и пеленок, прием пищи, пьянство, картеж, хулиганство – обычная вещь в любом барачном поселке – делали жизнь рабочих невыносимой»¹³. «Придешь в барак к работникам, к нашим лучшим ударникам – живет он с семьей в общем бараке... Придешь к ним побеседовать – тут кричат дети, тут стирают, тут варят обед, тут пришел ударник только с работы, ночь работал, повалился и спит. У одного отгорожено какой-то рогожкой, у другого поставлены доски, у третьего еще что-нибудь, у четвертого одеяло висит. Словом, наделали себе клетушек и живут со своими семьями. И это лучшие ударники»¹⁴. Хотя бараки оставляли желать лучшего, но магнитогорцы «радовались уже тому, что не живут в палатке...»¹⁵.

Основной формой форсированного жилищного строительства в Магнитогорске был квартирный дом сборной щитовой конструкции, возводившийся «индустриальным методом»¹⁶. Необходимость возведения подобных домов объяснялась тем, что «каменное производство соцгорода не поспевает за темпами постройки завода»¹⁷. Сообщалось о том, что дома оборудуют водопроводом, отоплением и канализацией. В условиях нехватки жилья каркасные и щитовые дома стали очень популярны. Однако эти конструкции были недолговечными и считались временным типом жилья, поэтому возведения обещанных коммуникаций и общественно-коммунальных объектов не было произведено.

Начало капитальному строительству в городе было положено в 1930 г. В период до 1935 г. было завершено строительство квартала № 1 и частично квартала № 2 Соцгорода по проекту немецкого архитектора Э. Мая. Жилые дома по плану располагались вокруг парков и общественных центров. Однако детально разработанный проект в условиях приоритетного строительства металлургического завода, реализовался не комплексно. Поскольку городу требовалось жилье, возводили жилые дома, а строительство общественных зданий откладывали на более поздний срок. Жители вселившиеся в квартиры «со своими частнособственническими интересами», сразу почувствовали массу неудобств. Первые капитальные дома Магнитогорска представляли собой следующее: «Мрачные казарменные фасады, зияли дырами не застекленных окон. Не были сделаны даже межкомнатные перегородки. Не было отопления – ждали прибытия радиаторов. Не было и уборных. Поднявшись по деревянной (своеобразное облегчение строительства) лестнице, люди попадали в огромные залы, занимавшие целый этаж. Там они ставили свои топчаны, привезенные из барачков, складывали «буржуйки», выводили трубы в окно, и начинали жить...»¹⁸ Барачный быт сохранился практически в неизменном виде и в капитальных домах Магнитогорска. Усугубились лишь бытовые проблемы: воду приходилось носить на 3–4 этаж, топить помещение стало гораздо сложнее, в результате в зимнее время температура в квартирах соцгорода достигала 30–36 градусов ниже нуля¹⁹. Стремление переселить максимальное число людей из барачков в квартиры капитальных домов диктовало покомнатное заселение.

Несмотря на то, что в городе шло интенсивное строительство барачков и капитальных домов, жилплощади не хватало. Так, в марте 1931 г., когда население Магнитогорска составляло 83 тыс. человек, общая жилая площадь составляла 160 тыс. кв. м, т. е. 1,9 кв. м на человека²⁰. К январю 1932 г. при населении 196 тысяч человек, жилая площадь составляла 359 тыс. кв. м.²¹ При достаточно интенсивных темпах возведения жилья жилищная проблема только усугублялась. Поэтому в Магнитогорске периодически понижали санитарные нормы жилплощади на одного человека. В итоге зимой 1931–1932 гг. норма жилплощади на человека в квартире составила 6 кв. м., в бараке – 3,5 кв. м. Реальные цифры были еще хуже. Согласно официальным данным, средний показатель распределения жилой площади на человека составил в 1932 г. 1,8 кв. м²². Однако, по нашему мнению, данная цифра не отражает реальной картины нехватки жилья. Дело в том, что средний показатель высчитывался по следующей схеме: общая площадь жилищного фонда, включавшая в себя не только землянки, бараки и капитальные дома, но и привилегированные объекты как поселок «Березки» (здесь проживали иностранные специалисты в индивидуальных коттеджах), делилась на число горожан. В итоге, средний показатель жилплощади на человека, проживающего в бараке, сокращался вплоть до 1,3 кв. м²³.

В условиях дефицита товаров народного потребления и выдвигания на первый план форсированного строительства металлургического завода, вопросы снабжения населения оказывались не приоритетными. 30 октября 1931 г. состоялся Пленум ЦК ВКП (б), на котором рассматривался вопрос о необходимости развертывания торговой сети и улучшение снабжения населения Урала. В результате к осени 1932 г. в городе функционировало 123 магазина, 112 торговых палаток, 62 предприятия общественного питания, в том числе 40 столовых, две фабрики-кухни, ресторан, было построено овощехранилище емкостью 29350 т. Открылась швейная фабрика, сапожная мастерская, Горпромкомбинат, работали десятки артелей по производству товаров народного потребления.

Однако потребности растущего города не были удовлетворены, а снабжение осуществлялось с перебоями. Недостаток продуктов питания, одежды и обуви стоял по-прежнему остро. В результате 4 декабря 1932 г. СНК РСФСР принимает постановление об улучшении снабжения строителей Магнитогорска, в соответствии с которым было организовано Управление рабочего снабжения (УРС). Все торговые объекты, находившиеся в черте города и в ведении ЦРК (Центральный рабочий кооператив) передавались УРСу. Созданное Управление рабочего снабжения действовало на положении самостоятельной хозяйственной единицы и имело разветвленную структуру. Это позволило более успешно и интенсивно решать вопросы снабжения населения. УРС в отличие от ЦРК контролировал снабжение всех магнитогорцев, а не только рабочих строительства металлургического завода. Конечно, кооператив при достаточности товаров продавал их всем желающим. При недостатке появлялись ограничения; тогда в первую очередь устанавливался максимальный размер покупки. Но введение карточной системы свидетельствовало о неблагоприятной ситуации в сфере снабжения и торговли и поэтому ЦРК отоваривал исключительно членов кооператива. В частности в 1931 г. «при недозавозе некоторых товаров» рабочие основных специальностей были обеспечены полностью, а остальные горожане скорее всего не смогли получить необходимого минимального набора продовольственных товаров²⁴.

Значительное число проблем с обеспечением рабочих товарами, необходимость их бесперебойного снабжения, а также отсутствие пригодных для использования складов в непосредственной близости от строящегося города²⁵ привело к введению нормируемой системы продажи товаров. Порядок продажи товаров по карточкам был определен администрацией стройки совместно с ЦРК. Заборные карты треста отличались от карточек местного населения. Выдавались заборные документы контрольно-карточным бюро «Магнитострой», которое включало два отдела. Отдел выдачи и нормирования и отдел контроля за отовариванием фактически осуществляли весь процесс выдачи заборных документов. Дополнительный контроль – свидетельство важности вопросов снабжения – осуществляли комиссии из числа рабочих, организованные по цеховому принципу. В Магнитогорске были созданы рабочие активы по контролю за системой снабжения и питания²⁶. Предполагалось, что рабочие будут контролировать весь процесс снабжения в масштабах города, но реальная практика оказалась куда примитивнее. Рабочие бригады формировали по цеховому принципу и следили, чтобы каждый получал соответствующую его положению карточку, чтобы никто не получил порцию в столовой больше или меньше положенного²⁷. Со временем и эти полномочия рабочий контроль утратил. Периодически в городе стали проводить рейды «легкой кавалерии» – специально созданных отрядов по контролю за сферой торговли.

Выдача товаров по карточкам или «заборным книжкам» неизменно сопровождалась очередями, волокитей, руганью и ошибками при выдаче товаров. В Магнитогорске в сфере снабжения, торговли и общественного питания получили распространение обвешивания, «торговля для своих», получение дополнительных обедов за счет «мертвых душ»²⁸. Махинации с карточками также получили широкое распространение. Протоколы контрольной комиссии РКИ свидетельствуют о разнообразных способах получения продуктовых и промышленных товаров по поддельным или чужим карточкам²⁹.

Очереди были спутником жизни магнитогорцев на протяжении всего исследуемого периода. Возникновение очередей объяснялось прежде всего отсутствием достаточного количества торгующих точек и столовых, дефицитом товаров народного потребления и массовой путаницей, возникающей при наличии льгот и привилегий среди магнитогорцев: «Я ударник, ежемесячно перевыполняю план, работаю на самом ответственном участке нашего завода старшим газовщиком на комсомольской донне, но живу очень плохо. Во-первых, я как правило остаюсь по два-три дня без хлеба. Придешь с работы, то в ларьке хлеба нет, то очередь большая. А стоять в очереди совершенно некогда. Когда твоя очередь дойдет, это примерно часа через три-четыре, хлеба нет...»³⁰. Местная пресса неоднократно освещала проблемы очередей в Магнитогорске и указывала на то, что люди стоят в очередях во время рабочей смены³¹.

В связи с имевшимися проблемами в сфере снабжения отчеты контрольных комиссий РКИ отмечали случаи недовольства со стороны рабочих. В октябре 1930 г. рабочие конного двора Трансстрой Зетченко, Залавинов и Попов заявили: «Мы ходим голые и босые на работу, а старшие забрали себе все, мы подавали заявление в ЦРК, но никакого ответа не получили»³². Рабочий ответственного участка строительства плотины Федоров во время проведения беседы десятником Быковым говорил: «Вошь заедает. Дали бы хотя бы по паре белья. ЦРК содрал с нас пай, работает на наши деньги... а нам фигу показывает...» Выступавший вскоре за Федоровым бригадир землекопов Евсенов жаловался на то, что его ударной бригаде в течение двух месяцев не выдают ударные карточки³³.

Проблема питания в столовых оставалась в Магнитогорске не менее острой. Американский рабочий, принимавший участие в строительстве металлургического завода, Джон Скотт так описывает столовую: «В столовой было полным-полно народа. За не покрытыми скатертью длинными деревянными

столами сидели рабочие, и почти позади каждого сидящего и обедающего человека стоял еще один, ожидавший, когда освободится место. Здесь было много шума и суеты... В столовой было холодно, и я видел, как от дыхания клубятся облачка пара...»³⁴ Предполагалось, что ударники должны были питаться в отдельной столовой или, по крайней мере, обедать за отдельными столами. Однако перегруженность была слишком большой и все обедали вместе. Естественно, существовали отдельные столовые для инженеров и высококвалифицированных специалистов, но отличия были минимальными. В столовых для инженерно-технических специалистов было относительно чисто, а по замечанию Дж. Скотта «еда почти такая же, как и у нас. А суп, я думаю, тот же самый»³⁵. Обеды в столовых города были крайне однообразны. Первое блюдо – суп с вермишелью, мясо консервированное; на второе каша – рисовая, пшенная, гречневая или перловая. Реже давали картофельное пюре³⁶. Качество обедов было крайне неудовлетворительное³⁷. Хлеб в городе, несмотря на наличие собственного хлебокомбината, был низкого качества. Чаще всего он был просто не пропечен, и рабочие вынуждены были есть его сырым³⁸. В столовых готовили невкусно, часто нарушали правила приготовления пищи³⁹.

В этой связи актуален вопрос о качестве лечения магнитогорцев. Несмотря на передовые по тем временам возможности: наличие специального медицинского оборудования и лекарственных препаратов, число повторно заболевших горожан не сокращалось. В частности в первом полугодии 1932 г. в амбулаториях города прошли лечение 341390 пациентов, из них 227674 обратились в медицинские учреждения повторно⁴⁰. Главной причиной повторной заболеваемости был низкий уровень жизни. Жилищная скученность, неразвитость социальной инфраструктуры, несбалансированное, а зачастую недостаточное питание порождали высокую заболеваемость. Практически каждый магнитогорец, по словам исследователя В. А. Исупова, «попадал в замкнутый круг: заболев, он поступал в больницу, где его лечили, используя новейшие ... медицинские технологии. Но выздоровев, он вновь попадал в сырой подвал, в землянку или переполненную коммуналку, питался картошкой и хлебом, подхватывал инфекцию и вновь оказывался на больничной койке»⁴¹.

Действительно систему здравоохранения невозможно рассматривать вне зависимости от состояния общего жилищно-бытового и продовольственного обслуживания горожан. Общая неустроенность быта и не налаженная система снабжения приводили к увеличению отрицательного естественного прироста населения. Организация деятельности медицинских служб города сопровождалась значительным числом трудностей. В 1929-1935 гг. существовало множество проблем материально-бытового характера в системе здравоохранения.

Во-первых, в Магнитогорске до 1932 г. отсутствовали помещения, пригодные для лечения больных. Первая временная больница на 175 коек размещалась в 5 бараках, причем хирургическое отделение располагалось совместно с родильным и гинекологическим⁴². Отдельные корпуса были отведены под терапию, инфекционное отделение и амбулаторию, а кухня, прачечная и контора сосуществовали в одном бараке. Число больных практически постоянно превышало число койкомест. Так, в ходе обследования рабочей бригадой больницы, по поручению Городского Совета, выяснилось, что вместо возможных 175 пациентов в больнице лежит 264 человека, а отдельные палаты перегружены на 50 %⁴³. При этом в больнице отсутствует не только вентиляционная система, но даже форточки: «Воздух спертый, много клопов...»⁴⁴ Временная больница на 800 коек существенно отличалась от предыдущей. Однако негативные явления имели место и в новом строении. Во-вторых, снабжение больниц медикаментами и бельем находилось в удручающем состоянии. В частности, в родильном отделении вместо требуемых на ребенка в день пятнадцати пеленок выдалось не более трех⁴⁵. Больница испытывала нехватку постельных принадлежностей и больничных пижам. В хирургическом отделении города из-за отсутствия керосина и спирта для дезинфекции неоднократно срывались операции⁴⁶. В-третьих, существовал острейший дефицит бинтов и лекарственных препаратов. Врачи вынуждены были выдавать жаропонижающие и противовоспалительные лекарства в самых тяжелых случаях. Бинты использовались многократно. Тем не менее ситуация постепенно менялась. В годы первой и второй пятилеток в СССР были построены заводы по производству лекарственных препаратов, освоено производство новых высокоэффективных медицинских средств⁴⁷. В Магнитогорске к 1935 г. дефицит медикаментов был преодолен. В-четвертых, остро, впрочем как и в наше время, стояла проблема питания в больнице. Качество, а зачастую и количество пищи, предлагаемой больным было неудовлетворительным. Отчеты заведующих отделениями городской больницы пестрят сведениями о том, что больные отказываются от еды. В ходе проверки городской больницы в мае 1930 г. больные жаловались на «однообразие пищи, недостаточность порций, особенно хлеба»⁴⁸. В-пятых, в амбулаториях на прием к врачу попасть было крайне сложно. Очереди в коридорах были огромные. Так, заместитель начальника горздравотдела Колчанов 3 мая 1932 г. посетил поликлинику здравобъединения № 3 и выявил следующие нарушения: «скопление значительной очереди на запись в регистратуру и процедурную; нечеткая работа отдельных регистраторш, отказавших нескольким больным в записи на прием к врачам, якобы из-за их выходного дня...; отсутствие расписания приема врачей для сведения больных; в отдельных кабинетах не соблюдаются правила элементарной гигиены...»⁴⁹ С проблемой очередей в магнитогорской больнице столкнулся американский рабочий Джон Скотт: «Она (медицинская сестра) велела мне прийти к определенному времени, когда в поликлинике царствовал специалист по удалению зубов. Я пришел на несколько минут раньше и обнаружил очередь...»⁵⁰

Демографическая ситуация в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. может быть охарактеризована как «демографическая катастрофа». основополагающим показателем демографического

развития населения является величина его естественного прироста, которая представляет собой разницу между числом родившихся и умерших за единицу времени, преимущественно за год. Смертность в Магнитогорске была значительной. Объясняется преобладание смертности над рождаемостью тем, что в течении 1930–1935 гг. в городе шел сложный процесс становления и организации элементарных бытовых условий. Анализ причин смертности в Магнитогорске позволяет объяснить сложившуюся демографическую ситуацию. Наиболее распространенной причиной смерти являются болезни органов дыхания. По этой причине в городе умирало 23,8 %⁵¹, из них от туберкулеза – 8,3 % и пневмонии – 0,7 %. Для сравнения, в РСФСР от заболеваний органов дыхания умирало 11,8 %⁵². Еще одной распространенной причиной смерти являлись острозаразные инфекционные заболевания: оспа, сыпной тиф, брюшной тиф, скарлатина, дифтерия, дизентерия, малярия, корь, менингит и т. п. От этих заболеваний умирало до 25,3 %. По РСФСР этот показатель составлял около 21,4 %⁵³. В условиях общей неустроенности, антисанитарии, недоедания обычные детские болезни превращались в бич, от которого страдало и взрослое население города. В частности, от кори умирало 3,1 %. Среди иных причин смертности распространены были болезни сердца – 13,1 %, а также желудочно-кишечные интериты и колиты – 2,4 %. Имели место раковые заболевания – 0,21 %. Детская смертность в Магнитогорске была значительная и составляла около 24 % от общего числа умерших. Среди причин младенческой смертности и детей до одного года преобладали болезни дыхательных путей – 38,2 %, врожденная слабость – 27 % и детские инфекционные заболевания – 18,6 %. Врожденная слабость была обусловлена общим уровнем и качеством жизни: некачественное, а зачастую и недостаточное питание и неприспособленные для детей жилищные условия. Детская смертность по РСФСР была несколько ниже – около 22 %.

Проведенный анализ показал, что основной причиной смертности в Магнитогорске являлись болезни дыхательных путей. Это свидетельство неблагоприятной экологической обстановки в новом индустриальном центре. Известно, что жилые бараки, землянки и палатки располагали в непосредственной близости от строящихся и работающих объектов и цехов комбината в целях экономии времени в условиях форсированного строительства. О здоровье населения никто не задумывался. Широко известен факт первоначально неправильного расположения жилых районов без учета розы ветров – в результате пыль, гарь и выбросы производственной деятельности «направлялись» на жилые районы⁵⁴.

Существовало две специфических причины смертности в Магнитогорске. Город Магнитогорск принято называть городом юных, городом молодежи, однако от «старческой дряхлости»⁵⁵ умирало 7,1 % населения. Данный диагноз ставили не 80–90-летним старикам, а довольно часто людям в возрасте 50–55 лет, организм которых в силу образа и условий жизни, тяжелого физического труда, недоедания «изнашивался» значительно быстрее. Несомненно, имели место и такие причины смертности как убийства и самоубийства⁵⁶, но статистика подобного рода практически отсутствует. Еще одну группу причин смертности представлял травматизм.

Жизнь в экстремальных условиях в Магнитогорске была связана не только с решением жилищного вопроса, проблем питания и здравоохранения, но в значительной степени также с трудовыми буднями горожан. Среди вопросов трудовой повседневности в контексте мобилизационной модели развития Магнитогорска необходимо рассмотреть вопросы трудовой дисциплины, техники безопасности и борьбы с текучестью кадров.

Власти города ненормальным явлением считали систематические нарушения трудовой дисциплины⁵⁷. В структуре прогулов 65–70 % занимали прогулы «без объяснения причин»⁵⁸. Среди основных мотивов невыхода на работу, по словам самих рабочих, преобладали следующие: отсутствие обуви и одежды, кратковременная болезнь без обращения к врачу, а также погодные условия. Число невыходов на работу резко возрастало зимой в сильные морозы⁵⁹. Проблема трудовой дисциплины возникла в 1929 г. среди сотрудников Управления строительством магнитогорского завода. Работники Управления не выходили на работу без уважительных причин, регулярно опаздывали. В результате в целях поднятия трудовой дисциплины был установлен строгий рабочий график. В Управлении Магнитостроя ввели систему бирок и регистрации времени прихода и ухода на работу каждого сотрудника⁶⁰. Непосредственно на строительных участках подобную систему внедрить было крайне трудно. В частности в отчете магнитогорского горсовета за 1930 – первое полугодие 1931 г. говорится, что невыход на работу по всему строительству составил в среднем 3 %, а на отдельных участках дошел до 12 %⁶¹. При этом не велось никакой работы по борьбе с прогулами. Так, на стройке ВЭС №2 в ночные смены вместо 85 рабочих вышло не более 50⁶². Кроме того, горожане могли просто бросить работу и пойти в бараки. Чаще всего такое случалось, если прораб покидал строительный участок⁶³. Например, на строительстве плотины, практически каждый рабочий два - три дня не выходил на работу без уважительной причины⁶⁴. Чаще всего прогуливали ночные смены. Горсовет принял решение увольнять злостных прогульщиков и собирать товарищеские суды⁶⁵. Но преодолению массовых нарушений трудовой дисциплины не помогли никакие меры, кроме выдачи пайков исключительно за отработанные смены⁶⁶, а также лишение жилплощади⁶⁷.

Нарушение трудовой дисциплины было явлением распространенным не только на строительных работах, но и в административных учреждениях, а также в школах и больницах Магнитогорска. Заведующий горздравом предпринимал меры по улучшению трудовой дисциплины: за уход с дежурства объявляли выговор, за явку на работу в нетрезвом виде – увольняли. Приказ № 38 от 29 февраля 1932 г. устанавливал для всех сотрудников четкий график работы, а также внутренний распорядок дня: «В целях укрепления дисциплины в аппарате здравоохранения приказываю: установить для всех сотруд-

ников четкий график прихода и ухода на работу; административно-хозяйственной части совместно с секретариатом здравоотдела выработать правила внутреннего распорядка по здравоотделу и вывесить на видных местах; к сотрудникам, замеченным в нарушении трудовой дисциплины... применять в установленном порядке все меры дисциплинарных взысканий...»⁶⁸ Трудовая дисциплина являлась, по мнению Колчанова, одним из важнейших «факторов, обеспечивающих планомерный и нормальный ход работы». Однако, нарушения трудовой дисциплины случались постоянно: врач мог самовольно покинуть дежурство, явиться на работу в пьяном виде⁶⁹.

Нарушения трудовой дисциплины были явлением распространенным⁷⁰ не только среди кадровых рабочих, но также среди заключенных. Естественно заключенные не могли не являться на работу, но «выход на работу мало чем отличался от прогула»: заключенные тратили на еду и прибытие к месту работы больше часа сверх положенного времени. Но и там они не знали, что делать, потому что никто не объяснил им этого заранее. Заключенные шатались с места на место, теряли еще больше времени, отчасти из-за недостатка инструментов: то гвозди заканчивались, то фанера⁷¹. Подобная ситуация характерна не только для рабочих ИТК.

Борьба с текучестью кадров велась всеми возможными способами. Преимущественно имели место следующие. Во-первых, рабочие, прибывшие в город, закреплялись за предприятием, т. е. по отраслевому принципу получали жилье и продовольственные карточки. Во-вторых, начиная с 1932 г. в Магнитогорске, как и по всему Советскому Союзу, была введена паспортная система. В-третьих, выдача подъемных средств осуществлялась не сразу после приезда в город, а после истечения определенного срока (от двух недель до шести месяцев). В-четвертых, распределение капитального жилья в первую очередь проводилось среди добровольно закрепившихся в городе до конца строительства. Все названные мероприятия, проводимые городскими властями, позволили свести текучести рабочей силы в среднем с 70 % в 1929/1930 гг., до 8–10 % в 1934 г.

Правила техники безопасности при организации строительных работ или эксплуатации техники не соблюдались достаточно часто. Данные статистики не дают полной картины о смертности от травм, полученных на строительстве, в производстве или в быту. Однако, отдельные сведения, сохранившиеся в архиве города, позволяют судить о том, что их доля была существенной – 2,9 %⁷². Высокий травматизм являлся следствием низкой квалификации рабочих и недостаточной охраны труда. Обнаруженные поломки механизмов или разломы породы под железнодорожной веткой не устраняли, так как на это требовалось дополнительное время⁷³. Ради экономии времени машинисты увеличивали скорость движения поездов, которые работали на рудниках, что неоднократно приводило к крушениям и травмам⁷⁴. Имели место и более серьезные аварии, причиной которых становилось стремление ускорить процесс изготовления металла. Так, в 1932 г. на домне № 1 рабочие дважды отравились доменным газом⁷⁵. Расследование аварии показало, что сотрудники доменного цеха знали о «неисправности задвижки, но чинить было некогда»⁷⁶. Правила техники безопасности в Магнитогорске, вернее их несоблюдение, рабочими поражало Джона Скотта особенно сильно. Автор отмечает то, с какой обыденностью каждый день на строительстве велись разговоры о гибели людей⁷⁷. Несмотря на существование правил и норм работы, рабочие отказывались соблюдать их, или же просто не понимали необходимости их соблюдения. Джон Скотт называет объективные причины высокого травматизма в Магнитогорске: «Во-первых, у рабочих не было опыта, во-вторых, не хватало стройматериалов, чтобы делать по всем правилам леса и подмости, в-третьих, не хватало электрических лампочек, поэтому утром и вечером работали практически в темноте...»⁷⁸ Жизнь в обстановке всеобщего хаоса и дефицита, по-видимому, оказала серьезное влияние на восприятие американцем обстановки в городе. Проанализировав причины высокого травматизма, Скотт говорит, что попытки строить качественные леса и помосты абсолютно бесполезны, потому что практически все стройматериалы, которые хоть какое то время «залеживались» оказывались в печах, обогревающих комнаты рабочих⁷⁹. Надо заметить, что и сам американец приносил домой доски и поленья, найденные не только по дороге, но и непосредственно на строительном участке⁸⁰. Архивные материалы подтверждают выводы Дж. Скотта. Леса делались наспех, практически не скреплялись, в результате, рабочие часто падали: «Был еще один случай на кладке второго каупера первой доменной печи, когда 12 человек кладчиков, которые работали по кладке радиальных стен, сверху из-за загрузки лесов упали 8 ящиков заклепок, 4 ящика кокса и 8 человек монтажников»⁸¹. Обследования по технике безопасности на Магнитострое проводились не регулярно, спецдежда выдавалась реже установленных норм⁸². Участник строительства И. Н. Митин вспоминал о том, что напряжение было колоссальным, работали по три смены, не уходя из цеха, а чтобы «не падать», рабочие все пили водку: «А тут все пьяные ходили, и я сам пьяный, потому что трое суток не выходят все из цеха... А уж водка не действует, и ходишь как очумевший...»⁸³. Не удивительно, что при таких условиях работы случались аварии. Знатные ударники рассказывали о том, как ставились рекорды по выплавке металла: «По инструкции во время завалки чугуна газ надо закрывать... А тут взяли и стали давать газ не меньше 50 кубометров. Просто на полном ходу печь стали заливать – и никаких, ничего не случилось. Это делали сами сталевары. Инженеры к этому относились безразлично...»⁸⁴

В 1930-е гг. произошла девальвация ценности жизни человека. Скудность питания, одежды, быта в сочетании с принципами традиционной трудовой морали и скромными культурно-просветительскими расходами большинства магнитогорцев сформировали особый тип человека, привыкшего к минимальным запросам. Мобилизационная экономика на магнитогорской почве представляла собой тип экономических отношений, при которых львиная доля ресурсов направлялась на реализацию приоритет-

ных целей в ущерб другим. Это нарушало гармоничность развития. Магнитогорск был создан за счет колоссального напряжения сил его первостроителей, ценой жизни многих тысяч первых горожан.

Примечания

- ¹ Сталин И. В. Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 39.
- ² Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003. С. 20.
- ³ Данные признаки мобилизационной экономики сформулировали Д. С. Конторов, Н. В. Михайлов, Ю. С. Саврасов. См.: Д. С. Конторов, Н. В. Михайлов, Ю. С. Саврасов. Введение в физическую экономику : (Право собственности в XXI веке). М., 2001. С. 132.
- ⁴ Седов В. В. Указ. соч. С. 22.
- ⁵ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 15. Д. 429. Л. 110.
- ⁶ Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России : век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001. С. 115.
- ⁷ Смысл строения заключался в том, что стены брезентовой палатки покрывали досками, а между ними засыпали землю, настилали пол, устанавливали печь. Такие жилища в Магнитогорске просуществовали вплоть до 1933 г. Свое название этот вид жилища получил по имени создателя – заместителя начальника Магнитострой Чингиза Ильдрыма.
- ⁸ Землянка представляла собой домик с засыпными стенами: с двух сторон доски, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, по доскам толь, а сверху слой глины, на который ветром наносилась земляная пыль и летом росла трава.
- ⁹ Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание, входы в которое осуществлялись через пристроенные тамбуры.
- ¹⁰ МУ «Магнитогорский краеведческий музей». Ф. 1908. Л. 51.
- ¹¹ Там же. Л. 53.
- ¹² ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 2059. Л. 29.
- ¹³ Баканов В. П. Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2001. С. 111.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 19.
- ¹⁵ Коткин С. Жилище... С. 103.
- ¹⁶ Казаринова В. И. Магнитогорск. М., 1961. С. 149.
- ¹⁷ Из истории ММК и города Магнитогорска (1929–1941) : сб. документов и материалов. Челябинск, 1965. С. 226.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 361. Л. 17–18.
- ¹⁹ Там же. Л. 18.
- ²⁰ Магнитострой. 1931. № 2. С. 43.
- ²¹ Магнитострой в цифрах. Статистический отчет за 1931 год. Магнитогорск : Типография издательства «Магнитострой», 1932. С. 322–327.
- ²² Коткин С. Указ. соч. С. 111.
- ²³ МУ Магнитогорский «Государственный архив» (далее МУ МГА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.
- ²⁴ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 77.
- ²⁵ Склады размещались не только в поселке Магнитный, но и в Троицке.
- ²⁶ МУ МГА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- ²⁷ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.
- ²⁸ ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 87. Л. 6.
- ³⁰ Магнитогорский комсомолец. 1932. 16 августа.
- ³¹ Борьба за металл. 1932. 5 декабря; 1933. 17 апреля; Горняк. 1931. 9 апреля.
- ³² ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 8. Л. 54.
- ³³ ОГАЧО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 8. Л. 72.
- ³⁴ Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М. ; Свердловск, 1991. С. 53.
- ³⁵ Скотт Дж. За Уралом... С. 54.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 1. Д. 172. Л. 31.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 136.
- ³⁸ Борьба за металл. 1933. 9 апреля.
- ³⁹ Магнитогорский печатник. 1931. 15 октября.
- ⁴⁰ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 106. Л. 56–63.
- ⁴¹ Исупов В. А. Демографическая политика сталинского правительства. конец 1920-х – 1940-е гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 44.
- ⁴² МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 106. Л. 58, 60.
- ⁴³ Там же. Д. 12. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Л. 6.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 297. Л. 37 – 37 об.
- ⁴⁷ Советское здравоохранение. 1948. № 1. С. 3.
- ⁴⁸ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
- ⁴⁹ МУ МГА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 6. Л. 60.

- ⁵⁰ Скотт Дж. За Уралом... С. 142.
- ⁵¹ Анализ причин смертности произведен на основе данных статистики за период с марта по декабрь 1933 г. МУ Магнитогорский «Государственный архив». Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 27, 31, 35, 39, 44, 49, 52, 57, 74.
- ⁵² Исупов В.А. Демографические катастрофы... С. 97.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 361. Л. 12–15.
- ⁵⁵ На наш взгляд уместнее использовать термин «истощение», однако мы в статье использовали терминологию, предложенную в статистических отчетах горздравотдела и отдела статистики города Магнитогорск.
- ⁵⁶ С апреля по сентябрь 1933 г. было зарегистрировано 49 самоубийств. МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 31, 35, 39, 44, 49, 52.
- ⁵⁷ Борьба за металл. 1933. 15 января.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 375. Л. 6.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 173. Л. 24.
- ⁶⁰ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 4 Д. 1. Л. 125.
- ⁶¹ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 71.
- ⁶² Магнитогорский комсомолец. 1931. 28 января.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 360. Л. 9.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 11.
- ⁶⁵ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 71.
- ⁶⁶ Борьба за металл. 1932. 23 декабря.
- ⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29.
- ⁶⁸ МУ МГА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 6. Л. 32–33.
- ⁶⁹ МУ МГА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 2. Л. 92.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 2.
- ⁷¹ Борьба за металл. 1935. 30 марта.
- ⁷² Расчет сделан на основе данных за март -декабрь 1933 г. МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 27, 31, 35, 39, 44, 49, 52, 57, 74.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 270. Л. 33, 105.
- ⁷⁴ Там же. Л. 40.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 11. Д. 120. Л. 1.
- ⁷⁶ Там же. Л. 3.
- ⁷⁷ Скотт Дж. Указ. соч. С. 54.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Скотт Дж. Указ. соч. С. 60.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 304. Л. 21.
- ⁸² Там же. Д. 238. Л. 27 об.
- ⁸³ Там же. Д. 302. Л. 32.
- ⁸⁴ Там же. Д. 306. Л. 231.

Матвеева Н. В.

РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ЭТНОС В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

На протяжении всего периода существования СССР государство строило свои отношения с обществом по мобилизационному типу. Социальная мобилизация являлась основным фактором экономического, социального, политического и культурного развития страны, особенно ярко проявившим себя в 30–50 гг. XX в.

Вторая половина 20-х – 30-е гг. XX века были периодом кардинальных перемен в СССР. В это время в стране была проведена всеобщая коллективизация, форсированными темпами осуществлялась индустриализация. Эти процессы сопровождались огромными экономическими потерями, так как осуществлялись за счет катастрофического падения уровня жизни населения, на базе экспансии методов директивного управления народным хозяйством, расширения сферы принудительного и полупринудительного труда в экономике, ужесточения политического режима в стране. Сталинская модернизация сопровождалась созданием новой «социалистической» культуры, принудительным насаждением коммунистического единомыслия среди народов СССР.

Апогей развития мобилизационной модели экономики приходится на годы Великой Отечественной войны, что проявилось в создании, в 1941–1945 гг. высокоэффективной военной экономики, обеспечившей торжество над сильным врагом благодаря огромному напряжению сил, путем мобилизации в кратчайшие сроки всех людских и материальных ресурсов. Человеческий фактор во многом не только возместил материальные потери, но и заметно увеличил реальную мощь ключевой отрасли страны.

Мобилизация населения происходила, в большинстве случаев, путем насилия и массовых репрессий, которым подверглись не только отдельные граждане страны Советов, но и целые народы. В годы Второй мировой войны на территории СССР подверглись насильственному переселению представители 61 национальности¹. Самым крупным среди них был российско-немецкий этнос.

Постановлением от 28 августа 1941 года сталинский режим лишил немецкий этнос своей территории, изгнав миллионы людей из их домов, разрушив его экономическую жизнь, попытался разрушить и духовную культуру немцев, запретив для них родной язык, религию, нравы, обычаи и традиции. В августе 1941 года немцы были высланы с Крымского полуострова, затем немецкое население было депортировано из Украины и, наконец, с Волги. Немецкое население ликвидированной АССР НП в полном составе было депортировано на Урал, в Сибирь, Казахстан и в другие республики Средней Азии.

Принятию государственными органами власти решения о депортации немецкого народа послужил целый комплекс причин: крупные неудачи на фронте, приближение германских войск к Волге; расположение АССР НП в стратегически важном и достаточно близком к фронту районе; национально-историческое родство немцев СССР с народом, ведущим войну против Советского государства; опасения советского руководства по поводу возникновения «пятой колонны»; провал контрпропагандистской кампании, проводившейся в первые месяцы войны, в которой немецкая автономия использовалась в качестве «витрины социализма».

Депортация лишила сотни тысяч советских граждан немецкой национальности малой Родины, свободы конституционных прав, имущества, работы и многих других необходимых атрибутов жизнедеятельности и обрекла на долгие годы жалкого существования в местах поселения.

Согласно данным по АССР НП, и уточненным цифрам по целому ряду других регионов, в период с сентября 1941 г. по 01.01.1942 г. было депортировано 799459 тысяч советских немцев².

Обезлюдившие территории бывшей Республики немцев Поволжья были разделены между Саратовской и Сталинградской областями, получив название «новых районов». Эти районы принудительно заселялись путем переселения людей из прифронтовой полосы. Непоправимый ущерб был нанесен экономике, особенно сельскому хозяйству. Погибла значительная часть урожая, скот, не удалось сохранить в целости значительную часть оставленного немцами имущества. Самой острой проблемой стала нехватка рабочих рук, дефицит которых ощущался и через 10 лет после войны³.

Условия переселения российских немцев вглубь страны также не отличались гуманностью. Жили, депортированные, в необычайно скученных условиях, голодали и умирали. И в ходе транспортировки, и в первые годы расселения на новых местах тысячи людей умерли от голода и болезней. С начала 1942 г. все немцы-мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет, имевшие детей старше трех лет, были мобилизованы в так называемые рабочие колонны, позже получившие название «трудоармии». Дети старше трех лет передавались на воспитание остальным членам данной семьи, однако нередко попадали в детские дома или в другие семьи, иной национальности.

Массовая мобилизация советских немцев прошла в три этапа. Первый этап, начался с постановления ГКО № 1123сс от 10 января 1942 г., согласно которому, немцы, депортированные из АССР НП, направлялись до окончания войны в рабочие колонны, работавшие на строительстве Бакальского и Богословского заводов⁴.

Второй массовой мобилизации, в соответствии с постановлением ГКО № 1281сс были подвергнуты немцы, постоянно проживавшие в Сибири и Средней Азии. Большинство из них были заняты на строительстве Южно-Уральской железной дороги, оказались в Тагиллаге, Вятлаге⁵.

Третья, самая массовая мобилизация советских немцев прошла осенью 1942 г. Люди были направлены на предприятия наркомата угольной промышленности, в частности на предприятия трестов «Челябинскуголь», «Богословуголь», «Чкаловскуголь»⁶.

Всего в трудовую армию было мобилизовано около 400 тыс. советских немцев⁷. Из них на Урале, по данным Г. Я. Маламуда, на 1 января 1944 г. насчитывалось 119358 мобилизованных советских немцев, в том числе в лагерях и на стройках НКВД – 68713, в зонах при промышленных предприятиях других наркоматов – 50654⁸.

После прибытия по месту назначения, из трудовармейцев формировались рабочие колонны по производственному принципу численностью 1,5–2 тыс. человек. Отряды подразделялись на колонны по 300–500 человек, колонны – на бригады по 35–100 человек.

В лагерях НКВД режим содержания советских немцев не отличался от режима содержания заключенных. Ситуация усугублялась тем, что мужчины и женщины детородного возраста были разделены по половому признаку более 10 лет, соответственно, все эти годы дети не рождались. Это нарушило процесс нормального воспроизводства этноса, образовав брешь между поколениями. Ухудшению физического состояния способствовали антисанитария и отсутствие элементарных бытовых условий. Многочисленные проверки санитарного состояния бараков выявляли отсутствие вентиляции, деревянных полов и кипяченой воды, вшивость, сырость, большую скученность трудовармейцев. В одном Усольлаге в 1942–1947 гг. погибли от голода, болезней, каторжного труда на лесоповале и лесосплаве более 3500 немцев-трудоармейцев, мужчин и женщин самого разного возраста – от совсем юных до пожилых. Среди первых 4945 трудовармейцев, прибывших в лагерь в феврале-марте 1942 г., смертность составила 44 %⁹. По данным политотдела Вятлага (отнюдь не исчерпывающим), с февраля 1942-го по 1 июля 1944 года в лагерь «поступили» 8207 немцев-трудоармейцев. За это же время убыли 5283 человека, в том числе, умерли 1428 человек. На 1 июля 1944 года численность немцев в лагере сократилась

до 2924 человек (без учета «отпускников»). Через Тагиллаг прошло 6,5 тыс. советских немцев, из них умерло 930 человек, через Богословлаг – около 21 тыс., умерло более 3700 человек¹⁰.

Но, несмотря на нечеловеческие условия лагерного режима, советские немцы старались честно выполнять свой долг перед предавшей их Родиной, отдавали все силы для фронта, для Победы. Во многом этому способствовала и мощная идеологическая кампания, проводившаяся Советской властью, целью которой было воспитание единого монолитного советского общества, где все вместе и каждый человек в отдельности должны были стать послушными винтиками тоталитарной машины.

Как известно, мобилизованные немцы-коммунисты и комсомольцы не были исключены из этих организаций и, даже будучи ограничены в правах, были обязаны принимать активное участие в общественной жизни лагеря, в первую очередь, разъясняя соотечественникам необходимость их пребывания за колючей проволокой. Партийные и комсомольские организации немцев в лагерях во многом были опорой власти, через которые она проводила свою политику в отношении немецкого народа. А поскольку по указанию политотдела ГУЛАГа от 30.03.1942 г. партийные и комсомольские организации трудмобилизованных не могли производить прием в партию и комсомол, то, по сути, они неизбежно превращались в некую прослойку, своеобразное связующее звено между представителями власти и остальным рядовым составом немцев-трудармейцев¹¹. Партийно-комсомольская прослойка в большинстве лагерей, где находились советские немцы, в среднем составляла 8 % к числу всех трудмобилизованных. Цена за право считать себя коммунистом или комсомольцем также была немалая. Коммунисты и комсомольцы были обязаны выполнять и перевыполнять производственные задания, вести активную общественную работу в своей бригаде. За малейшее нарушение правил следовало неминуемое наказание – исключение из рядов ВКП (б) и ВЛКСМ. За политнастроениями советских немцев неуклонно следил Политотдел лагеря, через политруков отрядов и инструкторский аппарат, а также с помощью проведения совещаний с секретарями партийных организаций при начальнике Политотдела лагеря. Среди трудармейцев проводилась мощная агитационная и пропагандистская работа. С помощью таких методов как организация социалистического соревнования, фронтовых бригад, сталинских вахт, увеличение числа стахановцев, разного рода слетов и совещаний, тотального контроля всех сфер жизнедеятельности власть добивалась беспрекословного подчинения немцев их мобилизации на строительство военных и хозяйственных объектов, так необходимых стране в условиях военного времени. Для неподчинявшихся, использовались другие методы принуждения. Например, в соответствии с приказом начальника строительства Богословского алюминиевого завода и лагеря НКВД от 6 марта 1942 г. не выполнивших норму дневного задания оставляли на производстве. Выдача заработной платы производилась только тем «мобилизованным немцам», кто не имел особых замечаний по работе и дисциплине. Роль материального стимула труда «мобилизованных немцев» играла «котловка» – система дифференцированных норм питания в зависимости от выполнения производственных заданий¹². «Котловка», особенно в условиях низких норм питания 1942–1943 гг., оставляла заключенным Гулага очень мало шансов на выживание. И, тем не менее, средняя норма выработки среди трудармейцев держалась на уровне 110–130 %. ¹³ Достигалась эта цифра за счет работы стахановцев – «тысячников», «пятисотников», «двухсотников», комсомольских и коммунистических фронтовых бригад, которые, добившись этого звания, фактически подписывали себе приговор и обязывались ежедневно, ежемесячно перевыполнять норму выработки. Изощренной формой выполнения и перевыполнения плана стала сталинская вахта – это выход на работу передовых бригад в дни особо важных политических событий, накануне праздников или в тех случаях, когда требовалось особо срочно выполнить заказ строительства. Только в 14 отряде Богословлага, где в период 1942–1945 гг. находилось 80 % трудмобилизованных немцев за первое полугодие 1944 г. было проведено сталинских вахт: в честь подписания новогоднего отчета уральцев товарищу Сталину – 129 вахт; в период социалистического соревнования в честь 26-й годовщины Красной Армии – 210; в дни предмайского социалистического соревнования – 283; в течение фронтовых декадников, предшествовавших подписанию полугодического рапорта уральцев товарищу Сталину – 158 вахт¹⁴.

Для выполнения и перевыполнения нормы выработки некоторые трудармейцы пытались рационализировать свой труд, усовершенствовать рабочее оборудование. В результате это позволило увеличить производительность труда до 1000 %. Например, токари Богословлага Герберт Штрассер и Генрих Вальтер за счет усовершенствования отдельных деталей токарного станка не только ежемесячно давали норму выработки свыше 1000 %, ¹⁵ но и стали основателями движения «тысячников» на Богословлаге. Конечно, такие случаи были единичными, но с помощью таких показателей власть пыталась воздействовать на остальную массу трудмобилизованных т. к стахановские прорывы на одних участках производства неизбежно приводили к отставанию и падению темпов и норм выработки на других. В целом, по строительству промышленных объектов, в которых были заняты трудмобилизованные немцы, план систематически срывался из-за нехватки квалифицированной рабочей силы, отсутствия сносных бытовых условий, холода, голода, физического и морального истощения немецкого контингента. Безусловно, не все немцы выдерживали бесчеловечные условия лагерного режима. Побег из лагеря не прекращались, были случаи дезертирства, невыхода на работу, хищения продуктов питания. Власть жестоко пресекала подобные нарушения, поэтому большая часть немцев предпочла честный, добросовестный труд на благо унизившей их Родины. За время существования «трудармии» рабочие отряды и колонны из советских немцев только на Урале построили металлургические, коксохимические заводы и комбинаты (Бакалстрой НКВД в Челябинской области, Тагиллаг НКВД в Свердловской области),

алюминиевый завод (Богословлаг НКВД Свердловской области), целлюлозно-бумажные комбинаты (Соликамбумстрой НКВД в Молотовской области), железные дороги и автодороги (Севжелдорлаг в Коми АССР); заготавливали лес (Вятлаг НКВД в Кировской области, Ивдельлаг, Тавдинлаг, Сеаураллаг, Востураллаг в Свердловской области, Усольлаг в Молотовской области). В нечеловеческих условиях трудармии, голода, холода за годы войны погибла треть немецкого народа.

В 1946 г. «трудармия» была упразднена, а выжившим после непосильного труда немцам разрешили вернуться в места высылки – на Урал, в Сибирь, в Казахстан, где находились их родственники.

На 01.01.1949 г. в СССР был зарегистрирован 1035701 немец-спецпоселенец¹⁶. Возвращать немцев в места их прежнего проживания никто не собирался. Согласно указу Президиума Верховного Совета от 26 ноября 1948 года, немцы, как и чеченцы, калмыки, финны, латыши должны быть «переселены в предоставленные им районы навечно», а их «выезд с мест поселения без особого разрешения органов МВД» карался «каторжными работами до двадцати лет». Реальная причина спецпоселения заключалась в острой нехватке рабочих рук для развития производства в восточных районах страны.

Этот указ действовал до 1955 года, когда немцы были сняты с учета спецпоселения (указ от 30 декабря 1955 года) и получили право переезжать в другие районы страны. Но в указе подчеркивалось, что речь не идет о возвращении немцам конфискованного при депортации имущества или об их возвращении в места, откуда они были выселены, – появляться там им вообще запрещалось. Частичная реабилитация российских немцев последовала лишь в 1964 году, когда появился указ от 29 августа, в котором утверждалось, что «огульные обвинения» немцев Поволжья в пособничестве фашистским захватчикам «были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина»¹⁷. Однако и в этом указе речь не шла о возвращении переселенцев или о восстановлении каких-либо немецких национально-административных структур.

Лишь указ от ноября 1972 года, не подлежавший опубликованию, снимал ограничения на места проживания немцев. Тем не менее, ни республика на Волге, ни немецкие районы в других местах не были восстановлены. Наступили девяностые, и шансы остаться немцем на территории, распавшейся советской империи с каждым днем казались все мизернее, а потому выбор в пользу эмиграции в Германию становился все очевиднее. На сегодняшний день, можно констатировать факт, что немецкий этнос в странах СНГ быстро и верно превращается в исчезающий. Сегодня в России немцев осталось 585 тысяч, Казахстане – около 220 тысяч, в Киргизии – 17 тысяч, в Узбекистане и Таджикистане – всего по несколько тысяч¹⁸.

Таким образом, система организации и управления экономикой в СССР имела в своем распоряжении весьма действенные рычаги, с помощью которых происходила мобилизация основной массы материальных и людских ресурсов. Тоталитарный режим в СССР породил многообразие массовых убийств, умножая категории жертв в зависимости от требований своей идеологии. Одной из жертв этого террора стали российские немцы.

По данным, которые приводит в своей книге Д. Эдиев, потери демографического потенциала к 1989 году указывают, что депортированные народы так и не сумели полностью оправиться от последствий депортаций – долгосрочные потери только немецкого населения составили 10–20 % от возможной численности в отсутствие катаклизмов 1940-х годов. Потери немецкого населения резко возросли в первые годы высылки и увеличивались вплоть до середины 1950-х годов. Только после освобождения немцев от режима спецпоселения прирост демографических потерь замедлился¹⁹. К середине 50-х годов потери немецкого народа составили треть их прогнозной численности. Все выше перечисленные данные отражают нечеловеческие условия их депортации и расселения. Затянувшаяся на долгие десятилетия, но так и не доведенная до конца реабилитация российских немцев, осложняющаяся потерей национальной территории, привела к неизбежной ассимиляции этноса в русскоязычной среде, частичной утрате родного языка, ценностей, культуры. Была серьезно подорвана историческая память российских немцев.

Однако в данном контексте самым важным является то, что эти люди все равно продолжают считать себя немцами. Время показало, что этническое самосознание народа уничтожить не удалось. Именно этническое самосознание помогло в ужасающих условиях репрессий сохранить традиции и обычаи, нормы поведения, народное искусство и, невзирая на все утраты, немецкий язык. Благодаря силе своего этнического самосознания, немецкая общность в изгнании обеспечивала стабильность своего внутреннего состояния. Вся жизнь российско-немецкого этноса на территории России и стран СНГ доказала упорное стремление немцев к бесконфликтной жизни среди других национальностей.

Примечания

¹ Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М. : ЗАО «МСНК-пресс», 2006. 464 с. С. 92.

² Дизендорф В. Ф. О геноциде, трудармии и демографической статистике. URL : <http://www.RUSDEUTSCH.RU>.

³ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 22. Д. 2277. «Протокол заседания Саратовского областного комитета ВКП (б) от 29 сентября 1941 г.». Л. 53–57.

⁴ Герман А. А. «Трудовая армия» // Немцы России : энциклопедия. Т. 3. М. : ЭРН, 2006. 896 с. С. 570.

⁵ Там же. С. 571.

⁶ Там же. С. 572.

- ⁷ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 121. Д. 241 «Докладные записки, докладные Наркомата Рыбной промышленности, НКВД, Архангельского, Бурят-Монгольского, Мурманского обкомов ВКП (б) по вопросам о выполнении постановлений СНК СССР и ЦК ВКП (б) о развитии рыбных промыслов в Баренцевом и Белом морях, на реках Сибири. Л. 60, 61.
- ⁸ Маламуд Г. Я. Общие проблемы : Мобилизованные советские немцы в 1942–1948 гг. Челябинск, 1993. С. 131. Табл. 1.
- ⁹ GEDENKBUCH : Книга Памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942–1947 гг.). Сост. Э. А. Гриб. Ред. В. Ф. Дизендорф. М., 2005.
- ¹⁰ GEDENKBUCH: «Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага» / авт.-сост. : В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, С. Л. Разинков, А. Я. Цейзер. Екатеринбург, 2004. С. 303.
- ¹¹ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.
- ¹² Маламуд Г. Я. Общие проблемы: Мобилизованные советские немцы в 1942–1948 гг. Челябинск, 1993.
- ¹³ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 9. Л. 78–79.
- ¹⁴ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 71. Л. 90.
- ¹⁵ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 9. Л. 71.
- ¹⁶ Дизендорф В. Ф. О геноциде, трудармии...
- ¹⁷ Ауман В. А. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. М., 1993.
- ¹⁸ Калишевский М. А. Советские немцы : В поисках утраченного фатерланда. URL : <http://www.RUSDEUTSCH.RU>.
- ¹⁹ Эдиев Д. М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003. С. 272, 298, 300.

Федоров А. Н.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА)

Статья подготовлена в рамках Программы ИОФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», проект «Российский город в условиях революционных потрясений и трансформаций: 1917 – нач. 1920-х гг.»

«Февральская» революция принесла с собой «буржуазную концепцию» прав и свобод гражданина, признавшую каждого человека «свободной персоной». Право «священной свободы» примечательно в нескольких отношениях: во-первых, оно истолковывалось населением как уничтожение всякого властного принуждения. Во-вторых, если власть декларировала «политическое равенство», то в глазах граждан его логичным следствием стала ликвидация «экономического неравенства» (как главной основы капиталистического общества). Качественную особенность процессам «освобождения» сообщили условия мировой войны. Это означало, что с каждым днем она становилась все более непопулярной, особенно в тех социальных слоях, которые больше всего пострадали от издержек военного времени. В этой статье мы ставим целью выяснение ресурсного состояния группы городских рабочих (как основной движущей силы революционного процесса). С начала 1917 г. рабочие поставили своей задачей улучшение условий труда и быта, в том числе: повысить уровень зарплат, ввести 8-часовой рабочий день, решить жилищный вопрос и т. д. По их словам, эти проблемы требовали неотложного решения, «потому что добиться этого можно теперь, пока власть у трудящегося люда. Не так-то легко будет сделать это после, быть может, даже совсем невозможно»¹.

Борьба за улучшение условий труда и быта сразу приняла бескомпромиссный характер. В Петрограде («колыбели революции») явочным порядком уже в начале марта был установлен 8-часовой рабочий день. На 9 из 17 заводов, располагавшихся на Петроградской стороне, сокращенный рабочий день был введен без согласования с предпринимателями и властями. Примерно такая же картина наблюдалась и в остальных районах столицы: после «Февраля» «значительная часть предприятий вообще не приступала к работам, другая часть приступила, но выдвинула определенные условия. Почти все заводы и фабрики единодушно выдвигали требование о введении 8-часового рабочего дня»². Следует считать установленным, что борьба за 8-часовой рабочий день, развернувшаяся в российских городах в марте-апреле 1917 г., проходила стихийно, когда Общества заводчиков и фабрикантов, а также Советы Рабочих Депутатов были поставлены перед свершившимся фактом. Например, комитет завода Михельсона в Москве сообщал: «Мы вводим 8-часовой рабочий день с 17 марта, и требуем от Совета Р.Д. вынести резолюцию о его введении, а Временное правительство должно поставить свой штамп»³.

Особо стоит подчеркнуть, что предприниматели быстро пошли на уступки в вопросе о рабочем времени. Сначала это произошло в Петрограде, потом в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле, Костроме и т. д. На заседании Провинциального Отдела Моссовета (18 марта) признавалось: «С сегодняшнего дня введен явочным порядком 8-часовой рабочий день. Это опасно, на 3-й неделе революции проводить такие вещи. Можно сорвать революцию. Все буржуи могут отпасть, солдаты тоже. Совершенно иное дело – введение 8-часового рабочего дня законодательным путем. Организация еще слишком сла-

ба, а для введения положения явочным путем необходимо, чтобы за выставленной резолюцией стояла определенная организованная сила»⁴. На совещании представителей Советов Московской области (30 апреля) подтверждалась необходимость правительственного декрета о продолжительности рабочего времени. До решения вопроса в законодательном порядке рекомендовался лишь путь «добровольных соглашений»⁵.

Несмотря на то, что правительство так и не издало соответствующего закона, отложив дело до Учредительного Собрания, тем не менее, с марта по октябрь 1917 г. 8-часовой рабочий день был введен на большинстве предприятий. В советской историографии этот факт объяснялся «испугом капиталистов», «подпольной работой большевиков», «революционным энтузиазмом масс» и т.п. Наряду с субъективными факторами, стоит отметить, что в 1917 г., по сравнению с 1913 г., средняя продолжительность рабочего дня понизилась с 9,7 часа до 8,7 часа в день⁶. Капиталисты довольно легко пошли на эту уступку. Сверхприбыли военного времени позволили оплачивать сверхурочные работы, кроме того, предложение на рынке труда заметно опередило спрос на рабочие руки. По подсчетам Министерства торговли и промышленности, в период с 1 марта по 1 августа 1917 г. было закрыто 568 предприятий, с общим числом уволенных рабочих 104372 человека⁷. Следует признать эти данные далеко не полными: во-первых, речь шла о закрытых заведениях, подведомственных надзору фабричной инспекции. Во-вторых, до момента создания бирж труда не велось специальной статистики числа безработных. В-третьих, наряду с биржами труда они занялись самостоятельным поиском работы (через знакомых, газетные объявления и т. п.). Косвенные данные о числе безработных мы можем почерпнуть из плана организации общественных работ осенью 1917 г. (по заготовке топлива для железных дорог). Министерство труда предполагало занять на них до 100 тыс. человек⁸. Кроме того, планировались общественные работы по благоустройству городов, сооружению защитных укреплений и т. п.

Важнейшим стимулом к труду является заработная плата. В 1918 г. Экономический Комитет Московского района проводил анкетирование предприятий области на предмет выяснения динамики заработной платы. Были получены сопоставимые данные по 150 заведениям, с общим числом занятых рабочих около 125 тыс. человек.

Таблица 1

Динамика заработной платы на предприятиях Центрально-Промышленного района за 1914–1917 гг.⁹

Годы	Число рабочих	Уплачено всем рабочим (в руб.)	Изменение зарплаты в % отношении	Среднегодовая зарплата
1914	119 935	30 078 927	100	250
1915	124 567	38 748 736	124	311
1916	124 531	60 248 982	193	483
1917	124 703	149 352 872	478	1 197

Известный экономист, С. Г. Струмилин, на основе этих данных провел корреляцию заработков к уровню цен¹⁰.

Таблица 2

Номинальные и реальные заработки в Московской области за 1914–1917 гг.

Даты		Месячный заработок в рублях		В относительных числах
		Номинальный	Реальный	
1914	1 полугодие	22,53	22,53	100
	2 полугодие	21,18	19,6	88
1915	1 полугодие	23,35	19,5	89
	2 полугодие	30,07	21,5	91
1916	1 полугодие	36,76	22,1	94
	2 полугодие	46,42	19,4	76
1917	1 полугодие	70,45	19,3	89
	2 полугодие	135	13,8	63

Таким образом, очевидно, что положение рабочего класса ухудшилось во второй половине 1917 г., несмотря на номинальное увеличение зарплат. Предприниматели объясняли падение уровня жизни «неуёмно растущими требованиями рабочего класса». Они отмечали, что с сокращением рабочего дня, примерно на 10–15 % упала производительность труда¹¹. По словам фабрикантов, «при крайнем сужении товарного рынка, при невероятно скудном снабжении его предметами жизненного обихода, единственно прочным результатом борьбы за увеличение заработков оказывается непрерывное паде-

ние внутренней стоимости бумажного рубля». «Что касается промышленников, то, с одной стороны, они переживают состояние большой растерянности, утрачивая веру в устойчивость экономической конъюнктуры, они обнаруживают склонность приостанавливать производство... с другой стороны, многие владельцы фабрик и заводов, легко соглашаясь на требования рабочих, надеются непомерно возрастающие расходы производства переложить на потребителей и казну»¹².

Основной отраслью промышленности в ЦПР являлось текстильное производство. В годы мировой войны около 70 % вырабатываемых хлопчатобумажных изделий поступало на нужды обороны, остальные 30 % – на внутренний рынок¹³. За это время изменилась сырьевая база производства, что потребовало установления твердых цен на хлопок-сырец (июль 1915 г.). Нормированные цены на сырье отвечали интересам Интендантства, в то время как розничные цены на ткани продолжали расти. Например, цены на ивановский ситец с кон. 1913 г. до июля 1915 г. увеличились на 48 %, к январю 1916 г. – на 99 %, к сентябрю 1916 г. – на 219 %¹⁴. Главная причина роста цен – превышение спроса над предложением товаров. Капиталисты удовлетворили аппетиты наживы за счет частного рынка, фактически установив монополию. По подсчетам специалистов, общая сумма переплаты потребителями за ткани составила в 1915–1916 гг. порядка 600 млн руб.¹⁵

На II Съезде Советов Московской области (30 сентября – 5 октября 1917 г.) признавалось, что «при самом лучшем использовании текстильных предприятий население может получить только 450 млн аршин тканей, или около 3 аршин на душу в год (чуть более 2 м. – А. Ф.)»¹⁶. От твердых цен на сырье первыми пострадали производители. Это приведет к сокращению посевов хлопка. Например, в 1917 г. в Туркестане только 10–15 % традиционных посевных площадей было занято хлопком, остальная площадь была засеяна хлебом¹⁷. Серьезный недостаток сырья начал сказываться уже к середине года, кроме того, начались регулярные перебои с поставками минерального топлива. Сокращение сырьевой базы вызывалось и нерешенным аграрным вопросом. После «Февраля» крестьяне стали рассматривать недра земли и то, что находилось на ее поверхности, в качестве своей собственности. Во Владимирском уезде летом крестьяне запрещали местным фабрикам вырубать лес, а также разрабатывать торфяные болота¹⁸.

Таблица 3

Сравнительные данные о добыче и вывозе донецкого топлива за 1916–1917 гг.¹⁹

Месяцы	Годы	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Всего
Добыча (в млн пуд.)	1916 г.	147	144	137	149	158	736
	1917 г.	127 (-13,5 %)	119 (-17 %)	115 (-16 %)	110 (-26 %)	115 (-30 %)	586 (-20 %)
Вывезено по ж/д (в млн пуд.)	1916 г.	119,3	123,5	119	112,3	105	579
	1917 г.	98,5 (-17,5 %)	95,5 (-23 %)	83,6 (-30 %)	84,4 (-25 %)	67,9 (-35 %)	429,9 (-25 %)

В 1917 г. годовая потребность Европейской России в топливе (для технического и домашнего потребления) определялась в 5,2 млрд пудов минерального топлива. Из этого числа примерно 400 млн пудов приходилось на долю Московской области²⁰. Централизованное снабжение смогло обеспечить не более ½ потребности района, и областной Топливный Комитет рекомендовал принудительное сокращение производства (закрытие предприятий, уменьшение числа рабочих дней и т. д.), расширение самостоятельной заготовки дров, а также ввести режим экономии. На III областном Совещании по древесному топливу (7–9 мая) остановка фабрик была признана неизбежной²¹. Таким образом, «мирное» решение вопроса о 8-часовом рабочем дне было связано, в том числе, и с сокращением производства. Однако в вопросе о повышении заработной платы предприниматели проявили большую твердость. Ссылаясь на недостаток сырья и топлива, на низкую производительность труда, они предпочли закрыть бесприбыльные предприятия, буквально «выставив людей на улицу» (скрытые локауты). Летом 1917 г. около текстильных фабрик области временно приостановили работу²². По экспертным оценкам Советов Рабочих Депутатов, с началом демобилизации армии и промышленности безработица могла затронуть порядка 1 млн человек²³.

С середины 1917 г. в обеспечении рабочего класса проявилась новая тенденция, получившая развитие уже в годы гражданской войны. Речь идет о начавшейся натурализации заработной платы. К концу 1920 г. в структуре легальных доходов на долю зарплаты приходилось всего 4,6 %. Остальная часть дохода получалась от государства в виде натуральной помощи, а начало «собесовской системе» положили продовольственные карточки Временного правительства.

Первыми от скрытых локаутов пострадали мелкие предприятия. В разъяснении МОБЮС (апрель 1917 г.) рабочим вышне-волоцкой фабрики Тверской губернии сообщалось: «Заявление, сделанное администратией Вашего завода об уменьшении количества рабочих из-за отсутствия топлива – не единственное. Аналогичные заявления были сделаны в целом ряде мест. По-видимому, это *организованный ответ фабрикантов* (курсив мой. – А. Ф.) на экономические требования рабочих»²⁶.

Таблица 4

*Зависимость производительности труда рабочего от питания
(1913–1917 гг.)²⁴*

Годы	Месячный бюджет рабочего		Суточный пищевой рацион		Производительность труда	
	В довоенных руб.	В относительных числах	В калориях	В относительных числах	В кг/м	В относительных числах
1913/1914	22,0	100	4 000	100	136 000	100
1914/1915	21,0	96	3 800	95	119 600	88
1915/1916	20,4	93	3 680	92	109 300	80
1916/1917	19,0	86	3 520	88	95 500	70
1917/1918	14,1	64	3 100	78	59 700	44

Таблица 5

*Среднемесячный заработок фабрично-заводского рабочего в 1913–1921 гг.
(легальные статьи бюджета в довоенных рублях)²⁵*

Годы	Деньгами	Пайки	Прозодежда	Коммунальные услуги, квартира и т. п.	Всего	
					В абсолютных показателях	В относительных показателях
1913	22	–	–	–	22	100
1914	21,3	–	–	–	21,3	97
1915	20,6	–	–	–	20,6	94
1916	20,2	–	–	–	20,2	92
1917	16,6	0,8	–	–	17,4	79
1918	4,73	0,86	0,5	1,19	7,28	33
1919	1,4	1,31	1,99	4,26	8,96	41
1920	0,49	2,62	2,09	5,37	10,57	48
1921	0,96	2,85	2,18	6,11	12,1	55

На станции Киржач (Владимирской губ.) положение «обострилось до того, что женщины, чтобы накормить детей, со слезами приходили к фабрикантам и просили хлеба. Если сию минуту не будет принята срочная отправка хлеба, то вспыхнет голодный бунт и погромы на фабриках. Ибо население: полукрестьяне, полуфабричные рабочие, обозлены на фабрикантов»²⁷. Голод заставил рабочих «встать на колени» не только перед капиталистами, но и «братьями-крестьянами». В Твери «несознательные люди» говорили: «Приду к крестьянину, упаду на колени перед ним, скажу: «Брат мой – я голоден». Он мне хлеба даст»²⁸. Тверские крестьяне заочно отвечали: «Ну и пускай голодают, зачем уехали из деревни»²⁹? В Тамбове они требовали от «города» гвоздей, в Смоленске и Калуге – тканей и т. д.³⁰

Следующим шагом в борьбе за улучшение условий труда стало установление минимума заработной платы. Соответствующий циркуляр был принят Министерством труда в июле 1917 г., и на его основе будут разработаны отраслевые тарифные ставки. В историографии этот факт рассматривался «как крупный успех в борьбе рабочего класса», так как был установлен порог, ниже которого наемный труд не оплачивался. Однако введение минимальной зарплаты отвечало интересам не только рабочих, но и предпринимателей: «Притязания рабочих так возросли за последнее время, что перед промышленниками встает, согласно их собственным заявлениям, вопрос: или как-нибудь упорядочить заработную плату, или приступить к закрытию своих предприятий»³³.

Таблица 6

*Сведения о приостановленных текстильных фабриках
(июль-август 1917 г.)³¹*

Район	Всего предприятий	Предоставили сведения	Число приостановленных предприятий	Число предприятий, планировавших остановку	Число рабочих, занятых на остановившихся фабриках
Москва	160	64	24	3	14 628
Московская губ.	281	89	26	4	19 356
Владимирская губ.	224	77	19	3	27 077

Таблица 7

Причины остановки фабрик во Владимирской губернии, случайная выборка (лето 1917 г.)³²

Местоположение фабрики	Когда останавливалась	Причина	На какой срок	Количество занятых рабочих
Бумажно-ткацкая Ф-ка Карпова, Ковровский уезд	1.07.	Ремонт	24 дня	422
Полотняно-ткацкая Ф-ка Малинина, Вязниковский уезд	4.07.	Решение примирительной камеры		144
Ф-ка Сазонова и Грушиных, Дмитровский уезд	25.06.	Недостаток сырья	10 дней	79
1-я Ткацкая Ф-ка Полушина, Иваново-Вознесенск	10.07.	Недостаток сырья		651
2-я Ткацкая Ф-ка Полушина, Иваново-Вознесенск	7.07.	Недостаток топлива	41 день	1 476
Прядильно-ткацкая Ф-ка Т-ва Битова и Фокина, Иваново-Вознесенск	10.07.	Недостаток сырья		1 420
Ситценабивная Ф-ка Зубкова, Иваново-Вознесенск	13.07.	Недостаток топлива	35 дней	501
Фитильная Ф-ка Липатовых, Владимирский уезд	7.08.	Требование прибавки жалования		200
Бумажно-ткацкая Ф-ка Нерельской мануфактуры, Суздальский уезд	24.06.	На время приема груза	10 дней	326
Прядильно-ткацкая Ф-ка Баранова, Александровский уезд	1.07.	Объявление администрации	24 дня	690
Ткацко-ручная Ф-ка Саввы Морозова, Покровский уезд	1.09.	Расчет		500

Первый общероссийский тариф был принят Союзом металлистов (7 августа). Отметим его особенности: во-первых, цены на рабочие руки не были поставлены в зависимость от стоимости товаров и услуг. Во-вторых, тариф в промышленности был проведен раньше, чем в сельском хозяйстве. Учитывая, что основное население России было крестьянским, то стоило ожидать «наплыва» новых рабочих из «деревни». Нижегородские крестьяне прямо говорили: «Рабочие зарабатывают большие деньги, бастуют, а крестьяне должны отдавать хлеб по твердым ценам»³⁴. В-третьих, речь шла об усреднении заработков квалифицированного и неквалифицированного труда. На последнюю особенность тарифа впервые обратил внимание С. Г. Струмилин³⁵.

Случай усреднения заработков стоит рассмотреть особо. В протоколах заседаний, переписке фабрично-заводских комитетов встречаются указания на тесную связь между введением 8-часового рабочего дня и минимальной зарплатой. С их введением гарантировалось «равное количество работы» за «равную оплату» всем рабочим. В этом усматривается прямое наследие общинной психологии: понижение производительности труда стало защитной реакцией на рост безработицы. По мнению рабочих, было бы преступлением, если кто-нибудь из них стал «больше есть». Московские металлисты предупреждали, что «настанет время, когда мы будем считать изменником каждого, кто сдает выше нормы, так как он увеличенной сдачей срывает сдельные расценки»³⁶. Частным проявлением общинной психологии было требование об удалении с предприятий «чужих»: военнопленных, законтрактованных иностранцев, крестьян-отходников, замужних работниц, выходцев из мелкой буржуазии. Например, в Туле летом 1917 г. на Оружейном заводе было занято 24 тыс. человек, на Патронном, Судаковском и Сахарном заводах – 23 тыс. человек, и на железнодорожном узле – до 7 тыс. рабочих³⁷. Здесь в первую очередь рассчитывали крестьян с наделом свыше 5 десятин. Во вторую – крестьян с наделом от 1 до 5 десятин. В третью – лиц, владевших собственностью (домовладельцев, кустарей и т.п.)³⁸.

Традиционным способом борьбы рабочего класса оставались стачки и забастовки. В июле 1917 г. бастовало около 500 тыс. рабочих³⁹. Однако во второй половине года в забастовочном движении произошли качественные сдвиги. В крупных промышленных центрах (Москве и Петрограде) число бастующих упало, в то время как в провинции оно наоборот увеличилось. На наш взгляд это было вы-

звано тем, что в условиях хозяйственной разрухи столичный пролетариат первым осознал неэффективность этого способа борьбы.

Таблица 8

Исход стачек в заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции (1913–1916 гг.)⁴⁰

Годы	В пользу рабочих		Взаимные уступки		Против рабочих	
	% стачек	% забастовщиков	% стачек	% забастовщиков	% стачек	% забастовщиков
1913	8,3	7,5	46,6	30,4	45,1	62,1
1914	9,2	5,9	21,2	25,1	69,6	69
1915	31,5	20,3	43,4	55,7	25,1	24
1916	26,8	24	39,2	44,5	34	31,5

Если рассматривать мировую войну, как хозяйственный кризис, то следует признать, что в своем развитии он прошел 3 этапа: 1913–1914 гг., 1915–1916 гг., 1917–1918 гг. Первый и третий этапы были связаны со спадом производства, в то время как второй стал временем его наивысшего подъема. В 1915–1916 гг. процент стачек, завершившихся в пользу рабочих, был самым высоким за все время существования фабричной инспекции (за исключением 1905 г.). Однако в 1917 г. капиталисты отвечали на стачку скрытым локаутом, свертыванием производства, выводом капиталов и т. п.

Правительство предложило «цивилизованный» способ решения трудовых конфликтов, создав примирительные камеры. Эффективность работы примирительных учреждений проследить практически невозможно, так как не велось соответствующей статистики. Частные случаи решения споров в ряде своих работ рассмотрела ростовский исследователь Н. Е. Орлова⁴¹. Трудовые конфликты представлены автором как «сериал с продолжением», что наводит на мысль о затягивании сроков рассмотрения дел. Вопрос о его возбуждении могли поставить 7 субъектов: предприниматели, организация предпринимателей, рабочие, рабочая организация, Совет, представители власти на местах, комиссары труда. Определялось 12 способов решения конфликта, также предусматривалось право апелляции⁴². Очевидно, что дела рассматривались месяцами, в то время как реальные заработки рабочих падали, а предприниматели, поэтому надеялись на их большую сговорчивость. Кроме того, при разработке законопроекта о примирительных учреждениях именно фабриканты внесли требование о принудительности передачи дел на их рассмотрение⁴³.

Свою порцию критики получили от промышленников законы о биржах труда и социальном страховании. Кроме того, некоторые правительственные деятели открыто выступили за введение прогрессивного налогообложения, конфискацию сверхприбылей военного времени, что также заставило капиталистов свернуть производство. По закону от 12 июня подоходный налог составил 90 % от прибыли. Комиссия по обследованию текстильных фабрик Московской области признала (3 июля): «Не подлежит никакому сомнению, что промышленникам выгодно закрыть фабрики:

- 1) ведь в силу возросшей заработной платы им приходится переплачивать рабочим миллионы, по сравнению с тем, что они платили до революции, а между тем цены на мануфактуру будут нормированы;
- 2) сырье доставать очень трудно, и им выгоднее не вырабатывать из него изделий, а перепродать имеющийся у них запас. Они наживут на этом громадные деньги»⁴⁴.

Один из современников подчеркнул, что если капиталу стало выгодно закрыть фабрику, то «власть должна была перейти в руки рабочего класса»⁴⁵. Со второй половины года рабочее движение приобретает все более радикальный характер. Почти в 3 р. увеличилась численность профессиональных союзов. Крупнейшими объединениями оставались союзы металлистов и текстильщиков. За полгода в первый вошли 148,7 тыс. человек (всего – 259,3 тыс. членов). Во второй – 134,8 тыс. человек (всего – 204,6 тыс. членов)⁴⁶. Изменился и характер требований рабочих. Сначала фабрично-заводские комитеты, а потом профсоюзы, Советы Депутатов стали требовать социализации производства в той или иной форме. Среди основных требований были: установление твердых цен на промышленные изделия, налаживание связей с «деревней», борьба с безработицей, национализация предприятий и капиталов и т. д. Венцом социализации должен был стать рабочий контроль над производством и распределением продуктов.

Рабочие московского завода «Динамо»⁴⁷ предупреждали правительство (28 сентября): «Мы, рабочие завода «Динамо» требуем, через посредство Рабочих и Солдатских Депутатов, давления на Временное правительство, чтобы оно приняло решительные меры к тому, чтобы по всей Русской стране поставить рабочий контроль... а также поставить твердые цены на все продовольственные продукты и на все те материалы, которыми нуждаются и необходимо требуются в пролетарской семье. Без чего положительно мы не можем существовать, если и доведем максимум заработка до 100 руб. в день, при такой бесконтрольной спекуляции и дороговизне». В противном случае, металлисты призывали «рабочий пролетариат под знамена, на открытую борьбу против этих разгулов спекулянтов, мародеров, господ-капиталистов, чтобы разбить и смести своей пролетарской рабочей волной эту обнаглевшую, разгулявшуюся буржуазную алчность»⁴⁸. Характерные обращения, похожие на ультиматум, поступали и с других заводов. С сентября 1917 г. рабочие вновь стали решать насущные проблемы явочным порядком. В Твери на совместном заседании Советов и фабрично-заводских комитетов была принята резолюция о

необходимости национализации промышленности и установления рабочего контроля (5 сентября)⁴⁹. В Иваново-Вознесенске на нужды фабрик реквизирувалось топливо, в Нижнем Новгороде рабочие захватили продовольственные грузы и т. д.

Таким образом, именно рабочий класс стал тем классом, который первым пострадал от издержек военного времени. У буржуазии были накопленные капиталы, у крестьян – наделы, у средних городских слоев – ремесло, торговые лавки и собственность, а интеллигенция могла рассчитывать на государственную поддержку. В период спада производства рабочие боролись за поддержание условий жизни явочным порядком, что предполагало пересмотр традиционных понятий о праве собственности. На протяжении года в настроениях рабочих произошли определенные перемены, когда достаточно четко просматриваются «радикальная весна», «относительно спокойное лето» и «весьма радикальная осень». Их основным требованием стало установление рабочего контроля над производством и распределением материальных благ, которое мы рассматриваем как закономерный итог «хозяйственной разрухи» и начавшейся натурализации обмена. С каждым днем рабочим становилось все более понятным, что Временное правительство вряд ли бы отказалось от концепции прав и свобод человека, в то время как требовалось жесткое государственное регулирование. Только «Октябрь» принесет надежду, что голос рабочих, наконец, будет услышан властью.

Примечания

¹ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 3. Д. 67. Л. 155.

² Злоказов Г. И. К истории установления 8-часового рабочего дня на предприятиях Петрограда (март 1917 г.) // Ученые записки Горьковского ГПИ. Серия «Историческая». Горький, 1965. Вып. 49. С. 114–118.

³ История профессионального движения в СССР. М., 1961. С. 114.

⁴ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 3. Д. 1. Л. 115.

⁵ Там же. Д. 114. Л. 2.

⁶ Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. М., 1923. С. 43.

⁷ Клейнборт Л. М. История безработицы в России. 1857–1919 гг. М., 1925. С. 267.

⁸ ГАРФ. Ф. 4100. Оп. 3. Д. 3. Л. 9.

⁹ Статистика труда. 1919. № 8–10. С. 8.

¹⁰ Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда... С. 14.

¹¹ ГАРФ. Ф. 4100. Оп. 1. Д. 96. Л. 81 об.

¹² Там же. Ф. 7743. Оп. 1. Д. 139. Л. 16.

¹³ Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского Промышленного района. 1917. № 1–2. С. 13.

¹⁴ Положение текстильной промышленности. К вопросу о вздорожании хлопчатобумажных тканей. М., 1917. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

¹⁷ Клейнборт Л. М. История безработицы в России... С. 263.

¹⁸ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.

¹⁹ Кирш К. В. Состояние топливоснабжения России на 1 ноября 1917 г. Отдельный оттиск. Пг., 1917. С. 3.

²⁰ ГАРФ. Ф. 7737. Оп. 1. Д. 34. Л. 31, 36.

²¹ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 3. Д. 18. Л. 3 об.

²² Там же. Д. 34. Л. 49.

²³ Там же. Д. 36. Л. 2.

²⁴ Биншток В. И. Народное питание и народное здравие / В. И. Биншток, Л. С. Каминский. Л., 1929. С. 54.

²⁵ Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда... С. 28.

²⁶ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 3. Д. 41. Л. 22.

²⁷ Там же. Д. 13. Л. 60.

²⁸ Борьба с голодом. Тверь, 1918. С. 27.

²⁹ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 3. Д. 1. Л. 116.

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 5, 46.

³¹ Там же. Оп. 3. Д. 19. Л. 24.

³² Там же. Л. 25.

³³ Пажитнов К. А. Минимальная заработная плата. Пг., 1917. С. 27.

³⁴ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

³⁵ Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда... С. 34.

³⁶ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 93. Л. 62.

³⁷ Там же. Ф. 683. Оп. 2. Д. 3. Л. 15.

³⁸ Клейнборт Л. М. История безработицы в России... С. 277.

³⁹ Орлова Н. Е. Социальная политика Временного правительства // К истории русских революций: события, мнения, оценки. М., 2007. С. 354.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 4100. Оп. 1. Д. 86. Л. 19.

⁴¹ См.: Орлова Н.Е. Государственное регулирование в практике Временного правительства (март-октябрь 1917 г.): историко-правовой аспект. Ростов н/Д, 2006.

⁴² ГАРФ. Ф. 4100. Оп. 2. Д. 31. Л. 29.

⁴³ Там же. Д. 30. Л. 65.

⁴⁴ ЦГАМО. Ф. 683. Оп. 2. Д. 5. Л. 1, 2.

⁴⁵ Гуревич А. И. Заработная плата прежде и теперь. М., 1922. С. 17.

⁴⁶ Наемный труд в России. Статистический сборник за 1913–1925 гг. М., 1927. С. 107.

⁴⁷ 22 июля на заводе «Динамо» был закрыт снаряжательный цех, в результате чего было уволено 1569 человек (более 600 из них так и не сумели найти работу). 7 сентября был закрыт электромеханический цех, и началась новая волна увольнений.

(ГАРФ. Ф. 4100. Оп. 2. Д. 56. Л. 2.)

⁴⁸ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 62. Л. 316, 316 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 683. Оп. 3. Д. 41. Л. 83.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

**Буряк Е. М.
Гончаров Г. А.
Кириллов В. М.
Лончинская Л. Я.
Мухин М. Ю.
Потемкина М. Н.
Рудомётова И. В.
Сулейманова Р. Н.
Суржикова Н. В.
Цепкалова А. А.
Щеткин С. В.**

Буряк Е. М.

ПРИНУЖДЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В исследовании экономики и организации труда первых лет советской власти акценты историками были расставлены в разные периоды совершенно противоположно. Оценки советской трудовой политики варьировались от гениальной до совершенно бесперспективной и полностью провальной. В целом, на современном этапе развития отечественной историографии преобладает, противоположная советской, тенденция оценки трудовых отношений рассматриваемого периода – отрицание экономической целесообразности проводимых мер, использование их как основы дальнейшей организации труда в советской экономике, признанная исследователями иллюзорность эффективности коммунистического труда и высокая концентрация принуждения в общей системе трудовых отношений.

Целью советского правительства в рассматриваемый период являлось не восстановление экономики страны, а использование её для укрепления собственной власти и снабжения Красной Армии.

Трудовая политика советского государства в первые годы становления в отсутствии экономических стимулов к труду, основанная на мерах «концентрированного насилия», в форме милитаризации производства, введения рабочего контроля и национализации, организации системы дисциплинарных судов, приравнивании дезертира труда к дезертиру фронта, создании первых концентрационных лагерей достигла своей цели – мобилизации народного хозяйства для упрочения власти советов.

Уже первые советские законодательные акты в области организации труда подтверждали выдвинутый нами тезис о принудительном характере трудовой политики.

Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила труд обязанностью всех граждан республики: «не трудящийся да не ест»¹. В конечном итоге, это означало распространение принципа привлечения к труду на все слои населения.

Следующий шаг в деле организации труда был сделан в сентябре 1918 г. Большевистским правительством было принято постановление, которое запрещало работнику отказываться от предлагаемой работы, в противном случае он терял пособие по безработице².

Первый же раздел Кодекса Законов о Труде 1918 г. был посвящен трудовой повинности. Установление трудовой повинности, в первую очередь, по сравнению с правом на труд, определило общий принудительный характер политики советской власти в области труда, элементы которой утвердились в период расцвета политики «военного коммунизма». Являясь документом обязательным для всех, кодекс распределял следующие категории населения по трудоспособности: 1 – граждане, привлекаемые к трудовой повинности, 2 – категории вовсе не подлежащие трудовой повинности, 3 – категории, временно не могущие выполнять трудовую повинность, 4 – учащиеся всех школ. Таким образом, от трудовой повинности были реально освобождены только: лица, утратившие трудоспособность в случае увечья и лица старше 50-ти лет. Даже категория лиц, не достигших 16-ти лет, все-таки привлекалась к повинности, как категория «учащиеся всех школ». В итоге, от трудовой повинности освободить могло только бюро специальной врачебной экспертизы. Те же, кто являлся трудоспособным по данной классификации, но отклонялся от работ, мог привлекаться принудительно. Медицинские комиссии, непосредственно принимавшие участие в процессе трудовых мобилизаций, действовали крайне неоднозначно и принимали порой совершенно необъяснимые решения. Как правило, признание человека больным или здоровым зависело от распоряжений волкомтруда и от потребности в рабочей силе. К примеру, в Пермской губернии рабочего серноокислотного завода признали годным, проведя формальную комиссию, по его словам «обернули кругом», не смотря на то, что он был совершенно непригоден для каких либо работ³.

Таким образом, кодексом был введен принцип не только трудовой повинности, что уже отчасти является показателем принуждения к труду, но и санкции в виде принудительного труда.

В уральском регионе положение о мобилизации лиц от 16 до 50 лет повсеместно нарушалось. Так, в Пермской губернии широко распространенным явлением стало привлечение к трудовой повинности малолетних детей. Их посылали на работы вместо того, чтобы отправлять на занятия в школы, что являлось явным нарушением Кзота. Дети работали на молотье, очистке железнодорожных путей, снаряжали в подводы⁴. Газета «Советская Правда» публикует информацию об эксплуатации подростков, учеников вагонных мастерских. Мастера и старшие рабочие не занимались обучением детей, а во время январских морозов заставляли ребят таскать доски, кирпичи. Отмечалось, что инспектор труда был прекрасно осведомлен об этих нарушениях, но никаких мер по ликвидации принято не было⁵.

В разделе о «Порядке предоставления труда» четко было сказано, что рабочий, которому предоставлена работа по его специальности, не имеет права от нее отказываться, в противном случае он нарушает Кодекс о труде и подвергается наказанию в виде штрафа. Единственное послабление – работник может заявить лишь о том, что он будет выполнять предоставленную работу временно, но, тем не менее, не отказываться от неё. Данное положение мы тоже можем отнести к еще одному шагу становления системы принудительного труда.

В марте 1919 г. состоялся VIII съезд РКП (б), где была принята новая Программа партии, следствием принятия которой стало появление 10 апреля 1919 г. декрета «О всеобщей мобилизации»⁶. Данный

декрет касался мобилизации в армию, и на прямую в нем не говорилось о всеобщей трудовой мобилизации, однако и программа и декрет явились толчком для дальнейшей поголовной трудовой мобилизации населения, применения армейских принципов в труде и перехода к новому этапу развития трудовых отношений.

19 сентября 1919 г. СНК опубликовал постановление «Об использовании рабочей силы беженцев». Беженцы в семидневный срок после прибытия обязаны были зарегистрироваться в местных трудовых органах на тех же основаниях, которые содержались в постановлениях о проведении трудовой повинности среди трудоспособного населения. Для освидетельствования своей нетрудоспособности беженцы были обязаны пройти медицинский осмотр в бюро экспертизы. Не зарегистрированные беженцы лишались продовольственного пайка и всех видов социальной помощи, оказываемых государством. Действие данного декрета не распространялось только на категорию беженцев, находившихся в стадии эвакуации⁷. Через год, уже на основании приказа 1 РАГ от 14 декабря 1920 г. беженцы находящиеся на территории России в обязательном порядке должны были быть привлечены к трудовой мобилизации, с той лишь разницей, что они не поступали в распоряжение трудовой армии, а использовались на хозяйственных работах по месту жительства⁸.

Таким образом, была сделана еще одна попытка увеличить ряды трудмобилизованных и использовать население страны с максимальной эффективностью.

Продолжением данной политики стал приказ о нормах труда и порядке расчета с военнопленными от 23 ноября 1919 г. Трудовые нормы выработки соответствовали Кодексу законов о труде 1918 г., более того, каждый заключенный должен был иметь на руках трудовую книжку, аналогичную тем, что получали трудообязанные граждане страны⁹. Единственным существенным отличием труда военнопленного от обычного рабочего являлось наличие у первого и продовольственного пайка и заработной платы, которая переводилась на счет заключенного.

Итак, в 1919 г. трудовые мобилизации приобретали все более массовый характер. Постепенно мобилизациями были охвачены не только нетрудовой элемент, но и город, и деревня, и беженцы и военнопленные. Государству удалось сконцентрировать в своих руках практически все свободные, занятые ранее производственной деятельностью категории населения, еще более распространив метод поголовного привлечения к труду.

Производились и совершенно непонятые в своей целесообразности мобилизации сельского населения, причем в самое неподходящее время – посевные и сборы зерна. Так, в мае 1921 г. были мобилизованы крестьяне Еманжелинской станицы Челябинского уезда: «Они оторвали лучших работников от начатой ими работы по засеву яровых полей. Сев был в самом разгаре. Заранее были выданы семена. В результате – много десятин осталось не высеяно паров»¹⁰. Управлять крестьянскими массами во время мобилизаций оказалось труднее и хлопотнее. Эту категорию трудармейцев привлекали к работам без особенной цели и часть времени крестьяне проводили именно в пересылках с одного места на другое.

В результате производительность была крайне не высокой¹¹. В январе 1920 г. прошел III Всероссийский съезд советов народного хозяйства, на котором было поднято огромное количество вопросов, суть которых сводилась к решению основных хозяйственных задач с помощью трудовых ресурсов, имеющихся в стране. В результате были приняты решения: о введении премий в натуральном или денежном исчислении, о трудовых книжках для всех рабочих, о введении в действие рабочих дисциплинарных судов¹². Не раз на съезде будет упоминаться о труднейшем хозяйственном положении в стране и успехах на ряде фронтов гражданской войны. Именно тогда развивается идея об использовании освобождающихся военных частей в хозяйственных целях. Таким образом, был создан прецедент для образования основных трудовых Армий. Тем более, что в армии уже к концу 1919 г. находилось более полумиллиона промышленных рабочих¹³.

В 1920 г. было создано 8 трудовых армий, главной задачей которых явилось восстановление народного хозяйства страны, решение топливного и продовольственного вопросов, восстановление железнодорожной сети и вагонов, восстановление предприятий и производств, распределение продовольствия в районы наиболее в нем нуждающиеся. Система управления трудовых армий слилась с системой комтрудов, и на армейских началах дисциплины и исполнительности приказов советским правительством было принято решение выполнять трудовые задачи, стоявшие перед страной.

Одной из форм коммунистического труда были объявлены субботники, первые из которых состоялись 12 апреля и 10 мая 1919 г. В дальнейшем они получили широкое распространение по всей стране и являлись неотъемлемой частью трудовой политики государства. Появившись как добровольное желание поработать дополнительно для восстановления государства, субботники тут же превратились в часть системы принудительного труда.

Организаторами субботников подчеркивалось, что это «форма коммунистического труда»¹⁴, соответственно и инициатива по их организации должна исходить от наркомов. По установленным нормам субботник должен был длиться не более трех-четырёх часов в день, однако в положении о субботниках имелся пункт, который оговаривал возможность продления субботника на более длительный срок «по распоряжению организатора субботника и по соглашению с администрацией»¹⁵. В результате, высокие нормы выработки достигались отнюдь не за три-четыре часа, а за обычную рабочую смену.

Члены партии обязаны были участвовать в субботниках не менее двух раз в месяц. Те, кто уклонялся от участия или некачественно выполнял свою работу, мог привлекаться к суду, как «нарушающий пар-

тийную дисциплину»¹⁶. По отношению к неявившимся партийные органы имели право: 1. Требовать объяснений по поводу неявки на работу; 2. Давать предупреждения; 3. Отдавать неявившимся на работы в распоряжение Комтруда; 4. Исключать членов партии из своих рядов и переводить их в разряд кандидатов. Беспартийные граждане лишались права участвовать в дальнейших субботниках и предавались дисциплинарным судам.

Однако, следует отметить, что порядок проведения субботников постоянно менялся и постоянно противоречил общему «Положению о субботниках» установленному в том же 1920 г. ЦК РКП (б).

Отдельно рассматривалась возможность проведения женских и детских субботников.

Наркомпросвещения внес предложение агрономическим железнодорожным отделам организовать при школах, колониях и станциях детские воскресники по сбору грибов. Каждое такое мероприятие должно было сопровождаться лекцией. После сбора грибы должны были быть отсортированы, высушены и отправлены в пункты назначения. Половина – железнодорожникам, а половина – красноармейцам, в виде подарка от железнодорожников¹⁷.

С 1920 г. начали проводиться трудовые воскресники. Система их проведения теперь уже совсем не была похожа на добровольную инициативу трудящихся. Регламентированы были не только сроки проведения и виды работ, но и сам порядок проведения работ.

Субботники перестали носить массовый добровольный характер уже к концу 1920 г. и их количество резко стало сокращаться. И, если в 1919–1920 гг. речь шла о сотнях субботников по советским губерниям, то уже в 1921 г. и 1922 г. их количество сократилось до десятков. Главная причина подобного явления заключалась в потере самой сути понятия субботника, как «великого почина» рабочих, которые производили дополнительные работы добровольно. Именно принцип добровольчества позволял быть этому явлению столь массовым, популярным и поэтому уникальным в тот самый момент, когда вся страна была охвачена трудовыми повинностями и принудительными трудовыми мобилизациями.

В 1920 г. на Урале при их организации был полностью потерян «принцип добровольчества». Об этом процессе свидетельствуют не только документы по проведению субботников на местах, но и статьи в прессе. К примеру, в статье «Партийный двухнедельник» автор сокрушается по поводу утраты первоначальной идеи организации субботников: «Исчезло обаяние субботников, как коммунистического, бесплатного, сверхурочного труда»¹⁸. Один из красноармейцев, находившийся в городе Екатеринбурге, в письме домой рассказывал, о том, что все лето их гоняли на нелепые воскресники собирать шишки для отопления зимой школ, однако теперь собранное гниет в кучах и амбарах¹⁹. Рабочие напильного завода Миасской волости не раз отказывались от выхода на сверхурочные работы, мотивируя свой отказ отсутствием средств к существованию: «Рабочие заявили, что если им дадут мануфактуру, спички, мыло, муку и другие необходимые продукты, то только тогда они смогут исполнить приказ и поднять производительность»²⁰.

Субботники надолго вошли в систему организации труда в советском государстве, однако первоначальная суть этого уникального способа привлечения населения к труду была потеряна почти сразу и поэтому превратилась в часть системы организации трудовой деятельности, основанной на принуждении.

28 июля 1920 г., выступая на Всероссийском совещании по всеобщей трудовой повинности, председатель ВСНХ РСФСР А. И. Рыков отмечал, что, несмотря на то, что в целом улучшаются показатели по уровню жизни в стране, работа фабрик и заводов продолжает ухудшаться. Однако причину такого положения нужно было искать, по словам А. И. Рыкова, прежде всего в нехватке рабочей силы, которой мало того, что не хватает, так она еще не обеспечена продовольственным пайком. Советская Россия, по мнению А. И. Рыкова, «дошла до такого периода своей организации, что каждый шаг на трудовом фронте должен теснейшим образом быть связан с организацией профсоюзов и комтрудов, как органов, призванных к организации рабочих»²¹. В ходе совещания было установлено, что необходимо, прежде всего, менять методы привлечения рабочей силы и пересмотреть всю организационную систему учета и распределения трудовых ресурсов, поскольку существующая система не соответствует требованиям времени.

Примечательно, что на Урале до образования Первой трудармии по данным на 9 января 1920 г. рабочие Пермской губернии получали на 1 человека в неделю муки – 24 фунта, шахтеры – 36 фунтов. При выполнении в месяц 25 рабочих смен выдавался дополнительный паек – 12 фунтов муки. Более того, каждому рабочему выдавали по 4 фунта мяса. В Екатеринбургской губернии рабочие получали по 36 фунтов муки, а члены семьи – 25 фунтов. В январе 1920 г. рабочие получили по 7,5 фунтов мяса²². Таким образом, очевидно, что рабочие губерний Урала до образования I РАТ были обеспечены продовольствием лучше. А неспособность государства снабжать экономически активное население элементарными продуктами питания ставило под сомнение целесообразность и эффективность политики большевиков. Это выражалось не только в экономическом кризисе но и в нарастании недовольства народа.

Таким образом, уже в середине 1920 г. в разгар массовых трудовых мобилизаций был поднят вопрос о несостоятельности существующей системы и её неспособности спасти положение.

Одним из показателей принудительного характера и неэффективности созданной системы трудовых отношений явилось массовое трудовое дезертирство.

Борьба с дезертирством и нарушениями трудовой дисциплины стала одной из важнейших задач советского правительства в 1920 г. Прежде всего, после введения всеобщей трудовой повинности декре-

том СНК «О всеобщей трудовой повинности» от 29 января 1920 г. были определены основные виды наказаний и категории виновных. В случаях, когда нарушения не имели очень важных последствий и значения подвергать их административным наказаниям, вплоть до передачи в штрафные трудовые части и ареста от одной до двух недель²³. То есть труд становился не только регламентированным и строго нормированным, но и получил еще яркую окраску принуждения в соответствии с мерами, применявшимися против дезертиров труда.

Непосредственно на предприятиях стали создаваться дисциплинарные трудовые суды, основными задачами которых являлись не только решения трудовых споров, но и нарушение трудовой дисциплины и целесообразное использование всех производительных сил страны.

К дисциплинарной ответственности привлекали за: недобросовестное отношение к работе, опоздание на работу без уважительных причин, уход раньше времени, необусловленные перерывы в работе, не выход на работу без уважительной причины в течение двух дней в месяц, симуляция болезни и как следствие невыход на работу, намеренные невыработки установленных норм, неаккуратное обращение с машинами, неподчинение рабочим организациям, призыв к прекращению работы или итальянской забастовке, пьянство, картежные игры и хулиганство.

Дисциплинарные суды имели право налагать следующие взыскания: выговор с объявлением на предприятиях или учреждениях, временное лишение права быть избранным в союзные организации на срок более 6 месяцев, лишение права присутствовать на собраниях, временно перемещение на низшую должность, занесение на черную доску дезертиров труда с оглашением на общих собраниях в печати, исключение из членов союза до 6 месяцев, посылка на тяжелые работы с оплатой по ставкам исполняемых работ, увольнению с предприятий, передача суду ревтрибунала, передача в штрафные роты сроком до 1 месяца²⁴.

К борьбе против дезертирства были привлечены самые различные органы: профсоюзы – устная борьба против трудового дезертирства, агитация за трудовую повинность; органы комдезертира – обследование предприятий с целью выявления причин дезертирства; ВЧК – ликвидация всякого рода забастовок и массового отказа населения от выполнения трудовой повинности, а так же борьба с саботажем и преступлением по должности со стороны лиц административной технической службы²⁵.

Существовавшие отряды комдезертира, высылаемые для борьбы с трудовым дезертирством прерывали свои полномочия. Конфисковывали имущество и затем распоряжались им по своему усмотрению. Согласно телеграмме уральского областного бюро РКП от 17 декабря 1920 г. были выявлены случаи нецелевого использования конфискованного имущества, а именно в целях снабжения самой комиссии²⁶. За подобные нарушения предусматривались наказания по всем законам военного времени, в порядке приказов РВС, однако эти нарушения не прекращались, что говорило о том, что в самих органах контролирующей трудовую дисциплину таковая отсутствовала.

Однако указанные выше меры, которые должны были приводить в трепет дезертиров и прогульщikov не имели своего эффекта. Нищенская заработная плата, мизерные пайки продовольствия не могли удержать рабочего на предприятии и принудительных работах.

Причины прогулов в годы гражданской войны обуславливались отсутствием экономических стимулов к труду. Когда работа на предприятиях была не в состоянии обеспечить достойное материальное существование, рабочие в этих условиях вынуждены были искать альтернативные источники существования. По оценке Троцкого, 80 % времени рабочий тратил на поиски продовольствия и только 20 % на работу²⁷. Тем не менее, в борьбе с прогулами правительство постоянно шло на некоторые ужесточения существующих мер наказания.

Согласно постановлению «О лагерях принудительных работ» от 24 апреля 1919 г. за подписью председателя ВЦИК М. И. Калинина заключению в концентрационные лагеря подлежали те лица, к которым применялись санкции Отделов Управления ЧК, Ревтрибуналов, Народных судов и др. Все заключенные потом привлекались к трудовым мобилизациям по требованию различных советских учреждений²⁸.

Трудовые дезертиры подвергались самым различным наказаниям: от выплаты штрафов, до заключения в концентрационные лагеря. Наглядным примером создания подобного лагеря является организованный еще в конце 1918 г. в Петрограде у Морской пристани. В этом лагере, созданном чуть ли не первым в Советской России, все «обитатели»²⁹ были привлечены к работам и получали продовольственные пайки. Сам лагерь состоял из деревянных бараков, в нем не было постоянного караула, а только проводились вечерние проверки. «Обитатели», т. е. заключенные это представители буржуазии, которые оказывались от трудовой повинности, а так же «подозрительные из прифронтовой полосы»³⁰.

К концу 1920 г. на территории подчиняющейся совету Первой Армии Труда были открыты уездные подотделы принудительных работ без содержания под стражей. К примеру, в Екатеринбургской губернии был открыт центральный концентрационный лагерь № 1. При нем были открыты мастерские: сапожные, слесарные, кузнечная, столярная, и др., составлена библиотека и даже ставились спектакли заключенными. Была открыта колония для детей заключенных. Более того, в лагере велась культпросвет работа с заключенными³¹.

В Челябинске существовал дом лишения свободы, в котором содержались лица самых разнообразных профессий, начиная от чернорабочих и заканчивая госслужащими, осужденных за различные преступления на срок от нескольких месяцев до 15 лет³². Примечательно, что 14 осужденных из 42 были хлебобородами. Они были использованы как часть трудового населения республики.

Наркомюст (Народный комиссариат юстиции) присылал в губернские карательные отделы предложения по созданию массового рабочего подъема и энтузиазма среди заключенных, для достижения основной цели – максимально увеличить производительность их труда. Заключенных, не обладающих никаким ремеслом, включая подсудимых, предлагалось использовать на сверхурочных работах³³. Количество подобных лагерей в годы военного коммунизма исчислялось единицами, однако они стали способом повторного использования дезертиров труда в выполнении трудовых мобилизаций.

Однако в большинстве случаев существования подобных лагерей можно было говорить об их «убогом» состоянии, лагерей, которые реально не могли осуществлять даже внутренней дисциплины³⁴!

Согласно журналу «Серп и молот» к нарушителям необходимо было применять «исключительно репрессивные меры». Наиболее действенными являлись такие, как: 1) выдача продовольствия и жалования исключительно за действительно проработанные дни, 2) пропущенные дни до 3 в месяц по неуважительным причинам должны были быть отработаны в неурочное время, по воскресеньям, 3) за пропуск более 3-х дней в месяц – отработки на особо тяжелых работах, «желательно вести штрафной журнал», 5) за систематические прогулы виновного ждал дисциплинарный суд с наказаниями от вешивания на черную доску до отдачи суду ревтрибунала, как дезертира³⁵.

7 июля 1920 г. был опубликован приказ РВСР за подписью Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева и Г. В. Зиновьева временно разрешить комсоставу и комиссариату частей и учреждений Красной Армии подвергать аресту в административном порядке подчиненный им личный состав. «Дезертир в труде так же презрен и бесчестен, как и дезертир в бою. Обоим суровая кара»³⁶. Прежде всего данный приказ касался Первой Армии труда, и распространялся на трудовых дезертиров. Дезертиры труда карались, как известно, как дезертиры Красной Армии. «Все, кто сознает, что в настоящее время великой и напряженной работы по защите и строительству Советской России не должно быть лентяев и преступно уклоняющихся от труда вполне оценят важное значение объявленного постановления»³⁷.

Такой подход был характерен и для другой формы организации труда

Как только субботники, превратились из самостоятельной добровольной инициативы рабочих, в часть системы принудительного труда, то сразу же постановления о трудовом дезертирстве стали неотъемлемой частью при их проведении. Все уклонившиеся от трудового субботника, а так же самовольно ушедшие с работ до истечения срока привлекались к ответственности как трудовые дезертиры с фронта труда. Более того, «передавались в комдезертир для отправки в концентрационные лагеря или штрафные роты»³⁸.

В конце 1921 г. СНК внесло изменения в декреты периода военного коммунизма, касаемо управления дисциплиной на производстве: «...в отношении государственных предприятий и учреждений, администрации предоставляется право сверх удержания заработной платы, производить вычеты из премии за совершенные прогулы рабочими и обслуживающим персоналом». Была установлена и шкала этих вычетов: за 1 день прогула в течение месяца высчитывать 10 % месячной премии, за 2 дня – 20 %, за 3 дня – 40 %, за 4 дня – 60 %, за 5 дней – 75 %³⁹.

Однако по-прежнему количество дезертиров на фронте труда не уменьшалось, а на систему трудовых отношений распространялась принципы пенитенциарной системы. Комтруды же получали дополнительную рабочую силу из первых концентрационных лагерей.

Дисциплинарные суды в Советской республике работали крайне неэффективно, а нередко дезертиры труда получали массовую поддержку со стороны населения, которые устраивали различные акции неповиновения главным образом из-за отношения к ним органов комтруддезертира⁴⁰.

Таким образом, система наказаний за уклонение от труда была построена так, что любой не находящийся на работе почти автоматически становился дезертиром труда. Понятие всеобщей трудовой повинности автоматически подразумевало невозможность отказа от работы. Вся страна фактически делилась на две категории – тот, кто привлекал к трудовым повинностям и тот, кто участвовал в них. Однако уклонение могло привести к жесткому наказанию и принуждению к работам в штрафных ротах или концентрационных лагерях. Советские органы власти пытались не только уменьшить количество трудовых дезертиров, действительно не обоснованно уклоняющихся от работы, но главное – не допустить повсеместного массового распространения дезертирства по всей стране, что могло бы существенно повлиять на производительность труда в целом. И, тем не менее, несмотря на столь жесткие меры за уклонение от выполнения трудовых повинностей система не работала и не давала ожидаемого эффекта. Сложно было применять карательные санкции к людям, которые были истощены, раздеты и разуты.

С 1921 г. начинаются освобождения трудобязанного населения от сверхурочных работ на время обучения в школах грамоты на 2 часа 3 раза в неделю. Причем, оплата шла как за сверхурочную работу и средства изыскивались из фондов предприятия. Исключением явилась гужевая повинность, которая была обязательной⁴¹.

В этот период появляются статьи, суть которых сводилась к следующему – трудовая повинность является мерой временной в силу сложившегося положения в экономике, «небывалый развал всего народного хозяйства, которое не может быть восстановлено силами только избранных народа без участия самого народа». Соответственно в процесс восстановления страны должно быть вовлечено все население, «способное производить оружие». И только при таких условиях будет одержана победа на экономическом фронте, и уйдут в прошлое все методы принуждения⁴². Таким образом, абсолютно не отрицалось, что трудовая повинность – это метод принуждения к труду, который являлся обязательным для всех.

К 1921 г. неэффективность трудовой политики, созданной советским правительством на основе принуждения, стала очевидной. К примеру, деятельность Первой революционной армии труда оказалась убыточной для государства. За все время существования I РАТ работало в месяц в среднем 21,6 % трудармейцев, из них на экстренных работах находилось 2,9 % рабочих. То есть, реально на работах по трудовым заданиям находилась только 1/4 часть трудармии. Чем же были заняты остальные 3/4? Только на обслуживание трудовых частей требовалось 35 % трудармейцев! В командировках, отдыхающих от караула, посещающих школы, курсы, лекции, бани, неработающих из-за отсутствия инструмента, неработающих из-за проведения дезинфекции насчитывалось около 17 %. Выделяя из этих не работавших категорий здоровых, работоспособных, снабженных всем необходимым, получаем около 1/3 трудармейцев.

Кроме того, из общего количества имеющихся в армии лошадей работало только 1/10 часть. Интересен тот факт, что общее число лошадей гражданского населения в 6 раз превышало количество имеющихся в армии. И здесь расход на обслуживание части составил почти половину всех имеющихся лошадей. Основная причина столь низкого процента использования – отсутствие необходимой для работы упряжи и снаряжения⁴³.

Как отмечал в своем отчете командующий трудовыми частями Урала, к этому времени «Трудармия базировалась исключительно на дисциплине», призывники вынуждены были выходить на работу в буквальном смысле в нижнем белье. Следующее пополнение (призывники 1898 и 1899 гг.) оказалось в трудном положении, поскольку своего обмундирования у них не было, а в трудовых частях последнее «унесли» трудармейцы демобилизованные ранее. По имеющимся донесениям пополнение 1899 г. было не обмундировано на 90 %⁴⁴. В результате в сентябре 1921 г. невыход на работу составил около 10 % трудармейцев, а в декабре эта цифра достигла 32 %. Причиной нетрудоспособности, опять-таки, стало отношение местных хозяйственных органов к прибывшим: «Раздетая, совершенно истощенная молодежь, оказалась нетрудоспособной, и хозорганы, наученные опытом предыдущих пополнений безнадежно отказались что-либо предпринимать, чтобы поднять на ноги, обмундировать и подкормить обессиленных трудармейцев»⁴⁵.

Таким образом, широкое применение армии и принуждения в рамках государственной трудовой политики возможно было в условиях экономических и политических кризисов. Но данные меры не могли быть использованы в общегосударственном масштабе в качестве основы управления трудовыми ресурсами. Использование методов принуждения и насилия в столь критический для России момент, могло быть оправданным, если бы учитывались интересы мобилизованного населения, не только как ресурса в процессе восстановления экономики, но прежде всего живых людей, которых невозможно использовать бесконечно и уж тем более эффективно.

Примечания

¹ Конституция РСФСР 1918 г. М., 1918. Ст. 18.

² Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918 ; № 64. Ст. 704.

³ ГАПО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 64. Л. 613.

⁴ ГАПО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁵ См.: Советская правда. 1921 г. 4 января.

⁶ См.: Известия. 1919 г. 11 апреля.

⁷ ГАСО. Р. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁸ ГАПО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 8. Л. 199.

⁹ ГАСО. Р. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 361. Л. 34.

¹¹ См.: Серп и молот. № 2–3. 21 апреля 1920 г. С. 5–6.

¹² Резолюции третьего Всероссийского Съезда народного хозяйства. М., 1920. С. 25–30.

¹³ История пролетариата СССР. 1935. № 1. С. 225.

¹⁴ См.: Правда. 1920. 6 июля.

¹⁵ См.: Правда. 1920. 6 июля.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Звезда. 1920. 17 августа.

¹⁸ См.: Партийный двухнедельник. 1921. 1 февраля.

¹⁹ РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 87. Л. 166.

²⁰ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 313.

²¹ См.: Правда. 1920. 30 июля.

²² Советские архивы. 1966. № 2. С. 12.

²³ ОГАЧО. Р. 138. Оп. 1. Д. 84. Л. 12

²⁴ ГАСО. Ф. 1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

²⁵ ОГАЧО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

²⁶ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

²⁷ Киселев А. Ф. Профсоюзы и советское государство 1917–1920 гг. М., 1991. С. 146.

²⁸ Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 24 апреля 1919 г. (№ 12). Ст. 124. С. 148.

²⁹ Ильяхов А. А. Советская модель всеобщего труда в 1918–1922 гг. С. 188.

³⁰ Там же.

³¹ ГАСО. Р. 8. Оп. 1. Д. 50. Л. 119.

³² ОГАЧО. Ф. Р-363. Оп. 2. Д. 3. Л. 130.

³³ ГАПО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 60. Л. 108.

³⁴ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 321.

³⁵ Серп и молот. 1920. № 18. С. 9.

³⁶ Троцкий Л. Д. Организация труда // На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики [Электронный ресурс] Соч.: Т. 15. М. ; Л., 1927. URL : <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotl546.htm>.

³⁷ ГАПО. Ф. 363. Оп. 1 Д. 5. Л. 78.

³⁸ ГАПО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 206. Л. 9.

³⁹ См.: Серп и молот. 1921. № 31. С. 112.

⁴⁰ Там же. С. 322–327.

⁴¹ ГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

⁴² ГАСО. Ф. 1892. Оп. 1. Д. 63. Л. 12.

⁴³ См.: Серп и молот. № 28–29. 1 декабря 1920. С. 13–20.

⁴⁴ РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59. Л. 239.

⁴⁵ РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 59. Л. 253.

Гончаров Г. А.

«ОГОСУДАРСТВЛЕННЫЙ ТРУД» КАК ЭЛЕМЕНТ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ 1917–1940 ГГ.

Особенностью советской модели экономики является её макроэкономическая мобилизационность, осуществляемая государством с первых лет его существования через целенаправленную организацию хозяйственной жизни. Отказавшись от рыночной экономики как социально-экономической системы, большевики были обречены на применение особых мер при построении нового социалистического общества.

Наиболее существенные моменты всей социально-экономической системы были смоделированы в механизм трудовых отношений. Положение производителя в обществе, строящим коммунизм, на наш взгляд, наиболее точно определил политолог и публицист М. Джилас. Он высказал мысль о том, что здесь «...Работник поставлен в такое положение, что свой товар – рабочую силу – должен непросто продавать, что является условием его существования, но и продавать её на независимых от него условиях, без возможности найти другого, лучшего работодателя. Один – единственный работодатель – государство, и работнику не остается ничего другого, кроме как принять его условия»¹. С этим трудно не согласиться. Подтверждением этому служит сформированная к началу Великой Отечественной войны система трудовых отношений, когда работники оказались полностью зависимыми от государства.

Её формирование началось с ликвидации рынка рабочей силы, поскольку его существование в условиях регулируемой государством экономики, где нет места свободному товарному рынку, было бессмысленно. Рынок и рыночные отношения при социализме не могли выступать регуляторами производительных сил. Социализм, в отличие от капитализма, ведет хозяйство по единому плану: здесь нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, т. к. в нем все работают и получают полный продукт своего труда. Труд и только труд обладает ценностнообразующей силой. Отсюда следовало понимание большевиками того, что «капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»².

Совершив политический переворот, большевики ликвидировали антагонизм между трудом и капиталом, тем самым создав условия для решения вышеназванной задачи. Но они осознавали, что это работа многих лет и десятилетий. С переходом производства в руки общества в сознании рабочего ещё не достигалось отождествление его личных интересов с интересами общества. Следствием этого могло быть нарушение трудовой дисциплины и дестабилизация труда в целом, что и произошло на практике. В мае 1918 г. председатель ВЦСПС М. П. Томский был вынужден констатировать, что падение производительности труда дошло до такой черты, за которой наступает полное разложение и крах. На I съезде Совнархозов А. К. Гастев (с 1921 по 1938 гг. возглавлял Центральный институт труда в Москве) подчеркивал тот факт, что советская власть столкнулась с саботажем «национальным, народным, пролетарским»³. В этой ситуации введение всеобщей трудовой повинности должно было стать «панацеей от всех бед».

Конкретную и откровенную оценку значения всеобщей трудовой повинности как мобилизационного метода построения социализма дал один из теоретиков большевизма – Н. И. Бухарин. По его мнению, государственное принуждение при пролетарской диктатуре есть метод строительства коммунистического общества⁴. Иными словами, чтобы попасть в рай приходится пройти чистилище, чтобы вступить в социализм, надо пройти через диктатуру пролетариата посредством принуждения к труду.

При организации системы новых (социалистических) трудовых отношений был реализован ключевой принцип мобилизационности: достижение цели «любой ценой» и использование в связи с этим внеэкономических методов воздействия на тех, от кого зависит достижение цели.

Первыми, по замыслу большевиков принудительно на трудовой фронт должны были быть направлены имущие классы. В декабре 1917 г. глава Советского государства В. И. Ленин писал в тезисах к Декрету ВЦИК о национализации банков: «(статья 6) Всеобщая трудовая повинность: первый шаг – потребительско-рабочие, бюджетно-рабочие книжки для богатых, контроль за ними. Их долг – работать в указанном направлении, иначе – «враги народа» (отправка на фронт, принудительные работы, конфискация, аресты, «расстрел» – примечание на полях. – *авт.*)». Второй шаг в деле развития идеи всеобщей трудовой повинности был сделан уже в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, где был принят документ – «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Мотивировка введения всеобщей трудовой повинности была расширена: она вводилась не только для уничтожения паразитических слоев общества, но и для организации хозяйства⁵. Тем самым официально признавалась возможность мобилизации на трудовой фронт других социальных слоев.

Летом 1918 г. советским правительством был завершён переход от официального признания возможности распространения всеобщей трудовой повинности на все слои населения к её осуществлению на практике. Специальным пунктом в Конституции РСФСР 1918 г. было провозглашено, что труд является обязанностью всех граждан Республики: «Не трудящийся да не ест» (ст. 18). Из экстренной меры всеобщая трудовая повинность превращалась в систему. Это означало, что за год большевики на практике реализовали идею привлечения к труду всего трудоспособного населения России. На наш взгляд, это не было явлением, обусловленным гражданской войной и разрухой. После разрушения рыночных механизмов рабочая сила могла быть приведена в действие только через систему трудовой повинности.

Подтверждением сказанного могут служить дальнейшие шаги советского правительства в деле формирования новых трудовых отношений. Прежде всего, было запрещено безработным отказываться от работы и вводились трудовые книжки для фиксации использования и передвижения рабочей силы. 3 сентября 1918 г. было опубликовано постановление СНК РСФСР «О воспрещении безработным отказываться от работы». Зарегистрированный на бирже труда был лишён права отказываться от предлагаемой ему по специальности работы, от временной работы, а также от перемещения в другие районы для выполнения трудовых обязанностей. Обязательными для всех безработных (без различия профессий) стали считаться работы по доставке продовольствия и уборке урожая. 5 октября 1918 г. вступил в действие Декрет о трудовых книжках, которые вводились взамен прежних удостоверений личности, паспортов для лиц, живущих на нетрудовой доход, прибегающих к наемному труду, свободных профессий (если они не выполняли общественно полезных функций), не имеющих определенных занятий⁶.

В декабре 1918 г. трудовые книжки были введены для всех: было заявлено, что «...все трудоспособные граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики... получают бесплатно трудовые книжки». Данная норма была законодательно закреплена в «Кодексе законов о труде», принятом ВЦИК 10 декабря 1918 г. В этом документе декларировалась трудовая повинность всех трудоспособных граждан в возрасте от 16 до 50 лет. Принятие кодекса означало, что в качестве основных правовых способов воздействия на мотивацию труда стали применяться принудительные меры, включая административные и уголовные наказания.

Формирование и развитие трудовых отношений сопровождалось активным использованием революционной фразеологии, конечной целью которой было осознание населением того, что лозунг «смерть или победа» должен стать главным лозунгом на промышленном (хозяйственном) фронте. Это был важный момент в осуществлении трудовой политики. От готовности населения идти на лишения и жертвы зависел потенциал мобилизационности.

Большевики предприняли попытку соединить идею государственного принуждения с революционным энтузиазмом народных масс. Если, придя к власти в октябре 1917 г., большевики делали упор на то, что городские рабочие в союзе с беднейшим крестьянством проявят неуклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, то уже весной 1918 г. они заговорили о необходимости «...научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением - воле одного лица, советского руководителя, во время труда»⁷.

Вершиной данного симбиоза стала пропаганда и проведение коммунистических субботников. Возникнув как ответ на призыв ЦК РКП (б) в связи с тяжелым положением на Восточном фронте, субботники уже в феврале 1920 г. стали рассматриваться советским правительством как обязательный элемент трудовой политики со всеми вытекавшими последствиями. В постановлении Совета обороны от 2.02.1920 г. Всероссийскому центральному Совету профессиональных союзов и Комрему (Комитет по ремонту подвижного состава), Народному Комиссариату путей сообщения поручалось принять меры к ускорению и усилению применения субботников в области ремонта железнодорожного транспорта. Одновременно субботники предлагалось проводить в сочетании с формами милитаризованного труда – трудовыми армиями и мобилизациями. На IX съезде РКП(б) (март-апрель 1920 г.) была выдвинута задача привлечения к субботникам всего местного населения, в различных нормативных документах и подведомственных актах был поставлен вопрос о нормах выработки во время их проведения⁸. По

нашему мнению, был совершен переход от понимания субботников как бесплатного и не нормированного никакой властью, труда отдельных лиц на общественную пользу к трактовке их как мероприятий, требующих «развития, распространения, улучшения внедрения в нравы», т. е. мероприятий, подвергающихся государственному регулированию. Коррективы, внесенные в понимание «ростков коммунизма», означали то, что субботники стали рассматриваться не только как форма самоорганизации рабочего класса, но и как один из способов пропаганды идеи всеобщей трудовой повинности. Новый подход в оценке субботников позволил В. И. Ленину поставить их в один ряд с милитаризованными формами труда и дать им оценку как практического осуществления в разных формах социалистического и коммунистического труда⁹.

Формирование новых трудовых отношений проходило одновременно с созданием пенитенциарной системы. Речь о концентрационных лагерях впервые зашла весной 1918 г. в связи с белочешским восстанием и призывом в Красную Армию бывших царских офицеров. Летом 1918 г. в Муроме и Арзамасе были организованы два лагеря «для провокаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов и спекулянтов». 5 сентября 1918 г. был принят декрет СНК «О красном терроре», в котором было законодательно закреплено появление новых карательных учреждений, предназначенных для изоляции классовых врагов. Вскоре советское руководство обратило внимание на то, что труд арестованных недостаточно используется на общественных работах и предложило «... оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения...»¹⁰ В апреле 1919 г. было принято Постановление Президиума ВЦИК о лагерях принудительных работ, где было объявлено о немедленном привлечении заключенных к работам.

Реализация на практике концепции превращения концентрационных лагерей в накопители рабочей силы завершала формирование системы новых трудовых отношений на основе всеобщей трудовой повинности. Свободное население и заключённые должны были работать там и тогда, где и когда это нужно было государству. Отличие в использовании их труда состояло в том, что заключённые направлялись на работу в первую очередь и под конвоем. Однако для свободного населения всегда была угроза перехода в состояние несвободы. «Если мы возьмём советские учреждения, – отмечали большевики, – то здесь должна быть применена мера такого наказания (заключение в концентрационные лагеря. – *авт.*) за недобросовестное отношение к делу, нерадение, за опоздание и т. д. Этой мерой мы можем подтянуть даже наших собственных работников»¹¹.

Создание системы всеобщей трудовой повинности проходило в условиях гражданской войны, что позволило большевикам придать ей военизированный характер, связанный с процессом милитаризации труда. В условиях гражданской войны и экономической разрухи такие меры соответствовали требованиям жизни. Но стоит, как нам кажется, взглянуть на предпринятые шаги более широко. Они свидетельствуют о стремлении государства привязать систему организации труда к армейской системе управления.

Идея была реализована в апреле 1920 г., когда военный вопрос перед советской Россией не был уже столь острым. В январе-феврале 1920 г. были созданы революционные армии труда, в апреле 1920 г. Совет труда и обороны предоставил Главкомтруду по соглашению с Реввоенсоветом республики право создавать фронтовые и армейские комитеты по всеобщей трудовой повинности, которые должны были осуществлять через гражданские и военные органы трудовую политику. Была введена жесткая система учёта, деятельность военкоматов была скоординирована с работой комитетов по трудовой повинности¹². Милитаризация труда позволяла не только решать задачи, вызванные гражданской войной, но и отражала стремление советского правительства быстрее внедрить методы регламентации в систему планового хозяйства. Она характеризовалась как доведенная до наивысших пределов самоорганизация рабочего класса и организация им крестьянства¹³.

После окончания гражданской войны В. И. Ленин, оценивая проводившуюся в 1918–1920 гг. экономическую политику, говорил: «...наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала, – можно сказать, безрассчетно предполагала, – что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах»¹⁴. Другими словами, по свидетельству Л. Д. Троцкого, «...от “военного коммунизма” оно (советское правительство. – *авт.*) рассчитывало постепенно, но без нарушения системы, прийти к подлинному коммунизму»¹⁵. Политика «военного коммунизма», таким образом, была в определенной степени продолжением экономической политики первых месяцев советской власти, а не только продуктом гражданской войны. Теоретически это обосновывалось тем, что переход к планомерно организованному труду был немыслим без мер принуждения. Орудием государственного принуждения являлась военная сила. Следовательно, считали большевики, элемент милитаризации труда, в тех или других пределах, неизбежно присущ переходному хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности. Конечной целью данного процесса было превращение всех граждан советской республики в солдат «...великой советской армии труда», «...в одну великую всероссийскую трудовую артель»¹⁶.

К середине 1920 г. была создана система «огосударственного» социалистического труда, в основе которой лежали такие формы как трудовая повинность, субботники, «трудовые армии». Идея государственного регулирования была доведена до своего логического абсолюта и являлась на практике отражением доктрины большевизма, нацеленной на создание «государства-фабрики». Но экономический и

политический кризис второй половины 1920 г. заставил советское правительство изменить свои подходы к осуществлению трудовой политики.

Переход к товарному рынку и формированию многосекторной экономики потребовали проведения политики занятости адекватной новым реалиям хозяйственной жизни. Декретом СНК от 03.11.1921 г. и «Кодексом о труде РСФСР» 1922 г. был законодательно закреплён принцип «свободного найма»¹⁷. При этом создавался социалистический рынок труда, отличный от капиталистического: «свободный найм» должны были осуществлять только государственные посреднические организации – биржи труда, частные посреднические организации на рынке труда были запрещены¹⁸. Считалось, что «государственная организация рынка труда уже тем является наиболее важным средством, что она даёт возможность его регулирования в интересах рабочих как целого»¹⁹. Биржа труда осуществляла регистрацию безработных и предоставляла им льготы, формировала из них трудовые коллективы, вела учёт поступающих заявок на рабочую силу, проводила её вербовку, организовывала общественные работы. Государственное монополизирование трудового посредничества означало, что все операции по найму по-прежнему оставались сосредоточены в одном месте, а работа продолжала распределяться в соответствии с принципом «наибольшей нуждаемости». Все желающие граждане получить работу, должны были зарегистрироваться на бирже и по мере поступления заявок посылались на работу. В целом это свидетельствовало о том, что с одной стороны государство даже в условиях либерализации экономики не собиралось выпускать из своих рук контроль над рабочей силой, с другой – о дискретности мобилизационности.

Государственное регулирование рынка труда посредством бирж в первой половине 1920-х гг. не являлось единственным методом контроля над рабочей силой. Советская власть продолжала практику прямого вмешательства в процесс организации труда.

Наглядно это нашло отражение в том, как советское государство решало судьбу бывших трудармейцев. На момент роспуска трудовых частей их насчитывалось не менее 75000 человек²⁰. Постановлением от 30 декабря 1921 г. предписывалось часть личного состава трудовых частей передать в Красную Армию, остальных оставить в распоряжении Наркомтруда. Военное ведомство вследствие продовольственного кризиса было не в состоянии принять всех трудармейцев в Красную Армию, а по политическим причинам не могло уволить в бессрочный отпуск ввиду нахождения их сверстников на действительной службе. Кроме того, снятие трудовых частей с работ повлекло бы за собой значительные издержки на хозяйственном фронте. С целью выхода из сложившейся ситуации для организации находящихся в ведении Наркомата труда военнообязанных было организовано Всероссийское объединение государственных рабочих артелей (ВОГРА).

Это была одна из первых попыток создания государственной организации, которая была призвана собрать, организовать и планомерно распределять массовую рабочую силу, минуя биржи труда, по тем или иным участкам социалистического строительства. Наркомат труда в своих разъяснениях советским и хозяйственным организациям неоднократно подчёркивал, что артели являются государственными, и никто, кроме государственного органа, в лице Наркомата труда, не мог использовать этот личный состав на трудозаданиях, производить его дислокацию, распоряжаться его переброской на места работ и т. д.²¹.

В ноябре 1922 г. постановлением СТО Всероссийское объединение государственных рабочих артелей было ликвидировано. Его правопреемником стало Российское акционерное общество строительных, транспортно-грузовых и заготовительных работ. Но и оно просуществовало не долго. Государство не могло допустить, чтобы процесс акционирования оказался вне контроля. Весной 1923 г. начался процесс реорганизации общества в государственное строительное акционерное общество «Стандарт», акционерами которого стали исключительно государственные организации: Наркомат труда, Наркомат путей сообщения, Центральное управление социального страхования. Летом 1924 г. процесс реорганизации был завершён. Все частные акционеры в один день вышли из состава общества. В соответствии с уставом общества владельцы акций не имели никаких прав на прибыль²². Рабочие государственных рабочих артелей стали рабочими государственного акционерного общества.

Российские исследователи, занимающиеся проблемой становления и развития трудовых отношений при социализме, отмечают, что, начиная со второй половины 20-х гг. XX в., советские и партийные органы начинают активно участвовать в процессе регулирования труда²³. На наш взгляд, эта тенденция прослеживается уже в первой половине 1920-х гг., что было связано с продолжающимся (в отличии от донэповского периода методах) процессом создания системы государственного труда.

На этом фоне представляет особый интерес высказывание И. В. Сталина, сделанное им в ноябре 1926 г. на XV партийной конференции ВКП (б). Говоря о методах организации труда в период построения социализма, он отмечал, что «...мы пробовали этот путь в виде организаций трудовых армий. Но на этом пути больших результатов не добились. Мы потом пошли к этой цели обходными путями, и нет оснований сомневаться в том, что добьёмся в этой области решающих успехов»²⁴. К какой цели шло советское государство следует из контекста выступления И. В. Сталина – «одинаковый принудительный труд для всех членов общества до полной отмены частной собственности». А вот какими «обходными путями» к ней пошла советская власть, отказавшись от организации трудовых армий, он умалчивает.

Ответ на этот вопрос лежит в последующей практической деятельности советского государства в области регулирования трудовых отношений. В середине 1920-х гг. завершился период восстановления народного хозяйства. Переход к планово-социалистической экономике и директивной системе

руководства, актуальные задачи хозяйственного строительства поставили на повестку дня вопрос рационального использования рабочей силы.

Одним из первых шагов советского правительства была реорганизация деятельности бирж труда, при которых были созданы посреднические бюро по найму рабочей силы²⁵. Задачей деятельности последних стал не учет свободной «наличной рабочей силы» и оказание помощи безработным в виде льгот, пособий и трудоустройства (эти задачи выполняла биржа труда до 1925 г.), а учет и распределение квалифицированной рабочей силы, т. е. рационального её использования. Они должны были стать местом «...действительного сосредоточения в них всего спроса и предложения труда, чем будет достигнуто осуществление важнейшей в настоящий момент государственной задачи – действительно реальной, а не бумажной монополии государственного трудового посредничества». По мнению современников, решая новые задачи на рынке труда, они в будущем должны были заменить биржи труда²⁶.

В марте 1927 г. ЦИК и СНК СССР принимают решение о проведении оргнабора рабочей силы, что означало начало перехода государства к политике концентрации трудовых ресурсов и их перераспределения в зависимости от задач хозяйственного строительства. Оргнабор на практике осуществлялся путем заключения договоров организациями с колхозами, закрепления рабочих за предприятием на определенные сроки на основе контрактации*. Соответствующие органы составляли разнарядку по районам. Район доводил плановые задания до колхозов, которые автоматически заключали договора, не учитывая при этом интересов и умений самих колхозников. Колхозники прикреплялись к предприятиям, которые не могли покинуть, пока не закончится срок контрактации.

Однако рабочей силы не хватало. Осенью 1931 г. положение с трудовыми ресурсами было напряженным. Уралсовет, к примеру, отмечал, что, если в народное хозяйство региона привлечь все трудоспособное население, включая женщин, дефицит рабочей силы составит 106 тыс. человек²⁷. Рабочей силы не просто не хватало, её требовалось с каждым разом всё больше. Это было обусловлено начавшейся индустриализацией. Подсчеты показывали, что на Урале в 1931 г. для работы в промышленности требовалось 525 тыс., строительстве – 233 тыс., лесозаготовок – 240 тыс. человек²⁸.

В этих условиях советское государство возвратилось к опыту периода «военного коммунизма» – использованию трудовой повинности. На рубеже 20–30-х гг. XX в. появился целый ряд законодательных актов, расширявших сферу использования труда граждан СССР, привлеченных в порядке трудовой повинности. В 1929 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было разрешено ЦИК автономных республик, край – и облисполкомам в необходимых случаях проводить в хлебозаготовительных районах платную гужевую повинность для подвозки хлеба к станциям железной дороги. Постановлением ВЦИК и СНК от 1 апреля 1929 г. устанавливалось, что содержание, ремонт и восстановление дорог местного значения (помимо ассигнований из местного бюджета и дорожного фонда) должно производиться путем привлечения населения к трудовому участию в их содержании. К работе привлекались проживавшие в сельской местности мужчины 18–45 лет и женщины от 18 до 40 лет. На строительстве дорог, ремонте мостов колхозник должен был отработать 6 дней в году, а единоличник – 12 (причем последние привлекались к выполнению государственных обязательств и трудовой повинности в первую очередь) со всем имеющимся у них рабочим скотом, транспортными средствами, инвентарем. В феврале 1930 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР, разрешавшее ЦИКам автономных республик и краевым (областным) исполкомам вводить в лесозаготовительных и лесосплавных районах платную трудовую и гужевую повинность и т. д.²⁹

Используя трудовую повинность как метод трудовой мобилизации населения, советское государство в конце 20–30-е гг. XX в. выделило отдельные категории населения СССР, для которых труд должен был стать принудительным. Это коснулось тех слоев населения, в которых советское государство видело врагов строительства социализма. От их «социальной опасности» зависела степень принудительности в деле организации труда. Наиболее «социально – опасные» категории оказывались в лагерях, колониях и тюрьмах. Труд заключенных был включен в государственный план с ежегодным увеличением хозяйственных показателей. Возникла «спецотрасль» народного хозяйства – лагерный сектор социалистической экономики, включавший в себя многие виды экономической деятельности.

В 1930-е гг. труд заключенных и лиц, ограниченных в правах, принял широкие масштабы. Как отмечал российский исследователь О. Хлевнюк, И. В. Сталин, выступая на июльском пленуме ЦК ВКП (б) в 1940 г., был вынужден признать, что треть рабочей силы на стройках на Севере, в отдаленных углях, на строительстве железных дорог, в лесу являлась уголовными элементами³⁰. Но И. В. Сталин лукавил, осужденные работали не только на окраинах. Существуют многочисленные свидетельства их работы на «великих стройках» индустриализации. В 1938 г. американский рабочий Дж. Скотт, работавший на строительстве Магнитогорского металлургического завода, сообщал в посольство США: «...В настоящее время группы людей, работающих в Магнитогорске принудительно, включают в себя: 25 тысяч так называемых «раскулаченных», которые всё ещё не имеют право покидать город, но уже не находятся под вооружённой охраной и около 15–20 тысяч заключённых ИТК под стражей. Всё население Магнитогорска составляет 145 тысяч жителей. Соответственно около 30% населения трудится на принудительных работах»³¹. Вовлечение огромного количества людей посредством принудительного труда в дело строительства социализма, по нашему мнению, это один из «обходных путей», о котором говорил И. В. Сталин в 1926 г.

Но был и другой – более «социалистический» путь. 11.10.1930 г. НКТ СССР принял постановление «О немедленной посылке безработных на работу и прекращении выплаты пособий по безработи-

* Постановление ЦИК и Совнарком СССР «Об отходниче», 30 июля 1931 г.

це», что означало завершение перехода от государственного регулирования рынка труда посредством различных организаций к реализации «социалистического плана трудовых ресурсов». Принимается целый ряд постановлений, направленных на укрепление трудовой дисциплины, повышение прав администрации предприятий в регулировании трудовых отношений, укреплении единоначалия на производстве, ликвидации текучести кадров³². Начинается активное вмешательство государственных, партийных и хозяйственных органов в процесс развития трудовых отношений. Именно на это нацеливало выступление И. В. Сталина в феврале 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, где была определена новая задача момента: «...пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во всё...»³³. Спустя некоторое время задача им была конкретизирована. Летом 1931 г. И. В. Сталиным были провозглашены «шесть условий» развития советской промышленности, и все они касались вопросов организации труда: необходимости более организованного набора рабочей силы; механизации труда; ликвидации текучести кадров, уравниловки и обезлички; улучшения бытовых условий, правильной расстановки кадров, внедрения в производство хозрасчетных принципов; изменения политики заработной платы³⁴. Руководитель партии большевиков торопился не зря. Не поставив под контроль государства трудовые отношения, не организовав труд, не сделав из населения государственных рабочих нельзя было выполнить мобилизационных планов первой пятилетки.

Для реализации «шести условий» развития промышленности, выдвинутых И. В. Сталиным, советское правительство предпринимает ряд мер. С 30 июня 1931 г. была ограничена возможность ухода из деревни колхозников на основании индивидуальных договоров. С апреля 1932 г. с целью борьбы против «обезлички» на предприятиях стали составляться графики выхода на работу, все перемещения на производстве стали регламентироваться приказами, были введены табельные номера и т. д. С ноября 1932 г. были введены наказания за прогул на производстве: увольнение, лишение продовольственных карточек, выселение с занимаемой жилплощади. 27 декабря 1932 г. в стране была введена паспортная система в целях, как отмечалось в документах, очистки населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов. На самом деле она стала формой принудительного регулирования рабочей силы. Люди, не получившие паспортов (сельским жителям их не выдавали), не могли устроиться на работу (сельские жители в итоге пожизненно прикреплялись к колхозу). Часто жители городов не могли получить прописки, не устроившись на работу. Была установлена, таким образом, негласная принудительная связь между местом работы и местом жительства. Укреплялась дисциплина на производстве. Дезертиры трудового фронта лишались возможности получить направление на работу в течение 6 месяцев. Была пересмотрена система заработной платы. Зарплата ставилась в зависимость от производственного стажа, процента выполнения плана. Кроме того, были введены тарифы и нормы оплаты труда³⁵. В 1934 г. было прекращено заключение коллективных договоров между рабочим коллективом и администрацией. Начиная с 1932 г. эта форма взаимоотношений между сторонами перестала носить характер социального партнерства и стала представлять собой особый вид организации социально-трудовых отношений с элементами государственного патернализма и административного нажима³⁶. Такие договоры теряли всякий смысл. С их ликвидацией государство стало полностью контролировать процесс организации труда.

В этих условиях стало возможным использовать опыт периода «военного коммунизма». С 15 января 1939 г. в целях упорядочения учёта рабочих и служащих на предприятиях и учреждениях были возрождены трудовые книжки. В соответствии с постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г. «О введении трудовых книжек», рабочие и служащие, поступающие на работу, были обязаны предъявить администрации предприятия (учреждения) трудовую книжку, а администрация могла принимать на работу только при её наличии. Трудовая книжка хранилась у администрации, а на руки выдавалась только при увольнении. В случае утери трудовой книжки её владелец был обязан немедленно заявить об этом администрации (по месту последней работы), которая в течение 15 дней должна была выдать дубликат. Государство получило возможность не только контролировать перемещение человека с одного места работы на другое, но и фиксировать его общий трудовой стаж, квалификацию, причины увольнения, поощрения и награждения. Незаконное пользование трудовыми книжками, передача их другим лицам, подделка и подчистка карались в уголовном порядке.

В целом необходимо отметить, что все меры советского государства в деле организации труда в конце 20–30-х гг. XX в., сопровождались его «огосударствлением» и были направлены на создание системы регулируемых государством трудовых отношений. В этом была суть другого «обходного» пути, о котором говорил И. В. Сталин на XV партийной конференции ВКП (б). В 1930-е гг. была полностью реализована идея, высказанная лидерами профсоюзов на Пленуме ЦК ВЦСПС в январе 1919 г.: «Даже в мирное время не будет ничего удивительного в том, если будет применяться принудительное распределение рабочей силы в интересах общества в целом... Нужно пускать те заводы в ход, которые необходимы. Не стоит для этого останавливаться перед тем, что тысячи рабочих привыкли жить в Сестрорецком районе, не хотят переезжать в Харьковский»³⁷. Именно в «огосударствлении» труда обвиняли И. В. Сталина противники установившегося режима. Один из них, Ф. Раскольников писал, что вождь советского государства отменил свободу труда, закабалил советских рабочих и прикрепил их к фабрикам и заводам³⁸.

Точку в цепи мероприятий по «огосударствлению» труда поставила серия указов 1940 г.³⁹ Этими указами была увеличена продолжительность рабочего дня до 8 часов, запрещён самовольный уход с рабо-

ты и переход с одного предприятия или учреждения в другое; органы власти получили право перевода в обязательном порядке рабочих и служащих по своему усмотрению, независимо от территориального расположения предприятий и учреждений, а также проведения мобилизации молодежи с целью их обучения рабочим специальностям⁴⁰. В итоге рабочие и служащие оказались окончательно прикрепленными к месту работы и полностью зависимыми от государства. Создаваемая система «огосударственного» труда получила своё окончательное оформление в рамках мобилизационной модели советской экономики. К концу 1930-х гг. удалось решить ту же задачу в области организации труда, что ставилась в первые годы советской власти: объединить людей для достижения великой цели, заставить их работать там, где это было нужно государству, и довольствоваться тем, как оценит работу государство.

Примечания

- ¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 262.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 21.
- ³ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 213.
- ⁴ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 139.
- ⁵ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 322; Акты государственного регулирования – от 1917 до 1939 гг. М., 1983. С. 32.
- ⁶ Собрание Указаний РСФСР. 1918. № 64. Ст. 704; № 73. Ст. 792; № 87–88. Ст. 905.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 203; Т. 40. С. 112.
- ⁸ Декреты Советской власти. Т. VII. С. 167–171; КПСС в резолюциях..., изд. 7. Часть I. М., 1954. С. 422, 488.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 36, 288, 315, 404.
- ¹⁰ Исторический архив. 1958. № 1. С. 10.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Баевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957. С. 102.
- ¹³ Правда. 1920. 6 февраля, 17 марта, 9 апреля.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 220; Т. 44. С. 156, 309, 471.
- ¹⁵ Ричард Пайпс. Русская революция. Часть II. М., 1994. С. 353.
- ¹⁶ Декреты Советской власти. Т. VII. С. 191.
- ¹⁷ СУ РСФСР. 1921. № 74. С. 607.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 7. Д. 335. Л. 55.
- ¹⁹ Аникст А. Современная безработица в России и борьба с нею // Вестник труда. 1922. № 28. С. 15.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 142. Л. 5.
- ²¹ Там же. Ф. Р-9560. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 7, 11.
- ²² Там же. Ф. Р-9560. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 22, 26; Д. 3. Л. 1; Д. 18. Л. 16, 132; Ф. 382. Оп. 1. Д. 76. Л. 14; РГАЭ. Ф. 514. Д. 11. Л. 367; Д. 15. Л. 16, 25, 32 об; Д. 36. Л. 9, 16.
- ²³ Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обзор. Выпуск 4. М., 2000. С. 39–80; Бородин Л. И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы НЭПа: формирование, системы мотивации труда в промышленности / Л. И. Бородин, Е. И. Сафронова // Экономическая история. Обзор. Выпуск 5. М., 2000. С. 23–46; Кудров В. Крах советской модели экономики. М., 2000; Колганов А. И. Путь к социализму. Трагедия и подвиг. М., 2000 и др.
- ²⁴ XV конференция ВКП (б). М.; Л., 1927. С. 719; И. Сталин. Соч. Т. 8. М., 1952. С. 300.
- ²⁵ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 2. ст. 15.
- ²⁶ Гиндин Я. Посреднические бюро по найму и биржи труда // Антология социально-экономической мысли в России. 20–30-е гг. XX века. М., 2001. С. 347.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2942. Л. 188.
- ²⁸ Там же. Л. 532.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 2642. Л. 22, 23, 29; Систематическое собрание законов РСФСР, действовавших на 1 января 1928 года (7 ноября 1917 – 31 декабря 1927) Т. 3. / под ред. Я. Н. Бранденбургского. М., 1930. С. 159; КЗОТ РСФСР с постратейными разъяснениями. Л., 1931. ст. 97.
- ³⁰ Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 84.
- ³¹ Урал. XX век. Екатеринбург, 1997. С. 328.
- ³² Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 8–13, 126, 127, 662–664; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1957. С. 18, 120, 126.
- ³³ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 41.
- ³⁴ Там же. С. 50–80.
- ³⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 329–330; 432–437; Хрестоматия по истории России. 1917–1940. М., 1995. С. 349, 350.
- ³⁶ Труд. 1932. № 6.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 27. Л. 2.
- ³⁸ Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // История отечества в документах. Ч. 2. 1921–1939. М., 1994. С. 175–176.

³⁹ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семичасовую рабочую неделю и о закреплении самовольного ухода служащих с предприятий и учреждений» (июнь, 1940 г.); «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие» (октябрь 1940 г.); «О государственных трудовых резервах СССР» (октябрь, 1940 г.).

⁴⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 757–760, 775–778; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 653–655.

Кириллов В. М.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В КОНТЕКСТЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Модель экономики, разрабатываемая и воплощаемая в жизнь большевистскими лидерами, базировалась на утопических принципах: общественной собственности на средства производства, отмирания традиционных функций денег, воспитания человека новой формации. В этой модели нет места традиционным стимулам функционирования экономической жизни общества, характерным для стран рыночной экономики: сдельная форма оплаты свободно выбираемого труда, предполагающая высокую квалификацию работника; дисциплинированность; ответственное отношение к делу; прогрессирующая производительность и стандартное качество произведенного товара. Выработанная протестантизмом и реализованная буржуазией развитых индустриальных стран модель новой разновидности личности: «христианского промышленного солдата», предполагала такие качества работника, как пунктуальность, производительность, сдержанность, подчиненность дисциплине часов и принципу сдельной оплаты.

Мобилизационная модель советской экономики (не считая экспериментов в годы революции и гражданской войны, опыта работы Соловецкого лагеря особого назначения и т. д.) начинает формироваться в конце 1920-х годов. Этому явлению способствовала отмена НЭПа, шахтинский процесс, коллективизация-раскулачивание и ускоренная индустриализация, развернувшаяся в условиях ограниченных денежных и трудовых ресурсов.

Меняется взгляд на роль принудительного труда в «народном хозяйстве», он начинает активно использоваться в годы первых пятилеток. Мы можем отметить определенные противоречия в политике вождей, в связи с этим. С одной стороны, с 1929 г. начинается экспансия лагерной системы в производство. С другой, до конца 30-х годов акцентируется внимание на воспитательной функции труда в ГУЛАГе и кампании репрессий затеваются не ради пополнения рабочей силы лагерей, а служат средством устрашения врагов революции и заговорщиков. В ходе раскулачивания, десятки тысяч «кулаков» были расстреляны, а сотни тысяч спецпоселенцев посланы умирать от истощения в места непригодные для жилья и только затем их стали распределять на «великие стройки» пятилеток. Жертвы «Большого террора» (около 720 тыс.) были бессмысленно расстреляны, а сотни тысяч других, попали в ГУЛАГ. Это вызвало кризис всей лагерной системы, подорвав зыбкий баланс так называемой самокупаемости. Для вновь прибывших контингентов просто не находили работы.

В то же время, исследователи прослеживают связь между процессами против «спецов» и запросами ИТЛ Дальстроя на квалифицированных инженеров. Изучение деятельности этого лагерного «государства в государстве» позволяет утверждать, что на первом месте стояли экономические, а не политические задачи¹.

Мы не можем утверждать, что в сталинском СССР (в разные периоды его существования) все виды труда были добровольно-принудительными. Даже в сфере «чисто принудительного» труда в ИТЛ и ИТК применялись различные методы стимуляции его производительности: зачеты рабочих дней и досрочное освобождение за ударный труд, заработная плата и премии, социалистическое соревнование, стахановское движение.

«На воле» политика партии также имела значительные нюансы. По наблюдениям специалистов по экономической истории, преимущественно инвестиционный курс вождей несколько раз корректировался. Так в 1933 и 1937 гг. наблюдается сокращение инвестиций в экономику. Объяснением этому служит модель «справедливой заработной платы». П. Грегори отмечает: «Долгосрочным» уроком применения силы в деревне стало то, что на сокращение стимулов крестьяне ответили сокращением производства... Аналогично, за стратегию первоочередности инвестиций, определивших уровень потребления рабочих, который они считали несправедливым, пришлось заплатить низкой производительностью труда. Достигнутое равновесие нашло отражение в советской пословице: «они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем»².

В отсутствие подлинных стимулов повышения качества труда в ходе насаждения утопической модели «социалистической экономики» делалась ставка на воспитание «нового советского человека». Однако такой человек не появился. Попробовали ввести карточную систему для улучшения снабжения рабочих ключевых производств – неудачно. Прибегли к пропаганде стахановского движения. Но бурная деятельность стахановцев быстро истощала производственные ресурсы, игнорировались знания и опыт квалифицированных инженеров, техников, разрушалась техническая и нормативная база производства.

Последним резервом псевдоэкономики становилось наказание принудительным трудом. Окончательный переход к мобилизационной модели экономики произошел на рубеже 1938–1939 гг., ее время истекло в середине 1950-х гг. Новой парадигмой советской экономической системы стал лозунг «гарантированного права на труд». Однако, в итоге, и эта новая формула не привела к коренному изменению качества труда. В период с 1950 по 1960 год инвестиции и потребление росли ускоренными темпами. Однако затем все вернулось на «круги своя» и советская экономика стала безнадежно отставать от Японии, затем Китая и других стран. Рабочие по-прежнему делали вид, что работают. Но к принуждению власть прибегнуть уже не могла, ибо ГУЛАГ показал свою неэффективность и затратность. К этому времени лагерная субкультура пропитала все советское общество и стала его негласным символом³.

Акцентируем наше внимание на проблемах изучения эффективности принудительного труда в момент апогея мобилизационной модели экономической системы (конец 1930 – начало 1950-х гг.).

Современная историографическая ситуация демонстрирует актуальность изучения производительности труда в СССР. Советская статистика не дает нам доказательного материала по темпам роста производительности во всех сферах народного хозяйства. Официальная статистика, например, утверждает «что производительность труда в народном хозяйстве СССР за 1913–1989 г., т. е. всего за 76 лет, выросла в 72 раза». По расчетам американских советологов «прирост производительности труда в народном хозяйстве СССР в 1928–1950 гг. оказался небольшим: всего 34,4 %, или по 1,4 % в среднем в год»⁴.

Другой важной проблемой, системно связанной с первой, является проблема соотношения вольнонаемного и принудительного труда, а также эффективность последнего. По мнению А. К. Соколова, «западные и современные российские историки, делают упор на насилие и принуждение, следуя логике укрепления тоталитарного государства, и, как правило, игнорируют факт сочетания различных методов стимулирования занятости и повышения производительности труда» в советский период⁵.

Соответственно этой логике формируется подход к эффективности принудительного труда и сравнению его с трудом «свободных» граждан СССР. Одни историки считают, что свободного труда в СССР вообще не было, а существовали только различные степени принуждения. Поэтому особых различий в производительности и эффективности труда заключенных лагерей и вольнонаемных рабочих они не видят или ссылаются на отсутствие сопоставимых показателей. Так, например, в работе А. Б. Суслова утверждается: «По большому счету, вольного труда в СССР не существовало, имелись лишь разные градации внеэкономического принуждения. Поэтому, сравнивая принудительный труд с вольнонаемным в СССР, мы должны понимать, что сравниваем не с действительно вольным трудом (как в странах Западной Европы и США), а с трудом, в сущности, принудительным, но все же имеющим дополнительные степени свободы, по сравнению с подневольным трудом заключенных»⁶. По его мнению, показатели труда спецконтингента и вольнонаемных мало отличаются друг от друга.

О. В. Хлевнюк приходит к выводу, «что в экономике МВД в послевоенный период наметилась тенденция превращения значительного числа заключенных в частично вольнонаемных работников, своеобразный перевод рабов в категорию крепостных крестьян»⁷.

В работах других историков, напротив, отмечаются явные различия в условиях труда спецконтингента и вольнонаемных рабочих. Более того, подчеркивается, что «даже в предельных условиях принудительного труда на экономических объектах Гулага властям приходилось для решения производственных задач сочетать методы жесткого принуждения с разветвленной системой стимулирования интенсивного труда»⁸.

Сторонники радикальной точки зрения в отечественной историографии ставят под сомнение практически все результаты экономической деятельности Гулага. О. В. Хлевнюк пишет: «Массовые политические репрессии и чрезвычайно жестокая система уголовных наказаний, служившие источниками пополнения экономики принудительного труда, всегда были нацелены на решение политических задач и с экономической точки зрения были абсолютно «убыточны». По его мнению, «роль принудительного труда в наращивании реального индустриального потенциала была куда менее значительной, чем демонстрируют формальные показатели хозяйственной деятельности НКВД-МВД». При этом, «удельный вес принудительного труда в сталинской экономической системе мог быть более значительным, если бы, как полагают некоторые авторы, в этот период проводилось намеренное расширение экономики Гулага при помощи массовых репрессий. Однако на самом деле, архивы совершенно не подтверждают такой тезис»⁹.

Можно солидаризироваться с точкой зрения, что проблемы эффективности принудительного труда остаются дискуссионными в «силу неопределенности и многозначности самого предмета. С точки зрения морально-правовых критериев, принятых в цивилизованных обществах, сталинский террор и его производное – экономика принудительного труда не могут быть оценены иначе, как преступные. В контексте общих тенденций мирового развития, демонстрирующих неоспоримые преимущества свободного труда, любая экономика принудительного труда не может быть признана эффективной»¹⁰.

С точки зрения концепции «догоняющей модернизации» России, в силу ее экстенсивного характера, государство осуществляло индустриализацию преимущественно насильственными методами. Поэтому экономика Гулага оценивается «как необходимое средство проведения форсированной индустриализации в целом»¹¹.

Таким образом, краткий историографический экскурс показывает многозначность подходов историков, как к проблемам советской экономики, так и к проблемам принудительного труда, его эффективности в историческом контексте развития России.

Сделаем попытку разобраться в некоторых аспектах рассматриваемой проблемы в предвоенный период и годы Второй мировой войны. «В 1930-е годы, по мнению А. К. Соколова, сложились основные черты советской политики в области стимулирования труда. Они представляли собой густую смесь способов материального поощрения, морального побуждения и принуждения. Баланс между ними менялся на всем протяжении 1930-х гг., но после так называемой ежовщины вектор стал явно смещаться в сторону принуждения»¹².

Период 1930-х – 1940-х гг. в отечественной историографии, применительно к развитию пенитенциарной системы, характеризуется как «период Гулага», открывающийся Постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» и последовавшей за этим организацией первой серии ИТ лагерей. Это время становления и экспансии лагерной системы, когда крупные лагеря становятся основным элементом в общей организационной структуре мест заключения. Заключенных начинают рассматривать как стратегический источник рабочей силы, а ОГПУ-НКВД – как важнейший производственный наркомат, способный реализовать важнейшие государственные производственные проекты. Основной задачей становится получение максимальной отдачи от труда заключенных. ... Этот период отличает активный поиск форм взаимодействия лагерного и производственного секторов»¹³.

Следующий период (1941–1953 гг.) знаменуется развитием «лагерно-производственного комплекса». Для него характерно полное слияние лагерных и производственных структур на всех уровнях иерархической лестницы»¹⁴.

Форсированная индустриализация протекала в сложных условиях. Во-первых, промышленность испытывала острый дефицит рабочей силы. Во-вторых, сельское население под ударом коллективизации-раскулачивания стало пополнять спецссылку и города, когда «огромное количество бывших крестьян, пришедших на производство, не имело ни традиций, ни опыта работы на промышленных предприятиях, обладало своими представлениями о дисциплине и организации труда»¹⁵. У России не было двух столетий для овладения навыками профессионального, добросовестного труда, как в странах Западной Европы и США. Следовательно, промышленность испытывала дефицит в квалифицированных и дисциплинированных работниках. С другой стороны, заметная доля тяжелого ручного труда в советской промышленности заставляла ориентироваться на неквалифицированных рабочих.

Все это происходило на фоне перевода пенитенциарных учреждений на принципы исправления производительным трудом и развертывания массовых репрессий против крестьян, а затем и против всех слоев населения в период «ежовщины». Массовые репрессии, совпавшие с активизацией процесса индустриализации, предоставили в распоряжение власти, в условиях дефицита рабочей силы и финансовых средств, огромное количество бесправных людей. Возник соблазн быстрого решения народнохозяйственных задач с помощью дешевого принудительного труда.

Труд «на свободе» и в лагерях по многим своим характеристикам сближается. С одной стороны, усиливаются элементы принудительности и жесткого администрирования в организации труда вольнонаемных (принудительная вербовка, трудовая армия), с другой, в лагерях вводятся элементы хозрасчета, сдельной оплаты труда, развивается система зачетов за добросовестный труд и досрочного освобождения заключенных, внедряется социалистическое соревнование и стахановские методы работы.

Ситуация начинает резко меняться с началом Второй мировой войны, когда окончательно оформляется система военно-мобилизационной, казарменной экономики. Еще в декабре 1938 г. принято постановление СНК СССР об обязательном введении трудовых книжек для борьбы с текучестью кадров; в январе 1939 г. постановление СНК, наказывающее за опоздание на работу свыше 20 минут; в июне 1940 г. указ ПВС СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», прикреплявший работника к предприятию и карающий за прогулы, опоздания и самовольный уход с работы; в октябре, декабре 1940 г. проведена реформа фабрично-заводского обучения, призванная более жестко обеспечивать промышленность кадрами квалифицированных рабочих (предусматривалось уголовное наказание за самовольный уход учащихся из школ ФЗО).

Увеличивалась динамика роста числа осужденных за оставление работы и прогулы; в 1940 г. «среди 3,3 млн обвинительных приговоров, вынесенных народными судами, 2,1 млн (64 %) составляли дела о прогулах и самовольном оставлении работы... Всего в 1940–1941 гг. штрафным санкциям подверглись 3,2 млн чел. и 633 тыс. – тюремному заключению»¹⁶.

С началом Великой Отечественной войны сформировалась дополнительная система чрезвычайных мер и указов, характерная для военного времени. За общим патриотическим лозунгом «Все для фронта, все для победы!» скрывалась жесткая повседневность жизни и труда советских людей в стране, лишенной каких-либо демократических правовых норм. Руководители страны, в идеологических целях акцентируя внимание на патриотических началах, в реальной политике больше ориентировались на методы принуждения и насилия.

В июне 1941 г. был создан Комитет по распределению рабочей силы при СНК, а в феврале 1942 г. издан закон о мобилизации на заводы и фабрики мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет (привлечено к труду около 12 млн чел.). В декабре 1941 г. «был издан закон о введении военного положения на предприятиях, связанных с оборонным производством. Случаи самовольного оставления работы рассматривались теперь не народными судами, а военными трибуналами. Самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта» и на-

казывались исправительно-трудовыми работами в лагерях и колониях на срок от 5 до 8 лет». В 1942 г. было осуждено 121 тыс., в 1943 г. – 367 тыс. и в 1944 г. – 276 тыс. чел. К моменту объявления амнистии в декабре 1944 г. в бегах находилось около 200 тыс. трудовых дезертиров. По закону от 26 июня 1940 г. в 1942 г. «почти на 1,3 млн работников были наложены штрафы, 297 тыс. наказаны тюремным заключением от 2 до 4 мес., в 1943 г.» – эти цифры составили соответственно: 962 и 160 тыс. чел., в 1944 г. – 893 и 168 тыс.; в 1945 г. штрафам подвергли 942 тыс., 117 тыс. – краткому тюремному заключению, а 101 тыс. – осуждены на длительный срок¹⁷.

Следует отметить, что, несмотря на принятые меры, производительность труда в годы войны упала. Основными причинами тому были массовая мобилизация квалифицированных рабочих на фронт, резко сузившаяся ресурсная база промышленности и сельского хозяйства.

Если обратиться к «чистой» сфере принудительного труда, то можно выделить следующие изменения. Во-первых, резко сократилась численность спецконтингента: за счет высокой смертности и мобилизации заключенных в армию (более 975 тыс. чел.) численность контингентов в лагерях и колониях уменьшилась с 2,3 в 1941 г. до 1,4 млн чел. в 1945 г. По оценкам НКВД дефицит рабочей силы на его предприятиях во второй половине 1945 г. составил 750 тыс. человек¹⁸. Во-вторых, увеличилась продолжительность рабочего дня, нормы выработки повысились почти в два раза. Еще весной-летом 1939 г. был уничтожен последний полуэкономический стимул в экономике Гулага – отменены «зачеты рабочих дней» и условно-досрочное освобождение. Прекратилось и действие исправительно-трудового кодекса 1933 г., который обеспечивал хотя бы минимальные права заключенных. В-третьих, резко ухудшилось материальное и продовольственное снабжение, санитарное состояние лагерей, повысилась смертность (в 1942 г. смертность достигла пика в 24,9 %; за 1941–1945 гг. умерли 1 млн 5 тыс. заключенных)¹⁹. В-четвертых, появились иные формы принудительного труда: трудовые и рабочие колонны («мобилизованные контингенты» из советских немцев, финнов, румын составили 400 тыс. человек, из которых 220 тыс. трудились на объектах НКВД); военно-строительные отряды; в последний период войны использовались военнопленные (около 1,8 млн чел. работающих), репатрианты (примерно 600 тыс. чел.), интернированные (около 150 тыс. чел.) и контингенты ПФЛ (в разное время от 150 до 350 тыс. чел.).

На 1 декабря 1946 г. трудовые ресурсы «спецконтингентов МВД» достигли 4 млн человек (спецпереселенцы, заключенные, военнопленные, интернированные). Не следует забывать и о такой категории принудительного труда, как осужденные к исправительно-трудовым работам, находившиеся под надзором бюро исправительных работ: в 1940 г. – 312800 чел., в 1951 г. – 446398 человек²⁰. Только с завершением репатриации военнопленных (1949 г.) система принудительного труда вернулась к масштабам мирного времени.

По разным оценкам численность спецконтингентов в неаграрном секторе в военный период варьируется от 11 до 23 %²¹. К этому следует добавить практику оставления бывших заключенных, после отбытия срока наказания, на стройках и других объектах их работы. Так, например, на Норильском комбинате в 1950 г. из числа 25 тыс. вольнонаемных насчитывалось: «бывших судимых 15 тыс. чел., спецпереселенцев 3997 и ссыльных 1 тыс. чел.»²².

Велика была численность спецконтингента в составе рабочей силы отдельных областей и регионов. Например, в январе 1943 г. в Н. Тагиле насчитывалось около 138 тыс. рабочих и служащих, а в Тагиллаге в это время находилось 42 тыс. заключенных и 3,7 тыс. мобилизованных немцев. Таким образом, тагиллаговцы составляли по количеству 33 % от общего числа рабочих и служащих и 13,4% от 324 тыс. населения Н. Тагила. В 1942 – 1946 гг. среднегодовое количество работающих на строительстве Богословского алюминиевого завода составляло 10200 чел. (без учета военнопленных и заключенных). Из этого количества работающих 9200 были рабочие немецкой национальности (трудоармейцы). По нашим подсчетам, через Богословлаг с 1941 по 1956 гг. прошло около 100 000 чел., а все население Краснотурьинска (получившего статус города в 1944 г.), в пределах которого размещался лагерь, в начале 1950-х гг. не превышало 40 000 чел. В масштабах Свердловской области заключенные и трудмобилизованные составляли 5 % от всего населения, 15,6 % – от числа работающих и 52% – от числа служащих²³.

С началом Второй мировой войны на НКВД была возложена значительная часть планов строительства предприятий и объектов военного назначения. После нападения Германии на СССР обстоятельства изменились. Эвакуация и сокращение численности контингентов привели к сокращению плана капитальных работ наркомата на 1941 г. с 7,1 до 4,9 млрд руб. Сокращение планов продолжалось до 1943 г., менялась и структура капиталовложений. Была приостановлена работа на 60 объектах НКВД, и взамен них утвержден список на 64 сверхлимитных стройки²⁴.

Подневольный труд узников имел огромное значение для успешной работы тыла в годы войны и после нее. С началом войны Гулаг направил на строительство 2 млн. заключенных, из них в промышленность – 310 тыс. чел., лесную промышленность – 320 тыс., горно-металлургическую – 171 тыс., строительство железных дорог – 448 тыс., аэродромное и шоссеиное строительство – 268 тыс., строительство оборонительных сооружений – 200 тыс. До войны заключенные выделялись 350 предприятиям, к концу войны – 640²⁵.

Вне всякого сомнения, спецконтингент Гулага сыграл большую роль в работе советского тыла в годы войны. По выпуску отдельных видов боеприпасов, по изготовлению спецкупулки Гулаг занял второе место в СССР, швейные предприятия пошили значительное количество обмундирования для Красной армии. В фонд обороны от заключенных поступило более 27 млн рублей²⁶. Фактически за счет

заключенных, мобилизованных в армию, созданы так называемые «штрафные батальоны», которые играли решающую роль в переломе многих битв войны.

С точки зрения мобилизационных возможностей труд спецконтингента имел высокие возможности и эффективность его использования для достижения победы несомненна. Однако закономерен вопрос о производительности и качестве такого вида труда. Причем наиболее сложно ответить на этот вопрос именно применительно к периоду войны. Ведь именно с началом войны производительность труда и его качество резко понижаются в связи с уходом квалифицированных рабочих на фронт, потерями в материальной базе, износом оборудования. Сама сфера вольного труда сокращается, условия жизни и труда вольнонаемного, порою, мало отличаются от положения заключенного.

На материалах проведенного нами исследования по Тагиллагу можно сделать некоторые обобщения. За 9 месяцев 1942 г. стоимость отработанного человеко-дня по Тагилстрою-Тагиллагу составила фактически 9 руб. 11 коп.

(против плановой – 11 руб. 56 коп.). За год выработка на человека в день составила 27 руб. 31 коп. вместо плановых 31 руб. 20 коп. Обеспеченность рабочей силой достигла только 85,2 %. В 1942 г. труд узников Тагиллага дал около 5 тыс. рублей прибыли на каждого человека. В 1943 г. стоимость отработанного человеко-дня в Тагиллаге – 10 руб. 98 коп. (план – 11 руб. 24 коп.); выработка на человеко-день – 38 руб. 81 коп. (план – 40 руб.), обеспеченность рабочей силой – 93,3 %. Прибыль на каждого работающего, исходя из вышеназванных цифр – более 10 тыс. руб. Однако огромная смертность и преобладание больных, инвалидов в лагерях приводили к невыполнению производственных планов: в 1942 г. годовой план был выполнен только на 69 %, в 1943 г. – на 80,5 %²⁷.

В 1944 г. выход заключенных на основные виды работ в среднем по Гулагу составлял 83,5 % (в 1943 г. – 78 %), выработка на 1 человеко-день достигла 21 руб. (1940 г. – 9 руб. 50 коп.). В Тагиллаге в 1944 г. обеспеченность рабочей силой составила 91,2 %, норма выработки в день на человека – 43 руб. 46 коп., а чистая прибыль – 12 тыс. 822 руб. в год на человека²⁸.

К сожалению, возможности сравнения «вольного» и принудительного труда очень ограничены и, как правило, находятся за пределами периода Великой Отечественной войны. Так, применительно к 1949 г. (когда были восстановлены зачеты за ударный труд и введена зарплата для заключенных) средняя стоимость одного заключенного на строительстве была дороже среднего заработка вольнонаемного работника: «средняя стоимость содержания одного заключенного в день в строительных лагерях по Волго-Донстрою за 1949 г. фактически составила 15 руб. 64 коп. или 470 руб. в месяц при среднем заработке на одного рабочего в день 15 руб. или 388 рублей в месяц»²⁹. Выходило, что 85 % работающих на строительстве заключенных не могли окупить себя ставками вольнонаемных. Тем не менее, стоимость их содержания не превышала сумм, «заложенных в смету на оплату рабочей силы». Самоокупаемость заключенных достигалась за счет удлинения рабочего дня и увеличения норм выработки. По мнению начальников МВД, стоимость строительства по их ведомству была не выше, чем у других министерств³⁰.

Советская экономическая статистика вызывает вполне закономерные подозрения в степени ее эффективности. Так, в расчетах производительности труда экономисты исходили из величины валового продукта, а не из величины добавленной стоимости. Отчетная документация предприятий, по которой мы пытаемся судить о степени эффективности труда, часто дает картину далекую от реальности. Методология расчета в ценах базового года, без учета инфляции, приводит к преувеличению произведенной стоимости продуктов труда. Экономические и бухгалтерские отчеты производств НКВД (особенно военного времени) зачастую находятся в малочитаемом состоянии.

Принцип самоокупаемости подразделений ГУЛАГа на практике было невозможно реализовать без государственных дотаций и лукавых ухищрений лагерного начальства. Так в начальный период войны наибольший расход финансов ИТЛ приходился на содержание активированных инвалидов, которых торопились всеми правдами и неправдами демобилизовать и отправить умирать от болезней и истощения в каком –нибудь отдаленном месте. Почти три четверти заключенных (наблюдения по Вятлагу, ЧМС НКВД, Богословлагу, Тагиллагу) входили в категории среднего и легкого физического труда, больных и инвалидов (как в 1941, так и в 1944 гг.) и только одна четверть в категорию тяжелого физического труда. Последние держали на своих плечах все производство ИТЛ.

Себестоимость произведенной продукции почти всегда была выше коммерческих затрат и лагерь получал прибыль от товара реализуемого ниже себестоимости. Еще более парадоксальным явлением можно считать графу бухгалтерских балансов под названием «плановый убыток»³¹. Для восполнения потерь систематически прибегали к превышению часов работы над плановым нормативом, завышали нормы на каждого работающего, обещая повышенную пайку. Это подрывало физические силы людей.

Следует учесть очень важную деталь при оценке работы спецконтингента – «приписки и намазки» или «туфту», к которым регулярно прибегало (особенно в условиях голода военного времени) среднее звено руководителей работ в лагере. Получалось, что производство и строительство в целом план не выполняли, а лагеря обеспечивали запланированную им доходность. Например, по наблюдениям В. Бердинского, изучившего отчетность Вятлага, оказалось, что в среднем один заключенный на вывозке леса тянул груз в 1,5 раза больше, чем лошадь³².

Система принудительного труда варварски эксплуатировала людей, истощая физический и генетический потенциал народов, населяющих СССР, поглощала богатейшие ресурсы России, бессмысленно расточая их во имя воинственных имперских замыслов. Поистине ее можно назвать системой социального вампиризма, обесилевшей народные силы.

В послевоенный период система лагерной экономики постепенно переходит в состояние устойчивого кризиса. Советское производство утрачивало военно-мобилизационный характер (в 1948 г. заводы были сняты с военного положения), сокращалось число осужденных по закону от 26 июня 1940 г. Возрастало значение экономических стимулов в сфере «свободного» труда, повышались требования к качеству труда, квалификации труда работников. Обострялась проблема повышения производительности труда, «которая в производственных главах Гулага находилась на уровне 50–60 % от производительности соответствующих отраслей»³³. На лагерных объектах становилось все больше вольнонаемных, была восстановлена зарплата, система зачетов, предпринимались другие меры повышения материальной заинтересованности заключенных. Это постепенно приходило в прямое противоречие с концепцией принудительного труда, как труда бесплатного в своей основе. Осенью 1959 г. в истории лагерей была поставлена точка. Появилось Постановление ЦК КПСС и СМ СССР об упразднении Гулага, как ведомства, «не выполнившего своей главной задачи – перевоспитания заключенных трудом».

Примечания

- ¹ Норландер Д. Магадан и становление экономики Дальстроя в 1930-е гг. // ГУЛАГ : экономика принудительного труда. М. : РОССПЭН, 2008. 320 с. С. 240, 241, 245.
- ² Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М. : РОССПЭН, 2008. 400 с. С. 140, 142.
- ³ Там же. С. 327, 328.
- ⁴ Кудров В. М. Об альтернативных оценках производительности труда в СССР // Экономическая история : Ежегодник, 2003. М. : РОССПЭН, 2004. 600 с. С. 57, 63.
- ⁵ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Там же. С. 78.
- ⁶ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург ; Пермь, 2003. С. 121.
- ⁷ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 томах. Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2004. С. 37.
- ⁸ Бородин Л. И. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе : Норильлаг, конец 1930-х – начало 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник, 2003. М. : РОССПЭН, 2004. С. 226.
- ⁹ История сталинского Гулага... С. 52, 47.
- ¹⁰ Там же. С. 45.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Соколов А. К. Принуждение к труду... С. 74.
- ¹³ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов ; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М. : Звенья, 1998. С. 61.
- ¹⁴ Там же. С. 62.
- ¹⁵ Соколов А. К. Принуждение к труду... С. 75.
- ¹⁶ Там же. С. 81.
- ¹⁷ Там же. С. 82, 84, 85.
- ¹⁸ ГУЛАГ : Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : МФД, 2002. С. 275; История сталинского Гулага... Там же. С. 31, 32.
- ¹⁹ История сталинского Гулага... Там же. С. 31.
- ²⁰ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 48, 49; История сталинского Гулага... С. 44, 45.
- ²¹ История сталинского Гулага... Там же. С. 46–47.
- ²² Бородин Л. И. Там же. С. 191.
- ²³ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920–1950 годы. Часть 1. Н. Тагил : НТГПИ, 1996. С. 29–30; «Gedenkbuch : Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946 гг.» / авт.-сост. : В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, Н. М. Паэгле, А. А. Пермяков, С. Л. Разинков. М. : РНД, Нижний Тагил : НТГСПА, 2008. Т. 1. С. 30.
- ²⁴ История сталинского Гулага... Там же. С. 31; ГУЛАГ : Главное управление лагерей... С. 783–784.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 11, 13–15, 44, 48, 51, 54.
- ²⁶ ГУЛАГ : Главное управление лагерей... С. 342.
- ²⁷ Кириллов В. М. Там же. С. 40.
- ²⁸ Там же. С. 49.
- ²⁹ История сталинского Гулага... Там же. С. 273.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М. : Аграф, 2001. С. 104.
- ³² Там же. С. 99.
- ³³ Соколов А. К. Там же. С. 96.

Лончинская Л. Я.

ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из важнейших целей советского государства было формирование массового сознания, выраженное формулой «воспитание нового человека». Это понятие включало выработку в строителях

социалистического общества таких качеств, как самоотверженность, абсолютный приоритет общественных интересов над личными, безотчетное уважение к авторитету власти, готовность безропотно переносить материальные лишения. «Новый гражданин должен быть преисполнен пафосом политико-экономических отношений социалистического строительства, ими жить, их любить, в них видеть цель и содержание своей жизни... Человек должен мыслить как МЫ, стать живым полезным ответствующим органом, частью этого МЫ. Все личные интересы должны отойти на задний план»¹. Весь этот комплекс качеств обнимался одним понятием – «сознательность», что подразумевало готовность следовать любым требованиям государства. Эти качества были необходимы в условиях модернизационного процесса, который в 20–30 гг. проявился в программе индустриализации, и тем более, в условиях военного времени.

Обработка достигалась за счет подавления индивидуальных черт и распространение мыслительных и поведенческих стереотипов разными методами. Их приоритеты и содержание менялись в зависимости от конкретно-исторической ситуации, но общее направление и цель оставались неизменны. Это хорошо видно на примере относительно короткого периода Великой Отечественной войны. Если в предвоенные годы основным содержанием идеологической работы являлось формирование социалистического сознания, то в годы войны главной заботой стало внедрение в общественное сознание лозунга «все для фронта, все для победы», обеспечения морально-политической стабильности, дисциплины. Главным стимулом повышения экономической эффективности был не материальный, а моральный фактор, опирающийся на народный патриотизм. В условиях потребительского отношения власти к населению, рассматриваемому только как трудовой ресурс, те меры, которые должны были облегчить жизнь народа, практически не реализовались. Стремление властей воздействовать на население для стимулирования большей трудовой отдачи встречало неоднозначную реакцию.

Открытым, громко декларируемым способом было прямое принуждение и насилие. В обществе, оказавшемся перед необходимостью ускоренного развития, ставка на насильственно-террористические методы была неизбежна. Эти методы, актуальные в эпоху индустриализации, не потеряли своего значения и в чрезвычайных условиях войны, значительно ускорив процессы социализации. Место и роль каждого члена общества определяла единая цель – победа, поэтому новые социальные статусы не всегда совпадали со старыми, не все успешно адаптировались к изменившейся ситуации. Меры социального контроля неизбежно становились более жесткими, по сравнению с мирным временем. Кроме того, репрессии, особенно против представителей местного руководства, позволяли сохранять социальную стабильность в обществе, удовлетворяя чувство социальной справедливости, подтверждая убеждение массового сознания, что в основе неудач лежат простые причины: деятельность вредителей и врагов.

В целом насилие как инструмент социального влияния и достижения поставленных целей неизменно воздействовало на формирование репрессивного массового сознания, соответствующих ему установок и норм поведения.

Репрессии сочетались с другими методами. «Отличительная черта диктатуры пролетариата – соединение подавления и насилия с убеждением и воспитанием, в качестве исполинской силы своего воздействия на людей и в качестве могущественного фактора, как переделки общественных отношений, так и самих людей»².

К скрытым формам воздействия следует отнести формирование такого образа жизни, который соответствовал стратегическим целям советского государства. Манипулирование общественным сознанием облегчалось монопольным положением государства во всех сферах жизни. Воздействие на человека и его психику происходило путем жесткого прикрепления его к социуму, например, через традицию, то есть усвоение чужого опыта. Эта зависимость имела материальное выражение, так как государство было источником и властелином всех жизненных благ человека. Подавляющая часть рабочих, в предвоенный период промышленного развития на Урале, прибывшая из деревень и колхозов за лучшей жизнью, легко поддавалась индоктринации.

Относительно низкий уровень жизни советских людей (жалобы на полуголодную жизнь перед войной были массовыми: «Советская власть заставляет непосильно работать, голодом заморили всех», «Жить не хочется, надоело голодное существование»), неуклонное снижение реальной зарплаты (в 1928 г. она составляла 96,2 % к 1913 г., в 1940 г. – 86, 9 %), также способствовали манипулированию общественным сознанием, поскольку «существует функциональная связь между количеством и качеством калорий, поглощаемых обществом и сменой успеха или неуспеха идеологий, циркулируемых в обществе»³.

Голодные и неустроенные маргиналы, с неразвитым мировоззрением и низким общеобразовательным уровнем были источником пополнения отряда ударников и стахановцев. Они стремились на производство, в партию, чтобы вырваться с «задворок жизни», и являлись основной социальной базой нового строя. «Я продался за партийный билет, и поэтому сказать теперь ничего нельзя», – говорил один такой «новообращенный»⁴. «Пребывание в деревне виделось молодым людям совершенно бесперспективным: их ждал тяжелый физический труд и страх стать нищим. Возможности превращения предоставлял комсомол, армия, учеба, переезд в город – новые для бывшего крестьянина средства производства»⁵.

Низкий уровень жизни создавал предпосылки для стандартизации условий существования практически всех членов общества. Минимум разнообразия в выборе жилища, мебели, одежды, еды, про-

ведении досуга предполагал стандартизацию установок и ценностей, например, таких как взгляды на счастье, благополучие, создавал негативное отношение к отклонению от такого стандарта.

Происходит «стилизация счастья и благополучия»⁶, так как собственные интересы человека замещаются общественными из-за ущербности и ограниченности частной жизни, сокращения «личного пространства» под давлением не только идеологических стереотипов, но и материальной необеспеченности, правовой дискриминации. Примером может послужить положение советских женщин, пришедших в период индустриализации на тяжелую и грязную работу на производстве и расценивавших это как огромное достижение. Жены рабочих Челябинска, в период строительства ЧТЗ откликнувшиеся на призыв поступить на работу на кирпичный завод, на собраниях с радостью говорили, что «о такой жизни раньше и не мечтали», активно добивались права работать в горячих цехах у мартенов, осознавая, что «борются не только за себя, но и пробивают дорогу другим женщинам»⁷.

В то же время достижения индустриализации, которые пропаганда выдавала за успехи социализма, улучшения в здравоохранении, образовании облегчали формирование атмосферы энтузиазма, духовного подъема в обществе. Характерно, что возможность дать детям образование расценивалась трудящимися как серьезное завоевание новой жизни. Это видно из реакции населения на введение платы за обучение в старших классах накануне войны: «Я в царское время не обучался, и сейчас возвращается старое время. Я ошеломлен таким указом», «опять дело к старому движется, только богатые учиться будут».

В то же время высокая планка официального социального идеала приводила к практической его недостижимости. Рассогласование реальности и должного вело к формированию комплекса вины советского человека перед государством, что создавало повышенную манипулятивность его сознания. Так, обнаружение личного, негосударственного интереса автоматически оборачивалось противостоянием государству. В связи с принятием Указа от 26 июня 1940 г. сталевар Бурашников (Магнитогорский металлургический комбинат) говорил: «Особенно летом находятся такие люди, которые хотели пожить за счет государства, не работая, мы трудимся на себя и должны дать стране больше продукции». С ним соглашались: «Все сделано вовремя и правильно. Люди, которые хотят симулировать, гнаться за длинным рублем, подрывают социалистическое производство. Мы же свободные граждане, работаем на себя».

Массовое сознание легче ориентируется в пределах непосредственного восприятия, жизненный опыт и здравый смысл используются мало, так как в сфере социальных отношений правильность выводов не поддается прямой проверке. Поэтому важным механизмом массового сознания становится стереотип, а картина мира базируется на непосредственных образах. Это обстоятельство делает массовое сознание уязвимым для идеологического воздействия: те или иные стороны сознания получают подкрепление в идеологии, а идеология в свою очередь использует созвучные массовые представления. Особенно это касается знаний об обществе. Их усвоение происходит почти автоматически, они становятся очень устойчивыми, независимыми от эмпирических знаний.

Идеология формирует индивидуальное сознание по заранее установленному стандарту. Это облегчает оперативное манипулирование поведением людей, «вращивает» в их психику устойчивые формы, которые определяют стандартные реакции на происходящее. Одним из способов манипулирования общественным сознанием, воздействия на эмоционально-волевую сферу и представления населения является искажение или затруднение доступа к реальным знаниям об окружающей действительности. Особенно актуален такой способ идеологического и психологического давления, если в обществе существует чья-либо монополия на информацию.

Перевод экономики на военный лад, мобилизация трудовых и материальных ресурсов, жизненно необходимая в условиях начавшейся войны, также была невозможной без массированного информативного воздействия, создававшего в общественном сознании стереотип поведения, включающий высокую работоспособность, аскетизм, готовность на лишения ради выполнения государственного задания.

Идеологическая работа должна была способствовать повышению производительности труда, популяризации производственного опыта стахановцев, направлению патриотического порыва советских людей на движения по сбору средств на оборону. Нужно было больше внимания уделять «малому патриотизму» – рекомендовалось подчеркивать важную роль Урала в обороне страны⁸.

Показательна в этом плане пропагандистская работа по развертыванию в 1942 г. Всесоюзного социалистического соревнования, вовлекшая в него сотни тысяч советских трудящихся.

В газетах материал о передовиках производства и победителях социалистических соревнований часто помещался рядом с сообщениями о подвигах уральцев на фронте. Напрашивалась параллель – герои тыла равны героям фронта. Важную роль в сплочении фронта и тыла играли фронтовые бригады. Первая фронтовая бригада (бригадир М. Е. Попов) на Урале возникла на Уралмаше в октябре 1941 г. в результате резкого сокращения времени выполнения нормы (в 34 раза). К концу года таких бригад было 200, а в Свердловске 430⁹. В ноябре 1941 г. на заводе № 734 Нижнего Тагила появились политруки, а в апреле 1942 г. было создано 8 сквозных фронтовых бригад «Истребители» и «Смерть фашизму». По инициативе завода «Красная звезда» возникло движение за создание фонда сверхплановой продукции для оказания помощи героическому Сталинграду, на предприятиях создавали лицевые счета мести врагу. Некоторые фронтовые бригады, пытаясь добиться полного подобия армейской жизни, вводили воинский распорядок, ходили на работу строем, назначали командиров и политруков, принимали присягу.

Соревновались между собой не только предприятия и колхозы, школы и Вузы, конторы и учреждения, но даже сельсоветы и горсоветы. Челябинский городской совет соревновался со Свердловским. В материалах 30-ой сессии записано: «руководителям горисполкома, райисполкомов и их отделов систематически освещать опыт и ход социалистического соревнования передовых людей и участков в местной газете “Челябинский рабочий” и свердловской газете “Уральский рабочий”».

Появилось соревнование между фронтом и тылом. Так, призванный в армию шахтер из г. Копейска узнав, что его бригадир за трудовые успехи награжден орденом Трудового Красного Знамени, написал письмо в газету «Копейский рабочий». В этом послании он со своими товарищами рассказал о своих боевых достижениях. Бойцы взяли на себя обязательства уничтожить каждому по 2 фашиста. Вызывая шахтеров на соревнование, минометчики высказали пожелания, чтобы в бригаде до конца войны не было ни одного нарушителя трудовой дисциплины, и все горняки выполняли норму. Вызов был принят. Горняки пообещали выполнить не менее 150 % нормы. Через месяц под заголовком «Соревнование фронтовиков и угольщиков» газета подвела первые итоги: истреблено 28 фашистов, уничтожен миномет и ручной пулемет, разрушен дзот, среди бойцов потерь нет, шахтеры отчитались в перевыполнении плана в среднем на 170 %. Аналогичные соревнования проходили и в других областях Урала, например, в Пермской области соревновались рабочие пермского завода им. Свердлова и бойцы 1-го Краснознаменного гвардейского истребительного полка Северо-Западного фронта, куда поступали авиационные моторы с этого завода. «Мы посылаем Вам наше знамя и просим передать его коллективу передового предприятия, который лучше всех работает на оборону Родины», – писали фронтовики. Политуправление фронта и Пермский обком партии учредили переходящее Красное Знамя для вручения лучшему воинскому подразделению, промышленному предприятию или колхозу области¹⁰.

В советской пропаганде широко использовался метод, описанный американским социологом Г. Блуммером: отождествление официальных взглядов с внутригрупповыми, а противоположных с внегрупповыми установками¹¹.

С одной стороны «мужество, смелость, честь патриотизм, достоинство неотъемлемые качества большевиков», которые воспитывают в народе «смекалку, отвагу, не знающий границ героизм», с другой стороны – «небрежность и распущенность, отсталость и невежество чужды характеру советских людей». Показывая примеры ударного труда, пропагандист призывал: «Так должен работать сейчас каждый советский патриот, кому дороги интересы Родины». «Бережливость лежит в самой природе советского государства. Нам как гражданам этого государства должно быть чуждо всякое расточительство, имеющее место в условиях капитализма»¹².

В отличие от политической работы на фронте, в тылу больше обращались не к отрицательным чувствам (ненависть), а к положительным (любовь, сострадание, желание помочь). Местной печати рекомендовалось «воспитывать массы положительным примером», больше публиковать фактов перевыполнения планов, ударной работы и добросовестного отношения к обязанностям¹³.

Но использовались и отрицательные эмоции: на Верхне-Исетском заводе перед отстающей сменой агитатор прочел рассказ М. Шолохова «Наука ненавидеть». Затем перед каждым рабочим днем в цехе вывешивались сводки о зверствах фашистов, о героической борьбе советских бойцов и партизан¹⁴.

Такие приемы применялись и в масштабах страны. Регулярно в центральной прессе печатались материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, издавались они и отдельными сборниками. С 1943 г. широко публиковались материалы судебных процессов фашистских преступников¹⁵.

В практической работе пропагандисты не редко пользовались в качестве аргументов приемами социального давления, дискредитируя оппонента. Пример подавал вождь: «Гитлер говорит: “Мы уничтожим Россию, чтобы она больше не смогла подняться”. Кажется, ясно, хотя и глуповато. (Смех)... Гитлер продолжает: “Мы будем продолжать войну до тех пор, пока в России не останется организованной военной силы”. Кажется, ясно, хотя и безграмотно. (Смех)...Любой грамотный человек поймет, что это не только невозможно в отношении Германии, как и в отношении России, но и нецелесообразно с точки зрения победителя. Но уничтожить гитлеровскую армию – можно и должно»¹⁶.

Выступая на совещании секретарей обкомов ВЛКСМ по пропаганде, М. И. Калинин советовал пропагандистам широко использовать материалы военных корреспонденций, так как в тылу «надо показывать жизнь, связывая потребности пропаганды с личными чувствами населения»¹⁷.

Пропаганда широко пользовалась опорой на фронтовые образы. Для укрепления эмоциональной связи с фронтом применялись такие формы работы, как поездки делегаций рабочих на фронт, выступления фронтовиков перед трудящимися, рубрики «письма с фронта» и «письма на фронт», сбор подарков для бойцов, отчеты фронтовикам, шефство над воинскими частями, помощь раненым и т. д. При Всесоюзном радио 29 июня 1941 г. был создан военный отдел, регулярная передача «Письма с фронтов Отечественной войны» и специальная программа «Слушай фронт»¹⁸.

Такие приемы, подчеркивающие личные связи каждого человека с воюющими на фронте, была очень результативной: «Пусть наши мужья героически громят и уничтожают врага, а мы, не жалея своих сил, в тылу будем укреплять мощь нашей родины», – заявляли жительницы Челябинской области. Как вспоминали очевидцы: «Работали по 11 часов. Никто выходного не ждал. А если кто заикнется, то бабы набросятся, застыдят: “Тебя бы на фронт, так там запросила бы выходной”»¹⁹.

Несмотря на существенные пробелы в идеологической работе, низкий уровень подготовки кадров, она была достаточно успешна. Причинами этого была подготовленность населения к восприятию

пропагандируемых идей к началу войны, опора пропаганды на глубинные слои массового сознания, и совпадение в какой-то части общественного и узкоклассового интереса. «Война распрямила», рос престиж труда, связанного с фронтом, это создавало моральное уравнивание с фронтом и вызывало самоотверженность и энтузиазм.

Сложные социально-антропологические процессы, происходившие в советском обществе в 20–30-х гг. XX века, обусловили многоплановость и противоречивость массового сознания, в том числе в области трудовых отношений и трудовой этики. Этому способствовало размывание традиционного мышления, менявшегося под напором модернистских тенденций.

Проблема трудовой дисциплины на производстве возникла с первых дней существования советской власти и в какой-то мере она была вызвана специфическим отношением руководителей государства к труду, как к категории не только экономической, но и идеологической, как к средству воспитания советских людей. Участвуя в революционном движении, рабочий класс надеялся, в первую очередь, получить от новой власти улучшение своего материального положения и условий труда, советское же правительство надеялось на трудовой энтузиазм и самопожертвование пролетариата в ходе строительства нового общества. По выражению М. Геллера, обе стороны оказались разочарованы в своих ожиданиях²⁰.

Взяв за аксиому утверждение, что человек работать без принуждения не может, советская власть насаждала железную дисциплину на производстве в основном насильственными, внеэкономическими методами. Система таких методов привела «к всеобщему распространению крепостничества... в виде повсеместного введения принудительного труда». Процесс превращения трудящихся в придаток производства шел неуклонно и планомерно²¹. Ужесточение трудового законодательства в годы войны явилось отчасти мерой вынужденной, обусловленной обстоятельствами, подобное было и в других странах – участницах второй мировой войны. Но с другой стороны, военное законодательство логично вошло в общую трудовую концепцию советской власти.

Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» официальная пропаганда пыталась объяснить тем, что эти жертвы еще раз продемонстрируют лояльность советского народа своему государству. «Увеличение зарплаты пропорционально увеличению рабочего дня исключается. Так как тогда ни о какой необходимой жертве и речи быть не могло. А ведь речь идет о том, что рабочий класс и вся интеллигенция должны пойти на жертвы, необходимые для дела укрепления обороны нашей родины», – говорил Н. М. Шверника на IX пленуме ВЦСПС²². Удлинение рабочего дня и ужесточение трудового законодательства противоречило утверждениям официальной пропаганды об огромной военной мощи СССР, позволяющей ему справиться с любым противником «малой кровью и на его территории». Введение подобных мер в условиях мирного времени было непонятным для большинства населения и вызывало раздражение. Как писали в официальных документах, «имели место отдельные неправильные толкования, факты недовольства, антисоветские проявления рабочих и служащих и антисоветские выпады антисоветских элементов». Например, на железнодорожной станции Уфалей только за неделю с 26 июня по 2 июля 1940 г. было зафиксировано более 70 таких выступлений, причем подобным образом высказывались и комсомольцы и члены партии, доходило до открытого протеста: «Постановление знаю хорошо, а работать все равно не буду». Многие просто отказывались верить в существование такого указа, требовали показать центральные газеты, так как думали, что в местной прессе что-то напутано.

В исследованиях, посвященных этому вопросу, уже отмечалось, что трудящиеся восприняли Указ от 26 июня 1940 г. как поворот к старому и даже как ухудшение их положения по сравнению с дореволюционным: «Все равно как мы были батраками, так и остались. Раньше кулаки давали работникам полдесятины с любого края, сейчас кормись, как хочешь». Пропаганда внушила им, что государство сильно и богато, и рабочие не видели причин дальнейших лишений, они ожидали от государства увеличения зарплаты, улучшения снабжения. «Указ не правильный. Не отражает интересы рабочих. Часы и дни добавляют, а о зарплате не заботятся». «Говорят, что перегнали все страны, а ходим нагишом». Отчасти Указ был воспринят как проявление бессилия властей в наведении производственной дисциплины: «Постановление издать недолго, применять так же жестокие меры, а положение ведь не изменится», «ВЦСПС и профсоюзы оказались бессильны выполнить постановление от 28 декабря 1938 г. Вот почему они передали это дело судебным органам». По мнению многих, это были меры не против отдельных нерадивых рабочих, а ущемление интересов всех трудящихся: «Не хватит тюрем сажать всех, да и работать некому будет».

Недовольство рабочих усугублялось низкими заработками, введением нормированной продажи хлеба, очередями в продовольственных магазинах. Заработная плата зачастую задерживалась.

В таких условиях, несмотря на действие Указа от 26 июня 1940 г., количество прогулов к осени 1940 г. не снизилось, а по отдельным предприятиям даже возросло. Власти признавали, что общественное мнение было на стороне нарушителей, а в отдельных случаях нарушения дисциплины были способом выразить протест политике притеснения трудящихся: «Задержу 9-ю печь на 4 часа, и еще буду задерживать, после этого опомнятся, и будут платить». «Рабочие имеют настроение затянуть заказ, так как о материальном положении их не заботятся». «Правительство довело страну до нищеты, голода, все говорят, если нам дают хлеба на 1 кг, то и продукцию получите от нас 1 кг», «Сейчас не нужно улучшать работу, наоборот, делать так, чтобы выводить из строя тот или иной агрегат». Введение уголовного

наказания за нарушение трудовой дисциплины не оказало ожидаемого эффекта в полной мере. Иногда положение рабочих было настолько тяжелым, что лагерные условия оказывались «за порогом чувствительности»: «Нам тюрьма не страшна, осудят – отсидим». «Да что нам подышать что ли? Вы меня ничем не запугаете». Количество прогульщиков составляло к числу работающих по разным предприятиям 10–14 %, а число повторных нарушений дисциплины доходило до 25 %.

Начало Великой Отечественной войны вызвало всплеск патриотических настроений. Трудящиеся добровольно возвращались из отпусков, повышали производительность труда и призывали других увеличить трудовую отдачу. Так, на митинге протезного завода в Свердловске звучали предложения удлинить рабочий день на полчаса, сделать его продолжительностью 10 часов, челябинская домохозяйка в письме Молотову предлагала мобилизовать всех домохозяек на работу в пользу государства в течение пяти дней ежемесячно, были и другие подобные предложения. Выступая с такими заявлениями, трудящиеся надеялись, что, по общему мнению, война будет скоротечна. В действительности, их трудовой подвиг растянулся на годы, а руководство страны, предпочитая опираться по большей части не на энтузиазм и патриотизм населения, а на политику принуждения, с первых дней войны установило гораздо более суровый трудовой режим, оставив за собой право распоряжаться трудящимися практически неограниченно.

Несмотря на многочисленные патриотические заявления, в начале войны на многих предприятиях произошел спад трудовой дисциплины. Представитель Свердловского ОК ВКП (б) отмечал, что на Широкореченском торфопредприятии «все выступающие на митинге призывали работать лучше, но боевого настроя не чувствовалось. Требования к дисциплине понижены, некоторые рабочие пьянствуют», на протезном заводе в Свердловске «дисциплина на низком уровне». Правоохранительные органы отмечали, что «на некоторых предприятиях с 11 до 1–2-х часов дня чувствуется в работе большая напряженность. Отдельных рабочих трудно удержать на работе – стремятся на обед, так как утром не ел и обессилел – не может работать».

Нельзя сказать, что бедственное материально-бытовое положение трудящихся как основная причина прогулов и побегов не осознавалась властями. В октябре 1942 г. СНК РСФСР выпустил постановление «О фактах нарушения трудовой дисциплины на предприятиях промышленности РСФСР», где прямо указывалось, что наряду с другими (карательными) акциями, необходимо в качестве мер, укрепляющих трудовую дисциплину улучшить условия жизни трудящихся, укрепить работу здравоохранительных учреждений.

К концу войны усталость от лишений военных лет усилила проблемы с трудовой дисциплиной. Многие терпели тяжелые условия труда ради победы, и когда она стала очевидной, перестали ощущать моральный долг по отношению к государству: «Я честно отработал всю войну». Сведения о снижении темпов работы поступали в этот период регулярно. Рабочие часто отлучались от станка, спали, работали по настроению. Повысилась требовательность рабочих к условиям труда и быта: «Жить в таких собачьих условиях невозможно. Разуты, раздеты». Все ждали отмены военного трудового законодательства как «амнистии». Поэтому болезненно был воспринят Указ Президиума ВС СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». «Положение арестованных сейчас лучше, чем наше», – с горечью говорили на заводах. Впрочем, многие поняли этот Указ как отмену наказаний за дезертирство.

Несколько сбило напряженность обстановки начало событий на Дальнем Востоке. Информатор Челябинского ОК ВКП (б), характеризуя настроение рабочих Кировского завода, отмечал, что после объявления о военных действиях против Японии побегов и высказываний о желании уехать стало меньше. «Они [рабочие] как бы поняли, что это явилось основной причиной того, что их не отпускали с завода, выходит, что причину эту они считают уважительной и впредь до окончания войны не собираются ставить вопрос о своем отъезде». Это высказывание еще раз демонстрирует, что истоками терпения трудящихся был в значительной мере не страх, а патриотический настрой. Подавляющее большинство нарушений дисциплины было вынужденной мерой, вызванной нежеланием администрации предприятий заниматься улучшением условий труда и быта.

Кроме основных методов воспитания трудовой дисциплины в виде принуждения, существовали и меры материального поощрения, но в примитивной форме. Еще Л. Д. Троцкий считал, что «широкая постановка дела общественного питания с постепенным улучшением общественного котла создает самую действительную форму контроля общественного мнения над участием граждан в производстве». Проще эта мысль была выражена во фразе: «Кто не вышел на работу, тот не получает горячего пайка». Материальное поощрение вырождалось в пищевые подачки, а главным стимулом в работе должен был быть страх наказания голодом. Во время войны практика премирования на производстве воплотила подобные идеи в жизнь почти полностью. Реальная заработная плата трудящихся в годы войны не обеспечивала их даже минимальные жизненные потребности. С другой стороны, отсутствие товаров в свободной торговле и традиционно низкий уровень потребностей не способствовал стремлению рабочих заработать больше. Высокооплачиваемые рабочие чаще были склонны экономить силы и выполняли только требуемую норму. На некоторых предприятиях практиковалась сокращенная смена тем, кто выполнял дневное задание. Так было в некоторых цехах на Кировском заводе. Но как только там увеличили задание, их выработка упала до 60 % от нормы за 11 часовый рабочий день. Огромные отчисления, которые делались из зарплаты рабочих во время войны, также не способствовали увеличению производительности: «Зачем работать, ведь все равно я зарабатываю 700 рублей, а получаю 400».

ОК ВКП (б) Челябинской области изучил положение с зарплатой. Результаты говорили о том, что «часть рабочих получает на руки зарплату недостаточную для оплаты стоимости нормированного питания, жилья, одежды и общежития и др. необходимых потребностей. Расходы на 2–3-х разовое питание (включая хлеб) в столовой, оплату жилья, спецодежды, починку, стирку, баню и парикмахерскую у рабочих одиночек составляют в месяц на разных предприятиях от 250 до 270 рублей. Кроме того, расходы на одежду, обувь, табак, членские взносы – на это не менее 150 рублей, то есть всего 400 рублей. По результатам проверки 21 300 рабочих на руки получают до 250 рублей – 12–35 %, 250–400 рублей – 10–32 % рабочих. То есть ниже прожиточного минимума получают 22–62 % рабочих».

Ударная работа поощрялась также выдачей талонов на дополнительное питание, повышением нормы выдачи продуктов, увеличением хлебного пайка. Но эти прибавки были очень малы, а талоны отваривали плохо. По материалам Челябинского ОК ВКП (б) питание на заводах области осуществлялось с резко сниженной калорийностью и без хлеба составляло 170–300 ккал в день, а с максимальной нормой хлеба – 800 г, общая калорийность получалась 2 тысячи ккал. По нормам люди, занимающиеся механизированным физическим трудом, должны были получать 3500 ккал, тяжелым физическим трудом – 4500 ккал в день. В этих условиях, перефразируя М. Вебера, перед рабочими вставал вопрос не о том, сколько им надо работать, чтобы заработать больше, а о том, восполнят ли эти премии затраченную на работу энергию при широко распространенной дистрофии и истощении уральских рабочих. «Производительность труда падает во всех тех случаях, когда зарплата не обеспечивает потребностей физического существования».

Гораздо чаще применялось материальное стимулирование «наоборот», в виде лишения пищевого пайка или его части. Подобные меры применялись не только к заключенным в ИТК и лагерях, но и к рабочим на предприятиях, причем распространились они самостоятельно задолго до выхода Постановления СНК СССР от 18 октября 1942 г. о снижении хлебного пайка осужденным за нарушение трудовой дисциплины. После выхода соответствующей директивы лишение пищи использовалось как наказание за прогулы, опоздания и другие нарушения дисциплины, независимо от причин, их вызвавших, причем даже к хорошо работающим. Некоторые руководители применяли телесные наказания. Так, например, на Басьяновском торфопредприятии Свердловской области при ужасающих бытовых условиях даже хорошо работающих за малейшие провинности оставляли без пищи, держали всю ночь на ногах и избивали палкой. В Курганской области на заводе № 707 наркомата минометного вооружения телесные наказания были санкционированы директором, начальники цехов при себе постоянно имели плетки. Результатом подобного воспитания было увеличение самовольных уходов с работы.

Ударная работа по зову сердца как реальный вклад в победу над фашистами была для многих уральских рабочих долгом чести. Такая работа была предметом законной гордости. Рабочий стахановец Шадринского завода «Полиграфмаш» Г. Д. Завада писал матери: «Мама! Высылаю тебе свою благодарность, которую я получил 7 ноября 1943 г. на торжественном собрании за самоотверженную работу в решающие дни боев с немецко-фашистскими захватчиками. Мама! Своим стахановским трудом я приближаю час окончательного разгрома врага!».

Больше возможностей стать стахановцем имел квалифицированный рабочий. Именно квалифицированные, кадровые рабочие представляли для экономики наибольшую ценность. Вопреки пропагандистскому утверждению о том, что «всякий труд почетен», в Советском Союзе существовала своеобразная «иерархия» труда, то есть занятия одним видом труда были почетнее, чем другим. Это нашло выражение и в тех мерах, которые применяли к трудящимся для повышения их трудовой отдачи.

Практически все меры экономического поощрения приходились именно на ведущие профессии крупных промышленных предприятий. Не секрет, что для многократного перевыполнения плана, при крайне нерациональной организации труда на большинстве предприятий требовались специальные подготовительные мероприятия и поддержка администрации завода. Такие рекорды становились примером для подражания, маяком для остальных трудящихся. Стахановцев и ударников славил, о них писали средства массовой информации. Дополнительное питание, премии, горячие обеды чаще всего предусматривались для кадровых, квалифицированных рабочих.

Остальные трудящиеся зачастую испытывали своеобразное чувство второсортности, ущербности. Швее жаловалась: «Нигде не продают хлеба..., по старому смотрят на портных... Мы такие же труженики, как и все, шьем одежду для транспорта, весь коллектив сдал на значок ГСО, ... а на нас смотрят, как на чужих».

В сельском хозяйстве война также наложила отпечаток на отношение к общественному труду. К началу войны колхозы уже стали господствующей формой хозяйствования на селе и по сравнению с оставшейся немногочисленной группой единоличников демонстрировали относительно благополучную жизнь, созданную во многом благодаря искусственному удушению индивидуальных хозяйств экономическими и административными методами. Многочисленные репрессии 20–30 годов изъяти из деревни наиболее инициативных и самостоятельных хозяев с активной социальной позицией. Оставшаяся часть в большинстве своем была довольна именно стабильностью существования с минимумом личной ответственности и необходимости принятия решений. «В колхозах беззаботно: дадут наряд, и пойдешь его выполнять. В колхозе все у нас готовое». «Вот если бы мне дали часть колхозных полей, – говорили колхозники, – я давно бы все убрал, день и ночь сидел бы на поле, а убрал, а в колхозе лучше больше людей прислать, чтоб работали».

В то же время отсутствие самостоятельности и материальной отдачи от участия в колхозном труде приводили к равнодушию и даже неприятию колхозной жизни. «Я в колхозе работать не буду, сколько не работай, все равно, одни палочки, весь оборвался, а ведь советская власть и колхозы не дают нам, труженикам, ничего». Проверяющие из Челябинского ОК ВКП (б) неоднократно отмечали «бесхозяйственность, никто ни за что не отвечает» в ряде районов и хозяйств. Например, в Лебяжье-вском районе все лето 1941 года шел падеж лошадей, но никаких мер принято не было: «Лошади еле ходят, скот гибнет, а колхозники сидят по домам». В Покровском районе осенью 1941 года также пало много лошадей и свиней, но павших животных замечали случайно, наткнувшись на них, поили скот один раз в сутки, при наличии корма держали животных на голодном пайке. Подобное положение было и в Свердловской области, где в большинстве хозяйств области дисциплина на низком уровне, рабочий день был коротким, охрана урожая не организована, колхозники пьянствовали, воровали зерно и меляли на водку.

В первые дни войны местные партийные органы стали слать в областной партийный комитет пафосные реляции о всеобщем трудовом подъеме, охватившем сельских тружеников. Однако первый порыв сменился настроениями неопределенности и тревоги. Часть колхозников жила мрачными ожиданиями ухода на фронт («Все равно в армию, чего стараться»), некоторые сознательно шли на нарушения трудовой дисциплины: «Лучше в тюрьме 3 года, чем идти воевать». Инструкторы ОК из поездок по районам делали неутешительные выводы: «настроение плохое, участились невыходы на работу».

Неудовлетворительный ход работ на колхозных полях отмечался практически во всех районах. Не все колхозники смогли подтвердить энтузиазм, проявленный на митингах, конкретным делом. В колхозах далеко не все трудоспособные крестьяне выходили на работу, предпочитая заниматься своими огородами и заготовкой топлива на зиму. Вместо взрослых, торопившихся закончить все хозяйственные дела до отправки их на фронт, на поля посылались подростки.

По оценке Челябинского ОК ВКП (б), если бы удалось заставить всех колхозников работать на полях, это дало бы увеличение в рабочей силе на 20 %. Те работы, которые все же производились, делались кое-как, формально, были случаи, когда колхозники боронили зубьями вверх, умышленно портили лошадей. Осенью 1942 г. большой трудовой подъем на уборке урожая сменился многочисленными нарушениями дисциплины и невыходами на работу, так как оплата трудодней производилась уравнилельно, в том числе и не выполнившим обязательный минимум, по неточным данным и не полностью.

Решение отдельных проблем зачастую вступало в противоречие с основной задачей – обеспечить активное участие колхозников в производительном труде. Пристальное внимание колхозников к своим огородам вопреки работе в колхозе в ряде хозяйств было связано с тем, что для выполнения планов государственных поставок председатели колхозов были вынуждены покупать у колхозников или обменивать на зерно некоторые виды сельскохозяйственной продукции. В Уфалейском районе в течение ряда лет на зерно обменивался картофель, что естественно стимулировало сельчан на расширение его посадок.

Попытки активизировать трудовую активность колхозников путем организации социалистического соревнования часто не давали нужных результатов, так как выполнение взятых колхозниками обязательств затруднялось отсутствием нужного инвентаря, частыми поломками старой и плохо отремонтированной техники и отсутствием контроля над ходом соревнования.

Существующая система оплаты труда также не способствовала повышению производительности. Например, работающим на обмолоте выдавали хлеб только в период проведения работы. Естественно, что обмолот задерживался на максимально возможное время, машины применяли только под нажимом начальства.

И хотя подавляющее большинство колхозников отдавало последние силы на колхозных полях, понимая, что их труд необходим для победы, но раздражало грубое насилие, карательные методы, которыми власти пытались принудить к труду. Так, на призыв городского агитатора бороться с прогульщиками, в ответ слышалось: «Ты нас не запугивай, а то вообще работать не будем», «Как будут кормить, так будем работать».

Позитивные меры (материальное поощрение) применялись очень слабо, так как положение в колхозах было просто бедственным, практически весь урожай сдавался государству. Главным источником средств к существованию в деревне стало приусадебное хозяйство сельчан. Это хозяйство требовало вложения труда и времени, поэтому велось в ущерб работе на колхозных полях. Военная цензура обнаруживала в письмах колхозников высказывание о том, что «народ весь дома – ухаживает за своей картошкой. Дело так надейся на себя, что посадили, то и будем есть». Иногда получалось так, что честно работающие колхозники оказывались в более бедственном отношении, чем лодыри. Из Белозерского района Курганской области сообщали, что «многие семьи фронтовиков истощены, так как честно работали в колхозе и по этой причине меньше внимания уделяли своим приусадебным участкам. В то же время другие колхозники плохо работали в колхозе, но занятые на своих участках имели возможность обеспечить себя значительно лучше продуктами».

Такое отношение колхозников к труду и его результатам было следствием и бедой всей колхозной системы в целом. Колхозники не рассматривали колхозное хозяйство как свое, кровное, работа на общественном поле была для них обременительной обязанностью, главный интерес крестьян сосредоточивался на приусадебном участке, продукция с которого и составляла значительную долю дохода.

Население подвергалось идеологической обработке, но модели поведения строились в конечном итоге с ориентацией прежде всего на базовые потребности – витальные, первичные социальные, причем это неизбежно приводило к расхождению между усвоенными идеологемами и реальным поведением людей. Материальное стимулирование было настолько несущественным, что почти не оказывало требуемого эффекта, хотя материальные соображения имели первостепенное значение. Иногда предпочтительность работы определялась возможностью пользоваться дополнительными ресурсами, зачастую противозаконного характера.

Впрочем, немаловажен был и патриотический порыв, который поддерживался пропагандой разнообразными способами, но осознавался населением в дискурсе борьбы за выживание советского общества в целом.

Таким образом, главный стимул, цель и смысл трудовой активности населения в годы войны – выживание во всех смыслах и на всех уровнях от личного до выживания страны.

Примечания

- ¹ Луначарский А. В. Народное образование в СССР // О воспитании и образовании. М., 1976. С. 307.
- ² От тюрем к воспитательным учреждениям : сб. стат. М., 1934. С. 8.
- ³ Здесь и далее использованы материалы уральских архивов.
- ⁴ Козлова Н. Н. Заложники слова? // Социс. 1995. № 9. С. 132.
- ⁵ Брукс Дж. История частной жизни в России глазами российских и зарубежных историков // Отечественная история. 1998. № 3. С. 211.
- ⁶ Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 335, 337.
- ⁷ Женщины Урала в революции и труде. Свердловск, 1963. С. 296.
- ⁸ В рамках этой кампании печатались выступления известных людей, прославляющих Урал, проводились тематические политдни «Роль Сталинского Урала в Отечественной войне», лекции и беседы. См., например: Блокнот агитатора. 1943. № 10. С. 33, архивные материалы.
- ⁹ Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 134.
- ¹⁰ Токунов Н. Г. В забой, как в бой // На войне и в тылу – по-фронтовому. Челябинск, 1985. С. 107–121.
- ¹¹ Блуммер Г. Коллективное поведение // Психология масс : хрестоматия / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара : Издат. дом «БАХРАХ», 1998. 592 с. С. 562–563.
- ¹² Большевик. 1941. № 10. С. 3, 4; Челябинский рабочий. 1941. 2 октября; Блокнот агитатора. 1942. № 29–30. С. 15.
- ¹³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 240. Л. 22, 27; Д. 247. Л. 29.
- ¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 88. Л. 14–15.
- ¹⁵ Советский тыл в период коренного перелома в ВОВ. Ноябрь 1942–1943. М., 1989. С. 36–37.
- ¹⁶ Сталин И. В. Доклад Председателя ГКО на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1942 г. // О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 75.
- ¹⁷ Калинин М. И. О некоторых вопросах агитации и пропаганды // Большевик. 1942. № 17–18. С. 24, 29.
- ¹⁸ Комков Г. Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной... М., 1983. С. 84.
- ¹⁹ Архивные материалы; воспоминания Сметаниной Е. И. В кн.: Шадринск военной поры. Кн. 2. С. 183.
- ²⁰ Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М. : МИК, 1994. 336 с. С. 129.
- ²¹ Фельдман М. А. Указ. соч. С. 291.
- ²² Блокнот агитатора. М., 1940. № 17. С. 8.

Мухин М. Ю.

ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. ПОИСКИ НЕСТАНДАРТНЫХ ПУТЕЙ БОРЬБЫ С ТЕКУЧЕСТЬЮ КАДРОВ В СОВЕТСКОЙ АВИАПРОМЫШЛЕННОСТИ КОНЦА 1930–Х ГГ.

Двадцатилетие с 1921 по 1941 годы стало особым периодом отечественной истории. В эти годы в стране произошли стремительные, внезапные и грандиозные по масштабам перемены. Сложилась система, сохранившаяся практически без коренных изменений на протяжении всего периода существования советского государства. Это время недаром получило название эпохи «большого скачка». В эти двадцать лет СССР превратилась в одну из ведущих индустриальных стран мира, были заложены основы отечественного ВПК, в стране начался процесс форсированной урбанизации – трудно назвать сюжет отечественной экономической истории, в изучении которого период 1920–1930-х годов не составил бы особую, подчас решающую главу.

Советское авиастроение стало одним из наиболее зримых и впечатляющих свершений эпохи социалистической индустриализации. Казалось, прямо на глазах одного поколения аграрная, технически отсталая страна вдруг, в смешные, с исторической точки зрения сроки, создала передовую отрасль индустрии. Рекордными полётами гордились, известных лётчиков обожали, в преимуществах советских

самолётов над аэропланами буржуазных стран не сомневались. Даже если оставить в стороне пропагандистский флёр, «в сухом остатке» объективного наблюдателя останется эмоционально-нейтральная информация – в годы Великой Отечественной войны советская авиапромышленность действительно смогла превзойти «ведомство Геринга» по количеству произведённых самолётов. Значит, уже в предвоенные годы был заложен фундамент той, грядущей, победы отечественного авиастроения.

Именно в авиапромышленности, как в фокусе линзы, сфокусировались основные тенденции сталинской индустриализации. Это была отрасль, создаваемая практически «с нуля». Это была базовая для создания военно-промышленного комплекса индустрия. Именно в авиастроительной промышленности наиболее широко и полно внедрялись передовые методы советского менеджмента и новейшие технологии. До известной степени самолётостроительную индустрию можно считать показательным образцом советской промышленности тех лет вообще.

Сотрудники авиастроения представляют собой один из важнейших компонентов комплекса «советское авиастроение». Как известно, «сражается не военная техника – сражаются люди». Но точно так же можно (и нужно) сказать, что самолёты делают не заводы, а люди. Кто они – стоявшие в годы индустриализации у кулманов и станков; как они относились к своему месту работы; как к ним относилось руководство; как руководство пыталось добиться интенсификации труда сотрудников авиапромышленности, и насколько эти попытки были успешны – эти вопросы имели жизненно-важное значение для развития советской авиапромышленности, да, по большому счёту – и всей экономики СССР. Как, кто и в каких условиях создавал то, что впоследствии стало называться свершениями «большого скачка»? Возможно, рассматриваемые проблемы на первый взгляд покажутся мелкотемьем. Однако при пристальном их изучении у нас появится возможность по новому взглянуть на весь комплекс сюжетов, связанных с проблематикой индустриализации, а в конечном счёте – с историей развития советской экономики в 1920–1930-е годы в целом.

Так как рассмотреть в кратком сообщении все аспекты заявленной темы не представляется возможным, в своём выступлении я позволю себе сосредоточиться на специфическом сюжете, связанном с поиском советским менеджментом новых форм борьбы с текучестью. Так как авиапромышленность постоянно была на особом контроле руководства СССР, в этой отрасли нередко шли на экстравагантные, даже по советским меркам, способы решения социально-экономических проблем.

Проблема производительности труда, рационального использования рабочего времени, борьбы с простоями и авралами всегда была актуальна как для всей советской индустрии, так и для авиапромышленности в частности. В 1930 г. Туполев, во время командировки в США, был потрясён не только техническим уровнем американских заводов, но и отношением американских рабочих к своему рабочему времени: «...Удивительное впечатление от их (американских. – М. М.) заводов – идёшь из цеха в цех, и нигде ни одного не занятого человека. Я даже подтолкнул как-то Петра Ивановича (Баранова. – М. М.): небось, как и я, ждёте, ну уж за этой то дверью наверняка рабочие стоят и покуривают. Так нет – так и не удалось нам увидеть курящих и беседующих!»¹. Видимо, в СССР Туполев привык к совершенно другому уровню трудовой дисциплины на авиастроительных предприятиях. Действительно, общий уровень культуры труда даже на ведущих авиазаводах был не слишком высок. В отчёте по заводу № 1 им. Авиахима отмечалось: «Труддисциплина низка. Рабочие пьют и иногда очень здорово, являясь на работу, особенно, после полочки, в нетрезвом виде.... На заводе ощущается крайняя нужда в высшем и среднем техническом персонале и квалифицированной рабсиле»². Одним из наиболее «узких» мест была малая плотность рабочего времени. Рабочий приходил на рабочее место и действительно проводил там рабочий день, однако далеко не всё «рабочее время» было посвящено непосредственно производственной деятельности. Так, в своей лекции «Современные самолёты за рубежом», Н. Н. Поликарпов сетовал: «Читая наши газеты, мы видим, что в ряде производств имеем явление так называемой штурмовщины, когда к концу месяца за последнюю неделю выполняется, скажем, 50–60 % программы, а за первую неделю – 2–3 %... За границей меня всегда поражала та плановость и дисциплина, которая там существует. Приходишь на завод, смотришь – никто не спешит, все работают с прохладцею. Если увидят тебя, то даже обернутся, и это не мешает работе. Думаешь: как они могут давать при такой работе отличный результат? Но оказывается, что из тех 8–9 часов, которые они ежедневно находятся на работе, они действительно работают 8–9 часов, в то время как мы спешим, что-то делаем, но на самом деле работаем 2–3 часа в день, а остальное время проходит у нас непонятно на что, неуплотнённо»³. Даже если предположить, что в полемическом задоре Поликарпов несколько сгустил краски (2–3 часа рабочего времени за всю смену – это всё же исключительная степень неорганизованности рабочего процесса, ведущая к перманентным простоям), обращает на себя внимание проблема, очевидная даже не имеющему прямого отношения к серийному авиапроизводству конструктору. Мнение авиаконструктора находило подтверждение на практике. Например, в относительно благополучном по уровню выполняемости планового задания 1936 г. промышленный отдел ЦК ВКП (б) обследовал авиазаводы № 24 и 29. В ходе проверки было установлено, что за 10 месяцев годовой план был выполнен лишь на 56,6 % по самолётам и на 76,1 % – по моторам⁴. Таким образом, отставание от плана, вызывающее нужду в штурмовщине, накапливалось не только в течение месяца, но и в течение года. Вообще, горькие слова Поликарпова отнюдь не были каким-то открытием для руководства отрасли. В том обследовании достаточно полно и точно описываются основные управленческие проблемы отечественной авиапромышленности середины 1930-х годов: «Вместо коренного улучшения производства директора ставят на штурмовщину. Только по 7 авиазаводам (№№ 1, 21, 22, 23, 24, 26 и 29) за 9 месяцев 1936 г. при 3156

тыс. часов простоя отработано 5676 тыс. часов сверхурочно. При этом брак составил 31,4 % к стоимости товарной продукции по заводу № 29 и 15 % по заводу № 24. Существующее постановление СНК о материальной ответственности за брак заводами, как правило, не выполняется. Начальник механического цеха № 2 завода № 24 Брандт заявил: «Мы боимся проводить удержания с бракоделов, так как и без того ощущаем недостаток в рабочей силе». Огромный процент брака является следствием безнаказанного нарушения технологических процессов, слабой трудовой и технической дисциплины...»⁵. К сожалению, «неуплотнённости» рабочего времени оставалась нерешённой проблемой советских авиазаводов вплоть до начала Великой Отечественной войны. Типичным случаем является «фотография рабочего дня»⁶ фрезеровщика Милехина, сделанная в феврале 1941 г. на заводе № 22 им. Горбунова⁷. За 1,5 смены Милехин из 660⁸ минут проработал только 262. Остальные были потрачены непроизводительно: установка станка⁹ (35 мин.), получение инструмента (35 мин.), простой 30 мин., начал уборку рабочего места за 27 минут до фактического срока окончания работы. На что ушло остальное время – не указано. Милехин, это случай исключительный, но обращает внимание, что из 6 человек, рабочий день которых хронометрировался, никто не проработал более 494 минут, а простои достигали 200–300 минут.

Постепенно характерная для Авиатреста неритмичность производства привела к формированию особого слоя рабочих, не только приспособившихся к такому положению дел, но и заинтересованных в сохранении «статус кво». Вот как описывает руководство завода № 22 порядок выполнения плана в 1938 г. «До 15 числа сборка у нас стояла. В течение 15 дней мы делали Программу¹⁰, затем у нас Окончательная сборка ничего не делала, затем у нас люди выходили на простой. В такой обстановке, естественно, кто-то «ловил рыбку в мутной воде», потому что, когда наступало 20-е число и видно было, что Программы не будет¹¹, директор завода шёл в цех, говорил с мастерами, а после того, когда видел, что ничего не получается, говорил: «Вот вам столько-то рублей, шуруй». И шурували...»¹². С одной стороны, руководство заводов, было вынуждено считаться с мнением мастеров-виртуозов своего дела, способных при нужде «шурувать»; с другой – нельзя не отметить, что именно «виртуозы» получали наибольшую выгоду от такого положения дел. Помимо почёта и уважения со стороны дирекции, их выгода имела и материальный характер, так как сверхурочные работы оплачивались по повышенному тарифу. Естественно, что такое положение дел не могло не вызвать роста сверхурочных работ:

Таблица 1

Соотношение простоев и сверхурочных работ на предприятиях НКАП в последние предвоенные годы¹³

	1938	1939
Всего отработано тыс. человеко-часов	385,4	465,5
В т.ч. сверхурочно, тыс. человеко-часов	16	27,3
% сверхурочных работ	4,2	5,9
В т.ч. простой, тыс. человеко-часов	8,4	8,8
% простоя	2,2	1,9

Особенно беспокоило руководство НКАПа то, что ближе к концу 1939 г. количество сверхурочных работ начало стремительно нарастать:

Таблица 2

Количество сверхурочно отработанного времени на 1 рабочего НКАП в среднем за месяц за первые 10 месяцев 1939 г. (в % от всего отработанного времени)¹⁴

	I квартал	II квартал	III квартал	октябрь
Сверхурочные работы	5,8	7,1	7,8	14,4
Простой	3,6	2,5	2,4	3,2

Как видим, постоянные попытки резко интенсифицировать производство окончательно доломали планомерный характер ведения работ – к октябрю стали расти уже не только сверхурочные авралы, но и простои.

Следует учитывать, что слой «рабочих аристократов», как правило, работавших на заводе длительное время, соседствовал с основной массой рабочих. Для этой массы была характерна очень высокая текучесть. Так, на заводе № 45 в 1939 г. при персонале в 1500 работников, только за 11 месяцев уволилось и было принято «со стороны» более 1000 человек¹⁵. Ещё хуже было то, что ситуация с текучестью имела тенденцию к дальнейшему ухудшению:

Проблема текучести кадров осознавалась, но традиционные меры её решения не срабатывали. Вот как, например, обстояло дело на заводе № 7 имени 1 Мая в 1939 г. Это предприятие, в определённой степени, может считаться характерным для советской авиастроительной индустрии. Этот завод был новым, но в то же время – создан как филиал одного из старейших авиапредприятий (завод № 22). До известной степени положение дел на заводе № 7 можно считать характерным для всего НКАПа.

Таблица 3

*Текущность кадров на предприятиях НКАП
в последние предвоенные годы¹⁶*

год	1938	1939
Принято рабочих, тыс. человек.	108,7	151,1
Доля от среднесписочного числа рабочих, %	50,9	61,1
Уволено рабочих, тыс. человек.	77,6	113,4
Доля от среднесписочного числа рабочих, %	36,3	45,9

Одной из основных бед завода была колоссальная текучесть, обуславливающая низкий профессиональный уровень. Причин тому было несколько. Во-первых, администрация понимала, что значительная часть новоприбывших вскоре уйдёт, поэтому не слишком-то церемонилась с новичками. «У нас на заводе большая текучесть, а с вновь прибывшими рабочими ни профорганизацией, ни администрацией работы не ведётся, и нет товарищеского отношения на первых порах. Надо новоприбывших периодически собирать на совещания, разъяснять задачи завода и окружать их товарищеской заботой, тогда текучесть снизится»¹⁷ – предлагалось на одном из партсобраний. Видимо, дело было ни в отсутствии разъяснений роли завода, а именно в недостатке «товарищеской заботы», причём выражаться эта забота должна была в условиях труда. Судя по всему, наиболее «хлебные», связанные со сверхурочными и аккордными («по трудовым соглашениям») выплатами, наряды и заказы распределялись между кадровыми рабочими, а новичкам доставалось что похуже. Неудивительно, что они на заводе не задерживались. Примерно о том же, только в более завуалированных формах, говорилось и на партийных собраниях: «Направляемые в цеха не встречают должного внимания со стороны руководства цеха. Бюрократическая встреча вновь принятых, простои их благодаря нераспорядительности и неорганизованности рабочего места (так в тексте, думаю, имелась в виду неорганизованность цеховой администрации. – М. М.), не лстящие сведения о наших порядках в цехах толкают людей на прогулы или уход по собственному желанию»¹⁸. Помимо отсутствия «товарищеской заботы», партийное руководство завода выдвигало ещё одну причину «сверхтекучести» рабочей силы. «Часто говорят – «отсутствие жилья», а я (секретарь партийного бюро Лихонин. – М. М.) говорю – берём людей без тщательной проверки.

Таблица 4

Текущность рабочих на заводе № 7 в 1939 г.

Месяц	Прибыло	Уволилось
Июль	146	114
Август	134	102
Сентябрь	114	85
Октябрь	88	102

1. Анисимов И. П. Комендант общежития. Поступил 14 августа сего года¹⁹, нигде не был прописан. 4 октября милиция заставила его уволить. Он даже не взял расчёта.

2. Божко В. В. Фрезеровщик. Поступил 13 сентября, уволился 10 октября за неимением работы. Спрашивается, зачем нанимался, неизвестно.

3. Долгова И. Г., поступила 28 августа кладовщицей сварочного цеха, уволена 21 сентября за неимением работы.

4. Антонова М. Д., поступила контролёром-учётчицей 16 сентября, уволена 14 октября за неимением жилья»²⁰.

Надо отметить, что из приведённой цитаты никоим образом не следует, что «тщательная проверка» могла как-то изменить ситуацию.

Вполне осмысленными выглядят претензии к отделу кадров в отношении Анисимова – приняли на работу без прописки, хотя не понятно, почему эту проблему не смогли решить за полтора месяца. Но в отношении Божко напрашивается контрвопрос – «а зачем нанимали?» Человек нанялся на почасовую работу, заводоуправление его работой не загружает, то есть рабочий сидит без приработка, на «голом» минимальном окладе, его эта ситуация вполне закономерно не устраивает, он увольняется. Простая и легко прогнозируемая причинно-следственная цепочка. Кто, кроме администрации предприятия, в этом виноват? С Долговой – аналогичная картина, с Антоновой ничего сказать нельзя за недостатком информации – почему она осталась без жилья, было ли у неё жильё на момент устройства на завод, обещали ли ей место в общежитии, и т. п. В целом остаётся впечатление, что рабочих брали из сообщений «бери их всех, там разберёмся, кто нам нужен». Разумеется, при таком подходе прекратить перманентную текучесть кадров было принципиально не возможно.

Таким образом, руководство авиаиндустрии, казалось, нашло корень всех бед – высокая текучесть кадров порождала низкий уровень технической культуры и делало невозможным наказание бракоделов. Так как привычные формы борьбы с текучестью эффекта не давали, было решено провести на

одном из ведущих авиапредприятий эксперимент по нестандартному решению данной проблемы. 23 сентября 1938 г. КО своим постановлением № 266 сс/ов перевёл завод № 22²¹ на мобилизационное положение, что означало перевод всех военнообязанных, работающих на заводе № 22, на положение состоящих на действительной военной службе. Они оставались членами профсоюза, но при этом выходили из сферы ведения расценочно-конфликтных комиссий в области вопросов нарушений трудовой дисциплины, увольнений и перевода на другую работу. На военнообязанных распространялась подсудность военному трибуналу и дисциплинарный устав РККА²². Разумеется, мобилизованный рабочий уже не мог сменить место работы по своему желанию. Вскоре этот метод был распространён и на найм новой рабочей силы. 23 ноября 1938 г. НКО произвёл призыв в ряды РККА 2500 квалифицированных рабочих и передал их на завод № 22²³. Всего к 21 марта 1939 г. на предприятии числилось уже 11000 человек, переведённых на положение состоящих в РККА²⁴. Однако сравнительно скоро у этой бочки мёда проявилась и ложка дёгтя. «Мобилизованный» рабочий не мог уволиться, но и уволить его было нельзя – в результате стремительно начала падать дисциплина²⁵. С другой стороны, нарастали чисто административные несурезицы. Отделение милиции отказывалось прописывать по удостоверению личности и требовало паспорт, которые «мобилизованные» законопослушно оставляли в военкомате. Отсутствие прописки не только не позволяло селить новых рабочих в общежитии, но и потребовало выселить оттуда 202 уже проживающих там сотрудника завода. Если недоразумения с пропиской ещё можно было уладить, то с наказанием прогульщиков и бракоделов в гимнастёрках дело обстояло совсем плохо. Как военнослужащих, их нельзя было наказать согласно КЗОТу. В то же время военный прокурор то же отказывался заниматься этим вопросом, ссылаясь на отсутствие юридической базы²⁶. И тем не менее возможность избавиться от текучести на производстве в глазах дирекции испугала все недостатки нового порядка набора рабочей силы. 7 мая 1939 г. КО постановлением № 108 сс указал, что вопросы о назначении сверхурочных работ должны решаться с санкции наркома директором завода без согласования с профсоюзом, а из всех льгот для «военнослужащих» рабочих были утверждены лишь выплаты процентных надбавок за непрерывную работу на заводе²⁷.

Ещё в июле 1939 г. директор завода № 22 просил прислать ему ещё «мобилизованных» рабочих²⁸, из чего можно сделать вывод, что, по крайней мере, до лета, дирекцию новая система устраивала. В то же время, судя по общему тону отчётов, недовольство рабочих нарастало, а дирекция продолжала искать пути повышения заинтересованности рабочих в труде. Видимо, даже «военнослужащие» рабочие нуждались в какой-то позитивной стимуляции. В августе 1939 г. КО постановлением № 302 сс разрешил исчислять вышеупомянутый процент льготных выплат за непрерывный стаж, исходя не из тарифной ставки, а из фактического заработка²⁹. Это было немаловажно, если учесть, что реальный заработок, как правило, существенно превышал размер ставки:

Таблица 5

*Соотношение тарифных ставок и реальных заработков
в среднем по заводу № 22 в 1939 г.³⁰*

Разряды	II	III	IV	V	VI
Месячная тарифная ставка сдельщика (руб.)	220	266	322	386	459
Фактический месячный заработок сдельщика за май 1939 г. (175 раб. ч.)	322	405	495	620	750

Тем не менее, 4 июля 1940 г. «эксперимент» был завершён, а все рабочие завода – возвращены в «гражданский» статус. Видимо, труд обычных, а не «военизированных» рабочих, оказался эффективней.

Примечания

¹ Цит. по Кербер Л. Л. Туполев. СПб., 1999. С. 50.

² Центральный архив общественных движений г. Москвы (далее – ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 11. Д. 726. Л. 47–50.

³ Цит. по: Иванов В. П. Авиаконструктор Н. Н. Поликарпов. СПб., 1995. С. 150–151.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 11. Д. 103. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 47–49.

⁶ Специальная форма хронометрирования использования рабочего времени персонала, употреблявшаяся в те годы на советских предприятиях для научной организации труда.

⁷ ГА РФ. Д. 98. Л. 6.

⁸ Так в документе. Реально 1,5 смена – 720 минут.

⁹ Так в тексте. Видимо, имеется в виду подготовка станка к работе – установка фрезы и т. п.

¹⁰ Т. е. выполняли план.

¹¹ Т. е. план не будет выполнен.

¹² ЦАОДМ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 98. Л. 92.

¹³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2748. Л. 2 об.

¹⁴ Там же. Д. 2750. Л. 17.

¹⁵ Там же. Д. 401. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 2748. Л. 2 об.

¹⁷ ЦАОДМ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 156. Л. 28.

¹⁸ Там же. Л. 51 об.

¹⁹ Хотя документ составлен в 1940 г., в тексте имеется в виду, очевидно, 1939. Дата составления документа – июнь-июль, поэтому там не может идти речь об уволенных осенью.

²⁰ ЦАОДМ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 156. Л. 51 об.

²¹ Напомним, что Завод им. 1 Мая создавался именно как филиал завода № 22.

²² ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 23. Д. 386. Л. 1; Д. 952. Л. 1.

²³ Там же. Д. 386. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 20–21.

²⁶ Там же. Л. 24–25.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Там же. Д. 952. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 4.

Потемкина М. Н.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОД ПРЕССОМ ЭВАКУАЦИИ

Начавшаяся война обусловила, с одной стороны, необходимость массовой мобилизации в действующую армию, с другой, – быстрое наращивание военного производства. Ситуация усугублялась вражеской оккупацией огромной территории и эвакуацией производительных сил на восток. Всё это предопределило дефицит рабочей силы в советском тылу. Выход был найден в ещё большей централизации управления трудовыми ресурсами и усилении внеэкономического принуждения к труду. Одним из центральных мероприятий стала эвакуация.

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации. Долгое время в отечественной историографии считалось, что основополагающим документом, регламентирующим эвакуацию, было Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Интересно, что до 90-х гг. в исторических исследованиях этот документ называли, не анализируя его содержания, и ссылались, как правило, на шеститомную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза»¹. В 90-е годы текст этого документа был рассекречен и опубликован². Пункт 2-б регламентировал очередность эвакуации различных категорий населения: «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодёжь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники». То есть вывоз в тыл квалифицированной рабочей силы планировался в первую очередь. Более того, в секретных фондах ГАРФА нами обнаружено три Постановления СНК Союза ССР от 5 июля 1941 г. под грифом «совершенно секретно», причём есть черновик со всеми правками и окончательные варианты. Их названия звучат так: «О порядке эвакуации населения в военное время», «О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и войск НКВД из прифронтовой полосы», «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий»³. В соответствии с последним документом, эвакуация рабочих и служащих эвакуируемых предприятий должна была производиться по указанию наркомов, осуществлять эвакуацию и обеспечивать людей в пути питанием и прочим обязаны были наркомы и директора предприятий, эвакуироваться рабочие и служащие должны были, по возможности, одновременно с эвакуацией оборудования. Как мы видим, рабочие были фактически лишены свободы принятия решения об эвакуации или неэвакуации.

На практике эвакуация рабочих и служащих промышленных предприятий сопровождалась серьёзными трудностями как объективного, так и субъективного порядка. Нередко эвакуация не разрешалась семьям рабочих и служащих, вывозившимся вместе с предприятиями и учреждениями. Помощь в эвакуации своей семье считалась нарушением трудовой дисциплины. Так, в октябре 1941 г. из рядов партии был исключен Г. Э. Зухер за то, что, эвакуируясь с заводом, вывез в тыл свою семью⁴.

Люди, убеждаемые всей предвоенной пропагандой, что воевать в будущей войне будем «малой кровью и на чужой территории», в первые военные месяцы испытывали психологический шок, усугубляемый отсутствием правдивой информации о положении на фронтах. Все это способствовало распространению слухов, панических настроений непониманию необходимости эвакуации и иногда приводило к массовым беспорядкам. В прифронтовом городе Иваново в октябре 1941 г. местные власти в обстановке секретности приняли решение о демонтаже оборудования предприятий и подготовке его

к эвакуации. Эта информация «просочилась в народ» и стала распространяться в виде слухов. Рабочие боялись остаться без средств к существованию, если оборудование вывезут, а предприятия взорвут. Катализатором агрессивных настроений стало бегство из города руководителей фабрик и партийных чиновников, бросавших людей на произвол судьбы. Вот типичные высказывания рабочих: «Все главные сбежали из города, а мы остаёмся одни», «Наркомат текстильной промышленности, НКВД, обком вывезли свои семьи, а наши остались»⁵. В процессе движения агрессивных слухов произошло их заострение (например, в реальности работники наркомата текстильной промышленности вместе с семьями действительно эвакуировались, а семьи руководителей комбината и работников НКВД нигде не выезжали), что привело к стихийным массовым действиям толпы. На Меланжевом комбинате, на фабриках им. Дзержинского и им. Балашова и частично на некоторых других 19 и 20 октября 1941 г. произошли массовые беспорядки: рабочие разбивали упаковки с оборудованием, бросали работу, избивали начальство и т. д.⁶ В итоге на всех предприятиях были проведены собрания рабочих, эвакуация была остановлена, зачинщики беспорядков арестованы, также понесли наказание и местные руководители, допустившие массовые беспорядки в городе.

Сложной была атмосфера в Москве. Эвакуация промышленных предприятий, правительственных учреждений, научных и культурных ценностей, населения из столицы была начата в конце июня. В. П. Пронин (с 1939 по 1944 гг. председатель Исполкома Моссовета, с октября 1941 г. член Военного совета Московского военного округа) вспоминает: «12 октября было принято решение о срочной эвакуации 500 заводов Москвы и области, специалистов, высококвалифицированных рабочих, некоторых учреждений и учебных заведений. К сожалению, мы не смогли провести соответствующую разъяснительную работу. И на некоторых заводах рабочие стали просто препятствовать эвакуации, считая это предательством и дезертирством. Серьёзное возмущение было на автозаводе, на артиллерийском заводе, на 2-м часовом заводе. На шоссе Энтузиастов рабочие по своей инициативе организовали заслон, не пропускали машины, идущие на восток»⁷.

Власть ужесточала репрессивно-карательную политику, понимая, что война принимает затяжной характер, превращаясь из войны армий в войну потенциалов. Показательна ситуация, сложившаяся во время эвакуации тульских заводов. Некоторая часть работников, подлежавших отправке, пыталась остаться на прежнем месте. Мотивы были различными: от желания защитить город с оружием в руках до того, что в то время принято было называть «шкурничеством». Тогда для решения проблемы были применены административно-карательные меры. Постановление городского комитета обороны от 10 ноября 1941 г. вменяло руководству заводов и отделам милиции обеспечить отъезд рабочих в районы эвакуации. Цитируем: «Уклонившихся от эвакуации и выезда по месту работы считать дезертирами, вражескими пособниками, тормозящими развёртывание и выпуск вооружения для Красной Армии. Злостных дезертиров арестовывать и предавать суду военного трибунала»⁸. Юридическим документом, законодательно разрешавшим принудительные перемещения людей, стало постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомом республик и край(обл)исполкомом права переводить рабочих и служащих на другую работу». Согласно этому постановлению, перевод являлся обязательным и не зависел от ведомственной принадлежности и территориального расположения предприятия или учреждения⁹.

Перевозка людей и грузов производилась за счёт государства. Каждый работник предприятия при эвакуации имел право взять 100 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи. На время эвакуации и до пуска производства на новом месте за рабочими полностью сохранялась заработная плата (из расчёта – средний заработок за последние 3 месяца). По прибытии на место выплачивались «подъёмные» в размере месячного оклада на главу семьи – работника предприятия, на его жену, по – на каждого из остальных членов семьи. Семьи красноармейцев получали государственное пособие, пожилые люди – пенсии, семьи добровольцев народного ополчения – зарплату за месяц вперёд. За эвакуированными сохранялся непрерывный стаж работы, а время переезда в эвакуацию не засчитывалось и не прерывало рабочего стажа¹⁰. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР за № 143/с «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» уклонение от обязательной эвакуации влекло за собой военный трибунал. Руководитель, не обеспечивший организованной и полной эвакуации, попадал под уголовную ответственность (наказание сроком от 5 до 10 лет)¹¹.

Большинство отечественных исследователей считает, что с эвакуированными промышленными предприятиями было вывезено 30–40 % рабочих и служащих. В зарубежной историографии утвердилось мнение о том, что значительная часть рабочих осталась на оккупированной территории¹². На промышленных предприятиях Урала работало 24,7 % всех эвакуированных¹³. Большая часть этих людей прибыла в тыл вместе с эвакуированными промышленными предприятиями. Так, в августе 1941 г. из Ленинграда в Молотов был эвакуирован телефонный завод. Вместе с ним прибыли 109 рабочих и инженерно-технических работников. На новом месте были приняты ещё около 700 рабочих¹⁴. По данным на 20 июня 1941 г., на станкостроительном заводе имени Горького в Киве работали 2359 человек. В эвакуацию в г. Кизел Молотовской области прибыли 790 рабочих и служащих (вместе с семьями 2200)¹⁵. Остальных работников добирали на новом месте из числа местного и эвакуированного населения.

На некоторых предприятиях эвакуированные составляли значительную долю работников. Так, в 1942 г. среди производственного персонала Магнитогорского металлургического комбината было 19,2 % эвакуированных, на Кировском заводе – 30,8 %, на Уралмашзаводе – около 36 %¹⁶. Прибывшие в

эвакуацию составляли в ноябре 1942 г. половину рабочих Новолялинского бумкомбината Свердловской области¹⁷.

Характерными чертами трудовых отношений в мобилизационной экономике являются централизации управления трудовыми ресурсами и использование методов внеэкономического принуждения к труду. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» были отменены отпуска рабочим и служащим с заменой их денежной компенсацией (с апреля 1942 г. её выплата была заморожена до конца войны), а также законодательно разрешалось введение сверхурочных работ. Был организован учёт неработающего трудоспособного населения. Он осуществлялся сформированным 30 июня 1941 г. Комитетом по учёту и распределению рабочей силы. Благодаря этому увеличилась возможность маневрирования трудовыми ресурсами. В военный период были расширены границы трудоспособного возраста: мужчины от 14 до 55 лет, женщины от 14 до 50 лет. С конца 1941 г. правительство рядом законодательных актов осуществило мобилизацию гражданского населения. Прежде всего, следует назвать Указы ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»¹⁸, Нарушившие трудовой режим приговаривались или к лишению свободы, или к принудительным работам на своём рабочем месте. Данные преступления попадали под юрисдикцию как гражданских, так и военных судов. В Постановлении СНК СССР от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» отмечалось: «...виновные в отказе или уклонении от трудовой повинности ... подлежат ответственности по законам военного времени»¹⁹. Количество привлечённых к уголовной ответственности по данным видам преступлений было велико. В народные суды (по неполным данным) поступило уголовных дел о прогулах и самовольных уходах с предприятий и учреждений: 1-е полугодие 1941 г. – 1232443, 2-е полугодие 1941 г. – 893356, 1-е полугодие 1942 г. – 801640²⁰.

Директора предприятий и наркомы оборонных отраслей промышленности неоднократно обращались к руководству страны с просьбами «разрешить изымать у рабочих паспорта на хранение, заменяя их удостоверениями, в целях укрепления труддисциплины»²¹. Многочисленные воспоминания дают возможность сделать вывод о том, что эта мера применялась на практике²². В годы войны в целях укрепления трудовой дисциплины использовались и другие меры внеэкономического принуждения: вырезка талонов на хлеб у рабочих на предприятиях за опоздание, сокращение нормы хлеба на 100–200 грамм за прогул. Причём специальным Постановлением СНК СССР от 18.10.1942г. предусматривалось привлекать к судебной ответственности директоров предприятий, которые отказывались применять эти меры на своих предприятиях²³.

Часть тех, кто попадал в разряд «дезертиров» были эвакуированными, возвращавшимися самочинно в места прежнего жительства как только несколько улучшилась обстановка на фронте. Рискую попасть под уголовное наказание, директора предприятий принимали таких высококвалифицированных специалистов на работу. Так, на заводах Москвы (№ 24 НКО и № 28 Главкислорода при СНК СССР) без трудовых книжек приняли на работу несколько десятков слесарей и токарей, бежавших из эвакуации с заводов Н. Тагила Свердловской области. Чтобы скрыть эти факты, помощник директора по кадрам оформлял принятых на завод дезертиров под видом мобилизации, взамен отдавал военкомату других рабочих более низкой квалификации в порядке разбронирования. В июле 1944г. после прокурорской проверки на вышеуказанных заводах к суду были привлечены как сами дезертиры, так и начальник отдела кадров и начальники цехов²⁴.

В силу объективных и субъективных обстоятельств военного времени условия охраны труда на промышленных предприятиях зачастую не соблюдались. Вот информация секретаря Челябинского ОК ВКП (б) Баранова о положении дел на заводе № 707, размещённом в г. Кургане: «...во многих цехах этого завода можно было наблюдать большое количество хороших, честных, преданных Родине людей, работающих босыми даже в горячих цехах, работающих в изорванном платье. Я подошёл к одной девушке, посмотрел, как она работает. Она даже во время разговора не отвлекалась от работы... Она 7 месяцев без обуви, от простуды на ногах нарывы. Молодая девушка 16-ти лет, перенёсшая в таком уже возрасте большую тяжесть, связанную с эвакуацией из Ленинграда; она работает, отдаёт все силы, выполняет и перевыполняет производственную программу, её даже парторг называет лучшей работницей в цехе, а 7 месяцев работает без обуви»²⁵. После этой проверки и разговора Баранова с директором завода Генкиным выяснилось, что на складе имеются 200 пар обуви.

Несоблюдение мер техники безопасности приводило к производственным авариям, которые иногда были сопряжены с гибелью людей. Так 20 октября 1941 г. на заводе № 114 произошёл сильный взрыв (в цехе по производству морских мин), в результате которого убито 16 человек, ранено 115, полностью уничтожен цех, выбиты окна в окружающих завод зданиях²⁶.

Несмотря на значительное сокращение трудовых ресурсов в начальный период войны, благодаря бронированию и прибытию эвакуированных промышленным предприятиям советского тыла удалось сохранить основной костяк рабочих и служащих ведущих профессий. Прибытие на УТМЗ (Уралмашзавод) во второй половине 1941 г. 3700 эвакуированных повысило средний уровень квалификации рабочих предприятия. Если на 1 января 1941 г. на заводе было 38 % рабочих низкой квалификации, 33 – средней и 29 % – высокой, то на 1 января 1942 г. стало соответственно 25, 47 и 28 %. В 1943 г. 31 % всего персонала предприятия составляли рабочие и служащие с Кировского завода в Ленинграде.

В течение 1941 г. численность рабочих на УЗТМ выросла на 40 % и ИТР – на 28 % главным образом за счёт квалифицированных кадров с эвакуированных заводов. В начале 1944 г. среди персонала завода эвакуированные рабочие и служащие составляли 18,8 %²⁷.

Пребывание эвакуированных рабочих и инженерно-технических работников на Урале оказало положительное влияние на кадровую проблему. Прежде всего, уральские рабочие в годы войны трудились «бок о бок» с высококвалифицированными специалистами со старейших и крупнейших заводов страны, привезённых в эвакуацию. Это сыграло большую роль в формировании индустриальных кадров Урала и способствовало взаимному профессиональному росту.

Но были и конфликты (разный уровень оплаты труда, местные интересы и др.). Характер взаимоотношений между прибывшими в эвакуацию и коренными жителями восточных регионов страны определялся многими факторами, такими как: объективными материально-бытовыми трудностями и снижением уровня жизни населения в условиях войны; социальными и национальными различиями; социальной и идеологической политикой властей; личностными характеристиками конкретных людей и т. д. Одним из таких факторов, по нашему мнению, был архетип «наши-чужие». Например, антагонизм между местными рабочими и эвакуированными ленинградцами на Кировском заводе в Челябинске достиг такой степени накала, что потребовалось вмешательство центральной власти в лице В. М. Молотова. В докладной записке на его имя от главного прокурора от 25.03.1942 г. прямо указывалось на то, что на заводе часть квалифицированных кадров снята с должностей и необоснованно заменена ленинградцами²⁸.

Реевакуация началась уже в декабре 1941 г. после разгрома фашистских войск под Москвой, была приостановлена в 1942 г. в связи с рядом поражений Красной Армии и новой волной эвакуации. Возобновление реевакуации связано с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» (21 августа 1943 г.)²⁹. Возвращение людей на прежнее местожительство продолжалась практически до 1948 г. Но для рабочих и служащих промышленных предприятий реевакуация была связана со значительными ограничениями, а зачастую просто невозможна.

В соответствии с постановлением ГКО «О порядке въезда в г. Москву рабочих эвакуированных фабрик, заводов и учреждений» от 10 января 1942 г. возвращение в столицу могло производиться только по решению ГКО; количество ввозимых рабочих должно предварительно согласовываться с Московским горкомом ВКП (б); въезд рабочим разрешён без семей; за семьями сохранялась занимаемая ими жилплощадь по месту эвакуации; въезд в город без специальных пропусков, выдаваемых республиканскими (краевыми, областными) органами милиции был запрещён³⁰. Плановой реевакуации не подлежали люди, работавшие в оборонной промышленности, что объяснялось необходимостью безостановочной работой заводов, расположенных в тыловых регионах СССР. Бывший в годы войны заместителем наркома вооружений В. Н. Новиков в книге своих воспоминаний пишет, что заводы в западных областях СССР восстанавливались не за счёт реевакуации, а за счёт дополнительных ресурсов. Лишь два завода в промышленности вооружения вернулись на старые места из-за отсутствия электроэнергии и непригодности помещений в местах их эвакуации. Люди также поступали за счёт набора и лишь незначительную часть – наиболее квалифицированные кадры – переводили с действующих заводов³¹. С одной стороны, в период 1944–1947 гг. в стране происходили значительные по масштабам миграции населения и для нормальной работы транспорта необходимо было придать им организованный характер; с другой – насильственная задержка людей в силу производственной необходимости или по признаку их политической благонадёжности приводила к тому, что они месяцами и годами не могли вернуться в родные места и воссоединиться с близкими. Всё это вызывало «чёмоданные» настроения, дезертирство рабочих и служащих оборонных предприятий и даже волнения на ряде уральских заводов. Например, настроения ожидания охватили Кировский завод, размещённый после эвакуации в Челябинске. Рабочие этого завода 12 мая 1945 г. написали коллективное (150 подписей) письмо Сталину по вопросу отправки их домой в Ленинград и отослали его в Москву³². С просьбами и заявлениями люди обращались в партийные, профсоюзные, комсомольские органы. Вот текст одного из писем от горняков-донбассовцев, работавших на Урале в Кизеловском угольном бассейне: «Когда нам предложили эвакуироваться и поехать на работу в восточные районы, мы безо всякого возращения выехали на работу, и работали здесь честно и добросовестно. А семьи остались там. Пишут, что им тяжело, помощи от государства нет, так как они не семьи фронтовиков. Мы не хотим самовольно уходить с производства, так как это преступление. Когда нас, горняков-донбассовцев отпустят на работу обратно в Донбасс?»³³

Таким образом, трудовые отношения в мобилизационной модели экономики основаны преимущественно на репрессивно-карательных мерах воздействия. В условиях военного времени произошло усиление этих методов управления трудовыми ресурсами, что особенно ярко проявилось в процессе эвакуации рабочих и служащих промышленных предприятий оборонного значения.

Примечания

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6 т. М., 1960–1965. Т. 2. С. 143.

² Первые дни войны : эвакуация (по материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 28–29.

- ³ ГАРФ. Ф. 259 сч. Оп. 40. Д. 3022. Л. 29–34, 36, 40.
- ⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 135. Л. 41.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 573. Л. 127.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Пронин В. П. «Сталин не помышлял сдавать Москву» / В. П. Пронин, С. Г. Ищенко // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 40.
- ⁸ Цит. по: Данилов В. Н. Война и власть: Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996. С. 294.
- ⁹ Цит. по: Тельпуховский В. Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 11. С. 31.
- ¹⁰ Красный Курган. 1942. 17 мая.
- ¹¹ ГАПО. Ф. 1198. Оп. 2. Д. 12. Л. 271, 276.
- ¹² Penter T. Collaboration on Trail: New Source Material on Soviet Postwar Trails against Collaborators // Slavic Review 64, no. 4 (Winter 2005). P. 782–783.
- ¹³ Данные на 1 янв. 1943 г. Подсчитано автором на основе документов ГАРФ.
- ¹⁴ Кожевникова Л. Ю., Фотеева В. П. О работе администрации Пермского телефонного завода по мобилизации коллектива на успешное выполнение планов в годы Великой Отечественной войны / Л. Ю. Кожевникова, В. П. Фотеева // Великая Отечественная война: уроки и проблемы : науч.-практ. конф., посвящённая 50-летию Победы. Пермь, 1995. С. 116.
- ¹⁵ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 96. Л. 44.
- ¹⁶ Якунцов И. А. Кадры индустрии Урала в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война : уроки и проблемы : науч.-практ. конф., посвящённая 50-летию Победы. Пермь, 1995. С. 30.
- ¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 103. Л. 133.
- ¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 37–38, 64–65, 68, 104; Правда. 1941. 27 дек.
- ¹⁹ Цит. по: Гончаров Г. А. Указ. соч. С. 433.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 891. Л. 85.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 413. Л. 24.
- ²² Документальный сериал: «Эвакуация». Фильм второй: «Главный ресурс». Продюсер А. Ханютин. М., 2006.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 413. Л. 178.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 890. Л. 25.
- ²⁵ Женское лицо Победы : 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Челябинск, 2001. С. 148–149.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 890. Л. 15.
- ²⁷ Антуфьев А. А. Количественные и качественные изменения в составе индустриальных кадров Среднего Урала в годы Великой Отечественной войны // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1978. С. 41, 44.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 885. Л. 48.
- ²⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1971. Т. 6. С. 427–465.
- ³⁰ Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 381.
- ³¹ Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний. Воспоминания. М., 1988. С. 390.
- ³² ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 146. Л. 44, 53, 21–24.
- ³³ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 11. Д. 168. Л. 16.

Рудомётова И. В.

КАДРЫ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕГКОЙ И ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 ГГ.)

Легкая и пищевая промышленность являются важнейшими сегментами экономической и социальной жизни. Их функциональный смысл заключается в удовлетворении потребностей человека в жизненно-необходимых материальных благах, поддержании жизни граждан. На современном этапе реформирования России задача «сбережения народа» возведена в статус общенационального приоритета. В связи с этим тематика, относящаяся к истории развития легкой и пищевой индустрии, начинает приобретать актуальность. Кроме того, назрела нравственная потребность оценить вклад тружеников отраслей, всегда считавшихся второстепенными, в общую Победу.

В период 1939–1945 гг. в рассматриваемых отраслях индустрии протекал процесс раннеиндустриальной модернизации, выражающийся в техническом перевооружении предприятий (внедрение частичной механизации), распространении предприятий фабричного типа, ориентации на отечественные технологии, директивно-плановом характере экономики, увеличении числа рабочих и служащих,

повышении общественной активности трудящихся, их уровня грамотности, квалификации¹. Поэтому важное место занимал кадровый вопрос.

Статья ставит своей целью охарактеризовать кадровый состав: его численность, структуру, источники комплектования, формы и особенности подготовки специалистов и рабочих массовых профессий, материально-бытовые условия жизни работников; выяснить уровень производственной активности трудовых коллективов предприятий.

Сеть легкой и пищевой промышленности Челябинской области в 1939–1945 гг. была разнородной по ассортименту продукции и значению отдельных производств.

Выявленные источники не позволяют проследить динамику совокупного состава работников легкой и пищевой промышленности Челябинской области на протяжении 1939–1940 гг. Статистическая информация, зафиксированная в архивных документах, дает возможность представить лишь общую характеристику кадрового состава по состоянию на конец 1940 г. К этому времени в легкой промышленности Челябинской области было занято 4050 человек, в пищевой – 1688 человек. Численность персонала на предприятиях устанавливалась отраслевыми наркоматами и отражалась в планах по труду².

Промышленно-производственный персонал состоял из рабочих, учеников, инженерно-технических работников, служащих, младшего обслуживающего персонала. В целом в промышленности Челябинской области, удельный вес численности рабочих легкой и пищевой индустрии до Великой Отечественной войны был невелик и составлял 3,6 % и 5,6 % соответственно (к сравнению, в машиностроении и металлообработке было занято 44 % всех рабочих), в Молотовской области в это же время доля рабочих и в легкой и в пищевой промышленности была по 5 % в каждой. В составе рядовых работников, как и на аналогичных предприятиях в СССР в целом, преобладали женщины. Ученики составляли в легкой индустрии 4,4 % от общего количества работающих, инженерно-технические работники – 5,2 %, служащие – 5,1 %, младший обслуживающий персонал – 5 %. На пищевых предприятиях ситуация была схожей³. Руководители большинства предприятий, управлений, трестов имели низшее или незаконченное среднее образование (высшее образование было исключением), находились в возрасте 30–45 лет, являлись членами ВКП (б). Среди них преобладали мужчины, представители русской нации⁴. Назначением на руководящие должности занимался Челябинский обком ВКП (б).

Непромышленная группа рабочих состояла из таких категорий, как занятые на транспорте, в жилищно-хозяйственных, культурно-бытовых учреждениях, в пожарной охране, торгово-бытовых точках и пр. На предприятиях пищевой отрасли имелись такие профессии, как бойщик, консервщик, сепараторщик, в легкой индустрии – ткачиха, станочница, сортировщик, прессовщик⁵.

Важное место занимал вопрос подготовки кадров. Формами учебы и повышения квалификации были: краткосрочные курсы подготовки различных специалистов при предприятиях, централизованные курсы, организуемые отраслевыми главками и Наркоматами, курсы сторонних ведомств по договорам, техническая учеба⁶.

Несмотря на принимаемые меры, уровень квалификации работников был низким, т. к. недостаточно выделялось денежных средств на подготовку кадров.

Для многих предприятий была характерна неукomплектованность квалифицированными кадрами, особенно инженерно-техническими. Данная проблема имела место и в областных отраслевых Управлениях: там не хватало работников, способных дать техническую консультацию предприятиям. Например, к июню 1940 г. в УЛП не было ни одного инженера-кожевника и это напрямую сказывалось на качестве работы кожезаводов. Как способ решения проблемы практиковался перевод специалистов из одной отрасли в другую. Иногда обком ВКП (б) обращался в отраслевой наркомат с просьбой прислать специалистов. Например, в апреле 1941 г. секретарь обкома партии по легкой и местной промышленности Кузьмин просил наркома текстильной промышленности РСФСР Микину направить на Шадринскую льнопрядильно-ткацкую фабрику инженера-ткача, двух техников-прядильщиков. При приеме на работу для инженерно-технических работников устанавливался испытательный срок (от двух недель до двух месяцев)⁷.

Предприятия легкой и пищевой промышленности испытывали дефицит рабочих кадров. Об этом свидетельствуют частые объявления о приеме на работу в областной и местных газетах, а также докладные записки инструкторов промотдела обкома ВКП (б) о работе предприятий. Например, Воздвиженский стекловод для выполнения плана 1939 г. нуждался в 390 рабочих, а фактически имел 267 или 68,4 %, Шадринской льнопрядильной фабрике в 1940 г. было необходимо 603 человека, а имелось 576 или 95,5 %⁸.

Одновременно с хроническим недостатком рабочей силы повсеместно наблюдалась ее текучесть. Так, на Челябинскую швейную мастерскую № 1 за 11 месяцев 1940 г. было принято 78 человек, уволено – 119, на Челябинский мясокомбинат за I квартал 1940 г. приняли 65 человек, уволили – 85⁹. Основная причина текучести коренилась в неудовлетворительных материально-бытовых условиях: в плохой организации общественного питания, несвоевременной выдаче зарплаты, необеспеченности жильем фондом. Партийными организациями, администрацией, профсоюзами принимались меры по закреплению рабочих на производстве. На ряде предприятий дополнительно арендовалась жилплощадь, вводились поощрительные системы оплаты труда, организовывалась помощь многодетным семьям, оказывалось содействие рабочим по вспашке огородов, в приобретении семенного картофеля, в заготовке топлива и т. п. Но, как показывают архивные документы, эти усилия не были достаточными и не давали ожидаемых результатов.

В условиях международной напряженности ужесточилась трудовая дисциплина. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. устанавливался 8-часовой рабочий день, с шестидневки перешли на семидневную рабочую неделю, был запрещен самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений, усилились наказания к нарушителям трудовой дисциплины. Но, тем не менее, нарушения имелись: опоздания, прогулы и пр. Например, среди работающих на объектах Троицкой кожгруппы за июль и август 1940 г. было выявлено 49 нарушителей, из них прогулы совершили 36 человек, опоздания – 13. К провинившимся применялись разные меры воздействия: выговор, выговор с предупреждением, строгий выговор, понижение в должности, увольнение, предание суду. Так, за опоздание на 35 минут элеваторщик крупозавода №8 был уволен, за однодневный прогул работник Челябинского мясокомбината через суд был привлечен к трем месяцам принудительных работ с удержанием 25 % из зарплаты¹⁰. Основными нарушителями трудовой дисциплины становились рабочие-новички, которые работали на производстве короткое время. К распространенным нарушениям относилось также появление на работе в нетрезвом виде, за такой проступок наказывали исправительными работами, увольнением.

Указ от 26 июня 1940 г. кроме ужесточения производственной дисциплины привнес позитивные изменения: на некоторых предприятиях (Троицкий маслозавод, Верхнеуральский кошмовальный завод и др.) в связи с уплотнением рабочей недели освободились рабочие руки и исчез дефицит кадров. Только по предприятиям легкой промышленности высвободилось 338 человек, производительность труда увеличилась на 17,8 %, на Троицкой фабрике «Смычка» экономия фонда зарплаты составила 11,8 тыс. руб.¹¹

Трудовая политика государства выражалась также в регулировании оплаты труда работающих граждан. Рабочие легкой и пищевой промышленности относились к низкооплачиваемой категории трудящихся. В 1940 г. среднемесячная зарплата инженерно-технических работников предприятий легкой индустрии составляла 524 руб., служащих – 306 руб., рабочих – 258 руб., младшего обслуживающего персонала – 165 руб., учеников – 80,5 руб.; на предприятиях мясомолочной отрасли соответственно: 405, 292, 352, 135, 100 руб.¹² Как видно из этих данных, в мясомолочной промышленности оплата труда рабочих и учеников была выше, всех остальных категорий работающих – ниже, чем в легкой индустрии. Это объясняется, возможно, тем, что производительность труда (которая зависит, в основном, от рабочих и учеников) в мясомолочной секции была выше, а квалификация ИТР и служащих – ниже. Если сравнивать с другими отраслями, то, по суждению М. А. Фельдмана, зарплата рабочих тяжелой промышленности в среднем в 1,5 раза превышала заработки рабочих легкой индустрии. В конце 1930-х гг. заработки лиц, занятых принудительным трудом (спецпереселенцы получали 200–250 руб.), мало отличались от оплаты труда рабочих легкой и пищевой промышленности. Подобное явление, по мнению историка, говорит об отношении государства к условиям жизни различных категорий рабочих, занятых в «непрестижных сферах»¹³.

Оплата труда имела несколько форм: сделную, повременную, прогрессивно-сделную, прогрессивно-премиальную. Кроме того, на некоторых предприятиях (Троицкий маслозавод и др.) доплачивали за экономию сырья. Инженерно-техническим работникам за выполнение и перевыполнение производственной программы выдавалась премия в размере месячного оклада. Так, на Челябинском крупозаводе №8 за стахановскую работу в октябре 1939 г. были премированы механик И. В. Симаков и мастер В. С. Блохин – по 400 руб. каждый¹⁴. За невыполнение программы, напротив, директора и руководители подразделений лишались премиальных.

Рабочим, отличившимся в выполнении производственных заданий, тоже полагалось дополнительное материальное поощрение. Например, в ноябре 1939 г. кочегара крупозавода № 8 Н. М. Клима премировали 200 руб., машиниста Н. Ф. Благодаренко – 225 руб., к дню 8 марта 1940 г. за стахановский труд работницу транспортного цеха Кирьянову наградили койкой, сменного мастера Боровских – сервисом, ст. лаборанта Стог – туфлями¹⁵.

Для трудящихся существовали такие социальные гарантии как выдача компенсаций за неиспользованный отпуск при увольнении, выходное пособие при уходе в армию, предоставление отгулов за работу в праздничные дни, оплата больничных листов, декретный отпуск, доплата кормящим матерям, оплата простоев, выплаты за работу в ночное время, за выполнение общественных обязанностей, выходные пособия¹⁶.

Важное значение имели меры по охране труда и соблюдению техники безопасности. Отраслевые наркоматы посылали в областные управления изданные ими приказы по улучшению работы по технике безопасности (например, приказ НКЛП РСФСР от 29 сентября 1939 г.), дальше приказы направлялись по предприятиям¹⁷. На ряде промышленных объектов существовали нормальные условия труда, рабочие обеспечивались спецодеждой, имеющиеся машины, их выступающие части, моторы, рубильники были ограждены (в основном, на предприятиях легкой индустрии, пивоваренных заводах). Но на многих предприятиях отсутствовала вентиляция, наблюдалась скученность рабочих мест из-за тесноты помещения. В хлебопекарнях рабочим не выдавали респираторы. Не всегда проводился инструктаж по технике безопасности, и поэтому имелись несчастные случаи, в том числе со смертельным исходом. Необходимо отметить, что не все директора предприятий уделяли должное внимание охране труда и по назначению использовали средства, которые для этого выделялись. Такого рода нарушения зафиксированы на челябинских обувной мастерской и швейной № 2, Верхнеуральском кошмовальном заводе, Троицкой кожгруппе, Магнитогорском хлебокомбинате¹⁸.

Обращалось внимание на улучшение бытовых условий рабочих на производстве. Так, на Челябинском ликероводочном заводе в 1939 г. был устроен душ, теплая женская уборная, раздевалка с сушилкой для спецодежды и обуви. Следствием этих шагов стало сокращение текучести рабочей силы, расширение круга стахановцев¹⁹.

В целом социально-бытовое положение тружеников легкой и пищевой промышленности не отличалось благополучием. Это объясняется второстепенной ролью, непрестижностью названных отраслей в исследуемый период, их недостаточным финансированием и снабжением.

Несмотря на подчиненное положение по отношению к приоритетному развитию группы «А», в анализируемых отраслях поддерживалась довольно высокая трудовая активность работников. В 1940 г. она характеризовалась следующими данными: из 786 рабочих, занятых в системе облищепрома, 126 (16,4 %) являлись стахановцами, 81 (10,6 %) – ударниками. В числе 4050 человек, работавших в легкой промышленности, стахановцев было 1218 человек (30,1 %), ударников – 538 (13,3 %)²⁰. Лучших стахановцев предприятий представляли к награждению значком «Ударник соцсоревнования».

В масштабах страны активно внедрялись новые формы стахановского движения: многостаночное обслуживание, совмещение двух и более профессий, что значительно повышало производительность труда, поскольку рабочие выполняли нормы на 120–157 %. От общего движения не отставали и уральские предприятия, работники которых добивались выполнения 1,5–2,5 норм. Так, коллектив Челябинского крупозавода № 8 октябрьский план 1939 г. по переработке овса выполнил на 151 %, крупы – на 167,5 %. На Троицком маслозаводе в октябре 1940 г. бригада Ракитиной довела дневную переработку подсолнуха до 22 тонн при норме 12 тонн²¹.

Рабочие участвовали в различных видах социалистического соревнования: имени XVIII Всесоюзной партконференции, дня Сталинской конституции, дня 1 Мая и др. Коллектив Троицкого жиркомбината к открытию XVIII партконференции взял на себя обязательство выполнять сменное задание не ниже чем на 150 %, производственную программу 1940 г. выполнить не ниже чем на 110 %, выпустить продукции высших сортов сверх плана на 20 %, повысить производительность труда против плана на 15 %. Частично эти обязательства были выполнены, тем самым коллектив комбината дал государству прибыли 3 млн 600 тыс. руб.²²

Охват соревнованием был широким. По данным на сентябрь 1940 г., Шадринский мясокомбинат соревновался с Кыштымским мясокомбинатом: из общего количества работающих (270 человек) участвовали в соревновании 200, по индивидуальным договорам – 86 человек. Состязались и с предприятиями соседних областей. Например, в первой половине 1939 г. Челябинский мясотрест заключил соцдоговор со Свердловским мясотрестом, в выполнении производственной программы победил Свердловский трест. Передовикам соцсоревнования ежегодно вручалось переходящее Красное Знамя. В соответствии с постановлением бюро Челябинского обкома партии и облисполкома от 8 января 1941 г. за перевыполнение плана 1940 г. такое Знамя было присуждено Каменской и Челябинской швейным мастерским. В то же время архивные документы показывают, что социалистическое соревнование на ряде предприятий было развито недостаточно, отсутствовал охват работников индивидуальными договорами (к примеру, на Магнитогорской швейной фабрике, Троицкой фабрике «Смычка»)²³.

Анализ конкретно-исторического материала позволяет заключить, что накануне Великой Отечественной войны кадровый состав легкой и пищевой промышленности в Челябинской области не был полностью укомплектован, имел низкую степень образования и квалификации. Трудящиеся были активны в труде.

С началом Великой Отечественной войны неблагоприятные тенденции, наблюдавшиеся в совокупном составе работников пищевой и легкой промышленности Челябинской области в течение 1939 – начала 1941 гг., усилились. Новыми факторами, воздействовавшими на кадровую ситуацию, стали военно-мобилизационные мероприятия, активные миграционные процессы, перераспределение трудовых ресурсов в пользу военно-оборонного промышленного комплекса, вынужденная чрезвычайной обстановкой смена половозрастных групп среди работающих, ухудшение материально-бытовых условий жизни тылового населения.

В первые дни войны в Челябинской и других областях Урала прошли многотысячные митинги и собрания трудящихся, посвященные выступлению зам. Председателя СНК СССР Молотова, на которых работающие пообещали честно и храбро сражаться на фронте, трудиться в тылу, изучать военное дело. От предприятий легкой и пищевой промышленности было подано большое количество индивидуальных и коллективных заявлений о желании пойти на фронт добровольцами. Добровольцами и по мобилизации в действующую армию уходила наиболее трудоспособная и мобильная часть работников – прежде всего мужская. Например, на Челябинском крупозаводе № 8 из 220 работающих на фронт отправилось 120 мужчин, т. е. больше половины²⁴. В то же время имелись единичные случаи проявления трусости, отказа пойти в РККА. В первую очередь таких лиц исключали из партии, затем к ним принимали строгие меры воздействия. Наряду с мужчинами добровольцами уходили и женщины.

Уходящим требовалась замена. В соответствии с постановлением бюро Челябинского обкома ВКП (б) от 24 июня 1941 г. «О привлечении членов семей рабочих и служащих на производство», Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О порядке мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», решением Челябинского облисполкома от 14 декабря 1942 г. «О переводе служащих на производство», постановлением Челябинского обкома ВКП (б) и облисполкома от 29 сентября 1942 г. «О

трудовом устройстве инвалидов войны»²⁵, на замену ушедшим на фронт пришли члены домохозяйки, пенсионеры, инвалиды, молодежь. Рабочую силу привлекали путем использования радио, местной печати, систематической связи с другими предприятиями, военкоматом, прокуратурой, исправительно-трудовыми колониями и др. организациями²⁶.

Возросло число молодых рабочих, так, на Троицком шорно-фурнитурном комбинате в 1943 г. работало: лиц до 16 лет – 35 человек, от 16 до 23 лет – 146 человек, старше 23 лет – 65 человек²⁷. Значительно увеличилась численность женщин, к примеру, в коллектив Магнитогорской швейной фабрики к январю 1942 г. пришло 350 новых работниц. Они овладевали сложными и трудоемкими мужскими профессиями забойщика скота на мясокомбинате, тестомеса на хлебозаводах, кочегара, весовщика и грузчика.

Встречным потоком (по отношению к уходу на фронт) явилась эвакуация населения. Наряду с работниками других отраслей, среди эвакуированных имелись трудящиеся различных предприятий легкой и пищевой промышленности. В соответствии с постановлением бюро Челябинского обкома ВКП (б) от 3 сентября 1941 г. «О трудовом и хозяйственно-бытовом устройстве эвакуированного населения»²⁸ на промышленные объекты поступали работать эвакуированные. Им часто предоставляли должность ниже той, которую они занимали у себя на родине. Так, бывший заведующий лабораторией при Тульском спиртотресте стал сменным техником²⁹. Всего трудоспособных эвакуированных прибыло в Челябинскую область на 28 ноября 1941 г.³⁰ (см. табл. 1):

Таблица 1

Наименование профессий	Всего трудоспособных	В т. ч. женщин	В т. ч. мужчин
Работники текстильной, трикотажной промышленности	941	882	52
// —// швейной // —//	2903	2392	511
// —// обувной // —//	710	156	554
// —// пищевой // —//	1168	930	238
Всего в легкой и пищевой индустрии	5722	4360	1355

Как видно из таблицы, больше всего работников прибыло с предприятиями легкой индустрии, особенно швейной отрасли, которая в 1941–1945 гг. получила заметное развитие. Второй по численности прибывших была пищевая индустрия. За исключением обувной отрасли, где в силу специфики производства работали преимущественно мужчины, в составе эвакуированных прослеживается доминирование женщин. Все эвакуированные влились в коллективы действующих заводов и фабрик.

Охарактеризованные выше источники пополнения рабочей силы не могли снять проблему кадрового дефицита. Еще одним способом стал перевод кадров с одного предприятия на другое. Например, приказом начальника УЛП А. И. Баранова от 1 декабря 1942 г. в распоряжение Челябинской швейной фабрики № 1 в целях обеспечения выполнения срочного спецзаказа передавали квалифицированных кройщиков и пошивочных рабочих с других швейных фабрик области³¹.

Несмотря на нехватку кадров в исследуемых отраслях, был распространен отзыв на оборонные заводы и отвлечение на другие работы. К примеру, только на ММК работало более 200 человек квалифицированных швейников, обувщиков, кожевников, мобилизованных с предприятий местной и легкой промышленности Магнитогорска. Из (рай)горкомбинатов работников мастерских ширпотреба часто отправляли на дорожно-ремонтные работы.

С 1943 г. началось откомандирование специалистов в освобожденные районы СССР, так, в соответствии с решением коллегии НКЛП СССР в апреле 1944 г. на руководящую работу в Наркомлегпром Украины направили главного инженера Магнитогорской швейной фабрики № 2 К. И. Флидермауз³².

Бюро Челябинского обкома ВКП (б) неоднократно рассматривало вопрос об обеспечении рабочей силой предприятий легкой и пищевой промышленности, запрещало мобилизацию людей с указанных объектов промышленности³³. Но, несмотря на это, в течение всех лет войны ощущался дефицит кадров как массовых профессий, так и специалистов. В декабре 1941 г. Курганской трикотажной фабрике требовалось 456 рабочих, Воздвиженскому стекольному заводу – 100 человек³⁴.

Общая численность работающих на предприятиях легкой и пищевой индустрии Челябинской области в период 1941–1945 гг. колебалась как в ту, так и в другую сторону. В начале войны это объясняется массовым уходом мужчин на фронт, в середине 1942 г. – приходом на производство подростков, домохозяек, пенсионеров, эвакуированных рабочих, передачей предприятий вместе с кадровым составом в другие области. Кроме того, начало Великой Отечественной войны и эвакуация в Челябинскую область предприятий центральных и западных районов СССР внесли изменения в национальный, возрастной состав и образовательный уровень кадров предприятий легкой и пищевой промышленности: и среди руководящего состава, и среди рядовых рабочих появились украинцы, белорусы, евреи, бывшие польские политзаключенные, имевшие высокую квалификацию и высшее образование³⁵. Нестабильность состава трудовых коллективов выражалась также в текучести кадров. Действовали такие причины, как уход в армию, на учебу, увольнение по состоянию здоровья, в конце войны – реэвакуация. К примеру,

на предприятия легкой промышленности области за 1944 г. был принят 961 человек, а выбыло 1448 человек, из них по причине ухода на учебу – 1,9 %, в армию – 2,9 %, из-за тюремного заключения – 3,3 %, перехода на инвалидность – 6,7 %, в связи с выездом в освобожденные районы – 8,2 %, самовольным уходом – 8,5 %, по прочим причинам – 16,4 %; на Челябинский витаминный завод за июнь – июль 1944 г. принято 24 человека, выбыло – 11. Самовольные уходы с работы происходили вследствие неудовлетворительного продовольственного снабжения и низкой оплаты труда³⁶.

То есть мы видим, что количественные показатели работников предприятий легкой и пищевой промышленности Челябинской области весь военный период подвергались переменам.

Количественный дефицит работников, обновление состава молодыми и неопытными требовали специальных мер по улучшению качественных параметров рабочей силы, т. е. профессиональной подготовки, повышения квалификации. В условиях Великой Отечественной войны вынужденно изменились формы подготовки кадров, была налажена система обучения и переподготовки. Индивидуально-бригадное обучение, стахановские школы, курсы техминимума, школы ФЗУ приняли массовый характер. При этом в период перестройки промышленности на военные рельсы главной заботой была организация первичного обучения молодых рабочих, а затем заметно усилилось внимание к повышению профессионального уровня рабочих. Эвакуация вузов на Урал создала возможности подготовки высококвалифицированных кадров. Потребность фронта в обмундировании и обуви способствовала открытию школ ФЗУ при крупных обувных и швейных фабриках области. Наиболее широкий масштаб подготовки имел место в легкой индустрии: именно для нее выделялось больше денежных средств, шире были возможности обучения (т. к. туда входили отрасли, наиболее необходимые для армии и войны – швейная, кожанобувная), тогда как в пищевой промышленности обучение ограничивалось в основном краткосрочными курсами.

Война наложила отпечаток на все стороны быта и условия труда на производстве. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день (подросткам до 16 лет не более 2 часов; беременные и кормящие грудью женщины освобождались от таких работ), отменялись очередные и дополнительные отпуска (их заменили денежной компенсацией), отпуска по болезни сохранялись. Удлиненный рабочий день и обязательные сверхурочные работы были одним из источников увеличения продукции для фронта. Рабочий день на ряде предприятий легкой и пищевой промышленности Челябинской области доходил до 12 часов, лишь к концу войны постепенно начали переходить на 8-часовой рабочий день³⁷.

На большинстве промышленных объектов в первые годы войны была нарушена система охраны труда, наблюдалась теснота и скученность рабочих мест, в цехах ряда предприятий отсутствовало отопление и вентиляция, не выдавалась спецодежда и спецобувь. Не все рабочие привлекались к сдаче техминимума, не везде были ответственные лица за технику безопасности, поэтому имелись несчастные случаи, в т. ч. со смертельным исходом. Так, на мельзаводе № 10 г. Магнитогорска только за половину 1944 г. произошло 2 смертельных случая из-за несоблюдения правил техники безопасности. В то же время имелось постановление СНК СССР от 30 июня 1944 г. о наложении штрафа за нарушение правил по охране труда и технике безопасности³⁸.

Заработная плата работников легкой и пищевой промышленности была в 1,5–2 раза ниже зарплат рабочих оборонных предприятий и ненамного выше оплаты труда спецпереселенцев и рабочих-заключенных. Так, в 1944 г. среднемесячная зарплата рабочего легкой индустрии составляла 384 руб., пищевой индустрии – 358 руб., в то время как этот же показатель на Магнитогорском металлургическом комбинате равнялся 747 руб., у рабочих треста Уралруда – 784 руб.³⁹ Оплата труда рабочих рассматриваемых отраслей индустрии в период 1941–1944 гг. существенно не менялась, лишь к 1945 г. произошло увеличение ее размера – это можно объяснить повышением производительности труда, усилением внимания государства к изучаемым отраслям индустрии, ростом капиталовложений в легкую и пищевую промышленность. Заработок ИТР был в 2–3 раза больше, чем у рабочих и рядовых служащих. Так, на Челябинской макаронной фабрике ИТР получал 670 руб., в легкой индустрии – 726 руб., служащие соответственно 455 и 427 руб., МОП – 140 и 156 руб.⁴⁰ Зарплата персонала, как и в довоенный период, зависела от ведомственной подчиненности предприятия или учреждения, например, на республиканском предприятии заработок всех работающих был значительно выше, чем на областном и тем более районном.

Причины крылись в источниках финансирования: республиканские заводы и фабрики финансировал бюджет республики, областные – областной бюджет, районные – местный. Кроме того, месячный доход от работы был выше у работников, занимавшихся выпуском оборонной продукции, очевидно потому, что себестоимость производимых изделий была больше.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1942 г., от 9 января 1943 г. временно прекращались выплаты денежных компенсаций за неиспользованный отпуск в 1942 и 1943 гг. В соответствии с постановлением СНК СССР от 4 июня 1942 г. «Об оплате инженерно-техническим работникам цехов за работу в выходные дни» за каждый проработанный выходной день устанавливалась оплата в размере полуторной дневной ставки, оплата сверхурочных работ не производилась⁴¹.

Для передовиков производства существовали не только моральные стимулы труда (награждение грамотами, вывешивание портрета на доске почета, благодарности в трудовую книжку и пр.), но и материальные, например, стахановские обеды, выдача премий к государственным праздникам – годовщине

Октябрьской революции, 8 марта, 1 мая (пальто, обувь, лоскут ткани). Так, по решению партсобрания парторганизации Троицкого маслозавода от 30 ноября 1942 г., лучшим работникам предоставлялись стахановские обеды, выдавались дополнительные продукты питания из имеющегося подсобного хозяйства, в сапожной мастерской им в первую очередь производили ремонт обуви, оказывали помощь в мелком ремонте квартир⁴².

У кадрового состава сохранились некоторые довоенные социальные гарантии: в случае использования на подсобных работах (из-за отсутствия сырья, например), за рабочими сохранялся средний заработок – так, в феврале 1943 г. Златоустовская швейная фабрика имела перебои с сырьем, поэтому часть рабочих была занята на общественных работах по борьбе со снежными заносами на железной дороге, часть – на вывозке дров для фабрики и семьям фронтовиков⁴³.

В конкретно-исторической обстановке войны многообразной работой по созданию, сохранению, поддержанию трудовых коллективов на предприятиях занимались первичные партийные, комсомольские, профсоюзные и другие массовые общественные организации. При всей разноплановости их работы главной заботой была мобилизация патриотической и прежде всего трудовой активности коллективов предприятий под лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

Средняя выработка на одного рабочего ежегодно определялась планом, но фактически она менялась и в сторону увеличения, и в сторону снижения. Увеличение шло благодаря трудовому героизму работающих, внедрению механизации и конвейеризации, пересмотра устаревших норм выработки, а уменьшалась из-за частых простоев предприятий (по причине отсутствия сырья, топлива, ремонта оборудования и аварий), низкой квалификации кадров, неудовлетворительной организации труда на ряде предприятий. Производительность труда серьезно различалась внутри отраслей. В легкой индустрии рабочие шорной отрасли вырабатывали продукцию на 20602 руб. в год, в стекольной – на 2279 руб., в швейной и обувной – по 6887–7600 руб. В целом, к концу войны производительность труда увеличилась в сравнении с 1940 г. в легкой промышленности на 26,2 %, в пищевой – к 1944 г. в сравнении с 1941 г. – на 350 % (в Пермской области соответственно 104 % и 108 %)⁴⁴. Объяснить такие высокие цифры в пищевой отрасли можно наличием в ассортименте дорогостоящей продукции, производимой для нужд фронта.

В годы Великой Отечественной войны отступление от средних предположений выработки в сторону увеличения был неизбежным, т. к. было необходимо восполнить дефицит рабочих рук. Для этого практиковалось совмещение нескольких профессий. Мастер крупозавода № 8 Гурьянов одновременно работал в двух цехах: овсяном и просыном. Получили распространение стахановские вахты «Все для фронта». Например, секретарь Курганского ГК ВКП (б) Каравайцева докладывала в Челябинский обком в октябре 1941 г., что на Курганском мясоконсервном комбинате создано 3 стахановских вахты: 2 – в консервном цехе, в котором трудящиеся выполняли 116 % нормы, и одна в колбасном, дающая 150–157 % нормы. Имело место и выполнение 2–4 норм. К примеру, работница Троицкой кожгруппы В. Лебедева давала в ноябре 1941 г. 450 % нормы, работница мороженого цеха Челябинского городского молочного завода Завьялова весь 1944 г. выполняла норму на 209–232 %⁴⁵.

Также практиковались меж- и внутри областные соревнования между предприятиями отрасли, бригадами, сменами, отдельными рабочими. Лучшим предприятиям отрасли обком партии и облисполком ежеквартально присуждали переходящие Красные Знамена. Троицкий шорно-фурнитурный и Курганский мясоконсервный комбинаты за период 1942–1945 гг. получали такую награду неоднократно. Существовали знамена и внутри заводов, фабрик. Они передавались лучшему цеху, при этом кроме перевыполнения норм учитывались показатели по экономии сырья и материалов, снижению себестоимости, качеству продукции⁴⁷.

С мая 1942 г. зарождается Всесоюзное социалистическое соревнование предприятий по отраслям промышленности. Главным лозунгом соревнующихся было увеличение производства продукции для фронта и населения. Лучшим предприятиям в каждой отрасли индустрии, перевыполнившим государственный план и добившимся высокого качества продукции, присуждались переходящие Красные знамена ГКО и вручались денежные премии. Итоги соцсоревнования подводились ВЦСПС и наркоматами ежемесячно и опубликовывались в печати⁴⁸.

Предприятия легкой и пищевой промышленности Челябинской области включились во Всесоюзное соревнование и достигли успехов. Так, в результате хорошей работы в июне 1942 г. Троицкий шорно-фурнитурный комбинат вышел на I место в соцсоревновании предприятий легкой промышленности и получил переходящее Красное Знамя НКЛП СССР и ВЦСПС и премию в сумме 185 тыс. рублей, из которых на премирование инженерно-технических работников, служащих и рабочих полагалось 75 тыс. рублей. Предприятиям Челябинского мясотреста за 1943 г. вручалось 7 премий наркомата мясомолочной промышленности и ВЦСПС⁴⁹. Приведенными примерами далеко не исчерпывается список отмеченных премиями в 1942–1945 гг. предприятий легкой и пищевой промышленности Челябинской области.

Наряду с успешными предприятиями имелись отстающие. Трудовым коллективам не всегда удавалось выполнять нормы и взятые обязательства. Это происходило как по субъективным (невыполнение норм выработки отдельными рабочими, в основном, новичками), так и объективным причинам – нехватка топлива, сырья. К примеру, коллектив Челябинского кожзавода в 1942 г. брал обязательства выполнить октябрьский план по продукции в натуральном и ценностном выражении на 105 %, но не реализовал их из-за недостатка топлива и химикатов, в целом же план по валовой продукции был исполнен заводом на 70 %⁵⁰.

В 1943 г. по инициативе московских комсомольцев стали возникать молодежно-фронтные бригады, в которые включались и взрослые рабочие. Эта идея нашла отклик среди работающих легкой и пищевой промышленности Челябинской области. Первые бригады организовала молодежь Троицкого шорно-фурнитурного комбината – по инициативе передовых рабочих Исаевой, Рубановой, Мендибаевой 20 декабря 1943 г. сформированы четыре молодежных фронтных бригад с охватом 29 человек. На 1 января 1944 г. по облеглапрому было создано 32 таких бригады с числом участников 270 человек. Молодежь давала рекордное выполнение норм выработки: стахановки Троицкого шорно-фурнитурного комбината, 24 декабря 1943 г., встав на фронтную вахту, выполнили дневное задание – Иванова – на 1125 %, Мелихова – на 1063 %, Исаева – 968 %, а вся смена в целом выполнила задание на 700 %⁵¹.

Надо заметить, что в период 1941 – 1945 гг. численность стахановцев и ударников на предприятиях была различной. Так, в 1944 г. в Челябинске на макаронной фабрике работало 245 человек, из них стахановцами и ударниками были 193 (81 %), на витаминном заводе соответственно 281 и 200 (71 %), на текстильной фабрике – 230 и 123 (53,4 %)⁵². В легкой индустрии количество стахановцев в 1944 г. увеличилось на 13,5 %, ударников на 1,5 % по сравнению с 1940 г. – это говорит об энтузиазме, трудовом героизме, патриотическом подъеме работников. В 1945 г. численность стахановцев уменьшается на 13,4 % в сравнении с 1944 г. и достигает уровня 1940 г., количество ударников, напротив, возрастает на 7,8 %. Такие данные можно объяснить, наверное, усталостью людей от войны.

Лучшие люди предприятий и отраслевых Управлений Управлений награждались правительственными орденами и медалями, так, за образцовое выполнение заданий правительства по обеспечению РККА и ВМФ одеждой и обувью Президиумом Верховного Совета СССР в 1943 г. Орденом Трудового Красного Знамени были отмечены мастер кожевенного цеха Троицкого шорно-фурнитурного комбината Ш. И. Рахмакулов, механик Магнитогорской швейной фабрики № 1 В. В. Болтынский и др.⁵³ Вознаграждались не только руководители предприятий и отраслей, но и ИТР, мастера, партийные работники.

Несмотря на военный период, работающие имели возможность карьерного роста, который в основном заключался в продвижении на более ответственную работу. Продвижением занимались отраслевые тресты, которые составляли списки кадрового резерва. В списках по каждому человеку имелись личные данные, информация об образовании и специальности, краткая производственная и политическая характеристика. Вот одна из таких претенденток 1942 г.: «А. И. Лисовская – сменный технолог Челябинского спиртозавода, работает в этой должности с 1924 г., беспартийная, 1898 года рождения, образование среднетехническое, намечена к продвижению помощника старшего технолога. В работе исполнительная, в технологическом процессе хорошо разбирается, принимает активное участие в общественной жизни завода». Т. е. добиться карьерного роста могли только люди инициативные, ответственные, хорошо знающие свое дело, образование, членство в партии играло второстепенную роль⁵⁴.

Существовала и обратная сторона трудовой активности – нарушение дисциплины, т. к. физически невозможно было постоянно перевыполнять нормы, наступало истощение духовных и физических сил. Наблюдались опоздания, прогулы, но в большинстве они имели место в первый период Великой Отечественной войны, главными нарушителями являлись подростки и домохозяйки, которые были недостаточно организованы. Вопросы о состоянии дисциплины часто обсуждались на собраниях и производственных совещаниях. Заседание партбюро парторганизации Магнитогорской швейной фабрики № 1 от 12 августа 1943 г. отмечало: «...Плохо налажена трудовая дисциплина в цехе. Работу заканчивают раньше времени ... Во время ночной работы люди спят, некоторые работники читают газеты... Работу бросают за 10–15 минут до окончания»⁵⁵. Партийные и советские органы боролись за изжитие таких фактов путем ужесточения наказаний. К нарушителям применялись меры массово-воспитательной работы, административные взыскания (вынесение предупреждения, выговора, понижение в должности)⁵⁶.

Итак, в годы Великой Отечественной войны среди работающих в легкой и пищевой промышленности наблюдались перемены в половозрастном составе, образовательном и квалификационном уровнях. Изменилась и разнообразилась система подготовки кадров. Трансформировался и социальный облик трудящихся, они стали более деятельны в труде, глубже проявляли свои патриотические чувства.

Несмотря на экстремальную обстановку войны, в кадровом составе предприятий легкой и пищевой промышленности Челябинской области наблюдалось развитие. Об этом говорят все вышевыявленные признаки: увеличение числа рабочих и служащих вследствие прихода на производство подростков, домохозяек, пенсионеров, эвакуированных, рост равенства между полами – женщины освоили мужские профессии, повышение трудовой активности кадров – возросло число участников различных форм стахановского движения, соцсоревнования, увеличение уровня грамотности, квалификации работающих в связи с оформлением системы обучения и переподготовки кадров.

Примечания

¹ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 61, 68.

² ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 283. Л. 7; Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 75. Л. 38.

³ Народное хозяйство Пермской области за годы советской власти : стат. сб. Пермь, 1967. С. 34; Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска : стат. сб. Челябинск, 1957. С. 27; ОГАЧО. Ф. Р-382, Оп. 2. Д. 283. Л. 7; Ф. Р-662, Оп. 1. Д. 88. Л. 2; Орликова Е. Советская женщина в общественном производстве // Проблемы экономики. 1940. № 7. С. 114.

- ⁴ Выявлено автором по: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 34. Л. 72; Д. 287. Л. 1–4; Д. 371. Л. 119, 120; Д. 383. Л. 213; Д. 387. Л. 130; Д. 392. Л. 142, 142 об.; Д. 409. Л. 40; Оп. 4. Д. 30. Л. 128; Д. 67. Л. 20; Д. 84. Л. 322.
- ⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 699. Л. 44–45, 57, 58, 58 об.; Оп. 4. Д. 64. Л. 7, 8; Д. 72. Л. 5; Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 341. Л. 169.
- ⁶ Вперед. 1939. 24 ноября; ОГАЧО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 85. Л. 15, 75.
- ⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 699. Л. 20; оп. 4. Д. 151. Л. 39; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 17. Л. 47; Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 80. Л. 70.
- ⁸ Вперед. 1939. 23 ноября; 5 декабря; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 696. Л. 77; Оп. 4. Д. 351. Л. 35; Челябинский рабочий. 1940. 28 июня; 23 октября.
- ⁹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 699. Л. 112; Д. 701. Л. 5.
- ¹⁰ Из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1». Папка № 1. Л. 30; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 698. Л. 54; Д. 699. Л. 14.
- ¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 287. Л. 14, 15, 53; Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.
- ¹² ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 283. Л. 7; Ф. Р-1065. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.
- ¹³ Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 284, 285.
- ¹⁴ Из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1». Папка № 1. Л. 28.
- ¹⁵ Там же. Л. 28, 29, 31.
- ¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 698. Л. 54–57; Д. 699. Л. 46–47; Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 329. Л. 54; Оп. 4. Д. 23. Л. 160.
- ¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 38. Л. 65, 65 об.
- ¹⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 698. Л. 54–57; Д. 699. Л. 46–47; Ф. П-2901. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 1 об.; Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 80. Л. 64; Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 59. Л. 56.
- ¹⁹ ОГАЧО. Ф. П-2881. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
- ²⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 698. Л. 106–108, 111–112; Д. 699. Л. 51–54.
- ²¹ Вперед. 1939. 2 ноября; 1940. 9 октября; из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1». Папка № 1. Л. 28.
- ²² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 172. Л. 82; Ф. П-1220. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ²³ Вперед. 1941. 1 января; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 699. Л. 14; Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 6. Л. 48 об.; Д. 8. Л. 23 об.
- ²⁴ Из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1». Папка № 2. «Эхо прошедшей войны».
- ²⁵ Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945 : сб. документов и материалов. Челябинск, 1981. С. 26, 27, 65; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 92. Л. 3; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 36. Л. 10; Сборник указов, постановлений и распоряжений 1941–1945 гг. Челябинск, 1945. С. 386; Челябинская область в Великой Отечественной войне : краткая хроника. Челябинск, 1975. С. 41.
- ²⁶ Вперед. 1942. 15 января, 19 февраля; Женское лицо победы : 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Челябинск, 2001. С. 76; ОГАЧО. Ф. П-179. Оп. 2. Д. 66 а. Л. 43; Ф. П-234. Оп. 19. Д. 60. Л. 43; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 69. Л. 35; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 23. Л. 234; Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 221. Л. 19.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 73.
- ²⁸ Летопись свершений : хроника Челяб. обл. орг. КПСС. Кн. 1. Челябинск, 1987. С. 250.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 221. Л. 19.
- ³⁰ Составлено по: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 224. Л. 99 об.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 88. Л. 72; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 31. Л. 76; Д. 36. Л. 1.
- ³² ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 43. Л. 117, 129.
- ³³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 36. Л. 122; Д. 52. Л. 28; Оп. 8. Д. 88. Л. 72.
- ³⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 224. Л. 101 об.
- ³⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 34. Л. 72; Д. 138. Л. 89; Д. 371. Л. 119–120; Д. 383. Л. 213; Д. 387. Л. 130; Д. 392. Л. 142, 142 об.; Д. 409. Л. 40; Оп. 4. Д. 107. Л. 86; Д. 138. Л. 89; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 59. Л. 10, 11; Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 87. Л. 2; Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 272. Л. 6, 166, 166 об.
- ³⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 260. Л. 21; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 45. Л. 67, 68; Д. 52. Л. 31, 32.
- ³⁷ Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 56–57; Из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1». Папка № 1. Л. 46, 52; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 178. Л. 162; Оп. 9. Д. 292. Л. 30; Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.
- ³⁸ Сборник указов, постановлений и распоряжений 1941–1945 гг. Челябинск, 1945. С. 420; ОГАЧО. Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 16. Л. 4 об., 5; Ф. П-2806. Оп. 1. Д. 2. Л. 11; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 48. Л. 90.
- ³⁹ Айрапетов В. Г. Материально-бытовое положение трудящихся черной металлургии Урала (июнь 1941–1945 гг.) / В. Г. Айрапетов, С. П. Панфилов // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1978. С. 66–67; ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 45. Л. 73; Ф. Р-485. Оп. 8. Д. 391. Л. 1; Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 97. Л. 110.
- ⁴⁰ ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 52. Л. 93; Ф. Р-485. Оп. 8. Д. 551. Л. 23.
- ⁴¹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М., 1943. С. 88, 91.
- ⁴² ОГАЧО. Ф. П-179. Оп. 2. Д. 84. Л. 20; Ф. П-1439. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об., 17.

⁴³ ОГАЧО. Ф. П-684. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

⁴⁴ Вперед. 1942. 1 января; Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1979. С. 551; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти : стат. сб. 1967. С. 36; ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 67, 68; Д. 45. Л. 68–70; Д. 52. Л. 34.

⁴⁵ Вперед. 1941. 1 октября, 22 ноября; Из фонда архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1». Папка № 1. Л. 48; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 142. Л. 173, 173 об.; Оп. 8. Д. 168. Л. 240 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Вперед. 1941. 6 июля; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 175. Л. 23; Оп. 6. Д. 141. Л. 114–116; Оп. 8. Д. 168. Л. 240; Ф. П-492. Оп. 3. Д. 101. Л. 424; Ф. П-1220. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 32. Л. 65; Д. 38. Л. 72; Челябинский рабочий. 1943. 3 ноября.

⁴⁸ Большевик. 1943. № 7–8. С. 24–25; Легкая промышленность. 1942. № 9–10. С. 7.

⁴⁹ ОГАЧО. Ф. П-2018. Оп. 1. Д. 11. Л. 14; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 32. Л. 53; Д. 38. Л. 71. 72.

⁵⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 313. Л. 90.

⁵¹ ОГАЧО. Ф. П-492. Оп. 3. Д. 101. Л. 42; ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Лл. 71. 72.

⁵² ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 255. Л. 36 об.

⁵³ ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 72.

⁵⁴ ОГАЧО. Ф. П-297. Оп. 2. Д. 683. Л. 13. 16; Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 274. Л. 35.

⁵⁵ ОГАЧО. Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

⁵⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 178. Л. 158; Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 13. Л. 11; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 52. Л. 33.

Сулейманова Р. Н.

ТРУД ЖЕНЩИН В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ БАССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала чрезвычайного напряжения усилий партийно-государственных и общественных организаций, полного использования имевшихся материальных и людских ресурсов всех регионов советской страны на защиту ее от врага. В этот сложный период выполнение ответственной задачи по снабжению и вооружению армии легло в основном на тыловые восточные районы. И здесь особо поднялось значение Башкирии, важного региона и в стратегическом, и в экономическом отношении. Имея природные богатства, производственные мощности, материальные и людские ресурсы, она сыграла большую роль в бесперебойном обеспечении фронта всем необходимым. Республика дала свыше 700 тыс. призывников и добровольцев в ряды действующей армии. На ее территории были сформированы около 30 воинских частей и соединений. Из Башкирии на фронт непрерывным потоком поставлялись различного вида оружие, боеприпасы, военное снаряжение, горюче-смазочные материалы для танков и самолетов. Труженики республики снабжали фронт и тыл сельскохозяйственной продукцией, прежде всего хлебом, а промышленность сырьем. Война потребовала экстренной мобилизации всех сил республики на борьбу с врагом, в кратчайшие сроки перестроить общественно-политическую и экономическую жизнь. Общественно-политическая жизнь в республике в годы войны была сложной и противоречивой. В короткий срок произошли кардинальные изменения в стиле и методах работы партийных органов, полном подчинении им всех государственных и общественных организаций, быстрая перестройка всех сфер экономики и общественной жизни на военный лад. Для перестройки партийной работы были определены следующие меры: расстановка коммунистов на решающих участках, укрепление связей с широкими массами населения, своевременное восполнение потерь членов партии и др. В довоенный период Башкирская организация ВКП (б) была одной из крупных в стране. Но затем сократилась в связи с уходом ее членов по всеобщей и партийной мобилизации на фронт. Вопросы пополнения парторганизации решались в основном за счет женщин и молодежи. Партийные органы теперь брали на себя выполнение административных и хозяйственных функций. В центре внимания Башкирского обкома партии и партийных организаций появились вопросы мобилизации людей в армию, налаживания выпуска военной продукции для фронта, размещения и ввода в строй перебазированных из центральных и западных районов страны промышленных предприятий, различных учреждений и ведомств, обустройства эвакуированного населения по республике и т. д.

Перестроилась работа советских, профсоюзных и комсомольских органов. На первый план в их многогранной деятельности теперь выдвигались задачи укрепления обороны страны, мобилизации всех сил и ресурсов республики на борьбу с врагом. В годы войны их права были сужены. В проводимой ими работе в целом решающее слово всегда оставалось за партийными органами. По-новому стала рассматриваться роль и деятельность религиозных и общественных организаций. Война внесла свои изменения в религиозную политику партии и государства. Это объяснялось тем, что религиозные организации и священнослужители заняли в это трудное время патриотическую позицию. В первый же день войны глава Русской Православной церкви митрополит Сергей и муфтий Центрального Духовного управления мусульман Габдрахман Расулев обратились к верующим с оружием в руках встать на защиту Родины и принять посильное участие в сборе средств в фонд обороны. На страницах центральной

печати в марте 1943 г. была опубликована телеграмма муфтия И. В. Сталину о личном внесении 50 тыс. руб. на строительство танковой колонны и обращении к верующим мусульманам жертвовать средства на победу¹, которое широко было поддержано в Башкирии.

В годы войны партийно-государственные органы для проведения политико-массовой работы среди населения возродили те специфические общественные организации, роль которых еще в довоенный период отходит на второй план и принижается в общественно-политической жизни. Кроме религиозных организаций, сюда можно отнести специальные органы по работе среди женщин – женотделы. В годы войны вновь наблюдалась активизация женского фактора в общественной жизни. Женщины проявили себя истинными патриотками и в тылу, и на фронте. Они являлись большой, зачастую решающей силой в мобилизации экономических и людских ресурсов для победы над врагом. В этих чрезвычайных условиях женотделы вновь показали свою действенность и необходимость. Они сумели стать помощниками партийно-государственных органов в решении возложенных на них многих социально-экономических и политических задач. Однако, несмотря на свое появление, хотя и в небольшом числе, они так и не стали той прежней влиятельной общественной силой, каковыми себя показали в 1920–1930-е гг.

«У войны – не женское лицо», говорят. Но когда пришла война, гибнут родные и близкие, умирают от голода и холода дети, дотла сжигаются города и сёла, огнём полыхает родная земля, на её защиту встают и женщины. Война, в первую очередь, тяжким бременем легла на женские плечи. Женщины стали большой, а зачастую и решающей силой в мобилизации основных людских и экономических средств для победы над врагом. Именно они в первые же дни войны, наравне с мужчинами, настойчиво и упорно добивались зачисления в армию и отправки на фронт, чтобы принять участие в борьбе с ненавистным врагом, топтавшим родную землю. Правительство Башкирской АССР в апреле 1942 г. принимает постановление «Об образовании Башкирской Республиканской Комиссии по проведению мобилизации женщин для службы в фронтовых армейских и запасных частях связей и тыловых узлах связи Красной Армии»². В ноябре 1942 г. бюро Башкирского обкома комсомола, обсудив решение ЦК ВЛКСМ «О мобилизации девушек-комсомолок и не комсомолок в женскую добровольческую стрелковую бригаду», принимает решение: «...Мобилизация должна проводиться в добровольном порядке женских-комсомолок и не комсомолок в возрасте от 19 до 25 лет с образованием не ниже 4-х классов, годных к строевой службе, политически проверенных, морально устойчивых...»

При проведении этой важной кампании в постановлении были указаны ряд мер запрещающего характера: «...Запретить мобилизацию женщин, имеющих на своем иждивении детей, нетрудоспособных родителей, женщин национальностей, воюющих с нами стран, уроженок Западной Украины, Западной Белоруссии, женщин бывших на оккупированной немцами территории»³.

20 июня 1944 г. бюро Башкирского обкома ВЛКСМ обсуждает вопрос о мобилизации девушек-комсомолок в центральную женскую снайперскую школу. В принятом постановлении было записано: «1. Обязать Миякинский, Альшеевский, Архангельский, Бирский, Благоварский и Чишминский РК ВЛКСМ мобилизовать 30 девушек комсомолок в центральную женскую снайперскую школу Главвсесообуча НКО СССР ... 2. Мобилизации подлежат девушки-комсомолки, в политическом отношении безусловно проверенные, имеющие не ниже 7-летнего образования в возрасте от 18 до 26 лет, физически здоровые, с хорошим зрением, не обремененные семьей и не бывшие ранее на оккупированной немцами территории»⁴.

Нужно заметить, что подобных решений по мобилизации населения БАССР, пригодного к военной службе, с началом войны принималось немало. В них, как видно, уделялось значительное внимание призыву и женщин, в основном девушек и молодых женщин. В целом, за период, с 22 июня 1941 г. по 3 июня 1944 г., в республике было мобилизовано и призвано в Красную Армию и Военно-Морской Флот всего 559671 человек, в том числе 2971 девушек и молодых женщин⁵. Органами военного управления БАССР и массово-оборонными организациями республики была проведена большая работа по подготовке резервов для фронта из числа военнообязанных, призывников. За годы войны было подготовлено из числа женщин автоматчиков, пулеметчиков и других специалистов 5210 человек. В подразделениях Осоавиахима за этот период по разным военным специальностям было подготовлено 126825 человек, в том числе бойцов-женщин 11326 человек, в системе Общества Красного Креста – 4200 медсестер, 4712 сандружинниц⁶. Но все же решающую роль женщины играли в тылу.

С началом Великой Отечественной войны в Башкирии все усилия были направлены на перевод в кратчайшие сроки всего народного хозяйства на военные рельсы, оказание посильной помощи Красной Армии, стране в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Республика была одним из развитых в экономическом отношении тыловых районов страны. В соответствии в ней со сложившейся структурой промышленности, трудовыми ресурсами и природными богатствами, согласно директивы СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 г. о мобилизации сил и средств страны на отпор врагу, здесь начался перевод заводов и фабрик на выпуск продукции, необходимой фронту. Работу по мобилизации промышленности и всего народного хозяйства взяли на себя партийно-советские органы. С началом войны они сосредоточили внимание на следующих задачах: увеличении добычи и переработке нефти, производстве моторов, боеприпасов, средств связи и обмундирования. Фактически каждое предприятие республики получило задания по производству военной продукции. Суровые условия военного времени диктовали необходимость применения чрезвычайных форм и методов руководства народным хозяйством, и местные органы вынуждены были часто брать на себя хозяйственно – организационные функции. Перевод промышленных предприятий на оборонное производство был связан с огромны-

ми трудовыми и серьезными материальными затратами. В начале войны в народном хозяйстве возникла острая диспропорция между производственными мощностями и рабочей силой. Мобилизация мужчин-рабочих создала на промышленных предприятиях и сельском хозяйстве огромную нехватку рабочих рук. Только промышленности и стройкам республики к апрелю 1942 г. требовалось около 40 тыс. рабочих⁷. Так, за первые три года войны Бюро по учету и распределению рабочей силы при СНК БАССР направило в промышленность, строительство и на транспорт свыше 115 тыс. человек⁸.

Необходимо было также разместить и пустить в эксплуатацию ряд крупных и средних промышленных предприятий, перебазированных сюда из оккупированных врагом западных областей страны. А их насчитывалось свыше 170, которые были размещены в 1941–1942 гг. в основном в индустриальных центрах республики⁹. Обком партии принял соответствующие меры по созданию необходимых условий для налаживания работы прибывших предприятий и учреждений, на которых вскоре стала выпускаться оборонная продукция.

Для приема эвакуированного населения была создана специальная комиссия¹⁰. Подобные комиссии работали в Стерлитамаке и других городах. К концу 1941 г. в республике было размещено 278 тыс. эвакуированных¹¹, в том числе в Уфе – 104 тыс. человек¹². Немало эвакуированных разместилось в районах республики. Надо заметить, что прибывшие в республику люди, в основном из Москвы, Ленинграда, Киева и многих других городов страны, на чью долю выпала нелегкая судьба, нашли приют, теплый прием и участие в их обустройстве на новом месте, в этом немалую роль играли башкирские женщины. В архивах сохранилось немало документов, в которых нашел отражение этот аспект темы. В адрес обкома партии из г. Янаула поступила телеграмма, в которой говорилось: «мы, москвичи, приехали в г. Янаул в Чераульский с/с, встретили нас хорошо. Колхозники были рады нашему приезду, угощали, продуктами нас обеспечили целиком и полностью, а мы, новые колхозники, будем работать честно и неуклонно, мы приехали заменить наших мужей, братьев». В другой телеграмме в адрес Сталинского райкома ВКП (б) и райисполкома говорилось следующее: «Мы, матери эвакуированные со своими детьми из района военных действий, а точнее из Москвы. Остановились мы в Башкирии в Янаульском районе, колхозе «Юлбаш». Встретили нас хорошо, вместе с председателем колхоза организовали общественное питание для матерей и ясли для детей. Женщины ходят работать на поле. Нам выделили для работы колхозный огород, мы занимаемся полкой, как говорит правление, мы уже перевыполняем ежедневную норму выработки. Всеми силами постараемся помочь колхозу лучше и скорее снять сегодняшний, небывало большой урожай, этим самым помочь делу обороны страны»¹³.

Но отмечались в эти годы и проявления межнациональной неприязни к эвакуированным. В докладной записке в обком партии 29 июня 1942 г. приводилась информация о подобных проявлениях: в марийской деревне Щелкановка затравили эвакуированного русского мальчика; в Буздякском районе местная жительница татарка Тагирова в жару в поле не дала русской работнице воды и той стало плохо, а когда бригадир зачерпнул кружкой воду, она ударила его по руке и сказала: «Я скорее умру, чем дам русской напиться»¹⁴. В Улу-Телякском районе было отмечено «пренебрежительное барское отношение» руководителей района, в частности предрайсовета Ибрагимова, предрайпотребсоюза Проценко к семьям эвакуированных из г. Ленинграда, дошло до того, что они во всеуслышание заявляют: «Кой черт вас сюда пригнал». Потому это сказывается на настроении и отношении местного населения к эвакуированным. В колхозе «Доброе начало», где на полевых работах была занята бригада жен начсостава, причем она работала хорошо, им, в отличие от колхозников, не было организовано общественное питание. Они обязаны довольствоваться огурцами, покупая их по 5 рублей за килограмм, тогда как колхозники получают их по 30–40 коп. за 1 кг¹⁵. Подобные случаи были зафиксированы в Илишевском, Уфимском, Кировском (г. Уфа) районах.

Кроме того, имело место среди эвакуированного населения и отказ или нежелание работать, что вызывало недовольство у населения. В докладной записке Кутарчинского райкома партии обкому ВКП (б) в сентябре 1942 г. отмечались случаи отказа по трудоустройству среди такой категории эвакуированного населения, как семьи начсостава. В ней говорилось, что «из числа семей начсостава устроены на работы в предприятиях, учреждениях и т. д. 6 человек, работают в колхозах 15 человек и не работают пока что 10 человек, несмотря на то, что им было несколько раз предупреждено, чтобы они работали, тем не менее до сего времени эти семьи не работают, работа с ними по устройству на работу продолжается и в ближайшее время их устроят на работу»¹⁶.

Да, победа ковалась, прежде всего, в тылу руками женщин, стариков и подростков. Но основная тяжесть этого нелегкого труда легла на женские плечи. Они заменили ушедших на фронт отцов, братьев и мужей, овладев «мужскими» профессиями, встали на их рабочие места. Решая проблему рабочей силы, ЦК ВКП (б) предложил партийным организациям разъяснять женщинам, что их священным долгом является самоотверженный труд в помощь фронту. Партия призывала: «Ни одной женщины ни в городе, ни в деревне не должно быть вне общественно полезного труда!». В ответ на партийный призыв развернулось массовое движение за овладение мужскими профессиями. В Башкирии инициатором его выступила группа работниц г. Ишимбая. Участницы общегородского собрания женщин заявили: «Мы заменим наших мужей, братьев и сыновей, ушедших на фронт, овладеем их профессиями и своим самоотверженным трудом обеспечим бесперебойную работу наших предприятий»¹⁷. Женщины овладевали сложными профессиями нефтяников, металлургов, токарей, сварщиков и др. На промышленных предприятиях республики в годы войны женщины-работницы в общей численности всех занятых составляли 40 %. Так, только за первый год войны на Белорецкий металлургический завод принято

было 3 тысячи женщин, что составило 60 % работавших на заводе. На золотоизвлекательной фабрике в Миндяке доля женщин среди работников составляла до 80 %. На руднике Бурибай многие женщины заменили на работе мужчин, ушедших защищать родину от врага, они освоили различные специальности. Домохозяйка Горячкина до войны не работала. С началом войны она одна из первых в поселке изъявила желание овладеть специальностью и работать. Она настойчиво изучала сложное дело управления дизелем и успешно работает дизелистом¹⁸.

В июле-сентябре 1941 г. только в одном из строительных трестов республики 350 женщин пришли на производство и заменили мужчин. В конторе бурения треста «Ишимбайнефть» за короткий срок 110 женщин овладели мужскими профессиями. До конца 1941 г. на предприятия черной металлургии пришло свыше 2 тыс. человек, преимущественно женщин. На завод нефтяного оборудования в г. Стерлитамаке поступили ученицами более 500 девушек¹⁹.

Женский труд использовался в легкой промышленности, традиционной целиком феминизированной отрасли экономики. На швейных фабриках Уфы, Ишимбая, Черниковска женщины шили военное обмундирование, маскировочные халаты, противогазные сумки и др. Ново-Троицкая суконная фабрика выпускала шинельное сукно и технические ткани, предприятия местной промышленности поставляли армии и фронту вещевое, военно-инженерное и медико-санитарное имущество, одежду и обувь. Проявили себя работницы Уфимской швейной фабрики им. 8 Марта М. Габитова, З. Насырова, Я. Валидова; Бирской швейной фабрики – М. Искужина; Стерлитамакского кожаного завода – Бикмухаметова, Тухватуллина и др.²⁰ На Уфимском кабельном заводе, текстильной фабрике и других предприятиях республики они возглавляли комсомольско-молодежные бригады, боролись за экономию времени, сырья, материалов, усовершенствовали технику, улучшали приемы и методы труда²¹.

Восстановление перебазируемых заводов и фабрик, строительство новых предприятий вскоре показало, что одним вовлечением в производство на добровольных началах женщин-домохозяек, пенсионеров и подростков проблему рабочей силы не решить. Возникла необходимость мобилизовать для работы на оборонных предприятиях и стройках другие слои населения. Как и раньше, индустрия черпала трудовые ресурсы в деревне. Однако военная мобилизация населения значительно сократила этот источник. Встала необходимость привлечения в более широких масштабах ресурсы в городе. 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»²². Большинство мобилизуемых рабочих направлялось на заготовку торфа для электростанций, лесозаготовки, строительство. Из Башкирии на заготовку торфа и строительные работы в 1943–1944 гг. в Свердловскую, Ленинградскую, Кировскую, Горьковскую, московскую, Челябинскую, Омскую области, Удмуртскую АССР было отправлено 31,5 тыс. человек²³.

В годы войны основным источником пополнения рабочего класса стало сельское, а также городское трудоспособное население, которое вовлекалось в производство в порядке мобилизаций. Большинство из них составляли женщины и молодежь. С 1940 по 1944 гг. в республике число женщин, занятых в промышленности, возросло с 37,9 тыс. до 59 тыс. человек, а удельный вес с 40 до 53,1 %²⁴.

На промышленных предприятиях и стройках создавались комсомольско-молодежные бригады, многими из которых руководили женщины. За доблестный труд многим из них присваивались почетные звания фронтовых. В годы войны особо отличились бригады: А. Лавровой с моторного завода г. Уфы, А. Хасановой со Стерлитамакского станкостроительного завода, О. Злотниковой с Уфимского паровозоремонтного завода, Ф. Хакимовой с Белорецкого сталепроволочного завода, М. Шайхетдиновой с Инзерского леспрохоза и др.

С началом войны в трудном положении оказалось сельское хозяйство. Оно лишилось значительной части людских ресурсов и техники. Резко ухудшилась техническая база колхозов. Республика дала фронту и много лошадей, основной рабочей, тягловой силы в этом секторе экономики. Для нужд армии были изъяты почти все автомобили и тракторы, всего с 1941 г. по 1 июня 1944 г. республика направила 72462 лошади, 181 легковой автомобиль, 4878 грузовых машин, 734 трактора и много другой техники. Значительно уменьшился объем тракторных работ, по сравнению с довоенным периодом²⁵, что привело к сокращению посевных площадей на 38 %²⁶. Уборочная кампания 1941 г. резко обнажила острую нехватку рабочих рук, ведь подавляющая часть трудоспособного мужского населения, свыше трети, была мобилизована. Уже к началу 1942 г. вследствие мобилизаций в армию, на работу в промышленность и строительство численность трудоспособного населения в сельском хозяйстве республики сократилось на 36 %, по сравнению с 1940 г.²⁷ К началу 1945 г. в республике численность наличного трудоспособного населения в колхозах сократилась на 33,1 %. С 1940 г. к 1944 г. доля трудоспособных мужчин в колхозах сократилась на 27 %²⁸.

Ввиду потери ряда важных сельскохозяйственных районов на западе страны значение Башкирской республики в обеспечении фронта и промышленных центров страны продуктами питания, сырьем серьезно повысилось. Чтобы справиться с возросшими в эти годы задачами, необходимо было добиться полного использования оставшихся трудовых и материальных ресурсов. Основная тяжесть в сельском хозяйстве легла на плечи женщин, престарелых людей и подростков. В годы войны основным принципом производственных отношений, и не только, общественных также, становится принуждение. Колхозная система в эти годы практически превратилась в зону подневольного труда. В апреле 1942 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О повышении обязательного минимума трудовой для колхозников»²⁹. В республике каждый взрослый колхозник должен был выработать не ме-

нее 120 трудодней, подросток – 50 в год³⁰. Колхозники без уважительных причин не выполнившие обязательного минимума, привлекались к судебной ответственности и приговаривались к исправительно-трудовым работам в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием 25 % заработка в пользу колхоза, т. е. они работали бесплатно. Но и здесь происходили массовые нарушения. В отчете Башкирского обкома партии в ЦК ВКП (б) (август 1942 г.) приводились факты нарушения данного постановления в колхозах Чекамагушевского, Альшеевского, Иглинского и других районов республики. Однако был приведен материал по нарушениям. Так, председатель колхоза «Красный пахарь» Иглинского района тов. Иванов передал в суд материалы на 16 человек: среди них Рекис Евдокия, имеющая 113 трудодней, Савинова Л. Имевшая 25,6 трудодней, которая еще работала полтора месяца конюхом, а ее трудодни записывали ее матери, Заболоцкая В., ей 55 лет, имевшая 12 трудодней, а такого злостного прогульщика Суслова Николая, 1924 г. рождения, имевшего только 10 трудодней, к ответственности не привлекали. Немало подобных случаев без основания осужденных можно найти в архивных документах.

Несмотря на трудности, все же за первый год войны в колхозах республики у женщин доля в общем количестве выработанных трудодней выросла с 28 % до 42 %, подростков – с 8 % до 20 %³¹. В 1942 г. каждая колхозница в среднем вырабатывала 219 трудодней, тогда как в 1940 г. – 162³².

Все газеты республики в первые годы войны пестрели лозунгом «Женщины и девушки! Овладевайте мужскими профессиями, заменяйте мужчин, ушедших на фронт!». Для быстрой подготовки из их числа кадров были организованы краткосрочные курсы. В июле 1941 г. в газете «Красная Башкирия» было опубликовано обращение девушек-колхозниц Уфимского района ко всем девушкам республики с призывом овладеть специальностью трактористов и комбайнеров³³. Женщины заменили мужчин на сенокосе, пахоте, севе, конном дворе и других сельскохозяйственных работах. Они взяли в руки руль трактора, комбайна, автомашины. За их счет шла подготовка механизаторских кадров. До войны женщин-трактористок было среди общего числа трактористов в республике 7 %, а в конце войны – уже 60 %, соответственно комбайнеров: 12 % и 48 %. Лишь в течение июля – августа 1941 г. курсы трактористов и комбайнеров при МТС окончили 13 тыс. девушек и молодых женщин³⁴. В феврале 1942 г. 15 женщин закончили учебу на курсах агротехников, организованных Нуримановским райземотделом³⁵. Из числа женщин было подготовлено 26 тыс. трактористов, 9,6 тыс. комбайнеров, 600 механиков и бригадиров тракторных бригад³⁶.

В марте 1942 г. женщины села Акъяр обратились ко всем женщинам Хайбуллинского района с призывом: «Мы, женщины села Акъяр, призываем всех женщин района заменять мужчин, ушедших на фронт, шире овладевайте мужскими профессиями, до конца завершите перестройку всей работы на военный лад. Будем работать, не покладая рук. Всеми силами поможем героической Красной Армии быстрее разгромить немецко-фашистских захватчиков!»³⁷

Осложнилось положение и в общей системе управления сельскохозяйственным производством, в частности в звене руководящих колхозных кадров и специалистов. А в тех экстремальных условиях сельскому хозяйству автономной республики в экономике страны придавалось исключительное значение. И вот в связи с чем. «Хлебные житницы» страны – Украина, Кубань, Северный Кавказ, были оккупированы врагом и Башкирия в числе ряда немногих регионов должна была поставлять сельскохозяйственных продуктов и сырья фронту и тылу значительно больше, чем она давала раньше. И вся тяжесть выполнения этой задачи легла на плечи женщин, стариков и подростков. Женщины заменили в сельском хозяйстве ушедших на фронт отцов, братьев и мужей, осваивали «мужские» профессии: плотников, монтеров, каменщиков, комбайнеров, трактористов, шоферов. Их выдвигали на ответственные посты, они возглавили в районах партийные и советские органы, политотделы МТС. Резко возросла их численность среди «командиров» производства. С 1940 по 1944 гг. доля женщин среди председателей колхозов увеличилась с 1 до 15,9 %, бригадиров – с 4,8 до 36 %, зав. животноводческими фермами – с 9,5 до 59,1 %, бухгалтеров и счетоводов – с 6,6 до 46,5 %³⁸. Хорошими организаторами производства в годы войны показали себя председатели колхозов в Янаульском районе Галима Музипова, Дюртюлинском – Зайнаб Шакирова, Бурзянском – Салима Манапова. В трудные годы войны, взяв на свои плечи всю тяжесть забот и обязанностей, на руководящих постах в сельском хозяйстве работало немало башкирских женщин Бурзянского района: М. Марясева, председатель колхоза «Кызыл юл» и одновременно возглавляла Атыкский сельсовет, З. Янбердина, председатель колхоза «Кызыл яу», Б. Карабаева, председатель колхоза «Яны тормош», З. Хадыева, председатель колхоза «Урняк», А. Иткарина, председатель колхоза имени К. Ворошилова, С. Манапова, председатель колхоза имени Молотова³⁹, которые проявили себя способными организаторами производства.

Женщины организовали женские тракторные бригады и, не жалея сил и здоровья, достигали рекордных показателей. В сентябре 1943 г. на страницах республиканской газеты «Кызыл Башкортостан» была опубликована статья об успехах молодой трактористки Шамигуловой. В ней говорилось: «В Абзелиловской МТС с начала сева она перевыполняет систематически норму, сэкономила свыше 1000 кг топлива, бережет свой трактор, регулярно чистит, смазывает»⁴⁰. Подобные статьи были постоянными в периодической печати республики, выполняя своеобразный «политический заказ».

Женщины принимали активное участие, где занимали призовые места, во Всесоюзном соревновании женских тракторных бригад. Весной 1942 г. в нем по республике участвовало 104 бригады, где трудилось 2560 женщин. Через год уже соревновалось 130 бригад с 3,6 тыс. трактористок. На всю республику и страну стали известны тракторные бригады Ф. Кагармановой из Дюртюлинской МТС, Т. Хакимовой из Туймазинской МТС, Ф. Фазлетдиновой из Баишевской МТС⁴¹.

Женщины республики в трудные годы войны выступали инициаторами трудовых починов. Так, колхозница Н. Саламатина из Альшеевского района выступила с инициативой создать в колхозах молодежные звенья высокого урожая. В соответствии с этим обком партии принял постановление «Об инициативе комсомольских организаций по созданию комсомольско-молодежных звеньев высокого урожая в колхозах Башкирской АССР»⁴². Оно было поддержано. В 1943 г. на полях Башкирии работало свыше 10 тыс. молодежных звеньев. А звено Саламатиной заняло во Всесоюзном и республиканском соревнованиях молодежных звеньев первое место.

На всю страну получила известность имя героини страды из Куюргазинского района сноповязальщицы Анны Николаевны Чуевой. Она ежедневно связывала по 2,5–3 тыс. снопов при норме 400. Её рекорд – 5 тыс. 200 снопов, который она посвятила Победе. «Это мой счёт мести немецко-фашистским захватчикам за погибших в боях за Родину мужа и сына», – сказала она⁴³.

Труженицы села в годы войны были инициаторами многих важнейших мероприятий, направленных на укрепление оборонной мощи страны: сверхплановая сдача продуктов государству, сверхплановые посевы, откорм скота для сверхплановой сдачи, создание фонда обороны – взносы на строительство танковых колонн, эскадрилий самолетов, сбор теплых вещей для фронтовиков и др. Бескорыстным, самоотверженным их трудом пополнялись также фонды помощи фронту, обороне, семьям фронтовиков, детям, колхозам и колхозникам, пострадавшим от фашистской оккупации, эвакуированному населению и др. Их стараниями собирались «подарочные» вагоны для бойцов из Башкирии, находившихся на фронте. Так, на собрании колхоза имени Калинина в Абзелиловском районе при обсуждении вопроса о пополнении фонда обороны жена призванного на фронт парторга Абдрахманова сказала: «Муж мой сражается с германцами, на мою долю досталось честно трудиться в колхозе, воспитывать детей, я должна помочь мужу, чтобы он скорее разгромил немцев и вернулся домой, запишите от меня в фонд обороны одну телку и 15 трудодней»⁴⁴.

К началу 1943 г. структура промышленности республики была широко разветвленной и представлена всеми отраслями. Промышленность республики не только постоянно увеличивала выпуск вооружения, боеприпасов, обмундирования, продуктов питания, но и наращивала свои производственные мощности. Все это, безусловно, достигалось благодаря самоотверженному труду рабочих. Ввиду особой значимости обстановки был увеличен рабочий день, отменены очередные отпуска рабочих и служащих. Работавшие на оборонных предприятиях считались мобилизованными до конца войны. Проводилась мобилизация городского и сельского населения для работы в промышленности. За первые три года войны в Башкирии в промышленность, строительство и транспорт было направлено 115 тыс. человек⁴⁵.

С первых же месяцев войны вся республика работала в тылу под девизом: «Все для фронта, все для победы!». Во всех отраслях промышленности развернулось массовое движение за быстрее освоение военной техники и продукции. Уфимский моторостроительный завод выступил одним из первых инициаторов Всесоюзного социалистического соревнования. Движение двухсотников, возникшее по инициативе комсомольцев городов Горького и Свердловска, было широко подхвачено труженниками всех отраслей промышленности. По примеру комсомольцев Москвы создавались комсомольско-молодежные фронтовые бригады. В августе 1944 г. в республике работали 2421 молодежная бригада, 816 фронтовых бригад, 4242 двухсотника, которые добивались высоких производственных показателей, выполняя сменные задания в первых днях войны на 200–300 %⁴⁶.

На завершающих этапах войны трудовое состязание развернулось еще более, зародившееся еще на начальном этапе движение за совмещение профессий, соревнование двухсотников, трехсотников, многостаночников приобрели более массовый характер. На предприятиях к лету 1943 г. работали 424 комсомольско-молодежные бригады, из них 229 бригадам за успехи в труде было присвоено звание фронтовых⁴⁷. В связи с 25-летием ВЛКСМ среди комсомольцев и молодежи развернулось движение за выпуск сверхплановой продукции⁴⁸. В дни юбилея комсомольско-молодежными бригадами сверх плана было выпущено продукции для оснащения 12 воинских частей и одного соединения⁴⁹. Они поддерживали почин московских комсомольцев: с меньшим числом рабочих давать больше продукции, к февралю 1944 г. было высвобождено 700 человек для перевода на другие работы⁵⁰. А это было важной, скорее, политической задачей. В 1942–1945 гг. свыше 100 тыс. мобилизованных в республике, в основном в сельской местности, направлялись в другие регионы страны на различные виды работ. Они трудились на строительстве Средне-Уральского ГРЭС, Челябинской ТЭЦ, добывали уголь и руду на шахтах Свердловской, Пермской и Челябинской областей, варили сталь на Верхне-Исетском и Ново-Тагильском металлургических заводах, трудились на торфоразработках, обеспечивая топливом оборонные заводы Ленинграда, Урала, электростанции Москвы, Свердловска, Горького. Мобилизованные из Башкирии работали в 1944 г. на Уральском заводе тяжелого машиностроения. Тысячи мобилизованных из республики были заняты на торфоразработках в Московской, Свердловской и Ленинградской областях. В 1942 г. посланцы Башкирии составляли 6,8 %, в 1943 г. – 12,1, в 1944 г. – 8,8, в 1945 г. – 7,8 % к общему числу мобилизованных на торфопредприятия страны. Они самоотверженно трудились, выполняли производственные задания. В Подмоскovie на добыче торфа ударно трудились башкирки-комсомолки. В 1943 г. бригада Н. З. Зайнуллиной заняла 3-е место в соревновании комсомольско-молодежных бригад Московской области и была награждена Почетной грамотой Павлово-Посадского райкома ВЛКСМ⁵¹. 29 июня 1943 г. в Башобком ВКП (б) было направлено из Ленинградского обкома партии письмо от девушек-башкирок, работавших на торфопредприятии Ириновское под Ленинградом.

Его подписали около 70 человек. В нем они обращались к жителям Башкирии с призывом приложить все усилия, чтобы ускорить разгром ненавистного врага и освободить родину. Девушки дают клятву «любимой отчизне, не покладая рук – пока бьется сердце в груди, движутся руки и кровь ходит по жилам, работать и помочь нашей любимой Красной Армии беспощадно уничтожать кровавые орды немецко-фашистских захватчиков – вероломных и жестоких врагов нашего народа и стойко на трудовом фронте доказать нашу самоотверженную преданность родине»⁵².

Не смотря на трудности, резкое уменьшение натуральных и денежных доходов, благодаря самоотверженному труду населения в тылу колхозы и совхозы республики сумели своевременно поставлять значительный объем необходимого продовольствия для армии и населения, сырья – для промышленности. В колхозах и совхозах шло соревнование за повышение урожайности и продуктивности животноводства, создавались комсомольско-молодежные бригады и звенья⁵³. Образцы высокопроизводительного труда показывали механизаторы. Многие трактористы республики участвовали во Всесоюзном соревновании женских тракторных бригад. По итогам соревнования за 1942 г. вышли в победители трактористки У. Яруллина, З. Гайнуллина, М. Аслиева из Малоязовской МТС⁵⁴. В 1943 г. во Всесоюзном соревновании участвовало 5 тыс. трактористок республики. Самоотверженно трудились и животноводы. Высоких надоев молока добывались доярки Х. Хайбуллина из Зилаирского совхоза, С. Алтынбаева из колхоза «Партизан» Бурзянского района, М. Рахимкулова из колхоза «Янги-юл» Макаровского района и др.⁵⁵ Несмотря на все выпавшие трудности, кроме хлеба, башкирская деревня поставила государству сотни тысяч тонн картофеля, овощей, мяса, молока, заготовила масла, сала, меда, яиц и другой сельскохозяйственной продукции.

Вклад в победу над врагом башкирских тружеников тыла проявился не только в самоотверженном труде на заводах и фабриках, полях и фермах. В годы войны возникли различные патриотические инициативы и движения по оказанию посильной помощи фронту и армии, в котором женщины принимали самое активное и деятельное участие. Население республики не осталось в стороне от участия в восстановлении освобожденных от немецко-фашистских захватчиков районов страны. В марте 1943 г. была опубликована инициатива женщин города Бирска, которые начали сбор предметов домашнего обихода и одежды для жителей освобожденных районов⁵⁶.

Героический, самоотверженный труд населения БАССР в тылу, прежде всего женщин, – это посильный вклад в победу над врагом. В этом весе самоотверженный труд, патриотизм, бескорыстие и самопожертвование башкирских женщин. Испытывая недостаток в продуктах питания и товарах первой необходимости, отказывая себе во всем, в тылу, несмотря на выпавшие трудности и невзгоды, сложности и ошибки в использовании женского труда в экономике республики в чрезвычайных условиях военного времени, они приближали долгожданный день Победы.

Примечания

¹ Известия. 1943. 3 марта.

² ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 15. Л. 170.

³ Там же. Ф. 341. Оп. 7. Д. 72. Л. 201–202.

⁴ Там же. Д. 182. Л. 206.

⁵ Башкирия в годы Великой Отечественной войны : сб. документов и материалов. Уфа, 1995. С. 417.

⁶ Документы мужества и героизма. Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Уфа, 1980. С. 229, 230.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р-804. Оп. 6. Д. 837. Л. 77.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2 (Советский период). Уфа, 1966. С. 406.

⁹ История Башкортостана. 1917–1990-е годы : в 2 т. Т. 1. 1917–1945. Уфа, 2004. С. 314.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 184. Л. 14.

¹¹ ЦГИА РБ. Ф. 1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

¹² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 405.

¹³ ЦГИА РБ. Ф. Р-798. Оп. 8. Д. 1037. Л. 5, 6.

¹⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 184–185.

¹⁵ Там же. Оп. 22. Д. 17. Л. 208 об.

¹⁶ Там же. Л. 136.

¹⁷ Красная Башкирия. 1941. 29 июля.

¹⁸ За темпы и качество. 1941. 7 ноября.

¹⁹ Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1984. С. 69.

²⁰ Вопросы истории Башкирии. Вып. 2. С. 85.

²¹ Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 175.

²² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 722.

²³ ЦГИА РБ. Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 4496. Л. 1–62.

²⁴ Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1. Уфа, 1971. С. 237, 243.

²⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 101. Л. 1–5.

²⁶ Народное хозяйство Башкирской АССР: стат. сб. Уфа, 1967. С. 59.

²⁷ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 6. Л. 9.

²⁸ Исторический архив. 1962. № 6. С. 29, 36.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 33. Л. 87–89.

- ³⁰ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 412.
³¹ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 501. Л. 43.
³² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 409.
³³ Красная Башкирия. 1941. 3 июля.
³⁴ Там же. 7 сентября.
³⁵ Луч большевизма. 1942. 28 февраля.
³⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 410; ЦГИА РБ. Ф. 933. Оп. 6. Д. 119. Л. 34.
³⁷ За темпы и качество. 1942. 11 марта.
³⁸ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 402.
³⁹ Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Уфа, 2006. С. 163.
⁴⁰ Кызыл Башкортостан. 1943. 8 сентября.
⁴¹ Красная Башкирия. 1942. 24 июня.
⁴² ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 168. Л. 43–44.
⁴³ Красная Башкирия. 1944. 13 августа.
⁴⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 15. Л. 87.
⁴⁵ Народное хозяйство Башкирской АССР. С. 30.
⁴⁶ История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 396.
⁴⁷ Комсомол Башкирии. Уфа, 1959. С. 213.
⁴⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 413.
⁴⁹ Красная Башкирия. 1943. 26, 29 октября.
⁵⁰ Там же. 1944. 20 февраля.
⁵¹ К проблеме нации и национальных отношений. Уфа, 1981. С. 107, 108.
⁵² ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 650а. Л. 47.
⁵³ Там же. Д. 568. Л. 129.
⁵⁴ Красная Башкирия. 1943. 16 апреля.
⁵⁵ Вопросы истории Башкирии. Вып. 2. Уфа, 1972. С. 87.
⁵⁶ Красная Башкирия. 1943. 7 марта.

Суржикова Н. В.

ХОЗЯЙСТВО ПОД ПРИНУЖДЕНИЕМ: ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ НА УРАЛЕ В 1914–1917 ГГ.

Одной из специфических черт мобилизационной модели экономического развития является использование принудительного труда, наиболее активно практиковавшегося в России в первой половине XX столетия. Первый опыт создания в структурах российской экономики внушительного по своим размерам сектора принудительного труда был связан с событиями Первой мировой войны, одним из последствий которой стало пребывание в пределах империи сотен тысяч неприятельских военнопленных. Сведения о их количестве, содержащиеся в специальной литературе и источниках, противоречивы и колеблются в пределах 1,8–2,3 млн чел. Для содержания пленных на территории России было развернуто более 400 лагерей, в том числе 113 лагерей, подведомственных Казанскому военному округу¹, в состав которого входили территории Урала и Поволжья.

С сосредоточением на Урале сколько-нибудь значительных групп вражеских военнопленных общественность начала активно обсуждать вопрос о перспективах вовлечения пленных в экономическую жизнь региона. 26 августа 1914 г. «Уральская жизнь» с воодушевлением «приветствовала» распоряжение вятского губернатора об обращении пленных на общественные работы в пользу земств и городов². 2 сентября газета сообщала о совещании в Лесном департаменте Управления земледелия и государственных имуществ по вопросу о применении труда пленных иностранцев. Одновременно в издании помещалось известие об обращении министра внутренних дел к начальнику Пермской губернии с предложением разместить на территории последней австрийских и германских военнопленных с тем, «чтобы они были заняты работами для городских и земских самоуправлений»³.

В тот же день, 2 сентября 1914 г., проблема принудительного труда пленных обсуждалась на собрании городской Думы Екатеринбурга. Оживленная дискуссия закончилась принятием решения о «приглашении» 200 военнопленных для уборки городских площадей и ассенизационных работ, рубки леса в городской даче для нужд бедного населения, разработки карьеров песка, камня и пешки для мощения улиц⁴. Вместе с тем члены Думы выражали серьезные сомнения на предмет производительности труда военнопленных, которые могли оказаться неспособными к производству тех или иных работ из-за отсутствия нужных технико-технологических навыков. Администрацию казенных и частновладельческих предприятий эта проблема волновала не меньше, равно как и вопрос о том, на чьи плечи ляжет забота о приеме, размещении и содержании пленных⁵. Имея самое туманное представление об условиях отпуска пленных иностранцев на работы, местные хозяйственники, тем не менее, тут же заявили о своей заинтересованности в новых рабочих руках. Златоустовский горный округ уже в августе-октябре 1914 г. предъявил требование на получение 900 чел. военнопленных, Богословский – на 2620

чел., Гороблагодатский – на 2000 чел., Камское Акционерное общество – на 1500 чел., Верх-Исетские заводы – на 500 чел., Нижне-Тагильские – на 275 чел. По данным окружных инженеров, предприятия Чердынского горного округа были готовы принять 1040 чел., Западно-Екатеринбургского – 2550 чел., Южно-Екатеринбургского – 834 чел., Миасского – 200 чел. и т. д., и т. п.⁶

Вовлечение военнопленных в экономические процессы требовало решения целого ряда проблем. Преодоление новых, незнакомых ранее городским самоуправлениям, казенным заводам и частным предпринимателям трудностей осложнялось тем, что и местное, и общероссийское законодательство явно запаздывало с определением норм и механизмов организации трудоустройства вражеских солдат. Тезис о «желательности принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы...», продекларированный Рескриптом от 2 сентября 1914 г., на фоне вызванного войной оскудения трудовых ресурсов получил широкую поддержку в российском обществе. Однако канализировать эту поддержку в практическое русло стало возможно только после 7 октября 1914 г., когда царское правительство утвердило «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств». Тремя днями позже были введены в действие «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами»⁷. 28 февраля и 17 марта 1915 г., законную силу обрели документы, регламентирующие использование труда пленных на сельскохозяйственных работах и в частнопромышленном секторе⁸.

Сходные по своему содержанию, названные законодательные акты значительно отличались лишь в части оплаты труда бывших вражеских военнослужащих. В правилах от 7 и 10 октября 1914 г. ни о каком материальном вознаграждении пленных за работу не говорилось⁹. Что касается пленных, занятых в частных промышленных предприятиях, – а для Урала это было особенно актуально, – то на них распространялась следующая норма закона: «Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно для работ за плату, размеры коей устанавливаются предприятиями соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ. Не менее 1/3 из заработной платы пленных отчисляется в особый фонд, на особо открываемые счета подлежащих Министерств, в их депозиты по казначействам, причем суммам этого фонда предприятиями ведутся личные счета для каждого военнопленного. Из остающейся затем части заработной платы пленных покрываются все расходы предприятия, возлагаемые на него настоящими правилами. Из этой же последней части заработной платы предприятия предоставляется выдавать военнопленным, обнаружившим усердие в работе, на улучшение довольствия, денежный отпуск, – не свыше, однако, 20 копеек за каждый рабочий день на человека. Отпуск этот, по внесении его в расчетную книжку каждого рабочего военнопленного, может быть выдаваем пленным на руки»¹⁰. Аналогичным образом решался вопрос об оплате труда пленных, занятых на сельхозработах.

Возможности, предоставленные органам местного самоуправления, казенным предприятиям и частным предпринимателям пакетом решений правительства, оказались востребованными, и вскоре пленные пополнили трудовой фонд регионального хозяйственного комплекса. К июню 1915 г. военнопленные были выделены едва ли не всем горнозаводским предприятиям региона. В пределах Пермской губернии только на крупных лесных работах, преимущественно по хозяйственной заготовке леса, использовалось до 4,5 тыс. пленных¹¹. Огромную заинтересованность в пленных демонстрировали муниципальные власти. Так, в Екатеринбурге военнопленные занимались кладкой печей, уборкой и благоустройством городских территорий, добычей камня в городском карьере¹². Посевная, сенокос, а затем и уборка урожая сезона 1915 г. также не обошлись без военнопленных, у которых некоторые хозяева даже позаимствовали незнакомые на Урале агрономические приемы, в частности, косьбу хлебов¹³.

К концу 1915 г. только в горнопромышленном секторе экономики Урала работало около 25 тыс. военнопленных¹⁴. Появились опасения, что вовлечение иностранцев в производственные процессы «уронит требование на местных рабочих и создаст безработицу среди местного рабочего населения и конкуренцию в смысле предложения труда, что поставит рабочие классы в затруднительное положение, особенно при повышенных ценах на продукты»¹⁵. Однако такую позицию большинство работодателей не разделяло, поскольку видело в переходе от эпизодического к массовому использованию труда пленных решение кадровой проблемы, которая продолжала обостряться. В таком положении направление тысяч военнопленных на производство было вполне закономерным, превратившись в одно из важнейших условий для беспрепятственного хода работ на предприятиях региона. Значительная их часть без труда пленных осталась бы «совершенно неисполненной». Об этом, к примеру, свидетельствует обращение к местным военным властям со стороны администрации прядильно-ткацкой мануфактуры «Товарищества братьев Макаровых» (г. Екатеринбург) от 1 июня 1915 г. Рабочие здесь требовались для обеспечения «срочной сдачи мешка уполномоченным для нужд армии». В тот же день об отпуске 270 пленных хлопотало управление Николае-Павдинского горного округа. Предприятие нуждалось в присылке как минимум 250 пленных на рубку дров для отопления драги, и напрямую указывало, что в противном случае приисковые работы придется заморозить ввиду «нехватки рабочих рук, отвлеченных с промыслов мобилизацией»¹⁶.

Правда, опыт использования дешевого труда военнопленных сразу несколько разочаровал уральских хозяйственников. Практика показала, что производительность работ военнопленных, к примеру, «по уборке урожая вдвое и более меньше нормальной для данной местности»¹⁷. «На лесных работах десяток пленных сделает лишь столько, сколько 2–3 русских рабочих. Поэтому нецелесообразно в благополучном исходе лесных заготовок полагаться исключительно на работу военнопленных», – конста-

тировало руководство Николае-Павдинского горного округа в ноябре 1915 г.¹⁸ Тем не менее, несмотря на то, что трудоиспользование неприятельских солдат грозило ухудшением качественного и постоянным ростом количественного состава рабочих, отказываться от «услуг» военнопленных никто не торопился, ведь их наличие позволяло высвободить какую-то долю русских рабочих, которых можно было обучить и приспособить для более квалифицированных и значимых производств.

Так или иначе, но уже к середине 1915 г. допуск пленных на различные работы вошел в систему, став обыденной реальностью хозяйственной жизни Уральского региона. Однако говорить о складывании к середине 1915 г. отлаженной системы распределения и трудоиспользования военнопленных не приходится. Крайне запутанным, а потому неэффективным оставался механизм отпуска военнопленных на работы. В докладе Совета XXI очередному Съезду горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 г., в частности, отмечалось, что в § 3 «Правил об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915 г. установлена «крайне сложная процедура сношений о приглашении на работы военнопленных через окружных инженеров, губернаторов и Главное Управление Генерального Штаба. Между тем привлечение пленных к работам горных и горнозаводских предприятий могло бы представлять существенный интерес только в том случае, если бы предварительная переписка не требовала слишком продолжительного времени...»¹⁹ Централизованный порядок сбора заявок на военнопленных не устраивал и сельхозпроизводителей, готовых прибегать к их «услугам» и дальше при условии, «чтобы не возбуждать осылке военнопленных специальных ходатайств, а воспользоваться их трудом, когда военнопленные будут присланы в те или иные районы в распоряжение местных властей».²⁰

Другим препятствием на пути к продуктивному использованию труда пленных был установленный законодательством порядок расплаты с пленными за работы. Он не устраивал ни пленных, ни работодателей разных мастей. В самом худшем положении оказались вражеские военнослужащие, занятые на казенных предприятиях и работах местных самоуправлений, поскольку за свой труд они не получали даже символического поощрения. Типичной была ситуация, возникшая летом 1915 г. в Екатеринбурге, где военнопленные, направленные на обустройство городских территорий, работали «неохотно и кое-как». Дабы исправить положение, городская управа на свой страх и риск все-таки оплачивала труд пленных на тех объектах, которые имели важное значение, к числу каковых относились, к примеру, постройка дороги на новую городскую свалку и добыча камня в городском карьере.²¹

В то же время частные предприниматели стремились добиться внесения изменений в ст. 9 Правил 17 марта 1915 г., которая, напомним, требовала перечислять четверть заработка пленных в специально созданный фонд. 21 мая 1915 г. на имя министра торговли и промышленности было отправлено ходатайство с просьбой принять меры к предоставлению горнопромышленникам Урала несколько большей свободы в их расчетах с пленными. Для поддержания изложенного ходатайства 23 мая 1915 г. депутация от Совета Съездов обратилась непосредственно к министру торговли и промышленности, который обещал личное содействие в положительном решении проблемы.

Не дождавшись оперативных действий со стороны правительства, 2 июля 1915 г. Совет Съездов горнопромышленников Урала по телеграфу обратился к министру торговли и промышленности с новой просьбой об облегчении правил отпуска военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях. В ответ на это, очевидно, не единственное в своем роде ходатайство совет министров постановил, «чтобы земские управы, разного рода предприятия и правления железных дорог, желающие получить в свое распоряжение военнопленных, подавали впредь о сем заявления непосредственно в штабы подлежащих военных округов, совершенно минуя промежуточные инстанции, как-то: губернаторов, фабричных инспекторов, окружных инженеров или соответствующих должностных лиц и без предварительного на то разрешения главного управления генерального штаба».²² Но как показало время, полной децентрализации порядка подачи заявлений о предоставлении военнопленных для работ так и не произошло, от чего особенно страдали сельчане²³; условия же пользования трудом обезоруженных солдат противника и вовсе остались теми же.

Признав настоятельно необходимым немедленное повышение размера оплаты труда пленных путем полной отмены отчислений в особый фонд, 16 июля 1915 г. Совет Съездов в очередной раз обратился к министру торговли и промышленности и военному министру. Однако правительство реагировало на просьбы региональной элиты сдержанно. Последовавшее вскоре снижение отчисления в особый фонд с $1\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ заработной платы явилось не более чем полумерой, никак не способствовавшей повышению производительности труда пленных. Очевидно, пленные, как и работодатели, практически не ощутили никаких перемен. Исчерпав едва ли не все аргументы, Совет Съездов уральских горнопромышленников в новом ходатайстве об упразднении вычетов в особый фонд «счел необходимым обратить внимание Министров на то, что эта мера едва ли могла бы почитаться несогласною и с общими интересами государства: получая большое вознаграждение, пленные, несомненно, будут тратить его в России, тогда как отчисления в фонд, по выдаче их пленным, будут вывозиться из пределов России. Необходимо во всяком случае принять во внимание, что в настоящее время на промышленность возлагаются очень крупные задачи по удовлетворению государственной обороны и что выполнить эти задачи без достаточного количества рабочих промышленность не может. Поэтому всякая мера, направленная к удовлетворению потребности промышленности в рабочей силе и повышению ее производительности, должна почитаться настоятельною в интересах обороны, которые в настоящее время должны стоять на первом месте».²⁴

Эти доводы снова оказались неслышанными, что со всей очевидностью продемонстрировала новая редакция ст. 9 Правил 17 марта 1915 г., утвержденная 16 июля 1915 г., предписывала: «Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы, исключительно для работы за плату, размер коей устанавливается предприятиями соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ. Одна четверть из заработанной платы военнопленных отчисляется в особый фонд на особо открываемые счета подлежащих министерств, в их депозиты по казначействам, причем по суммам этого фонда предприятиями ведутся личные счета для каждого военнопленного. Остальную часть заработанной платы, за вычетом всех расходов предприятия, налагаемых на него настоящими Правилами, предоставляется предприятиям, по внесении этой суммы в расчетную книжку каждого рабочего военнопленного, выдавать военнопленным на руки»²⁵.

Схема выплаты работающим вражеским военнослужащим их заработка в силу своей сложности породила не только путаницу в расчетах предприятий с пленными, но и создала почву для злоупотреблений со стороны работодателей. 9 февраля 1916 г. в ситуацию был вынужден вмешаться пермский губернатор. Управление одного из акционерных обществ, указывал он, имея в виду Южно-Уральское горнопромышленное акционерное общество²⁶, назначило военнопленным оплату труда в размере 75 коп. в день. В счет этой платы пленным, согласно действующих правил, выдается 2 руб. 80 коп. в неделю на продовольствие (по 40 коп. в день), из остальной части заработка удерживается 12 коп. за каждый отработанный день для отчисления в особый фонд, а остаток в размере 23 коп. выдается на руки. При таком порядке расчета ежемесячный заработок пленных выражается приблизительно в 16 руб. 50 коп., но на руки каждый из них получает лишь 1 руб. 86 коп. На этот остаток каждый военнопленный должен озаботиться собственным обмундированием и прежде всего теплой зимней обувью и верхней одеждой, так как они все без исключения прибыли на работы в тонком летнем одеянии²⁷.

При существующих ценах – пара сапог 10 12 руб., полушубок 10 12 руб., пимы 5 руб. – обзавестись нужным вещимуществом за счет своего мизерного заработка пленному было явно не под силу. Складывалось положение, при котором «военнопленные постепенно входят в долг Управлению, удерживать который не представляется возможным. Помимо этого при таких условиях у пленных теряется всякий интерес к работе и продуктивность таковой, вследствие этого, ничтожна»²⁸.

Вся приводимая выше «бухгалтерия», по мнению штаба Казанского военного округа и пермской губернской администрации, была неверной априори. Расчет надлежало производить по следующей норме: четверть, или 18 коп. в день, следовало отчислять в особый фонд, из оставшихся 56 коп. предприятие должно было покрыть все расходы на довольствие и содержание пленного, «и, сверх сего, должен быть остаток, выдаваемый на руки»²⁹. Управление приводившегося в пример акционерного общества допустило ошибки не только в расчетах, но и переложило на плечи пленных проблему приобретения одежды и обуви. Сомнительной выглядела и сама расценка, на основе которой формировалась заработная плата пленных. А потому, несколько перефразировав источник, можно, если не утверждать положительно, то сделать предположение, что некоторые предприятия использовали пленных как дармовую рабочую силу, назначая несоответственно низкую оплату труда.

Оптимизировать систему материального поощрения бывших вражеских военнослужащих власти решились лишь весной 1916 г. В соответствии с постановлением Центрального военно-промышленного комитета № 11578 от 28 апреля 1916 г. была, наконец, ликвидирована система 25-процентных отчислений заработной платы пленных в особый фонд. «Уральская жизнь» на этот счет сообщала: «По возбужденному центральным ВПК ходатайству о совершенной отмене 25 % вычетов из заработной платы военнопленных в специальный фонд на особо открытые счета подлежащих министерств, военным министром было сделано соответствующее сношение с министром иностранных дел. Военный министр, признавая со своей стороны осуществление упомянутого мероприятия настоятельно необходимым, просил согласия министра иностранных дел на изменение ст. 9 Правил 17 марта 1915 г. в следующем виде: “Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно за плату, размеры коей устанавливаются соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ. Означенную зарплату, за вычетом всех расходов предприятия, налагаемых на него настоящими правилами, предоставляется предприятиям по внесению в расчетную книжку каждого рабочего военнопленного, выдавать военнопленным на руки”. С своей стороны министр иностранных дел С. Д. Сазонов не встретил препятствий к отмене в надлежащем порядке особого отчисления в специальный фонд, как не оправдавшего возложенных на него ожиданий»³⁰.

Складывание безусловно более рациональной системы материального поощрения вражеских военнослужащих вызвало, однако, ропот среди местных рабочих. Появились заявления о том, что пленные иностранцы живут лучше, чем русские, так как первые тратят свой заработок только на себя, вторые же содержат на те же деньги еще и свои семьи³¹. Такого рода утверждения трудно назвать справедливыми, поскольку на руки пленным, как и раньше, выдавалась лишь часть заработка, пусть даже на четверть большая. На лесозаготовках Богословского округа новый порядок оплаты труда военнопленных в действии был примерно следующим. Занятый на рубке леса и заготовке дров пленный при выполнении месячной нормы выработки – 4 куренных сажени за 26 рабочих дней – зарабатывал в среднем 18,72 руб. Из них администрация округа удерживала 14,6 руб., в том числе на обеспечение каждого подневольного работника продуктами 12 руб., предметами первой необходимости (табак, спички, мыло) – 1 руб., на ремонт одежды и обуви – 0,4 руб., на содержание охраны и повара – 0,6 руб. В результате в распоряжении пленного оставалось менее четверти заработка, которую он мог потратить по собственному усмотрению³².

В докладе Совета XXII очередному Съезду горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими в связи с войной отмечалось, что уступки правительства в вопросе оплаты труда пленных иностранцев себя оправдали, поскольку производительность труда военнопленных, до отмены вычетов в среднем вдвое уступающая производительности труда русских рабочих соответствующих категорий, сразу возросла³³. Никаких статистических выкладок на сей счет в документе не приводилось намеренно, поскольку впечатляющего скачка производительности труда пленных иностранцев, скорее всего, так и не случилось.

К тому времени, когда долгожданное решение об отмене вычетов из заработка пленных было принято, вопрос о снятии ограничительных квот на количество пленных (в размере не более 15 % от общего числа рабочих и максимум 25 чел. на каждое предприятие) также благополучно разрешился. Казалось бы, теперь все препоны, мешавшие использовать пленных с наибольшей отдачей, исчезли, но, как выяснилось, использовать было почти некого. К началу 1916 г. спрос на пленных начал опережать предложение, и часть из принятых ранее документов, в частности, закон об упразднении ограничений на отпуск пленных предприятиям, утратила свою актуальность. На 1 января 1916 г. только частным заведениям Пермской губернии требовалось почти 17,5 тыс. рабочих, в том числе горнозаводским – 15392 чел.³⁴ Содействовать уральским заводчикам и фабрикантам в решении кадровой проблемы уполномоченные на то властные органы явно не спешили, провоцируя своей пассивностью дальнейшее обострение ситуации. Совет Съезда горнопромышленников Урала в конце 1916 г. констатировал, что «в марте настоящего года предприятиям Урала было предоставлено всего 5500 военнопленных, тогда как потребность в их труде была тогда же заявлена 19-ю предприятиями в 22703 чел. По произведенной Советом разверстке предоставленного числа военнопленных между отдельными производствами, пропорционально их нуждам, оказалось, что потребность предприятий в военнопленных была удовлетворена лишь в размере 23 %³⁵.

1 июня 1916 г. уполномоченному по делам о военнообязанных снова была подана заявка о потребности Уральских предприятий в 20515 военнопленных, а вместе с предприятиями Западной Сибири, входящими в организацию Съездов горнопромышленников, – 23515 чел. 3 июня дополнительно была запрошена еще 10225 пленных. В течение месяца было испрошено всего около 34 тыс. военнопленных. Пленные эти стали поступать на Урал чрезвычайно медленно. 10 августа 1916 г. уполномоченный Совета Съездов горнопромышленников Урала в Екатеринбурге писал, что из общего числа затребованных военнопленных прибыло всего 15000 чел., и дальнейшая отсрочка в их присылке может пагубно отразиться на заготовке древесного горючего, что неминуемо повлекло бы за собой сокращение производства продукции³⁶.

В развернувшейся битве за получение военнопленных главным оружием стали доводы о важности для нужд фронта производимой тем или иным предприятием продукции. В этой связи неудивительно, что битва за обладание пленными вскоре сменилась битвой за попадание в список промышленных предприятий, «всецело работающих на оборону Государства», в котором во второй половине 1916 г. числилось порядка 180 хозяйствующих субъектов Урала³⁷. Неудивительно и то, что к маю 1916 г. в Пермской губернии уже трудилось 47018 военнопленных иностранцев, в том числе 35230 чел. – в частной промышленности, 5079 чел. – на казенных объектах, 3650 чел. – на железнодорожных, 2303 чел. – в аграрном секторе, 480 чел. – на работах местных самоуправлений и 276 чел. – на прочих³⁸.

К лету 1916 г. в экономике Урала пленных насчитывалось 50611 чел., из которых на фабричных и заводских работах использовалось 34194 чел., казенных – 5731, сельскохозяйственных – 5060, железнодорожных – 4145, городских и земских – 913, прочих – 568 чел.³⁹

Статистика обращения пленных иностранцев в промышленности региона была готова прогрессировать и дальше. Источники свидетельствуют, что в конце 1916 г. заводы Урала нуждались еще как минимум в 8 тыс. пленных и, надо полагать, что аппетиты руководства как частновладельческих, так и казенных горнозаводских округов достигали бы «даже большего размера, если бы к увеличению числа рабочих не встречалось особых затруднений из-за продовольственного вопроса»⁴⁰. Именно последний внес ощутимые коррективы в организацию трудоустройства иностранных военнопленных в 1916–1917 гг.

Власти понимали, что перебои в снабжении населения продовольствием и его постоянное вздорожание в течение 1916 г. несли в себе угрозу социального взрыва. Насыщение рабочими аграрной отрасли превратилось в первоочередную задачу центральных и местных органов управления, в связи с чем часть бывших солдат противника была переведена в категорию сельскохозяйственных рабочих. 4 марта Главное управление Генерального штаба в директиве, отданной в соответствии с приказом военного министерства, предписало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный не оставался в лагере без назначения, и все были отданы сельским хозяйствам»⁴¹. Корректировка правительственного курса привела к тому, что в 1916 г. Министерство земледелия получило самый крупный контингент пленных иностранцев в более чем 640 тыс. чел., или 57,4 % от их общего числа, в то же время Министерству торговли и промышленности выделили около 200 тыс. чел. (17,9 %), Министерству путей сообщения – немногим более 140 тыс. чел. (12,6 %)⁴².

В пределах же горнозаводской цивилизации, каковой являлся Уральский регион, кардинальных перемен в распределении пленных между хозяйствующими субъектами разного профиля не произошло. Несмотря на то, что еще весной 1916 г. часть сельскохозяйственных предприятий была причислена к числу работающих на оборону, получить испрошенных Пермским губернским земством 10 тыс. плен-

ных так и не удалось⁴³. Партия в тысячу человек, которая все-таки была вытребована Министерством земледелия у военного ведомства для Пермской губернии в июне 1916 г., могла удовлетворить запросы одного лишь Оханского или Верхотурского уезда, хотя с ее прибытием численность пленных в сельском хозяйстве края и превысила тот же показатель по городским и земским работам⁴⁴.

В 1916 г. недосев в уральской деревне стал реальностью еще и потому, что распределить пленных между дворами, что называется, по справедливости, иначе говоря, по потребности, не получилось. Известно, что, к примеру, в Ирбитском уезде, 40 % работоспособного мужского населения которого было призвано в армию, при «раздаче» пленных исходили из расчета один работник на 3 десятины земли⁴⁵, но нормой эта пропорция так и не стала. Выяснилось, что «некоторые крестьяне переманивают один от другого и особенно от солдаток военнопленных, обещая им повышение заработной платы, нередко до высоких размеров»⁴⁶. Некоторыми же оборотистыми дельцами от сохи пленные сдавались в «субаренду», а именно на железнодорожные работы, плата за которые оседала в карманах деревенских «кулаков»⁴⁷.

Начало 1917 г. прошло под знаком бескомпромиссной борьбы сельхозпроизводителей за обладание пленными иностранцами. Уже в январе заявку на отпуск 3 тыс. чел. для предстоящего весеннего сева подала Екатеринбургская городская управа. В то же время Ирбитское земство возбудило ходатайство о 10 тыс. чел. В феврале 1917 г. просьба о дополнительных 7 тыс. работников была оформлена Челябинским уездным земством, которое уже располагало 1,5 тыс. пленных⁴⁸. Призванные компенсировать нехватку людских ресурсов в экономике страны, военнопленные сами превратились в труднодоступный «дефицит». Остроту момента отразило отданное пермским губернатором в начале марта 1917 г. указание, обязавшее екатеринбургские городскую и уездную управы к 1 апреля «во всех лечебных заведениях освободить от обязанностей санитаров и служителей военнопленных и передать их в распоряжение воинских властей для распределения их на сельскохозяйственные работы»⁴⁹. В то же время на общероссийском уровне было принято решение о привлечении ослабленных военнопленных к работам, «каковые не требуют большого напряжения физических сил», а именно к уходу за домашним скотом⁵⁰. В августе 1917 г. штаб Казанского военного округа потребовал от уездных воинских начальников отправить всех еще не распределенных между предприятиями военнопленных, вплоть до специалистов, на сельскохозяйственные работы «ввиду грозящей опасности недостатка рабочих рук и оставления необранной урожая»⁵¹.

На фоне продолжавшегося углубления социально-экономических противоречий, вылившихся через полгода в общенациональный революционный взрыв, задача рационального «приспособления» пленных к работам первостепенной важности решалась, таким образом, исключительно административными мерами. В обстановке прогрессирующего дисбаланса между до предела милитаризованным промышленным и все больше страдавшим от безлюдья аграрным секторами хозяйства продолжалась перекачка работающих пленных из города (с заводов) в деревню (на поля). Но отмеченная тенденция была бесперспективна, и ее развитие отнюдь не способствовало стабилизации ситуации в крае. «Делиться» пленными с сельчанами заводчики и фабриканты не просто не хотели, они, скорее, не могли себе этого позволить, поскольку «лишних» пленных у них, как правило, не было.

Еще 14 и 15 февраля 1917 г. под председательством уполномоченного по топливу в Уральском районе профессора П. П. Веймарна в Екатеринбурге состоялось совещание по вопросу о снабжении региона «древесным топливом». Итогом работы форума, в котором участвовали уфимский губернатор, руководители городских и земских органов управления, представители казенных и частных предприятий, стало следующее постановление: «Ввиду того, что в Уральском районе от древесного топлива зависит наиболее важная для обороны государства металлургическая промышленность, совещание считает, что для обеспечения заготовок и подвоза дров в этом районе необходимо использовать меры и средства, которыми пользуется государственная власть для обеспечения самой армии... Для обеспечения работы заводов и железных дорог, для удовлетворения наиболее неотложных нужд жителей, особенно более крупных населенных центров, в течение 1917–1918 гг. и дальнейших лет необходимо ... предоставление в течение ближайшего времени Уральскому району для заготовок дров 17000 военнопленных, или обеспечения условий для получения соответствующего количества китайцев или местных инородцев»⁵².

Трудно сказать, как поставленная в приведенном документе задача решалась на практике. Еще проблематичней установить, кому пришлось заниматься ее решением – царским министрам, членам Временного правительства, или же первым и вторым последовательно в силу произошедшей вскоре в России модернизации политического строя? Как бы то ни было, но в 1917 г. в борьбе за трудовые ресурсы промышленность региона так и не уступила сельскому хозяйству своих позиций, сосредоточив в своих руках более 62 тыс. военнопленных⁵³.

В том же 1917 г. по решению военного министра и министра торговли и промышленности Временного правительства была осуществлена реорганизация системы оплаты труда бывших вражеских военнослужащих. 4 августа на места был разослан циркуляр за № 3727, согласно которому на руки каждый пленный получал теперь от 20 до 50 коп. за рабочий день в зависимости от продуктивности работ. Оставшаяся часть суммы за вычетом расходов по содержанию подлежала сдаче в доход казны⁵⁴. Одновременно по телеграфу были даны следующие разъяснения: «На горнозаводских предприятиях Сибири, а равно и на многих других заводах, фабриках и копиях местными рабочими организациями предъявляются категорические требования об установлении для работающих [на] предприятиях вра-

жеских военнопленных одинаковой платы [с] русскими рабочими [...] В предупреждение могущих возникнуть отсюда эксцессов прошу разъяснить на местах через местные Советы солдатских, рабочих, а также крестьянских депутатов, что удовлетворение такого рода требований было бы [в] высшей степени несправедливым [в] отношении наших пленнх страдальцев [в] Германии и Австрии, каторжный труд которых вознаграждается ничтожной платой от 7 до 15 коп. в день при полной скудости пищевого и проч. довольствия [...] [В] случае установления у нас оплаты труда пленнх наравне [с] русскими рабочими Германия и Австрия по окончании войны получили бы от нас не только 2 млн здоровых и вполне способных [к] труду граждан, но и более миллиарда рублей, скопленных ими благодаря непомерно высокой оплате их труда в России [...] К нам же взамен того Германия и Австрия вернут наших военнопленных в состоянии измождения невыносимой работой, голодом и тяжелыми лишениями...»⁵⁵

Едва ли новый порядок выплаты пленным их заработка порадовал последних, равно как и их работодателей. Но серьезно подорванное войной хозяйство диктовало государству свои условия, заставляя изыскивать резервы для преодоления сиюминутных экономических трудностей, мало ориентируясь на долгосрочную перспективу, что в данном случае, правда, удачно дополнялось заботой о благе российских граждан, оказавшихся в руках неприятеля.

Как представляется, оптимального варианта экономических (трудовых) отношений между пленными иностранцами и российскими властями всех уровней в 1914–1917 гг. так и не было найдено, поскольку война с ее тяготами и лишениями явно не способствовала длительному поиску приемлемой для всех заинтересованных сторон модели интеграции пленнх в российскую экономику. Вместе с тем опыт трудоустройства пленнх Первой мировой войны имел колоссальную ценность в том плане, что сами по себе масштабы вовлечения вражеских военнослужащих в хозяйственную жизнь страны были беспрецедентны. Никогда ранее сектор принудительного труда пленнх не формировался столь стремительно и энергично, что потребовало немалых законодательских и организационных усилий, а так же материальных затрат. Механизмы планирования и администрирования труда поверженных неприятельских солдат, выработанные методом проб и ошибок за короткие три года, были воспроизведены с небольшими поправками на исторический контекст в 1940–1950-е гг., что значительно облегчило работу советских органов с иностранными военнопленными Второй мировой войны.

Примечания

¹ Интернационалисты : Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М., 1987. С. 36.

² Уральская жизнь. 1915. 26 авг.

³ Там же. 2 сент.

⁴ Там же. 4 сент.

⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 44.

⁶ Там же. Л. 11, 20, 22, 23, 56, 43 об., 57.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. 29 мая. № 150. Ст. 1162.

⁸ Там же. 1915 г. 12 марта. № 83. Ст. 715; 29 мая. № 150. Ст. 1162.

⁹ Там же. 1915. № 150. Ст. 1162.

¹⁰ Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях // Альбат Г. П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. М., 1917. С. 67.

¹¹ Уральская жизнь. 1916. 16 янв.

¹² Там же. 15 апр., 6, 13, 15, 20 мая, 31 мая – 28 июля.

¹³ Пермская земская неделя. 1916. 20 марта.

¹⁴ ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 2892. Л. 495; Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год. Б/м, б/г. С. 31.

¹⁵ Уральская жизнь. 1915. 30 мая.

¹⁶ ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 2892. Л. 148; Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

¹⁷ Пермская земская неделя. 1916. 27 марта.

¹⁸ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 428.

¹⁹ Доклад Совета XXI Очередному Съезду ... С. 31.

²⁰ Пермская земская неделя. 1915. 5 апр.

²¹ Уральская жизнь. 1915. 31 мая, 5, 7 июня.

²² Пермская земская неделя. 1915. 12 июля.

²³ См. об этом: Пермская земская неделя. 1916. 3 апр.

²⁴ Доклад Совета XXI Очередному Съезду ... С. 27.

²⁵ Там же. С. 28–30.

²⁶ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-37. Оп. 1. Д. 150. Л. 93, 93 об.

²⁷ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 174. Оп. 1. Д. 117. Л. 38.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 41. Л. 1; Уральская жизнь. 1916. 13 мая.

³¹ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1041. Л. 1.

- ³² Там же. Д. 272. Л. 6.
- ³³ Доклад Совета XXII Очередному Съезду ... С. 1–10.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.
- ³⁵ Доклад Совета XXII Очередному Съезду Горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими, в связи с войной. Пг., 1917. С. 1–10.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Ваганова Л. В. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1918–1918 гг.) / Л. В. Ваганова, Е. Ю. Рукосуев. Екатеринбург, 2005. С. 99–104.
- ³⁸ Уральская жизнь. 1916. 30 апр.
- ³⁹ Там же. 24 мая.
- ⁴⁰ Доклад Совета XXII Очередному Съезду ... С. 1–10.
- ⁴¹ Интернационалисты: Участие трудящихся ... С. 36.
- ⁴² Подсчитано автором по: Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
- ⁴³ Пермская земская неделя. 1916. 15 мая, 28 авг.
- ⁴⁴ Пермская земская неделя. 1916. 20 марта, 3 апр.; Уральская жизнь. 1916. 21 июня, 6 авг.
- ⁴⁵ Пермская земская неделя. 1916. 17 апр.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 213.
- ⁴⁷ Пермская земская неделя. 1916. 24 апр.
- ⁴⁸ Уральская жизнь. 1917. 27, 29 янв., 18, 21 февр.
- ⁴⁹ Там же. 2 марта.
- ⁵⁰ Пермская земская неделя. 1917. 15 марта.
- ⁵¹ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 622.
- ⁵² Уральская жизнь. 1917. 19 февр.
- ⁵³ ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 322–324.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 81–82.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 133.

Цепкалова А. А.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В КОНТЕКСТЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГУЛАГА НА ОБЪЕКТАХ КАПСТРОИТЕЛЬСТВА ГЛАВПРОМСТРОЯ

Исследование проводится в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ 09-01-00256а.

Последнее десятилетие истории все чаще пишут о ГУЛАГе как о механизме экономическом. Действительно, факт совпадения начала форсированной индустриализации в СССР с созданием Главного управления лагерей в 1930 г. не кажется случайным, а скорее, продуманным решением советского руководства. В контексте государственной мобилизационной политики системе исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) СССР была отведена роль поставщика трудового ресурса на «Великие стройки коммунизма». Но это не исключало наличие собственных экономических задач, имеющихся у ГУЛАГа НКВД/МВД, которые зачастую реализовывались, не считаясь с человеческими жизнями: безжалостная система лагерного труда использовала человека до последней капли его физических сил.

Не секрет, что капстроительство было одним из основных направлений деятельности советской лагерной системы: страну покрывала сеть строительных управлений, подчиненных НКВД/МВД СССР, на которых использовался труд заключенных ГУЛАГа. В тяжелых условиях форсированной индустриализации, предвоенной мобилизации, в годы войны и послевоенного восстановления народного хозяйства трудовой ресурс ГУЛАГа был брошен на строительство множества крупных объектов, которые во многом обеспечили жизнеспособность экономики СССР в самые нелегкие периоды.

К началу 1940-х гг. НКВД СССР приобрел значение наркомата с четко оформившимися народно-хозяйственными задачами, приоритетной целью которого становится эксплуатация труда заключенных¹. Направления экономической деятельности НКВД/МВД в 1930–1950-х гг. были крайне разнообразны: от машиностроения до улова рыбы, от черной металлургии до изготовления валенок, от строительства электростанций до производства шелковых тканей и т. д. В качестве трудового фонда, позволявшего реализовывать хозяйственные проекты, порученные наркомату советским руководством, выступали заключенные исправительно-трудовых лагерей и колоний (ИТК) ГУЛАГа. Если попытаться определить ключевые направления экономической деятельности НКВД/МВД, то их можно свести к двум основным блокам: промышленность и капитальное строительство.

В области промышленности сектор НКВД/МВД был представлен как в добывающей, так и в обрабатывающей отраслях. Согласно проекту пятилетнего плана на 1951–1955 гг. МВД СССР по промышленной продукции² трудовые ресурсы министерства были заняты в отраслях цветной и черной металлургии, топливодобывающей и перерабатывающей, энергетической, слюдяной, асбестовой, химической, в отраслях машиностроения и металлообработки, лесопиления и деревообработки, в производстве

строительных материалов и товаров широкого потребления. В добывающей отрасли Наркомвнудел зачастую занимал лидирующие позиции. Например, во время ВОВ, когда страна особенно нуждалась в этой продукции, предприятия наркомата перевыполнили свой годовой план по добыче золота, платины, радия, никеля, олова, меди, молибдена, вольфрама, угля, нефти, сажи, леса и др. Причем себестоимость промышленной продукции, выпускаемой предприятиями НКВД в 1944 г. была значительно ниже стоимости аналогичной продукции в других наркоматах. Например, золото в Наркомцветмете – 20 руб. 50 коп., в НКВД – 11 руб. 32 коп. за грамм, никель соответственно 31 руб. и 20 руб. 50 коп. за кг, олово в концентратах – 100–165 руб. и 52 руб. 80 коп. за кг³.

В обрабатывающих отраслях, напротив, НКВД/МВД не занимал позиции лидера. В машиностроении и металлообработке, нефтепереработке, химической отрасли НКВД/МВД уступал гражданским наркоматам. Продукция текстильной, швейной, обувной отраслей, производства строительных материалов зачастую обеспечивала нужды самих ИТЛ и строителей, где они были заняты, но не имела промышленного значения. А вот в ИТК ГУЛАГа деревообрабатывающая и легкая промышленность, сельскохозяйственная деятельность были основным производством. На нем были заняты преимущественно заключенные, осужденные на короткие сроки наказания, женщины, несовершеннолетние, престарелые, инвалиды и ограниченно годные к физическому труду⁴.

Таким образом, принудительный труд ГУЛАГа НКВД/МВД использовался как в производстве средств производства, так и в производстве предметов потребления, но с разной долей участия и разной степенью эффективности. Как считает английский исследователь Р. Конквест: «Есть области, где наемная рабочая сила обходится невероятно дорого и где принудительный труд, по-видимому, экономически предпочтителен – например, на шахтах... Хотя система принудительного труда годится отнюдь не везде, есть определенные области, где она может быть доходной»⁵. Применение вольнонаемного труда в отдаленных районах СССР или в отраслях, где использовался тяжелый физический труд, было дорогостоящим. Поэтому было принято решение прибегнуть к труду заключенных ГУЛАГа, что было эффективнее, учитывая бесплатность (на первых этапах) подневольного труда и невысокие расходы по созданию инфраструктуры для жизни и работы заключенных.

В этой связи, достаточно результативным оказалось применение принудительного труда ГУЛАГа НКВД/МВД в сфере капитального строительства. Именно это направление экономической деятельности наркомата принято считать одним из традиционных и первостепенных по значимости. В 1949–1952 гг. объемы капитального строительства, осуществляемые МВД, выросли примерно вдвое, достигнув в 1952 г. около 9 % общих государственных капиталовложений⁶.

Подавляющее большинство ИТЛ системы ГУЛАГа было занято на строительных работах: сооружении железнодорожных путей, гидротехнических систем, строительстве автодорог, промышленных объектов и т.д. Конечно, капитальное строительство являлось важнейшей из задач для СССР, как в годы индустриализации, так и во время ВОВ, и в период послевоенного восстановления. Структура капстроительства представляла собой сложную производственную систему, осуществлявшую строительство новых и расширение действующих объектов производственного и непроизводственного назначения. Она включала в себя:

- 1) промышленное строительство (индустриальное, доменных печей, электростанций, гидростанций),
- 2) транспортное строительство,
- 3) сельскохозяйственное строительство,
- 4) строительство в водном хозяйстве,
- 5) коммунальное и городское строительство⁷.

Оценить роль НКВД/МВД в общесоюзном капитальном строительстве помогают показатели капиталовложения и объема выполненных работ. Доля выполненных капитальных работ по НКВД/МВД в общем объеме государственного капстроительства не была постоянной и варьировалась от 6,2 % (1700 млн руб.) в 1935 г. до 14,9 % (в среднем 3659 млн руб.) в 1941–1944 гг.⁸ Очевидно, что во время ВОВ значение строительной деятельности наркомата возросло. В среднем же за период 1935–1953 гг. Наркомвнудел обеспечивал 8,6 % общесоюзного капитального строительства, причем эта доля была существенно больше для отдаленных районов СССР.

В начале 1940-х гг. в связи с растущим экономическим значением участия НКВД в народно-хозяйственном секторе в наркомате была проведена организационная реформа⁹. Система ГУЛАГа представляла собой сложный административно-хозяйственный комплекс в составе учреждений и хозяйстве СССР¹⁰. Согласно реформе начала 1940-х гг. создавались главки с определенными экономическими задачами: Главное управление лагерной лесной промышленности (ГУЛЛП), Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Главное управление аэродромного строительства (ГУАС) Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой), Главное управление лагерей гидротехнического строительства (Главгидрострой) и т. д. Реорганизация была проведена с учетом основных направлений экономической деятельности ГУЛАГа НКВД, в том числе с учетом структуры выполняемых работ в капстроительстве. Было организовано 9 производственных главков. К 1953 г. система ГУЛАГа насчитывал уже 16 производственных главков и 166 лагерных комплексов¹¹.

Оценивая вклад труда заключенных ГУЛАГа в советскую экономику, следует учитывать, что он был неравномерным в разных секторах народного хозяйства. Лидирующие позиции в экономической дея-

тельности НКВД/МВД принадлежали горнодобывающей и лесозаготовительной отраслям. Силами НКВД/МВД осуществлялось примерно десятая часть государственного каппроительства, и ведомство давало в среднем 2,3 % стоимости промышленной продукции страны¹². Но эти показатели лагерной экономики не могут быть приняты в качестве окончательной оценки вклада принудительного труда в народное хозяйство СССР, поскольку они не учитывают все виды производственной деятельности ГУЛАГа (например, деятельность конструкторских бюро («шарашек»), поставляющих интеллектуальный продукт).

Но все же не стоит переоценивать значение использования труда заключенных ГУЛАГа в экономике СССР, т. к. ни производственные результаты, ни численность трудового фонда ГУЛАГа не были особенно внушительными.

Максимальная численность заключенных в СССР составляла 2,5 млн человек (в 1950 г.), в то время как общее количество рабочих и служащих в народном хозяйстве в том же году равнялось 40,4 млн. человек. При этом из 2,5 млн заключенных лагерей и колоний ГУЛАГа трудоспособных насчитывалось около 2 млн человек¹³. Очевидно, что трудфонд ИТЛ и ИТК был невелик и составлял чуть более 6 % общесоюзного. Но лагерный контингент с точки зрения советского руководства выгодно отличался мобильностью и неприхотливостью к условиям жизни и труда, что позволяло во-первых, беспрепятственно посылать заключенных в самые отдаленные районы страны с тяжелым климатом, во-вторых, для этих контингентов власть не планировала создания сложной социальной инфраструктуры (как предполагалось при использовании вольнонаемной рабочей силы). Так с помощью трудового ресурса ГУЛАГа советское руководство реализовывало крупномасштабные хозяйственные проекты.

Одним из наиболее значительных секторов экономики принудительного труда в системе ГУЛАГа было промышленное строительство, осуществляемое Главпромстроем. Понятие «промышленное строительство» для характеристики деятельности главка неоднозначно и не вполне соответствует общепринятой трактовке. Здесь оно включает в себя помимо индустриального строительства строительство объектов военно-стратегического значения, которые зачастую скрывались за тривиальными формулировками: «рудник», «угольная шахта» и т. д. Конечно, труд заключенных в СССР не афишировался – государственная тайна надежно охраняла все, что было связано с советской системой ИТЛ, с производственными главками НКВД/МВД, а результаты их строительной деятельности приписывались другим секторам советской экономики, где использовался свободный труд. И если результаты экономической деятельности ГУЛАГа стали предметом исследования около десяти лет назад, то результаты отдельных его производственных главков, в том числе Главпромстроя, является новым предметом для научных изысканий.

Главпромстрой был организован 26 февраля 1941 г. приказом НКВД № 00212¹⁴ на базе Управления лагерей промышленного строительства ГУЛАГа НКВД. На момент организации в его ведении находились 17 ИТЛ, обслуживавших строительства предприятий черной металлургии, целлюлозно-бумажной и спиртовой промышленности, алюминиевых и судостроительных заводов¹⁵. Постепенно число ведомственных лагерей увеличивалось, количество объектов производства и строительства росло; так Главпромстрой превратился в одну из важнейших производственных структур МВД СССР.

В состав Главпромстроя входили специализированные управления и отделы, отвечающие за строительство объектов для определенных отраслей народного хозяйства, например, Отдел черной металлургии, Отдел гидротехнических работ, Управление по строительству предприятий нефтяной промышленности, Промспецстрой (осуществлял номерное строительство) и т. д. За время существования Главпромстроя его структура претерпела ряд преобразований: из управлений и отделов главка вырастали новые главные управления НКВД/МВД. В этой связи количество лагерей Главпромстроя не было постоянными, структура главка формировалась под влиянием основных тенденций в развитии пенициарной системы и народного хозяйства СССР и в связи с изменением объема работ главка.

Постепенно из структурных единиц Главпромстроя: отделов и управлений – формировались самостоятельные лагерные управления. Например, 14 мая 1941 г. приказом НКВД № 00576 на базе Отдела черной металлургии ГУЛПС было организовано Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии НКВД (УЛСПЧМ)¹⁶. Перед новым лагерным управлением ставились масштабные производственные задачи, УЛСПЧМ обслуживало строительство Актюбинского ферросплавного комбината, Аллюйского феррохромового комбината, Череповецкого металлургического завода, Пудожгорского феррохромового комбината, Енисейских горнорудных предприятий, Заимандровских горнорудных предприятий и сырьевой базы «Амурстали» (горнорудных комплексов, карьеров известняков, магнезитов, кварцитов и огнеупорных глин). Однако уже 2 июля 1941 г. согласно приказу НКВД № 00855 «ввиду сокращения объема строительства» УЛСПЧМ утратило свою самостоятельность, но не вернулось в подчинение Главпромстроя, а вошло в состав Главного управления горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП).

6 октября 1951 г. приказом МВД № 0720 на базе Управления по строительству предприятий нефтяной промышленности Главпромстроя был организован новый главк – Главное управление лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива (Главспецнефтьстрой)¹⁷. Причины создания самостоятельного главка объясняются в приказе МВД: «Совмин СССР в Постановлении от 2 октября 1951 г. № 3719-1726с отметил значительное увеличение

объема строительства нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива, осуществляемого МВД СССР, а также поставил задачу перед МВД СССР ускорить строительство этих предприятий»¹⁸. Основной специализацией лагерей Главспецнефтьстрой было строительство предприятий по выпуску моторного топлива и различных масел. Единственным лагерем этого Главка, не связанным непосредственно с нефтяной промышленностью, был «ИТЛ и Строительство Особого района», который был создан для строительства в Москве комплекса зданий МГУ на Ленинских горах (в октябре 1952 г. был передан Главпромстрою). В марте 1953 г. Главспецнефтьстрой МВД был ликвидирован согласно постановлению Совмин СССР. Его производственные структуры были переданы Министерству нефтяной промышленности СССР. Входящие в состав Главка лагеря приказом Министерства юстиции СССР № 0013 от 2 апреля 1953 г. были переданы ГУЛАГу – который в этот период находился в подчинении этого министерства.

В некоторых случаях при упразднении других производственных главков НКВД/МВД их лагеря передавались Главпромстрою. Например, в октябре 1941 г. «в связи с сокращением объема работ» Главное управление лагерей гидротехнического строительства было упразднено; приказом НКВД № 0450 от 24 октября 1941 г. руководство строительства (Волгостроем и стройкой № 201) и лагерями передавалось Главпромстрою НКВД СССР¹⁹. Для этого в ГУЛПС был создан Отдел гидротехнических работ, в составе 35 человек. А 25 января 1942 г. в ведение Главпромстроя из Управления особого строительства НКВД перешел Бакальский ИТЛ, контингент которого был занят на строительстве Челябинского металлургического завода.

В то же время и Главпромстрой передавал свои ИТЛ другим Главкам, чаще всего образованным на его базе лагерным управлениям (например, Актюбинский и Займандровский ИТЛ вошли в состав УЛСПЧМ). С расширением производственных задач и увеличением объема работы некоторые специализированные отделы и управления ГУЛПС приобретали статус самостоятельных главков, что приводило к очередной перестройке Главпромстроя.

Рассматривая организационную структуру Главка, становится ясно, насколько разнообразна была его производственная деятельность. Конечно, в первую очередь Главпромстрой был занят на строительстве промышленных объектов, но исключительно промышленным строительством его хозяйственная деятельность не ограничивалась. Контингенты ГУЛПС направлялись и на объекты коммунально-бытового строительства. В связи с тем, что со второй половины 1930-х гг. был определен курс на обеспечение квартирой каждой семьи²⁰, роль жилищного строительства значительно возросла. Помимо жилищных комплексов, Главпромстрой также возводил городские коммунальные сооружения, здания архивов и учебных заведений, ведомственные дачи и даже занимался благоустройством курортов.

Помимо этого на Главпромстрой было возложено строительство гидротехнических сооружений, в том числе ГЭС (например, Опоцкий и Широковский ИТЛ), а также реконструкция Беломорско-Балтийского канала (ИТЛ Беломорстроя)²¹. Хотя для возведения гидротехнических объектов 13 сентября 1940 г. было создано специальное лагерное управление – Главгидрострой (Главное управление лагерей гидротехнического строительства). В некоторых крупных строительных проектах Главки принимали совместное участие, объединяя трудовой потенциал своих лагерей. Нередко ИТЛ передавались из одного управления в другое в связи с новыми экономическими заданиями МВД или реорганизацией лагерной системы.

Значительную роль сыграл Главпромстрой в возведении объектов военно-стратегического назначения, которые обычно скрывались под номерными или литерными наименованиями. Строительство оборонных спецобъектов приобрело особенное значение в военный период и в послевоенное время, когда отчетливо проступило противостояние «холодной войны». На 1 января 1949 г. из 2 млн трудоспособных заключенных на строительстве спецобъектов были заняты 140 тыс. чел.²² Из общего объема капитального строительства, выполненного МВД в 1947 г. на сумму 4,2 млрд руб., на спецстроительство приходилось более 1 млрд руб. Оно было связано, в первую очередь, с развитием военно-промышленного комплекса, и в частности, с реализацией атомного проекта²³.

Кроме реализации собственных строительных проектов Главпромстрой, как и все остальные Главки, передавал другим министерствам рабочий ресурс своих лагерей на контрагентских началах. Среди видов производственной деятельности Главпромстроя можно обнаружить и такие как сельскохозяйственные работы, рыболовство, швейное производство, лаптеплетение и т. п., что мало согласуется с задачами капстроительства. Этот факт объясняется в первую очередь отдаленностью лагерей ГУЛПС, тяжелыми условиями доставки необходимого продовольствия и вещевого довольствия. Поэтому лагерным управлениям приходилось создавать вспомогательные комплексы по обеспечению лагерей всеми необходимыми предметами, что позволяло ИТЛ автономно существовать и выполнять производственную программу, определенную Москвой.

Определить долю предприятий, построенных силами заключенных ГУЛАГа, в союзном промышленном строительстве нелегко. На сегодняшний день обобщающая статистика результатов ГУЛПС в области промышленного строительства отсутствует. Имеют место лишь фрагментарные региональные исследования, которые освещают историю возведения наиболее крупных промышленных объектов²⁴, или исследования, посвященные в целом капитальному строительству в системе ГУЛАГа²⁵. Проблему отсутствия статистики промышленных объектов Главпромстроя объясняет ряд причин. Во-первых, ар-

живный фонд данного главка до сих пор не рассекречен, и сведения о его строительной деятельности приходится собирать в документах ГУЛАГа и НКВД/МВД СССР. Во-вторых, даже в архивных материалах зачастую отсутствуют объективные данные о задачах конкретных строительных управлений, что связано с повышенной секретностью и стратегическим значением возводимых объектов, истинные цели которых скрываются за официальными формулировками («строительство угольной шахты» или «нефтеразведочной экспедиции»). В-третьих, часто на строительстве объектов ГУЛПС работали не только заключенные ИТЛ, но и вольнонаемные строители и строители военно-строительных частей, поэтому порой сложно вычленить долю работ, выполненную заключенными.

Но все же в числе трудовых достижений гугаговского контингента значится ряд строителств крупных промышленных предприятий, которые играли важную роль в экономике СССР. Как уже отмечалось, предприятия, возводимые Главпромстроем, имели самые разные производственные профили. Особое значение имели металлургические, алюминиевые, нефтеперерабатывающие, дробильно-сортировочные, химические, гидролизные, сульфитно-спиртовые заводы, ферросплавные комбинаты. В годы войны возросла доля строительства предприятий военно-промышленного назначения, обеспечивающих нужды фронта, в их числе Главпромстрой возводил авиационные и артиллерийские заводы, заводы коллоксилина и нитроглицериновых порохов и аммиачно-селитренных взрывчатых веществ. В послевоенный период для восстановительных работ особенно возросло значение предприятий по производству стройматериалов: ГУЛПС строил заводы металлоконструкций, сухой штукатурки, армопенобетона, кирпичные, бетонные, асфальтовые заводы, которые иногда играли роль лишь подсобных предприятий для реализации основного строительства ИТЛ. Помимо этого Главпромстрой возводил судоремонтные, электровакуумные, машиностроительные заводы и предприятия по производству контрольно-измерительной аппаратуры. По подсчетам автора за период с 1941 г. по 1956 г. с участием главка было возведено около 275 крупных предприятий: заводов, фабрик, комбинатов (без учета строительства мастерских, отдельных корпусов заводов, цехов и их реконструкции, восстановления и ремонта)²⁶.

К наиболее крупным промышленным объектам, построенным Главпромстроем, следует отнести не один десяток комбинатов и заводов. Наиболее значительные из них – Челябинский металлургический комбинат, Ново-Тагильский металлургический и коксохимический заводы, Богословский алюминиевый завод, Закавказский металлургический завод и др. Как правило, предприятия строились на базе месторождений сырья для будущего производства (как, например, Челябинметаллургстрой на базе руд Бакальского месторождения)²⁷.

Параллельно с возведением промышленных объектов заключенные ИТЛ были заняты на коммунально-бытовом строительстве, создавая городскую инфраструктуру. Например, специально созданное управление лагерей «Саратовстрой» Главпромстроя МВД осуществляло строительство не только промышленных предприятий, но и соцкультбытобъектов. В 1946–1952 гг. в г. Саратове заключенные построили уникальный комплекс заводов военно-промышленного назначения, в который вошли: завод по производству станочного оборудования и полуфабрикатов из тугоплавких металлов, завод по производству специальных ламп для радиолокационных установок, радиоприемников и телевизоров, завод по производству мощных генераторных ламп и научно-исследовательский институт электровакуумной промышленности. Одновременно с военно-промышленными объектами были построены: благоустроенный жилой поселок из 52 домов, 3 школы на 2100 учащихся, больничный городок, детские сады, ясли, магазины, поликлиники. Наряду с трудом заключенных на строительстве широко использовался труд военно-строительных частей.

Как видно на примере «Саратовстроя», для организации строительства промышленных предприятий создавались строительные управления и ИТЛ, заключенные которых использовались в качестве рабочей силы. Численность заключенных лагерей Главпромстроя не была равномерной и варьировалась от тысячи до несколько десятков тысяч человек, т.к. менялась в зависимости от объема работ: например, на момент 1 января 1945 г. в ИТЛ Закавказметаллургстроя содержалось 8 827 заключенных, в Челябинском ИТЛ – 11 071, в Тагильском ИТЛ – 17 003²⁸.

Но, располагая значительным трудовым фондом, строительные управления НКВД/МВД не всегда выполняли план. В 1940 г. план ввода новых предприятий в целом по НКВД был выполнен на 82,3 %, по Главпромстрою – на 60,6 %. Для сравнения, по ГУЛЛП – на 37,7 %, по Управлению лагерей топливной промышленности – на 85 %. Справились с плановыми заданиями по отдельным видам производства только ГУЛЖДС и Дальстрой²⁹.

Показатели дневной выработки в Главпромстрое по сравнению с показателями гражданских наркоматов отставали. Согласно сведениям начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина, выработка в день на строительно-монтажных работах составляла в январе 1941 г. по ГУЛАГу 23 руб. 50 коп., а по союзным наркоматам 44 руб. 98 коп. Уровень производительности труда на стройках НКВД был ниже, чем на стройках союзных наркоматов в среднем на 50 %, а в ГУЛПС ниже, чем в Наркомстрое, на 55 %³⁰.

Но следует учесть, что зачастую советское руководство меньше волновали показатели выработки, чем конечный результат строительства, проще говоря, построено и пущено ли запланированное предприятие. Конечно, острее всего проблема нехватки вольнонаемного трудового фонда стояла в отдаленных восточных и северных районах СССР, поэтому именно туда направлялись лагерные контингенты ГУЛАГа в целях промышленного строительства и освоения этих территорий. По подсчетам автора количество заводов, комбинатов, фабрик, возведенных Главпромстроем в районах неевропейской ча-

сти СССР, превышает примерно на треть число промобъектов европейской территории и составляет приблизительно 155 предприятий.

Таким образом, основная масса комбинатов, заводов, фабрик, возведенных силами заключенных ИТЛ Главпромстроя и других производственных главков системы ГУЛАГа, географически расположена в районах СССР, где не было достаточного вольнонаемного трудового фонда. Возводя промышленные предприятия, лагеря и стройуправления становились зачастую градообразующим ядром, вокруг которого разрастались новые населенные пункты.

Поэтому одним из результативных направлений производственной деятельности Главпромстроя было жилищное и культурно-бытовое строительство. Заключенные ИТЛ ГУЛПС строили не только поселки для строителей и хозобслуги лагерей, но и участвовали в сооружении грандиозных проектов с применением новейших инженерно-технических разработок. Наиболее показательным примером квалификации специалистов и рабочих Главпромстроя в этой области могут служить выстроенные в Москве высотные здания, вступившие в строй в 1950-х гг. Первым из них был дом на Котельнической набережной. 15 апреля 1949 г. приказом № 223 на начальника ГУЛПС МВД А.Н. Комаровского возлагалась ответственность за изготовление на Рыбинском механическом заводе № 1 Главпромстроя металлического каркаса жилого дома МВД на Котельнической набережной в Москве³¹. Это здание было верхом технического прогресса в строительных технологиях первой половины 1950-х гг. О нем писали, как о чуде строительного мастерства: «Здание имеет более 700 квартир, оборудовано бытовыми пассажирскими лифтами, вполне обеспечивающими удобное и быстрое передвижение жителей в любые этажи дома. Кроме обычного в условиях Москвы оборудования квартир электрическим освещением, центральным отоплением, газом, радиотрансляционной сетью каждая жилая ячейка в доме оборудована горячим водоснабжением, телефонной и телевизионной проводкой, что обеспечивает жильцам дома все возможные при существующем уровне техники удобства»³².

Заслугой Главпромстроя стало строительство еще одной «сталинской высотки» – здания Московского государственного университета на Ленинских горах. На строительстве высотного здания МГУ был задействован контингент подведомственных Главпромстрою ИТЛ строителей № 560 и № 352. ИТЛ Строительства Особого района в составе ГУЛПС (передано из Главспецнефтестроя в 1952 г.) обслуживало с января 1952 г. по апрель 1953 г. сооружение зданий физического, химического, биологического факультетов МГУ, кроме того строительство института Геохимии им. В. И. Вернадского АН СССР, ФИАН, института им. Карпова, Научно-исследовательского вакуумного института и др.³³

Отделочные работы главного здания МГУ осуществлялись тоже лагерными подразделениями ИТЛ Особого района. Например, отделку внутренних помещений 24–30 этажей производил лагпункт с метким названием «Высотный». Списочная численность заключенных ЛП «Высотного» составляла 368 чел., из них 208 женщин. Адрес данного ЛП в справке-характеристике значится как «г. Москва, Ленинские горы, Главный корпус МГУ, 23 этаж»³⁴. Лагерная зона занимала все комнаты и коридоры 23 этажа Главного здания. Изоляция осуществлялась путем перекрытия всех лестничных площадок и маршей, вентиляционных коробов, лифтовых колодцев на 22 этаже и усиленной охраной и надзорной службой³⁵. Кроме ЛП «Высотного» в состав ИТЛ Особого района входили три лагерных отделения ЛО № 1, ЛО № 2 и ЛО № 4, которые были заняты на строительных работах факультетов МГУ и располагались в 2–3 км от объекта строительства. Лагерный контингент в числе 7105 чел. был размещен в бараках и брезентовых палатках³⁶. В результате с участием заключенных ИТЛ Главпромстроя были сооружены: главный корпус МГУ, корпуса факультетов физики, химии, биологии и почвоведения. Объем всех построенных за этот период новых зданий МГУ составил 2718590 м³³⁷.

Интересно, что 21 февраля 1950 г. приказом № 00133 на стройуправления Главпромстроя МВД возлагалось строительство «дач с обстановкой» (одна из наград создателям советской атомной бомбы). Предстояло построить «17 дач и один дом-особняк в районе Москвы, Ленинграда и Крыма»; в Московской области такие пяти- и шестикомнатные дачи строились вблизи «селения Барвиха – Жуковка» силами стройуправления № 560, в Ленинградской области – в районе дачного поселка Комарово стройуправлением № 258, на Южном берегу Крыма – стройуправлением № 940³⁸.

Помимо промышленного и коммунально-бытового строительства Главпромстроем реализовывалась важная программа строительства объектов для атомного проекта СССР. В 1945 г. был создан Спецкомитет при ГКО по «использованию внутриатомной энергии урана». Именно Главпромстрой был в 1945 г. передан НКВД СССР Первому Главному Управлению (ПГУ) для строительства важнейших производственных объектов будущей советской атомной промышленности. К концу 1946 г. в составе Главпромстроя было уже 11 специальных строителей ядерных объектов. В непосредственном подчинении ПГУ находились важнейшие производственные объекты будущей советской атомной промышленности, в том числе: Завод № 48 (для производства горнорудного и химико-технологического оборудования уранодобывающих предприятий), строительство Комбината № 6 (для добычи и переработки в концентрат урановой руды), Завод № 12 (для производства металлического урана), строительство Комбината № 817 или п/я Челябинск-40 (для получения радиохимическим методом плутония-239), строительство Комбината № 813 или п/я Свердловск-44 (для обогащения урана-235 газодиффузным методом), строительство Завода № 412 или п/я Свердловск-45 (для обогащения урана-235 методом электромагнитного разделения изотопов)³⁹.

Объем работ был так велик, что главк освободили от других задач, о чем сообщалось в приказе МВД № 00932 от 19 октября 1946 г. за подписью Министра внутренних дел Круглова⁴⁰. Но фактически

и после этого в ведении Главпромстроя оставались лагеря и стройки, прямо не связанные с атомным проектом. На 1 января 1946 г. в ведении этого главка находились Соликамстрой, Ягринлаг, Тавдинлаг, Богословлаг, Челябинметаллургстрой, строительство Актюбинского ферросплавного комбината, Широкалаг, Опокстрой, Волгострой, Закавказметаллургстрой и Беломорстрой.

Кроме производственных объектов атомной индустрии Главпромстрой возводил научно-исследовательские, экспериментальные институты и лаборатории для зарождающейся ядерной отрасли. Как вспоминает начальник ГУЛПС А. Н. Комаровский: «В 1946 г. состоялось решение о строительстве исследовательского комплекса для нужд атомной энергетики. Строить надо было недалеко от научно-исследовательских институтов столицы. Выбор пал на район у села Петякино вблизи станции Обнинская Киевской ж.д. Одновременно с научно-исследовательскими объектами строился и город, который называли Обнинском»⁴¹.

Для выполнения производственных задач атомной промышленности уже к концу 1945 г. в состав Главпромстроя входили 13 ИТЛ, в которых находились 103 тыс. заключенных. Одновременно с этим в ПГУ было передано также и Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий НКВД, объединившееся с ГУЛПС. Как вспоминает профессор И.Н. Головин, первый заместитель руководителя советского атомного проекта И.В. Курчатова: «Все стройки, рудники, даже наш институт в Москве, на всех этих объектах работали заключенные... Сейчас это кажется невероятным, но когда возникала нехватка строителей и Берия говорил: «Что ж, завтра подождем дополнительный контингент», это воспринималось спокойно»⁴². Уже в 1950 г. число людей, вовлеченных в систему ПГУ, превысило 700 тыс. Больше половины из них составляли заключенные, треть — военно-строительные части МВД. Лишь около 10 % приходилось на вольнонаемных, свобода передвижения которых была тоже сильно ограничена⁴³. В результате в 1949 г. СССР впервые испытал свое ядерное оружие, а к началу пятой пятилетки началось применение атомной энергии в мирных целях⁴⁴. Для дальнейшего развития атомной индустрии и использования нового вида вооружения по всей стране стройуправлениями ГУЛПС возводились спецобъекты.

Специализированный отдел Главпромстроя — Промспецстрой, осуществлял «номерное» строительство в системе ГУЛАГа с начала 1940-х гг. Его капиталовложения составляли в 1941 г. 3,5 % от общего объема капитальных затрат по СССР, при этом вся сумма вложений приходилась на строительство сугубо военно-промышленных предприятий. В 1940 г. начались работы по сооружению трех авиационных заводов в районе Куйбышева. За год в это строительство вложили 850 млн. руб., чего никогда не бывало ранее, т. к. более 400 млн. руб. ни в один объект не вкладывали⁴⁵. Принудительный труд часто использовался на строительстве спецобъектов, хотя фактическая дневная выработка заключенного была ниже запланированной. Согласно данным за 1940 г. план дневной выработки на 1 заключенного составлял в Промспецстрое 46 руб. 27 коп., фактически же в среднем заключенные вырабатывали 41 руб. 80 коп.⁴⁶

В послевоенные годы доля спецстроек возросла: в 1947–1949 гг. они занимали от 21 до 30 % в общем объеме капитальных работ МВД⁴⁷. Из общего объема капитального строительства, выполненного МВД в 1947 г. на сумму 4,2 млрд руб., на спецстроительство (объектов ВПК и реализации атомного проекта) приходилось более 1 млрд руб.⁴⁸ С начала 1950-х гг. под воздействием разворачивавшейся «холодной войны» и гонки вооружений советское руководство приступило к строительству нового ряда военно-стратегических объектов, в том числе для обслуживания и использования советского ядерного арсенала. Число спецобъектов быстро увеличивалось. Создавались новые номерные строительства и ИТЛ Главпромстроя с литерными наименованиями. Например, только в Московской области в январе 1952 г. были организованы ИТЛ «ВЧ», ИТЛ «ГБ», ИТЛ «ДТ», ИТЛ «ДЮ», ИТЛ «ГА» и др., работавшие на спецстройках. Эти лагеря строили секретные военные объекты. Постановлением Совмина СССР № 1032-518сс/оп от 31 марта 1951 г. на МВД возлагалось строительство объектов системы ПВО вокруг столицы, для чего в Москве организовывалось Строительство и ИТЛ № 565 МВД. Для сооружения системы «Беркут» в военно-строительные части Главпромстроя передавалось 40 тыс. солдат и офицеров и около 50 тыс. заключенных с других предприятий истроек⁴⁹. Конечно, спецстройки располагались не только вокруг столицы, но и в других стратегически важных районах страны. Приказом МВД СССР в 1951 г. создавались литерные лагеря «ЕЛ», «ЕМ», «ЕН», «ЕО» для строительства подземных объектов: ракетных шахт и ядерных хранилищ. Таким образом, труд заключенных ИТЛ ГУЛАГа использовался как на строительстве объектов для гражданских секторов экономики, так и при создании системы безопасности советского государства.

Очевидно, что направления экономической деятельности производственных главков ГУЛАГа НКВД/МВД были определены в первую очередь приоритетными задачами народного хозяйства СССР, развитие которого с начала периода индустриализации и до послевоенного восстановления можно охарактеризовать как модель развития мобилизационной экономики. В рамках этой модели в Советском Союзе получила реализацию идея широкого использования принудительного труда. Так, одним из источников пополнения трудового ресурса стал лагерный контингент ИТЛ ГУЛАГа, который, по мнению советского руководства, выгодно отличался мобильностью и неприхотливостью к условиям жизни и труда.

Одной из главных задач системы трудового использования заключенных было возведение объектов капитального строительства, большинство которых дислоцировалось в северных и восточных районах

страны. Обеспечение этого строительства возлагалось на Главпромстрой и подчиненные ему ИТЛ.

Экономическая деятельность Главпромстроя НКВД/МВД СССР не ограничивалась функцией строительства промышленных объектов. Это лагерное управление было занято и в коммунально-бытовом строительстве, возводило гидротехнические сооружения, строило военно-стратегические объекты, участвовало в реализации атомного проекта СССР и предоставляло свой лагерный контингент для контрагентских работ.

Соотношение этих функций изменялось в зависимости от задач того или иного исторического периода. Как правило, задачи и цели Главпромстроя были созвучны общим задачам и целям системы ГУЛАГа. В период форсированной индустриализации еще до официального образования главка одной из приоритетных задач НКВД было строительство промышленных предприятий, которые выводили народное хозяйство СССР на новый качественный уровень. Во время ВОВ экономика страны перестраивалась на военные рельсы, и силами Главпромстроя разворачивалось активное строительство предприятий, обеспечивавших нужды фронта, и возведение оборонных объектов. В послевоенный период перед главком ставились задачи реконструкции разрушенных довоенных предприятий и строительство новых, восстановления коммунально-бытового сектора, жилищного строительства и развития новых отраслей производства. В начале 1950-х гг. в ситуации новых военных угроз в связи с изобретением ядерного оружия, в атмосфере опасности атомной бомбардировки и противостояния «холодной войны» на Главпромстрой возлагались задачи строительства новых для того времени военно-стратегических объектов. ИТЛ Главпромстроя возводили объекты для обслуживания ядерного арсенала Советского Союза.

Таким образом, на каждом этапе исторического развития страны перед ГУЛАГом и производственными главками НКВД/МВД СССР ставились новые задачи, которые во многом определяли направление развития лагерной системы и ее экономики.

Примечания

¹ Хлевнюк О. В. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. О. В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 21.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 1394. Л. 1–9 (Проект пятилетнего плана 1951–1955 гг. по МВД СССР по промышленной продукции и справка о разногласиях Министерства с Госпланом СССР 21 августа 1952 г.).

³ Докладная записка наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии И. В. Сталину и заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову о капитальном строительстве и выпуске промышленной продукции предприятиями НКВД СССР в 1944 г. от 27 января 1945 г. // История сталинского Гулага... С. 213–216.

⁴ Докладная записка министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова И. В. Сталину, Г. М. Маленкову, Л. П. Берии, Н. А. Булганину, Н. С. Хрущеву о выполнении плана промышленного производства на 1952 г. предприятиями МВД СССР от 28 января 1953 г. // История сталинского Гулага... С. 353–354.

⁵ Conquest Robert. The Great Terror: A Reassessment. London, 1990. P. 333.

⁶ Хлевнюк О. В. // История сталинского ГУЛАГа... С. 34.

⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 5. Предисловие.

⁸ Хлевнюк О. В. // История сталинского ГУЛАГа... С. 40–41.

⁹ См. подробнее: Эртц С. Лагерная система в 1930-е – 1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005. С. 90–128.

¹⁰ Пронько В. А. Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне / В. А. Пронько, В. Н. Земсков // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 131.

¹¹ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005. С. 63.

¹² Хлевнюк О. В. // История сталинского ГУЛАГа... С. 44.

¹³ Там же. С. 46.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 86. Л. 26–27 (Приказ НКВД СССР № 00212 от 26.02.1941 г. Об организации управлений и отделов НКВД СССР и назначении руководящего состава этих управлений и отделов).

¹⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник / сост. М. Б. Смирнов. М., 1999 URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/>.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 88. Л. 63 (Приказ НКВД СССР № 00576 от 14.5.1941 г. Об организации Управления лагерей по строительству предприятий черной металлургии НКВД СССР).

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 409. Л. 258–261 (Приказ МВД СССР № 0720 от 6.10.1951 г. Об организации в МВД СССР Главного управления лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива).

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 99. Л. 110 (Приказ НКВД СССР № 0450 от 24.10.1941 г. Об упразднении Главгидростроя НКВД СССР).

²⁰ Соколов А. К. Указ. соч. С. 46.

²¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР..

²² Иванова Г. М. Послевоенный репрессии и ГУЛАГ // Сталин и холодная война. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 263.

²³ Там же. С. 269.

- ²⁴ Кузьмина М. А. Строительство № 15. Нефтепровод. Комсомольск-на-Амуре, 2000. 98 с.
- ²⁵ Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ – НКВД – МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ : Экономика принудительного труда. М. : РОССПЭН, 2005. С. 67–89.
- ²⁶ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР...
- ²⁷ Комаровский А. Н. Записки строителя. М. : Воениздат, 1972. С. 122.
- ²⁸ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР...
- ²⁹ Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М. : Московский общественный научный фонд, 1997. С. 100–101.
- ³⁰ Там же. С. 102.
- ³¹ Кокурин А. ГУЛАГ : структура и кадры / А. Кокурин, Ю. Моруков // Свободная мысль. 2001. № 3. С. 116.
- ³² Кобалевский В. Л. Жилищное строительство в пятой пятилетке. М. : Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 26–27.
- ³³ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923-1960...
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 275. Л. 6 (Справка-характеристика ЛП «Высотный»).
- ³⁵ Там же. Л. 7.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 275 (ИТЛ и стр-во Особого строительного района Главпромстроя МВД. Январь 1952 – апрель 1953).
- ³⁷ Комаровский А. Н. Указ. соч. С. 169.
- ³⁸ Кокурин А. Указ. соч. // Свободная мысль. 2001. № 4. С. 94.
- ³⁹ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. URL : http://militera.lib.ru/research/simonov_ns/index.html.
- ⁴⁰ Кокурин А. Указ. соч. // Свободная мысль. 2000. № 11. С. 116.
- ⁴¹ Комаровский А. Н. Указ. соч. С. 212.
- ⁴² Иванова Г. М. Послевоенный репрессии и ГУЛАГ. С. 270.
- ⁴³ Медведев Ж. Сталин и атомная бомба. URL : <http://courier.com.ru/energy/en0800medv.htm>.
- ⁴⁴ Об итогах выполнения пятого пятилетнего плана развития СССР и союзных республик на 1951–1955 годы. М. : Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 5.
- ⁴⁵ Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе... С. 100–101.
- ⁴⁶ Там же. С. 102.
- ⁴⁷ Хлевнюк О. В. // История сталинского ГУЛАГа... С. 39.
- ⁴⁸ Иванова Г. М. Послевоенный репрессии и ГУЛАГ. С. 269.
- ⁴⁹ Кокурин А. Указ. соч. // Свободная мысль. 2001. № 5. С. 104.

Щеткин С. В.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В годы второй пятилетки в целях повышения производительности труда было инициировано развертывание стахановского движения, в том числе, и в местах заключения на Южном Урале. 22 ноября того же года в центральных газетах была опубликована речь И. В. Сталина, в которой было сказано, что «техника, во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна делать чудеса». В тот же день, по распоряжению руководства колонии, в Челябинской ИТК № 1 были проведены митинги в бараках и красных уголках, собрания на рабочих участках и в бригадах, расширенные производственные совещания, на которых в общей сложности присутствовал 7361 человек.

29 ноября 1935 г. руководство отделов мест заключения и труд-поселений Челябинской области получило директивное указание из ГУЛАГ НКВД СССР, в котором раскрывалось содержание «стахановско-бусыгинского метода». Сущность стахановского метода работы, по мнению составителей директивного указания, заключалась в «новой продуманной организации труда, в подготовке и организации рабочего места, в рационализации трудовых процессов, в изучении и освоении инструментов»¹. Перед руководством всего коллектива работников мест заключения ставилась задача в самые кратчайшие сроки добиться «максимальной социалистической производительности труда», положив в основу именно стахановский метод, сделать стахановское движение массовым явлением.

Для контроля над практической реализацией поставленной задачи предписывалось создавать «Совещания стахановского движения», в состав которых должны были войти начальник отдела мест заключения и трудовых поселений УНКВД области, начальники производственного отдела, службы снабжения, сельскохозяйственного отдела, а также парторг. В самих местах заключения в работе совещаний должны были участвовать и представители от самих стахановцев. На участках и в цехах стахановцы воплощали решения совещаний под контролем начальника цеха, прораба и «культурников». Совещания созывались два раза в месяц – 1 и 15 числа каждого месяца при штабе мест заключения, 3 и 17 – в трудовых поселениях, а в течение декабря еженедельно.

В задачу совещаний входило решение всех вопросов, выявление и поощрение стахановцев, обмен опыта между стахановцами и разработка конкретных мероприятий. Руководство мест заключения непосредственно создавало условия для стимулирования стахановского движения: правильно организовывало труд и расстановку рабочей силы, следило за заблаговременной подготовкой рабочих мест, рационализировало трудовой процесс, контролировало, чтобы заключенные бережно эксплуатировали оборудование.

Не забыли и об улучшении бытовых условий передовиков, им предоставлялись лучшие места в бараках, в первую очередь они снабжались бельем и спецодеждой, был установлен специальный «стахановский котел». Особенно указывалось на то, чтобы исключить появление стахановцев за счет интенсификации физического труда заключенных.

Уже в декабре 1935 г. совещания начали свою работу, так 17 числа состоялось совещание стахановцев северных поселков, на время проведения которого имелось 72 стахановца. Особенно, как подчеркивалось участниками, отличилась бригада Шишкина, перевыполнившая производственный план в ноябре на 70 %, и бригада Лопухина, перевыполнившая производственный план в ноябре на 118 %. Например, заключенный Агафонов, работавший на кирпичном заводе, при норме 12 тысяч кирпичей за смену фактически выполнял 19-22 тысячи кирпичей. В связи с постоянным перевыполнением плана стахановцам этих бригад существенно подняли заработную плату. Если до внедрения стахановских методов работы каждый из них получал по 6 рублей в месяц, то после завоевания звания стахановца, индивидуальный заработок колебался от 17 до 80 рублей в месяц. Вместе с успехами стахановского движения участники совещания обратили внимание на то, что 250 заключенных вообще не выполняли производственного плана.²

Работа совещаний не прошла даром, было принято постановление о подписании коллективных договоров между администрацией мест заключения и самими заключенными. Вскоре подобная форма регулирования отношений в ходе внедрения стахановских методов работы распространилась во всех местах заключения. Типичный договор включал обязательства, которые брали на себя заключенные и требования, обращенные к администрации по улучшению условий труда. Как правило, срок действия договора не превышал квартала. Заключенные требовали от администрации цеха обеспечить их «фронтом работы» и полностью предоставить строительные материалы, ежедневно учитывать произведенную работу, организовать техническую учебу, обеспечить трудпоселенцев спецодеждой, использовать рабочую силу в соответствии с квалификацией.

Разумеется, увеличение объема работ было встречено заключенными без энтузиазма. Как следует из спецзаписки о ходе внедрения стахановско-бусыгинского метода работы, среди трудпоселенцев Саткинского района были случаи критических высказываний в адрес этого метода. Так, например, на заводе «Магнезит» и Бакальских рудниках работало 1429 трудпоселенцев, из них только 20 стали стахановцами (1,4 %). Трудпоселенец Иванов во время митинга в коридоре клуба говорил: «Видите как нашего брата обманывают, дескать давай работай как лошадь и получишь досрочное восстановление (в правах гражданства. – авт.). Зачем и для кого ломать и разбивать самого себя? Если им нужно, то пусть сами становятся стахановцами». Трудпоселенец Попов поддержал его: «Если я был бы лошадью, то стал бы так как они говорят работать, но так как я не лошадь, то губить сам себя не намерен. Я не был и не буду стахановцем». Голов добавил: «Мы сюда приехали не спины ломать, а только бы время провести, да попойнствовать»³.

На Бакальском руднике трудпоселенец Дмитрий Баклашкин заявил: «Ну опять выдумали какой-то метод работы по-стахановски и думают по этому методу заставить работать нас. Нет, мы не дураки, если будем так работать, то нам сразу прибавят нормы. У нас есть норма 6 метров и хватит. Пусть Стаханов за нас работает». Некто трудпоселенец Родичев заявил: «Раньше работали определенные часы, а сейчас разрешили работать кто сколько хочет. Потому и нашелся какой-то Стаханов, он наверное работает не 7 часов, а 17. Впрочем, дураков работа любит, пусть они и работают»⁴.

Таблица

Сведения о стахановском движении в местах заключения Челябинской области в ноябре 1936 г.⁵

Место заключения	Количество стахановцев	Количество ударников	Выполнение плана
Челябинская тюрьма	42 (26 %)	116 (47 %)	125 %
Златоустовская тюрьма	83 (22 %)	163 (64 %)	127,5 %
Курганская тюрьма	53 (44 %)	-	112,8 %
Челябинская ИТК № 1	2550 (57,8 %)	1262 (28,6 %)	169 %
Магнитогорская ИТК	901 (40,1 %)	909 (40,5 %)	173,7 %
Всего	3629 (38 %)	2457 (45 %)	141,6 %

Однако благодаря постоянному и неуклонному руководству командования мест заключения Челябинской области стахановское движение набирало силу. На 1 января 1936 г. по-стахановски работало 3153 заключенных, что составляло 14,2 % от общего количества работающих в колониях и тру-

довых поселениях области, по прошествии квартального периода нового года число стахановцев выросло до 4643 человек (25,2 %), то есть каждый четвертый работал по-стахановски, а на 1 июля 1936 г. по-стахановски трудился уже каждый третий заключенный (32,4 %). Одновременно увеличилась и доля ударников за указанное время – с 70 % до 76 %.

Определенные итоги за год стахановского движения были накануне принятия новой Конституции СССР в декабре 1936 г. Анализ архивных материалов по этому вопросу представлен в таблице.

Еще через год, в ноябре 1937 г., принял участие в трудовом соревновании, посвященном празднованию 20-летней годовщине Октябрьской революции, 6131 заключенный, из них стахановцы составляли 3124 (53,1 %), ударники 2120 (29,3 %), а производственный план был выполнен на 159,4 %.

Итак, несмотря на недовольство части заключенных новыми методами работы и увеличение норм выработки, стахановское движение, как видим, имело устойчивый и неизменный рост. На наш взгляд, это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, применялось материальное стимулирование стахановцев. Причем не только в виде повышения заработной платы, но премирование к различным праздникам. Так, например, во время проведения торжеств, посвященных празднованию 18 годовщины Октября в трудовых поселках Златоустовского района было премировано 103 трудпоселенца на общую сумму 10 тысяч 569 рублей.

Во-вторых, для стахановцев была введена более высокая продовольственная норма, так, если на питание заключенного в день тратилось 1 р. 20 к., то на стахановца – 1 р. 50 к.

В-третьих, заключенные, попадавшие нередко неграмотными и не имевшими профессии в места лишения свободы, получали и образование, и рабочую квалификацию. В местах заключения Челябинской области функционировала система профессионального технического обучения заключенных, так, только в 1935 г. было обучено 3773 человека, а за первый квартал 1936 г. – 1053 лица, лишенного свободы, в то же время за указанное время было обучено грамотности 1435 человек.

В-четвертых, для стахановцев, добившихся рекордов, руководство мест заключения ходатайствовало о досрочном освобождении. В конце 1936 г., по результатам годовой работы стахановцев, в ГУЛАГ НКВД СССР был отправлен первый список фамилий заключенных и вольнонаемных, установивших рекорды. В список были внесены сведения о 8 вольнонаемных и 99 заключенных по Челябинской области. Так, например, гражданин П. В. Доборский, заключенный Челябинской ИТК № 2 (завод им. Колущенко), осужденный по статье 74 УК РСФСР на срок 1 год лишения свободы, работая каменщиком, при норме 800 штук постоянно выполнял 2100 штук. И. С. Молокотин, заключенный Магнитогорской ИТК, осужденный по статьям 74 и 162 УК РСФСР на срок лишения свободы 10 лет, задействованный на земляных работах, систематически выполнял производственное задание на 550 %. Всех их руководство мест заключения Челябинской области просило в качестве поощрения либо досрочно освободить, либо сократить им сроки лишения свободы.

В-пятых, руководство мест заключения не бросало на произвол судьбы бывших заключенных стахановцев после их освобождения. Так, за 1935 г. и первый квартал 1936 г. было трудоустроено 472 человека, освободившихся из мест лишения свободы. Кроме того, им была оказана материальная помощь в размере 38 тысяч 174 рублей, или 81 рубль на каждого⁶.

В целом, как ранее отмечалось советскими историками, по стране развернувшееся стахановское движение способствовало значительному росту производительности труда. Так, если за годы 1-й пятилетки (1929–1932) производительность труда в промышленности СССР выросла на 41 %, то за годы 2-й пятилетки (1933–1937) на 82 %. В нашей стране, где государство постоянно выступало создателем всеобщих условий производства, развертывание стахановского движения в местах заключения не стало исключением из правил.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

² ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 46. Л. 4–4 об.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 51. Л. 184–186.

⁴ Там же.

⁵ Таблица составлена автором по: ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 74. Л. 5 – 5 об., 15–17, 30–33, 110–112, 118–120.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–3.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Алеврас Н. Н.
Булатов В. В.
Воробьева А. Ю.
Дорожкин А. Г.
Кюнг П. А.
Мотревич В. П.
Нарский И. В.
Панга Е. В.
Пасс А. А.
Роднов М. И.
Тимошенко В. П.
Хазиева М. А.
Чернова Н. В.

Алеврас Н. Н.

АДАПТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ГОРНООКРУЖНОЙ СИСТЕМЫ УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ХАРАКТЕРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Активное внедрение в понятийный аппарат экономических исследований определения «мобилизационный» в различных его стилистико-смысловых модификациях (тип, модель, экономика, ресурсы и пр.), вызывает живой интерес к нему у специалистов смежных областей знания, в частности – историков. Повышенное их внимание к понятийному ряду с данным определением в некоторой степени спровоцировано авторами соответствующих исследований¹, поскольку многие из них, не ограничившись характеристикой экономических явлений мобилизационной природы, пытаются «встроить» подобные процессы в исторический контекст и определить причины их появления на «русской почве». Однако главная притягательность их построений состоит в очередной попытке сформировать еще одну аналитическую систему, объясняющую «загадки» и «тайны» отечественной истории. Не думаю, что удалось объяснить все истоки российского своеобразия, но стремление выявить природу неких мобилизационных механизмов, позволяющих государству «догоняющего типа», если на него смотреть с позиций модернизационной теории, держать в течение нескольких столетий курс развития (с известными, конечно, особенностями) в модернизационном фарватере, проложенном странами «первого эшелона», представляется значимым. Полагаю, что идеи о мобилизационном типе социально-экономического развития России интересно было бы соотнести с теорией модернизации применительно к ее российскому варианту.

Формулировка заявленной темы вызвана давними спорами историков относительно социально-экономической сущности явления регионального происхождения, получившего обозначение «окружная система»², с дополнительной ее характеристикой как «оригинальный строй» горнозаводской промышленности³. Продолжающаяся полемика относительно базовых характеристик уральского индустриального феномена в многогранном спектре его социокультурных выражений заставляет обратить пристальное внимание и на высказанные идеи коллег-экономистов.

В то же время будем иметь в виду, что их взгляды на сущность мобилизационной системы (или: мобилизационного типа экономики) не совпадают между собой, как и не совпадают оценки мобилизационных мер с позиций степени их эффективности и пользы для государства и общества. Определенным основанием различий в подходах и оценках порой служит система политико-мировоззренческих установок авторов. Либеральная система ценностей определяет критическую позицию в отношении исторической роли мобилизационной системы как отклоняющей социально-политическое развитие государства от уровня ведущих западных стран (А. Г. Фонов, А. П. Прохоров). Консервативный взгляд на ход отечественной истории склонен к поиску позитивных результатов ее функционирования (В. В. Седов). **Различна по глубине понимания и система представлений авторов экономических исследований о палитре взглядов историков на смысл тех исторических явлений, которые трактуются экономистами как проявления мобилизационной по типу культуры.**

Определяя свою позицию, отмечу, прежде всего, стремление соотнести явления мобилизационного типа с модернизационным процессом в России. Ясно, что любая страна в силу чрезвычайных ситуаций может прибегнуть к мобилизационным мерам. Но если они будут носить временный характер, то мы можем иметь дело с локальным проявлением социально-экономической мобилизационной политики, не нарушающей модернизационного вектора исторического движения данного общества. Если же отслеживается устойчивый стереотип исторического облика страны, хотя и принимающей меры к модернизационной перестройке, но имеющей одновременно существенные черты мобилизационного типа, то корреляция этих двух систем между собой должна подвергнуться специальному анализу. В таком случае возможна постановка вопроса о преобладающей основе – мобилизационной или модернизационной – исторического развития государства и социума. Но, вероятно, правильнее было бы соотносить между собой две пары понятий-определений, применяемых к характеристике общественно-государственных состояний:

1. Широко используемое из теорий модернизации – «традиционное» и/или «модернизационное»;
2. Недавно введенное – «мобилизационное» и/или «инновационное» (А. Г. Фонов).

Попытаемся с этих позиций взглянуть на природу горноокружной системы. Она стала складываться в XVIII в. в ходе мануфактурного этапа истории горнозаводской промышленности. В первой половине XIX в. горноокружная система получила юридический статус в Проекте горного положения (1806), закрепленном в Горном уставе (1832–1857). Основу системы составлял горнозаводский округ, представлявший территориально-производственный комплекс, состоявший из нескольких заводов (как правило, принадлежащих одному владельцу), связанных технологически с производством металла. Формирование горных округов и окружной системы изначально было обусловлено технологией мануфактурного уровня производства металла, требовавшей привязки основного производства к комплексу природных ресурсов: сырьевых, топливных, энергетических. Металлургические заводы округа обеспечивались разветвленной производственной инфраструктурой в виде рудников, приисков, лесных массивов (дач), речных систем, пригодных для строительства плотин и пр. Округа формирова-

лись как многоотраслевые, замкнутые и самодостаточные производственные единицы, обеспечивающие весь цикл производственного процесса – от добычи сырья до выхода металлургического продукта. Еще в дореволюционной историографии было замечено, что технология производства металла и условия, в которые были поставлены удаленные друг от друга и от внешней хозяйственно-экономической среды заводские комплексы-округа, не оставляли заводладельцу ничего другого, «как иметь все свое: не только руды, стораемое, но и все остальное, необходимое для ведения дела»⁴. В более ранней работе цитируемый автор соотносил природу горнозаводских округов с «поместным строем» и характеризовал ее как тип натурального хозяйствования⁵. Продолжая развитие версии В. Д. Белова относительно смысла окружной системы, Д. Кашинцевым было замечено, что «натурально-хозяйственный режим» окружной системы был связан с общей системой хозяйственно-экономической жизни страны только функциями сбыта. На этот вывод в свое время обратил внимание В. В. Адамов⁶. В течение XVIII – начала XX в. уральские горные заводы переживали процесс промышленной модернизации, менялись основы их социально-экономической жизни и управления, но организационный тип горнозаводской промышленности до начала XX в. сохранил окружной характер⁷.

Феномен горноокружной системы определяется, в первую очередь, спецификой его социально-экономической природы, сформированной в эпоху ранней («петровской») модернизации, и вытекающими из нее административно-управленческими особенностями. Они стали основой появления характеристик уральского феномена как выражения «оригинального строя» (термин введен В. И. Лениным, и подвергнут глубокой интерпретации В. В. Адамовым) промышленности, отличавшейся по ряду параметров даже на рубеже XIX–XX в. не только от европейских, но и общероссийских образцов. Параметры-признаки горноокружной системы представляют в нашем случае особый интерес, поскольку содержательная сторона их характеристик, как представляется, замечательно накладывается на черты предлагаемого образа мобилизационной системы.

Прежде всего, заметим, что сам факт создания горнозаводской промышленности в условиях Северной войны и в связи с острой необходимостью обеспечения армии вооружением можно расценивать как классическое выражение политики по созданию в стране жесткого мобилизационного режима. Формирование горнозаводского комплекса на Урале явилось центральным элементом в системе мер по решению отмеченной задачи государственного уровня. Решалась она методами, соответствовавшими общему историческому контексту того времени и включающими характерные мероприятия, свойственные мобилизационным принципам управления. Нельзя при этом не согласиться с мнением тех авторов, которые полагают, что мобилизационный тип управления экономикой и социальными процессами сложился в России исторически и был органически присущ ее властным структурам в виде «русской модели управления» (А. П. Прохоров). В этом смысле промышленная политика Петра I, результатом которой стало формирование горнозаводской промышленности, должна характеризоваться двойственностью: она является выражением не только европеизации, но и традиционности в методах осуществления внутренней промышленной политики посредством выработки хозяйственно-экономического курса, который может быть обозначен как мобилизационный по своему типу.

Обратим внимание на характерные организационные черты и принципы формирования горнозаводской промышленности на начальном этапе. Превращение значительной части территории Уральского региона в промышленную зону во многом носило стихийный, и даже «авральный» характер, что было свойственно сфере хозяйственной деятельности царя-преобразователя (вспомним соответствующие оценки этой стороны реформ Петра I в магистерской диссертации П. Н. Милокова). Процесс создания уральского промышленного комплекса требовал крайнего напряжения сил, что, впрочем, было характерно для всех сегментов его преобразовательной системы.

Но на Урале ситуация осложнялась чрезвычайно слабой освоенностью региона, что потребовало специальных мер для насыщения его людскими ресурсами – будущими кадрами работников для строительства и обслуживания заводов. Беспрецедентный по масштабам социальный проект Петра I, положенный в основу решения этого вопроса, со всей силой характеризует мобилизационный его характер: сотни тысяч крепостных и государственных крестьян не только поверглись насильственному переселению, но и были встроены в систему внеэкономического принуждения создаваемой (по европейским образцам!) индустриальной культуры. Формируемый для горнозаводской промышленности социальный субстрат не только был насильственно этапирован на новое место жительства, он должен был еще и расстаться с традициями прежнего хозяйственно-трудового опыта и выработать социальные, материальные и психологические механизмы приспособления к новому образу жизни, что придает всему этому процессу чрезвычайно драматический характер.

Крестьянство стало объектом своеобразного социально-сословного эксперимента: государство из различных внутренних его слоев и территориальных культур «лепило» новую для российской промышленности социальную категорию, названную впоследствии горнозаводским населением. Конечно, российская властная система манипулировала зависимой социальной средой, не оставляя ей свободы выбора. Но и в дальнейшем, когда решение военно-политических задач не было столь острым, созданная модель уральской промышленности, включая ее социально-трудовой компонент, продолжала сохранять заложенные в ней черты мобилизационного типа. Даже в пореформенное время государство, освобождая рабочих людей от крепостной зависимости, через законодательно-нормативные каналы спроектировало особую систему мер для того, чтобы «привязать» бывших крепостных к заводу. Эта система получила у современников название «обязательственных отношений».

Не менее своеобразным (хотя не таким драматическим) выглядел процесс создания социальной категории заводовладельцев. Социальные ресурсы для этой цели государство ищет как в привычной для себя среде дворянства, закладывая этим самым основы особого – «поместного» – типа горноокружной системы, но не гнушается представителями третьего сословия. Новое законодательство и в первую очередь – Указ о горной свободе – является свидетельством способности власти приспосабливаться к новой ситуации, мобилизуя для решения проблемы все потенциальные ресурсы и самой социальной среды России, и природных особенностей Уральского региона, и законодательного опыта европейских государств.

Уральские заводовладельцы прошли сложную траекторию своей эволюции: разносословное представительство этой категории привело сначала к начавшемуся процессу «обуржуазивания дворянства», потом – к «одворяниванию буржуазии»⁸. То и другое стало результатом приспособления новой категории к тем социально-политическим условиям, которые были характерны для реалий российской жизни на том или ином этапе ее дореволюционной истории. Превращение представителей династий уральских заводовладельцев в буржуазных предпринимателей европейского типа так и не состоялось в общей их массе. Ростки буржуазной культуры, наиболее заметные в деятельности первых заводовладельцев – выходцев из торгово-предпринимательской среды, были стерты уже к концу XVIII в. преобладавшими в России традициями помещичье-аристократического образа жизни привилегированных слоев⁹. Новый этап в тенденциях «обуржуазивания» наметился на рубеже XIX–XX в., но не получил полного завершения.

Государство, создавая горнозаводскую промышленность, прежде всего, для своих нужд, встало на путь патронажа этой системы. До начала XX в. патерналистский тип отношений власти и уральских заводовладельцев, позволявший осуществлять как лоббирование интересов последних, так и некие контролирующие функции, будет сохранять значение. Патернализм, как особого рода идеология, в первой половине XIX в. закладывается и заводчиками в основу взаимоотношений с социальной средой заводского населения¹⁰. Эта, своего рода социальная политика, станет еще одним способом приспособления горнозаводской системы к нуждам, как самих владельцев уральских заводов, так и государства, решающих задачи промышленного развития. И в том, и другом случаях патерналистский курс стимулировал потенциал горноокружной системы, содействовал ее выживанию в условиях стагнации производственной деятельности в этот период, создавал благоприятный климат во взаимоотношениях владельца и его крепостных рабочих. В. Г. Железкин заметил, что патернализм, являясь «проекцией реальных архаичных институтов», восходит к «восточным моделям» «занятости и мобилизации работников в противовес европейской модели, основанной на отчужденном труде»¹¹. Элементы патерналистской идеологии будут проявляться даже в начале XX в. в системе упомянутых «обязательственных отношений», являвшихся своеобразным адаптационным механизмом, позволявшим горнозаводской индустриальной культуре регулировать «оригинальный» характер отношений по линии «мастерской – заводовец».

Принципиально важным для понимания горноокружной системы, генетически связанной с традиционной культурой и ставшей основой особой – горнозаводской культуры¹², являются латифундальные основы ее формирования. Указанные уже признаки – «поместность», «натуральность», автаркичность могли возникнуть только в связи с предоставленным правом для всех субъектов заводовладения закреплять за собой в собственность или в льготную долговременную аренду (посессионное право) всю территорию горного округа. Последствия этой практики, сохранявшей легитимность до конца дореволюционной эпохи, трудно переоценить. Латифундии являются базовой характеристикой окружной системы и тех ее черт, которые сближают этот хозяйственно-управленческий тип с мобилизационной моделью. Они закрепляли «натуральность» системы, содействуя культивированию таких ее признаков как неконкурентность и, как следствие, слабость развития рыночных отношений. В момент формирования горнозаводской промышленности пути сбыта продукции актуализировались, как отмечалось, военно-политическими задачами, поэтому значительная ее часть изготовлялась под государственный заказ и поставлялась казне. Узость производственно-экономических задач, отсутствие отраслей, обеспечивающих широкий потребительский спрос, не могли содействовать расширению внутреннего рынка сбыта для отечественной металлургической промышленности.

Известный феномен преобладания русского (уральского) металла на международном рынке в XVIII в. – не более как результат практического отсутствия собственного внутреннего рынка и специфики внутриевропейской индустриальной ситуации, ориентированной в тот период на развитие отраслей, наиболее востребованных широкими слоями потребителей. Как только европейские страны вышли на этап создания тяжелой промышленности, российский металл стал вытесняться с международного рынка, а уральская промышленность вошла в период чрезвычайно медленных темпов производительности заводов, характерных для первой половины XIX века¹³. Проблема поиска рынков сбыта, почти не стоявшая ранее перед заводовладельцами, с начала XIX в. становится злободневной и не просто решаемой в рамках окружной системы. Наличие к тому же устаревших транспортных возможностей региона, а также неравномерного и относительно слабого по уровню развития спектра промышленных отраслей страны, потребление которыми металла могло бы составить основу внутреннего рынка, создавали дополнительные сложности. Но даже в этих условиях наиболее деятельные заводовладельцы – например, Демидовы, Яковлевы находили способы адаптации своих окружных хозяйств к рыночной ситуации первой половины XIX в.¹⁴

В пореформенный период окружной строй, по словам В. В. Адамова, «объединял и связывал» все остатки дореформенных отношений, выступая в качестве особой «формы» капиталистической эволюции горнозаводского хозяйства¹⁵. Латифундальное землевладение в новой ситуации оставалось щитом для проникновения в эту систему новых капиталов, а также охраной от внутренней конкуренции, возникавшей в связи с хозяйственной деятельностью мастеровых-кустарей, осваивавших мелкотоварный уровень производства металла. Запрещение в 1806 г. создавать «огнедействующие заведения», как известно, было подтверждено законодательством 1861 года¹⁶. Но в пореформенный период для горнозаводской промышленности ситуация осложняется, прежде всего, появлением первого крупного внутреннего конкурента в виде южнороссийского металлургического комплекса, сформировавшегося на принципиально иной социально-экономической основе. Горнозаводская промышленность Урала, сохранявшая элементы окружной системы, несмотря на существенный технический прогресс и рост производительности заводов¹⁷ не смогла все же поднять свой уровень конкурентоспособности, чтобы противостоять металлургии Юга России в борьбе за оптимально-выгодные внутренние рынки сбыта и привлечение иностранных инвестиций.

Латифундии, являясь выражением поместного характера горнозаводского землевладения, стали необходимой основой и такого оригинального для индустриальной сферы явления как землепользование населения, обслуживавшего горные заводы. Традиции землепользования сложились естественным образом из опыта крестьянского прошлого горнозаводского населения, но стали возможными только при закреплении за округом и его владельцем земельных территорий. Аграрный вопрос на горнозаводском Урале приобрел остроту в пореформенное время, поскольку потребовал изъятия части горнозаводского земельного фонда для наделения всех тех работных людей, которые когда-то были закреплены за заводами. Правительству потребовалась выработка особого политического курса для решения этих проблем¹⁸.

Одна из основных социально-политических функций горнозаводского землевладения в окружной системе заключается в создании условий для функционирования горнозаводской промышленности, позволявших иметь «под рукой» все необходимые производственные ресурсы, в том числе людские, и до минимума снижать затраты на содержание и оплату труда ее работников. Принцип хозяйственно-производственной автаркии и после реформы 1861 г. давал возможность опираться на сложившиеся в более раннее время хозяйственно-бытовые традиции жизни горнозаводского населения. Оно в производственно-организационной системе округа предстает как социальный элемент, поставленный в ситуацию необходимости частичного самообеспечения своих материальных потребностей. Земельный надел, как натуральная часть заработной платы, являлся и средством экономии финансовых расходов на оплату труда рабочих, и способом удержания за заводами бывших крепостных в качестве рабочей силы. Для самого же горнозаводского населения земельный надел превращался не только в хозяйственно-бытовое подспорье, но в ситуации перманентно присутствующих кризисных явлений горнозаводской промышленности пореформенного периода приобретал иное значение: становился самостоятельным экономическим фактором независимого существования от завода ранее «привязанного» к горнозаводскому предприятию населения. Эта перспектива (возможно, как идеальная модель Другой жизни) привлекала часть горнозаводского населения в силу идеи аграрного законодательства 70–90-х гг. XIX в. для уральских горных заводов передать надельную землю в собственность, что ориентировало заводских жителей в сферу не только сельскохозяйственных занятий, но и кустарно-промысловой деятельности. Данная область предпринимательства населения могла осуществляться на базе ресурсов земельного надела, полученного в собственность. Этим «собственническим» стремлением горнозаводского населения отчасти объясняется острота земельного вопроса в горнозаводских округах. Земельное наделение содействовало к тому же процессу распада горнозаводского сословия и вычленению из него слоя собственно рабочих, индифферентных к пользованию землей. Таким образом, аграрный вопрос в окружной системе вполне вписывается в мобилизационную модель, поскольку его сущностную конфигурацию составляли разнообразные механизмы приспособления латифундального окружного хозяйства к его производственным и социальным проблемам, которые создавались и заводоладельцами, и мастеровыми в соответствии со своими интересами.

Таким образом, горноокружная система по целому ряду характеристик не совпадает с некоей идеальной моделью экономической системы модернизированного типа. Но она формирует существенный набор элементов своей оригинальной структуры, включая идеологический компонент, делая ее самодостаточной и относительно устойчивой, а главное, способной адаптироваться к модернизационному вызову и решать задачи своей относительной замкнутости существования. В. В. Адамов считал, что «систему уральского горнозаводского хозяйства можно считать в определенном смысле высшим достижением крепостной экономики» России¹⁹. Он же указывал, что в этой системе переплетались «крепостнические» и заимствуемые из капиталистической практики методы управления. Однако российская политическая система, имевшая устойчивый охранительный потенциал, была таковой, что «новое» не разрушало, но, наоборот, укрепляло «старое»²⁰.

Это последнее замечание фиксирует, на мой взгляд, мобилизационный и, одновременно, адаптационный характер окружной системы, являющей собой сложное переплетение традиционных основ промышленного устройства горнозаводского хозяйства и некоторых результатов его модернизационной перестройки. Можно, вероятно, на примере региональной культуры горнозаводской промышленности говорить о том, что путь российской модернизации осуществлялся на основе установления такого

мобилизационного режима, который в российских условиях заимствования модернизационного опыта Запада, вырабатывал адаптационные механизмы, позволявшие корректировать заимствуемую модель в соответствии с возможностями и особенностями национального развития. Мобилизационный тип российской экономико-управленческой системы сопровождается выработкой адаптационных механизмов к инновационному развитию. Гипотетически резюмируем: для стран и регионов «особого» пути буржуазной трансформации мобилизационно-адаптивные способы заимствования инноваций и встраивания себя в контекст мирового процесса модернизации имеют имманентный характер.

Примечания

¹ См.: Фонотов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993; Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2002; Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003.

² См.: Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. Идеи В. Д. Белова развивал в своих «уральских сюжетах» В. И. Ленин; в 1930-х гг. они были восприняты некоторыми историками. См.: Ленин В. И. Полн. Собр. соч. Т. 2. С. 419. Т. 3. С. 486–487; Кашинцев Д. История металлургии Урала. М., 1936; Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. Наиболее глубокое их обоснование представлено в работах известного историка В. В. Адамова.

³ См.: Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 225–267.

⁴ Белов В. Д. Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910. С. 16.

⁵ См.: Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. С. 50–56, 161–163.

⁶ Адамов В. В. Указ. соч. С. 236.

⁷ См.: Горный округ // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 158–159.

⁸ См.: Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводоуправления. М., 1962.

⁹ См., например: Павленко Н. И. Указ соч.; Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века : владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.

¹⁰ См.: Железкин В. Г. Патернализм в государственной промышленности Урала в XIX в. // Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992; Он же. Государственный социальный патернализм в уральской промышленности XIX века // Модернизация в социокультурном контексте : традиции и трансформации : сб. науч. ст. Екатеринбург, 1998; Неклюдов В. Г. Эволюция крепостничества в горнозаводской промышленности Урала в конце XVIII – первой половине XIX в. // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998; Дашкевич Л. А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5–6.

¹¹ Железкин В. Г. Государственный социальный патернализм в уральской промышленности XIX века. С. 78.

¹² См.: Алеврас Н. Н. «Заперты мы на заводе» : локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках : сб. ст. Челябинск, 2003. С. 57–69.

¹³ См.: Гаврилов Д. В. Уральская металлургия XVIII – первой половины XIX в. : качество железа и мировой рынок металлов // Горнозаводский Урал. XVII–XX вв. Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 393–395.

¹⁴ См.: Суровцева Н. Г. Экспорт уральского металла в середине XIX века. Екатеринбург, 2001. С. 81–137.

¹⁵ Адамов В. В. Указ. соч. С. 246.

¹⁶ О кустарных промыслах горнозаводского населения см.: Алеврас Н. Н., Фомичева Т. С. Кустарные промыслы и горнозаводское население Урала на рубеже XIX–XX вв.: оценки и споры современников // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. Екатеринбург, 2006.

¹⁷ См.: Гаврилов Д. В. Модернизационные процессы в уральской металлургии в конце XIX – начале XX вв. (1890–1917 гг.) // Избранные труды. С. 320–381.

¹⁸ См.: Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века // Челябинск, 1996.

¹⁹ Адамов В. В. Указ. соч. С. 242.

²⁰ Там же. С. 243.

Булатов В. В.

КАК ЧАСТНЫЕ ЯПОНСКИЕ РЫБОПРОМЫШЛЕННИКИ ЭКСПЛУАТИРОВАЛИ НАШИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ВОДЫ (1907–1928 ГГ.)

До 1914 г. Дальневосточный бассейн по объему добычи рыбы занимал в России второе место после Каспия. Ежегодно в его водах добывалось около 10 млн пудов. Здесь были сосредоточены промысловые районы, населенные богатейшей ихтиофауной, превосходившей по своему разнообразию ихтиофауну соответствующих по широте «уловистых» районов Атлантики. В начале XX в. рыбные богатства русских дальневосточных вод практически не были истощены. Промышленное значение имели лососевые, сельдь, треска, осетр, палтус, камбала, скумбрия, навага и др. Из других водных биоресурсов

промысловым значением обладали крабы, киты, кашалоты, белухи, дельфины, нерпы, морские коты и бобры, морские водоросли (морская капуста) и несколько видов моллюсков¹.

Воды Дальнего Востока делились на четыре основных промысловых района: Камчатское побережье, Охотское побережье, река Амур с лиманом и Юго-Западное побережье (Владивостокский район). Первые три района специализировались главным образом на промысле лососевых, трески и крабов. К середине 1920-х гг. на Камчатский район приходилось 72 % добычи, на Амурский район – 20 %, на Охотский район – 8 %. Владивостокский район полностью сосредотачивал добычу сельди, трепангов, морской капусты и промысел тунца².

На русском Дальнем Востоке издавна вели свои промысловые операции японские рыбопромышленники. Рыбные богатства региона являлись жизненно необходимыми для Японии. Рыболовство в этой стране всегда играло чрезвычайно важную экономическую роль, т. к. рыба являлась не только важнейшим продуктом питания, но и служила в качестве удобрения для полей. То есть, в прямом смысле, рыба составляла основу благосостояния всего японского народа³. Необходимость промысловых операций в русских водах была следствием процесса истощения водных биоресурсов у японских берегов. На долю японцев приходилось более 70 % всей добычи в дальневосточных водах дореволюционной России⁴.

Легитимность их промысла была установлена русско-японской рыболовной конвенцией, заключенной между двумя странами в 1907 г. Первый проект рыболовной конвенции Япония представила России в 1902 г., но русское правительство тогда его отклонило⁵. Вопрос был вновь поднят после крайне неудачной для России войны с Японией. Заключение конвенции оговаривалось 11-й статьей Портсмутского мирного договора, завершившего русско-японскую войну 1904–1905 гг.⁶

Рыболовная конвенция была подписана 28 июля 1907 г. в Санкт-Петербурге. С русской стороны ее подписали министр иностранных дел А. П. Извольский и его заместитель Губастов, с японской – посланник Мотоно. Срок действия конвенции устанавливался в 12 лет. В соответствии с ее положениями правительство России наделило японских подданных правом ловить и обрабатывать все виды рыб и водных продуктов (кроме котиков и морских бобров) вдоль русского побережья Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением перечисленных в конвенции рек и бухт. Японские рыбопромышленники должны были осуществлять рыбодобычу и рыбообработку на специальных участках, получаемых в аренду с публичных торгов⁷.

На этих участках японцы могли пользоваться территорией побережья в целях починки судов, засола и сушки рыбы и т. д. Для этого они получили право возводить там здания и различные хозяйственные постройки. Помимо этого, для обработки рыбы японцам разрешили арендовать земельные участки вне пределов территории, указанной в конвенции. Японские арендаторы должны были подчиняться всем законам и распоряжениям, касавшимся иностранцев в России. Конвенция установила равное положение для русских и японских арендаторов в вопросах налогообложения рыбной ловли, правил ловли и др. Русское правительство обязалось не облагать экспортными пошлинами продукты рыбной ловли в прибрежных и амурских губерниях, но с условием, если эти продукты будут предназначаться исключительно для экспорта в Японию. Со своей стороны, японское правительство приняло на себя обязательство не облагать их импортными пошлинами. Согласно конвенции, во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре были открыты японские консульства, а в японских городах Цуруга и Отару – русские⁸.

Момент заключения русско-японской рыболовной конвенции считался началом «капиталистической» рыбной промышленности на Дальнем Востоке. При этом и до, и после 1907 г., рыбодобыча русских концентрировалась исключительно в устьях рек и прибрежной полосе («пассивный лов»). Фактически, японцы были единственными, кто мог вести лов в открытом море («активный лов») и был знаком с рынками сбыта. Жизненная важность промыслов для Японии явно прослеживалась в том основном требовании, которое японская дипломатия предъявила к России – «Предоставление монопольного права японским подданным эксплуатации русских вод на вечные времена»⁹.

В 1919 г. срок рыболовной конвенции истек. Японцы вошли в соглашение с «Омским правительством» адмирала А. В. Колчака, от которого они получили продление срока действия конвенции еще на 12 лет. Здесь очевидно, что во время гражданской войны предпринимались шаги в направлении регламентации деятельности японских рыбопромышленников. В годы «русской смуты» рыбные богатства края вообще являлись стержнем переговоров, которые велись между различными местными дальневосточными властями и японцами. Однако во время интервенции японцы самовольно объявили в русских водах «свободный лов» и охраняли своих рыбопромышленников с помощью военных кораблей. Более того, японское командование взяло на себя право сдавать промыслы в русских водах в аренду¹⁰.

Показательным здесь был пример Сахалина. До оккупации острова¹¹ японцы старались хотя бы внешне соблюдать условия рыболовной конвенции и арендовали участки исключительно в конвенционных водах. В неконвенционных водах им приходилось действовать через подставные лица и скупать там рыбу. Во время оккупации японцы полностью завладели всеми хорошими участками, вытеснив с них даже местных жителей. Лов стал носить хищнический характер. Об этом можно сделать вывод исходя из данных по улову особо ценных пород рыбы – кеты и горбуши. В 1910–1914 гг. (т. е. за пять лет) по данным губернатора Сахалина японцами было выловлено 0,7 млн штук кеты и 1,7 млн штук горбуши. В годы оккупации острова, только за период 1921–1924 гг., объемы улова резко возросли. Кеты было выловлено 5,9 млн штук, а горбуши – 5,2 млн штук. Хищнические методы применялись при ловле других видов рыб, крабов, против чего в 1923 г. протестовала даже японская пресса. Стало очевидным, что применявшиеся методы неминуемо вели к быстрому истреблению водных биоресурсов острова¹².

Пользуясь сложной военно-политической обстановкой, японцы в 1921–1922 гг. прекратили платежи за аренду рыболовных участков в водах существовавшей тогда Дальневосточной Республики (ДВР)¹³. С воссоединением ДВР с РСФСР 15 ноября 1922 г., они вскоре подняли вопрос об аренде участков. Советское правительство разрешило японским рыбопромышленникам участвовать в торгах наравне с другими русскими и иностранными предпринимателями. Одновременно Наркомпрод РСФСР¹⁴ поставил вопрос о недоимке за пользованием участками в прежние годы. Весной 1923 г. на переговорах с японцами был достигнут некий компромисс. Они согласились внести в счет недоимки 1 млн иен авансом, и оговорили это тем, что окончательная сумма недоимки будет определена комиссией с их участием¹⁵.

После этого японцы заарендовали на торгах участки и благополучно пользовались ими в течение всего сезона 1923 года, всячески затягивая при этом начало работы комиссии. Потом они попытались убедить представителей Наркомпрода в том, что сумма аванса в 1 млн иен почти полностью погашает арендную плату за 1921–1922 гг. Однако их довод не выдерживал никакой, даже самой элементарной, критики. Только за один сезон 1923 года японцы сами внесли 1,35 млн иен в качестве арендной платы за участки. Получалось, что аренду тех же участков в 1921–1922 гг. (т. е. за два года) они оценили суммой в 1 млн иен. Непосредственно перед торгами 1924 года японцы вновь попытались навязать советской стороне свою точку зрения, но безуспешно. Наркомпрод на уступки не пошел¹⁶.

В знак протеста японские рыбопромышленники вообще не явились на торги, что стало с их стороны весьма опрометчивым шагом – в отсутствии конкурентов русские предприниматели сняли самые важные для себя участки. Японцы дрогнули и приняли условия Наркомпрода. Они согласились погасить старую задолженность суммой в 2,75 млн иен. Но и торги были уже почти упущены. В 1924 г., по сравнению с 1923 г., японцами было заарендовано меньшее количество участков (219 против 255), а русскими предпринимателями наоборот большее (72 против 30). Дополнительно, у японских рыбопромышленников были изъяты 13 лучших участков для передачи их государственной рыбной промышленности¹⁷.

Этот эпизод был знаковым. Он завершил собой «смутное время» в истории японской эксплуатации водных биоресурсов русского Дальнего Востока. Японцы так и не решились воспользоваться «правом сильного», предпочтя согласиться со справедливыми требованиями советского правительства. Твердая позиция Наркомпрода резко отразилась на доле участия японских рыбопромышленников в эксплуатации конвенционных вод:

Таблица 1. Участие различных хозяйствующих субъектов в эксплуатации конвенционных вод (в %)

Хозяйствующие субъекты	1923 г.	1924 г.
Японские рыбопромышленники	90,5	77
Русские частные рыбопромышленники	6,9	11
Кооперация	2,6	5
Государственная рыбная промышленность	-	7

Источник: Бонч-Осмоловский А. Японская рыбопромышленность в водах СССР по японским данным // Бюллетень рыбного хозяйства. 1924. № 21–22. С. 11.

Начавшиеся в 1923 г. переговоры с советскими властями «создали тревожное настроение» среди японских рыбопромышленников. В дополнение ко всему, со стороны японских банков и частных инвесторов им был сокращен кредит, а процент по ссудам наоборот увеличен¹⁸. Наркомпроду тогда же удалось добиться более выгодных для советского государства условий аренды по сравнению с предыдущим годом, то есть:

- а) арендная плата увеличивалась на 15 %;
- б) японцы должны были выплачивать 5 % аренды на нужды рыбозаведения;
- в) советская сторона нормировала количество вылавливаемой рыбы на каждом участке;
- г) запрещалась выработка тука (рыбной муки) из всех пород рыбы;
- д) регулировалась обработка рыбы (т. е. советская сторона могла ограничивать низкокачественный японский сухой посол).

Данные условия четко демонстрировали стремление советских властей не только извлечь как можно больше экономическую выгоду для себя, но одновременно намечали ряд мероприятий, направленных на сохранение и воспроизводство рыбных ресурсов.

Из данных на 1923 г. (см. таблицу 1) видно, что советская государственная рыбная промышленность вообще не принимала никакого участия в эксплуатации участков. Но именно к 1923 г. относятся первые попытки ее создания в регионе. Отличительной особенностью Дальнего Востока было то, что национализации рыбной промышленности там вообще не было, поэтому не было ни государственных промысловых сооружений, ни флота¹⁹. Государство обладало лишь участками.

Русская частная рыбная промышленность сформировалась в период 1911–1913 гг. и закрепились в низовьях Амура. Госрыбпром, ввиду отсутствия у него основных и оборотных средств, а также технического персонала, пошел по пути заключения соглашений с частными предпринимателями. Это было единственным способом оказания государственного влияния на рыбную отрасль региона и формирования средств²⁰.

Первым было организовано АО «Дальморепродукт». Учредителями его являлись Госрыбпром, являвшийся собственником участков, и крупный русский рыбопромышленник М. М. Люри, которому принадлежали промысловые сооружения на ряде этих участков. Устав общества был утвержден СТО только в июле 1924 г. Предыдущий сезон 1923 г. «Дальморепродукт» проработал на основе предварительного соглашения. В 1924 г. деятельность АО проходила не только в низовьях Амура, но распространялась и на Камчатку, где «Дальморепродукт» заарендовал участки²¹.

Однако, несмотря ни на жесткую позицию Наркомпрода, ни на усилия по развитию отечественной рыбной промышленности, самым крупным участником эксплуатации дальневосточных вод оставались японские рыбопромышленники, причем советское правительство извлекало самый высокий доход от их арендной платы. В 1923 г. доля японцев в арендной плате составляла 62 %, русских частных рыбопромышленников – 16 %, кооперации – 10 %, государственной рыбной промышленности – 8 %, артелей местного населения – 4 %. При этом необходимо учесть, что частные рыбопромышленники и кооперация полностью или в значительной мере субсидировались японцами²².

К середине 1920-х гг. японские промысловики ежегодно вывозили в Японию добытой рыбы на сумму 16–18 млн руб. Кроме того, они экспортировали «советскую» рыбу на иностранные рынки (на сумму около 14–15 млн руб.)²³. Доля японских рыбопромышленников была высокой в такой важной отрасли как производство рыбных и крабовых консервов. Их консервные заводы преимущественно работали на экспорт. В 1923 г. общая стоимость консервированной продукции оценивалась в 17 млн руб. При этом на внутренний рынок Японии поступило лишь 2,9 % продукции (по ценности), а подавляющая часть продукции (97,1 %) была экспортирована²⁴. Основными рынками сбыта, помимо Японии, являлись Великобритания, Китай, Корея и Соединенные Штаты. Советский рынок потреблял небольшое количество дальневосточных консервов японского производства.

Тем не менее, различные специалисты приходили к выводу, что рыбоконсервное производство было развито на Дальнем Востоке незначительно. В первой половине 1920-х гг. из всего улова лососей консервировалось только 8–10 % (включая кетовую икру). Подавляющее большинство улова (80 %) подвергалось сухому «японскому посолу», когда неочищенная рыба просто складывалась в штабели и посыпалась солью. Получаемый таким способом продукт был крайне малоценен, низкого качества и рассчитывался исключительно на дешевый (но емкий) азиатский рынок. Рыбokonсервные заводы на арендованных участках в своем большинстве находились в руках японцев. К 1924 г. их насчитывалось всего 20, из них 18 японских и только 2 принадлежали отечественным рыбопромышленникам²⁵.

Такая же ситуация складывалась и с крабokonсервным производством. К 1924 г. на участках арендаторов насчитывалось 15 береговых крабokonсервных заводов (каждый краболовный участок имел крабokonсервный завод). Из этого числа, 12 заводов были японскими и только 3 эксплуатировались отечественными промысловиками²⁶. Число береговых заарендованных краболовных участков (а вместе с ними и заводов) возросло к началу 1927 г. до 22 (см. таблицу 2). Однако считалось, что повышение уловов краба при довольно стабильном количестве участков имело небольшое значение по сравнению с морским промыслом в территориальных водах СССР²⁷.

Таблица 2

Рост количества береговых крабokonсервных заводов и их производительности

Год	Количество заводов	Продукция (тыс. ящиков)
1923	15	28,5
1924	21	27,0
1925	22	52,5
1926	22	71,0

Источник: Русский К. О японском крабовом промысле в водах ДВК // Бюллетень рыбного хозяйства. 1927. № 2. С. 9.

В отношении же японских плавучих крабokonсервных заводов утверждалось, что они вообще «не поддаются учету»²⁸. До революции лов краба у берегов Приморья и Камчатки японцы вели при помощи шхун и катеров, а улов отвозили для переработки на японскую территорию, в состав которой входили Южный Сахалин и острова Курильской гряды. К 1917 г. только на островах Шумшу и Парамушир, расположенных в непосредственной близости от мыса Лопатка (самой южной точки Камчатского полуострова), имелось 14 крабokonсервных заводов²⁹.

В связи с перемещением на север места основного промысла краба, развитием техники и крупных инвестиций в доходный крабokonсервный бизнес, японский промысел с судов претерпел значительные изменения. Они стали строить плавучие крабokonсервные заводы тоннажем до 3 тыс. тонн и количеством команды и рабочих до 500 человек. На «плавучих краболовах» имелось до десятка катеров и кунгасов. Суда-заводы обеспечивали весь цикл обработки крабов. Способ лова оставался тем же самым, что и на береговых участках. Плавучий завод имел определенную стоянку-базу в 3–7 милях от берега, а его катера и кунгасы вели промысел в радиусе до 12 миль. В 1927 г. промысел крабов с судов уже превышал береговой на 295 %³⁰.

Японцы всячески старались интенсифицировать лов и обработку крабов в советских дальневосточных водах. На это непосредственно влияло незначительное количество краба на Тихоокеанском побережье Америки и истощение запасов краба в водах самой Японии. В то же время, на рынках Великобритании, Соединенных Штатов и Франции консервы из крабов пользовались не просто высоким, а «неограниченным» спросом. Японская частная промышленность при помощи субсидий государственных и частных банков Японии стремительно развивала это производство (см. таблицу 3).

Таблица 3

Динамика крабоконсервного производства на береговых и плавучих заводах

Год	Береговые участки (тыс. ящиков)	Плавучий промысел (тыс. ящиков)
1920	4,8	0,3
1921	20,4	4,0
1923	28,5	35,7
1924	27,0	42,1
1925	52,5	109,2
1926	71,0	210,0

Источник: Русский К. О японском крабовом промысле в водах ДВК // Бюллетень рыбного хозяйства. 1927. № 2. С. 9.

Однако в отличие от лова и обработки крабов на береговых участках, морской промысел в 12-мильной зоне территориальных вод СССР носил браконьерский характер. Обнаружить японских браконьеров, а тем более задержать их, было не просто трудно, а практически невозможно. Советский рыбнадзор не имел достаточного количества патрульных судов. Японские суда, в случае необходимости, пользовались своей быстроходностью и покидали пределы 12-мильной зоны, либо уходили под защиту японских миноносцев, крейсировавших в районе Камчатки в течение всего промыслового сезона («покровительство» японского правительства своим краболовам принимало порой и такие формы)³¹.

В 1924 г. советский рыбнадзор все же установил, что в районе западного побережья Камчатки браконьерствовали 8 японских пароходов и 4 шхуны. Эти суда принадлежали японским фирмам «Ничиро Гиогю Кабусики Кайша», «Тойсей Гиогю Кабусики Кайша», «Карафуту Гиогю Кабусики Кайша» и «Басими Тейджи». Несмотря на почти полное отсутствие технических возможностей, агентам советского рыбнадзора удалось задержать две японские шхуны и пароход «Суна-Мару», принадлежавшие «Басими Тейджи». Одна шхуна была конфискована, а остальные два судна отпущены после того, как судовладелец заплатил назначенные советским судом штрафы. Этот случай никак не подействовал на краболовов-браконьеров. В последующие годы они продолжали «свое гнусное дело»³².

Так, в 1926 г. советским надзором в территориальных водах СССР было обнаружено «более» 12 японских пароходов и 10 шхун, общим тоннажем до 40 тыс. тонн, промышлявших краба. Количество катеров на этих судах доходило до 50 и кунгасов до 70. На судах насчитывалось около 3,5 тыс. человек рабочих и команды и до 50 тыс. сетей. Суда-заводы и шхуны принадлежали все тем же «Ничиро Гиогю Кабусики Кайша», «Тойсей», «Карафуту Гиогю Кабусики Кайша» и др.³³.

Слабая техническая оснащенность в тот период была присуща не только советскому рыбнадзору, но и самой советской рыбной промышленности. Ее успешное функционирование во многом зависело от поставок из Японии всего необходимого для организации и ведения промысла. Участие японцев в эксплуатации русских дальневосточных вод охарактеризовал специалист советского рыбного хозяйства А. Бонч-Осмоловский: «Почти все морские рыбалки в так называемых конвенционных водах арендуются японцами. И русская, и японская рыбопромышленность получают из Японии все промысловое снабжение, в Японии сбывается основная масса улова, Дальневосточная рыбопромышленность обслуживается японским тоннажем и японской рабочей силой. Японский порт Хакодате является главным и почти единственным перевалочным пунктом для продукции рыбопромышленности нашего крайнего Северо-Востока и пунктом, где производятся закупки всех необходимых для Камчатских и Охотских промыслов припасов и орудий лова»³⁴.

И в дальнейшем импорт изделий японской промышленности продолжал играть важнейшую роль в оснащении промыслов советского Дальнего Востока по причине близости предприятий производителя. В 1926 г. орган государственной рыбной промышленности «Бюллетень рыбного хозяйства» признавал, что рыбная продукция Дальнего Востока на 80–85 % обеспечивается средствами и силами, доставляемыми из-за границы, преимущественно из Японии³⁵. По информации Хакодатского отделения Торгпредства СССР, из Японии импортировались рыболовные принадлежности, плавучие средства, металлические изделия и прочие товары. В последующие годы импорт не только не сокращался, а наоборот рос. Так, в 1928/1929 промысловом году по сравнению с предыдущим годом он вырос на 4,4 %³⁶.

В 1925 г. общий улов в регионе превысил дореволюционный уровень на 15 % (11,5 млн пудов против 10 млн). Причиной роста стала интенсификация японскими арендаторами промысловых операций на

Камчатке. На общий объем улова не повлияло даже его 50-процентное сокращение на Амуре, район которого эксплуатировался отечественными организациями. Активная деятельность японских рыбопромышленников в рыбном хозяйстве Дальнего Востока привела к тому, что в тот период отечественный сектор в этой отрасли еще более сузился – с 30 % (до революции) до 15 %³⁷.

В такой ситуации, несмотря на недостаток капиталов, которые требовались для развития государственных дальневосточных промыслов, особенно в низовьях Амура, советская сторона признавала нецелесообразным акционирование государственных рыбопромышленных предприятий при участии японцев. При этом на предпринимателей другой национальной принадлежности это не распространялось. Считалось, что широкое проникновение японского капитала в этот район создавало политическую и экономическую угрозу амурским промыслам, отрывая их от внутреннего рынка³⁸.

В дальневосточном регионе традиционно переплетались экономические и политические интересы различных государств, в первую очередь Японии, России и Соединенных Штатов. С советизацией Дальнего Востока характерными стали попытки использовать «американский» и другие иностранные «факторы» в целях обуздания японских притязаний и ликвидации оккупации Северного Сахалина. Сложившееся в регионе положение определялось тем обстоятельством, что Советская Россия в тот период ни в военном, ни в экономическом отношении не могла самостоятельно противостоять Японии. Причинами были как слабость советских военных сил на Дальнем Востоке, так и крайне низкая хозяйственная освоенность огромных территорий региона, усугублявшаяся такой же крайне низкой плотностью населения.

Желание привлечь в отрасль иностранный капитал «неяпонской национальности» особенно проявляло себя в первой половине 1920-х гг. Так, в 1925 г. ответственные сотрудники НКВД СССР информировали Главконцеском о заявлении норвежской фирмы «Хальдер Хансен» с просьбой предоставить ей китобойную концессию у берегов Камчатки и в Охотском море. Наркоминдел находил желательным предоставление данной концессии в целях создания конкуренции и ослабления «японских тенденций». Подобные же мотивы приводились советским внешнеполитическим ведомством и при обсуждении предложения норвежского предпринимателя Х. Христенсена (позже АО «Вега»)³⁹.

В 1925 г. начавшаяся в регионе практика предоставления концессий японцам в разных отраслях экономики была одним из условий дипломатического признания Советского Союза со стороны Японии. В последующем концессии на Дальнем Востоке послужили действенным инструментом сдерживания Японии от прямого военного вторжения в СССР. Полученные эффекты исходили из теснейшей связи, существовавшей между японскими политическими, военными и деловыми кругами. Практически за всеми концессионными предприятиями на советском Дальнем Востоке стояли крупные японские и международные финансово-промышленные группы, имевшие влияние на военно-политическое руководство Японии и пользовавшиеся его непосредственной поддержкой.

Например, председателем правления японской нефтяной концессии на Сахалине «Кита Карафута Секию Кабусики Кайша» был адмирал Накасато, который в то же время являлся представителем военно-морского ведомства – главного потребителя как сахалинской, так и другой импортируемой японцами нефти. Само японское нефтяное концессионное общество было учреждено особым указом императора Японии. В случаях нефтяной концессии (как и угольной концессии «Кита Карафута Коогю Кабусики Кайша») на Сахалине, гарантия крупных инвестиций в добычу обеспечивалась вхождением в состав общества крупнейшего концерна «Мицубиси» в качестве главного акционера⁴⁰.

Красноречив один из документов советского внешнеполитического ведомства. 31 марта 1925 г. в своей служебной записке в Главконцеском полпред СССР в Японии В. Л. Копп, говоря о целесообразности организации в Токио Концессионной комиссии при Торгпредстве СССР, замечал, что «по особенностям японской экономики, всякая крупная концессия, данная той или иной значительной японской фирме, будет иметь самое непосредственное и немедленно же претворяющееся в жизнь политическое значение. При теснейшем сплетении правящей бюрократии с крупными промышленными и финансовыми фирмами Японии, удачное маневрирование в области нашей концессионной политики является первостепеннейшей политической задачей»⁴¹.

После установления дипломатических отношений между Японией и СССР японские, американские и прочие иностранные «факторы» также продолжали приниматься в расчет советскими внешнеполитическими и хозяйственными органами. Но, не отказываясь в целом от намерений в политических целях привлечь в район Дальнего Востока Союза ССР другой, помимо японского, иностранный капитал, ВСНХ РСФСР все еще учитывал возможную негативную реакцию японского правительства.

По этой причине в 1928 г. ВСНХ ответил отказом на предложение группы американских промышленников, переданное через председателя Торговой палаты Сиэтла Ф.У. Фелпса. Суть американского предложения сводилась к предоставлению им концессии на консервное производство в районе промыслов Охотского моря. Американцы намеревались вырабатывать консервы из кеты, горбуши и нерки (красной). Однако участки в районах предполагаемой концессии в основном удерживали за собой японцы, которые вылавливали там 80 % ценной рыбы⁴².

Предоставление концессии американцам могло вызвать протесты официального Токио, а также повлечь за собой дальнейшее сокращение района эксплуатации советскими государственными организациями, но желание оказать некоторый нажим на японцев также продолжало иметь место. Их попытались вынудить передать советским предприятиям лучшие рыболовные участки, используя для этого «американский фактор»⁴³.

Лишь во второй половине 1920-х гг. советские власти стали все больше склоняться в пользу максимального использования конкурентных преимуществ Японии через предоставление чистых или смешанных концессий в отрасли рыболовства. Так, к концу ноября 1928 г. был составлен проект учредительского договора смешанного советско-японского акционерного общества. В соответствии с проектом, советское правительство обязалось предоставить смешанному АО концессию на право производства лова и переработки рыбы в бухте Совгавань на 20-летний срок. Обществу разрешался промысел, главным образом, макрели, сельди и трески⁴⁴.

Основной капитал АО определялся в 600 тыс. иен. Японский участник должен был внести наличными 450 тыс. иен, а остальные 150 тыс. иен (советская доля) зачислялись в капитал в качестве платы за предоставленную концессию. Обществу разрешались следующие виды деятельности: 1) лов и обработка рыбы; 2) распределение продуктов вылова, их транспортировка, хранение и реализация; 3) производство средств производства (рыболовного оборудования, кунгасов и орудий лова), как для собственных нужд, так и для продажи; 4) выдача ссуд с рыболовного капитала; 5) эксплуатация транспортных предприятий⁴⁵.

Правительство СССР в проекте учредительского договора брало на себя обязательства полностью освободить АО от уплаты таможенных пошлин и других сборов, а также предоставить право свободного транзита и каботажного рыболовного прибрежного промысла, продукции и пр., необходимых для пользования участками. В области бытовой деятельности, смешанному обществу разрешалась реализация своей продукции «по наивыгоднейшей цене» на советском, японском или других рынках в зависимости от того, где цены будут выше. Также разрешался беспрепятственный фрахт японских судов для перевозки продукции или для других надобностей, связанных с производственной деятельностью. Важным в проекте учредительского договора было обязательство советской стороны освободить АО от всех налогов и сборов, кроме участия правительства СССР в доходах от операций⁴⁶.

Несмотря на чрезвычайно льготные условия смешанной концессии, до ее реализации дело не дошло. В то же время, налицо было стремление авторов проекта закрепить за советской стороной определенную долю регулирующего влияния на деятельность в дальневосточных водах японских рыбопромышленников. При этом надо учитывать, что в тот период сотрудничество в области рыболовства в советских дальневосточных водах стало важным фактором поддержания стабильных международных отношений.

Так, в 1927 г. Хакодатская таможня при подготовке материала для делегации Японии на конференции по вопросам рыбного хозяйства в Москве приходила к выводу. «Мы полагаем, – говорилось в материалах, – что для счастья восточных народов другого пути нет, как только работа рука об руку трех государств: Японии, Китая и России. Мир на Дальнем Востоке особенно много зависит от экономического сотрудничества Японии и России, поэтому капиталистические предприятия⁴⁷ обоих государств должны обменяться, прежде всего, крепким рукопожатием в Охотском море. Кроме того, не надо забывать, что рыбопромышленность в русских водах в настоящее время не является просто одним из промышленных вопросов, она поистине является наиболее важной отправной точкой в течении международных политических событий Японии и России»⁴⁸.

В 1928 г. между СССР и Японией была подписана новая рыболовная конвенция. Главным ее отличием от русско-японской конвенции 1907 года было то, что она оформила совмещение арендной и концессионной форм эксплуатации водных биоресурсов в конвенционных водах.

В целом, работа японских рыбопромышленников в конвенционных водах постоянно была объектом пристального внимания советских и партийных органов. Их, прежде всего, интересовали японские методы и техника ведения промысловых операций. Дело в том, что даже в середине 1930-х гг. советская государственная рыбная промышленность в регионе (как и дореволюционные русские рыбопромышленники) продолжала практиковать исключительно береговой («пассивный») лов с использованием так называемых «ставных» неводов. Однако такая организация как Дальрыба, ответственная за развитие дальневосточной рыбной промышленности, не только не предпринимала никаких мер по организации «активного» лова в открытом море, но и не добилась полной эксплуатации береговых участков. Так, из 200 береговых участков Акционерного Камчатского Общества (АКО) в конвенционных водах, эксплуатировалось примерно 160, а 40 участков бездействовали⁴⁹.

В противовес этому, в тот же период, японская рыбная промышленность активно развивала в конвенционных водах морской промысел, используя до 300 единиц моторных плавсредств и 17 плавучих консервных заводов. Японские рыбопромышленники применяли при «моторном» лове плавные (а не ставные) неводы. Например, именно таким способом в 1934 г. они вылавливали на восточном берегу Камчатки (напротив Усть-Камчатка и Кроноцкого заповедника) ценнейшую лососевую рыбу – красную, которую тут же доставляли на плавучие консервные заводы, обрабатывали в консервы и специальными транспортами увозили в Великобританию для реализации⁵⁰.

Так как этот лов носил браконьерский характер, то, как обычно в таких случаях, японских рыбопромышленников «усиленно» охраняли несколько миноносцев и вооруженных шхун Морского министерства и Министерства земледелия и лесоустройства Японии. После этого флотилия передвигалась к западному побережью Камчатки, где в районах «мыс Лопатка – Озерная» и «Опала – Гальгино – Большерецк» тем же способом усиленно ловили красную и горбушу, что не представляло собой никаких затруднений, т. к. в четные годы горбуша обычно «валила руном» вдоль берега почти трехмильной полосой⁵¹.

Абстрагируясь от браконьерского характера работы японцев, Дальневосточный Крайком ВКП(б) отмечал умение японцев направлять и концентрировать свои усилия на рентабельном лове с применением «самоходов» с плавными сетями. Крайком в очередной раз был вынужден указывать, что, в отличие от японцев, Дальрыба и АКО, ежегодно не выполнявшие план по вылову рыбы, не предпринимали ничего для организации активного лова, хотя по этому вопросу Наркомснабом и НКВД принимались соответствующие решения⁵².

Между тем, то же АКО имело все преимущества в организации активного лова, имея на своем, советском берегу оборудованные промыслы и заводы. В качестве первого шага АКО имело все возможности использовать имевшиеся у него кавасаки, сначала для лова сельди и трески, а затем – для лова красной, горбуши, кеты и т.д. Видимо учитывая ту истину, что «свято место пусто не бывает», Крайком опасался, что японцы применяют свои методы не только на Камчатке, но и в лимане Амура – в районе острова Лангр, куда из Охотского моря направлялась осенняя кета, а из Японского моря шла горбуша. Только временная нерентабельность экспорта кетовых консервов так же временно удерживала японцев. Дальневосточный Крайком стал требовать организации активного лова по всему Дальнему Востоку⁵³.

Кое-какие меры уже предпринимались. Так, Тихоокеанский институт рыбного хозяйства (ТИРХ) провел своеобразный опыт на западном побережье Камчатки, задействовав для активного лова свой тральщик (т. е. траулер) «Лебедь». Опыт по ловле кеты и горбуши оказался удачным. При ведении такого лова предлагалось использовать не только береговые предприятия, но также плавучие морозилки и рефрижераторы для производства особо ценного экспортного продукта. Основные базы для организации активного, в основном лососевого, лова в первую очередь намечалось создать на Камчатке (по восточному берегу – в Усть-Камчатске, по западному берегу – в Озерной, Опале и Большерецке), в лимане Амура (на острове Лангр) и в Приморье (на острове Путятин)⁵⁴.

Но проблема состояла не только в слабой технической оснащенности советских государственных и частных рыбопромышленников. Она состояла и в отсутствии на Дальнем Востоке необходимого количества отечественных квалифицированных ловецких кадров. Специалисты Крайкома ВКП(б) призвали свое руководство обязать АКО привлечь в порядке промышленного переселения астраханских, черноморских и азовских рыбаков, то есть действительно квалифицированные кадры, «а не стариков или парикмахеров»⁵⁵. Положительный опыт уже имелся. В 1928 г. в качестве эксперимента на Дальний Восток были переселены группы рыбаков из Астрахани и Сталинградской губернии. Экономическое Совещание РСФСР выступило тогда с решением предложить Наркомзему РСФСР, Дальневосточному Крайисполкому и Наркомату труда РСФСР организовать систематические переселения на Дальний Восток рыбаков, хорошо знавших приемы морского рыболовства, из южных и северных областей европейской части Союза ССР⁵⁶.

Примечания

¹ Андрианов Ф. Рыбное хозяйство Дальнего Востока // Бюллетень рыбного хозяйства. 1924. № 6–7. С. 2.

² Там же.

³ См.: Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы / Серия «Отечественный опыт концессий». Т. I / под ред. проф. М. М. Загорюлько, проф. А. Х. Абашидзе; сост. : М. М. Загорюлько, В. В. Булатов, А. П. Вихрян (ответ. составитель), В. Н. Косторниченко, Т. В. Царевская-Дякина. М. : Современная экономика и право, 2003. С. 69.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2108. Л. 32.

⁵ Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР... С. 69.

⁶ Там же. С. 367. Мирный договор между Россией и Японией был подписан 5 сентября 1905 г. в Портсмуте (США). С русской стороны его подписали С. Ю. Витте и Р. Р. Розен, с японской – Комура и Такахира. Договор состоял из 15 статей. Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии право аренды на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним (Далянь), а также на железную дорогу от Порт-Артура до Куань-Чен-Цзы. Статья 9 договора предусматривала уступку Южного Сахалина Японии.

⁷ Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР... С. 366.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: Андрианов Ф. Рыбное хозяйство Дальнего Востока... С. 2.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 6. Д. 561. Л. 3.

¹¹ В конце октября 1920 г. под дипломатическим нажимом Соединенных Штатов японские войска ушли из Забайкальской и Амурской губерний, но еще оставались в Приморье и на Северном Сахалине. Оккупация Приморья завершилась в октябре 1922 г., когда японские войска без боя покинули Владивосток. Оккупация Северного Сахалина была завершена только в 1925 г.

¹² Аболтин В. Рыболовство на Сахалине // Бюллетень рыбного хозяйства. 1927. № 4. С. 6.

¹³ Дальневосточная Республика (ДВР) просуществовала с 6 апреля 1920 г. по 14 ноября 1922 г. ДВР включала в себя территории Забайкальской, Приморской, Сахалинской и Камчатской областей, оккупированных японцами, а также полосу отчуждения Восточно-Китайской железной дороги.

¹⁴ Народный комиссариат продовольствия существовал короткое время. Он был ликвидирован в 1924 г., а его аппарат передан Народному комиссариату по внутренней торговле СССР.

- ¹⁵ Козаков М. Соглашение с японскими рыбопромышленниками // Бюллетень рыбного хозяйства. 1924. № 6–7. С. 1.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Бонч-Осмоловский А. Японская рыбопромышленность в водах СССР по японским данным // Бюллетень рыбного хозяйства. 1924. № 21–22. С. 11.
- ¹⁹ См.: Н. Е. Государственные и смешанные рыбопромышленные предприятия Дальнего Востока // Бюллетень рыбного хозяйства. 1924. № 21–22. С. 9.
- ²⁰ Адрианов Ф. Рыбное хозяйство Дальнего Востока ... С. 4.
- ²¹ Н.Е. Государственные и смешанные рыбопромышленные предприятия Дальнего Востока ... С. 9.
- ²² Адрианов Ф. Рыбное хозяйство Дальнего Востока ... С. 4.
- ²³ Там же. С. 2.
- ²⁴ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 561. Л. 4.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 561. Л. 4.
- ²⁷ Русский К. О японском крабовом промысле в водах ДВК // Бюллетень рыбного хозяйства. 1927. № 2. С. 9.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 561. Л. 4.
- ²⁹ Русский К. О японском крабовом промысле в водах ДВК... С. 9.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР... С. 334.
- ³² Там же.
- ³³ Русский К. О японском крабовом промысле в водах ДВК... С. 9.
- ³⁴ Бонч-Осмоловский А. Японская рыбопромышленность в водах СССР... С. 10.
- ³⁵ Склабинский В. Льготы по снабжению рыбных промыслов Союза иностранными товарами // Бюллетень рыбного хозяйства. 1926. № 11–12. С. 1.
- ³⁶ Иностранное обозрение. Советский импорт из Хакодате // Рыбное хозяйство Дальнего Востока. 1929. № 1. С. 52.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2108. Л. 32 об.
- ³⁸ Козаков М. Об участии иностранного капитала в рыбной промышленности // Бюллетень Главного управления рыболовства и рыбной промышленности. 15 апреля 1923 года. С. 1.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2394. Л. 4.
- ⁴⁰ См.: ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 262. Л. 10–12.
- ⁴¹ Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР... С. 215.
- ⁴² ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 975. Л. 1 – 1 об.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР... С. 134–135.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 135.
- ⁴⁷ В отношении СССР имелись в виду акционерные общества с участием частного капитала.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 405. Л. 93.
- ⁴⁹ Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР... С. 363.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ РГАЭ. Ф. 9296. Оп. 1. Д. 89. Л. 68 об.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 48. Л. 6.

Воробьева А. Ю.

КООПЕРАТИВНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1945–1950 ГГ.)

Советский Союз вышел победителем из Второй мировой войны, понеся колоссальные человеческие жертвы, имея разрушенную экономику, ориентированную в основном на нужды военного времени. Постепенно возвращаясь к мирной жизни, государство основные ресурсы – людские, финансовые, сырьевые – направило на восстановление промышленных предприятий, государственных заводов и фабрик. Возрождение тяжелой промышленности требовало немалых затрат, оставляя минимум средств на нормальное развитие других отраслей народного хозяйства. Снабжение населения товарами первой необходимости центр перекладывал, в основном, на местную и кооперативную промышленность. Усилия кооперативного сектора по снабжению населения товарами народного потребления позволили в условиях реорганизации мобилизационной экономики, осуществляемой после окончания

войны, поддерживать определенную пропорциональность в развитии экономики СССР. Как отмечает И. И. Никонов, кооперация в разные годы «поставляла на рынок товаров народного потребления от 30 % до 50 %, а по отдельным товарам и более того, наполняя рынок одеждой, обувью, посудой, мебель и т. д.»¹.

Заинтересованность государства в данном секторе народного хозяйства видна в Постановлении СНК СССР № 2139 от 22 августа 1945 года, в котором, в частности, идет речь о дальнейшем развертывании промысловой кооперации: «Считать важнейшей задачей советских организаций обеспечение неуклонного увеличения выпуска товаров широкого потребления и продовольственных товаров из местного сырья и отходов предприятий местной промышленности, промышленной кооперации и кооперации инвалидов»².

Верховный Совет СССР в пятилетнем плане развития народного хозяйства в 1946–1950 гг., особо выделял роль и место кооперативного сектора в восстановлении разрушенной экономики, которая, наряду с местной государственной, должна была обеспечить население товарами широкого потребления высокого качества и широкого ассортимента: «Считать основной задачей местной промышленности и промкооперации производство предметов широкого потребления, местных строительных материалов... Обеспечить в местной промышленности и промкооперации во всех республиках, краях и областях производство предметов домашнего обихода высокого качества и по общедоступным ценам»³.

В соответствии с новыми задачами, которые ставились перед кооперативной промышленностью, с нее снимались государственные военные заказы. Процесс освобождения артелей от них, как отмечает А. А. Пасс, начался еще с середины 1943 года, когда наметился коренной перелом в войне⁴. Окончательно с промысловой кооперации Челябинской области спецзаказы были сняты уже к началу 1946 г.⁵ Несмотря на это, около 50 % изготавливаемых товаров шло не через торговую сеть, а по системе заказов, поступивших с заводов, фабрик, комбинатов и других предприятий области⁶. Отказаться от них руководство кооперативов не могло. С одной стороны это было выгодно артелям, так как гарантировало сбыт продукции, получение стабильной прибыли, выполнение плановых показателей. Государство также было заинтересовано в подобной системе снабжения рабочих государственного сектора, поскольку трудящиеся на себе чувствовали заботу власти, стремящейся обеспечить их товарами широкого потребления. Рядовой советский гражданин должен был убедиться, что тяготы войны позади. Однако такая практика мешала свободному развитию рыночных механизмов.

Бюро Челябинского обкома ВКП (б), обсудив постановление СНК СССР, закон Верховного Совета СССР о пятилетнем плане, принимает решение считать производство товаров широкого потребления важнейшей задачей работы партийных, советских и хозяйственных органов⁷.

В соответствии с новыми задачами центральная власть принимает ряд решений, которые создают благоприятные условия для скорейшего роста предприятий промкооперации. Уже в Постановлении СНК СССР № 2139 от 22 августа 1945 года говорится о льготах и помощи, которые правительство намерено было предоставить этому сектору экономики. Так, бездействующее оборудование государственных предприятий передавалось артелям промкооперации и кооперации инвалидов, директора предприятий союзной и союзно-республиканской промышленности обязывались сдавать отходы, пригодные для производства, предприятиям кооперации по льготным ценам, были снижены проценты по ссудам Торгбанка с 4 до 2–3 %⁸ и т. п. Постановлением Совета Министров СССР от 9 ноября 1946 года артелям было разрешено 20 % прибыли, полученной при операциях по торговле, тратить на приобретение оборудования. Кроме того до 1 января 1948 года потребительская кооперация и кооперация инвалидов освобождались от налогов с оборота, а промысловая кооперация, кооперация инвалидов – от взимания бюджетной наценки на товары широкого потребления, вырабатываемого из сырья, заготовленного самостоятельно⁹.

Таблица 1

Динамика группировки артелей по числу членов (данные по СССР)

На начало года	Всего	До 25	От 26 до 50	От 51 до 100	От 101 до 300	От 300 до 500
1948	21 885	5 351	6 891	5 834	3 837	472
%		24,5	29,2	26,7	17,5	2,1
1949	19 956	4 036	5 791	5 450	4 104	575
%		20,2	29,0	27,3	20,6	2,9
1950	18 417	3 132	5 247	5 184	4 258	596
%		17,0	28,5	28,1	23,2	3,2
1951	17 087	2 262	4 512	4 986	4 643	684
%		18,2	26,4	29,2	27,2	4,0

Источник: Яковлев П. И. Промкооперация СССР за 40 лет. М., 1957. С. 39.

В отечественной историографии эти меры получили название «Малый НЭП», так как они способствовали подъему потребительской, промысловой, лесопромысловой кооперации и кооперации инвалидов после войны. В условиях реорганизации мобилизационной экономики это решение позволило получить существенный эффект – «артельное производство в первые месяцы проведения новой политики возросло на 40–50 %»¹⁰. Согласно данным П. И. Яковлева, за годы третьей пятилетки число артелей, где работало более 300 человек, увеличилось в 2 раза, с числом рабочих от 101 до 300 – на 1/3.

Согласно данным таблицы 1 общее число артелей в СССР с 1948 по 1951 года сокращается. Объясняется этот факт тем, что предприятия кооперативного сектора должны были после войны существовать, в основном, за счет освоения ресурсной базы на местах, что предполагало самозаготовки сырья, использование отходов промышленных предприятий союзного и союзно-республиканского значения. Не все артели могли справиться с такой задачей – советские республики с бедной сырьевой базой вынуждены были сворачивать кооперативное движение. Но наблюдается тенденция увеличения в 1948–1951 годах количества крупных артелей с численностью от 101 до 300 и от 300 до 500 рабочих. Руководство страны проявляло заинтересованность в создании подобных предприятий, так как отлаженное производство на них в дальнейшем было легче перевести в государственный сектор. Не стоит забывать, что кооперативная промышленность всегда рассматривалась властью как переходная ступень от промысловой кооперации к госпромышленности¹¹.

В Челябинской области в 1946 г. было организовано 2 новых артели, 19 ремонтно-пошивочных мастерских, введен в эксплуатацию завод резиновых изделий в г. Миассе, открыто 55 магазинов и ларьков, 22 скупочных пункта¹². К 1947 г. в регионе насчитывалось 98 артелей и 559 мастерских, объединенных в 6 промысловых союзов, в них работало 9810 человек¹³. Рост предприятий системы промкооперации можно объяснить тем, что Южный Урал имел богатую сырьевую базу, что позволяло обеспечить не только предприятия государственного сектора, но и артели.

Несмотря на отмеченные выше положительные сдвиги в отношении государства к кооперативному сектору, проявившиеся еще в годы Великой Отечественной войны, успехи кооперации, вызванные указанными льготами, существовал целый комплекс проблем, возникающих в результате попыток совместить командную экономику и рыночные механизмы, необходимые для функционирования кооперативного сектора. СНК РСФСР, Совет министров СССР, наметив основные тенденции развития кооперативного сектора экономики, всю практическую работу по реализации постановлений и законов, возложили на местное хозяйственное и партийное руководство, поставив их перед необходимостью разрешать указанные противоречия.

Такое сосуществование двух экономических укладов в принципе не является невозможным. Это доказывает М. Харрисон, справедливо утверждая, что командная экономика будет успешной и стабильной, если разумно совместить принуждение и стимулирование. Он отмечает: «принуждение определяется как командная власть плановиков, не ограниченная нормами права, но и не абсолютная, и обязанность производителей подчиняться решениям плановиков. Но принуждение не означало отсутствие выбора: плановики решали, какой уровень принуждения применить, а производители – сколько вложить усилий. Если бы у производителей вообще не было выбора, то не было бы и необходимости в системе стимулирования»¹⁴.

В партийно-государственном администрировании кооперативной промышленности власти Челябинской области пытались совместить принуждение и контроль с поощрением и стимулированием, но зачастую в рамках командной системы абсолютизировали первое.

Важным компонентом руководства кооперативным сектором со стороны партии и ведомственных структур являлась идеологическая работа. Тоталитарная система в отношении своих граждан исходила из убеждения, что все они являются сырым материалом, который нужно обработать и превратить в «полезный продукт». Этого с наибольшей эффективностью можно было добиться через «отношение единства», что отмечает в своей работе Л. Гараи¹⁵. Он говорит о том, что принадлежность к коммунистической партии была не просто идейным убеждением, залогом карьерного роста и т. п., но имела психологическую подоплеку: принадлежность к большинству (в данном случае к ВКП (б)) давало чувство единства с членами партиячейки, рабочим классом, партией, и, в конечном итоге, с Вождем. Кроме того, членство в партии должно было демонстрировать лояльность к Центру и Власти.

Наиболее эффективный контроль за деятельностью артелей осуществлялся с помощью привлечения руководящего состава кооперативных предприятий в партию. Поэтому такое пристальное внимание государство и ВКП (б) уделяло количеству членов и кандидатов в члены партии большевиков. Как пишет И. И. Никонов идеологический «прессинг на кооперацию со стороны власти практически не снижался и оставался постоянным и мощным с конца 30-х и до начала 60-х годов»¹⁶.

В системе кооперации Челябинской области в ряды ВКП (б) чаще всего вступали председатели артелей (нередко выступавшие и как секретари партийной организации), заместители председателей, члены правления (также занимавшие ведущие посты – главные бухгалтеры, руководители производства, бригады). ВКП (б) характеризовалась жесткой дисциплиной и безоговорочным подчинением центру. Своих членов она могла контролировать и, в случае необходимости, призывать к партийной ответственности, поэтому во главе кооперативных предприятий государство старалось поставить коммунистов. При этом практически не учитывалось, что Примерный устав промысловой артели¹⁷ предусматривал выборность руководящих органов правлений и ревизионных комиссий артелей. Сначала в 1945 г. было принято решение о том, что «вопрос о назначении и смещении директоров райпромком-

бинатов и председателей артелей необходимо согласовывать с облисполкомом и соответствующими ведомственными областными организациями»¹⁸. Далее под предлогом неудовлетворительного руководства предприятиями кооперативного сектора, областному управлению промкооперации предложили провести в июне 1946 г. отчетно-выборные собрания в системе промысловой кооперации области¹⁹. При этом райкомам и горкомам ВКП (б) настоятельно рекомендовалось «оказывать помощь в проведении отчетно-выборных собраний и в подборе руководящего состава промысловой кооперации». Неудивительно, поэтому что в течение 1946–1947 гг., согласно отчету зам. секретаря обкома ВКП (б) по местной промышленности И. И. Гольдберга, «состав руководящих органов артелей и союзов значительно улучшился»: из 98 председателей артелей членами партии оказались 70 человек (т. е. около 72 % к общему числу работающих председателей артелей). Чтобы добиться таких показателей пришлось сменить более 55 % членов правления²⁰. Кроме того, в течение указанного периода буквально на каждое заседание бюро обкома предоставлялся доклад о состоянии партийно-массовой работы горкомов и райкомов области.

В Центральном Комитете партии внимательно следили за работой партийных групп в кооперативном секторе, куда поступали отчеты о состоянии их работы²¹.

Численный состав партийных организаций артелей также сильно волновал руководство Челябинской области, так как даже в самых крупных редко было более 20 человек²². Кроме того, в 1946–1947 гг. в Челябинской области началась реэвакуация, и многие рабочие и мастера, состоящие в партии, вернулись на свою малую родину. Чтобы не было претензий к малочисленности партакеек, председателям приходилось идти на ряд мер. Самой распространенной являлась создание первичных организаций не по производственному, а по территориальному принципу: так, например, 30 июня 1948 г. на бюро обкома отмечалось, что «партийные организации артелей имени Молотова, «Красноармеец» и «Красные партизаны» [Катав-Ивановского района] по существу являются территориальными...»²³. Этот метод увеличения использовалась председателями артелей еще в годы войны, что отмечает А. А. Пасс²⁴. Другой распространенной практикой, помогающей увеличить численность ячейки, являлось прикрепление к парторганизации нигде не работающих коммунистов, о чем не раз заявлял инструктор отдела по пищевой, местной и легкой промышленности В. Салов²⁵.

Таким образом, мы видим, что рядовые артельщики не особенно стремились в партию. Как следует из отчетов, предоставляемых в обком, большинством коммунистов-кооператоров были приняты в ряды ВКП (б) до или в ходе Великой Отечественной войны, а за 1945–1947 гг. в партию вступили единицы²⁶. В 1945 г. обком ВКП (б) вынужден был рекомендовать некоторым секретарям горкомов направить на предприятия местной и кооперативной промышленности «коммунистов и организовать на всех предприятиях самостоятельные партийные организации», «усилить партийно-политическую и культурно-массовую работу»²⁷. Почему, несмотря на все преимущества членства в ВКП (б), рядовые артельщики не стремились туда попасть? Исходя из концепции Л. Гараи, можно предположить, что здесь вступают в силу противоречия между рыночной и плановой экономикой: первая требует отношений, при которых конкуренция экономических субъектов не ограничена монополией кого-либо из них, а вторая прямо предполагает монопольное положение. В результате сосуществования этих двух противоречивых групп отношений возникает конфликт интересов. Иными словами для рядовых артельщиков принадлежность к большинству была актуальна в период Великой Отечественной войны, в последующий же период восстановления она потеряла свой смысл, так как большинство стали определять свою социальную идентичность не через отношения власти-подчинения, а через свойства экономического уклада (кооперативного), частью которого они себя ощущали. Члены артелей имели возможность работать, обходя надзор контрольных комиссий, напрямую получая заказы от населения и не отчисляя средства в государственную казну. Отследить эти факты было очень сложно, так как многие были надомниками, использовавшими свой инвентарь и даже сырье.

Особое внимание руководство партии и государства уделяло и работе с молодежью. В промысловых артелях кооперации РСФСР трудилось более 500 тысяч человек подростков и молодежи, что составляло 60 % всех работающих в артелях промкооперации²⁸. По возрасту большинство являлось подростками от 14 до 16 лет – около 77 %. Однако только небольшое количество было охвачено комсомольским движением. По РСФСР из 11 тысяч артелей комсомольские организации существовали только в 2532 кооперативных предприятиях²⁹. В связи с этим Совнарком РСФСР 11 сентября 1945 года устанавливает в аппарате уполномоченных Управления промкооперации и областных, краевых и республиканских союзах ответственных организаторов по работе среди молодежи. В свою очередь ЦК ВЛКСМ обязал обкомы и крайкомы ВЛКСМ подобрать из числа комсомольского актива заместителей по работе среди молодежи в аппараты начальников Управлений промкооперации и областные, краевые и республиканские союзы³⁰. Таким образом, мы видим, что и руководство ВЛКСМ через наиболее активных своих членов стремилось контролировать подрастающее поколение артельщиков.

Тем не менее, нужно отметить, что именно комсомольцы были наиболее активной частью работников артелей, бравшей на себя вопросы не только хозяйственных инициатив, но и культурно-бытового обеспечения членов артели. По их инициативе в годы войны создавались комсомольско-молодежные бригады, стахановское движение в среде промкооперации. Продолжилось это движение и в годы третьей пятилетки, так как оно давало возможность повысить производительность труда, улучшить плановые показатели артелей. Кроме того, благодаря развитию движения, юноши и девушки проходили обучение в технических кружках, школах рабочей молодежи, что повышало качество производимой продукции.

По традиции, сложившейся в годы Великой Отечественной войны³¹, молодежь Челябинской области активно принимала участие в движении комсомольско-молодежных бригад. В регионе их насчитывалось около 160. На областном совещании бригадиров комсомольско-молодежных бригад и стахановцев Челябинской области в июне 1945 года ее представители обратились с призывом к молодым рабочим промкооперации региона бороться за увеличение выпуска продукции и улучшение качества. Сами же взяли обязательства перевыполнить производственный план 3 и 4 кварталов, и завершить выполнение годового плана к 5 декабря³².

Как и сверстники, работающие на предприятиях государственного сектора, молодежь артелей проявляла интерес не только к работе, но и к культурному досугу. Благодаря комсомольским активистам в артелях функционировали кружки самодеятельности, спортивные секции, организовывались совместные походы в театры, музеи. Это позволяло им не чувствовать себя обделенным по сравнению с рабочими государственных предприятий, что повышало мотивацию к труду, стремление остаться в артели.

Цель мероприятий по привлечению работников артелей в партийные и комсомольские организации состояла в том, чтобы и в условиях реорганизации мобилизационной экономики, добиться быстрого восстановления отраслей хозяйства, отвечающих за ширпотреб, в то время, как основные силы советской властью были брошены на возрождение государственного сектора. Партийные и комсомольские ячейки позволяли сократить дистанцию между кооперативными организациями и центром, что обеспечивало быстроту в реализации решений, мобильность.

Руководство артелями осуществлялось и через центральные органы управления кооперацией – Управление промысловой кооперации при СНК РСФСР. На местах существовали Управления промкооперации при областных (краевых) исполкомах, которым подчинялись соответствующие отраслевые союзы на местах (Облпромкооперация, Облкоопинсоюз, Горкоопинсоюз, Горпромкооперация).

Кооперативная промышленность, как мы видим, имела сложную многоступенчатую структуру подчинения, которая затрудняла оперативное руководство системой. Осложнялось такое положение еще тем, что некоторые артели выводились из подчинения союзу и напрямую подчинялись уполномоченному Управлению промкооперации. Однако эта разветвленная система отраслевых союзов на тот момент была единственно возможной формой организации этого сектора экономики, поскольку обеспечивала специализацию артелей на отдельных видах производства.

Воздействие указанных факторов вело к падению показателей. В годовых отчетах областных союзов и управления кооперации по Челябинской области постоянно сообщалось о тяжелом финансовом состоянии артелей региона – за время послевоенной пятилетки производственный план по валовой продукции, ассортименту, накоплениям не выполнялся должным образом³³.

Помимо разноразмерной системы подчинения работу артелей затрудняла и чрезмерная регламентация государством производственного процесса через задания Госплана и ВСНХ, облплана и горплана. Сверху на места спускались контрольные цифры по общему объему валовой продукции, по ассортименту, по объему накоплений. Особо остро область нуждалась в сельскохозяйственном инвентаре, одежде и мебели, о чем свидетельствуют принятые планы³⁴. Порой эти задания вынуждали артели работать в убыток. Но законы рынка диктовали председателям артелей свои правила: чтобы удовлетворить запросы государства и, вместе с тем, сделать производство прибыльным, кооперативы стремились к выполнению плана только по валовому объему продукции, право выбора ассортимента негласно оставляя за собой. Это позволяло артелям выживать в условиях диспропорций восстановительного периода.

Заместитель секретаря обкома ВКП (б) по местной промышленности Гольдберг, заместитель заведующего отделом местной промышленности обкома ВКП (б) Баврина на заседаниях обкома партии и бюро обкома обращали внимание на ситуацию с выполнением плановых задач кооперативной промышленностью региона³⁵. Проверки на местах инструкторами промышленных отделов обкома также говорили о факте невыполнения показателей по ассортименту товаров народного потребления. Члены бригады обкома ВКП (б), посланные в Катавский район для оценки работы Катавского райкома по руководству промысловой кооперацией особо отмечали тот факт, что план по валовой продукции в 1948 году артелями выполнен на 138,7 %, а по товарам ширпотреба и ассортименту только на 75,2 %, что ниже уровня прошлого года³⁶. Инструкторы отделов связывали это с тем, что «руководители ряда предприятий и артелей направляют свое главное внимание на выполнение плана по валовой продукции, часто за счет наиболее выгодных в ценностном отношении изделий»³⁷.

Напротив, на совещаниях в обкоме партии руководители областной кооперации прямо заявляли о неудовлетворительном подходе к планированию со стороны вышестоящих органов, о необоснованном завышении показателей. Так, секретарем обкома ВКП (б) П. И. Матвейцевым на проводимом им совещании с руководителями отраслевых союзов области по вопросу рассмотрения плана 24 марта 1949 года было отмечено, что «основным... недостатком в планировании является тот, что планирование не идет исходя из потребности. Мы должны планировать у себя работу нашей местной промышленности, исходя... из потребности населения»³⁸. Его поддержал начальник управления промкооперации Челябинской области Баграмов, который указывал на проблему параллельности при планировании. При составлении планов Госплан и ВСНХ, облплан и горплан не учитывали особенностей региона, сырьевую базу, возможности конкретного производства. Руководители плановых организаций не брали в расчет и то, что одни и те же виды изделий выпускались артелями одного города или области. Это в ряде случаев приводило к падению спроса, затовариванию рынка, и как следствие, невыполнению за-

даний. Кроме того, подобная чрезмерная регламентация противоречила Уставу артелей, относившему определение видов деятельности к компетенции Общего собрания.

Однако основная часть плана, спускаемого артелям, формировалась в Москве, и зачастую на местах не удавалось скорректировать итоговые цифры. Поэтому артели терпели убытки, выпуская продукцию, не пользующуюся спросом у населения. В итоге к концу третьей пятилетки правительство страны было вынуждено принимать меры по реализации товаров, залежавшихся на складах в артелях и торговой сети промысловой кооперации. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 1383 от 6 апреля 1950 года Управление промысловой кооперации при Совете министров РСФСР 24 апреля того же года издает приказ о распродаже неходового товара с уценкой до 40 %, а также об уменьшении выработки товаров, не пользующихся спросом³⁹. Руководство страны только в условиях стабилизировавшейся ситуации в государственном секторе, и катастрофической ситуации с затовариванием ненужной гражданам продукции, нашло возможным к концу пятилетки несколько изменить свою плановую политику в отношении кооперативов.

Ситуацию с неудовлетворительной реализацией товаров промысловой кооперации отчасти спровоцировало само руководство, как в центре, так и на местах. Согласно постановлению СНК СССР от 22 августа 1945 года директора предприятий были обязаны передавать пригодные для производства отходы предприятиям местной и кооперативной промышленности⁴⁰. Кроме того в постановлении Совета Министров СССР от 9 ноября 1946 года артелям разрешалось проводить самозаготовку сырья⁴¹. Поступало в артели сырье и через систему централизованного фондового распределения, для чего существовала административно-хозяйственная единица Главпромтехснаб при Управлении промкооперации при СНК РСФСР, который имел соответствующие областные структуры при аппарате уполномоченных УПК.

Однако эта схема снабжения предприятий кооперации сырьем была далеко не идеальной. На практике возникал ряд трудностей с ее осуществлением на местах. Руководство государственных промышленных предприятий неохотно снабжало артели остатками сырья, предпочитая использовать их на собственные нужды, для выработки из них изделий самостоятельно с использованием технологий переработки вторсырья. То же сырье, которое выдавалось артелям, зачастую было очень низкого качества, некондиционное. На собрании хозяйственного актива и стахановцев промкооперации Челябинской области в феврале 1948 года председатель артели «Красный кожевник» Слипченко сообщил, что кожсырье артель получает только 4 сорта: «Когда мы получаем овчину только четвертых сортов, мы 25 % получаем от овчины отходов, часть кож превращается в кисель и ничего не выходит. Мы получаем не кожтовары, а лоскут»⁴². По свидетельству начальника Челябинского городского управления промкооперации Тартаковского директора заводов не выполняли распоряжений обкома ВКП (б) и не выдавали кооперативам отходы. КПЗИС, шеф челябинской артели «Кузнец», отпустил всего 8 тонн металла, Кировский завод, шеф артели «Штамп», никаких материалов не поставил вообще, несмотря на обращение к директору Зальцману: «Получаемые металлоотходы из этих источников ни в коей мере не обеспечивают потребности металлических артелей, в силу этого артели «Штамп», «Кузнец», «Прогресс» сидят на голодном «пайке» и не выполняют производственный план»⁴³.

Не имея других источников получения материалов для производства, предписанного планом, артели выпускали товары низкого качества. Население такую продукцию покупать не желало, что вызывало затоваривание рынка низкосортной продукцией и оседание ее на складах.

Также следует отметить, что отходы должны были отпускаться кооперативам по заниженным ценам, что было невыгодно директорам заводов и фабрик. Поэтому руководители отраслевых союзов, уполномоченный УПК по Челябинской области вынуждены были через обком партии, обращение в центральные органы требовать от руководителей госпредприятий выполнения обязательств.

Согласно постановлениям Совета Министров СССР, пятилетнему плану развития народного хозяйства кооперативной промышленности передавалось оборудование и станки, не используемые на промышленных предприятиях государственного сектора. Это сыграло свою положительную роль, позволив оснастить цеха артелей, которые в массе своей были плохо механизированы, а на мелких производствах вообще применялся ручной труд. Оказывалась и помощь в технических консультациях мастеров заводов и фабрик.

Но, несмотря на положительный эффект, и выполнение планов по техническому обеспечению артелей, этот процесс имел и оборотную сторону. Имели место факты простоя и неполного использования производственных мощностей кооперативами по причине острой нехватки квалифицированных рабочих кадров. Как уже говорилось выше, большой процент трудящихся составляли подростки, еще не имеющие навыков работы, уровень образования которых, был крайне низок – 3–5 классов⁴⁴. В связи с этим, как отмечал секретарь обкома ВКП (б) П. Матвейцев, «из-за отсутствия технически подготовленных кадров, в ряде случаев имеющееся оборудование используется в ограниченных размерах, на 40–50 % своей мощности»⁴⁵. Положение осложнялось начавшейся реэвакуацией, и многие квалифицированные рабочие уезжали к себе домой, по сути оставляя производство без мастеров. Наблюдалась в большинстве артелей и пресловутая текучка, вызванная низкими зарплатами по сравнению с государственным сектором (исключение составляли артели металлопроизводства).

Помимо этого в условиях распределительной системы обеспечения продовольствием и товарами первой необходимости тот факт, что работники артелей не в полном объеме снабжались карточками, заставлял технически подготовленные кадры уходить на государственные предприятия⁴⁶. Весь этот

комплекс проблем заставил руководство государства озаботиться повышением квалификации работников артели, так как нехватка умелых рабочих рук могла привести к ликвидации предприятий этого сектора экономики.

В связи с этим Челябинский обком ВКП (б) постоянно отслеживал подготовку новых специалистов для предприятий промкооперации. Особое внимание уделялось трудоустройству инвалидов. На государственные предприятия таких людей брали неохотно, поэтому для Советской власти важно было именно их обеспечить рабочими местами в артелях. Например, в отчете заместителю секретаря обкома ВКП (б) по местной промышленности И. И. Гольдбергу Челябингоркоопинсоюз отмечает, что к середине 1946 г. на учебно-производственном комбинате союза проходят обучение 116 человек инвалидов Отечественной войны (по профилям – швейник, сапожник, часовщик, ткач, бухгалтер), а к концу года планируется подготовить еще 65 человек⁴⁷.

Однако, несмотря на декларируемую поддержку, кооперация инвалидов в Челябинской области была наиболее уязвимой, находилась в тяжелом финансовом положении по сравнению с другими артелями⁴⁸. Положение на таких предприятиях системы осложнялось и психологическим состоянием людей, которые замыкались на своих проблемах, чувствовали себя ущербными, исключенными из общественной жизни. Поэтому артели выполняли еще и функции неких реабилитационно-трудовых центров, где люди с ограниченными возможностями могли получить психологическую поддержку.

Производственные проблемы, административный прессинг вынуждали руководителей артелей применять незаконные системы хозяйствования. Масштабным стал уход артелей в теневой сектор. В условиях мобилизационной экономики послевоенной пятилетки это позволяло кооперативам выживать, обеспечивая сотрудников заработной платой, а предприятия прибылью и оборотными средствами. Государство, видя в этом опасность для себя, начиная с 1945 года ужесточило контроль за системой: государственная инспекция по торговле проверяла и выполнение договоров и производственных планов, и учет и отчетность артелей, но главный интерес для нее представляли факты незаконного отпуска товаров (без нарядов не торговым организациям, на товарооборотные нужды, на самоснабжение)⁴⁹. Также проверки проводились и со стороны отдела местной промышленности Челябинского обкома ВКП (б). Создавались специальные бригады, включающие директоров, юристов и главных бухгалтеров ведущих предприятий союзного значения, председателей горплана, инструктора отдела по пищевой, местной и легкой промышленности, иногда на место выезжал и зам. секретаря обкома ВКП (б) по местной промышленности И. И. Гольдберг⁵⁰. Согласно Примерному Уставу, Ревизионная комиссия действительно должна была состоять из лиц, не принадлежащих к составу Правления и не служащих в артели. Но она должна была быть избрана путем закрытого голосования на Общем собрании. На практике же обком ВКП (б) сам формировал состав бригады. Комиссия должна была проверять ход выполнения плана по валовому объему и ассортименту, качество продукции, степень механизации производства, организацию снабжения предприятий, состояние политической массовой работы. Помимо этого начальниками городских управлений промкооперации и председателями президиумов горкоопинсоюзов регулярно должны были отсылаться в отдел местной промышленности обкома отчеты самопроверок и справки о выполнении постановлений⁵¹.

К концу 1947 г. в государственном секторе положение стабилизируется, идет реэвакуация, отменяется карточная система. Кооперация, выполнив свою задачу «скорой помощи», начинает в определенной степени «мешать» Советской власти.

В условиях мобилизационной экономики государство нуждалось в кооперативном секторе экономики, т. к. он обеспечивал товарами широкого потребления население страны, в то время как государство основные ресурсы бросало на развитие тяжелой и оборонной промышленности. Кооперативы, существовавшие на паевые взносы своих членов, не требовали существенных вливаний со стороны государства, тем самым, высвобождая необходимые финансовые ресурсы для госсектора. Необходимое сырье они заготавливали сами, использовали отходы производства, неиспользуемый заводами инвентарь и станки, что также не требовало материальных затрат от правительства. Кроме того, решался вопрос трудоустройства инвалидов Великой Отечественной войны, трудоустройства молодежи и подростков, которые в артелях приобретали необходимый трудовой опыт.

Однако альянс государства и кооперации носил вынужденный характер, что приводило к конфликту интересов между рыночным и плановым соглашениями. Кооперация и партийно-государственный аппарат были заинтересованы друг в друге: артели получали необходимое сырье, оборудование, помощь в подготовке кадров, государство – товары широкого потребления, сельхозинвентарь, решение части социальных вопросов. Тем не менее, власть так и не смогла найти компромисс между административным принуждением и денежным поощрением, что могло бы стать залогом стабильности директивной экономики, привнеся в нее элементы самоорганизации.

Примечания

¹ Никонов И. И. Кооперативное движение России в 30–50 годы XX века : автореф. дис. д-ра ист. наук. СПб., 1999. С. 28.

² ГАРФ Ф. А-312. Оп. 1. Д. 112. Л. 127.

³ «О пятилетнем плане восстановления народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» Закон принятый Верховным Советом СССР 18. III. 1946 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 16 т. (1917–1988 гг.). Т. 3. С. 5.

- ⁴ Пасс А. А. «Другая» экономика : производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 годах. Челябинск, 2002. С. 161.
- ⁵ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 308. Л. 124.
- ⁶ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 308. Л. 124
- ⁷ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 9. Д. 81. Л. 6.
- ⁸ ГАРФ Ф. А-312. Оп. 1. Д. 112. Л. 127–130.
- ⁹ Постановление Совета Министров СССР 9 ноября 1946 года «О разворачивании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 16 т. (1917–1988 гг.). Т. 3. С. 350–362.
- ¹⁰ Назаров П. Г. История российской промысловой кооперации, 1932–1952. Челябинск, 1994. С. 45.
- ¹¹ См.: Агашкова Т. В. Современная кооперативная промышленность как форма социалистического производства. М., 1950; Сенько А. Н. Местная государственная и кооперативная промышленность в СССР. М., 1952.
- ¹² ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 308. Л. 124, 131.
- ¹³ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 11. Д. 128. Л. 19.
- ¹⁴ Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 6. М., 2001. С. 120–141.
- ¹⁵ Гараи Л. Психоэкономическая система большевистского типа // Политические исследования. 1993. № 1. С. 72–77.
- ¹⁶ Никонов И. И. Кооперативное движение России в 30–50 годы XX века : автореф. дис. д-ра ист. наук. СПб., 1999. С. 29.
- ¹⁷ Примерный устав кооперативной промысловой артели. М., 1950. С. 15.
- ¹⁸ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 9. Д. 98. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Оп. 10. Д. 54. Л. 19.
- ²⁰ Там же. Оп. 11. Д. 128. Л. 25–26.
- ²¹ См., например, справку Уполномоченного КПК при ЦК ВКП (б) по Челябинской области А. Бакина секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Жданову о работе партийных групп на промышленных предприятиях городов Челябинска, Магнитогорска и Златоуста от 2. 10. 1946 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 152. С. 143–150.
- ²² Так, в парторганизации самой многочисленной артели г. Магнитогорска им. Кирова, насчитывающей 514 членов, состояло всего 16 человек. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 28. Л. 71.
- ²³ ОГАЧО. Оп. 12. Д. 70. Л. 2.
- ²⁴ Пасс А. А. Указ.соч. С. 123.
- ²⁵ ОГАЧО. Оп. 12. Д. 28. Л. 10–11.
- ²⁶ Там же. Оп. 11. Д. 334. Л. 86, 89, 98, 119, 120, 137.
- ²⁷ Там же. Оп. 9. Д. 87. Л. 8.
- ²⁸ ГАРФ Ф. А-395. Оп.1. Д. 414. Л. 69.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. А-395. Оп.1. Д. 414. Л. 97–98.
- ³⁰ ГАРФ Ф. А-395. оп.1. Д. 395. Л. 3.
- ³¹ См.: Пасс А. А. Указ. соч. С. 128–129.
- ³² ГАРФ. Ф. А-395. Оп. 1. Д. 397. 36–37.
- ³³ См, например: ОГАЧО Ф. 965. Оп. 5. Д. 19, 31, 35, 43.
- ³⁴ ОГАЧО Ф. 288. Оп. 9. Д. 40. Л. 24; Оп. 9. Д. 52. Л. 28; Оп. 9. Д. 60. Л. 14–18; Оп. 9. Д. 81. Л. 6–7; Оп. 10. Д. 31. Л. 67–70.
- ³⁵ См., например, «Справку о стоянии кооперативной торговле и производстве товаров широкого потребления в промысловой кооперации области» от 20 мая 1947 г. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 11. Д. 334. Л. 40.
- ³⁶ ОГАЧО. Ф. 288. Оп.13. Д. 37. Л. 97.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 13. Д. 296. Л. 12.
- ³⁹ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 71. С. 100–109.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. А-312. Оп. 1. Д. 112. Л. 127.
- ⁴¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 16 т. (1917–1988 гг.). Т. 3. С. 350–362.
- ⁴² ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 35. Л. 53.
- ⁴³ ОГАЧО. Ф. 288. Оп.10. Д. 119. Л. 25–26.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. А-395. Оп.1. Д. 414. Л. 97.
- ⁴⁵ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 13. Д. 297. Л. 37.
- ⁴⁶ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 11. Д. 334. Л. 116–117.
- ⁴⁷ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 119. Л. 14–15.
- ⁴⁸ Об этом сигнализировал агитатор артели инвалидов «20 лет Октября» г. Челябинска Щербаков, говоривший, что артели инвалидов страдают от недостатка сырья и материалов, которые получают в последнюю очередь. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 13. Д. 253. Л. 135.
- ⁴⁹ См. Отчет Главного Государственного Инспектора по торговле по Челябинской области К. Косякина о проверке областных союзов промысловой кооперации от 19. 11. 1945 г. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 9. Д. 290.

Л. 61–68; Докладная зав. Челябинским Облторготделом от 14. 08. 1946 г. о качестве товаров широкого потребления, поступающих в торговую сеть и ценах на них. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 309. Л. 123–133.

⁵⁰ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 28. Л. 13.

⁵¹ Так, Начальник Городского Управления промкооперации г. Челябинска Тартаковский в феврале 1946 г. направил в обком ВКП (б) «Справку о выполнении постановления СНК СССР № 2139 от 22.08.1945 г. «О мероприятиях по увеличению выпуска товаров широкого потребления предприятиями местной промышленности и артелями промысловой кооперации». ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 119. Л. 24–29. В июне 1946 г. на имя заместителя секретаря обкома ВКП (б) по местной промышленности Гольдберга поступил сводный отчет по системе Челябинского горкоопинсоюза о работе за первое полугодие 1946 г. от заместителя председателя президиума Челябгоркоопинсоюза Кояндера. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 10. Д. 119. Л. 80–82.

Дорожкин А. Г.

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР В РОССИЙСКОЙ ИНДУСТРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ГЕРМАНСКОГО РОССИЕВЕДЕНИЯ XX в.

Первая мировая война впервые в истории поставила вопрос о подчинении военным задачам всей народнохозяйственной жизни стран-участников. Не явилась исключением и Российская империя – именно в 1914–1917 гг. в ее экономике начало создаваться то, что именуется ныне мобилизационной моделью. Как и во всех воюющих странах, в России того периода значительно возросла роль государства в хозяйственной жизни, усилилось регулирование военного производства и связанных с ним отраслей, были созданы специальные органы, осуществлявшие это регулирование. Не вызывает сомнения преемственность деятельности этих органов – Особых совещаний – с практикой руководства экономикой нашей страны в советский период; как известно, технические кадры и учетно-регистрационный аппарат Особых совещаний были использованы большевиками в процессе создания Высшего совета народного хозяйства и других хозяйственных ведомств. Исторический опыт государственного регулирования промышленной жизни России (и в целом взаимоотношений государства с частным бизнесом) в Первую мировую войну представляет значительный интерес как с научной, так и с практической точки зрения – несостоятельность либеральной модели экономики в условиях нашей страны, ее неадекватность российским реалиям и настоятельная необходимость борьбы с нарастающим кризисом повышают интерес к мобилизационным экономическим моделям, предполагают учет их сильных и слабых сторон. В этой связи приобретает немалую значимость и объективное изучение исторического опыта практики государственного регулирования частной промышленности в Российской империи 1914 – начала 1917 гг.

Всестороннее исследование данной темы предполагает рассмотрение состояния ее изученности в зарубежной исторической науке. Предметом анализа в предлагаемой статье является германская историография проблемы взаимоотношений государства и частного сектора в российской промышленности 1914 – февраля 1917 гг. Особое внимание при этом уделено трактовке германскими руссисоведами государственного регулирования промышленной жизни страны, результативности участия государства в этой жизни в указанный период, соотношению сил царизма и буржуазии в процессе формирования мобилизационной экономической модели. При этом, в первую очередь, анализируется руссисоведение 1970–1990-х гг. – именно в этот период в немецкой «россике» имел место определенный интерес к данным вопросам.

Представляется целесообразным, хотя бы вкратце, затронуть вопрос о трактовке германскими исследователями форм государственного участия в российской экономике в канун войны 1914–1918 гг. В последней четверти XX в. данному вопросу уделили внимание Д. Гайер и Х. Хауманн. Они, особенно Х. Хауманн, остановились на эволюции этих форм, на полемике в правящих кругах страны по вопросу о предпочтительности развития частного либо казенного сектора в военном производстве. Х. Хауманн указал на наличие в 1909–1913 гг. серьезных межведомственных противоречий по указанному вопросу. В то время как военное министерство, и особенно Главное артиллерийское управление, настаивали на передаче оборонных заказов государственным предприятиям и расширении их сети, торгово-промышленное ведомство высказывалось за переориентацию на частный сектор. Обе стороны приводили весомую аргументацию в свою пользу. Военные подчеркивали, что казенные заводы производили дешевле и могли лучше контролироваться; их рост, кроме того, уменьшал зависимость российских программ перевооружения от поставок извне. В свою очередь, министерство торговли и промышленности исходило, по мнению Х. Хауманна, из стратегии долгосрочного развития, утверждая, что частные предприятия, усилившись, будут работать более рационально, чем бюрократически управляемые государственные заводы. Эта точка зрения была поддержана премьер-министром В. Н. Коковцовым, полагавшим также, что реконструкция и расширение казенных предприятий поглотили бы слишком значительные суммы¹.

Отмечая, подобно Д. Гайеру², расширение частного сектора в русской индустрии предвоенных лет, распространение его на новые отрасли, где ранее безраздельно господствовало казенное предпринимательство, приводя многочисленные примеры усиления влияния буржуазии на экономическую политику правительства, Х. Хауманн вместе с тем полал, что об уменьшении государственного вмешательства в экономику в 1909–1913 гг. говорить не приходится. В этой связи он отвергал прямо противоположный тезис американского историка А. Гершенкрона³. Немецкий исследователь указывал, что речь может идти лишь об изменении форм участия – на смену прямому финансированию промышленности через Госбанк все больше приходило кредитование ее со стороны частных коммерческих банков. Но последние, на что указал уже в конце XX в. Б. Барт, в гораздо большей степени, чем в Западной Европе, были связаны с государством и пользовались его широкой поддержкой в период кризисов. Сохранялась и возможность определенного регулирования тяжелой промышленности посредством госзаказов. Госсектор, по мнению Х. Хауманна, за годы предвоенного подъема не уменьшился и по-прежнему превышал западноевропейский по объему⁴. Последнее суждение отражает представление, широко распространенное в германской «россике»; ранее подобным образом трактовали масштабы госсектора в стране Ю. Нецольд и Р. Лоренц. Оно, однако, не соответствует действительности: как показано С. Н. Лапиной и Н. Д. Лелюхиной, по масштабам собственно государственного предпринимательства Россия начала XX в. уступала Германии, находясь на одном уровне с ней по валовому доходу госсектора. На российское госпредпринимательство приходилось не более 10 % валовой продукции народного хозяйства, и примерно такой же была его доля в численности рабочих и служащих⁵. Тем не менее, представляется правомерным вывод Х. Хауманна об определенном изменении (но не уменьшении) роли государственного участия в экономике в годы предвоенного промышленного подъема.

Переходя к основной теме работы, следует сказать, что германская «россика» уже в 1914–1918 гг. уделила некоторое внимание анализу развития российской промышленности в военные годы вообще и взаимодействию в ней частного сектора с государственной властью в том числе. Но, главным образом, немецкие экономисты рассматривали в тот период трудности, переживаемые Россией. Э. Шульце в этой связи обратил внимание на значительную роль в русской экономике иностранного, особенно французского капитала. Пессимистически оценивая состояние военной экономики страны, он предрекал скорое ее банкротство, от чего существенные потери понесет и главный союзник России – Франция, а Германия окажется в значительном выигрыше (еще ранее, в 1905 г., на то же уповал Р. Мартин)⁶. Обращалось также внимание на непомерный рост прибылей российских промышленников в военные годы. При этом констатировалось, что обложение военных доходов, как и подоходный налог введены были слишком поздно и в очень умеренном масштабе (А. Фогель)⁷. А. Фогель подробно рассмотрел также антигерманские мероприятия в российской экономике, в т.ч. направленные против подданных Центральных держав – держателей русских ценных бумаг. Проследив эскалацию соответствующих мер на протяжении 1914 – начала 1917 гг.⁸, этот исследователь воздержался от оценок возможных последствий данной политики для народного хозяйства страны. Вместе с тем А. Фогель указал на негативное отношение как отечественного, так и антантовского бизнеса к закону от 8 февраля 1917 г., предусматривавшему исключение подданных Центральных держав из состава пайщиков русских акционерных предприятий. Данный закон нарушал основополагающий принцип акционирования, и российские (как и англо-французские) предприниматели при всей своей заинтересованности в борьбе с «немецким засильем» встретили его крайне настороженно⁹.

Непосредственно экономическому положению России в годы Первой мировой войны посвящена вышедшая в 1920-х гг. и переведенная на русский язык книга Р. Клауса. Основное внимание этот исследователь уделил отрицательным факторам в хозяйственной жизни страны – финансовому расстройству, дезорганизации транспорта, проблемам снабжения промышленных предприятий сырьем, крайне неудовлетворительному проведению эвакуации производства. Р. Клаус отметил значительные трудности в развитии в 1914–1917 гг. каменноугольной, металлургической, химической, текстильной и сахарной промышленности. Причинами этого автор называет изношенность на ряде производств машин и оборудования, отсталость топливно-энергетического баланса (на Урале), трудности с подвозом сырья и вывозом готовой продукции вследствие напряженной ситуации с транспортом; сказалась и сильная зависимость ряда отраслей индустрии (особенно химической промышленности) от импорта сырья и полуфабрикатов, прекратившегося с началом войны. Соответственно, меры правительства по разрешению существующих проблем оказались недостаточными и не могли радикально изменить положение¹⁰. Особо подчеркнута Р. Клаусом деградация занятых на производстве, вызванная призывом в армию значительного количества квалифицированных рабочих и повлекшая за собой значительный спад производительности труда на промышленных предприятиях. Вовлечение в производство несовершеннолетних, военнопленных, женщин, а также законтрактованных китайцев, корейцев и персов не компенсировало потерь и повлекло за собой ухудшение качества рабочей силы¹¹. Это ухудшение признается и современной отечественной историографией¹².

На трактовку немецкими исследователями 1970–1990-х гг. (применительно к 1970–1980-м гг. речь идет, как правило, о западногерманских россиеведах) положения российской индустрии в 1914 – начале 1917 гг. и взаимоотношений в ней частного сектора с государством значительное влияние оказала советская историография проблемы, особенно труды А. Л. Сидорова. Из его работ больше всего и прежде всего заимствовался фактический материал; обращает на себя внимание и сходство в оценках, содержащихся в работах советского историка и в публикациях Г. Штекля и Х. Хауманна при рассмо-

трении положения российской промышленности в 1914 – начале 1917 гг. Г. Штекль отметил расширение при содействии государства военной индустрии, что сопровождалось увеличением численности занятых в промышленном производстве на 400 тыс. человек. Но российские предприятия не были в состоянии покрывать потребности армии; трудности поддержания связей с союзниками по Антанте и изношенность подвижного состава железных дорог усугубляли ситуацию. Создать централизованную систему снабжения фронта и тыла правительству не удалось, что крайне отрицательно сказалось на общем положении России. Подобным же образом оценивает ситуацию в российской индустрии и системе ее управления Р. Лоренц¹³.

Х. Хауманн, в отличие от только что названных исследователей специально проанализировал проблему взаимоотношений царского правительства с частным сектором в российской индустрии военных лет. Отметив рост могущества частного бизнеса и выгоду для него антигерманских мероприятий правительства, Х. Хауманн, подробно рассмотрел формирование военно-инфляционных концернов Второва, Стахеева, Батолина, Рябушинского, указал на тесную связь этих (как и более старых) финансово-промышленных группировок с государственными организациями, имевшими отношение к военному регулированию экономики. Концерн Второва, к примеру, поддерживал тесные контакты с организациями С. Н. Ванкова по производству боеприпасов, с возглавлявшимся В. Н. Ипатьевым государственным химическим комитетом. Последний являлся важнейшим заказчиком для акционерного общества «Коксобензол», контрольный пакет акций которого с 1915 г. находился в руках Н. А. Второва¹⁴.

Рассматривая деятельность подчиненных правительственным инстанциям России комитетов, комиссий и организаций, Х. Хауманн положительно оценил деятельность упомянутых организаций С. Н. Ванкова и руководимого В. Н. Ипатьевым государственного химического комитета. Здесь действовал эффективный управленческий аппарат; сфера деятельности организаций охватывала значительное количество заводов и фабрик. Ванковская организация наладила сотрудничество с 300 предприятиями различных отраслей (в том числе со средними и мелкими фирмами), главным образом, Юга и Центра страны (Петроградский район представлен был относительно слабо, так как большая часть тамошних предприятий была уже к началу работы организации полностью загружена госзаказами). Взаимодействие этой организации с частным сектором Х. Хауманн находит успешным – искусно маневрируя между различными группами, С. Н. Ванков сумел добиться определенного снижения стоимости заказов и ограничить прибыли предпринимателей. Организация сумела в итоге выполнить свою задачу – развернуть выпуск снарядов и ручных гранат в значительном масштабе. При этом производство продукции обходилось государству дешевле, нежели на заводах, не связанных с ванковской организацией¹⁵.

Образованная при Главном Артиллерийском Управлении (ГАУ) в апреле 1916 г. химическая комиссия во главе с В. Н. Ипатьевым также явила собой, по мнению Х. Хауманна, пример успешного сотрудничества государства и частной промышленности. Ей удалось улучшить технику производства и ввести новые, более совершенные приемы изготовления продукции; комиссия наладила также взаимодействие с рядом ученых-химиков. Это подразделение ГАУ успешно координировало производственную деятельность казенных и частных предприятий – последние поставляли основную долю продукции¹⁶. Но, как отмечает германский историк, организации Ванкова и Ипатьева явили собой едва ли не единственные примеры удачно функционировавших в 1914–1917 гг. подразделений военного министерства, ответственных за регулирование промышленного производства. В целом же царскому правительству не удалось осуществить полное регулирование военной экономики страны ни на основе добровольного подчинения частного сектора государству, ни на базе синтеза принципов добровольности и принуждения, как то было в большинстве воюющих стран. Государство не сумело преодолеть в военные годы зависимость от крупных предприятий – производителей металлопродукции и топлива, и даже от текстильных заводов, о чем свидетельствует работа рассмотренных Х. Хауманном комитетов, ответственных за регулирование текстильного производства¹⁷. В целом работу комитетов и комиссий отличали бессистемность, отсутствие необходимой координации действий, ведомственная разобщенность. Это позволило частной промышленности сохранить и даже усилить свое влияние в народнохозяйственной жизни; промышленникам, таким образом, были обеспечены сверхприбыли вследствие исключительно высокой оплаты заказов¹⁸.

Х. Хауманн отмечает, что неудачи попыток правительства как нормировать военные прибыли, так и осуществить настоятельно необходимую в условиях тотальной войны милитаризацию производства обуславливались слабостью государственной власти и, в определенной мере, предшествовавшей мировой войне индустриализаторской стратегией самодержавия. Последняя предполагала содействие финансово-промышленной буржуазии и поощрение крупного частного производства; следствием этого уже в военные годы стало распределение заказов среди крупных предприятий страны по сверхвысоким ценам. При этом, подобно А. Фогелю и Р. Клаусу, Х. Хауманн с полным основанием подчеркивает, что введение в 1916 г. налога на военные прибыли и подоходного обложения не изменило ситуацию радикальным образом – данная мера запоздала, да и налоговая ставка, предусмотренная соответствующим законодательством, была относительно скромной¹⁹.

При объяснении причин неоправданных уступок частному сектору в промышленности со стороны царского правительства, Х. Хауманн, помимо преемственности между экономической политикой царизма довоенных и военных лет и несомненной слабости и крайней нерешительности монархического режима в последние годы его существования, принимает во внимание и роль частного предпри-

нимательства в выполнении оборонных заказов. Исследователь указывает, что доля госсектора в выполнении этих заказов составила всего 15 %, в то время как 80 % пришлось на крупное производство, казне не принадлежащее²⁰. В процессе же государственного регулирования военной экономики выдающаяся роль, по признанию Х. Хауманна, принадлежала Особым совещаниям. Их функции, в особенности функции Особого совещания по обороне государства, немецкий исследователь находит значительными, а само создание их рассматривает и как ответ на вызов времени, и как попытку «усадить для регулирования военной экономики представителей промышленности и общественных организаций за один стол с министрами и представителями власти»²¹. В оценке этих органов Х. Хауманн солидарен с советским историком А. Л. Сидоровым, рассматривавшим деятельность Особых совещаний как попытку осуществить государственно-капиталистическую организацию экономической жизни страны в военное время при сохранении за государством ведущей роли²².

Результаты деятельности Особых совещаний и других органов регулирования военного хозяйства Х. Хауманн оценил существенно выше, чем Г. Штекль и Р. Лоренц. Благодаря ним произошел рост производства в ряде отраслей, были заложены основы для централизованного распределения заказов на долгосрочную перспективу. Снабжение армии боеприпасами, в т. ч. снарядами, в 1916 г. было улучшено и кризис вооружения в основном преодолен. До 1916 г. наблюдался значительный рост производства; особенно он был заметен в металлообработке и химической индустрии, но и в некоторых отраслях текстильной промышленности имела место та же тенденция. О падении производства здесь Х. Хауманн говорит лишь применительно к 1917 г. – существенно, однако, принимать во внимание нарастание хаоса, анархии и дезорганизации во всех сферах жизнеустройства после крушения самодержавия в стране. В ряде отраслей вплоть до 1917 г. имело место повышение производительности труда – в качестве примеров Х. Хауманн называет металлообработку и химическое производство. Здесь наблюдался и прогресс в техническом оснащении предприятий. Напротив, на металлургических заводах и угольных копях Юга России вследствие понижения качества рабочей силы производительность труда существенно понизилась. В то же время производство промышленного оборудования в 1914–1916 гг. росло в России опережающими по сравнению с Западной Европой темпами. Доля соответствующей продукции в структуре российского машиностроения увеличилась за это время, по приводимым Х. Хауманном подсчетам А. Л. Сидорова с 22 % до 30 %²³.

Признавая достижения, Х. Хауманн в то же время подробно рассматривает и трудности, переживаемые российской индустрией в военные годы, справиться с которыми царскому правительству так и не удалось. Здесь немецкий историк разделяет критические оценки советских исследователей, прежде всего – А. Л. Сидорова. Несмотря на все достижения, общий план регулирования промышленного производства отсутствовал. Сохранился параллелизм функций в деятельности различных правительственных инстанций, что отнюдь не способствовало эффективному управлению и рациональному распределению заказов и сырья, потребного для их выполнения. Полностью удовлетворить нужды фронта и тыла военная экономика не смогла; тяжелое положение на транспорте обостряло ситуацию. Царское правительство не сумело осуществить в необходимой степени и милитаризацию производства, как частного, так и казенного²⁴. Данный тезис Х. Хауманна заслуживает уточнения. По степени мобилизации промышленности Россия находилась впереди Англии и на одном уровне с Германией и Францией: 58 % всех рабочих были заняты в военном производстве²⁵. Правительство, однако, не сумело организовать производственную жизнь адекватно условиям тотальной войны – в этом плане действительно есть основания согласиться с Х. Хауманном. Соответствующие мероприятия свелись лишь к закреплению на военных предприятиях занятых на них рабочих – то же самое имело место и в других воюющих странах. Пойдя на эту меру, русское правительство в июне 1915 г. реализовало так называемый «проект Поливанова» – Х. Хауманн указывает, что это, однако, был не первый проект такого рода. Наиболее ранний проект был предложен накануне войны, 29 июля 1914 г., но тогда он не был принят²⁶. В целом же милитаризация труда в России в 1914–1917 гг. значительно уступала таковой в прочих воюющих странах²⁷.

В 90-х гг. XX в. к вопросу о результативности правительственной политики регулирования экономики в годы Первой мировой войны косвенным образом обратился Г. Альтрихтер. Подобно Р. Клаусу, он акцентировал внимание на дезорганизации хозяйственной жизни России в военные годы. К нарастанию хаоса и развала в системе организации промышленного производства Г. Альтрихтер свел всю свою оценку положения русской индустрии в 1914–1917 гг.; правительство оказалось бессильным в борьбе с этим, и меры государственного регулирования были неэффективны²⁸. Такая оценка представляется нам крайне упрощенной и недопустимо прямолинейной – и в советской, и в белоэмигрантской, и в мемуарной литературе приводится значительный фактический материал как о достижениях промышленного развития России военных лет, так и о значительных трудностях и просчетах царского правительства в этот период²⁹. Оценка Х. Хауманна в этом отношении более взвешена и лучше согласуется с фактами. «Пессимистический» подход, однако, по-прежнему популярен – М. Хильдермайер в относительно недавнем своем исследовании, говоря о российской экономике военного времени, сделал основной акцент на трудностях, переживаемых ею, в т. ч. и промышленным ее сектором³⁰.

Говоря о взаимоотношениях царского правительства с промышленной буржуазией в годы Первой мировой войны, германские историки 1970–1990-х гг. затрагивали и вопрос о так называемых «общественных организациях», где, как известно, влияние буржуазии было достаточно сильным. Рассматривая военно-промышленные комитеты и прочие организации буржуазии, функционировавшие в Рос-

сии в годы Первой мировой войны, германские и в целом немецкоязычные исследователи, в отличие от некоторых историков англоязычных стран, находят реальное значение этих организаций достаточно скромным. Австрийский историк Й.-Х. Хартль и Х. Хауманн акцентировали основное внимание на небольшом вкладе ВПК в организацию военного производства. Это же обстоятельство признал в 1990-е гг. и упомянутый уже германский руссисед Г. Альтрихтер, отметивший, что при создании комитетов буржуазия рассчитывала лучше обеспечить свои экономические и политические интересы³¹. Деятельность исключительно через ВПК оказалась, однако, малорезультативной вследствие недоверия к ним со стороны правительства³². Х. Хауманн отметил, что в вопросах изготовления боеприпасов Центральный военно-промышленный комитет играл сугубо вспомогательную функцию – окончательное решение о распределении заказов, установлении сроков их выполнения, назначении цены и т. д. принималось Особым совещанием по обороне либо ГАУ. Крупные текстильные предприятия также предпочитали иметь дело с официальными инстанциями, а не с ВПК. Через последние прошло лишь 5% всех военных заказов, притом, что выполнялись они лишь наполовину. Более важную роль ВПК играли в сфере интендантства, и для удовлетворения соответствующих потребностей привлекались средние и мелкие предприятия. Отметив, со ссылкой на работу Л. В. Ольховой, проникновение в годы Первой мировой войны монополистического капитала в область кустарного производства (на примере Урала), Х. Хауманн в то же время признал сложность организации этого производства, в т. ч. при посредничестве «общественных организаций»³³. Вместе с тем Х. Хауманн и Г. Альтрихтер, а также М. Хильдермайер отметили политизированность деятельности этих организаций, активную их роль в кампании по дискредитации существующего режима. Х. Хауманн при этом, не без влияния концепций советской историографии, особенно работ В. С. Дякина, склонен преуменьшать значение этой кампании и в целом силу антиправительственной позиции части буржуазных кругов³⁴.

Существенно большее значение, по мнению Х. Хауманна и Г. Альтрихтера, имело усиление взаимодействия в военный период представителей буржуазии (в т. ч. московской) с правительством. Следует отметить, что оба исследователя разделяют, хотя и с оговорками, точку зрения о двух типах русской крупной буржуазии – московском и петербургском, в свое время высказанную советским историком И. Ф. Гиндиным³⁵. По мнению Х. Хауманна и Г. Альтрихтера, в результате деятельности Особых совещаний и других органов регулирования военной экономики удалось не только, о чем уже говорилось, увеличить объем производства в ряде отраслей, улучшить координацию деятельности ведомств при распределении заказов промышленности и заложить основы для сохранения такой координации в долгосрочной перспективе, но и обеспечить более тесную связь между правительством и ранее жестко оппозиционной ему буржуазией московского типа. Прежде менее зависимая от госзаказов, последняя в военное время все более ориентировалась на них; диверсификация ею своей деятельности, распространение ее на тяжелую промышленность – основного фаворита экономической политики самодержавия – также способствовала сотрудничеству с ним «москвичей»³⁶. На наш взгляд, не следует преувеличивать значимость данной тенденции. Целый ряд фактов, установленных отечественной историографией, свидетельствует, что лояльность царизму, по крайней мере, многих российских предпринимателей накануне 1917 г. была, в лучшем случае относительной – оставляя в стороне дискуссии в советской историографии о «заговоре буржуазии», отметим, что и Х. Хауманн признает обилие банкиров и промышленников среди оппозиционеров царскому режиму в годы Первой мировой войны³⁷. Верность самодержавию и таких представителей петербургского делового мира, как А. И. Путилов, была отнюдь не безграничной и во многом вынужденной, что по сути также признавал Х. Хауманн³⁸.

Отнюдь не трактуя отношения царизма с частной промышленностью в годы Первой мировой войны как идиллические, Х. Хауманн указал на разногласия в самих официальных инстанциях по вопросу о характере этих отношений. За «взаимопонимание», основанное на уступках со стороны правительства, высказывались министерства финансов, торговли и промышленности, а также военное ведомство империи. Они находили необходимым сохранить политику субсидий, государственных гарантий и высокооплачиваемых заказов в отношении частного сектора. Альтернатива такому пути – строительство новых казенных заводов либо ужесточение контроля – казалась приверженцам тактики уступок нереалистичной или слишком запоздалой. Напротив, министерство путей сообщения и некоторые другие ведомства являлись приверженцами этатистской тенденции. Полагая необходимым искоренение влияния крупных предприятий и синдикатов, эти ведомства выступали за создание эффективно-го аппарата государственного управления экономикой, независимого от частной промышленности, и введение более жесткого контроля над последней³⁹. Представляется, что эта позиция была гораздо более адекватна реалиям тотальной войны (да и в целом ускоренной модернизации по капиталистическому пути, с 1861 г. шедшей в России). Но правительство выбрало первый путь и в этой связи Х. Хауманн солидарен с А. Л. Сидоровым⁴⁰ в том, что сил у царизма было явно недостаточно для применения принуждения в отношении буржуазии. Свидетельствами тому явились также неудачи попыток осуществить необходимую в военных условиях централизацию производства и распределения продуктов, а также крах проекта принудительного синдицирования каменноугольной индустрии. Половинчатой, незавершенной по сравнению с другими воюющими странами оказалась и милитаризация производства, о чем уже упоминалось⁴¹. Здесь в полной мере проявилась слабость и нерешительность царского режима на последнем этапе его существования.

Нерешительность правительства отмечена самим Х. Хауманном при рассмотрении им вопроса о секвестре частных предприятий в военный период. По мнению германского исследователя, особо

выразительна в этой связи история секвестра Общества Путиловских заводов – крупнейшего предприятия России, подвергшегося секвестру во время мировой войны. Русское правительство пошло на эту меру, только когда обнаружилось, что субсидии не в состоянии спасти находящийся на грани краха завод, но и при рассмотрении вопроса были проявлены медлительность и крайняя нерешительность. В октябре 1915 г. были назначены правительственные инспекторы для контроля над предприятием, в ноябре были приняты противоречивые и половинчатые решения по секвестру и последний был объявлен (с одновременным назначением нового правления) лишь 1 марта 1916 г., после забастовок на заводе⁴². Х. Хауманн отмечает при этом, что как сторонники, так и противники этой меры не составляли единого целого. К первым принадлежали представители правительства, искренне заинтересованные в военной победе России, часть антисамодержавных кругов из числа думцев, связанных с московским крылом крупной буржуазии (М. В. Родзянко, А. И. Гучков, Шингарев), отдельные деятели консервативного толка (Н. Е. Марков, член Совета Объединенного дворянства А. И. Мосолов). Столь же разнородна была и коалиция противников секвестра – мотивы их поведения не всегда ясны⁴³. Существенно, однако, что при секвестрах промышленных предприятий (исключая, естественно, случаи с собственностью фирм и подданных Центральных держав) учитывались интересы пайщиков соответствующих компаний – последних вполне удовлетворяли обильные финансовые компенсации⁴⁴.

Х. Хауманн обоснованно говорит о росте в военный период взаимозависимости царского правительства и крупной буржуазии при несомненном возрастании влияния последней, особенно промышленников. По его мнению, в 1914–1916 гг. имело место своеобразное неустойчивое равновесие между монархией и предпринимательскими кругами, с которыми тесно были связаны «общественные организации» (о том, что последние, играя видную роль в антисамодержавной кампании, функционировали в значительной мере на казенные средства, Х. Хауманн не упоминает). Буржуазия, по мнению исследователя, продемонстрировала в эти годы готовность как к сотрудничеству с властью, так и к отражению любых ее попыток усилить госсектор за счет интересов частного бизнеса⁴⁵. Не преувеличивая влияния «реакционной части аграриев» на экономическую политику самодержавия еще в довоенный период, отмечая крах почти всех попыток дворянских кругов ослабить растущее могущество буржуазии, Х. Хауманн говорит о дальнейшем возрастании этого могущества в 1914–1916 гг.⁴⁶ Не считаться с данным обстоятельством правительство не могло: оно демонстрировало готовность к экономическим уступкам частному сектору, занимало крайне непоследовательную позицию при секвестре промышленных предприятий, чрезвычайно поздно и в очень скромном размере ввело подоходный налог и обложение специальным сбором военных прибылей, охотно шло на предоставление частному бизнесу сверхвыгодных заказов по завышенной оплате (при том, что казенные заводы производили в ряде отраслей значительно дешевле)⁴⁷.

Одним из симптомов роста могущества буржуазии, по мнению Х. Хауманна, явилось назначение в 1916 г. на пост министра внутренних дел империи А. Д. Протопопова. Независимо от того, что Прогрессивный блок счел согласие одного из своих руководителей на возглавление данного ведомства изменой, сам Протопопов, будучи министром, во многом активно лоббировал буржуазные интересы. Это, по мнению Х. Хауманна, явно расходилось с устоявшейся традицией, в соответствии с которой МВД в большей мере отражало позицию аграриев. Тем самым в очередной раз заявила о себе тенденция к росту обуржуазивания правящей бюрократии и части дворянства, обнаружившаяся в России задолго до 1914 г.⁴⁸

Резюмируя результативность взаимоотношений государства с частной промышленностью в годы Первой мировой войны, Х. Хауманн отмечает усиление в 1914 – начале 1917 гг. тенденций, обнаружившихся в предвоенные годы. Как и раньше, существовала определенная общность интересов аграриев, капиталистов и правительства, не исключавшая наличия подчас острых конфликтов⁴⁹. Место буржуазии в системе взаимодействия частной промышленности с правительством по-разному оценивается германскими историками-россиеведами. Р. Лоренц акцентировал внимание на сохранении за самодержавием и в 1914–1917 гг. значительной самостоятельности по отношению к частному бизнесу; при этом царизм мог опираться как на мощный, по мнению Р. Лоренца, государственно-монополистический капитализм (ГМК), так и на помещичьи латифундии. М. Хильдермайер полагал, что уже к концу XIX в. российская буржуазия превратилась в ряде важнейших отраслей народного хозяйства в ведущую силу, в значительной мере потеснившую дворянство, но до конца монархического правления в России так и не трансформировавшуюся в политическую элиту страны⁵⁰. С этим выводом солидарны и другие исследователи. Сам М. Хильдермайер усматривает в таком положении отличие России от Англии, Франции, отчасти и от Германии; Х. Хауманн же, напротив, находит российскую ситуацию более близкой к германской, и его позиция представляется более убедительной. Оба исследователя акцентируют внимание на союзе буржуазных кругов страны с дворянством, сохранившемся и в военные годы⁵¹. Х. Хауманн при этом, не отрицая определенной самостоятельности государства, полагал неправомерным применение к российскому политическому режиму периода Первой мировой войны понятия «бонапартизм». В 1914–1917 гг. в России отсутствовала сильная власть, способная извлечь максимальную для себя выгоду из противоречий между общественными классами, в равной мере важными для существующей социально-политической системы. При этом в военные годы в России несомненно усилились элементы госкапитализма и ГМК в том числе, но, несмотря на успехи в организации и регулировании военной экономики, предпосылки для социалистической революции в стране, по мнению Х. Хауманна, создали все же не существующие элементы ГМК, а недостаточное развитие последнего. В отличие

от других стран – основных участниц войны, российский ГМК не сумел выработать эффективной стратегии, способной воспрепятствовать революции. Здесь, полагает исследователь, сказались слабость российского капитализма и недостаточная зрелость условий, допускающих успешную стратегию такого рода⁵². Соглашаясь с этим выводом, необходимо, однако, принимать во внимание, что российский капитализм (и ГМК в том числе), не достигнув уровня, способного предотвратить революцию, тем не менее, оказался достаточно развитым, чтобы обеспечить возможность продолжения модернизации в стране – иными силами, в иных условиях и на иной социальной основе. Впрочем, сам Х. Хауманн отмечает, что большевики, первоначально не планируя тотальной национализации, пытались в 1918 г. достичь компромисса с промышленной буржуазией, но в силу ряда причин компромисс не состоялся⁵³ и опыт взаимоотношений царизма с частной промышленностью (пусть и в сильно модифицированном виде) оказался не востребуемым. Вместе с тем новой властью были использованы в полной мере кадры государственных органов регулирования экономики, функционировавших в годы Первой мировой войны⁵⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что германские руссиеведы XX в. по-разному оценивали результативность сотрудничества государства с частным бизнесом в российской промышленности периода Первой мировой войны. В той или иной мере признавалось усиление экономического могущества буржуазии в военные годы, с чем не могло не считаться царское правительство. Одновременно признавалась слабость царизма на последнем этапе его существования, нерешительность имперского режима в обеспечении верховенства государственных интересов в процессе взаимодействия с частным сектором. При этом меры государственного регулирования, до 1970-х гг. лишь вскользь освещаемые германской «россикой», трактовались как непоследовательные и неспособные решить проблемы военного производства. С конца 1970-х гг., после выхода работ Х. Хауманна, в историографии ФРГ наметилась тенденция к определенному отходу от «пессимистической» однозначности как при рассмотрении развития российской индустрии в первые два с половиной года мировой войны, так и при оценке результативности политики государственного регулирования частной промышленности, проводившейся царским режимом. Помимо работ Х. Хауманна, аналогичный подход присутствует в очерке Г. Шрамма о военно-политической обстановке в России в канун февраля 1917 г., а также в фундаментальном труде К. Гествы о кустарной промышленности в России.⁵⁵ Вместе с тем речь пока может идти о тенденции, а не о законченном процессе смены парадигм. Сохранение «пессимистической» концепции в отношении недавних публикациях Г. Альтрихтера и отчасти М. Хильдермайера свидетельствует о живучести стереотипных представлений в немецком руссиеведении и на современном этапе его развития.

Примечания

¹ Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat. Organisationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess. Königstein: Hain, 1980. S. 54.

² Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien über Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik. 1860–1914. Göttingen, 1977.

³ Haumann H. Op. cit., S. 56, 68. Отчасти близка точке зрения Х. Хауманна позиция Л. В. Сапоговской. Л. В. Сапоговская полагает, что эволюция промышленной политики самодержавия выражала переход от административно-мобилизационных методов модернизации к рыночным, но процесс этот проходил крайне сложно и неоднозначно. См.: Сапоговская Л. В. Промышленная политика в контексте российской модернизации XVIII – начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 241.

⁴ Haumann H. Op. cit., S. 57; Barth B. Deutsche Portfolio-Investitionen und russische Expansion vor 1914. Banken im Spannungsfeld von Wirtschaft und Politik // ...das einzige Land in Europa, das eine grosse Zukunft vor sich hat. Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen, 1998. S. 133.

⁵ Lorenz R. Sozialgeschichte der Sowjetunion. Bd. 1. 1917–1945. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. S. 36. Ср.: Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д. Государственное предпринимательство в России и его участие в регулировании экономики (опыт начала XX века) // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001. С. 17, 30.

⁶ Schultze E. Das französische Kapital in Russland // Finanz-Archiv. 1915. S. 133; Мартин Р. Будущность России. / пер. с нем. М., 1906. С. 128.

⁷ Vogel A. v. Kriegsgewinne in der russischen Industrie im Jahre 1915 // Weltwirtschaftliches Archiv, 1917. Bd. 10. H. 1. S. 57–63.

⁸ Vogel A. v. Der Rechtsschutz deutscher Reichsangehörigen in Russland während des Krieges // Weltwirtschaftliches Archiv. 1917. Bd. 9. H. 4. S. 497–515; Idem. Russlands Kampfgesetze gegen den Aktienbesitz feindlicher Ausländer // Weltwirtschaftliches Archiv, 1917. Bd. 10. H. 2. S. 227–243; Idem. Der Zwangsaufloesung der feindlichen Handels- und Industrieunternehmungen in Russland // Weltwirtschaftliches Archiv, 1917. Bd. 11. H. 3. S. 280–311.

⁹ См.: Vogel A. Russlands Kampfgesetze gegen feindlicher Ausländer // Weltwirtschaftliches Archiv, Juni 1917. Bd. 10. H. 2. S. 242–243.

¹⁰ Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.) / пер. с нем. М.; Л., 1926. С. 11–39, 56–57, 68–82, 89–97. Трактровка Р. Клаусом положения русской индустрии в 1914–1917 гг. представляется не вполне объективной. Наряду с несомненными трудностями, до 1917 г. в ряде отраслей имело

место и поступательное развитие, чего не отрицают и современные германские историки. Впрочем, и сам Р.Кlaus отмечает поступательное развитие в военные годы нефтяной индустрии России, чему способствовали как затруднения, переживаемые каменноугольной промышленностью, так и возможность относительно быстрой перевозки нефти по Волге. Признает исследователь и рост акционерного учредительства в войну, не увязывая это, однако, с расширением производственной деятельности (там же. С. 65–66, 77).

¹¹ Klaus P. Указ. соч. С. 43–48, 74, 114. Вместе с тем трактовка Р. Клаусом ситуации с рабочей силой в русской промышленности военных лет не лишена противоречий. Акцентируя основное внимание на изменениях к худшему, он вместе с тем, позитивно оценивает результативность для индустрии «сухого закона», введенного в России с начала войны. Р. Клаус указывает, что вследствие этой меры повысилась трудовая дисциплина на производстве, улучшилось физическое состояние рабочих, уменьшилось количество заболеваний и несчастных случаев. Темп работы ускорился, более редкими стали случаи порчи материала и инструментов; на ряде предприятий повысились производительность и интенсивность труда (там же. С. 49).

¹² Так, А. В. Жук особо отмечает негативное воздействие на уральскую промышленность призыва в армию значительной части квалифицированных рабочих региона. См.: Жук А. В. Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 345. В 1920-х гг. обострение в военный период дефицита рабочей силы и ее декалфикацию особо отмечал А. Л. Сидоров. Подобно Р. Клаусу, советский исследователь подчеркивал падение производительности труда в индустрии России вследствие данных обстоятельств. См.: Сидоров А. Л. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 1. М.; Л., 1927. С. 97–98.

¹³ Stoekl G. Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1973. S. 628; Lorenz R. Op. cit. S. 56.

¹⁴ Haumann H. Op. cit. S. 86–89.

¹⁵ Ibid. S. 106–107, 120.

¹⁶ Ibid. S. 107.

¹⁷ Ibid. S. 107–108, 120.

¹⁸ Ibid. S. 93, 109, 120.

¹⁹ Ibid. S. 112–113.

²⁰ Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 3. Lfg. 7/8. Stuttgart. S. 523.

²¹ Ibid. S. 523–525; Haumann H. Op. cit. S. 102–104.

²² Haumann H. Op. cit. S. 102.

²³ Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 3. Lfg. 7/8. S. 520–525.

²⁴ Ibid. S. 520–527; Haumann H. Op. cit. S. 72–81, 132–136.

²⁵ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 225. А. Л. Сидоров в 1920-х гг. называл даже более высокую цифру – 86 % от всей численности фабрично-заводских рабочих к концу 1916 г. За вычетом рабочих казенных заводов, 73,3% занятых на частных предприятиях работали на оборону. См.: Сидоров А. Л. Влияние империалистической войны на экономику России. С. 91.

²⁶ Haumann H. Op. cit., S. 93.

²⁷ Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 3. Lfg. 7/8. S. 525.

²⁸ Altrichter H. Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997. S. 101–103. Ход военных действий на Восточном фронте Г.Альтрихтер трактует как череду поражений русской армии, что далеко от действительности. Как известно, кампания 1914 г. проходила на Восточном фронте с переменным успехом для русских войск; 1915 г. закончился серьезными неудачами – впрочем, Кавказский фронт составлял исключение. В 1916 г. наметился переход стратегической инициативы к России и назначенное на весну 1917 г. наступление русских войск внушало серьезные опасения командованию Центральных держав. См.: Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957. С. 375–377; История первой мировой войны. Т. 2. М., 1975. С. 228, 287–290; Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989. С. 270–274; Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 224–228, 248–249, 259–260. Об относительно благоприятных военных перспективах России к началу 1917 г. говорит и современный германский историк Г. Шрамм. См.: Handbuch... Bd. 3. Lfg. 5/6. S. 476–477.

²⁹ См., например: Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937; Сидоров А. Л. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915–1916 гг. // Исторический журнал. 1944. Кн. 10–11; Он же. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; Он же. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957; Крупина Т. Д. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. М., 1969; Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 145–150, 215–228.

³⁰ Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion. 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. Muenchen, 1998. S. 58–59, 61–62.

³¹ Hartl J.-H. D. Die Interessenvertretungen der Industriellen in Russland. Koeln-Wien-Graz: Boehlaus Nachf., 1978. S. 116–117; Haumann H. Op. cit. S. 97; Altrichter H. Op. cit. S. 105.

³² Altrichter H. Op. cit. S. 105; Stoekl G. Op. cit. S. 629. См. также: Лаверычев В. Я. Военный государственно-

монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 96–100, 122. Причины такого положения В. Я. Лаверычев усматривает в бюрократизме госаппарата и в наличии феодальных пережитков в стране. Не отрицая роли данных факторов, следует все же принимать во внимание экстремальную обстановку тотальной войны, в условиях которой повсеместно наблюдалось усиление роли государства в хозяйственной жизни. При этом, однако, весьма спорен тезис о российской буржуазии как о слабой стороне в ее взаимодействии с царизмом, разделяемый уральским историком М. А. Фельдманом (см.: Фельдман М. А. О противоречиях в оценке процесса монополизации в России начала XX в. // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 113). В действительности царизм так и не решился пойти на значительное расширение госсектора в военные годы; частному сектору по-прежнему делались неоправданные уступки, в т. ч. и в плане значительных переplat по выполняемым заказам; не было контроля и над расходованием выделяемых предпринимателям для увеличения размеров производства средств. С этим плохо согласуется тезис о «слабости» российской буржуазии – точка зрения А. Л. Сидорова и Х. Хауманна о соотношении сил в ее альянсе с царизмом представляется более взвешенной и лучше аргументированной.

³³ Naumann H. Op. cit. S. 97–100, 144. Значение госзаказов для развития кустарной промышленности в годы Первой мировой войны особо отметил К. Гества. Этот исследователь говорит даже о кратковременном расцвете павловской кустарной промышленности в военные годы, обусловленном притоком заказов на производство кос, хирургических инструментов и т. п. Павловские предприятия в целом были интегрированы в систему производства, работающего на оборону. См.: Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Russland. Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo, 1741–1932. Goettingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. S. 143. Ранее, еще в начале 1930-х гг., А. В. Баргон также говорил об оживлении в военные годы производства на ряде мелких предприятий, выполняющих государственные заказы. Вместе с тем и кустарная промышленность столкнулась с серьезными трудностями, вызванными дефицитом сырья и транспортными проблемами. См.: Bargon A. W. Entwicklung und Zerfall der Kustargewerbe Russlands. Lippstadt, 1933. S. 63, 65. Факт привлечения кустарной промышленности к выполнению военных заказов признавал в 1920-е гг. Р. Клаус. См.: Клаус Р. Указ. соч. С. 65.

³⁴ Hildermeier M. Sozialer Wandel im städtischen Russland in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Anmerkungen zur neueren Literatur // JGO. 1977. Bd. 25. H. 4. S. 546; Naumann H. Op. cit. S. 96, 153; Altrichter H. Op. cit. S. 378.

³⁵ Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 57–80; № 3. С. 37–60.

³⁶ Naumann H. Op. cit. S. 85–86, 128; Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 3. Lfg. 7/8. S. 527; Naumann H. Alternativen der gesellschaftlichen Entwicklung Russlands an der Jahreswende 1916/17 // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spätphase des Zarenreiches. Frankfurt a.M., 1994. S. 353–370.

³⁷ Naumann H. Alternativen... S. 355. О различных версиях относительно «заговора буржуазии» к 1917 г. см.: История гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1936. С. 77–81, 85–90; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 182–311; Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. Заговор империалистов против народов России. 1914–1917 гг. М., 1986. С. 122–133, 152–177, 179–182; Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 204–214, 247–258.

³⁸ Naumann H. Kapitalismus... S. 85. А. И. Путилов, отмечает Х. Хауманн, прямо говорил о вынужденном характере своей лояльности царскому режиму – показательно, что он делал такое заявление французскому послу в Российской империи и сам этот факт уже свидетельствует в пользу весьма относительного характера этой «лояльности». Ее А. И. Путилов мотивировал опасениями, что в случае революционного взрыва в стране рухнет не только царизм, но и буржуазный порядок – при этом российский предприниматель заявлял, что ничего не имел бы против революции европейского, XVII–XIX вв., образца. Не удивительно, что при таком понимании «лояльности» правящему режиму А. И. Путилов помог известному большевистскому деятелю Л. Б. Красину, имевшему прямое отношение к террористической деятельности РСДРП в 1905–1907 гг., стать членом правления Русско-Азиатского банка и Русского общества изготовления снарядов и военных припасов (б. Барановского). Данный факт признает и Х. Хауманн (Kapitalismus... S. 273), что уже противоречит его тезису о верности петербургской буржуазии самодержавию. О контактах Л. Б. Красина с петербургским деловым миром см. также: О'Коннор Т. Э. Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993. С. 119–121.

³⁹ XX, 120.

⁴⁰ Handbuch... Bd. 3. H. 7/8. S. 523–525; Altrichter H. Op. cit. S. 106. Ср.: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 161, 552–559.

⁴¹ Handbuch... Bd. 3. Lfg. 7/8. S. 525.

⁴² Naumann H. Kapitalismus... S. 122–125.

⁴³ Ibid. S. 126–127.

⁴⁴ Ibid. S. 129–131.

⁴⁵ Handbuch... Bd. 3. H. 7/8. S. 527; Naumann H. Kapitalismus... S. 121, 148.

⁴⁶ Naumann H. Kapitalismus... S. 146.

⁴⁷ Ibid. S. 109, 113, 125–127.

⁴⁸ Haumann H. Kapitalismus, S. 52, 140, 146. Тезис о МВД России как выразителе и защитнике помещичьих интересов представляется все же упрощенным. Достаточно вспомнить, что Особая комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах была создана при МВД 14 января 1902 г., за неделю до образования Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Эта комиссия внесла существенный вклад в подготовку столыпинской аграрной реформы, да и инициатор последней, П. А. Столыпин, как известно, был главой министерства внутренних дел. См.: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 139–145. Эта реформа отнюдь не рассматривалась широкими кругами помещного дворянства как проявление продворянской политики.

⁴⁹ Haumann H. Kapitalismus. S. 141–142.

⁵⁰ Lorenz R. Op. cit. S. 36; Hildermeier M. Sozialer Wandel... S. 540.

⁵¹ Hildermeier M. Sozialer Wandel... S. 547; Haumann H. Kapitalismus... S. 18.

⁵² Haumann H. Kapitalismus... S. 142–143.

⁵³ Ibid. 166–167

⁵⁴ Ibid. S. 169.

⁵⁵ Handbuch... Bd. 3. Lfg. 5/6. S. 476–477.

Кюнг П. А.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Неослабеваемым интересом у исследователей пользуется опыт мобилизации частной промышленности в период Первой мировой войны. Особое внимание привлекает деятельность военно-промышленных комитетов (ВПК)¹, возникших в 1915 г. по инициативе отечественных предпринимателей, для помощи правительству в мобилизации экономики Российской империи². К 1917 г. в стране функционировало уже более 200 комитетов, распространявших свою деятельность практически на всю территорию государства и на все отрасли экономики³. В процессе своей деятельности они накопили богатейший документный массив по экономической, политической и социальной истории страны периода 1915–1918 гг. Документальные комплексы ВПК, отложившиеся в федеральных и региональных архивах, широко привлекаются исследователями для написания работ по самым различным аспектам истории России 1914–1918 гг.⁴

Активный интерес историков к этим материалам демонстрирует назревшую необходимость проведения специального исследования архивных комплексов ВПК. Для раскрытия информационного потенциала, хранящегося в фондах федеральных и региональных архивов, требуется выяснить особенности документирования информации в практической деятельности ВПК и историю образования их архивных фондов.

Организация работы с документами, под которой подразумевается организация документооборота предприятия, традиционно делится на ряд типовых технологических процедур: а) экспедиционная обработка документов, поступающих в организацию; б) предварительное рассмотрение документов службой организующей делопроизводство; в) организация движения документов внутри организации; г) экспедиционная обработка исполненных и отправляемых документов⁵. От рациональной организации каждой из этих процедур зависит эффективность организации работы с документами, а, следовательно, и скорость прохождения управленческих решений.

Безусловно, важнейшей процедурой из вышеперечисленных является порядок движения документов внутри организации. Данная технологическая операция включает в себе такие процедуры как: порядок прохождения документов по структурным подразделениям, порядок согласования, утверждения, контроль исполнения. Как правило, эти процедуры регулируются внутренним нормативным документом, закрепляющим структуру подразделений организации и зоны их ответственности. В системе военно-промышленных комитетов таковым являлся Наказ комитета, который представлял собой типовой документ, разрабатывавшийся с учетом специфики деятельности конкретного комитета на основе Положения о военно-промышленных комитетах и утверждался на заседании Центрального военно-промышленного комитета.

Для примера можно привести Наказ Московского военно-промышленного комитета от 9 октября 1915 г.⁶ В нем было определено, что утверждение текущих вопросов деятельности комитета, утверждение управленческих и финансовых документов возлагается на Бюро комитета, в которое входили председатели отделов комитета и непосредственно на Председателя Бюро. Решения на Бюро принимались путем коллегиального обсуждения (ст. 12, 16). Для обеспечения делопроизводственных процедур образовывались специальные отделы – Секретариат и Управление делами (ст. 14).

Таким образом, этот документ закреплял иерархию прохождения документов в МВПК, но порядок согласования документов, контроль их исполнения, границы ответственности подразделений оставались открытыми. Сотрудники комитетов при их решении руководствовались общей практикой делопроизводства Российской империи и сложившейся процедурой решения вопросов в конкретном

комитете. Этот тезис вполне подтверждается ситуацией с прохождением финансовой документации, которая сложилась в общественных организациях к 1917 г.

В октябре 1917 г. Земгор жаловался на то, что командируемые отдельными воинскими частями приемщики при приеме предметов по заказам не оставляли в Главном комитете никаких документов, которые могли бы дать информацию о воинской части или собственно о заказе, по которому они получили предметы, а иногда даже о личности приемщика. В результате оставались расписки типа «150 повозок получил», а далее неразборчивая подпись без обозначения части и звания⁷. Непосредственно в МВПК упорядочивать внутреннюю отчетность начали только в начале 1917 г., когда комитет столкнулся с финансовыми трудностями, так как до начала 1917 года МВПК действовал без определенного финансового плана⁸, а некоторые отделы работали, не сообразуясь с экономическим положением комитета⁹. То есть границы ответственности функциональных структурных подразделений к 1917 г. так и не были определены. А следовательно, неопределенной оставалась и ситуация с порядком прохождения документов в комитете. Для выправления ситуации отделам было предложено предоставить сведения об их финансовых операциях, но отделы это проигнорировали, поэтому было выражено требование к ведению более строгой финансовой отчетности, прежде всего сметной¹⁰. Главный бухгалтер МВПК И. А. Горбачев¹¹ пишет в январе 1917 г. в докладе, посвященном финансовому положению комитета, о необходимости составления смет, разработке правильной и согласованной с главной бухгалтерией отчетности отделов и секций и строгой ответственности за их исполнение¹².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в МВПК не существовала установившаяся и эффективная система работы с документами – нечеткое разграничение функций отделов, их нежелание придерживаться единообразной отчетности не способствовали унификации процедур прохождения документации.

Некоторые технологические процедуры организации работы с документацией в военно-промышленных комитетах можно восстановить по документам ЦВПК¹³. На наш взгляд, мы можем с определенными допущениями, перенести их положения и на другие военно-промышленные комитеты, прежде всего Московский. Это оправдывается тем, что военно-промышленные комитеты действовали в одинаковых нормативно-правовых рамках, их структура, во многом, была схожей, что подтверждается и единообразием делопроизводственных помет на документах ЦВПК и МВПК.

Входящая документация. Поступавшая в ЦВПК корреспонденция принималась дежурной сменой. Пакеты распечатывались, проверялось их содержимое, конверты и приложения прикреплялись к основным документам. Далее документы поступали секретарю, который их регистрировал, записывал во входящие реестровые книги и расписывал по отделам и лицам. Пометы секретаря, включая название отдела, фиксировались в специальном журнале, и документы возвращались к лицам, заведующим распределением почты. Для каждого отдела имелась талонная книжка, где отмечались бумаги направленные в отдел, при доставке документа в отдел принимающий расписывался в книжке о получении.

Журналов для записи входящих бумаг имелось 9: главный и 8 вспомогательных. В главный журнал вносились в последовательном порядке все поступающие документы и телеграммы. Во вспомогательных регистрировались документы, подлежащие передаче в Отделы, в них же заносилось содержание поступающих документов. В главной же книге ставилась отсылка на вспомогательную.

Отдельный порядок существовал для регистрации телеграмм. В книгу входящих документов записывался их полный текст. Документы, не переданные в отделы, хранились в особых регистрах в порядке входящих номеров. В комитете также велась и карточная регистрация. Входящий документ фиксировался на двух карточках: по названию учреждения или лица приславшего документ и по предмету. В карточке отмечался номер по входящей книге, краткое содержание и направление. В комитете не было создано предметного классификатора, что приводило к неоправданному увеличению количества карточек¹⁴.

Исходящая документация. Для регистрации исходящих документов велось 10 журналов: 1 основной и 9 вспомогательных. В основной журнал сведения о документах заносились в валовом порядке, во вспомогательные по отделам.

Каждый отдел имел свою регистратуру, через которую проходили все бумаги как исходящие непосредственно от отдела, так и от имени комитета. Последние заносились также и в исходящий журнал комитета. Номер для документа брался по телефону и журналистка, ведущая основной журнал, отмечала в нем присвоенный номер, вписывая напротив него, к какому отделу он относится. Впоследствии в регистратуру комитета приходила копия исходящего документа, и тогда его содержание заносилось в главную книгу.

Одновременно исходящие документы регистрировались на карточках, которые велись по лицам и учреждениям-адресатам и по предметам. Там также отмечались регистры, в которых хранились копии документов (хранение осуществлялось по порядковым номерам).

Всего с исходящих документов, исключая циркулярные, делалось 4 копии – одна оставалась в отделе, одна поступала помощнику управляющего делами, остальные хранились в регистратуре, один экземпляр предназначался для справки. Такая практика объясняет большое количество дублей исходящих документов в фондах ВПК.

При исходящей регистратуре велась контрольная книга, в которой напротив номера соответствующего документа, отмечался отдел, выпустивший бумагу, дата и время ее подписания, время передачи для регистрирования, место хранения копии.

Экспедиция.

В ЦВПК существовало две экспедиции: почты и циркуляров и повесток.

Экспедиция почты проверяла документы на предмет наличия приложений, регистрировала адреса на карточках, надписывала конверты, готовила посылки, передавала конверты и посылки курьерами по адресам.

Экспедиция циркуляров и повесток готовила для отправки повестки Бюро и разные циркулярные и массовые отправления¹⁵.

Изложенные выше данные наглядно свидетельствуют о громоздкости и дороговизне делопроизводственного аппарата в ЦВПК. Можно привести следующие цифры, характеризующие объем картотеки: 20000 карточек по входящей регистратуре и 30000 по исходящей за полтора года¹⁶. В виду отсутствия предметных классификаторов поиск по этой картотеке был затруднен и отнимал много времени¹⁷. Поиск переписки усложнялся еще и тем, что многие вопросы решались сразу несколькими отделами, поэтому документы хранились в разных регистратурах. Процедура рассмотрения даже маловажных документов сильно затягивалась из-за длительной процедуры регистрации, при этом три четверти документации составляли «несущественные ответы по запросам отделов и просмотр каждой из них чуть ли не всеми помощниками управляющего делами не имеет логического основания. Поэтому должна быть соответствующая инструкция, по которой секретарь регистратуры определял бы какие документы надо предварительно передавать на рассмотрение Бюро или Председателя комитета, а какие сразу в отделы. Именные и секретные пакеты в регистратуре не вскрываются, а передаются Управляющему делами без задержки»¹⁸.

Штат делопроизводственного персонала ЦВПК был достаточно большим. Ведением входящих журналов занимались шесть сотрудников (делопроизводителей) посменно, картотеки – 7 сотрудников посменно. Ведением исходящих журналов занималось 16 сотрудников. Работу по регистрации документов исполняли посменно 12 человек. В экспедиции работало 4 человека¹⁹.

Раздутость делопроизводственного аппарата и чрезмерная сложность процедур прохождения документов была вполне осознана к 1917 г., когда комитет начал испытывать финансовые затруднения и расходы на делопроизводство были признаны чрезмерными. Поэтому после изучения делопроизводственных процедур было предложено:

1) с 1-го января 1917 года упразднить карточную систему, оставив старые карточки как справочный материал.

2) с 1-го января 1917 г. ввести новую нумерацию документов как входящих, так и исходящих, для отличия от старой системы впереди номера ставить «у» (управление делами).

3) сократить количество вспомогательных входящих и исходящих книг с таким расчетом, чтобы сократить количество служащих.

4) штат сотрудников ведущих карточек сократить, оставив только тех, кто будет выдавать справки по существующим карточкам.

5) экспедиции (по приемке почты, при регистратуре, и при отделах) соединить в одну, сократив количество служащих.

6) управляющему делами составить инструкцию регистратуры и утвердить ее штат²⁰.

Сохранились документы, позволяющие восстановить практику работы с документами в бухгалтерии Московского военно-промышленного комитета. Согласно правилам работы Главной бухгалтерии Московского военно-промышленного комитета отделы и учреждения комитета представляли документы в Бухгалтерию два раза в день, в 11 утра и 4 вечера, в эти же часы Отделы и учреждения комитета получали корреспонденцию и документы из Бухгалтерии. Представленные поставщиками счета в отдел или учреждение комитета с сопроводительными документами – расписками, приемными актами и квитанциями, не позднее трех дней со дня представления счета передавались с визой руководителя отдела в Главную Бухгалтерию для проверки и записи по книгам Материального отдела, Расчетного отдела и Отдела Контроля Заказов. По истечении трех дней Главная Бухгалтерия представляла платежные документы в Отдел Контроля²¹.

На состоявшемся в январе 1917 г. соединенном заседании бухгалтеров отделов МВПК И. А. Горбачёв указал на необходимость организации сметного плана ведения хозяйства комитета, выработки однотипной формы отчетности комитета, устранению задержек в предоставлении отделами комитета отчетов поставщиков, а также отчетов на авансовые и подотчетные суммы в Главную бухгалтерию, т. к. «это препятствует правильному учету материалов и своевременному составлению отчетов и балансов комитета»²². Такая постановка вопроса после более чем двухлетнего существования комитета может вызывать только недоумение. Сведения о заказах отделы комитета задерживали месяцами. В конце января 1917 года этот вопрос был даже отдельно вынесен на повестку бюро²³. Как итог, И. А. Горбачев предложил установить порядок предоставления отчетности в главную бухгалтерию²⁴. Также он добивался объединения работы касс отделов комитета, что говорит об их разобщенности²⁵.

К сожалению, эти предложения так и не были выполнены. Остается только пожалеть, что такой подход к финансовой отчетности не был принят в комитете с самого начала его деятельности. В этом случае исследователи получили бы возможность увидеть полную картину экономической деятельности МВПК.

Делопроизводство военно-промышленных комитетов отличалось чрезмерным количеством операций, требовавших большого штата сотрудников. Следует отметить неэкономичность и неэффектив-

ность этой системы. Такая постановка дела работы с документами совершенно не отвечала предназначению военно-промышленных комитетов – передача дела мобилизации экономических ресурсов Российской империи из рук чиновничества и бюрократии независимым предпринимателям. На наш взгляд, именно неготовность представителей предпринимательства к организации управленческой работы, приводила к раздутию штата управленческого аппарата, к его неповоротливости и неэффективности.

К сожалению, в фонде МВПК не было выявлено документов, характеризующих общие делопроизводственные процессы. Важным источником информации по этому вопросу являются сохранившиеся за период с 1 августа 1916 г. – 1 августа 1917 г. ведомости входящих и исходящих документов МВПК, которые ежемесячно готовились Управлением делами комитета²⁶. Согласно этим документам за указанный период средний месячный объем документопотока составлял 26000 входящих и 22000 исходящих документов²⁷.

Довольно сложно говорить о методах формирования документов в дела, т. к. в фонде МВПК не удалось выявить дела, однозначно оформленные в делопроизводстве. Есть все основания предполагать, что их составление происходило после ликвидации комитета. В делах отсутствуют внутренние описи, документы зачастую подшиты не в порядке времени их создания, в самих делах обнаруживается большое количество дубликатов и тематически «посторонних» документов, т. е. органически несвойственных для данного дела.

Можно отметить то, что документооборот военно-промышленных комитетов был излишне интенсивен. Его рост был вызван постоянным расширением их функций, с одной стороны, а с другой – отсутствием четко выраженных требований к ведению делопроизводства, непродуманностью структуры комитетов. В последний период существования ВПК была сделана попытка сократить объемы документопотоков путем устранения лишних этапов прохождения документов, однако в связи с политической ситуацией в стране это выполнено не было.

Еще в период активной деятельности комитетов была поставлена цель сохранения их документов для истории. Во время заседаний Московского областного съезда ВПК 17–18 марта 1917 г. было принято решение о начале работы по сбору материалов для создания Центрального архива военно-промышленных комитетов. Для этого планировалось начать сбор материалов от местных комитетов и привлечь для этого представителей науки. Следует отметить, что названные мероприятия были нацелены на создание именно исторического архива, конечной задачей ставилось написание истории Московского областного военно-промышленного комитета²⁸. К этому же времени относятся и сведения об организации архива МВПК на Тверском бульваре²⁹, функционировавшего уже в 1916 г. К сожалению, в фонде МВПК нам не удалось выявить документов, касающихся правил передачи дел в архив комитета, равно как и следов существования самого архива, поэтому можно предположить, что до 1917 г., т. е. до конца существования комитета, планомерное комплектование архива налажено не было. Во многом – это можно объяснить тем, что большая часть документов – особенно финансовая документация и деловая переписка за 1915–1916 гг. продолжали активно использоваться в процессе деятельности комитета. Хранение документации осуществлялось в текущем делопроизводстве отделов, за исключением корреспонденции, которая хранилась в копиях в секретариате. Поэтому в фонде МВПК, как и в фонде ЦВПК, не встречаются акты о передаче дел из делопроизводства в архив.

Сохранились нормативные документы, позволяющие пролить свет на методы решения вопроса передачи дел из текущего делопроизводства военно-промышленных комитетов в архивы. На заседании Бюро ЦВПК 26 сентября 1917 г. были утверждены Правила о порядке ликвидации деятельности областных и местных военно-промышленных комитетов. Этот документ призван был разъяснить положения Наказа о ВПК, где не был детально прописан порядок ликвидации комитетов³⁰.

Согласно нему военно-промышленные комитеты прекращают свою деятельность по постановлению Общего собрания членов комитета. При этом, право возбуждения вопроса о ликвидации принадлежит членам комитета, его Бюро или Президиуму, ЦВПК по отношению к местным комитетам и областным, областному комитету по отношению к местному. Через две недели после получения предложения собирается чрезвычайное общее собрание, которое решает вопрос простым большинством голосов. Характерно, что среди перечисленных учреждений, способных инициировать ликвидацию комитета, отсутствуют государственные. Таким образом, комитеты выделялись из общей системы учреждений и подтверждали свое общественное, независимое положение, претендуя при этом на роль органов, участвующих в регулировании военной экономики, несмотря на то, что их создание санкционировалось правительством, осуществлявшим и текущее финансирование.

Для ликвидации комитета из числа членов собрания избиралась Ликвидационная комиссия. В ней должно было быть представлено трое представителей Общего собрания комитета и представители вышестоящих комитетов. Предполагалось, что комиссия будет работать под надзором существующих при комитетах контрольных органов, которые получали бы все отчеты ликвидационной комиссии.

Ликвидационной комиссии поручалось в двухнедельный срок принять дела комитета от его Бюро, не позже чем через месяц со дня принятия составить план ликвидации дел и имущества комитета и утвердить его на общем собрании ликвидируемого комитета. Ликвидационная комиссия должна была принять меры к удовлетворению кредиторов, произвести реализацию имущества комитета и вообще принять все меры к ликвидации дел комитета³¹. О своих действиях ликвидационная комиссия отчитывалась перед общим собранием³².

Наиболее важным для нас является положение о передаче документов комитетов. «Все делопроизводство, книги и документы передаются на хранение при ликвидации местного комитета областному, при его ликвидации Центральному»³³.

Все средства и имущества, оставшиеся после ликвидации и реализации имущества как местного, так и областного комитетов вносились и зачислялись на особый счет в ЦВПК «сумм поступивших при ликвидации комитетов»³⁴.

Таким образом, согласно этому нормативному документу, все документальные фонды военно-промышленных комитетов сосредотачивались в Центральном архиве ЦВПК. Можно говорить о том, что руководство ЦВПК приняло решение о создании исторического экономического архива, который концентрировал бы в своих фондах гигантский по своим информационным возможностям материал по истории государственного строительства, управления экономикой, промышленности и торговли, социальной политики и истории науки и техники периода Первой мировой войны.

Но бурные революционные события 1917 г. не дали осуществиться этому плану. В итоге, документы поступали в ЦВПК по мере ликвидации его отделов. Так, при ликвидации Комиссии Н. Н. Покровского архивный материал (входящие бумаги, копии исходящих, оригиналы и копии журналов заседаний, докладов, отчетов) предполагалось передать в общую регистратуру ЦВПК³⁵. Эти документы отложились в фонде ЦВПК³⁶.

После преобразования военно-промышленных комитетов в народно-промышленные, в начале 1918 г. был разработан проект инструкции о порядке сдачи ликвидируемыми отделами Центрального народно-промышленного комитета книг, дел, нарядов, документов и отчетов³⁷.

Согласно проекту ликвидируемые отделы ЦНПК должны были оформить все имеющиеся счетные и другие книги, выверить их и составить отчет на момент ликвидации, а все дела, наряды и оправдательные денежные документы оформить в дела, подшить, пронумеровать по листам и составить опись бумагам и документам, находящимся в каждом отдельном деле.

Ко всем сдаваемым ликвидируемым отделом книгам, отчетам, делам и документам необходимо было составить описи в трех экземплярах, причем отдельно на документы, уже законченные делопроизводством и на требующие дальнейшего исполнения.

В проекте инструкции дела, законченные делопроизводством, делились на три разряда: постоянного («всегдашнего») хранения, временного («срочного») и подлежащие уничтожению по минованию надобности.

Была разработана схема разделения дел по срокам хранения:

Постоянному хранению подлежали отчеты, книги, дела, имеющие общегосударственное значение, а также важные для науки и истории.

Временному хранению подлежали отчеты, книги, дела необходимые для возможных ревизий и выдачи справок в случае возникновения судебных процессов

Уничтожению подлежали книги и дела маловажного значения, надобность в которых миновала за выполнением той цели, для которой они служили.

Определение сроков хранения документов относилось к компетенции ликвидируемого отдела по соглашению с представителем Контрольной комиссии и Управлением делами комитета. Описи утверждались Президиумом (Центральной ликвидационной комиссией)³⁸.

Согласно проекту в процессе ликвидации вся финансовая отчетность должна была пройти ревизию в Контрольной комиссии, та отчетность, которая была обревизована ранее, передавалась на хранение в архив ЦНПК.

Для окончания текущих дел, не законченных к моменту ликвидации отдела Центральной ликвидационной комиссией ЦНПК, создавалось при Управлении делами ликвидационное делопроизводство, которое должно было принимать от ликвидируемых отделов незаконченные текущие дела. Состав этого делопроизводства предполагалось сформировать из служащих ликвидируемых отделов знакомых с положением незаконченных дел.

Проектом устанавливался срок хранения для документов второго разряда – 10 лет, считая со времени заключения ревизии Контрольной комиссией.

Описи дел, подлежащих уничтожению, рассматривались Контрольной комиссией и Управлением делами комитета и утверждались Центральной ликвидационной комиссией ЦНПК, которая решала их дальнейшую судьбу. Как отмечалось, документы могли быть проданы на макулатуру или сожжены. Дела, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, сжигались в обязательном порядке.

В проекте было твердо определено, что по мере ликвидации самого Центрального комитета документы должны были передаваться на хранения в Главное управление архивных дел РСФСР³⁹ (ГУАД).

Таким образом, в этом проекте отвергнут принцип создания единого негосударственного архива военно-промышленных комитетов. Интересно отметить, что в документе речь идет только о Центральном комитете. Исчез также тезис о том, что документы всех комитетов должны быть на основании единообразных правил сконцентрированы в Центральном комитете. На наш взгляд, это объясняется тем, что к этому времени активно создается сеть учреждений ВСНХ, которые стремились поглотить учреждения военно-промышленных комитетов с их имуществом и документами.

Централизованная передача дел Центрального военно-промышленного комитета в ГУАД осуществлена не была. Это видно из документов ликвидационного делопроизводства комитета.

Сохранилась опись материалов и дел ликвидированных отделов военно-общественных организаций⁴⁰, принятых ликвидационным делопроизводством в 1918 г. Среди них продовольственный отдел, отдел «Респиратор», Реквизиционное делопроизводство, отдел печати, издательский отдел, отдел промышленного труда, химическое делопроизводство. В описи зафиксированы данные о нескольких сотнях дел отделов ЦВПК. Это название дела, наличие описи, ее местонахождение. Наиболее интересны для нас примечания к делам. Среди наиболее часто встречающихся: «Надлежит продать»; «Имеют значение для расчетов»; «Комплекты Известий ЦВПК: 1 комплект направлен в Государственный архив, 1 в Публичную библиотеку, 1 в Канцелярию президиума»; «надлежит направить в Управление Государственным Архивом, так как содержит сведения о расчетах с контрагентами и практического значения для работ Секций не имеет»; «Дела отдела Респиратор подлежат срочному хранению и должны быть отправлены в Военный Комиссариат или в ГУГШ (Главное управление генерального штаба)»; «Указанные материалы могут быть признаны военным комиссариатом полезными для организации противогазовой обороны т.к. содержат сведения по этому вопросу»⁴¹.

Как видно из примечаний, документы ЦВПК первоначально рассредоточивались по различным хранилищам, но документы ВПК в фондах указанных организаций обнаружены не были, поэтому можно предположить, что в дальнейшем фонд был окончательно сосредоточен в РГВИА. Это подтверждается отметками о первоначальной обработке документов в листах заверителях дел фонда 13251, где можно найти три архива: Центральный архив Октябрьской революции, Военно-исторический архив и Центральный архив народного хозяйства.

В фонде ВСНХ в РГАЭ сохранился акт от 27 февраля 1919 г., составленный в помещении хозяйственной части Центрального Народно-промышленного комитета⁴² в присутствии заведующего Ликвидационным делопроизводством ЦНПК А. К. Денисова и делопроизводителя Е. В. Михеевой, заведующего делопроизводством Хозяйственной части И. И. Холмогорова, делопроизводителя Ч. В. Здуновского и представителя Контрольной части ЦНПК В. О. Витоминского, о приемке дел Хозяйственной части ЦВПК.

Дела принимались по двум описям: № 1 – опись дел подлежащих временному хранению, № 2 – подлежащих уничтожению. При приемке дела и журналы находились в папках, соединенных в связки, частью прошитых, но не пронумерованных. Дела, подлежащие временному хранению, были сложены в опечатанной комнате Финансовой комиссии. Дела, подлежащие уничтожению, были оставлены в помещении Хозяйственной части ЦНПК до передачи их в Хозяйственную часть Совета народного хозяйства Советской республики⁴³.

По прилагаемым к акту описям мы можем установить, какие документы подлежали временному хранению, а какие уничтожались. В первой описи дел и журналов, подлежащих временному хранению значились:

Копии условий на наем помещений.

Исходящие и входящие журналы за 1917–1919 гг.

Копии заказов за 1917–1919 гг.

Копии отчетов и израсходование подрасчетных сумм.

Требования на канцелярские принадлежности и расписки в их получении.

Протоколы заседаний комиссии по ликвидации помещений ЦНПК⁴⁴.

Всего 14 папок.

В описи № 2, дел подлежащих уничтожению значились:

Переписка с управлением делами и отделами комитета.

Переписка с Советом съездов представителей промышленности и торговли.

Переписка с Советом союза служащих.

Сметы.

Переписка с Рабочей группой.

Подотчетные суммы.

Плата за помещения.

Копии ведомостей.

Автомобильное хозяйство.

Курьерское делопроизводство.

Всего 71 папка⁴⁵.

Изучение описей показывает, что к уничтожению были предназначены самые интересные с исторической точки зрения группы материалов – переписка, документы же временного хранения отбирались явно по времени их создания, в основном это документы по заказам за 1917–1919 гг. Но поскольку в фонде ВСНХ не было выявлено других документов, касающихся передачи дел и материалов ликвидируемых военно-промышленных комитетов, вопрос о порядке передачи документов остается открытым. Также в фонде ВСНХ не выявлено и собственно документов военно-промышленных комитетов. Остается предположить, что они были либо полностью уничтожены, либо переданы в РГВИА.

В настоящее время документы большинства областных и местных военно-промышленных комитетов сосредоточены в соответствующих региональных архивах⁴⁶. Исключением является фонд Центрального военно-промышленного комитета, который находится в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве.

Архивный фонд Московского военно-промышленного комитета находится в Центральном историческом архиве г. Москвы. За период с 1915–1918 гг. в нем сохранилось 492 дела. Пересистематизация фонда производилась дважды. Первоначальная систематизация была выполнена в 1946 г. в Государственном историческом архиве Московской области (ГИАМО). Тогда была составлена опись, в которую было включено 369 дел, систематизированных по отделам комитета, внутри разделов/отделов дела располагались по годам⁴⁷. Судя по всему, была описана лишь часть документных материалов, поэтому в опись от руки с 1946 по 1972 гг. вносились дополнения с ед. хр. № 377 по № 491 (плюс одна литерная)⁴⁸. Отдельно следует сказать о документах рабочей группы. На 14 делах описи 1946 г., которые потом были включены в современную Опись МВПК № 2, стоит пометка «Из архива Рабочей группы МВПК»⁴⁹. К сожалению, установить дату и обстоятельства передачи дел без обращения к делу фонда не представляется возможным.

В 1976 г. после образования Центрального государственного исторического архива г. Москвы (ныне ЦИАМ), составлены новые описи, куда были занесены дела, описанные из россыпи. К сожалению, дела в них зафиксированы уже в валовом порядке. В отдельную опись № 2 выделено 21 дело, в основном рабочей группы МВПК. Не совсем понятно, почему при составлении этих описей была нарушена уже существовавшая систематизация. Несмотря на то, что большая часть дел в фонде сформирована без соблюдения каких либо делопроизводственных принципов, прежняя систематизация позволяла приблизительно восстановить структуру комитета и давала исследователю ориентиры для поиска.

Следует отметить, что именно в 1970-е гг. была заново систематизирована и описана значительная часть хранившихся в ЦГИАМе фондов дореволюционных акционерных компаний. Некоторые исследователи обращали внимание, что хотя переработанные фонды и стали более доступны для исследователей, в то же время из-за перераспределения документов внутри фондов стало затруднительным отыскивать документы, введенные исследователями в научный оборот до переработки фондов⁵⁰.

В фонде МВПК можно выделить несколько групп дел, сформированных по определенному принципу:

- журналы заседаний Бюро МВПК, журналы заседаний секций и отделов МВПК, протоколы заседаний отделов и секций;

- документы о деятельности отдела изобретений и об организации 1-го Всероссийского съезда по вопросам изобретений;

- чертежи вооружения, инструкции по изготовлению и приемке вооружения, технические условия на изготовление предметов вооружения и армейского снаряжения, ежемесячные отчетные ведомости чертежного архива МВПК;

- переписка с различными учреждениями;

- группа дел – прошения, заявления, ходатайства различных фирм по различным вопросам;

- ведомости учета материалов на складах;

- циркуляры МВПК, ЦВПК;

- доклады по различным вопросам – рабочему, финансовому и т. д.;

- дела по обследованию промышленных предприятий и электростанций;

- отчетные ведомости об исполнении заказов, списки заказов МВПК и местными комитетами;

- бюллетени Бюро печати МВПК, бюллетени управления делами МНПК.

Однако большая часть дел фонда сформирована бессистемно, в одном деле подшиты документы различных подразделений, содержится большое количество дублетных материалов, зачастую документы подшиты не по датам – более поздние документы подшиты в начале дела. Во многих делах в документах перепутаны листы. Судя по всему, фонд Московского военно-промышленного комитета собирался из россыпи, дела формировались сотрудниками архива без привлечения специалистов из комитета. По сохранившимся документам, учитывая большое количество дублетных документов, сложно определить принцип их отбора. К сожалению, доступ исследователей к делам фондов закрыт. Возможно, такая информация смогла бы пролить свет на судьбу архива МВПК.

В несколько лучшем состоянии находится фонд Центрального военно-промышленного комитета. Сохранившиеся документы комитета, а это 4007 ед.хр., систематизированы по 44 описям, которые соответствуют подразделениям комитета. При сопоставлении количества документов по описям, сразу можно отметить принцип, по которому документы отбирались на хранение: более тридцати процентов дел (1424 ед. хр.) относятся к отделу изобретений, следующая по количеству группа дел относится к управлению делами (221 ед. хр.), остальные дела более менее равномерно распределяются между остальными описями/структурными подразделениями. Таким образом, были отобраны, в основном, научно-технические документы, представляющие непосредственный интерес для развития науки и техники в области производства предметов вооружения. Для фонда ЦВПК также можно отметить то, что дела, в основном составлялись из россыпи, документы подшиты зачастую бессистемно и находятся в плохом физическом состоянии (угасающий текст). При анализе отметок об архивной обработке дел выяснилось, что первоначально фонд ЦВПК находился в различных архивах. Часть дел была составлена в Центральном архиве Октябрьской революции, часть в Военно-историческом архиве, часть в Центральном архиве народного хозяйства в 30-е–40-е годы (современный РГИА).

Подводя итоги истории формирования архивных фондов ЦВПК и МВПК, можно сделать обоснованный вывод о том, что в период существования ВПК процесс подготовки документов к архивному хранению начат не был. Хотя и были созданы структуры, такие как архив МВПК, однако какого-либо

влияния на состояние документов и дел его создание не оказало. Все это обусловило то, что фонды этих учреждений за 1914–1918 гг. дошли до нас не полностью и с большими потерями. В архивном фонде Московского военно-промышленного комитета за период 1915–1918 гг. сохранилось 492 дела⁵¹, таким образом, если, в среднем, месячный документооборот в МВПК составлял порядка 50000 документов⁵², то сохранилось менее одного процента документального массива, образовавшегося в годы Первой мировой войны. При этом необходимо отметить внимание руководства ВПК к вопросу сохранения документов, понимание их исторической значимости. Особенно характерно, что такой подход оформился всего через три года после образования комитетов.

Несмотря на сложную и полную потерю судьбу архивов военно-промышленных комитетов, в распоряжении исследователей перешли уникальные по своему информационному богатству документальные комплексы, являющиеся бесценным источником по истории экономики и социальной жизни России периода Первой мировой войны. Современное состояние архивных фондов, особенно оформление дел, затрудняет работу историков, поэтому проведенное исследование будет способствовать тому, что документы ВПК будут более активно вводиться в научный оборот.

Примечания

¹ Сергеева С. Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; Голубин Р. В. Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии: организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2003; Гущин Ф. А. Военно-промышленные комитеты в период Первой мировой войны (на материалах Нижнего и Среднего Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; Шубин Н. А. Проблемы снабжения русской армии в условиях Первой мировой войны : опыт взаимодействия гос-ва и обществ. орг., 1914–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Рынков В. М. Омский военно-промышленный комитет в годы гражданской войны // Гражданская война в Сибири / под ред. М. Д. Северьянова. Красноярск, 1999. С. 60–66.

² Утро России. 1915. № 146.

³ Горбачев И. А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. М., 1919. С. 35.

⁴ Ершова Т. В. Промышленность Москвы и Московской губернии в годы первой мировой войны : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

⁵ Организация работы с документами. М., 2001. С. 152.

⁶ РГВИА, Ф. 13251. Оп. 1. Д. 131. Л. 34–40.

⁷ ЦИАМ, Ф. 1082. Оп. 1. Д. 14. Л. 161.

⁸ Дефицит комитета составил 1300000 р., текущие расходы составляли 130000 р. в месяц. ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 361. Л. 2.

⁹ ЦИАМ, Ф. 1082. Оп. 1. Д. 361. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 2–5.

¹¹ После революции руководил бухгалтерией ВСНХ.

¹² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 365. Л. 6–8.

¹³ РГВИА, Ф. 13251. Оп. 1. Д. 131. Л. 34–40.

¹⁴ Там же. Л. 34.

¹⁵ Характерно, что самым массовым «рассылщиком» в ЦВПК была Рабочая группа, при этом Рабочая группа МВПК, в ведомостях входящей и исходящей документации, отличается наименьшим количеством корреспонденции.

¹⁶ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 131. Л. 39.

¹⁷ Там же. Л. 40.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 36–38.

²⁰ РГВИА, Ф. 13251. Оп. 1. Д. 131. Л. 40.

²¹ ЦИАМ, Ф. 1082. Оп. 1. Д. 188. Л. 13–14.

²² ЦИАМ, Ф. 1082. Оп. 1. Д. 14. Л. 74–75.

²³ Там же. Л. 76.

²⁴ Там же. Л. 75.

²⁵ Там же. Д. 365. Л. 16.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 50.

²⁷ Там же. Л. 2 – 2 об. Оп. 1. Д. 14. Л. 47, 48, 52, 64, 77, 97, 98, 101, 102, 137.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 424. Л. 10.

²⁹ Там же. Д. 14. Л. 84.

³⁰ Там же. Д. 1. Л. 34.

³¹ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

³² В фонде МВПК было выявлено одно ликвидационное дело «О деятельности ликвидационной комиссии МВПК» (ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 55). Но в деле содержатся материалы только о ликвидации двух маломощных мастерских комитета, деятельность же самой комиссии в нем практически не отражена. Фактически единственный материал, который предоставляет нам это дело, то, что ликвидационная комиссия МВПК действительно была создана.

³³ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

³⁴ Там же.

³⁵ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 40. Д. 71. Л. 96.

³⁶ Там же. Оп. 28. Д. 1–55.

³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–1.

³⁸ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 136. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 2.

⁴⁰ Так в документе.

⁴¹ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 2.

⁴² Комитет находился в тот момент в д. 59 Невского проспекта.

⁴³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 208. Л. 29.

⁴⁴ Там же. Л. 30.

⁴⁵ Там же. Л. 31.

⁴⁶ В фонде ЦВПК в РГВИА находятся документы чертежного архива МВПК (14 ед. хр.), Новочеркасского ВПК (69 ед. хр.), Ярославского губернского ВПК (6 ед. хр.), Совета съездов представителей промышленности и торговли (1 ед. хр.), Самарского ВПК (1 ед. хр.), Казанского губернского ВПК (1 ед. хр.), Закавказского областного ВПК (33 ед. хр.).

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 2. Д. 15. Инвентарная опись Московского областного военно-промышленного комитета 1915–1918, Московского народно-промышленного комитета 1918 гг.

⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 2. Д. 21. Недействующая опись № 1–2. 1915–1918 гг.

⁴⁹ Там же. Л. 1 Недействующая опись № 2.

⁵⁰ Чичуга М. А. Шведское предпринимательство в России в последней четверти XIX – первой четверти XX веков в документах отечественных и шведских архивов : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 169.

⁵¹ В среднем, дело состоит из 1–10 документов (до нескольких десятков, если это переписка).

⁵² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–2 об. Оп. 1. Д. 14. Л. 47, 48, 52, 64, 77, 97, 98, 101, 102, 137.

Мотревич В. П.

ЗАГОТОВКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В КОЛХОЗАХ – КАК ФОРМА МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мобилизационная экономика – это такой тип административно-экономических отношений в государстве, когда практически все мероприятия подчинены срочному и эффективному выполнению одной или нескольких главных задач. В условиях военного времени мобилизационные мероприятия стали активно осуществляться как в государственном, так и негосударственном секторах экономики. Как известно, одной из важнейших задач советской экономики периода Великой Отечественной войны стала мобилизация продовольственных ресурсов страны, вызванная потерей важнейших сельскохозяйственных районов.

В годы Великой Отечественной войны сельскохозяйственная продукция заготавливалась государством из сельхозартелей, как по линии обязательных поставок, так и через плату за работу МТС, сдачу в фонд РККА, а также возврат колхозами семенных и фуражных ссуд. Большую часть заготовок составляли обязательные поставки. Накануне и в начальный период войны ассортимент сдаваемых по ним сельскохозяйственных продуктов и сырья значительно расширился. На основании постановлений Советского правительства к сдаваемым ранее зерну, мясу, молоку, шерсти, картофелю, добавились еще яйцо, брынза, коженное сырье, сено, махорка, семена масличных культур, а также овощные культуры – капуста, лук, морковь, свекла, помидоры, огурцы. В 1941 г. в Молотовской (Пермской) области для колхозов ввели обязательные поставки льноволокна, в 1942 г. – махорки, в Свердловской области для них ввели поставки махорки и льна-долгунца¹.

Накануне войны был изменен и порядок начисления обязательных поставок. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1940 г. «Изменение в порядке заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов», колхозы стали привлекаться к поставкам продукции растениеводства не с плана их посева, как раньше, а с каждого гектара пашни, закрепленной за ними². В размер пашни включалась не только освоенная, но и подлежащая освоению земля. Изменился и порядок заготовки продукции животноводства. Ее поставки стали начислять не с количества колхозного скота, а с каждого гектара земельной площади. Изменив порядок начисления поставок, государство тем самым стремилось обеспечить заранее определенный объем заготовок. Новый принцип должен был заинтересовать колхозы в максимальном расширении посевных площадей и увеличении общественного стада.

Списки привлекаемых к поставкам колхозов составлялись по каждому виду продукции районным уполномоченным Наркомата заготовок СССР на основе данных о закреплении за хозяйствами земельных площадей. Они утверждались уполномоченными НКЗ СССР по области, краю, республике (не имеющей областного деления). После этого райуполнаркомзаг выписывал обязательства по поставкам и вручал их под расписку председателю колхоза или заменяющему его лицу.

Колхоз был обязан сдать государству продукцию установленного качества в размерах и в сроки, указанные в обязательствах. Прием продукции в счет обязательных поставок и расчет с колхозами

по установленным ценам возлагались на специальные заготовительные организации, которые имели на местах сеть контор, баз и приемных пунктов. Так, зерно колхозы сдавали на приемные пункты и склады «Заготзерно», сено – на пункты «Заготсено», скот – на базы «Заготскот», молоко и масло – предприятиям «Главмолоко» и «Главмаслопром» и т. д. Колхозы должны были на своем транспорте, в своей таре и за свой счет подвозить зерно, и другие подлежащие сдаче государству продукты на указанные в обязательствах заготовительные пункты. Приемка от колхозов сельхозпродуктов оформлялась выдачей сдатчикам приемных квитанций. За сданные продукты заготовители оплачивали колхозам по установленным ценам их стоимость путем перечисления денег на счет колхоза в местном отделении Госбанка³. Сдаваемое зерно оплачивалось колхозам по государственным заготовительным ценам с применением скидок (рефракций) за пониженное качество. Если зерно было засорено посторонними примесями или повышенной влажности, то заготовительные пункты принимали его со скидкой с веса и цены, а при влажности выше допустимой – вовсе не принимали.

Обязательные поставки формально не являлись налогом. Колхозы сдавали продукцию не бесплатно, а за определенное вознаграждение (продажа производилась по твердым государственным ценам). Но так как сдача колхозами государству определенной части продукции была обязательна и производилась не по договору, а на основании закона, то эти поставки имели силу и характер налога, и являлись натуральным налогом с коллективных хозяйств. Таким образом, введенные еще в январе 1933 г. обязательные поставки в сочетании с натуральной оплатой за работу МТС фактически означали натурализацию экономических отношений между колхозами и государством.

Нормы поставок утверждались правительством СССР и были неодинаковыми для различных зон. В Свердловской области среднеобластные нормы обложения с гектара пашни закрепленных земель составляли в 1941 г.: по зерну – 133,5 кг (99,9 кг – обязательные поставки и 33,6 кг – натуроплата за работы МТС), по картофелю – 63, овощам – 25,9 кг. Поставки животноводческой продукции с каждого гектара земельной площади составляли в год: молока – 16 л, мяса – 3 кг, яиц – 7 шт. Внутри областей нормы варьировались в зависимости от состояния сельскохозяйственного производства и специализации отдельных районов и колхозов. В 1943 г. в Челябинской области колхозы, должны были сдать по 10 л молока с гектара закрепленной земельной площади, в том числе колхозы Катав – Ивановского района – по 20 л, а Брединского – лишь по 3,5 л⁴.

По сравнению с довоенным периодом размеры обложения повысились. Уже в 1941 г. на 35% были увеличены нормы поставок сена для колхозов Пермской области. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 февраля 1942 г. «О некотором повышении норм обязательных поставок мяса государству» были увеличены нормы для колхозов и колхозных дворов. Для колхозов они устанавливались в размере 3,5–5 кг с гектара земельной площади. В феврале–апреле 1942 г. возросли нормы поставок картофеля, овощей и других продуктов сельского хозяйства⁵. Повышение налогообложения диктовалось возросшей потребностью страны, в продовольствии и сельскохозяйственном сырье.

Значительное количество зерновых, а также картофель поступали государству и в счет натуральной оплаты производимых МТС работ. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке начисления натуроплаты за работы МТС по зерновым культурам» ее размер определялся количеством гектаров «мягкой пахоты» в зависимости от урожайности. Не обслуживаемые МТС колхозы сдавали государству зерновых на 15% выше нормы⁶. Для начисления натуроплаты колхозы одного района стали относить к одной из групп урожайности. В случае большой пестроты урожая в районе допускалось отнесение отдельных колхозов к разным группам урожайности. Оплата колхозами работ МТС устанавливалась по ставкам за отдельные виды работ.

При начислении натуроплаты урожайность бралась не фактическая, а биологическая, не учитывавшая потери на уборке. Предложение о внедрении биологического учета урожая Наркомзем СССР внес в марте 1939 г. при выработке третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. И в целях «правильного» начисления урожайности зерновых и технических культур перед войной перешли к ее определению перед уборкой «по корню». Биологический учет урожая существовал вплоть до сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Оценка урожайности производилась грубо, с помощью метровки. В результате, видовая (биологическая) урожайность в 1,5–2 раза превышала урожайность фактическую. В годы войны этот разрыв в ряде хозяйств был еще больше. О соотношении фактической и биологической урожайности в колхозах Урала говорят следующие данные (в числителе – фактическая, в знаменателе – биологическая урожайность)⁷.

1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
<u>7,6</u>	<u>3,5</u>	<u>3,1</u>	<u>4,8</u>
10,5	7,5	6,6	6,5

Председатели колхозов и работники районных земельных отделов, которые пытались снизить видовую оценку урожая до размеров фактической, строго урожайности наказывались. Так, в Свердловской области за это был снят с работы и отдан под суд заведующий Камышловским райзо Феоктистов. В декабре 1942 г. областным земельным отделом было вообще запрещено пользоваться данными о фактическом намолоте, как занижающими фактический урожай и ведущими к уккрытию хлеба⁸. При оценке урожая разрешалось использовать только данные видовой оценки. Нарушителей этой установки привлекали к строгой ответственности. Завышение группы урожайности, а в связи с этим и завышение натуроплаты, были повсеместно распространенным извращением налоговой политики.

Детально был регламентирован и строго контролировался порядок сдачи государству растениеводческой продукции. Из первых партий зерна, масличных культур и картофеля погашались полученные колхозами от государства ссуды, а также задолженность колхозов за прошлые годы по обязательным поставкам и натуроплате. В дальнейшем из каждой сдаваемой колхозами партии звена половина шла в счет обязательных поставок, а другая половина – в счет натуроплаты за работы МТС. Сдача зерновых и других культур должна была производиться в точном соответствии с врученными обязательствами и счетами за работы МТС⁹.

Сдавалась сельскохозяйственная продукция и в фонд РККА. Поставки хлеба в него имели силу налога. Принятое в июле 1942 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О создании из урожая 1942 г. хлебного фонда Красной армии» предусматривало в случае невыполнения плана сдачи зерновых санкции, аналогичные тем, которые применялись при невыполнении плана обязательных поставок¹⁰. В соответствии с установленным порядком хлебосдача за каждый год производилась до июля будущего года. В результате, хотя постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) о создании хлебного фонда РККА было принято в 1942 г., часть колхозов сдали зерно в этот фонд в счет 1941 г. Отчисления зерна в этот фонд частично компенсировали сокращение поступлений зерновых по обязательным поставкам. Зерно шло государству по линии возврата колхозами семенных и фуражных ссуд, а также хлебосдачи совхозами и гарнцевого сбора¹¹.

В структуре заготовок зерна на первом месте по размерам поступлений находились обязательные поставки. За 1941–1944 гг. на их долю пришлось 41,5 % всех заготовок. За ними следуют натуроплата за работы МТС – 36,7 % и далее, с большим интервалом, хлебосдача совхозами – 12,1 %, возврат ссуд колхозами – 4,9 % и совхозами – 0,2 %, сдача зерна в хлебный фонд РККА – 4,1 % и гарнцевый сбор – 0,5 %¹². При анализе результатов хлебозаготовок в отдельных областях, следует указать на крупные размеры возвращенных семенных ссуд в южноуральских областях, и значительную сдачу зерна в хлебный фонд РККА в нечерноземных районах. Это свидетельствует о том, что хлебозаготовки в Молотовской и Свердловской областях проходили легче, чем на Южном Урале.

Осенью 1941 г. в результате мобилизации всех ресурсов заготовки сельскохозяйственной продукции на Урале в целом прошли успешно. Колхозы дали стране картофеля, овощей, мяса, яиц больше, чем в довоенном 1940 г. Однако в 1942 г. положение в сельском хозяйстве СССР ухудшилось. Так на Урале валовой сбор зерновых в колхозах уменьшился по сравнению с 1940 г. на 51,6 %. Сократилось поголовье скота, снизилась его продуктивность. В этой обстановке для ускорения выполнения хлебозаготовок в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.» засыпка семенных фондов с общих посевов вплоть до выполнения планов заготовок была запрещена¹³.

Ограничивалась и свободная продажа хлеба. В сентябре 1943 г. СНК СССР принял специальное постановление «О запрещении торговли хлебом до выполнения плана хлебозаготовок»¹⁴. В целях пресечения разбазаривания хлеба, колхозам, колхозникам и единоличным крестьянским хозяйствам запрещалось продавать и обменивать зерно и муку до выполнения плана сдачи хлеба государству. За нарушение этого постановления председателей колхозов и других должностных лиц привлекали к судебной ответственности. Задержанные при продаже хлеба колхозники и единоличники в первый раз подвергались штрафу в размере до 300 р., а при повторном нарушении они привлекались к судебной ответственности. При этом продукты отбирались и передавались органам Наркомзага¹⁵.

Нередко в хлебопоставки изымали и семенное зерно. Так, под нажимом заготовительных органов его сдали колхозы Гаринского, Исовского, Сысертского, Таборинского и других районов Свердловской области. Однако на следующий год сдавшие семенное зерно колхозы вынуждены были брать у государства семенную ссуду. Осенью семена сдавали на базы «Заготзерно», а весной везли их обратно в колхозы, часто за десятки километров. Это приводило к разбазариванию сил и средств артелей, непроизводительному использованию транспорта. В Челябинской области, которая отставала по хлебозаготовкам, пошли даже на прием на заготовительные пункты некондиционного зерна. Повсеместным явлением стала приемка на мясопоставки скота, вес которого был ниже сдаточного. Часто практиковалась замена недостающих продуктов другими по установленному эквиваленту. Колхозы Свердловской области, например, сдали взамен картофеля сельскохозяйственную продукцию 19 наименований¹⁶.

Война внесла коррективы и в организацию вывозки сельхозпродукции. Зерно старались быстрее отправить на хлебоприемные пункты, чтобы им не воспользовались колхозники, однако сделать это было чрезвычайно трудно. Многие колхозы располагались за десятки километров от заготовительных пунктов, транспортных средств не хватало, дороги были плохими. Выходили из этого положения разными путями. Недостающих возчиков заменяли прибывшими на помощь горожанами. Если не хватало лошадей, то колхозники запрягали коров. Зерновые везли не только на телегах, но и на лодках, зимой – на санях. Принимаемые меры, в том числе и чрезвычайные, привели к определенным результатам. В 1942 г. колхозы Урала дали стране 11 млн ц зерна, что было намного меньше, чем в предшествующие годы. Однако при оценке этих данных надо иметь в виду, что если в 1940 г. на артельные нужды было оставлено 27,1 млн ц зерна, то в 1942 г. – в 2 раза меньше – 14,5 млн.

Таким образом, в 1942 г. государству удалось максимально ограничить потребности артелей, заготовив при этом не только все товарное, но и часть необходимого, для воспроизводства зерна. Однако этот успех был достигнут дорогой ценой. Семенные фонды колхозы засыпали не полностью; в результате весной 1943 г. пришлось сократить посевы зерновых и уменьшить норму высева. Это вело к даль-

нейшему падению валовых сборов. Сдача в мясопоставки скота с весом ниже сдаточного веса вела к сокращению общественного стада. Большинство колхозов установленные планы обязательных поставок не выполняло, да и не могло выполнить. Недоимки прошлых лет включались в план будущего года, что еще больше увеличивало его напряженность.

При высоких нормах поставок и низких заготовительных ценах заготовки сельхозпродукции проходили очень тяжело. Трудности еще больше возрастали в связи с господством административно-командных методов руководства сельским хозяйством. Нередко сверх установленных планов передовые районы и колхозы получали дополнительные задания, чтобы, сдав продукцию за отстающие хозяйства, «вытянуть» район или область к запланированному объему заготовок. Часто такие задания были совершенно нереальны и просто разрушали экономику артелей. Так, в мае 1942 г., когда общественный скот доедал последние запасы кормов, Челябинский облисполком принял решение сдать в фонд обороны за счет излишка кормов отдельных колхозов и за счет колхозных страховых фондов 30 тыс. ц сена¹⁷.

В этой ситуации руководители некоторых хозяйств стремились оставить в артели хотя бы часть продукции, чтобы было чем сеять, кормить скот, оплачивать трудодни. В колхозе «Ирек» (Бардымский район Молотовской области) с этой целью были созданы «фонд тракториста» и «свободный фонд», которые районными организациями были признаны незаконными. Случалось, и сами колхозники выступали против тех, кто пытался под каким-либо предлогом оставить часть продукции в артели. Так поступила, в частности, секретарь комсомольской организации колхоза «Путь Ленина» (Кировский район Курганской области) Варлакова, «разоблачившая» председателя колхоза, не сдавшего в хлебопоставки 15 ц зерна¹⁸. При этом не учитывался тот факт, что кормить армию и страну надо не только сейчас, сегодня, но и завтра.

В годы войны при проведении заготовок широкое распространение получило применение репрессивных мер. Отставание по заготовкам, особенно хлебозаготовкам, рассматривалось как преступление. В принятом в сентябре 1943 г. постановлении Курганского обкома ВКП (б) прямо указывалось, «что виновные в срыве установленных графиков хлебозаготовок, допущении потерь и хищений будут сниматься с постов, исключаться из партии и предаваться суду». За отставание по хлебозаготовкам отменяли, в первую очередь, председатели колхозов. В Молотовской области по этой причине на разные сроки были осуждены председатель колхоза «Смычка», счетовод и председатель ревизионной комиссии. В Курганской области за перерасход зерна на внутриколхозные нужды на 10 лет был осужден Г. Ф. Ошурков – председатель колхоза им. Свердлова Далматовского района, на 5 лет – А. Б. Забродин, председатель колхоза «Красный боевик» Шумихинского района. За неправильное расходование зерна был осужден военным трибуналом и расстрелян председатель колхоза им. Ленина Чашинского района Переватов¹⁹.

Строго наказывали и руководителей областного масштаба. В 1941 г. за серьезные упущения в сельском хозяйстве решением ЦК ВКП (б) было сменено руководство обкома партии и облисполкома в Чкалове (Оренбурге). Аналогичная ситуация сложилась в Челябинской области. Состоявшийся в январе 1942 г. пленум Челябинского обкома партии освободил от работы, как не справившегося первого секретаря обкома и утвердил на этот пост Н. С. Патоличева. Однако низкими административными мерами, никакой «перетряской» кадров изменить влияние неблагоприятных погодных условий и компенсировать ослабление материально-технической базы аграрного сектора народного хозяйства было нельзя. Это доказывают результаты развития сельского хозяйства на Южном Урале в 1942 г. Если в 1941 г. колхозы Чкаловской (Оренбургской) области выполнили план хлебозаготовок на 77,5 %, то в 1942 г. – на 15 %. В Челябинской области после смены руководства обкома партии колхозы в 1942 г. выполнили план заготовок хлеба лишь на 17,1 %²⁰.

Тяжелым был и 1943 год. Несмотря на то, что в этом году значительно увеличился сбор картофеля и подсолнечника, в целом по стране валовая продукция сельского хозяйства оставалась почти на уровне 1942 г. Заготовка зерна составляла лишь 30 % к уровню 1940 г., а скота и птицы – 60 %. Такое положение объяснялось не только трудностями военного времени, но и крайне сложными погодными условиями – засухой в Поволжье, ранними заморозками в Сибири, длительными дождями в центральных районах РСФСР. В 1943 г. потребность в продовольствии по сравнению с 1942 г. увеличилась. Красная армия освободила 2/3 оккупированной территории, на которой проживали десятки миллионов советских людей. Однако положение в сельском хозяйстве продолжало ухудшаться. Освобожденные районы были разорены и нуждались в помощи. В ноябре 1943 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР разработали систему мер по увеличению хлебозаготовок. Для оказания помощи местным партийным и советским организациям в выполнении плана хлебозаготовок на места были направлены А. А. Андреев, И. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. М. Шверник и другие члены ЦК ВКП (б)²¹.

Данные показывают, что на протяжении первых двух с половиной лет войны в колхозах успешно шла заготовка овощей. Неплохо обстояло дело и с заготовкой картофеля, что свидетельствует о развитии в ряде хозяйств овоще-картофельного направления. Поступление же животноводческой продукции уменьшилось, что было связано с сокращением численности колхозного стада и снижением его продуктивности. Заготовки животноводческой продукции проходили на Урале тяжело. Это объяснялось, прежде всего, порядком начисления обязательных поставок, несоответствием между размерами облагаемых земельных угодий и фактическим поголовьем скота в колхозах. В 1943 г. в Брединском районе Челябинской области для выполнения плана кожпоставок надо было бы сдать по 1,3 кожи с

каждой головы крупного рогатого скота и по 8,4 кожи с каждой наличной свиньи. В Варненском районе колхозам требовалось сдать в молокопоставки по 5570 л молока с каждой коровы. В Чкаловской области колхоз «Красный пахарь» Тепловского района в 1944 г., чтобы рассчитаться по мясопоставкам, должен был бы продать государству весь скот, и при этом остался бы еще должен 252 ц мяса²².

Проведенные накануне войны изменения в политике заготовок подходили для тех районов, где были необходимые условия для расширения сельскохозяйственного производства. На Урале колхозы не имели возможности осваивать новые земли и увеличивать плотность стада. Введенный в 1940 г. новый принцип начисления обязательных поставок приводил к передаче из уральских колхозов основной части произведенной продукции. Это влекло за собой сокращение колхозного стада, уменьшение семенных, фуражных, продовольственных и прочих фондов и отрицательно сказывалось на состоянии производства. Завышенные нормы поставок означали и уменьшение выдачи по трудодням, что способствовало оттоку трудоспособного населения из деревни. Новый, порядок обязательных поставок продолжал действовать и в военное время, хотя в тех условиях расширять, и эффективно использовать всю пашню было практически невозможно. В результате уральские области всю войну планы поставок по всем видам заготовок, как правило, не выполняли.

Особенно тяжело шло выполнение поставок в многоземельных колхозах Южного Урала. Хозяйства в Курганской, Челябинской, Чкаловской областях имели недоимки по видам сельскохозяйственной продукции. В годы войны на Урале сложилось совершенно нетерпимое положение, когда большая часть колхозов оказалась недоимщиками по многим видам продукции и не имели перспектив по ним рассчитаться. Применение самых жестких административных рычагов не давало в этой обстановке ощутимых результатов. Поэтому в стране были приняты меры по совершенствованию налогообложения, приведению его в соответствие с экономическим потенциалом хозяйств. Решениями правительства из обложения исключалась часть закрепленных за колхозами земель, непригодных для использования под сенокосы и пастбища. В Молотовской области из обложения исключили 30 тыс., а в Челябинской – 230 тыс. га таких земель²³.

На заключительном этапе войны было произведено массовое списание с колхозов недоимок по обязательным поставкам. Одновременно в ряде случаев были изменены нормы обязательных поставок. В 1945 г. для колхозов Свердловской и Челябинской областей были снижены нормы поставок зерна, а для последней – еще по мясу и селу. Кроме того, в целях стимулирования производства картофеля, овощей и корнеплодов СНК СССР разрешил Наркомзагу и Молотовскому облисполкому уменьшить на 10 %, начиная с 1945 г., нормы обязательных поставок зерна колхозам пригородной зоны²⁴.

Предпринимаемые меры были весьма своевременны. Система заготовок настолько противоречила реальному положению дел в сельском хозяйстве, что это грозило окончательно подорвать экономику колхозов. В условиях передачи государству даже той части прибавочного продукта, которая шла на возобновление простого воспроизводства, функционирование части колхозов было под вопросом. Исключение из обложения части земель, списание недоимок, снижение норм сдачи сельскохозяйственных продуктов облегчили положение колхозов. Благоприятно сказалось и общее улучшение положения в сельском хозяйстве, наступившее на заключительном этапе войны. Это сразу же облегчило проведение заготовок в крае. В 1944 г. зерна и картофеля уральские колхозы дали стране больше, чем в предшествующем году.

Хуже обстояло дело с продукцией животноводства. Уменьшение численности стада, снижение его продуктивности вели к сокращению валовой продукции. В то же время колхозы больше сдали и продали государству скота. Однако рост заготовок скота отражал не улучшение, а наоборот, ухудшение положения в животноводстве. Зачастую скот сдавали из-за нехватки кормов, чтобы, не допустить падежа. Количество сдаваемого скота увеличилось и потому, что большая его часть имела упитанность, ниже установленной нормы. Численность его постоянно росла. Если в Молотовской области до войны удельный вес сдаваемого в мясопоставки скота ниже средней упитанности составлял 52 %, то в 1941 г. – 61, в 1942 г. – 77, в 1943 г. – 84 %. Каждый килограмм живого веса такого скота засчитывался только за 750 г мясопоставок²⁵. Со стороны заготовительных организаций («Заготскот») допускались нарушения правил приемки скота при определении его упитанности. Недостаточно была развернута сеть заготовительных баз, вследствие чего колхозы несли большие потери в весе скота из-за перегона его на дальние расстояния.

Колхозники Урала, а также Сибири, находились в сложных условиях. Убыль трудоспособных колхозников на Урале была наибольшей, нагрузка посева превосходила общесоюзную. Именно здесь сельское хозяйство особенно сильно пострадало от снижения уровня механизации. Это не учитывалось в существовавшей системе налогообложения. В результате на Урале, как целые области, так и отдельные районы, колхозы и совхозы крайне редко становились победителями социалистического соревнования, поскольку не могли выполнить завышенных планов заготовок. Колхозы края сдавали и продавали государству большую, чем до войны, часть своей продукции. Рост отчислений сельскохозяйственной продукции шел за счет сокращения ее использования на производственные нужды колхозов и продажи на колхозном рынке, а также за счет уменьшения фондов потребления в колхозах.

Сдаваемая государству продукция оплачивалась по низким заготовительным ценам, которые не менялись с начала 30-х гг. В 1931 г. заготовительная цена картофеля в Уральской области составляла 4, а ржи – 5,2 руб. за центнер. В 1943 г. в Свердловской области заготовительная цена картофеля оставалась неизменной, а ржи составляла 4,6–4,65 р. за центнер в зависимости от района²⁶. Такая цена была

во много раз ниже себестоимости сельхозпродуктов и возмещала лишь небольшую часть затрат на их производство.

За 1940-е гг. отсутствуют данные о себестоимости колхозной продукции. Для сравнения можно использовать сведения о себестоимости продукции совхозов. В 1943 г. себестоимость зерновых в совхозах Урала составляла 109, а картофеля – 34 руб. за центнер²⁷. Заготовительные цены возмещали незначительную часть затрат на производство растениеводческой продукции. В результате поступления колхозов от сдачи зерновых – основы сельского хозяйства на Урале – составляли небольшую часть их доходов. Несколько выше были закупочные цены. Так, в Свердловской области закупочная цена картофеля составляла 12 руб. за центнер, молока – 48–65 коп. за литр²⁸. Однако и закупочные цены были намного ниже себестоимости продукции, и в сотни раз уступали ценам колхозного рынка. В 1943 г., по сравнению с 1940 г., индекс цен на колхозных рынках увеличился на продукты растениеводства в 12,6 раз, а на продукты животноводства – в 13,2. Максимальный рост цен наблюдался в промышленных областях Урала. В 1943 г. на рынке Нижнего Тагила килограмм ржаной муки стоил 160 руб., картофеля – 37, литр молока – 120 руб.²⁹

Разница в ценах была огромной, однако колхозы основную часть своей продукции передавали государству. Известно, что за 1941–1945 гг. Урал произвел 40 % военной продукции СССР. Однако уральцы давали стране не только танки, орудия, боеприпасы, но и продовольствие. Колхозники региона, небольшая часть крестьянства Советского Союза, произвели миллионы центнеров разнообразной сельхозпродукции. На долю колхозов Урала приходилось 7,0 % заготовленного в стране хлеба, 5,7 % овощей, 5,6 % молока, 4,2 % картофеля³⁰. Именно колхозы были основным поставщиком сельскохозяйственной продукции. На их долю пришлось более половины заготовленного мяса, молока, шерсти. Колхозы были и главным производителем зерна.

Зерновые, картофель, мясо, молоко, яйцо, шерсть, кожсырьё и некоторые другие виды сельхозпродукции страна получала также из личных подсобных хозяйств колхозников. К сдаче зерна привлекались хозяйства, имевшие посевы зерновых; молока – имевшие коров; шерсти – овец и коз. Заготовки мяса, яиц, кожсырья производились независимо от наличия скота и птицы по установленным для области нормам. Семьям военнослужащих, а также нетрудоспособных колхозников предоставлялись льготы. В 1944 г. в Челябинской области нормы сдачи мяса с колхозного двора составляла 40 кг в год (для хозяйства единоличника – 80 кг), молока – 220 л, шерсти – 900 г с овцы и 200 г с козы, яиц – 100 шт. и т. д. Каждое хозяйство должно было сдать по 0,5 шкуры свиньи и овцы. Шкуры крупного рогатого скота в обязательном порядке должны были продаваться заготовительным организациям³¹.

Взимание обязательных поставок с большинства крестьянских семей вследствие их тяжелого материального положения происходило с трудом. Законодательством предусматривались за невыполнение обязательных поставок разнообразные меры наказания. В соответствии с постановлением СНК СССР от 24 ноября 1942 г. «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами» предусматривалось наложение штрафа на недоимщиков и привлечение злостных нарушителей к уголовной ответственности. В случае невыполнения в срок установленных поставок народный суд по заключению районного уполномоченного Наркомата заготовок СССР налагал на недоимщиков штраф в размере двукратной стоимости не сданных в срок продуктов, исчисленной по рыночной цене.

Виновные в неоднократном невыполнении обязательных поставок, помимо штрафа, привлекались к уголовной ответственности. В связи с этим СНК СССР утвердил инструкцию о порядке применения постановления правительства от 24 ноября 1942 г. В ней указывалось, что в случае невыполнения колхозными дворами обязательных поставок, райуполнаркомзаг, или, по его поручению, агент по государственным поставкам, вручает недоимщику письменное предупреждение. В этом предупреждении говорилось о том, что в случае невыполнения обязательств в десятидневный срок, дело о взыскании недоимок будет передано в суд. При этом для обеспечения взыскания недоимок производится опись имущества недоимщика. После решения суда о взыскании недоимок, народный судья выдавал райуполнаркомзагу исполнительный лист для принудительного исполнения судебного решения³².

Однако на практике судебные санкции применялись не ко всем недоимщикам, в противном случае пришлось бы осудить всю деревню. В 1945 г. в Свердловской области установленные планы заготовок продукции животноводства не выполнили 83,2 тыс. колхозных дворов (61,6 %). В судебном порядке недоимки были взысканы лишь с 1,9 тыс. хозяйств, при этом 3,1 тыс. колхозников были осуждены. Однако в жизни случалось всякое. Так, в Челябинской области в Аргаяшском районе опись имущества и его принудительную продажу производили даже у семей красноармейцев, которые по закону имели льготы при обложении³³.

Сельскохозяйственная продукция от колхозников поступала и через госзакуп. Однако закупочные цены намного уступали рыночным. Поэтому Центросоюз, чтобы заинтересовать крестьян в продаже сельхозпродукции, организовал встречную продажу необходимых крестьянам товаров. В Свердловской области в 1944 г. сдатчики сельскохозяйственной продукции имели право за каждые проданные кооперации 30 шт. яиц, купить 1 л вино-водочных изделий³⁴.

Все военные годы колхозы, в том числе и уральские, были основными производителями сельскохозяйственной продукции. При этом они передавали государству большую часть ее практически бесплатно. Однако несоблюдение принципа эквивалентности в товарном обращении между колхозами и государством лишало сельских тружеников материальной заинтересованности в результатах своего

труда, разрушающе влияло на состояние колхозного производства. В этом заключался главный недостаток налоговой политики тех лет. Она не соответствовала нормальным экономическим отношениям и могла существовать непродолжительное время только за счет внеэкономического принуждения.

Война создала огромные трудности для сельского хозяйства страны. Прекратилось снабжение его техникой, миллионы колхозников были мобилизованы в армию и промышленность. Главной задачей стала мобилизация внутренних ресурсов колхозов, перестройка их работы на военный лад. Однако в отличие от промышленности, сельскому хозяйству не надо было переходить на выпуск другой продукции. Смысл перестройки заключался в максимальном выпуске прежней продукции в новых условиях.

В начальный период войны в практику была внедрена система мер, предусматривавшая вовлечение в общественное производство всего трудоспособного и большей части нетрудоспособного населения, использование на сельхозработах горожан и эвакуированных, подготовку механизаторов (в основном из женщин и подростков), массовое привлечение женщин на руководящую работу, широкое распространение ручного труда. Серьезные изменения происходили в организации труда: разукрупнились полеводческие и укреплялись тракторные бригады, вводились круглосуточные работы, сокращался управленческий аппарат.

В деревне предпринимались энергичные меры по мобилизации всех материальных ресурсов. Колхозники и работники МТС собирали и реставрировали запасные части для ремонта техники, улучшали условия хранения горючего и машин, переводили тракторный парк на новые виды топлива. Большую помощь селу, особенно в индустриальных областях, оказали промышленные предприятия, посылающие в подшефные МТС и колхозы запасные части, оборудование, а также квалифицированных рабочих для ремонта техники и сельскохозяйственного инвентаря.

В течение 1941–1942 гг. перестройка работы колхозов применительно к новым условиям была, в основном, завершена, однако это вовсе не означало немедленного улучшения. Анализ экономики сельского хозяйства показывает, что не только 1942 г., как это было в других отраслях, но и 1943 г. не стали для него переломными. Аграрный сектор занимал подчиненное положение в экономике страны, поэтому общее улучшение в работе тылу затронуло его в последнюю очередь. В целом по стране, а на Урале в особенности, возникла большая диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства. В то время как выпуск промышленной продукции вырос более чем в 3 раза, объем сельскохозяйственной заметной уменьшился. Перестройка работы колхозов, героический труд крестьянства не остановили, а лишь замедлили темпы сокращения производства. Только на заключительном этапе войны оно стало постепенно восстанавливаться. Это было как результатом приспособления артелей к новым условиям, так и следствием улучшения материально-технического, снабжения, прекращения мобилизации рабочей силы из деревни, некоторого ослабления налогового «пресса» и т. д.

Тяжелое положение в сельском хозяйстве было обусловлено и наличием не решенных перед войной вопросов в колхозном строительстве. Политический строй и хозяйственный механизм, созданные в 1930-е гг., были приспособлены к выполнению задач своего времени – времени форсированной индустриализации и подготовки к войне. И. В. Сталин рассматривал колхозы как источник получения максимального количества дешевого хлеба и пополнения промышленности рабочей силой. Сложившаяся в ходе реконструкции народного хозяйства административная система управления колхозами фактически отрицала их кооперативную природу. Они были превращены в государственные предприятия с принудительным трудом. В результате сельский труженик был лишен инициативы и самостоятельности; произошло отчуждение работника от средств производства, труженика – от управления колхозными делами.

В годы войны административные методы управления колхозами еще более усилились, достигнув своего предела. Кооперативные объединения крестьян были лишены остатков самостоятельности и поставлены в полную зависимость от районного руководства. Административно-командная система охватывала все стороны деятельности колхозов, жестко регламентировала даже внутренний распорядок труда и отдыха в них. Наибольший вред установившийся стиль руководства приносил при планировании сельскохозяйственного производства. Планы устанавливались «сверху» в виде продразверстки, исходя из потребностей в сельскохозяйственной продукции. При этом реальные возможности хозяйств во внимание не принимались. Планирование в артелях осуществлялось на тех же принципах, что и на государственных предприятиях, только без бюджетного финансирования и материально-технического снабжения. В то же время вся полнота материальной и, главное, юридической ответственности за результаты хозяйственной деятельности возлагалась на каждый отдельный колхоз, коллектив его членов и председателя. Война усилила возникшее в ходе коллективизации противоречие: хозяйничали в колхозах партийные и советские органы, а ответственность за результаты их работы всецело возлагалась на колхозников.

Еще хуже обстояло дело с оплатой труда. В большинстве хозяйств материальные стимулы были незначительными, в некоторых – отсутствовали полностью. Обесцениванию трудодня способствовали, как существовавший в те годы «остаточный» принцип распределения доходов колхоза среди его членов, так и сохранение устаревших норм выработки, плохо налаженный учет трудодней, их разбазаривание и т. д. Для своего потребления члены колхоза практически получали не долю в коллективно произведенном продукте, а плату за груд, причем очень низкую. По-существу, крестьяне были отчуждены не только от средств производства, но и от распределения созданного продукта. Последнее послужило экономической основой для его изъятия из колхозов. Одновременно усилилось внеэкономическое принуждение к труду. За невыполнение обязательного минимума трудодней тысячи колхозников ис-

ключались из артелей и предавались суду.

Достигшая в войну своего пика командная система управления сельским хозяйством, мобилизационная модель его функционирования оказывала противоречивое и далеко не однозначное воздействие на положение в колхозах. С одной стороны, высокая централизация управления помогла коллективным хозяйствам легче адаптироваться к экстремальным условиям военного времени, быстрее и полнее мобилизовать материальные и трудовые ресурсы села. Представляется бесспорным, что во время Гражданской и Великой Отечественной войн «сверхцентрализм» и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов и концентрации усилий. Но очевидно и другое. Практически полное отсутствие у колхозников хозяйственной самостоятельности, слабая материальная заинтересованность крестьян, многочисленные факты грубого нарушения устава колхозов крайне негативно отражались на экономике артелей. Лишь путем применения чрезвычайных мер организационного и правового характера удалось снабдить страну необходимым минимумом продовольствия. Именно колхозы спасли страну от всеобщего голода, однако достигнуто это было за счет колоссальных усилий и огромных жертв.

Примечания

¹ Правда. 1940. 31 янв., 12, 17, 21 апр., 10, 18, 28 мая; 1941. 26 марта; 24 мая; Социалистическое земледелие. 1942. 7 апр.; Сборник постановлений ЦК ВКП (б) и СНК Союза ССР по вопросам заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. М., 1941. С. 8–12, 15, 19–27, 61–97; ГАПО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 303. Л. 38; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5102. Л. 113; Д. 5181. Л. 127.

² Правда. 1940. 7 апр.

³ См.: Пятницкий П. П. Обязательные поставки колхозами сельскохозяйственной продукции государству. М., 1951. С. 18.

⁴ ГАЧО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1603. Л. 60.

⁵ См.: Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. С. 118; Экономическая жизнь СССР. Кн. 1. С. 344; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 595. Л. 474.

⁶ См.: Экономическая жизнь СССР. Кн. 1. С. 310.

⁷ ГАКО. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 73. Л. 37; ГАОО. Ф. 846. Оп. 2. Д. 178. Л. 19; ГАПО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 3874. Л. 36; ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 235. Л. 26.

⁸ ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 842. Л. 52, 53; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 887. Л. 146.

⁹ См.: Сборник указов, постановлений и распоряжений. С. 114–115. ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5115. Л. 17.

¹⁰ Правда. 1942. 11 июля.

¹¹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 381. Л. 45, 49, 63, 77, 79.

¹² Социалистическое земледелие. 1941. 19 сент.; В помощь агитатору. 1942. № 13. С. 15–16; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 839. Л. 10.

¹³ Правда. 1942. 12 июля.

¹⁴ См.: Сборник указов, постановлений и распоряжений. С. 214.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 218. Л. 51; ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1421. Л. 3; Д. 1539. Л. 46; Ф. 804. Оп. 3. Д. 6. Л. 104–107.

¹⁷ ГАЧО. Ф. 274. Оп. 20. Д. 2. Л. 168.

¹⁸ Красный Курган. 1943. 19 сент.; Ударник (орган Бардымского райкома ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся Пермской области). 1943. 5 дек.; ПАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 884. Л. 142.

¹⁹ Челябин. рабочий. 1942. 14 ноября, 17 дек.; Сталинский путь (орган Усинского райкома ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся Пермской области). 1943. 29 окт.

²⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 381. Л. 45, 49, 63, 77, 79.

²¹ ГАПО. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 586. Л. 585–587; Ф. 11,33. Оп. 1. Д. 1030. Л. 21; Сталинский ударник (орган Очерского райкома ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся Пермской области). 1943. 23 мая, 26 авг.

²² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 3. М., 1961. С. 190.

²³ Челябин. Рабочий. 1942. 10 дек.; ГАОО. Ф. 846. Оп. 3. Д. 4. Л. 27; ПАПО. Ф. 14587. Оп. 1. Д. 448. Л. 26, 27.

²⁴ ГАПО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 303. Л. 41; ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1616. Л. 139.

²⁵ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5375. Л. 86; ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1512. Л. 201; Д. 1616. Л. 135; Д. 1695. Л. 189; Ф. 1358. Оп. 2. Д. 17. Л. 8.

²⁶ См.: Народное хозяйство СССР: Стат. справ. М - Л., 1932. С. 352, 357.

²⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 545. Л. 71, 72, 77, 78.

²⁸ ГАСО. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 1528. Л. 99, 102.

²⁹ См.: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 229; ГАСО. Ф. 241. Оп. 5. Д. 30. Л. 159.

³⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 381. Л. 45, 49, 63, 77, 79.

³¹ См.: Сборник постановлений ЦК ВКП (б) и СНК Союза ССР по вопросам заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. С. 23, 24, 57, 65, 72–75, 82, 85; ГАЧО. Ф. 1358. Оп. 2. Д. 17. Л. 30

³² См.: Сборник указов, постановлений и распоряжений. С. 122–125; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 395. Л. 49.

³³ ГАЧО. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 15. Л. 62.

³⁴ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5276. Л. 5.

Нарский И. В.

**«СМЕРТЕЛЬНО РАНЕННЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ»:
УРАЛЬСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В 1917–1922 ГГ.**

Весной 1917 г., вслед за Фервальской революцией, уральские газеты сообщали, что местные крестьяне не только с энтузиазмом сдавали хлеб государству по твердым ценам, но и бесплатно поставляли его на нужды армии. Пресса пестрела сообщениями о доброжелательном отношении крестьян к началу продовольственной кампании и об их готовности прийти на помощь родине. Менее чем через пять лет, осенью 1921 г. местная периодика описывала деревню и ее обитателей совсем иначе: «В деревнях тишина и безлюдье. Во дворах ни скотины, ни клочка сена. Неподвижно валяются апатичные дети с неимоверно раздутыми животами, с опухшими лицами и конечностями. Во всех избах лежат больные и умирающие, в испражнениях и рвоте»¹.

В течение пяти лет между 1917 и 1922 гг. описываемый регион, расположенный между Поволжьем, Русским Севером, Сибирью и Казахскими степями, стал ареной стремительно развивавшихся драматичных событий. Урал, объединявший до революции Вятскую, Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую губернии общей площадью 800 тыс. км² с 13 млн жителей, стал одним из эпицентров Гражданской войны. Боевые операции Красной гвардии против восставших оренбургских казаков начались в ноябре 1917 г. – за полгода до официального начала Гражданской войны. Ранним летом 1918 г. Урал, как и огромные территории Поволжья и Сибири, оказался во власти Чехословацкого легиона, восстание которого против Советов во время переброски по Транссибирской магистрали на восток содействовало бесславному поражению большевиков на всем пространстве от Пензы до Владивостока. Созданные на Урале летом 1918 г. региональные правительства с резиденциями в Екатеринбурге, Ижевске, Уфе и Оренбурге осенью 1918 г. сменило Временное всероссийское правительство в Омске во главе с адмиралом А. В. Колчаком. В этой связи в 1918–1919 гг. Урал превратился в центральную зону военного конфликта, в котором Красная армия воевала против Чехословацкого корпуса, армий Колчака и его союзников – оренбургских казаков и башкирского войска. Наступления и контрнаступления «белых» и «красных» армий в октябре – декабре 1918 и марте – июле 1919 гг. породили чрезвычайную подвижность линий фронтов и многократную смену власти во многих населенных пунктах. Лишь поздним летом 1919 г. благодаря успехам Красной армии регион вновь попал под формальный контроль большевиков. Однако неофициально Гражданская война на Урале продолжалась: вместо мира в регион пришли военно-коммунистический террор и крестьянская война 1920–1921 гг., которая в момент кульминации в начале 1921 г. значительно превосходила масштабы антоновщины в Тамбовской губернии. За ними последовал беспрецедентный голод 1921–1922 гг., не менее опустошительный, но менее известный, чем голодное бедствие в Поволжье, продлившийся на Южном Урале до осени 1923 г.

Таким образом, с точки зрения исследовательской стратегии Уральский регион представляется весьма выигрышным для исследования крестьянства в годы революции и Гражданской войны: как объект изучения он может рассматриваться в качестве модель всероссийских процессов в миниатюре, причем процессов, проявившихся здесь особенно интенсивно и определенно.

При изучении динамики крестьянского хозяйствования и быта, восприятия и поведения в годы Гражданской войны ее итог для крестьян Уральского региона, составлявших более 90 % населения², представляется двойственным. С одной стороны, наблюдается известная победа деревни над городом: «окрестьянивание» городской жизни – моделей толкования и поведения, повседневных хозяйственных практик и привычек потребления; автономизация и культурная архаизация деревни, не желавшей иметь с «городской» властью ничего общего и мечтавшей только о том, чтобы та оставила ее в покое. С другой стороны, очевидна хозяйственная и демографическая катастрофа деревни, социальная атомизация крестьянства.

Что же происходило с уральской деревней в годы революции и Гражданской войны: атомизация и раскрестьянивание или автономизация, герметизация деревни, консервация крестьянского образа жизни, его примитивизация и архаизация в рамках собственной культуры, его «окрестьянивание» в доиндустриальном духе? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, представляется целесообразным в дальнейшем рассмотреть, во-первых, масштабы хозяйственной катастрофы, постигшей уральскую деревню; во-вторых, очертить характерные повороты политики в отношении крестьянства со стороны чередовавшихся режимов; в-третьих, обозначить крестьянские стратегии выживания в чрезвычайных условиях.

Статистика сельскохозяйственной катастрофы

До революции помещичье землевладение на Урале не было распространено. В 1905 г. на одно крестьянское хозяйство в среднем приходилось более 20 десятин земли – почти в два раза больше, чем в Европейской России. На казачьих же территориях Южного Урала, где средний надел составлял 67,4 десятины, население почти не знало земельного голода³. Даже в 1916 г., в условиях нехватки рабочей силы в связи с военными мобилизациями, удельный вес беспосевных хозяйств в земледельческих зонах Урала составлял всего 13–17 %, доля безлошадных дворов – 15 %⁴. Нет никаких оснований гово-

речь о том, что сельское хозяйство Урала неотвратимо дрейфовало в сторону хозяйственного хаоса и запустения. 1917 г., благодаря богатому урожаю, казалось бы, ничем не грозил сельскому хозяйству, особенно на Южном Урале, несмотря на революционные потрясения в столицах и смену власти в стране. Так, в Оренбургской губернии в 1917 г. было собрано 29,1 млн пудов пшеницы, что было больше предыдущего урожая на треть. Осенью 1917 г. специалисты исчисляли излишки хлебов нового урожая в Оренбуржье более чем в 3 млн пудов⁵.

Тем разительнее были перемены, происшедшие с сельским хозяйством региона за несколько лет. С 1913 по 1920 г. посевная площадь сократилась в три раза, увеличившись до 57,5 % в 1923 г. Валовая продукция зерна в 1921 г. уменьшилась до 22 % от уровня 1916 г. Поголовье лошадей понизилось между 1913 и 1920 г. в два раза, крупного рогатого скота – в 2,5 раза⁶. Темпы сокращения посевной площади были различными в отдельных уральских губерниях, сокращаясь с севера на юг. Эта же тенденция наблюдалась в уральском скотоводстве⁷.

Обращает на себя внимание более быстрое разорение сельского хозяйства в ярко выраженных аграрных южных и юго-западных частях Урала. В этом несложно убедиться, обратившись к погубернской статистике развития уральского сельского хозяйства.

Вятская губерния, которая, за исключением восточной части, пострадала от боевых действий меньше, чем Средний и Южный Урал, переживала, тем не менее, упадок сельскохозяйственного производства. В 1920 г. посевы яровых составили меньше посевов 1916 г., озимых – 4/5. Сбор зерна в Вятской губернии, которая и ранее являлась районом, потребляющим сельскохозяйственную продукцию других российских территорий, упал за три года в два раза, урожайность ржи понизилась с 45 до 20 пудов с десятины. Почти вдвое, по сравнению с 1912 г., сократилось поголовье скота. К началу 1921 г. каждое десятое хозяйство в губернии было безлошадным, 6 % хозяйств не имели коров. Необеспеченность сельскохозяйственным инвентарем, проведение посева на 90 % не сортированными семенами и неурожай 1921 г. привели к двукратному сокращению продукции полеводства и троекратному – животноводства⁸. С 1920 по 1922 г. количество крестьянских хозяйств, не обеспеченных рабочим скотом, увеличилось на 54 %; хозяйств, не имевших никакого скота, стало больше на 65 %. Зловеще выглядит сокращение численности беспосевных хозяйств с 14 до 11 тыс.: за этой цифрой скорее всего скрывается факт их самоликвидации или вымирания⁹.

Серьезно пострадало сельское хозяйство Пермской губернии, ставшей одним из эпицентров гражданской войны. Вследствие бесконечных реквизиций со стороны сменявших друг друга властей удельный вес безлошадных дворов в 1920 г. вырос до 28 %. В 1922 г. количество лошадей в губернии составляло 56 % от уровня 1916 г. На одно хозяйство в среднем приходилось 0,6 рабочей лошади. За это время поголовье крупного рогатого скота сократилось на 60 %, овец – на 68 %, свиней – на 87 %. Каждое седьмое хозяйство не имело скота. Всего одно из 200 хозяйств обладало более чем 4 головами скота¹⁰.

Аналогичная деградация сельского хозяйства наблюдалась в выделенной из состава Пермской губернии Екатеринбургской губернии. Посевная площадь в 1922 г. сократилась до 41,4 % от уровня 1916 г. и 38 % засеянных в 1914 г. земель. Почти двукратное уменьшение обрабатываемых земельных участков произошло в 1922 г. Поступательно, но медленнее, чем в Пермской губернии, сокращалось количество скота в крестьянских хозяйствах¹¹.

Наиболее стремительно происходило разрушение сельского хозяйства на Южном Урале. Посевная площадь Оренбургской губернии, славившейся ранее своим зерном, в 1922 г. сократилась до трети от уровня 1916–1917 гг. Такими же темпами уменьшалось поголовье рабочего скота. Как и в Екатеринбургской губернии, резкое падение поголовья (в 2–2,5 раза) в Оренбуржье пришлось на время беспрецедентного голода 1921–1922 гг. В январе 1923 г., когда, по официальным данным, последствия голода были преодолены, Оренбургское губернское ОГПУ в информационной сводке констатировало, что рабочих лошадей осталась четвертая часть от количества 1916 г., без посева оказались почти 12 тыс. хозяйств, без инвентаря – более 28 тыс., без рабочего скота – 40 тыс. Самоликвидировались и выбыли из пределов губернии 20 тыс. хозяйств, почти 10 тыс. хозяйств вымерли¹².

Сельское хозяйство вышедшей в 1919 г. из состава Оренбуржья Челябинской губернии, расположенной на наиболее плодородных оренбургских, пермских и тобольских территориях, пришло к 1922 г. в полный упадок. Деградация южноуральской деревни и казачьей станицы происходила с головокружительной скоростью. Еще в 1920 г. ее посевная площадь сократилась по сравнению с 1916–1917 гг. на 18 %: на казачьей территории – на 16,4 %, на гражданской – на 19 %¹³.

Тем не менее, в 1920 г. примерно половина хозяйств Челябинской губернии засеивала от 3 до 10 десятин земли. Беспосевных хозяйств было менее 9 %, примерно пятая часть дворов использовала под посев от 10 до 30 и более десятин. В 1922 г. эта крепкая часть крестьянства практически исчезла. Количество хозяйств, использующих наемную силу, сократилось в 5 раз, число наемных работников – в 10 раз. Доля беспосевных хозяйств выросла незначительно (до 12 %). Зато основной категорией стали дворы, засеивающие до 3-х десятин земли (более 72 %), причем более половины из них – менее десятины¹⁴.

Одним из наиболее пострадавших районов Южного Урала оказалась бывшая Уфимская губерния. В сентябре 1921 г., еще до страшной голодной зимы, местные власти пришли к выводу, что один из основных видов занятий в Малой Башкирии, скотоводство, «совершенно уничтожилось». В 1920 г. в Табынском, Юрматинском и Стерлитамакском кантонах средняя обеспеченность крестьянского хозяйства лошадьми снизилась по сравнению с 1912 г. с 2,1 до 1,2, коровами – с 1,5 до 1¹⁵. В следующем

году сельскому хозяйству Малой Башкирии был нанесен еще более мощный удар: с момента переписи 1920 г. до ноября 1921 г. количество рабочих лошадей сократилось в среднем на 42,5 %¹⁶.

К концу 1922 г. панорама разрушения сельского хозяйства Башкирии стала еще более ужасающей. За 1920–1922 гг. оно недосчитало 82952 хозяйств, или 16,5 %, «совершенно стертых с лица земли». На одно хозяйство в среднем приходилось лишь 0,7 лошади, 0,8 коровы, 1,4 овцы. Средняя площадь посева сократилась с 3,5 до 2 десятины на крестьянский двор. Удельный вес безлошадных хозяйств подскочил с 18 % до 43,5 %, бескоровных – с 15 % до 32,4 %, безинвентарных – с 16 % до 23,5 %¹⁷. Посев ржи в Большой Башкирии за два года сократился более чем в 2,5 раза, посев пшеницы – в 3,5 раза, количество лошадей – более чем вдвое, овец – более чем в четыре раза, свиней – в 10 раз¹⁸.

Беспримерный крах сельскохозяйственного сектора уральской экономики заставляет обратиться к выявлению его причин. Условно можно выделить следующие отрицательно влиявшие на положение сельского хозяйства факторы: многократную смену власти и реквизиционную политику различных режимов, вызванную чрезвычайной обстановкой мировой войны, революции и Гражданской войны; спровоцированный слабостью государства долгожданный крестьянский «черный передел» и прочие техники приспособления крестьян к новым условиям существования.

Деревня под ударами мобилизационной политики 1916–1921 гг.

Отдельные компоненты негативного политического воздействия на аграрный сектор прослеживаются еще накануне революции, но их слаженный ансамбль зазвучал в полный голос в 1917 г. За размыванием в годы Первой мировой войны рынка продукции массового спроса и ростом, вследствие этого, инфляции последовало нежелание крестьян продавать хлеб. Его дефицит вызвал государственные меры по регулированию цен, а введение в 1916 г. твердых цен на хлеб лишь усугубило стремление крестьян придержать его. Выполнение государственных поставок хлеба по твердым ценам, особенно в не очень урожайном 1916 г., означало для крестьян работать себе в убыток. Например, в селе Ратовка Оренбургского уезда вспашка одной десятины стоила 20 р., бороньба с севом – 20 р., возка и уборка – 20 р., обмолот – 8 р., аренда земли – 45 р. Таким образом, себестоимость хлеба, собранного с одной десятины, составляла 113 р. Между тем, в 1916 г. с одной десятины был снят урожай всего около 50 пудов. Это означало, что при продаже хлеба государству по казенной цене 2 р. 29 к. крестьянин выручал с десятины всего 1,5 р. Неудивительно, что в условиях инфляции селяне по мере сил сопротивлялись твердым ценам на хлеб: в феврале 1917 г. аршин самого простого сукна стоил 10 р., ситца – 70 к. Фунт конфет, популярность которых при нехватке сахара росла, до войны стоил 30 к., а в феврале 1917 г. – 2,5 р. – дороже, чем пуд хлеба по твердым ценам. Поэтому крестьяне предпочитали не вывозить муку на базар, а продавать перекупщикам по 3 – 4 р. за пуд¹⁹.

Замкнулся порочный круг, из тесных рамок которого не смогло вырваться и Временное правительство. В марте 1917 г. оно издало постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства», продолжившее практику царского режима. В соответствии с ним устанавливались порайонные твердые цены на зерновые культуры и хлебные продукты. Усилились обязательные изъятия из сельского хозяйства в пользу армии. Так, если по разверстке 1916 г. Вятская губерния должна была поставить 50 тыс. голов скота, то в 1917 г. – 202 тыс. голов крупного рогатого скота и 158 тыс. свиней²⁰.

Государственная монополия на право распоряжаться хлебом оказалась unsuccessful, как из-за сопротивления крестьянства и новых представительств его интересов, так и по причине недостатка у государства сил для ее последовательной реализации²¹. Крестьяне на сельских сходах и крестьянских съездах отказывались передавать хлеб государству и даже обсуждать сам вопрос об этом, а если и отдавали часть своих запасов, то исключительно в виде добровольных пожертвований на нужды армии. Не помогло и августовское постановление Временного правительства «Об изменении и дополнении состава статей постановления о передаче хлеба в распоряжение государства», вдвое повысившее твердые цены на зерновую продукцию. На протяжении 1917 г. монополия оставалась частичной, с сохранением свободной торговли хлебом. При этом свободный рынок хлебов сокращался. Нехватка хлеба на Урале стала ощутимой весной – летом 1917 г., а в августе Пермская губерния впервые столкнулась с острым продовольственным кризисом. Осенью, несмотря на лучший, по сравнению с 1916 г., урожай, голодало население 28 губерний и областей страны.

С весны 1917 г. началось стихийное крестьянское захватное движение, объектами которого стали казенные, церковные и частновладельческие земли. «Черный передел» пошел полным ходом после прихода к власти большевиков, позиции которых зимой 1917–1918 гг. были слишком слабы, чтобы не принять его, несмотря на явный эсеровский привкус этой акции.

Однако результаты долгожданного «черного передела» на основах общинной уравнилельной справедливости оказались мизерными. Российский крестьянин, в течении десятилетий мечтавший получить за счет ликвидации крупного частного и государственного землевладения дополнительно по 5 – 15 десятин земли, получили в среднем по 0,4 десятины. Половина российских общин вообще не получила прирезанной земли²².

На Урале, где помещичье землевладение было относительно неразвито, прирезка оказалась еще менее щедрой²³. Поскольку уральские крестьяне были в целом лучше обеспечены землей, чем в Центральной России, то при ее уравнилельном распределении середняки не только не получили дополнительных участков, но и теряли часть земли. Поэтому у крестьян Урала не было достаточно весо-
мых оснований поддерживать советскую власть и сдавать ей хлеб по твердым ценам.

Сопrotивление крестьян сдаче хлеба спровоцировало практику произвольных реквизиций, первая волна которых прокатилась по Уралу на рубеже 1917–1918 гг. В сельской местности рыскали продовольственные отряды, отнимая у крестьян якобы излишки продуктов. Реквизиции в советской зоне Урала были хаотичны и сопровождались жестокими репрессивными мерами, включая незаконные аресты и расстрелы.

На территориях, находившихся под контролем не признавшего советскую власть Оренбургского казачьего войска, сельскому населению также не удалось избежать обязательных изъятий сельскохозяйственной продукции, хотя правительство атамана А. И. Дутова, в отличие от властей советской зоны Урала, попыталось строго регламентировать объем и порядок сдачи хлеба. Войсковое правительство 14 ноября 1917 г. опубликовало объявление, в котором населению Оренбургского войска было предложено в срок до 1 января 1918 г. подвезти и сдать излишки хлеба на ссыпные пункты, согласно закону Временного правительства о хлебной монополии. Не сданный в срок хлеб подлежал реквизиции по установленным твердым ценам и должен был вывозиться за счет владельцев. Хлеб, добровольно вывезенный после 1 января, предполагалось принимать на 30 % дешевле государственной цены, а реквизируемый – за половину цены²⁴.

В мае 1918 г. ВЦИК опубликовал декрет о продовольственной диктатуре, который причудливо соединил в себе представления большевиков о социалистическом переустройстве и реакцию на горькую российскую реальность, в которой большевистскому государству не оставалось ничего иного, как ужесточить продовольственную линию царского правительства 1916 г. и Временного правительства 1917 г.²⁵ В силу слабости местного государственного аппарата на Урале политика реквизиций оставалась хаотичной, а на Южном Урале, после временного вытеснения с его территории казаков А. И. Дутова летом 1918 г. реквизиция «красными» сельскохозяйственной продукции у местного населения приобрела характер карательной акции.

Когда деревня снова столкнулась с твердыми ценами в сочетании с новыми явлениями – хладнокровной беспощадностью продотрядов и доношением возникших летом 1918 г. комитетов бедноты, терпение крестьян лопнуло: крестьянские восстания со скоростью степного пожара распространились по всему Уралу, способствуя очередной смене власти – на этот раз антисоветскими режимами.

В июле 1918 г. сменившие большевиков в Сибири, на Урале и в Поволжье региональные правительства приняли законы, регулировавшие аграрные отношения и пытавшиеся учесть последствия земельного передела. Временное областное правительство Урала заняло достаточно осторожную позицию. Согласно пункту 11 принятой 19 августа 1918 г. декларации земля должна была оставаться в руках фактических пользователей до разрешения аграрного вопроса Учредительным собранием. Первоначально левое крыло в правительстве пыталось даже трактовать эту норму расширительно, подразумевая под «землями сельскохозяйственного назначения» не только помещичьи имения, но и горнозаводские земельные и лесные дачи, натолкнувшись, правда, на несокрушимое противодействие справа²⁶. Сменивший уральское областничество колчаковский режим в декларации от 8 апреля 1919 г. согласился с правом временного использования захваченных земель с перспективой справедливого распределения, но вместе с тем признал недопустимыми и уголовно наказуемыми дальнейшие захваты. Окончательное решение земельной проблемы откладывалось новым правительством, как и предвидимым, до созыва всероссийского форума учредительного характера – Национального собрания. Декларация имела явные антиобщинные интонации, предполагая превращение земли в товар, а также возвращение отнятого крестьянским обществом у хуторян и отрубников²⁷.

Гораздо большее впечатление, чем попытки нормативного регулирования земельного вопроса, производила на крестьян практическая линия антисоветских правительств в отношении деревни, которая оставалась неизменной: в условиях Гражданской войны ни один режим, вне зависимости от его политической окраски и заявленных целей, не мог обойтись без чрезвычайных мероприятий – контрибуций, конфискаций и повинностей, помноженных на своеволие и злоупотребления военных и гражданских властей и отдельных их представителей.

Не лучшие впечатления выносили крестьяне от знакомства с властью на территориях, контролируемых большевиками. В октябре 1918 г. советское государство предприняло, правда, безуспешную, попытку ввести постоянный натуральный единый чрезвычайный налог, по которому на Вятскую губернию, например, было запланировано 300 млн пудов продовольственного и фуражного зерна. В следующем году размер продрозверстки был снижен до 30 млн пудов. Однако и эта цифра, исходившая не из возможностей преимущественно потребляющей, а не производящей сельскохозяйственную продукцию губернии, а из потребностей государства, ложилась на вятское крестьянство тяжким бременем²⁸.

Гражданская война оказалась для уральской деревни одним из самых крутых трамплинов в пропасть. По окончании боевых действий на Урале деревни стояли разоренные уходящими и приходящими войсками, поля стояли необработанными. Прямой материальный ущерб сельскому хозяйству Урала от Гражданской войны оценивается советской историографией, предъявлявшей счет исключительно колчаковскому режиму, в 232 млн золотых рублей²⁹.

Между тем, надорванная всевозможными поборами, мобилизациями и повинностями времен Гражданской войны деревня и после ее окончания оставалась объектом вымогательства и террора в рамках политики «военного коммунизма». К уральскому сельскому населению был применен декрет о разверстке от 11 января 1919 г., предполагавший, в отличие от декретов 13 мая и 30 октября 1918 г., при изъятии у крестьян сельскохозяйственных продуктов исходить не из имеющихся у них запасов, а из

государственных потребностей³⁰. Наказания за уклонение от разверстки мало чем отличались от санкций периода войны: «Сельские хозяева, не сдавшие к установленному сроку причитающееся у них количество хлебофуража, подвергаются безвозмездному принудительному отчуждению обнаруженных у них запасов. К упорствующим из них и злостно скрывающим свои запасы применяются суровые меры, вплоть до конфискации имущества и лишения свободы по приговорам народного суда»³¹.

Несмотря на грозный тон большевистских распоряжений, формирующийся на ходу аппарат новой власти на Урале был не в состоянии претворить их в жизнь. Продразверстку 1919 – 1920 гг. выполнить не удалось. Было собрано от 94,1 % запланированного в Екатеринбургской губернии до 46,5 % в Уфимской. В Пермской и Челябинской губерниях разверстка была выполнена чуть более чем наполовину³².

В 1920 г. состояние уральского сельского хозяйства и государственные требования к деревне пришли в еще большее противоречие. По предварительной оценке Челябинского губернского статистического бюро, основанной на размерах посевной площади, в 1920 г. следовало ожидать в 2–2,5 раза меньшего урожая, чем среднегодовой урожай 1906–1914 гг. Однако и такой прогноз, по мнению специалистов-статистиков, был слишком оптимистичным³³. Несмотря на неблагоприятный для сельского хозяйства год, на Челябинскую губернию были наложены 23 разверстки, главными из которых были хлебная (10,3 млн пудов), мясная (94 тыс. голов крупного рогатого скота и 284 тыс. баранов), масляная (123 тыс. пудов), картофельная (1 млн пудов), яичная (14 млн штук), разверстка на птицу (60 тыс. пудов). Помимо них сельское население должно было сдать определенное количество кожи, льна, копыт, волос и шерсти, капусты, лука, моркови, огурцов, помидоров и т. д.³⁴

Вопиющее несоответствие запланированной в 1920 г. продразверстки реальному положению вещей наблюдались и в других частях Урала. В Башкирии урожай составил вместо прогнозируемых 24 млн пудов всего 13,4 млн. После вычетов необходимого на собственное потребление населением и обсеменение полей 1921 г., по расчетам властей, должен быть остаться излишек 3,8 млн пудов, исходя из чего наркомпрод назначил на 1920 г. разверстку в 3 млн пудов. Реально же губернии на внутреннее потребление не хватало 4,2 млн пудов хлеба, несмотря на что к 10 января 1921 г. по продразверстке было собрано 1,9 млн пудов³⁵.

В Екатеринбургской губернии в 1920 г. из 26,3 млн пудов собранного зерна было изъято 10,7 млн (41 %) ³⁶. Практика сбора продразверстки ничем не отличалась от реквизиций периода Гражданской войны. Москва назначала размеры разверстки, не имея ни малейшего представления – и не желая его составить – о действительном положении деревни. О произвольных размерах разверстки (и продналога на первом году НЭПа) свидетельствует, помимо прочего, тот факт, что губернским властям в ходе трудных переговоров с центром иногда удавалось добиться двукратного понижения плановых заданий (например, в Челябинской губернии в 1920 и 1921 гг.³⁷) Продовольственные отряды сплошь и рядом отбирали у крестьян все найденные припасы – «под метлу», не имея ни возможности, ни желания выяснять реальные возможности крестьян выполнить разверстку.³⁸ В результате, например, в Аргаяшском кантоне Башкирии в 1920 г. при урожае 110 тыс. пудов зерна запланированная разверстка составляла 250 тыс. пудов. Она была выполнена в объеме 116 тыс. пудов: крестьяне отдали весь урожай и вынуждены были прикупать хлеб на базарах кантона для отдачи государству³⁹.

Контраст между возможностями ослабленной деревни и запросами неокрепшего пока государства породил массовые крестьянские возмущения рубежа 1920 – 1921 гг., поставившие под сомнения будущее не только политики «военного коммунизма», но и самого коммунистического режима. Для получения доступа ко все уменьшающемуся в объемах продовольствию, государству пришлось искать другие средства.

Выход из тупика был, как казалось, найден весной 1921 г. в политике перехода от внеэкономических методов регулирования сельскохозяйственного производства к рыночным. Решения X съезда РКП (б) в марте 1921 г. были воплощены в «Постановлении ВЦИК о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21 марта и ряде других актов. Налог должен был быть меньше прежнего, разверсточного обложения (240 млн пудов вместо 423 млн на 1921–1922 г.) и исчисляться из минимальных потребностей армии и неземледельческого населения; при его взимании предполагалось переориентироваться с необоснованных запросов государства на реальные возможности крестьянских хозяйств. О его размере крестьяне должны были оповещаться до начала весенних полевых работ, чтобы сельское население имело стимулы к расширению производства. Остающимися у крестьян после уплаты налога запасами они могли свободно распоряжаться по своему усмотрению⁴⁰.

Реализация задач перехода к новому аграрному курсу оказалась, однако, отнюдь не простым делом. На пути претворения НЭПа в жизнь встали труднопреодолимые препятствия – наследие разверсток прежних лет, обобравших крестьян до нитки, помножилась на неурожай 1921 г. и негибкость государственного аппарата, проводившего «новую экономическую политику» старыми, «военно-коммунистическими» методами.

В 1921 г., по официальным данным, из 50 млн десятин посевной площади РСФСР засуха охватила 20 млн. Голодающими были признаны 22 млн человек из 110 млн жителей республики⁴¹. На Урале из-за неурожая 1921 г. голодало население Башкирии, Вотской автономной области, ряда уездов Челябинской, Оренбургской, Пермской, Екатеринбургской и Вятской губерний.

Наибольшие беды от неурожая 1921 г. испытала Башкирия. К июню всходы погибли на засеянных полях, охваченных засухой, а средний урожай на основных засеянных площадях не дотягивал и до 6 пудов с десятины, вследствие чего валовой сбор хлеба на каждого жителя Башкирии составлял менее

15 кг. В ноябре 1921 г. на территории бывшей Уфимской губернии голодали 61 % жителей, в августе 1922 г. – 73 % населения. Небывалый неурожай в сочетании с жестокими изъятиями продразверсток 1919–1920 гг., антикрестьянским террором зимой 1920–1921 гг. и проведением, несмотря на безнадежное положение крестьян, кампании по сбору продовольственного налога осенью 1921 г. привел к тому, что из 1250 тыс. человек, проживавших в это время в Малой Башкирии, зимой 1921 – 1922 гг. голодало 1100 тыс. (88 %), в том числе более 500 тыс. детей. Между тем, государственные столовые и питательные пункты АРА в апреле 1922 г. могли кормить лишь 410 тыс. человек. Это означало, что около 690 тыс. человек в Башкирии были обречены на голодную смерть, которая к лету 1922 г. настигла из них⁴². Именно в Башкирии зарегистрированы наиболее частые, по сравнению с другими частями Урала, случаи каннибализма и массового трупоедства⁴³.

Голодная катастрофа зашла настолько далеко, что выйти из нее без помощи со стороны ни население, ни государство были не в состоянии. Москва, крайне неохотно признавая одну губернию за другой частично или полностью голодающей, вынуждена была, вопреки принципам классовой борьбы, допустить к участию в преодолении голода российскую и зарубежную общественность. Летом 1922 г., когда деятельность иностранных организаций развернулась в полном объеме, они кормили ежедневно 14 млн человек (в том числе АРА – 11 млн).

Зато немало усилий было приложено большевистским режимом к тому, чтобы собрать с полумертвой деревни продналог, который и по структуре, и по методам сбора первоначально мало чем отличался от продразверстки⁴⁴. Неудивительно, что крестьяне не видели разницы между продналогом и продразверсткой или считали его тяжелее прошлых реквизиционных мер.

В 1921 г. в продналог сначала были включены зерно, картофель, масличные культуры, а затем яйца, молочные продукты, шерсть, табак, сено, фрукты, мед, мясо, сыромятные кожи – всего до 15 видов продуктов, то есть практически весь ассортимент разверсток⁴⁵. Вопреки задачам, заявленным в постановлении ВЦИК от 21 марта 1921 г. о замене разверстки налогом, продналог был, во-первых, в первый год НЭПа в ряде регионов выше, чем разверстка. В Вятской губернии он составлял, например, 10 % от валового сбора сельскохозяйственных продуктов, в то время как разверстка в потребляющих губерниях в среднем составляла 8,4 % урожая⁴⁶. К тому же в условиях неурожая 1921 г., снимая обязательство по уплате налога с отдельных уездов частично пострадавших областей, государство могло не снижать общий объем налога с губерний, как и произошло с Вятской губернией в 1921 г. Тяжелее разверстки налог 1921 г. был на Урале в ряде уездов Екатеринбургской губернии. Сбор продналога шел полным ходом, несмотря на то, что валовой сбор 1921 г. на душу был в полтора – два раза ниже годовой прожиточной нормы⁴⁷.

Во-вторых, благодаря натуральному характеру налога и множеству его составляющих, крестьяне не могли знать об общей сумме налога весной 1921 г., за исключением объема хлебного налога. Подготовка и обнародование постановлений правительства о размерах налогов по отдельным категориям затянулись с марта по сентябрь 1921 г. По многим видам продукции размер налога мог быть установлен лишь летом – по видам на урожай в различных регионах.

Наконец, сама организация сбора проводилась по образцам времен «военного коммунизма», с жесткими судебными и административными санкциями, с обременительными, если не разорительными, денежными штрафами⁴⁸. В июле 1921 г. циркуляр Верховного трибунала при ВЦИК и Наркомата продовольствия учредил особые сессии при губернских революционных трибуналах для рассмотрения в срочном порядке дел о нарушении декретов о продовольственных и прочих налогах. Летом они возникли и на Урале, причем в Екатеринбургской губернии продналоговые выездные сессии были учреждены еще до появления официального распоряжения и действовали особо энергично и сурово во всех уездах с июля по сентябрь⁴⁹. Только этим и меньшими масштабами неурожая можно объяснить парадоксальный факт перевыполнения плана по сбору продналога в Екатеринбургье. Из урожая в 15 млн пудов хлеба Екатеринбургская губерния отдала 8,6 млн пудов. На потребление населению Екатеринбургской губернии в перерасчете 30 фунтов хлеба на человека в месяц в итоге оставалось запасов на пять месяцев, – до 1 февраля 1922 г.⁵⁰ Что будет с населением дальше – так далеко власти не загадывали.

Остальные губернии Урала с задачей продналога не справились, что подтверждает несоответствие планов по его сбору реальным условиям. Всего на Урале на январь 1922 г. было собрано 75,7 % продналога, что существенно выше общероссийского показателя (53,3 %)⁵¹.

Свесны 1923 г. вновь голодали сельские жители Вотской автономной области и трех губерний Урала. Наибольшие испытания вновь выпали на долю населения Южного Урала. В Челябинской губернии к лету 1923 г. голодало 400 тыс. человек, в БАССР – 800 тыс., – почти столько же, сколько весной 1922 г.⁵² Уральскому сельскому хозяйству, таким образом, в годы революции, гражданской войны и перехода от «военного коммунизма» к НЭПу был нанесен удар, оправиться от которого ему было не суждено.

Крестьянские стратегии выживания

Как реагировала уральская деревня на крутые повороты аграрной политики в 1917–1921 гг.? Основную линию выживания деревни образовывало стремление оградиться от внешнего вмешательства, свести до необходимого минимума внешние контакты и самостоятельно решать возникающие проблемы. Среди стратегий приспособления деревни к новым условиям центральное место занимали самочинный передел земельной собственности, сопротивление обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции государству и ее самостоятельная утилизация⁵³.

С падением старого режима деревня заволновалась. Стихийное захватное движение, не наталкиваясь на сколько-нибудь энергичную ответную реакцию со стороны новой власти, быстро распространилось и приобретало организованные формы. Возникавшие с марта 1917 г. земельные комитеты, а затем и волостные Советы поздней весной, в разгар посевной кампании, фактически начали передел земли, объявляя о переходе земельных и лесных угодий в их собственность. Одновременно – с апреля по июнь – участились случаи столкновения общинников с хуторянами и отрубниками: сельские сходы принимали решения о конфискации и распашке отрубных участков. Все эти действия осуществлялись вопреки решениям ведомых эсерами высоких крестьянских форумов губернского уровня.

Среди различных форм крестьянских акций преобладали традиционные действия. На Урале в 1917 г. лидировали захваты пашен, лугов и лесов (34 % всех крестьянских эксцессов с марта по октябрь), за ними следовали погромы имений, массовые порубки лесов и потравы лугов (31 %). Борьба против хлебной монополии и проведения переписей населения, известная с предреволюционного времени, занимала довольно скромное место в арсенале крестьянского протеста (21 %). Совершенно новые формы крестьянской активности, рожденные реальным безвластием государства в 1917 г. – запрет со стороны крестьянских обществ на продажу и рубку леса помещиками и заводами (5 %), насильственная смена органов власти и арест администрации (6 %), отказ от выборов (3 %) – использовались крайне редко. Показательно, что волны крестьянского возбуждения явно не зависели от успеха или неуспеха партийной агитации: их всплески отмечаются в мае и особенно в сентябре – перед началом и по окончании сельскохозяйственного сезона, когда вопрос о разделе становился особенно актуальным и/или у крестьянина появлялось свободное время для участия в его решении. На Урале почти треть всех крестьянских волнений 1917 г. (184 из 603) пришлось на сентябрь⁵⁴.

Стихийный передел уральскими крестьянами бесхозной собственности полным ходом шел и при «белых», в 1918–1919 гг., несмотря ни на какие запреты. Особо лакомым объектом вожделений были леса. Порубка леса велась беспорядочно и наносила серьезный ущерб лесному хозяйству⁵⁵.

Дистанцирование крестьянства от государственной опеки в революционные годы объясняется ее характером. Некомпетентная политика в деревне всех сменявших друг друга режимов ориентировала крестьян на самостоятельное решение своих проблем и стимулировала выработку собственных техник приспособления к новым, неблагоприятным условиям.

Одной из них стала незаконная торговля крестьянами плодами своего труда, хорошо известная как «спекуляция» и «мешочничество»⁵⁶. Особенно популярной со времени введения «сухого закона» в России стала переработка зерна в алкоголь. Самогоноварение было одной из наиболее выгодных форм утилизации хлеба. Так, в январе 1917 г. в Уржумском уезде Вятской губернии, где пуд ржаной муки можно было продать за 2,2–3,5 р., ведро самогона, изготовленного из такого же количества хлебного сырья, стоило 12 р.⁵⁷ В Оренбуржье осенью 1917 г. жители станиц не жалели тратить большие средства на покупку аппаратов для винокурения, так как цена бутылки самогона колебалась от 3 до 5 р. и его производители могли заработать в день до 100 р.⁵⁸

Первоначально массовое изготовление алкоголя на продажу было для крестьян новым и непривычным делом, сопровождаемым экспериментированием вслепую. Постепенно, однако, появлялись умельцы и в этой сфере. В феврале 1918 г. в Челябинском уезде, например, были деревни, где на самогон ежедневно переводилось больше муки, чем съедалось жителями; некоторые крестьяне уже несколько месяцев профессионально занимались изготовлением и сбытом самогона, не имея в собственном хлебе. В этой связи замечались махинации с продовольственными книжками: крестьяне собирали их с односельчан, чтобы получить в городе муку, которая затем шла на винокурение⁵⁹.

Самогоноварение доставляло много беспокойства властям на всем протяжении рассматриваемого периода, преобретая небывалый размах в 1922 г. Год был урожайным, голод был пережит, налоги оказались не столь обременительны, как в 1921 г., после многолетних тягот войны и революции наступала, казалось, мирная пора. Помимо желания сбросить накопившиеся стрессы, крестьянство прибегло к самогоноварению и из соображений хозяйственной выгоды: сельская беднота изготавливала самогон, чтобы рассчитаться с государством по налогам с меньшими для себя потерями⁶⁰.

К «производственным» техникам выживания крестьян, наряду с захватом пахотных земель, лесов и пастбищ, а также развитием мешочничества и самогоноварения, следует отнести также изменение структуры производимой продукции. Огородничество, которое на Среднем Урале и в Башкирии до Первой мировой войны не было развито, в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» – в условиях недородов хлеба и растущего интереса государства к крестьянским зерновым запасам – стало популярным. Огородные культуры – картофель, капуста, лук, огурцы – компенсировали дефицит хлебопродуктов в крестьянском рационе⁶¹.

Социальный протест крестьянства в русской революции может быть описан в категориях «моральной экономики» Э. П. Томпсона, трактуемой скорее не как замкнутый комплекс антикапиталистических убеждений социальных низов, а как сумма их прагматических действий, направленных на коррекцию, а не уничтожение существующего (или складывающегося) порядка путем достижения компромисса⁶². Протестовавшие действовали не под влиянием аффекта или умопомрачения. Ими двигало убеждение в законности своих действий, обосновываемых ссылками на моральные нормы и обычаи. Их поведение учитывало конкретную ситуацию и конъюнктуру.

Сопrotивление деревни государственной хлебной монополии пронизывает весь период с ее введения в 1916 г. по 1921 г. Однако первоначально оно практиковалось преимущественно в формах со-

крытия хлебных запасов, незаконного изготовления и торговли самогоном в условиях введения сухого закона 1914 г. После «черного передела» и введения большевиками продовольственной диктатуры к этим стратегиям сопротивления прибавились утайка реальных размеров обрабатываемой земли и сокращение засеваемых участков, а во время боевых действий на Урале 1918–1919 гг. и особенно после их окончания – сопротивление реквизициям продовольствия, достигшее апогея в вооруженных восстаниях 1920–1921 гг.

Одним из важнейших методов борьбы за существование стало укрывательство от государственных реквизиций произведенных деревней сельскохозяйственных продуктов. Так, в отчете Уржумской ЧК за период с сентября 1918 по январь 1920 г. констатировалось: «Зажиточное крестьянство никогда без боя, без сопротивления не отдавало своих излишков хлеба и других продуктов по твердым ценам для голодающих центров, стараясь всячески сопротивляться такому отчуждению и сплавлять хлебные излишки разным спекулянтам и мешочникам»⁶³.

На эту же проблему жаловались местные власти в «белой» зоне Урала: хлеборобы предпочитали придерживать хлебные запасы или сбывать их на наиболее дорогих рынках, расположенных ближе к «красным» территориям⁶⁴. Во второй половине 1919–1922 гг. сокрытие крестьянами продовольственных запасов стало постоянной темой и самой острой проблемой для советской власти. Для того, чтобы избежать разверстки, а затем и продовольственных налогов, крестьяне прятали хлеб, обмолачивали его в поле сразу же после жатвы и тут же зарывали; забивали на мясо скот, включая конский молодняк, скрывали реальный размер обрабатываемой земли и сенокосов, растаскивали реквизированный хлеб, в том числе – нанимаясь на отправку его из деревни⁶⁵.

Стратегией сопротивления крестьян узаконенному «военным коммунизмом» ограблению, которая имела наиболее тяжелые последствия для крестьянского хозяйства, стало сокращение ими обрабатываемых земель. Представляется, что до 1920 г. свертывание объемов посева было несущественным по масштабам и вызывалось прежде всего нехваткой рабочих рук. Однако в 1920 г., когда политика «военного коммунизма» стала интенсивно внедряться и на Урале, произошло очередное, на этот раз наиболее радикальное снижение производственной активности крестьянства. Частное письмо из Пермской губернии за 2 мая 1920 г. отражало общее настроение деревни: «Мы пока здесь живем и работаем, но не по-старому, например: сейчас сев, на поле мало очень народа, сеют против прошлого года половину и менее, что нас ожидает в 21 году, не знаю, поля не засеяны и не обработаны. Слышны разговоры – для себя хватит»⁶⁶.

В начале 1920 г., когда реквизиционная политика неокрепшего и, как казалось, недолговечного режима только набирала обороты, деревня сопротивлялась ей менее ожесточенно. Основным требованием было допущение свободной торговли; возмущение возможно было погасить без применения силы, с помощью агитации, и без жертв, так как село позволяло арестовать зачинщиков⁶⁷. Однако с лета – осени крестьянские волнения начали преобразоваться. Все чаще стали случаться отказы от сдачи хлеба государству, нападения на обозы с реквизированным продовольствием, разграбления ссыльных пунктов. Активную роль в этих действиях играли женщины, вес которых в деревенской жизни заметно повысился в годы мировой войны. Руководящую роль в «бабьих бунтах» играли стихийно создававшиеся организации женщин-красноармеек. Как сообщалось в чекистских сводках, «женские комитеты местами захватили власть в свои руки»⁶⁸.

Крестьянская «идеология» сопротивления политике силового вмешательства в жизнь деревни строилась в рамках канонов «моральной экономии». Крестьяне использовали образы несправедливой власти, нарушающей принципы справедливости. Причины бедствий объяснялись ими или в религиозных категориях, с помощью мифа о пришествии Антихриста, или с апелляцией к коллективной памяти о крепостничестве, вновь вводимом советской властью, или посредством использования официальной большевистской риторики, на основе предположения, что коммунистическая партия оказалась во власти белогвардейцев⁶⁹.

Наибольшие хлопоты советской власти создавало повстанческое движение крестьян и казаков в 1920–1921 гг., отражавшее тот факт, что эти категории населения наиболее пострадали в российской революции и дольше других недооценивали репрессивные возможности новых правителей. Повстанчество отличалось большой ожесточенностью и опиралось на разнородный опыт, накопленный крестьянством на протяжении веков. Повстанцы использовали примитивное вооружение – в том числе косы, топоры, ножи, самодельные пики, с которыми восставшие отчаянно дерзко шли против винтовок и пулеметов – и архаичные формы крестьянской войны. Как писал современник и авторитетный знаток военных коллизий на Урале, «крестьянство поднималось “валом”, проводило поголовные мобилизации восставших волостей и двигалось в направлении враждебного пункта массовыми волнами, точно так же, как это было во времена пугачевщины»⁷⁰. Вместе с тем, материально-организационная архаика сочеталась с новейшим опытом подготовки и ведения боевых действий, вынесенным с фронтов мировой войны⁷¹. Стремление повстанцев использовать военный опыт, приобретенный во время службы в регулярных войсках на фронтах мировой войны подтверждается наличием делопроизводства некоторых движений. Сохранившиеся материалы «народной армии» известного Ишимско-Петропавловского восстания начала 1921 г. стилистикой и содержанием близки к документации действующей регулярной армии⁷². В период активного расширения площади западносибирского восстания военное руководство повстанцев стремилось сохранить порядок на подконтрольных территориях, не допустить обычных в таких ситуациях необоснованных репрессий и самочинных расправ⁷³.

Если волнения на селе в значительной степени были делом рук женщин, то повстанчество было исключительно мужским занятием. Фрагментарные сведения о возрасте его активных участников свидетельствуют, что реквизиционный произвол в равной степени коснулся всего крестьянства, сгладив наметившееся в последние десятилетия существования Российской империи противостояние старшего и младшего поколений. Среди 126 активных участников повстанческого движения на Южном Урале, представших в конце февраля – начале марта 1921 г. перед выездной сессией окружного революционно-военного трибунала Приурвo Челябинского района, были представители всех возрастных групп. Их средний возраст составил 33 года, но около трети из них не перешагнули 20-летнего рубежа. Более половины находились в возрасте от 20 до 49 лет, каждому десятому повстанцу было от 50 до 59 лет, встречались и 60-ти и даже 70-летние⁷⁴.

Жестокие репрессии и, главное, разразившийся в 1921 г. голод, сломили крестьянское сопротивление. К концу 1921 г. голодное крестьянство осознало свою беспомощность перед лицом продовольственной катастрофы и покорилось судьбе. Как и другие категории населения, крестьяне во имя выживания вынуждены были прибегать к незаконным, но скрытым от посторонних глаз, моделям адаптации в неблагоприятных обстоятельствах, отказавшись от демонстративного недовольства.

Участь деревни в революционной катастрофе свидетельствует о малой эффективности традиционных форм крестьянского протеста как инструмента борьбы за существование и, в целом, демонстрирует границы возможностей сельского населения приспособиться к новым условиям.

Во время катастрофических потрясений русской революции политика не просто определяла экономику – она ввергла ее в хаос. Представляется, что не только аграрная политика большевиков не имела ничего общего с экономическим расчетом, преследуя цели политического подчинения и дисциплинирования «отсталого» крестьянства. Крестьянские реакции на вмешательство сменявших друг друга режимов в хозяйственную жизнь деревни также были далеки от хозяйственного резона политэкономии Нового времени, следуя доиндустриальным образцам и практикам «моральной экономии». В конечном счете, крестьянская экономика оказалась жертвой взаимодействия внеэкономических импульсов как извне, со стороны государственной политики, так и изнутри, из ответов крестьянства на вызовы государственных установок и практик.

Из экономической и социологической перспективы уральская деревня пережила в 1917–1922 гг. беспрецедентное разорение хозяйства и демографическую катастрофу, социальное нивелирование и атомизацию крестьянского общества. С культурно-исторической точки зрения целесообразно, по-моему, исходить из наличия ряда факторов, сформировавших особенности развития российского общества в XX в. К таким факторам, по мнению К. Мерридейл, следует отнести идеологическую одержимость власти; созданные ею политические механизмы, основанные на насилии; регулярно повторяющиеся природные и гуманитарные чрезвычайные обстоятельства; вездесущий страх, парализующий социальную солидарность, заставляющий организовывать жизнь малыми группами и порождающий социальный эгоизм⁷⁵.

Все эти факторы впервые сложились в оглушительный аккорд в годы Гражданской войны. Ввиду голодной катастрофы 1921–1922 гг., в наибольшей мере затронувшей крестьянство, можно утверждать, что оно оказалось самой многочисленной и наиболее пострадавшей группой, вынужденной реагировать на сложившиеся обстоятельства во имя выживания.

Однако крестьянство не просто реагировало на происходящее. Его реакции опирались на накопленный веками опыт выживания в чрезвычайных условиях. Практикуя жестокие и, с позиции современного наблюдателя, «варварские» способы выживания (включая оставшиеся здесь за рамками анализа всеядность и каннибализм, убийство собственных детей и вторгшихся в селение чужаков), крестьяне оставались в рамках собственной культуры. Деревня превратилась в устойчивую и «задраенную» от внешних влияний систему, жизнь была организована малыми мирами, чему способствовало, помимо прочего, нивелирование хозяйственного положения крестьян, уравнивание их в бедности.

В обстановке хаоса власти и развала экономики, нагнетания массового террора и массовой маргинализации населения крестьянские культурные «инстинкты» и образцы поведения оказались востребованными и за пределами деревни. Тем не менее, квалифицировать «окультуривание» страны в крестьянском, доиндустриальном духе как победу крестьянства в Гражданской войне можно лишь в метафорическом смысле. Сельское население вышло из нее другим – ослабленным, запуганным, осознающим свое бесправие, дезориентированным по поводу перспектив взаимоотношений с государством. Если крестьянство и можно определить «победителем», то победителем, тяжело, если не смертельно раненым.

Примечания

¹ Уральский рабочий. 1921. 5 окт.

² См.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 141.

³ См.: Лисовский Н. К. Разгром дутовщины. М., 1964. С. 5, 6; Машин М. Д. Оренбургское и Уральское казачье войско в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 12.

⁴ См.: Ниренбург Я. Л. К вопросу о соотношении классовых групп в Уральской деревне накануне Октябрьской революции / Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале (Материалы научной конференции). Свердловск, 1963. С. 146–153.

- ⁵ Оренбургское земское дело. 1917. 14 ноября.
- ⁶ См.: Радько Ф. От разрухи к индустриализации Урала / Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939. С. 112–113; История Урала. Т. 2. Пермь, 1965. С. 164.
- ⁷ ГАСО. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 507. Л. 10.
- ⁸ См.: Анучин М. В. Сельское хозяйство Вятской губернии на пороге НЭПа / История и культура Волго-Вятского края. С. 234–235.
- ⁹ ГАКО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.
- ¹⁰ Пермский кооператор. 1922. 7 окт.
- ¹¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 114. Л. 8; ЦДНИСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 491. Л. 28 об., 31 об.
- ¹² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 13–14.
- ¹³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 153. Л. 1–2.
- ¹⁴ Там же. Д. 451. Л. 4.
- ¹⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 1350. Л. 25.
- ¹⁶ Известия (Стерлитамак). 1922. 4 марта.
- ¹⁷ ЦГИА РБ. Р-101. Оп. 1. Д. 157. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Д. 51. Л. 1, 12.
- ¹⁹ Оренбургское земское дело. 1917. 26 февр.
- ²⁰ См.: Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 1. Киров, 1965. С. 285–286.
- ²¹ Подробнее см.: Григорьев А. П. Хлебная монополия 1917 г. и зауральское крестьянство / Социально-экономическое развитие Южного Урала и Зауралья в XIX и начале XX вв. Вып. 10. Челябинск, 1976. С. 68–85.
- ²² См.: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 405.
- ²³ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 329.
- ²⁴ Южный Урал. 1917. 14 ноября.
- ²⁵ Подробно о большевистской политике в деревне в период «военного коммунизма» и о крестьянской реакции на нее см.: Павлюченко С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 61–142.
- ²⁶ См.: Кобзов В. С., Государственное строительство на Урале в 1917 – 1921 гг. / В. С. Кобзов, Е. П. Сичинский. Челябинск, 1997. С. 92–93.
- ²⁷ См.: Там же. С. 100–101.
- ²⁸ См.: Долбилова Л. П. Крестьянский менталитет в первые годы Советской власти (На примере Вятской губернии) / Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы III научной конференции, посвященной 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Киров, 1995. Т. 1. С. 126–127.
- ²⁹ См.: Васьковский О. А. Урал в гражданской войне / О. А. Васьковский, Я. Л. Ниренбург, И. Ф. Плотников, Г. В. Поджидаев, А. Т. Тертышный. Свердловск, 1989. С. 273.
- ³⁰ См.: Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959. С. 261–264; Т. III. М., 1964. С. 469–472; Т. IV. М., 1968. С. 292–294.
- ³¹ Там же. Т. IV. С. 293.
- ³² См.: Метельский Н. Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919–1921 гг.) Свердловск, 1991. С. 46.
- ³³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 116. Л. 5, 6, 15.
- ³⁴ См.: Челябинская губерния в период военного коммунизма. 1918 – 1921: Сб. док. Челябинск, 1961.
- ³⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 492. Л. 1.
- ³⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 491. Л. 29 об.
- ³⁷ В 1920 г. размер разверстки для Челябинской губернии был понижен с 25 до 10,2 млн пудов, в 1921 г. губернские власти «выторговали» понижение объема продналога с 2 млн пудов до одного.
- ³⁸ Подробнее о продразверсточной практике на Урале см.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 279–289.
- ³⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 50. Л. 30.
- ⁴⁰ См.: Декреты Советской власти. Т. XIII. М., 1989. С. 245–247, 283–285.
- ⁴¹ Размеры голода и меры борьбы с ним (Материалы для агитаторов). Б. м., б. г. С. 2.
- ⁴² ЦГИА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 492. Л. 11–16; Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 33. Л. 1; Р-101. Оп. 1. Д. 14.
- ⁴³ Уральский рабочий. 1922. 13 июля.
- ⁴⁴ По справедливому замечанию М. Венера, преобладание военно-административных методов решения крестьянского вопроса в 1921–1923 гг. позволяет усомниться в корректности характеристики этого времени как начала «новой экономической политики». См.: Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat: Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921–1928. Koeln; Weimar; Wien, 1998. S. 156.
- ⁴⁵ См.: Генкина Э. Б. Переход советского государства к новой экономической политике (1921–1922). М., 1954. С. 123–124.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Грехова Н. Н. К вопросу об отличии продналога от продразверстки / История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тезисы докладов и сообщений к международной научной конференции. Киров, 18–20 октября 1994 года. Киров, 1994. Т. 1. С. 231–233.
- ⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 479. Л. 29 об.

- ⁴⁸ Подробнее о сборе продналога на Урале в 1921 г. см.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 350–357.
- ⁴⁹ Подробнее см.: Кривоногов В. В. К вопросу о продналоговой кампании в Уральской деревне летом – осенью 1921 г. (На примере Екатеринбургской губернии) / Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. С. 192–200.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.
- ⁵¹ См.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 96.
- ⁵² См.: Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat. S. 129.
- ⁵³ За рамками рассмотрения в данном случае остаются многочисленные стратегии выживания, связанные с организацией крестьянского самоуправления, регулированием внешних связей и культурой потребления.
- ⁵⁴ См.: Евдокимов Л. А. Классовая борьба в уральской деревне накануне Октябрьской социалистической революции / Классовая борьба на Урале (1917–1932 годы). Об опыте руководства партийных организаций борьбой трудящихся против буржуазии города и деревни. Свердловск, 1976. С. 11.
- ⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 18. Л. 4–6.
- ⁵⁶ Подробно о мешочничестве см.: Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг.: мешочники. СПб., 2002.
- ⁵⁷ Вятская речь. 1917. 21 янв.
- ⁵⁸ Оренбургское земское дело. 1917. 12 ноября.
- ⁵⁹ Известия (Челябинск). 1918. 15 февр.
- ⁶⁰ См.: Павлюченков С. А. Веселие Руси: революция и самогон / Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 134; Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 375–376.
- ⁶¹ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 114. Л. 31 об.; Уральский рабочий. 1922. 13 июля.
- ⁶² См.: Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century / Past and Present. 1971. P. 76–136; Bohstedt J. Moralische Oekonomie und historischer Kontext / Gailus M., Volkmann H. (Hg.) Der Kampf um das taegliche Brot: Nahrungsmangel, Versorgungspolitik und Protest 1770–1990. Berlin, 1994. S. 27–51.
- ⁶³ ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.
- ⁶⁴ ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 3. Л. 182.
- ⁶⁵ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 66; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 5; Д. 344. Л. 130, 131; Ижевская правда. 1920. 7 янв.; Уральская новь. 1922. 7 янв.; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 201.
- ⁶⁶ ГАНИОПДПО Ф. 557. Оп. 1. Д. 53. Л. 113.
- ⁶⁷ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... Т. 1. С. 227.
- ⁶⁸ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 127. Л. 71; Д. 344. Л. 1.
- ⁶⁹ Подробнее об образцах толкования современников революции и Гражданской войны на Урале см.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. С. 400–442.
- ⁷⁰ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917–1918 (Опыт военно-исторического исследования). М., 1925. С. 178.
- ⁷¹ См.: Там же. С. 188–189.
- ⁷² ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 194. Л. 1.
- ⁷³ Там же. Д. 195. Л. 141.
- ⁷⁴ Там же. Д. 197. Л. 14–17, 19–21.
- ⁷⁵ См.: Merridale C. Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Rußland. München, 2001. S. 457.

Панга Е. В.

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)

Как известно, новая экономическая политика представлялась ее разработчиками как эффективная модель хозяйственного механизма, который позволил бы выйти стране из глубочайшего тотального (экономического, политического, социального и т. д.) кризиса. Основным содержанием антикризисной, т. е. ограниченной по времени, специфической по методам, программы стало привлечение частного капитала в экономику страны, в частности в производственный сектор. Так, Декретом СНК от 17 мая 1921 г. «Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений сельскохозяйственной кооперации» восстанавливалась частная собственность на предприятиях, которые были национализированы на основе Постановления ВСНХ от 29 ноября 1920 года¹. А на основе постановления ВЦИК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» каждый гражданин мог организовать мелкое предприятие с числом рабочих от 10 до 20 человек, зарегистрировав его в местном совнархозе². Чуть позже это решение нашло отражение в Гражданском кодексе³, который давал право любому гражданину, достигшему 16 лет, открыть предприятие бытового обслуживания, магазин, кафе, ресторан и т. п.⁴ Важность этих постановлений не подлежит сомнению, так как они создавали возможность для осуществления предпринимательской деятельности в сфере производства товаров и услуг. Оправдан ли

был политический маневр большевиков с их экономическими уступками в отношении частных производителей? В силу дискуссионности вопроса однозначного ответа нет. Однако на региональном уровне, а именно на примере Саратовского Поволжья⁵, возможно конкретнее увидеть результаты и дать оценку деятельности частных производителей.

Накануне нэпа в Саратовском Поволжье в целом не работало около 80 % предприятий, как мелких, так и крупных. Остановка огромного количества предприятий привела к острой нехватке промышленных товаров первой необходимости. В частности, Саратовским губкомом ВКП (б) и руководством Немреспублики было отмечено, что ассортимент товаров чрезвычайно беден, и предметов, на которые есть массовый спрос, очень мало; особенно это касалось мануфактурных товаров⁶. С октября 1920 г. одежда и обувь рассматривались как некий вид «натурального премирования». Вещи и мануфактура выдавались по талонам, что являлось недостаточным, и, как следствие, «оборванство» было типичным явлением не только для провинциальных городов, каковым являлся Саратов, но и для столиц: Москвы и Петрограда⁷.

Частные предприятия, действовавшие в период нэпа, были далеко неоднородны, и классифицировать их по какому-то одному признаку весьма сложно. Но руководствуясь размером предприятий – его мощностью и количеством рабочих занятых в производстве, в частном секторе можно выделить: 1) мелкие, 2) ценовые (сравнительно крупные) предприятия⁸. Частные промышленные заведения составляли 98 % от общего числа заведений мелкой промышленности и 88 % всего оборота. На долю кооперации в мелкой промышленности приходилось лишь 1 % всего числа заведений и 7 % оборота⁹. По мнению В. А. Мау, та часть национальной экономики, которая теоретически должна была доказать свою эффективность, на практике уступала частному капиталу¹⁰. Последний действительно, как было зафиксировано в отчете экономического совещания Саратовской губернии за 1923 г. и в архивных материалах, по важным показателям смог даже выступить конкурентом государственного капитала. Об этом свидетельствуют документы, где отмечается сокращение оборота государственного и увеличение частного капитала, который «даже смог перегнать государственный»¹¹. Предприниматели занялись активной производственной деятельностью, примером служит следующее высказывание одного из партийно-государственных функционеров Области немцев Поволжья: «Наша местная буржуазия представляет собою в подавляющем своем большинстве кадр дельцов, которые охотно подпишут свой смертный приговор в любой момент, лишь бы они видели наживу, хотя бы и призрачную. Стоит надеть их десятком-другим пудов пряжи, и они готовы заложить, как это делают и теперь, и имущество, и жен, и детей, и подписаться под договор и условия, затягивающие им петлю на шею»¹². Речь идет прежде всего об аренде, последняя стала наиболее распространенной формой собственности являлась аренда.

В целом по стране доля предприятий арендованных частниками за 2 года, возросла незначительно: с 50 % в 1922 г. до 52,6 % в 1924 году¹³. Хотя в некоторых регионах этот показатель был намного выше. Так, в Саратовской губернии в 1922 г. нэпманами было арендовано 507 предприятия, но уже в 1923 г. эта численность увеличилась до 1318 (на 71,5 %). Количество же предприятий, взятых в аренду кооперативами, возросло за этот же период всего с 20 до 24 или на 26,3 %¹⁴. Что же касается Немреспублики, то здесь к 1925 г. из 185 мукомольных мельниц 125 находились в аренде бывших владельцев¹⁵.

Став арендаторами большого количества производственных объектов, местные предприниматели старались восстановить их, по возможности сделать рентабельными. Так в своем двухнедельном информационном бюллетене за период с 1 по 15 февраля 1922 г. Саратовское губернское ЧК сообщало полномочному представителю ВЧК, что «мелкие предприятия, сданные в аренду частным предпринимателям, продолжают работать и даже пока развиваются»¹⁶. Мелкая промышленность в условиях рыночных отношений продолжала укреплять свои позиции. Делегаты совещания президиума Саратовского губсовнархоза с уездными уполномоченными ГСНХ (август 1923) констатировали факт почти полного исчезновения «безнадежных, готовых погибнуть предприятий».

Объем валовой продукции промышленности Области немцев Поволжья только за период 1921–1923 гг. вырос более чем в 2 раза. Как считает А. А. Герман, во многом таких результатов удалось достичь благодаря деятельности частных предприятий¹⁷. По сумме изготавливаемых изделий и выполняемых работ небольшие частные заведения не уступали предприятиям, эксплуатируемым губернским совнархозом и комбинатами уездных исполкомов, что демонстрирует ниже приведенная таблица:

Таблица 1. Валовая продукция мелких предприятий Саратовской губернии за 1924–1925 гг.

Группы мелкой промышленности по форме эксплуатации	Сумма в тыс. червонных рублей	В % от итога
Государственная	958,5	2,5
Кооперативная	2365,8	6,2
Частная	34860,6	91,3
Итого:	38184,9	100,0

Таблица сост. по данным: ГАСО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 500. Л. 4.

Из таблицы видно, насколько была велика роль частного в мелком производстве. Этот факт признавало и местное руководство, одновременно подчеркивая, что все результаты были достигнуты лишь благодаря многочисленности мелких кустарно-ремесленных заведений.

В Саратовской губернии в 1924–1925 гг. уже существовало около 4 тыс. частных предприятий¹⁸. Средний оборот кустарного завода редко превышал 5 тыс. рублей в год. Процесс механизации на таких предприятиях был крайне низкий, и заведения, применяющие в производстве механический двигатель, составляли всего 14,4 %¹⁹. На таком производстве практически не применялся наемный труд, или применялся, но в очень небольшом количестве: от 1 до 12 человек²⁰. Работали на таких предприятиях, в основном сами владельцы и совладельцы (как правило, члены семьи и родственники)²¹. Как показали проведенные в 1926 г. обследования, мастерские, в которых было менее 5 наемных рабочих, составляли 84,2 %, а мастерские с 6–10 рабочими – 9,8 %²². В некоторых случаях, как например, в Саратовской губернии и Немреспублике, применение наемного труда было и того меньше: от 1 до 3 рабочих. Небольшая мощность и размер таких заведений являлись вполне закономерными.

До революции крупных предприятий в Поволжье существовало сравнительно немного: индустрия региона была представлена мелкими заведениями кустарного и полукустарного типа. Поскольку сельское хозяйство, по словам Г. И. Баскина, «всецело определяло характер и содержание всей экономической жизни края»²³, постольку развитие получили сельскохозяйственные отрасли производства: мукомольное, маслобойное, винокуренное, кожевенное и изготовление сарпинки в Немреспублике²⁴. С введением нэпа представилась возможность вновь организовать свое дело, и многие «бывшие» обратились к прежним занятиям, а, именно, к легкой и пищевой промышленности. Для этого существовали не только традиции, но и объективные условия. Во-первых, немалое значение имел опыт, накопленный предпринимателями за многие годы своей прежней деятельности. Во-вторых, предприятия были не столько разрушены, сколько заброшены, и пуск их не требовал больших капитальных затрат. В-третьих, острая потребность населения в промтоварах обещала высокую прибыль производителям. Но, главное, близость к источникам сырья позволяла поволжским нэпманам организовывать производство прямо на месте, что вело к сокращению расходов и увеличению доходности предприятий. Последнее обстоятельство являлось решающим в концентрации отдельных видов производств в узких территориальных границах. Вольский и Кузнецкий уезды лидировали по числу кожевенных заводов. Здесь находилось 70 % всех частных кожевенных заводов Саратовской губернии²⁵. По количеству частных мельниц выделялся Балашовский уезд, и, несомненно, Немреспублика²⁶. Петровский уезд, наряду с Вольским и Балашовским, были представлены предприятиями, занятыми переработкой масленичных культур²⁷.

Частная промышленность выступала конкурентом государственной с явной тенденцией вытеснить последнюю. Например, производительность частных кожевенных заводов достигла довоенного уровня 1913 г. и составляла 65 % от общего выпуска кожевенного товара губернии, превышая продуктивность государственных предприятий на 40–50 %²⁸. Частный сектор производства удовлетворял спрос и на другие виды товаров первой необходимости. Так, государственная промышленность поставляла на рынок всего 46 % масла, остальные 54 % восполняла частная промышленность²⁹.

Частниками обрабатывалось не только сырье местного происхождения, иногда оно поступало из более отдаленных рынков: Уральской области, Астраханской, Самарской и Пензенской губерний. Но, например, кожевникам и этого было недостаточно, и тогда они прибегали к услугам частного торгового капитала, благодаря которому сырье ввозилось из Баку, Ташкента, Сибири и других районов. Выпускаемые кожевными предприятиями изделия находили сбыт далеко за пределами Саратовского Поволжья. Товар реализовывался в Воронежскую и Астраханскую губернии, Донскую область, Украину. А хромовой товар базарно-карабулакских кожевников пользовался спросом даже на московском рынке³⁰. Эти данные позволяют сделать вывод о большей эффективности работы частных заведений по сравнению с государственными.

Поволжскими предпринимателями осваивались не только перерабатывающие отрасли производства. Большой интерес нэпманы проявили к пищевой промышленности (пекарни, кондитерские, колбасные) и предприятиям бытового обслуживания³¹, в рентабельности которых не стоило сомневаться.

Особенно выделялись среди частных фирм пекарни, которых к 1 января 1923 г. насчитывалось 231³². Качество хлебобулочной продукции выпускаемой частниками, было гораздо выше, чем на государственных хлебопекарнях. Об этом иронически писала местная пресса в одной из статей под названием «Пирог с начинкой»: «Было время, когда в булки запекали дрова, угли, тараканов по зимнему, мух по летнему, веревку запекают регулярно. Недаром фабрику им. Стружкина называют не хлебной, а хлебно-веревочной»³³.

С приходом нэпа возрождались специфичные производства, в частности восстановление лимонадного дела. Предприниматели вложили по тем временам небольшие деньги и сумели поставить дело на поток. Среди саратовцев напиток пользовался огромной популярностью. Каждый день в трактиры, буфеты и рестораны поставлялось до 200–300 бутылок с лимонадом³⁴.

Общественное питание являлось еще одной нишей, где частный капитал занимал прочные позиции. Множество заведений подобного рода появилось сразу же после введения нэпа: кофейни, чайные, столовые, рестораны, трактиры. Администрация Саратовского губернского исполнительного комитета пристально следила за работой указанных предприятий и устанавливала строгие правила устройства ресторанов, пивных лавок, столовых, харчевен и чайных³⁵. Частные предприниматели, стараясь по возможности выполнять предписания местной власти, выполняли свою работу на высоком уровне, что позволяло им успешно конкурировать с государственными и кооперативными учреждениями.

Главным преимуществом государственных и кооперативных организаций была дешевизна оказываемых ими услуг. Но население предпочитало пользоваться услугами частных предпринимателей и

готово было заплатить подороже, чтобы поесть или отдохнуть в комфортных условиях. Документы свидетельствуют о разнообразном ассортименте блюд в небольших торговых точках. Один из саратовских летних павильонов предлагал на выбор следующие кушанья: «Всевозможные шашлыки из барашка, телятины, говяжье филе, цыплята, разная рыба на вертеле. Пиво разных заводов, виноградные вина, всевозможные наливки Госспирта, фруктовые и минеральные воды, чай, кофе и мороженое»³⁶. Представленное меню могло удовлетворить вкусы различных клиентов. Аналогичным ассортиментом государственные предприятия похвастаться, за малым исключением, не могли.

Напманам принадлежали многие увеселительные заведения. Частники владели почти всеми заведениями «легкого жанра», такими как кабаре и рестораны, игорные дома. Вечерами до жителей доносились звуки музыки фортепиано, скрипок, виолончелей и оркестров с программой русских и цыганских романсов, возрождая традиции русских развлекательных «вокзалов», существовавших до революции в Саратове. Ведение ресторанного «бизнеса» было весьма прибыльным делом для предпринимателей. Они открывали трактиры и постоялые дворы, где постояльцами являлись приезжающие крестьяне, которые сбывали продукцию на городских рынках. Как отмечалось в документах, «на вторых этажах были и отдельные комнаты по дорогой цене для состоятельных постояльцев, а также для свиданий с проститутками»³⁷. Возникали подобного рода заведения исключительно по инициативе и с разрешения местных властей. Главным оправданием для администрации являлась материальная заинтересованность. Поступавшие налоги пополняли местный бюджет, а арендованные, ранее совершенно разрушенные помещения, восстанавливались, принимая весьма respectable вид.

Поволжские предприниматели охватили практически весь спектр бытовых услуг. Частники арендовали большинство парикмахерских и бань³⁸. Местные газеты пестрели рекламными объявлениями, предлагая такие виды услуг, как пошив и ремонт одежды, обуви и пр. На долю частных заведений, производивших потребительские товары, приходилось свыше 90 % общего объема производства страны³⁹. Рост этой группы частной промышленности, работающей на местный рынок, всецело зависел от спроса, и, обычно не отставал от него. Например, саратовским предпринимателям принадлежало 394 кожевенно-обувных мастерских; в то время как в государственном и кооперативном секторах числилось всего 16 предприятий. В швейной и обувной промышленности продукция частных составляла 70 %⁴⁰. В Саратове производство одежды в 1923 г. составило 25,76 % от выпускаемой продукции государственных предприятий⁴¹. Но уже в 1926 г. местная печать констатировала: «производство шапок и фуражек целиком, и одежды на 80 % находилось в руках частника»⁴². Такое положение было характерно не только для Саратова, но и для России в целом. К 1928 г. более 60 % одежды из шерстяных тканей производилось на мелких предприятиях⁴³. Мужские костюмы шились у портных, рубашки и женские платья – дома. Сходное положение было и в производстве кожаной обуви: на фабриках изготовлялось лишь 19 % от общего производства⁴⁴. Основная же часть изготовлялась в частных мастерских.

Частные лица успешно соперничали с государственной службой быта, нередко «отбивая» у последней клиентов более дешевым и качественным обслуживанием, о чем свидетельствует, например, заметка в газете «Саратовские известия» под заголовком «Портновская не для рабочих». Автор статьи доказывал, что «у частного портного за шитье френча берется в три раза дешевле, чем в мастерской Губкоммунотдела»⁴⁵.

Благодаря существованию различного рода частных мастерских и ателье, начиная с 1924 г., меняется внешний облик населения. Кожаная куртка как символ неустроенности быта, вынужденного аскетизма уступает место новым вещам с новым знаковым содержанием: «Остромодными стали считаться ботинки на шнуровке, лиса или песец на одном плече, недлинный каракулевый жакет – сак, маленькие надвинутые на глаза шапочки. Появились и новые прически – стрижка «буби-копф», очень короткая, четко вырисовывающая форму головы. В мужском костюме фаворитами стали ботинки «шимми» или «Джимми» и брюки «Оксфорд» – короткие до щиколотки и узкие»⁴⁶. Вопреки большевистскому культу аскетизма в одежде, молодые франты стремились иметь в своем гардеробе вещи явно «непролетарского характера». Но лишь немногие могли позволить себе европейскую роскошь из парижских модных салонов⁴⁷, и поэтому они прибегали к пошивочным услугам местных портных, шапочников, сапожников и парикмахеров.

Однако работа частных предпринимателей была сопряжена и определенными трудностями. Излишняя регламентация условий аренды, высокая арендная плата, налоги и т. д. Например, жительница Краснодара отчитывала своего родственника, защищавшего новую власть: «Вот тебе и “Власть советов”, а ты говоришь, что мне жалко буржуйских сынков, на грех они мне сдались. Горе то, что житья нет: то патент, то облигации, то уравнильный, то поимущественный и т. д., а тут еще новый квартирный налог. Да разве это все. Этому и конца нет»⁴⁸.

Кроме всего прочего, государственным организациям, в отличие от частных лиц, передавались практически целые и менее изношенные предприятия, что увеличивало их работоспособность. Некоторые частники не выдерживая конкуренции, закрывали свои предприятия. Были случаи, когда владельцы, снимая с себя всякую ответственность, просто бросали арендованные ими предприятия⁴⁹. Существенно отразился на работе частного сектора промышленности и экономический кризис 1925 г., когда часть предприятий была переведена на периодическую работу, а некоторые и вовсе закрылись⁵⁰. Процесс сокращения одних и прекращения работы других частновладельческих заведений вызвал значительный рост безработицы; снижение выпуска товаров широкого потребления, как следствие – пустые прилавки. Поэтому и центральные и местные власти были вынуждены признать, что без частного

сектора производства пока не обойтись, и попытки покончить с ним преждевременны. На это указывала периодическая печать и резолюции Пленумов ряда губернских комитетов партии.

В 1925 г. так называемая «атака» на капитал прекратилась, но все же число и обороты частных промышленных предприятий продолжали сокращаться. Не случайно уже в середине 1920-х гг. русские экономисты-эмигранты ставили вопрос о пределах нэпа, который, по их мнению, к этому времени исчерпал свои возможности: «Потенции экономического развития уперлись в вопрос о политической надстройке – власти большевиков, которая противоречила воссозданному нэпом денежно-товарному экономическому базису»⁵¹.

Местные органы управления, в том числе, и саратовский губисполком, вели борьбу с нэпманами различными способами. Губернскому финансовому отделу настоятельно рекомендовалось более тщательно выявлять обороты частной промышленности с целью обложения ее налогами в соответствии с действительными налогами⁵². Постановления Саратовского губисполкома и Саратовского горсовета по хозяйственным вопросам (октябрь-ноябрь 1926) призывали государственные и кооперативные учреждения в связи с общей банковской политикой прекратить кредитование частного сектора производства. Результат таких действий был следующий: в 1926 г. размер кредита был снижен почти в 2 раза⁵³. А требование приостановить сдачу частным лицам предприятий в аренду и пересмотреть уже существующие договоры аренды в совокупности заставила частников трансформировать методы своей работы.

Некоторым предпринимателям для продолжения своей дальнейшей деятельности приходилось объединяться в те или иные отраслевые союзы. Если в 1924 г. в Саратове, в союз «Пищевкус» было объединено 40 частных предприятий, на которых трудились 313 человек⁵⁴; то в 1926 г. число частных пищевых предприятий входящих в указанное объединение увеличилось в два раза – до 80 с количеством работающих – 350 человек⁵⁵. Такая форма работы в условиях все ужесточающейся политики делала частников менее уязвимыми и позволяла работать с меньшим риском.

Выходом из сложившейся ситуации для нэпманов стала также нелегальная форма капиталистического производства. Уже в 1922 г. легальный способ получения прибылей устраивал далеко не всех предпринимателей. Некоторые из них фиктивно ликвидировали свои промышленные заведения и раздавали работу на дом отдельным рабочим. Сдавать работу «надомнику» для частника было гораздо выгоднее, чем содержать собственную мастерскую: не нужно платить за аренду помещения, нести расходы по отоплению и освещению⁵⁶. При такой системе предпринимателю удавалось выступать и как продавцу сырья кустарям и как скупщику у них готовых изделий; при этом частное лицо облагалось гораздо меньшими налогами, чем капиталист, ведущий легальное промышленное производство. Реакция властей на такой вид предпринимательства была крайне негативной: «Кто не знает того, что нэпманы публика – изворотливая. Они выкидывают новый фортель: всех рабочих и служащих своего предприятия, разумеется, с их «согласия» они делают «хозяевами, беря на всех хозяйские патенты»⁵⁷. В 1926 г. большинство частных предприятий перекалвалифицировалось в мастерские, владельцы которых приобретали патенты I и II разрядов и, официально, не использовали наемной рабочей силы.

Нередко частный производитель старался придать своему предприятию статус кустарного заведения. Дело в том, что 5 сентября 1924 г. декрет ВЦИК и СНК «О налоговых льготах кустарям», снизил обложение городских кустарей и ремесленников, не применяющих наемного труда и полностью освободил их от налога в сельской местности. Налоговые льготы также получили промысловики, производившие дефицитные товары⁵⁸. После издания 12-го июня 1925 г. декрета о налоговых льготах (освобождение от уравнильного сбора предприятий, где отсутствует наемный труд), положение частной мелкой промышленности улучшилось, в том числе и мукомольной. За период с 1917 г. до 1922 г. рост числа частных предприятий был относительно медленным, а с 1922 г., то есть со времени введения новой экономической политики заметно увеличивается: число предприятий в 1926 г. – достигло – 349 единиц, против 156 предприятий в 1922 г. и 110 предприятий дореволюционного времени (ветряные мельницы)⁵⁹.

Декрет не давал четкого определения кустарного предприятия, чем и воспользовались многие нэпманы, посчитав гораздо более выгодным для себя перейти в разряд кустарей.

Частник пользовался различного рода государственными льготами и в том случае, когда прикрывал свое производство вывеской кооператива. Так появлялись на свет фиктивные или «лжекооперативы». Некоторые из них создавались из мелких кустарей и безработных, то есть из лиц, не имевших средств для организации производства. Фактически всеми делами таких кооперативов заправляли частные предприниматели, вложившие в производство свой капитал. Члены же кооперативов являлись по существу их наемными рабочими. Местная печать констатировала: «Под видом трудовых артелей, в которых хозяином является один или два организатора-капиталиста, частный капитал стремится скрыться, с одной стороны, от государственного налогового обложения, с другой стороны, прикрывшись артельной вывеской, ведет эксплуатацию труда»⁶⁰. В этой связи СНК СССР 31 декабря 1923 г. издал инструкцию о проверке всех промысловых объединений для выявления лжекооперативов. Но определить масштабы полуполюгальной частной промышленности не всегда представлялось возможным. Тем не менее, обилие в источниках информации, касавшейся разоблачения того или иного «лжекооператива» в определенной мере свидетельствует о значительных размерах этой промышленности.

Подобные факты имели место на протяжении всего периода новой экономической политики. В 1925 г. 58 % нецензовых промысловых кооперативов в Саратовском уезде применяли наемный труд;

свыше 47 % занятых в производстве этих кооперативов являлись наемными рабочими, которые получали обычную заработную плату. К 1925 г. в Немреспублике существовало около 12 «диких» кооперативов⁶¹. Но иногда под видом «лжекооперативов» скрывались не частновладельческие предприятия, а организации, созданные лишь для отвода глаз для выкачивания средств. Прекрасно иллюстрируют это явление страницы из «Золотого тельца», посвященные артели «Реванш», созданной подпольным миллионером Корейко. Комиссия, посетившая «передовое предприятие», увидела «жидкость, так деловито журчавшую в клистирной трубке, по цвету, вкусу и химическому содержанию напоминала обыкновенную воду, каковой в действительности и являлась». Все операции этой артели «были занесены... в тот раздел счета, который ни одним словом не упоминает о прибылях, а целиком посвящен убыткам».

В 1926 г. «Саратовские известия» сообщали о том, что «за последнее время по Саратову наблюдалось увеличение случаев сокращения рабочих-швейников на частных предприятиях и формальной ликвидации предприятий»⁶². Таким образом, предпринимателям 1920-х гг. приходилось прибегать к уловкам и различного рода ухищрениям, благодаря которым частнику удавалось не только «выжить», но даже довольно успешно работать и развиваться.

Законодательство с каждым годом эволюционировало в сторону ущемления интересов частных предпринимателей и стояло на страже социалистической собственности. В сентябре 1929 г. было принято дополнение к статье 129 Уголовного кодекса РСФСР, согласно которому организаторы частных предприятий, прикрывавшиеся кооперативными формами в целях использования льгот и преимуществ, предоставленных кооперации, преследовались по закону: лишение свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества. Даже за сотрудничество с «лжекооперативами» можно было понести уголовную ответственность⁶³. Силами рабоче-крестьянской инспекции, финансовых органов, ОГПУ, милиции, печати и профсоюзов был устроен настоящий «поход» против нелегальной промышленности. За короткий срок были ликвидированы сотни «лжекооперативов», организаторы которых предстали перед судом. По свидетельству А. Обросова, «...золотые годы нэпа подходили к концу. В конце 27-го, в 28-м и наиболее сильно в 29 и 30 годах гонения, все усиливаясь, приняли репрессивную форму, и редкий нэпман не видел в перспективе тюрьму и Соловки с конфискацией всего имущества»⁶⁴.

Но, достаточно высокая мобильность нэпманов, связанных с небольшим производством, позволила им долгое время сохранять устойчивые позиции. В мелкой промышленности частный капитал вместе с мелким ремесленником и кустарем в 1926–1927 гг. по стоимости валовой продукции занимал 85,6 %⁶⁵. Вместе с тем со второй половины 1920-х гг., когда политика вытеснения частного капитала с помощью административных мер становится преобладающей, шансов остаться незамеченными оставалось все меньше и меньше.

Вопрос о доле частной промышленности в общем промышленном балансе Саратовского Поволжья остается спорным. Во-вторых, нужно сопоставлять цифры различных источников, учитывая, что официальные отчеты всегда приукрашивали действительность. Так, в одном из номеров «Нижнего Поволжья» указывалось следующее: «К началу 1926/27 г. государственными предприятиями производилась львиная доля товаров, составляя 90,8 % всего выпуска губернской продукции»⁶⁶. Безусловно, эта картина лакировала существующие реалии и выдавала желаемое за действительность. Об этом свидетельствуют решения местных партийных органов.

2–5 марта 1927 г. на Пленуме Саратовского губернского комитета ВКП (б) вопрос о частном капитале в промышленности продолжал оставаться одним из главных. В докладе отмечалось, что в условиях рыночной конъюнктуры на почве недостатка товаров, некоторые отрасли частного производства имели тенденцию к росту⁶⁷. Была принята резолюция об ограничении роста и снижении удельного веса тех отраслей частной промышленности, которые конкурируют с государственной и кооперативной⁶⁸. Для этой цели предполагалось следующее: «а) вести линию на сокращение кредитования частной мукомольной, маслостроительной и кожевенной промышленности, одновременно связывая частника обязательствами сбывать продукцию через государственно – кооперативный розничный торговый аппарат; б) прекратить со стороны государственных и кооперативных организаций переработку сырья на частных предприятиях; в) ограничить заготовки сырья через частных лиц»⁶⁹. Местные партийные органы требовали от местной администрации ускорить работу по пересмотру арендных договоров и изъятию предприятий, которые могли бы эксплуатироваться государством⁷⁰.

Все эти меры, наряду с наращиванием материальных предпосылок в общесоюзном масштабе для вытеснения частной промышленности, резко отразились на ее состоянии. По выражению А. Обросова, «в 1927–1928 гг. кувалда социалистической формы хозяйствования с ее непомерным и все убивающим централизмом уже была занесена и финансовый пресс давил все сильнее и сильнее, сводя на нет все усилия собственников и предпринимателей»⁷¹. К 1927 г. доля государственной и кооперативной промышленности составила 83,7% всей продукции производимой в стране. Доля частной продукции определялась в 16%, а в 1927–1928 гг. равнялась 12,7 %⁷² и 17,6 % по стране⁷³. Уменьшились суммы оборотов частного капитала. Если на 1 января 1923 г. оборотный капитал составлял свыше 5 миллионов рублей⁷⁴, то к 1927/28 г. он составил лишь 17,31 % от этой суммы.

В целом, подводя итог, необходимо отметить огромное значение и роль частного сектора производства в экономике Саратовского Поволжья в годы нэпа. Частники воспользовались предоставленной возможностью заняться собственным делом. Благодаря их деятельности восстанавливались разрушенные предприятия, появлялись новые виды производств, что безусловно, положительным образом сказалось на экономике Саратовского Поволжья, и позволило государству инвестировать основные

средства в крупную, по своему характеру государственную, промышленность. Кроме того, насыщение рынка товарами первой необходимости (в большинстве своем выпускаемых небольшими частными предприятиями), и предоставление рабочих мест решало и такую важную проблему, как проблему социальной напряженности в регионе.

Примечания

- ¹ Сборник Указаний и Распоряжений Рабочего и крестьянского правительства (далее СУ). 1921. № 48. Ст. 240.
- ² См.: Карр Э. История Советской России. М., 1990. С. 634.
- ³ 31 октября 1922 г. на IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного комитета принимается Гражданский Кодекс РСФСР, в котором было детально зафиксировано имущественно-правовое положение буржуазных элементов. Обозначенный кодекс охватил все имущественные права, изложенные ранее в декрете ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР».
- ⁴ См.: История России XX век / под ред. А. Н. Боханова, М. М. Горинова, В. П. Дмитренко. М., 1997. С. 228.
- ⁵ Территориальные рамки ограничены Саратовским Поволжьем, куда вошли две территориальные единицы: Саратовская губерния и Область немцев Поволжья. Это обусловлено близостью территорий, сходством природно-географических условий, что отразилось на общности социально-экономических процессов.
- ⁶ Вестник Саратовского Губкома РКП. 1922. № 21, 15 июля.
- ⁷ См.: Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 52.
- ⁸ К цензовой промышленности относились промышленные заведения, подлежащие наблюдению текущей промышленной статистике, а именно: все предприятия, имеющие не менее 16 рабочих при двигателе, или не менее 30 рабочих без двигателя. Независимо от числа рабочих к цензовой промышленности относились также: мукомольные мельницы, имеющие не менее 5 помольных единиц, кожевенные заводы – не менее 10 дубильных чанов, все горнозаводские предприятия и все предприятия, обложенные акцизом.
- ⁹ См.: Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 338. Оп. 1. Д. 500. Л. 6; Там же. Д. 503. Л. 3. об.
- ¹⁰ См.: Неретина Л. А. Соотношение политики и экономики. Завершающая стадия нэпа // Отечественная история. 1996. № 2. С. 209.
- ¹¹ Отчет губернского экономического совещания (далее ЭКОСО). 1923. С. 6.
- ¹² См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть I. Автономная область. 1918–1924. Саратов, 1992. С. 153.
- ¹³ См.: Орлов И. Б. Восстановление промышленности // Россия нэповская. М., 2002. С. 121.
- ¹⁴ См.: Отчет ЭКОСО в период с 1 октября 1922 г. по 1 апреля 1923 г. С. 6, 51; Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1923. С. 145–146.
- ¹⁵ Бюллетень Статистического Управления Республики Немцев Поволжья. Покровск, 1925. С. 131.
- ¹⁶ Цит по: Гуменюк А. А. Переход к нэпу в саратовской губернии: социально-экономические и политические процессы (1921–1923 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. С. 168.
- ¹⁷ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 1. С. 153.
- ¹⁸ См.: Шарошкин Н. А. Промышленность и рабочие в 1920-е гг. Пенза, 1997. С. 59.
- ¹⁹ Так, мельницы без механических двигателей – конные, ветряные и водяные – составляли до 78 % всего количества предприятий. См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 54. Л. 21; Новинский В. К. Указ. соч. С. 20.
- ²⁰ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 347. Оп. 7. Д. 715. Л. 8; Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2272. Л. 48.
- ²¹ См.: Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 110.
- ²² См.: Контрольные цифры народного хозяйства СССР за 1927/1928 год. М., 1928. С. 367.
- ²³ Баскин Г. И. Состояние производительных сил и тенденции их развития в разных отраслях народного хозяйства Самарской губернии. Самара, 1925. С. 14.
- ²⁴ См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1303. Л. 2, 4, 19.
- ²⁵ Там же. Д. 500. Л. 34.
- ²⁶ Там же. Л. 11; Серебряков Ф. С. Немецкая коммуна на Волге и возрождение юго-востока России. М., 1922. С. 21, 22.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 503. Л. 7; См.: Отчет ЭКОСО. 1923. С. 73.
- ²⁸ Ограниченный выпуск масла госпромышленностью на рынок был связан тем, что общегосударственные обязательства Маслотреста по снабжению своей продукцией в потребляющих районов, а также снабжение (жировой) мыловаренной промышленности, приводили к тому, что продукция маслозаводов уездных комбинатов преимущественно вывозилась за пределы губернии. И частная промышленность была преобладающим звеном в снабжении маслом, особенно сельского рынка. См.: ГАСО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 36. Л. 42; Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1923. С. 87; Ларин И. Частная кожевенная промышленность Саратовской губернии. Саратов, 1927. С. 85.

- ²⁹ См.: ГАСО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 500. Л. 19.
- ³⁰ Там же. Л. 37.
- ³¹ См.: Киреев М. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Саратовского округа // «Нижнее Поволжье». 1928. № 11. С. 98; ГАСО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 500. Л. 2.
- ³² См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 123. Л. 5.
- ³³ Клещи. 1926. № 3. С. 5.
- ³⁴ См.: Семенов В. Как «ушли» саратовский нэп / В. Семенов, Н. Семенов // Волга. 1994. № 3–4. С. 168.
- ³⁵ См.: Административная жизнь. 1925. № 3. С. 219.
- ³⁶ Семенов В., Семенов Н. Как «ушли» саратовский нэп // Волга. 1994. С. 166.
- ³⁷ Семенов В.Н. Как ушли Саратовский НЭП / В. Н. Семенов, Н. Н. Семенов. Саратов, 1995. С. 336.
- ³⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 51. Л. 41. 1921 г.
- ³⁹ См.: Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927. С. 143.
- ⁴⁰ Там же. С. 129, 143.
- ⁴¹ Статистический сборник по Саратовской губернии. 1924. С. 87.
- ⁴² Саратовские известия. 1926. 17 августа.
- ⁴³ См.: Дэвис Р. У. От царизма к нэпу // Вопросы истории. 1992. № 8-9 Гатрелл П.. С. 46.
- ⁴⁴ Там же. С. 46.
- ⁴⁵ Саратовские известия. 1924. 16 января.
- ⁴⁶ Измозик В. С. Нэп: уточненная хронология (историко-антропологический контекст) Н. Б. Лебина, В. С. Измозик // Россия в XX веке. СПб., 2005. С. 74.
- ⁴⁷ Об этом пишет М. Булгаков в «Зойкиной квартире», когда хозяйка квартиры соблазняет свою клиентку «ослепительной гаммой вечерних парижских туалетов»: «Мне приятно показать вам, ведь эти нэпманши хуже кухарок». См. Булгаков М. Собр. соч. : в 8 т. СПб., 2002. Т. 7. С. 44.
- ⁴⁸ Лебина Н. «Онэпивание». Маленький человек в эпоху больших реформ / Н. Лебина, О. Белоцкая // Родина. 2001. № 6. С. 64.
- ⁴⁹ См.: ГАСО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 1. Л. 186–186 об.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 521. Оп. 4. Д. 121. Л. 22.
- ⁵¹ Цит. по: Быстрова И. В. Государство и экономика в 20-е годы : борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. С. 23.
- ⁵² См.: Обзоры. Сводка важнейших постановлений Саратовского Губисполкома и Саратовского горсовета по хозяйственным вопросам за октябрь-ноябрь 1926 года // Нижнее Поволжье. 1926. № 10–12. С. 182–184.
- ⁵³ См.: ГАСО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 500. Л. 13.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 666. Оп. 8. Д. 14. Л. 176.
- ⁵⁵ См.: Саратовские известия. 1926. 21 июля.
- ⁵⁶ Там же. 28 июля.
- ⁵⁷ Виноградов С. В. Частнокапиталистический уклад в промышленности в годы нэпа: (На материалах Поволжья) // Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000. С. 105.
- ⁵⁸ См.: Шарошкин Н. А. Указ. соч. С. 57.
- ⁵⁹ См.: ГАСО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 500. Л. 13.
- ⁶⁰ Саратовские известия. 1924. 23 августа.
- ⁶¹ См.: Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее ГИАНП). Ф. 848. Оп. 1. Д. 393. Л. 9.
- ⁶² Саратовские известия. 1926. 3 ноября.
- ⁶³ См.: Демчик Е. Частный капитал города в 1920-е гг. : от возрождения к ликвидации (На материалах Сибири) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999. 40 с.
- ⁶⁴ Обросов А. В ложе совнаркома // Родина. 1991. № 10. С. 115.
- ⁶⁵ См.: Контрольные цифры народного хозяйства Саратовской губернии на 1927–28 год // Нижнее Поволжье. 1927. № 11. С. 48; ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1323. Л. 3.
- ⁶⁶ Промышленность Саратовской губернии // «Нижнее Поволжье». 1927. № 9. С. 53.
- ⁶⁷ См.: Саратовские известия. 1927. 16 марта.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ См.: Саратовские известия. 1927. 16 марта.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Обросов А. Указ. соч. С. 114.
- ⁷² См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1337. Л. 9.
- ⁷³ Касьяненко В. И. НЭП и акционерное предпринимательство в СССР. М., 1991. С. 3.
- ⁷⁴ Саратовские известия. 1925. 27 мая.

Пасс А. А.

РЕЗЕРВНО-РЕСУРСНЫЕ ФУНКЦИИ КООПЕРАТИВНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВЕТСКОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ 1941 – 1945 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, номер проекта 08-01-85117а/У

Нападение Германии на СССР потребовало скорейшей мобилизации всех сил и средств, включая кооперативную промышленность. Основная программа действий по превращению страны в единый боевой лагерь была изложена в Директиве СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 г. Перед партийными и советскими органами ставилась задача сплотить весь народ для поддержки Красной Армии, для победы.

Трудности, порожденные войной, серьезно осложнили материальное и техническое обеспечение уральских кооперативов. Кое-где это усугублялось поспешными и не до конца продуманными действиями руководителей. В Удмуртской АССР бюро обкома и СНК республики настояли на переводе республиканского леспромсоюза из Ижевска в село Кыйлуд Нылгинского района, а металлопромсоюза – в деревню Таркан. В обоих населенных пунктах отсутствовали транспорт и связь¹. В Чкалове крупнейшая артель, производившая 90 % кооперативных металлоизделий, была выселена на улицу, у нее отобрали 1600 м² площади². В Башкирской АССР из системы изъяли и передали Наркомату легкой промышленности 2 кожевенных завода, которые поставляли кожу всем кооперативам автономной республики³. А всего по РСФСР только за первый год войны по постановлениям местных Советов из промысловой кооперации было переведено в госсектор свыше 140 предприятий с годовой программой в 600 млн руб.⁴ Этими актами облпромсоветы лишались промфонда, опытных кадров, денежных поступлений. Утвержденные ранее планы не снижались, и, чтобы их выполнить, кооператорам приходилось трудиться со сверхнапряжением.

Обращение в высшие инстанции с просьбой остановить конфискации понимания не встретило. Заместитель председателя СНК СССР, член ГКО А. И. Микоян в беседе с уполномоченными Управления промкооперации в августе 1941 г. сказал, что, по его мнению, местные власти поступают правильно, так как функция областных кустарно-промысловых советов в том и состоит, чтобы подготовить перерастание артелей в государственные предприятия. Он рекомендовал строить новые цеха и мастерские, расширять имеющиеся мощности⁵. Кооператорам ничего не оставалось, как только последовать этому совету. Курганские кооперативы в 1943 г. из чистой прибыли 3707,7 тыс. руб. на производственные нужды израсходовали 2832,9 тыс., т. е. 76,4 %⁶. Это означало, что 3 рубля из каждых 4-х заработанных реинвестировались.

Лишение кооператоров собственности существенно снижало производственные возможности системы. К тому же с началом войны отработанный порядок поступления сырья нарушился. Поставки по фондам практически прекратились. Даже отходы госпромышленности скрупулезно учитывались и получить их было непросто. Того, что правдами и неправдами удавалось раздобыть самим, не хватало для удовлетворения потребностей.

Наращение производственных конфликтов на этой почве оказалось за гранью терпения свердловских кооператоров, которые вообще убрали снабженческие органы из структуры отраслевых союзов, все артели переименовали в заводы и упразднили кооперативное членство. Выражая таким способом свое недовольство и отчаяние, они надеялись, что государство не допустит закрытия предприятий и примет их на свой баланс. Управление промкооперации при СНК РСФСР осудило эти действия и указало на недопонимание руководителями свердловского облпромсовета сути промысловой кооперации. Превратив членов артелей в наемных рабочих, они тем самым лишили кооперативы дополнительных оборотных средств за счет паевых взносов. Управление потребовало отменить необоснованное распоряжение, восстановить отделы снабжения в союзах и не допускать впредь перекладывания на исполкомы прямых обязанностей облпромсоветов⁷.

Партийные комитеты в свою очередь запретили промысловой кооперации и кооперации инвалидов производить слияние, ликвидацию и иные внутрисистемные реорганизации без разрешения обкома ВКП (б) и областного Совета⁸. Опасаясь падения производства и роспуска кооперативных товариществ, Совнарком Башкирской АССР возвратил артелям принадлежавшие им помещения⁹. По-видимому, местные власти осознали нецелесообразность тотального поглощения небольших предприятий ввиду того, что организация там внешнего управления и контроля в условиях войны требовала неадекватных затрат времени и средств. Остановка артелей также была невыгодна в экономическом и социальном планах. Поэтому с кооператорами стали считаться и даже оказывать им поддержку.

Между тем набирал обороты процесс перевода артелей на военное производство. Специфические особенности промысловой кооперации – разветвленная сеть, большое количество отраслей хозяйства, простота технологии и главное, возможность обойтись без ощутимых государственных вложений – в сумме обусловили скорое освоение сложных военных изделий. К традиционной номенклатуре, изготавливаемой в артелях – санитарно-обозному имуществу, шанцевому инструменту и обмундированию добавились мины, гранаты, артиллерийские снаряды, походные кухни и т. д. По двум объединениям: облпромсовету и кооперации инвалидов Молотовской области – уже осенью 1941 г. оборонные заказы

выполняли 226 кооперативов из 300¹⁰. И если в июле 1941 г. местная и кооперативная промышленность этой области поставляла в армию всего 3 вида спецпродукции, то к декабрю – 40¹¹.

Для того, чтобы детально проанализировать сложившуюся обстановку, наметить пути преодоления имеющихся трудностей и создать оптимальный режим функционирования предприятий, осенью 1941 г. в некоторых уральских областях состоялись пленумы обкомов партии, где, в частности, шел разговор о кооперативной промышленности. Было высказано мнение, что на промкооперацию надо смотреть как на хозяйственную структуру государственного значения. Отмечалось, что в это суровое время райкомы должны показать себя умелыми организаторами, не только давать директивы артелям, но и непосредственно курировать их работу¹².

Однако реализация намеченных мероприятий не всегда протекала гладко. Например, в Кыштым (Челябинская обл.) осенью 1941 г. прибыла вместе с оборудованием и материалами эвакуированная из Киева артель «Объединенный металлист». Предполагалось, что 50 человек персонала к октябрю выпустят 15 тыс. снарядов. Однако к 5 ноября ввели в строй лишь несколько станков. Оказалось, что начальник Тайгинстроя Горбачевский не выполнил распоряжения райисполкома о выделении кооперативу 5 каменщиков и 8 т цемента для фундамента под пресс. Председатель горисполкома Мыларшиков передал артели автомашину и 20 лошадей, но полученный автомобиль нуждался в капитальном ремонте, а лошадей через 4 дня он потребовал вернуть. Облпромсовет никакого участия в судьбе кооператоров не принял, не создал им бытовых условий. Проявил равнодушие и райком партии, который даже не интересовался, есть ли в артели партийная организация, да и коммунисты-кооператоры ни разу не обращались к нему за содействием. После того, как ситуация стала известна в обкоме, в «Объединенном металлисте» сразу разрешились транспортные затруднения, была дана команда механическому заводу обеспечить кооператив литьем. За сентябрь-октябрь в артель приняли свыше 100 новых рабочих, преимущественно молодежь и женщин. На предприятии организовали столовую и медпункт¹³.

Напротив, чкаловские власти оперативно отреагировали на прибытие в город товарищества «Красный штамповщик» из Киева. Его обустроили в помещениях электростанции, лесосплава, а часть мощностей разместили даже в павильонах базара в Кувандыке. За годы войны коллектив предприятия выпустил более 2,3 млн ручных гранат различных типов¹⁴.

Иногда командиры соединений, опережая соответствующие ведомства, выходили на прямые контакты с артелями. Их вынуждала к этому острая нехватка зимнего обмундирования в первый период войны. Вот свидетельство ветерана Великой Отечественной войны Ф. П. Дубровина из Каменск-Уральска Свердловской области: «Не могу вспоминать, как мы в шинелях, без валенок, в ботинках с обмотками, многие без шапок, в пилотках, бороздили брюхом снег под Москвой. Фуфайки мало у кого были, про полушубки и говорить нечего. А мороз под сорок градусов.... Со своих мертвых солдат снимали, что подорожей из обмундирования...»¹⁵ Критическое положение с теплыми вещами заставило командование Северо-Западного фронта в сентябре 1942 г. обратиться к руководству промсовета БАССР с просьбой изготовить шапки, полушубки, телогрейки¹⁶.

Разумеется, не маленькие кустарные артели определяли боеспособность армии. Но их посильная лепта тоже помогала крушить врага. Взять хотя бы столь мирные предметы как лопата или киркомотыга. Предприятия Челябинского областного кооперативного металлосоюза в 1944 г. изготовили их соответственно 47,3 тыс. и 10 тыс. штук¹⁷. А вот признание советского офицера, участника Сталинградской битвы Виктора Некрасова, написавшего о войне один из самых проникновенных романов «В окопах Сталинграда»: «Киркомотыга... Не было в Сталинграде ничего более ценного, чем она. Ни автомат, ни диск, ни патроны, не даже ушанка, валенки или заячьи рукавицы, а именно они – лопата, топор и киркомотыга – бесхитростное счастье сапера. Их воровали друг у друга, за ними охотились, хранили как нечто самое дорогое». Некрасов рассказал случай, когда молодого, необстрелянного бойца из пополнения, потерявшего киркомотыгу, так распек командир, что тот в отчаянии пошел на Волгу топить и его едва вытащили¹⁸.

Кооператоры понимали, что их продукция нужна, и старались, как могли, чтобы увеличить поставки фронту. Коллектив артели «Кожобувь» (Челябинск) бесплатно передал Уральскому Добровольческому танковому корпусу 1000 пар полусапог и 3000 брючных ремней. Подарок оценивался суммой в 91 тыс. руб. Рапорт об этом председатель кооператива Злотников и парторг Воробьева направили в обком ВКП (б)¹⁹. Предприятия промысловой кооперации и местной промышленности Молотовской области за 4 месяца войны изготовили сверх плана различных изделий для армейских частей, формирующихся в Молотове, на 6 млн руб.²⁰ В 1943 г. областной промысловый совет БАССР сдал в фонд Главного Командования Красной Армии предметов обмундирования и снаряжения дополнительно на 4 млн. руб.²¹ Вносились и денежные пожертвования. Сарапульская артель «Гарантия» (УАССР) перечислила на строительство самолетов 31 тыс. руб., увинский кооператив «Кустарь» на танки – 24 тыс. руб.²² Общая сумма поступлений в фонд обороны от удмуртских кооператоров составила 512679 руб. Они получили благодарность Верховного Главнокомандующего²³.

Артели, загруженные военными заказами, работали по 20 часов в сутки, в две смены. На производство оборонной продукции переключались кооперативы сугубо гражданского профиля. Опахевская камнерезная артель (Молотовская обл.) в большом количестве вырабатывала хирургический гипс²⁴. Товарищество художников изготавливало макеты противовоздушной маскировки секретных объектов²⁵. Газета «Искра», орган Кунгурского РК ВКП (б) и райсовета, 1 мая 1944 г. сообщала, что расположенная в районе фаянсовая артель, до войны выпускавшая облицовочную плитку, стала делать гиль-

зы, трубки для гранат, госпитальную посуду. Добиваясь максимальной отдачи от каждого кооператива, большевистская партия следовала указанию В. И. Ленина, который в годы гражданской войны писал, что в России есть много производственных возможностей, упускаемых вследствие волокиты, канцелярщины, безрукости, и настаивал на их использовании для нужд армии²⁶.

Но продуктивность промысловой кооперации в свою очередь зависела от наличия в системе необходимых трудовых ресурсов. Мобилизация людей в войска и на государственные предприятия необычайно обострила кадровую проблему. За июль – август 1941 г. только из Челябинского облпромсовета выбыло 4029 человек – это почти каждый пятый²⁷. За аналогичный период времени кооперация Свердловской области лишилась 40 % лучших специалистов²⁸. Некоторые артели закрывались из-за отсутствия рабочей силы. Для спасения низовой сети надо было предпринимать срочные меры. Руководители кооперативных союзов советовали председателям кооперативов удлинить рабочий день, переводить младший обслуживающий персонал на производство, практиковать совместительство, энергичнее проводить кооперирование за счет третьих членов семей и домохозяек, а также досрочно присваивать квалификационные разряды ученикам и активнее развивать курсовое, бригадное и индивидуальное обучение.

Нормальному функционированию кооперативов препятствовало постоянное отвлечение их рабочей силы на торфо- и лесоразработки, снегоборьбу и т. д. Обкомы ВКП (б) неоднократно запрещали райкомам и райисполкомам брать людей из артелей, но они обходили этот запрет, заставляя председателей кооперативов под угрозой исключения из партии и отдачи под суд принимать к исполнению также и их разнарядки. Особенно злоупотреблял этим Ленинский райком Свердловска, где секретарем по кадрам был Самченко. Доходило до того, что в отдельные дни в артели «Горшвейкоопром», ремонтирующей обмундирование для Красной Армии, из списочного состава в 120 человек на своих рабочих местах находилось 35²⁹.

В целях наведения порядка в кадровом обеспечении предприятий местного подчинения обкомы обратились к областным Советам с предложением разработать систему мер по увеличению численности персонала артелей и райпромкомбинатов. В январе 1942 г. исполком Молотовского облсовета принял план подготовки через курсовую сеть, бригадное и индивидуальное ученичество 8 тыс. специалистов для местной промышленности и промкооперации³⁰. Реально удалось обучить большее количество людей. Только на предприятиях Молотовского областного промыслового совета к началу 1943 г. квалификацию получили 3299 человек вместо 2850, как предполагалось³¹.

Но хорошо налаженная учебная база еще не гарантировала закрепления рабочих в кооперативах. А. И. Митин, уполномоченный Управления промкооперации по Свердловску, выступая в октябре 1944 г. на сессии горсовета, довел до депутатов неутешительные данные: из 5610 юношей и девушек, которые за последние 2 года получили профессии, остались в артелях около половины³². Молодые люди, обретая необходимые знания, умения и навыки в промкооперации, уходили затем на государственные предприятия в поисках более престижной работы, высокого заработка и лучших социальных условий.

Нехватку рабочих рук пытались возместить за счет рационализаторства и изобретательства. В мирное время отношение к ним в кооперативах было скептическое: удачное нововведение влекло за собой снижение расценок и увеличение норм выработки. Вместе с тем, сказывался стереотип – раз промышленность кустарная, то и оснащение должно быть примитивное, дедовское, кустари так кустари. Для осуществления сложных технических операций полуфабрикаты направлялись на кооперативные предприятия Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону. Теперь же приходилось надеяться исключительно на собственные силы.

Уральцы показали, что творческая мысль и смекалка им не чужды. В артели «Коопремонт» (Березов, Свердловская обл.) для раскроя солдатских ремней приспособили швейную машинку. Выработка достигла 500 %³³. В декабре 1942 г. слесарь Злобин из кооператива «Штамп» (Челябинск) изготовил устройство для резки детали корпуса ручной гранаты. В результате высвободилась 1 штатная единица, а производительность поднялась в 5 раз. Он же придумал механизм, который заменил 2 прессы. К стыду местной парторганизации, принявшей, между прочим, специальное постановление о поощрении изобретателей, Злобин никакого вознаграждения не получил³⁴. Кузнец артели «Вьюхинская» (Свердловская обл.) А. В. Овчинников усовершенствовал горн и время нагрева сократилось с 6 до полутора минут³⁵.

Рацпредложения приносили значительную выгоду. В 1943 г. по Свердловскому обллесхимсоюзу эффект от их внедрения составил 100 тыс. руб.³⁶. Передовой опыт популяризировался на различных слетах и совещаниях, известные новаторы заносились на областную доску почета, о них рассказывалось в печати. В годы Великой Отечественной войны движение рационализаторов в промкооперации стало массовым.

Чтобы по достоинству оценить самоотверженность и трудовой героизм кооператоров в деле обеспечения Красной Армии всем необходимым, надо принять во внимание, что заказы оборонных ведомств не только не приносили прибыли, но были убыточны. Ручная граната РГД-42, на освоение которой затрачивалась масса сил и средств, стоила 24 руб., граната Ф-1 – 10 руб.³⁷ Пошив офицерского полушубка в 1941 г. оценивался в 15 руб., столько же – катка пары армейских валенок. А по смете Чкаловского облпромсовета, в которой учитывалась только себестоимость работы без налога с оборота и процента рентабельности, они обходились в 26,8 руб. и 24,84 руб.³⁸ Для сравнения отметим, что в то время на

уральских рынках новые валенки кустарной выделки продавались за 700 руб., на них можно было менять 5 пудов ржаной муки³⁹. Порой военные не расплачивались вовсе. Южно-Уральский военный округ задолжал товариществу «им. Осипенко» 31700 руб. и оно отказывалось принимать новые заявки от Юж.-УралВО⁴⁰. Артель «Кооперативный труд» изготовила и 14 декабря 1941 г. сдала на склад НКО солдатское нательное белье на сумму 23732 руб. Однако и спустя год она не получила причитающиеся деньги⁴¹.

Но иногда армейские интенданты с пониманием относились к нуждам кооператоров, видели в них равноправных партнеров. В договоре между шадринским «Тружеником» (Челябинская, ныне Курганская обл.) и представителем Главного военно-инженерного управления Красной Армии имелось положение, по которому цена на изделие определялась по калькуляции артели при изготовлении контрольной партии в 100 штук⁴².

В начале 1942 г. Управление промкооперации при СНК РСФСР установило цены на спецпродукцию, вырабатываемую в системе, на основе прошлых годовых отчетных данных. Учитывались: стоимость сырья, средняя норма его расхода, заготовительные издержки в размере 1 %, обработка, цена производства в фабрично-заводских условиях, коммерческие расходы (2 %), прибыль (3 %). Прибавлялась стоимость тары и упаковки и получался итог. Ряд предметов оценивался, исходя из прейскуранта, утвержденного Экономическим Советом Совнаркома СССР 4 октября 1940 г. Однако, вне рыночных потребителям, каковым являлся и Наркомат обороны, полагалась скидка в 10 %. СНК СССР 10 мая 1942 г. ввел в действие единый тариф отпускных цен на предметы людского снаряжения и обмундирования, выпускаемые местной промышленностью и промысловой кооперацией для НКВД, НКО, воздушного и морского флота. Но и его применение не создавало у кооператоров достаточной материальной заинтересованности.

Изложенный материал позволяет заключить, что, кооперативные предприятия в 1941–1945 гг. являлись значимым компонентом военно-промышленного комплекса региона. Вместе с тем, очевидно, что стратегической программы по переводу промысловой кооперации на производство оборонной продукции ни в центре, ни на местах не имелось. К промкооперативной системе власти относились как к доступному и восполняемому резервуару, из которого можно черпать дополнительные ресурсы для снабжения армии. Значительная часть прибыли у кооператоров изымалась и перераспределялась на военные нужды. Сырье, оборудование, кадровое пополнение предоставлялось им в последнюю очередь. В кооперации видели не столько самостоятельный хозяйствующий субъект, способный повлиять на решение ряда социальных проблем, сколько средство для усиления общего мобилизационного напора в экономике воюющего государства.

Примечания

¹ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945. Ижевск, 1995. С. 38, 39.

² ГАОО. Ф. 1010. Оп. 3. Д. 122. Л. 11.

³ ЦГИАРБ. Ф. 815. Оп. 2. Д. 72. Л. 96.

⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 43. Д. 1186. Л. 132.

⁵ Янгиров М. Я. Нас воспитала Советская Родина. Уфа, 1981. С. 103, 104.

⁶ ГАКО. Ф. 879. Оп. 3. Д. 53. Л. 23.

⁷ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 13.

⁸ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 40. Л. 139.

⁹ ЦГИАРБ. Ф. 815. Оп. 2. Д. 78. Л. 15.

¹⁰ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 67. Л. 162; ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 107. Л. 16, 17.

¹¹ Агафонов А. И. Партийное руководство Советов Западного Урала реорганизацией местной промышленности 1941–1945 // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1973. Вып. 2. С. 102.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 6. Л. 132.

¹³ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 4. Д. 352. Л. 24–26.

¹⁴ См.: Футорянский Л. И. Оренбуржье – великой Победе (К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне) Оренбург, 1994. С. 12; Хвостова Г. И. Трудовой подвиг оренбуржцев в годы Великой Отечественной войны // Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. Часть 2 / Материалы международной научной конференции 16–19 октября 1997 г. Санкт-Петербург, 1997. С. 27.

¹⁵ Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Курган, 1994. С. 32.

¹⁶ ЦГИАРБ. Ф. 815. Оп. 4. Д. 7. Л. 43, 44.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

¹⁸ Некрасов В. Праздник, который всегда и со мной... // Знамя. 1990. № 5. С. 24–26.

¹⁹ ОГАЧО. ПФ. 120. Оп. 1. Д. 127. Л. 4.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 67. Л. 163.

²¹ Красная Башкирия. 1943. 24 декабря.

²² Урал ковал победу. Челябинск, 1993. С. 307, 310.

²³ Удмуртия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : сб. док-тов. Ижевск, 1974. С. 229, 230.

²⁴ Лялицкая С. Молотовские камнерезы. М., 1955. С. 32.

²⁵ Звезда. 1942. 4 января.

²⁶ Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным! // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 49, 50.

- ²⁷ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 4. Д. 350. Л. 102.
²⁸ ГАСО. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 37. Л. 55.
²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 198. Л. 146.
³⁰ Агафонов А. И. Партийное руководство Советами Перми в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Учен. зап. Пермского ун-та. Пермь, 1974. Вып. 340. С. 94.
³¹ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1906. Л. 60.
³² Уральский рабочий. 1944. 28 октября.
³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 198. Л. 46.
³⁴ ОГАЧО. ПФ. 92. Оп. 5. Д. 174. Л. 13.
³⁵ Уральский рабочий. 1942. 26 сентября.
³⁶ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 384. Л. 29.
³⁷ Подсчитано по: ЦГИАРБ. Ф. 815. Оп. 4. Д. 10. Л. 6.
³⁸ ЦДННН. Ф. 371. Оп. 5. Д. 425. Л. 70.
³⁹ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 6. Д. 360. Л. 16, 17.
⁴⁰ ЦДННН. Ф. 371. Оп. 7. Д. 964. Л. 79.
⁴¹ ОГАЧО. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 66. Л. 55.
⁴² ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 4. Д. 20. Л. 16.

Роднов М. И.

ГОРНОЗАВОДСКОЙ ХЛЕБНЫЙ РЫНОК УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Зародившаяся в годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны мобилизационная модель экономики стала доминирующей формой организации народного хозяйства России (СССР) на протяжении всего XX в., но истоки её берут начало со времён Российской империи, где существовал мощный государственный сектор в промышленности и на транспорте, а казённые (военные) заказы являлись часто основным стимулом для возникновения и развития целых отраслей народного хозяйства. Одновременно происходило активное формирование локальных (губернских, уездных и пр.) рынков, возникших в первую очередь вокруг транспортных коммуникаций. История региональных рынков имперского периода почти не получила освещения в отечественной историографии, что приводит иногда к чрезмерной переоценке роли государства, «замалчиванию» значения местных бизнес-сообществ, состоявших в своей массе из мелких и средних предпринимателей. Именно в их руках на рубеже XIX–XX вв. находилось продовольственное снабжение населения, государство появилось на хлебном рынке лишь в период кризиса Первой мировой войны (не считая эпизодических мероприятий в годы неурожая).

Специфическая ситуация существовала в горнозаводском районе Уфимской губернии, охватывавшем территорию от Аши до Златоуста, западную часть современной Челябинской области. Уфимская губерния не относилась к числу чисто аграрных регионов. Помимо хлеба большую роль в вывозе за пределы края имели металлы и лес. В губернии существовал сплошной горнозаводской район, расположенный непосредственно в горах Южного Урала (в Уфимском и Златоустовском уездах), отрезанный лесами от основной территории и сопоставимый по масштабам с уфимским потребительским рынком.

После проведения в 1888–1892 гг. Самаро-Златоустовской железной дороги (СЗЖД) в важный распределительный центр превратилась Уфа, откуда происходило снабжение различными товарами окрестных районов. По материалам В.П. Семёнова-Тян-Шанского (см. приложение) видно, что из Уфы на горные заводы поставляли всевозможную продукцию. Например, в Златоустовский район (Златоуст, Куса, Сатка и окрестности) из Уфы ввозили нефтяные продукты (286 тыс. пуд.), огнеупорные глины (2 тыс. пуд.) и кирпич (2), простой кирпич (2), цемент (2), известь (4), соль (37), бутылки (1), стекло и зеркала (3), лесные строительные материалы (27), различные деревянные изделия (1), сухие смолы (3), огурцы (20), фрукты и ягоды (1), сахар-рафинад (1), рыбу (1), мануфактуру (8), водку (8), квас и мёд (6), чай (2), соду (2 тыс. пуд.), а также галантерею, верёвки, обувь и одежду, спички, бумагу, картон, серу, резину и резиновые изделия, рис, свечи, мыло¹. Крупные фирмы, действовавшие в Уфе, продавали свой товар мелким оптом в соседние заводские посёлки, в сельскую местность из Уфы гужом развозились разнообразные потребительские товары.

Своеобразное значение Уфа, как мелкооптовый хлебный рынок, стала играть в продовольственном снабжении соседних горных заводов. По всей видимости, мелкие и средние предприниматели (местные хлеботорговцы, булочники, кондитеры) заказывали в расположенной рядом Уфе товар для своих лавок и пекарен. Однако из Уфы везли не обычные продовольственные хлеба, а небольшие партии «специфических» сортов. Так, в 1894 г. на станцию Миньяр при металлургическом заводе доставили по Самаро-Златоустовской магистрали 75 232 пуд. хлеба, из которых на долю Уфы пришлось всего 10 150 пуд., или 14 %. Уфа не «кормила» Миньяр. Но из Уфы привезли 100 пуд. пшеницы, 195 пуд. гороха, 6522 пуд. пшеничной муки, 140 пуд. ржаной муки, 135 пуд. гречневой муки, 339 пуд. прочей муки², 2177 пуд. пшеница, 5 пуд. прочей крупы³, 25 пуд. солода и 512 пуд. семян масличных культур (льна, конопли и

др.)⁴. За счёт Уфы предприниматели на заводах комплектовали широкий ассортимент для покупателя, закупая основные хлеба (пшеница, рожь) на восточных рынках.

Подобные сравнительно небольшие по объёму поставки разноразного продовольствия продолжались вплоть до Первой мировой войны, охватывая территорию от Шафраново – Раевки до Златоуста – Миасса. Уфа являлась своеобразным мелкооптовым «супермаркетом» для мелких и средних хлебо-торговцев, пекарен и кондитерских. Например, в 1913 г. из Уфы вывезли в Усть-Катав 1 пуд овса, 727 пуд. гороха, 3349 пуд. пшеничной муки, 169 пуд. прочей муки, 200 пуд. гречневой крупы, 39 пуд. пшена, 8 пуд. прочей крупы, 111 пуд. солода, 29 пуд. тарихи (отрубей), 1109 пуд. масличных семян, всего – 5742 пуд., на станцию Запрудовку, откуда велось снабжение Белорецка и Тирляна, из Уфы отправили 4528 пуд. овса, 171 пуд. гороха, 135 пуд. пшеничной муки, 5 пуд. гречневой муки, 27 пуд. прочей муки, 55 пуд. гречневой крупы, 20 пуд. пшена, 43 пуд. прочей крупы, 50 пуд. солода, 396 пуд. масличных семян, итого – 5430 пуд. И даже в Златоуст, лежавший рядом с хлебопроизводящими Челябинским и Троицким уездами, в 1913 г. ввезли из Уфы 121 пуд. гороха, 5 пуд. пшеничной муки, 62 пуд. пеклеванной ржаной муки, 120 пуд. гречневой муки, 205 пуд. прочей муки, 3465 пуд. гречневой крупы, 44 пуд. прочей крупы, 219 пуд. солода и 503 пуд. масличных семян⁵.

Для определения размера всего горнозаводского потребительского рынка используем материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г., которая позволяет учесть все населённые пункты, включая отдельные печи, хутора, рудники и пр. Хотя в горах Южного Урала достаточно суровые климатические условия, жители некоторых заводских селений в горных долинах успешно занимались сельским хозяйством, выращивали хлеб, в большинстве случаев в качестве подсобного хозяйства, получая основной доход от заводских работ. Чтобы отделить «чистое» неаграрное (индустриальное) население от «полукрестьян» будем учитывать только те семьи / хозяйства, где вообще не имели в 1917 г. посевов. Это занижает количество потребляющего населения, но ради «чистоты» результата остановимся на минимальных показателях. С другой стороны, большинство имели огороды и роль картошки в питании уже была велика.

В качестве условной годовой нормы потребления хлеба примем объём в 20 пуд. зерновых на человека⁶. А среднестатистической семье из пяти лиц (тоже заниженные данные для русских, составлявших свыше 90 % жителей горнозаводских волостей) требовалось примерно 100 пуд. на год. Остановившись на этих условных, усреднённых (и заниженных) данных, определим количество промышленного (потребляющего) населения на 1917 г. (в число жителей попало небольшое количество беженцев Первой мировой войны).

В Уфимском уезде⁷ к горнозаводской зоне относились Еральская волость (466 беспосевных хозяйств), Илекская – 164 семьи, Карауловская – 31, Катав-Ивановская – 2565, Миньярская – 1526, Серпиевская – 98, Симская – 2197, Усть-Катавская – 1636 беспосевных семейств. В некоторых волостях, например в Карауловке, практически все жители имели небольшое посевное хозяйство, тогда как население заводских посёлков (Аша, Сим, Миньяр, Усть-Катав, Катав-Ивановск) являлось «чистым» потребителем хлеба. Всего в 1917 г. в горнозаводской зоне Уфимского уезда насчитывалось 8683 беспосевных семейства, которым требовалось около 900 тыс. пуд. хлеба.

В Златоустовском уезде в горнозаводской район входили сам город Златоуст (37 тыс. жителей в 1915 г.), а также Златоустовская волость – 820 беспосевных хозяйств (исключая часть городского населения, зарегистрированного переписью 1917 г.), Минская – 501 беспосевная семья, Рудничная – 662, Саткинская – 4243, Кусинская – 2989, Юрюзанская – 2322 беспосевных двора⁸. Итого в горнозаводской зоне Златоустовского уезда проживало в 1917 г. 11 537 семей без посева, которым, с учётом населения Златоуста, всего требовалось не менее 850 тыс. пуд. хлеба. А в целом объём горнозаводского потребительского рынка на востоке Уфимской губернии достигал примерно 1,8 млн пуд. хлеба, не на много уступая губернскому центру (Уфимский рынок – 2 млн пуд.).

Как же производились столь масштабные поставки продовольствия? Источники крайне скупо «делятся» информацией. Существовали массовые гужевые перевозки и, наверняка, с конца XVIII в. сложились два основных направления подвоза грузов на горные заводы. С востока, из чернозёмных волостей степного Зауралья (Челябинский, Троицкий и др. уезды) везли много хлеба, преимущественно пшеницы. В начале 1860-х гг. современник отмечал большую роль базаров и ярмарок Челябинского уезда, известное своими урожаями, «в прежние годы отсюда продовольствовались хлебом не только ближние заводы Оренбургские, не некоторые в Пермской губернии». Самыми важными в сбыте хлеба были Никольская зимняя ярмарка в Челябинске (1–11 декабря), затем Ивановская осенняя (22–26 ноября), где крупные партии приобретались конторами предприятий. «С упразднением обязательного труда на горных заводах, остановился закуп больших запасов хлеба в заводские магазины, все мастеровые находят выгоднее покупать хлеб сами, отправляясь за ним на Челябинские и другие базары или ожидая привозу его на свои рынки. При таком обороте Челябинские крестьяне лишились возможности сбывать хлеб вдруг в большом количестве на заводы, а встречающаяся нужда в деньгах и осенью заставляет искать подобного сбыта. На Ивановской ярмарке, кроме башкирцев и заводских мастеровых, скупают хлеб местные жители»⁹. К западу (в сторону Уфы) от горнозаводского района лежали малоплодородные лесные волости, где товарной продукции почти не было, да и пути оттуда оставались очень плохими.

Второй поток зерна, муки, крупы направлялся на горные заводы с севера. В плодородной Месягутовской лесостепи (центральные и северные волости Златоустовского уезда) расселились рус-

ские крестьяне, которые с начала XIX в. стали «специализироваться» на продаже хлеба заводскому населению. Современник отмечал, что в с. Дуван «торговля производится почти исключительно хлебная, на местном базаре по субботам и в ярмарки, бывающие три раза в году, по 2 и по 3 дня... Покупатели крестьяне заводов: Юрюзанского, Катав-Ивановского и Усть-Катавского»¹⁰. Но вывоз хлеба производился гужом (день пути), никак не учитывался статистикой, хлеб сразу продавался потребителю и в результате внушительный по размерам товаропоток вообще не фиксировался.

Ситуация изменилась после постройки Самаро-Златоустовской железной дороги, в 1890 г. стальная магистраль дошла до Златоуста, в 1892 г. она вышла к Челябинску, затем началась стройка великого транссибирского пути на восток. И хлеб начали подвозить на заводы в железнодорожных составах, а точная статистика МПС позволяет восстановить реальную картину продовольственного снабжения.

В 1894 г. по СЗЖД прибыло на станции: Аша – 4605 пуд. всех хлебных грузов (включая небольшие объёмы семян масличных культур и отрубей), Миньяр – 75 232 пуд., Симская – 46 711 пуд., Кропачёво – 27 735 пуд., Усть-Катав – 183 778 пуд., Вязовая – 156 601 пуд., Мурсалимкино – 3423 пуд., Сулея – 59 714 пуд., Бердяш – 1224 пуд., Тундуш – 740 пуд., Кусинская платформа – 9043, Златоуст – 203 706 пуд. и на последнюю маленькую станцию СЗЖД в границах Уфимской губернии – Сыростан – в 1894 г. привезли 2823 пуд. хлеба¹¹. Итого, в 1894 г. на 13 станций горнозаводского района Уфимского и Златоустовского уездов по СЗЖД прибыло 775 335 пуд. хлебных грузов. А требовалось для пропитания индустриального населения (с учётом меньшей численности в конце XIX в.) приблизительно 1,5 млн пуд. Следовательно, около половины продовольствия в горнозаводскую часть края ввозилось по прежнему гужевым транспортом.

Сразу после открытия железнодорожного сообщения в промышленном районе выделились распределительные центры: Вязовая, откуда снабжались хлебом Юрюзанский и Усть-Катавский заводы, Сулея, отправлявшая продовольствие в Сатку и Златоуст. К Сулее подходил большой гужевой тракт, по которому подвозился хлеб из волостей Златоустовского уезда. Также начинали вывозить продукцию местных полей со станций Кропачёво и Мурсалимкино.

Суммирование перевозок в горнозаводскую часть Уфимской губернии в 1894 г. показывает, как и в самой Уфе, «вторжение» на местные рынки оренбургского хлеба, которое, наверняка, стимулировал большой опыт предпринимателей-хлеботорговцев, работавших на линии Самара – Оренбург, открытой ещё в 1877 г. Социум прижелезнодорожных хлеботорговцев в Уфимской и зауральской части Оренбургской губерний только складывался. На 13 станций промышленной зоны в 1894 г. со станций линии Каргала – Оренбург было ввезено 320 530 пуд., или 41,3 % от общего количества. Поставки зерна и муки из Уфимской и Самарской губерний (линия Самара – Уфа) составили 257 710 пуд., или 33,2 %. Причём только на самых западных станциях они доминировали – в Аше (69 % всего железнодорожного ввоза), где тогда строился новый металлургический завод, и в Миньяре (78 %). Почти половину уфимско-самарский хлеб составлял на распределительных станциях Вязовая (48 %) и Мурсалимкино (44 %). На остальных заводских станциях его доля уменьшалась, до 15 % в Златоусте.

Хотя Самаро-Златоустовская магистраль всего два года назад вышла к Челябинску, данные 1894 г. свидетельствуют о начале широкомасштабных поставок с востока. Из Миасса и Челябинска в горнозаводскую часть Уфимской губернии прибыло 167 743 пуд. хлеба (21,6 %). Так, рынок Златоуста (без гужевых поставок) в 1894 г. складывался из привоза с востока (95 832 пуд.), с Оренбуржья (59 768 пуд.), уфимско-самарского хлеба (30 535 пуд.), а также поставок с других станций промышленной зоны (главным образом Сулея) – 14 497 пуд. С прочих железных дорог Европейской части страны прибыло всего 3074 пуд. семян масличных культур.

После постройки железной дороги постоянный характер приобрели перевозки хлеба внутри горнопромышленного района, при оживлённом транспортном сообщении мелкие предприниматели или коммерческие заводские службы легко перебрасывали партии хлеба со станции на станцию. В 1894 г. внутренние перевозки по СЗЖД на горных заводах составляли 25 618 пуд., ещё 3734 пуд. прибыло с других железных дорог.

При всём значении железнодорожных поставок продовольствия в 1894 г. примерно половина хлеба по прежнему доставлялась гужевым транспортом из близлежащих земледельческих волостей. Обращает внимание крайне малое количество хлеба привезённого на станцию Кусинская платформа (лишь 9043 пуд.), хотя отсюда шло снабжение населения соседнего крупного посёлка при Кусинском металлургическом заводе. Видимо, в самый восточный завод Уфимской губернии, откуда до Челябинска совсем недалеко, поступал хлеб из степного Зауралья гужом.

Информация за 1908 г. открывает совершенно иную картину. Суммарный подсчёт по 17 горнозаводским станциям Самаро-Златоустовской железной дороги (добавились Юрюзанский завод, Катав-Ивановский завод, Сатка и Бакал) показывает таблица 1.

Из сопоставления с данными за 1894 г. видно значительное, двукратное увеличение привоза хлебных грузов в горнозаводскую зону Уфимской губернии, с 0,8 до 1,5 млн пуд. В некоторых станциях происходило сокращение объёмов прибывавшего хлеба, например, в Вязовую, утратившую роль распределительного центра. После постройки железнодорожной ветки грузы пошли напрямик на соседние Юрюзанский и Катав-Ивановский заводы. Кроме того, если всего горнозаводскому населению требовалось на пропитание примерно 1,8 млн пуд. хлеба, то в 1908 г. снабжение уже велось главным образом путём подвоза хлеба по СЗЖД (1,5 млн пуд.). И, как и в Уфе, принципиально поменялись направления транспортных потоков.

Таблица 1.

Поступление хлебных грузов на горнозаводские станции в 1908 г. (пуд.)

Со станций	Всего хлебных грузов	В процентах
с самарских станций СЗЖД	10 891	0,7
с уфимских станций СЗЖД	68 237	4,7
с горнозаводских станций СЗЖД	73 283	5,1
из Зауралья	926 243	64
из Сибири и Урала	296 852	20,5
из Оренбуржья	28 520	2
с прочих железных дорог	44 000	3
Итого	1 448 026	100

Источник: Статистические сведения о перевозке хлебных грузов малой скорости, по отправлению, прибытию и транзиту, за 1908 год. Отдел I. Самара, 1909. С. 184–201. Под Зауральем понимаются Миасс, Челябинск и соседние станции СЗЖД восточнее Сыростана, то есть в административных границах Оренбургской губернии. Поставки из Сибири и Урала – это привоз хлеба с Сибирской и, немного, с Пермской и Богословской железных дорог. Оренбуржье – это Ташкентская магистраль, станции по линии Кинель – Оренбург. Прочие дороги все относятся к Европейской части Российской империи.

Оренбургскую продукцию (2 % от всех поставок) почти полностью вытеснили, и вообще с запада, со станций Уфимской и Самарской губерний ввозилась мизерная часть продовольствия (5,4 %), лишь Уфа с прилегающими (резервными) станциями (Иглино, Шакша и пр.) выступала мелкооптовым «супермаркетом» для «челноков» и булочников-кондитеров с заводов. С прочих магистралей Европейской части страны в основном везли семена масличных культур. Межзаводские перевозки хлеба от Аши до Златоуста в 1908 г. занимали более важную роль в снабжении (5,1 %).

А главными снабженцами индустриального населения в 1908 г. были Миасс и Челябинск с окрестностями, откуда прибыло 64 % хлебных грузов. Да ещё с бескрайних полей Сибири (в основном из западной части) поставили 20,5 % продовольствия. Под натиском такой мощной конкуренции уфимские, самарские и оренбургские хлеботорговцы были вынуждены отправлять свой товар на запад, в балтийские порты, благословляя «челябинский перелом», в какой то мере сдерживавший безудержный наплыв хлеба с востока.

Удельный вес уфимских грузов составлял в 1908 г. на станциях Аша-Балашёвская – 27 %, Миньяр – 13 %, Симская – 7, Усть-Катав – 4,6, Юрюзанский завод – 9,5, Катав-Ивановский завод – 4, Сатка – 3, Златоуст – 2 %, понижаясь с запада на восток. Если в самых западных, лежавших буквально в нескольких часах пути от Уфы, Аше и Миньяре доля уфимского хлеба ещё была достаточно существенной, то в остальных заводах она составляла считанные проценты. Аналогичная ситуация с самарской продукцией. Исключая Катав-Ивановский завод (сюда прибыло 8250 пуд. самарского хлеба) и Златоуст (1030 пуд.), на большинство станций поступило в 1908 г. менее 1 тыс. пуд., а многие вообще не принимали грузы из Самарской губернии.

Снабжение крупнейшего в индустриальной зоне и второго по величине в Уфимской губернии городского потребительского рынка Златоуста в 1908 г. также производилось с востока. Из соседних Миасса прибыло 63 961 пуд. всевозможных хлебов, из Челябинска – 206 747 пуд., немного со станции Бишкиль, а всего из Зауралья – 275 124 из 373 045 пуд. (74 %). Преобладали поставки пшеничной муки – 172 267 пуд. с трёх станций. Второе место занимал ввоз с Сибирской железной дороги (Чумляк, Шумиха, Мишкино, Курган, Омск, Обь) – 66 635 пуд. (18 %). Отсюда доставили 29 2384 пуд. пшеничной муки, 6000 пуд. зерновой пшеницы, 738 пуд. ржи, 766 пуд. ржаной муки, 755 пуд. овса, а также 21 760 пуд. тарихи (отрубей, в городе держали много лошадей) и 5 пуд. солода. Много тарихи доставили со станции Есаульской (6300 пуд.) Пермской железной дороги, оттуда маленькие партии попутного груза прибыли также из Вятки, Кыштыма, Косулино. Таким образом, с восточных рынков в Златоуст привезли в 1908 г. 92 % всех хлебных грузов. Поставки с самарских (Самара, Кротовка, Толкай, Бугуруслан, Абдулино) и уфимских (Давлеканово, Шингак-Куль, Уфа, Иглино, Тавтиманово) станций составляли лишь 2,2 % (1030 и 7329 пуд.). Из Оренбуржья в Златоуст прибыло 1500 пуд. пшеница из Илецка, 750 пуд. пшеница из Оренбурга, 15 пуд. пшеничной муки из Бузулука, да 3 пуд. пшеничной муки и 2 пуд. масличных семян какой то очень мелкий предприниматель отправил со станции Сорочинской. Доставляли различные партии хлеба с соседних заводских станций, с Сызрано-Вяземской и Юго-Западных железных дорог везли масличные семена, а с двух станций Привислинских дорог (Ново-Александрово и Вольбром) в Златоуст отгрузили 2251 пуд. солода для производства пива¹². Таким образом, для начала XX в. можно говорить о достаточно автономном горнозаводском рынке, являвшемся составной частью зауральского экономического района.

Значение гужевых поставок из земледельческих волостей Златоустовского и др. уездов рассмотрим на примере заводов Симского горнозаводского округа Балашёвых. По переписи 1917 г. в Аше проживало 5,5 тыс. чел., которым требовалось примерно 110 тыс. пуд. хлеба, в Симском заводе – 5,2 тыс. чел., без учёта жителей соседних небольших селений (курени, печи, станции, разъезды и пр.). Тогда как в 1908 г. в Ашу по СЗЖД прибыло 56 608 пуд., на Симскую – 58 113 пуд.¹³ Даже при минимальной норме потребления в 16 пуд. на человека в год этим двум заводским посёлкам было необходимо около 170 тыс. пуд. (при норме в 20 пуд. – свыше 200 тыс. пуд. хлеба), а было ввезено по СЗЖД в 1908 г. – 115 тыс. пуд. Поставки гужевым транспортом (или закупки заводским населением хлеба в соседних земледельческих волостях) продолжали играть существенную роль.

Формирование собственного потребительского рынка на востоке Уфимской губернии отразилось и в рекламе, например: «продажа бакалейных товаров и произведений собственных заводов свечей, мыла, клею, костяного масла, пряников, кренделей и пива златоустовского купца Е.Г. Пролубникова в г. Златоусте, на хлебном базаре в деревянном ряду №№ 4 и 5 и окрестных ярмарках»¹⁴. В уфимских изданиях встречаются рекламные объявления предпринимателей из заводских посёлков – Аши и Миньяра¹⁵, Катав-Ивановска¹⁶, Усть-Катава¹⁷, Сулеи¹⁸. Обращает внимание, отсутствие самостоятельной хлебной торговли, как в Уфе 1870-х гг. она совмещалась с продажей других товаров. Причём, из заводской рекламы следует, что предприниматели предлагали населению не хлебобулочные готовые изделия, а муку и зерно для домашнего приготовления. Скорее всего, среди жителей горнозаводских посёлков в начале XX в. доминировала домашняя выпечка хлеба, хотя мелкооптовые поставки из Уфы говорят о наличии хлебопекарен.

Таким образом, к рубежу XIX–XX вв. в горнозаводских волостях Уфимского и Златоустовского уездов сформировался второй потребительский хлебный рынок, не на много уступавший уфимскому. На смену гужевому подвозу с земледельческих волостей, расположенных к северу и востоку, с 1890 г. пришли поставки по открытой Самаро-Златоустовской железной дороге. Первые годы на новые рынки устремилась оренбургская продукция. Но очень скоро её вытеснили хлеботорговцы с востока. Из Зауралья и Сибири хлынул поток зерна, пшеничной муки, иных товаров, дешёвых и высококачественных, которые прочно «закрепились» на горнозаводском рынке Уфимской губернии. С уфимских же станций СЗЖД на восток везли мало грузов, лишь Уфа сохраняла роль мелкооптового распределительного рынка. Внутренний же потребительский рынок на заводах был ещё слабым, индустриальное население продолжало выпекать хлеб в домашних условиях, потребление покупной продукции не стало пока решающим¹⁹. Незавершённость формирования локального потребительского рынка в весьма внушительном по размеру горнозаводском районе Уфимской губернии свидетельствует, что традиции мобилизационной модели экономики, выросшие из казённого сектора промышленности Российской империи, оставались весьма устойчивыми и в условиях краха народного хозяйства к 1917 г. стали основой формирования советской плановой системы экономики.

Примечания

¹ Семёнов-Тян-Шанский В.П., Торговля и промышленность Европейской России по районам / В. П. Семёнов-Тян-Шанский, Н. М. Штрупп. Вып. V. Уральская полоса. СПб., б. г. С. 57–70.

² Под прочей понималась мука бобовая, гороховая, кукурузная, овсяная (в том числе финляндская), пшённая, полбённая, чечевичная, ячменная и т. д.

³ Под прочей понималась крупа кукурузная, манная, овсяная, перловая (ячневая, ячменная), полбённая и смоленская.

⁴ Статистика перевозок хлебных грузов, прибывших на станции Самаро-Златоустовской железной дороги, в 1894 году. Самара, 1895. С. 16–17.

⁵ Статистические сведения о перевозке хлебных грузов малой скорости. По отправлению за 1913 год. Вып. I. Самара, 1914. С. 118–119.

⁶ «Эта норма несколько велика для башкирского населения», но мала для русского, а в среднем её можно считать приемлемой (Баев И. П. К проекту сооружения железной дороги Оренбург – Уфа – Кунгур. Статистико-экономические материалы. Уфа, 1913. С. 39).

⁷ Роднов М. И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 163–171, 185–187.

⁸ Роднов М. И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002. С. 30–31, 33–34, 37, 44–48, 52–53, 58–59, 61, 63–64, 66.

⁹ Оренбургские губернские ведомости. 1864. 28 ноября.

¹⁰ Касимовский В. Исторические очерки о Дуване (1868 г., 1877 г.). Месягутово, 1991. С. 8.

¹¹ Здесь и далее: Статистика перевозок хлебных грузов, прибывших на станции Самаро-Златоустовской железной дороги, в 1894 году. Самара, 1895. С. 16–23.

¹² Статистические сведения о перевозке хлебных грузов малой скорости, по отправлению, прибытию и транзиту, за 1908 год. Отдел I. Самара, 1909. С. 198–199.

¹³ Там же. С. 184–187; Роднов М. И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 168–170.

¹⁴ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1905 год. Уфа, 1904. Рекламные объявления.

¹⁵ «Торговля мануфактурным, бакалейным и хлебными товарами в с.с. Миньярском заводе и Ашинском И.В. Огурцова»; «Мануфактурный магазин и торговля бакалейными и хлебными товарами А. Ф. Бармасова в Миньярском заводе» (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909

год. Уфа, 1909. Рекламные объявления); «Хлебно-бакалейная торговля Василия Павловича Рыбочкина в Миньярском заводе» (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1910 год. Уфа, 1910. Рекламные объявления).

¹⁶ «Торговля в Катав-Ивановском заводе Ивана Матвеевича Большакова. Бакалейная, колониальная, галантерейная и хлебная торговля по умеренным ценам. Продукты все свежие» и такая же реклама, включая хлебную торговлю, Петра Матвеевича Большакова в Катав-Ивановском заводе (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909 год. Рекламные объявления); «Торговля мануфактурная, бакалейная, галантерейная, хлебная, мясная, кожаная и другие товары в свежем виде Николая Матвеевича Большакова в Катав-Ивановском заводе Уфимской губернии. Собственный дом, угол Никитинской улицы» (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1910 год. Рекламные объявления).

¹⁷ «Алексей Филиппович Ноздрин. Мануфактурная, винно-колониальная и хлебная торговля оптом и в розницу. В Усть-Катавском заводе» (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909 год. Рекламные объявления).

¹⁸ «Объявление. Яков Ермолаевич Чернышёв. Покупка и продажа зернового хлеба, масляничных и мучных товаров соб. мельницы» со станции Сулея (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа, 1911. Рекламные объявления).

¹⁹ Например, в 1860-е гг. русское население Южного Урала (Миасский завод) хлеб употребляло «более пшеничный, нежели ржаной; пшеничный хлеб называют калачём; кроме того пекут из пшеничной муки на масле небольшие круглые хлебы, верх которых или верхняя корка обмазывается или яичным желтком или сметаной; эти хлебы называют шангами». Также местные жители делали пельмени, пироги, блины, лепёшки, лапшу, ватрушки или творушки, пр. «Булки здесь пекут круглые и продолговатые и всякий хлеб, кроме испечённого из ржаной муки, зовётся калачём. Такого рода пшеничные и иногда крупчатые калачи продаются на базаре, чем промышляют некоторые из жителей. Есть ещё продолговатые хлебы и калачи, у которых верхняя корка обмазывается до посадки в печь, постным маслом» ([Игнатъев Р.] Миасский завод // Гурвич Н. А. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. Уфа, 1868. Отдел II. С. 77).

Тимошенко В. П.

«СМЕШАННАЯ ЭКОНОМИКА» НЭПА: ОТ СРЕДСТВА СПАСЕНИЯ К ЭКСПРОПРИАЦИИ

Опыт хозяйствования, приобретенный в годы НЭПа, имеет особую ценность, прежде всего потому, что государство социалистического типа взяло на себя задачу регулирования сложной по составу многоукладной экономической системы. И государство осуществляло регулирование, стремясь подчинить деятельность каждого сектора единой цели – построению обобществленной экономики.

В условиях НЭПа существовало пять социально-экономических укладов: социалистический, частнокапиталистический, мелкотоварный, государственно-капиталистический и патриархальный. Три первых уклада были основными, за ними стояли основные классовые силы – пролетариат, буржуазия и мелкая буржуазия. Социальная структура отражала своеобразие «смешанной экономики» и особенности социально-политического противоборства в обществе. Решающее значение для вариантов эволюции экономической системы смешанного типа, конечно же, имело поведение подавляющего большинства – мелкобуржуазного слоя.

Сам характер «смешанной экономики» неизбежно предполагал сосредоточение государственного регулирования на пограничной зоне взаимодействия двух секторов народного хозяйства: социалистического и частного. Основной организационной формой этого взаимодействия являлся рынок. Советское право периода НЭПа носило определенно выраженный классовый характер, и правовая политика осуществлялась дифференцированно по отношению к различным экономическим укладам.

Политика государства применительно к частному капиталу и формам его организации на всем протяжении НЭПа также не была однородной. В 1921 г. власти отменили часть ограничений, наложенных на частное предпринимательство в период «военного коммунизма», существенно расширив его сферу. При этом не устанавливались достаточно определенные формы частнохозяйственной организации и деятельности, предоставляя их выбор заинтересованным лицам (по принципу: «что прямо не запрещено, то дозволено»). Экономическое усиление частного капитала, особенно в области торговли, заставило государство в 1925/26 гг. пересмотреть налоговое законодательство в сторону его ужесточения, правовой регламентации цен и кредита и т.п. перейти к более активному наступлению на частный сектор. Параллельно с этим разрабатывается система законодательных регламентаций более сложных (и легче контролируемых) форм частного предпринимательства: смешанных акционерных обществ, концессионных предприятий и т. д.

Проблема частнокапиталистического посредничества имела важное значение для всей системы советского хозяйства 20-х гг. Достаточно большой удельный вес частноторгового оборота, хозяйственная активность частных посредников, умело использующих конъюнктуру рынка, стремление частного

капитала внедриться в сферу государственного и кооперативного хозяйственного оборота – все эти факторы заставляли власти больше внимания уделять правовому статусу частных предприятий и частного сектора в целом.

Правовое оформление частного оборота в первый период НЭПа проходило по двум основным направлениям: по пути легализации тех или иных конкретных форм частноторговой деятельности и по пути включения в частный оборот новых объектов. В первых государственных актах прямо перечислялись допустимые к свободному обмену продукты и губернии, где этот обмен официально разрешался. (На практике первыми легальными формами частной торговли стала рыночная и базарная торговля). Прямые указания на ограничение частной торговли пределами «местного оборота» постепенно сменялись допущением и иных масштабов и форм: «в других местах, с лотков и ларей и в закрытых торговых помещениях»¹).

Параллельно с изменением организационных форм частной торговли расширялся круг объектов частноторгового оборота. Закон о замене продразверстки продналогом отменил государственную монополию на основные виды продукции. Участниками этого оборота, прежде всего, становились мелкие производители – крестьяне и кустари, отчуждавшие продукцию собственного производства. Здесь следует отметить, что на протяжении всего периода НЭПа государство, предоставляя право частной торговли, постоянно отдавало предпочтение участникам товарооборота – производителям продукции. Частная же посредническая торговля всегда являлась для него менее желательной формой частного предпринимательства.

В 1922 г., когда рынок, торговый оборот и коммерческий метод ведения дел приобрели большое значение в организации хозяйства, широкое участие частного капитала в товарообороте потребовало кодификации частных хозяйственных прав и документального их оформления. Таким документом стало постановление ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»². Постановление подробно регламентировало круг объектов, допускаемых в частную собственность, а также устанавливало примерный перечень договоров, заключение которых разрешалось частным лицам.

Частный сектор сориентировался на функцию посредника между государственным производством и индивидуальным потребителем: кустарями и крестьянами. С частным посредничеством государственная промышленность столкнулась уже в первые месяцы НЭПа. В августе 1921 г. госпредприятия получили официальное разрешение привлекать в качестве поставщиков необходимых им товаров частных лиц. Несколько позднее легализовалась запрещенная в 1920 г. подрядная деятельность частных лиц по заказам госорганов. Частное посредничество получает широкое распространение также в области товарообменных и торговых операций³.

Государство предпринимало попытки направить частное посредничество в русло интересов общественного хозяйства.

Декрет Совнаркома РСФСР от 4 октября 1921 г. «О порядке приобретения советскими органами материалов на вольном рынке» устанавливал трехступенчатую очередность выбора госорганами своего коммерческого посредника на рынке: вначале обратиться к кооперативным организациям, затем к «единоличным производителям» и лишь в случае неуспеха – к «частным лицам вообще». Позднее эта система была перенесена на порядок реализации госпредприятиями своей продукции⁴.

На практике же торгующие госорганы систематически нарушали этот порядок, особенно, если участник предлагал более выгодные условия. Поэтому в феврале 1923 г. было запрещено частное посредничество в сделках госорганов между собой. Этим декретом было положено начало более решительному размежеванию двух секторов рыночного оборота.

Чтобы выжить в условиях диктатуры пролетариата и мощного давления со стороны социалистического сектора, частный капитал должен был выработать для себя весьма эластичные и гибкие организационные формы. Внутри частного сектора сложилась хозяйственная система с самостоятельными отраслями и структурными звеньями. Одновременно с укрупнением частных торговых единиц в течение 1922–1927 гг. происходило постепенное перемещение частной торговли из городских центров в деревню. Государственная политика оттеснения частного из сферы торговли промышленными товарами заставляла его переносить свои операции на крестьянский и кустарный рынок.

В области промышленности частный капитал с самого начала своей легализации не смог занять сколько-нибудь значительного места. В частной промышленности специалисты отмечали определенные черты специализации, обусловленные, во-первых, ее стремлением приблизиться к рынку, и, во-вторых, закрепиться в тех пунктах экономики, где государственная и кооперативная промышленность были относительно слабы, т. е. сосредотачивались в меньшем числе отраслей⁵.

Для частного предпринимательства были характерны такие черты, как своеобразное переплетение легальных и нелегальных форм работы, а также развитие известного универсализма, связанного с постоянной мобильностью и многообразием деятельности частного капитала. «Один и тот же капиталист не только попеременно, но и одновременно вкладывал свой капитал в разные отрасли деятельности. Он рассматривал это как обязательную страховку против изменения степени всегда возможного нажима со стороны власти..., а также использовал всеми этими приемами временные изменения конъюнктуры»⁶.

Процессы укрупнения частной торговли, начавшиеся весной 1922 г., вызвали образование большого числа частнохозяйственных объединений. Чтобы каким-то образом легализовать свою договорную

практику, эти объединения должны были принимать признанную в гражданском обороте форму. Как правило, ею становилась форма кооператива. Таким образом, недочеты хозяйственного законодательства способствовали так называемым лжекооперативным движениям в секторе частнохозяйственных объединений.

Одним из важнейших аспектов частного посредничества являлся правовой механизм пользования частными лицами государственным имуществом. Этот механизм подчас регламентировался подробнее, чем право частной собственности в чистом виде⁷. Для «смешанной» собственности было характерно, что ее частный субъект одновременно являлся пользователем государственного имущества и собственником своего. Обе группы имущественных ценностей объединялись в организационных рамках одного предприятия (арендного, концессионного или смешанного акционерного), и только относительно самих этих предприятий можно было говорить о существовании «смешанной» собственности. Однако рост этой формы наряду с двумя сопутствующими ей тенденциями: вытеснением физических лиц юридическими и сокращением объектов частного оборота – приводил к известному сужению имущественной базы «чистой» частной собственности в рамках «смешанной» экономики.

На практике имели место три основные формы: «чисто частные» хозяйственные образования, смешанные и оперативно-контрольные (биржи). Разные формы организации соответственно обусловили и разный характер методов регулирования. В чисто частных организациях ведущим был метод контроля, осуществляемого госорганами. В смешанных формах выдвигался принцип хозяйственно-оперативного преобладания государства. На биржах решающим стал метод контрольно-регулирующего воздействия. Элементы всех трех методов переплетались на практике в применении к различным формам организации.

Опасаясь влияния рыночной стихии, государство развернуло целый ряд административно-правовых и хозяйственных мер, направленных против частного капитала. В этом комплексе важное место заняло налоговое регулирование. Налоговое законодательство превращалось в гибкий регулятор, направляющий частный капитал в те отрасли хозяйства, где последний мог оказаться более полезным и где он легче контролировался. Усиливая или ослабляя интенсивность налогообложения в соответствующих сферах частнохозяйственного сектора, государство содействовало приливу или отливу из них частного капитала, косвенным образом усиливая конкурентную способность государственных и кооперативных хозяйств. Одной из главных задач налоговой политики государства было удержание частного капитала в установленных пределах и сферах, создание условий для экономического преобладания социалистического сектора. «Налоги дают нам, писал В.И. Ленин, доход с нэпманов и с производителей на помощь промышленности, особенно на помощь тяжелой индустрии»⁸. С переходом к НЭПу налог стал не только способом извлечения необходимых государству средств, но и методом стимулирования хозяйственной инициативы мелкоотварных производителей.

В первые годы НЭПа система налогового обложения характеризовалась множественностью различных включенных в нее платежей и сборов, а также перенесением центра тяжести на группу косвенных налогов⁹. В июле 1921 г. было принято первое Положение о промысловом налоге, которое, исходя из существовавшей тогда системы частного предпринимательства давало классификацию хозяйств, облагаемых промысловым налогом. Классификация отразила тот факт, что в поле зрения налоговых органов оказались наиболее простые формы организации торгово-промышленной деятельности. Однако быстрое развитие форм частного предпринимательства вскоре потребовало пересмотра норм.

В феврале 1922 г. принято новое Положение, в котором увеличивалось число разрядов облагаемых предприятий и их предельный размер по числу занятых рабочих¹⁰. Переход государственных предприятий на хозрасчет, рыночное обеспечение и сбыт послужили причиной для включения в число облагаемых предприятий государственных заведений. Вместе с тем в нем оставалось недифференцированным в отношении порядка и размеров налоговое обложение предприятий разных социальных секторов.

В третьем Положении о государственном промысловом налоге (январь 1923 г.) устанавливались льготные условия для обложения государственных предприятий, но оставался старый порядок обложения для частных и низовых кооперативных предприятий¹¹. Тем самым частные предприятия были впервые выделены в особую группу, облагаемую налогом на особых условиях. Со временем эта обособленность частных предприятий в налоговом отношении усиливается. В 1924 г. Наркомфин принял новую классификацию торгово-промышленных предприятий, по которой ставки уравнительного сбора с госпредприятий были в 1,5–2 раза ниже, чем соответствующие ставки для частных.

В дальнейшем развитие налогового законодательства пошло по пути уточнения порядка и структуры обложения и расширения льгот кооперативным и кустарным предприятиям. При общей стабилизации налоговой практики и усилении налогового аппарата отмечалось постоянное сокращение участия частного капитала в платежах промыслового налога. А с ростом его бремени частное предпринимательство вновь обратилось к нелегальным формам деятельности. Так, резко, начиная с 1926 г., возросла численность нелегальных частных предприятий.

Как следует из докладной записки Уральского областного финотдела, направленной в Наркомат финансов страны, нелегальные предприятия имели довольно прочную базу и, оперируя в отдельных местностях, долго могли уходить от какого-либо контроля.

С относительным снижением роли частного капитала в качестве плательщика промыслового налога в частном секторе возросло значение другого основного налога – подоходного.

Промысловый и подоходный налоги являлись основными в налоговой системе, регламентировав-

шими накопление частного капитала. Наряду с ними важное место отводилось местным налогам, которые постепенно, с 1926 г., стали играть весьма значительную роль в обложении частного капитала и частного предпринимательства. Местная налоговая система дополняла и усиливала налоговый нажим государства на частный капитал. Нормативное исчисление давало местным налоговым органам вырабатывать собственную практику, подчас не очень согласованную с единой налоговой политикой и принципами налогообложения. И постепенно, к концу периода НЭПа местная налоговая практика превратилась в рычаг, которым государство стало все энергичнее теснить частное предпринимательство.

В целом, по отношению к частному сектору налоговая система в течение НЭПа постепенно изменяла свою ориентацию от стремления охватить большее число субъектов к стремлению сосредоточиться на обложении групп с наивысшей доходностью. При этом значительную роль здесь играли налоговая практика, и возрастание доли, приходившейся на местные налоги¹².

С курсом на ограничение накоплений непосредственным образом была связана и политика цен. Стройной системы ценообразования в 20-е гг. еще не сложилось. Понижение цен административным путем происходило преимущественно в виде кампаний. Так, кризис сбыта осенью 1923 г. явился следствием диспропорций в восстановлении разных отраслей экономики, низкого уровня производительности труда в промышленности. Выход из положения был найден за счет нажима в кредитной и ценовой политике на частный сектор.

XIII конференция РКП (б) в резолюции «Об очередных задачах экономической политики» определила, что посредничеству частного сектора должен быть поставлен предел путем усиления хозяйственной роли кооперации и госторговли¹³. Среди мер правительство предусматривало максимальное сокращение или полное прекращение в некоторых отраслях кредитования частного сектора и волевое снижение цен.

Этап ликвидации частной промышленности и торговли начался позднее, с конца 1927 г. Ликвидация происходила медленно, в течение трех лет. Самым эффективным способом ликвидации частного предпринимательства явилась налоговая политика. Ее содержанием стало уже не ограничение частного капитала, как в первые годы НЭПа, а все более полное изъятие не только доходов, но и прежде сделанных накоплений. Прекращение отпуска частникам сырья, топлива, товаров в торговую сеть, переход на нормированное снабжение населения – все это сделало невозможным легальное функционирование частной торговли и промышленности. К осени 1931 г. они ликвидировались. Государственная политика по отношению к частному капиталу имела ярко выраженную социалистическую направленность. В ней сочетались административные и экономические методы регулирования частного предпринимательства. В десятилетнем периоде развития частной торговли и промышленности можно выделить ряд этапов. Первый – 1921–1924 гг., отступление от запретительных мер «военного коммунизма» и оживление частного предпринимательства. Одновременно в 1924 г. произошло первое широкое наступление на частный капитал, относительно и абсолютное его сокращение. Второй – 1925–1926 гг., когда государство строило свою политику в отношении частного предпринимательства в соответствии с мероприятиями по увеличению товарооборота и накоплению средств для индустриализации. С 1927 г. начался третий этап – ликвидация частной промышленности и торговли.

Таким образом, организационные формы хозяйствования в различных секторах экономики НЭПа развивались под контролем государства.

Основной областью взаимодействия укладов был рынок, товарный оборот. С самого начала его развития государство взяло под контроль основные межсекторные связи. Постоянно сочетая методы экономического и административного воздействия (составлявшие суть всей плановой работы), государство не позволяло «застыть» тем или иным формам регулирования, непрерывно ориентируя их на изменения народнохозяйственной конъюнктуры.

Стихийные элементы «смешанного» хозяйства вовсе не являлись на всех этапах НЭПа полностью автономными и нерегулируемыми, так как плановое начало постоянно воздействовало на них в самых различных секторах и сферах экономики.

В системе нэповской экономики сложились достаточно сложные организационные и хозяйственные взаимоотношения различных хозяйственных укладов. Экономическая политика государства строилась с учетом ситуации, в которой элементы государственного хозяйствования тесно соприкасались с элементами кооперативного и частного, в рамках единого имущественного оборота. На правовом уровне это взаимодействие проявлялось в переплетении двух начал правового регулирования: «публично-правового», для которого были характерны черты последовательной плановости и централизации, и «частно-правового», с присущими ему хозяйственно-правовой автономией сторон, децентрализацией, непрямым регулированием и т. п.

Правовая надстройка чутко реагировала на все изменения в многоукладной экономике. Наличие в народнохозяйственной системе частнохозяйственных элементов не сдерживало процесс укрепления и роста социалистического сектора. Этому всевозможными средствами содействовало государство, постепенно подчинявшее своему воздействию все остальные элементы народного хозяйства.

Изменение соотношения и форм взаимодействия различных секторов в экономике непосредственно отражалось на правовом регулировании: организационно-правовых формах предпринимательства, законодательстве, нормативных актах. Так, методы косвенного правового воздействия на частный сектор на протяжении НЭПа постепенно уступали место непосредственному административному нажиму, а смешанные хозяйственные формы – последовательно социалистическими формами.

Все это свидетельствует о том, что условия развития частного предпринимательства в годы НЭПа были исключительно неблагоприятными. В 1927–1928 гг. это проявлялось в конкретных актах: резком сокращении кредита частному сектору, закрытии частных кредитных учреждений, сокращении перечня арендованных частными лицами государственных предприятий, введении организованной закупки сырья и продуктов у крестьян и кустарей (контрактация), ужесточении налоговой политики и т. д. При такой постановке дела частное предпринимательство к концу нэповского эксперимента неизбежно приобрело ярко выраженный криминальный (теневой) оттенок.

Кого затронули изменения? Как же распределялось самостоятельное и все население Урала между различными социально-классовыми группами общества?

Как следует из статистики, удельный вес буржуазии был невелик. В годы гражданской войны многие из ее представителей, выступив против новой власти, потерпели поражение и вынуждены были эмигрировать. Та часть буржуазии, которая не подпала под национализацию, в период «военного» коммунизма оказалась под жестким давлением государства, сильно регламентировавшего деятельность владельцев частного капитала, особенно в торговле.

Однако буржуазия сохранила экономические позиции в мелкой промышленности, национализация которой не была полностью проведена, а также действовала нелегально и сохранила некоторые материальные ценности. Главная же причина ее «живучести» состояла в том, что она имела глубокие корни в мелкотоварном производстве, рождающем капиталистические формы хозяйствования. Имея в виду это обстоятельство, В. И. Ленин говорил: «...Буржуазию мы победили, но буржуазия у нас осталась, и борьба осталась»¹⁴. В городах был значительный слой мелких собственников. В конце 1920 г. в городах Урала 47,2 % всех промышленных заведений, учитывая и мелкие, кустарно-ремесленные, принадлежали частным лицам¹⁵. Среди мелкой буржуазии городов было много торговцев.

Введение НЭПа привело к оживлению экономической и социальной жизни региона. Уже к 1923 г. начал ощущаться рост населения городов (до этого действовала обратная тенденция), и по сравнению с 1920 г. численность городского населения увеличилась на 6,8 %. На Урале этот процесс шел гораздо интенсивнее, чем по стране в целом.

В потоке населения, устремившегося в города, была не только часть возвращающегося городского населения, но и масса мелкобуржуазного населения из деревни. Это значительно усложняло и без того пеструю в условиях многоукладной экономики социальную структуру. Поток населения пополнял в большинстве случаев социалистический сектор и частнокапиталистический.

В городах в противостоянии форм собственности и, соответственно, социальных отношений на полюсах находились пролетариат и нэпмановская буржуазия. Ее развитие определялось объективными условиями НЭПа и регулирующей политикой государства. «Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допустить свободу торговли и развитие капитализма, – отмечалось в резолюции XI съезда РКП (б), – лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частнохозяйственного капитализма»¹⁶.

Во всех сферах хозяйства на Урале к середине 20-х гг. к категории нэпманской буржуазии относилось 312,8 тыс. человек, в том числе 225,4 тыс. членов кулацких семей. Среди самостоятельного населения представителей новой буржуазии насчитывалось 53,4 тыс. и кулаков – 146,4 тыс.¹⁷ Прослойка этой категории населения в регионе по численности и удельному весу была значительно ниже страновых показателей (почти в два раза). Это вполне согласуется с утверждением, что на Урале вытеснение и ограничение предпринимательских элементов шло более высокими темпами. Удельный же вес кулацких хозяйств на Урале был выше, что объясняется более высокой активностью частного капитала в сфере торговых заготовок сырья, переработки сельхозпродукции, чем в сфере крупной промышленности.

Нэпманская буржуазия, по экономической мощи, не могла идти ни в какое сравнение с дореволюционной буржуазией, однако нельзя не учитывать ее основательную роль в хозяйственных отношениях 20-х гг. Буржуазия имела опыт хозяйствования, международные связи и т. д. Как уже отмечалось, нэпманская буржуазия охотнее оперировала в сфере торговли. Торговцы насчитывали более половины нэпманов-предпринимателей. Довольно многочисленной группой буржуазии была прослойка владельцев мелких кустарно-ремесленных промышленных заведений. Они составляли 1/5 часть предпринимательской буржуазии. В основном это были владельцы мастерских, предприятий легкой промышленности, сапожных мастерских, хлебопекарен и т. д. Были широко распространены портняжные мастерские, кожевенные, мукомольные, реже встречались заведения, связанные с металлообработкой, кузнечные и слесарные¹⁸. Гораздо меньшую часть составляли хозяева, занятые в сельскохозяйственном производстве, чуть более 10 % из числа предпринимательской буржуазии. Некоторая их часть была связана с огородничеством и садоводством, имела хозяйства на городских окраинах.

Лишь небольшая по численности группа предпринимателей являлась хозяевами фабрик и заводов, она насчитывала всего 0,9 % от всей численности. Это были и арендаторы, и частные владельцы, и владеющие предприятиями на концессионных началах. Незначительная часть буржуазии занималась подрядом строительных работ, извозным промыслом, а также владела частными учебными и другими заведениями.

Несмотря на жесткий налоговый режим, ограничения по всем направлениям социальных и политических отношений, весь период НЭПа численность и удельный вес нэпманской буржуазии с учетом всех ее групп возрастала. (На Урале за 1923–1927 гг. в 2,5 раза).

Изучение внутренней структуры нэпманской буржуазии показывает, что в 1923–1927 гг. падает прирост численности самой активной ее части – торговой буржуазии, а по удельному весу торговцы сокращаются на 1,3 %. То же происходило и с группой фабрикантов и заводчиков, удельный вес которых, и без того незначительный, упал до 0,7 %. Следовательно, к началу индустриализации нэпманская буржуазия начала вытесняться из самых важных сфер городского хозяйства – торговли и ценовой промышленности. Усилился отмеченный уже перелив капиталов в кустарно-ремесленную промышленность и сельскохозяйственное производство в городах, переход к нелегальной деятельности. Эти тенденции развития буржуазии были зафиксированы на XIV съезде ВКП (б) как политический успех: «...при абсолютном росте численности частного капитала происходит падение роста его роли, в особенности торгового капитала»¹⁹.

С этой точки зрения представляет интерес развитие базы и основной среды предпринимательской активности – мелкобуржуазного уклада.

Переход к НЭПу вызвал оживление в этой части хозяйства и увеличение численности связанных с мелкобуржуазным производством слоев населения. Государство рядом специальных постановлений и декретов создало более благоприятные условия для восстановления и развития кустарно-ремесленной промышленности. Уже в мае 1921 г. специальным декретом Совнаркома были сняты всякие ограничения развития мелкого производства²⁰. Проблемы подъема мелкой промышленности рассматривались на X, XI конференциях РКП (б), где было указано на необходимость обеспечить производителям свободное распоряжение своими продуктами²¹. Наконец, в июле 1921 г. вышел декрет ВЦИК «О кустарной и мелкой промышленности», который расширил само понятие мелкой промышленности и улучшил условия для ее развития.

К 1923 г. мелкобуржуазные слои населения занимали весьма значительное место в социальной структуре. К ним относились и пограничные элементы предпринимательской деятельности: «хозяева, работающие только с членами семьи», (хотя здесь имел место случай замаскированного найма). Значительную группу мелкой буржуазии города составляли хозяева-одиночки, по всей вероятности ее низший слой. К мелкой буржуазии относилась подавляющая часть групп «помогающих членов семьи».

Мелкая буржуазия города и деревни, безусловно, преобладала в социальной структуре населения, хотя и проявлялась тенденция постепенного сокращения ее удельного веса. По своей численности мелкобуржуазный слой превосходил рабочее население в 1925 г. на Урале в 5 раз, а по стране еще больше. Для исследования большого значения имеют данные по мелкой буржуазии города (среднее крестьянство в силу своей специфики представляет предмет особого изучения), по своим характеристикам относящейся к предпринимательскому слою.

Если учесть все категории городских хозяев на Урале, не эксплуатировавших наемный труд, и членов их семей, помогающих в занятии, мелкая буржуазия насчитывала по приблизительным подсчетам 840 тыс. человек, или 21,3 % всего городского населения. 42 % мелкой буржуазии связаны были с сельскохозяйственным производством на городских окраинах. Второй по численности группой выступали кустари и ремесленники, составлявшие около 30 % всей мелкой буржуазии. Значительную часть составляли мелкие торговцы – 17 %. К концу благоприятного для предпринимательства периода сильно выросла численность занятых в кустарно-ремесленном промысле (более, чем на 45 %) и сократилась численность и удельный вес мелких торговцев и занятых в сельскохозяйственном производстве²². В мелкой буржуазии развивался процесс дифференциации. Об этом свидетельствуют данные об уменьшении ее низшего слоя – хозяев-одиночек, численность которых сократилась к 1926 г. на 27 тыс. человек, или на 5 % по сравнению с 1923 г. Уменьшился на 1,8 % их удельный вес в составе мелкой буржуазии. Зато группа хозяев, работающих только с членами семьи, увеличилась почти на 40 %, а по удельному весу – на 0,7 %. Это сокращение численности одиночек и замедление темпов их роста особенно заметно на группах, связанных с сельхозпроизводством и кустарно-ремесленным промыслом. Например, группа кустарей и ремесленников среди одиночек за изучаемый период выросла численно лишь на 28 %, а «хозяева, работающие только с членами семьи», занятые в кустарном промысле, увеличились на 174,9 %. О дифференциации говорит и факт перелива капиталов в кустарно-ремесленный промысел.

Кстати, политический курс учитывал процесс дифференциации в мелкобуржуазной среде. Так, XIV партконференция признала необходимым в правовой области отказаться от причисления трудовых кустарей и промысловиков к нетрудовым элементам; обеспечить им возможность фактического осуществления их избирательных прав; вовлечь их в работу соворганов и общественных организаций²³.

Дифференциация мелкой буржуазии, с одной стороны, ее кооперирование, с другой, привели к тому, что на протяжении периода, по сравнению с 1923 г., ее численность и удельный вес в самодостаточном населении Урала мало менялись. Имеющиеся данные свидетельствуют о значительной дифференциации доходов кустарей и ремесленников. Ниже всего они были в тех отраслях производства, где не требовалось применение труда высокой квалификации, а спрос удовлетворялся полностью (добыча камня, обработка дерева). В производстве продовольственных продуктов, одежды, обуви доходы были на 10–20 % больше. На 60–70 % **выше оплачивался труд квалифицированных кустарей, занимавшихся производством металлоизделий, инструментов, художественной продукции.** Почти двукратное различие в заработках мелких товаропроизводителей обуславливалось главным образом различиями в качестве труда.

Доходы торговцев в годы НЭПа были выше, чем у других предпринимателей. Так, разносчики, владельцы маленьких магазинов и киосков, имели доход на 70–80 % выше, чем кустари без найма.

Торговцы низших разрядов, прибегавшие к найму рабочей силы, получали доход в 2,8 раза больший, чем кустари, использовавшие наемный труд, и на 18–20 % **больший, чем владельцы мелких промыш-**

ленных предприятий. Доходы торговцев увеличивались быстрее, чем доходы представителей других групп населения. За 1923–1927 гг. прибыль владельцев торговых заведений низших разрядов возросла на 54–55 %, а мелких промышленников и кустарей – на 20–25 %. Прибыль торговцев-капиталистов увеличилась на 26 %, а владельцев цензовых предприятий уменьшилась.

Регулирующая роль государства сказалась и на механизме доходов в предпринимательской части хозяйства. Усредненные показатели мало отличались от доходов в общественном секторе. Интенсивно шел процесс уравнивания в доходах разных групп населения.

К концу НЭПа социальная структура общества продолжала оставаться сложным переплетением классов, социальных слоев и групп: рабочий класс, занятый на социалистических, государственно-капиталистических и частных предприятиях, нэпманская буржуазия, кустари и ремесленники и т.д.

Осуществление государственной социальной политики привело к тому, что в этой сложной структуре значительно укрепились позиции социалистических элементов. Политика в отношении предпринимательского слоя проявилась в исследуемый период в мерах «допущения в известных пределах» и использования частного капитала в интересах социалистического строительства, ограничения, относительного вытеснения, а затем подготовки решительного наступления на нэпманскую буржуазию.

Практика социальной политики времен НЭПа сводилась, таким образом, к жесткому регулированию размеров и темпов частного накопления, препятствованию появления устойчивой группы предпринимателей капиталистического типа и созданию максимально благоприятных условий социализации общественных отношений. Это одна из причин того, что общественная собственность на средства производства, существовавшая в 20-е гг. в рамках одного из укладов, под воздействием государственной поддержки стала господствующей экономической формой. Сложилась всеобъемлющая система финансового и административного контроля, в условиях которой предпринимательская активность, существование социальных групп населения, связанных с рыночной стихией, оказалось невозможным.

* * *

Такое сложное развитие несоциалистических укладов в «смешанной экономике» НЭПа было предопределено политической стратегией обобществления хозяйства с использованием любых средств и возможностей. Да и допущение частного капитала в промышленность и торговлю скорее относится к числу вынужденных мер, продиктованных хозяйственной разрухой и приближающейся хозяйственной катастрофой. «Нужда и разорение таковы, – писал В. И. Ленин, – что восстановить сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем... Значит необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия – которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы»²⁴. Из этого вытекала установка на вынужденный и временный компромисс государства диктатуры пролетариата с капиталистическими элементами. XI съезд РКП (б) так обозначил эту установку – «Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас...»²⁵.

Во всех политических документах эпохи содержалась мысль о необходимости ограничения частнопредпринимательской активности.

Мартовско-апрельский Пленум ЦК РКП (б) 1924 г. специально сосредоточил внимание на проблемах контроля за рынком, овладении им за счет частного, особенно оптового капитала. Предполагалось, что государственной оптовой торговле можно подчинить частное производство в промышленности и розничную торговлю, особенно там, где «кооперация и государственный сектор сами не могут контролировать рынок»²⁶.

Поскольку частный капитал проявил себя преимущественно в сфере оборота, то политическое руководство акцентировало влияние на возможную угрозу контролю государства за системой связей внутри нэповской экономики. XIII съезд РКП (б) назвал угрожающим положением, когда «промышленность находится в руках государства, а посредником между ней и крестьянином выступает частный сектор. Вот почему задача развития кооперации есть, прежде всего, задача вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создания сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью»²⁷.

Поэтому при первом же признаке стабилизации хозяйства была предпринята попытка покончить с частным сектором. Кампания по снижению цен 1924 г. больно ударила по частному сектору. В ходе нее принимались меры общественного воздействия на сопротивлявшихся «нэпманов», устраивались «месячники покупки только в кооперации», был поднят большой пропагандистский шум. Но эта попытка только ухудшила хозяйственное положение и III Пленум ЦК РКП (б) (21 января 1925 г.) отметил тяжелые последствия некомпенсированного вытеснения частной торговли. Повторилась по существу политическая ситуация 1921 г. и, как следствие, – поручение законодательным органам и правительству о более широком использовании частного капитала. Принятые льготы и послабления обеспечили в 1925–1926 гг. кратковременное оживление частного торгово-промышленного предпринимательства. Тогда государство еще не могло отказаться полностью от услуг предпринимательского слоя. Лишь в конце 1927 г., учитывая совокупность факторов экономического и политического развития страны, партийная верхушка пришла к выводу: «К элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения»²⁸.

Сама концепция и идеологическое обоснование НЭПа содержали в себе утверждение временно-го характера существования частного сектора. А значит, ликвидация частного предпринимательства была политически запрограммирована.

В соответствии с действовавшими факторами политического характера и происходил процесс становления и развития предпринимательства в условиях НЭПа. Они определили основные организационно-правовые формы частной хозяйственной активности, подпадавшие под всеобъемлющее государственное регулирование. Но вместе с тем, до тех пор, пока государственный контроль осуществлялся через право, налоги, финансовый и трудовой надзор и другие внеэкономические средства, пока этот контроль не стал распорядительным, непосредственные отношения капиталистической собственности (в рамках частного и мелкотоварного укладов) существенно не изменялись. Частный сектор, поэтому, нельзя было отнести к числу переходных форм хозяйствования, он не служил ступенью на пути преобразования капиталистической собственности в общественную.

Государственно-капиталистические образования времен НЭПа обладали в этом отношении особыми чертами. Их справедливо считали переходной экономической формой. Например, смешанное акционерное общество: капитал состоял из средств государства и средств иностранных или отечественных частных кампаний и лиц, а управление осуществлялось представителями обеих сторон. Здесь мы сталкиваемся с сочетанием разнородных начал и отношений в реальном социально-экономическом процессе. Однако в хозяйственной жизни страны роль смешанных форм была ничтожно мала.

Вопрос о сочетании государственного и частного капиталов в рамках единой хозяйственной системы в годы НЭПа не получил определенного разрешения. Отсюда – жесткая зависимость несоциалистических укладов от поворотов государственной политики, а на завершающих стадиях НЭПа уход частного капитала в теневые виды хозяйственной активности.

Примечания

¹ СУ. 1921. № 26. Ст. 149; СУ. 1921. № 40. Ст. 212.

² СУ. 1922. № 36. Ст. 423.

³ СУ. 1921. № 63. Ст. 458; № 47. Ст. 230.

⁴ СУ. 1923. № 14. Ст. 173.

⁵ См.: Местная промышленность и торговля. М., 1925. № 9. С. 42.

⁶ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927. С. 235.

⁷ Канторович Я. Частная торговля и промышленность по действующему законодательству. М., 1925. С. 14.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 262.

⁹ СУ. 1922. № 22. Ст. 233; № 30. Ст. 357; № 34. Ст. 397; № 44. Ст. 550.

¹⁰ СУ. 1922. № 16. Ст. 172.

¹¹ СУ. 1923. № 5. Ст. 88–89.

¹² Маряхин Г. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964; и др.

¹³ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 3. С. 168–169.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 361.

¹⁵ ГАСО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 145. Л. 391.

¹⁶ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 484.

¹⁷ См.: Занятия населения Уральской области. (По данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). Свердловск, 1929. С. 7–9, 24–25, 43, 46–50.

¹⁸ Там же.

¹⁹ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 428.

²⁰ СУ. 1921. № 47. Ст. 230.

²¹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 421, 468.

²² См.: Хозяйство Урала. 1928. № 15–16. С. 196–197.

²³ См.: КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 376–377.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 220–221.

²⁵ Там же. Т. 45. С. 97.

²⁶ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 198.

²⁷ Там же. С. 233.

²⁸ Там же. Т. 4. С. 261.

Хазиева М. А.

ВОЗРОЖДЕНИЕ «УРАЛЬСКИХ ТОРГАШЕЙ» В ПЕРИОД НЭПА: ОТТЕПЕЛЬ КОМАДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗМА

После окончания Гражданской войны, сопровождаемой военно-коммунистической разрухой, Россия оказалась на пороге нового социального взрыва, что заставило большевиков ради выживания и гарантированного сохранения политической власти в своих руках, временно отказаться от командно-административной системы и разрешить существование в стране частного капитала.

Даруемым государством шансом, прежде всего, воспользовались мелкие торговцы, среди которых был и тридцативосьмилетний Петухов Яков Яковлевич, владевший в селе Беляевка Осинского района Сарапульского округа «усадьбой, ...маслобойкой кустарного типа, двумя домами, лошадьё, двумя коровами и девятью десятинами земли». Новоявленный владелец, переключившись с сельскохозяйственного производства на неизвестную торговлю, учился премудростям коммерции на ходу. Незнание азов торгового дела было одной из причин «захудалого существования ...двух лавок», когда оборот продаж в каждой составлял почти символическую сумму в 300 рублей. Иначе говоря, торговля «еле-еле теплилась». Я. Я. Петухов, чтобы не разориться, опрометчиво, не считаясь с конъюнктурой рынка и явно переоценивая свои коммерческие способности, каждый раз «прибегал к займам под вольные проценты, платя до 5 % месячных». В итоге, неумелый лавочник, попав осенью 1926 г. в крайне тяжелое финансовое положение, сумел оплатить самый незначительный вексель на 35 рублей, оказавшись не в состоянии произвести выплаты по двум другим на «227 рублей 61 коп. и 97 рублей 30 коп»¹.

Так и не начавшись, плачевно, из-за утраты доверия у кредиторов, закончилась бизнес-карьера у шестидесятилетнего Елина Филиппа Семеновича, торговавшего бакалейными товарами в селе Егоршино Свердловского округа. Ф. С. Елин, практически не имея никаких накоплений и объективных возможностей развернуть коммерцию в небольшом селе, в лучшем случае выходил «на среднемесячный оборот продаж ...в 600–700 рублей». «Не ...владевший имуществом» предприниматель, не заинтересовав государственные торговые организаций в качестве партнера, с трудом договорился с одной из частных фирм Свердловска об отпуске товаров на реализацию. Лавочник, имея единственного кредитора и целиком завися от него, находился в очень сложном положении. Едва Ф. С. Елин в феврале 1926 г. «допустил к протесту один вексель на сумму 113 рублей 68 копеек», он очень быстро лишился своего маленького бизнеса, потеряв товарный кредит у фирмы, опасавшейся, что лавочник окажется «неисправным плательщиком».²

Стоило тридцатипятилетнему Дементьеву Аркадию Степановичу, торговавшему мясными продуктами в селе Уктус Арамилевского района Свердловского округа, прослыть торговцем с «неудовлетворительной коммерческой репутацией», то практически сразу его небольшое дело, имевшее месячный торговый «в 1,2–1,4 тысячи рублей», резко пошло на спад. К началу 1928 г. ситуация оказалась настолько плачевной, что у А. С. Дементьева не оказалось денег, чтобы своевременно уплатить госналоги. Предпринимателю, вслед за описыванием «властями ...движимого имущества» в счет погашения недоимок, были предъявлены на немедленную уплату два векселя на 160 рублей, окончательно разорившие лавку.³

Насколько важно было иметь для продвижения даже маленького сельского бизнеса незапятнанную репутацию можно судить «по плохо развивавшейся» торговой деятельности потерпевшего фиаско коммерсанта из села Белейское Богдановического района Шадринского округа Пакулина, начавшего с 1925 г. реализацию «хлебобулочных и мясных изделий». «Неудовлетворительные отзывы» о личных качествах Пакулина, не позволили владельцу расширить торговлю, закрыв для него получение кредитов, обрекая лавку на скудный по ассортименту и незначительный по размерам запас товаров «до 500–600 рублей»⁴.

Хамитов Хасянзан Багаутдинович, превратившись в конце 1922 г. в селе Ильинское Пермского округа из землепашца в галантерейщика, не мог похвастаться большим оборотом торговли, составлявшим по прошествии четырех лет к концу 1926 г. – «2–2,5 рублей в месяц». Однако сорокасемилетний коммерсант, несмотря на то, что фирма «развивалась слабо», периодически имея непросроченную задолженность, проявлял чудеса хозяйственной выживаемости, «оплачивая аккуратно свои обязательства». «Государственные организации и частные фирмы в Перми» всецело доверяли добропорядочному в расчетах, «ведущему скромный образ жизни» Х. Б. Хамитову, «отпуская ему товары в кредит ...до 600 рублей. Кредиторы, на случай непредвиденных обстоятельств, всегда могли взыскать недоимки, зная, что неутомимый лавочник «располагал имуществом, оцениваемым в 1,5–2 рублей»⁵.

Тихие будни коммерции в уездах и волостях, не позволявшие рассчитывать на увеличение потока покупателей и существенного роста интереса потребителей к «новым товарам», изначально ограничивали возможности большинства поселковых лавочников в масштабах торговли и получаемой прибыли. Наибольшее число среди «сельских эмпанов» составляли обычные для деревни мелкие торговцы подобно Сенину Андрею Мефодиевичу (с. Елово Сарапульского округа)⁶, Шаврину Николаю Ивановичу (с. Рождественское Пермского округа), Черных Федору Николаевичу (с. Ильинское Пермского округа)⁷, Камаеву Григорию Ивановичу (д. Серпуловка Шадринского округа)⁸, Коптелову Алексею Михайловичу (с. Арамил Свердловского округа)⁹, Волкову Алексею Васильевичу (д. Худяково Пермского округа)¹⁰, Самбаеву Ахмету Самуиловичу (с. Макушкино Курганского округа)¹¹, Другову Николаю Михайловичу (с. Гротово Свердловского округа)¹², Шутеву Андрею Григорьевичу (с. Егоршино Свердловского округа)¹³, Кожевникову Яков Михайлович (д. Тюшинская Кунгурского округа)¹⁴, «на небольшие суммы» реализовывавших селянам товары до конца 1920-х гг.

Так, А. М. Сенин, выбрав в 1922 г. патент 3-го разряда, как в начале своей карьеры торговца, так и на ее закате в конце 1920-х гг., вынужденно довольствовался месячным оборотом лавки в тысячу рублей, понимая, что большего, в том месте, где он живет, достигнуть вряд ли возможно. Небольшой бизнес А. М. Сенина нельзя было, тем не менее, назвать заранее предопределенным на малоодоходную, но стабильно неспешную торговлю. Огромному отряду мелких лавочников было крайне трудно не только заполучить ликвидные товары на реализацию, но и просто выжить, допуская, время от времени, из-за

острой нехватки средств, «просрочку оплаты векселей», зная, что их лавки «ввиду незначительности дела, особого интереса для кредитных сделок не представляют».¹⁵

«Малоопытный в коммерческом деле» Наумов Григорий Максимович, «как уж извивался на скородке», стараясь побольше заработать, реализуя в своей деревне Уфимка Михайловского района Свердловского округа бакалейные товары. «Красный лавочник», не имея в нужном количестве ходовой продукции, позволяющей «расширить дело и увеличить обороты», бесстрашно брался за любое начинание, сулившее реальный доход. Г. М. Наумов, не боясь рискнуть, порой терпел неудачу «в своих операциях, кредитуясь без осторожности, не избегая частного высокопроцентного кредита». Но какие бы «злополучные сделки» не совершал сельский коммерсант, задерживаясь иногда с расчетами, личные качества Г. М. Наумов были таковы, что он всегда возвращал кредиты и никогда не участвовал в нелегальных аферах. Коллеги по бизнес-цеху, зная, насколько трудно приходится Г. М. Наумову, «работающему преимущественно на привлеченные средства», не занесли лавочника в черный список ненадежных заемщиков благодаря его исключительной ответственности, «скромности и ...честности»¹⁶.

Как ни старался инвалид Безносиков Исаак Васильевич из села Иб Усть-Сысольского уезда Коми-Пермяцкого округа также быть меньше на виду у налоговиков, «производя разъездную торговлю по бесплатному патенту 2 разряда», ему все же пришлось познать в ноябре 1927 г. карающую руку финнорганов, потребовавших «выбрать платный патент 3 разряда». На закате нэпа ничего не спасло «коробейника-инвалида» от возраставшего командно-административного прессинга: ни малая сумма вложенных в закупку товаров 400–500 рублей собственных и столько же примерно заемных средств, ни скромная величина «среднего месячного оборота, ...исчисляемого с 1 апреля по 1 октября 1927 г., в 250–300 рублей»¹⁷.

Иной сценарий поведения избрал «политически неблагонадежный» Вердалицкий Давид Самойлович, который, отбывая ссылку в селе Юрла Коми-Пермяцкого округа, открыл в 1924 г. сельскую лавку под претенциозным названием: «Универсальный магазин “Москва”». Владелец заведения, рассчитывая привлечь броской вывеской покупателей, нуждавшихся в промышленных и продуктовых товарах, откровенно преследовал цель «сколотить» к концу ссылки солидный капитал и покинуть место вынужденного обитания. Коммерсант, пустив на развитие дела «около 5 тысяч рублей», выгодно приобретает дефицитные товары у ряда госорганов в Перми, к осени 1926 г. существенно продвинулся в достижении поставленной задачи. Д. С. Вердалицкий, осознавая временность своего пребывания в деревне и особо не заботясь о поддержании реноме среди местного населения, нередко «обмевывал и обвешивал» покупателей.¹⁸ Посеянное Д. С. Вердалицким недоверие относительно порядочности «купцов» из числа «пришлых», несомненно, отрицательно сказывалось на других поселившихся в селе Юрла политссыльных – М. К. Володове и Л. Н. Сандалове, безуспешно старавшихся заработать на лучшую жизнь «торговлей товарами крестьянского спроса»¹⁹.

Предпочитал действовать через «подставное лицо, ...бывший лесопромышленник» Шадрин Александр Ефимович, снабдивший деньгами Денисова Сергея Ивановича, учредившего в селе Усениновское Туринского района Ирбитского округа фирму по заготовке и продаже леса. А. Е. Шадрин, своевременно сориентировавшись, какую выгоду можно извлечь из новой экономической ситуации, был, однако, лишен возможности лично заниматься коммерцией, так как «к моменту организации фирмы отбывал заключение». Фактический владелец, оставался в тени и после выхода из тюрьмы, негласно управляя бизнесом в течение 1926/1927 – 1926/1927 операционных годов. Под контролем истинного хозяина, которого считали «предпринимателем с инициативой, пользовавшегося большим доверием у местных крестьян в дореволюционное время», торговые сделки развивались достаточно успешно, позволив за один финансовый год вдвое увеличить товарооборот с 8 тысяч рублей в 1925/1926 г. до 16 тысяч в 1925/1926 г. А. Е. Шадрин, не являясь юридическим владельцем фирмы, вышел «сухим из воды» и весной 1929 г., когда вся административная ответственность по невыплаченным государству налогам тяжелым бременем легла на номинального главу фирмы С. И. Денисова. Сам подпольный коммерсант А. Е. Шадрин, к этому времени кроме «живого инвентаря» владел двумя домами «с ценной обстановкой, ...оцениваемыми в 5 тысяч рублей»²⁰.

Вел двойную бухгалтерию и двадцатилетний Лысьев Сергей Петрович из села Бродокалмак Челябинского округа. С. П. Лысьев, прикрываясь должностью контрагента челябинского филиала Госторга сначала по закупке яиц, а с сентября 1928 г. по заготовке птицы наряду с легальными операциями постоянно занимался «махинациями». Заготовке птицы, не регистрируясь в качестве юридического лица, ловко уходил от уплаты налогов и надзора госорганов, тщательно отслеживавших коммерческие сделки выбравших патент предпринимателей. С. П. Лысьев, используя в собственных интересах данные челябинским филиалом Госторга под отчет суммы, фактически имел беспроцентный кредит, который «тратил не по назначению». С ростом не облагаемых налогом и приносящих неплохой доход подпольных операций уже и этих, Госторгом «доверенных Лысьеву С. П. средств», ему стало не хватать. Успешный делец, все время проворачивая в сельской местности сделки, остро «ощущал нехватку денег, ...прибегая к дружеским займам». Деловая репутация С. П. Лысьева безнадежно пострадала, одновременно выявив и его теневой бизнес, когда ловкий торговец, увлекшись незаконными сделками, своевременно не оплатил «опротестованный вексель на 2 тысячи рублей»²¹.

Антиподами торговцам-ловкачам являлись предприниматели, поверившие, что нэп – это всерьез и надолго, связывавшие с коммерцией осуществление своих жизненных планов. Открытостью намерений отличались действовавшие с размахом совладельцы организованного в 1923 г. бизнеса бра-

тья Куриловы – Вениамин Иванович и Николай Иванович из села Сатка Златоустовского округа. Предприниматели, торгуя бакалейными, галантерейными и железно-скобяными товарами по высокому четвертому разряду, к весне 1927 г. имели месячный оборот «до 9 тысяч рублей при ...запасе товаров до 16 тысяч рублей». Братья Куриловы, заработав «хорошую репутацию ...в местных торговых кругах», активно, «сообразно с масштабами их торговли», ссужались деньгами, когда размер единовременно полученных займов доходил до 12 тысяч рублей (т. е. стоимости двух-трех добротных домов в большом уральском городе). Кредит доверия у бизнесменов был настолько высокий, что многие уфимские и свердловские фирмы без излишней волокиты кредитовали их товарами на значительные, по тем временам, суммы «в пределах 2 тысяч рублей каждого»²².

Расчетливым и ответственным за судьбу своих семерых детей оказался сорокадвухлетний Мартюшевский Григорий Александрович из села Троицкое Катайского района Шадринского округа. Г. А. Мартюшевский, который постепенно с апреля 1924 г. разворачивая знакомую по прежним временам «торговлю из лавки мануфактурными товарами», решил для расширения бизнеса заручиться поддержкой надежных компаньонов. Глава фирмы, в союзе с сорокалетним братом – Мартюшевским Федором Александровичем и более молодым тридцатилетним Хомяковым Петром Дмитриевичем, также успешно «...занимавшимися в прошлом коммерческой деятельностью», договорился «внести по 500 рублей для образования 1500 рублей основного капитала», чтобы выбрать патент 3-го разряда. Г. А. Мартюшевский, хорошо зная потребности своих земляков, не просчитался с выбором партнеров и объединением разрозненных небольших капиталов, вскоре доведя их «до солидной суммы... 9 500 рублей». Результат последовал почти незамедлительно, отразившись в увеличении оборота, который «за 6 месяцев составил ...около 12 тыс. рублей». Достичь за короткий срок такого достаточно неплохого для сельских торговцев показателя было непросто. Требовалось обладать высокими профессиональными навыками, чтобы, живя в сельской местности, договориться о прямых поставках необходимых товаров от госорганизаций в Свердловске, «частных фирм в Москве», беря на их покупку «займы частного порядка под высокие проценты» и при этом «аккуратно исполнять» свои обязательства перед кредитором.²³

Выждав время, занялся производством и розничной торговлей игрушками в поселке Давлеканово Башреспублики известный местным жителям еще с дореволюционных времен «опытный торговец» Галеев Шарип. Умудренный печальным опытом реквизиций периода революции и Гражданской войны, «торговец Шарип» не спешил вкладывать средства в коммерцию, опасаясь реквизиции налаженного дела. По этой причине сельский предприниматель обзавелся незначительным по размерам предприятием, месячный оборот которого, при исключительном заимствовании средств «частным порядком», составлял лишь около ста пятидесяти рублей, а наличный запас товаров не превышал двухсот рублей²⁴.

Пошел по стопам односельчанина и тридцатитрехлетний давленкановец Азангулов Закир Зарифович, открывший с октября 1925 г. пошивочную мастерскую. По сельским меркам, когда мастер обслуживал в основном свой посёлок и крестьян окрестных деревень, дела у З. З. Азангулова шли вполне прилично. Месячный оборот в восемьсот рублей при таком же, приблизительно, месячном запасе товаров мог быть еще больше, но развитие дела сдерживал явный недостаток свободных денежных средств, при трудности получения кредита живущему в глухомани полуграмотному «шляпнику», которому, в лучшем случае, соглашались выдать ссуду «в пределах 100–150 рублей»²⁵.

«Чинно торговал» бакалейными товарами в своем родном селе Арамиль Свердловского округа, не считывая на огромные «барыши», тридцативосьмилетний Чагин Степан Захарович. Предприниматель, год за годом наращивая объемы бизнеса, лишь к весне 1927 г. достиг неплохого среднемесячного товарооборота в 2,5 тысячи рублей. Однако получаемых средств хватало лишь на ежедневные нужды семьи и покрытие текущих расходов. Что касается крупных приобретений, то С. З. Чагин так и не скопил необходимой суммы, чтобы «обзавестись ...собственным недвижимым имуществом».²⁶

Бережливость, уравновешенность и умеренность были характерными чертами сорокапятилетнего Климова Ивана Васильевич, еще «в дореволюционное время ...занимавшегося торговлей» в селе Кленовское Свердловского округа. Лавочник, основав торговое заведение в 1926 г., по праву пользовался в деревне авторитетом благодаря отзывчивости к нуждам селян и «скромному образу жизни человека, имеющего при этом хорошую деловую репутацию». И. В. Климов, отпуская товары в кредит, имея порой «собственную задолженность ...в 200–350 рублей» перед поставщиками, стабильно расплачивался по счетам «свердловских организаций», не дожидаясь возвращения денег покупателей за приобретенные товары. Кредитование односельчан, «довольных возможностью» вернуть деньги за товар позже, было продуманной торговой политикой сельского лавочника, что в итоге позволило И. В. Климову обзавестись «тремя домами, скотом и домашним инвентарем, оцениваемом в 4500 рублей»²⁷.

Значительно хуже обстояло дело у тридцатичетырехлетнего Туровца Ефима Алексеевича, также «предоставлявшего некоторым покупателям мелкий кредит» в селе Курьи Шадринского округа. Е. А. Туровец, не обладая достаточным количеством наличных средств для закупок товаров в Свердловске по причине несвоевременного возвращения денег покупателями за отпущенные товары, допустил весной 1927 г., через два года работы лавки, «дебиторскую задолженность ...в 500 рублей». Лавочник всячески старался оттянуть погашение недоимок, не имея, в свою очередь, возможности срочно взыскать их с должников-покупателей. Развязка наступила лишь после того, когда терпение у кредиторов лопнуло и они, предъявив Е. А. Туровцу судный иск, добились оплаты предъявленного векселя. После этого

случая торговля в лавке практически замерла, поскольку кредиторы отказывались его субсидировать даже «на небольшие суммы».²⁸

Опыт предпринимательской деятельности уральских частников наглядно показывает, что правительство, позволяя бизнес-деятельность коммерсантов в строго очерченных границах, сохранило за собой командные высоты в тяжелой промышленности, транспорте, в банковской сфере, во внешней торговле и других секторах экономики общенационального значения. Частный капитал обосновался, главным образом в розничной торговле. Но даже в условиях, когда тресты, синдикаты и акционерные общества постоянно контролировались всевозможными проверяющими органами, большевики в отношении небольшого в удельном весе народного хозяйства страны отряда частного капитала проводили политику жесткого ограничения коммерческой деятельности всякого рода «комбинаторов».

На примере коммерческой деятельности коммерсантов Урала 1920-х гг. можно убедиться, что в короткий период хозяйственной либерализации, предприниматели вопреки всем чинимым административным и налоговым препонам искренне верили или тайно питали надежду на благоразумие большевиков. Однако, когда в конце 1920-х начала разворачиваться политическая кампания по устранению предпринимателей как класса, партия стала последовательно вытеснять и ликвидировать «враждебный» для советских трудящихся «частнособственнический капитал».

Примечания

¹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 908. Л. 116.

² РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 902. Л. 101.

³ Там же. Л. 32.

⁴ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 908. Л. 142.

⁵ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 911. Л. 121.

⁶ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 909. Л. 157.

⁷ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 912. Л. 31, 130.

⁸ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 904. Л. 132.

⁹ Там же. Л. 52.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 901. Л. 76.

¹¹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 910. Л. 170.

¹² РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 902. Л. 51.

¹³ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 912. Л. 137.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 905. Л. 213.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 909. Л. 157.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 907. Л. 142.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 900. Л. 425.

¹⁸ Там же. Л. 342.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 901. Л. 144.

²⁰ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 912. Л. 1.

²¹ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 905. Л. 15.

²² РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 904. Л. 7.

²³ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 906. Л. 159, Д. 911. Л. 94.

²⁴ Энциклопедия предпринимательства Башкортостана. Уфа, 2006. С. 160.

²⁵ Хазиев Р. А. «...Уфимские торгаши и их уездные компаньоны...»: повседневная жизнь провинциальных предпринимателей эпохи нэпа // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 139.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 912. Л. 60. .

²⁷ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 905. Л. 139.

²⁸ РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 910. Л. 75.

Чернова Н. В.

ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА КООПЕРАТИВНОЙ АРТЕЛИ В УСЛОВИЯХ СТРОЯЩЕГОСЯ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МАГНИТОГОРСКОЙ АРТЕЛИ «УРАЛШВЕЙ»)

Город Магнитогорск и Магнитогорский металлургический завод начинали строиться, по сути, в голой степи. Рабочий-ударник А. Ворошилов, приехавший на Магнитострой, запечатлел следующую картину: «Магнитогорск. Воля. Степь. Конца-краю ей нет. Что-то страшновато... Степь распласталась вокруг шершавым, рыжим войлоком. Кое-где желтели свежим тесом бараки да незнакомые строения... Дикое место. Богатое место. Злое и сильное упругими ветрами, вьюгами, жарой. Недоступное скалистыми предгорьями, могучее размахом степей и гордое природными ценностями барханов – было еще не встревожено... Октябрь 1929 г. был на исходе»¹. Таким образом, в строящемся городе отсутствовала инфраструктура, требуемые помещения (кроме наспех строящихся бараков), кадры, прежде всего профессиональные. Особенно тяжело в городе было и со снабжением. Если продовольственные товары

постоянно поступали на новостройку и распределялись по карточкам, то промышленные изделия даже первой необходимости попадали в город не так стабильно. В результате актуальной становилась организация на Магнитострое деятельности кооперативных артелей и предприятий местной промышленности, которые могли в короткие сроки обеспечить магнитостроевцев самым необходимым.

Начиная с 1932 г. в Магнитогорске приступила к работе промысловая кооперативная артель «Уралшвей». Исходя уже из названия, это было швейное предприятие, в функции которого входило обеспечение одеждой первостроителей. Помимо этого, артель выполняла некоторые заказы строящегося завода и занималась починкой изношенных швейных изделий.

Период становления магнитогорской артели «Уралшвей» связан с именами П. Н. Клыкова и В. Н. Кутепова. Первый возглавлял предприятие с момента основания и до ноября 1934 г., второй – с ноября 1934 по июнь 1935 г. Следует отметить, что Клыков и Кутепов были совершенно противоположными по характеру и стилю руководства администраторами. Петр Клыков – мягкий человек с либеральной манерой руководства. Несмотря на это, ему удалось в целом выстроить структуру предприятия и укомплектовать штат артельщиков. Сменивший его В. Кутепов, наоборот, жесткий управленец. Изначально его административные таланты заключались в стремлении к порядку, регламентации производственного процесса и в попытке разработать и внедрить систему социальной помощи в Уралшвее. Несмотря на разницу в методах управления, оба председателя артели предпринимали ряд шагов для обеспечения мастерских и артельщиков производственными и жилыми помещениями, старались регламентировать процесс пошива одежды и обустроить рабочие места, наладить прибыльную деятельность предприятия.

Первым шагом председателей артели «Уралшвей» по организации производства был поиск пригодных для жилья и работы площадей. В условиях дефицита должных для работы помещений, артель не была цельным предприятием. Структурно она состояла из правления и нескольких отделений, располагавшихся в производственных и жилых бараках на различных участках строившегося города. Количество отделений артели и их расположение со временем варьировались и зависели от строительства металлургического комбината и города. В качестве наиболее крупных и устойчивых можно отметить отделения 11 участка, 6 участка, Туковое и др. Кроме того, мастерские Уралшвея занимали некоторое время помещения в поселках Магнитный, Ст. Северное, Известковый, на 1 и 5 участке, в Ежовке и ГРУ. Кроме того, в артели в качестве самостоятельной мастерской значился трикотажный цех, местоположение которого установить не удалось.

Изначально под производственные площади Уралшвея приобретались бараки (или их части) любого размера и состояния. Всеобщими усилиями артельщиков там наводился порядок. Например, мастерская в поселке Туковом открывалась следующим образом: посредством субботника «общими силами», «всеми без исключения кто что сможет делать», был произведен ремонт, а на следующий день перевезены в мастерскую имущество и инвентарь². Также показателен пример переноса мастерской с поселка Магнитный, который подлежал затоплению, на другие участки Магнитостроя. Переноска мастерской готовилась заранее и была проведена собственными силами артели. При этом предлагалось «отработать каждому не менее 2-х дней, т. е. 18 часов без оплаты. В выходные дни как то: подвозка камня, песку и копка котлована фундамента»³. Со временем правление артели, приобретая новые площади, стало более избирательным. Новые мастерские старались открывать на самых густонаселенных участках, а не на окраинах. Повысились требования и к качеству производственных площадей, их пригодности для швейного дела. Кроме того, администрация Уралшвея по возможности приобретала помещения других артелей с подобным производством.

Численное количество артельщиков Уралшвея назвать достаточно сложно. Точных данных о рабочих артели найти не удалось. Впрочем, проведя сопоставительный анализ присутствующих артельщиков на собраниях по разным участкам и мастерским, можно сделать вывод, что в среднем в артели «Уралшвей» работало от 200⁴ до 300 человек⁵. Самым крупным подразделением артели была мастерская 11 участка, где трудились около 100 рабочих. Кроме того существовали небольшие мастерские, насчитывающие до 20–25 работников в Ежовке, поселке Ст. Северное, на 5 участке и т. д.

Значительно затруднили подсчеты количества работающих в артели «Уралшвей» сильная текучесть кадров, а также распространенная практика временных рабочих, принятых на испытательный срок. Подобная кадровая политика объяснялась двумя причинами. Во-первых, скудное финансирование. Как известно, в годы первых, впрочем, как и последующих, пятилеток легкая промышленность финансировалась по остаточному принципу. Естественно, что многие предприятия, а особенно промысловые артели, функционировали на принципах самокупаемости. Оплата труда артельщиков, даже на фоне средней заработной платы большинства уральцев в 160–300 рублей⁶, была у основной доли работников очень низкой и в среднем составляла 100–150 руб. Хотя, дефицитные специальности, такие как бухгалтер, оценивались на несколько порядков выше. Например, оклад бухгалтера в 1934 г. был равен 350 руб. Одновременно ему предоставлялась «квартира с отоплением и освещением». Зарплата главного бухгалтера составляла 400–500 руб. По случаю ему предоставлялась «оплата за квартиру до 30 руб. в месяц». Разница в зарплате определялась еще и тем, что бухгалтера не были артельщиками, а являлись наемными рабочими и работали в «Уралшвее» по договору.

Во-вторых, недостаточное количество квалифицированных кадров. Основная доля местных и приезжих рабочих стремилась устроиться в бригады, работавшие на возведении цехов комбината и других строительных объектов. В промысловые артели шли профессиональные и потомственные портные,

местное население, работники, не имевшие никакого образования, чаще всего из бедных крестьян и батраков, а также люди преклонного возраста. В целом, социальный статус артельщиков не отличался особым разнообразием. В своем большинстве это были упомянутые батраки и крестьяне бедняки, а также середняки, рабочие портные, изредка работники из семьи торговцев, перебежчики из других государств, в частности Польши⁷. Последние не вызывали доверия у сотрудников и за малейшие промахи подозревались в мошенничестве.

Несколько замедлила текучесть кадров в артели введенная в СССР в конце 1932 г. система внутренних паспортов и прописки и объявление о запрете на увольнение рабочих по собственному желанию. При вступлении в артель и найме на работу в личном деле нового работника фиксировалась организация, выдавшая паспорт (чаще всего в качестве таковой выступал горсовет или магнитогорский районный комитет молодежи), номер документа и срок, на который он был выдан. Следует отметить, что сроки действия паспортов у артельщиков варьировались от 6 месяцев до 5 лет. Вероятно, сроки утверждались в связи с благонадежностью и социальной категорией граждан. Вступив в артель, рабочий не мог поменять место работы без снятия его с учета в Уралшвее. Если же подобное случалось, то правление артели апеллировало к горсовету с требованием привлечь нового работодателя к ответственности.

Первые годы работы магнитогорской артели «Уралшвей» были отмечены характерными в целом для Магнитострой проблемами. Среди них наиболее тяжелыми были отсутствие квалифицированных кадров и нарушение дисциплины. Администрация Уралшвея искала всевозможные способы их преодоления.

Прежде всего, правление Уралшвея, кроме «кооперации рабочей силы», занималось обучением артельщиков, которое помогало справиться с проблемой нехватки квалифицированных рабочих. Для повышения квалификации персонала швейных мастерских администрация предприятия организовывала учебные курсы. Занятия проводились строго по графику: два раза в пятидневку в течение «6 месяцев по два часа в день с 7 часов до 9 часов и 0,5 часа один раз в пятницу по полит. грамоте»⁸. О серьезности проведения курсов свидетельствует составление договора между правлением, преподавателем и курсантом, который закреплял права и обязанности каждого, и тем самым давал всем необходимые гарантии. Кроме того, во всех мастерских отводилось время на проведение технической учебы. Предполагался дифференцированный подход к обучению: высококвалифицированные и низкоквалифицированные рабочие повышали уровень мастерства в разных кружках. Ответственность за распределение артельщиков по группам и организацию обучения ложилась на заведующих мастерскими. За срыв занятий со стороны правления «принимались строгие меры»⁹. Аналогичной была и ответственность рабочих, не посещающих занятия. В случае допуска ими брака, предусматривалось возмещение ущерба за счет мастера. Лишь к 1937 г. учебные курсы несколько утратили свою значимость, что говорит об укомплектовании штата предприятия необходимым количеством специалистов. На смену курсам пришли технические часы, во время которых артельщикам, не отходя от производства, объяснялись новые методы пошива отдельных видов изделий. Кроме того, на тех. часах рабочие знакомились с новыми машинами и оборудованием. Помимо технических практикумов, артельщики были обязаны периодически проходить технический инструктаж у станков.

Если в борьбе с увеличением количества квалифицированных рабочих правлению артели удавалось справляться, то проблемы дисциплины оставались актуальными на протяжении всего существования артели. В самом начале функционирования предприятия к частым нарушениям артельщиками трудовой дисциплины приводили отсутствие материальной заинтересованности и тяжелые условия труда. Судя по протоколам собраний артели и отдельных мастерских, проблем с дисциплиной на Уралшвее было предостаточно. В качестве нарушений фиксировалась «расхлябанность», которая заключалась в хождении по цехам, разговорах и т. д. Кроме того, некоторые рабочие выбирали себе работу по вкусу. Например, в мастерской 11 участка швея «Еремина отказалась от массовой работы и обругала мастера Токарева. Токарев в свою очередь отозвался к ней тем же»¹⁰. Аналогичная ситуация сложилась и на 1 участке. Склонная, не признающая администрации цеха работница Чернова «разлагающе действовала на работающих мастерской и цеха». Она отказывалась от предлагаемой ей массовой работы, заявляя «если бы мне давали работу заказную и, я зарабатывала на ней, у меня было бы все в порядке и помощи мне было бы не нужно, а то мне дают работу, какую я не хочу, т. е. не выгодную для заработка». Закройщикам и заведующему отделением, распределяющим работу, она угрожала: «я до вас доберусь», «я вас заставлю меня работой снабжать», «у меня найдутся на вас люди»¹¹ и т. д.

Несмотря на неоднократно провозглашаемые лозунги и принятые на собраниях обязательства «поставить твердую трудовую дисциплину в отделении»¹², в мастерских Уралшвея рабочие систематически опаздывали, а то и вовсе не выходили на работу. Наиболее частой причиной второго явления было пьянство. Показательно, что данному недугу были подвержены как рядовые артельщики, так и представители администрации. Для борьбы с опозданиями и прогулами принимались различные меры. Прежде всего, нарушителей трудовой дисциплины прорабатывали на общих собраниях мастерских, после чего «осознавшим» и «обещавшим больше не допускать прогулы» ставили на вид, а злостным нарушителям объявляли строгий выговор. Если в опозданиях был замечен стахановец, то его могли лишить звания. Рабочие отделения 11 участка в качестве метода борьбы с опозданиями и прогулами решили организовать дежурство в цехах мастерской, для чего выделялись «члены артели в портновском цехе Токарев, Пероченко, Семенов, Богачев, Ивлева, в белошвейном цехе Ноздрев, Кошарин,

Юрьева, Ковалева и Марченко». Дежурные обязывались «следить за своевременным приходом и уходом рабочих, за труддисциплиной и порядком в цехах»¹³. Следует отметить, что к лету 1937 г. наказания за нарушение трудовой дисциплины стали жестче. Вместо привычных выговоров и перевода на другой участок все чаще звучали формулировки, что за повторный прогул «будет применено постановление правительства как к злостному прогульщику»¹⁴. Увольнения как мера наказания в условиях нехватки трудовых ресурсов были неприемлемы.

Отсутствие действенных мер за нарушение трудовой дисциплины и рвачество приводили к некачественному изготовлению одежды и головных уборов, другими словами к браку. Во всех мастерских артели качество выпускаемой продукции было низким. Частой переделке подвергались как незначительные недостатки готового изделия: метка петель, прошивка карманов и т. д., так и целые вещи. Высокий процент брака по артели привел к выделению специальной должности браковщика. Однако, их деятельность не всегда была эффективной, т. к. они халатно относились к своим обязанностям и «не анализировали о браковых изделиях, что приводило к значительным убыткам мастерских»¹⁵. В борьбе с бракоделами применялись различные методы. Например, в мастерской на 11 участке рекомендовалось бракоделов «записать на черную доску»¹⁶. За большое количество брака мастера могли понизить в разряде. Например, мастера белошвейного и картонного цеха мастерской 11 участка Баженова за ошибки перевели в 3 разряд. В мастерской поселка Магнитный понизить количество брака было решено путем «строгой слежки за качеством работы и ведения точного учета сделанных браков». Контролировать производство было поручено заведующему мастерской Дремову, закройщику Филиппенко и производственной комиссии. В то же время, рабочим разрешалось переделывать отдельные работы, но только в нерабочее время, дабы «не получалось срыва производственной программы»¹⁷.

В зависимости от формы заказа (массовая работа или индивидуальный пошив) вопросы испорченных мастером вещей решались по-разному. Если было испорчено изделие индивидуального пошива, то вопрос решался на производственном совещании цеха. Например, в 1934 г. в портновском цеху мастером Филиппенко были испорчены три вещи индивидуального пошива: пиджак, дамское пальто и дамский жакет. Вопрос о браке был поднят на совещании портновского цеха в присутствии 12 человек. По каждому изделию решение принималось отдельно. Пиджак и пальто, которые можно было исправить, было решено отдать Филиппенко на переделку. При этом из зарплаты мастера вычиталась их стоимость в тройном размере. Испорченный дамский жакет Филиппенко обязывался компенсировать за собственный счет предоставлением «нового жакета или материала, из которого можно сделать заказчику» новое изделие. Решение совещания и согласие мастера подкреплялись распиской последнего с обязательствами выполнения задания¹⁸.

Еще одной болевой точкой в первые годы функционирования артели «Уралшвей» были отношения с заказчиками. Существовавшие на предприятии методы обслуживания клиента оставляли желать лучшего, а сроки выполнения работы не всегда соблюдались. Кроме того, нередкими были случаи хищения материала заказчика закройщиками¹⁹. Обсуждение нелицеприятных сторон деятельности артели нередко попадало на страницы местных газет. Особенно частыми нарушения были в первые годы работы артели, когда не было еще четкой системы выполнения и приема работ, а, следовательно, не существовало ответственных за нарушение производственного процесса и дисциплины лиц. Впрочем, путем проб и ошибок, чаще всего коллегиальным путем (на всевозможных общих собраниях и производственных совещаниях) искали пути и решения. Например, мастерская 11 участка на производственном совещании, состоявшемся в конце января 1934 г. ввиду участвовавших краж материала заказчика и, соответственно, возросшего количества жалоб на работу мастерской, приняло решение: материалы заказчика, оставшиеся неиспользованными, в обязательном порядке отдавать обратно заказчику. Если же у закройщицы или закройщика будут обнаружены остатки материала, то вопрос предписывалось решать на товарищеском суде. Кроме того, категорически запрещалось выписывать лишние материалы²⁰. Контроль над исполнением распоряжения совещания возлагался на закройщика Заборовского, который был обязан «вести запись недостающих материалов всех давальцев и принимать у мастеров готовые изделия»²¹.

Помимо произвола, царившего на производстве швейных изделий, существовали проблемы и с их реализацией. О том, что в артели не существовало строгого контроля над производством и реализацией продукции говорит случай с продавцом киоска мастерской 11 участка Клещевой. Она самостоятельно завышала установленные правлением артели цены и продавала синьку по 35 копеек, вместо положенных 33, а шапочки — по 3 руб. 15 копеек, вместо 3 руб.²² Такое отношение к заказчикам и покупателям приводило к их потере и, соответственно, убыткам артели.

В целом, несмотря на имеющиеся у артели проблемы в хозяйственной и производственной части следует отметить, что предприятие на протяжении 1932–1934 гг. всегда выполняло, а то и перевыполняло, производственную программу. Первые звонки о срыве плана производства прозвучали лишь весной 1935 г. Заведующий белошвейного и картонного цеха 11 участка Гришин информировал артельщиков о том, что «за апрель мы работаем хуже всех цехов и план выполнили на 50,5 % и в мае за первую декаду не более как на 15–20 %»²³. В последующем уведомление о срыве производственной программы присутствовало практически на каждом собрании артельщиков. Однако, и на этапе становления артели и в последующем администрации Уралшвей удавалось удерживать предприятие на плаву.

Одним из рычагов управления и мобилизации кадров на выполнение производственной программы были культурно-массовые и политические органы. Следует отметить, что первоначально не было

структурированного, функционально очерченного подразделения. Массовую и политическую работу проводили артельщики, освобожденные от производственных работ, так называемые «массовики» или «культуриники». В начале 1930-х гг. их деятельность сводилась к выпуску стенгазет, подписке на местные и областные газеты; в одной из мастерских ими был создан музыкальный кружок. Стенгазеты выступали рупором проведения стахановских декад и месячников. Они освящали работу стахановцев, цехов и мастерских. В подготовке газет принимали участие заведующие мастерскими, а также закройщики, актив и все рабочие. В период мобилизации всех ресурсов артели стенгазеты выходили до трех раз в месяц.

Функции массовиков весьма высоко оценивались рабочими, прежде всего в отношении артельной молодежи, которая была задействована в культурно-массовой работе и «особенно по физкультуре». Занятия физкультурой рассматривались артельщиками не только как сила, мобилизующая на работу. В занятиях спортом они видели пользу для обороны страны: «если человек хорошо изучил физкультурную работу, то во всех случаях может огородить себя, а также и страну от всяких нападений». Значительной была и воспитательная роль физкультуры.

В период становления Уралшвей в силу слабой политической и воспитательной подготовки массовиков их деятельность вызывала массу нареканий со стороны артельщиков. Рабочие упрекали культуристов в неотзывчивости и в безынициативности. По отзывам артельщиков, они ничего не делали, а если что и предпринималось, то застывало на месте. Даже стенгазета выпускалась «от случая к случаю». В свою очередь массовики в невысокой результативности своей работы винили правление артели, заявляя, что от руководства они «не получали никаких установок, а поэтому и в артели работа двигалась плохо». В качестве решений по вопросу налаживания культурно-массовой работы в артели рабочие предлагали пригласить специалистов из других артелей и даже городов. В частности ожидался приезд культуристов из Шадринска и Златоуста. Кроме того, собрание артельщиков апеллировало к правлению, о содействии в улучшении массовой работы. Например, предлагалось создать переходящее знамя на лучшую постановку культурно-массовой работы и «просить союз выделить средства на постройку кустового клуба в г. Магнитогорске».

Ситуация изменилась только к 1937 г., когда в артели «Уралшвей» под руководством Щербакова стал действовать культполитсовет (КПС). С образованием КПС разнообразнее стала деятельность массовиков. Кроме стенгазет и доведения до рабочих производственных программ и взятых в социалистическом соревновании обязательств, в мастерских в обеденные перерывы были организованы читки газет и книг с разъяснениями для рабочих, работали кружки по изучению текущей международной политики и внутреннего положения. Посредством КПС артельщики Уралшвей приобщались к общегородским и государственным праздникам: 1 Мая, годовщинам Октябрьской революции, международному юношескому дню и т. д. Правда, участие в торжествах не всегда проходило в добровольном порядке. Вопрос о неявившихся на праздник без уважительной причины выносился на обсуждение собрания мастерской. Как бы там ни было, культурно-массовые работники Уралшвей, являясь одним из механизмов управления артели, обеспечивали понимание рабочими их обязанностей в производственной сфере. Они помогали разобраться артельщикам в быстроменяющейся международной ситуации, объясняли отдельные моменты внутренней политики Советского Союза. КПС выполнял социальные функции, привлекая молодежь в спорт и художественную самодеятельность и, тем самым, понижая показатели по пропаганде, прогулам и другим нарушениям трудовой дисциплины.

Помимо пропаганды, на рубеже 1933–1934 гг. в артели начинают активно внедряться методы соцтруда, такие как социалистическое соревнование и ударничество²⁴. Перестройка работы базировалась на «шести исторических указаниях тов. Сталина»²⁵. Движение ударников было направлено, прежде всего, на выполнение и перевыполнение производственной программы, а также на изживание брака и других недостатков в работе швейных мастерских²⁶. Перемены не заставили себя долго ждать. Уже к концу января 1934 г. на Уралшвее появились первые ударники, которые рапортовали о своих успехах²⁷. Следует отметить, что в артели существовал целый ритуал посвящения в «ударники». Последние избирались специальной производственной комиссией и утверждались на заседании комиссии в присутствии представителей культполитпросвета, заведующих мастерскими и закройщиков. Ударникам труда выдавался «красный материал на косынки в размере 76 см за наличный расчет и за счет культфина»²⁸. Наиболее отличившиеся артельщики, перевыполнившие план на 15 % и более, получали денежные премии²⁹. Звание «ударник» присваивалось поквартально и в конце года, после «подытоживания выполнения годового плана»³⁰. Если артельщик оступись, то его могли лишиться звания «ударник» на некоторое время. Например, в июне 1935 г. производственная комиссия «постановила т. Бобылева отвести из ударников на 1 месяц за то, что 18 числа был на производстве в нетрезвом виде во время работы»³¹. К середине 1935 г. в некоторых цехах доля ударников составляла половину от общей численности рабочих³².

В начале 1935 г. в артели «Уралшвей» распространение получило социалистическое соревнование между мастерскими. Руководство артели видело в заключении договора на соревнование отличный способ «выйти с хорошими показателями» выполнения производственной программы к отдельным праздничным и юбилейным датам. Появился и регламент заключения договоров. Например, мастерская поселка Магнитного для того, чтобы вызвать на соревнование рабочих мастерской б участка, создала специальную комиссию. Последняя также удостоверяла договора на соцсоревнование, заключенные между бригадами и отдельными мастерами³³.

Летом 1935 г. заключение договоров на проведение социалистических соревнований приняло массовый характер и регламентировалось правлением артели. В артели действовала комиссия по проверке договоров под руководством Щербакова³⁴. Последний, выступая на общем собрании Уралшвей 29 июля 1935 г. призвал артельщиков «заняться вовлечением в комсомол сочувствующих и в ударничество набрать хороший актив»³⁵. Подобные методы вовлечения артельщиков в увеличение объемов производства дали положительные результаты. На итоговом заседании правления артели «Уралшвей» в 1935 г. новый председатель правления И. Г. Головенко рапортовал, что «стахановцы и передовые ударники проявили энергичную борьбу за выполнение плана, своим энтузиазмом и примером увлекли за собой значительную часть артели. Правление артели стахановцам и передовым ударникам объявляет благодарность». При этом артель выполнила установленную планом производственную программу на 125 %³⁶. Впрочем, 1935 год был последним, когда Уралшвей справился с поставленной перед ним Облпромсоюзом задачей.

В последующие годы в артели понятие «стахановец» стало выхолащиваться. Чем больше стахановцев было на предприятии, тем сложнее было добиваться каких-либо рекордов и вводить инновации. Кроме того, поддерживать уровень производительности всегда на высоте также не представлялось возможным. Вследствие чего взятые артельщиками обязательства по соц.соревнованию выглядели часто как некая уступка правлению артели, в то время как осуществление задуманного оставалось только на бумаге, а производственная программа не то что не перевыполнялась, а не дотягивала даже до 100 % реализации. Например, в 1937 г. слет стахановцев и ударников отмечал, что «культурно-производственный поход имени 20 годовщины по артели проходит неудовлетворительно. Принятые обязательства на время прохода слета стахановцев и ударников 16 июля и собрания уполномоченных выполняются слабо, в результате чего план по артели за август месяц выполнен в сумме 225,6 т. р. на 86,6 %»³⁷. Аналогичная ситуация сложилась и в отдельных мастерских Уралшвей. Например, собрание членов артели мастерской 1 участка постановило, что «успешности в работе цеха среди рабочих и стахановских методов работы несмотря на стахановский декадник не чувствуется, что большей частью зависит от слабой дисциплины в цехе по недосмотру и слабости заведующего»³⁸.

Таким образом, Магнитогорская артель «Уралшвей» была одним из первых кооперативных предприятий города Магнитогорска, призванных обеспечить первостроителей товарами первой необходимости. Артель несла на себе отпечаток социальной необустроенности строящегося города, который выразился в текучести и низкой квалификации кадров, отсутствии соответствующей производственной инфраструктуры и стабильном нарушении трудовой дисциплины со стороны артельщиков. Впрочем, несмотря на все проблемы и неурядицы магнитогорская артель «Уралшвей» за первые три года своего существования превратилась в достаточно крупное и заметное предприятие области. Уже в 1935 г. она выполняла план более чем на 1500 тыс. рублей, что составляло порядка 35 % от плана по швейной промышленности Челябинского «Облмногопромсоюза»³⁹. Магнитогорская артель значительно опережала аналогичные предприятия области, в частности челябинский «Швейник» и золотостовскую «Одежду»⁴⁰.

Примечания

¹ Ворошилов А. Победа за человеком. — М.: Профиздат, 1931. — С. 7.

² МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

³ Там же. Л. 71.

⁴ Там же. Д. 1, 2, 6.

⁵ Магнитогорск. Краткая энциклопедия. Магнитогорск, 2002. С. 28.

⁶ Урал : век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 97.

⁷ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 96.

⁸ Там же. Л. 7 об.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 14.

¹¹ Там же. Л. 16 об. — 17.

¹² Там же. Л. 35 об.

¹³ Там же.

¹⁴ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

¹⁵ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 об.

¹⁶ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 19.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 5 — 5 об.

²¹ Там же. Л. 6 об.

²² Там же. Л. 5об-6.

²³ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 — 15 об.

²⁴ Там же. Л. 6.

²⁵ Там же.

²⁶ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

²⁷ Там же.

²⁸ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 20.

³⁰ Там же. Л. 34.

³¹ Там же. Л. 13.

³² МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

³³ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 19 об.

³⁴ Там же. Л. 16.

³⁵ Там же. Л. 70.

³⁶ Там же. Л. 90 об.

³⁷ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 6. Л. 4

³⁸ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 6. Л. 8-8об

³⁹ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

⁴⁰ МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

**Бархатов В. И.
Бархатов И. В.
Берсенов В. Л.
Гаврилов Д. В.
Даванков А. Ю.
Кондратьев Н. И.
Макарова Е. П.
Макарова Л. И.
Никитин Л. В.
Оруджиева А. Г.
Плеханова А. В.
Трофимов А. В.**

Бархатов И. В.

ФОРМЫ И МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Рассмотрим содержание и формы глобализации экономики. Термин «глобализация экономики» получил широкое распространение в экономической науке в 90-е гг. XX в. Однако, несмотря на обилие публикаций по проблемам глобализации, ее содержание, сущность, формы и последствия еще недостаточно изучены. Все эти вопросы на сегодняшний день остаются дискуссионными.

О глобализации как феномене в научной литературе начали активно дискутировать после работ американских экономистов Дж. Маклина, М. Уотерса и Р. Робертсона (1981–1985 гг.). Впервые термин «глобализация» был упомянут Дж. Маклином в 1981 г. Развернуто эту категорию использовал американский социолог Р. Робертсон. В 1983 году он включает данный термин в название одной из своих статей, в 1985 г. дает собственное толкование категории, а в 1992 году вышла его книга «Глобализация»¹, в которой Робертсон отмечал, что глобализация – это серия эмпирически фиксируемых измерений, разнородных, но объединяемых логикой превращения мира в единое целое.

По определению немецких экономистов Х. Зиберта и Х. Клодта, «глобализация – это процесс трансформации разрозненных национальных хозяйств в интегрированную глобальную экономику»². В ходе этой трансформации совершается один из важнейших поворотов в истории мирового сообщества – девальвация государств, которые на протяжении многих десятилетий служили системообразующими организационными структурами. Ценность данного определения состоит в том, что оно подчеркивает всеобщность процесса глобализации, стремление к созданию единого пространства состоящего из совокупности национальных хозяйств.

Эксперты Международного валютного фонда (МВФ) определяют глобализацию экономики, как «растущую экономическую взаимозависимость стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных трансакций товаров, услуг и международных потоков капитала, а также, благодаря всё более быстрой и широкой диффузии технологий»³.

Говоря о международной экономической мысли, следует отметить, что наиболее разработанным данный вопрос является в развитых странах, особенно в США. В работах американских исследователей глобализация рассматривается как преимущественно положительное явление.

Однако в развитых странах не существует единого подхода к пониманию сущности процесса глобализации. Если специалисты США и Великобритании считают глобализацию абсолютным благом (М. Интрилигейтор, Т. Фридман и др.), то ученые других стран, в первую очередь Германии, Франции, Японии (М. Миеси, Г. Эрлер и др.) относятся к данному явлению с чрезвычайной осторожностью. Д. Стиглиц в книге «Глобализация: тревожные тенденции» писал: «Я продолжаю верить в то, что глобализация, т.е. устранение барьеров на пути свободной торговли и более тесная интеграция национальных экономик, может быть доброй силой, и в то, что в ней заложен такой потенциал развития, который способен улучшить жизнь всех жителей Земли, в том числе тех, кто сейчас беден. Но я также уверен, что для осуществления этой задачи необходимо радикально пересмотреть механизмы управления глобализацией как в сфере международных торговых соглашений, играющих столь важную роль в устранении торговых барьеров, так и в области политики по отношению к развивающимся странам»⁴.

Индийский ученый Г. Капур полагает, что термин глобализация «отражает идеологию рынка, правила, работы которого диктуются МВФ, Всемирным банком, лидерами «большой семерки», причем США играют на этом глобализирующемся рынке роль победителя в холодной войне»⁵. Несмотря на выступления сторонников глобализации и либерализации, в странах богатого Севера, считает Капур, снижаются зарплаты и растет безработица. Что же касается Юга, то его население в максимальной мере страдает от глобализации: привносимые новые западные ценности разрушают традиционные социальные структуры, не успевая создавать взамен им работающие альтернативы «поскольку большая часть населения мира не получает благ от глобалистов...»

В работах китайских ученых, занимающихся разработкой проблематики глобализации, доминирует больше утилитарный, нежели теоретический подход. Известный китайский экономист Фань Ган, обсуждая проблемы глобализации, вводит понятие «неравного положения в глобализации», под которым понимает то обстоятельство, что развитые страны получают больше дивидендов от глобализации, чем развивающиеся. В отличие от ряда авторов из развивающихся государств, возлагающих ответственность за неравенство в глобализации на развитые страны, Фань Ган полагает, что менее развитые экономики, в том числе китайская, сами должны искать пути преодоления такого неравенства и, прежде всего, обратить внимание на соответствие степени открытости экономики, требуемой глобализацией, внутренним возможностям страны успешно участвовать в глобальной конкуренции⁶.

Другой китайский ученый Е. Цзян предлагает свое понимание глобализации как «воздействия экономической деятельности на глобальные экономические системы». Отмечая, что самое большое воздействие глобализации заключается в снижении возможностей государств осуществлять свой суверенитет в отношениях с другими государствами, Е. Цзян продвигается дальше своих коллег, говоря о том, что хотя «глобализация экономики дает возможность государствам надеяться на достижение прогресса в

экономике путем регионализации, меняет их самодостаточное положение, объективно приводя к тому, что государственный суверенитет перестает быть, как раньше, священным и неприкосновенным»⁷.

Следует заметить что, чем менее развита страна, чем меньше она интегрирована в происходящие процессы, тем более негативно в ней воспринимается глобализация. К примеру, в странах Африки ученые, представители политической и бизнес-элиты почти повсеместно едины в своем отрицательном отношении к глобализации⁸.

Российские исследователи по-разному рассматривают феномен глобализации. Так, ученый В. Кувалдин понимает глобализацию как «объективный общецивилизационный процесс, новую форму бытия, соответствующую реальностям XXI века». Согласно трактовке профессора В. Миронова, возникновение единого пространства мирового рынка, мировых финансов и товаров, единой системы коммуникаций и услуг сопровождается формированием «глобальной системы ценностей и единой господствующей культуры». Глобализация, по его мнению, – «это весьма противоречивая форма перехода к новейшей информационной цивилизации»⁹.

Анализируя определения глобализации, было бы неправильно говорить лишь об экономической направленности глобализации, ведь это сложный, многогранный процесс, включающий в себя множество других направлений.

Например, М. Делягин определяет глобализацию как «процесс лавинообразного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных, технологий»¹⁰. Он категорически не согласен с теми, кто сплошь и рядом под глобализацией понимает интеграцию, т. е. процесс международного объединения рынков.

И. И. Лукашук рассматривает глобализацию как «всемирный процесс, взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую экономическую и общественную систему»¹¹.

Многочисленные взгляды на глобализацию можно систематизировать, условно выделив два базовых направления, которые схематично представлены на рис. 1.

Первое направление представлено глобалистами, которые считают, что глобализация – феномен мировой экономики, ее принципиально новая стадия развития. Динамичное развитие информатизации на этой стадии развития человечества некоторые ученые рассматривают как третью цивилизационную революцию после неолитической, сельскохозяйственной и индустриальной (А. Д. Урсул, В. А. Уледов). Движущая сила глобализации, согласно этому направлению, – рыночная экономика и новые технологии, а перспективы развития планетарной экономики – глобальная цивилизация.

Представители этого направления (Б. Р. Скотт, К. Омэ, В. Коллонтай, Т. Левитт и др.), как правило, находятся на теоретических позициях неоклассической экономической школы, принципах свободного рынка. По их мнению, свобода перемещения факторов производства должна привести к переливу капитала из стран с высоким уровнем дохода в бедные страны с низкой ценой труда, что вызовет в последних интенсивный экономический рост, а в конечном итоге произойдет конвергенция регионов с низким и высоким уровнями дохода.

В действительности глобализация ведет к усилению неравномерности развития отдельных стран. Б. Р. Скотт утверждает, что глобальные рынки предоставляют возможности всем, но возможности не равносильны результату. Так как главными фигурами в глобальной экономике выступают «глобальные корпорации», то политика национальных государств становится бессмысленной и требуется создание «наднациональных институтов» (К. Омэ), что вызывает протесты антиглобалистов.

Второе направление представлено противоположными взглядами на глобализацию. Здесь не признается феномен глобализации. Сущность глобализации видится в чрезмерно высоком уровне взаимозависимости национальных экономик, эволюционном развитии международного разделения труда, которое выступает движущей силой. Отсюда глобализация – результат исторического эволюционного развития мировой экономики. Перспективы такой глобализации – интеграция при одновременной регионализации.

В документах ООН приводится следующее определение глобализации: «Глобализация – это общий термин, обозначающий всё более сложный комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, предприятиями, инструментами и рынками ... Глобализация проявляется в расширении потоков товаров, технологий и финансовых средств, в неуклонном росте и усилении влияния международных институтов гражданского общества, в расширении масштабов трансграничных коммуникационных и информационных обменов, приходе всего через Интернет, в трансграничном переносе заболеваний и экологических последствий, и во все большей интернационализации определенных типов преступной деятельности»¹².

Нельзя не согласиться с А. Л. Коштиним в том, что изучать глобализацию необходимо в качестве особого самостоятельного явления и как проявление интернационализации хозяйственной жизни. На наш взгляд, необходим синтез двух теоретических направлений, описанных выше.

На современном этапе развития глобализация существует в формах, показанных на рис. 2.

Основными признаками, характеризующими процесс глобализации являются следующие:

– мировое экономическое сообщество из совокупности взаимосвязанных (в той или иной степени) стран превращается в целостную экономическую систему (планетарную экономику). Национальные хозяйства (экономики) оказываются составными элементами единого всемирного хозяйственного организма, а их перспективы в меняющемся мире определяются ходом развития этого организма как целого;

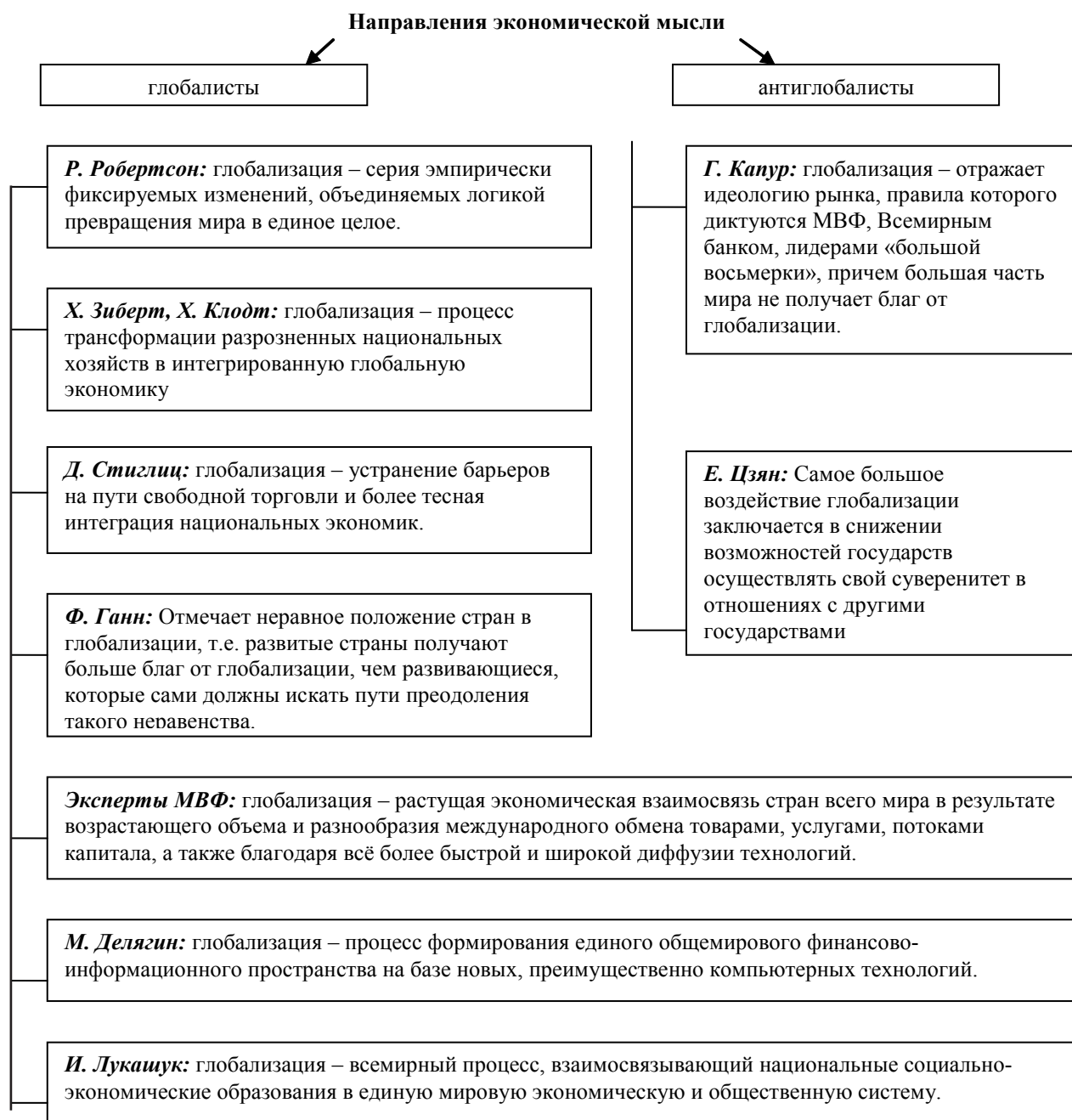

Рис. 1. Эволюция направлений глобализации в экономической литературе

– характеризуется сложным процессом трансформации национально-государственной формы организации мирового хозяйства в новую форму. Международные экономические процессы перерастают из межстрановых, более или менее эффективно регулировавшихся в одностороннем, двустороннем или многостороннем порядке национальными государствами, во внестрановые, практически полностью не поддающиеся государственному регулированию;

– снижение регулирующих функций национального государства, которое уже не может, как прежде, защищать национальную экономику от нежелательных внешнеэкономических воздействий. У национального государства появляются новые функции, меняются или исчезают прежние (экологическая, экономическая дипломатия, антимонопольное регулирование и т. д.);

– государственно-монополистический капитализм приобретает международные формы интеграционных объединений в виде «общего рынка», например, преобразовавшегося в Европейский Союз (ЕС). Быстро развивается транснациональный капитал;

– финансовая сфера (особенно фондовый рынок) приобретает глобальные масштабы. Это существенно меняет условия хозяйственной деятельности. Международное движение капиталов в виде займов, кредитов, торговли ценными бумагами, валютных операций практически в 50 раз превышает мировой товарооборот. Финансовые рынки функционируют в значительной мере обособленно от развития воспроизводственных процессов в реальном секторе экономики.

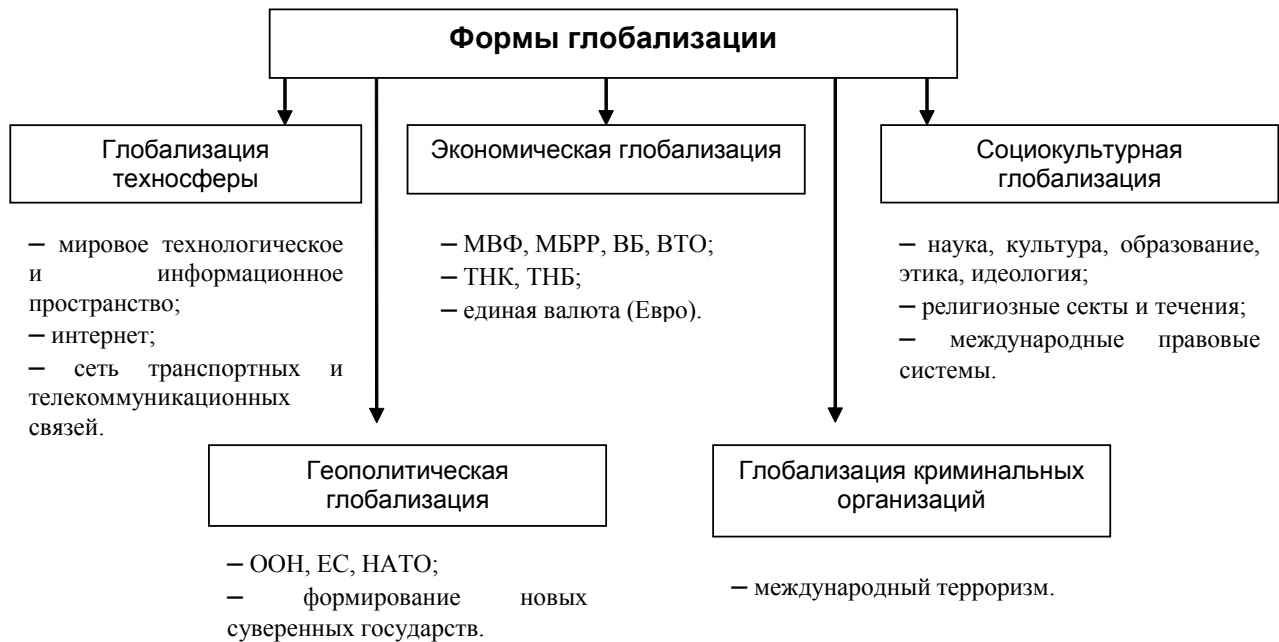

Рис. 2. Формы глобализации

Таким образом, анализ теории и методологии глобализации в отечественной и зарубежной литературе позволил сделать вывод, что глобализация – это современный необратимый процесс преобразования мирового хозяйства в единую зону с единым экономическим, политическим, социо-культурным, информационным пространством, в рамках которого беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, услуги и информация стимулируя тем самым развитие современных институтов и механизмов их взаимодействия.

На наш взгляд необходимо выделить следующие специфические особенности феномена глобализации.

Во-первых, глобализация – это современный, объективный и необратимый процесс, присущий постиндустриальному обществу, этап длительного исторического процесса интернационализации рынка и производства, формирования финансового капитала, который проходит через все цивилизации и внутри каждой.

Во-вторых, глобализация – не просто новый этап интернационализации или новый уровень интегрированности экономической деятельности. Это качественно новое состояние мировой экономики, возникшее на определенном временном рубеже – в конце XX и продолжающееся в XXI столетии.

Далее выявим и проведем анализ существующих моделей глобализации экономики.

Экономический аспект глобализации можно рассмотреть с позиции двух моделей. Общепринятого названия этих моделей еще нет, следовательно, нами предложены следующие наименования моделей – технократически-однополярная (неолиберальная) и гуманистически-ноосферная. Схематично эти модели представлены на рис. 3.

Рассмотрим технократически-однополярную модель, которая отражает тенденции, преобладающие на современном этапе развития глобализации и определяют ее современный облик. Этой модели присущи следующие характерные черты.

Во-первых, исходное положение модели состоит в том, что к концу XX века утвердилось господство рынка, демократии и системы ценностей западной цивилизации. Движение в будущее стало односторонним, наступило состояние, которое Ф. Фукуяма назвал «концом истории». Это и определяет общий фон динамики мирового сообщества, на котором могут развиваться процессы глобализации в XXI веке.

Во-вторых, лидерами в процессах глобализации должны выступать цивилизации и страны, которые являются выражением победившего социально-экономического строя, и, прежде всего это США и Западная Европа. Отсюда многоуровневый, многослойный характер глобального мира. Верхний, лидирующий уровень – страны с высоким уровнем доходов, которые концентрируют у себя основные финансовые ресурсы и присваивают выгоды от глобализации.

Помимо всего вышесказанного, реализация неолиберальной модели глобализации, в сущности, ведет к геополитическому расколу мира. Концепцию раскола цивилизации в своих исследованиях попытался обосновать В. Л. Иноземцев¹³. Согласно его концепции, мир необратимо раскололся на три группы стран:

- постиндустриально-постэкономические (США и Западная Европа), самодостаточные и в значительной мере независимые от невозобновляемых природных ресурсов;
- «догоняющие» страны, обреченные оставаться на стадии индустриального общества;

Рис. 3. Краткая характеристика основных моделей глобализации

- группа стран и цивилизаций «четвертого мира», которые не в состоянии самостоятельно обеспечить свое развитие и должны быть подвергнуты покровительству постэкономического мира.

Из этой концепции следует утверждение однополярного мироустройства при ведущей роли США. Автор формулирует основы программы неоколониализма: беднейшие страны «должны быть лишены своего суверенитета в течение ближайших десяти лет на основе мандата ООН или иного нормативного акта, и управление ими передано группам международных наблюдателей и экспертов, опирающихся на ООН»; в следующие 15–20 лет на средства, выделяемые из бюджетов ведущих постиндустриальных стран и предоставляемые международными финансовыми организациями, должны быть проведены мероприятия по предотвращению дальнейшей деградации природных систем, обеспечению минимального прожиточного уровня для всех граждан, формированию производственного потенциала на основе сбалансированных аграрных технологий».

В заключение, следует отметить социальную основу неолиберальной модели глобализации. Она состоит в глобальном распространении системы ценностей западного мира, что отметил еще П. Сорокин¹⁴, в ликвидации социокультурной самобытности иных цивилизаций. Для решения этой задачи активно используются Интернет, глобальные телекоммуникационные системы, распространение унифицированной, масс-культуры, причем основной упор делается на формирующееся мировоззрение подрастающих поколений.

Рассмотрим вторую модель глобализации – гуманистически-ноосферную. Данная модель исходит из того, что постиндустриальное общество, является гуманистически-ноосферным по своему содержанию, приоритет в нем отдается творческому началу и обеспечению достойных условий жизни и развития каждому человеку, каждому народу и каждой цивилизации. Первым приоритетом, основой богатства наций становится сфера духовного воспроизводства – наука и образование («общество знаний»), высокая культура и гуманистическая этика. Такое общество может быть построено лишь в глобальных масштабах, оно несовместимо с расколотой цивилизацией, безоговорочным мировым лидерством одной сверхдержавы и тем более с неокOLONIALИЗМом отставших стран.

Альтернативная модель глобализации ориентирована на сохранение и обогащение разнообразия цивилизаций и культур. Не случайно сейчас наблюдается тенденция возрождения значимости цивилизационных и национальных ценностей и особенностей. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 ноября 2001 г. «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями» подчеркнуто, что «все цивилизации прославляют единство и многоликость человечества и получают дальнейшее развитие благодаря диалогу с другими цивилизациями»; что «несмотря на препятствия, возводимые нетерпимостью и агрессией, на протяжении всей истории происходило конструктивное взаимодействие между различными цивилизациями»; что «достижения цивилизаций являются коллективным наследием человечества».

Возможности раскола и столкновения цивилизаций необходимо противопоставить альтернативу их активного диалога, делового сотрудничества и партнерства в решении узловых глобальных проблем XXI века.

Главной целью альтернативной модели глобализации является сокращение разрыва в уровне социально-экономического, научно-технологического и экологического развития различных стран и цивилизаций. Следует отметить, что этот разрыв появился при индустриальном обществе.

Очевидно, что изменение модели глобализации возможно лишь в условиях многополярного мироустройства. Преобладающая сегодня тенденция формирования однополярного мира, диктата единственной сверхдержавы, по сути, бесперспективна. Дело не только в исторических аналогиях (подобные попытки не раз предпринимались в прошлом, и завершались крахом – Римская империя, Монгольская империя, охватившая практически всю Евразию, Британская империя, фашистский рейх и т. п.). Но стремление к мировому господству неизбежно вызывает активное противодействие со стороны отдельных стран и цивилизаций и в то же время подрывает силы страны, претендующей на мировое господство.

Нельзя измерять превосходство стран и цивилизаций по их военной и экономической силе. Необходимо становиться на путь сотрудничества и партнерства в решении острейших глобальных проблем. Такова основа становления альтернативной, гуманистически-цивилизационной модели цивилизации, учитывающей и укрепляющей разнообразие цивилизаций и культур и их взаимное обогащение.

Общественные и политические силы реализации альтернативной (гуманистически-цивилизационной) модели глобализации следующие. Это – активно развивающиеся древние цивилизации Китая и Индии, которые к середине XXI могут стать преобладающими как в численности населения, так и в производстве мирового валового продукта. Это – российская цивилизация, исполняющая роль моста между Востоком и Западом; постепенно осознающая особые национальные интересы западноевропейская цивилизация (материнская по отношению к североамериканской). Это – африканская цивилизация (Южнее Сахары), находящаяся в условиях тяжелейших экономического и социального кризисов, тогда как в промышленно развитых странах наблюдается перепроизводство товаров и услуг.

Очевидно, что выбор модели интеграции в процесс глобализации и ее реализация – процесс длительный и более чем сложный, однако он необходим для эффективного участия национальной экономики в современных международных экономических отношениях.

Примечания

¹ Robertson R. Globalization. L. : Sage, 1992.

² Sibert H. Towards Global Competitions : Catalyst and constraints / H. Sibert, H. Klodt. Kiel, December 1998. P. 2.

³ World Economic Outlook. May 1997. P. 45.

⁴ Стиглиц Дж. Глобализация : тревожные тенденции. М. : Мысль, 2003. С. 7.

⁵ Kapur G. Globalization and Culture : Navigating the Void // The Cultures of Globalization. Duke University, USA. 1998. P. 192.

⁶ Фань Ган. Проблема неравенства в процессе глобализации / пер. с кит. О. Борох // Синьхуа вэньчжай. 1999. № 7. С. 51.

⁷ Цзян Е. О влиянии глобализации на международные отношения // Гонцзи гуанча. 1998. № 1. С. 12.

⁸ См.: Михеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм : вызовы для России. М., 2001. С. 34.

⁹ Независимая газета. 15.04.1997; 07.06.1997.

¹⁰ Делягин М. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000.

¹¹ Лукашук И. И. Глобализация : государство, право, XXI в. М., 2000.

¹² Доклад Генерального секретаря о работе организации ООН. Нью-Йорк, 2000. URL : www.un.org.

¹³ Иноземцев В. Л. Расколотая цивилизация. М. : Academia-Наука, 1999.

¹⁴ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997.

Бархатов В. И.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Рассмотрим особенности влияния процесса глобализации на современные международные экономические отношения.

Глобализация рынков и мировой экономики в целом выступает объективной тенденцией развития, для которой в ближайшей перспективе, по-видимому, не существует другой реальной альтернативы. Однако, это «не линейный, а противоречивый, неравномерный процесс, постоянно меняющий свои конкретные формы, методы и механизмы реализации, проявления»¹.

Глобализация экономики проявляется на товарных и финансовых рынках. В условиях процесса глобализации мировое хозяйство подразделяется на два независимых друг от друга блока: финансовый, демонстрирующий существование относительно самостоятельного транснационального рынка капитала, и производственный (технологический), являющийся отражением международного разделения труда и основанного на нем обмена товарами и услугами. Однако, подобная независимость достаточно условна. На практике товарные и финансовые рынки взаимосвязаны: зачастую за потоками банковского капитала стоят промышленные корпорации, равно как и за товарным обменом – финансовые институты.

Глобализация финансовых рынков заметно ускорила в последнее десятилетие вследствие отказа многих стран от жесткого регулирования денежного обращения, включая контроль над процентными ставками и обменными валютными операциями, количественные ограничения кредитных операций банков, международного движения капиталов и т. п.

Операции с финансовым капиталом сегодня осуществляются не только на национальных рынках, что было характерно для середины XX в., но и на международном рынке. Их проводят как частные корпорации, коммерческие банки, небанковские финансовые организации (страховые, инвестиционные и пенсионные фонды), так и центральные банки стран мира, государственные структуры.

К настоящему времени сложились и активно функционируют так называемые евторынки, на которых национальные по принадлежности банки проводят оффшорные операции – выдачу кредитов и принятие депозитов в иностранных по отношению к стране их базирования валютах. Операции на этих рынках не регламентируются национальными законодательствами. Так, на средства, привлекаемые с евторынка, не распространяются резервные требования центральных банков, а процентный доход по еврокладам освобождается от обложения подоходным налогом. Не подпадая под какую-либо национальную юрисдикцию, евторынок получает конкурентные преимущества. Стихийно складывающийся на нем уровень процентных ставок позволяет банкам выплачивать по заемным средствам в евровалютах больший процент и предоставлять кредиты по более низким ставкам.

Организационно евторынки представляют собой конгломерат из нескольких сотен крупных банков, расположенных в основных финансовых центрах Западной Европы и в тех странах, где не ограничиваются права банков на проведение операций в иностранных валютах с нерезидентами. Инструментами этих рынков являются еврокредиты, еврооблигации, евроексселя, евроакции. Заемщиками на евторынках выступают ТНК, финансирующие капитальные вложения в разных странах, а также государства, имеющие дефициты платежных балансов. Ведущие транснациональные банки (ТНБ) с широкой сетью заграничных филиалов фактически осуществили раздел этих рынков и являются главными посредниками на них, обслуживая ТНК, государства и международные организации. Развитие евторынков повлекло за собой возникновение новых международных финансовых центров: в Люксембурге, Сингапуре, Гонконге, Панаме, на Багамских островах и др.

Перераспределение финансовых ресурсов в мире, которое активизировалось в результате либерализации финансовых рынков, происходит при включении в финансовые потоки больших объемов так называемых «горячих» денег, привлекаемых высокими процентными ставками и ревальвациями валют. Свободно перемещаемый транснациональный капитал ищет наиболее доходные рынки и по большей части является спекулятивным. Он, как правило, вкладывается на короткие сроки и может быстро изменять направления при улучшении или ухудшении условий в том или ином регионе, либо в конкретной стране. Высокая мобильность спекулятивного капитала потенциально несет в себе угрозу принимающим его странам, которые могут оказаться в сложной финансовой ситуации в случае его интенсивного оттока.

В перемещении капитала между различными странами возрастающую роль играют прямые иностранные инвестиции в сферу производства и услуг, осуществляемые главным образом ТНК. Побудительными мотивами зарубежных вложений для них являются стремление к технологическому лидерству, оптимизация размеров корпораций, снижение себестоимости продукции, борьба за новые рынки сбыта, доступ к иностранным природным ресурсам и некоторые другие. Принимающим странам прямые производственные инвестиции несут передовые технологии, современный опыт управления, обширные деловые связи, не вызывая при этом роста их задолженности. Приток иностранного капитала в страну увеличивает ее производительные ресурсы, приводит к мобилизации местных про-

изводственных факторов и их более эффективному использованию, понижению цен и повышению качества импортозамещающей продукции и устаревших изделий национального производства.

В перемещаемых в мире финансовых ресурсах существенная доля приходится на межгосударственные займы и кредиты, предоставляемые на двусторонней или многосторонней основе развивающимся и бывшим социалистическим странам (странам с переходной экономикой) для решения задач повышения стабильности развития и экономического роста. Главными их кредиторами выступают государства, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также некоторые государства Азии и Ближнего Востока. Существенную финансовую поддержку правительствам и центральным банкам этих стран в критических ситуациях оказывают международные организации – МВФ, МБРР, ЕБРР и другие банки регионального развития, отдельные специализированные организации ООН. На долю этих организаций в период 1975–1995 гг. приходилось около половины всего объема двусторонней правительственной финансовой помощи развивающемуся миру и странам с переходной экономикой. Чистый годовой приток финансовых средств в развивающиеся и бывшие «социалистические» страны по государственным каналам к середине 90-х годов составил внушительную сумму – 60 млрд долл., из которых 80 % было предоставлено на льготных условиях.

Рост мобильности и масштабности международных финансовых потоков придал мировой экономике ярко выраженный долговой характер. Государственный долг стран ОЭСР, например, составил к середине 90-х годов 70 % их ВВП. Задолженность развивающихся стран достигла 1,5 трлн долл. и перешла в разряд непогашаемой². Кредиторы фактически согласись с неспособностью наиболее бедных стран планеты выполнять свои долговые обязательства и идут во многих случаях на прямое списание долгов.

Следовательно, в результате глобализации финансовые инструменты перестали быть чисто национальными институтами, регулируемыми параметрами экономического развития, и превратились в мощный инструмент экспансии одних стран и их ведущих корпораций в экономику других стран.

В реальном секторе также усиливается взаимная зависимость между национальными производителями товаров и услуг различных стран. В условиях нарастающей либерализации рынков интенсифицируется международное перемещение материальных, технологических и интеллектуальных ресурсов, все больше индустриализируется структура мировой торговли.

Мировой торговый обмен в современных условиях отражает уже не только разделение труда между странами, но и распределение производственных функций внутри транснациональных концернов, выходящее за национальные границы. Интенсивное развитие научно-технического и производственно-инвестиционного сотрудничества ведет к смещению границ обмена товарами и услугами на новый рубеж – к международному корпорационному обмену. Под влиянием этого процесса происходит производственно-технологическое сближение национальных экономик, в том числе и по организационно-управленческой линии.

В результате углубления международного разделения труда в рамках ТНК, базирующегося на горизонтальной и вертикальной интеграции производственной, исследовательской, сбытовой и иной деятельности подразделений фирм, весомая доля международных потоков товаров и услуг – 40 % – формируется в настоящее время за счет внутрикорпорационного обмена. Под контролем ТНК к началу XXI в. находилось 90 % мирового рынка пшеницы, кофе, кукурузы, лесоматериалов, табака, джута и железной руды, 85 % рынка меди и бокситов, 80 % – чая и олова, 75 % – бананов, натурального каучука и сырой нефти³.

Мировой товарный рынок превратился в сложную многоярусную систему. Нижний ее ярус – рынок базовых товаров, к которым относятся сельскохозяйственная продукция и продукция добывающей промышленности. Средний ярус системы – рынок трудоинтенсивных готовых изделий и полупродуктов, или, иначе говоря, низко- и среднетехнологичных товаров. В категорию низкотехнологичных товаров входят продукты черной металлургии, конструкционные материалы, текстиль, швейные изделия, обувь, другая продукция легкой промышленности, а в категорию среднетехнологичных – станки, транспортные средства, резино-технические и пластмассовые изделия, продукты основной химии и деревообработки. Верхний ярус мирового рынка – это рынок высокотехнологичной продукции: аэрокосмической техники, автоматизированного конторского оборудования, информационной техники, электроники, точных измерительных приборов, электрооборудования, фармацевтики.

Наиболее динамично во второй половине прошлого столетия расширялись, следуя тенденциям в материальном производстве, средний и верхний ярусы мирового рынка. Удельный вес продукции сельского хозяйства в мировом экспорте за четыре с половиной десятилетия (с 1950 по 1995 гг.) уменьшился в 2,4 раза, продукции добывающей промышленности – в 2,8 раза, а продукции обрабатывающих отраслей, напротив, увеличился вдвое. В течение всего этого времени более половины готовых изделий устойчиво приходилось на машины и оборудование, доля которых на мировом рынке превосходит теперь совокупный удельный вес продукции добывающей промышленности и сельского хозяйства.

В связи с неравномерностью технико-экономического развития различных стран ярусы мирового рынка освоены ими в различной степени. Так, на рынке высокотехнологичной продукции между собой конкурируют в основном постиндустриальные страны, вовлеченные в процесс постоянной разработки научно-технических инноваций и не заинтересованные в появлении новых претендентов на какую-либо долю данного рынка. На рынке средне- и низкотехнологичной продукции соперничают, главным образом, индустриализирующиеся страны, идущие по пути «догоняющего развития». Число

участников конкуренции на данном рынке возрастает за счет развивающихся стран и стран с переходной экономикой, а следовательно, конкуренция приобретает все более жесткий характер. На рынке базовых товаров, сфера которого непрерывно сужается в относительном измерении, сбывают основную долю своей продукции большинство латиноамериканских, африканских и развивающихся азиатских стран, а также постсоветские государства. Здесь также довольно много конкурентов, претендующих на долю рынка.

Специфика реализуемой на мировом рынке продукции предопределяет характер конкуренции на всех его ярусах. В торговле базовыми товарами преобладающей формой соперничества выступает ценовая конкуренция: качественные параметры этих товаров в целом более или менее схожи. Основа конкуренции на рынках готовых изделий – не столько цена, сколько потребительские свойства продукции, которые весьма различны и постоянно совершенствуются.

Свойственный каждому из ярусов рынка характер конкуренции закономерно влечет за собой отличия в торговой политике различных стран. В зависимости от избранной экономической стратегии и решаемых в данное время хозяйственных задач национальные правительства избирают меру сочетания в ней открытости и протекционизма, экономических и административных инструментов регулирования товарных потоков, дифференциации уровней защиты внутреннего рынка в отношении тех или иных видов товаров.

Зарубежная практика показывает, что в наименьшей степени защищаются рынки базовых товаров, а рынки готовых изделий, как правило, являются объектом протекционизма – тарифных и нетарифных ограничений импорта. Так как в рамках ВТО действуют договоренности о понижении тарифных барьеров, ориентация в регулировании все большего числа стран смещается в пользу нетарифных методов защиты национальных рынков.

Поскольку в мировом экспорте готовых изделий подавляющая часть (примерно 80 %) приходится на промышленно развитые страны, именно эти страны, по существу, устанавливают порядок обмена продукцией науко- и технoемкого производства через договоренности на двусторонней или многосторонней основе. По мере продвижения по ступеням технического прогресса они, естественно, утрачивают интерес к защите отечественных производителей материалоемких и трудоемких изделий, стремясь удешевить обмен ими путем снижения или даже упразднения импортных тарифов. Догоняющие страны, в меру возможностей отстаивая свои интересы, вынуждены все же воспринимать вырабатываемые мировыми экономическими лидерами «правила игры», соглашаясь с высокими тарифами на новые категории товаров и сниженными на продукты, циркулирующие на нижних ярусах мирового рынка.

Интернационализация финансов и производства, таким образом, ведет к усиливающейся взаимной интеграции национальных рынков. В мировом хозяйстве возникает регулируемый в многостороннем порядке интернациональный производственно-финансовый комплекс, основанный на международном разделении труда и учитывающий макроэкономические особенности регионов. Его ядром являются транснациональные корпорации, конкурирующие между собой на рынках всех континентов и обладающие значительным экономическим влиянием. Функционирование этого комплекса во многом будет определять изменения в динамике и структуре международных потоков товаров, услуг и капитала в перспективе.

Опыт последних десятилетий показывает, что динамичное развитие мирохозяйственных связей существенно модифицирует процессы воспроизводства в рамках национальных границ, изменяя объем ресурсов, используемых странами, и преобразуя их материально-вещественную форму. Под давлением иностранной конкуренции в открытых рыночных хозяйствах происходит структурная перестройка – свертываются нежизнеспособные или приходящие в упадок производства, развиваются передовые отрасли. Одновременно осуществляются техническая модернизация, внедряются новые формы организации хозяйственной деятельности, совершенствуются методы управления. Активное участие национальных компаний и экономик стран в международном разделении труда заставляет снижать издержки, повышать производительность труда, поддерживать высокий уровень конкурентоспособности.

В настоящее время благодаря информационной революции и бурному развитию коммуникационных технологий происходит перерастание количественного накопления интернационализации хозяйственной жизни в новое качество мировой экономики. Новейшие технологии создали наднациональные взаимосвязи, благодаря которым информация легко преодолевает физические преграды и государственные границы. Складывается глобальное киберпространство. Позволяя получать необходимую информацию с любого расстояния в реальном режиме времени и быстро принимать решения, современные системы телекоммуникаций беспрецедентно облегчают организацию международного инвестирования капиталов, кооперирования производства и маркетинга на фирменном уровне, как и взаимное приспособление макроэкономической политики разных государств на уровне правительств и центральных банков. Благодаря информационной революции формируется, в сущности, новая мировая экономика, где государственные границы размываются с чрезвычайной интенсивностью.

За последние десятилетия расширились масштабы научно-технического прогресса. Вслед за мировыми экономическими лидерами его достижения осваивают теперь новые индустриальные страны, в том числе и путем заимствования передовой техники и технологии. В мире появляются новые товары и услуги, порождающие новые потребности и требующие для своего создания новых технологических и организационных связей. Расширяются масштабы выпуска новой, современной продукции – элек-

троники, компьютеров, оптико-волоконной техники, математического обеспечения и др. На смену прежним технологиям приходят современные, обеспечивающие ресурсосбережение и экологическую чистоту. Научно-технический прогресс повлек за собой рост производства готовой продукции, в первую очередь высокотехнологичной и наукоемкой, что дало импульс дальнейшему углублению международного разделения труда, особенно внутриотраслевого, осуществляемого на фирменном уровне. Seriously обновилась международная транспортная инфраструктура, появились новые поколения всех видов транспорта. В результате этого значительно ускорились и подешевели перевозки грузов и пассажиров. Кроме того, произошел резкий, по сути революционный, скачок в информатизации, базирующийся на новейших достижениях в области электроники и систем связи.

Информационная революция позволила получать необходимую информацию из любой точки земного шара в реальном режиме времени и более оперативно принимать решения, касающиеся перемещения ресурсов и производственных процессов из страны в страну. Доступность информации создала дополнительные возможности управленческому аппарату в государствах и отдельных корпорациях выбирать наиболее оптимальные варианты действий.

Расширились масштабы международной кооперации производства и обмена, прежде всего за счет наиболее интенсивного их развития в рамках транснациональных корпораций (ТНК). Сегодня ТНК играют в мировом хозяйстве решающую роль. К середине 90-х годов около 40 тыс. ТНК контролировали от трети до половины мирового промышленного производства, свыше половины международной торговли, около 4/5 мирового банка патентов и лицензий на новую технику, технологии и «ноу-хау»⁴.

Существенно усилилось переплетение не только производственных и сбытовых связей, но и судебных капиталов. В результате этого процесса значительно расширился объем кредитных ресурсов и возможности доступа к ним в любой точке мирового хозяйства. Наряду со всем этим формировалась система международного регулирования торговых и финансовых операций. В настоящее время нормы и правила их осуществления согласовываются в многостороннем порядке в рамках специализированных международных форумов и институтов – ВТО, ЮНКТАД, МВФ, МБРР и др. Поэтому членство в подобных организациях для каждой страны служит определенной гарантией соблюдения ее интересов другими странами, разумеется, если она сама неукоснительно следует многосторонним договоренностям о мерах регулирования торговли и движения капиталов.

Усиливающаяся интернационализация хозяйственной жизни создает предпосылки для расширения международной диффузии современных видов продукции, технологий, производственных процессов и систем, патентов, «ноу-хау», маркетинга и менеджмента, иначе говоря, для распространения в мировом хозяйстве экономических, экологических и иных стандартов постиндустриального общества.

Интенсификация трансграничного перемещения производственно-технологических, финансовых и интеллектуальных ресурсов ведет, таким образом, с одной стороны, к их более эффективному перераспределению и использованию в масштабах планеты, ускорению развития национальных экономик. С другой стороны, либерализация рынков и усиление взаимозависимости национальных хозяйственных систем несут неодинаковый эффект развитым и развивающимся странам, которые заметно различаются по наличию производственных факторов конкурентоспособности. Первые, будучи структурно избыточными, находят в мировом хозяйстве применение своим излишкам и увеличивают степень своего контроля над мировыми производственными ресурсами и, как следствие, над своим долгосрочным доходом. Вторые, являясь структурно дефицитными, получают возможность наиболее рационально задействовать свои неиспользуемые ресурсы и провести структурную перестройку экономики в целях повышения производительности и доходов.

Общепризнанные теории международной торговли, в частности модель Хекшера-Олина, говорят о том, что мировой обмен способствует увеличению доходности факторов производства, которые в данной стране имеются в изобилии, и снижению доходности факторов, в которых она испытывает дефицит⁵. В условиях разной обеспеченности стран трудом и капиталом их интеграция в мирохозяйственные связи создает возможности для сближения уровней заработной платы в трудодефицитных и трудоизбыточных регионах. Сторонники глобализации, основываясь на упомянутой теории, указывают, что в развивающихся странах дефицит капитала и излишки трудовых ресурсов позволяют получать более высокую норму прибыли. Поэтому, по их мнению, устранение препятствий для перелива капитала ускоряет его перемещение из развитых в развивающиеся страны. Это, в свою очередь, влечет за собой увеличение темпов роста экономики и доходов на душу населения в абсорбирующих капитал странах. Иными словами, глобализация должна давать импульс к сокращению разрыва в доходах между различными группами стран, помогает догоняющим странам в определенной мере подтягиваться к экономическим лидерам.

Оппоненты сторонников глобализации утверждают, что прибыль на капитал (особенно масса прибыли, ее объем, а не норма прибыли) в развитых странах остается выше, чем в развивающихся. Этому способствуют масштабные вложения в развитие человеческого потенциала (образование и подготовку кадров), использование эффекта масштаба, постоянная инновационная активность и некоторые другие факторы, действующие в промышленном ядре мирового хозяйства. Следовательно, капитал перемещается не из развитых стран в развивающиеся, а в противоположном направлении. Экономический рост в развивающихся странах, справедливо подчеркивают они, тормозится гигантской внешней задолженностью, серьезно ограничивающей импортные возможности, ухудшением «условий торговли» для стран-экспортеров сырья⁶, ограниченностью спроса со стороны промышленно развитых стран на

экспортную продукцию остального мира. Последствия глобализации в связи с этим оцениваются ими негативно.

Еще более резко оцениваются последствия глобализации в странах развивающегося мира. Экономисты развивающихся стран утверждают, что либерализация торговли, гарантии экспортерам капитала и защита прав интеллектуальной собственности дают выигрыш только немногим богатым странам и ведут к увеличению разрыва в технико-экономическом развитии между Севером и Югом. Столь же жесткую характеристику современному глобальному экономическому развитию дают некоторые отечественные исследователи. Так, например, С. Глазьев обращает особое внимание на подчинение «мировой экономики интересам международной финансовой олигархии и транснационального капитала»⁷.

Беднейшие страны заявляют, что они не только не могут позволить себе расширить рамки либерализации, но хотели бы затормозить темпы введения в действие достигнутых ранее договоренностей, в частности, последних соглашений ГАТТ. Отчасти это связано с тем, что, хотя развивающиеся страны снизили барьеры на пути проникновения на их рынки промышленного импорта из развитых стран, Запад не торопится выполнять свои обязательства по либерализации импорта из развивающихся стран, прежде всего сельскохозяйственной и текстильной продукции.

На конференции ВТО в Сиэтле (декабрь 1999 г.) развивающиеся страны заняли жесткую позицию, продемонстрировав протест против стремления лидеров мировой экономики получать односторонние преимущества и их нежелания учитывать жизненно важные интересы той части мира, в которой проживает 80 % населения планеты.

Противоречивость оценок последствий глобализации свидетельствует, как минимум, о неравномерном, асимметричном распределении по планете ее положительного эффекта. Преимущества глобализации, по существу, не проявляются в беднейших, в первую очередь наименее развитых странах (48 государств Африки, Азии, Карибского бассейна и Ближнего Востока), технико-экономическое и социальное отставание которых от мирового промышленного авангарда продолжает увеличиваться. Результат этого – сохранение экономической поляризации мира, усиливающей напряженность в отношениях между Севером и Югом.

Обращая внимание на это обстоятельство, О. Богомолов справедливо отмечает, что «преимущества экономической глобализации реализуются отнюдь не автоматически, и не все страны в равной мере их ощущают. Нет убедительных свидетельств и того, что этот процесс способствовал обеспечению устойчивого экономического роста на нашей планете. Последний зависит на данный момент преимущественно от внутренних условий и политики наиболее развитых с экономической точки зрения стран»⁸.

Стремясь конкретизировать вопрос о последствиях глобализации, зарубежные и отечественные специалисты предпринимают попытки проверить корректность теоретических выводов сторонников и противников глобализации с помощью анализа обширных статистических материалов о развитии значительного числа стран мира. Так, Дж. Сакс и Э. Ворнер, проведя расчеты по 117 странам мира за период в 20 лет, приходят к заключению, что достаточным условием ускоренного развития стран с наименьшим уровнем дохода является проведение ими экономической политики, ориентированной, прежде всего, на открытость национального хозяйства и защиту прав частной собственности⁹. Ю. Шишков, рассмотрев динамику показателей ВВП, численности населения, внешнеторгового оборота и потребления по шести агрегированным им группам стран, делает следующий вывод: «Чем выше прирост внешнеторгового оборота в расчете на одного жителя региона, тем быстрее растет ВВП и потребление на душу населения». По его мнению, опасения относительно последствий глобализации связаны главным образом с недопониманием сложных прямых и обратных зависимостей, итоговый баланс которых в принципе положителен для всех стран мира. Исключением являются страны с переходной экономикой, в которых структурные кризисы нарушили нормальные экономические закономерности¹⁰. Однако, эти и иные оптимистические оценки, не дают оснований не замечать определенных реальных опасностей, возникающих в результате нарастания экономической открытости.

Очевидно, что углубление международного разделения труда и растягивание воспроизводственных цепочек в рамках мирового хозяйства в результате глобализации привело к рассредоточению воспроизводственных проблем и диспропорций по широкой территории, переносу их из центров мирового хозяйства на периферию. Не менее очевидно, что в процессе интегрирования в мировую экономику с серьезными проблемами адаптации сталкиваются развивающиеся и постсоциалистические страны.

Основная опасность для них состоит в том, что в условиях снижения роли национальных государств в регулировании мирохозяйственных связей уменьшаются возможности защищать национальную экономику от разрушительных сил рыночной стихии, экспансионистской ориентации более мощных конкурентов, массированных оттоков иностранного капитала, разрушительных финансовых и экономических кризисов.

Негативные последствия процесса глобализации все чаще проявляются в промышленно развитых странах. Их интеграция в мировое хозяйство регионов с дешевыми трудовыми ресурсами и миграция рабочей силы из бедных в более богатые страны оказывают серьезное давление на уровень доходов в странах Запада, что проявляется в снижении заработной платы в США и высоком уровне безработицы в Европе.

Усиление взаимозависимости национальных хозяйств делает более уязвимыми в случаях возникновения кризисных процессов на отдельных мировых товарных и финансовых рынках. В затронутых ухудшением ценовой конъюнктуры странах происходит сокращение экспортных доходов, с неблаго-

получных в финансовом отношении национальных рынков быстро и в широких масштабах уходит иностранный, в первую очередь, спекулятивный, капитал. Вследствие этого втянутые в кризис страны сталкиваются с трудностями в обслуживании внешних долгов, вынуждены прибегать к новым заимствованиям, отягчающим их долговые обязательства, а также ограничивать импорт, что в совокупности сдерживает их экономический рост.

Достаточно характерны в данном аспекте последствия валютно-финансового кризиса, произошедшего в середине 1997 г. в Юго-Восточной Азии. Начавшись с резкого обесценения тайландской валюты, он распространился на Индонезию, Малайзию и Филиппины, где также вызвал резкое ослабление национальных валют. Затем кризис охватил фондовый рынок Гонконга и Южную Корею, оказал серьезное негативное воздействие на японскую йену. В связи с тем, что кризис становился все более широким по своим масштабам, начался массовый отток иностранного капитала из стран Юго-Восточной Азии и из других стран с развивающейся и переходной экономикой, в которых высока степень инвестиционного риска. В 1998 г. кризис поразил Россию, оказал существенное влияние на страны СНГ, Румынию и Чехию, а затем – на Бразилию.

С другой стороны, повышение вероятности перерастания локальных спадов в глобальные заставляет основных участников мировой хозяйственной деятельности осознавать необходимость совместных и согласованных усилий по предотвращению кризисных явлений и вести поиск новых форм международной координации антикризисных мероприятий. Промышленно развитые страны вынуждены согласовывать между собой оказание финансовой помощи пострадавшим от кризисов странам, создавать консультативные структуры, которые должны прогнозировать развитие ситуации на глобальном рынке и вырабатывать превентивные меры, способные нивелировать ее ухудшение. Согласованные рекомендации вырабатывают такие новые структуры, как «Форум финансовой стабильности» стран «Большой семерки», «Глобальная финансовая архитектура» под эгидой международных организаций (группа G 20 с участием стран «семерки», России, Китая и других стран).

Таким образом, недостатки глобализации можно сформулировать следующим образом:

- практически неограниченный рост власти финансового капитала безразличный росту реального капитала;
- перекачивание капитала из стран с менее благоприятным инвестиционным климатом, что усугубляет их тяжелое положение в развитые страны;
- усиление проблем бедности и отсталости в развивающихся странах, дифференциация в уровне жизни. Так, в 1960 г. доход на душу населения пятой части населения богатых стран был в 30 раз выше пятой части беднейшего населения, то сейчас в 78 раз;
- конфликт между обществом и природой, угрожающий глобальной экологической катастрофой;
- усиление глобальной экономической и других видов преступности.

Таким образом, глобализация – это комплекс новых многообразных процессов, протекающих в планетарном масштабе. Определяющими моментами при выявлении сущности глобализации как нового процесса являются подходы к ней, как:

- закономерному объективному, независящему от воли и сознания людей явлению;
- общественно-экономической форме развития современного мира;
- явлению, характер и содержание которого определяются различными целями и интересами отдельных людей, социальных групп, классов, наций и цивилизаций. Результаты борьбы между ними определяют направления и социальные последствия глобализации. Движение антиглобалистов направлено на то, чтобы придать глобализации гуманистическую направленность, созидательный характер во имя прогресса человечества.

В заключение, следует подчеркнуть, что процесс глобализации не только создал для мирового сообщества дополнительные возможности ускорения развития, но и породил новые сложные проблемы, не поддающиеся решению без согласования на наднациональном уровне. Иными словами, неустойчивость системы мирохозяйственных связей вызывает потребность в усилении международного взаимодействия различных государств при разработке условий осуществления экономического сотрудничества, устраивающих большинство ее участников. Следовательно, в различных кругах мирового сообщества (от политических до научных) активизируется поиск наиболее оптимальных моделей регулирования мирохозяйственных связей, в котором активную роль должно сыграть каждое отдельное государство.

Примечания

¹ Коллонтай В. О неолиберальной модели глобализации // МЭМО. 1999. № 10. С. 3.

² Мовсеян А. Транснациональный капитал и национальные государства / А. Мовсеян, С. Огневцев // МЭМО. 1999. № 6. С. 58.

³ Там же. С. 56.

⁴ Деловой мир. 13. 11. 1997.

⁵ Оболенский В. П. Глобализация мировой экономики : проблемы и риски российского предпринимательства / В. П. Оболенский, В. А. Поспелов. М. : Наука, 2001. С. 32.

⁶ Под «условиями торговли» понимается соотношение индексов средних экспортных и импортных цен во внешней торговле конкретной взятой страны. Они улучшаются при повышении данного показателя и ухудшаются при его снижении.

⁷ Глазев С. Мы и новый порядок // Независимая газета. Приложение «Сценарии». 1997. № 11.

⁸ Богомолов О. Глобализация – вызов мировому экономическому порядку. М.: ИМЭПИ РАН, 1999. С. 34.

⁹ Сакс Дж. Экономическая конвергенция и экономическая политика // Дж. Сакс, Э. Ворнер // Вопр. экономики. 1995. № 5. С. 13.

¹⁰ Шишков Ю. Указ. соч. С. 8.

Берсенёв В. Л.

МЕЖДУ ЦЕНТРАЛИЗМОМ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ : ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В XX ВЕКЕ

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 26 «Научно-технологический прогноз развития экономики России». Проект «Закономерности формирования и функционирования саморазвивающихся экономических систем (хозяйствующих агентов, территорий, регионов) на основе использования передовых организационных и управленческих технологий»

Диалектика смены концепций экономической политики, как известно, бывает обусловлена тем обстоятельством, что составляющие механизм регулирования институциональные нормы и правила никогда полностью не совпадают с объективными связями и отношениями, присущими народному хозяйству как целостной системе. Данное несоответствие обуславливается как ограниченными возможностями познания закономерностей социально-экономического развития, так и мобильностью процессов в народном хозяйстве, периодически ставящих под сомнение адекватность стабильных нормативов экономического поведения меняющейся ситуации. Неспособность действующего механизма регулирования обеспечить упорядоченность экономической жизни, возрастание роли и значения неинституциональных норм хозяйственного поведения (вплоть до криминализации процедур принятия и исполнения решений) выступают в качестве индикатора, указывающего на вызревание потребности в новой реформе.

На длительном и многосложном пути формирования и развития российской государственности неоднократно встречались поворотные моменты, требовавшие от власти и общества отказа от устоявшихся принципов, смены политических ориентиров и модернизации системы производственных отношений. Современная экономическая реформа, при всём драматизме борьбы вокруг её реализации, представляет собой не более чем этап глобального эволюционного процесса, обладающего внутренней логикой и предопределённостью вариантов хозяйственных решений.

За прошедшие после начала рыночных преобразований более чем десять лет неоднократно предпринимались попытки проанализировать происходящее и дать ему оценку, «встроить» реформу в контекст российской цивилизации. В ранних публикациях¹ ещё сохраняет свою актуальность проблема выбора концептуальных основ и конкретных механизмов реформирования народного хозяйства страны. Во второй половине 1990-х годов приходит время осмысления сделанного, оценки правильности или ложности выбора и определения перспектив². Эта тенденция сохраняет своё значение и в начале 2000-х годов, однако до настоящего времени переход к рынку рассматривается как самодостаточный феномен, не только не связанный с предшествующими преобразованиями, но и отрицающий советский период истории народного хозяйства России вообще. Между тем современная реформа всего лишь венчает череду начинаний, направленных на повышение эффективности построенной к 1950-м годам в СССР социалистической экономики «по Марксу», хотя содержательно и воспринимается как процесс ниспровержения прежних форм хозяйствования и отказа от прошлого.

Чтобы оценить предпосылки и результаты тех или иных преобразований в хозяйственной сфере, необходимо обратиться к самому феномену реформы как особого социально-экономического явления, имеющего свою структуру и систему связей. Структуризация позволяет выявить место и значимость каждого из компонентов реформы и через них определить взаимосвязь преобразований с политическими, социальными и прочими факторами, превращающими реформу из «вещи в себе» в реальный процесс жизнедеятельности людей с их замыслами, ошибками, равнодушием и нежеланием нового.

Предварительно необходимо уточнить соотношение понятий «реформа» и «революция». Более тщательное разграничение смысла двух ключевых терминов, характеризующих различное качество общественных преобразований, необходимо хотя бы и потому, что считавшаяся длительное время непреодолимой трактовка данных определений оставляла основания для ряда вопросов. Если рассматривать революцию как наиболее исчерпывающее определение перехода от одной социально-экономической формации к другой, тогда становятся неясными причины, по которым ряд конкретно-исторических событий, не повлиявших в значительной степени на судьбы даже отдельных стран, был назван революциями. О фарсах, именуемых упёртыми «сахаровцами» победоносными «цветными революциями», говорить в контексте данной проблемы вообще даже и не прилично.

Б. Г. Литвак предложил свою формулировку разницы между двумя понятиями: «Реформа совершенствует общественную структуру; революция, в том числе и «сверху», её меняет»³. Однако в этой, по представлению автора, «азбучной марксистской истине», основанной на оттенках смысла используемых глаголов, содержится зримое противоречие. Если революция «сверху», по инициативе властей,

не есть реформа, то следует признать, что реформы в обществе должны инициировать какие-то неведомые силы «сбоку», обладающие для этого достаточными возможностями.

Представляется, что под экономической (хозяйственной) реформой следует понимать совокупность мероприятий, осуществляемых центральной властью с целью преодоления назревших социально-экономических противоречий посредством замены утратившего эффективность механизма регулирования экономических процессов другим.

Несомненно, основополагающие принципы преобразований должны фокусироваться в целевой установке реформы и ориентированной на неё концепции преобразований. Под целевой установкой следует понимать краткую характеристику изменений в социально-экономической и политической организации общества, достижение которых предполагается в результате осуществления реформы. При этом, если целевая установка неизбежно будет носить наиболее общий характер, то концепция должна представлять собой научно-обоснованные принципы: а) реорганизации системы связей в механизме регулирования хозяйственной деятельности; б) изменения места и функций отдельных его элементов; в) соответствующей перестройки органов государственной власти и управления.

Опосредующим звеном между постановкой цели и разработкой концепции становится на начальном этапе деятельности реформаторов выбор объекта реформирования. Его можно охарактеризовать как составляющие механизм регулирования экономических процессов институциональные нормы и правила, а также представляющие их субъекты хозяйственной деятельности, которые подлежат замене в процессе реализации реформы.

Данная конструкция аналогична предлагаемой авторами учебного пособия «Основы теории экономических нововведений» характеристике трёх обязательных компонентов нововведения: цели – как конечного результата; метода – как стратегии его достижения; формы – как способа обеспечения связи целей и средств их достижения⁴.

Опыт трансформации различных хозяйственных систем показывает, что смена объектов реформирования подчиняется определённой логике. Первоначально в центре преобразований оказываются отношения собственности на средства производства, далее объектом реформирования становятся формы организации производства, и лишь потом в этой роли выступает механизм регулирования хозяйственных процессов и представляющие его институты, вынужденные приспособляться к новым производственным отношениям.

Своеобразным материальным воплощением концепции преобразований является комплекс правовых актов, юридически закрепляющих нормы и правила реорганизации системы социальных и экономических институтов, образующих в совокупности механизм регулирования хозяйственной деятельности. В результате успешной реализации реформаторского замысла концепция преобразований занимает, при неизбежной трансформации в деталях, место официальной концепции регулирования хозяйственной деятельности – теоретической основы конкретной экономической политики.

Немаловажную роль в обеспечении успеха играет специальный механизм реализации, призванный претворять в жизнь все намеченные мероприятия и представляющий собой совокупность органов власти и управления, а также политических и общественных организаций, законодательно ориентированных на осуществление предполагаемых преобразований. Механизм реализации может включать в себя либо ранее существовавшие, либо вновь созданные учреждения и организации, но они обязательно должны аккумулировать реформационные импульсы и быть наделены соответствующими полномочиями для институционализации нового механизма регулирования хозяйственной деятельности.

Диалектика смены концепций экономической политики обусловлена тем обстоятельством, что составляющие механизм регулирования институциональные нормы и правила никогда полностью не совпадают с объективными связями и отношениями, присущими народному хозяйству как целостной системе. Данное несоответствие обуславливается как ограниченными возможностями познания закономерностей социально-экономического развития, так и мобильностью процессов в народном хозяйстве, периодически ставящих под сомнение адекватность стабильных нормативов экономического поведения меняющейся ситуации. Неспособность действующего механизма регулирования обеспечить упорядоченность экономической жизни, возрастание роли и значения неинституциональных норм хозяйственного поведения (вплоть до криминализации процедур принятия решений) выступают в качестве индикатора, указывающего на вызревание потребности в новой реформе.

Специального рассмотрения требует вопрос о соотношении объектов реформирования и направлений преобразований. Представляется логичным, что не направления преобразований будут определять объект реформирования, как на это указывает С. Н. Максимов⁵, а наоборот – заданный целевой установкой объект выявит приоритетные направления деятельности реформаторов.

Несомненно, ведущим компонентом является концепция реформы, поскольку именно она должна предусматривать необходимые меры по реорганизации системы связей в механизме регулирования хозяйственной деятельности, изменение места и функций отдельных его элементов и соответствующую перестройку органов государственной власти и управления, закрепляемые в нормативных документах. От проработанности и обоснованности концепции зависят характер и масштабы полномочий органов по реализации реформы. Наконец, в ней опосредованно отражаются амбиции, ожидания, корыстные интересы политической элиты, задавшей целью реформировать общество и экономику. В конечном счёте, саму концепцию можно рассматривать как результат борьбы внутри правящей элиты

и с идейными противниками вне её по вопросу о социально значимых целях назревших преобразований и объектах реформистского воздействия.

Исходя из данных предпосылок, можно посмотреть, как на практике реализовывали свою сущность компоненты экономических реформ, осуществлявшихся в СССР на протяжении XX столетия. Если сопоставить содержательную сторону целевых установок и концепций преобразований, начиная от политики «военного коммунизма» и вплоть до современной экономической реформы, то все они были направлены на поиск оптимального соотношения централизованного руководства народным хозяйством с расширением самостоятельности регионов и непосредственных производителей. Соответственно, переход к рыночным методам регулирования российской экономики представляет собой не более чем поиск методом проб и ошибок нового варианта сочетания интересов государства и регионов, с одной стороны, и получивших невиданную доселе самостоятельность хозяйствующих субъектов, с другой.

Первая тенденция логично вписывалась в представления классиков марксизма-ленинизма об организации социалистической экономики, однако, на практике сразу после Октябрьской революции, в условиях неудовлетворительного состояния коммуникаций и т.д., возобладал территориальный принцип управления промышленностью и строительством. В декабре 1917 – январе 1918 гг. вслед за образованием Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) была развёрнута сеть областных, губернских и уездных советов народного хозяйства (совнархозов). Просуществовав до начала 1930-х годов, совнархозы сыграли большую роль в восстановлении экономики СССР после гражданской войны и в осуществлении первого этапа индустриализации страны в условиях «новой экономической политики», допускавшей использование рыночных регуляторов хозяйственной деятельности.

Можно даже утверждать, что в этот период были заложены основы формирования крупных территориально-производственных комплексов с вертикально и горизонтально интегрированными структурами. К примеру, в середине 1920-х годов был разработан «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.». В соответствии с ним Урал должен был стать огромным комбинатом с единым руководством и общей сетью линий электропередачи, железных и шоссейных дорог. В плане определялись перспективы и ставились конкретные задачи по реконструкции промышленности, рассматривались основные проблемы развития сельского хозяйства, транспорта, торговли, жилищного строительства, коммунального хозяйства, социально-культурной сферы и бюджета.

В опубликованном в 1927 г. сборнике «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия: Материалы к Генеральному плану РСФСР и СССР»⁶ в качестве авторов отдельных очерков выступили академик А. Е. Ферсман, член-корреспондент АН СССР В. Е. Грум-Гржимайло и другие крупные учёные.

Вместе с тем ускоренное создание новых отраслей промышленности, ранее отсутствовавших в отраслевой структуре экономики страны, стимулировало переход к созданию централизованных форм хозяйственного руководства. Вместо упразднённого в 1932 г. ВСНХ возник целый ряд отраслевых наркоматов (впоследствии – министерств). Данное явление Г. Х. Попов рассматривает как одну из черт сформировавшейся в тот период Административной Системы⁷. Тем не менее, в ситуациях, требующих предельной концентрации ресурсов для выполнения ограниченного круга задач (как, например, в годы Великой Отечественной войны), подобного рода централизация была вполне оправданна. Однако к середине 1950-х годов стало очевидным, что дальнейший рост числа предприятий затрудняет оперативное руководство ими из одного центра.

К 1957 г. в СССР насчитывалось более 200 тыс. промышленных предприятий и 100 тыс. строек⁸. Отраслевые министерства не могли обеспечить их оптимальную специализацию и производственное кооперирование, не обеспечивали условий для реализации местной инициативы. Таковы были некоторые из аргументов в пользу решения о возврате к территориальному принципу оперативного управления на основе создания экономических административных районов, принятого февральским (1957) Пленумом ЦК КПСС и закреплённого в законе СССР от 10 мая 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством»⁹.

Предполагалось, что в результате передачи функций хозяйственного руководства советам народного хозяйства (совнархозам), возглавившим экономические административные районы, произойдёт дальнейшее расширение прав союзных республик, руководство будет приближено к производству, и к управлению удастся привлечь «широкие массы трудящихся». Роль координирующей деятельности совнархозов органа была отведена Государственному плановому комитету Совета Министров СССР (Госплану СССР), а за проведение единой технологической политики отвечал Государственный научно-технический комитет Совета Министров СССР (Госкомнауки СССР).

Вместе с тем в соответствии с законом упразднялись далеко не все отраслевые министерства. Помимо Минсельхоза СССР, на который реформа управления народным хозяйством не распространялась по определению, сохранились министерства авиационной, оборонной, радиотехнической, судостроительной и химической промышленности, а также министерство электростанций (ст. 13). За ними закреплялись функции планирования соответствующих отраслей и обеспечения высокого технического уровня в развитии производства, хотя они и должны были реализовываться через совнархозы.

Такая непоследовательность в перестройке органов управления промышленностью только на первый взгляд может быть объяснена «волонтаризмом и субъективизмом» Председателя Совета Министров СССР, Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва. Предприятия всех перечисленных в статье 13 ми-

истерств в большей или меньшей степени обслуживали отечественный военно-промышленный комплекс, то есть обеспечивали материальную базу стратегической безопасности государства, поэтому здесь отказ от централизованных методов управления мог привести к нежелательным не только для политической элиты, но и для страны в целом последствиям. Не случайно за данными министерствами сохранялась функция повышения технического уровня производства, то есть содержание соответствующих НИИ и КБ, разрабатывающих перспективные технологии. Как известно, качество товаров народного потребления, равно как и технологический уровень из производства, руководство страны почти не интересовали. Иными словами, возвращение к территориальной интеграции производства сопровождалось сохранением «островков» вертикальной интеграции в элитной сфере ВПК.

Остаётся спорным вопрос об эффективности деятельности совнархозов. Первые публикации на эту тему носили откровенно апологетический характер¹⁰. Когда в начале реализации так называемой «новой хозяйственной реформы» 1965 г. были восстановлены отраслевые министерства, совнархозы стали рассматриваться преимущественно в негативном ключе¹¹. Более того, в вышедшей уже в 1970-х годах экономической энциклопедии «Политическая экономия» вообще отсутствовала статья, посвящённая совнархозам.

Тем не менее, следует признать, что в результате перестройки управления промышленностью и строительством ускорились темпы роста производства, повысился уровень выполнения плановых заданий, значительно улучшилось использование внутренних резервов, возросли инициатива и активность трудящихся. Наконец, были созданы широкие возможности для дальнейшего развития специализации и кооперирования как внутри экономических административных районов, так и во всём народном хозяйстве страны. Были созданы межотраслевые специализированные производства по ремонту оборудования, изготовлению заготовок и инструментов для различных отраслей промышленности. За первые три года работы совнархозы укрупнили более 2 тысяч промышленных предприятий¹².

Вместе с тем, отраслевые управления совнархозов также стремились подчинить себе необходимые предприятия разных отраслей. К примеру, в подчинении управления металлообрабатывающей промышленности Московского городского совнархоза находилось 41 предприятие, в том числе машиностроительных – 2, приборостроения – 4, электротехнической промышленности – 6, металлической галантереи – 8, металлообработки – 15, прочих отраслей – 6. В управление машиностроения входили 44 предприятия, из них станкостроительных – 11, автомобильных – 1, абразивных изделий – 2 и 30 предприятий прочих отраслей промышленности¹³. Тем самым идея формирования высокоэффективных территориально-производственных комплексов с совнархозами во главе доводилась до абсурда.

В качестве формы организации производства, позволяющей компенсировать стремление управлений и отделов и совнархозов к превращению из отраслевых в многоотраслевые, получили распространение производственные комплексы-фирмы. Эта прогрессивная на тот момент форма возникла по инициативе Львовского совнархоза в ходе поисков путей улучшения работы мелких производств и представляла собой объединение родственных предприятий. В рамках фирм удачно сочетались принципы территориального управления производством и принципы производственной специализации¹⁴.

Открытая критика новой системы управления промышленностью и строительством в тот период была практически невозможной, однако ещё по ходу обсуждения проекта реформы было высказано несколько заслуживающих внимания замечаний. Дж. Боффа утверждает, что «наиболее здоровое мнение было выражено директором крупного завода Уралмаш. Он спрашивал, можно ли усовершенствовать организационную структуру, если наука не подскажет более рациональных, эффективных критериев функционирования экономики. Тем самым он коснулся самого слабого пункта реформы, то есть показал, что она не изменила принципов управления и планирования, а лишь заменила отраслевую организацию территориальной»¹⁵. В данном случае не совсем понятно, почему Дж. Боффа именно так оценивает смысл сказанного, но он прав в том, что сеть совнархозов просто копировала административно-территориальное деление страны (только в ряде случаев экономические административные районы включали в себя не одну, а несколько областей) без учёта экономических критериев территориальной организации хозяйства.

Как следствие, совнархозы превращались в многоотраслевые министерства, только на более низком территориальном уровне. В каждом экономическом административном районе стремились в интересах местных нужд развивать «свой» машиностроение, металлургию, химическую промышленность и т. д., то есть по возможности воспроизвести полноценную отраслевую структуру народного хозяйства СССР. Вместо укрепления и совершенствования межтерриториальных хозяйственных связей наметилась тенденция к автаркии экономических административных районов, противостоять которой Госплан СССР был не в состоянии.

Стремление экономических административных районов к хозяйственной замкнутости негативно сказывалось и на темпах научно-технического прогресса. Вне сферы военно-промышленного комплекса наблюдалось несовпадение интересов между предприятиями, подчинявшимися совнархозам, и НИИ, подведомственным Госкомнауки СССР. Практически в каждой отрасли становилось невозможным проведение единой технической политики.

Разумеется, после смены руководства партией и страной осенью 1964 г. система управления экономикой по территориальному принципу, через совнархозы, была признана непригодной к задаче повышения эффективности производства. Обнаружилось несоответствие новых технико-экономических условий работы промышленности и достигнутого уровня развития производительных

сил. Постановление сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»¹⁶ положило начало хозяйственной реформе, ориентированной на восстановление в качестве приоритетного отраслевого принципа управления экономикой СССР.

На старте реформы были восстановлены отраслевые министерства, и с первого полугодия 1966 г. ведущие отрасли промышленности перешли на новую систему планирования и экономического стимулирования. Дальнейшая эволюция системы управления предполагала ликвидацию промежуточных звеньев в иерархии и сведение её до 2–3-ступенчатой: союзное министерство – республиканское министерство – производственное объединение. Если в 1964 г. в стране насчитывалось 410 производственных объединений, то в 1979 г. – 3947 объединений, производящих 47,1 % всей промышленной продукции СССР¹⁷.

Следует различать собственно производственные объединения и всесоюзные (республиканские) промышленные объединения. В соответствии с «Общим положением о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях»¹⁸ данного рода объединения представляли собой не более чем среднее звено в структуре управления, и все входящие в их состав предприятия сохраняли свою экономическую самостоятельность.

«Положение о производственном объединении (комбинате)»¹⁹ определяет его как единую самостоятельную хозяйственную организацию с единым балансом и единым расчётным счётом в Госбанке СССР. Иными словами, производственное объединение становится первичным звеном промышленности. Входящие в его состав предприятия утрачивают хозяйственную самостоятельность и статус юридического лица, превращаясь в производственные единицы.

За производственными единицами, входящими в объединение, сохранялись широкие права в области организации производства, разработки техпромфинплана, материального стимулирования и кадровой политики. За ними закреплялись основные и оборотные средства, они получали в своё распоряжение часть фондов поощрения и фондов развития производства. Более того, производственные единицы, действуя в условиях хозрасчёта, имели право заключать хозяйственные договоры от имени объединения. В данном случае, хотя за невыполнение обязательств по договору ответственность несло объединение, наложенные санкции обращались на результаты деятельности соответствующих производственных единиц.

В объединениях происходила централизация функций сбыта и материально-технического снабжения, создавались специализированные производства для обслуживания всех входящих в его состав подразделений. В свою очередь, централизация части фондов и амортизационных отчислений в распоряжении объединений давало им возможность полнее решать социальные проблемы на предприятиях (производственных единицах), более рационально направлять капитальные вложения и т. д. Хозяйственное руководство ранее самостоятельными предприятиями через объединения позволяло удешевить и усовершенствовать аппарат управления производством. Освободившись от ряда управленческих функций, которые рациональнее решаются на более высоком уровне управления, предприятия – участники объединения получали возможность сосредоточиться на повышении качества продукции и эффективности производства в целом.

Если комплексы-фирмы в условиях доминирования территориального принципа управления промышленным производством играли вспомогательную роль, позволяя сглаживать недостатки осуществлённой в административном духе горизонтальной интеграции, то в новых условиях производственные объединения как новая форма вертикальной интеграции фактически стали претендовать на роль аналога крупных западных корпораций.

Вместе с тем смена приоритетом в плане экономической интеграции не означала полного отказа от территориального принципа управления производством. Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин на сентябрьском (1965) Пленуме ЦК КПСС указывал, что «отраслевой принцип управления должен сочетаться с территориальным принципом, с межотраслевыми задачами комплексного развития народного хозяйства в целом и экономики республик и районов страны, с расширением прав республик»²⁰.

Сочетание отраслевого и территориального принципов управления выразилось, в частности, в том, что в ряде министерств – нефтедобывающей, угольной, лесной и деревообрабатывающей промышленности и некоторых других – средним звеном системы управления стали территориально-производственные объединения как аналоги промышленных объединений. Наряду с этим практика вызвала к жизни территориально-производственный принцип организации хозяйства, на основе которого получили распространение, в основном в восточных районах страны, различные территориально-производственные комплексы (ТПК): Ангаро-Усольский химический комплекс, Братский и Красноярский энергопромышленные комплексы Верхне-Кондинский и Тавдинский лесопромышленные комплексы и т. д.²¹

Идея дальнейшего повышения самостоятельности предприятий при одновременном усилении централизованного руководства экономикой базировалась на том, что развитие самостоятельности и инициативы предполагалось стимулировать посредством долгосрочных нормативов на основе принципа твёрдого планирования. В сельском хозяйстве это выразилось в том, что характерная для периода семилетки практика корректировки планов и закупочных цен в зависимости от погодных условий на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС была подвергнута всесторонней критике. Соответственно,

принцип твёрдого планирования закупок сельскохозяйственной продукции воспроизводился во всех последующих пятилетках вплоть до двенадцатой.

Наряду с общим повышением закупочных цен в целях стимулирования дополнительной продажи зерна государству вводилась 50-процентная надбавка к основной цене. Чтобы увязать имеющиеся нормативы с реально складывающимися в различных регионах условиями производства, была проведена углублённая дифференциация закупочных цен по зонам. В отсутствие такого регулятора земельных отношений, как плата за землю, зональные цены выполняли функцию механизма изъятия дифференциацией ренты в пользу государства. Если ранее насчитывалось всего 8 ценовых зон по зерну, то теперь только в РСФСР их стало 35. Число ценовых зон по крупному рогатому скоту выросло с 41 до 57, по молоку – с 42 до 70. В 1970 году единая закупочная цена на картофель также была разбита по 7 зонам²².

Соответственно, дальнейшее совершенствование ценообразования в сельском хозяйстве предусматривало два направления:

- распространение стимулирующих надбавок за сверхплановую реализацию на другие виды сельскохозяйственной продукции;
- постоянную корректировку закупочных цен в целях приближения к реальным затратам на производство продукции.

В промышленности и строительстве концепция реформы наряду с восстановлением управленческой вертикали в виде отраслевых министерств предполагала развитие инициативы и самостоятельности через смену приоритетов. В качестве ведущего для предприятий планового показателя был определён не валовой объём производства, как ранее, а объём реализации продукции и выполнения обязательных поставок. Использование в качестве агрегированного показателя для более объективной оценки деятельности предприятий понятия «уровень рентабельности» фактически означало ориентацию хозяйственных руководителей на получение максимальной прибыли.

В связи с этим правомерен вопрос о том, являлись ли данные начинания попыткой дополнить директивно-плановые методы регулирования народного хозяйства СССР рыночными. С известной долей условности можно сказать, что именно это и предполагалось, особенно с учётом того, что далеко не всё из задуманного удалось реализовать. По крайней мере, в пропагандистской брошюре «Беседы об экономической реформе»²³, вышедшей в 1967 г., как о чём-то само собой разумеющемся говорилось о предстоящем переходе к оптовой торговле средствами производства. Данный шаг был вполне логичен и мог придать необратимый характер происходящим в сфере управления экономической изменением. Однако хорошо известно, что этого не произошло, и первые успехи реформы сменились провалами.

Обычно угасание интереса высшего руководства партии и страны во главе с Л. И. Брежневым к ходу преобразований связывают с событиями «Пражской весны» 1968 г. и кризисом в мировом коммунистическом и рабочем движении, последовавшим за вводом в Чехословакию войск пяти стран – участниц Варшавского договора. Не отрицая этого, следует всё же предположить, что причины неудачи реформы были обусловлены не экзогенными, а эндогенными факторами.

Дальнейшее расширение самостоятельности предприятий наряду с переходом к оптовой торговле сначала средствами производства, а потом (почему бы и нет) – производимой продукцией, поставило бы под сомнение сам принцип централизованного руководства социалистической экономикой, как он понимался идеологами из ЦК КПСС. На местах партийные органы также утратили бы влияние на хозяйственных руководителей, ориентирующихся на конкретные финансовые результаты, а не на отчёты перед обкомами и райкомами КПСС. Отсюда вполне объяснимы и недовольство преобразованиями на всех ступенях партийной иерархии, и нежелание развивать достигнутое.

Наконец, имеющиеся в нормативной базе реформы определённые недоработки могли извратить её содержание даже помимо злой воли ретроградов. В частности, изначально серьёзным испытанием было подвергнуто одно из ключевых положений новой системы управления – принцип твёрдого планирования. Уже в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»²⁴ наряду со строгим запретом на практику внесения частных коррективов в планы разрешалось «изменение планов вышестоящими организациями... в исключительных случаях, после предварительного обсуждения с руководством предприятия». Как показала практика, корректировки планов осуществлялись преимущественно в сторону занижения директивных показателей с целью обеспечения выполнения плановых заданий в целом.

Идея материального стимулирования сверхпланового производства была дискредитирована представлением в 1966 г. ведущим отраслевым министерствам права выделять своим отстающим предприятиям «при недостаточности у них сверхплановой прибыли» дополнительные средства на формирование премиального фонда за счёт «свободного остатка сверхплановой прибыли других предприятий данного министерства». В 1967 г. Совет Министров СССР специальным решением закрепил за министерствами наличие резерва для оказания финансовой помощи предприятиям и хозяйственным организациям. Дальнейшее развитие системы обеспечения щадящего режима для отстающих (льготные нормативы материального поощрения и т. д.) привело к тому, что предприятиям в массовом масштабе стало выгодно работать малоэффективно.

Наращение негативных тенденций в развитии промышленного производства вызвало к жизни постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение экономической эффективности про-

изводства и качества работы»²⁵. Постановление воспроизводило основные положения хозяйственной реформы 1965 г., касающиеся стабильности экономических нормативов, принципов хозрасчета и т. д., и содержало новую идею – глобальной стандартизации и унификации управления предприятиями, предполагающую сведение всей производственной, финансовой и коммерческой деятельности предприятий к системе строго определённых нормативов и правил.

Чтобы освободить основные показатели деятельности предприятий от так называемого «двойного счета» и стимулировать экономию сырья и материалов, вводился новый агрегированный показатель – норматив чистой продукции. Его введение ещё более усложнило методику установления оптовых цен, породив практику их разделения на обычные и «нормативные». Как вынужденная мера на протяжении 1982 г. был проведён общий пересчёт общегосударственных расчётов.

Вместе с тем постановление разрешало «в случае уточнения заданий пятилетнего плана на соответствующий год» вносить «необходимые поправки и в нормативы образования фондов экономического стимулирования за данный год». Тем самым снимались последние ограничения для корректировки планов при сохранении премии.

В области сельского хозяйства ориентация на уменьшение количества директивных установок сразу же вошла в противоречие с практикой, поскольку областные и районные партийные и хозяйственные органы в интересах оперативного руководства объективно нуждались в наличии десятков дополнительных показателей, обязательных к исполнению. Помимо этого, система стимулирования дополнительной продажи сельскохозяйственной продукции государству уже к концу восьмой пятилетки трансформировалась в уникальное явление – планирование сверхплановых заготовок, лишив колхозы и совхозы декларируемой самостоятельности. Этот подход возобладал и на общесоюзном уровне. XXIV съезд КПСС в директивах на девятую пятилетку без всякого намёка на иронию обязал сельхозтоваропроизводителей страны продать сверх плана как минимум 35 % зерна и ежегодно – 8–10 % продукции животноводства²⁶.

С эпохой «перестройки» (1985–1991 гг.) связана так называемая «радикальная» экономическая реформа 1987 г. Степень радикализма решений июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС в свете последующих событий, конечно, может вызвать улыбку, однако в концептуальном плане основной замысел в очередной раз строился на стремлении достичь оптимального сочетания усиливающегося централизованного директивного руководства экономикой с дальнейшим расширением прав предприятий, включая использование элементов рыночных отношений. В целях обеспечения перехода предприятий на самоокупаемость и самофинансирование вводились две модели хозяйственного расчёта, различающиеся порядком формирования в соответствии с нормативами необходимых экономических фондов: развития, оплаты труда и т. д. Значительно возрастали права и возможности трудовых коллективов. Вместо директивных заданий до предприятий доводился государственный заказ, и продукция, произведённая сверх него, могла быть реализована предприятиями в порядке свободной продажи по договорным ценам.

Однако данная схема вновь не была подкреплена действительно радикальными и жизненно необходимыми преобразованиями в системе материального снабжения и реализации продукции. Отсутствие конкурентной среды сохраняло за государством роль главного и единственного заказчика. Уже в январе 1988 г. выяснилось, что госзаказ на абсолютном большинстве промышленных предприятий охватывал от 95 до 100 % производственных мощностей, практически не оставлял им возможностей для коммерческой деятельности. Государство также устанавливало цены на номенклатуру выпускаемой продукции. Из-за отсутствия механизма оптовой торговли предприятия не могли осуществлять оптимальный выбор поставщиков, а партнёры по кооперации в случае нарушения договорных обязательств не несли ощутимой материальной ответственности. Получалось, что сфера рыночных отношений оказывалась ограниченной договорами, заключаемыми предприятиями после выполнения госзаказа, в то время как сфера централизованного контроля расширилась благодаря введению в 1986 г. института «государственной приёмки», ранее применявшейся только на оборонных предприятиях.

Провал и этой попытки качественно преобразовать отечественное народное хозяйство на социалистических началах вызвал к жизни современную экономическую реформу, ориентированную на всесторонний переход к рыночным отношениям. Детальный анализ предпосылок и хода реформы 1990-х годов заслуживает отдельной публикации, однако и в данном случае методом проб и ошибок ищется новый вариант оптимального сочетания интересов государства и регионов, с одной стороны, и получивших невиданную доселе самостоятельность хозяйствующих субъектов, с другой. Как известно, попытка буквально «с листа» реализовать на практике положения из западных учебников «экономикс» в нашей российской действительности не удалась, однако это отнюдь не означает, что отечественное народное хозяйство в принципе неререформируемо. Нужны новые, серьёзно обоснованные концепции, необходимо тщательнее разрабатывать нормативную базу преобразований, и не надо мешать хозяйственникам-практикам осуществлять собственный поиск оптимальных решений по тому или иному вопросу.

Возникает резонный вопрос об альтернативных вариантах экономической политики в 1990-х годах и их последствиях. В данном случае было бы целесообразно прибегнуть к некоторым методам клиометрического анализа, доказавшим свою состоятельность в исследованиях ряда американских историков и экономистов. Возможно, директивное сдерживание роста денежной массы институционально более сильным составом правительства позволило бы прекратить, как предполагалось, к осени 1992 г. рост цен и стимулировать инвестиционную активность в реальном секторе экономики. Соответственно, более

медленные темпы приватизации государственной и муниципальной собственности могли бы вызвать к жизни институты, существенно отличающиеся от импортируемых с Запада, а сам процесс не отличался бы столь ярко выраженной криминальной направленностью. Дальнейшая исследовательская работа в этом направлении позволит более точно установить, насколько правдоподобно данное предположение.

Примечания

- ¹ См.: Абалкин Л. И. На перепутье (Размышления о судьбах России). М.: Институт экономики РАН, 1993; Илларионов А. 400 дней реальной экономической реформы // Вопросы экономики. 1993. № 4. С. 19–26; и др.
- ² См.: Экономические реформы в России: итоги первых лет (1991–1996). М.: Наука, 1997; Состояние и противоречия экономической реформы / М. Ц. Мкртчян, В. О. Овакимян, Р. А. Саркисян, А. Н. Спектор. М.: Экономика, 1998; и др.
- ³ Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Политиздат, 1991. С. 276.
- ⁴ См.: Гребёнкин А. В. Основы теории экономических нововведений // А. В. Гребенкин, Е. Г. Лаховская, Е. А. Янбулатов. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. С. 16–17.
- ⁵ См.: Максимов С. Н. Экономическое развитие и хозяйственные реформы (к проблеме теории хозяйственных реформ) // Известия АН СССР: Серия экономическая. 1989. № 6. С. 109.
- ⁶ См.: Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия: Материалы к Генеральному плану РСФСР и СССР. Свердловск, 1927.
- ⁷ Попов Г. Х. С точки зрения экономиста: О романе А. Бека «Новое назначение» // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.
- ⁸ Малая советская энциклопедия. 3-е изд. Т.8. М.: Советская энциклопедия, 1960. Стлб.682.
- ⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. М.: Политиздат, 1968. С.343-347.
- ¹⁰ Викентьев А.И. Совнархозы в действии. М., 1958; Из опыта работы совнархозов и развития хозяйства районов. М., 1959; и др.
- ¹¹ Беседы об экономической реформе / Под общ. ред. А.М. Омарова. М.: Политиздат, 1967. С.22-26; и др.
- ¹² История социалистической экономики СССР. В семи томах. Т.VI. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма (1946 – начало 1960-х годов). М.: Наука, 1980. С.289.
- ¹³ Беседы об экономической реформе. С.22-23.
- ¹⁴ История социалистической экономики СССР. Т.VI. С.289.
- ¹⁵ Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х т. Т.2. М.: Международные отношения, 1994. С.483-484.
- ¹⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.5. С.640-645.
- ¹⁷ Народное хозяйство СССР в 1979 году. М.: Статистика, 1980. С.133.
- ¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.9. С.428-459.
- ¹⁹ Там же. Т.10. С.138-148.
- ²⁰ Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1974. С.269.
- ²¹ История социалистической экономики СССР. Т.VII. С.93.
- ²² См.: Айвазов Л.А. Закупочные цены – важный рычаг подъёма сельскохозяйственного производства // Сельское хозяйство СССР на современном этапе: достижения и перспективы. М.: Политиздат, 1972. С.327.
- ²³ См.: Беседы об экономической реформе. С.144-162 и др.
- ²⁴ См.: Хозяйственная реформа в СССР: Сборник мат-лов. М.: Правда, 1969. С.121-136.
- ²⁵ См.: Совершенствование хозяйственного механизма: Сборник документов. М.: Правда. 1982. С.5-35.
- ²⁶ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971. С.37.

Гаврилов Д. В.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ ЧЁРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ РОССИИ И УРАЛА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мировой финансово-экономический кризис, отразивший в себе негативные тенденции глобальной рыночной экономики, неблагоприятно сказался на российской и уральской металлургии, которая после обвального падения производства в 1990-е гг., с начала 2000-х годов вплоть до середины 2008 г. переживала подъём.

Росту производительности уральской чёрной металлургии в начале 2000-х гг. способствовал ряд благоприятных факторов: 1) мощный, прочный производственный базис основных предприятий металлургического комплекса Урала, созданный в советское время; 2) полный производственный цикл ведущих уральских металлургических заводов, имевших в своём составе все производства – от агломерационных и коксохимических до выпуска готовых изделий, благодаря чему они представляли сбалансированные комплексы, позволившие работать устойчиво, не испытывая сильной зависимости от

состояния кооперационных связей; 3) дефолт 1998 г., стабилизировавший финансово-экономическую и социальную ситуацию в стране; 4) базовые конкурентные преимущества отрасли (более низкие цены на сырьевые, энергетические и трудовые ресурсы по сравнению с зарубежными); 6) формирование крупных вертикально-интегрированных структур – производственных объединений и холдингов, замыкавших на себе весь технический металлургический цикл; 7) непрерывный рост цен на мировом рынке металлов; 8) благоприятные внешние конъюнктурные факторы (машиностроительный бум в Китае, Индии, в странах Юго-Восточной Азии, вызвавший огромный спрос на конструкционные материалы).

Эти благоприятные факторы позволили предприятиям металлургического комплекса сохранить производственную базу, не разбазарить её, как это случилось с рядом других отраслей, адаптироваться к новой экономической ситуации, осуществить масштабный выход на мировой рынок, накопить финансовые ресурсы для дальнейшего развития и начать постепенно восстанавливать свои экономические позиции. Правительство, учтя уроки дефолта 1998 г., внесло коррективы в экономическую политику. Отказавшись от иллюзорных представлений, что «рынок всё решит сам», оно усилило государственное регулирование хозяйственной жизни страны, объявило о своём курсе на создание социально ориентированной экономики, что также сыграло существенную роль в улучшении экономической и политической ситуации в стране¹.

Мощные вертикально-интегрированные структуры – холдинги и производственные объединения, сконцентрировав значительные капиталы, смогли инвестировать крупные средства в модернизацию своих предприятий, развернули оснащение их современным прогрессивным металлургическим оборудованием, стали выстраивать долгосрочные проекты глубокой модернизации предприятий, закрепления своих позиций на мировом рынке и в мировой экономике. Создание вертикально интегрированных корпораций способствовало упрочению, консолидации отрасли, но в то же время имело и отрицательные последствия.

Преувеличив свои силы и возможности, вертикально интегрированные компании сразу же взялись за распространение своего влияния на сопредельные территории, начали выходить за границы России, приобретать активы и предприятия (как правило – нерентабельные или малорентабельные) за пределами страны, не только в «ближнем» зарубежье (СНГ) – на Украине, в Казахстане, но и в «дальнем» зарубежье – в странах Восточной Европы – в Румынии, Болгарии, Чехии, в Италии, даже в Канаде, США, а также в Гвинее, Намибии и т.д., неоправданно и неосмотрительно распыляя свои ограниченные активы.

«Российские компании, – пишет крупный организатор металлургического производства и видный российский государственный деятель О. Н. Сосковец, – слишком рано почувствовали себя независимыми в техническом, а особенно в финансовом отношении... Зарубежные приобретения многих компаний просто непонятны. Огромные средства тратились на покупку активов, которые имели весьма ограниченную рентабельность и низкую экономическую эффективность в тех странах, в где они находятся. Для чего это делалось? Во всяком случае, не для развития отечественной металлургии»².

В начале 2000 гг. уральская металлургия добилась серьёзных успехов, приступила к модернизации своих основных фондов, крупные компании энергично взялись за техническую реконструкцию своих предприятий. Особенно значительные прогрессивные сдвиги произошли в сталеплавильном производстве, что наглядно показывает таблица 1.

Таблица 1

*Выплавка стали по способам производства в 1970–2007 гг., в % **

Категория стали	1970		1985		2000		2007	
	СССР	Урал	СССР	Урал	РФ	Урал	РФ	Урал
Конвертерная	20,0	10,0	35,4	15,0	57,9	46,5	57,0	53,0
Электросталь	9,1	3,8	6,4	6,8	14,7	6,6	26,6	24,4
Мартеновская	70,9	87,2	58,2	78,2	27,4	46,9	16,4	22,6
Разливо МНЛЗ	4,3	0,6	13,4	1,2	49,7	33,1	71,0	40,1

* Источник: Лебедев В. Э. Научно-техническая политика региона: опыт формирования и реализации, 1956–1985 гг. Свердловск, 1991. С. 146; Смирнов Л. А. Современное состояние и перспективы развития чёрной металлургии уральского региона // 300 лет уральской металлургии : Труды Международного конгресса. Екатеринбург, 2001. С. 43; Шевелев Л. Н. Дальше – без мартенов : о проблемах реконструкции неэффективных мощностей в чёрной металлургии России // Металлы Евразии. М., 2006. № 3. С. 45; Леонтьев Л. И. Производство стали и ферросплавов в мире / Л. И. Леонтьев, Л. А. Смирнов, В. И. Жучков, В. Я. Дашевский // Электрометаллургия. М., 2008. № 2. С. 3; Информация руководителю. М. : ОАО «Черметинформация», 2006. № 3. С. 10, 12; 2007. № 3–4. С. 10, 12; 2008. № 3. С. 10, 12.

Как показывает таблица, устаревшее, неэкономичное и экологически неблагоприятное мартеновское производство успешно вытеснялось прогрессивными конвертерным и электросталеплавильным производствами.

Следовало всемерно использовать сложившуюся благоприятную обстановку и высокие цены на металлы на мировом рынке для полной реконструкции предприятий на базе новой прогрессивной техники, всемерно выводить из эксплуатации неэффективные производственные мощности, осуществлять выход на качественно новый уровень модернизационного развития.

Известный уральский металлург С. К. Носов, вспоминая тяжёлый кризис 1990-х гг., в 2006 г. дальновидно предупреждал своих коллег: «Я бы рекомендовал рассматривать нынешнее благополучие как некий удобный момент для активной реструктуризации отрасли, в том числе для её технического обновления и приведения в порядок всей производственной инфраструктуры. Важно, чтобы деньги, полученные благодаря конъюнктуре рынка, были использованы максимально эффективно... Не может быть бесконечного подъёма. Как неожиданно он наступил, так неожиданно может и закончиться. И к этому надо готовиться... Задача на следующее десятилетие – при любых отклонениях рынка не повторить тот кризис, который бы повлёк за собой очень серьёзные последствия социально-экономического характера»³.

Этот совет оказался пророческим. Некоторые компании ему последовали, другие – нет, они или не имели для этого возможностей, или полагали, что сложившаяся благоприятная конъюнктура сохранится если не вечно, то по крайней мере достаточно долго. Промышленный подъём как неожиданно наступил, так же неожиданно и закончился. Первая группа компаний встретила кризис в какой-то мере подготовленными, вторая – с его наступлением оказалась в тяжёлом положении.

Таблица 2

*Производство стали в странах мира в 2007–2008 гг., млн т**

Страны	2007 г.	2008 г.	Изменение, %
Страны, сократившие производство			
Сев. Америка: США	98,18	91,49	- 6,8
Канада	15,72	15,13	- 3,8
Азия: Япония	120,20	118,74	- 1,2
Тайвань	20,45	20,21	- 1,2
Европа: ФРГ	48,55	45,83	- 5,6
Италия	31,99	30,48	- 4,7
Франция	19,25	17,87	- 7,2
Великобритания	14,32	13,54	- 5,4
Польша	10,63	9,68	- 8,9
Чехия	7,06	6,39	- 9,5
Румыния	6,34	5,06	- 20,2
Швеция	5,67	5,20	- 8,3
Словакия	5,08	4,49	- 11,6
Болгария	2,05	1,33	- 35,1
СНГ: Россия	72,22	68,51	- 5,1
Украина	42,83	37,11	- 13,4
Казахстан	4,78	4,25	- 11,1
Страны, сохранившие или увеличившие производство			
Юж.Америка: Бразилия	33,78	33,71	- 0,2
Азия: КНР	489,24	502,01	+ 2,6
Индия	53,08	55,05	+ 3,7
Южная Корея	51,37	53,49	+ 4,1
Турция	25,76	26,41	+ 2,5

* События в цифрах и фактах // Металлург-инфо. М., 2009. № 3. С. 15.

В середине 2008 г. разразился мировой финансово-экономический кризис. Кризис оказался необычным, непохожим на прежде происходившие кризисы перепроизводства. Перенасыщения рынка нет, спад производства вызван не перепроизводством, а потрясением мировой финансовой системы,

возник неожиданно и неизвестно когда окончится. Крупный немецкий политик Э. Бар нынешний кризис сравнил с ситуацией, когда сани неожиданно понесло под гору и летят они неизвестно куда, «это не кризис финансового рынка, а кризис мирового устройства и той роли, которую до сих пор играли в нём США»⁴.

Мировой финансово-экономический кризис вызвал в 2008 г. сокращение производительности в металлургии многих стран мира (см. таблицу 2).

Выплавка стали уменьшилась в США и Канаде, почти во всех странах Европы, в Японии и на Тайване. Снижение мировой выплавки стали началось в сентябре, наибольший спад (на 24,3 %) был в декабре 2008 г., в начале 2009 г. спад продолжался. Наибольший спад отмечен в странах ЕС и СНГ. Рост выплавки стали произошёл в странах Азии (КНР, Индия, Южная Корея), в странах Европы, не вошедших в ЕС (Испания, Австрия) и на Ближнем Востоке (Турция). Наибольший абсолютный прирост выплавки стали произошёл в КНР, Индии, Южной Корее, Турции. Самым крупным производителем стали остаётся КНР, занимающая с 1996 г. первое место в мире и первой в мире превысившая рубеж ежегодной выплавки стали в 0,5 млрд т. Многие эксперты считают, что Китай не только стал безусловным лидером мировой металлургии, но и может стать локомотивом вывода мировой металлургии из кризиса. В первую пятёрку мировых производителей стали сейчас входят КНР (выплавлено в 2008 г. – 502,01 тыс. т), Япония (118,74 тыс. т), США (91,49 тыс. т), Россия (68,51 тыс. т), Индия (55,05 тыс. т).

Мировой финансово-экономический кризис нанёс тяжёлый удар по российской и уральской металлургии, прервал их поступательное развитие, оказал на них сильное негативное воздействие. В условиях кризиса многие инвестиционные программы были приостановлены. Отрицательно сказались два обстоятельства: 1) Очень большая зависимость российской и уральской металлургии от мирового рынка металлов. Пробившись на мировой рынок и завоевав там для себя нишу, российская металлургия заняла прочное место в мирохозяйственных связях. В настоящее время на её долю приходится около 12 % мирового рынка чёрных металлов, 15–20 – алюминия, 20 – кобальта, около 30 – никеля, 40 – титана, более 50 % платиноидов. Уральские металлургические заводы, переориентировавшиеся на внешний рынок, стали крупнейшими в мире экспортёрами чёрных и цветных металлов. В настоящее время 50–60 % продукции уральской чёрной металлургии и 80–90 % продукции цветной металлургии идут на экспорт⁵.

Сверхвысокая зависимость нашей металлургии от внешнего рынка таила в себе негативные стороны. Когда мировая, в первую очередь американская, финансовая система обрушилась, она потянула за собой весь финансовый блок, а затем и реальный сектор, что сразу же самым серьёзным образом сказалось на нашей металлургии. Мировой финансово-экономический кризис, замедление темпов развития экономики в большинстве стран мира привели к падению спроса и платёжеспособности зарубежных потребителей металлопродукции и, естественно, к сокращению объёмов её производства предприятиями-экспортёрами, что очень чувствительно отразилось на российской металлургии.

Положение усугубляется тем, что внутренний рынок, на который стали переориентироваться наши металлургические заводы, по своим ограниченным размерам и характеру спроса, не в состоянии компенсировать потерю внешнего спроса. Экспорт сырьевых ресурсов – металлов и полуфабрикатов, обеспечивал большой приток валютных средств, позволил предприятиям-экспортёрам существенно обновить производственные мощности, повысить технический уровень нашей металлургии. Переоценка надёжности внешних рынков и недооценка внутреннего рынка привели к тому, что обвал спроса и цен на металлопродукцию на мировом рынке и слабый рост спроса на внутреннем рынке пагубно сказались на экономическом и финансовом положении металлургических предприятий, вызвали необходимость сократить объёмы производства на 30–40 %⁶.

2) В российской экономике искусственно был создан дефицит дешёвых кредитных ресурсов, российские банки предоставляли кредиты по повышенным процентным ставкам, предпочитая выводить свои активы в банковские системы западных стран. Самими банками российские предприятия – потребители металлургической продукции, – финансировались за счёт получаемых на мировом финансовом рынке дешёвых кредитов.

В связи с финансово-экономическим кризисом иностранные банки перестали кредитовать российские банки, а Центральный банк России, стремясь ограничить отток валюты за рубеж, значительно увеличил процентную ставку по кредитам. В результате стоимость кредитов резко возросла, платёжеспособность российских предприятий – потребителей металлопродукции – резко сократилась, что привело к падению спроса со стороны российских потребителей.

Мировой финансово-экономический кризис вызвал уже в конце 2008 г. резкое сокращение производительности в российской металлургии. Среднемесячный объём производства готового проката в России в январе-июне 2008 г. составлял 5,3 млн т, в октябре – 3,9 млн, в ноябре – 2,8 млн т, то есть за три месяца сократился на 47,2 %. Производство стали в России с 6 млн т в сентябре 2008 г. сократилось до 4,9 млн в октябре и 3,5 млн т в ноябре и декабре, то есть уменьшилось на 41,7 %. Добыча металлических руд сократилась на 44,7 %.

Падение объёмов производства в чёрной металлургии оказалось более значительным по сравнению со всей промышленностью и отдельным её отраслям. В ноябре 2008 г. по промышленности в целом оно составило 10,8 %, в обрабатывающих производствах – 15,3 %, в добывающих производствах – 26,2 %. Падение объёмов производства в российской чёрной металлургии оказалось более значительным по сравнению с производителями металлопродукции в других крупных странах мира. В ноябре 2008 г. вы-

плавка стали уменьшилась в США – на 34,6 %, странах ЕС – на 25,3, Южной Кореи – на 13,3, Японии – на 12, в Китае – на 11,2 %.

В 2008 г., по сравнению с 2007 г., в России в целом добыча железной руды сократилась на 4,7 %, выплавка чугуна и доменных ферросплавов – на 6,3 %, стали – на 5,1 %, готового проката чёрных металлов – на 5,1 %, в том числе листового проката – на 9,2 %, стальных труб – на 10,7 %, метизов – на 11,8 %⁷.

К декабрю 2008 г. объёмы производства на Магнитогорском металлургическом комбинате и Челябинском трубопрокатном заводе сократились почти до 40 %, на Златоустовском металлургическом заводе – до 45 %, на Челябинском металлургическом комбинате – до 72 %⁸. Значительное сокращение производства произошло даже на самом передовом предприятии уральской металлургии, её флагмане – Магнитогорском металлургическом комбинате. Как показывает таблица 3, наибольший спад на комбинате произошёл в производстве товарной металлопродукции – сортового проката и товарных слабов и заготовок.

Таблица 3

*Производство основных видов продукции на Магнитогорском и Челябинском металлургических комбинатах в 2007–2008 гг., тыс. т**

Показатели	2007 г.	2008 г.	Изменение, %
Магнитогорский металлургический комбинат (ММК)			
Произведено чугуна	10524	9482	- 9,9
Выплавлено стали	13256	11957	- 9,8
Произведено товарной металлопродукции	12205	10911	- 10,6
В том числе:			
Сортового проката	19962	1577	- 21,0
Слабов и заготовок	Св. нет	Св. нет	- 24,0
Челябинский металлургический комбинат (ЧМК)			
Выплавлено стали	5027	4675	- 7,0
Произведено товарной металлопродукции	4316	4100	- 5,0

*События в цифрах и фактах // Металлург-инфо. М., 2009. № 3. С. 18, 19.

О масштабах и глубине влияния мирового финансово-экономического кризиса второй половины 2008 и начала 2009 гг. на российскую и уральскую металлургию можно судить по следующим данным. Свёртывание производства на предприятиях металлургического комплекса вызвало сокращение производственного персонала, увольнение рабочих и служащих, сокращение рабочего времени и, в ряде случаев, полную остановку предприятий. По данным Горно-металлургического профсоюза России (февраль 2009 г.), из 147 предприятий металлургического комплекса стабильно работали 23 предприятия (15,7 %), на 81 предприятии (55,1 %) введён режим неполного рабочего времени в среднем для 30 % работающих, на 35 предприятиях (23,8 %) простой в среднем 17 % персонала оплачивался в размере 2/3 тарифа, 8 предприятий (5,4 %) простаивали, среди них были три уральских: «ВИЗ-сталь», «Режникель», Полевской криолитовый завод⁹.

В начале 2009 г. в сложном финансово-экономическом положении оказались Златоустовский, Омутнинский и Чусовской металлургические заводы, трубные предприятия – Первоуральский НТЗ и Челябинский ТПЗ. Тяжёлое положение сложилось в Златоусте, где на месяц был остановлен машиностроительный завод, начал работать по сокращённому графику часовой завод, на металлургическом комбинате фонд заработной платы уменьшен в два раза, часть сотрудников переведена на трёхдневную рабочую неделю, а затем металлургический завод был полностью остановлен¹⁰.

В 2009 г. спад производства продолжился. По прогнозам специалистов потребление стального проката в России с 35,5 млн т в 2006 г. снизится в 2009 г. до 27 млн т или даже более, то есть упадёт на 25 – 30 %. Резко снизились объёмы потребления труб, причём серьёзно изменилась их структура. Потребление труб в 2007 г. равнялось 8,7 млн т, в 2008 г. – 7,1 млн, в 2009 г. по прогнозам специалистов составит 5 – 5,5 млн т, то есть снизится на 37 – 43 %, причём прогнозируемое потребление труб большого диаметра (ТБД) с 1,4 млн т в 2008 г. возрастёт до 2,3 млн, то есть увеличится на 40 %, а потребление нефтегазопроводных труб с 1,94 млн т в 2008 г. уменьшится в 2009 г. до 1,8 млн, то есть упадёт на 7,2 %¹¹.

В связи с затруднениями в поставках металлов на мировые рынки, российские металлургические заводы стали расширять производство продукции для внутреннего рынка. В последние годы продажи на внутреннем рынке непрерывно увеличивались примерно по 3 млн т в год. В 2008 г. в России на внутреннем рынке реализовалось около 55 % проката чёрных металлов, на внешнем – около 45 %. Но ввиду финансово-экономического кризиса и сокращения платёжеспособности российских предприятий, спрос на металлопродукцию на внутреннем рынке стал резко падать. В январе – сентябре 2008 г. он составлял в среднем в месяц 3,1 млн т, в октябре – декабре снизился до 1,6 – 1,7 млн, то есть уменьшился почти в два раза.

На внутреннем рынке по масштабам и характеру реализации металлопродукции выделяются два сегмента: 1) прямые продажи крупным постоянным потребителям, 2) продажи через сбытовую сеть мелких и средним потребителям.

Крупными постоянными потребителями металлопродукции, получающими её от металлургических компаний по прямым поставкам, являются предприятия военно-промышленного комплекса, автомобильные заводы, железнодорожный транспорт, трубные предприятия. Их доля в общем объёме продаж на внутреннем рынке достигает 50 %. Этим мощным предприятиям и производственным объединениям – ВПК, ОАО РЖД, РАО «Газпром» и др., постоянную поддержку оказывает правительство, предоставляя им за счёт государственного бюджета и резервных фондов большие кредиты.

Другая половина металлопродукции реализуется через разветвлённую сбытовую сеть, которая включает посреднические, дилерские центры, независимых дилеров, торговые дома металлургических компаний. Этот сегмент оказался самым чувствительным к финансово-экономическим изменениям на внутреннем рынке. Не имея возможности получать дешёвые кредиты, не имея достаточных средств для масштабных торговых операций, многие посредники сократили объёмы взятой на реализацию металлопродукции. Именно резкий спад объёмов реализации металлопродукции в этом сегменте значительно повлиял на общую картину уровня сбыта всей металлопродукции на внутреннем рынке.

На внешнем рынке влияние финансово-экономического кризиса до сих пор сказывалось в меньшей мере. Продукция российской чёрной металлургии реализуется на мировом рынке в определённых, ранее завоёванных нишах. Среднемесячный объём экспорта сократился с 2,4 млн т в январе – сентябре 2008 г. до 1,9 млн в октябре – декабре, то есть уменьшился на 20,8 %. Но оснований для безудержного восторга нет. Сейчас действуют ранее заключённые контракты, будущее после их окончания туманно. В странах импортерах российской металлопродукции происходит систематический спад промышленного производства, уменьшается ликвидность, сокращается спрос на импортную продукцию и не ясно, сколько и до какой глубины он будет продолжаться и, следовательно, сколько и в каком объёме сохранятся за российской металлургией эти рынки.

Таким образом, можно констатировать, что финансово-экономический кризис, подорвав платёжеспособность потребителей металлопродукции, нанёс наиболее сильный удар по очень чувствительному месту российской металлургической промышленности – по её слабым позициям на внутреннем и внешнем рынках. Металлопотребление в стране в результате рыночных реформ и конверсии 1990-х гг. сократилось в три раза. Развал машиностроения и станкостроения, резкое сокращение строительства, заказов оборонной промышленности нанесли огромный урон металлургической промышленности.

С наступлением финансово-экономического кризиса в более лучшем положении оказались предприятия, которые потратили полученные благодаря конъюнктуре капиталы на техническое обновление основных фондов и приведение в порядок производственной инфраструктуры.

Наиболее радикальная модернизация осуществлена на Магнитогорском металлургическом комбинате, где в 2000–2004 гг. в техническое развитие было вложено 1104 млн долларов, то есть ежегодно по 220,8 млн, в 2005 г. – 624 млн, на 2006–2013 гг. инвестиции были запланированы в 5,2 млрд долл.¹². Простой перечень наиболее крупных технических нововведений, осуществлённых на комбинате за последние годы, весьма внушителен. В 2003 г. построен вакууматор, реконструирована МНЛЗ № 3, на двух конвертерах установлены АСУ ТП. В 2004 г. построены и введены в строй две сортовые МНЛЗ № 1 и 2 и агрегат «печь-ковш».

В 2005 г. введён в эксплуатацию конвертер № 3 мощностью 3 млн т в год, две новые слябовые МНЛЗ мощностью 3 млн т каждая. В 2006 г. пущен второй электросталеплавильный цех, в котором установлены две 200-тонные новейшие мощные электродуговые сталеплавильные печи мощностью в 4 млн т жидкой стали в год, введена в строй слябовая МНЛЗ № 5 мощностью в 2 млн т в год, АПК и агрегат доводки стали. На комбинате остановлены и демонтированы все мартеновские печи, вся сталь на 100 % стала разливаться на МНЛЗ¹³.

Ведущие металлургические компании региона, благодаря крупным инвестициям, вложенным в последние годы в коренную техническую реконструкцию предприятий, достигли достаточно эффективной экономичности производства, добились высокой конкурентоспособности, позволяющей им успешно преодолевать финансово-экономический кризис и более уверенно смотреть в будущее. Но реконструкция носила островной характер. Наряду с крупными предприятиями в металлургическом комплексе региона имеется немало устаревших, малорентабельных заводов, которые в период подъёма начали вставать на ноги, а теперь находятся в тяжёлом, бедственном состоянии.

В конце 1980–1990-х гг., в период «перестройки» и рыночных реформ, в средствах массовой информации восторженно объявлялось, что в результате демократических преобразований наша страна превратилась в «совершенно другое государство»: 1) с другими границами, 2) другими политическими ценностями, 3) другой экономикой. С тех пор прошло два десятилетия и эйфория по поводу создания «Новой России», приобщения нас к «общечеловеческим ценностям», «включения в мировой рынок» и т. п. в значительной степени стала улетучиваться.

Границы нашей страны действительно изменились, территория нашего государства сократилась более чем на , от нее отошли южные и западные республики, более благоприятные по природно-климатическим условиям, имевшие залежи полезных ископаемых, необходимые для нашей промышленности, важные для нас порты на Балтийском и Чёрном морях. В составе новой России остались

северные территории, половину её занимают районы вечной мерзлоты, отсутствуют крупные месторождения хрома, марганца, сурьмы, мало вольфрама, урана.

Пришлось разочароваться и в приобретении новых политических ценностей. Демократия настолько скомпрометировала себя, превратилась в политические игры, что пришлось снять верхний порог явки избирателей почти на всех федеральных и муниципальных выборах. На последних муниципальных выборах (февраль 2009 г.) явка избирателей не превышала 15–20 %. Пропаганда «общечеловеческих ценностей», как оказалось, служила лишь прикрытием для утверждений о «возвращении» страны на «цивилизованный» путь развития, восхваления «западного» образа жизни, очернения исторического прошлого. Включение «в мировой рынок» привело к деиндустриализации страны, превращению её в сырьевой придаток промышленно-развитых стран Запада.

Создание рыночной, примитивно-капиталистической, криминальной и коррумпированной экономики, приватизация государственной собственности не дали обещанных результатов. Расхваленные «эффективные собственники» оказались алчными и безответственными, не обеспечили обещанный «расцвет российской экономики, науки и культуры», подъём благосостояния масс. Приватизация усилила дифференциацию в обществе, углубила социальное неравенство, создала огромный разрыв в доходах различных социальных слоёв и групп, что ведёт к обострению социальной напряжённости.

В каком положении находится сейчас уральская металлургия? Крупные металлургические компании региона, несмотря на кризис, продолжают реализовывать проекты по обновлению и модернизации предприятий, созданию новых производств для выпуска высококачественной, конкурентоспособной и импортозамещающей продукции, которая усилит их позиции на внутреннем и внешнем рынках, поможет выжить в конкурентной борьбе.

На Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК) осуществляется «крупнейший инвестиционный проект последнего десятилетия» – грандиозный уникальный прокатный стан «5000», по объёму выпускаемой продукции – 1,5 млн т проката в год – самый мощный в мире. Стан занимает площадь в 130 тыс. кв. м – это размер 24 футбольных полей, заключённых под одной крышей. Главная рабочая часть стана – прокатная клеть, на которой происходит раскатка листа, весит почти 6000 т. Общая длина стана – 1 км. После запуска стан будет обеспечивать российские предприятия толстолистовым прокатом, ранее закупаемым за границей. Такой лист применяется для изготовления труб большого диаметра, при строительстве морских судов, мостов, в промышленном машиностроении, строительстве. Сбербанк РФ и ММК подписали договор об открытии комбинату невозобновляемой кредитной линии на 12 млрд руб. сроком на 3 года, ранее, в декабре 2008 г., между ними было заключено кредитное соглашение с лимитом 3 млрд руб. сроком на 2 года.

В связи с увеличением заказов в январе 2009 г. на ММК введена в работу аглофабрика № 4, временно остановленная в ноябре 2008 г. из-за сокращения производства, в феврале-марте введены в строй ранее остановленные доменные печи № 2, 7 и 8. В кислородно-конвертерном цехе после капитального ремонта пущен конвертер № 3 ёмкостью 370 т и мощностью 3 – 3,5 млн т стали в год. В листопрокатном цехе № 4 заработал широкополосный стан горячей прокатки «2500», остановленный в октябре 2008 г. и переведённый в режим ожидания и прокрутки. После комплексной реконструкции мощность стана возрастет до 5 млн т в год, он будет производить рулонный и листовой прокат, в том числе качественный рулонный прокат для выпуска холоднокатаного листа и листа с покрытиями. Возобновлено строительство агрегата полимерных покрытий № 2, приостановленное осенью 2008 г. Его пуск намечен на лето 2009 г.

По сравнению с первым кварталом 2008 г., ММК в четвёртом квартале 2008 г. сократил выпуск стали на 42,5 %, товарной продукции – на 41,7 %. В первом квартале 2009 г., с ростом продаж, в основном, за счёт увеличения поставок на внутренний российский рынок, производственные показатели стали улучшаться. В первом квартале 2009 г., по сравнению с четвёртым кварталом 2008 г., выпуск стали вырос на 25,6 %, чугуна – на 32,1, товарной металлопродукции – на 24,3 %. Магнитка вышла из зоны отрицательной рентабельности, в которой она находилась в течение трёх месяцев.

На Челябинском трубопрокатном заводе (ЧТПЗ) идёт строительство большого трубосварочного стана, предназначенного сваривать трубы большого диаметра для магистральных нефте- и газопроводов. Толстолистовой прокат для стана будет поступать со стана «5000» Магнитогорского металлургического комбината. На новом трубосварочном стане будет установлено самое современное импортное оборудование, поставляемое Германией. Завод будет выпускать трубы диаметром 1420 мм, длиной 18 метров, с толщиной стенки до 48 мм, самой высокой прочности, которые могут сегодня произвести металлурги.

Такие трубы будут отправляться на строительство отвода от нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан в КНР и магистрального газопровода «Северный поток» – по дну Балтийского моря из России в Германию. Уже в 2009 г. ЧТПЗ поставит Газпрому партии труб диаметром 530, 720, 1020 и 1220 мм с толщиной стенки 7–16,7 мм с трёхслойным наружным антикоррозионным полиэтиленовым покрытием для ремонтно-эксплуатационным нужд газопроводов «Валдай – Псков – Рига», «Кипень – Гатчина», «Грязовец – Ленинград-1», «Торжок – Минск – Ивацевичи». Банк Москвы предоставит ЧТПЗ кредит в 200 млн долл. сроком на 10 мес. для пополнения оборотных средств.

На Челябинском металлургическом комбинате (ЧМК) развёртывается строительство рельсобалочного стана для производства особо прочных рельс для высокоскоростных магистралей. Сейчас такие рельсы выпускают только в Австрии и Японии, а потребность в них непрерывно растёт. Выпускаемые

в России (в Нижнем Тагиле и Новокузнецке) обычные рельсы длиной в 15 и 25 м морально устарели. В Западной Европе поезда движутся со скоростью 250 – 300 км/час, в России – не более 90 км/час.

Основное технологическое оборудование для строящегося рельсобалочного стана поставляет компания Danieli (Италия). ЧМК будет производить особо прочные рельсы длиной в 100 м, в дальнейшем они будут свариваться в 800-метровые плети бесстыкового, так называемого «бархатного пути» для высокоскоростных магистралей. По стратегическим планам модернизации и развития российской железнодорожной сети планируется строительство высокоскоростных магистралей Москва – Санкт-Петербург, Москва – Сочи, Москва – Западная Европа. Кроме особо прочных рельс комбинат наладит производство дефицитных для строителей крупнофасонных профилей (балок, швеллеров).

«Рельсовый проект» открывает для комбината новые перспективы, позволит поставлять на российский рынок ежегодно до 1 – 1,1 млн т готового сортового металлопроката, в том числе 400–500 тыс. т/год магистральных рельсов и до 600 тыс. т/год фасонного проката. Комбинат получает на длительный срок заранее обеспеченный рынок сбыта: между ОАО «Мечел» и ОАО «РЖД» подписан договор на поставку рельсовой продукции на период с 2010 по 2030 гг. «Горячее» испытание стана намечено в 1 квартале 2011 г., отработка технологии изготовления рельсов и проведение испытаний – до конца 2011 г., с 2012 г. ЧМК полностью обеспечит потребность РЖД в рельсах для строительства высокоскоростных магистралей и магистралей, проходящих в сложных климатических условиях.

«Газпромбанк» открыл предприятиям «Мечела» кредитные линии на 1 млрд долл. сроком на 3 года, окажет услуги по привлечению средств на реализацию проекта строительства рельсобалочного стана в размере до 255 млн долл. В марте 2009 г. комбинат посетила делегация китайской корпорации по страхованию экспортных кредитов, Эксимбанка Китая и китайской строительной госкорпорации Minmetals Engineering Co. Ltd, **обсуждавшая вопрос об организации финансирования проекта строительства рельсобалочного стана.** Реконструкцию прокатного цеха с установкой рельсобалочного стана будет осуществлять китайская корпорация Minmetals Engineering., которая предоставит «Мечелу» длительный связанный кредит на 300 млн долл.¹⁴

Высокую оценку инновационным проектам челябинских металлургических предприятий дал губернатор Челябинской области П. Сумин, заявивший о всемерной поддержке их государственными властями. «Предприятия, где инвестиционные процессы в условиях кризиса не «затухли», а, напротив, усиливаются, – заявил он, – заслуживают реальной поддержки». Переход южноуральских промышленников на производство импортозамещающей продукции, ориентированной на потребности внутреннего рынка, отвечающей требованиям стратегического развития страны, Сумин назвал серьёзным технологическим прорывом и «настоящим трудовым подвигом» в условиях глобальных экономических изменений¹⁵.

Начал восстанавливать свои производственные позиции Нижнетагильский металлургический комбинат (НТМК). Вследствие большого сокращения производства, начиная с ноября 2008 г. на комбинате стали переводить производственно-промышленный персонал на сокращённую рабочую неделю, менять сменный режим, частично уменьшать загрузку персонала, что позволило избежать массового сокращения работающих. Несмотря на кризис и ухудшение ситуации на рынках, продолжалась реконструкция предприятия. В конце 2008 г. остановлены устаревшие мощности – мартеновское производство, обжимной стан, доменная печь. В декабре 2008 г. введена в строй новая линия закалки колёс, завершившая реализацию крупного проекта.

Сегодня на комбинате задействованы самые современные агрегаты и оборудование: две доменные печи, модернизированные на основе новейших технологий; конвертерный цех с конвертерами ёмкостью в 160–180 т, реконструкция которого завершена на 75 %; установки непрерывной разливки стали. Комбинат продолжает выпускать весь свой традиционный сортамент продукции: рельсы, колёса, широкополочные балки, полуфабрикаты – слэбы и др. На комбинате осуществляется оптимизация структуры управления, внутренних издержек, численного состава. По данным губернатора Свердловской области Э. Э. Росселя, в январе 2009 г. комбинат работал на 58 %, в феврале – на 65 %, в марте и апреле был загружен уже на 90 – 100 %¹⁶.

На ОАО «Ижсталь» выводится из эксплуатации морально и физически устаревшее оборудование, закрыто мартеновское производство, осуществлён переход на выплавку стали в электропечах. В электроплавильном цехе устанавливаются МНЛЗ производительностью 300 тыс. т в год, новая дуговая электроплавильная печь, агрегат внепечной обработки стали. Планируется ввести в эксплуатацию новый комплекс разливки стали в декабре 2009 г.

На Чусовском металлургическом заводе (ЧМЗ) ведётся демонтаж доменной печи, который является первой фазой её реконструкции, предусматривающей повышение производительности печи в два раза – до 1 млн т чугуна в год.

На Нижнесергинском метизно-металлургическом заводе (НММЗ) разработана инновационная технология выплавки стали с использованием тяжёловесной металлошихты (стального скрапа), включающая выплавку стали в современных сверхмощных дуговых печах, внепечную обработку стали на установке «печь-ковш», разливку на сортовой МНЛЗ.

На Челябинском заводе «Профнастил», специализирующимся на нанесении полимерных покрытий на оцинкованный рулонный лист и выпуск профнестила из окрашенного оцинкованного листа, выпуске трёхслойных панелей с пенополиуретановым наполнителем, сдан в эксплуатацию автоматизированный комплекс по выпуску металлоконструкций на базе гнутых профилей.

ОАО «Трубная металлургическая компания» (ТМК) на Северском трубном заводе прекратила маргеновое производство, ведутся горячие испытания нового сталеплавильного комплекса с дуговой электропечью, ввод которого позволит увеличить производство жидкой стали до 1 млн т/год и расширить сортамент выплавляемых сталей. С завершением реконструкции сталеплавильного производства компания перейдёт на полное обеспечение трубного производства собственной непрерывно литой заготовкой, повысит экономичность сталеплавильного производства, снизит себестоимость трубной продукции, более чем вдвое уменьшит вредные выбросы в атмосферу, резко сократит количество производственных отходов. ТМК получила у Сбербанка кредит в размере 9765 млн руб. сроком на 1 год, Газпромбанк предоставит кредит в 1,1 млрд долл. сроком на 2,5–3 года под залог части пакета акций¹⁷.

В структуре сбыта металлопродукции важное место на внутреннем рынке будут занимать машиностроение и строительство. В МК «Уралмаш» при участии итальянских и японских специалистов разрабатываются планы модернизации производства прокатных валков, кузнечно-прессового производства и производства бурового оборудования, реконструкции литейного и механосборочного производств. Объём планируемых инвестиций превысит 300 млн. евро в течение нескольких лет. Уральский дизель-моторный завод (УДМЗ) совместно с австрийской инжиниринговой фирмой **AVI.LIST GMBH** проводит исследования по модернизации выпускаемого на заводе дизеля 8ДМ21, которая позволит значительно улучшить его эксплуатационные и экологические показатели.

ОАО «НПК «Уралавтомат» в сотрудничестве с чешскими фирмами **ALTA** и др. осуществляет реконструкцию действующих цехов. В кузнечном цехе № 1 готовится к запуску линия механической обработки осей на базе оборудования чешских станкостроителей; завершается реконструкция малярно-сдаточного цеха, где установлен крупнейший в мире окрасочно-сушильный комплекс. Чешским Экспортным Банком предоставлена кредитная линия на 1 млрд евро. В Свердловской области разработана программа развития станкостроения, являющегося крупным потребителем металлопродукции.

ОАО «Синара» с РЖД и компанией Siemens (Германия) на производственной площадке Уральского завода транспортного машиностроения создают совместное предприятие по разработке и производству нового поколения электровозов на постоянном токе, которые будут иметь грузоподъёмность на 30–40 % выше своих аналогов. Инвестиции в проект составят 4–5 млрд руб.¹⁸

Крупным потребителем металлоизделий может стать строительный комплекс, но сейчас он сам переживает тяжёлый кризис. Объёмы строительства и ввода жилья с наступлением кризиса резко сократились. В Челябинской области в январе – феврале 2009 г. по сравнению с таким же периодом 2008 г. они упали на 39%, производство стройматериалов сократилось на 40–60 %, из этих предприятий некоторые практически стоят, многие – на грани остановки.

Коллапс в строительном комплексе в значительной мере был создан несбалансированным раскручиванием спроса на жильё и необоснованным вздутием цен на него строительными компаниями. Еще три года назад цена кв. м в Екатеринбурге была 20 тыс. руб., в конце 2008 – начале 2009 г. она поднялась до 50–60 тыс. руб., в Челябинске колебалась в диапазоне 40–42 тыс. руб., хотя по заключениям специалистов при панельном домостроении оно реально укладывается в пределы 25–25 тыс. руб за кв. м. и при такой цене строители могут получать реальную прибыль.

Результатом взвинчивания цен стал огромный рост непроданного жилья. В РФ введено в эксплуатацию, но не продано жилья около 61 млн кв. м, ещё около 50 млн кв. м жилья составляет остановленное незавершённое строительство. Незавершённых строительных объектов в Свердловской области около 4 млн кв. м, в Челябинской области – 2 млн кв. м. Сроки кредитования строительных компаний в настоящее время чаще всего составляют полгода, ставки кредитования увеличились с 14–16 до 20–25%, обязательный залог – не менее 30 %, кредиты выдаются только на достройку объектов с готовностью не менее 70 %. Вывести стройкомплекс из ступора может только снижение ставок кредитования и снижение цен на жильё, но оба этих вопроса не решаются или решаются медленно¹⁹.

Мировой финансово-экономический кризис настойчиво выдвинул перед российской и уральской металлургией в качестве самого неотложного вопрос о переходе на новый этап развития, на качественно новый уровень эффективности, производительности труда. Для этого необходимы ускоренная модернизация производственных мощностей, определение ключевых ориентиров и вех развития металлургии и смежных областей на ближайшее и более отдалённое будущее.

Разработанная по заказу правительства «Стратегия развития чёрной металлургии России до 2020 г.» даёт углублённый комплексный анализ современной ситуации в чёрной металлургии и смежных областях, обозначает основные вызовы, стоящие перед отраслью, выстраивает видение её развития до 2020 г., обозначает ожидаемые объёмы потребления ресурсов и производства продукции²⁰.

Одно из основных преимуществ современной российской чёрной металлургии заключается в том, что она имеет низкую по международным масштабам себестоимость (в 2007 г. – 520 долл. США/т, среднемировой уровень – 620 долл.). Это достигается наличием у отечественных производителей собственных источников сырья и относительно низким уровнем производственных затрат. Но эти факторы не очень устойчивы.

Главная проблема отрасли – низкая эффективность использования материальных и трудовых ресурсов. Эффективность использования энергии и топлива в российской металлургии ниже, чем в европейской, в доменно-конвертерном производстве – на 15 %, на электродуговых печах – на 10 %. Повысить энергоэффективность и снизить расходные коэффициенты можно путём закупок современного оборудования, вывода из эксплуатации устаревших мощностей, внедрения на предприятиях от-

расли программ повышения эффективности в текущем режиме за счёт применения конкретных мер, развитием современной производственной культуры.

Важный сдерживающий фактор эффективного развития отечественной металлургии – производительность труда, которая в среднем по отрасли в четыре раза ниже, чем в развитых странах (на современных мощностях, введенных в эксплуатацию в последние годы – значительно меньше). Производительность труда (в человеко-часах на тонну выплавленной стали) в 2007 г. составляла: в США – 3,5, Южной Кореи – 3,2, Японии – 3,1, ЕС – 3,0, в России – 11,0²¹. Повысить производительность труда следует за счёт пересмотра рабочего процесса, организации работ, вложения средств в автоматизацию производственных процессов, внедрение систем сравнительного анализа эффективности производства, оценки и контроля показателей эффективности каждого технологического этапа.

Авторы «Стратегии» полагают, что на зарубежных рынках присутствие России снизится до 10–15 млн т (16 % от производства готового проката). Отечественные металлурги должны участвовать в процессе формирования современных международных требований к металлопродукции, самим формировать и предлагать новые стандарты и решения. И, наконец, для повышения качества выпускаемой российскими компаниями продукции необходимо развернуть научно-исследовательские и экспериментальные работы, внедрять почти исчезнувшие за последние десятилетия собственные НИОКР. Согласно Стратегии развития России, в 2020 г. мы должны войти в пятерку самых развитых экономик мира.

Ключевыми источниками роста отрасли в ближайшем и более отдалённом будущем станут: 1) высокая степень износа основных фондов в российской промышленности, 2) «отложенное потребление» стали в течение последних 15 лет, 3) спрос на потребительские товары.

Концепция исходит из того, что кризис несомненно окажет влияние на темпы развития чёрной металлургии, но после его преодоления российская экономика по-прежнему будет нуждаться в массовом обновлении и расширении инфраструктуры и будет расти спрос на металлопродукцию. Большую роль в общей структуре спроса будет играть рост потребления в сегментах строительства и инфраструктуры. Произойдёт рост спроса на железорудное сырьё, лом чёрных металлов, коксующийся уголь (концентрат), получит распространение технология пылеугольного топлива, позволяющая экономить коксующийся уголь.

Увеличение производственных мощностей и изменение баланса между используемыми технологиями (например, в сталеплавленном производстве более 60 % мощностей будет приходиться на электродуговые печи) приведёт к увеличению потребностей в электроэнергии на 35 %, в газе – на 20 %, в воде – на 15 %²².

В планируемом развитии чёрной металлургии авторы «Стратегии развития чёрной металлургии России до 2020 г.» выделили три этапа:

Горизонт 1: «Модернизация» (2008–2011 гг.). Компании при поддержке государства проводят мероприятия, направленные на вывод отрасли на новый качественный уровень. Происходит обновление и расширение производственных фондов, выводятся из эксплуатации неэффективные мощности, создается НИОКР, углубляется сотрудничество внутри отрасли и с потребителями, начинаются работы по повышению производительности труда и качества продукции, совершенствуется техническое образование.

Горизонт 2: «Качественный рост» (2012–2015 гг.). Компании при поддержке государства осваивают новые возможности, добиваются устойчивых, значительных улучшений в качестве продукции и производственной эффективности, осваивают новые технологии и перспективные материалы.

Горизонт 3: «Лидерство» (2016–2020 гг.). На этом этапе Россия может стать одним из глобальных лидеров в чёрной металлургии, чему будут способствовать собственное сырьё, масштабный внутренний рынок, существенная доля недавно введенных современных производственных мощностей, традиции НИОКР, модернизация всей экономики страны, предусмотренная Концепцией долгосрочного развития Российской Федерации²³.

Перед уральской чёрной металлургией ставится задача подъёма на новую стадию модернизационного развития, её перевооружения на основе современной техники и передовых технологий, новейших достижений научно-технической революции; расширении ее минерально-сырьевой базы за счет использования ресурсов глубоко лежащих горизонтов; комплексной переработки руд и минералов; вовлечения в производственный цикл природных богатств Полярного Урала, республики Коми, Сибири; широкомасштабного внедрения наукоёмких видов продукции, определяющих технический и технологический уровень современных производств.

Приоритетными направлениями перспективного развития современного комплекса чёрной металлургии Урала являются:

- всемерное обеспечение металлургических предприятий железорудным местным сырьём, компенсация выбывающих мощностей за счёт освоения новых месторождений и разработки ресурсов глубоко лежащих горизонтов;

- повышение комплексности железорудного сырья с использованием всех полезных элементов, включая, прежде всего – извлечение ванадия и титана;

- дальнейшая реструктуризация сталеплавленного производства в направлении развития кислородно-конвертерного и электросталеплавленного производств с вводом современных средств по внепечной обработке и непрерывной разливке стали;

- поэтапный вывод мартеновских печей с заменой их электросталеплавильными, начиная реконструкцию со строительства МНЛЗ;
- внедрение в чёрной металлургии автоматизации производств по новейшим прогрессивным технологиям;
- ограничение вывоза металлолома из региона и из страны, возведение этого вопроса в ранг государственной политики;
- повышение качества металлопродукции с целью обеспечения конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынках; разработка и внедрение эффективных ресурсо- и энергосберегающих экологически чистых технологических процессов;
- скорейшее вовлечение в производственный цикл природных богатств Полярного Урала, Республики Коми, Сибири²⁴.

Для повышения качества выпускаемой продукции необходимо развернуть научно-исследовательские и экспериментальные работы, вкладывать средства во внедрение НИОКР.

Среди специалистов растёт убеждение в необходимости усиления государственного регулирования экономики. Известный металлург, президент Международного Союза металлургов С. В. Колпаков ещё в 2007 г. писал: «Сегодня уже очевидно, что частную рыночную инициативу надо совмещать с долгосрочным государственным планированием»²⁵. Сейчас ещё более радикально высказывается О. Н. Сосковец: «...Новая экономика, которую мы планировали построить и которая базировалась бы исключительно на рыночных принципах, – пишет Сосковец, – в общем не состоялась. И кризис показал все слабости действующей модели. Пока сырьевые цены росли, все чувствовали себя неплохо. Благополучие страны было построено на природных ресурсах. Надо выстраивать новую модель диверсифицированной экономики, возвращаться к утраченной системе научного обеспечения отрасли, системе проектирования предприятий, системе подготовки инженерных кадров и т. д. Эти задачи можно решить только при мощном государственном участии»²⁶.

Примечания

¹ Алексеев В. В. Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней / В. В. Антонов, Д. В. Гаврилов. М.: Наука, 2008. С. 740–813.

² Сосковец О. Н. Платить по долгам и работать на будущее // Металлы Евразии. М., 2009. № 2. С. 7–8.

³ Носов С. К. Проблемы и вызовы следующего десятилетия // Металлы Евразии. 2006. № 3. С. 23.

⁴ Цит. по ст.: Брюссельская корзина на Амуре // Советская Россия. М., 2009. 26 мая. № 53. С. 3.

⁵ Алексеев В. В. Металлургия Урала... С. 747.

⁶ Сосковец О. Н. Платить по долгам и работать на будущее. С. 6.

⁷ Бродов А. А. Финансово-экономический кризис и чёрная металлургия России / А. А. Бродов, Л. П. Макаров, В. А. Штанский // Сталь. М., 2009. № 2. С. 64–65.

⁸ Сумин П. И. Испытание на прочность // УРФО. Екатеринбург. 2009. № 3–4. Март-апрель. С. 11.

⁹ События в цифрах и фактах // Металлург. М., 2009. № 4. С. 10.

¹⁰ Ослопов А. А. Работа служб по труду и персоналу на предприятиях металлургии в современных условиях // Металлург. 2009. № 4. С. 8; Сперанский А. Безработица с «человеческим лицом» // Советская Россия. М., 2009. 26 мая. № 53. С. 2.

¹¹ События в цифрах и фактах // Металлург. 2009. № 4. С. 10.

¹² Денисова О. Инвестиции не спешат на Урал // Уральский рынок металлов. Екатеринбург, 2006. № 4. С. 57–59.

¹³ Рашников В. Ф. Время подводить итоги // Уральский рынок металлов. 2005. № 6. С. 31; Он же. Научные разработки как основа программы инновационного развития ОАО ММК // Сталь. М., 2007. № 2. С. 11; Шмаков В. И. ОАО ММК – эффективное предприятие отечественной металлургии // Сталь. 2007. № 2. С. 123–124.

¹⁴ События в цифрах и фактах // Металлург. 2009. № 3. С. 19–20; № 4. С. 12, 13, 14; События и факты // Уральский рынок металлов. 2009. № 1–3. С. 4; Денисов К. Три проекта южно-уральских металлургов // Известия. М. 2009. 22 апреля. № 69. С. 3.

¹⁵ Цит. по: Известия. 2009. 22 апреля. № 69. С. 3.

¹⁶ Фролов А. ЕВРАЗ корректирует планы, не меняя стратегию / А. Фролов, П. Татьянин // Металлы Евразии. 2009. № 2. С. 10–11; Уральский рынок металлов. 2009. № 1–3. С. 4.

¹⁷ События в цифрах и фактах // Металлург. 2009. № 3. С. 20; События и факты // Уральский рынок металлов. 2009. № 1–3. С. 4, 8–9.

¹⁸ События и факты // Уральский рынок металлов. 2009. № 1–3. С. 6–7.

¹⁹ Межотраслевая конференция «Строительный сезон – 2009: Перспективы строительства и оценка потребления материальных ресурсов в стройкомплексе Среднего Урала» // Уральский рынок металлов. 2009. № 1–3. С. 18–21, 28–29.

²⁰ Развитие чёрной металлургии России: проблемы, возможности, перспективы : по материалам стратегии развития чёрной металлургии России до 2020 года // Металлы Евразии. 2009. № 1. С. 36.

²¹ Там же. С. 37.

²² Там же. С. 36–40.

²³ Там же. С. 40–41.

²⁴ Смирнов Л. А. Рецензия на книгу: В. В. Алексеев, Д. В. Гаврилов. Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней // Сталь. 2009. № 2. С. 78–80.

²⁵ Колпаков С. В. «Рыночную инициативу надо совмещать с государственным планированием» // Уральский рынок металлов. 2007. № 9. С. 19.

²⁶ Сосковец О. Н. Платить по долгам и работать на будущее. С. 9.

Даванков А. Ю.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Справедливость – явление постоянно востребованное. Она имеет сословное, политическое и профессиональное толкование. Она не существует как единое целое. Приговор ли суда, уровень оплаты труда, существующий закон, оценка, полученная на экзамене или при аттестации, выигранный или проигранный тендер – все измеряется параметрами справедливости в понимании разных людей, разных социальных групп¹.

В условиях рыночной экономики, базирующейся на институтах индустриального общества, существует противоречие между социальной справедливостью и экономической эффективностью, которое последователями теории «свободной руки рынка» трактуется как необходимое условие экономического роста, а причины кризисов объясняются идеологами радикальной либерализации чрезмерной социализацией экономики.

Однако постиндустриальное общество требует становления творческого труда, в качестве основы общественного развития, а, следовательно, создание равных стартовых возможностей для применения знаний, умений, талантов. Интенсивный экономический рост, повышение индивидуального или общественного благосостояния, воспроизводство рабочей силы, опираются именно на эти необходимые условия, а, следовательно, социальная справедливость выступает предпосылкой экономической эффективности².

Эффективные, с позиций создания условий для нормального функционирования экономической системы и решения насущных социальных проблем, распределительные отношения должны обеспечивать политическую стабильность государства и общества.

В постиндустриальной экономике формируется новая система социального неравенства, в которой уровень доходов индивидуума определяется неодинаковым доступом к информации, различиями в способности индивидуума применить знания, зависящими от степени его одаренности и способности к инновационному творчеству. Однако применение знаний базируется на массовом образовании, равном доступе к релевантной информации, то есть основные элементы социальной справедливости выступают необходимым условием (но недостаточным) условием использования человеческого потенциала.

Таким образом, с одной стороны, социальная справедливость выступает условием интенсивного инновационного роста в постиндустриальном обществе, а с другой – индивидуалистический характер человеческого капитала усиливает экономический базис социального неравенства в обществе.

Как отмечал директор Института экономики УрО РАН академик А.И. Татаркин на конференции посвященной социальной справедливости, что понятие справедливости лежит в основе любой сферы общественной жизни, однако наиболее ярко проявляется в экономике. В документах ООН социальная справедливость определяется как принцип, в соответствии с которым все люди имеют право на удовлетворение основных потребностей, независимо от пола, возраста и вероисповедания, физического состояния и прочих условий. Однако в рамках государственной политики принцип социальной справедливости осуществляется далеко не всегда. Даже частично платное образование и здравоохранение, отсутствие полноценной заботы о старости и детстве лишает наше государство права называться обществом социальной справедливости. Принцип социальной справедливости должен быть поставлен во главу угла при обсуждении любой законодательной, политической, государственной проблемы. В чем проявляется нарушение социальной справедливости в экономике в период кризиса? Это колоссальный рост задержек, невыплат зарплат и нарушений трудового законодательства, низкой уровень доходов. Разница между регионами в уровне доходов населения достигает 22 раз, а между Ямалом и Дагестаном – 27 раз. Падает покупательная способность населения. По данным за 2007 год, средний россиянин мог купить 3,3 потребительских корзины. Мировой стандарт, при котором человек может всесторонне развиваться и воспитывать детей, составляет 5–6. К тому же, наша корзина, по выражению академика, «самая бедная и дырявая» не считая африканских государств, так что можно сделать неутешительный вывод о социальном самочувствии россиян.

Ни в одной стране мира нет такой дифференцированной системы пенсионного обеспечения. У нас для милиции – одна пенсионная система, для судебных работников – другая, для госчиновников – третья, для региональных чиновников – четвертая, для военных – пятая. И остается самая низшая – бессистемная – для большинства населения, не попавшего в эти привилегированные пенсионные структуры, где пенсия равняется примерно 30 процентам, от среднего заработка. Говорить о пенси-

онном обеспечении с точки зрения социальной справедливости не приходится. Произошла резкая дифференциация доходов населения – от 15 до 25 раз. Социально стабильным считается общество, где различие в доходах 10 процентов самых богатых и самых бедных не превышает шести раз.

Успешность и сила любого политического строя любого государства – в пространстве справедливости, на его территории. Основой всех реформ, в какой бы сфере они ни предпринимались – науке, образовании, построении власти, армии, медицине, промышленности, банковском секторе, среднем и малом бизнесе, сельском хозяйстве, – являются объём, фундамент, масштаб справедливости: профессиональной, кадровой, научной, духовной, социальной, интеллектуальной. Именно её масштаб, её устроенность в реформу делают реформу продуктивной и органичной.

Причем эта справедливость должна быть просчитана, а не нести характер флера, а точнее, социальной демагогии. Почему этого не случается и что этому мешает? Потому что реформы делаются сплошь и рядом не под идею, а под интерес. А это совсем разные вещи и, как правило, противоречащие друг другу. Идею – это торжество мысли, и потому она объединяет единомышленников и сподвижников. А интерес – это торжество выгоды. И реформы, построенные на интересе, обречены, они будут действовать до прихода во власть другого интереса. Они будут продуцировать коррупцию, уничтожать мораль, потому что понятие справедливости в этом случае снижает выгоду.

И если сегодня власть по уровню справедливости у близстоящего прошлого выиграла, а именно лихих 90-х годов, то с более отдалённым (советским) прошлым всё намного проблемнее. И власти это не нравится. В то отдалённое прошлое возвращает нас общественное сознание, память большинства, ныне гораздо менее состоятельного, а в значительной массе своей бедного. И она никак не стыкуется ни с памятью, ни с понятием справедливости сверхбогатого меньшинства. Смотрит на происходящее большинство, для которого справедливость в пределах привычной неприхотливости: умеренная плата за жилье, продукты, лекарства, транспортный билет и телефонный звонок (вот и весь круг воображаемого достатка), – и начинает понимать, что диктатура не осталась в прошлом, просто она сменила свое лицо. И ныне у нас диктатура сверхбогатого меньшинства в параметрах с уверенной демократии, для которого народ это его сосед по вилле.

В российской реальности, пишет Ю. Болдырев, если ты исповедуешь умеренности практичность, стараешься развиваться за счёт собственных ресурсов, а кредиты если и берёшь, то в строго дозированных объёмах, с гарантией, что как бы ни менялась конъюнктура, всё сможешь вернуть, то ты отстаешь. Тебя опережают конкуренты, которые не стесняются брать кредиты по максимуму, закладывая с огромными рисками всё, что имеют³.

Правила игры выстроены так, что этому потворствуют. И конкуренты, в конце концов, просто выбрасывают тебя с рынка. Лукавство этого подхода проявляется в кризисные периоды, когда этим «сильнейшим» вдруг настоятельно требуется помощь государства за счёт всех налогоплательщиков (как это происходит, например, сейчас у нас), а также при сопоставлении подобных правил игры с практически любой другой сферой жизни.

Да, если бы кризисы перепроизводства (а точнее – падения спроса) происходили чуть почаще, в периоды таких кризисов добросовестные и ответственные доказали бы своё подлинное долгосрочное превосходство – свою устойчивость и способность кризису противостоять. Они остались бы на рынке, а безответственно рискованные конкуренты вовремя бы прогорали и с рынка вылетали. Но так как периоды бескризисного развития бывают сравнительно затяжными, а память человеческая коротка, то и получается, что легкомысленные и чуть ли не безголовые успевают выбросить с рынка всех, кто ответственен и долгосрочно прозорлив.

Легкомысленные и безголовые на самом деле вполне себе на уме. Просто играют они в рамках современного экономического мироустройства деньгами и судьбами не своими, а чужими. В результате в кризисный период корпорации становятся банкротами, но их собственники (не размытые акционеры, а держатели консолидированных пакетов, практически и осуществляющие реальное управление) и топ-менеджеры (успевшие за бескризисный период навыписывать себе премий по несколько десятков миллионов долларов в год) остаются, в конце концов, вполне сытыми и даже преуспевающими.

Категория «экономическая эффективность» рассматривается как результат соотношения полученных доходов и понесенных затрат, как способность системы достигать поставленных задач, определенных функциями самой системы. На микроэкономическом уровне экономическая эффективность проявляется на предприятиях как рентабельность деятельности. В территориальном аспекте такой подход узок. Здесь эффективность связана с преимуществами государственного общественного сектора по сравнению с частным. Эти преимущества обусловлены функциями этих секторов: способностью осуществлять макрорегулирование, формировать стратегию экономического развития общества в целом, оптимизировать структуру экономики по критерию достижения наивысшей эффективности, ориентированной, в конечном счете, на удовлетворение общественных потребностей.

Для оценки эффективности экономической деятельности общества в целом применяются такие обобщающие показатели как валовой внутренний продукт, валовой национальный продукт и др. Выбор макроэкономического критерия не простая формальность. По тому, какой показатель правительство использует в качестве ориентира, можно судить в каком направлении и для кого развивается экономика⁴.

Первоначально, в годы индустриализации страны и первых пятилеток, повышение эффективности общественного производства трактовалось преимущественно как достижение высоких темпов экономического роста⁵.

Впоследствии критерием эффективности служил рост производительности труда, а основным стоимостным показателем национальный доход. Так, в соответствии с одной из последних методик того времени, критерием экономической эффективности капитальных вложений по стране в целом служило отношение прироста национального дохода в сопоставимых ценах к капитальным вложениям, вызвавшим этот прирост⁶.

В настоящее время о росте производительности труда забыли, а среди стоимостных показателей чаще других упоминается валовой внутренний продукт. Как известно ВВП – это совокупная стоимость конечного продукта (продукции, товаров и услуг), созданного в течение года внутри страны с использованием факторов производства, принадлежащих как данной стране, так и другим странам. В связи с этим возникает потребность в идентификации понятия национальная экономика. Если национальную экономику рассматривать как совокупность факторов производства, находящихся на территории страны, то ВВП как показатель, характеризующий эффективность экономики, вполне адекватен.

Недостатком ВВП как критерия эффективности является то, что он не вполне соответствует демократической идее, в верности которой присягают многие современные экономисты. Несоответствие проявляется на примере развития России: ВВП, по данным статистических органов, растет, а жизненный уровень значительной части населения остается низким.

О. В. Какорина выделяет несколько видов эффективности⁷:

Под ресурсной эффективностью понимается степень интенсивности использования ресурсов, изменение которой не опирается на цену производимой продукции или используемых факторов производства.

Экономическая эффективность учитывает платежеспособный спрос, предъявляемый тем или иным рынком в соответствии с полезностью продукта, и связанные с этим рыночные цены.

Институциональная эффективность расширяет горизонт оценки интегральной эффективности до границ периода завершения основных институциональных преобразований.

Социальная эффективность – результат деятельности в области решения социальных проблем в обществе. Она выражается в таких показателях, как уровень и качество жизни населения, в том числе – уровень образования, здравоохранения, социального обеспечения, развития науки и культуры, выравнивания уровней дохода разных слоев населения и других.

Экономический эффект – это результат труда человека в процессе производства материальных благ (количество выпущенной продукции на участке, заводе, компании и т. д., прирост вновь созданной стоимости в народном хозяйстве).

Однако сам по себе такой эффект еще недостаточно характеризует деятельность человека. Для более полной ее характеристики важно знать, за счет каких затрат получен этот эффект, т. е. во что обошелся результат. Одинаковые затраты труда могут дать разный эффект, и наоборот – один и тот же эффект может быть достигнут путем разных затрат труда. Идеал общественного производства – получение большего эффекта с наименьшими трудовыми, материальными и денежными затратами. Поэтому всегда важно полученный результат сравнить с теми затратами, с помощью которых он был получен, т. е. соотносить эффект с затратами, сопоставлять одну абсолютную величину – эффект с другой абсолютной величиной – затратами.

Следовательно, можно выделить следующие виды эффектов:

Эффект экологический. Реализация экономических мероприятий приводит к снижению техногенной нагрузки на природную среду (сокращаются выбросы и сбросы вредных веществ, объемы захраняемых отходов) и вызывает в краткосрочном периоде замедление дисбаланса в экосистемах и последующее восстановление в долгосрочном периоде их биологической продуктивности, рекреационной и регенерационной способности, ассимиляционного потенциала территории.

Эффект социальный. Социальный эффект оценивается как удовлетворение совокупности социальных потребностей, как сумма выражаемая в виде повышение комфортности условий жизни, труда, отдыха, здоровья нации, рождаемости, трудоспособности, т. е. повышение качества человеческого капитала, уровня культуры, образования, демократизации сфер жизнедеятельности, динамичности социальных процессов.

Организационно-культурный. Организационная культура выражается в обеспечении упорядоченности и согласованности функционирования экономической деятельности. Система смыслов, ценностей, норм и ориентиров организационной культуры в условиях устойчивого развития (высшая форма развития организации) позволяет достигать организованности деятельности. Для оценки эффективности применяются такие количественно оцениваемые качественные характеристики организационного состояния, как вовлеченность, согласованность, адаптивность, миссия.

Эффект бюджетный (специальный). Бюджетный эффект формируется за счет превышения денежного потока, направляемого в бюджеты всех уровней от эффективной деятельности предприятия после осуществления инвестиционного проекта, над потоком средств, не полученных бюджетами в результате льготирования инвестиционного проекта. Недополученные средства включают бюджетные средства, направленные на компенсацию банковского кредитного процента.

Наиболее существенным моментом в случае оценки социальной значимости и эффективности деятельности является тип предоставляемых благ.

Сегодня под благом понимается всё, что способно удовлетворять повседневные жизненные потребности людей, приносить людям пользу, доставлять удовольствие. В современной экономической тео-

рии благо – это всё то, что включает в себе определенный положительный смысл: предмет, явление, продукт труда, удовлетворяющий определенные человеческие потребности и отвечающий интересам, целям, устремлениям людей.

С древних времен люди понимали, что есть некоторое количество; благ, которые выгодно производить сообща. Прообразом общественных благ были блага, производимые и потребляемые коллективно – укрепление древних поселений, колодцы, оросительные каналы, пристани, маяки. С появлением государства как института власти в его обязанность во всех странах вменялось производство тех благ, от которых напрямую зависит национальная безопасность, целостность государства, единое экономическое пространство.

Различные блага, производимые и потребляемые в экономике, предоставляющие собой товары и услуги, могут классифицироваться по разным основаниям. Классифицировать блага можно по критериям неисключаемости (возможности отстранения) и конкурентности в потреблении (несоперничество в потреблении).

1. Если благо исключается и конкурентно, то оно относится к категории частных благ, эффективный механизм предоставления которых связан с использованием системы цен, формируемых в ходе функционирования рынка. Следовательно, важнейшим признаком частного блага является возможность его приобретения на рынке как особом механизме рационального потребления.

2. Если соблюдаются условия неисключаемости и неконкурентности, то товар или услуга относится к категории чистых общественных благ.

3. В случае, если потреблению блага присуща конкурентность, но нет исключаемости, то такой товар используется в режиме свободного доступа (общедоступные товары)

4. В случае неконкурентности, но при наличии исключаемости товар и услуга оказываются клубным (групповым, совместно оплачиваемым) благом.

Таблица 1

Сравнительная характеристика экономических благ

Экономические блага	
Общественные блага (государственный сектор) Государственные предприятия	Частные блага (рыночный сектор) Частные предприятия
Цель (она же критерий эффективности) – удовлетворение общественной потребности	Цель (она же критерий эффективности) – извлечение прибыли
Решения о производстве и распределении принимаются в основном политическими средствами	Решения о производстве принимаются с помощью рыночного механизма
Наделяются капиталом одним собственником – государством. Инвестиции осуществляются из бюджета	Конкурирует на рынке инвестиций и капитала
Унитарное предприятие производит продукцию по госзаказу	Частное – производит продукцию для рынка
Затраты (издержки) на воспроизводство общественных благ формируются в результате политических решений или на основе социальных нормативов	Издержки воспроизводства частных благ формируются под воздействием конкуренции
Стоимость оценивается с помощью потребительской стоимости	Стоимость оценивается с помощью рыночного механизма ценообразования
Высокая капиталоемкость, длительные (исторические) сроки окупаемости, значительные эксплуатационные расходы	Средняя и низкая капиталоемкость, реальные сроки окупаемости, минимизация эксплуатационных расходов
Трудно измерить количество и качество, конечный результат	Легко измерить количество и качество, конечный результат
Потребляется совместно и одновременно многими людьми	Могут потребляться только индивидуально
Отсутствует индивидуальный выбор в отношении потребления	Существует индивидуальный выбор в отношении потребления
Обычно отсутствует индивидуальный выбор в отношении вида и качества благ	Обычно существует индивидуальный выбор в отношении вида и качества услуг
Производство благ не связано прямо со спросом	Производство благ тесно связано со спросом

Сравнительная характеристика общественных (государственного сектора) и частных (рыночного сектора) благ представлена в табл. 1.

В настоящее время идет интенсивное формирование «экономики, основанной на знаниях» которая с точки зрения с одной стороны является условием развития человеческого капитала социальной справедливости, а с другой – имеет индивидуалистический характер, и усиливает экономический базис социального неравенства в обществе. В условиях развития постиндустриальной экономики, противоречие «социальной справедливости» и «экономической эффективности», характерное для теории свободной рыночной экономики, сменяется взаимозависимостью данных категорий (причем социальная справедливость становится необходимым условием экономической эффективности).

Активное становление «экономики, основанной на знаниях» предъявляет особые требования к общему уровню развития и квалификации специалистов. Человек в условиях постиндустриального общества должен творчески мыслить, ориентироваться в растущем информационном потоке, использовать новейшие достижения науки и техники. Для воспитания подобного человека необходимо обеспечить высокий индекс человеческого развития, что требует от государства нового взгляда на решение вопросов социальной справедливости и экономической эффективности.

Итак, мир ищет современную доктрину развития, способную ответить на грозные вызовы XXI века. Можно сказать, что в прошлом столетии этот поиск осуществлялся под знаком глобального противостояния двух общественных систем – капитализма и социализма. Однако анализ показывает, что цивилизация далека от разрешения стоящих перед ней глобальных проблем на основах конфронтации. Рыночный либерализм, монетаризм не может стать всеобщей моделью развития мира. Поиск такой парадигмы, на наш взгляд, лежит не на пути доктринальной конфронтации, усиления противостояния, а на пути, достижения толерантности. Реальный социализм допустил ту же ошибку, что и рыночный либерализм: средства производства должны принадлежать не государству, не капиталу, а людям, которые работают. Других стимулов к творческому труду с полной отдачей сегодня нет. А если их нет, то будет побеждать та цивилизация, группа стран, отдельно взятая страна, которые, избавившись от «измов», от идеологической и политической засоренности, возьмут все то лучшее, что накоплено человечеством, включают эти живые механизмы в мотиваторы собственного развития с учетом особенностей национальной культуры и собственного опыта. Россия, прошедшая жестокий путь испытаний, может (теоретически и практически) внести свой вклад в поиск и утверждение новой доктрины общественного развития мира, которое должно стать сначала сбалансированным, затем устойчивым и только потом, возможно, гармоничным⁸.

Рыночный либерализм, монетаризм и деформированный социализм, их теория и практика – феномены умирающие, атрибуты прошлой эпохи, доказавшие свою неспособность не только ответить требованиям социальной справедливости и экономической эффективности, но и обеспечить людям достойное существование.

Обратимся к нобелевскими лауреату Василию Леонтьеву, автору всемирно неизвестного метода межотраслевого анализа «затраты-выпуск», который позволял узнать – сколько железа надо получить на тонну хлеба, и наоборот⁹.

Ученый предостерегал, что политика, направленная в основном на какую-то частную область, вызовет непредсказуемые, негативные отзвуки в других областях. Советская экономика, по оценке Леонтьева, была неэффективной в силу отсутствия личных стимулов, но зато была лишена грубых отраслевых искажений. Он был убежден, что «чистый» капитализм может довести страну до, бед, как это случилось в годы Великой депрессии 1929–1933 годов в Америке.

В 1960-х годах Леонтьев мог наблюдать энергичную работу в институтах Госплана и АН СССР по исследованиям метода «затраты-выпуск», а потом по его применению на всех планирующих уровнях. «По всей вероятности, введение в последующие годы методов научного планирования увеличит продуктивность советской экономики в целом, – писал он. – Так что преимущества, которые русские получают от улучшений принятия решений, – обязаны быть особенно значительны?» Леонтьев не был финансистом, но его метод изучения экономики, способной в одночасье свалиться в пропасть из-за неправильно используемых ресурсов, позволяет, обнажать корни текущего кризиса.

Так что, выбирая «родителя» нашему кризису, надо признать, что мы выбрали его себе сами.

Примечания

¹ Попцов О. Дефолт справедливости // Литературная газета. 2009. № 3–4. С. 3–4.

² Рудакова О. В. Индивидуальное и общественное благосостояние в условиях формирования постиндустриального общества : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Орел, 2009. 22 с.

³ Болдырев Ю. Кризис ничему не учит // Литературная газета. 2009. № 6. С. 2.

⁴ Аничкин В. Л. Генезис критерия экономической эффективности // Проблемы экономики и управления. № 4. Белгород : БелГУ, 2009. С. 7–9.

⁵ Хачатуров Т. С. Эффективность капитальных вложений. М. : Экономика, 1979. 336 с.

⁶ Методика определения экономической эффективности капитальных вложений // Экономическая газета. 1981. № 2–3.

⁷ Кокорина О. В. Особенности эффективности корпораций с долей государственного капитала в трансформируемой экономике : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2009. 24 с.

⁸ Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире. М. : Славянский диалог, 1996. 335 с.

⁹ Аuzан А. Понятия справедливости // Литературная газета. 2009. № 18. С. 3.

Кондратьев Н. И.

ИНТЕГРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мировое хозяйство представляет собой глобальную экономическую систему, включающую национальные экономики всех стран мира. Результатом эффективного функционирования мирового хозяйства должно являться повышение эффективности использования ресурсов каждого его компонента, ускорение темпов экономического роста в отдельных странах и во всем мире. Именно поэтому характер и степень интегрированности национальной экономики в мировое хозяйство приобретает наибольшую значимость.

Мировое хозяйство характеризуется все более интенсивными процессами интеграции и интернационализации. Интеграция – это форма интернационализации хозяйственной жизни, объективный процесс переплетения национальных хозяйств и проведения скоординированной экономической политики на национальном и международном уровнях в различных формах: свободной торговли, таможенных союзов, общих рынков, экономических союзов, валютно-экономических и политических союзов.

Интернационализация – процесс развития экономических связей между национальными хозяйствами, когда экономика одной страны выступает частью мирового хозяйственного процесса, который углубляется на основе международного разделения труда, производственной и научно-технической специализации и кооперации.

Наиболее важными общими экономическими характеристиками интеграции являются: во-первых, межгосударственное регулирование экономических процессов; во-вторых, постепенное формирование более или менее независимых комплексов некоего регионального интернационального хозяйственного комплекса с общими пропорциями и общей структурой воспроизводства; в-третьих, расширение пространственных возможностей межгосударственного передвижения товаров, рабочей силы и финансовых ресурсов в пределах региона и устранение многообразных административных и экономических барьеров, препятствующих такому передвижению; в-четвертых, сближение внутренних экономических условий в государствах – участниках интеграционных объединений, выравнивание уровня их экономического развития.

Существуют следующие основные виды интеграционных объединений:

- 1) зона свободной торговли, когда страны-участницы ограничиваются отменой таможенных барьеров во взаимной торговле;
- 2) таможенный союз, когда свободное перемещение товаров и услуг внутри группировки дополняется единым таможенным тарифом по отношению к третьим странам и создается система пропорционального распределения таможенных доходов;
- 3) общий рынок, когда ликвидируются барьеры между странами не только во взаимной торговле, но и для перемещения рабочей силы и капитала; таким образом, общий рынок – общий рынок товаров, услуг, капиталов, рабочей силы;
- 4) экономический союз, предусматривающий общий рынок и проведение единой экономической политики, создание системы межгосударственного регулирования социально-экономических процессов, протекающих в регионе;
- 5) валютный союз, предполагающий экономический союз, основанный на единой банковской системе и, в конечном итоге, на единой валюте;
- 6) политический союз.

Самая простая форма экономической интеграции – зона свободной торговли, более сложной формой является общий рынок и наиболее сложная форма межгосударственной экономической интеграции – экономический и валютный союзы.

Экономическая интеграция представляет собой нечто большее, чем простое объединение национальных экономик. В результате глубоких структурных преобразований в экономике интегрирующихся стран должно возникнуть оптимально сбалансированное (в территориально-экономическом и социальном смыслах) хозяйство, в котором производство осуществляется с минимальными издержками и максимальной прибылью, наивысшей производительностью труда. Речь идет о качественном эффекте синергии – интегрированное целое должно представлять собой качественно новый, более совершенный хозяйственный механизм. Структурные преобразования дадут возможность за счет интеграции ресурсов расширить производство, устранить неравномерность развития, повысить общественное благосостояние в интегрированных странах.

Для оценки уровня интеграции экономики в мировое хозяйство можно использовать следующие показатели.

1. Коэффициент предпочтения – позволяет выявить торговые связи, в которых страны обладают высокой степенью притяжения друг к другу. Если значение коэффициента равно нулю, то торговые связи между государствами отсутствуют, если единице, то находятся на среднемировом уровне. Чем выше значение коэффициента, тем больше торговая интеграция между странами:

$$K_n = T_i / T_w, \quad (1)$$

где T_i – доля торгового партнера в торговле с какой-либо страной;

T_w – удельный вес страны-партнера в международной внешней торговле.

2. Коэффициент взаимного предпочтения – представляет собой среднюю величину из показателей предпочтения первым партнером второго и наоборот.

Важность товарных потоков невозможно сравнить, используя показатели, рассчитанные на одну страну. Устранить указанный недостаток можно, определяя коэффициент на две страны одновременно.

3. Коэффициент относительного предпочтения – демонстрирует, насколько выше интенсивность международных торговых связей между двумя странами по сравнению с их отношениями с прочими государствами. Чем на большую величину значение этого показателя превышает единицу, тем выше степень предпочтения. Рассчитывается по формуле:

$$K = \frac{(E_{AB} + Z_{BA}) * E_w}{E_{AW} * Z_{BW}}, \quad (2)$$

где $E_{AB} + Z_{BA}$ – суммарный объем двухсторонней торговли;

$E_{AW} * Z_{BW}$ – общий экспорт и импорт стран А и В соответственно;

E_w – общий объем мирового экспорта.

Современное положение России в мировой экономике характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, она располагает значительными природными, трудовыми ресурсами, крупным производственным потенциалом, занимает ведущие позиции в экспорте многих важных товаров (правда, в основном топливно-сырьевой группы), обладает мощным научно-техническим потенциалом, высоким образовательным уровнем населения. С другой стороны, экономический спад 90-х гг. обусловил существенное ослабление позиций России в мировом хозяйстве. Будучи среднеразвитой страной по ряду параметров, она занимает промежуточную позицию в мировой экономике между развитыми и развивающимися странами.

Воздействие глобальных процессов на экономику России происходит по следующим направлениям:

1. Международная торговля:

- товарами;
- услугами;
- технологией;
- объектами интеллектуальной собственности.

2. Международное движение факторов производства:

- капитала (в виде прямых иностранных инвестиций);
- рабочей силы (в виде стихийных миграций неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих и в виде «утечки умов»).

3. Международные финансовые операции:

- кредиты (частные, государственные, международных организаций);
- основные ценные бумаги (акции, облигации и другие долговые обязательства);
- производные финансовые инструменты (фьючерсы опционы и др.);
- валютные операции.

Среди выделенных направлений наиболее интенсивно увеличивается объем международных финансовых операций, затем следует международное движение капитала (прямые инвестиции) и, наконец, международная торговля. Вместе с тем, в рамках финансового направления особенно стремительно растут валютные операции и объем международных сделок с ценными бумагами.

Как и в других экономических явлениях, вслед за характеристикой их качественной природы возникает вопрос об их количественных параметрах. В данном случае речь идет о том, как измерить глобализацию экономической деятельности, определить ее степень, динамику во времени.

Прежде всего, необходимо выделить два вопроса. Первый из них – это параметры, по которым можно судить об уровне глобализации мировой экономики в целом. Второй вопрос – это степень открытости экономики отдельной страны или группы стран, уровень ее участия в глобальных экономических процессах. Ответ на данный вопрос особенно необходим для оценки положения и перспектив России, начавшей движение к открытой рыночной экономике.

Для оценки степени интегрированности национальной экономики в целом (и российской экономики в частности) в процесс глобализации необходимо рассчитать коэффициенты и показатели, которые можно разделить на несколько групп.

Показатели первой группы, дают представление о степени интегрированности национальной экономики в международную торговлю. Данный блок включает в себя подгруппы показателей интенсивности внешнеторговой деятельности, показатели, оценивающие степень открытости и участия страны в мировой торговле.

Показатели, относящиеся к этой подгруппе, дают общую оценку внешнеторговой деятельности страны. Сюда относится показатель внешнеторгового оборота, который рассчитывается как сумма стоимостей экспорта и импорта страны или группы стран за определенный период: месяц, квартал, год.

$$ВТО = EX + IM \quad (3)$$

Экспорт – это вывоз товаров с таможенной территории государства за границу без обязательства об обратном ввозе на срок более одного года. В цену экспортируемого товара включается его стоимость и расходы по доставке товара до границы страны – экспортера. Импорт – ввоз товаров на таможенную территорию государства из-за границы без обязательства об обратном вывозе на срок более одного года. В цену импортируемого товара включается его стоимость и расходы по страхованию и транспортировке товара до границы страны – импортера.

Следующий показатель – сальдо торгового баланса, который рассчитывается как разница стоимостей экспорта и импорта страны или группы стран за определенный период: месяц, квартал, год. Сальдо может быть положительным или отрицательным. Положительное сальдо – это когда экспорт больше импорта, отрицательное – когда импорт больше экспорта.

$$СТБ = EX - IM \quad (4)$$

Вторая подгруппа показателей относящихся к первой группе – индикаторы участия страны в мировой торговле, к которым относятся:

Экспортная квота – представляет собой отношение объема экспортируемых товаров и услуг к ВВП.

$$\text{Экспортная квота} = \frac{\text{Стоимость экспорта}}{\text{Стоимость ВВП}} \cdot 100\% \quad (5)$$

Данный показатель определяет значимость экспорта для национальной экономики в целом. Кроме того, он служит для определения степени открытости экономики. Мировой банк по степени открытости экономики выделяет следующий ряд стран: а) страны с закрытой экономикой – значение экспортной квоты составляет менее 10 %; б) страны с относительно закрытой экономикой – экспортная квота 11–24 %; в) относительно открытая экономика – экспортная квота 25–34 %; г) страны с открытой экономикой – экспортная квота более 35 %.

Импортная квота – отношение объема импортируемых товаров и услуг к ВВП. Он показывает степень зависимости национальной экономики от импорта товаров и услуг.

$$\text{Импортная квота} = \frac{\text{Стоимость импорта}}{\text{Стоимость ВВП}} \cdot 100\% \quad (6)$$

Структура экспорта наглядно иллюстрирует соотношения или удельные веса экспортируемых товаров по видам и степени их переработки. Структура экспорта позволяет выявить сырьевую или машинно-техническую направленность экспорта, роль страны в международной отраслевой специализации. Так высокий удельный вес продукции обрабатывающих отраслей в экспорте страны, как правило, свидетельствует о высоком научно-техническом и производственном уровне отраслей, продукция которых идет на экспорт.

Структура импорта – это соотношение объемов ввозимого в страну сырья и готовой конечной продукции. Этот показатель наиболее ясно показывает зависимость экономики страны от внешнего рынка и уровень развития ее отраслей.

Рассмотрим показатели второй группы, которые позволяют оценить степень участия экономики страны в международном движении факторов производства. К таким показателям относятся: структура иностранных инвестиций по отраслям экономик, чистый приток иностранных инвестиций, чистый приток рабочей силы, доля ввезенных прямых и портфельных иностранных инвестиций страны в общемировых инвестициях

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) представляют собой инвестиции предполагающие долгосрочное инвестирование капитала иностранным инвестором и получение долгосрочного контроля над фирмой в другой стране (получатель ПИИ). ПИИ предполагают, что инвестор получает возможность значительного влияния на менеджмент фирмы получателя инвестиций. Портфельные иностранные инвестиции – покупка акций, паев, облигаций, векселей и других ценных бумаг иностранным инвестором.

Развивающиеся страны, являющиеся наиболее привлекательными для иностранных инвесторов, отличаются от прочих более благоприятными условиями для инвестирования (инвестиционным климатом), включая в первую очередь политическую стабильность, хорошие перспективы экономического роста и отсутствие валютных ограничений. Благодаря этому им удается увеличить совокупные инвестиции в свою экономику за счет прямых иностранных инвестиций, что помогает им вырваться из бедности, не увеличивая при этом свою иностранную задолженность. К тому же прямые иностранные инвестиции приносят с собой прогрессивные технологии производства, позволяют улучшить управление производством, за счет иностранного управленческого опыта, а также облегчают выход произведенной продукции на мировой рынок. Наконец, ПИИ способствуют усилению конкуренции на внутреннем рынке страны, что, в конечном счете, заставляет национальных производителей работать с большей эффективностью.

С другой стороны, «открытость» экономики международным потокам капиталов может быть чревата усилением финансовой и экономической нестабильности в стране. В условиях открытой экономики частные инвесторы (как иностранные, так и национальные) могут относительно быстро перевести свои капиталы за рубеж, как только почувствуют угрозу стабильности и экономическому росту в данной стране. В этом отношении портфельные инвестиции гораздо опаснее, чем прямые, поскольку инвесторы, владеющие небольшой долей ценных бумаг той или иной компании и не имеющие возмож-

ности влиять на управление этой компанией, скорее всего, захотят избавиться от них при первых же признаках неблагополучия.

В общем, вторая группа индикаторов включает в себя следующие показатели:

Структура иностранных инвестиций по отраслям – позволяет выявить наиболее привлекательные для иностранного инвестора направления вложения средств.

Чистый приток иностранных инвестиций – разность между притоком инвестиций в страну и оттоком инвестиций за границу. Как правило, данный показатель характеризует уровень экономического развития страны, показывает объем иностранных инвестиций в страну и возможность самой страны вкладывать капитал в экономику других государств.

$$\text{ЧПИИ} = \text{Приток ИИ} - \text{Отток ИИ} \quad (7)$$

Отношение объемов прямых ввезенных и накопленных иностранных инвестиций в экономике страны к общему объему мировых инвестиций. Данный показатель дает представление о доли иностранных инвестиций поступающих в национальную экономику в общемировом объеме инвестиций. Позволяет оценить, в какой степени иностранный инвестор участвует в экономике страны.

$$\frac{\text{ПИИ}_{\text{нац. в общемир.}}}{\text{ПНИИ}_{\text{нац. в общемир.}}} = \quad (8)$$

$$\quad (9)$$

Чистый приток рабочей силы. Этот индикатор является наиболее важным, поскольку позволяет оценить движение рабочей силы, как в страну, так и из нее.

$$\text{ЧПРС} = \text{Въезд раб. силы} - \text{Выезд раб. силы} \quad (10)$$

Экономические последствия, как для стран эмиграции, так и иммиграции могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными. Так, отток специалистов («утечка мозгов») наносит огромный урон экономике страны эмиграции. Затраты на обучение и подготовку покинувших страну ученых безвозвратно теряются, а эти затраты являются довольно значительными, и по мере роста научно технического прогресса они неуклонно растут. На практике же эти последствия могут существенно смягчаться, так как сокращается число безработных, а кроме того, эмигранты нередко переводят часть своих заработков в свою страну, вкладывая деньги в отечественную экономику. Страны, принимающие иностранных мигрантов, получают более дешевую рабочую силу, не требующую инвестиций, связанных с ее воспроизводством, восполняют нехватку низкооплачиваемого и неквалифицированного труда. Чрезвычайно выгодным является привлечение ученых и высококвалифицированных специалистов, поскольку не требуются огромные затраты на их подготовку.

Следующей является группа показателей уровня экономического развития страны, на основе которых можно проследить взаимосвязь эффективности развития страны с ее интеграцией в международные экономические отношения. Считается, что чем выше уровень экономического развития страны, тем многообразнее формы ее внешнеэкономических связей. К основным показателям данного блока относят следующие индикаторы:

ВВП на душу населения – является ведущим показателем при оценке экономического развития страны. Он положен в основу международных классификаций, подразделяющих страны на страны с низким уровнем доходов (ВВП на душу населения составляет 750 долл. США), страны с уровнем доходов ниже среднего уровня (ВВП на душу населения составляет 750–2895 долл. США), страны с доходами выше среднего уровня (ВВП на душу населения составляет 2895–8995 долл. США) и страны с высоким уровнем доходов (ВВП на душу населения более 8995 долл. США).

$$\text{Темп роста ВВП} = \frac{\text{ВВП}_2 - \text{ВВП}_1}{\text{ВВП}_1} \quad (11)$$

Кредитная позиция страны – дает характеристику страны с точки зрения ее официального (государственного) внешнего долга, и позволяет оценить каким образом и в каком количестве страна отвечает по своим обязательствам.

$$\text{КПСтраны} = \Sigma \text{обязательств} - \Sigma \text{займов др. странам} \quad (12)$$

Место страны в мировом производстве определенных видов товаров промышленной и сельскохозяйственной продукции позволяет определить на производстве продукции какого сектора экономики специализируется страна. Если страна лидирует по производству сырья – то преобладает продукция первичного сектора экономики, если лидирует по производству высокотехнологичной готовой продукции – преобладает вторичный сектор экономики.

Таким образом, проанализировав взгляды многих исследователей на сущность глобализации, ее особенности, формы и модели, рассмотрев особенности влияния процессов глобализации на современные международно-экономические отношения, и определив направления оценки интеграции российской экономики в процесс глобализации, можно сделать ряд основополагающих выводов.

Во-первых, общепринятого определения термина «глобализация» в экономической литературе до сих пор не существует, его различные аспекты входят в предмет изучения практически всех общественно-научных дисциплин. По-существу, каждый автор вкладывает в него собственный смысл, но практически все исследователи сходятся в том, что процесс глобализации носит всеобъемлющий, характер.

Анализ теории и методологии глобализации в отечественной и зарубежной литературе позволил нам сделать вывод, что глобализация – это современный, необратимый процесс преобразования мирового пространства в единую зону с единым экономическим, политическим, социо-культурным, инфор-

мационным пространством, где беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, услуги и информация стимулируя тем самым развитие современных институтов и механизмов их взаимодействия.

Во-вторых, данному процессу присущи следующие признаки это: превращение совокупности взаимосвязанных стран в единую, целостную экономическую систему; снижение регулирующей роли национального государства сопровождающееся усилением внешнеэкономического воздействия международных интеграционных объединений на внутреннюю политику страны; появление мирового рынка капитала и информации, потоки которого не имеют препятствий для перемещения между отдельно взятыми странами.

В-третьих, при рассмотрении возможных вариантов дальнейшего развития глобализации, мы сталкиваемся с двумя моделями глобализации, объединяемые лишь идеями превращения мира в единое целое. Так неолиберальная модель глобализации подразумевает становление однополярного мироустройства во главе с развитыми странами, продвижение своей культуры, системы ценностей западного мира и распределение мировых ресурсов в пользу ТНК сосредоточенных главным образом в США, Западной Европе и Японии. Гуманистическая модель подразумевает становление многополярного мира основанного на сотрудничестве и партнерстве в решении проблем, обеспечении достойного уровня жизни каждому народу, каждой цивилизации, сокращении разрыва в уровне социально-экономического, научно-технологического и экологического развития различных стран.

В-четвертых, на базе исследования особенностей влияния глобализации на современные международно-экономические отношения можно сделать вывод о том, что динамичное развитие мирохозяйственных связей существенно модифицирует процессы воспроизводства в рамках национальных границ, изменяя объем ресурсов, используемых странами, и преобразуя их материально-вещественную форму. Под давлением иностранной конкуренции в открытых рыночных хозяйствах происходит структурная перестройка: свертываются нежизнеспособные или приходящие в упадок производства, развиваются передовые отрасли. Одновременно осуществляются техническая модернизация, внедряются новые формы организации хозяйственной деятельности, совершенствуются методы управления. Активное втягивание в международное разделение труда заставляет снижать издержки, повышать производительность труда, поддерживать необходимый уровень конкурентоспособности. Развитию экономических отношений между странами способствовало: развитие коммуникационных технологий, расширение масштабов научно-технического прогресса, революционный скачок в информатизации, обновление международной транспортной инфраструктуры, расширение масштабов международной кооперации производства и обмена, прежде всего за счет наиболее интенсивного их развития в рамках транснациональных корпораций (ТНК), формирование системы международного регулирования торговых и финансовых операций.

В-пятых, анализ рассмотренных особенностей международных отношений позволил выделить направления, по которым осуществляется взаимодействие между странами. К данным направлениям относятся международная торговля, международное движение факторов производства и международные финансовые операции. Проведя оценку по каждому из направлений, можно сделать общий вывод о степени интегрированности национальной экономики в процесс глобализации.

Латов Ю. В.

ВЛИЯНИЕ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Понятие «национальная экономическая безопасность» (НЭБ) широко используется в современном политическом дискурсе. Однако его экономическое содержание остается не вполне ясным. Чаще всего это понятие определяют как защиту национальной экономики от внутренних и внешних угроз, препятствующих ее развитию¹. С институциональной точки зрения корректнее было бы определить НЭБ в позитивном ключе – как обеспечение условий, благоприятствующих формированию и эффективному развитию национальной модели экономики.

Важной и крайне актуальной проблемой является правильное понимание приоритетов в защите НЭБ. В настоящее время в российском обществе усиливаются настроения «осажденного лагеря»: наиболее опасными представляются внешние угрозы, связанные с враждебными действиями зарубежных государств (от больших Соединенных Штатов до маленькой Грузии). Однако насколько оправдана такая позиция?

Институциональный подход к пониманию НЭБ заставляет обратить внимание на два основных момента.

Прежде всего, внешний «вызов» совсем не обязательно рассматривать как вражеское и, тем более, чисто деструктивное действие. Конкуренция есть двигатель развития, «процедура открытия» новых возможностей. История дает много примеров того, как внешний «вызов» (согласно А. Тойнби) инициировал творческий «ответ». И наоборот, «полный гордого доверия покой» страны, у которой нет сильных конкурентов, слабо способствует ее развитию. Правда, слишком сильный «вызов» также может оказаться катастрофическим.

Самое главное, совсем не очевидно, что главные опасности для современной России – это именно внешние угрозы. Внутренние угрозы могут быть гораздо опаснее. История демонстрирует, что от внешней агрессии гибнут обычно те страны, которые «подточены» изнутри.

Для понимания сложной диалектики факторов НЭБ России взглянем на перспективы развития нефтегазового комплекса (НГК) – нашей главной экономической «надежды и опоры». Шутят, что если раньше у России было лишь два верных союзника – армия и флот, то теперь нашими верными союзниками остались только нефть и газ. Но, может быть, и на этих союзников россиянам опасно слишком полагаться?

Объективные условия развития российской «нефтянки» хорошо известны. До 1960-х гг. главным центром нефтедобычи в СССР был Азербайджан, который после распада Союза стал суверенным государством. Однако еще в 1950-е гг. началось освоение Приволжского нефтяного бассейна, а в первой половине 1960-х гг. были открыты богатейшие месторождения нефти и газа в Западной Сибири. Именно благодаря сибирским углеводородам СССР превратился в одну из крупнейших нефтяных держав мира. Он стал по сути единственным на планете противовесом Ближнему Востоку, где сконцентрированы основные центры добычи/экспорта нефти (Табл. 1). Современные российские месторождения природного газа оцениваются примерно в 30 % мировых запасов (1-е место в мире), месторождения нефти – в 13 % (2-е место в мире). Свыше половины добываемой нефти идет на экспорт – в основном на рынки Западной Европы. Поскольку на Западе есть платежеспособные потребители, нефть и газ стали в 2000-е гг. фундаментом госбюджета России, обеспечивая примерно половину его доходов.

Таблица 1

Страны с наиболее крупными запасами нефти, начало 2000-х гг.

Страны	Доля в мировых запасах нефти, %	Доля в мировой добыче нефти странами-экспортерами, %
Саудовская Аравия	27	16
Россия	13	15
Ирак	10	5
Объединенные Арабские Эмираты	10	4
Кувейт	10	4
Иран	9	7
Венесуэла	7	6
Ливия	3	3
Нигерия	2	4

Источник: <http://www.krugosvet.ru/articles/125/1012509/print.htm>.

Однако российский НГК не только обеспечивает высокие доходы. С ним связаны также высокие угрозы и риски для экономической безопасности России. Их можно разбить на три основные группы:

1) потери и риски, связанные с деятельностью организованных преступных групп в сфере нефтегазовой промышленности;

2) опасность сырьевой специализации как таковой;

3) угроза истощения или, что еще хуже, обесценения запасов нефти и газа.

«Теневая нефтянка» и «нефтяной терроризм»

Российская нефтегазовая промышленность страдает как от организованной экономической преступности, так и от терактов против экономической инфраструктуры. В результате национальная экономика несет значительный ущерб, который связан не только с теневым перераспределением национального дохода, но и с безвозвратными потерями, с трудно предсказуемыми рисками.

Прежде всего, в нефтегазовой отрасли очень высок уровень «беловоротничковой преступности» – экономических преступлений, организуемых руководителями легальных фирм.

Согласно данным Департамента экономической безопасности², топливно-энергетический комплекс постоянно лидирует среди всех других отраслей российской экономики по показателям материального ущерба от преступлений экономической направленности (см. табл. 2). Ущерб от экономических преступлений в ТЭК в «рекордном» 2005 г. – это примерно 2 % российского ВВП. Внутри же топливно-энергетического комплекса львиную долю экономических преступлений дает именно нефтегазовый бизнес. Для сравнения можно сказать, что выявленный ущерб по уголовным делам против отдельных фирм НГК сопоставим с ущербом от экономических преступлений в отдельных отраслях российской экономики, составляя миллиарды рублей.

Таблица 2

*Материальный ущерб от экономической преступности в основных отраслях экономики России, млрд руб.
(по данным ДЭБ России)*

Отрасли	Материальный ущерб	
	2004 г.	2005 г.
<i>Добывающие отрасли</i>		
Топливо-энергетический комплекс	122,5	631,5
Оборот драгоценных металлов и камней		162,0
<i>Перерабатывающие отрасли</i>		
Машиностроительный комплекс	9,5	499,3
Аграрно-промышленный комплекс		15,8
<i>Инфраструктурные отрасли</i>		
Кредитно-финансовая сфера	39,0	119,0
Потребительский рынок	15,4	18,7
Транспорт	2,6	13,0
Строительный комплекс	6,7	12,7
Жилищно-коммунальное хозяйство	1,8	4,0

Высокая криминализированность «нефтянки» связана во многом с тем, что НГК сразу же после начала рыночных реформ стал сферой суперкрупного бизнеса. Нефтяная отрасль контролировалась девятью вертикально-интегрированными компаниями – государственным ОАО НК «Роснефть», контролируемые региональными администрациями ОАО «Башнефть» и ОАО «Татнефть», экс-советскими структурами ОАО НК «ЛУКОЙЛ» и ОАО «Сургутнефтегаз», а также новыми финансово-промышленными группами ОАО «Сибнефть», ОАО «ТНК-ВР», ОАО НК «Славнефть» и ОАО НК «ЮКОС». В 2007 г. их число сократилось до восьми, поскольку активы ликвидированного ЮКОСа в основном перешли к «Роснефти». На долю этих гигантов приходится более 90 % добычи, 85 % переработки и 80 % экспорта углеводородного сырья. В газовой индустрии концентрация еще выше: до 90 % отрасли контролируется ОАО «Газпром», которое фактически является абсолютным российским монополистом по добыче и транспортировке газа.

Каждая из этих фирм-гигантов сопоставима с крупнейшими зарубежными ТНК и является своего рода «государством в государстве». Они имеют широкие возможности для экономических правонарушений в особо крупных масштабах, которых заведомо нет у мелких и средних фирм. И даже если следствие докажет эти правонарушения, топ-менеджеры обычно отделываются условными приговорами.

В нефтегазовой отрасли используются три наиболее типичных метода совершения налоговых и экономических преступлений.

Первый метод – это уклонение от уплаты налогов путем реализации готовой продукции под видом полуфабрикатов (товарной нефти – как скважинной жидкости, а добываемого газа – как газожидкостной смеси). Так, в 2005 г. было возбуждено уголовное дело по обвинению генерального директора ОАО «Юганскнефтегаз» (крупнейшего предприятия «ЮКОСа») в уклонении от уплаты налогов путем реализации около 60 млн т товарной нефти под видом скважинной жидкости на сумму 3,6 млрд руб. Это дело завершилось тем, что в 2006 г. бывший генеральный директор «Юганскнефтегаза» Тагирзян Гильманов был осужден на 3 года условно. Продажа добываемого газа под видом газожидкостной смеси выявлена в ходе совместных мероприятий УВД и ФНС России в отношении ОАО «Астраханьгазпром» (дочернего предприятия «Газпрома»), сумма выявленного ущерба превысила 2 млрд руб.

Второй метод – добыча углеводородного сырья сверх предусмотренных федеральными лицензиями нормативов, позволяющая организациям-недропользователям незаконно извлекать сверхприбыли. Например, в 2005 г. было возбуждено сразу два уголовных дела, связанных с нарушением лицензионного соглашения ООО «Западно-Малобалькское» (дочернего предприятия «ЮКОСа»). Выявленная сумма от реализации незаконно добытой нефти составила 6,5 млрд руб. В ходе судебного процесса генерального директора ООО «Западно-Малобалькское» Олега Витка приговорили к 3,5 годам лишения свободы условно по статье «Незаконное предпринимательство». А в 2006 г. прокуратурой ЯНАО возбуждено уголовное дело по факту незаконной предпринимательской деятельности руководителей ЗАО «Роспан Интернешнл» (подразделение НК «ТНК-ВР»), связанной с эксплуатацией недр Восточно-Уренгойского и Ново-Уренгойского нефтегазоконденсатных месторождений. Размер незаконно полученного дохода по этому делу был оценен более чем в 3,6 млрд руб.

Наконец, третий метод – это применение вертикально-интегрированными компаниями подставных фирм и внутрикорпоративных (трансфертных) цен для минимизации налогообложения. Здесь,

конечно, самым ярким примером является знаменитое дело «ЮКОСа». В 2003–2005 гг. в ходе расследования уголовного дела в отношении руководства ОАО НК «ЮКОС» и его дочерних структур были установлены факты уклонения от уплаты налогов с использованием внутрикорпоративных цен на общую сумму около 29 млрд долл. Судебный процесс закончился осуждением Михаила Ходорковского, главы «ЮКОСа», к 8 годам тюремного заключения. Аналогичные обвинения предъявлялись ОАО «ТНК-ВР» (налоговики выставили претензии на 26 млрд руб.) и ОАО НК «Сибнефть» (налоговые претензии на 1,4 млрд долл.)³. Одно из наиболее «свежих» дел подобного рода – пресечение в 2008 г. сотрудниками МВД организованной руководителем ООО «Трубный торговый дом» Сурковым в сговоре с сотрудниками ОАО «Газпром» схемы незаконных поставок дочерним структурам ОАО «Газпром» трубной продукции через фирм-посредников, зарегистрированных по подложным документам. Из-за искусственного завышения стоимости реализуемой продукции ущерб государству в виде неуплаченного налога составил свыше 2,8 млрд руб.

В отличие от двух предыдущих, более «грубых» методов, данный метод, так сказать, балансирует на грани закона. Методика использования подставных фирм etc. для снижения налогов основана на «узких местах» налогового законодательства, трактовка которых неоднозначна и может существенно меняться в зависимости от текущей конъюнктуры. Поэтому предъявление фирме многомиллиардных счетов может после долгих разбирательств в ФНС и в суде закончиться «полюбовной сделкой», когда государство отказывается от значительной части своих финансовых претензий и от уголовного преследования «хитрых» бизнесменов. Именно так, в частности, закончились разбирательства с ОАО «Сибнефть», налоговые претензии к которому были снижены до 300 млн долл.

После того как в первой половине 2000-х гг. государство взяло курс на ужесточение борьбы с экономической преступностью «большого бизнеса», удалось добиться, согласно официальным данным, ее резкого снижения. Во второй половине 2000-х гг. выявленные потери от «беловоротничковой преступности» в НГК сократились на порядок. По данным ДЭБ, во всем топливно-энергетическом комплексе в 2006 г. сумма причиненного материального ущерба по оконченным уголовным делам составила лишь 12,2 млрд руб., в 2007 г. – около 15 млрд.

Помимо «беловоротничковых преступлений» НГК России страдает от многочисленных и регулярных хищений, совершаемых аутсайдерами при помощи врезок в магистральные трубопроводы. В большей степени от врезок страдают нефтепроводы, поскольку из газопроводов по техническим причинам совершать хищения сложнее и опаснее.

Каждый год в России выявляют сотни таких врезок. В 2006 г. было зафиксировано 1020 преступных посягательств только на нефтепроводы⁴. Затем «врезочные» правонарушения пошли на спад: за первые 6 месяцев 2008 г. органами внутренних дел отслежено 325 фактов преступных посягательств на объекты магистрального трубопроводного транспорта⁵. Раскрываемость этих преступлений ниже 50 %. Одни только расходы на ликвидацию каждой криминальной врезки составляют не менее 50 тыс. руб.⁶

Основной массив «врезочных» хищений (порядка 80 %) дают Приволжский и Южный федеральные округа. В Чеченской республике в начале 2000-х гг., по приблизительным оценкам, при помощи врезок похищали примерно всей 10 % добытой нефти⁷. Не отстает от Чечни и Дагестан. Так, силами работников службы безопасности ОАО «Черномотранснефть» на территории Республики Дагестан в 2005 г. выявлено 57 врезок в нефтепроводы, в 2006 г. – 88, в 2007 г. – 81, а за 9 месяцев 2008 г. – 62 врезки (более 22 % от общего числа выявленных в России). Не лучше обстоит дело с хищением газа: в первой половине 2008 г. только на территории Кабардино-Балкарии было обнаружено около 60 незаконных врезок в газопроводы⁸.

Помимо преступлений чисто экономического характера, с целью наживы, российский НГК страдает еще и от «нефтяного терроризма», направленного на достижение политических целей.

Российский НГК являлся мишенью для экстремистов еще в 1990-е гг. Когда «независимая Ичкерия» прошла путь от националистического сепаратизма до откровенного политического терроризма, одним из источников доходов полевых командиров стали «приватизированные» нефтеперерабатывающие предприятия. Так, в 1998 г. в Чечне было добыто около 846 тыс. т нефти, но заводским способом переработано лишь 230 тыс., остальное же разворовано из нефтепроводов и прямо из скважин, а затем либо сразу продано за пределами Чечни в сыром виде, либо переработано на частных мини-заводах. В 1999 г. таких мини-заводов, кустарно производящих бензин, насчитывалось свыше тысячи, их продукция реализовывалась через Ставрополье и Дагестан⁹. Во время второй чеченской войны и после нее все эти нелегальные заводы подверглись планомерному уничтожению – не столько ради ликвидации хищений, сколько для лишения террористов источника доходов. Конечно, они возникали вновь и вновь, но постепенно все же удалось отсечь «немирных горцев» от нефти.

После того как северокавказские террористы потеряли возможность нелегально торговать нефтепродуктами, они начали рассматривать объекты «нефтянки» главным образом как мишени для террористических атак. В свою очередь, законная администрация Чечни организовала специальные подразделения милиции для защиты от террористов и расхитителей-«врезочников» источника доходов, очень существенного для нищей республики.

Пока «нефтяной терроризм» в России ограничивается Северным Кавказом, где многократно взрывали нефте- и газопроводы, обстреливали нефтеперерабатывающие предприятия. Когда в 2000-е гг. северокавказский терроризм сместился в Дагестан и Ингушетию, туда же сдвинулся и эпицентр терактов

против «нефтянки». Одно из последних сообщений хроники российского «нефтяного терроризма» в минувшем году – попытка (к счастью, предотвращенная) подрыва в Дагестане в конце ноября 2008 г. нефтепровода Моздок-Баку. Попытки организовать теракты на объектах НГК уже зафиксированы в Поволжье и в Татарстане, где также существует опасность исламистского экстремизма. А в соседнем Азербайджане осенью 2008 г. группа экстремистов чуть не подорвала нефтепровод Баку-Новороссийск; к счастью, террористы по ошибке вместо нефтепровода взорвали водопровод, поставляющий питьевую воду в Баку.

Для оценки опасности развитию российского НГК (а тем самым и НЭБ России в целом) со стороны организованных преступных групп – как криминальных, так и террористических – не хватает данных. Благодаря работе ДЭБ есть информация о потерях от «беловоротничковой преступности» в НГК, но не вполне ясен размер потерь от врезок и от терактов. Для общего понимания масштаба издержек можно сослаться на оценку, согласно которой «потери от различного рода махинаций с нефтепродуктами ежегодно составляют не менее 10 млн т, а причиненный ущерб измеряется миллионами долларов»¹⁰.

Трудности оценки отчасти связаны с тем, что сложно отделить потери от хищений и терактов от потерь из-за плохого технического состояния. Сообщается, например, что потери от хищений и плохого состояния систем газораспределения приводят к ежегодным потерям газовиков в Южном федеральном округе порядка 3 млрд руб. (из них 2,5 млрд руб. – в Чеченской Республике)¹¹. Но не ясно, в какой пропорции они украдены, а в какой – буквально выброшены на ветер.

В первом приближении можно предположить, что экономические преступления «людей в белых воротничках» наносят более крупный ущерб. Однако в перспективе – в частности, по мере роста значения северокавказского региона в мировой нефтегазовой индустрии (в связи с освоением каспийской нефти) – приоритеты угроз могут измениться.

Российская мутация «голландской болезни»

Ранее речь шла о криминальных угрозах развитию НГК, которые препятствуют его успешному развитию. Однако даже если нефтегазовой индустрии не угрожают ни криминалитет, ни терроризм, все равно экономике страны, специализирующейся на добыче/экспорте углеводородов, угрожает высокая опасность. Парадокс в том, что опасность национальной экономике несет *слишком успешное* развитие НГК.

Экономисты давно указывают на то, что Россия страдает от «голландской болезни»: высокая привлекательность НГК ведет к торможению развития всех других отраслей. Поскольку бизнес в НГК сильно зависит от политических условий, политическое рентоискательство препятствует технической модернизации – даже обновлению оборудования в самом НГК.

Понятие «голландская болезнь» появилось, как известно, после того как Нидерланды начали в 1960–1970-е гг. активно осваивать нефтегазовые месторождения Северного моря. Именно тогда обнаружилось, что богатые природные ресурсы могут не ускорять, а тормозить экономический рост даже самых высокоразвитых стран. Этот эффект объясняют, прежде всего, тем, что нефтегазовая индустрия и непосредственно обслуживающие ее отрасли оттягивают на себя инвестиции, уменьшая капитальные вложения в другие, более высокотехнологические отрасли. Однако в России, как и в ряде других развивающихся стран, действует еще и другой механизм «ресурсного проклятия»: обилие сырьевых природных ресурсов препятствует реформированию экономики, отбивая стимулы к реформам у руководителей государства¹².

Как известно, богатства России с XVI в. «прирастают Сибирью». И каждый раз, когда Сибирь становилась Клондайком, это тормозило социально-экономическое реформирование страны.

Первый раз сибирские природные ресурсы стали основой российского бюджета в XVII в.: казаки шли «встречь солнцу» за пушниной и моржовой костью, как конкистадоры в испанской Америке – за золотом и серебром. По некоторым оценкам, во времена Алексея Михайловича доходы от сибирских ресурсов обеспечивали примерно треть государственного бюджета Московского царства¹³. При таких доходах можно было не слишком торопиться с «прорубанием окна в Европу» и вести затяжные войны с Речью Посполитой. И только когда к концу века «сливки» с Сибири были сняты и доходы от пушнины сильно сократились, настало время петровских реформ.

Второй раз сибирские природные ресурсы вышли на авансцену российской экономической истории в 1960-е гг., когда за десятилетие добыча нефти в СССР увеличилась более чем в 3 раза. В результате в 1970-е гг. советское правительство прочно «село на нефтяную иглу». Растущий дефицит продовольствия в стране компенсировался за счет нефтедолларов. Бюджет в значительной степени стал опираться на рентные нефтяные доходы, а не на реальный сектор экономики¹⁴. Именно в 1970-х гг. происходит последовательное смягчение плановых показателей, сворачиваются «косыгинские» экономические реформы, происходит замедление темпов роста экономики («период застоя»), страна ввязывается в войну в Афганистане.

Осознание необходимости «что-то менять» обострилось после обвала цен на нефтяном рынке в середине 1980-х гг. (Рис. 1). Как петровские реформы начала XVIII в. наступили после истощения сибирской пушнины, так и горбачевские/ельцинские реформы конца XX в. начались после истощения нефтедолларов¹⁵.

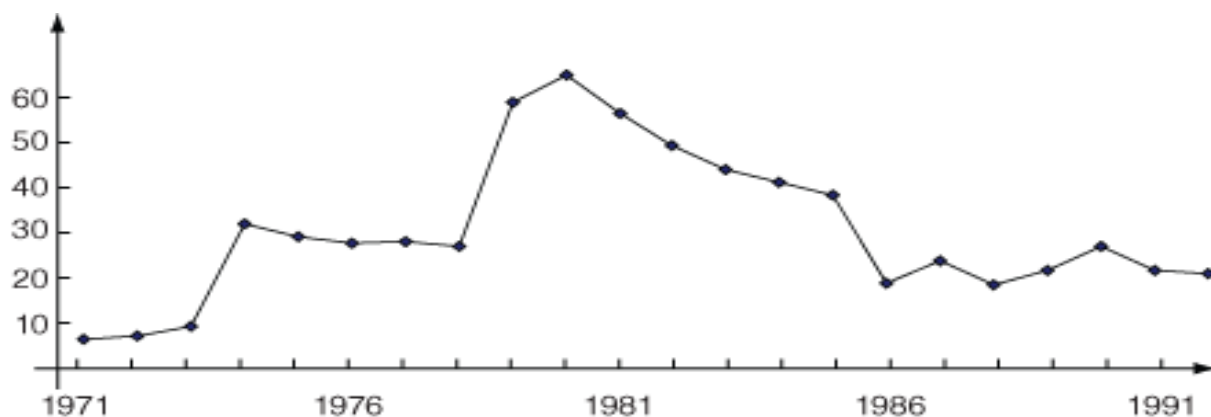

Рис. 1. Динамика мировых цен на сырую нефть в 1970–1980-е, долл. за баррель.

Составлено по: Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории. М., 2005. С. 342.

Однако самые последние годы XX в. дали России шанс второй раз вступить в нефтедолларовую реку: с 1999 г. цены на нефть вновь пошли вверх. Основной причиной изменения тенденции явились инициативы ОПЕК по ограничению добычи нефти, поддержанные другими крупными нефтедобывающими странами (включая Россию). В 2008 г. цена нефти на некоторое время взлетела выше 100 долл. за баррель, достигнув абсолютного максимума за всю историю (Рис. 2). Именно в период высоких цен на углеводороды новый российский политический режим, получая очень высокие доходы от природной ренты, начал активно наводить в стране порядок, который некоторые считают «вторым изданием» застоя.

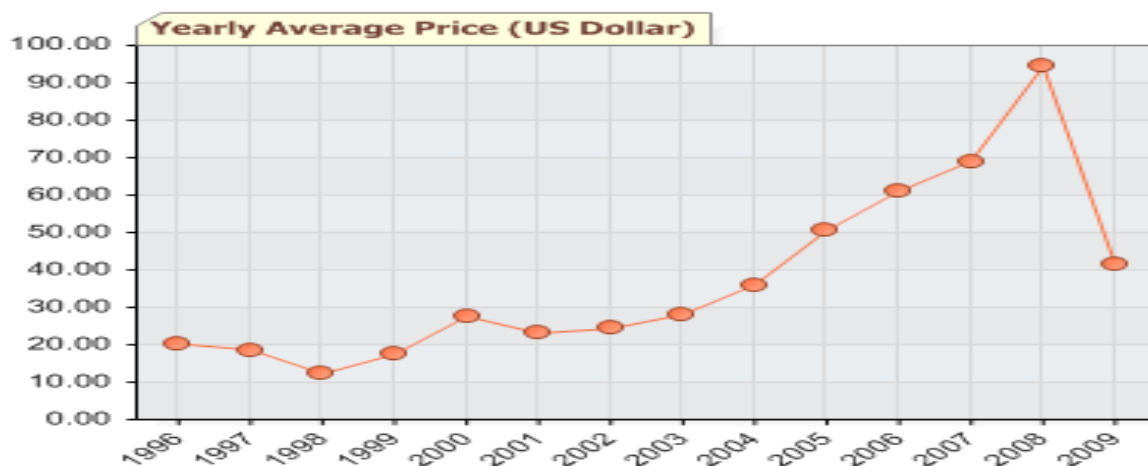

Рис. 2. Динамика мировых цен на сырую нефть в 1990–2000-е, долл. за баррель.

Источник: <http://www.opec.org/home/basket.aspx>.

Тормозящее влияние природных богатств на национальное институциональное развитие можно проследить по многим направлениям. Сошлемся, например, на концепцию, предложенную американскими экономистами Карлой Хофф и Нобелевским лауреатом Джозефом Стиглицем, – об отрицательной зависимости между вероятностью легальной защиты прав собственности и сырьевой ориентированностью стран¹⁶.

Сравнивая постсоциалистические страны Европы и бывшего СССР 1990-х гг., К. Хофф и Дж. Стиглиц отметили, что в странах с более высокой долей экспорта природных ресурсов индексы власти закона в среднем ниже, а доля предпринимателей, сомневающих в защищенности своих прав собственности, заметно выше (см. табл. 3). Индекс «власти закона» («rule of law»)¹⁷ также изменяется в обратной зависимости от степени сырьевой ориентации экономики. Наша Россия находится, увы, в нижней части таблицы: самая высокая доля доходов от экспорта природных ресурсов – очень низкие показатели «власти закона» и удовлетворенности предпринимателей правовой защитой. В 2000-е гг., с ростом нефтяных цен, ситуация вряд ли менялась к лучшему: можно вспомнить, например, результаты исследований Фонда ИНДЕМ, согласно которым с 2001 по 2005 гг. коррупционные поборы в России выросли почти в 10 раз¹⁸.

Таблица 3

Природные ресурсы, экономический рост и защита прав собственности в постсоциалистических странах, 1990-е гг. (по К. Хофф, Д. Стиглицу)

СТРАНЫ	Роль природных ископаемых и энергоресурсов в национальной экономике		Макроэкономические показатели		
	Их доля в экспорте, %	Доля их экспорта в ВВП, %	ВВП 2000 г. как % от ВВП 1989 г.	Доля предпринимателей, недовольных правовой защитой, %	Индекс «rule of law»
Группа стран с наиболее бедными природными ресурсами					
Молдавия	3,80	0,69	33	74	4,7
Словения	4,36	1,65	114	26	8,4
Венгрия	7,00	1,70	104	29	8,7
Словакия	8,04	3,13	103	36	6,4
Чехия	8,48	2,43	98	55	8,3
Эстония	9,18	3,68	83	23	8,5
В среднем	6,81	2,21	89	40	7,5
Группа стран с умеренными запасами природных ресурсов					
Хорватия	11,02	3,16	80	34	7,0
Румыния	13,63	2,81	77	43	5,6
Болгария	16,17	6,72	71	43	5,9
Польша	16,98	2,82	127	25	8,7
Литва	18,32	5,96	65	65	7,2
В среднем	15,22	4,29	84	42	6,9
Группа стран с богатыми запасами природных ископаемых					
Киргизия	23,63	2,93	66	71	4,4
Казахстан	48,86	12,87	69	59	4,5
Россия	53,16	14,44	63	73	3,7
В среднем	41,88	10,08	66	68	4,2

Эту закономерность К. Хофф и Дж. Стиглиц объясняют *низким спросом* на «власть закона» в условиях высокой доли сырьевого экспорта. Фирмы-экспортеры получают от продажи ресурсов быстрые и достаточно легкие сверхдоходы, что увеличивает относительную норму отдачи от стратегии выведения активов (эта стратегия хорошо описывается простонародным выражением «хапнуть и убежать»). В результате «власть закона» теряет свою привлекательность для агентов, обогащающихся за счет применения стратегии выведения активов. Вместо того чтобы разрабатывать рассчитанные на длительную перспективу проекты модернизации отрасли, предприниматель разрабатывает схемы уклонения от уплаты налогов и вывода капитала за рубеж. Применением этой стратегии, требующей особых отношений с властью, активно занимается как бизнес-элита, тесно связанная с государством, так и непосредственно сама государственная элита, активно занимающаяся бизнесом. В России яркими примерами подобного «государственного капитализма» являются истории успеха таких олигархов, как Роман Абрамович (бывший глава «Сибнефти»), Вагит Алекперов (глава «ЛУКОЙЛа»), Рэм Вяхирев (глава «Газпрома»). Именно непосредственная причастность к государственному аппарату позволила «нефтяным королям» активно участвовать в разделе имущества НГК во время приватизации и после нее, а затем надеяться на то, что власти «закроют глаза» на их экономические нарушения. Отсутствие какого-либо лоббирования «власти закона» с их стороны вполне закономерно.

Объяснение американских экономистов можно дополнить другой логической цепочкой, объясняющей влияние обильных доходов от сырьевого экспорта на *низкое предложение* институциональных реформ со стороны государства.

Даже авторитарное государство заинтересовано в том, чтобы его подданные/граждане не слишком страдали от бедности и не бунтовали. Если в бюджете много нефтедолларов, их можно использовать для социальных программ (скажем, создания материнского капитала), для расширения штатов госслужащих, для увеличения госзаказов бизнесу и грантов ученым. В результате у правительства нет острой

потребности стимулировать средний и мелкий бизнес, техническую модернизацию – ведь и так большинство населения не высказывает протестов. Конечно, этот механизм работает только в обществах с хотя бы минимальным уровнем развития демократии. В странах, где граждане не имеют практически никакого влияния на власть имущих (как в какой-нибудь Нигерии), правительство может вообще не делиться с народом рентными доходами от сырьевых ресурсов.

Обилие рентных доходов препятствует созданию режима «власти закона» еще и потому, что государству выгодно иметь «богатеньких» олигархов с не вполне законными источниками доходов. Управляя теми, кого всегда можно привлечь к суду, легко добиться их политической лояльности.

С этой точки зрения очень интересна история Михаила Ходорковского – единственного нефтяного магната, который получил не условный, а полновесный реальный срок тюремного заключения. Те обществоведы, у кого эта история вызывает негативные оценки, не особо сомневаются в факте экономических правонарушений в «ЮКОСе», но сомневаются в их экстраординарности. Совсем не очевидно, что Ходорковский совершал нечто такое, чего вовсе не делали другие олигархи. Утверждают, что «ЮКОС» стал мишенью, поскольку Ходорковский пытался сделать свою компанию открытой для западного бизнеса, покушаясь тем самым на право государства регулировать раздел прав собственности, да еще в придачу финансировал оппозиционные партии¹⁹. При такой интерпретации мораль дела «ЮКОСа» – не столько в том, что «богатые тоже плачут», если нарушают закон, сколько в том, что они «плачут, если не платят».

Рентоискательство российского государства, связанное с «нефтянкой», можно проследить и в сфере международных отношений.

Как известно, поставки нефти и газа стали постоянным объектом конфликтов между Россией и соседними транзитными странами (Украина, Беларусь), через которые энергоресурсы транспортируются на Запад. Их энергетическая база слаба, сильная зависимость от поставок углеводородов из России делает возможным своеобразный шантаж. Когда надо, Россия поставляет нефть и газ по льготным ценам, а когда надо, «вспоминает» о рыночных законах и требует платить без скидок. Такие требования вполне законны, но все же производят не самое приятное впечатление «газового шантажа». Можно вспомнить совсем недавнюю историю, когда под Новый год и после него, в январе 2009 г., Украина обвиняла Россию в политическом давлении, а Россия Украину – в воровстве транзитного газа из магистрального газопровода.

Таким образом, российская мутация «голландской болезни» (парадокса негативных последствий богатства природными ресурсами) породила явление, с которым голландцы вряд ли знакомы, – торможение институциональных реформ (особенно, развития институтов спецификации и защиты прав частной собственности) в силу как низкого спроса на реформы со стороны крупного бизнеса, так и слабого предложения реформ со стороны государства. Вместо строительства новых «правил игры», умножающих национальное богатство, предприниматели и правительство предпочитают заниматься переделом имеющегося природного богатства.

Следует оговориться, что НГК лишь отчасти несет ответственность за «голландские болезни» российской экономики. Ведь есть примеры стран, где природные богатства не тормозили рост и развитие. Это – не только западные Великобритания и Норвегия, в которых есть сильные механизмы контроля граждан над бизнесом и властью, но и восточные Объединенные Арабские Эмираты, где ответственное поведение политической элиты не связано с демократическим контролем. В этих странах богатые нефтяные доходы были сознательно использованы для стимулирования новых отраслей экономики. Следовательно, сильное развитие НГК создает в модернизирующихся странах предрасположенность к «голландским болезням», но не обреченность.

Если по поводу криминальных угроз развитию НГК можно делать хотя бы некоторые количественные оценки, то оценить в цифрах потери российской экономики от выбора ею сырьевой специализации пока никто не пробовал. Институциональные провалы вообще трудно переводить в деньги. Чтобы оценить потери России от «голландских болезней», необходимо построить контрфактическую модель развития постсоветской России без «нефтяной иглы», а затем оценить разницу между Россией реальной и Россией виртуальной. Для экономической науки это – задача на будущее.

Пока можно лишь высказать предположение, что потери от институциональных последствий специализации России на добыче/экспорте нефти и газа много выше, чем потери от действий организованных преступных групп в НГК. Это предположение основывается на том, что последствия институциональных провалов, как считают экономисты, существенно влияют на показатели темпов прироста ВВП (см. Табл. 3). В то же время никто из криминологов не ставил вопроса о том, что преступность в нефтегазовом бизнесе сколько-нибудь заметно тормозит прирост российского ВВП²⁰. Самое главное, сойти с «нефтяной иглы» много труднее, чем добиться сокращения хищений в НГК.

Конец (нефтяной) истории?

Парадоксальность современного этапа развития России в том, что все проблемы, связанные с НГК – «теневая нефтянка», «нефтяной терроризм», «голландская болезнь», «газовый шантаж», вероятно, в ближайшие десятилетия будут в значительной степени решены сами собой. Решены в результате истощения природных запасов углеводородов и/или перехода на другие источники энергии. Только эти лекарства от нефтяных «болезней» могут для экономики России стать убийственнее самих «болезней».

И российские, и общемировые запасы нефти и газа постепенно заканчиваются. Согласно оценкам, при современных темпах потребления разведанные запасы истощатся в самые ближайшие десятилетия, при жизни современного поколения. В России нефть закончится в 2020–2030-е гг., в мире в целом

– примерно к 2050-м гг. С запасами газа ситуация несколько более благоприятна. Россия обеспечена этим сырьем, пожалуй, лучше всех на планете. Поэтому российские и мировые запасы газа подойдут к концу почти одновременно и за пределами жизни современного поколения, где-то к концу XXI века.

Если эти прогнозы верны, то сложившаяся в постсоветской России 2000-х гг. экономическая модель, базирующаяся на рентаискательстве, начнет качественно меняться уже в следующем десятилетии. Ведь оставшуюся нефть придется добывать со все большими затратами – как чисто экономическими, так и геополитическими. Те запасы, которые предстоит извлечь, – это уже не столько Сибирь, сколько Сахалин, шельф Северного Ледовитого океана, шельф Каспийского моря. Чтобы их добыть, надо не только освоить новую технику (основу современного богатства России составляют сухопутные месторождения) и построить новые трубопроводы, но еще и договориться о разделе зон со странами-соседями. Поскольку углеводороды нужны всем, вряд ли эти соседи будут уступчивы. Международные переговоры по поводу раздела Каспия идут уже 15 лет и далеки от завершения²¹. А при освоении месторождений Северного Ледовитого океана придется столкнуться с теми, кто считает, что эти месторождения находятся за пределами территориальных вод России. В любом случае по мере роста «нефтяного голода» развитые страны (прежде всего, США) станут включать зоны активной нефтедобычи в сферу своих национальных интересов и добиваться контроля над ними, используя самые разные (в том числе чисто силовые) аргументы.

Однако самой страшной угрозой для экономической безопасности России является даже не исчерпание углеводородов, а возможность открытия новых источников энергии, не связанных с углеводородным сырьем. Это давно ожидаемое открытие спасет современную мировую цивилизацию, но станет катастрофой для всех стран, специализирующихся на нефти и газе.

Таблица 4

Структура мирового потребления топливно-энергетических ресурсов

Виды топливно-энергетических ресурсов	Потребление энергоресурсов в мировом хозяйстве (%)				
	1900 г.	1950 г.	1970 г.	1993 г.	2007 г.
Дрова и суррогаты	39	7	4	0	0
Уголь	57	54	30	25	29
Нефть	2	24	40	35	36
Газ	1	9	20	23	24
Гидроэнергия	1	6	6	10	6
Ядерная энергия	0	0	0	7	6

Составлено по: BP Statistical Review of World Energy 2008.

Каждая большая формация в развитии человеческой цивилизации имеет свою специфическую энергетическую базу. Доиндустриальные (аграрные) общества использовали в основном энергию сжигания древесины, силу ветра и мускульную силу самих людей. Индустриальные (промышленные) общества опирались на использование топливных полезных ископаемых – каменного угля, нефти и газа. Формирование постиндустриального (сервисного) общества требует преодоления природных ограничений на энергетические ресурсы. Однако революции в энергетике пока так и не произошло, что, видимо, свидетельствует о принципиальной незавершенности научно-технической революции.

Если обратиться к статистике, то, несмотря на некоторые различия оценок (табл. 4.), четко видно, что период доминирования природных ископаемых в мировой структуре энергопотребления постепенно проходит. К середине XX в. уголь вытеснил дрова, затем нефть и газ потеснили уголь, а в конце века начало расти использование неисчерпаемых источников – гидроэнергетики и ядерной энергетики. Правда, Чернобыльская катастрофа 1986 г. сильно испортила репутацию «мирного атома», пролив тем самым век нефти и газа.

Перед современной человеческой цивилизацией лежат два пути.

Если до истощения углеводородов не удастся найти новых источников энергии, то мировая экономика отчасти вернется к использованию каменного угля (его запасов хватит не на одно столетие), отчасти начнет наращивать ядерную энергетику. Этот вариант развития благоприятен для России. Ведь наша страна занимает первое место в мире по разведанным запасам угля. Строить же АЭС странам Запада выгоднее именно на полупериферии, где достаточно специалистов и где не так страшны новые «чернобыли». Перестав быть нефтяной державой, Россия останется энергетической державой. Более того, специализация на экспорте энергии – это, в отличие от экспорта нефти и газа, более высокий уровень технического развития, создающий гораздо меньше стимулов для рентаискательства. К тому же переход от нефтегазовой энергетики к угольно-атомной будет происходить постепенно, несколько десятилетий, на фоне растущих цен на углеводороды. Тогда спад нефтяных цен, произошедший в конце 2008 г. из-за мирового кризиса, сменится новым подъемом. У российских финансово-промышленных групп будет немалый запас времени, чтобы постепенно перейти от стратегии рентаискательства и выведения активов к стратегии инвестиций в энергетический комплекс.

Если же до истощения углеводородов удастся обнаружить принципиально новые источники энергии, основанные на высоких технологиях (скажем, на термоядерном синтезе или на использовании нового биотоплива), то развитые страны вообще потеряют интерес к топливозэкспортирующим странам полупериферии. Цены на нефть и газ сильно снизятся. Специализирующиеся на их экспорте страны лишатся даже статуса сырьевого придатка и сравняются, скажем, с современными Эфиопией или Сомали, которые ни для кого не представляют экономического интереса и предоставлены собственной участи. Этот вариант развития для современной России – «государства, построенного на нефти»²² – несет катастрофу. У нашей страны сейчас нет других отраслей, кроме ТЭК, которые были бы конкурентоспособны на мировом уровне и могли бы стать «локомотивом» национальной экономики²³. Нет пока и влиятельных экономических субъектов, которые были бы заинтересованы в реальном осуществлении программ технической и институциональной модернизации. Поэтому революционные изменения в мировой энергетике могут заставить нашу экономику врасплох и привести к ее деградации. Россия рискует повторить свой собственный опыт первой половины XIX в., когда изобретение парохода обесценило наши «стратегические запасы» корабельного леса.

По какому пути пойдет развитие мирового хозяйства, по эволюционному (переход на угольно-атомную энергетику) или по революционному (переход на качественно новые источники энергии), мало зависит от России. В конце XX в. наша страна выпала из числа лидеров научно-технического прогресса. В России пока нет ни спроса на технические инновации, ни возможности их генерировать. Поэтому сейчас она – не субъект, а объект конструирования нового постиндустриального общества. Будем надеяться, что в «чуждом новом мире» нам достанутся все же не последние места. Наши надежды на лучшее будущее связаны парадоксальным образом не с ускорением научно-технического прогресса, а, скорее, с его замедлением.

В любом случае нынешнее поколение россиян станет если не последним, жившим в богатой нефтью стране, то (пред)последним, жившим в стране, где нефть и газ являлись главным источником богатства нации. Это – новый «вызов», на который придется искать «ответ».

Таким образом, самые опасные угрозы национальной экономической безопасности России вызваны тем, что специализация на нефтегазовом бизнесе идет вразрез с тенденциями генезиса постиндустриального общества. Эту угрозу НЭБ трудно оценить в деньгах – она создает вероятность катастрофы, которая, однако, может и не произойти. Данная угроза является одновременно и внутренней, и внешней: толчком к возможной экономической катастрофе станут внешние события, но в эту ситуацию катастрофического риска Россия вошла сама. Мы сделали нефть и газ своими главными союзниками и должны теперь нести ответственность за свой выбор.

Примечания

¹ См., например: «Сущность экономической безопасности можно определить как такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» (Экономическая безопасность России: Общий курс. Под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. С. 72).

² Для характеристики экономической преступности в НГК использованы данные аналитических записок, подготовленных сотрудниками Департамента экономической безопасности МВД России.

³ Родионов А. А. Налоговые схемы, за которые посадили Ходорковского. М.: Вершина, 2006. С. 244–247, 249–251.

⁴ Подчерняев А. Н. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с хищениями нефти и нефтепродуктов в нефтяной отрасли: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2007. С. 5.

⁵ Бочаров А. И. Вопросы повышения эффективности мероприятий по подрыву экономических основ незаконного оборота нефти и нефтепродуктов, похищенных из магистральных трубопроводов // Вестник МВД России. 2009. № 1.

⁶ Безверхов А. Г. Хищение из нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов: понятие, причины, превенция / А. Г. Безверхов, О. А. Адоевская, К. Н. Сережкина. Самара, 2007. URL: [http://sartraccc.sgap.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/bezverhov\(05-01-08\).htm](http://sartraccc.sgap.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/bezverhov(05-01-08).htm).

⁷ Рискин А. Армия подседа на нефтяную иглу // Независимая газета. 2003. № 130. URL: http://www.ng.ru/economics/2003-07-01/1_army.html.

⁸ Ремизов Д. Течет река – отчего бы не напиться // Росбалт-Кавказ. 2008. 23 сентября. URL: <http://www.rosbalt-south.ru/2008/09/23/526172.html>.

⁹ Косиков И. Г. Чеченская республика: итоги и проблемы постсоветской социально-экономической эволюции / И. Г. Косиков, Л. С. Косикова // Российский экономический журнал. 2000. № 8. С. 36–51. Статья 1. Этапы деградации. С. 47, 48.

¹⁰ Подчерняев А. Н. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с хищениями нефти и нефтепродуктов в нефтяной отрасли. С. 12.

¹¹ Ремизов Д. Течет река – отчего бы не напиться.

¹² Об институциональных эффектах «ресурсного проклятия» см.: Гуриев С. Экономика «ресурсного проклятия» / С. Гуриев, К. Сонин // Вопросы экономики. 2008. № 4.

¹³ См., например: Вернадский Г. В. Московское царство. Часть 5. Гл. 5.

- ¹⁴ Harrison M. Plans, Prices and Corruption : The Soviet Firm under Partial Centralization, 1930 to / M. Harrison, B. Kim // The Journal of Economic History. 2006. № 1.
- ¹⁵ Американский историк-советолог Стефен Коткин прямо пишет, что «без открытия сибирской нефти Советский Союз мог бы пасть на несколько десятилетий раньше» (Kotkin S. Armageddon Averted : The Soviet Collapse, 1970–2000. N. Y., Oxford University Press, 2001. P. 15).
- ¹⁶ Hoff K. After The Big Bang? Obstacles To The Emergence Of The Rule Of Law In Post-Communist Societies / K. Hoff, J. E. Stiglitz // American Economic Review. 2004. Vol. 94. № 3. P. 753–763. URL : <http://papers.nber.org/papers/w9282.pdf>.
- ¹⁷ Этот индекс может принимать значения от 0 (наихудшее состояние) до 10 (наилучшее состояние).
- ¹⁸ Сатаров Г. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. 2007. № 1. URL : <http://vopreco.ru/rus/redaction.files/1.pdf>.
- ¹⁹ См., например: Волков В. «Дело Standard Oil» и «дело ЮКОСа» // Pro et Contra. 2005. № 2 (29).
- ²⁰ ВВП России в 2007 г. составил в текущих ценах примерно 33 трлн руб. Даже если предположить, что безвозвратные потери от хищений и терактов измеряются сотнями миллиардов рублей, это сопоставимо всего лишь с 1 % ВВП. Если вспомнить оценку потерь от махинаций с нефтепродуктами в 10 млн т, то это составляет примерно 2 % современной российской нефтедобычи.
- ²¹ См., например: Гусейнов В. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- ²² Хилл Ф. Энергетическая империя. Нефть, газ и возрождение России // Прогнозис. 2005. № 3 (4). С. 167.
- ²³ Можно вспомнить высказанную в 2004 г. экс-министром экономики России Германом Грефом оценку, согласно которой три четверти прироста российского ВВП обусловлены высоким уровнем мировых цен на нефть (Григорьева Е. Оптимист Путин и пессимист Греф // Известия. 2004. 20 марта).

Макарова Е. П.

ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ К ОПТИМИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Переход к информационному обществу актуализирует значение институционального подхода к анализу экономических явлений. Институциональная экономика указывает на существование трёх основных функций, присущих институтам: ограничительную, распределительную и координирующую. При этом реализация названных функций во многом связана с господствующим в обществе типом поведения. В соответствии с классификацией типов поведения, предложенной М. Вебером, в зависимости от объёмов используемой информации, а также когнитивных способностей экономических агентов, принято различать аффективное, традиционное, ценностно-рациональное и целерациональное поведение. Помимо субъективных факторов господство того или иного типа поведения во многом зависит от типа экономики, системы сложившихся в обществе социально-экономических отношений.

Интересно проследить за изменением господствующего в обществе типа поведения в связи с переходом от мобилизационной к оптимизационной экономике. На наш взгляд, можно согласиться с Н. В. Роговой, определяющей оптимизационную экономику как альтернативную мобилизационной по причине различия в пропорциях распределения общественного продукта и ресурсов между домохозяйствами и государством; характером использования методов прямого и косвенного государственного регулирования; применением моральных и материальных стимулов трудовой деятельности (Рогова Н. В. Институциональные изменения в мотивации трудовых ресурсов аграрного производства Урала в период Великой Отечественной войны : автореф. дис. канд. экон. наук. Волгоград, 2008. URL : <http://lib.volsu.ru/gsdsl/cgi-bin/library>).

Важной отличительной особенностью поведения экономических субъектов в условиях мобилизационного типа экономики является их ценностно-рациональное поведение – в отличие от целерационального поведения экономических субъектов в оптимизационной экономике. Прежде чем ответить на вопрос – подверглось ли трансформации поведение в условиях переходной экономики – обратимся к более подробному анализу названных типов поведения.

Поведение граждан в условиях командно-административной системы, безусловно, можно назвать рациональным. Причём их поведение, в какой то мере, даже более рационально, нежели поведение рыночных экономических агентов. Это объясняется высокой степенью стабильности социалистической экономики: отсутствие открытой инфляции, безработицы, гарантированной оплаты труда. Вместе с тем рациональность ограничена возможностью выбора средств достижения целей. Цели же определяются централизованно в форме планов. Причём как на уровне государства (к примеру, всем известный лозунг: «Догнать и перегнать Америку»), так на уровне предприятия (план – закон), так и в отношении отдельно взятого носителя рабочей силы, личные качества которого должны соответствовать моральному кодексу строителя коммунизма.

Цель есть предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия¹. Вместе с тем цель, выражая активную сторону человеческого сознания, для своей реализации требует соответствующих реальных возможностей окружающего мира. В условиях же, когда институт

«общественно–служебной собственности» определяет правила функционирования хозяйствующих субъектов, осуществляет координацию «сдаточно-раздаточных потоков», говорить о свободе выбора той или иной цели на микроуровне достаточно проблематично.

Для всех постсоциалистических стран начало трансформационного периода обычно связано с утратой государственной власти правящими коммунистическими партиями, прекращением функционирования прежних законодательных и исполнительных органов, приходом к власти новых, некоммунистических политических сил. В результате таких политических изменений происходят глубокие социально-экономические реформы в области отношений собственности, конкуренции, свободы заключения экономических контрактов. Появляются новые экономические субъекты, самостоятельно принимающие хозяйственные решения и несущие ответственность за их эффективность. Формирующиеся институты создают реальные предпосылки для распространения другой нормы поведения экономических агентов. Речь идёт о целерациональном действии: использовании индивидом действий внешнего мира, а также людей для достижения рационально выбранной самим индивидом цели.

Разница между названными типами поведения состоит в присутствии осознанной, самостоятельно выбираемой цели. Казалось бы, что расширение самостоятельности хозяйствующих субъектов не могло не привести к формированию целерационального поведения рыночных субъектов. Однако по оценкам бизнес-тренеров, работающих с директорами предприятий, в Уральском регионе около 80 % руководителей не имеют чёткого представления о стратегии развития их бизнеса. Если исходить из того, что процесс формирования целей предприятия имеет три уровня: первый – выбор миссии организации – чётко выраженной причины её существования; второй – определение на основе миссии стратегических целей предприятия, служащих в качестве критериев для последующего принятия решений; третий – разработка тактических задач, направленных на достижение той или иной стратегической цели. И стратегия является средним, как бы связующим звеном между первым уровнем – миссией предприятия и третьим – разработкой тактических задач. Таким образом, получается, что порядка 80% предприятий Урала функционируют, не имея перед собой чётко определённой миссии, стратегии и тактики, функционируют, не имея никакой глобальной цели (максимизация прибыли не рассматривается нами в качестве той цели, ради которой предприятие производит свою продукцию или оказывает услуги по той причине, что прибыль является средством для решения социальных, технических, других проблем, стоящих перед предприятием, но никак не средством его деятельности). Дополнительными обстоятельствами, которые могут поставить под сомнение возможность говорить о целерациональности как норме поведения экономических агентов в нашей стране являются следующие: во-первых, данные, характерные для Уральского региона как промышленно развитого, могут быть экстраполированы на всю страну; во-вторых, настораживает то обстоятельство, что эти данные отражают особенности поведения наиболее активной части нашего общества. Скорее всего, поведение тех экономических субъектов, в трудовой деятельности которых преобладают исполнительские функции, не будет отличаться большей целерациональностью.

В качестве существенной причины, которая мешает переходу от ценностно-рационального поведения к целерациональному, можно назвать укоренившийся в сознании россиян образ сильного государства, активно участвующего в регулировании экономики. Об этом, в частности, свидетельствуют данные общероссийского репрезентативного исследования «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век, проведённого Институтом комплексных социальных исследований РАН:

Таблица 1

Динамика мнений россиян в возрасте 16–65 лет о том, какие учреждения и отрасли должны управляться государством, а какие – частным сектором, в %²

Отрасли	Должны управляться					
	Государством		Частным сектором		И государством, и частным сектором	
	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.	2004 г.	1998 г.
Электростанции	85,7	88,4	2,0	1,7	12,2	9,3
Добыча нефти	80,2	74,8	2,7	3,7	17,1	21,3
Угледобывающая отрасль	76,9	74,2	3,4	4,5	19,8	21,0
Железнодорожный транспорт	76,7	82,4	2,6	3,3	20,7	14,0
Вузы	73,2	73,4	1,1	2,5	25,6	23,7
Школы	73,0	67,8	1,5	3,4	25,5	28,5
Пенсионные фонды	71,5	75,1	2,2	1,5	26,3	23,0

Данные таблицы свидетельствуют об основополагающей роли государства в мировоззрении россиян. Более того, взгляды наших соотечественников на проблему присутствия государства в экономике за рассматриваемый период практически не изменились, и основную массу отраслей они хотят видеть государственными.

В связи анализом перспектив перехода от ценностно-рационального поведения, характерного для командной экономики, к целерациональному поведению как норме рынка определённый интерес мо-

жет представлять рассмотрение позиций различных возрастных групп в отношении государственного вмешательства в экономику:

Таблица 2

Мнения различных возрастных когорт о том, какие организации, предприятия, отрасли должны управляться государством, в %³

Отрасли	Возрастные когорты				
	16–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет
Электростанции	74,1	83,8	89,8	90,9	90,3
Железнодорожный транспорт	67,3	71,9	78,6	83,8	82,2
Вузы	67,6	69,4	70,9	78,7	79,6
Добыча нефти	64,9	79,1	84,4	87,0	86,3
Пенсионные фонды	64,6	66,7	67,3	77,2	81,7
Школы	64,1	69,2	73,0	78,2	80,7

Как видно из приведённой таблицы, несмотря на некоторые различия в позициях разных возрастных когорт, в качественном плане эти различия практически отсутствуют. Надо отметить, что молодёжь, вступившая в самостоятельную жизнь и выросшая в период реформ, не стала от этого более «рыночно настроенной». Россияне всех возрастов и всех социально-профессиональных групп уверены, что частная собственность должна носить подчинённый характер, лишь сопутствуя главной – государственной – форме собственности.

Важной причиной, явно препятствующей переходу к целерациональной норме поведения, является нестабильность правовой системы. Непредсказуемость этих изменений не может настроить участников рыночных сделок на разработку сколько-нибудь основательной цели. Лишь в условиях стабильности формальных институтов можно говорить о реализации целерационального поведения. При этом следует помнить, что от правильного выбора цели во многом зависит безопасность ныне живущих и будущих поколений людей. Цель должна согласовываться с требованием закона гармоничного развития Вселенной. Речь идёт о выборе цели, на которой остановятся хозяйствующие субъекты. В этом отношении поучительны работы всемирно известного специалиста по философии лидерства Р. Шармы. Цель, считает Р. Шарма, которая сама по себе мотивирует работников к производительному труду, должна быть связана с оказанием помощи другим людям. Если же организатор производства видит высшую цель своей деятельности в максимизации прибыли, он неизбежно превращается в консерватора. «Смелость уступает место осторожности, когда человек начинает стремиться к сохранению власти и богатства»⁴.

Ещё одной существенной характеристикой, предопределяющей тип поведения экономических субъектов, является такая неформальная норма поведения, как утилитаризм. В условиях дефицитного характера мобилизационной модели экономики, к тому же базирующейся на, во многом, уравнительном распределении, не эффективный труд, а доступ к дефицитным ресурсам был источником, который позволял достичь определённого уровня потребления. Данные причины позволяют говорить о простом и ограниченном утилитаризме, т. е. **стремлении индивидов максимизировать свою полезность вне связи с эффективностью своего труда.**

В отличие от мобилизационной экономики оптимизационная экономика предполагает отсутствие дефицита потребительских товаров и потому её нормой становится сложный утилитаризм – максимизация индивидом своей полезности на основе эффективной производственной деятельности.

Думается, что трансформация простого утилитаризма в сложный – достаточно сложный и противоречивый процесс. Для перехода к сложному утилитаризму требуется проведение продуманной социально-экономической политики как на микро, так и на макроуровне.

Импорт формальных институтов не в состоянии обеспечить быструю реакцию со стороны носителей рабочей силы. Об этом, в частности, свидетельствуют иждивенческие настроения значительной части россиян, получающих стабильно низкую заработную плату и не желающих предпринимать каких-либо усилий, направленных на максимизацию своей полезности за счёт более эффективного приложения собственной рабочей силы. Более того, переходная экономика в нашей стране сформировала так называемый маргинальный слой. Это граждане, которые отказались от самой идеи максимизации полезности и «подстроили» свои потребности под низкий уровень своих доходов.

В возникновении такой ситуации немаловажное значение сыграл «уход» государства от решения вопросов социальной справедливости. По данным ВЦИОМа, среди причин, вызывающих тревожные ожидания у населения страны, второе место после обеспокоенности проблемой преступности и собственной безопасности раньше принадлежало дефициту товаров и безработице, теперь – социальному неравенству. Чрезвычайно важно для формирования нормы сложного утилитаризма рассматривать проводимые в стране преобразования сквозь призму социальной справедливости, учитывая мнения граждан о том, справедливы или нет в социальном отношении осуществляемые изменения. «Течение народной жизни не может быть направлено на путь спокойствия и благоденствия никакими иными мерами, кроме полного и верного согласования экономических законоположений с нуждами и потреб-

ностями народа»⁵ В пик этому предупреждению около 80 % наших соотечественников по результатам социологических опросов считают, что неравенство в России чрезмерно. Подавляющее большинство респондентов – 90–93 % – в качестве наиболее справедливых называют трудовые принципы распределения, а также наличие равных стартовых возможностей. К примеру, получить хорошее образование, найти достойно оплачиваемую работу. Реальная ситуация далека от желаемой. Показательны следующие цифры: заработная плата 10 % наиболее высокооплачиваемых работников превышает зарплату 10 % наименее оплачиваемых в 28 раз (в то время как в социально благополучных странах стараются сохранить пропорцию 1:8. Причём, в Японии и Швеции это соотношение составляет 1:3)⁶. И на сегодня мы имеем увеличение доли населения, живущего за чертой бедности, расслоение общества на богатых и бедных, нарастание недовольства проводимой государством экономической политикой.

Не стоит доказывать, что степень успешности экономического развития во многом зависит от соблюдения справедливости. Очень важно обеспечивать справедливую с точки зрения работников оплату труда, предотвращать возникновение социальной поляризации общества. Между тем на практике происходит обратное: современные российские реформаторы реализуют установку наиболее последовательного представителя западного либерализма Ф. Хайека, который довольно пренебрежительно высказывался о влиянии справедливости на экономический рост в условиях свободного рынка: «Имеет ли какой бы то ни было смысл понятие социальной справедливости в экономической системе, основанной на свободном рынке? Категорически нет»⁷.

Таким образом, отсутствие социальной справедливости в экономических отношениях в условиях трансформационного периода наряду с господством на протяжении 70 лет простого утилитаризма как нормы командной экономики привело значительную часть населения России к неспособности перейти к сложному утилитаризму.

В этом смысле показательны рассуждения доктора социологических наук О. Э. Бессоновой: командно-административная система по мере своего развития постепенно превратилась в раздаточную экономику. Основополагающими институтами раздаточной экономики являются институт раздач и институт сдач. Институт раздач предполагает раздачу материальных и нематериальных объектов. Однако прежде чем приступить к их раздаче необходимо организовать сбережение и обслуживание накопленного национального богатства. Реализация этой функции возложена на институт общественно-служебной собственности. Объекты этой собственности никому не принадлежат полностью, поскольку весь объём прав распределён между всеми хозяйствующими субъектами. Институт общественно-служебной собственности определяет правила функционирования хозяйствующих субъектов, осуществляет координацию сдаточно-раздаточных потоков.

Основу института сдач составляет служебная организация труда. Служебный труд носит обязательный характер, обусловленный внешними по отношению к каждому человеку условиями и означает выполнение ими определённых, предписанных обществом функций и обязанностей⁸. По-разному можно относиться к данному подходу. Однако очевидно, что попытка революционного переноса некой идеальной модели на практику, предпринятая в нашей стране, отнюдь не привела к фактическому копированию этой теоретической модели. Уже отмечалось, что лишь короткий период с октября 1917 г. до середины 1918 г. отражает стремление большевиков воплотить описанные в работах К. Маркса и Ф. Энгельса институты нового общества в реальную жизнь нашего государства. Общество планировалось построить по принципу единого централизованно управляемого производственного кооператива, лишённого товарно-денежных отношений.

Но, так или иначе, претворение социалистической идеи в жизнь потребовало учёта складывавшихся на протяжении веков и тысячелетий обычаев, традиций русского народа. Новая социалистическая система хозяйствования в целях обеспечения собственной жизнеспособности должна была учитывать неформальные нормы и трансформировалась в некую экономическую систему, которую, на наш взгляд, можно идентифицировать как раздаточную экономику.

Существенный вклад в воплощение нормы сложного утилитаризма в реальной жизни внёс сформированный в 90-е годы рынок потребительских товаров. Отсутствие дефицита, конкуренция между производителями существенно повысили качество товаров и услуг, уровень обслуживания потребителей. В бездефицитной экономике степень удовлетворения потребностей определяется величиной дохода. У людей появился реальный стимул к зарабатыванию денег. Таким образом, формирование нормы сложного утилитаризма происходит достаточно противоречиво, так как связано с действием большого количества факторов.

Предпринятый нами сравнительный анализ типов поведения хозяйствующих субъектов в условиях оптимизационной и мобилизационной экономики позволяет сделать вывод об отсутствии существенных изменений в связи с реформированием отечественной экономики. Данный вывод важно учитывать в процессе построения системы управления социально-трудовыми отношениями, в том числе при организации мотивации работников предприятий.

Примечания

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 512.

² Составлено по: Тихонова Н. Е. Человек в реформирующемся обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 35.

³ Составлено по: Тихонова Н. Е. Человек... С. 37.

⁴ Коттер Дж. Лидерство Мацуситы : Уроки выдающегося предпринимателя XX века. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 171–172.

⁵ Кокорев В. А. Экономические провалы. М. : Издательский дом «Экономическая газета», 2002. С. 103.

⁶ Петросян Д. О социальной справедливости в экономических отношениях // Общество и экономика. 2005. № 9. С. 139. С. 135–154.

⁷ Цит. по Богомолова О. Т. Экономика и общественная среда // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 14.

⁸ Бессонова О. Раздаточная экономика России. URL : //http://razdatok.narod. ru.

Макарова Л. И.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕФОРМАЛЬНЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ И РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Значительное число современных исследователей оценивают отечественную экономику как традиционно соответствующую мобилизационному типу экономического роста со всеми присущими ему признаками, а именно – преобладанием политических факторов над экономическими, увеличением бюрократического аппарата, усилением эксплуатации собственного народа, существованием системы компенсаций. Они доказывают необходимость построения российской экономики на мобилизационных началах. К примеру, А. И. Субетто мобилизационность, которая является неизбежным следствием так называемого «большого пространства», относит к законам развития России как общинной евразийской цивилизации. О необходимости поддержания мобилизационного потенциала экономики как одной из важнейших закономерностей истории российского государства говорит известный санкт-петербургский ученый-экономист В. Т. Рязанов. Данный вывод, по его мнению, вытекает не только «большого пространства», но и из местоположения, «рождающего» множество потенциальных геополитических противников на Востоке, Юге и Западе, которые часто превращались в истории России в ее военных противников. Отсюда на протяжении истории Россия была «защищающейся крепостью»¹.

Вместе с тем существует и прямо противоположная позиция. Так, доктор исторических наук В. М. Лавров рассматривает состояние мобилизационности не как присущее отечественному хозяйству по причине его геополитического положения, а исключительно в контексте подготовки к войне. Мобилизационное (форсированное) развитие требует гипертрофированного государственного вмешательства в экономику, принятия всесторонних внеэкономических и чрезвычайных мер. Такое развитие весьма неблагоприятно отразится на почти двадцатилетних и небезуспешных усилиях по постепенному созиданию рыночно-буржуазных отношений².

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что в результате реформ в нашей стране на смену общественной (государственной) собственности пришла частно-корпоративная. Осуществлены полномасштабные реформы банковской, бюджетной, налоговой, административной, управленческой систем. Экономика России активно интегрируется в мировое экономическое пространство. Вместе с тем по признанию независимого международного аналитического журнала «Executive Intelligence Review» в процессе переходного периода «в России потеряно 1,2 триллиона долларов, что составляет тройные потери в индустрии и экономике за вторую мировую войну, более чем 70 тысяч заводов и фабрик, включая 5 тысяч крупных, закрылись, в сельском хозяйстве 60 % хозяйств разрушено и трудоспособное население сейчас составляет 3,8 миллиона»³.

Каковы причины таких отрицательных последствий рыночных реформ российской экономики? Деятельность по реформированию экономики, направленную на разработку моделей экономических институтов, сознательно и целенаправленно внедряемых в хозяйственное поведение, называют институциональным проектированием. Изменения, происходящие в формальных рамках, могут быть ориентированы, во-первых, на построение их в соответствии с некоторой идеальной моделью. Примером может служить небольшой период после Октябрьской революции 1917 года в России. Во-вторых, вновь создаваемые институты могут воспроизводить когда то существовавшие на территории данного государства, но исчезнувшие в процессе исторической эволюции формальные институты. Наконец, в-третьих, может произойти импорт формальных институтов, функционирующих в других странах.

Очевидно, что реформирование отечественного народного хозяйства в 90-е годы прошлого столетия можно определить как импорт формальных институтов. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что успех социально-экономических преобразований во многом зависит от того, насколько импортируемые формальные нормы соответствуют принятым в данном обществе обычаям, сложившимся на протяжении длительного времени неформальным нормам поведения.

Перейдем к более детальному анализу неформальных рамок, которые определяют взаимоотношения индивидов, обеспечивают координацию их деятельности, гарантируют устойчивость и предсказуемость их взаимодействий. Попытаемся дать сравнительную характеристику неформальных норм, характеризующих два типа экономических систем: командно-административную (командно-административная модель хозяйства по своей сути является сверхцентрализованной, мобилизационной) и рыночную. А также ответить на вопрос: насколько поведение экономических субъектов, функ-

ционирующих в отечественной экономике, приблизилось к поведению, принятому в условиях рыночного хозяйства?

Остановимся более подробно на анализе таких неформальных норм, предлагаемых А. Н. Олейником, как доверие, свобода и легализм. Норма доверия присуща как мобилизационной, так и командной экономике. Однако мобилизационная экономика, в этом случае, существенно отличается от рыночной, где доверие потребителей проявляется в деперсонифицированной форме. О деперсонифицированном доверии производителей свидетельствует договорной формы взаимодействия экономических субъектов в условиях рынка. К примеру, институциональный подход предполагает рассмотрение основного хозяйствующего звена рыночной экономики – фирмы – как «сплетения контрактов». Впервые появившись в середине XIX века в Великобритании, договорные соглашения между предпринимателями и работниками широко распространяются к концу XIX – началу XX века в других странах Европы, а затем и в Северной Америке. После первой мировой войны коллективные договоры получают законодательную правовую силу. Объектом договорных отношений является самый широкий спектр проблем, связанных с высвобождением и переподготовкой рабочей силы, социальной защитой, повышением заинтересованности работников в труде и т. д. и т. п. **Распространение контрактов в рыночной экономике** позволяет говорить об опосредованных гражданским законодательством экономических отношениях. Перевод отношений, складывающихся между людьми, в правовое русло создаёт предпосылки для утверждения в обществе нормы деперсонифицированного доверия. В качестве подтверждения господства данной нормы в странах с рыночной экономикой исследователи опираются на статистические данные: 94 % опрошенных в Дании, 90 % – в ФРГ, 88 % – в Великобритании, 84 % – во Франции, 72 % – на севере Италии и 65 % – на юге положительно ответили на вопрос: «Исходя из Вашего личного опыта, считаете ли Вы, что окружающим людям можно доверять?»⁴

Оценить однозначно норму персонифицированного доверия в условиях мобилизационной экономики нельзя. Так, поведение потребителей характеризуется нормой жёстко персонифицированного доверия. К примеру, речь идёт о «взаимодействии, которое, осуществляется не со специалистом вообще (врачом, парикмахером), а со знакомым врачом или парикмахером»⁵. Что касается производителей, то, безусловно, командная экономика предполагает существование доверительных отношений на личностном уровне: так называемые корпоративные отношения между директорами промышленных предприятий, построенные на основе чётких принципов взаимной помощи и доверия. Вместе с тем присутствует и норма деперсонифицированного доверия, основанная на значительной роли государства в управлении предприятиями. Интересно, что в связи с переходом России к рынку деперсонифицированное доверие в поведении производителей не только не становится преобладающим. Напротив, усиливается значение персонифицированного доверия. Это во многом связано с постепенным сокращением регулирующих функций государства. Переход к экономике, основанной на персонифицированном доверии, Г. Клейнер трактует как становление «экономики физических лиц».

Таблица 1

Различные типы экономики⁶

Этап	Относительно самостоятельные экономические агенты	Тип экономики
Реформа управления 1940-1941 гг.	Государство	«Экономика государства»
Хозяйственная реформа 1957 г.	Экономические районы, совнархозы	«Экономика регионов»
Экономическая реформа 1965 г.	Отраслевые министерства	«Экономика отраслей»
Реформа управления промышленностью 1973 г.	Главные управления министерств, всесоюзные промышленные объединения	«Экономика подотраслей»
Перестройка 1985 г.	Крупные предприятия, объединения	«Экономика крупных предприятий»
Приватизация 1991 г.	Предприятия, малые предприятия, выделившиеся из крупных	«Экономика малых предприятий»
Чековая и послечековая приватизация	Руководители предприятий, их подразделений, физические лица	«Экономика физических лиц»

Определяя суть «экономики физических лиц», Г. Клейнер отмечает, что «экономические отношения между физическими лицами существовали всегда и будут существовать при любой экономической системе. Однако только если они являются доминирующими, полностью заменяют экономические от-

ношения между юридическими лицами, данная экономическая система становится «экономикой физических лиц»⁷. Формирование «экономики физических лиц» и связанное с ней закрепление персонифицированного доверия производителей – следствие резкого сокращения управленческих функций государства, усиление нестабильности социально-экономического развития, которое привело к таким явлениям, как:

– криминализация экономических отношений, переносу отношений между предприятиями в сферу отношений между физическими лицами;

– коррупция на всех уровнях власти;

– смещение интересов экономических агентов в сторону краткосрочного периода

Нельзя сказать, что «экономика физических лиц», сформировавшаяся в условиях выживания хозяйствующих субъектов, до сего дня характеризует состояние отечественного народного хозяйства. Социально-экономические процессы второй половины 90-х годов – начала XXI века, несомненно, свидетельствуют о существенной стабилизации. Это не могло не сказаться на доверии экономических агентов, его постепенной трансформации в сторону деперсонификации. В качестве подтверждения можно обратиться к значительному количеству этических кодексов и деловых кредо различных корпораций и профессиональных сообществ. Однако нельзя утверждать, что на сегодняшний день в обществе господствует деперсонифицированная форма доверия между людьми. В первую очередь сомнения возникают в связи с анализом поведения производителей, которые значительно больше доверяют реальным личным связям, нежели формальным бумажным контрактам (на этом вопросе мы остановимся более подробно при рассмотрении легализма как нормы поведения). Возможно, в этом находит своё проявление чрезвычайно низкий уровень доверия наших сограждан по отношению к проводимой социально-экономической политике в России.

Доверительное отношение к принципам, на которых строится сегодняшнее общество, высказывают лишь 11,7 % респондентов. В целом только 34 % респондентов положительно отвечают на вопрос, доверяют ли они людям (против 33,3 % рассчитанных аналитически в качестве предельно допустимого уровня). В то же время именно доверием руководствуются в своих отношениях с людьми 66,3 % респондентов. Но доверие проявляется исключительно в отношении ограниченного круга хорошо знакомых людей⁸. Это свидетельствует, что норма деперсонифицированного доверия не стала господствующей в российском обществе.

Пожалуй, в большей степени трансформация данной нормы затронула поведение потребителей. Имеющая место конкуренция требует от производителя предлагать на рынке товары и услуги высокого качества. И это создаёт предпосылки для деперсонификации доверия потребителей. Исключение, возможно, составляет производство услуг, непосредственно связанных со здоровьем и свободой человека. Персонификация доверия имманентна природе человека в тех сферах, которые имеют для индивида жизненно важную значимость. Поэтому услуги врача, юриста подпадают под норму персонифицированного доверия. Но это не «пережиток социализма». Скорее, отражение особенностей психологии человека, в частности, наличия у людей так называемого пространственного и психологического территориализма.

В качестве ещё одной неформальной нормы выступает свобода. Достаточно сложно определить степень реализации данной нормы в условиях того или иного общества. Спорна сама по себе трактовка свободы. Так, философы – идеалисты рассматривают свободу как возможность поступать согласно волеизъявлению, которое не детерминировано внешними условиями. Крайний субъективизм в объяснении свободы допускают приверженцы возникшей в XX веке философии экзистенциализма (Сартр, Ясперс и др.). Сторонники механистического детерминизма, напротив, отрицают свободу воли: действия и поступки человека во всех случаях определены внешними, не зависящими от него обстоятельствами. Ещё одна трактовка свободы предполагает учитывать как волю отдельно взятого индивида, так и внешние условия его жизнедеятельности, в том числе учёт интересов и намерений окружающих. Такой подход к определению свободы приводит исследователей к выводу о необходимости отличать свободу в негативном смысле как независимость поведения индивидов от намерений и желаний окружающих (такая трактовка свободы, на наш взгляд, ближе к понятию эгоизма – жизненного принципа, согласно которому человек в своём поведении руководствуется лишь собственными интересами, не считаясь с интересами общества и окружающих его людей) от свободы в позитивном смысле, которая выражается не в отрицании влияния окружающих на поведение индивидов, а в расчёте только на самого себя⁹. Исходя из такого определения свободы, делается вывод о присущей рыночной экономике свободе в позитивном смысле. В качестве примера приводится поведение предпринимателей, сделавших свой бизнес своими руками – *self made men*. **И об отсутствии свободы как нормы поведения при социализме**¹⁰. Коль скоро свобода в позитивном смысле требует для своей реализации наличия формальных рамок, характеризующих рыночную экономику, фактически делается вывод об определяющем значении внешних условий для проявления свободы в позитивном смысле.

Мы не можем согласиться с тем, что свобода является нормой, чуждой конституции мобилизационной экономики. «Свобода есть способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости»¹¹. Способность к действию, исходя из своих интересов, свойственна человеку от природы. Другое дело, что степень реализации свободы различна и зависит от внешних обстоятельств. В контексте данной темы – от господствующего типа социально-экономической системы. А если точнее, то от формальных политических и правовых норм, определяющих положение личности в государстве.

Исходя из посылки, что поведение экономических агентов в условиях мобилизационной экономики является ценностно-рациональным, можно предположить, что степень их свободы будет ограничена, во-первых, задаваемыми извне целями (функцию целеполагания берёт на себя государство в лице правящей партии) и, во-вторых, системой централизованного распределения ресурсов (выбор средств реализации интересов индивидов крайне ограничен ввиду господства принципа уравнилельного распределения).

Таким образом, свобода человека к действию вступает в противоречие с внешними сдерживающими эту свободу факторами. Учитывая такую особенность общественного сознания россиян, как неправовой, неэкономический характер, придание особой роли авторитетам в механизме саморегуляции общности, можно говорить о норме свободы как воли.

В этой связи интересны результаты проведённого в мае–июне 2002 года исследования, согласно которому респондентам надо было отметить в предложенном им списке слова, ассоциирующиеся с Россией. Ответы позволяют сделать вывод о высокой значимости таких понятий, как «энергия» (отметили 49 % опрошенных), «воля» (42,3 %), «сила» (48,5 %) ¹². Итак, свобода как воля определена нами в качестве ещё одной нормы командной экономики. Как и во что трансформировалась данная норма в связи с переходом к рынку? Приблизилась ли она к рыночной свободе в позитивном смысле (расчёт только на самого себя)?

Социологи считают, что общественное сознание сегодняшней России не монолитно. «Судя по имеющимся эмпирическим данным, россияне разделились на две группы, которые условно можно назвать «модернистами» и «традиционалистами» ¹³. Отнесение респондентов к той или иной группе происходило на основе их выбора в следующих дилеммах:

Таблица 2

Оценочные суждения россиян¹⁴

Модернисты	Традиционалисты
1. Общество индивидуальной свободы 2. Демократия 3. Согласие с тем, что России подходит западный путь развития 4. Ориентация на инициативность 5. Отсутствие патерналистских ожиданий по отношению к государству 6. Представление о том, что России в первую очередь нужны хорошие законы	1. Общество социального равенства 2. Безопасность 3. Несогласие с тем, что России подходит западный путь развития 4. Следование традициям 5. Наличие патерналистских ожиданий по отношению к государству 6. Представление о том, что России в первую очередь нужны хорошие руководители

Таблица 3

Специфика ценностных ориентаций в группах с разным типом ментальности¹⁶

Считают, что без материальной поддержки со стороны государства им прожить сложно		
81,4 % традиционалистов	57,2 % промежуточной группы	27,0 % модернистов
Уверены, что смогут обеспечить себя и свою семью сами		
17,3 % традиционалистов	42,2 % представителей промежуточной группы	72,6 % модернистов
Главное – это инициатива. Предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве		
21,3 % традиционалистов	54,9 % промежуточной группы	80,7 % модернистов
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством		
76,7 % традиционалистов	43,8 % промежуточной группы	19,1 % модернистов
Для России важны чувство общности, коллективизм и жёстко управляемое государство		
63,6 % традиционалистов	48,0 % представителей промежуточной группы	21,6 % модернистов
Индивидуализм, либерализм и западная демократия подходят и для россиян		
8,1 % традиционалистов	27,0 % промежуточной группы	68,3 % модернистов

В целом для модернистов видение мира строиться на идеях индивидуальной свободы, личной ответственности, инициативы. Эта группа сравнительно невелика и составляет всего четверть населения страны в возрасте от 16 до 65 лет. Ей противостоит довольно многочисленная группа традициона-

листов, насчитывающая 41 % всех россиян в возрасте 16–65 лет, а также промежуточная группа (треть населения страны), которая по большинству вопросов примыкает к традиционалистам¹⁵.

Более основательно судить о распределении мнений наших соотечественников в отношении индивидуальной свободы, инициативы и ответственности можно, исходя из данных в таблице 3.

При таком распределении ответов трудно говорить о преобладающей в обществе норме свободы в позитивном смысле как о поведении, рассчитанном на самого себя. Нет оснований говорить даже о приближении к этой норме в связи с происходящими в нашей стране социально-экономическими преобразованиями.

Теперь о свободе как воле. Реализация данной нормы требует соответствующих внутренних и внешних условий. Важнейшим внутренним условием формирования и утверждения данной нормы является нравственное самосовершенствование, стремление к которому, по мнению исследователей, характеризует поведение русских людей на протяжении более чем 1000-летней истории. В качестве внешнего условия закрепления свободы как воли выступает наличие национальной идеи – идеи, которая будет близка и понятна каждому гражданину данного общества. «Причина этого в том, – писал широко известный в мире суфийский мастер начала XX века Хазрат Инайят Хан, – что на индивидуальную волю налагает ограничения мысль о себе самом, но, как только человек забывает о себе, как только начинает думать о другом, эти ограничения рушатся и его воля становится сильнее»¹⁷. В современном обществе проводниками национальной идеи, безусловно, становятся средства массовой информации. Публикации в периодических изданиях, радио – и телепередачи не только не являются носителями национальной идеи – создаётся такое впечатление, что они активно работают на окончательное разложение, деморализацию и деградацию граждан нашей страны. К этому можно добавить агрессивную рекламу со стороны производителей так называемых «греховных товаров» – вино-водочной продукции, табачных изделий. Как тут не вспомнить либеральные реформы XIX столетия, сторонники которых проявили «всесильное могущество и вместе с тем полную бесчеловечность, поразив Россию в самое сердце ... тяжкими и неисцелимыми язвами... быт крестьян – соблазном к пьянству...»¹⁸. Создаётся впечатление, что воля русского народа и в XIX веке, и сегодня стала объектом пристального внимания с целью полного её уничтожения. Методично воздействуя на «угашение духа» русского народа, постепенно уничтожается основа экономического процветания нашей страны. «Не угашать духа, – призывает В. А. Кокорев в своих знаменитых «Экономических провалах, – в нём бо сила!»¹⁹.

Наконец, последняя норма, на которой хотелось бы остановиться – это подчинение закону или норма легализма. Де-юре законы в условиях мобилизационной экономики отражали общественные интересы: провозглашаемая общенародная форма собственности, конституционно закреплённый принцип «от каждого – по способностям, каждому – по труду» и т. д. Фактически же имела место реализация групповых интересов правящих кругов. Сами законы не носили абсолютного характера: прочтение закона осуществлялось в интересах стоявшей у власти партийной бюрократии. В этих условиях поведение экономических субъектов – как рядовых граждан, так и представителей номенклатуры – характеризовалось нормой провозглашаемого легализма: публичная демонстрация приверженности юридическим законам, которая вступала в противоречие с реальным поведением людей.

Как реализуется норма легализма (подчинения закону) в условиях рыночного хозяйства? Исходя из того, что законодательная база достаточно стабильна, права и обязанности участников рыночных отношений чётко определены и прописаны, экономисты склонны рассматривать отношение к закону в рыночном хозяйстве как добровольное подчинение закону. Легализм в этих условиях выгоден экономическим агентам. Он поддерживает доверие между участниками сделки, облегчает взаимное понимание интересов и намерений контрагентов, принимающих участие в сделке. Подчёркивая значение закона, французский просветитель и правовед Ш. Л. Монтескье писал: «...свобода есть право делать то, что дозволено законами»²⁰.

Казалось бы, что импорт рыночных институтов на нашу российскую почву должен привести к активному внедрению нормы добровольного подчинения закону. Тем более что данная норма выгодна всем участникам рынка, поскольку способствует уменьшению неопределённости, следовательно, степени риска хозяйствующих субъектов. Однако, как представляется, трансформации провозглашаемого легализма в легализм не произошло. Мы, безусловно, ушли от двоемыслия: сейчас не принята демонстрация подчинения законам. Напротив, общество открыто говорит о неплатежах налогов в бюджет, значительной доле теневого сектора в российской экономике и т.п. По мнению отечественных социологов, распространение новых норм поведения происходит чаще всего в «неправовом пространстве». За годы реформ оно настолько расширилось, что стало более реальным, чем правовое. Так, по результатам серии репрезентативных социологических обследований, проведённых в городской и сельской местности Новосибирской области и Алтайского края, лишь 1,5 % респондентов трудоспособного возраста за последние 3–4 года не сталкивались с нарушением своих прав. Причём большая часть (42 %) указали, что в современных условиях их законные права нарушаются чаще, чем до реформ (26 % – что примерно так же и только 5 % – что реже). При этом основными субъектами, нарушающими права граждан, являются власти разных уровней (на это обстоятельство указало 89 % респондентов). В случаях, противодействие им признаётся бесполезным и небезопасным. Эффективным такое противодействие бывает достаточно редко (в 3–14 % случаев). В таких условиях россияне прибегают к доступным неправовым способам, на достаточную эффективность которых указывают 42 % опрошенных (лишь 29 % уверены в обратном).

Исходя из приведённых данных, можно предположить, что в отношении такой нормы рыночной экономики, как легализм россияне не только не приблизились к данной норме. Напротив, нормой стало игнорирование закона, стремление обойти закон. Подобный антилегализм имеет под собой реальное основание и связан с состоянием современного законодательства, а также способностью государства принуждать граждан к исполнению законов. К примеру, эффективность налоговой системы определяется не только соответствующими законами. Зачастую хозяйствующие субъекты, обязанные по результатам налоговых проверок выплачивать штрафы, «договариваются с инспектором», сводя к минимуму возможные нежелательные последствия таких проверок. Это, на наш взгляд, является фактором, поддерживающим в обществе норму, которая может быть названа как антилегализм. Переход к легализму, фактическому подчинению законам связан со стабильностью системы формальных институтов, которая должна обладать большими возможностями как принуждения, так и вознаграждения (всем известный метод «кнута и пряника»).

Внешняя форма антилегализма находит проявление в низкой правовой компетенции хозяйствующих субъектов. По данным исследователей, абсолютное большинство контрактов заключается без внимания к их форме²¹. Норма антилегализма ярко характеризует складывающуюся в России социально-экономическую систему, в которой выходящие в свет многочисленные законы и постановления фактически остаются на бумаге, а реальные отношения между экономическими субъектами складываются так, словно этих норм не существует вовсе. Так, в случае конфликта между требованиями непосредственного начальства и требованиями закона предпочтение отдаётся требованиям начальства. Причина – не только в несовершенстве формальных институтов. Думается, она значительно глубже и имеет исторические корни, которые уходят к общинным традициям и ориентируют индивида на мнение общества, в качестве которого выступает «микроокружение», а не «макросреда». «Давно подмечено, что русская жизнь имеет два течения: одно правительственное другое – народное»²². Ещё одной важной причиной антилегализма, на наш взгляд, является та роль, которую сыграло российское законодательство в формировании современной социальной структуры общества. В результате приватизации в нашей стране в одночасье в результате распределения национального богатства, созданного трудом многих поколений, возник немногочисленный слой населения, обладающий миллионными и миллиардными состояниями. При этом государство отменило прогрессивное подоходное налогообложение и независимо от доходов ввело единую ставку налога. В массовом сознании подобные процессы воспринимаются крайне негативно, в том числе в плане отношения населения к политике государства: «возникновение в России за 3–5 лет миллиардных долларовых состояний, необузданная роскошь и расточительство их владельцев на фоне глубочайшего спада в экономике и массовой нищеты выглядят вызовом общественной морали»²³. Сталкиваясь практически ежедневно с фактами беззакония и произвола со стороны власть придержащих, россияне привыкают к этим явлениям, становятся равнодушными, безразличными к происходящему.

Не потеряли для нас актуальности слова В. А. Кокорева, сказанные им по поводу либеральных реформ в России XIX века: «Реформаторы лишили себя возможности прислушиваться к требованиям жизни и указаниям опыта, и отсюда произошло то, что можно было бы обозначить как своя своих не познаша»²⁴. Неуважение к законам, пренебрежение этими законами, вошедшее как норма в нашу жизнь пагубно влияет на состояние нравственности в обществе. Думается, приводить доказательства данного тезиса излишне. Дурным называет государственное устройство Аристотель, во главе которого стоит законодатель, не приучивший своих граждан к законам. Напротив, приучение к законам делает граждан добродетельными. И такое государственное устройство можно считать добродетельным²⁵.

Анализ фактического состояния неформальных норм поведения россиян не свидетельствует в пользу принятия рыночной культуры гражданами нашей страны. При этом барьерами служит как общее состояние современных формальных российских институтов, так и особенности традиционных установок, во многом определяющих неформальные нормы поведения экономических агентов. По образному выражению доктора социологических наук Н. Е. Тихоновой, «посадив берёзовую рощу, мы вдруг оказались в зарослях камышей»²⁶. Это противоречие нашло проявление в возникших квазирыночных нормах поведения россиян.

Примечания

¹ Субетто А. И. Противоречия экономического развития России и стратегия выхода из исторического тупика. URL : // <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120123.htm>.

² Лавров В. М. К дискуссии о необходимости мобилизационного развития. URL : http://www.ei1918.ru/russian_today/k_diskussii.html.

³ Субетто А. И. Противоречия экономического развития...

⁴ Олейник А. Н. Институциональная экономика : учеб. пособие. М. : ИНФРА – М, 2002. С. 101.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Составлено по: Клейнер Г. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. № 4. С. 89.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Олейник А. Н. Издержки и перспективы реформ в России. Институциональный подход // Истоки. Вып. 3. М. : ГУ ВШЭ, 2001. С. 137.

⁹ См., например: Ильенков Э. Философия и культура. М. : Изд-во политической литературы, 1991. С. 105.

- ¹⁰ Олейник А. Н. Институциональная экономика... С. 103.
- ¹¹ Советский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 1180.
- ¹² Андреев А. Л. Россия и Европа культурно-психологическая дистанция глазами социолога // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 104–105.
- ¹³ Тихонова Н. Е. Человек в реформирующемся обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 44.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 38.
- ¹⁶ Составлено по: Тихонова Н. Е. Человек... С. 38.
- ¹⁷ Хазрат Инайят Хан. Учение суфиев : сборник. М. : Сфера, 2000. С. 101.
- ¹⁸ Кокорев В. А. Экономические провалы. М. : Издательский дом «Экономическая газета». С. 274.
- ¹⁹ Там же. С. 293.
- ²⁰ Цит. по: Заславская Т. И. Социальные механизмы трансформации неправовых практик / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 7.
- ²¹ См.: Кузьминов Я. Как наука о рынках становится наукой об обществе / Я. Кузьминов, К. Бендукидзе, М. Юдкевич // Вопросы экономики. 2005. № 12. С. 73.
- ²² Кокорев В. А. Экономические провалы. М. : Издательский дом «Экономическая газета», 2002. С. 145.
- ²³ Богомолова О. Т. Экономика и общественная среда // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 15.
- ²⁴ Кокорев В. А. Экономические провалы. М. : Издательский дом «Экономическая газета», 2002. С. 81.
- ²⁵ Аристотель. Никомахова этика. Соч. Т. 4. С. 79.
- ²⁶ Тихонова Н. Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 31.

Никитин Л. В.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ БАНКОВСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

На протяжении почти шестидесяти лет (то есть с момента сворачивания НЭПа, а также проведения кредитной реформы 1930–1932 гг.) в Советском Союзе отсутствовала полноценная банковская система. Госбанк СССР и его отраслевые ветви выполняли ограниченный набор функций, несопоставимый с многообразным финансовым сервисом западного мира. Банковская отрасль в ее советском варианте занималась преимущественно технической работой, обеспечивая по указанию вышестоящих инстанций организованный перевод средств между различными сегментами управляемого национального хозяйства. Являясь подчиненной частью планово-мобилизационного механизма, банковские учреждения и сами повторяли важнейшие черты Системы – прежде всего, крайнюю степень централизации. Высшее руководство практически единого кластера государственных банков находилось в Москве; в других городах, соответственно их административному статусу, могли действовать лишь «конторы», «субконторы» и иные подразделения установленного ранга. На определенных исторических отрезках такая отлаженная машина успешно справлялась с поставленной задачей концентрации средств (самый яркий пример – это годы Великой Отечественной войны), но в долгосрочном плане была совершенно непригодна для гибкого межотраслевого перераспределения ресурсов в условиях технологического прогресса и усложняющейся структуры экономики.

Ситуация изменилась только с началом политики перестройки при М. С. Горбачеве. В ходе экономических реформ этого времени исключительно важную роль сыграл Закон о кооперации, принятый Верховным Советом СССР 26 мая 1988 г. и разрешивший, в частности, создание негосударственных паевых банков. Впервые после очень долгого перерыва страна наблюдала развитие свободной кредитно-финансовой деятельности, причем не только в столице. Иными словами, начавшийся переход от плановой системы к рынку сопровождался радикальным изменением экономико-географического ландшафта; «демобилизация» влекла за собой и децентрализацию.

Вместе с тем названные процессы носили достаточно сложный и нелинейный характер. В данной работе рассматриваются основные закономерности географической децентрализации банковского дела, наблюдавшиеся сначала в РСФСР, а затем (и главным образом) в постсоветской России.

Очевидно, что при изучении пространственных параметров кредитной отрасли следует учитывать ключевые вехи и тенденции, наблюдавшиеся в ее общем развитии. В табл. 1 представлен авторский вариант базовой периодизации, основанный как на собственной эволюции банковского бизнеса (прошедшего, в частности, через кризисы 1995, 1998 и 2004 гг.), так и на изменении макроэкономических условий, в которых ему приходилось работать. Наличие такой хронологической сетки позволяет теперь поэтапно проследить несколько наиболее показательных трендов – прежде всего, колебания об-

щего числа населенных пунктов, обладавших в то или иное время собственными банками, а также ряд долевых параметров (рис. 1–3).

Таблица 1

Основные периоды развития банковской системы Российской Федерации в контексте общих экономических процессов (1988 – 2008 гг.)

период	Фаза общей экономической трансформации	Макро-экономический фон	годы, кварталы
1	кризис поздней социалистической экономики	нестабильность	1988–1991
2	трансформационный спад	нестабильность	1992 – II кв. 1995
3	трансформационный спад и начало восстановительного роста	относительная стабилизация	III кв. 1995 – II кв. 1998
4	восстановительный рост и начало инвестиционного роста	стабильность	III кв. 1998 – II кв. 2004
5	инвестиционный рост	стабильность	III кв. 2004 – II кв. 2008

* Указано примерное количество банков, имевших лицензию на момент окончания соответствующего периода.

Расчеты на основе данных Банка России (www.cbr.ru) и портала www.banki.ru.

Итак, начало первого периода (1988–1991 гг.) было связано с появлением ранее немислимых возможностей и эйфорией создания разрешенных негосударственных банков. Между принятием Закона о кооперации и учреждением первых таких структур прошло лишь три месяца. Без преувеличения, историческим событием стала регистрация банка «Союз» из Чимкента (Казахстан), состоявшаяся 24 августа 1988 г. и проложившая дорогу всем остальным предприятиям подобного профиля. Еще через два дня ленинградский банк «Патент» открыл эпоху свободной кредитной деятельности непосредственно в России. За ним последовали столичные банки «Кредит-Москва» и Московский кооперативный, казанский Полисервисбанк, пермская «Заря» и многие другие. К началу 1989 г. было зарегистрировано уже 39 коммерческих банков, из них 25 – в РСФСР¹. Впервые после шестидесятилетнего перерыва финансовая децентрализация стала реальностью.

В сентябре 1990 г. (то есть по итогам первых двух лет радикального преобразования отрасли и накануне еще одного важного рубежа, речь о котором пойдет ниже) количество банков измерялось трехзначными числами (рис. 1). В одной только РСФСР насчитывалось порядка 250 кредитных организаций, зарегистрированных в 70 населенных пунктах на пространстве от Калининграда до Петропавловска-Камчатского². При таких масштабах деятельности появилась возможность для первых статистически значимых наблюдений.

Безусловным и неизменным лидером в этой гонке городов стала Москва, обладающая явными преимуществами административного, экономического и географического рода³. Но в любом случае теперь это было именно лидерство, а не абсолютная монополия, как в прежние времена. Доля московских банков в общем количестве кредитных корпораций России за два года упала с исходных 100 % до 40–42 % (рис. 2). На второе место (однако при почти восьмикратном отставании от столицы) вполне предсказуемо вышел Ленинград, также обладавший сильной экономикой, но не имевший эксклюзивных московских возможностей в плане близости к основным бюджетным и внешнеторговым потокам. Среди других городов наибольшую активность на заре создания банков проявляли крупные региональные центры, прежде всего, Свердловск и Ростов-на-Дону.

Тем временем кредитная отрасль оказалась на пороге следующего знаменательного события. Еще в 1987 г. союзное правительство Н. И. Рыжкова провело первичную реформу, создав на основе прежних госбанков пять специализированных корпораций (или «спецбанков») – Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Сбербанк и Внешэкономбанк. Их штаб-квартиры, разумеется, находились в Москве. После этого на протяжении двух лет государственные гиганты конкурировали с банками кооперативного происхождения, имея безусловное превосходство по кредитным ресурсам, но подчас проигрывая в плане гибкости и готовности работать с каждым клиентом. Во второй половине 1990 г., когда еще одним важным фактором стало открытое противостояние между центральными банками РСФСР и СССР, по инициативе российского ЦБ Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агропромбанк были разде-

лены на множество новых финансовых компаний. На этот раз в основу реформы был положен уже не отраслевой, а территориальный принцип. Местные подразделения названных спецбанков получили возможность по своему усмотрению трансформироваться в самостоятельные банки краевого, областного, городского и даже сельского масштаба.

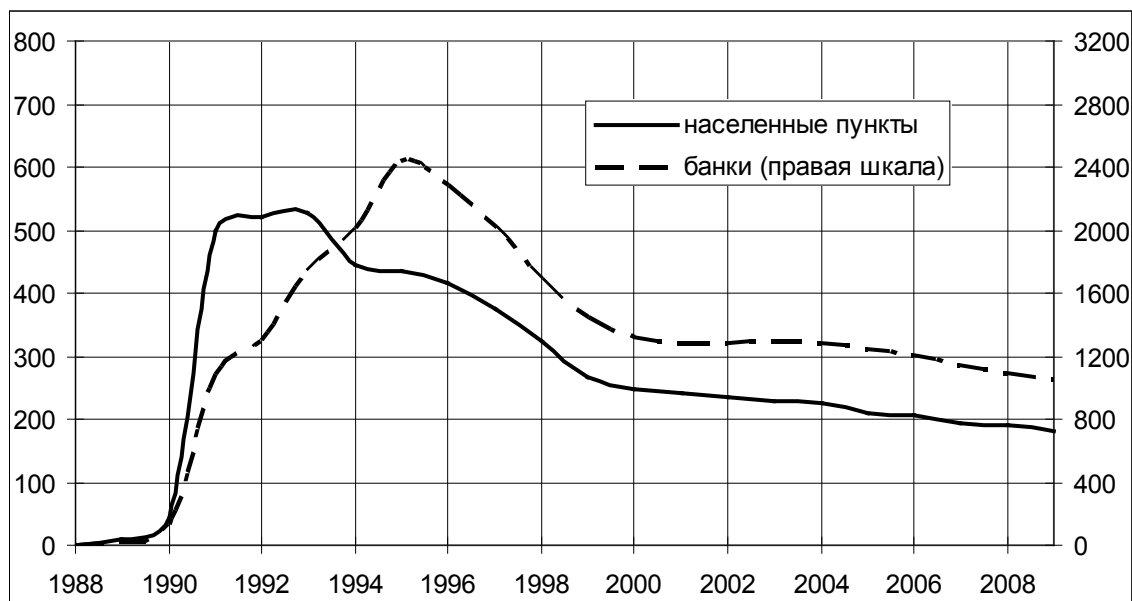

Рис. 1. Российская Федерация: общее число банков и количество населенных пунктов, обладавших собственными банками

(1988–2009 гг., на начало указанного года)

Расчеты на основе данных Банка России (www.cbr.ru) и портала www.banki.ru.

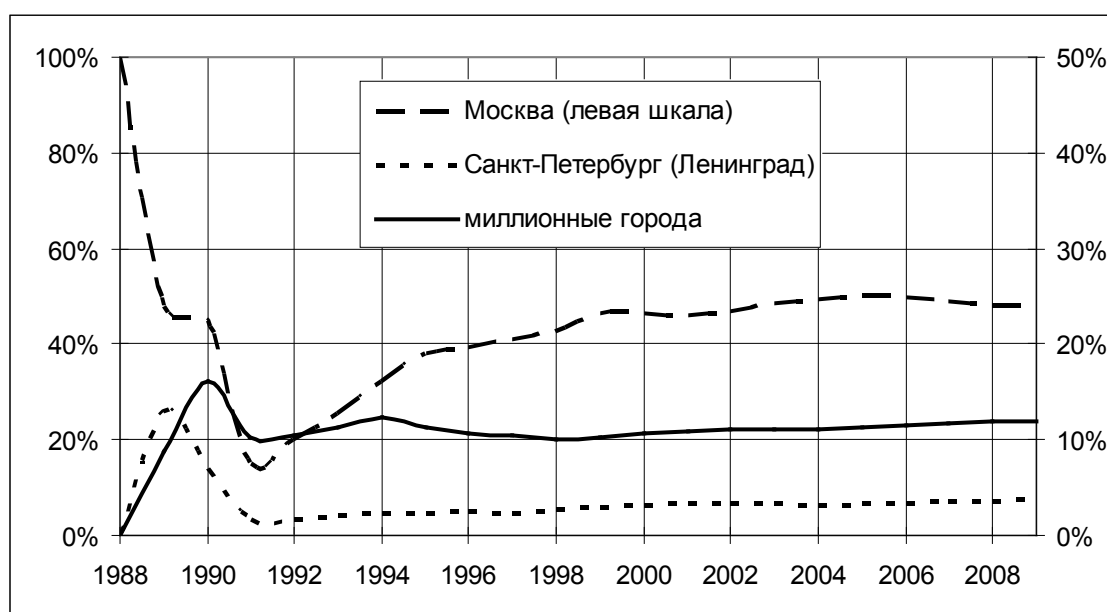

Рис. 2. Доли банков Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда) и миллионных городов в общем количестве российских банков

(1988–2009 гг., на начало указанного года)⁴

Расчеты на основе данных Банка России (www.cbr.ru) и портала www.banki.ru.

В результате этой грандиозной кампании в России появились сотни новых банковских корпораций. Теперь наблюдалась уже не просто децентрализация, а крайняя географическая распыленность отрасли. За IV квартал 1990 г. количество населенных пунктов, обладающих собственными банками, взлетело с 70 до 497 (рис. 1). Особенно впечатляющей такая атомизация оказалась в очень сложном полиэтническом Дагестане, в ряде сельскохозяйственных регионов (Краснодарский и Ставропольский края, Оренбургская область), а также в имеющей огромную площадь Якутии. На этих территориях своими банками обзавелись десятки горных аулов, степных станиц и северных поселков. После таких

событий доля Москвы, снижавшаяся и прежде, к 1991 г. опустилась до абсолютного минимума (15 %). Вопреки ранее наметившейся динамике, заметно сократился вклад Ленинграда и других крупнейших городов (рис. 2). Кроме этого, аналогичную картину можно было увидеть при сортировке городов не по их размеру, а по административному статусу: центры краев, областей, автономных округов и автономных республик (в дальнейшем для краткости именуемые аббревиатурой РАЦ, «региональные административные центры»⁵) в значительной мере утратили стартовое преимущество. Соответственно, очень сильно увеличилась доля полицентрических регионов – тех, где имелось не менее двух населенных пунктов с собственными банками (рис. 3)⁶.

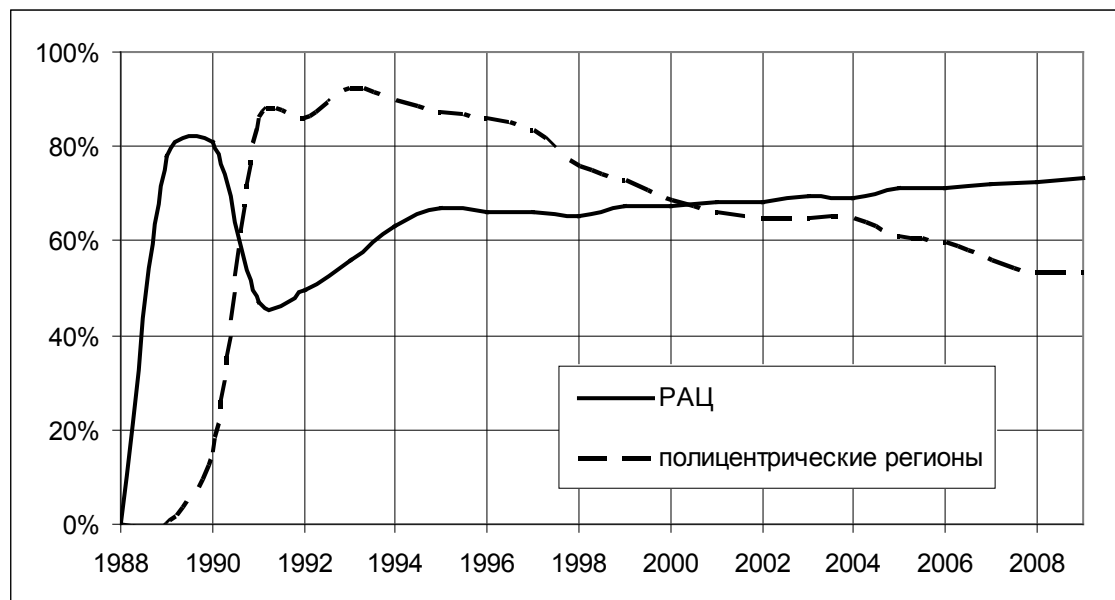

Рис. 3. Доля банков РАЦ в общем количестве российских банков; доля регионов (субъектов Федерации) с полицентрическими банковскими системами в общем количестве регионов (1988–2009 гг., на начало указанного года)

Расчеты на основе данных Банка России (www.cbr.ru) и портала www.banki.ru.

Впрочем, подобный перелом трендов оказался хотя и чрезвычайно резким, но непродолжительным. Единовременный эффект, вызванный административной акцией по территориальному дроблению спецбанков, почти сразу начал угасать. После такого феерического рывка финансовая отрасль взяла небольшую паузу. В 1991 г. процесс создания банков несколько замедлился (рис. 1), а в тех случаях, когда они все же появлялись, инициатива опять принадлежала не провинции, а большим и административно значимым городам (рис. 2, 3). В новой экономической и политической обстановке особенно активной была Москва, где кредитное сообщество пополнялось за счет еще одной важной группы – банков, построенных на основе финансовых управлений закрывавшихся союзных министерств и ведомств. В декабре 1991 г., сразу после распада СССР, иерархия ведущих городов выглядела следующим образом: лидировала, имея 263 местных банка, Москва; далее шли Санкт-Петербург и Екатеринбург (по 22 банка)⁷, Ростов-на-Дону (15), Уфа и Тюмень (по 14). Теперь самим финансовым корпорациям и их опорным городам предстояло продолжить соревнование в существенно изменившихся условиях.

Второй из рассматриваемых здесь периодов (1992 г. – II квартал 1995 г.) прошел под знаком широкомасштабных рыночных реформ, проводившихся правительствами Е. Т. Гайдара и В. С. Черномырдина уже в суверенной России. Большие прорывы (переход к свободному ценообразованию, дальнейшая либерализация экономической деятельности, конвертируемость рубля и т. д.) сочетались с чрезвычайно высокой инфляцией и множеством других тяжелых издержек переходного времени. Вместе с тем довольно успешной в новых условиях оказалась именно банковская отрасль, быстро восполнявшая неудовлетворенный ранее спрос на финансовые услуги. Кроме этого, одним из ключевых ее достижений стала интеграция в мировое банковское пространство (через подключение к расчетным системам SWIFT и Reuters Dealing, а также благодаря созданию веера корреспондентских связей).

На 1992–1994 гг. пришлось очередная волна энтузиазма в сфере создания новых банков. И без того немалое количество кредитных корпораций выросло почти в два раза и приблизилось к отметке 2,5 тыс. По данному показателю Россия за неполные семь лет, прошедшие после старта, превратилась в одну из самых «банковских» стран мира. Следует к тому же заметить, что банки этого поколения (в отличие от их «старших братьев», появившихся на свет в IV квартале 1990 г.) исходно являлись специально созданными коммерческими предприятиями, а не осколками советской финансовой системы.

Последнее обстоятельство помогает также лучше понять еще одну примету времени – наметившееся расхождение двух важнейших трендов, показанных на рис. 1. Когда численность кредитных корпораций еще продолжала стремительно расти, количество обладавших ими населенных пунктов стаби-

лизировалось вблизи уровня 530, а затем, пройдя свой пик в начале 1993 г., стало уменьшаться. В техническом смысле подобный разворот к отрицательной динамике легко объясняется ликвидацией или переездами отдельных банков. Важно, однако, подчеркнуть, что такие потери чаще всего несли малые города и сельские поселения, получившие собственные банки при разделе госкорпораций в 1990 г., но объективно не имевшие для этого достаточного экономического и кадрового фундамента. Что касается больших городов, то для них утрата одного – двух банков статистически была не очень заметной, к тому же во многих случаях она с избытком компенсировалась открытием новых кредитных структур.

Таким образом, рынок образца 1992–1994 гг. начал корректировать административные решения осени 1990 г. Доли крупнейших городов, особенно Москвы, опять стали расти, и даже некоторое ослабление позиций Петербурга в 1994 г. не могло изменить общую ситуацию (рис. 2). Вполне естественно, что при этих обстоятельствах увеличились также показатели РАЦ и сократилось количество полицинтрических регионов (рис. 3).

При этом во всех стратах, включая самые верхние, могли наблюдаться примечательные перестановки. К середине 1995 г. на втором месте, вслед за еще сильнее разогнавшейся Москвой (939 банков), оказалась Махачкала (64 банка). Столица Дагестана переняла у своего окружения ту же распыленность банковского сектора, какой ранее отличался весь горный край. В результате 500-тысячная Махачкала по количеству собственных банков превзошла пятимиллионный Петербург, имевший 60 таких корпораций. Затем располагались неизменно представленные в элите Екатеринбург и Ростов-на-Дону (39 и 33 банка соответственно). По 29 банков насчитывалось в Новосибирске и Тюмени. Для Новосибирска в сравнении с прежними годами это означало некоторое движение вверх, а для Тюмени – сохранение сильных ранговых позиций. Иными словами, Тюмень была еще одним примером того, как относительно небольшой город может занять высокое место в подобной иерархии – в этом случае благодаря мощной нефтегазовой экономике своего региона. На следующем этапе эти города должны были отстаивать занятые позиции при нисходящей динамике уже обоих базовых трендов (рис. 1).

Хронологической гранью, отделяющей второй период от третьего (III квартал 1995 г. – II квартал 1998 г.), можно считать кризис на рынке межбанковского кредитования, начавшийся в «черный четверг» 24 августа 1995 г. В более широком плане эти события отражали наметившуюся макроэкономическую стабилизацию и замедление инфляционных процессов. Банковское сообщество лишилось прежних источников дохода – игры на резком изменении внутренних цен или валютных курсов. В новых условиях основная часть заработков была связана с приобретением государственных долговых обязательств или (в идеальном случае) с долгожданным кредитованием производственного сектора.

Далеко не каждой финансовой корпорации удалось найти свое место в изменившейся среде. За период с середины 1995 г. до середины 1998 г. по всей стране число действующих банков сократилось более чем на треть. Таким образом, этот показатель пошел вниз вслед за количеством «банковских поселений», которое, как уже неоднократно отмечалось, стало уменьшаться еще раньше (рис. 1).

При этом существенно изменилось географическое распределение банкротств. Если в начале 1990-х гг. основная часть подобных случаев приходилась на села и малые города, то в середине десятилетия с этим явлением все чаще сталкивались и крупные центры, управляющие субъектами Федерации. За рассматриваемый трехлетний отрезок в ряде очень важных городов количество банковских корпораций сократилось примерно вдвое: в Екатеринбурге с 39 до 21, в Новосибирске с 29 до 15, в Калининграде с 22 до 13, в Волгограде с 22 до 10 и т. д. Имелись и еще более драматические случаи, как, например, Южно-Сахалинск, где из 13 прежних банков продолжали работу только три, или Йошкар-Ола, сохранившая из восьми банков лишь один. Обобщающим отражением этих фактов стал прекратившийся рост долевых показателей у «простых» миллионников, а заодно и у Санкт-Петербурга (рис. 2); при переходе на политико-административный критерий можно видеть примерно такую же ситуацию у всех РАЦ (рис. 3)⁸. Десятки банков из республиканских, краевых и областных центров, преодолевшие (в отличие от своих провинциальных соседей) трудности самых первых шагов и начального профессионального становления, все же сошли с дистанции на следующем этапе.

Главным и, пожалуй, единственным триумфатором в этой обстановке оказалась Москва. В пропорциональном отношении потери столицы (25,6 % банков) были меньше, чем в среднем по стране. Соответственно, доля московских корпораций продолжала уверенно расти, постепенно приближаясь к 50 % (рис. 2). Если учесть и другие показатели, которые не рассматриваются в этой работе самостоятельно (огромные масштабы бизнеса столичных корпораций, а также активизацию их филиальной экспансии в регионах⁹), то можно признать следующее обстоятельство: на исходе первого десятилетия свободной банковской деятельности прежний децентрализационный тренд развернулся в противоположную сторону практически по всем его компонентам. Москва теперь брала реванш не только у «глубинки», но также у группы крупнейших городов во главе с Санкт-Петербургом.

В июле 1998 г., накануне еще одного исторического витка, Москва обладала более чем 15-кратным превосходством над ближайшим преследователем (им стал Петербург, имевший 45 банков против 697 у Москвы). На третье место была вытеснена Махачкала (42 банка), однако ее результат все равно выглядел феноменальным. Сохранили свои высокие позиции Екатеринбург (21) и Ростов-на-Дону (20); следом шли Казань, Уфа и Саратов (по 17 банков). Но при всей значимости некоторых локальных перестановок (включая обратную рокировку между Петербургом и Махачкалой, небольшое отступление Тюмени и т. д.) **ключевым результатом третьего периода – наряду со взлетом Москвы – стало существенное сокращение общего количества действующих банков.** Заметим также, что данное обстоятельство

совсем не обязательно рассматривать в негативном плане: после интенсивной фильтрации на рынке обычно оставались, независимо от географического расположения, наиболее сильные и перспективные компании.

Четвертый период (III квартал 1998 г. – II квартал 2004 г.) очевидным образом начинается с драматических событий 17 августа 1998 г. Дефолт по государственным обязательствам, мораторий на основные виды трансграничных платежей и стремительная девальвация рубля воспринимались в тот момент как настоящая катастрофа. Но в итоге многие обстоятельства этого времени (и, прежде всего, девальвация) пошли на пользу российской экономике, которая с 1999 г. демонстрировала высокие темпы роста – в том числе благодаря улучшению внешнеторговых условий при снизившемся курсе рубля.

В банковской сфере кризис 1998 г. привел к падению ряда ведущих корпораций – прежде всего, Инкомбанка, Менатэпа, СБС-Агро и некоторых других московских гигантов. Однако общее количество банков и «банковских поселений» сокращалось уже не так быстро, как в предыдущие годы (рис. 1). Более того, на 2001–2002 гг. пришелся новый (и до сих пор последний) всплеск создания кредитных организаций – не сопоставимый с бумом начала 1990-х гг., но все же завершившийся появлением еще шестидесяти таких компаний.

Что касается пространственных характеристик отрасли, то в этом плане некоторые примечательные изменения вновь были связаны со столицей. Доля Москвы, непрерывно увеличивавшаяся на протяжении ряда лет, весной 1999 г. достигла локального максимума (47,1 %), а затем неожиданно начала снижаться (рис. 2). Вероятнее всего, причиной подобного поворота была более глубокая вовлеченность столичных банков в рискованные игры на фондовом рынке, включая слишком активное приобретение знаменитых ГКО. Дефолт, объявленный по этим государственным бумагам, создал длительные угнетающие эффекты для многих сегментов национальной банковской системы, и в эпицентре этого кризиса оказался крупнейший город страны. Впрочем, даже в это время ухудшение долевых показателей столицы было не очень большим – в пределах 1,5 процентного пункта. Когда же в 2001 г. последствия «великого дефолта» были окончательно преодолены, именно Москва стала важнейшим локомотивом следующего кредитно-финансового подъема. В ней были зарегистрированы практически все банки, созданные в это время; ее доля вновь стал расти (рис. 2).

При этом для четвертого периода (в отличие от третьего) восстановление этой тенденции уже не выглядело как разворот к рецентрализации. В начале 2000-х гг. наряду с Москвой достаточно успешными оказались и некоторые другие города, в основном из числа «миллионеров» и иных РАО. На рис. 3 хорошо видно четкое расхождение трендов: после определенной паузы «столицы» субъектов Федерации вновь стали укреплять свои позиции, окончательно вытесняя села и малые города, а заодно сокращая долю полицентрических регионов. Хотя количество банкротств в РАО было довольно велико, города этого класса получали существенную компенсацию за счет банков с «подведомственных» территорий. Особенно активным консолидатором деловой активности своего региона оказался Екатеринбург, перетянувший банки из четырех небольших городов Свердловской области. Похожие случаи были также в Калининграде, Ростове-на-Дону, Новосибирске и других РАО.

Таким образом, даже при возобновившемся с 2001 г. сосредоточении банковского бизнеса в Москве можно было говорить не столько о рецентрализации, сколько о полицентрализации отрасли. Наряду с федеральной столицей целый ряд крупных городов подтвердил свою способность успешно развивать кредитно-финансовое дело в больших (хотя и несопоставимых с Москвой) масштабах, а также умение адаптироваться к различным поворотам рыночной конъюнктуры. В результате к середине 2004 г. (или по итогам четвертого периода) позиции лидеров выглядели следующим образом: после Москвы (635 банков) шел окончательно отстоявший свое второе место Санкт-Петербург (42), затем Махачкала (27), Екатеринбург (23), Казань (21), Ростов-на-Дону (17), Саратов (13) и т. д. Некоторые индивидуальные перемены (например, постепенное отступление Махачкалы, абсолютный рост числа местных банков в Екатеринбурге или усиление Казани) еще сильнее подчеркивали общую тенденцию финансового подъема ведущих региональных центров.

Гранью между четвертым и пятым периодом (III квартал 2004 г. – II квартал 2008 г.) можно считать новый кредитный кризис, развернувшийся в июне – июле 2004 г. Он имел довольно значительные последствия (например, смену собственника и бренда у московского Гута-банка), но все же проходил на фоне растущей экономики и не был таким глубоким, как кризис 1998 г. Следует также подчеркнуть, что локальные потрясения 2004 г. были тесно связаны с долгожданым запуском системы страхования вкладов, которая, в свою очередь, способствовала дальнейшему расслоению и фильтрации в банковом мире. Общее количество кредитных учреждений и мест их регистрации все время сокращалось, хотя, конечно, не с такой скоростью, как во второй половине 1990-х гг. (рис. 1).

Географическая структура отрасли не претерпела на этом этапе резких изменений, однако некоторые новые моменты в ней все же появились. Это было связано, прежде всего, с очередным изменением долевого тренда Москвы (рис. 2). Пройдя в начале 2005 г. точку исторического максимума (50,04 %), относительный показатель столицы опять начал снижаться. Кризис на рынке межбанковского кредитования, а также появление новых правил игры из-за практики страхования вкладов обернулись для Москвы более значительными сокращениями «списочного состава» банков, чем это было в среднем по России. Конечно, снижение рассматриваемой характеристики с 50 % до 48 % может показаться не принципиальным, но в любом случае подобное изменение резко отличалось от выраженной рецентрализационной динамики середины и второй половины 1990-х гг. К тому же именно пятый из рассматри-

ваемых здесь периодов был отмечен слабо повлиявшим на приведенную статистику, но, безусловно, знаковым событием: переездом такой гигантской корпорации, как Внешторгбанк из Москвы в Санкт-Петербург¹⁰.

При этом достаточно успешными на данном хронологическом отрезке оставались региональные центры. В их среде по-прежнему наблюдались важные изменения и перестановки (в частности, дальнейшее возвышение Казани, ослабление Уфы из-за переезда местного банка «УралСиб» в Москву¹¹, присоединение екатеринбургского Уралвнешторгбанка к новосибирскому Сибкакадембанку и переименование последнего в Урса-банк¹²), но общие тренды выглядели вполне стабильными. На протяжении ряда лет долевые показатели крупнейших городов и административных центров неуклонно росли; столь же определенно РАЦ продолжали наращивать преимущество на управляемых ими территориях (рис. 2, 3). Почти каждая из подобных «столиц», концентрируя региональные капиталы и замыкая на себе местные финансовые потоки, выступала по отношению к своему субъекту Федерации в качестве «маленькой Москвы». В то время когда в банковской сфере оставалось все меньше полицентрических регионов, все более полицентрической становилась сама страна.

Эти тенденции до некоторой степени отразились и на ранжировании городов в заключительной контрольной точке – летом 2008 г. У Москвы к данному моменту осталось 524 собственных банка против 40 у Петербурга. Таким образом, федеральная столица обладала колоссальным 13-кратным превосходством, но это все же немного отличалось от 15-кратного превосходства, характерного для предшествующих лет. Третье место с 24 банками занимала постепенно скользящая вниз Махачкала. К ней приблизилась Казань (20 банков), ставшая, пожалуй, наиболее успешным региональным центром по динамике роста в текущем десятилетии. По крайней мере в банковской сфере сегодняшняя Казань близка к тому, чтобы соответствовать официально запатентованному бренду «третья столица России». На следующих ступенях оказались Екатеринбург и Ростов-на-Дону (соответственно, 18 и 17 банков), неизменно находящиеся в группе лидеров практически с самого момента рыночного преобразования отрасли в конце 1980-х гг. Более поздние ранговые перестановки этих и других городов, происходившие уже в условиях нынешнего мирового кризиса, находятся за пределами данной работы¹³.

Для подведения общих итогов необходимо сделать еще одно замечание технического характера. Почти все расчеты в этом исследовании строились на данных о количестве действующих банков – индикаторе, который при соответствующих группировках непосредственно отражает географическую структуру отрасли и позволяет провести неразрывную линию от 1988 г. до настоящего времени. Конечно, для оценки банковского статуса конкретных городов могут применяться и более тонкие показатели, например, суммарные активы местных кредитных структур или количество филиалов иногородних компаний¹⁴. Учет этой информации привел бы к определенным перестановкам: в частности, Махачкала оказалась бы ниже, а Самара и Челябинск выше, чем это получается при ранжировании по количеству банков. Однако дополнительные замеры, проведенные по различным годам и сериям выборок, показывают принципиальную близость уточняющих индикаторов к использованной здесь статистике (коэффициент корреляции неизменно находится в диапазоне 0,68–0,85¹⁵). Таким образом, на уровне достаточно широких обобщений (которым и посвящена эта публикация) данные о количестве банков подтверждаются данными о масштабе их бизнеса, а также о плотности филиальных сетей. Теперь, после этой дополнительной верификации, можно еще раз взглянуть на огромный путь, пройденный банковским сообществом России за двадцать лет.

В не очень далеком по историческим меркам 1987 г. кредитная система СССР все еще сохраняла основные черты, предопределенные в свое время мобилизационным и крайне централизованным характером советского государства. Не существовал легальный обмен валюты, граждане не могли выбирать подходящие банки в поисках оптимальных условий вклада, а у предприятий не было аналогичных возможностей при обращении за кредитными ресурсами; в целом же из-за отсутствия коммерческих банков страна была лишена гибкого механизма межотраслевого перераспределения средств, отработанного веками мировой практики. Эта картина радикальным образом изменилась в результате рыночных прорывов горбачевского и постгорбачевского времени. При всех издержках, особенно характерных для ранних этапов эволюции (чрезмерной вовлеченности в фондовый рынок, а то и прямом участии в схемах по «минимизации» налогов или «отмыванию» денег), воссозданная отрасль в итоге доказала свою состоятельность, работоспособность и готовность к дальнейшему прогрессу.

Самым фундаментальным образом изменилась и пространственная организация банковской системы. На рубеже 1980–1990-х гг. произошел решительный поворот в сторону децентрализации. Москва, безоговорочно оставаясь ведущим финансовым узлом страны, все же утратила прежнее положение абсолютного монополиста. В период максимальной географической дисперсии (1991 г. – начало 1993 г.) собственными банками обладали свыше полутысячи больших и малых населенных пунктов. Правда, подобное распыление во многом носило искусственный и, парадоксальным образом, административный характер. Под действием рыночных факторов в середине и второй половине 1990-х гг. развернулись противоположные (рецентрализационные) процессы, и Москва резко увеличила отрыв от остальной России. Однако и это изменение тренда не было окончательным. В нынешнем десятилетии при неоспоримом лидерстве столицы больших успехов в банковской сфере добились и иные города – причем не только Санкт-Петербург, но также Казань, Екатеринбург, Новосибирск и ряд других миллионных центров. Сегодня каждый из них притягивает значительную часть финансовых потоков не только в своем регионе, но и на соседних территориях. Сводя двадцатилетнюю эволюцию банковской

географии России к максимально простой схеме, можно предложить следующую формулировку: от абсолютной монополии одного центра был пройден путь к избыточной децентрализации, затем – к рецентрализации, и, наконец, к полицентрализации. Для экономики, давно ушедшей от мобилизационной модели советского времени, именно последний, полицентрический, вариант представляется оптимальным с точки зрения эффективности и устойчивости в условиях мировых финансовых потрясений.

Примечания

¹ Архив русской финансово-банковской революции (1985–1995): Свидетельства очевидцев. Документы. М., 2001. Т. 2. С. 248–249.

² Здесь и далее подобная статистическая информация приводится по результатам расчетов, выполненных на основе официальных данных Банка России (www.cbr.ru/credit) и специализированного портала www.banki.ru. Заметим также, что речь идет именно о населенных пунктах, а не только о городах, поскольку практически на всех этапах развития отрасли (особенно со второй половины 1990 г.) значительная часть банков регистрировалась в поселениях, не имеющих городского статуса.

³ Более подробно эти преимущества в исследовании 2000 года рассматривал М. Ю. Матовников (Матовников М. Ю. **Функционирование банковской системы в условиях макроэкономической нестабильности**. М. : ИЭПП, 2000. С. 141. URL : www.iet.ru).

⁴ К категории миллионных городов в соответствии с официальными данными Росстата здесь отнесены Новосибирск, Екатеринбург (Свердловск), Нижний Новгород (Горький), Самара (Куйбышев), Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону и Уфа. К ним добавлены также Пермь и Волгоград, население которых упало ниже миллионной отметки только в 2004 г.

⁵ Это очень удобное сокращение (до сих пор, к сожалению, не нашедшее широкого применения в научной литературе) принадлежит Т. Г. Нефедовой и А. И. Трейвишу (Нефедова Т., Трейвиш А. Города-лидеры современных регионов: формальные и неформальные // Россия и ее регионы в XX веке : территория – расселение – миграции. М. : ОГИ, 2005. С. 286).

⁶ Вопрос о моноцентрических, полицентрических, а также бицентрических регионах по состоянию на 2005 г. рассматривался группой специалистов из Института экономики переходного периода (Дробышевский С. Региональные банковские системы и инвестиционные процессы / С. Дробышевский, П. Трунин и др. М. : ИЭПП, 2007. С. 30–37. URL : www.iet.ru). Автор этих строк, в отличие от исследовательского коллектива из ИЭПП, использует упрощенный вариант градации (бицентрические регионы трактуются как частный случай полицентрических), но анализирует указанные показатели в динамике за двадцатилетний период. Кроме этого, в настоящей публикации применен модифицированный подход к определению общего количества регионов. Из-за объединительных процессов, развернувшихся с 2003 г., Пермский, Красноярский, Забайкальский и Камчатский края, а также Иркутская область рассматриваются в качестве целостных субъектов Федерации, без отдельных расчетов по ранее существовавшим автономиям.

⁷ Исторические названия Санкт-Петербург и Екатеринбург были восстановлены в сентябре 1991 г.

⁸ Если для точности замеров исключить московские и петербургские корпорации, то получится, что по итогам второго периода (1992 г. – II квартал 1995 г.) на долю РАЦ пришлось 39,9 % банкротств, а на долю остальных населенных пунктов – 60,1 %. Третий период (III квартал 1995 г. – II квартал 1998 г.) принес противоположные результаты: 66,9 % у РАЦ и 33,1 % у провинции.

⁹ Эти параметры были «по горячим следам» рассмотрены в уже упомянутой публикации М. Ю. Матовникова (Матовников М. Ю. Указ. соч. С. 134–144).

¹⁰ Официальная дата перерегистрации Внешторгбанка (нынешнего Банка ВТБ) в Санкт-Петербурге – 7 октября 2005 г.

¹¹ Официальная дата – 20 сентября 2005 г.

¹² Официальная дата – 22 декабря 2006 г.

¹³ Кризис на глобальных финансовых рынках начался еще в 2007 г., но лишь на его новом витке (после банкротства нью-йоркского банка Lehman Brothers в сентябре 2008 г.) стало проявляться прямое и очень сильное влияние этих событий на кредитную систему России. С названными обстоятельствами и связана хронологическая композиция исследования, при которой последний период завершается только к III кварталу 2008 г., а не раньше.

¹⁴ Подобные индикаторы применялись автором в ряде других работ. См., например: Никитин Л. В. Банковские столицы постсоветского Урала : первые шаги, падения и взлеты (1988–2008 гг.) // Вестник ЧелГУ. История. 2009. № 16 (154). С. 151–159.

¹⁵ В данном случае речь идет о коэффициенте корреляции Пирсона, отражающем уровень связи двух переменных. Коэффициент может изменяться в пределах от –1 до 1. Принято считать, что значения от 0,7 и выше говорят о наличии ярко выраженной связи.

Оруджиева А. Г.

КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Человеческие ресурсы их качество и экономическое развитие как страны, так и отдельного региона – два взаимообусловленные и неразрывные звена социально-экономической системы. Человек, население, обладая определенными социально-демографическими и профессиональными характеристиками, является носителем экономических отношений, находясь в центре и производства и потребления.

Человеческий фактор в его расширенной современной трактовке рассматривается не только как участник производства, но и как субъект всех стадий производственной цепи: 1) ведущая производительная сила общества; 2) носитель общественных потребностей и в этом качестве выполняет функцию целеполагания, объективно порождает и субъективно задает стратегические и тактические цели развития экономики.

На протяжении долгого времени в экономической теории понятие «развитие страны (региона)» трактовалось лишь в контексте увеличения объема производимых на данной территории материальных благ и услуг, а его индикаторами выступали валовой внутренний продукт (ВВП) и валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения. Считалось, что рост этих показателей автоматически ведет к повышению общего благосостояния населения и уменьшению масштабов нищеты за счет создания новых рабочих мест и формирования необходимых условий для распространения экономических и социальных плодов роста на более широкие слои населения. Многие экономисты, в т. ч. эксперты международных экономических организаций (МВФ, Мирового банка и др.), полагали, что достаточно сосредоточить внимание на росте как таковом, чтобы достичь целей развития. В результате целевым ориентиром при решении задач оптимизации воздействия демографического фактора на экономику при разработке национальных и региональных программ развития выступало увеличение материального богатства, тогда как проблемы бедности, безработицы и распределения доходов отодвигались на второй план.

Экономическое развитие и повышение уровня жизни населения любого региона во многом определяются процессами формирования человеческого капитала, прежде всего здоровья, образования, квалификации, производственного опыта. К важнейшим способам инвестиций в человеческий капитал относятся рождение и воспитание детей (воспроизводство человеческого капитала), образование (качество человеческого капитала), здравоохранение (увеличение срока «службы» человеческого капитала продолжительности его жизни), миграция и поиск информации (повышение эффективности использования имеющегося человеческого потенциала).

В основу теории человеческого капитала положен экономический подход, объясняющий социально-экономические и демографические процессы, исходя из принципа рациональности поведения индивида (домохозяйства, фирмы, экономики в целом), максимизации соответствующей функции полезности, стабильности предпочтений по отношению к наиболее значимым объектам выбора (здоровье, образование, престиж, материальное благополучие, время и т. д.).

Человеческий капитал может быть увеличен, уменьшен за счет мер государственной политики, частных инвестиций, а также в результате некоторых случайных событий (войны, катастрофы, эпидемии и пр.), он может быть приобретен, а также продан (как правило, в обмен на заработную плату). По логике, при прочих равных условиях (пол, возраст, национальная принадлежность и т. д.), люди обладающие большим человеческим капиталом, должны иметь более высокий доход или более высокий статус, чем индивиды, обладающие меньшим человеческим капиталом.

В современном мире с точки зрения экономики знаний, которая дополняет и частично заменяет экономику тяжелой индустрии и экспорт сырья, все большее значение приобретает фактор квалификации работников для определения уровня конкурентоспособности конкретной страны и региона. Чем выше уровень развития человеческого потенциала, тем больше шансов на то, что государство способно адаптировать наиболее сложные и высокооплачиваемые виды продукции.

Человеческий труд, как таковой все менее нужен и ценится все ниже. Поэтому задача любой страны – с помощью государственной поддержки образования – создание специальных высококвалифицированных рабочих мест, побуждение бизнеса к проведению инновационной политики, обеспечение повышения качества человеческого капитала. У нас в стране много людей с высшим образованием и рабочих с высокими профессиональными навыками. Многие из них в 90-е годы оказались невостребованными. Но в любом случае это богатство, потому что человек, который был хорошим ученым, инженером, врачом и др., оказался социально более мобильным и быстрее адаптировался к новым социально-экономическим условиям.

Естественным для исследователя представляется вопрос о возможности количественной оценки уровня человеческого развития. Наиболее приемлемой, по-видимому, представляется разработка комплексного социально-экономического показателя – индекса человеческого развития, основанного на всех аспектах человеческого существования. Однако расчет такого показателя оказался бы чрезвычайно трудоемким и, вероятно, вообще невозможным со статистической точки зрения.

Разработанный в рамках Программы развития ООН индекс человеческого развития (ИЧР, human development index, HDI) призван количественно представить каждое из трех ключевых измерений человеческого развития – долголетие, образованность и материальное благосостояние (уровень жизни). Эти основные измерения соответствуют трем ключевым проблемам – прожить долгую жизнь, приобрести знания, иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. Для измерения указанных характеристик человеческого развития разработана система базовых показателей, регулярно вычисляемых и сопоставимых практически для всех стран мира. При этом индекс материального благосостояния отражает доступность средств человеческого развития, тогда как индексы долголетия и образованности отражают собственно цели человеческого развития¹.

Концепция человеческого развития разработана в конце 80-х годов Организацией объединенных наций. В «Докладе о развитии человека», опубликованном в 2004 г. в рамках Программы развития Организации Объединенных наций (ПРООН), ключевые позиции человеческого развития заключены в следующем:

- человеческое развитие представляет собой как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей;
- человеческий выбор может быть беспредельным, а его параметры могут меняться со временем, но на всех уровнях развития наиболее существенными для человека являются возможность прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания, иметь доступ к ресурсам, обеспечивающим достойную жизнь;
- доход рассматривается как средство, расширяющее человеческий выбор, то есть предоставляющее большую свободу выбора и больше вариантов для достижения выбранной цели².

ИРЧП ежегодно рассчитывается и публикуется в рамках Программы развития ООН (ПРООН). Он включает три показателя:

- уровень дохода, определяемого показателем ВВП по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США;
- уровень образования определяемого показателями грамотности среди взрослого населения (15 лет и старше с весом 2/3) и доли учащихся начальных, средних и высших учебных заведений среди детей и молодежи в возрасте от 7 до 24 лет (с весом 1/3);
- уровень долголетия, определяемого через продолжительность предстоящей жизни при рождении (ожидаемую продолжительность жизни).

Для каждого из частных индексов установлены фиксированные минимальные и максимальные значения:

- продолжительность предстоящей жизни при рождении – 25 и 85 лет;
- грамотность взрослого населения – 0 % и 100 %;
- реальный ВВП на душу населения (по ППС) 100 и 40 тыс. долларов.

Итоговый показатель рассчитывается как среднеарифметическая сумма этих трех компонентов³.

Согласно концепции экспертов ПРООН развитие человеческого потенциала представляет собой процесс расширения возможностей для выбора личности и достижение повышения уровня благосостояния людей. Содержательный смысл показателя таков – чем он ближе к единице, тем выше возможности для реализации человеческого потенциала благодаря росту образования, долголетия и дохода.

Долгое время Россия по уровню образования занимала 5–6 место в мире. В 2002 г. по данным ПРООН индекс уровня образования составлял 0,95, что отодвинуло Россию на 25 место. Тем не менее, по этому показателю Россия входит в число 55 стран, отнесенных по рейтингу к странам с высоким уровнем ИРЧП. По показателю ВВП на душу населения, пересчитанному на основании паритета покупательной способности населения (ППС) в долл. США в 2002 г. наша страна занимала 58 место. А по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении в том же году стояла на 115 месте. Именно этот показатель, отражающий в целом уровень социально-экономического развития и благополучия любой страны, ставит Россию, считающей себя индустриально развитой державой, на уровень развивающихся стран. Поэтому в России ИРЧП в последние годы продолжает оставаться низким – 57 место в мире из 177 стран и вместе с Болгарией открывает список стран со средним уровнем развития человеческого потенциала.

Следует отметить, что одним из основных преимуществ индекса человеческого развития является то, что предложенные ПРООН методики и измерители человеческого развития предоставляют возможность сравнительного анализа прогресса как на национальном (для всех стран мира и для отдельных групп стран), так и на региональном уровне. Данное обстоятельство предоставляет возможность разработки на основе единой методики национальной

и местных программ социально-экономического и демографического развития. Последнее является особенно важным в контексте социально-экономической трансформации, протекающей в России.

Первый национальный «Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации» был подготовлен группой независимых национальных исследователей в 1995 году. С 1997 г., на основании данных Госкомстата РФ, ИРЧП рассчитывается для 79 регионов России.

При расчете индекса дохода для субъектов РФ вводятся дополнительные процедуры:

- корректировка (пропорциональное увеличение) валового регионального продукта (ВРП) каждого субъекта РФ на нераспределяемую часть ВВП страны;

• корректировка ВРП на внутрироссийские различия в ценах путем деления на коэффициент стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений, публикуемый Росстатом;

• пересчет в доллары США по паритету покупательной способности (ППС) для данного года⁴.

При расчете индекса образования уровень грамотности оценивается по данным переписи 2002 г.

Хочется отметить, что используемая методика расчета регионального индекса человеческого потенциала имеет ряд недостатков. Самый очевидный – относительная достоверность показателя ВРП, особенно в регионах с высокой долей теневой экономики. При его расчете возникают большие трудности, связанные с тем, что индекс дохода опирается на данные официальной статистики, которые не в полной мере учитывают неформальную часть доходов россиян. Тем самым ИРЧП по России оказывается занижен. Кроме того, не учитывается, что реально располагаемые доходы регионов зависят от того, какая его часть, централизуемая в федеральном бюджете, перераспределяется от регионов-доноров в регионы-реципиенты⁵.

В любой стране мира регионы различаются по уровню своего социально-экономического развития и, соответственно, по имеющимся в распоряжении финансовым ресурсам. В России же региональная дифференциация по социально-экономическим и демографическим параметрам в большей степени соответствует межстрановой вариации, нежели внутристрановой, и, соответственно, условия для человеческого развития, существующие в различных субъектах федерации, в значительной мере разнятся.

Сегодня каждый из нас понимает, что возможности отдельно взятого человека и семьи, а также перспективы повышения благосостояния в значительной мере зависят от того, где проживает этот человек или семья. Известно, в частности, что помимо дифференциации уровня жизни, возможности получения качественного образования значительно различаются как между регионами, так по типам населенных пунктов. Складывающееся и растущее внутрирегиональное неравенство вносит даже больший вклад в неравенство благосостояния населения, чем различия между регионами.

Наглядным подтверждением этому может служить то, что по величине ИЧР (0,855) регион-лидер (Москва) занял бы 34 место в рейтинге 2004 г. (оказавшись в группе стран с высоким уровнем человеческого развития – между Мальтой и Аргентиной, опережая Эстонию, имевшую наивысший ранг среди стран, ранее входивших в СССР), тогда как регион-аутсайдер – республика Тыва (0,579), – оказался бы на 128 место.

Следует отметить, что усиление поляризации регионов России в 1990-е гг. было во многом связано со свертыванием политики выравнивания территориальных диспропорций, осуществлявшейся, хотя и не слишком эффективно, в советский период. Неравномерный (в региональном плане) ход реформ еще более увеличивал «естественные» территориальные социальные контрасты. В результате к середине 1990-х региональная дифференциация по уровню доходов достигла 650 %, по доле бедного населения и безработицы – 250 %. В связи с этим изучение индекса человеческого развития в межрегиональном аспекте дает возможность проводить дифференцированный подход в реализации экономической и социальной политики субъектов федерации.

Индекс развития человеческого потенциала, рассчитанный Госкомстат России отражает контрасты регионального развития, лидирующее положение занимает Москва. На втором месте находится Тюменская область. Однако были годы (2002–2003 гг.), когда область опережала столицу страны по ИРЧП. Высокий рейтинг Тюменской области обусловлен, прежде всего, более высоким уровнем роста экономики автономных округов благодаря повышению цен на нефть и увеличению объемов добычи, а также стабильному увеличению добычи природного газа. На положение регионов в рейтинге повлияла динамика разных индикаторов, но особенно – рост валового регионального продукта (ВРП) нефтедобывающих регионов. В том же 2002 г. индекс дохода населения Тюменской области превысил уровень Москвы на 0,127 пункта.

Известно, что регионы России являются открытыми экономическими системами, значительная часть доходов от нефтегазодобычи перераспределяется, поэтому реальный уровень жизни в столице выше, чем в тюменских округах. В десятку лидеров вошли в основном более сбалансированные регионы (Самарская, Томская области, Татарстан и Башкортостан), в которых достаточно высок охват образованием и показатели долголетия не ниже средних по стране.

На положение регионов в рейтинге повлияла динамика разных индикаторов, но особенно – рост ВРП нефтедобывающих регионов. Снижение ожидаемой продолжительности жизни привело к ухудшению положения части регионов Северо-Запада и Центра, сильнее всего опустились вниз Калининградская и Владимирская области. Охват образованием детей и молодежи в возрасте 7–23 лет продолжает расти практически всюду, за исключением Ингушетии. Лидерами остаются Москва и Санкт-Петербург, в которых учатся жители и других регионов, поэтому уровень охвата образованием детей и молодежи превышает 87 %⁶.

ИРЧП подтверждает две важнейшие особенности пространственного развития в России: сильную поляризацию и наличие большой и плотной срединной группы регионов, схожих по социально-экономическим характеристикам. «Середина» доминирует, к ней добавляется небольшая группа лидеров и длинный «хвост» регионов-аутсайдеров.

О дифференциации уровней социально-экономического развития федеральных округов можно судить по лидирующей позиции того или иного субъекта РФ в рамках своего округа:

Таблица 1.

Индекс развития человеческого капитала

Федеральный округ	Лидер в данном регионе	ИРЧП
Северо-Западный	Санкт-Петербург	0,817
Центральный	Москва	0,873
Приволжский	Самарская область	0,787
Южный	Волгоградская область	0,765
Уральский	Тюменская область	0,867
Сибирский	Томская область	0,799
Дальневосточный	Сахалинская область	0,755

Коэффициент сравнения ИРЧП между столицей страны и лидерами федеральных округов выглядят следующим образом: Санкт-Петербургом – 1,068; Самарской областью – 1,109; Волгоградской – 1,141; Тюменской – 1,006; Томской – 1,799 и Сахалинской областью – 1,156. Приведенные расчеты показывают, насколько сильны различия между регионами, даже занимающими первые места в своих регионах.

Уральский федеральный округ является одним из самых обширных по территории и характеризуется некоторыми уникальными чертами, которые являются весьма показательными для развития всей страны в целом. Крупнейшие нефтегазодобывающие территории (ХМАО и ЯНАО) резко усилили экономическую мощь Уральского федерального округа. Он занимает второе место после Центра по объему валового регионального продукта (ВРП). В 2007 г. на округ приходилось 18 % суммарного ВРП регионов России, тогда как доля населения составляет всего 8,5 % от всего населения страны. На Тюменскую область (с автономными округами) приходилось почти ВРП Уральского округа.

В УрФО особенно заметны сильнейшие региональные различия в экономическом развитии. Среднедушевой ВРП Тюменской области сопоставим с высокоразвитыми странами, а показатели ВРП по нефтегазодобывающим округам можно назвать высокими даже по мировым стандартам – свыше 40 тыс. долларов США, пересчитанных по паритету покупательной способности населения (ППС). Основная часть доходов от нефти и газа перераспределяется бизнесом и государством за пределы региона добычи, но даже то, что остается, позволяет решать многие социальные проблемы. Экспортная ориентация уральских областей позволила им сохранить позиции в группе сильных регионов. Курганская область остается депрессивным регионом с низким уровнем развития, как и сельский юг Тюменской области.

По уровню среднедушевых денежных доходов Уральский федеральный округ занимает 2-е место после Центрального. Разница в уровне доходов среди субъектов округа значительна. Так, Ямало-Ненецкий автономный округ занимает 2-е место, а Курганская область, не имеющая развитых отраслей, находится на 68 месте в России.

В 2007 г. среднедушевые денежные доходы населения в УрФО составили 15025 рублей, по сравнению с 2006 г. они возросли на 2987 рублей или на 25 %. Уровень среднедушевых денежных доходов населения УрФО на 19,2 % выше, чем в среднем по стране. Наибольших темпов рост доходов достиг в 2008 г. во всех регионах округа (см. табл. 2.), который обусловлен главным образом увеличением размеров оплаты труда. В то же время доходы москвичей снизились, несмотря на существенный рост заработной платы.

Таблица 2

Распределение регионов УрФО по уровню дохода и заработной платы.*

Регион	Номинальные среднегодовые денежные доходы, руб. на душу населения			2007 г. в % к 2006 г.	2008 г. в % к 2007 г.
	2006 г.	2007 г.	2008 г.		
Курганская область	6535,3	8479,0	11987,5	121,8	141,4
Свердловская область	11012,2	14243,3	18604,9	129,8	130,6
ХМАО	22379,8	27109,6	37966,9	120,1	140,0
ЯНАО	27081,3	31512,0	44296,1	115,5	140,6
Челябинская область	8613,5	10636,7	14476,1	127,1	136,1
Справочно: г. Москва	29802,6	35489,7	31716,1	131,7	89,4

Регионы	Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника, руб.			2007 г. в % к 2006 г.	2008 г. в % к 2007 г.
	2006 г.	2007 г.	2008 г.		
Курганская область	7295,6	8883,1	11336,8	129,8	141,3
Свердловская область	10772,3	13986,9	17308,0	129,3	130,8
ХМАО	26826,3	32227,9	37245,2	121,1	140,0
ЯНАО	32336,4	37363,5	43620,3	116,7	140,6
Челябинская область	9356,5	11897,5	14828,2	123,5	136,1
Справочно: г. Москва	17997,9	23623,3	30109,5	119,1	127,4

*Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2008 : стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 172–176; Российская газета. 13 марта 2009.

Такие диспропорции связаны прежде всего со структурой доходов жителей Москвы и Уральских регионов. Так, в 2007 г. удельный вес оплаты труда в структуре денежных доходов москвичей составлял всего 36,2 %, 20 % приходилось на доходы от собственности и 30,4 % – другие доходы (включая скрытую заработную плату). В Северных же регионах Тюменской области главным источником формирования доходов продолжает оставаться заработная плата, на долю которой в ХМАО приходится 64 %, а в ЯНАО – 75,2 %⁷.

Не смотря на значительный рост средnedушевых доходов, внутри региона наблюдаются большие различия. Так, денежные доходы жителей Ямало-Ненецкого АО более чем в 4 раза превышает доходы населения Курганской области и в 2–2,5 раза – уровень доходов у жителей Свердловской и Челябинской областей.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата постоянно растет. В среднем по региону за 2008–2007 гг. она увеличилась почти на 40 %, однако реальная зарплата (отношение среднемесячной заработной платы к индексу потребительских цен) увеличилась всего на 7,3 %.. Реальные денежные доходы за тот же период выросли на 111,1 %. Более высокий рост реальных доходов и реальной заработной платы отмечался в Курганской и Челябинской областях, при сравнительно невысоких их уровнях. Это связано с меньшей инфляцией в этих регионах.

Во всех субъектах округа снижается удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума. В среднем по стране уд. вес населения, находящегося за чертой бедности в 2007 г. составлял 13,4 %. В Уральском ФО ситуация неоднозначна (рис. 1.). В Курганской области, где самый низкий уровень заработной платы, за чертой бедности находится почти каждый пятый житель, в ЯНАО – всего лишь 6,6 % (самый низкий показатель в России)⁸.

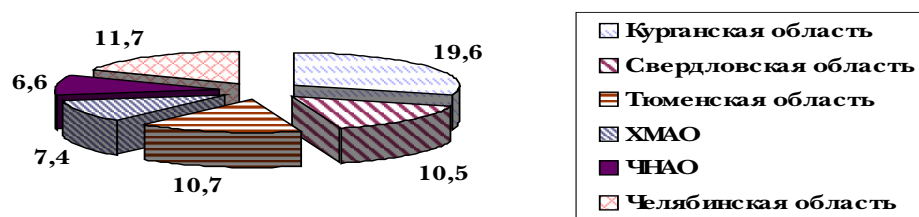

Рис. 1. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % 2007 г.

Своеобразие Тюменской области заключается в том, что на ее территории расположено три субъекта Российской Федерации – ХМАО, ЯНАО и собственно Тюменская область. Последняя, значительно отличается от двух первых по всем социально-экономическим показателям в худшую сторону. Но прямо об этом судить сложно, так как во всех общероссийских и региональных сборниках статистические данные о собственно Тюменской области отсутствуют. О ситуации можно судить, сравнивая средние по области показатели с аналогичными данными по Северным регионам, имеющим также статус субъектов РФ. Так, среднедушевые доходы одного жителя Тюменской области в 2007 г. составляли 22519 рублей в месяц, а в том числе (как всегда указывается в статистических изданиях) в ХМАО – 27110, ЯНАО – 31512 рублей. И так – все показатели: статистики населения, занятости, образования и др.

Значительно различия по уровню социально-экономического развития регионов УрФО отразились на качестве жизни, качестве человеческого капитала (данные 2004 г.) (табл. 3.):

Таблица 3

Составляющие ИРЧП регионов УрФО в 2004 г.

Субъекты РФ	Индекс дохода	Индекс долголетия	Индекс образования	ИРЧП	Место в РФ
Российская Федерация	0,767	0,671	0,916	0,781	-
Тюменская область	1	0,694	0,916	0,867	2
Челябинская область	0,753	0,661	0,905	0,773	17
Свердловская область	0,739	0,657	0,906	0,767	22
Курганская область	0,648	0,648	0,834	0,730	68

Ранее отмечалось, что индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитывается для 79 субъектов РФ. Тюменская область представлена как единый субъект. Из приведенных данных видно, что наивысший уровень человеческого развития (качества населения) имеет Тюменская область (2 место после Москвы). В то же время каждый субъект области отличается по уровню доходов, продолжительности жизни, уровню образования. Например, доход жителей Ямала втрое выше, чем у проживающих в южной части области. Выше на Ямале и ожидаемая продолжительность жизни (прежде всего за счет более молодого населения) и уровень образования (опять же по той причине). В связи с этим показатель ИРЧП, рассчитанный для Ямала ставит его в ранг стран с высоким уровнем развития человеческого потенциал. Если бы расчеты проводились отдельно для каждого региона РФ, то наверняка Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа опередили бы Москву.

Свердловская и Челябинская области по показателю ИРЧП находятся на среднем по стране уровне. Курганская область заметно отстает, а в рейтинге регионов, по которым рассчитывался этот показатель, находится почти в последней десятке. Коэффициент сравнения индекса дохода между Тюменской и Курганской областями составляет 1,54, по индексу долголетия – 1,07, по индексу образования – 1,09, по ИРЧП в целом – 1,10. В то же время Тюменская область, имея самый высокий в России индекс дохода, по индексу долголетия и образования заметно отстает от соответствующих показателей по Москве. Это не позволяет Тюменской области стать абсолютным лидером в стране.

Уровень качества населения и его дифференциация по регионам наиболее связан с достижениями в области образования и национального дохода и напротив, наблюдается его слабая связь с показателем средней продолжительности жизни, наиболее полно отражающим уровень здоровья. Если учесть высокую значимость здоровья по оценкам населения, станет ясно, в какой степени повышение средней продолжительности предстоящей жизни может изменить общий уровень качества населения.

Таблица 4

Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2007 г. *

Регион	Мужчины и женщины	Мужчина	Женщины
Российская Федерация	67,51	61,39	73,90
Москва	72,50	67,99	77,2
УрФО	67,64	61,53	73,95
Курганская область	66,66	60,13	73,63
Свердловская область	67,50	61,19	73,96
Тюменская область	68,57	62,76,	74,69
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	69,35	63,81	75,20
Ямало-Ненецкий автономный округ	70,22	66,62	74,62
Челябинская область	67,14	61,12	73,28

* Демографический ежегодник России. 2008 : стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 104–105.

Если говорить об Уральском регионе в целом, то по продолжительности предстоящей жизни он находится на среднероссийском уровне. Лидером в стране является Центральный федеральный округ, высокий показатель которого обеспечивается исключительно более высоким долголетием москвичей и, отчасти, жителей Московской области, которые в сумме составляют две трети всего населения округа.

Внутри УрФО различия в продолжительности предстоящей жизни также велики (табл. 4.).

Из приведенных данных видно, что продолжительность жизни нефтедобывающих районов, приближается к показателю по Москве. Несомненно, что качество здоровья тесно коррелирует с уровнем жизни населения, который может определяться различными формами экономической и финансовой деятельности. Так, нефтедобывающие округа Тюменской области имеют самый низкий в стране уровень бедности – менее 8 % в 2007 г. Но для юга Тюменской области он оказался существенно выше – почти 17 %. Однако высокий уровень доходов не гарантирует социального благополучия. Так, заболеваемость туберкулезом почти во всех регионах УрФО выше средней по стране. Особенно выделяются Курганская и юг Тюменской области. Наоборот, распространение наркотиков и ВИЧ/СПИДа – острейшая проблема богатых регионов и крупных городов.

Дифференциация уровня человеческого развития в УрФО отражает общую социально-экономическую ситуацию по стране. Именно на уральском регионе можно отрабатывать модель выравнивания социального и экономического развития регионов страны.

Экономическая действительность показала, что только экономические показатели не могут служить универсальными критериями развития, что материальное богатство само по себе не является признаком благополучия, не гарантирует равноправие и социальную стабильность в обществе, а человеческие потребности не сводятся (особенно сейчас, при переходе к постиндустриальному обществу) лишь к материальному обогащению: долгая и здоровая жизнь, приобщение к ценностям науки и культуры, творческая активность, сохранение природной среды – это важнейшие ценности современной жизни.

Примечания

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1998 / под общ. ред. проф. Ю. Е. Федорова. М. : Права человека, 1998. С. 11.

² Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. ПРООН. М. : Весь мир, 2004. С. 149–151.

³ Экономическая статистика, 2-е изд., доп. : учебник / под ред. Ю. Н. Иванова. М. : ИНФРА, 2000. С. 442–443.

⁴ Индекс развития человеческого потенциала. 2002 // Социальный атлас российских регионов. Сайт НИСП: <http://www.socpol.ru/atlas/indexes/index/shtml>.

⁵ Подробнее о недостатках и преимуществах индекса человеческого развития см., например: Сагров А. А. Индекс человеческого развития: опыт применения. М., 2001; Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 2003 / под общей редакцией проф. С. Н. Бобылева. М., 2004.

⁶ Индекс развития человеческого потенциала. 2006 // Социальный атлас российских регионов. Сайт НИСП: <http://www.socpol.ru/atlas/indexes/index/shtml>.

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 : стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 165–167.

Плеханова А. В.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Использование и передача человеческого капитала затруднены без наличия в обществе капитала социального. Социальный капитал выступает в роли своеобразного «катализатора» экономического роста опосредуя передачу человеческого капитала и создавая условия для его более эффективного использования.

Под социальным капиталом следует понимать нематериальный ресурс, возникающий в отношениях людей, объединенных в социальные сети (группы), основанный на доверии и следовании определенным нормам и ценностям, характеризующий качество этих отношений.

Роль социального капитала в создании человеческого достаточно полно раскрыта Дж. Коулманом. Изучив социальный капитал, ограниченный рамками семьи, он пришел к выводу, что если человеческий капитал родителей не дополнен социальным капиталом, воплощенным в семейных отношениях, то он не играет большой роли в образовательном уровне ребенка, вне зависимости от того, каковы размеры человеческого капитала родителей¹. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих значение социального капитала, исследователь обращается к опыту Д. Милля, который обсуждал со своим сыном Д. С. Миллем интеллектуальные вопросы с дошкольного возраста, изучал вместе с ним греческий и латинский языки. По мнению Дж. Коулмана, Д. С. Милль, скорее всего, не обладал никакими экстраординарными генетическими особенностями, а уроки его отца не сильно отличались от подобных занятий других людей. Основное различие он видит во времени и силах, потраченных отцом.

Схожую роль социальный капитал играет и на уровне организации, да и общества в целом. Ведь человек не сможет рационально использовать имеющийся в его распоряжении человеческий капитал, если для этого не существует благоприятных условий, которые могут быть созданы в рамках определенного типа социальных отношений, основанных на доверии, которое поддерживается сопутствующими ему институтами.

При всей важности образования и квалификации отдельных работников ключевое значение приобретает формирование эффективных социальных отношений, которые развивают способности к взаимному обучению, работе в команде, облегчают процесс передачи информации и тем самым увеличивают объем человеческого капитала и способствуют его эффективной реализации. Фирмы, функционирующие в регионах с высокими издержками на рабочую силу, в состоянии компенсировать этот недостаток, используя обширный запас социального капитала для снижения внутренних и внешних транзакционных издержек².

В связи с этим, возникает необходимость учитывать в хозяйственной деятельности не только величину человеческого капитала, но и величину социального капитала. Но оценка величины социального капитала осложнена из-за того, что он обладает такими специфическими свойствами, как низкий уровень чувственной осязаемости и формализации, не является атрибутом отдельного человека, а принадлежит обществу (или социальной группе). Поскольку единая методика оценки социального капитала отсутствует, а так же поскольку ключевым элементом социального капитала является доверие, то судить о наличии в обществе социального капитала следует, в первую очередь, на основе измерения уровня доверия.

Исследования уровня доверия проводятся, как правило, на основе социологических опросов различных социальных групп, по результатам которых строятся различные индексы доверия. Включение в эти индексы различных показателей может варьироваться в зависимости от цели и задач исследования.

Прецеденты построения индексов доверия существуют в мировой и российской практике³. В подавляющем большинстве случаев они представляют собой всевозможные индексы настроения потребителей, потребительских ожиданий, потребительской уверенности и т. п. Однако ввиду отсутствия четкого определения самого термина «доверие» структура критериев и методика построения индексов существенно различаются между собой. Кроме того, важным фактором является то, что из всех исследуемых на данный момент индексов каждый описывает ситуацию лишь на отдельном сегменте рынка, не характеризует ситуацию в целом.

На основе анализа различных подходов к построению индекса доверия нами предложена следующая методика расчета индекса:

$$ИД = ПД + 0,5 Д - НД + 100,$$

где *ПД* – процентная доля «полностью доверяющих»;

Д – процентная доля «не вполне доверяющих»;

НД – процентная доля «не доверяющих»

Данный индекс следует интерпретировать следующим образом: если его значение равно 100 пунктам, то число лиц, склонных к доверию, совпадает с числом лиц, склонных к недоверию. Если показатель превышает 100, то можно говорить о большем удельном весе склонных к доверительным отношениям, а, значит, и о высоком уровне доверия. И этот уровень тем выше, чем дальше показатель отклоняется от 100 пунктов. В противном случае, можно говорить о недоверии.

На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), полученных в результате опроса в 2006 году, нами был построен целый ряд индексов, которые характеризуют как общий уровень доверия населения России, так и показывают, каким образом изменяется этот уровень в зависимости от того, к какой социально-демографической группе принадлежат респонденты (см. табл. 1) Приведенные в таблице индексы рассчитаны автором с использованием данных, полученных П. М. Козыревой⁴. В результате был выявлен крайне низкий уровень доверия в российском обществе. Индекс доверия, рассчитанный для населения в целом, составил 72,15 пункта, что свидетельствует о превышении доли склонных к недоверию над долей доверяющих. Сложившуюся ситуацию точнее было бы назвать ситуацией взаимного недоверия.

Более высокий уровень доверия характерен для самых молодой и самой пожилой возрастной группы (до 20 лет и старше 60 лет), индексы для которых составили соответственно 77,25 и 78,1 пункта. Как следует из данных таблицы, превышение доли респондентов, не склонных доверять другим людям, над долей респондентов, склонных к доверию, в этих возрастных группах минимально (соответственно 36,6 и 34,5 процентных пункта). В то же время в группе 21–30-летних оно достигает 46,7 %, что отражается и на индексе доверия, который является минимальным в сравнении с другими возрастными группами (67,45). Взросление и формирование личности у входящих в данную возрастную группу людей пришлось на самые нестабильные за время проведения реформ годы (конец 80-х – начало 90-х). Для этого периода характерно полное пренебрежение нравственными началами, отсутствие регулирующего воздействия универсальных нравственных норм, размытость нравственно-гуманистических ценностей, увеличение числа граждан, живущих вне закона или возвышающихся над ним. Все это привело к тому, что практически целое поколение россиян выросло с чувством стыда за состояние страны, с ощущением несправедливости того, что происходит вокруг, что не могло не сказаться на общей склонности этих людей к доверию.

Таблица 1

Индексы общего доверия и доверия к руководству предприятий населения России

	Индекс общего доверия	Индекс доверия к руководству предприятий
Всего	72,15	162,4
В зависимости от формы собственности		
государственный сектор	-	167,2
частный сектор	-	148,55
с иностранным участием	-	152,7
В зависимости от пола		
мужчины	73,6	159,15
женщины	71,6	165
В зависимости от возраста		
до 20 лет	77,25	171,95
21-30 лет	67,45	164,8
31-40 лет	69,3	161,65
41-50 лет	70,6	158,35
51-60 лет	71,8	160,5
старше 60 лет	78,1	179,4
В зависимости от уровня образования		
неполное среднее	76,3	156,9
общее среднее	67,6	157,3
среднее специальное	70,7	162,5
высшее	77,65	171,35

Высокий уровень доверия характерен для наиболее образованных людей (значение индекса 77,65), вслед за ними расположены наименее образованные (76,3). Превышение удельного веса лиц, расположенных к недоверию, над доверчивыми в группе респондентов с неполным средним образованием составляет 36,1%, тогда как в для лиц с общим средним и средним специальным образованием – 46,1 и 42,3 % соответственно. Повышенная склонность к доверию в группе граждан с начальным и неполным средним образованием во многом объясняется их молодым возрастом (до 20 лет)⁵. Отдельно следует сказать о людях с высшим образованием, которые чаще других воздерживаются от однозначных оценок, соглашаясь с промежуточным ответом – «и то, и другое, в зависимости от человека, условий». Именно этим обусловлены высокие по сравнению с другими группами значения индекса.

Однако более неблагоприятная ситуация наблюдается в отношении институционального доверия. Практически ни один государственный институт не имеет сколько-либо существенного ресурса доверия как у населения в целом, так и его экономически активной части – предпринимателей. С большим недоверием население страны относится к различного рода политическим партиям (72,3 пункта), к милиции (89,05), Государственной Думе (94,8), к судам (индекс на небольшую величину отклонился от критического уровня в 100 пунктов). Доверие к главе государства скорее носит символический, компенсаторный характер⁶.

Недоверие к последним таким институтам как Государственная Дума и суды может быть расценено как недоверие к существующим в обществе формальным нормам, и ко всей институциональной среде, поскольку именно Дума занимается разработкой формальных норм, а суды являются гарантами их надлежащего исполнения. Если данные институты не заслуживают доверия, значит, население ставит под сомнение справедливость и эффективность их функционирования, в том числе и результаты их работы.

Неэффективность формальных норм, частое изменение законодательства, возможность трактовать одни и те же законодательные нормы по-разному в зависимости от ситуации, необъективность и коррумпированность судов приводят к нестабильности институциональной среды, что сказывается на уровне институционального доверия и не только не способствует возникновению социального капитала, но и приводит к растрате ранее накопленного потенциала доверия. Показателем нестабильности институциональной среды, среди прочих, может служить величина горизонта планирования компа-

ниями своей деятельности. Чем стабильнее институциональная среда, тем выше горизонт планирования, поскольку в данном случае можно с большой уверенностью предсказать возможный ход событий, а значит, появляется возможность построения осмысленных долгосрочных планов. Если же институциональная среда не стабильная, возникают большие риски для предпринимателя в осуществлении хозяйственной деятельности, стремясь минимизировать которые, он осуществляет лишь самые необходимые краткосрочные мероприятия.

Данные опросов, проведенные общественной организацией «Опора России» и интернет-журналом «Капитал страны» при финансовой поддержке Министерства экономического развития РФ в сентябре-октябре 2008 года, показывают, что предприятия страны крайне неравномерно распределены по величине горизонта планирования (см. таблицу 2)⁷. Представленная в таблице ситуация является в некоторой степени драматичной. Горизонт планирования у 60 % компаний не превышает 1 год, а 4,5 % компаний вообще ничего не планируют. Это свидетельствует о некоторой стихийности ведения хозяйственной деятельности в стране.

Таблица 2

На какой период обычно планируется деятельность Вашей компании?

Горизонт планирования	Доля респондентов, %
Не более 3 месяцев	7,5
Не более 6 месяцев	16,5
Не более 1 года	36,0
Не более 2 лет	12,0
Не более 3 лет	9,5
Не более 5 лет	7,0
Не более 10 лет	1,5
Более 10 лет	5,5
Деятельность вообще не планируется	4,5
Средний горизонт планирования, годы	2,25

В среднем, согласно оценкам экспертов, российское предприятие имеет горизонт планирования, немного превышающий 2 года, что является крайне малой величиной. Для сравнения отметим, что практически любой, даже самый простой и выгодный инвестиционный проект, предполагает трехгодовой период окупаемости. Тем самым российский и малый и средний бизнес не имеет стратегической направленности и не в состоянии заниматься реализацией серьезных инвестиционных проектов, связанных с модернизацией и перевооружением производства.

В то же время, полученная оценка горизонта планирования может свидетельствовать о степени доверия хозяйствующих субъектов экономическому и политическому курсу правительства страны, а так же институциональной среде в целом. Это можно рассматривать как свидетельство того, что уровень доверия оказывает влияние на особенности хозяйственной деятельности.

Полученные индексы доверия предпринимателей к группам экономических агентов показывают, что российские предприниматели с большим доверием относятся к сотрудникам своих компаний (индекс составил 161,25), с наименьшим доверием к представителям власти (85,25), а промежуточное положение занимают представители бизнеса (112,6). При этом дифференциация доверия очень высока. Если доверие к сотрудникам можно характеризовать как высокое, то к властям – как очень низкое (индекс даже не достигает критического уровня в 100 пунктов). Данные позволяют говорить об иерархии в доверии между тремя группами экономических агентов.

По мнению Е. Балацкого, установленная иерархия не является случайной и отражает общие системные свойства, поскольку максимальное доверие возникает внутри рабочего коллектива, тогда как выход за пределы этого относительно узкого круга лиц связан с возрастанием неопределенности и недоверия. Исследователь выделяет четыре аспекта обнаруженного эффекта: информационный, психологический, «эффект коммуникационности», механизм рыночной селекции. Первый, информационный аспект проявляется в том, что у предпринимателей гораздо больше знаний о людях внутри трудового коллектива, нежели о людях в других хозяйственных структурах. С точки зрения психологии руководитель больше доверяет тем людям, которые находятся у него в подчинении, чем тем, которые от него независимы. Соответственно, бизнесмены доверяют друг другу гораздо меньше, чем своим сотрудникам, ибо горизонтальные связи между ними означают и большую независимость агентов друг от друга. Третий аспект несет в себе эффект коммуникационности: людям гораздо проще взаимодействовать с теми, кто от них зависит, чем с теми, кто с ними на одном уровне или выше. Этот аспект, по мнению Е. Балацкого, объясняет высокое недоверие к чиновникам, которые сами могут оказывать сильное влияние на бизнес. Последний аспект сопряжен с механизмом рыночной селекции: руководи-

тели компаний могут сами произвести отбор своих сотрудников за счет наличия рынка труда; выбор партнеров иногда очень ограничен, а представителей власти вообще не выбирают⁸.

В целом, соглашаясь с этими аргументами, считаем необходимым отметить, что данные аспекты дифференциации доверия выведены на основе рассмотрения ситуации изнутри, со стороны предпринимателя как человека принимающего решения, а не как экономического агента, который вынужден осуществлять свою деятельность в условиях институциональной среды. Ведь принимая решения, руководитель действует в рамках системы формальных неформальных правил. Если организация деятельности внутри предприятия связана с возможностью влиять руководителя на институциональную среду путем создания должностных инструкций и предписаний, режима работы, контроля над исполнением предписаний и т. д., то на институциональную среду, складывающуюся на макроуровне, он повлиять не может. Поэтому действия его сотрудников являются более предсказуемыми по сравнению с партнерами по бизнесу и институтами государственной власти. Данное обстоятельство положительно сказывается на уровне доверия руководителей своим подчиненным.

В то же время существуют факторы, ограничивающие доверие между руководителями и работниками. Исследование доверия в управлении персоналом⁹, показало, что такими факторами являются, по мнению управленцев высшего звена, низкий личностный авторитет менеджеров, их пассивная позиция, отсутствие инициативы и нежелание выйти за рамки инструкций. Менеджеры среднего звена указывают на сжатые сроки выполнения заданий, высокую степень ответственности за результат; низшего звена – на отсутствие полномочий, технические и информационные ограничения. Что же касается факторов доверия подчиненных менеджерам, то руководители отмечали действующую в организации техническую систему, недостаток информации и обратной связи, кадровую политику, а так же на недостаток положительных стимулов.

Высокий уровень доверия руководителей организаций своим сотрудникам не входит в противоречие с тем доверием, которое им оказывают сотрудники (табл. 1). Более того, руководители предприятий, на которых работают респонденты, так же являются наиболее заслуживающими доверия, чем институты государственной власти и человечество в целом. Рассчитанный нами индекс доверия к руководству предприятий составил 162,4 пункта, что свидетельствует о максимальном уровне доверия по сравнению с общим доверием и доверием к различным институтам власти и рыночным институтам (72,15 и 103,3 пункта). При этом разброс индексов является большим (по сравнению с общим уровнем доверия больше, чем в 2 раза). Это позволяет предположить, что именно на микроуровне имеются условия для сохранения и преумножения социального капитала. С помощью предприятий организаций в последующем могут быть проведены меры, направленные на формирование социального капитала на уровне всего российского общества.

Если рассматривать различия в уровне доверия на предприятиях с разной формой собственности (см. табл. 1, 2) то на государственных предприятиях он несколько выше, чем на предприятиях, владельцами или совладельцами которых являются российские частные лица или российские частные фирмы (167,5 пунктов против 148,55), а также иностранные фирмы или иностранные частные лица (152,7). Один из выводов, который можно сделать относительно причин различий в уровне доверия к руководству между государственными и частными предприятиями, заключается в том, что на предприятиях частного сектора отношения работников и руководства менее формализованы. С одной стороны, это предоставляет большую свободу работникам, расширяет их возможности для самореализации, а с другой, создает предпосылки для произвола руководителей и владельцев предприятий.

Таким образом, процесс формирования социального капитала в российском обществе может начинаться на микроуровне. Однако он не будет успешным, если не будут созданы благоприятные условия для создания социального капитала на макроуровне. Прежде всего, это касается создания такой институциональной среды, которая бы обеспечивала эффективное функционирование институтов государственной власти, однозначность и непротиворечивость формальных норм. Это приведет к снижению неопределенности в хозяйственной деятельности и позволит с большей уверенностью оценивать действия контрагентов, обеспечит условия для увеличения горизонтов планирования деятельности предприятий и повышения эффективности функционирования человеческого капитала.

Примечания

¹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 123–139.

² Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития проблемы сохранения и развития. М. : Наука, 2007. С. 52.

³ Николаев И. Доверие как экономическая категория // *Общество и экономика*. 2006. № 1. С. 75–104.

⁴ Козырева П. М. К вопросу о доверии в трудовых коллективах // *Социологические исследования*. 2008. № 11. С. 24–33.; Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // *Социологические исследования*. 2009. № 1. С. 43–51.

⁵ Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // *Социологические исследования*. 2009. № 1. С. 47.

⁶ Трапкова А. В. Доверие в российском малом и среднем бизнесе // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 39.

⁷ Балацкий Е. Рынок доверия и национальные модели корпоративного сектора экономики // Общество и экономика. 2009. № 2. С. 76.

⁸ Там же. С. 73.

⁹ Яхонтова Е. С. Доверие в управлении персоналом. Зарубежные подходы и отечественный опыт оценки / Е. С. Яхонтова // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 117–121.

Трофимов А. В.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Необходимость обращения к историческому опыту, накопленному Россией в XX столетии, и его осмысление актуализируется в настоящее время продолжающимся мировым экономическим кризисом. Сигналы, идущие от политической элиты и экспертного сообщества, предложения, высказываемые представителями власти, бизнеса, науки о необходимости использования данной ситуации для осуществления нашей страной модернизационного рывка, с целью создания экономики XXI века, могут остаться на уровне деклараций. В данном контексте обращение к проблеме эффективности существовавшей в СССР политико-экономической модели представляет не только академический интерес, но и в определенной мере востребовано практическими соображениями.

В историографическом осмыслении этой проблемы следует обратить внимание на две основные традиции. В советской историографии была представлена одноплоскостная картина, изображавшая движение страны по пути социально-экономического прогресса, создания социалистической экономики, избавленной от кризисов, способной обеспечить рост народного благосостояния. В концептах перехода от капитализма к социализму, развернутого строительства социализма, его полной и окончательной победы, развитого социализма наряду с объективными констатациями о достигнутых успехах в индустриальном развитии страны в советский период присутствовали, обусловленные политико-идеологическими факторами, мифологемы о преимуществах социалистической модели экономики над капиталистической, ее потенциально более высокой эффективности. Как известно под экономической эффективностью понимается результативность экономической деятельности, экономических программ и мероприятий, характеризуемая отношением полученного экономического эффекта, результата к затратам факторов, ресурсов, обусловившим получение этого результата; достижение наибольшего объема производства с применением имеющегося ограниченного количества ресурсов или обеспечение заданного выпуска при минимальных затратах.

Концептуально эффективность социалистической экономики рассматривалась как реализация общественно-необходимых потребностей, обозначенных в программных документах коммунистической партии. Способность государства концентрировать ресурсы, мобилизовать массы людей на осуществление масштабных экономических проектов, продемонстрированная в годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны, послевоенные годы служила подтверждением, вплоть до первых лет «перестройки», жизнеспособности созданной в СССР модели развития.

В постсоветской историографической традиции сложились полярные утверждения об имманентно присущей советской нерыночной модели экономической неэффективности и неспособности решать насущные проблемы, обеспечить достойную жизнь людей. Сначала был использован концепт административно-командной системы, затем в полные права вступила тоталитарная объяснительная модель. Исследователи приходили к выводам о том, что централизованные, мобилизационные механизмы развития нанесли большой ущерб экономике и всему обществу, имели огромную, зачастую неоправданную социальную цену и в историческом плане обеспечили Россию долговременными проблемами, с которыми страна сталкивается вплоть до настоящего времени.

История же двух последних десятилетий продемонстрировала, что утверждения об имманентно присущей советской экономике неэффективности, равно как и представления о ее неоспоримых преимуществах оказались в значительной мере односторонними, полемически заостренными и не столько проясняющими, сколько затрудняющими существо проблемы.

Действительно, нельзя не отметить, что последние два десятилетия существует некая двойственность в отношении к советскому историческому опыту. Жесткая критическая риторика по отношению к советскому прошлому сочетается с продолжающимся использованием созданного тогда экономического, технического, интеллектуального, кадрового потенциала.

Представляется, что среди представленных в современной науке познавательных парадигм, именно модернизационная макротеория позволяет наиболее адекватно историческому опыту и общественным запросам объяснить те трансформации, которые претерпело наше общество и его экономическая сфера в XX столетии.

Феномен советской модернизации используется сегодня в качестве аргумента в дискуссиях о путях развития постсоветской России. Интерес в этом плане представляют труды либеральных исследователей (Е. Т. Гайдара, В. А. Мау, В. В. Мельянцев и др.), которые, прежде всего с экономических позиций, трактуют сущность советского модернизационного проекта. Так, Е. Т. Гайдар в книге «Гибель империи» (М., 2006) доказывает, что крах социалистической системы был предопределен базовыми харак-

теристиками советской экономико-политической системы: сформированные в конце 1920-х – начале 1930-х годов институты были слишком ригидными, не позволяли стране адаптироваться к вызовам мирового развития конца XX в. Наследие социалистической индустриализации, аномальная оборонная нагрузка, тяжелый кризис сельского хозяйства, неконкурентоспособность обрабатывающих отраслей делали крушение режима неизбежным.

Опыт российской модернизации позволил В.А. Мау сделать вывод: устойчивые и долгосрочные результаты могут быть достигнуты только при осуществлении комплексной модернизации данного общества, включая его технологическую базу и институты. Модернизация не может решить вопрос сокращения разрыва, если она протекает в одних секторах при игнорировании или за счет других, т. е. логика «поэтапной модернизации» – сначала экономика и армия, потом, может быть, политика и социальные отношения – не дает устойчивого результата.

В свою очередь, несистемность модернизационных усилий объясняется отсутствием механизмов адекватной реакции на модернизационные вызовы. Российская модернизация всегда была верхушечным проектом, замышлялась и насаждалась правительством и потому ориентировалась исключительно на правительственное понимание иерархии задач. Общественных институтов, ее обеспечивающих или корректирующих, практически не существовало (если не считать таковыми КПСС или ВЛКСМ), а потому и задача корректировки курса не могла вовремя осознаваться.

Неспособность СССР к эволюционной трансформации, приведшей к системному кризису и полному развалу страны, был результатом трех важнейших особенностей советского строя.

Во-первых, институциональная жесткость системы, ее нацеленность на выполнение централизованно устанавливаемых показателей, прежде всего количественных. Когда-то, на этапе индустриализации, эта особенность позволила осуществить быстрые преобразования в мобилизационном режиме, способствуя превращению СССР в индустриальную сверхдержаву. Теперь эта же система не позволяла вовремя реагировать на вызовы новой эпохи. Обновление, подстройка под новые вызовы требовали децентрализации решений, а главное – отказа от фетишизации количественных ориентиров при оценке деятельности фирм. Такого советская система позволить себе не могла, так как иных критериев оценки хозяйственной деятельности у нее просто не было.

Во-вторых, отсутствие в ней механизмов обратной связи, которые способны вовремя дать сигналы о назревших переменах и стимулировать начало реформ. Тоталитарная власть, запрет на свободу слова, создавая комфортные условия высшей власти, не позволял, получать своевременную информацию о протекающих в стране и в мире процессах. Ни отставание СССР от западных стран, ни реалистичные пути экономической трансформации не могли быть темой обсуждения не только в обществе, но и во властной элите.

В-третьих, зависимость советской системы от дешевых ресурсов вообще и от нефтегазового комплекса в частности. Можно было позволить себе не заниматься всерьез никакими реформами, поскольку начало трансформационного кризиса на Западе совпало со скачком нефтяных цен и вводом в строй в СССР богатейших западносибирских месторождений. Огромный поток валюты позволил более или менее стабильно прожить десятилетия, но результатом его стало резкое усиление зависимости советской экономики от внешнеэкономической конъюнктуры.

Устойчивость системы, основанной на эксплуатации природных ресурсов и не имеющей современных механизмов «обратной связи», оказалась эфемерной. Она могла функционировать лишь постольку, поскольку сохранялась благоприятная окружающая политическая и экономическая среда. Первый же серьезный кризис – резкое падение цен на нефть в середине 1980-х годов – привел ее к гибели.

Известный западный исследователь Пол Грегори в книге «Политическая экономия социализма» (М., 2006) использовал теорию организаций, экономическую теорию информации и новую институциональную экономическую теорию для выдвижения и тестирования четырех альтернативных моделей, объясняющих природу советской экономической диктатуры.

В первой модели «научного планирования», великодушный диктатор готов передать право принятия решений о распределении ресурсов в руки экспертов-плановиков, довольствуясь тем, что сам он устанавливает лишь общие правила и разрабатывает руководящие принципы управления экономикой. Это именно та модель, реальность которой всячески доказывала официальная советская научная литература: всеведущая партия (т. е. диктатор), играя ведущую роль в выборе стратегического направления, все же оставляет принятие конкретных решений за плановыми органами. Последние, следуя партийным рекомендациям и установкам, планируют выпуск продукции и необходимые затраты, основываясь на «научных» нормах и математически выверенных балансах, позволяющих достигать наилучших результатов.

Вторая модель – модель «оседлого грабителя» («stationary bandit»). Согласно ей, диктатор, «оседлый грабитель», ориентирован прежде всего на долгосрочную перспективу. Сколько бы ни был такой «оседлый грабитель» беспощаден, деспотичен или жесток, для достижения своих интересов он должен стремиться максимизировать экономический рост, способствовать быстрому развитию страны. Эффективная, быстрорастущая экономика необходима ему для максимизации долгосрочных налоговых поступлений, накопления военной мощи и вознаграждения политических союзников. Модель «оседлого грабителя» предполагает, что, кто бы ни был на месте диктатора в 1930-е гг., Сталин или кто-либо другой, он все равно проводил бы политику «большого скачка». «Оседлый грабитель» – это, в сущности, плановик, ориентированный на долгосрочную перспективу. Принимая во внимание, что

Советский Союз был отсталой страной, окруженной капиталистическими враждебно настроенными государствами, лучшей стратегией для «оседлого грабителя» и была стратегия ускоренной индустриализации, масштабных капиталовложений и автаркии.

Третья модель, модель «диктатора-эгоиста», исходит из того, что главная цель диктатора – накопление власти – достигается путем раздачи подарков и покупки политической верности. «Диктатор-эгоист» стремится не к максимизации экономического роста или благосостояния, а к установлению своего полного контроля над страной. Оказываясь в ситуации выбора, «диктатор-эгоист» направляет ресурсы в первую очередь на максимизацию своей политической власти, а не на достижение наилучших экономических результатов. Для того чтобы заручиться политической поддержкой и союзниками, диктатор-эгоист распределяет между ними экономическую ренту, которую получает с обычных граждан. Поскольку граждане не желают добровольно расставаться со своими экономическими ресурсами, диктатор должен применять силу. В самом деле, Сталин очень тщательно выбирал и создавал, можно даже сказать: выращивал, сторонников; любая угроза его политической власти, даже незначительная, вызывала у него страх и панику; он запугивал и подкупал своих сподвижников.

В четвертой модели, модели «диктатора-рефери», диктатор играет роль посредника между группами влияния, обладающими реальной властью. Реализации модели «диктатора-рефери» можно ожидать на том этапе существования диктатуры, когда «оседлый грабитель» или «диктатор-эгоист» больше не в состоянии удерживать всю полноту власти в своих руках и попадает под влияние промышленной и региональной элиты. Советская экономика периода «развитого» социализма это экономика, в которой господствовали группы влияния, тянувшие руководство страны в разные стороны, что приводило к разногласиям внутри системы.

Советская административно-командная система насчитывала множество «жокеев». «Жокеем» являлся не просто Сталин или Политбюро, но сотни и тысячи «маленьких Сталиных», обитавших на всех уровнях «иерархической диктатуры» (nested dictatorship). Каждому диктатору требовались минидиктаторы, которые бы подчинялись ему и могли бы применить силу для того, чтобы добиться выполнения инструкций на более низких уровнях.

Представленные суждения и оценки позволяют понять, что мобилизационные механизмы развития связаны как со спецификой реализации задач создания индустриального общества, так и со спецификой советской политической системы.

Избранный и в значительной степени реализованный до начала Второй мировой войны вариант советской модернизации (понимаемого в данном контексте как один из конкретно-исторических вариантов реализации общемирового процесса перехода от аграрного к индустриальному обществу) являлся основой и в значительной мере «колеей» для протекания позднеиндустриальных процессов в завершающие десятилетия существования СССР.

Осуществление в рамках этой модели масштабных экономических преобразований опиралось на жесткие, государственные механизмы, способные к быстрым и в ближайшей перспективе эффективным макроэкономическим решениям.

По мере усложнения экономической структуры, утяжеления управления ею из единого центра, нарастания целого комплекса вызовов как эндогенного, так и экзогенного характера, эффективность данной модели стала неуклонно снижаться. Однако сегодня едва ли правомерно объяснять гибель советской модели только объективно присущими ей неэффективными государственными механизмами и практиками управления, равно как и падением мировых цен на нефть. Представляется, что также следует вести речь о неумении и нежелании адекватно пользоваться этими механизмами, внося в них необходимые коррективы, представителями позднекоммунистических и раннедемократических элитных групп в последнее десятилетие советской истории. Позднесоветская элита достигла консенсуса относительно необходимости банкротства СССР и превратилась в генерацию антикризисных менеджеров, обеспечивших неэффективную приватизацию (на макро), но достаточно эффективную на микроуровне.

В данном контексте можно встретить утверждения о «предательстве» советской партийно-государственной элиты, о «заговоре» с целью развала СССР и т. п. Но нельзя не замечать эволюцию, которую проделала советская элита в рамках мобилизационной системы, сложившейся в СССР, вызываемой самим характером данной системы. Мобилизационный характер советской экономики в полной мере проявился во время первых пятилеток, в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. В дальнейшем снижение уровня напряжения в стране и обществе привело к отходу от широкого использования таких мобилизационных механизмов как репрессии и наказания, при сохранении динамизма развития и продолжения развертывания модернизационных процессов. Классическим примером является высокая оценка ЮНЕСКО успехов советской системы образования достигнутых к началу 1960-х годов. Однако следует помнить и том, что после окончания высших учебных заведений выпускников ожидала работа по распределению и с каждым годом росло число не прибывших на эти места, особенно в сельскую местность и малые города.

Общеизвестно, что советская промышленность не сумела в полной мере использовать достижения НТР и качество, выпускаемой продукции, прежде всего гражданского назначения, вызывало много критики. Однако, оказывается, что к 1980-м годам в СССР были разработаны стандарты качества производимой продукции, которые впоследствии были использованы западными странами и в значительной мере сегодня определяют международные стандарты.

В течение второй половины XX века наблюдалось неуклонное высвобождение партийно-государственной бюрократии от действия мобилизационных механизмов. При этом на уровне пропаганды и практической деятельности проявлялось желание сохранить мобилизационный настрой общества. Такое противоречие не могло не сказаться на разбалансировке всей политико-экономической системы.

Отмечаемый рядом исследователей процесс «деградации» элитных групп может быть понятен именно в русле отхода от жестко детерминированного, сложившегося в 1930-е годы, варианта осуществления индустриальных преобразований. Но в ином контексте поиск новых вариантов развития не может быть поставлен в вину позднесоветской элите, которая коррелировала свои интересы и ценностные предпочтения с опытом не предыдущих поколений соотечественников, а равнялась на ценности, транслируемые со стороны Запада.

Одним из следствий явилось расширение неформальных экономических и социальных практик, стремление значительной части элитных групп создать и использовать в своих интересах фактически три поля, в которых протекала экономическая деятельность: одно формализованное – «белое», второе частично неформализованное – «серое» и третье, скрытое – «черное». Такая ситуация обернулась снижением эффективности мобилизационных механизмов, с точки зрения агрегированных интересов, представляемого монолитным, но в действительности насыщенным противоречиями, советского общества. Одной из важнейших причин, способствовавших историческому краху советской модели развития явилась утрата доверия общества к власти, а, следовательно, был утрачен мощный фактор экономического развития.

Осознание незавершенности индустриального этапа развития в СССР и иллюзорность возможности перехода к постиндустриальному обществу требует ответа на вопрос о механизмах завершения процесса создания индустриального общества. Отсюда возвращение сегодня в политический и научный оборот термина промышленная политика, поиск эффективных механизмов государственного и корпоративного управления, укрепления партнерства власти и бизнеса, не только с целью извлечения максимальной прибыли из любого проекта.

В заключение отметим, что советская модель развития позволила, как минимум, сохранить ту историческую дистанцию, отделявшую Россию от мировых лидеров, которая существовала еще к началу XX века, а по целому ряду параметров и сократить отставание, чего нельзя пока сказать о постсоветской модели.

МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»

Гришина Н. В., Кузнецов В. М.

Гришина Н. В., Кузнецов В. М.

**КОНЦЕПТ «МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА»
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ
ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Современный учебник истории воспринимается как своеобразное социально-культурное и педагогическое явление, призванное отражать различные интерпретации прошлого. Вместе с тем, к обязательным задачам учебников не относится популяризация новых научных концепций. В учебниках обычно отражаются общепринятые оценки событий. В тоже время современные учебники, выступая своеобразными барометрами общественно-политических настроений, часто становятся полем для разного рода манипуляций с прошлым. Попытки авторов преодолеть «старые» оценки и предложить новую интерпретацию исторического явления или события могут сделать учебник предметом конфликта, участниками которого становятся все субъекты образовательного процесса¹.

Подробно не вдаваясь в содержание дискуссий вокруг современных учебников по отечественной истории, в данной статье мы ставим своей целью, учитывая их особенности, проанализировать концептуальную сторону учебников, воспринимая их тексты как исторические нарративы. Нас интересовала степень отражения в них и содержательные характеристики концепта «мобилизационная экономика».

В сферу нашего внимания попали две категории учебных пособий – вузовские и школьные учебники истории. Отбор учебников для анализа проводился по двум критериям. Школьные учебники были отобраны в соответствии со списком учебных пособий, рекомендованных и допущенных Министерством образования и науки РФ для преподавания в общеобразовательных учреждениях в 2009–2010 учебном году². Среди вузовских учебников нас интересовали пособия, имеющие грифы УМО или Минобрнауки РФ, а также авторские учебники, представляющие преподавательскую традицию центральных и периферийных учебных заведений³.

*Модель мобилизационного развития в вузовских учебниках
по отечественной истории*

Ретроспективный анализ учебников показал, что большинство авторов не уделяют достаточного внимания социально-экономическим процессам, происходившим в российском обществе на различных этапах его существования, привычно объясняя исторические события с позиций «политической истории»⁴.

Одним из первых пособий, где была осуществлена попытка проанализировать развитие России в XX веке с позиций мобилизационного развития, стал учебник М. М. Горинова, А. А. Горского, А. А. Данилова, выдержавший несколько переизданий. Его авторы причину перехода к чрезвычайным мерам в экономике видят в неблагоприятной социально-экономической и внешнеполитической ситуации, сложившейся в стране в 1920-х гг.⁵. Именно с этого времени, по их мнению, начинает формироваться мобилизационная модель развития. В специальном разделе учебника «Анатомия сталинской модернизации» авторы пытаются объяснить мотивы и логику действия властей в 1920–1930-е гг. в контексте необходимости мобилизационного развития. «Любой вариант перехода к индустриальной экономике осуществляется болезненно, поскольку обычно сопровождается возрастанием в национальном доходе доли накопления...», – пишут они.

Авторы делают вывод, что СССР был не одинок в использовании мобилизационных методов хозяйствования. Германия также «вынуждена была прибегнуть к всемерной мобилизации резервов для милитаризации страны и борьбе за передел мира». В более мягком варианте модель мобилизационной экономики сформировалась в Японии⁶. Приняв решение о мобилизации всех ресурсов, СССР, в отличие от других стран, не мог рассчитывать на поддержку извне. Переход к индустриальному обществу осуществлялся не с помощью колониальных средств и внешних займов, а только за счет собственных ресурсов, что приводило к дополнительным трудностям. В такой ситуации достижение задач модернизации закономерно осуществлялось путем «сложного взаимодействия доктринальных и экономических факторов» с использованием методов «внеэкономического нажима». При этом проводимая политика репрессий была лишь ответной реакцией власти на «пассивное сопротивление» некоторых слоев общества⁷. Таким образом, авторы делают вывод, что ужесточение политического режима является следствием экономических изменений мобилизационного характера, а не наоборот.

Особо характеризуется в учебнике идеологическая мобилизация, являвшаяся постоянным и неизменным спутником социально-экономической мобилизационной системы. «В сравнительно непродолжительной перспективе идея скорого, но тернистого пути к «светлому будущему» обладала большей мобилизующей силой, чем бухаринская концепция постепенного «врастания» в социализм и наличия в нем неантагонистических противоречий»⁸, – замечают авторы учебника.

Сформировавшаяся в 1920–1930-х гг. экономическая система, по мнению авторов, показала свою эффективность в годы второй мировой войны. Ее наиболее сильной стороной стали «очень высокие мобилизационные возможности, способность в короткие сроки наладить массовое производство высококлассного вооружения и обеспечить необходимыми ресурсами армию и ВПК». В тоже время под-

черкивается, что подобная мобилизация осуществлялась за счет «перенапряжения остальных секторов экономики», что приводило к диспропорциям между различными отраслями, и, следовательно, появлению альтернативных вариантов дальнейшего развития экономической системы⁹. К сожалению, за пределами авторского внимания остался вопрос о кризисе мобилизационной системы хозяйствования.

Еще один авторский коллектив, находясь под влиянием концепции учебника М. М. Горинова, А. А. Горского, А. А. Данилова и еще ряда учебных курсов, предлагает интерпретацию развития СССР с позиций мобилизационной экономики. По мнению А. П. Деревянко и Н. А. Шабельниковой, на фоне социально-экономического кризиса второй половины 1920-х гг., выраженного в диспропорциях в развитии отдельных отраслей экономики, сбоях заготовительных кампаний и неудачных попытках правительства стабилизировать положение в стране при помощи административных методов, «неотложной потребностью стала модернизация экономики, главным условием которой являлось техническое совершенствование (переворужение) всего народного хозяйства»¹⁰. Таким образом, они, как и авторы первого учебника, становление мобилизационной экономической системы, прослеживают, начиная с рубежа 1920–1930-х гг.

Авторы приходят к выводу, что «главный итог большого «скачка» – закрепление командно-административных методов управления экономикой». По их мнению, этот период по праву оценивается (несмотря на все недостатки) как «промышленное преобразование страны, обеспечившее технико-экономическую независимость СССР в сложных внешнеполитических условиях»¹¹. Сталинская модель экономического развития – «это вариант скачкообразного развития («русский вариант» по терминологии Н. И. Бухарина), основанный на максимальной концентрации ресурсов на основном направлении – в тяжелой индустрии»¹².

В отличие от других учебных пособий термин «мобилизация» применительно к характеристике экономической модели появляется в учебнике только в главе «Послевоенное восстановление и развитие СССР», где речь идет о выборе руководством страны между двумя вариантами развития – смягчения довоенной мобилизационной системы или ее восстановления и ужесточения. Изначально причины выбора второй модели развития оцениваются как исключительно политические: «Сталин и его окружение, занимавшие высшие посты в пирамиде власти, не мыслили руководства государством иными, не административными методами»¹³. Лишь спустя несколько страниц, авторы пытаются объяснить действия сторонников восстановления мобилизационной модели – Л. П. Берия, Г. М. Маленков – причинами экономического и внешнеполитического характера. Ссылаясь на работы экономиста Е. Варга, который с декабря 1944 г. начал публикацию материалов, отрицающих теорию неминуемого кризиса капитализма, руководством страны был сделан вывод о скором обострении международных отношений, что заставляло предпринимать особые шаги по восстановлению обороноспособности страны за счет мобилизации всех ее ресурсов¹⁴.

Особое внимание обращает на себя учебник из серии «Университеты России», рекомендованный УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов-историков. Его создатели относят начало возникновения мобилизационной системы хозяйствования к периоду Первой мировой войны, а не к 1920-м годам как большинство авторских коллективов. Справедливо датируя начало новейшей истории России с 1914 г., они пишут, что война, приобретшая тотальный характер, стала тем вызовом, который потребовал «от воюющих государств мобилизации всех имеющихся в их распоряжении ресурсов (людских, экономических, финансовых и пр.)»¹⁵. Мобилизационная модель носила универсальный характер, применялась и в других странах, хотя изначально необходимость мобилизации экономики не осознавалась ни правящими кругами Российской империи, ни другими воюющими державами¹⁶.

В дальнейшем война, как особое явление в жизни государства и общества, продолжала оставаться «основным ускорителем чрезвычайных мер в экономике» и «имела своим неизбежным результатом усиление государственного вмешательства в народно-хозяйственную жизнь»¹⁷. Начиная с Гражданской войны, осуществление мобилизационной политики в России осуществлялось все более осознанно, превратившись со временем в норму жизни. В то время как европейские государства, в основном, отказались от применения чрезвычайных методов управления.

Характеризуя социально-экономические преобразования конца 1920–1930-х гг., авторы несколько отходят от понимания экономического развития в мобилизационном ключе. По их мнению, политический режим, в годы Гражданской войны усвоивший и апробировавший чрезвычайные методы ведения хозяйства, привычно продолжал проводить «революцию сверху»¹⁸. Жесткость применяемых властью управленческих методов явно превосходила степень внешних и внутренних угроз.

Только сложная экономическая ситуация Второй мировой войны и послевоенного развития вновь оправдала возвращение к мобилизационной модели развития, так как возникла необходимость «мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы, с тем чтобы сделать все возможное для успешного завершения в самые сжатые сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия»¹⁹.

С позиций «социальной истории» пытаются осмыслить историю XX века А. К. Соколов и В. С. Тяжельникова. В центре их внимания находится общество, в то время как «экономика, государственные институты, политическое устройство и т. п. – рассматривается как производное от исторически сложившихся общественных форм»²⁰. Теоретико-концептуальной основой их курса стала теория мо-

дернизации. Однако в терминологическом аппарате авторов отсутствует представление о мобилизационном характере экономического развития. В тоже время авторы исходят из понимания, что война как внешний вызов требовала от России «громадного напряжения ее материальных и людских ресурсов», обуславливая «сокращение производства в гражданских отраслях и милитаризацию экономики»²¹.

По их мнению, форсированные методы индустриализации конца 1920–1930-х гг. стали результатом длительных дискуссий, основанных на противопоставлении ее социалистического и капиталистического вариантов. Социалистическая индустриализация игнорировала «естественные законы экономики», отражала «навешивание на нее чисто политических задач, требующих экстраординарных мер и дополнительных ресурсов». Задачи индустриализации были резко политизированы, она рассматривалась «как главное условие построения социализма, как главная классовая задача, наряду с кооперацией и культурной революцией»²².

В годы Второй мировой войны шла конкурентная борьба между мобилизационными возможностями воюющих держав, в первую очередь Германией и СССР. По мнению авторов, изначально мобилизационный потенциал Германии был выше, но Советский Союз смог выиграть в этом «соревновании». «Тотальная мобилизация экономики на нужды войны», обеспечившая СССР «скачок в оборонном производстве», подкреплялась социальным ресурсом – людьми, «способными выдержать небывалый и сокрушительный натиск»²³.

В послевоенный период восстановление мобилизационной модели было практически неизбежным. Авторы выделяют несколько причин такой ситуации: расчет только на собственные силы и внутренние ресурсы, широкое распространение военного производства, резкое ухудшение международной обстановки. Определение приоритетов развития народного хозяйства на четвертую пятилетку оказалось в сильной зависимости от новой внешнеполитической ситуации, диктовавшей соотношение военного и гражданского секторов экономики в пользу первого. Ключевую роль в процессе отказа от более сбалансированной модели хозяйственного развития «сыграло усиление международной конфронтации, превращавшее производство оружия в условие биполярного равновесия». Следуя постулатам «социальной истории», авторы отмечают важное значение того обстоятельства, что «реализация пятилетнего плана ложилась на плечи партийно-хозяйственной номенклатуры и директорского корпуса, выросших в годы “социалистического наступления”». Это поколение советских руководителей с молоком матери впитало идиосинкразию к любым понятиям, напоминающим капитализм, типа “кредит” и “прибыль”. У них свежа была в памяти борьба с правым уклоном, не было ни умения, ни желания реализовывать на практике предложенные новшества». Кроме того, возврату к мобилизационным методам способствовали «внезапная смерть Жданова, перегруппировка политических сил в высшем эшелоне власти, арест и расстрел Вознесенского». Кроме того, Сталин подтвердил довоенный курс на построение коммунистического общества в ближайшие 20–30 лет, что провоцировало возврат к форсированным темпам, ставшим реальностью с 1948 г.²⁴

Впервые авторы затрагивают вопрос о применении мобилизационных методов в развитии научного потенциала страны. В учебнике подчеркивается, что «плановое развитие науки шло по определенным приоритетным направлениям, на которых достигалась высочайшая концентрация интеллектуальных и финансовых ресурсов. Такая практика, конечно, приводила к “выпячиванию” отдельных направлений, вела к диспропорции областей знания, но позволяла получать необходимые результаты»²⁵.

По мнению авторов, практически сразу после возобновления мобилизационного развития данная система продемонстрировала свою ограниченность. Прорыв происходил только на тех участках, где «удавалось сосредоточить финансовые, технологические и людские ресурсы»²⁶. По большому счету, авторы заговорили о кризисе сталинской модели хозяйствования, просматривая его проявления в «крайне несбалансированном» экономическом развитии, заложенном еще в довоенный период. Следствием экономических диспропорций и слабой восприимчивости модели к достижениям научно-технического прогресса, стало, по их мнению, возобновление «догоняющего» характера развития и увеличение отрыва от постиндустриального уровня²⁷.

С позиций мобилизации оценивают экономическое развитие СССР Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов, хотя сам термин «мобилизационная экономика» они не используют. Анализируя авторскую интерпретацию экономического развития, обратим внимание только на те особенности мобилизационной модели, которые не характеризовались другими авторскими коллективами. В частности в учебнике упоминается процесс «мобилизации капиталов», включающий в себя накопление средств в самой промышленности, перераспределение через государственный бюджет доходов других отраслей народного хозяйства, использование сбережений населения²⁸. Кроме того, помимо выделения традиционных внешних факторов, обусловивших формирование мобилизационной модели, подчеркивается влияние мирового экономического кризиса²⁹.

Влияние мирового экономического кризиса прослеживают и авторы учебника под редакцией Б. В. Личмана, отмечая, что в этих условиях «советской стране трудно было рассчитывать на получение внешних источников финансирования». Таким образом, индустриализация проводилась исключительно за счет собственных средств, прежде всего изымаемых из сельского хозяйства. Авторы считают, что «индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства необходимо рассматривать как две стороны одного и того же процесса, направленного на ускорение темпов социально-экономического развития»³⁰.

Декларируя, что в основе главы о сталинской модернизации лежит «либеральный подход», авторы отмечают, что милитаризация экономики проводилась тоталитарным государством, носила однобо-

кий характер, подвергла лишениям народ и уничтожила личность. В тоже время в дополнительных текстах авторы упоминают «технологический подход» (С. А. Нефедов), с точки зрения которого сталинская модернизация «объективно преследовала те же цели, что и модернизация начала XX в. Она также имела “догоняющий” характер, поэтому ей были присущи те же противоречия и возможные тупики...»³¹

В целом авторы вузовских учебников, исследуя мобилизационную модель развития, сосредотачиваются на ее характеристике применительно к концу 1920–1930-х гг., а также в послевоенный период (М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов, А. П. Деревянко, Н. А. Шабельникова и др.). Только авторский коллектив под руководством М. В. Ходякова пытается проследить ее становление, начиная с первой мировой войны. Практически все авторские коллективы не рассматривают проблему кризиса, трансформации мобилизационной модели, исключением можно назвать учебный курс А. К. Соколова и В. С. Тяжельниковой.

Становление мобилизационной системы было обусловлено в основном внешними вызовами – угроза военных конфликтов (М. В. Ходяков, А. П. Деревянко, Н. А. Шабельникова, М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов), мировой экономической кризис (Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов, Б. В. Личман). Среди внутренних вызовов называются объективная необходимость продолжения и завершения модернизации (Б. В. Личман), потребность в укреплении собственной власти (А. К. Соколов, В. С. Тяжельникова).

Мобилизационная модель не являлась чисто российским (советским) изобретением, она применялась и в других странах с незавершенной модернизацией (М. В. Ходяков, М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов, А. К. Соколов, В. С. Тяжельникова). Однако имела целый ряд особенностей, в частности проводилась исключительно за счет внутренних ресурсов.

*Модернизация, тоталитаризм и мобилизационная модель развития
в школьных курсах Новейшей истории России*

Отметим, что авторы анализируемых ранее вузовских учебников зачастую являются создателями школьных учебных курсов, поэтому можно предположить наличие в них концептуального единства.

Так, концепция учебника В. А. Шестакова, М. М. Горинова, Е. Е. Вяземского соответствует вузовскому учебному пособию³². Период 1929–1939 гг. характеризуется в учебнике как «эпоха мобилизационного развития». В целом его авторы начало модернизации в России относят к 1894–1917 гг., характеризуя начало ее прохождения «обычным порядком». По их мнению, к концу 1920-х гг. перед Советским Союзом встала задача завершения модернизации, т.е. создания экономики, базирующейся – и в промышленности, и в сельском хозяйстве – не на ручном труде, а на использовании моторов, машин. В условиях нарастания угрозы войны в СССР «обычный порядок индустриализации был полностью изменен» в сторону мобилизационного варианта³³.

В учебнике по новейшей истории России, авторы которого А. А. Данилов, А. И. Уткин, О. В. Гаман-Голутвина, Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова, А. В. Филиппов, курс на интерпретацию истории России XX в. с позиций мобилизации прослеживается еще более определенно.

В концепции курса подчеркивается, что авторы в объяснении событий, происходящих в СССР 1930-х и последующих годах, отказываются от теории тоталитаризма. Вместо этого основное внимание учащихся предполагается сконцентрировать на объяснении мотивов и логики действий власти. Этот принцип положен и в основу анализа событий начала XX века, поскольку одной из главных задач учебника, по мнению авторов, должно стать стирание искусственной границы между до- и послереволюционной историей России, демонстрация непрерывности и преемственности её исторического пути. Авторы концепции считают, что в настоящее время более приемлемым для использования является термин «модернизация» «в силу своей нейтральности и универсальности, поскольку он не включает в себя характеристику цивилизационных особенностей обществ, а просто говорит о необходимости совершенствования их материальной базы». Именно высокий темп российской модернизации вызывал, с одной стороны, социальную напряженность внутри самой страны; а с другой – опасения основных соперников России на мировой арене. При этом отмечается, что социальная напряженность в условиях трансформации аграрного общества в индустриальное – явление универсальное, но в России оно было отягощено тем, что это была реакция на масштабную и весьма болезненную для российского социума европеизацию.

Весьма важной представляется постановка в учебнике вопроса о том, «что же мы построили в 1930-е годы?». Авторы считают, что была создана «мобилизационная политическая система», без которой в короткий срок невозможно было решение задач индустриального рывка. Советское общество, созданное к середине или к концу 1930-х годов, было «в равной степени далеко и от классического капитализма того времени, и от теоретических моделей социализма». По их мнению, это была особая «некапиталистическая модель развития», державшаяся на трех основаниях: индустриализме, государственном управлении экономикой, социальном государстве. Таким образом, делается вывод, что это был своеобразный вариант индустриального общества.

Во введении к учебнику, созданному тем же авторским коллективом и посвященному послевоенному развитию СССР, также оговаривается, что авторы являются противниками концепции тоталитаризма. По их мнению, эта доктрина, приравнивающая Советский Союз к гитлеровской Германии, «являлась и является не инструментом познания, а орудием идеологической борьбы». При этом авто-

ры подчеркивают – даже сторонники концепции тоталитаризма признают, что она неприложима к послесталинскому СССР.

Концептуальный взгляд на ключевую проблему соотношения государственного интереса в политике и судьбы нашей страны во второй половине XX века представлен в статье одного из авторов учебника А. Ю. Шадрина. Главной отличительной чертой тоталитарных систем, по мнению адептов концепции тоталитаризма, пишет он, является то, что «государство тотально присутствует во всех сферах жизни общества: в экономике, культуре, идеологии, даже в организации быта и досуга». Концепция нового учебника построена на совсем ином подходе. В нем признается, что действительно на иных этапах нашей истории государство играло, может быть, чрезмерно большую роль. Но это определялось не природой общественной системы или строя, а в первую очередь условиями в которых страна оказывалась. Вся история Советского Союза протекала в очень сложных, чтобы не сказать, «чрезвычайных» условиях³⁴.

«Мобилизационный тип развития», определявший послевоенную ситуацию в СССР, характеризует исторический путь России на протяжении всего XX века и ранее. Прежде всего, подчеркивают авторы, эта модель формируется как объективная необходимость в ответ на дефицит ресурсов развития – материальных, интеллектуальных, ресурса времени, рабочей силы и так далее. В понятие ресурсов, пишет А. Ю. Шадрин, входят не только вещественные ресурсы или инфраструктура, но, прежде всего, «главный ресурс – это люди»³⁵. Чтобы решить главную историческую задачу того времени – подготовиться к отражению военной угрозы, Советский Союз вынужден был мобилизовать все ресурсы для того, чтобы максимально эффективно и целенаправленно их использовать. А это означало установление максимально возможного государственного контроля над этими ресурсами. В свете этого подхода характерным является авторский вывод к одному из параграфов: «Несмотря на отдельные попытки реформ, в 1945–1964 гг. советская экономика в целом развивалась по привычной мобилизационной схеме – значительные успехи достигались в отдельных сферах, куда направлялись основные средства, при постоянном отставании остальных областей народного хозяйства»³⁶.

В остальных школьных учебниках концепт «мобилизационная экономика» явно не прослеживается, хотя для характеристики развития России в конце XIX–XX вв. активно используется теория модернизации. Например, авторы учебника для XI класса А. Ф. Кисилев и В. П. Попов приводят господствовавшее в советской исторической науке мнение о том, что экономика России являла собой причудливое переплетение отсталого сельского хозяйства и капитализма с развитой промышленностью. Они также пишут, что среди зарубежных авторов распространенной является концепция, согласно которой Россия представляла собой страну поздней индустриализации³⁷.

Авторы учебника по истории России XX в. издательства «Русское слово» также характеризуют российскую модель экономического развития с позиций модернизации, приводят две точки зрения на ее уровень и характер. В том числе в качестве дискуссионного выдвигают тезис о глубокой отсталости и полукOLONиальной зависимости России от экономически развитых держав в этот период³⁸.

Авторы учебника для IX класса издательства «Мнемозина» формулируют постулат, доказательству которого посвящен весь курс: «XX столетие стало веком России»³⁹. В параграфе, посвященном «парадоксам хозяйственного развития» нашей страны в начале XX века, авторы делают вывод о том, что Россия интенсивно шла по пути модернизации. В очагах роста складывались новые отношения между людьми, характерные для индустриального общества, и новые противоречия.

Модернизационную парадигму разделяют в учебнике для 11 класса авторы О. В. Волобуев и С. В. Кулешов. Уже первой главе учебника дано «говорящее» название: «Кризис империи: модернизационные процессы». Текст начинается со слов: «Гигантская Российская империя встречала XX столетие под аккорды новых социальных ритмов и на фоне старых «шумов». Модернизация характеризуется как «процесс экономических, социальных, культурных и политических преобразований, в ходе и в результате которого менее развитые общества приобретают качества и признаки, приближающие их к более развитым»⁴⁰. Мобилизационный характер модернизация, по мнению авторов, приобретает в конце 1920–1930-е гг. Примечательно, что авторами особо анализируются процессы поиска политическим режимом «социальной опоры». Авторы делают вывод, что система управления, основанная на чрезвычайных методах, в целом поддерживалась населением страны. На 1930-е гг. пришелся пик «мобилизованного энтузиазма».

Автор учебника для интегрированного курса «История России и мира в XX веке» Н. В. Загладин воздерживается от развернутых оценочных характеристик исторического процесса в России, приводя конспективное изложение событийной канвы. В основе изложения также лежит теория модернизации. Модернизация понимается как «переход к более высокому типу производства»: от аграрного – к промышленному, от промышленного – к индустриальному, от индустриального – к информационному, основанному на высоких технологиях⁴¹. Вопрос о сущности модели развития Советской России и политическом режиме в стране оставлен открытым. В учебнике отмечается, что в 1950–1960-е гг. большинство политологов Запада рассматривали создание административно-командной системы как этап становления тоталитарного политического режима в Советском Союзе. В то же время они признавали, что сам термин «тоталитаризм», изобретенный Б. Муссолини, не очень подходит для описания процессов, происходивших в советском обществе в других социально-экономических условиях. Некоторые западные ученые рассматривали перемены в политической и экономической жизни СССР 1920–1930-х гг. под углом зрения исторических традиций России, попыток модернизаций, осуществлявшихся сверху самыми жесткими методами (при Иване Грозном, Петре I).

Подобный интегрированный подход характерен и для учебника издательства «Академия», традиционно выпускающего учебную литературу для вузов⁴². Для данного учебника характерно использование необходимого минимума специальной терминологии и определений в русле цивилизационного подхода, теории модернизации и концепции тоталитаризма. Авторы рассматривают проблемы «догоняющей модернизации», обсуждают степень готовности российского общества к экономической модернизации по западным образцам, задаются вопросом: «военный коммунизм»: чрезвычайная мера или форсированная модернизация?». Внутрипартийная борьба 1920–1930-х гг. описывается в свете «дискуссии о путях социалистической модернизации общества». В учебнике делается попытка определить соотношение традиционализма в социальной жизни и модернизма в экономике. Экономическое развитие России характеризуется в привычных терминах «экстенсивное развитие», «рентабельность производства». Уделяется внимание роли сырьевых ресурсов в советской экономике, её зависимости от западных высоких технологий в послевоенный период. Экономическая стратегия советского руководства характеризуется как «административное решение кризисных проблем».

Новая линия учебников по истории России, ориентированных на стандарт «второго поколения», разрабатывается издательством «Вентана-Граф». Учебник для XI класса охватывает период второй половины XIX – начала XXI вв. Авторы также исходят из модернизационного понимания развития России. При этом они отмечают, что необходимость модернизации стала очевидной еще после поражения в Крымской войне, была быстро осознана властью и изначально заключалась в «создании современной промышленности и путей сообщения, обновления в системе образования, некоторой либерализации общественной жизни». «Ускорителем», «двигателем» индустриализации рубежа XIX–XX вв. авторы считают железнодорожное строительство. При этом внутренние ресурсы являлись лишь одним из источников осуществления модернизации⁴³.

Характеризуя «сталинскую модернизацию», авторы подразумевают ее дискуссионный характер. Поэтому в основном тексте учебника, посвященного данному периоду, содержится лишь фактографичный материал без сложных теоретических построений. Учащимся предлагается самостоятельно сделать вывод о ее характере на основании мнений историков. Так в учебнике приводятся точки зрения В. П. Данилова, допускающего различные варианты решения проблем модернизации, А. С. Сенявского, считающего, что ««нэповская» альтернатива сталинской модернизации» была лишь в теории. «Если абстрагироваться от международного контекста, дефицита исторического времени, то возможно, существовал вариант сохранения нэпа, хотя это был вариант длительной стагнации... Если видеть всю историческую картину... то в таком контексте сохранение нэпа обрекало страну на крах»⁴⁴. Кроме того, приводится мнение В. С. Лельчука о том, что модернизация страны проходила при приоритете политических целей, зависела «лишь от упорства, настойчивости и жесткости правящей партии, ее умения мобилизовать массы». Лельчук делает вывод, что «стремительный процесс насильственного преобразования экономики, установления самодержавия и рождения новой модели развития общества под флагом социализма... Впервые на длительный срок приоритет идеологии над экономикой стал реальностью»⁴⁵. Собственное согласие с идеей мобилизационного развития авторы высказывают лишь, характеризуя послевоенный период, замечая, что к этому времени «ресурсы «мобилизационной экономики» были уже на исходе»⁴⁶.

Единственным школьным учебником, отсутствующим в перечне Минобрнауки, является обновленное учебное пособие И. И. Долуцкого. Этот учебник интересен тем, отечественная история рассматривается в нем в нескольких «системах координат». Во-первых, как история одной из уникальных цивилизаций. Во-вторых, с точки зрения общих закономерностей, присущих странам, переживающим позднюю модернизацию (второй эшелон капитализма). В-третьих, как специфический вариант победившего социализма. «Уникальные процессы и характерные черты» российской истории XX в. представлены в учебнике на фоне и в контексте общемировых тенденций⁴⁷.

По мнению И. И. Долуцкого, модернизация – многосторонний процесс, её нельзя сводить к становлению индустриального производства. Поскольку одновременно происходит множество связанных между собой изменений, и неизбежно возникают противоречия, диспропорции, они порождают социальную напряженность. Автор группирует исторические факты по следующим основным социально-экономическим направлениям модернизации: индустриализация, урбанизация, развитие транспорта и связи, распространение грамотности и совершенствование здравоохранения.

Вместо готовых ответов, как и в учебнике издательства «Вентана-Граф», старшеклассникам предлагается поразмышлять над вопросом, от чего страдала Россия: «от избытка модернизации, недостатка её или вообще от того, что шла путём обновления»⁴⁸? Сам автор считает, что в советский период естественный ход жизни традиционной цивилизации не был нарушен, задачи модернизации не были решены, она свелась к форсированной (быстрой, напряженной) индустриализации экономики⁴⁹.

Таким образом, мы можем констатировать «терминологический плюрализм» в учебной литературе по истории России XX века. Авторы учебников по-разному и в разном соотношении используют понятия «модернизация», «тоталитаризм», «мобилизационное развитие», что свидетельствует и о различных концептуальных основах реализуемых в современной школе курсов Новейшей истории России. Большинство авторов пишут школьные учебники с позиций цивилизационного подхода и теории модернизации. Но сам термин «модернизация» одни (особенно авторы учебников по интегрированным курсам и отечественной и зарубежной истории), используют для характеристики всего комплекса общественных изменений – в экономике, политике, социальной и духовной сферах (И. И. Долуцкий, Н. В. Загладин, А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов, А. В. Чудинов и А. В. Гладышев). Некоторые же

считают возможным говорить о модернизации лишь материальных основ общества (С. И. Козленко и др., А. В. Филиппов и др.). Одни авторы называют модернизационными процессы перехода к более высокому типу производства вообще (Н. В. Загладин, О. В. Волобуев и С. В. Кулешов, А. В. Филиппов и др.). Другие же считают модернизацией лишь процесс становления индустриального общества, пришедшего на смену аграрному (И. И. Долуцкий, В. С. Измозик и С. Н. Рудник).

Часть историков и обществоведов, по-прежнему, утверждает, что в 1930-е гг. в СССР завершилось формирование тоталитарного политического режима, имеющего общие черты с другими европейскими странами этого времени (Л. А. Каца, В. О. Мушинский). Другие ученые концепцию тоталитаризма не используют и даже категорически отвергают. Они полагают, что в России XX века реализовалась мобилизационная модель развития, направленная на объединение усилий государства и общества в борьбе за существование в современном мире (С. И. Козленко, А. А. Данилов, А. В. Филиппов и др.). Впрочем, преобладает более взвешенная позиция. Эти авторы относятся к концепции тоталитаризма и мобилизационной модели «без фанатизма» (Н. В. Загладин, И. И. Долуцкий, А. Ф. Кисилев и В. П. Попов, В. С. Измозик и С. Н. Рудник, О. В. Волобуев и С. В. Кулешов, А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов).

* * *

Подводя итог, можно отметить, что в последние годы только начинается обновление терминологического аппарата учебников. Понятия «мобилизационная экономика», «модель мобилизационного развития» встречаются лишь в нескольких учебных пособиях.

Кроме того, во многих учебниках прослеживается явный примат «политической истории», явления социально-экономической жизни объясняются в контексте существования тоталитарного политического режима. В учебниках практически отсутствует рядовой человек как субъект и активный участник исторических событий. «Маленькие люди» воспринимаются лишь как объекты политических и экономических экспериментов.

В тех учебных пособиях, авторы которых пытаются реконструировать «мобилизационную модель экономического развития», ее формирование носит незавершенный характер. Причина кроется, на наш взгляд, в том, что отдельные главы учебников пишут разные авторы без соотнесения и согласования своих концептуальных позиций друг с другом. Поэтому зачастую не представляется возможным оценить целостность мобилизационной модели развития, проследить ее зарождение, трансформацию, кризис, возможности для восстановления.

Примечания

1 Первые конфликты вокруг учебников по истории в современной России начались в конце 1990-х гг. См. подробнее: Свешников А. Борьба вокруг школьных учебников истории в постсоветской России : основные тенденции и результаты // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36). URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/sv10.html>. Последний сильный общественно-политический резонанс применительно к интерпретациям прошлого вызвало появление школьного учебника «История России, 1945–2008 гг. 11 кл.» / под ред. А. А. Данилова (М. : Просвещение, 2008). Попытка авторов сместить акцент с характеристики политического режима СССР при И. В. Сталине на его экономическое содержание вызвала волну негодований. Наиболее радикальные критики назвали данное пособие новым «Кратким курсом». См. подробнее: Приложение к журналу «Казань» – «Большой город». 2007. 12 сентября; Кип Дж. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Дж. Кип, А. Литвин. М., 2009. С. 9–11.

2 Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 379. Министерством рекомендованы 19 учебников, в которых рассматривается отечественная история XX века. В основном, это учебники по истории России: для IX класса основной школы – 5 учебников, для XI класса средней (полной) школы на базовом уровне – 5 учебников, на профильном уровне – 2 учебника. Главы по истории России представлены также в 4 учебниках для интегрированного курса всеобщей истории в XI классе. Кроме того, допущены к использованию по 1 учебнику для IX класса основной школы, для XI класса средней (полной) школы (базовый и профильный уровни). Нами проанализированы учебники, в которых рассматривается история России, используемые в общеобразовательных учреждениях Челябинской области.

3 Соколов А. К. Курс советской истории, 1917–1940 : учеб. пособие для студентов вузов. М., 1999; Соколов А. К. Курс советской истории, 1941–1999 / А. К. Соколов, В. С. Тяжельникова. М., 1999; История Отечества. Курс лекций / под ред. И. В. Сибирякова. Челябинск, 2001; Валиуллин К. Б. История России. XX век. Ч. 2 : учеб. пособие / К. Б. Валиуллин, Р. К. Зарипова. Уфа, 2002; Социально-экономическая история России (XII в. – 1991 г.) : курс лекций. Магнитогорск, 2003; История России с древнейших времен до конца XX века : учеб. пособие для студентов вузов / М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов. 5-е изд. М., 2004; Кузнецов И. Н. Отечественная история : учебник. М., 2004; Скворцова Е. М. История отечества / Е. М. Скворцова, А. Н. Маркова. М., 2004; Новейшая Отечественная история XX в. / Э. М. Щагин, В. Г. Тюкавкин, В. Е. Воронин и др. Кн. 1, 2. М., 2004; Дворниченко А. Ю. История России (IX – начало XXI вв.) 3-е изд. / А. Ю. Дворниченко, В. С. Измозик. М., 2005; История России для технических вузов : учеб. пособие / под ред. Б. В. Личмана. 2-е изд. Ростов н/Д, 2005; История России : учеб. пособие / под ред. В. А. Бердинских. Киров, 2005; История России : IX–XXI вв. От Рюрика до Путина : учеб. пособие / отв. ред. Я. А. Перехов. 3-е изд. М., Ростов н/Д, 2005; Отечественная история : учебник РАГС при Президенте РФ / под ред. Р. Г. Пихои. М., 2005; Дворниченко А. Ю. История России : учеб-

- ник / А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Тот, М. В. Ходяков. М., 2006; Мунчаев Ш. М. История советского государства. 4-е изд. / Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов. М., 2006; Деревянко А. П. История России : учеб. пособие. 2-е изд. / А. П. Деревянко, Н. А. Шабельникова. М., 2007; Новейшая история России. 1914–2005 / под ред. М. В. Ходякова. 2-е изд. М., 2007; Кириллов В. В. История России. М., 2008; Отечественная история : учебник для студентов вузов неисторических специальностей / Л. И. Семеникова. 9-е изд. М., 2008; История России : учебник / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. М., 2009; История России с древнейших времен до наших дней / под ред. А. Н. Сахарова : в 2 т. Т. 2. М., 2009.
- 4 См., например: Валиуллин К. Б. История России...; История России : IX–XXI вв. : от Рюрика до Путина; Кириллов В. В. История России...; Дворниченко А. Ю. История России... и др.
- 5 История России с древнейших времен до конца XX века / М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов. С. 428–429.
- 6 Там же. С. 423.
- 7 Там же. С. 433–436.
- 8 Там же. С. 454.
- 9 Там же. С. 507.
- 10 Деревянко А. П. История России... С. 314–315. Дословно такой же точки зрения придерживаются авторы учебника «История России» А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. С. 363.
- 11 Деревянко А. П. История России... С. 319.
- 12 Там же. С. 303. Данное суждение дословно перенесено авторами из учебного пособия М. М. Горинова, А. А. Горского, А. А. Данилова. С. 431.
- 13 Деревянко А. П. История России... С. 363.
- 14 Там же. С. 365.
- 15 Новейшая история России. 1914–2002 : учеб. пособие / под ред. М. В. Ходякова. М., 2004. С. 7.
- 16 Там же. С. 25–30.
- 17 Там же. С. 27, 128.
- 18 Там же. С. 221–227.
- 19 Там же. С. 327.
- 20 Соколов А. К. Курс советской истории, 1917–1940. С. 7.
- 21 Там же. С. 26.
- 22 Там же. С. 104.
- 23 Соколов А. К. Курс советской истории, 1941–1999 / А. К. Соколов, В. С. Тяжельникова. С. 11, 42–44.
- 24 Там же. С. 106–107.
- 25 Там же. С. 108.
- 26 Там же. С. 164.
- 27 Там же. С. 173.
- 28 Мунчаев Ш. М. История советского государства / Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов. С. 320.
- 29 Там же. С. 321.
- 30 История России для технических вузов : учеб. пособие / под ред. Б. В. Личмана. С. 410.
- 31 Там же. С. 419–420.
- 32 Имеется в виду учебное пособие М. М. Горинова, А. А. Горского, А. А. Данилова.
- 33 Шестаков В. А. История Отечества. XX – начало XXI века : учебник для 9 кл. общеобразоват. учреждений. 5-е изд. / В. А. Шестаков, М. М. Горинов, Е. Е. Вяземский. М., 2007. С. 165–166.
- 34 Шадрин А. Ю. Государственный интерес в политике и судьба страны во второй половине XX века // Преподавание истории в школе. 2008. № 9. С. 29–40.
- 35 Там же.
- 36 История России, 1945–2008 гг. 11 кл. : учебник для учащихся общеобразоват. учреждений / под ред. А. А. Данилова. М., 2008. С. 93.
- 37 Киселев А. Ф. История России (базовый уровень) : учебник для 11 класса / А. Ф. Киселев, В. П. Попов. М., 2008. С. 9.
- 38 Загладин Н. В. История России / Н. В. Загладин, С. Т. Минаков, С. И. Козленко и др. М., 2008. С. 9, 20.
- 39 Сухов В. В. История России / В. В. Сухов, А. Ю. Морозов, Э. Н. Абдулаев / под общ. ред. И. Н. Данилевского. М., 2008. С. 4.
- 40 Волобуев О. В. История России / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов / под общ. ред. И. Н. Данилевского. С. 5.
- 41 Загладин Н. В. История России и мира. 11 кл. / Н. В. Загладин, Н. А. Симония. М., 2008. С. 475.
- 42 Чудинов А. В. История (базовый уровень) : учебник для 11 кл. / А. В. Чудинов, А. В. Гладышев, Ю. Г. Степанов и др. / под ред. А. В. Чудинова, А. В. Гладышева. М., 2008.
- 43 Измозик В. С. История России: 11 кл. : учебник для учащихся общеобразоват. учреждений / В. С. Измозик, С. Н. Рудник / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. М., 2008. С. 3, 7, 24–25, 27, 65–68.
- 44 Там же. С. 160.
- 45 Там же. С. 172–173.
- 46 Там же. С. 244.
- 47 Долуцкий И. И. Отечественная история. XX в. : учебник для 10–11 кл. Ч. 1. М., 2001. С. 3.
- 48 Там же. С. 22.
- 49 Там же. С. 281.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамовский Александр Андреевич – д.и.н., проф. (ЧИ УрАГС, Челябинск)
 Абрамовский Андрей Петрович – д.и.н., проф. (ЧелГУ, Челябинск)
 Алеврас Наталья Николаевна – д.и.н., проф. (ЧелГУ, Челябинск)
 Анохина Зинаида Николаевна – к.и.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
 Арнаутов Никита Борисович – м.н.с. (ИИ СО РАН, Новосибирск)
 Баканов Сергей Алексеевич – к.и.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
 Бархатов Виктор Иванович – д.э.н., проф. (ЧелГУ, Челябинск)
 Бархатов Игорь Викторович – к.э.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
 Берсенев Владимир Леонидович – д.и.н., ст.н.с. (ИЭ УрО РАН, Екатеринбург)
 Беспалов Сергей Валериевич – к.и.н., с.н.с. (ИНИОН РАН, Москва)
 Бокарев Юрий Павлович – д.и.н., проф. (ИРИ РАН, Москва)
 Бородкин Леонид Иосифович – д.и.н., проф. (МГУ, Москва)
 Братченко Татьяна Михайловна – к.и.н., проф. (МГОУ, Москва)
 Буданов Андрей Вячеславович – к.и.н., доц. (ЧИ УрАГС, Челябинск)
 Булатов Владимир Викторович – к.э.н., с.н.с. (ВолГУ, Волгоград)
 Буряк Елена Михайловна – к.и.н., ст. преп. (МаГУ, Магнитогорск)
 Воробьева Анна Юрьевна – асп. (ЧелГУ, Челябинск)
 Гаврилов Дмитрий Васильевич – д.и.н., проф. (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург)
 Гоманенко Олеся Александровна – к.и.н., ст. преп. (ВолГУ, Волгоград)
 Гончаров Георгий Александрович – д.и.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
 Горшков Александр Владимирович, д.э.н., проф. (ЧелГУ, Челябинск)
 Гришина Наталья Владимировна – к.и.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
 Даванков Алексей Юрьевич – д.э.н., проф. (ЧелГУ, Челябинск)
 Диденко Дмитрий Валерьевич – к.и.н., н.с. (ИС РАН, Москва)
 Долголюк Алексей Алексеевич – к.и.н., с.н.с. (ИИ СО РАН, Новосибирск)
 Дорожкин Андрей Геннадьевич – д.и.н., доц. (МаГУ, Магнитогорск)
 Жарков Олег Юрьевич – рук. гр. (ФГУП «ПО Маяк», Озерск)
 Зайцева Екатерина Васильевна – к.с.н., доц. (УГТУ–УПИ, Екатеринбург)
 Запайков Владимир Васильевич – д.и.н., проф. (УГТУ–УПИ, Екатеринбург)
 Зубков Константин Иванович – к.и.н., в.н.с. (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург)
 Ивлев Никита Николаевич – асп. (ЧГАУ, Челябинск)
 Исаев Виктор Иванович – д.и.н., проф., г.н.с. (ИИ СО РАН, Новосибирск)
 Карпов Виктор Петрович – д.и.н., доц. (ТюмГНГУ, Тюмень)
 Кириллов Виктор Михайлович – д.и.н., проф. (СГИ НТГСПА, Нижний Тагил)
 Кондратьев Николай Иванович – к.э.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
 Коньшева Евгения Владимировна – к.иск. доц. (ЧГПУ, Челябинск)
 Кострикина Лариса Петровна – асп. (МаГУ, Магнитогорск)
 Кочнева Ксения Александровна – к.и.н. (МГУ, Москва)
 Кравцова Елена Сергеевна – к.и.н., доц. (КурГМУ, Курск)
 Кузнецов Вячеслав Михайлович – к.и.н., доц. (ЧИППКРО, Челябинск)
 Кюнг Павел Алексеевич – к.и.н. (РГТУ, Москва)
 Латов Юрий Валерьевич – к.э.н., доц. (АУ МВД, Москва)
 Лончинская Лариса Яновна – к.и.н., доц. (ЧГАУ, Челябинск)
 Макарова Евгения Павловна – асп. (ЧелГУ, Челябинск)
 Макарова Людмила Ивановна – к.э.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
 Макарова Надежда Николаевна – асп. (МаГУ, Магнитогорск)
 Матвеева Наталья Владимировна – асп. (НТСПА, Нижний Тагил)
 Меерович Марк Григорьевич – д.и.н., проф. (ИрГТУ, Иркутск)
 Мотревич Владимир Павлович – д.и.н., проф. (УрГЮА, Екатеринбург)
 Мухин Михаил Юрьевич – д.и.н., н.с. (ИРИ РАН, Москва)
 Нарский Игорь Владимирович – д.и.н., проф. (ЮУрГУ, Челябинск)
 Никитин Леонид Витальевич – к.и.н., доц. (ЧГПУ, Челябинск)
 Новоселов Владимир Николаевич – д.и.н., проф. (ЧИ УрАГС, Челябинск)
 Оруджиева Аделъ Григорьевна – к.э.н., доц. (УрАГС, Екатеринбург)
 Панга Елена Владимировна – к.и.н., ст. преп. (ИИМО СГУ, Саратов)
 Парамонов Вячеслав Николаевич – д.и.н., проф., (СГУ, Самара)
 Пасс Андрей Аркадьевич – д.и.н., проф. (ЧелГУ, Челябинск)
 Плеханова Анна Викторовна – асс. (ЧелГУ, Челябинск)
 Побережников Игорь Васильевич – к.и.н., зав. сектором (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург)
 Потемкина Марина Николаевна – д.и.н., проф. (МаГУ, Магнитогорск)
 Роднов Михаил Игоревич – д.и.н., г.н.с. (ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа)
 Романов Андрей Петрович – к.и.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
 Рудомётова Ирина Владимировна – преп. (ЮУрГУ, Челябинск)
 Рынков Вадим Маркович – к.и.н., н.с. (ИИ СО РАН, Новосибирск)
 Седов Валентин Владимирович – д.э.н., проф. (ЧелГУ, Челябинск)

Сенявский Александр Спартакович – д.и.н., проф. (ИРИ РАН, Москва)
Страхов Василий Вячеславович – к.и.н., доц. (РГУ, Рязань)
Сулейманова Рима Нугамановна – к.и.н., ст.н.с. (ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа)
Суржикова Наталья Викторовна – к.и.н., с.н.с. (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург)
Тимошенко Альбина Ивановна – к.и.н., н.с. (ИИ СО РАН, Новосибирск)
Тимошенко Владимир Петрович – д.и.н., проф. (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург)
Толстиков Виталий Семенович – д.и.н. проф. (ЧГАКИ, Челябинск)
Трофимов Андрей Владимирович – д.и.н., проф., (УрГЭУ, Екатеринбург)
Федоров Алексей Николаевич – асп., м.н.с. (ИРИ РАН, Москва)
Фельдман Михаил Аркадьевич – д.и.н., проф. (УрАГС, Екатеринбург)
Фокин Александр Александрович – к.и.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
Хазиев Рустэм Асхатович – д.и.н., проф. (БашГУ, Уфа)
Хазиева Марина Анатольевна – к.и.н., ст. пр. (БашИФК, Уфа)
Цепкалова Анна Александровна – асп. (МГУ, Москва)
Чернова Нина Викторовна – к.и.н, доц. (МаГУ, Магнитогорск)
Чуриков Артем Владимирович – асп. (МаГУ, Магнитогорск)
Шапошников Геннадий Николаевич – д.и.н., доц. (УрГМА, Екатеринбург)
Шрейбер Виктор Константинович – к.филос.н., доц. (ЧелГУ, Челябинск)
Щёткин Сергей Владимирович – к.и.н., преп. (ЧЮИ МВД РФ, Челябинск)

Научное издание

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ:
исторический опыт России XX века:
сборник материалов всероссийской научной конференции.
Челябинск, 28–29 ноября 2009 г.

Подписано в печать 05.11.09. Формат 60х84 1/8
Усл.-печ. л. 66,5. Уч.-изд. л. 55,7.
Тираж 500 экз. Заказ 1187

Центр интеллектуальных услуг «Энциклопедия».
454084, Челябинск, Проспект Победы, 160.

Отпечатано в типографии
«Два комсомольца» с готового макета.
Челябинск, 454084, Комсомольский пр., 2.